

М.В. Шкаровский

Русская
Православная
Церковь

В ХХ веке

М.В. Шкаровский

Русская
Православная Церковь

В **XIX** веке

Москва
2010

УДК 281.9
ББК 86.372-3
Ш66

По благословию
председателя Отдела внешних церковных связей
Архиепископа Волоколамского Илариона

Шкаровский, М.В.

Ш66 Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. — М.: Вече, Лепта, 2010. — 480 с. : ил.

ISBN 978-5-9533-2963-7 («Вече»)

ISBN 978-5-91173-165-6 («Лепта»)

XX век оказался одним из самых сложных, драматичных и трагичных периодов существования России. История Русской Православной Церкви в советскую эпоху была, прежде всего, историей беспрецедентных со времен преследований христиан в первые века нашей эры гонений за веру. В то страшное время было закрыто подавляющее большинство храмов, упразднены все монастыри, разрушена система духовного образования, уничтожены миллионы книг религиозного содержания, разграблено, сожжено или распродано за границу множество ценных икон, уникальной церковной утвари, и таким образом нанесен огромный, фактически невозполнимый урон Русской Церкви. Только сталинские репрессии 1930-х годов унесли жизни сотен тысяч православных священнослужителей и мирян. В этих условиях особенное значение имело мужественное стояние за Веру Христову целого сонма новомучеников и исповедников. И нынешнее возрождение России происходит в значительной степени благодаря крови, пролитой новомучениками.

Книга петербургского историка церкви М.В. Шкаровского посвящена изучению и осмыслению трагического опыта Русской Православной Церкви в XX веке.

УДК 281.9
ББК 86.372-3

ISBN 978-5-9533-2963-7 («Вече»)
ISBN 978-5-91173-165-6 («Лепта»)

© Шкаровский М.В., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010
© ООО «Издательство «Лепта Книга», 2010

Предисловие

Основной целью для предлагаемой читателю книги было изучение истории Русской Православной Церкви и процесса развития государственно-церковных отношений в России и СССР в XX веке, при этом главное внимание уделялось советскому периоду, который охватывает большую часть века (1917—1991 гг.). В книге освещаются важнейшие страницы истории Русской Церкви, так как Православие было и остается самой крупной и влиятельной конфессией в СССР и России. Естественно, что Русская Церковь находилась в центре внимания соответствующих властных структур и отношения с ней определяли государственную религиозную политику в целом. Основой книги стала выдержавшая три издания (в 1999, 2000 и 2005 гг.) монография «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 гг.)», которая была существенно переработана и расширена, прежде всего, за счет периодов 1900—1938 и 1965—2000 гг.

XX век оказался одним из самых сложных, драматичных и трагичных периодов существования России. История Русской Православной Церкви в «советскую эпоху» была прежде всего историей беспрецедентных со времен преследований христиан в первые века нашей эры гонений за веру. Накал антицерковной борьбы властей то утихал, то вспыхивал с новой силой. Только сталинские репрессии 1930-х гг. унесли жизни сотен тысяч православных священнослужителей и мирян. В то страшное время было закрыто подавляющее большинство храмов, упразднены все монастыри, разрушена система духовного образования, уничтожены миллионы книг религиозного содержания, разграблено, сожжено или распродано за границу множество ценных икон, уникальная церковная утварь, и таким образом нанесен огромный, фактически невосполнимый урон Русской Церкви. В этих условиях особенное значение имело мужественное стояние за Веру Христову целого сонма новомучеников и исповедников. Этот трагический опыт имеет глубокий духовный смысл, который требует изучения и осмысления. Ведь нынешнее возрождение России происходит в значительной степени благодаря крови, пролитой новомучениками.

Выбор хронологических рамок работы объясняется необходимостью осветить лишь недавно завершившийся, но чрезвычайно важный и во многом ключевой период многовековой истории Русской Церкви. При исследовании церковно-государственных отношений рассмотрены определяющие факторы, этапы религиозной политики российского и советского правительств, ее последствия для страны и Русской Церкви, обратное влияние. На основе обширной новой источниковой базы автор попытался восполнить существующие значительные пробелы в знаниях по избранным проблемам, по-новому взглянуть на уже разработанные аспекты темы, подтвердить или опровергнуть существующие концепции, а также сделать свои собственные выводы. Материалы книги могут быть использованы и при изучении современного состояния Русской Православной Церкви, и перспектив ее воздействия на общественную ситуацию в стране. Следует отметить, что поскольку в начале XX века официально существовало наименование Российская Православная Церковь, именно оно используется автором в соответствующем параграфе; большую же часть советского периода применялось современное название — Русская Православная Церковь, поэтому оно фигурирует в других (послереволюционных) разделах книги.

Проблема государственно-церковных отношений в целом нуждается в комплексном изучении представителями различных гуманитарных дисциплин, как в теоретических,

так и в конкретно-исторических аспектах, относительно отдельных периодов и всей истории России и СССР. Но необходимость сделать один из первых шагов на этом пути, попытаться наметить методологические подходы к проблеме, показать, как развивались эти отношения в XX веке, — определила выбор темы настоящего исследования.

Существенным специальным вопросом исследования является выявление определяющих факторов государственной религиозной политики. Некоторые из них уже изучались ранее — идеологический, внешнеполитический и др., но в основном частично. Важно проследить взаимное влияние международных акций и внутривнутриполитического положения Русской Православной Церкви. Ряд факторов указывается и изучается впервые, например, экономический. Так, в конце 1950-х гг. Н.С. Хрущев активно искал источники пополнения государственного бюджета — за счет вооруженных сил, колхозов и т.п. Одним из таких источников было ограбление Церкви. Новая волна наступления на религиозные организации в 1958 г., по существу, началась с многократного увеличения налогов, изъятия части их имущества.

В существующей историографии недостаточно разработана такая важная проблема, как периодизация государственной религиозной политики в СССР. И для зарубежных, и для современных российских историков в основном характерно выделение неоправданно продолжительных по времени ее этапов. Так, например, прот. Иоанн Мейендорф и В. Мазар писали о 1917—1943 гг. как эпохе преследования верующих¹. Г. Штриккер в своей монографии изучал три этапа: 1917—1941, 1941—1953, 1953—1988 гг.² Российский исследователь М.И. Одинцов выделял лишь два периода: 1917 — начало 1940-х гг. и 1943—1985 гг.³ Наиболее плодотворные историки 1990-х гг. — В.А. Алексеев и Д.В. Поспеловский этот вопрос вообще специально не рассматривали. Некоторые современные отечественные исследователи все-таки разрабатывали более дробную периодизацию, но доводили ее только до конца Великой Отечественной войны. В частности, монография М.Ю. Крапивина делится на три части: 1. Церковь и большевистская революция (1917—1920 гг.); 2. Религиозный НЭП (1921—1927 гг.); 3. Воинствующее безбожие и большевистский антирелигиозный террор (1928—1941 гг.)⁴. Петербургский историк А.Н. Кашеваров подробно изучает следующие, выделенные им в качестве ключевых, этапы: 1917—1920, 1929—1932, 1941—1945 гг.⁵ С подобной периодизацией можно согласиться далеко не во всем. Так, английский ученый У. Флетчер (один из очень немногих) справедливо писал о том, что уже в 1939 г. начался отказ от резко антицерковной политики предшествовавшего десятилетия⁶. По-своему решается эта проблема в исторических трудах священнослужителей Московского Патриархата. Порой гранью, отделяющей окончание одного этапа и начало другого, служит смерть Патриарха, проведение Поместного Собора и другие, не имеющие первостепенной важности обстоятельства.⁷

Автор предложил свою периодизацию, хотя и она отчасти условна: Необходимо отметить, что курс правительства в определенной степени менялся и внутри выделенных временных промежутков. В целом советскую государственную политику по отношению к религиозным организациям можно разделить на десять основных этапов: 1917—1920, 1921—1928, 1929—1938, 1939—1943, 1943—1948, 1948—1953, 1953—1958, 1958—1964, 1965—1988, 1988—1991 гг. К ним логично примыкают дореволюционный период начала XX века и современный российский период. Выделенные этапы во многом совпадают с переломными этапами в истории государства и общества. И такое совпадение не случайно, поскольку церковная политика всякий раз по-своему отражает внутреннюю политику властных структур в целом; со своей стороны, и Церковь никогда не отделяла себя от интересов общества.

До сих пор в историографии отсутствует достаточно разработанная аргументация смены курса религиозной политики. В книге подробно исследована эта проблема. Так,

например, в 1948 г. повлияло резкое падение заинтересованности властей в международных акциях Русской Церкви, крах средиземноморских планов И. Сталина (Греция, Турция, Израиль) и, соответственно, утрата острого интереса к Восточным Патриархам; в основном завершилось и выполнение Московской Патриархией своей «миссии» в странах народной демократии; неудачей закончились планы создания «Православного Ватикана», что ярко проявилось в ходе совещания глав автокефальных Церквей 1948 г. и т.п. Кроме того, существовал комплекс внутривластных причин: переключение внимания И. Сталина к новому витку внутривластной борьбы, чисток и репрессий, вынужденные уступки части партийного аппарата, не понимающей и не приемлющей послаблений Церкви, некоторые кадровые перестановки и т.д. Вообще «благополучие» Московского Патриархата в первое послевоенное восьмилетие в существующих исторических трудах явно преувеличивается. В этот период преобладал сугубо прагматический подход. Как только острая заинтересованность пропала, с осени 1948 г. и до смерти И. Сталина правительство не разрешило открыть ни одного храма, участились аресты священнослужителей. Соответственно был охарактеризован каждый переход к новому этапу и основные их особенности.

С середины 1940-х гг. религиозная политика в СССР осуществлялась в контексте общего послевоенного развития страны. На нее самым непосредственным, зачастую определяющим образом влияли имперские амбиции «сталинского» периода, атмосфера холодной войны, борьба за лидерство в КПСС 1950-х гг., коммунистические прожекты «великого десятилетия». Московская Патриархия расценивалась руководством СССР прежде всего как инструмент государственной внешней политики — в разные периоды более или менее важный. До 1948 г. Советский Союз не располагал ядерным оружием, и сталинское окружение для реализации своих далеко идущих планов вынуждено было использовать другие средства, в том числе небезуспешно и церковные каналы.

После 1948 г. пришло время другой политики, связанной с ядерным противостоянием. Московской Патриархии в ней также отводилась определенная, но гораздо более скромная роль — главным образом участие в просоветском «движении за мир», призванном компенсировать отставание СССР по военному и экономическому потенциалу от стран Запада. Кроме того, в первые послевоенные годы в строго ограниченных рамках поощрялась и деятельность Русской Церкви внутри страны. Это объяснялось логическим продолжением движения от интернационализма и других марксистско-ленинских постулатов к строительству «национальной империи», намечавшегося еще в 1930-е гг., с возобновлением преподавания «гражданской истории» и через роспуск Коминтерна и победу в войне, приведшего к кампании борьбы с космополитизмом в конце 1940-х гг.

Следует отметить противоречивость процесса «огосударствления» Церкви. «Взаимовыгодные контакты» части государственного аппарата с Патриархией достигли максимальной степени в 1943—1948 гг., тогда же Русская Церковь играла заметную роль в планах правительства, ей уделялось наибольшее внимание высшего руководства страны, выдавались крупные суммы валюты и т.п. С другой стороны, максимальный контроль и использование более значительной части деятельности Церкви в государственных целях, несмотря на юнения, осуществлялись в 1958—1964 гг. С конца 1950-х гг. постепенно начала проводиться и широкомасштабная кадровая политика контролирующих органов в Московском Патриархате, осуществляться отбор и селекция лояльных кадров священнослужителей. Складывается целый слой духовенства, заинтересованного во внешней, а с 1965 г. и во внутренней политике государства (помощь в борьбе с сектантами, униатами и др.).

Значительным своеобразием отличалась религиозная политика руководства СССР в конце 1950-х — начале 1960-х гг. В этот период основными направлениями госу-

дарственного давления на жизнедеятельность Церкви были: 1) резкое сокращение количества приходов и монастырей; 2) подрыв материально-финансовой базы; 3) ликвидация духовных учебных заведений; 4) изменение положения об управлении Церковью, жесткий контроль над кадровой политикой Патриархии; 5) давление на различные категории верующих, вплоть до полного запрещения некоторым из них (подростки, военнослужащие и т.д.) посещать храмы. В СССР уже имелся опыт массовых антирелигиозных кампаний 1920—1930-х гг. Он был учтен при переходе в очередное открытое наступление на религию, но уже на новой идеологической основе и в новых политических условиях. Сходство прежней и нынешней политики заключалось в стремлении ликвидировать Церковь как сколько-нибудь значимый общественный институт, вытеснить из общественной жизни страны.

В то же время в 1930-е гг. официально никогда не ставилась цель полностью уничтожить ее, искоренить религию в стране, как это было в начале 1960-х гг. Хотя в период «большого террора» отношение к Церкви определялось на базе видения ее в качестве «классового врага» и даже «шпионской, фашистской агентуры», в борьбе с ней руководствовались прежде всего практическими целями укрепления существующего тоталитарного режима, уничтожения потенциально опасной оппозиции. Ко времени оттепели образ Церкви как классового врага был в основном уже давно преодолен, но его заменило видение религиозных организаций как реакционного, «идеологически чуждого» социализму и коммунизму явления. Теперь преследовались в первую очередь идеологические цели, что повлияло и на методы борьбы.

Значительно больше внимания стало уделяться пропагандистской, атеистической работе, причем в ней гораздо ярче проявлялось стремление к научному подходу (создание специальных институтов, изданий). Кроме того, вводились элементы новой обрядности, к антирелигиозной агитации активно привлекали ренегатов — отрекшихся от сана священников, что почти отсутствовало в 1930-е гг., и т.п. Однако с самого начала было совершенно очевидно, что достичь отмирания религии без прямого государственного вмешательства в жизнедеятельность Церкви невозможно. По сравнению с 1930-ми гг. набор внешних, административно-репрессивных методов воздействия был гораздо более ограниченным. О массовых репрессиях духовенства уже быть не могло и речи. Конечно, от администрирования не отказались, но теперь появилась принципиально новая политика разложения Церкви «изнутри», проведение ограниченных мероприятий там, где это возможно, руками самой Патриархии. Впервые начала осуществляться целенаправленная массовая кадровая селекция духовенства, происходило вмешательство в богослужебную практику, попрание канонических принципов церковной жизни и т.д. Контроль за церковной деятельностью достиг максимальных размеров. Это обеспечивалось существованием специального государственного органа — Совета по делам Русской православной церкви (РПЦ), во многом управлявшего Патриархией, через который можно было действовать под маской законности. Органы госбезопасности, всемогущие в 1930-е гг., отошли «в тень», предпочитая добиваться своих целей опосредованно.

В то же время на антицерковную политику сильное влияние оказывало международное положение СССР. Советское государство возглавляло лагерь стран социализма, входило в ООН, и его руководство было вынуждено считаться с мировым общественным мнением. Поэтому большее значение придавалось идеологическому камуфляжу антирелигиозных акций. На различных уровнях официально неустанно заявлялось, что в СССР существует полная свобода вероисповедания. Завеса «хрущевской либерализации» позволяла долгое время держать в заблуждении мировую общественность. Но в конце концов к середине 1960-х гг. для многих «тайное стало становиться явным» и голословно отрицать гонения на веру уже было невозможно. Кроме

того, международная ситуация в 1950—1960-х гг. складывалась так, что государство не могло обойтись без Церкви в решении ряда существенных внешнеполитических вопросов. И это также приходилось учитывать при планировании антирелигиозных кампаний. Результат же подобных акций и в 1930-х и в 1960-х гг. был общий — в конечном итоге их провал.

Специальным вопросом исследования была позиция Московского Патриархата. Его руководство в начале 1940-х гг. вынужденно пошло на частичное исполнение отведенной ему государством роли, преследуя свои цели — возродить Русскую Церковь из руин и сохранить ее целостность (оно было заинтересовано в государственной поддержке борьбы с расколами и ради достижения единства было согласно на многое). Патриархии за послевоенное десятилетие удалось значительно усилить свои позиции в обществе, даже в определенной степени влиять на его духовное и нравственное развитие, собрать оставшиеся после репрессий 1930-х гг. силы, подготовить новые кадры священнослужителей. Все это позволило выстоять в период «хрущевских» гонений. В заключенном в 1943 г. компромиссном соглашении Московская Патриархия оказалась дальновиднее властей. Были ликвидированы и основные расколы в Русской Церкви. Эти успехи оказались связаны с победой консервативного начала, хотя определенная модернизация богословия во второй половине XX века в Московском Патриархате все же происходила. Ряд иерархов, преподавателей Духовных академий стремились сделать церковное учение ближе и понятнее человеку, утвердить идею социальной правды христианства. Прежде всего, это было связано с деятельностью в 1960—1970-е гг. митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова). Разрабатывалась богословская концепция религии как инструмента обновления общественных отношений во все времена. Следует отметить, что советские и многие зарубежные исследователи, недостаточно учитывая специфику Православной Церкви как конфессии (ее вероучительные догматы, канонический уклад и т.д.), в целом не смогли объективно осветить внутрицерковную жизнь, представить без искажений подлинно церковные оценки и отклики на общественно-политические события в стране.

Одной из догм советского общественного сознания долгое время было утверждение, что всякие религии во все времена реакционны и что Церковь может играть только сугубо отрицательную роль в жизни людей. «При этом распространялись иллюзии, что с уничтожением религиозных убеждений общество освободится от старого хлама — морали рабов» и быстро выработает некую новую, в корне отличную от прежней, «классовую мораль победителей старого мира»⁸. Цена подобных утверждений сейчас хорошо видна. Гораздо сложнее определить, как же трагедия Русской Православной Церкви отразилась на общественной жизни, духовной культуре, экономике страны, какой невосполнимый ущерб был нанесен России. Это стало одной из задач книги. Глубоких научных исследований по данной теме еще не было. Между тем к 1917 г. благотворная роль Церкви во многих сферах жизни народов России была очень значительной.

Прежде всего, последствия отпадения новой государственной власти от христианских начал, ее острого конфликта с православным духовенством проявились в политической сфере. Следует учесть традиционную стабилизирующую, консолидирующую нацию роль Церкви в обществе. Гонения на нее стали одной из важнейших причин обострения внутреннего положения в стране в 1918—1920, 1929—1931, начале 1960-х и другие годы. Характерным для Церкви было также выступление за преобразование мира ненасильственными средствами, свободу политической жизни верующих. По мере утверждения тоталитаризма в стране часть духовенства превратилась в очаг свободомыслия, оппозиции господствующему политическому режиму (почита-

ние новомучеников, молебны о репрессированных и т.д.). В конечном счете разгром и внутренний кризис Русской Церкви самым непосредственным образом сказался на ограничении свободы совести, утверждении тотального идеологического контроля, размывании нравственной основы борьбы и протеста в стране. Антирелигиозные гонения явились также подготовкой и репетицией массовых репрессий 1930-х гг., способствовали созданию соответствующей общественной атмосферы (появление категории «лишенцев», в т.ч. священнослужителей, преследования их родственников). Движение комсомольцев-безбожников служило фактически подготовкой способного на любые бесчеловечные акции молодого поколения и т.д.

И все же народные массы сберегали в своей основе истинное Православие (не приняв подрывавших основы верования лозунгов вождей обновленческого раскола), сдерживали натиск государственных попыток уничтожить Церковь. Все 70 лет советской власти сохранялась религиозность значительной части русского народа, несмотря на правительственные акции (прежде всего в 1930-е, 1960-е гг.), но в то же время происходило постепенное размывание православного церковного сознания верующих.

Всегда значительной была роль Церкви в сохранении русского национального самосознания, воспитании патриотизма. Особо следует отметить ее вклад в защиту Родины от иностранных вторжений в XX веке. Именно необходимость обращения в ходе Великой Отечественной войны к русским патриотическим традициям стала одной из важнейших причин, заставивших И. Сталина и его окружение изменить церковную политику и разрешить в сентябре 1943 г. выборы Патриарха. Последствия в этом плане антицерковных акций — уничтожение русских национальных святынь (чудотворных икон, мощей св. угодников и др.), искажение истории России, ликвидация института военных священников и т.д. — также оказались трагичными.

Трудно переоценить влияние Церкви на морально-нравственное сознание общества и последствия подрыва ее духовного авторитета. В СССР происходила подмена христианских (общечеловеческих) ценностей классовыми. Был разрушен деревенский микромир с его религиозной доминантой. Искоренялись и православные элементы традиционного образа жизни русского народа (церковные праздники, посты, крестные ходы). Особенно масштабными являлись соответствующие акции 1920-х гг. — публичное снятие икон в общественных местах, красные «крестины», свадьбы, новые имена, комсомольские «пасхи» и т.п. В это время исчезли понятия о семье, плотской чистоте и святости плодоношения. Последствия были печальны — рост проституции, венерических заболеваний и т.д. Некоторое распространение (у обновленцев) получили даже брачный епископат, многобрачие клириков, ликвидированные только к 1940-м гг. Разрушались традиции почитания усопших — ограничение отпеваний, уничтожение значительной части кладбищ, государственное разграбление могил.

Значительной к 1917 г. была роль духовного образования и религиозного воспитания детей в обществе (деятельность детских церковных союзов и т.п.), а также религиозной благотворительности, борьбы Церкви с преступностью, алкоголизмом, наркоманией (православные общества трезвости). Соответствующие виды деятельности Московского Патриархата были окончательно запрещены в начале 1960-х гг. Этим, в частности, ликвидировалась духовная ниша для изгоев общества.

Особо следует выделить роль Русской Православной Церкви в культуре народов России. Религия всегда служила источником великого в человеческом творчестве. Антицерковные акции не только стали причиной гибели значительной части культурных ценностей страны (уничтожение храмов, колоколов, угасание церковной музыки, живописи, народных ремесел), но и оказали негативное влияние на отношение к старому культурному наследию в целом. Способствовали они также и снижению

интеллектуального потенциала общества: уничтожение монастырей — культурных, духовных центров страны, вытеснение «лишенцев», в их числе значительных слоев интеллигенции из общественной жизни СССР, гонения на богословие, идеалистическую философию (высылка в 1922 г. из страны о. Сергия Булгакова, Н. Бердяева, убийство о. Павла Флоренского и т.д.). В этой связи необходимо отметить последствия запретов на издательскую деятельность Московской Патриархии, ввоз духовной литературы из-за рубежа, ликвидации церковных архивов, библиотек, уничтожения их книг, документов. Неслучайно в настоящее время одинаково остро стоят взаимопереплетающиеся проблемы возрождения Православной Церкви и национальной духовной культуры.

Негативно повлияла государственная религиозная политика и на экономику страны. Она привела не только к лишению финансовых прав Церкви, но и к кризису религиозного отношения к труду, потере уважения к частной собственности.

В монографии рассмотрены основные формы сопротивления православных верующих антирелигиозной политике Советского государства: иосифлянское движение, катакомбное движение и церковное диссидентство. Иосифлянское движение возникло в 1927 г. после «легализации» Временного Священного Синода при заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском). Оно получило свое название по имени руководителя — митрополита Иосифа (Петровых). В работе сформулирована концепция иосифлянского движения как попытки части духовенства и мирян найти самостоятельный, альтернативный к т.н. «сергианскому» и катакомбному (тайному), путь развития Русской Церкви в условиях утверждавшегося тоталитарного режима — легальной или полуполигальной оппозиции. Были определены тактика движения, его характер, примерный численный состав, хронологические рамки (1927 — середина 1940-х гг.), причины исчезновения.

После падения советской власти произошли значительные изменения в оценке иосифлянского движения со стороны Московской Патриархии. В течение нескольких последних лет, прежде всего на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г., были прославлены в лике святых несколько десятков иосифлян, в том числе такие известные, как епископ Виктор (Островидов), протоиереи Викторин Добронравов, Иоанн Стеблин-Каменский, профессор М.А. Новоселов, иеромонахи Серафим (Загоровский), Гавриил (Владимиров) и многие другие.

Изменилась и доминировавшая ранее оценка так называемых «непоминающих» (непоминавших за богослужением и митрополита Сергия и советские власти) как раскольников, отпавших от церковного единства⁹. В материалах Архиерейского Собора 2000 г. говорится, что «нельзя ставить в один ряд обновленческую схизму, приобретшую характер откровенного раскола в 1922 г., с одной стороны, и «правую оппозицию», то есть тех, кто по тем или иным причинам не согласился с церковной политикой митрополита Сергия — с другой»¹⁰. Основанием для такого решения являлось то, что в действиях «непоминающих» «нельзя обнаружить злонамеренных, исключительно личных мотивов. Их действия обусловлены были по-своему понимаемой заботой о благе Церкви». Прекратив молитвенно-каноническое общение с митрополитом Сергием и единомышленным с ним духовенством, представители «правой оппозиции» продолжали почитать и считать главой Московской Патриархии Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), и поэтому они могут считаться членами Церкви, а не раскольниками и их причисление к лику святых вполне возможно¹¹.

Все 70 с лишним лет советской власти в стране существовало катакомбное движение. Первые его общины возникли в 1918 г. вслед за выходом январского воззвания Патриарха Тихона, предававшего анафеме гонителей верующих. Автор впервые разработал периодизацию нелегальной церковной деятельности в СССР. Первый основ-

ной этап продолжался с 1918 по конец 1920-х гг. В подполье в это время находилась небольшая часть священнослужителей и мирян — почти исключительно «истинно-православные христиане» (ИПХ), а с 1928—1929 гг. и некоторые общины иосифлян. Второй этап приходится на 1930-е — середину 1940-х гг. В результате ожесточенных антирелигиозных гонений произошел резкий рост рядов катакомбного движения, на нелегальное положение перешло значительное количество священнослужителей, основная часть которых сохранила верность Московской Патриархии. В последние годы войны они снова вышли из подполья. Общее количество катакомбников многократно уменьшилось. Заключительный — четвертый этап — охватывает конец 1950-х — начало 1990-х гг. Хотя общин ИПХ становилось все меньше, ряды катакомбного движения вновь заметно выросли вследствие очередной кампании в борьбе с религией. В «катакомбах» произошли качественные изменения: оформилось около 10 основных течений как на базе «истинно-православных», так и главным образом на основе нового «пополнения». Феномен православных «катакомб» показал не только свою чрезвычайную устойчивость в разных условиях, но и наличие тенденции к самовоспроизводству и увеличению за счет обращаемых.

В конце 1950-х гг. в Русской Церкви возникла новая форма сопротивления — церковное диссидентство. Появление ее связано как с началом второй стадии «религиозного возрождения» — процесса обращения к вере некоторых групп советской интеллигенции, так и с кризисом доверия к руководству Московской Патриархии среди определенной части священнослужителей и мирян в период хрущевских гонений. Церковное диссидентство представляло собой принципиально иную, чем предшествующие, форму сопротивления. Для нее были характерны следующие отличительные признаки: открытый, хотя и незаконный, характер деятельности и даже афиширование ее; организационная неформальность (хотя внутри движения и существовали отдельные кружки, семинары и т.п.), что затрудняло проведение репрессивных акций государственными органами; публичные обращения к нецерковной общественности (иосифлян и катакомбников она практически не интересовала); апеллирование к существующим законам; постоянные обращения к международной общественности (и в ответ — ее активная поддержка); принадлежность значительной части участников движения к Московскому Патриархату (те, кто изначально относился к ее юрисдикции, как правило, из нее не выходили).

Автор предложил свою периодизацию деятельности церковных диссидентов, разделив ее на три основных этапа. Первый — начальный — приходится на 1958—1969 гг., когда постепенно набравшее силу движение в целом еще существовало в рамках Московского Патриархата. На втором этапе — в 1970—1979 гг. — оно вышло из них и пережило бурный подъем. 1980—1991 гг. характеризуются сначала сильным спадом под ударами КГБ, а затем новым ростом с 1986—1987 гг. Условной границей завершения третьего периода можно считать осень 1991 г. — время крушения советской власти. Все указанные формы религиозного сопротивления помогали Русской Православной Церкви выстоять даже в периоды самых жестоких гонений, оказывали непосредственное воздействие на государственную политику, являясь важной причиной изменения ее курса, тех или иных уступок советского руководства.

Необходимо остановиться и на некоторых вопросах терминологии. Специально следует оговорить неоднократно употребляемое выражение «религиозное возрождение». Это явление следует понимать как процесс, характеризующийся новым обращением к вере различных слоев советского, российского общества. Начался он в годы Великой Отечественной войны и прошел три стадии: возрождение Церкви в 1940-е гг., пробуждение интереса к религии в среде интеллигенции с конца 1950-х гг. и, наконец, массовый религиозный подъем, начавшийся в 1988 г. и про-

должающийся до настоящего времени. Данное явление было также тесно связано с отходом от официальной коммунистической идеологии. Протоиерей Александр Киселев справедливо писал в 1988 г.: «Процесс, который начался во время войны с Германией, есть медленная мучительная деидеологизация государства, общества, человека... Долгие годы процесс этот шел подспудно, с редкими выплесками в официальную жизнь. Но вот наступает время, когда совершавшееся в глубине выходит на поверхность»¹².

Несколько спорным представляется термин «религиозные диссиденты» применительно к участникам движения конца 1950-х — 1991 г. Они никоим образом не покушались на православные каноны и догматы, поэтому более правильным является выражение «церковные диссиденты». Но поскольку в современной научной литературе данные термины часто употребляются как синонимы¹³, в этом значении в отдельных случаях они используются и в книге. Очень запутанными являются вопросы терминологии и классификации в отношении различных толков и групп в катакомбном движении. Мало изучены и многие стороны мировоззрения катакомбников, особенно их эсхатологические (представления о конце света) и антихристологические (взгляды на антихриста) воззрения. В книге эти проблемы подробно рассматриваются. Так, например, объясняется появление и смысл понятий «Истинно-Православная Церковь» и «истинно-православные христиане», которые нередко ошибочно рассматриваются в качестве равнозначных.

Для монографии характерно в основном первичное исследование. Основными методами сбора данных были архивные изыскания, проведение опросов, анкетирование и запись воспоминаний. Работа содержит и элементы вторичного исследования с использованием материалов прессы, научной литературы, проведения обзора юридических и политических директив, документирующих эволюцию государственной религиозной политики.

Полученные в ходе первичного исследования данные подвергались качественным методам анализа. Собранные сведения оценивались с точки зрения их достоверности и весомости, архивные материалы сопоставлялись с другими источниками. Например, сопоставление соответствующих обзорных архивных документов с анкетами, воспоминаниями, биографическими материалами помогло выявить характер и значение церковного сопротивления, масштабы и формы репрессий. Сравнительный анализ содержания опубликованных официальных актов правительства и недавно рассекреченных документов по тем же вопросам с учетом установленных фактических действий властей по отношению к верующим позволил определить действительные намерения советского руководства в его церковной политике. Полученная в ходе вторичного исследования информация также изучалась аналитически.

Уделялось внимание и количественной стороне описываемых процессов. Собранные данные о реальной численности действовавших храмов, монастырей, учебных заведений Московского Патриархата за 1945—1964 гг. были сведены в специальную таблицу и проанализированы. Освещалась и финансово-бюджетная сторона деятельности Патриархии: сколько Церковь «зарабатывала сама» в различные периоды и как расходовались эти средства, какая часть затрат (на международные акции) покрывалась из государственного бюджета. Надо сказать, что цифры о количестве официально зарегистрированных приходов в 1940—1960-х гг. в советской историографии и информации для мировой общественности сознательно завышались более чем вдвое. В рассматриваемый период можно назвать лишь единственный уникальный случай, когда в книге Н.И. Юдина 1962 г. издания сообщались примерно соответствующие действительности сведения — 11,5 тыс. действовавших православных церквей и 14 тыс. представителей духовенства (вероятно, включая псаломщиков)¹⁴.

В работе также прослеживалась динамика религиозности основных слоев населения СССР. При этом использовались работы советских социологов, хотя к их выводам, как правило, очень тенденциозным, надо подходить критически. Перед войной, согласно материалам переписи 1937 г., верующие составляли более половины населения страны, что признавалось и отечественными исследователями. Практически все они подчеркивали и то, что в годы Великой Отечественной войны религиозность граждан СССР выросла. Однако это признание не спасло их от серьезного искажения реального положения дел. Так, социолог М.К. Тепляков, используя метод экстраполяции, «установил», что доля верующих среди взрослого населения равнялась в 1937 г. — 47%, в 1945 г. — 37%, в 1950 г. — 34%, в 1961 г. — 26%, в 1967 г. — 22,4%¹⁵.

В 1960—1980-х гг. в СССР неоднократно проводились социологические обследования с целью получения представления об объекте атеистического воспитания, однако их методика являлась достаточно уязвимой. В соответствующей литературе было принято делить верующих по степени их религиозности на фанатиков, убежденно-верующих, верующих по традиции и колеблющихся. Но это деление очень условно и относительно. На практике исследователям приходилось встречаться с самыми разными по характеру, психологическим особенностям, социально-политическим взглядам верующими. И далеко не каждому, проводящему опрос, удавалось вызвать на откровенный разговор религиозно ориентированных людей, а тем более изучить их за время короткой беседы. Кроме того, даже некоторые советские исследователи признавали, что сознание человека не находится в застывшем состоянии, а меняется. «В зависимости от тех или иных причин и условий верующий мог быть и фанатиком, и верующим по традиции и даже колеблющимся»¹⁶.

В целом в советской социологии утвердилась точка зрения, что общая численность верующих и колеблющихся не превышала в конце 1960-х гг. 25%, а в 1980-х гг. 10—15% взрослого населения¹⁷. Например, А.И. Барменков в 1986 г. утверждал, что «около 90% населения страны навсегда порвали с религией» и даже в республиках Средней Азии и в Казахстане «среди опрошенных уровень религиозности колеблется между 10 и 15%»¹⁸. Причем эти цифры многократно уступали доле людей, совершавших религиозные обряды. Характерен пример воронежского исследователя А.И. Демьянова, писавшего, что, по данным социологических обследований в области, в начале 1980-х гг. оставалось лишь 9,8% верующих. Но несколькими страницами ниже он же сообщал, что при этом 52,5% всех жителей отмечали религиозные праздники, 43,2% имели в домах иконы, 44,5% крестили детей и свыше 60% хоронили умерших по религиозному обряду¹⁹. Трудно сопоставить такие взаимоисключающие цифры. Ведь необходимо учитывать, что в условиях жесткого контроля за всеми требами, их обязательной регистрации в специальных книгах совершение таинств венчания или крещения порой являлось актом гражданского мужества. Последствия могли быть самыми плачевными — увольнение с работы, исключение из общественных организаций. Не многие неверующие, зная об этом, стали бы сознательно рисковать своей карьерой по просьбе родственников, ради традиции, моды и т.п.

С другой стороны, значительная часть зарубежных исследователей утверждала, что в СССР и в 1970—1980-х гг. насчитывалось 100—150 млн верующих. Так, У. Флетчер в 1981 г. писал о 115 млн, или 45% населения страны²⁰. Вслед за ними и некоторые современные отечественные историки пришли к такой точке зрения. В.А. Алексеев считает, что в начале 1960-х гг. верующих было до 120 млн, то есть более половины населения СССР²¹. Это — преувеличение. Архивные статистические данные свидетельствуют, что после окончания Великой Отечественной войны и до периода «перестройки» в стране существовало два периода роста религиозной обрядности — в 1953—1957 гг. и 1964—1967 гг., в остальное время она снижалась. А в начале 1960-х гг. в РСФСР

отпевали 33% умерших и крестили 30% новорожденных. В других союзных республиках эта доля традиционно была выше — в 1967 г. в Молдавии количество крещений составляло 57%, на Украине — 51% и т.д. Представляется, что в целом по стране численность верующих в 1960-х гг. равнялась примерно 40—45% (а в последующие десятилетия, вплоть до 1988 г., она постепенно снижалась). Результаты некоторых замалчиваемых обследований на местном материале давали сходные данные. Например, в ходе опроса 1966 г. в селах Пензенской области советские социологи выявили, что даже по их методике 47% населения составляли верующие или колеблющиеся, а от 63 до 97% семей держали в домах иконы²².

Важное значение для написания книги имели труды российских, советских и зарубежных ученых — философов, политологов, социологов, а также богословов, посвященные вопросам взаимоотношения государства и Церкви, отношения коммунистической партии к религии. В частности, в работе использовались выводы и положения, содержащиеся в книгах и статьях выдающихся русских мыслителей начала XX века — А.В. Карташева, Н.А. Бердяева, протоиерея Сергия Булгакова, В.Н. Ильина, продолживших заложенные ими традиции Н.М. Зернова, протопресвитеров А. Шмемана, И. Мейендорфа и других²³.

Вначале необходимо остановиться на основных принципах христианского отношения к государству. В книгах Нового Завета нет общественно-философских определений смысла государства или отношения христиан к нему. С точки зрения веры оно есть лишь необходимый элемент земного падшего мира. Государство призвано ограничивать зло, но не способно окончательно покончить с ним. Только в Царстве Божием может быть окончательное торжество добра. Первый и главный аспект христианского отношения к государству — разделение между Царством Божиим и царством мира сего. Второй аспект вопроса заключается в том, как должна соотноситься Церковь, живущая одновременно в двух царствах, с государством, относящимся всецело к миру падшему? По мнению видного богослова, протопресвитера Иоанна Мейендорфа, в Новом Завете выражено два отношения. С одной стороны, апостолы Павел и Петр в некоторых посланиях высказывали положительное отношение к Римской империи, призывая чтить кесаря, и даже говорят, что нет власти кроме как от Бога. Государство призвано выполнять определенную роль в обществе, которую апостолы считают положительной. Немыслимо жить без закона в этом падшем мире. С другой — в Откровении Иоанна Богослова та же империя превращается в блудницу, антицарство (так как в ней осуществлялись преследования за веру)²⁴. Таким образом, все зависит от того, какое государство. Есть признающее свою ограниченность и выполняющее свою определенную законом роль, а есть выходящее из своих границ, посягающее на то, что есть Божие, уподобляющееся Вавилону и блуднице. Если первому государству следует отдавать должное, то второе должно исчезнуть.

Взаимоотношения советской власти и Московской Патриархии невозможно изучать в отрыве от особенностей исторического опыта государственно-церковных отношений в дореволюционной России, где Православная Церковь долго занимала особое положение и выполняла важные социальные функции Русь, ставшая ядром будущей империи, восприняла христианство от Византии вместе с ее церковно-политическими концепциями. Именно они во многом определили кризис Православия в XIX—XX веках. Византийские императоры, начиная с Константина, полностью контролировали Церковь, выбирали и смещали патриархов. Их власть не имела юридических ограничений, но только духовно-нравственные. Из Византии была воспринята и идея симфонии, то есть гармонического взаимодействия, духовного союза между Церковью и государством, когда обе стороны преследуют одну цель, признают одного Бога Иисуса Христа.

Эта концепция сыграла важную роль в становлении русской государственности. Положительная сторона симфонии заключалась в том, что Церковь имела возможность проявлять свои объединяющие и стабилизирующие общество способности. Ее духовно-нравственная, религиозно-просветительная деятельность способствовала смягчению нравов, устойчивости семейной жизни, включению христианских принципов в государственное законодательство. Но уже в конце XV—XVI веков Церковь как общественный институт начала порабощаться государством и постоянно ограничиваться формализованной регламентацией повседневной жизни.

Отношения Православной Церкви с царской властью со времен Петра I ярко свидетельствуют о развитии тенденции к безоговорочному подчинению государству. Патриаршество было упразднено, и в синодальный период Церковь оказалась низведена на уровень одного из правительственных учреждений. К концу XIX века многие церковные деятели осознали, что идея симфонии исторически себя исчерпала²⁵. Подобные взгляды выражали и некоторые русские богословы. Государственное подчинение нарушало важнейшее каноническое правило внутрицерковной жизни — соборность, предусматривавшую проведение церковных соборов, съездов духовенства и мирян для избрания приходских священников, архиереев и Патриарха.

Негативные последствия «константиновского наследия» особенно сильно проявились в начале XX века. Авторитет епископата, влияние лишенной самостоятельного голоса Церкви сильно упали. Канадский историк Д. Поспеловский писал, что, если бы было четкое разделение между ней и царской властью, «неизвестно, произошла бы революция в 1917 г.»²⁶. Кроме того, в отличие от стран католических, где перемена власти, как правило, не отражалась на инфраструктуре религиозных организаций, в православных государствах такое изменение глубоко травматически сказывалось на всей жизни, структуре, положении и даже внутреннем самоощущении Церкви. Каждый раз она отождествлялась с рухнувшей политической системой, и ей приходилось доказывать свою лояльность новой власти.

Еще одна отрицательная сторона «константиновского наследия» — рост обособленности, изолированности Поместных Церквей, зачастую националистический характер автокефалий. Неудивительно, что политические лидеры активно способствовали достижению Церквями своих стран «автокефального» (независимого) статуса. И как только они приобретали такой статус, то превращали их в бюрократическую структуру государственной машины. Подобные процессы происходят и сейчас в некоторых странах СНГ.

В России вплоть до 1917 г. не было широкой веротерпимости, хотя все основные предпосылки для нее имелись. В начале XX века стала очевидной необходимость преобразования не только в этой области, но и во взаимоотношениях Церкви и государства, принципах церковного управления. Назрела необходимость реформ. В 1905 г. в среде столичного приходского духовенства возникло идеологическое направление христианско-социального реформаторства. Его представители обосновывали необходимость соединения христианского идеала и религиозной морали с экономическими требованиями социализма; выступали они и против «государственной религии». Христианские социалисты предусматривали усвоение тенденций социального истолкования Православия, отказ от аскетизма и отрешенности от действительности, обращение к проблеме человека, в частности, его социальной активности. Один из их идеологов, протоиерей Александр Боярский, в брошюре 1918 г. «Церковь и демократия (Спутник христианина-демократа)» наметил следующий план преобразования общества: соборный (коллективный) разум в основе государства, отрицание агрессивной войны, смертной казни, сословий, замена капиталистической собственности на

средства производства кооперативной, всеобщий труд, исключительно мирные методы борьбы со злом и т.д.²⁷.

Однако эти и другие проекты обновления Церкви, общества реализованы не были. На территории Советской России в 1920-е гг. христианский социализм выродился в обновленчество, но в эмиграции его идеи продолжали развиваться, и прежде всего Н. Бердяевым. Перечисляя издержки русской церковной традиции — тенденцию к подчинению Церкви государству, церковный национализм, обрядовере, недостаточную активность христианской жизни, он все же указывал, что в Православии разлит дух свободы и даны бесконечные возможности. В книге «Новое средневековье», посвященной вопросу, как преодолеть большевизм и какая система должна заменить его, Н. Бердяев отвергает и западный капитализм, и материалистический социализм. Он объявляет себя сторонником такой формы общества, где личность будет высшей ценностью, и называет себя с некоторыми оговорками христианским социалистом. По мнению философа, государство должно иметь корпоративную форму, то есть состоять из представителей профессиональных, экономических и культурных объединений, в которые будут входить и работодатели, и рабочие²⁸.

Подобные взгляды существовали и во второй половине XX века, в том числе в СССР. Так, например, их высказывала крупнейшая после Великой Отечественной войны нелегальная организация в стране — «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа». В его программе было записано: «Цель социал-христианского движения — внутренне преобразовать безличный коммунистический коллектив в коллектив персоналистический — одухотворенный, свободный, самостоятельный, братски взаимосвязанный... Величайшее зло в истории — тоталитарная система — возникает в том случае, когда государство поглощает общество... становясь, таким образом, лжецерковью... Возрожденная церковь должна пользоваться независимостью от государства и полным суверенитетом в своей области»²⁹.

Многие русские мыслители конца XIX — начала XX века воспринимали материалистический социализм как своеобразную лжерелигию. С.Н. Булгаков писал: «Ибо социализм в наши дни выступает не только как нейтральная область социальной политики, но, обычно, и как религия, основанная на атеизме и человекобожии, на самообожествлении человека и человеческого труда»³⁰. Также и С.Л. Франк называл «революционный социализм» — «религией абсолютного осуществления народного счастья», «религией служения материальным интересам»³¹. Аналогичную точку зрения развивал и Н. Бердяев в статье «Марксизм и религия», в другой своей работе философ писал о прозрениях Ф.М. Достоевского: «Он религиозно познал, что социалистический коллективизм есть лжесоборность, лжецерковь, которая несет с собой смерть человеческой личности, образу и подобию Божьему в человеке, конец свободы человеческого духа... И он же почувствовал, что для русских социализм есть религия, а не политика, не социальное реформирование и строительство»³².

В этих утверждениях есть доля истины. Уже вскоре после Октябрьской революции создание социалистического общества в СССР приобрело во многом религиозный или, вернее, псевдорелигиозный характер. Классики марксизма-ленинизма в своих трудах уделяли заметное место проблемам религии. С.Н. Булгаков даже писал в статье «Маркс как религиозный тип», что «воинствующий атеизм есть центральный нерв всей деятельности Маркса, один из главных ее стимулов; борьба с религией есть истинный, хотя и сокровенный мотив важнейших его чисто теоретических трудов».

Высказывания В.И. Ленина о конкретных методах и формах борьбы с религией, Церковью, духовенством были достаточно противоречивы. С одной стороны, он призывал сражаться «чисто идейным» оружием, выступал против «всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма»³³. С дру-

гой — был сторонником вскрытия мощей святых, что сильнейшим образом оскорбляло эти чувства, в 1922 г. в связи с изъятием церковных ценностей писал: «Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»³⁴.

В 1920—1930-е гг. «научный атеизм» все более сводился к антирелигиозной работе. В высказываниях Л. Троцкого, Н. Бухарина, Е. Ярославского, И. Сталина проводилась мысль, что он должен бороться с религией как классово чуждым явлением. В конце концов, атеизм был уложен в рамки «теории» обострения классовой борьбы в период построения социализма, в нем почти исчезли элементы научно-просветительного характера. Воинствующее безбожие «оглавляло» официальную идеологию, навязывалось как обязательная установка всякой области духовного производства — литературы, искусства, поэзии, права. Формировалась нравственная атмосфера, нивелировавшая личность и суверенность человека. С этим связано отмеченное Н. Бердяевым начало «диктатуры мирозерцания, диктатуры не только политической и экономической, но и интеллектуальной, диктатуры над духом, над совестью, над мыслью»³⁵. В 1930-е гг. на практике осуществлялась антинаучная теория о возможности уничтожения репрессивными мерами не только Церкви, но и религии.

Эти процессы были объективно обусловлены. Тонкий интеллигентский слой, где существовала мировоззренческая терпимость, был сметен революцией. Снизу поднялись социальные слои с глубоко архаичным сознанием, которые могли воспринимать новую революционную идеологию лишь в квазирелигиозной и догматической форме. Сознание миллионов новообращенных «марксистов» не допускало возможности функционирования церквей, в которых открыто пропагандировалась «реакционная идеология». Российский историк Н.Б. Лебина писала, что «массовое сознание, носившее полуфеодалный характер, оставалось по сути религиозным, готовым к восприятию новых догм, теперь уже социалистического толка. Именно как теологическое учение был воспринят марксизм, причем его примитивизация и неизбежная теологизация шли как официально, так и стихийно, на уровне массового сознания... Краеугольным камнем марксистско-ленинской этики была идея классовой борьбы и классового характера морали, что неизбежно вводило в ранг коммунистических добродетелей чувство классовой ненависти. Именно на этом чувстве произрастал социалистический фанатизм — свойство, присущее людям, тяготеющим к мировоззренческим системам религиозного толка, разновидностью которых и стал для поколения 20-х и 30-х гг. марксизм-ленинизм»³⁶. Н. Лебина даже считает, что в течение жизни двух поколений произошла замена «одного культового теистического учения другим»³⁷ (в реальности это осуществилось лишь частично).

Многие важные аспекты создания «новой религии» вскрыл известный богослов протоиерей Александр Мень. Он писал, что народные мечты о рае на земле, стихийная эсхатология масс находили пищу в утопизме, который вдохновлял строителей новой жизни. Разгром Православной Церкви преследовал и цель образования «религиозного вакуума», а после изгнания всех других божеств на «одиноким Олимпе» вззошел «отец всех народов». «Один из секретов успеха сталинщины состоит именно в том, что, создав религиозный вакуум, она соединила в общее русло атактистические и духовные стремления людей. Сумела слить в сознании народа верховный идеал, «меру всех вещей» с мифологизированной фигурой Вождя и тем самым наделила его атрибутами божественности и безграничной власти»³⁸. В итоге государственная власть пришла к полному самообожествлению. Протоиерей Александр Мень считал, что этот «страшный опыт» должен привести «к отказу от самой идеи государственной религии, которая имела столько аналогий со сталинизмом, идет ли речь о Женеве при Кальвине или о Тегеране при Хомейни»³⁹.

Современные российские «антисергиане» — принципиальные противники компромиссного курса Московской Патриархии, заложенного Владыкой Сергием (Страгородским), считают, что само установление и развитие советского тоталитаризма было тесно связано с позицией Патриаршей Церкви. Так, З. Крахмальникова полагает, что тоталитаризм есть высшее проявление борьбы узурпаторов мира с Богом, которая может дать результаты, только если они создают свою религию для удовлетворения человеческой жажды гармонии и духовного общения с высшим существом. Борьба эта приносила узурпаторам успех, когда им удавалось «рекрутировать в свои сообщества» тех, кто хотел модернизировать христианство. И. Сталин нуждался в Церкви для создания новой «сталинской породы» людей, его культ был бы ущербным без участия в нем священнослужителей. В результате якобы произошел «неожиданный и, казалось бы, невозможный синтез двух религиозных систем: сталинизма как языческого обожествления тирана и сергианства»⁴⁰.

Сходную крайне жесткую позицию занимала Русская Православная Церковь за границей. Ее представители утверждают, что Московская Патриархия коллаборировала с коммунистическим режимом: спасла его от «приближавшегося краха» во время войны, «облагораживала облик», вуалировала или отрицала злодеяния этого режима, способствовала распространению его гегемонии над миром. За такую «преступную роль» Патриархия называлась ими «церковью лукавнующих»⁴¹. Путь церковного компромисса отрицался как путь человеческой трусливой лжи. В своем послании 1945 г. Первоиерарх Зарубежной Русской Церкви митрополит Анастасий писал: «В угоду власти даже высшие и наиболее ответственные иерархи не стыдятся распространять повсюду заведомую неправду... Блаженный Августин говорит, что если бы весь мир висел на волоске и им была бы ложь, — он без сожаления пересек бы эту тонкую нить, предпочитая, чтобы мир погиб, чем коснел в неправде»⁴². Причем богословие данного направления приняло романтически-славянофильскую окраску с ностальгией по патриархальному церковному укладу, враждебностью к инославному окружению и некоторым уклоном в сторону идеализации «Православного Царства» (в реальности неосуществимого). Некоторые представители катакомбного движения еще более жестко оценивали Московскую Патриархию.

Философско-политологических исследований зарубежных советологов, посвященных положению религии, Церкви и верующих в СССР, относительно немного⁴³. В англо-американской историографии преобладала концепция «государственного атеизма». Признавалась идеологическая несовместимость марксизма-ленинизма и христианства, нерелигиозный характер власти в Советском Союзе. Так, американский философ Д. Пэнкхерст предлагал при анализе правового положения религии в СССР пользоваться термином «государственно-атеистические нации», под которым понимал нации, в которых «содействие атеизму является общепризнанной и осознанной частью официальной политики»⁴⁴.

В работах советологов много говорилось о законодательном ущемлении прав верующих, вмешательстве государства во внутренние дела Церкви, жестком ограничении рамок ее деятельности, преследованиях за религиозные убеждения. Некоторые авторы утверждали, что Советское государство ведет беспощадную экономическую и политическую борьбу против религиозных организаций с целью полного их уничтожения в возможно более короткий исторический срок. Известный английский теолог М. Бурдо заявлял: «В Советском Союзе преследуются все церкви, будь то православная, протестантские или католические»⁴⁵. А редактор выходившего в Великобритании журнала «Религия в коммунистических странах» Д. Эллис писала: «...сохранение Русской Православной Церкви и других религиозных объединений в Советском Союзе, с точки зрения коммунистической партии, является какой-то аномалией. Коммуни-

стическая партия Советского Союза не делает секрета из своего желания искоренить всякую религиозную жизнь»⁴⁶. Такой подход представляется односторонним.

Свой вклад внесли в последние 20 лет советские и российские философы, религиоведы, политологи. В 1988 г. после апрельской встречи М.С. Горбачева с Патриархом Пименом началась перестройка всей системы церковно-государственных отношений. Впервые после Октябрьской революции религия стала рассматриваться как социокультурный феномен, а не враждебная социализму идеология. Существенное изменение политики КПСС в религиозном вопросе, вопросы перестройки теории и практики марксистского атеизма рассматривались в работах А.И. Клибанова, Л.Н. Митрохина, В.А. Сапрыкина и других⁴⁷. В начале 1990-х гг. наиболее активно разрабатывал проблему церковно-государственных отношений в России и СССР философ и историк М.И. Одинцов. Он считает, что в XX веке сменилось три модели религиозной политики государства: самодержавная, буржуазная и «социалистическая», имевшая разные векторы — проправославный, вероисповедный плюрализм и атеистический. Все они якобы были отторгнуты большей частью духовенства, верующих и общества в целом. Причины заключались в особенностях этой политики, недооценке со стороны государства «религиозного фактора» в предкризисные и кризисные фазы политического развития страны; запаздывании в корректировке курса, исключении религиозной сферы из числа приоритетных интересов. В результате неразрешенность религиозных проблем, потеря государством возможности и способности управлять этой сферой общественных отношений объективно приобретали роль катализатора разрушительных процессов, дезинтеграции страны, а лозунг религиозной свободы подхватывался оппозиционными политическими силами, нередко придававшими ему националистическую окраску. Все это в сочетании с экономическими и социально-политическими трудностями способствовало распаду общественно-политических систем. Так было в 1905 г., феврале и октябре 1917 г., в период развала СССР⁴⁸. Со многими из этих выводов можно согласиться.

Таким образом, проблема государственно-церковных отношений в СССР в теоретическом плане изучалась целым рядом ученых. Но и советская церковная политика и внутренние эволюционные процессы в Русской Церкви еще не стали в полной мере объектом научного анализа.

Новейшая история Русской Православной Церкви и государственная религиозная политика в СССР привлекали и привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей, однако в силу целого ряда объективных причин изучены они в относительно небольшой степени. Чуть более десяти лет назад началось обращение к колоссальным уникальным пластам архивных документов, которые пока еще недостаточно введены в научный оборот. Работы по избранной теме, носящие конкретно-исторический характер, можно условно разделить на четыре основные группы.

Труды советских исследователей, как правило, имеют очень общий, обзорный характер, к тому же несут идеологический отпечаток прежнего официального негативного отношения к религии⁴⁹. Церковь в них зачастую представляется реакционным, антинародным институтом; а органы государственной власти показаны исключительно в положительном плане. Но хотя до конца 1980-х гг. условия для объективного изучения государственно-церковных отношений фактически отсутствовали, важные в научном плане работы все же появлялись. Наибольшую ценность, по мнению автора, имеют монография А.А. Шишкина, посвященная проблеме обновленческого раскола⁵⁰ и книга З.В. Балевица, уделившая значительное внимание деятельности Русской Церкви на оккупированной территории Прибалтики и Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны⁵¹. Интересные фактические данные о трагических обстоятельствах изъятия церковных святынь и ценностей в начале 1920-х гг. содержатся

в работах Р.Ю. Плаксина, в целом очень тенденциозных и односторонних⁵². Религиозная же политика Советского государства в послевоенный период вообще не подвергалась специальному исследованию.

К этой литературе с оговорками можно отнести и опубликованные в 1920-е гг. работы видных обновленческих деятелей — А.И. Введенского, Б.В. Титлинова, Д. Адамова и других⁵³. В них не пожалели черной краски для описания Московского Патриархата. Данные издания находятся на грани воспоминаний и исторических исследований и интересны лишь фактической стороной, глубокой научной разработкой изучаемые сюжеты в них не получили. Следует отметить, что все многочисленные антирелигиозные книги и брошюры 1920 — начала 1930-х гг. были небольшими по объему и носили в основном агитационный, полемический характер. В конце 1930-х гг. попытку написать историю русского Православия после Октябрьской революции предпринял бывший Ленинградский обновленческий митрополит Николай (Платонов)⁵⁴. Однако она оказалась неудачной. К тому времени Платонов отрекся от религии и Бога и стал атеистическим агитатором. Естественно, что в обстановке массовых гонений на Церковь он смог создать лишь антирелигиозный пасквиль.

Вторую группу составляют труды священнослужителей и мирян Московского Патриархата, часть из которых до сих пор не опубликована и хранится в виде рукописей в библиотеках Духовных академий — митрополита Мануила (Лемешевского), епископа Сергия (Ларина), А.И. Кузнецова, А. Сергеевко, прот. В. Цыпина, прот. В. Сорокина, прот. А. Марченко и других⁵⁵. Значительное внимание в них уделялось обновленческому расколу. Другие же движения в Русской Церкви специально изучал в основном скончавшийся осенью 1995 г. митрополит Ленинградский и Ладожский Иоанн (Снычев)⁵⁶. На исследования церковных историков порой сильно влияла их принадлежность к Московской Патриархии. Всячески доказывалась оправданность церковной позиции ее руководства, несколько идеализировалось его отношение к советской власти.

Значительный вклад в изучение темы внесла иностранная (англоязычная, германская) и русская эмигрантская, диссидентская литература. Историками Р. Реслером, Д. Поспеловским, Н. Струве, У. Флетчером, Г. Штриккером, А. Лууканеном и другими был создан ряд монографий, в целом реалистично освещавших церковную политику советского государства, жестокие антирелигиозные акции властей⁵⁷. Мимо книг известных церковных диссидентов А. Краснова-Левитина и В. Шаврова не может пройти ни один ученый, занимающийся изучением церковных расколов 1922—1940-х гг.⁵⁸ А. Левитин, сам бывший обновленческий священнослужитель (умерший в эмиграции), написал достаточно подробное и богатое фактическими данными исследование, особое внимание уделяя Ленинграду. Однако некоторые моменты истории обновленчества освещены в нем недостаточно объективно, присутствует определенная идеализация движения, к тому же преувеличивается его близость к социалистическим идеям. Противоположный взгляд на историю церковных движений 1920—1940-х гг. отстаивает другой церковный диссидент — Л. Регельсон. В своем в целом очень интересном исследовании он стремится доказать, что истина была на стороне «непоминающих» за богослужением в храмах гражданские власти и заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия⁵⁹. По-своему ценны и работы других эмигрантов: А.А. Валентинова, М. Польского, К. Криптона, епископа Григория (Граббе) и др.⁶⁰ В то же время внутри третьей группы существуют очень серьезные различия при оценке позиции Московской Патриархии, во многих случаях заметно влияние групповых пристрастий. Так, после Второй мировой войны по отношению к Московскому Патриархату на Западе были достаточно широко распространены два противоположных подхода.

Для одного вся советская действительность рисовалась в черном цвете, и в результате до такой степени терялись всякие различия, что, например, церковные иерархи казались лишь простой ширмой КГБ. Другой подход, наоборот, идеализировал ситуацию, и зарубежные представители Московского Патриархата принимались за подлинных выразителей интересов всей Русской Церкви. На самом деле среди епископата были самые разные архиереи — от проводников влияния властей и осведомителей до лиц, ведущих постоянную борьбу с государственными органами. Кроме того, в силу объективных причин, вся зарубежная эмигрантская и диссидентская литература имеет ограниченную источниковую базу, материалы российских архивов использовались в ней в небольшой степени.

С начала 1990-х гг. стала быстро расти новая отечественная историография темы. По ряду спорных моментов она занимает промежуточную позицию. Первоначально большинство российских историков — В.А. Алексеев, М.И. Одинцов, Ю.А. Бабинов и другие — сохраняли приверженность некоторым прежним концепциям, обелявшим церковную политику Советского государства⁶¹. Например, М.Н. Бессонов в своей монографии утверждал, что «без сомнения, главной причиной» резкого сокращения числа верующих в 1920—1930-е и 1960-е гг. было влияние революционных социалистических преобразований, хотя уже критиковал и «хрущевские гонения» на Церковь, впрочем, объясняя их только волюнтаризмом и доминированием командно-административного метода⁶². Но постепенно под влиянием знакомства с рассекреченными документами взгляды этих историков становились более объективными. В дальнейшем появились и принципиально новые работы следующего поколения российских ученых — О.Ю. Васильевой, П.Н. Кнышевского, А.Н. Кашеварова, С.Л. Фирсова, А.А. Кострюкова и др.⁶³

Хронологически первой из основных спорных проблем является определение состояния Российской Православной Церкви (официальное название в тот период) накануне 1917 г. Вплоть до 1980-х гг. в зарубежной (Р. Пайпс, Х. Солсберри, А. Солженицын) и, естественно, советской историографии господствовала точка зрения, что она была изолированным от общественной деятельности, совершенно несамостоятельным, фактически умирающим институтом, верной союзницей царизма⁶⁴. Важной вехой здесь стала монография Д. Каннингема, убедительно показавшего, что в начале XX в. Российская Церковь не была ни замкнутой в себе, ни нетерпимой к другим конфессиям, ни утасающей. Рассказав о массовом стремлении духовенства к реформам в период Первой русской революции, он, однако, сделал вывод, что уже к 1908 г. рассвет надежд на оживление Церкви не оправдался⁶⁵.

Крупнейшим современным исследователем истории Российской Православной Церкви в начале XX в. является петербургский историк С.Л. Фирсов⁶⁶. Правда, в его работах, как представляется, чрезмерно «сгущаются краски» в оценке кризисного состояния Церкви. Свой вклад (далеко не всегда существенный) в изучение дореволюционного периода внесли и другие исследователи: П.Н. Зырянов, А. Полонский, С.С. Бычков, В.К. Пинкевич⁶⁷.

Исследование подлинного возрождения российского Православия (обладавшего уникальной потенциальной силой) в 1917—1918 гг. было проведено в работах Д. Поспеловского и Г. Шульца⁶⁸. Но проблема религиозной революции весны—лета 1917 г. во многом продолжает оставаться малоизученной, об этом, в частности, свидетельствует и нынешняя полемика по поводу работ М.А. Бабкина, который пытается доказать, что многие российские архиереи сознательно стремились свергнуть монархию, видя в ней идеологического противника⁶⁹.

Горячую полемику вызывает история обновленческого раскола 1922 г. и его корней в предшествующие годы. Идеологи «обновленчества» доказывали, что они про-

должали дело «церковной революции», якобы прерванное Собором 1917—1918 гг., а сам раскол назревал давно и естественно. Многие утверждения А. Введенского и Б. Титлинова разделяют диссидентские историки 1960-х гг. А. Левитин и В. Шавров. Они также полагают, что Февральская революция застала Церковь врасплох, и лишь будущие обновленцы не растерялись и чуть ли не спасли ее от анархии, напрямую связывают реформаторство 1905, 1917 гг. и обновленчество 1920-х гг. У советских исследователей (А.А. Шишкина) преобладал вульгарно-социологический подход: обновленцы якобы выражали взгляды мелкобуржуазных слоев, пытавшихся приспособиться к советской действительности. Священнослужители же Московского Патриархата (прот. Георгий Митрофанов)⁷⁰, наоборот, видели в этих людях прежде всего реформаторов чисто протестантского образца, пытавшихся разрушить, уничтожить Православную Церковь изнутри. Сейчас, после знакомства с рассекреченными документами ЦК РКП(б) и ЧК, очевидно, что обновленческий раскол был организован органами государственной власти (причем первые подобные попытки относятся к 1919—1920 гг.), без их прямого вмешательства в жизнь Церкви ничего подобного бы не произошло. В то же время нельзя согласиться и с утверждениями ряда зарубежных историков (И. Хризостомус, У. Флетчер), сводивших истоки «обновленчества» к действиям властей и моральной нечистоплотности его лидеров⁷¹. Существовали и определенные объективные факторы, например, социальное расслоение духовенства.

О том, что Поместный Собор 1917—1918 гг. не только не прервал «церковной революции», но и во многом узаконил ее завоевания, продолжил развитие в новых условиях ее идей, убедительно показано в работе Г. Шульца. Германский ученый даже утверждает, что этим Собором, а не формальной датой 1988 г. Русская Церковь вступила в свое второе тысячелетие и, возможно, заняла первое место в христианстве. Хранящиеся в архивах Санкт-Петербурга и Москвы фонды Собора дают яркое представление как о его выдающемся значении, так и подлинном оживлении приходской, проповеднической, миссионерской деятельности Церкви в конце 1917 — первой половине 1918 г. В научной литературе можно встретить прямо противоположные оценки политической роли Собора. Советские ученые (Г.В. Воронцов, Р.Ю. Плаксин) утверждали, что основной его целью была борьба с революцией⁷². Подобной же крайней точки зрения придерживались и некоторые представители Русской Православной Церкви за границей (Г. Граббе)⁷³. Идеологи обновленцев и некоторые иностранные ученые (И. Куртис) условно делят работу этого церковного собрания на две части: первоначально созванное для решения религиозных проблем, оно затем приняло преобладающий политический характер⁷⁴. Основная же группа зарубежных историков (И. Хризостомус, Н. Струве, А. Боголепов) справедливо представляет деятельность Собора как направленную в первую очередь на рассмотрение церковных вопросов, хотя ему часто приходилось реагировать на возникавшие политические проблемы⁷⁵.

С данным вопросом тесно связана дискуссия о политической позиции Русской Церкви в целом в период Гражданской войны. В советской историографии подчеркивалось, что она выступала как самостоятельная антисоветская сила, стремящаяся возглавить все остальные контрреволюционные силы. Антисоветская направленность позиции Патриархии преувеличивалась и рядом иностранных ученых. Так, У. Флетчер писал, что советский строй восстал против себя первоначально выжидавшую Церковь, вызвал ее активное политическое противодействие. Нейтральная, миротворческая позиция Патриархии особенно аргументированно показана в книге А. Рельсона.

Нет однозначной оценки и проблемы эволюции отношения руководства Русской Церкви к советской власти. Большая группа авторов, от антирелигиозников до критиков Патриарха Тихона из правого лагеря, подчеркивают его оппортунизм и приспо-

собленчество. Но, как справедливо отметил Д. Поспеловский, послание от 8 октября 1919 г. появилось во время первоначально успешного наступления войск А. Деникина на Москву, и ни о каком «приспособленчестве» в тех обстоятельствах речи быть не могло. Первосвященник прозрел неизбежность большевизма и увидел спасение от него в духовности, а не в кровавой войне. В этой связи ясна надуманность утверждений российского историка М. Одиногова, будто Патриарх «изменил политический курс Церкви», чтобы не остаться без своей многомиллионной паствы⁷⁶.

Развивая свою концепцию, Д. Поспеловский доказывал преемственность взглядов Первосвященника Тихона и последующих Первоиерархов Русской Церкви. В его работах подчеркивалось, что идея идти на максимальный компромисс с властями в гражданской области при сохранении полной богословско-литургической неприкосновенности проводилась с 1919 г. С этим положением полностью согласиться нельзя, как и с противоположным утверждением антисергиан (М. Польского, Л. Регельсона, В. Степанова (Русака) и др.), что будущий Патриарх Сергей (Страгородский) изменил делу своего предшественника⁷⁷. Определенная преемственность их политики, несомненно, была, хотя Владыка Сергей пошел на значительно большие уступки властям.

Одним из самых дискуссионных является вопрос о религиозной политике Советского государства и РКП(б) в первые годы после Октябрьской революции. Советские историки, заявляя, что все работы о гонениях на Церковь — «ложь реакции», оправдывали случаи арестов священнослужителей борьбой с их контрреволюционной деятельностью. Такие российские ученые, как В. Алексеев, уже признавая «беззакония», объясняли их недостатками нового аппарата управления и засильем левацких настроений в советской и партийной среде. С другой стороны, многие зарубежные ученые, как, например, П. Андерсон, писали, будто антирелигиозная пропаганда сразу же приняла «физический характер мстительной и жестокой атаки воинствующего атеизма на верующих»⁷⁸.

Можно встретить и утверждения, что в 1918 г. советский закон имел целью уничтожить возможность отправления культа и служб (Н. Струве). Подобной цели в тот период не ставилось. Религиозная политика СНК при всей ее антицерковной направленности не была изначально жестко детерминирована. Среди руководства РКП(б) существовали различные точки зрения на место Церкви в новом государстве, происходили колебания общей линии, многие антирелигиозные акции были следствием конкретно-исторической обстановки. Так, архивные документы свидетельствуют, что в апреле 1918 г. планировалось создание межконфессиональной комиссии по доработке декрета об отделении Церкви от государства. В мае в Наркомюсте шла дискуссия об обоснованности «нонсенса» — лишения религиозных организаций прав юридического лица, эта мера расценивалась почти всеми как временная. Другое дело, что планируемая в дальнейшем некоторыми советскими деятелями «демократизация» норм декрета так никогда и не состоялась. Интересы Церкви глубоко задевали ряд общих законов, не направленных специально против нее. Свою роль играл и экономический фактор — постоянное желание пополнять почти пустую государственную казну за счет церковных ценностей.

В зарубежной историографии явно недостаточное внимание уделяется объективной основе гонений на религиозные организации — антиклерикализму значительных слоев населения, без которого широкомасштабные гонения вряд ли были бы вообще возможны. Так, прот. Иоанн Мейендорф полагал, что в России существовали расцерковленные верхи и интеллигенция, а народные массы были преданы Церкви⁷⁹. Об отсутствии напряженного антиклерикального состояния в русском народе писал и А. Солженицын. Однако многочисленные факты свидетельствуют, что антицерковные

настроения к октябрю 1917 г. распространились достаточно широко, и не только среди интеллигенции или в маргинальных группах.

Исследованию политики советского руководства в отношении Русской Церкви в 1922—1925 гг. посвящена монография Н.А. Кривовой⁸⁰. В этой работе убедительно показано, что руководство антицерковной кампанией 1922 г. осуществляло непосредственно Политбюро ЦК РКП(б) при активном участии ГПУ. С этим выводом полностью согласен и А.Н. Кашеваров, глубоко исследовавший в своей монографии особенности антицерковных кампаний и механизмы функционирования органов высшей церковной власти в 1918—1922 гг.⁸¹

Одной из ключевых спорных проблем является оценка действий Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского) в конце 1920-х гг. — издание «Декларации 1927 г.», означавшей уход с позиций аполитичности, допущение вмешательства властей в назначения иерархов и т.п. Именно с этого времени государственным структурам удалось, после неоднократных неудачных попыток, взять под свой контроль внутрицерковную жизнь. Деятельность митр. Сергия вызывала и вызывает резкую критику многих историков, особенно в среде российских эмигрантов. Однако автору представляется, что другой реальной альтернативы в условиях тех лет ей не было. В этой связи следует привести некоторые исторические аналогии. Так, можно вспомнить политику Православной Церкви в период татаро-монгольского ига. Ее компромиссная позиция позволила уцелеть многим островкам неразоренной русской земли и в конечном итоге способствовала возрождению государственности. В еще более драматических обстоятельствах оказалась Болгарская Церковь после турецкого нашествия. Она признала власть завоевателей-иноверцев, отказалась от призывов к прямому вооруженному свержению ее и этой политикой помогла болгарскому народу сохраниться как нации. Именно Церковь в значительной степени спасла его от ассимиляции, православные храмы и монастыри на протяжении многовекового Османского владычества играли роль очагов национального самосознания и будущего возрождения страны.

Если сравнивать новейшую историю Русской Православной Церкви с положением религиозных организаций в других социалистических странах Восточной Европы, можно отметить, что серьезные объективные основы для избранной митр. Сергием политики были. Все «коммунистические режимы» проявляли настороженное или негативное отношение к Церкви, однако в большинстве государств эта враждебность никогда не доходила до широкомасштабных репрессивных акций. К несчастью, в силу ряда факторов, существенная часть расчетов митр. Сергия не оправдалась. Из всех социалистических стран нигде, кроме Албании, не было такого широкомасштабного разгрома Церкви, как в СССР. Хотя и в истории нашей страны бывали периоды смягчения отношения к религии, частичного признания ее роли в духовной жизни миллионов верующих.

Из исследователей, осуждавших политику Владыки Сергия (Страгородского), наиболее последовательно и аргументированно доказывает реальность альтернативы упоминавшийся диссидентский историк Л. Регельсон. Так, в частности, он считает, что если бы вся Православная Церковь пошла катакомбным путем, в 1943 г. «Сталин вызвал бы из подполья разрозненные группы духовенства и все равно восстановил бы патриаршее управление, которое было бы внутренне свободнее и нравственно чище, чем Сергиевское»⁸². Но к началу Великой Отечественной войны в подполье уцелели относительно небольшие группы клириков, практически без архиереев, которые могли бы претендовать на роль Патриарха. Кроме того, вряд ли руководство ВКП(б) обратилось бы к заведомым «врагам», тем более что тогда еще действовали «просоветские»

обновленцы и григориане. И, наконец, если бы «истинно-православные» и приняли предложения И. Сталина, то они были бы вынуждены пойти на те же компромиссы, тем же путем, что и митр. Сергей при легализации в 1927 г. Без преувеличения можно сказать, что эта ключевая проблема еще не одно десятилетие будет предметом острых дискуссий, как историков, так и религиозных, политических, общественных деятелей.

Тесно связан с ней и вопрос о церковном сопротивлении. В советской историографии не было работ, специально посвященных этой теме и, в частности, деятельности иосифлян. В трудах же по истории Православной Церкви, имевших общий обзорный характер, иосифлянское движение голословно называлось черносотенным и т.п.⁸³ Книги В.А. Алексева и М.И. Одинцова посвящены государственной религиозной политике в СССР и ситуации в самой Православной Церкви внимания уделяют немного. В отношении внутрицерковной борьбы у этих исследователей преобладает нейтральный подход. Касаясь же иосифлянского раскола, В. Алексеев не вполне справедливо считает, что он не стал заметным явлением в истории Православия⁸⁴.

Исторические труды священнослужителей Патриаршей Церкви второй половины XX века — митрополита Мануила (Лемешевского), игумена Иннокентия (Павлова) и особенно митрополита Санкт-Петербургского Иоанна (Снычева) содержат интереснейшие фактические данные, в концептуальном же отношении характеризуются полной апологией митр. Сергия (Страгородского), к оценке действий которого отсутствует какой-либо критический подход. Иосифляне называются раскольниками, а митр. Иоанн даже утверждает, что они подвергали поруганию все, что признавалось в Православной Церкви святыней. К этим работам примыкают и воспоминания скончавшегося в 1986 г. профессора Ленинградского университета Н.А. Мещерского, в молодости игравшего активную роль на начальном этапе иосифлянского движения, но затем отошедшего от него и изменившего свою оценку на негативную⁸⁵.

Существенный вклад в разработку истории сопротивления в Русском Православии внесли зарубежные, главным образом российские эмигрантские исследователи. Последних также можно разделить на два непримиримых лагеря. Антисергиане от М. Польского и И. Андреева до В. Степанова (Русака) считали, что заместитель Патриаршего Местоблюстителя предал новомучеников, томившихся в лагерях, пошел на неизмеримо более глубокий, чем его предшественники, компромисс с властью, и этим изменил Патриарху Тихону и Местоблюстителю митрополиту Петру (Полянскому). Указанные работы были посвящены в целом движению сопротивления в Церкви (оценка его масштабов порой сильно различалась), иосифляне в них отдельно не выделялись и подробно не анализировались⁸⁶.

То же можно сказать и об изданиях противоположного лагеря. Протопресвитер Василий Виноградов, протоиерей Иоанн Мейендорф, митрополит Елевферий (Богоявленский) и другие в основном указывали на оправданность в целом позиции митр. Сергия, причем утверждали, что он к заявлениям о лояльности Патриарха Тихона фактически ничего не прибавил⁸⁷.

Наиболее известные в России западные историки стоят ближе ко второму направлению, хотя, конечно, занимают более объективную и научно взвешенную позицию. К их числу относятся — Дмитрий Поспеловский, Никита Струве, И.О. Хризостомус (Блашкевич), Ганс-Дитер Депман и др.⁸⁸ Так, Н. Струве аргументированно доказывает, что более 20 епископов, находившихся в заключении в Соловецком лагере в 1927 г., в основном поддержали митр. Сергия. И. Хризостомус утверждает в своей работе, что в случае отказа пойти на соглашение с властями ОГПУ угрожалось митр. Сергию расстрелять всех заключенных в тюрьмах и лагерях архиереев и т.д. Значительное внимание проблемам «церковной смуты» конца 1920-х гг. уделяет Д. Поспеловский. Некоторые

его выводы представляются справедливыми. Однако, утверждая, что митр. Сергей в основном продолжал линию Патриарха Тихона и Местоблюстителя Петра, Д. Поспеловский умалчивает о допущенном в 1927 г. контроле ОГПУ за кадровой церковной политикой. Именно с тех пор любое назначение священнослужителей стало осуществляться лишь после санкции со стороны соответствующих государственных органов. Нельзя согласиться и с оценкой иосифлянского движения как самого крайнего раскола справа в пределах России, а также с утверждением, что митр. Иосиф пытался образовать параллельную Церковь.

Свидетельством постоянного интереса к истории различных течений «непоминающих», в том числе иосифлян, стало большое количество опубликованной в конце 1990-х — 2000-х гг. посвященной им литературы. При этом наибольший научный интерес представляет целая серия статей и документальных публикаций о А. Мазырина, О. Косик и О. Ефремовой в сборниках Свято-Тихоновского православного гуманитарного университета (ранее Богословского института)⁸⁹. Далее следует отметить многочисленные статьи петербургского церковного историка В.В. Антонова⁹⁰ и ряд тематических номеров издаваемого Зарубежной Русской Церковью журнала «Православная жизнь»: о епископе Нектарии (Трезвинском), архиепископе Феодоре (Поздеевском), архимандрите Клименте (Жеретиенко), Катакомбной Церкви на земле Российской и др.⁹¹

Из вышедших отдельными изданиями книг (в основном биографического характера) особенный интерес представляют труды П.Г. Проценко, А.В. Журавского, игумена Дамаскина (Орловского), протоиерея Николая Доненко, С.Б. Шоломовой, И. Румянцевой, С. Кудряшова и ряда других⁹². Однако во всех этих изданиях, как правило, говорится лишь об одном-двух представителях «непоминающих» и почти не публикуются архивные документы. Исключение составляет недавняя очень ценная работа священника Александра Мазырина⁹³. Две книги по истории иосифлянского движения опубликовал и автор монографии⁹⁴.

До сих пор не создано специальных монографий, посвященных всей истории катакомбного движения. Существование в 1920-х — начале 1930-х гг. значительного количества тайных общин не прошло незамеченным для советских авторов, в этот период появилось несколько десятков брошюр, освещавших их деятельность. Однако слабая изученность процессов, происходивших в Православии, поспешность в терминологии и классификации приводили к тому, что все враждебно настроенные к советской власти группы верующих зачислялись в сектанты⁹⁵.

Со второй половины 1930-х до конца 1950-х гг. в атеистической литературе, за исключением 3—4 статей и брошюр, катакомбникам внимания не уделялось⁹⁶. История их возникновения, состав, организационная деятельность, идеология оставались белым пятном. Впервые вопрос о научном изучении этого религиозного течения в связи с его активизацией оказался включен в программу исследований, проводившихся в 1959—1961 гг. на территории Центрального Черноземья сотрудниками Института истории Академии наук СССР под руководством известного советского историка А.И. Клибанова. Было проведено свыше 600 собеседований с верующими, собран богатый фактический материал. Результаты исследования нашли отражение в нескольких публикациях⁹⁷. В этих работах уже присутствовала правильная оценка «истинного Православия» как «внецерковного религиозного течения»⁹⁸, разделялись общины «истинно-православных христиан» и «Истинно-Православной Церкви» (ИПЦ) — непримиримых иосифлян, влившихся в катакомбное движение. Но многие вопросы — о времени возникновения этого течения, соотношении различных толков и групп в нем, его классификации, как и некоторые стороны мировоззрения «истинно-православных», остались малоизученными.

И после опубликования итогов экспедиций Института истории большинство советских авторов продолжало зачислять ИПХ и ИПЦ в сектанты⁹⁹. В 1970—1980-е гг. их изучением активно занимался воронежский ученый А.И. Демьянов. В 1970—1972 гг. он провел обследование 1361 ИПХ в Центральном Черноземье России и по его материалам подготовил кандидатскую диссертацию, а затем и монографию. Основное внимание в них уделялось проблеме идеологии «истинного Православия», особенно эсхатологическим и антихристологическим воззрениям ИПХ¹⁰⁰.

В начале 1980-х гг. А. Демьянов повторил социологическое обследование и опубликовал еще две книги¹⁰¹. В его работах прослеживались причины возникновения и развития течения ИПХ, формирование идеологии, характеризовались его состояние в 1970—1980-е гг., некоторые вопросы классификации. Но наряду с верными автор делает и целый ряд ошибочных выводов: об отсутствии в прошлом и настоящем каких-либо различий между ИПХ и ИПЦ, угасании и вырождении катакомбного движения и т.д. Он совершенно упускает из виду качественное изменение состава этого движения за последние три десятилетия и формирование в «катакомбах» нескольких новых течений.

Относительно же времени зарождения тайных православных общин (впервые возникших в 1918 г.) среди советских исследователей существовали четыре точки зрения. Одни полагали, что ИПХ появились в первые послереволюционные годы и оформились в самостоятельное религиозное течение в середине 1920-х гг.¹⁰² Другие авторы относят эти события к периоду коллективизации¹⁰³, третьи — к середине 1940-х гг.¹⁰⁴ А. Демьянов отстаивал компромиссный вариант — процесс выделения ИПХ из Православной Церкви начался в первые годы после Октябрьской революции и закончился к 1940-м гг.¹⁰⁵ В целом следует отметить, что работы советских ученых содержат ценный фактический материал, однако они страдают тенденциозным подходом. Численность катакомбников сильно занижалась, делался вывод, что в подполье находится только относительно небольшое количество групп мирян (практически без священников). Кроме того, заключения, сделанные на локальном материале одного региона, распространялись на всю страну, что порой приводило к серьезным ошибкам. Российские ученые к данной теме пока почти не обращались.

Несколько работ в 1990-е гг. написали сами «катакомбники» и священнослужители Московского Патриархата. В частности, следует упомянуть статью иеродиакона Ионы (Яшунского), в которой кратко охарактеризованы основные группировки, существовавшие в «катакомбах» в 1980-е гг., брошюру «Кто есть кто в российских катакомбах» и т.д.¹⁰⁶ Правда, приводимые в этих произведениях факты зачастую вызывают большие сомнения. Свой, хотя и не очень большой, вклад внесли зарубежные историки. М. Бернштам писал о появлении первых тайных общин в годы Гражданской войны¹⁰⁷, П.О. Чаев — о катакомбных монастырях¹⁰⁸, деятельности некоторых православных иерархов и священников, служивших в подполье, была посвящена публикация в журнале «Русское Возрождение»¹⁰⁹. Глубоко же данной темой занимался только И. Андреев-Андреевский¹¹⁰. В 1940—1950-е гг. он написал несколько статей и книг, которые теперь уже в значительной степени устарели. Правда, в 1954 г. опубликовал свою монографию западногерманский историк А. Густафсон, а в 1971 г. — У. Флетчер, но они опирались во многом на те же работы русских эмигрантов¹¹¹.

Движение религиозных диссидентов в Русской Православной Церкви появилось только в конце 1950-х гг., и историография его невелика. Работы советских ученых, в которых затрагивались те или иные стороны этого явления, отличались крайней тенденциозностью¹¹². Значительный интерес представляют статьи самих участников движения, напечатанные в различных эмигрантских журналах (Е. Вагина, Ю. Машкова, В. Осипова, Г. Якунина и др.), хотя их трудно назвать научными исследованиями¹¹³.

К жанрам воспоминаний или публицистической прозы в основном относятся и книги одного из самых активных церковных диссидентов 1960—1970-х гг. А. Краснова-Левитина¹¹⁴. Из зарубежных исследователей историю движения изучали прот. Дмитрий Константинов, Д. Дэнлоп и М. Бурдо. Но их работы страдают фрагментарностью, целостной картины никому создать не удалось¹¹⁵.

Наибольшее же значение имеют две книги — сборник «Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа», посвященный истории этой подпольной организации, и монография английской исследовательницы Джейн Эллис¹¹⁶. Она разработала свою (несколько спорную) периодизацию деятельности религиозных диссидентов, подробно осветила этап 1970-х гг. История же движения в 1960-е и 1980-е гг. рассматривается в небольшой степени. Не использовались в монографии и материалы российских архивов. Только сейчас появилась возможность изучить все основные формы церковного сопротивления в русском Православии.

До сих пор недостаточно серьезных научных исследований о репрессиях среди духовенства, хотя с начала 1990-х гг. стало возможным сказать правду о них, вспомнить о людях, пострадавших в период гонений на Церковь Христову, назвать их поименно, молитвенно почтить их страдания и жизненный подвиг. Сделать это — наш нравственный долг перед теми, кто погиб за исповедание веры. Не исполнив его, мы не сможем в дальнейшем правильно строить свою духовную жизнь. Церковь Христова созиждется на крови мучеников, и не только древних, но также тех, кто погиб в XX веке, самом кровавом столетии за всю историю человечества. В памяти о новомучениках — наше будущее, и от того, насколько глубоко мы сможем ее возродить, будет зависеть степень полноты восстанавливаемой сегодня церковной жизни. Важным событием в истории не только Русской, но и других христианских церквей стало состоявшееся в августе 2000 г. прославление Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви более 800 новомучеников и подвижников благочестия. К 2008 г. было канонизировано уже 1636 православных священнослужителей и мирян, погибших в результате антицерковных гонений советского периода.

Известные публикации об этих гонениях в основном посвящены отдельным судьбам или локальным событиям. Необходимо упомянуть двухтомник о. М. Польского, хотя он выполнен не как научное исследование, а является сборником материалов к агиографии новомучеников и содержит большое количество неточностей и фактических ошибок. Ценную монографию по материалам репрессий в Новгородской епархии написал М.Н. Петров¹¹⁷. В Московском Патриархате подобную работу особенно активно ведет игумен Дамаскин (Орловский) — автор нескольких томов жизнеописаний новомучеников российских¹¹⁸. Основным центром по сбору биографий пострадавших за веру священнослужителей и мирян является Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва), их база данных, насчитывающая уже более 30 тысяч имен, выставлена в Интернете, но в печатном виде пока издан лишь первый том¹¹⁹. Этот пробел частично восполняют региональные издания, например, «Санкт-Петербургский мартиролог»¹²⁰.

Таким образом, несмотря на определенные положительные изменения, информация о подвиге новомучеников, осознание его нравственного аспекта еще не вошли должным образом в массовое сознание российского общества. В учебниках истории имеется мало рассказов о пострадавших за истину и веру людях — символах, воплощавших высокие морально-нравственные идеалы. Подвиг новомучеников не вошел должным образом и в повседневную жизнь Русской Православной Церкви, хотя в каждом ведущем свою историю с дореволюционных времен приходе были свои мученики — образцы христианской нравственности, о которых необходимо знать и следовать им сейчас. Подвиг новомучеников учит не страшиться возможных будущих

гонений, так как Русская Православная Церковь и другие конфессии СССР сумели выстоять в условиях многолетних ожесточенных гонений. И в изучении этого подвига священнослужителям и светским исследователям еще предстоит сделать очень много.

История Церкви в местах заключения оказалась вообще практически вне поля зрения историков. До 1994 г. лишь в некоторых общих работах, близких по жанру к лагерной мемуаристике, можно было найти сведения о судьбе духовенства в тюрьмах, лагерях и ссылках¹²¹. Первым научным исследованием стала книга И.А. Резниковой, посвященная истории пребывания православного духовенства в Соловецком лагере особого назначения¹²². Так как в историографии нет серьезных работ об антирелигиозных гонениях 1930-х гг., не существует и ясного понимания того, что же представляла собой Русская Православная Церковь к началу Великой Отечественной войны.

Военный период исследован значительно лучше, хотя тоже явно недостаточно. Активная патриотическая деятельность Московской Патриархии в советской историографии, как правило, замалчивалась. Например, в многочисленной литературе, посвященной обороне Ленинграда в 1941—1944 гг., полностью отсутствуют даже упоминания о том, что в нем имелись действующие храмы. В объемном сборнике «Блокада день за днем» скрупулезно перечисляются самые разнообразные, порой малозначительные события жизни осажденного города, но в нем невозможно найти ни одного свидетельства религиозности ленинградцев. Даже в той части военно-документальной литературы, где в первых изданиях упоминались имена священнослужителей, принимавших участие в партизанском движении, из последующих изданий их изъяли. Так, в книге И. Шубитыдзе «Полесские были» 1969 г. выпуска они есть, а уже в издании 1974 г. — отсутствуют¹²³. В то же время делался акцент на сотрудничестве некоторых священников с гитлеровцами. Этому сюжету уделялось внимание и при публикации сборников документов, и в специальных работах¹²⁴. Только с середины 1980-х гг. положение стало меняться. В своей последней книге Н.С. Гордиенко давал уже более взвешенную оценку деятельности духовенства и паствы в военное время, хотя и отталкивался от постулата, что война как массовое страдание и всенародное горе была стимулятором роста религиозности, а духовенство использовало беды людей для усиленного насаждения религиозных чувств. Вопросы эволюции отношений Русской Церкви и Советского государства специально он не рассматривал¹²⁵.

До конца 1980-х гг. работы священнослужителей и мирян Московского Патриархата по данной теме ограничивались статьями в «ЖМП» и несколькими небольшими рукописями¹²⁶. Затем стали появляться различные журнальные и газетные публикации¹²⁷. Специальных же изданий почти нет. Одно из немногих исключений составляет небольшая брошюра П.К. Раины, посвященная участию православного духовенства Белоруссии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Автор, сам партизан, после войны окончивший Духовную академию, сообщает ценные, неизвестные ранее сведения. Так, в книге содержатся свидетельства участников партизанского движения об активной помощи им митрополита Украинской автокефальной Церкви Александра (Иноземцева)¹²⁸. В 1985 г. к сорокалетию победы в Великой Отечественной войне планировалось издать сборник о патриотической деятельности Русской Церкви, но он так и не вышел. Лишь небольшая часть из собранных для него материалов была опубликована в 1995 г. в журнале «Наука и религия»¹²⁹.

Патриотическая позиция Московского Патриархата оказалась непонятной для многих зарубежных специалистов, ожидавших от нее проведения антисоветской линии или нейтрального отношения к военным событиям. Им казалось, что начавшаяся война должна была обострить противоречия между Церковью и государством, предоставив для первой удобную возможность свести счеты с богоборческой властью.

Однако этого не произошло. И вплоть до 1980-х гг. некоторые западные исследователи, особенно из клира и мирян Зарубежной Русской Церкви, стремились объяснить происшедшее прежде всего страхом оставшихся на свободе архиереев во главе с Местоблюстителем митрополитом Сергием перед новыми репрессиями¹³⁰.

Современные российские историки (В.А. Алексеев, М.И. Одинцов) при характеристике военного периода очень большое внимание уделяют предпосылкам и обстоятельствам встречи в Кремле 4 сентября 1943 г. И.В. Сталина с руководством Московского Патриархата¹³¹. В этом плане от их книг выгодно отличаются работы О.Ю. Васильевой, диссертация которой была в значительной степени посвящена исследованию основных направлений и объективной оценке патриотической деятельности Русской Церкви, ее вклада в общенародное дело достижения победы в Великой Отечественной войне. Изучались в диссертации боевой путь танковой колонны имени Дмитрия Донского, построенной на средства верующих; деятельность Совета по делам РПЦ, созданного в 1943 г.; история Православной Церкви в период оккупации на территории Северо-Запада России и отчасти Белоруссии. Другие публикации О. Васильевой содержат новые интересные взгляды на сталинскую религиозную политику¹³². Она аргументированно доказывает объективную неизбежность изменения государственного курса в годы войны, но в то же время создание лишь видимости взаимопонимания между правительством и Патриархией, преимущественно показной характер многих акций. За ширмой благополучия в религиозном вопросе для И. Сталина было важным поставить Церковь под жесткий контроль, одновременно сделав ее послушно управляемой силой в своей политической игре.

Истории Московского Патриархата в годы Великой Отечественной войны посвящена заключительная глава в монографии А.Н. Кашеварова¹³³. Но в этой книге использованы только опубликованные источники. Интересные немецкие материалы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве и нескольких германских архивах, позволяют проследить многие аспекты религиозной жизни на оккупированной территории СССР. Эти документы были частично опубликованы или использованы автором монографии¹³⁴. Свой вклад в исследование религиозной политики нацистской Германии и жизни русских приходов на территории Третьего рейха внесли немецкая исследовательница К. Геде и российский ученый А.К. Никитин¹³⁵.

В целом религиозная политика оккупационных властей и церковная жизнь на временно захваченной нацистами части Советского Союза остается одним из недостаточно изученных вопросов. В советской историографии этой теме посвящены книги З. Балевица и Я. Веверса, которые уделили главное внимание деятельности Псковской православной миссии и Прибалтийского экзархата Московского Патриархата 1941—1944 гг.¹³⁶ Они далеки от объективности, но если Я. Веверс видит в Псковской миссии лишь агентуру фашистской разведки, то З. Балевиц все же более объективен. Так, он пишет о противоречивости политики главы Прибалтийского экзархата митр. Сергия (Воскресенского), его отнюдь не прогерманских симпатиях.

Обращались к этой теме и зарубежные, в основном русские эмигрантские историки. Серьезным исследованием церковной жизни на оккупированной Украине является книга германского ученого Ф. Хейера, хотя ей присущи многие пробелы и неточности¹³⁷. Гитлеровскую политику по религиозному вопросу относительно полно документирует монография Х. Файерсайда, но автор слабо разбирается в канонике и истории Православия¹³⁸. По-своему интересную работу написал П. Андерсон, неоднократно приезжавший в СССР в качестве переводчика с представителями Епископальной Церкви США. Правда, он широко использовал в качестве источника советскую печать, почерпнув отсюда основные статистические данные, что привело к известной односторонности в освещении и оценке многих церковных событий и явлений во

время Второй мировой войны¹³⁹. Можно упомянуть и две статьи германских ученых о деятельности Псковской православной миссии и Прибалтийского экзархата¹⁴⁰.

К работам русских эмигрантов относятся несколько воспоминаний священников, служивших во время оккупации, книга В. Самарина о периодических изданиях, выходивших на занятой фашистами территории СССР¹⁴¹, и т.д. Но из всей перечисленной отечественной и зарубежной литературы выделяются труды В.И. Алексеева и Ф.Г. Ставру. Они единственные попытались в своей книге дать целостную картину церковной жизни во всех оккупированных областях и республиках Советского Союза¹⁴². Более поздний журнальный вариант их работы, хотя и имеет меньший объем, дополнен новыми материалами¹⁴³. В. Алексеев и Ф. Ставру справедливо утверждали, что впечатление о благоприятном отношении гитлеровской администрации к религиозному подъему на оккупированной территории СССР ложно и этот подъем произошел стихийно. Правда, они ошибочно считали, что в 1941 г. правительство Германии еще не имело ясно сформулированной религиозной политики в странах Восточной Европы. Целью книги провозглашался показ влияния возрождения Русской Церкви на оккупированной территории на резкое ослабление антицерковных акций в СССР. Религиозное возрождение в период оккупации называлось «вторым крещением Руси», утверждалось, что оно сыграло решающую роль в судьбе Русской Церкви, заставило И. Сталина избрать курс временного сосуществования с ней. Соответственно время с сентября 1943 г. до начала хрущевских гонений называлось «религиозным НЭПом»¹⁴⁴. Некоторое преувеличение роли исследуемого явления здесь очевидно. Хотя авторы и используют трофейные сводки СД, архивная база книги в целом довольно скудна. Это привело к серьезным пробелам и ошибкам в статистических подсчетах. Лучшей является глава о положении Церкви в Белоруссии, раздел же, посвященный Церкви на Украине, представляет собой в основном беглый пересказ части книги Ф. Хейера с повторением его ошибок. Еще слабее раздел о религиозной жизни в южных и центральных областях России, о многих важных регионах вообще нет никаких сведений. Численность же открытых в период оккупации православных храмов занижается примерно в два раза.

Подобное положение существует и с изучением истории Русской Православной Церкви после Великой Отечественной войны, ее отношений с атеистическим государством. Эта проблема привлекала внимание историков, однако пока изучена недостаточно. В отечественной историографии, по существу, первым к данной теме обратился В.А. Алексеев. В 1991—1992 гг. он написал две упоминавшиеся выше книги, в которых частично рассматривается и послевоенная государственная религиозная политика. Алексеев собрал интересный фактический материал, выдвинул ряд обоснованных гипотез. В частности, он справедливо подчеркивал значительную силу политической традиции, инерции антирелигиозной борьбы у большей части партийного и комсомольского аппарата, которая определяла и многие аспекты политики государства по отношению к Русскому Православию в целом. Однако практически не рассматривается ответная реакция Церкви, не уделяется должного внимания позиции духовенства и мирян. При изучении действий государства акций отсутствует комплексный подход, исследуются главным образом идеологические аспекты. А, например, влияние внешнеполитической линии руководства страны почти не учитывается. Нет в книгах и четко выделенной периодизации религиозной политики. Кроме того, В. Алексеев — бывший работник аппарата ЦК КПСС; как и в своих статьях 1980-х гг., он несколько идеализирует государственно-церковные отношения.

Таким же недостатком страдает небольшая по объему монография М.И. Одинцова «Государство и церковь в России. XX век». Послевоенному периоду в ней посвящен лишь один параграф. Основное внимание уделяется изучению деятельности органов,

непосредственно осуществлявших государственную политику в религиозном вопросе, и эволюции конституционно-правовой базы государственно-церковных отношений. Попытки совместить представления 1980-х гг. с информацией из рассекреченных архивных фондов порой приводили автора к противоречащим друг другу утверждениям. Так, с одной стороны, говорилось, что с созданием в 1943 г. Совета по делам РПЦ возрождался институт оберпрокурорства, с другой, — что заслуги председателя Совета Г. Карпова в возрождении Церкви были велики и пока еще объективно не оценены. Справедливо утверждалось, что «церковный институт» использовался для решения прагматических политико-идеологических целей внутри страны и на внешнеполитической арене, но в то же время подчеркивалось, что в аппарате КПСС всегда имелись силы, выступавшие против подчинения государственной религиозной политики идеологии правящей партии. Очень уязвим для критики и итоговый вывод: в 1917—1965 гг. у государства не было какой-либо единой линии, существовало «своеобразное сочетание элементов предшествующих моделей» — традиционной самодержавной, буржуазной и «присоединившихся к ним собственно социалистических элементов», «в различные периоды преобладали то одни, то другие элементы, определяя в целом характер государственно-церковных отношений»¹⁴⁵.

В нескольких работах российских историков рассматривались отдельные, частные сюжеты. Так, П.Н. Кнышевский писал об использовании религиозных организаций советской разведкой, Д.А. Волкогонов о влиянии личных качеств И.В. Сталина на церковную политику государства. О.Ю. Васильева большое внимание уделяла попыткам сделать сразу после окончания войны Московскую Патриархию «Православным Ватиканом» и ожесточенной борьбе с настоящим Ватиканом, что сильнее всего влияло на общую картину. С.А. Чеботарев написал монографию по истории Тамбовской епархии в 1940-е — 1960-е гг. и т.д.¹⁴⁶.

Существенный вклад в изучение деятельности Совета по делам Русской православной церкви внесла Т.А. Чумаченко, правда, она, как представляется, бесосновательно взяла в качестве хронологических рамок своей монографии период 1941—1961 гг.¹⁴⁷. Эта же тема освещается в книге И.В. Шкуратовой¹⁴⁸. История советской религиозной политики во второй половине 1960-х — 1980-е гг. специально исследовалась лишь в работах И.И. Масловой. В 2005 г. она выпустила две книги и несколько статей, к сожалению, их источниковая база была ограничена тем, что многие документы этого периода по-прежнему недоступны исследователям¹⁴⁹.

Священнослужители Московского Патриархата в своих работах лишь недавно начали писать об истории Русской Церкви во второй половине XX века. В затрагиваемых же эту тему трудах порой встречаются очень разные оценки. Так, протоиерей Владислав Цыпин в своих книгах избегает обобщающих выводов и полемических крайностей, достаточно спокойно излагает самые трагические события. Он считает, что новая, доброжелательная к Церкви политика государственной власти продолжалась с 1943 г. около 15 лет, а после периода хрущевских гонений (якобы почти не сопровождавшихся арестами) руководство страны встало на почву реальности в своей политике по отношению к верующим¹⁵⁰.

Гораздо более резок в оценках митрополит Иоанн (Снычев). Он предполагает, что благоприятный для Церкви этап завершился со смертью Сталина в 1953 г., а наступившая сразу же вслед за этим хрущевская оттепель сопровождалась отказом от национально-патриотических элементов официальной идеологии, ее окончательным переводом на интернациональные рельсы и соответственно новым витком антицерковных гонений (как результат процесса «десталинизации»). Полностью замалчивается изменение курса государственной религиозной политики в 1948 г., существенное улучшение положения Московского Патриархата в середине 1950-х гг., численность

закрытых в 1950-х — начале 1960-х гг. храмов завьшается в несколько раз (говорится о 12 тыс.) и т.д.¹⁵¹

Заметный вклад в изучение темы внесли зарубежные и русские эмигрантские историки. Следует отметить, что если в 1920—1930-е гг. за границей фактически не существовало расхождений в оценках между научными исследователями и публицистикой — СССР считался государством, стремящимся к уничтожению религии, то после Второй мировой войны ситуация существенным образом изменилась. Восстановление патриаршества, проведение грандиозного Поместного Собора 1945 г., активная международная деятельность Московской Патриархии оказали сильное воздействие на позицию значительной части русской эмиграции и руководящие органы Церквей различных конфессий. Многие эмигранты перешли в юрисдикцию Московского Патриархата, представители же Русской Православной Церкви в Америке и Западноевропейского Русского экзархата стали относиться к ней достаточно лояльно. Непримиримой осталась лишь Зарубежная Русская Церковь, однако она оказалась почти в полной изоляции. Основные западные Церкви, поверив, что Православие в СССР растет и развивается, стали подчеркивать свою солидарность с Московской Патриархией, во многом приняв проводимую ее иерархами линию в борьбе за мир и разоружение. В духовной печати утвердилась точка зрения, что верующие в Советском Союзе пользуются полной свободой. Иное мнение могли выражать почти исключительно ученые и публицисты, не зависящие от церковных структур. Причем эта часть публицистов впадала в другую крайность, огульно осуждая всю деятельность Московской Патриархии и стремясь прежде всего обратить внимание западного читателя на страдания верующих в социалистических странах.

Из эмигрантов историей послевоенного периода занимались в основном священнослужители и миряне Зарубежной Русской Церкви. Так, в книгах М. Польского и епископа Григория (Габбе) опровергались утверждения о прогерманской позиции РПЦЗ в годы Второй мировой войны и подробно освещалась борьба в русском Православии за рубежом во второй половине 1940-х гг.¹⁵² В.И. Алексеев написал работу, содержащую подборку биографий православного епископата в СССР за 1941—1953 гг.¹⁵³ Правда, он пользовался только опубликованными источниками, что не могло не сказаться на уровне книги. Антицерковным акциям советских властей в 1950—1960-е гг. были посвящены монографии протоиерея Д. Константинова и А.А. Боголепова¹⁵⁴. Значимость для Московской Патриархии в свете этих гонений связей с экуменическим движением (являвшихся «важнейшим средством противостояния режиму») подчеркивалась в статье священника М. Аксенова-Меерсона¹⁵⁵. В целом работы русских эмигрантов чаще всего субъективны, пристрастны и обычно затрагивают ограниченный круг вопросов какого-то конкретного периода времени. Обобщающих, аналитических монографий ими написано не было. На эту роль претендует упоминавшийся трехтомник В. Степанова (Русака). Однако он является не научным исследованием, а страстной и достаточно наивной публицистической книгой, страдающей нарушением хронологии, отсутствием последовательности изложения, обилием фактических ошибок.

Зарубежные историки уже в 1950—1970-е гг. высказали ряд гипотез и идей, подтверждение которым нашел в архивных материалах автор. Написавший несколько книг У. Флетчер справедливо считал, что изменение государственного религиозного курса намечалось еще в 1939—1941 гг., выделил 1945—1948 гг. как период особенно активного содействия Русской Церкви советским внешнеполитическим акциям. В то же время он датирует начало деятельности Московской Патриархии как «проводника советского империализма» апрелем 1945 г., а не осенью 1943 г., рассматривает только два основных аспекта задач Русской Церкви на международной арене в «ста-

линскую эпоху». Не оправдывает себя и выделение в качестве последовательных этапов установление контроля Московской Патриархии над Православными Церквями Восточной Европы и попытки получить гегемонию в других регионах — эти акции осуществлялись фактически одновременно. У. Флетчер предвзято оценивает внешнюю деятельность Русской Церкви исключительно с политических позиций. Нельзя согласиться с его утверждением, что международное движение в защиту мира было исключительно «советским творением» с самого начала¹⁵⁶.

Следует также выделить работы Н. Струве, М. Спинки и У. Коларза¹⁵⁷. Первый из этих историков, подчеркивая, что внешние связи Московской Патриархии являются областью, в которой ее зависимость от государства ощущалась более всего, верно отмечал связь уступок в интересах Церкви с последующими важными международными акциями Патриархии. Однако исторический обзор Н. Струве носит в целом беглый характер и сосредоточен на «хрущевском» периоде и реакции верующих на гонения этого времени. Хорошая монография М. Спинки доходит, к сожалению, лишь до начала 1950-х гг. У. Коларз аргументированно раскрывает политическую подоплеку участия Московской Патриархии в движении за мир, вынужденность вступления ее во Всемирный Совет Церквей. В то же время его работам присущи многие названные недостатки трудов У. Флетчера.

Большинство западных историков преувеличивает степень контроля государства над Русской Церковью, не учитывает обратного воздействия, вынужденности считаться с интересами миллионов верующих. Спорной и недостаточно разработанной представляется и периодизация государственной религиозной политики, всплесков репрессивных акций в их работах, в том числе у наиболее плодovitого автора 1980—1990-х гг. — Д. Поспеловского. Для его, несомненно, ценных в научном плане книг характерно, однако, некритичное, дословное воспроизведение большого количества нарративных источников. Трудно согласиться и с рядом утверждений этого историка. Так, например, он пишет, что государство в СССР осуществляло административные меры в борьбе с религией, так как «Советы рассматривали Русскую Православную Церковь как угрозу их монополии на власть»¹⁵⁸. Но церковные организации отнюдь не подменяют органы государственного управления.

Некоторые из западных историков, например, Д. Куртис, собрав большой фактический материал, оказались неспособными объяснить причины советских гонений на верующих. Принадлежа к поколению американской левой интеллигенции 1930-х гг., позитивно оценивавшей «сталинские достижения», Д. Куртис обвинял в этих гонениях их жертв. А французский историк К. Грюнвальд вообще писал, что репрессии священнослужителей были оправданы, так как вызывались не их религиозными убеждениями, а активной антисоветской деятельностью¹⁵⁹. Д. Поспеловский так (в основном справедливо) писал в 1995 г. о своих зарубежных предшественниках: «...не будучи православными, а часто плохо зная историю России и историю Русской Православной Церкви дореволюционного периода, они нередко совершали ошибки в суждениях и сравнениях, проявляли неспособность понять органические церковные процессы, внутреннюю (мистическую) жизнь Церкви»¹⁶⁰. Уже отмечалась и ограниченность источниковой базы работ западных историков.

Церковная история России в 1990-е гг. еще ждет своего исследователя. Краткий ее обзор содержится в упоминавшихся общих работах проф. В. Цыпина и во вступительном томе Православной энциклопедии¹⁶¹. Относительно полно освещены лишь биографии архиереев Московского Патриархата тех лет¹⁶². Таким образом, многие аспекты истории Русской Православной Церкви в XX веке остаются малоисследованными и требуют дальнейшего изучения, прежде всего, на основе ставшего за последние 20 лет доступным огромного комплекса документов российских государственных архивов.

Роль существующих публикаций источников пока относительно невелика в силу специфики исследуемой темы и невозможности (за редкими исключениями), для ученых как отечественных, так и зарубежных, на протяжении многих лет получить доступ к соответствующим архивным материалам или, во всяком случае, опубликовать их. Тем не менее были использованы, во-первых, опубликованные источники, характеризующие политику Советского государства и коммунистической партии по отношению к религиозным организациям. Сюда относятся материалы партийных съездов, конференций, пленумов ЦК, постановления и циркуляры центральных органов ВКП(б) - КПСС, посвященных проведению атеистической пропаганды, использованию Русской Церкви в различных международных акциях и т.д. Изучались документы В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, Н.С. Хрущева и других руководителей коммунистической партии, в том числе опубликованные в журнале «Известия ЦК КПСС». Подробно прослеживалось государственно-правовое регулирование деятельности Русской Церкви актами законодательных и исполнительных органов Советского государства, причем активно использовались издания, предназначенные для служебного пользования¹⁶³. Большую ценность представляют подобные материалы Советов по делам религий и по делам Русской Православной Церкви, опубликованные в виде брошюр тиражом 500—700 экземпляров (в основном доклады председателей Советов на всесоюзных совещаниях уполномоченных). В то же время в этих официальных документах нередко искажалось действительное положение религиозных организаций, сильно преуменьшалось их влияние.

Вторую группу составляют опубликованные документы Московского Патриархата. Первые сборники их вышли в годы Великой Отечественной войны или сразу после ее окончания. Они содержали послания иерархов, постановления Священного Синода, патриотические воззвания, письма, телеграммы¹⁶⁴. В 1950—1980-е гг. подобные издания выходили очень редко и были посвящены почти исключительно миротворческой деятельности Патриархии на международной арене. За последние 15 лет положение изменилось. Так, ценным источником стал появившийся в 1994 г. сборник документов Русской Православной Церкви за 1917—1943 гг., в основном хранящихся в уникальной коллекции, собранной М.Е. Губониным¹⁶⁵. В дальнейшем Православный Свято-Тихоновский Богословский институт (в настоящее время Свято-Тихоновский гуманитарный университет) издал еще ряд ценных сборников архивных документов¹⁶⁶. Выходили сборники материалов и других церковных организаций¹⁶⁷.

С 1991 г. в журналах, исторических альманахах начали публиковаться подборки архивных документов по истории религиозной политики Советского государства. В основном они касались материалов 1920—1930-х гг.¹⁶⁸ Несколько подобных публикаций подготовил московский историк М.И. Одинцов, в том числе серию, посвященную деятельности Патриархов Русской Церкви в 1917—1990 гг.¹⁶⁹ Важное значение для написания книги имели публикации М.И. Одинцовым документов периода Великой Отечественной войны¹⁷⁰. Он использовал, как правило, материалы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории и Архива Московской Патриархии.

Следует отметить и сборники документов, посвященные политике Советского государства в отношении Русской Православной Церкви, составленные Г. Штриккером, академиком Н. Покровским и С. Петровым («Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922—1925 гг.»), а также коллективом сборника «Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941»¹⁷¹. Ряд публикаций архивных материалов по истории государственной религиозной политики и церковного сопротивления в СССР подготовил и автор монографии¹⁷². Определенные споры и дискуссии вызвал

вышедший недавно сборник документов об отношении российского духовенства к свержению монархии в стране в 1917 г. (составитель М.А. Бабкин)¹⁷³.

В начале 2007 г. в Берлине вышел в определенном смысле уникальный сборник документов, составленный Л. Штайндорфом и Г. Шульцем. Впервые, хотя и на немецком языке, были полностью опубликованы протоколы заседаний печально знаменитой Комиссии по проведению отделения церкви от государства (Антирелигиозной комиссии) при ЦК РКП(б) — руководящего органа религиозной политики Советского государства в 1922—1929 гг.¹⁷⁴ В российской историографии протоколы Антирелигиозной комиссии ранее изучались лишь частично. В советское время само существование комиссии было почти неизвестно, единственной работой, где содержались хоть какие-то, частично искаженные, сведения о ее деятельности, являлась книга Г.В. Воронцова¹⁷⁵. Первый обзор истории Антирелигиозной комиссии и содержания ее протоколов сделал в 1993 г. историк С. Савельев (к сожалению, вскоре скончавшийся)¹⁷⁶. В дальнейшем целый ряд российских и зарубежных исследователей (Н.А. Кривова, С.Г. Петров, А.И. Савин, В.В. Жижков, А. Луукканен, Э. Рослов и др.) в своих работах обращались к различным сюжетам, отраженным в протоколах Антирелигиозной комиссии, однако в подавляющем большинстве случаев ограничивались периодом до весны 1925 г.¹⁷⁷ При этом некоторые из указанных авторов публиковали единичные протоколы. В упоминавшемся сборнике документов «Архивы Кремля» также публиковались отдельные протоколы, как и разнообразные источники о создании Антирелигиозной комиссии, но полная картина ее деятельности, даже в начальный период существования, ранее показана не была.

Интерес представляют и опубликованные нарративные источники различного характера (мемуары, дневники, автобиографии, письма и т.д.), позволяющие сопоставить с ними, откорректировать, дополнить соответствующие архивные материалы. Среди изданий первой половины 1990-х гг. можно выделить сборник воспоминаний о церковной жизни 1920-х гг. из собрания М.Е. Губонина, публикацию писем профессора М.А. Новоселова — видного деятеля иосифлянского движения, автобиографический очерк архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), воспоминания и дневниковые записи митрополита Вениамина (Федченкова), воспоминания и письма митрополита Нестора (Анисимова), а также воспоминания епископа Арсения (Жадановского)¹⁷⁸. Пребывание в лагере священника Патриаршей Церкви подробно описывается в воспоминаниях об о. Арсении¹⁷⁹, а хрущевские гонения на религиозные организации — в свидетельствах духовных детей о жизни и деятельности протоиерея Николая Голубцова¹⁸⁰. Это было только начало, в дальнейшем количество подобного рода изданий выросло в несколько раз. Только у архиепископа Василия (Кривошеина) было издано четыре книги воспоминаний¹⁸¹. Хотя, конечно, при использовании нарративных источников необходимо учитывать их субъективный характер.

В книге широко применялась периодическая печать 1910-х — 1990-х гг.: общероссийские и общесоюзные газеты и журналы, издания «Союз воинствующих безбожников» и т.п. В них содержатся интересные сведения о борьбе с влиянием религиозных организаций, проведении атеистической пропаганды в советский период или развитии церковной жизни в современной России. Однако интерпретация фактов и далеко не всегда надежный цифровой материал требуют тщательной дополнительной проверки. Значительное внимание уделялось периодическим изданиям Московского Патриархата. В первые годы советской власти их выходило немало: «Церковные Ведомости», «Церковно-общественный вестник», различные епархиальные вестники. Однако после 1922 г., если не считать обновленческих журналов «Живая Церковь», «Соборный разум», «Вестник Священного Синода Православной Российской Церк-

ви», несколько лет выпускался только «Журнал Московской Патриархии» (ЖМП). В середине 1930-х гг. вся церковная печать была запрещена. После значительного изменения курса государственной религиозной политики, в сентябре 1943 г. издание ЖМП возобновилось. В этом журнале приводились сведения о внутренней жизни Московской Патриархии, аналогичных которым нет в других источниках. Правда, необходимо учитывать жесточайшую цензуру, осуществлявшуюся Советами по делам Русской православной церкви и но делам религий.

Трудно переоценить и значение русских эмигрантских журналов, выходивших в Германии, Франции, США. Некоторые из них публиковали преимущественно религиозные материалы, прежде всего «Вестник русского христианского движения» (Париж) и «Русское Возрождение» (Нью-Йорк). Отдельные работы по истории Русской Церкви XX века печатались в журналах «Грани», «Посев», «Континент» и других. Несколько периодических изданий в послевоенные годы издавалось в центре Русской Православной Церкви за границей — Джорданвилле (США): «Православная Русь», «Православный путь», «Православная жизнь». Публикации в указанных журналах отражают взгляды представителей различных направлений русской церковной эмиграции: Американской митрополии (с 1970 г. автокефальной Православной Церкви), РПЦЗ, Западноевропейского экзархата и зачастую страдают тенденциозностью и полемичностью. В то же время некоторые сюжеты из истории церковного диссидентства, катакомбного движения, «религиозного возрождения» в годы Второй мировой войны на оккупированной территории СССР и другие освещались только в них.

Автор использовал и самиздатовские религиозные журналы: «Вече» и «Надежда». Их подборки хранятся в библиотеке Научно-информационного центра «Мемориал» (Санкт-Петербург). Там же была изучена и наиболее ценная часть документов Архива Самиздата радио «Свобода» (Мюнхен, с 1995 г. Будапешт), опубликованная ротационным способом¹⁸².

Основной же источниковой базой были материалы государственных архивов России, Украины, Германии и США. В общей сложности, работа по выявлению и изучению неопубликованных источников проводилась в нескольких десятках архивохранилищах. Их можно условно разделить на пять основных групп. Во-первых, это центральные российские архивы, где сосредоточены документы высших партийных и государственных учреждений, а также материалы, поступившие с мест. К этой группе относятся Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив новейшей истории и Российский государственный военный архив. Ряд материалов был получен из Архива Президента Российской Федерации (при участии в их подготовке к публикации).

Во вторую группу входят архивы Санкт-Петербурга и Ленинградской области, где хранится документация местных органов власти (в том числе контролировавшая религиозные организации) Северо-Запада России. Это Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга и Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Их важное значение в изучении избранной темы определяется особой ролью северной столицы для судеб Русской Православной Церкви. Петербург (Петроград, Ленинград) значительную часть XX века во многом оставался церковным центром страны. Неслучайно все Патриархи, избранные после Октябрьской революции, были ленинградскими митрополитами (Патриарх Алексей I, Пимен, Алексей II) или временно управляющими епархией (Патриарх Сергей). Церковная общественность города на Неве особенно чутко реагировала на все изменения в политической и социальной жизни страны. Именно здесь зародились самые влиятельные движения,

возникшие в Русской Церкви в XX веке — обновленческое и иосифлянское. Все это обуславливало повышенное внимание органов власти к местной религиозной обстановке. Благодаря налаженности делопроизводства, лучшей, чем в большинстве других районов, в петербургских архивах сохранилось много различных материалов по проблемам контроля за деятельностью религиозных организаций и борьбы с ними: руководящие указания партийных и государственных органов, сводки о религиозной ситуации в городе и области, информационные материалы, составившиеся уполномоченными Совета по делам РПЦ, органами НКВД-МГБ-КГБ и т.д.

К третьей группе относятся архивы Управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Новгородской, Псковской, Тверской, Самарской, Архангельской и других областей, Информационный центр Министерства внутренних дел Карелии. С делами репрессированных священнослужителей, хранящимися в них, удалось познакомиться через Комиссию по канонизации новомучеников, общество «Мемориал» или родственников осужденных. В некоторых регионах фонды архивно-следственных дел органов госбезопасности уже были переданы в областные и республиканские архивохранилища: в Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области, Центральный государственный архив общественных организаций Украины, Центр документации новейшей истории Костромской области, Государственный архив Республики Марий Эл, Государственный архив Российской Федерации. Близок к ним по составу документов и Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург), в котором хранятся в основном материалы о репрессиях граждан СССР. Естественно, что следственные дела являются очень специфическим видом документов, требующим особой осторожности при работе с ними.

В четвертую группу входят германские государственные архивы: Федеральный архив в Берлине, Федеральный военный архив во Фрейбурге и Архив Института современной истории в Мюнхене. Наконец, к пятой группе можно отнести архивохранилища, содержащие фонды религиозных организаций и учреждений. Ряд подобных фондов имеется в Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Российской Федерации. Много материалов по истории русской церковной эмиграции содержится в Синодальном архиве Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке, Архиве Свято-Троицкой духовной семинарии РПЦЗ в Джорданвилле (США), Архиве Германской епархии РПЦЗ в Мюнхене и Архиве Среднеевропейского экзархата Московского Патриархата в Берлине. Изучались и материалы за 1943—1990-е гг., хранящиеся в Архиве Санкт-Петербургской епархии.

Таким образом, работа с материалами различных по принципам документообразования архивохранилищ дала возможность познакомиться с разного вида документами. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) были изучены три фонда, прежде всего фонд Совета по делам Российской Православной Церкви (ф. 6991), представляющий основную ценность. Ведь этот орган контролировал и во многом управлял всей деятельностью Московской Патриархии в 1943—1960-е гг. Анализ его документов позволяет проследить как начало этапа «примирения» в отношениях между государством и Церковью осенью 1943 г., так и переход в 1958 г. к новым ожесточенным гонениям на религиозные организации. В фонде содержатся протоколы заседаний Совета и Священного Синода, переписка с Патриархом, записи бесед церковных иерархов с работниками Совета, докладные записки в ЦК КПСС, инструкции, аналитические обзоры, документы о международной деятельности Московской Патриархии. По ним можно наглядно проследить трансформацию работы Совета — от первоначального стремления, помимо установления контроля, способствовать нормализации государственно-церковных отношений до попыток осуще-

ствить разгром церковной организации. При этом удалось познакомиться с материалами нескольких описей, частично недоступных для большинства исследователей. В особой папке И.В. Сталина (ф. Р-9401сч) были обнаружены документы 1944 г. о насильственном переселении истинно-православных христиан из центральных областей России в Сибирь и на Алтай. Они свидетельствуют о том значении, которое высшее руководство страны придавало борьбе с каткомным движением. В фонде ВЦИК РСФСР (ф. 1235) интерес представляли материалы о проведении антирелигиозных акций в начале 1920-х гг. Большую ценность составляет и доходящий до 1941 г. фонд Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей (ф. 6343).

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) исследовался фонд Центрального комитета ВКП(б) — КПСС, следующие пять описей: оп. 88 — Сектор информации Организационно-инструкторского отдела, оп. 121 — Технический секретариат Оргбюро, оп. 122 — Организационно-инструкторский отдел, оп. 125 — Управление пропаганды и агитации, оп. 132 — Отдел пропаганды и агитации. Среди выявленных материалов, впервые вводимых в научный оборот, находятся секретные циркуляры ЦК, постановления Секретариата и Политбюро ЦК, документы Управления пропаганды и агитации, рассказывающие об организации контроля за деятельностью религиозных объединений, о роли партийных комитетов в проведении этой работы, сборе секретной информации о религиозной ситуации в стране, различного вида сводки, поступившие в ЦК из НКВД—МГБ, Совета по делам РПЦ и других государственных органов. Значительный интерес представляют материалы военного времени, в том числе немецкие трофейные документы, содержащие данные о религиозной политике нацистской Германии, патриотической позиции Русской Церкви.

Основная часть архивных дел Центрального Комитета КПСС с 1956 г. содержится в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), составляя специальный фонд (ф. 5). Они просматривались вплоть до 1970-х гг., причем особое внимание уделялось материалам отдела пропаганды и агитации ЦК. Именно он в значительной степени руководил антирелигиозной кампанией конца 1950-х — начала 1960-х гг. Ведь после смерти И. Сталина существенная часть функций органов госбезопасности в области контроля за Церковью перешла к партийным организациям. Материалы указанного фонда также позволяют проследить борьбу, которая в 1950-е гг. шла в высшем руководстве страны по вопросу определения курса религиозной политики.

Значительный интерес представляет Российский государственный военный архив в Москве (РГВА), хранящий трофейные документы Третьего рейха, вывезенные из Германии в 1945—1946 гг. Очень богат фонд Министерства церковных дел (ф.1470), правда, его материалы территориально относятся лишь к оккупированным европейским странам и самой Германии, исключая СССР. Можно упомянуть следующие дела, содержащие переписку с различными государственными ведомствами и православными архиереями о положении Русской Церкви, проведении богослужений для восточных рабочих и советских военнопленных — опись 1, д. 5, 17, 18, 19, опись 2, д. 5, 10, 11. Более содержателен, применительно к избранной теме, фонд РСХА (ф.500). Он включает в себя специальное дело с приказами шефа полиции безопасности и СД о религиозной политике на оккупированной территории СССР за июль—ноябрь 1941 г. (опись 5, д. 3). В нескольких делах хранится скопированная службами РСХА частная и деловая переписка русских священнослужителей за 1937—1942 гг. (опись 3, д.450, 453, 454, 456). Фонд РМО (ф.1358) относительно небольшой и по церковной тематике в нем могут быть использованы лишь доклады о положении в Прибалтике и Белоруссии за 1942—1943 гг. (оп. 1, д. 11, 12, 14) и бюллетени министерства (оп. 4, д.10—12). Отдельные документы о Русской Церкви

хранятся также в фондах командующего полицией безопасности и СД «Остланда» (ф.504), Министерства юстиции (ф.1146) и др.

Из Архива Президента Российской Федерации, благодаря представившейся возможности, был изучен ряд документов фонда Политбюро ЦК КПСС (ф. 3) из дел по изъятию церковных ценностей и проведению судебных процессов над православными священнослужителями в начале 1920-х гг. Они представляют собой протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) за 1922—1923 гг., письма Л.Д. Троцкого, возглавлявшего в тот период осуществление антицерковных акций. Эти материалы свидетельствуют о том, что захват церковной власти обновленцами проводился по инициативе, под давлением и при активном участии государственных органов.

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) были изучены практически все фонды, содержащие сведения по избранной теме (всего более 50). Поиски облегчались тем, что автор работает ведущим научным сотрудником этого архива. Большая часть выделенных материалов содержалась в 15 фондах. Следует отметить, что епархиальные власти лишь в 1990-е гг. получили возможность создавать собственный полноценный архив, документов до 1943 г. в нем почти нет, и поэтому источники, содержащиеся в ЦГА СПб, являются уникальными. Значительная доля их ранее была засекречена и закрыта для исследователей, другая находилась в свободном доступе, но практически не вовлекалась в научный оборот.

В архиве содержатся в основном материалы государственных учреждений, регулирующих деятельность религиозных организаций в Петроградской губернии и Ленинградской области. Наиболее крупный комплекс документов хранится в фонде Ленгорисполкома (ф. 7384), в описи дел городской комиссии по делам культов. Это прежде всего дела по наблюдению за деятельностью храмов северной столицы с 1917 г.: исторические справки, инвентарные описи, анкеты и списки членов двадцаток, священнослужителей, протоколы приходских собраний, переписка, планы, фотографии церковных зданий и т.д. Значительную ценность представляют данные об открытии и закрытии храмов, проведении религиозных празднеств, регистрации различных религиозных обществ. Имеются в материалах комиссии и дела по изъятию церковных ценностей, содействию властей захвату обновленцами руководящей роли в епархии в 1922 г.; уничтожению колоколов, разрушению церквей, арестам и высылке священнослужителей в 1930—1940-е гг. Аналогичные сведения по другим городам Ленинградской области содержатся в документах Леноблисполкома (ф.7179).

Обширное собрание материалов за 1918—1923 гг. хранится в фонде Петроградского губернского отдела управления (ф. 1001) — протоколы заседаний и отчеты о деятельности столов регистрации, сводки об общем, политическом, административном состоянии районов города в период изъятия церковных ценностей, переписка с епархиальным советом, митрополитами, обновленческим епархиальным управлением (ЛЕУ). Здесь же, а также в документах Ленгорисполкома имеются стенограммы, протоколы епархиальных собраний и съездов обновленцев, списки и анкеты членов ЛЕУ. Материалы районных столов регистрации сохранились далеко не полностью. Лучше они представлены в фонде Петроградского (ф. 151), Московско-Нарвского (ф. 104) и Центрально-городского (ф. 56) райисполкомов, в них имеются и малоизвестные циркуляры вышестоящих инстанций.

Основным источником для изучения проблем общей религиозной политики Советского государства в 1918—1919 гг., кампании вскрытия и изъятия мощей канонизированных святых Православной Церкви и т.п. являются фонды Центрального исполнительного комитета и Совета комиссаров Союза коммун Северной области (ф. 143), а также Комиссариата внутренних дел СКСО (ф. 142). На основании директив и распоряжений НКВД, VIII (ликвидационного) отдела Наркомата юстиции они

дают представление о деятельности центральных властей в этих вопросах. Сохранились в указанных фондах и письма, заявления, резолюции канонизированного митрополита Вениамина (Казанского). Ценные сведения можно почерпнуть из документов Петроградского губернского совета (ф. 1000), в ряде стенографических отчетов и протоколов заседаний за 1921—1927 гг. которого отложились материалы обсуждения депутатами различных религиозных вопросов. В этом же фонде хранится и переписка Ленгорисполкома с ОГПУ за конец 1920-х — начало 1930-х гг., проливающая свет на репрессивные антирелигиозные кампании. Следует упомянуть и документы о духовном образовании в фонде Богословских института и училища (ф. 8952), несмотря на все преграды сумевших просуществовать до конца 1920-х гг.

История епархии в первые годы Великой Отечественной войны отражается в материалах Ленгорисполкома, Леноблисполкома и некоторых райисполкомов. Например, в фонде Дзержинского РИКа (ф. 4769) имеется отчет общины Спасо-Преображенского собора о всех сторонах ее деятельности за 1941—1944 гг. Сведения о религиозной жизни на подвергшейся оккупации части Северо-Запада России, а также Прибалтики содержатся в фонде Коллекции документов немецких оккупационных властей (ф. 3355). В библиотеке архива хранится и ценнейшая трофейная коллекция газет, выходивших в период оккупации. Наконец, данные по избранной теме за 1944—1960-е гг. были почерпнуты из трех фондов Ленинградских уполномоченных советов по делам Русской Православной Церкви (ф. 9324), по делам религиозных культов (ф. 2017) и по делам религий (ф. 9620). Они позволяют достаточно полно представить историю епархии за послевоенный период.

В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) просматривались материалы шести фондов: Ленинградского областного комитета ВКП(б) -КПСС (ф. 24) и пяти райкомов партии: Выборгского, Московского, Василеостровского, Невского и Петроградского (ф. 2, 3, 4, 5, 6). Использовались политсводки, отчеты, переписка, различного рода доклады органов ОГПУ, НКВД и МГБ, в которых имелись сведения о религиозных организациях. К примеру, важная информация о ликвидации тайной иосифлянской общины содержалась в справке областного управления НКВД от 1 октября 1942 г. Однако надо учитывать условия создания этих документов, а также источник их происхождения. В отличие от официальных отчетов, порой приукрашивавших действительность, секретная переписка дает более правильное представление о событиях.

Автор работал и с материалами восьми фондов Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге (ЛОГАВ): Ленинградских областного и губернского судов (ф. Р-3820 и ф. Р-2205), Лужского, Волосовского, Винницкого, Гатчинского РИКов (ф. Р-2019, Р-1328, Р-1397, Р-1432), административных отделов Ленинградского окружного исполкома и Гатчинского райисполкомов (ф. Р-3176, Р-3183). Они содержат отдельные документы, дополняющие общую картину взаимоотношений религиозных организаций и областных органов власти, созданную по документам ЦГА СПб. и ЦГАИПД СПб. К этим материалам относятся судебные дела об «антисоветской» религиозной агитации и деятельности, информация о закрытии храмов, запрещении колокольного звона, паломничества к святым местам в 1958—1964 гг. и т.д.

В третьей группе архивов было просмотрено несколько десятков следственных дел, в основном содержащих материалы о церковном сопротивлении: деятельности иосифлян и других групп «непоминающих», представителей катакомбного движения. Изучение истории нелегальных организаций имеет свою специфику. В государственных архивах сведения о них почти полностью отсутствуют. Исключением являются документы, хранящиеся в органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ), дополняющие материалы устной истории и личных коллекций.

Так, в Архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области удалось познакомиться с групповым делом иосифлянского монашества 1932 г., а также нелегальной организации «Воскресенье», которую возглавлял известный религиозный философ А. Мейер. Следует отметить, что в следственных делах нередко содержится большое количество вещественных доказательств — разного рода «антисоветских» документов. Целая коллекция религиозного самиздата была конфискована и при разгроме «Воскресенья» в 1928 г., в том числе иосифлянские воззвания, брошюры и т.п.

Автору удалось изучить и очень важное семитомное следственное дело, хранящееся в ГАРФе. Оно посвящено расследованию деятельности организации «Истинное православие» в Подмосковье и Тверской епархии и датируется 1930—1931 гг. По делу проходило 63 человека, в том числе руководители московских, серпуховских, тверских иосифлян. В Архиве Управления ФСБ по Архангельской области и Информационном центре МВД Карелии просматривался фонд личных дел, в основном Соловецкого лагеря особого назначения, являвшегося в 1924—1937 гг. крупнейшим местом заключения православного духовенства. Ценным источником стали два следственных дела по процессам «буевцев» — сторонников епископа Алексия (Буя) 1930 и 1932 гг., недавно рассекреченные и переданные в Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ф. 9323). Эти объемные дела состоят в общей сложности из 14 томов и позволяют подробно осветить историю иосифлянского движения в его втором по значению центре — Центрально-Черноземной области. В этом же архиве изучались и материалы о деятельности катакомбников в 1940—1950-е гг.

В Центральном государственном архиве общественных организаций Украины просматривалось семь следственных дел украинских «непоминающих» и иосифлян конца 1920-х — 1930-х гг. (ф. 263). Особенный интерес представляло 20-томное дело «Истинно-православной церкви» 1932 г., охватывавшее все основные районы Украины: Донбасс, Подолье, Киевскую, Харьковскую, Одесскую и другие области. А в Центре документации новейшей истории Костромской области изучались в основном материалы послевоенного времени — следственные дела 1940—1950-х гг. катакомбников и священнослужителей Патриаршей Церкви (ф. 3656).

Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург) был создан в 1989 г., но уже достиг значительного объема. В нем прорабатывались фонды: специальных анкет, заполнявшихся репрессированными и их родственниками (ф. 1), биографических материалов о подвергавшихся репрессиям (дневников, писем, автобиографий, копий документов следственных дел и т.п.) (ф. 2), неопубликованной мемуаристики (ф. 4) и Р — фонд материалов по истории репрессий религиозных организаций в СССР. Ценность этого архива заключается в большом количестве нарративных источников, собранных в нем.

Четвертую группы образуют германские государственные архивы. При этом наибольшее значение имеет Федеральный архив (Бундесархив) в Берлине (Bundesarchiv Berlin — BA). Фонд Министерства занятых восточных территорий содержит важнейшие акты, разработанные в министерстве и определившие церковную политику гражданской администрации, на занятой германскими войсками территории СССР. Основная их часть, как и сообщения с мест представителей ведомства А. Розенберга, хранится в трех делах, имеющих единое название «Религиозная свобода на занятых восточных территориях и церковная политика РМО и рейхскомиссаров 1941—1944» (R6/177, 178, 179). Большой интерес представляет также дело с перепиской А. Розенберга с шефом Имперской канцелярии Ламмерсом 1940—44 гг. (R6/22) и дело «Критические отзывы и жалобы рейхсминистра Розенберга фюреру и рейхсканцлеру 1941—43» (R6/18). Они позволяют проследить, как шла разработка закона о религиозной свободе на занятых восточных территориях, какая острая борьба различных

ведомств велась по поводу этого указа, который в итоге так и не был принят. Дело «Создание самоуправления на занятых восточных территориях и участие местных жителей в управлении 1942—44» (R6/281) содержит много ценных сведений о положении религиозных организаций в рейхскомиссариате «Украина» и попытках германских властей использовать в своих целях Украинскую автокефальную Православную Церковь.

В фонде Главного управления имперской безопасности имеется богатейшая информация о положении Русской Церкви на оккупированной территории СССР в трех группах сообщений представителей этого ведомства за 22 июня 1941—21 мая 1943 гг. (R58/60, 214—225, 697—699). Указанный источник содержит не только информационные сводки, но и заявления православных священнослужителей в германские органы власти, порой копии важнейших церковных документов, например, акта объединения Украинских автокефальной и автономной церквей от 8 октября 1942 г. Следует отметить также протокол беседы Гитлера с Розенбергом и рейхскомиссаром Э. Кохом о германской политике на Украине от 19 мая 1943 г. (R58/1005), докладные записки о «русском вопросе» 1942 г., Украине 1940 г. (R58/13, 37) и документы об особом обращении с восточными рабочими (R58/243).

Фонд Министерства церковных дел содержит прежде всего материалы о положении приходов Русской Церкви на территории Германии, однако с информативной целью министерство также получало различные сообщения и докладные записки о ситуации на занятых восточных территориях. Они отложились главным образом в деле «Православная Церковь в новых рейхскомиссариатах Востока 1941—45» (R5101/22183). Это дело заканчивается важным документом от 29 января 1945 г., в котором говорится об указаниях, данных рейхслейтером М. Борманом германским средствам пропаганды в связи с избранием нового Московского патриарха. Интересны и материалы о попытках создания Православного Богословского института в Бреслау или Берлине в деле «Православная Церковь за границей, 1936—39» (R5101/23173) или о религиозной ситуации на оккупированной территории Польши и Западной Белоруссии, 1939—1941 гг. (R5101/22181). Кроме того, в Бундесархиве отдельные акты, относящиеся к германской церковной политике на Востоке, содержатся в фондах Имперской канцелярии (R43/II), Министерства юстиции (R22), Министерства финансов (R2), МИД (R901), Внешнеполитической службы НСАП (NS43) и др.

Вторым использованным германским архивом является Федеральный военный архив во Фрейбурге (Bundesarchiv-Militärarchiv — BA-MA), материалы которого позволяют исследовать церковную политику военной администрации на оккупированных территориях СССР. В фонде командующих армейскими тыловыми областями хранятся указы, определившие отношение к Русской Церкви военнослужащих вермахта, деятельность в этой области военной администрации и армейских отделов пропаганды (RH22/7, 171, 272a). А одно из дел составляет доклад о переговорах представителя командующего частями вермахта на Украине с православным епископом Николаевским (RH22/160). В фонде комендантов тыловых армейских областей были обнаружены интересные документы о деятельности Псковской духовной миссии на Северо-Западе России в 1943—1943 гг. (RH23/281). Материалы Верховного командования армии (ОКХ) / Генерального штаба армии свидетельствуют об определенном внимании, которое ОКХ уделяло церковной проблеме в России. Здесь можно встретить и суждение Восточного отдела иностранной армии о необходимости изменить религиозную политику на Востоке от 25 ноября 1942 г. (RH2/2089), и подборку подробнейших сведений из прессы, сообщений радио, допросов военнопленных, донесений разведки о церковной жизни в СССР за июль 1944 — апрель 1945 г. (RH2/2336),

и доклады абвера 1943 г. о настроениях населения в религиозной сфере на Украине и Северо-Западе России (RH2/2560).

В фонде Верховного командования вермахта (ОКВ) привлекают внимание доклады, отчеты, информационные записки отделов пропаганды при командующих армейскими тыловыми областями, содержащие информацию о деятельности различных конфессий на оккупированной территории СССР (RW4/v.235, v.236), а также русской эмигрантской организации НТС в Смоленске (RW4/v.254). Подобная же информация имеется в ежемесячных докладах за 16 октября 1941—17 июня 1942 гг. командующего частями вермахта на Украине в фонде территориальных командующих в СССР (RW41/1). Наконец, необходимо упомянуть дело «Вербовка в армию Власова, 1944—45», в котором говорится о душепопечении пленных советских солдат и офицеров, хранящееся в фонде лагерей военнопленных, рабочих и строительных команд военнопленных (RH49/111).

В архиве Института современной истории в Мюнхене (Institut für Zeitgeschichte — IfZ), также как и в Бундесархиве, имеется фонд РМО. Он меньше по объему, но содержит много важных документов, отсутствующих в Берлине. Особенную ценность в этом плане представляет большая их подборка, рассказывающая о германской политике по отношению к Русской Церкви в Прибалтике 1942—1943 гг. (МА 794, 795, 797). Есть отдельные подобные материалы и в других делах РМО, дающих больше сведений о душепопечении военнопленных или деятельности генерала Власова (МА 246, 540, 541, 546). Судьба власовского движения, в котором участвовали и православные священники, прослеживается также в документах ОКХ (МА 143). В свою очередь, дела Внешнеполитической службы «Восток» включают в себя информативные сводки и докладные записки о положении Православных церквей на территории Германии, Польши и Украины в 1934—1942 гг. (МА 128/1, 128/3, 128/7).

Следует отметить, что материалы аналогичных фондов в германских и российских архивах в основной массе не повторяются и взаимно дополняют друг друга. Дело в том, что только часть документации различных ведомств Третьего рейха была вывезена в СССР, другая же часть осталась в Германии. И если довоенный период национал-социалистической политики по отношению к Русской Церкви лучше документирован в российских архивах, то военный, напротив, в германских. Поэтому исследователям необходимо работать и в тех и в других. Трофейные же акты, вывезенные в США, в настоящее время скопированы, и их можно просмотреть в Бундесархиве и Институте современной истории в Мюнхене.

Интереснейший комплекс церковных документов за 1917—1925 гг. хранится в Российском государственном историческом архиве. Подробные сведения о первых столкновениях органов советской власти с Православной Церковью — конфискации синодальной типографии, попытке захвата Александро-Невской лавры, занятии синодальных зданий и др., содержатся в фондах Канцелярии Святейшего Синода (ф. 796), Учебного комитета Священного Синода (ф. 802), Петроградской Синодальной типографии (ф. 800). Уникальную ценность имеют недавно рассекреченные материалы Канцелярии Патриарха Тихона (ф. 831) и Поместного Собора 1917—1918 гг. (ф. 833). В них в основном присутствует общероссийская или московская тематика. Автором использовались также документы из фонда Александро-Неской лавры (ф. 815) и письма, отчеты бывшего директора департамента по делам Русской Православной Церкви В.И. Яцкевича из его личного фонда (ф. 1579).

Из документов Синодального архива РПЦЗ в Нью-Йорке (СА) следует упомянуть материалы четырех дел: переписка председателя Архиерейского Синода митр. Анастасия и Берлинского епископа Серафима 1938—1939 гг. (д. 24/42), переписка митр.

Анастасия с различными гражданскими и церковными инстанциями в период оккупации Югославии 1941—1944 гг. (д. 15/41), заявления православного духовенства, желающего выехать в Россию, письма об отправке церковной литературы и утвари в СССР 1941—1942 гг. (д. 17/41) и документы русских общин в Венгрии 1941—1942 гг. (д. 18/41). Большой интерес, в частности, представляют три письма митр. Анастасия и Архиерейского Синода германским ведомствам с проектами организации Высшей церковной власти в России.

Эти материалы дополняет Архив Германской епархии РПЦЗ в Мюнхене (АГЕ). Здесь хранятся три дела по истории мюнхенской общины 1929—1945 гг., книга постановлений 1934—1948 гг. Духовного Собора русского монастыря преп. Иова, который почти до конца войны находился в Словакии и вел большую издательско-миссионерскую работу. Следует отметить и дело «Указы Архиерейского Синода РПЦЗ. Распоряжения Патриархии. 1923—1951», в котором собраны предвоенные письма, циркуляры Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия 1940—1941 гг., а также различные материалы по истории Православной Церкви в оккупированной нацистами Белоруссии. В Архиве Среднеевропейского экзархата Московского Патриархата в Берлине (АСЭ) просматривались документы фонда протоиерея Сергия Положенского (до ноября 1938 г. возглавлявшего евогианский приход в берлинском районе Тегель), которые ярко свидетельствуют о сильнейшем давлении на прихожан со стороны нацистских ведомств и мужественном сопротивлении евогиан.

Ряд неопубликованных подборок документов по новейшей истории Русской Церкви и биографическая картотека петербургского духовенства были изучены в Архиве Санкт-Петербургской епархии и библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии.

Подводя итог характеристике источников по избранной теме, можно сделать вывод, что нам удалось обнаружить и изучить следующие группы документов: законодательные, нормативные акты, определявшие задачи, формы, методы проведения государственной религиозной политики в масштабах страны и роль при этом различных партийно-государственных структур; документы, освещавшие роль репрессивных органов в проведении курса властей по отношению к религиозным организациям, формы, масштабы и последствия репрессий; материалы, характеризующие конкретную деятельность на различных уровнях органов госбезопасности, КПСС, государства по реализации общей политики и всех составляющих ее элементов; церковные документы, показывавшие реакцию Московской Патриархии на действия государственных органов, ее внутреннюю жизнь; материалы основных движений церковного сопротивления; нарративные источники, содержащие разносторонний материал о чувствах, мыслях, настроениях и поведении священнослужителей и верующих различных религиозных течений. Отметим, что большая часть этих источников стала доступной для работы с ними лишь в 1990-е гг. в связи с проводимой работой по рассекретиванию архивных фондов.

Глава I.

Русская Православная Церковь в годы революционных потрясений и гонений на веру

§1. Российская Православная Церковь в начале XX века

К началу XX века Российская Православная Церковь находилась в состоянии глубокого внутреннего кризиса, который постепенно нарастал на протяжении двух последних столетий. Отмена в начале XVIII века императором Петром I Патриаршества, введение синодальной системы с подчинением Церкви бюрократическому аппарату лишили ее самостоятельного голоса в обществе, уподобили приходского священника полицейскому чиновнику, который присягал служить властям, сообщал о политических настроениях своей паствы. Это способствовало бюрократизации духовенства, роняло его авторитет. Ложность положения Церкви была и в том, что формально она являлась государственной, а потому противники легко могли возлагать на нее долю ответственности за репрессивную политику самодержавия и все социальные несправедливости, творимые государственным аппаратом.

Существовавший кризис Русской Православной Церкви имел в своей основе ее тесную зависимость от государственной власти, своеобразную «симфонию властей», вследствие чего Православие понималось не как институционально оформленная религия для верующих, а как опора самодержавной власти. Это противоречило вероучительному фундаменту Церкви, которая стремилась к свободному развитию в соответствии с православными канонами. В начале XX века, в условиях бурного развития капиталистических отношений и возникновения в России новых форм социальной жизни, Православная Церковь не имела собственной, глубоко теологически разработанной социальной доктрины. Разделяя политическую культуру самодержавия, Церковь начинала все более не соответствовать духу времени, что делало ее не только социально невостребованной, но и приводило к сокращению числа православных верующих.

Обрядовере и инстинктивная религиозность являлись центральным звеном политики обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева (в 1880—1905 гг.), вследствие чего Православие в России несло не специфически религиозную функцию, а в большей степени националистическую и политическую — налицо были элементы кризиса веры. По мнению К. Победоносцева, любые разговоры о реформировании строя церковного управления мешали «нормальному» течению государственной жизни, поскольку Церковь и царство в России якобы представляли со-

бой нераздельное целое. Поэтому обер-прокурор считал принципиально недопустимым пересмотр петровской синодальной системы. Стараясь держать православных священнослужителей подальше от острых вопросов современности, К. Победоносцев содействовал понижению их интеллектуального уровня, отстраненности и отчужденности клира от мира¹⁸³.

Источником постоянных противоречий внутри самой Церкви являлся конфликт между монашествующим епископатом и белым духовенством. В силу того что выбор путей и методов работы с паствой оставался компетенцией самого священника, это создавало условия для реализации его собственного религиозного творчества и нежелания являться простым ретранслятором идеологических установок церковного руководства.

В результате кризиса Российской Церкви с конца XIX века в российском обществе, прежде всего в среде интеллигенции, наступает заметное охлаждение к ценностям православной веры и к значимости церковной организации среди других общественных институтов. В то же время часть представителей интеллигенции, разочарованных в позитивизме и материализме, стремилась к диалогу с православными пастырями и профессорами Духовных академий. В ноябре 1901 — апреле 1903 гг. в Петербурге с разрешения высшей церковной власти проводились религиозно-философские собрания, в которых участвовали, с одной стороны, известные деятели культуры: Д.С. Мережковский, В.А. Тернавцев, С.М. Волконский и т.д., а с другой — ректор Петербургской духовной академии епископ Финляндский Сергей (Страгородский, председатель собраний) и профессора Петербургской духовной академии: профессор — протоиерей С.А. Соллертинский, профессора П.И. Лепорский и А.И. Бриллиантов. С обеих сторон была высказана мысль о неотложной необходимости проведения Поместного Собора. В 1903 г. собрания были закрыты по настоянию К.П. Победоносцева, который опасался, что влияние светских участников собраний возобладает над миссионерским направлением¹⁸⁴.

Известный богослов протоиерей Георгий Флоровский считал, что религиозно-философские собрания знаменовали собой преодоление «шестидесятых годов» (то есть нигилизма и безбожия) и возврат к вере. Это утверждение отчасти справедливо, просуществовавшие около полутора лет собрания стали заметным событием в истории Российской Православной Церкви, показав, что богословски просвещенные клирики и миряне глубоко заинтересованы в разрешении церковно-общественных вопросов, а не менее чем «богоискательски» настроенная интеллигенция желает религиозного возрождения на основе соборности¹⁸⁵.

Постепенно антиклерикальные настроения начинали проникать и в широкие народные массы, уже в революцию 1905—1907 гг. происходили случаи изгнания священников, погромы домов и даже убийства. С другой стороны, в самом духовенстве, как и во всем обществе, наметилось политическое расслоение. Первую заметную попытку «заигрывания с революцией», которая закончилась трагически как для сотен жителей столицы, так и для него самого, совершил священник Георгий Гапон. После окончания Петербургской духовной академии он начал действовать в рабочих организациях жандармского полковника С.В. Зубатова, часть которых после отставки полковника возглавил сам. К концу 1904 г. численность руководимых о. Г. Гапоном в Петербурге организаций превысила 20 тыс. человек. К этому времени о. Георгий сблизился с некоторыми социалистами и попал под их влияние. Политические иллюзии священника стали известны церковным властям, 7 января 1905 г. о. Г. Гапон был вызван Санкт-Петербургским митрополитом Антонием для беседы и увещевания, но проигнорировал это предложение.

Трагический расстрел возглавляемого о. Г. Гапоном шествия рабочих к Зимнему дворцу в Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. стал начальной вехой Первой русской революции. После этих событий разыскиваемый властями и лишенный сана Г.А. Гапон с помощью эсеров бежал за границу, в дальнейшем он разочаровался в революционной среде и обратился к русским рабочим в листовке: «Стой, пролетариат, впереди засады!», однако уже после возвращения в Петербург был убит своими бывшими соратниками¹⁸⁶.

В условиях начинавшейся революции необходимость давно назревших реформ в Церкви, перемен в нарушенных Петром I каноническом строе ее управления стали сознавать многие священнослужители. Российская Православная Церковь не была замкнутой в себе реликвией культурного прошлого. В ней также созрела своеобразная «революционная ситуация». С 1905 г. основная часть духовенства проявляла недовольство политикой Святейшего Синода. Годы Первой русской революции стали для духовенства временем надежды на возрождение Православия, что подразумевало прежде всего обретение независимости при решении внутрицерковных дел: созыва Всероссийского Поместного Собора, реформы церковного управления и т.д.

В годы революции ярко проявилась и необходимость реформирования духовных школ, распространенным явлением в их жизни стали забастовки, бунты и демонстрации с подачей петиций. Учащиеся семинарий и академий стремились к объединению, создавали подпольные организации и даже проводили всероссийские съезды, на которых обсуждали самые радикальные требования по преобразованию духовных школ. Необходимость соответствующей реформы обсуждалась и в Святейшем Синоде. Особенно острым был вопрос о предоставлении автономии Духовным академиям.

В ноябре 1905 г. проходило специальное совещание делегаций Академий, на котором новый обер-прокурор Синода князь А.Д. Оболенский встретился с решимостью представителей Академий добиваться автономии. Неожиданно и приглашенные к участию в совещании архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский) и епископ Псковский Арсений (Стадницкий), хотя и с оговорками, поддержали позицию профессоров. В результате в проект нового устава Духовных академий были включены положения: Академии находятся в подчинении Святейшего Синода; ректор и инспектор избираются Советом Академии и утверждаются Синодом; в состав Совета Академии вводятся доценты; Совет Академии окончательно принимает решения об утверждении в ученых степенях¹⁸⁷.

Постепенно недовольство существующей системой охватило большинство архиереев. Даже члены Святейшего Синода вопреки позиции обер-прокурора К.П. Победоносцева в марте 1905 г. единогласно высказались за проведение преобразований, для чего считали необходимым скорейший созыв Всероссийского Поместного Собора. После трех заседаний Синода — 15, 17 и 22 марта императору Николаю II был подан доклад с предложением пересмотреть существующее государственное положение Церкви в России и учредить Патриаршество, а также созвать в Москве для обсуждения церковных преобразований Поместный Собор. 31 марта император написал на докладе резолюцию, в которой признавалась необходимость созыва Собора, но по настоянию К. Победоносцева Николай II объявил неудобным этот созыв в данное время: «Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия и обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю Себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам Православных Императоров, дать сему делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления»¹⁸⁸. Вопрос повис в воздухе.

Указом Святейшего Синода от 27 июля 1905 г. епархиальным архиереям было поручено представить свои соображения о желательности преобразований в Церкви. И почти все архиереи, за исключением двух, к концу года заявили, что существующее церковное управление требует кардинальных изменений, и реформы необходимы. Подавляющее большинство иерархов высказалось за созыв Поместного Собора, определенные разногласия вызвал лишь вопрос о составе Собора: одни архиереи настаивали на епископском его составе, другие предлагали призвать на Собор также представителей клириков и мирян. Иерархи также писали о разделении России на церковные округа, о преобразовании церковного суда, пересмотре брачных законов, о епархиальных съездах, участии духовенства в общественных учреждениях, благоустройстве прихода, порядке приобретения Церковью собственности, предметах веры, преобразовании духовно-учебных заведений и о миссии¹⁸⁹.

Многие архиереи стремились усилить роль Церкви в общественной жизни своей епархии. Во второй столице России значительную активность проявлял митрополит Московский Владимир (Богоявленский), занимавший эту кафедру с 21 февраля 1898 г. до 23 ноября 1912 г. В целях усиления и оживления пастырской деятельности духовенства митрополит стал открывать новые вакансии при городских приходах и назначать священников. Начались богослужебные беседы с раздачей назидательных брошюр, религиозно-просветительные чтения для детей бедных, учащихся низших и средних школ, специальные чтения для фабричных рабочих в народных домах и публичные богословские чтения для интеллигенции. Владыка учредил четыре должности епархиальных миссионеров, завел специальные миссионерские беседы, открыл многочисленные народно-миссионерские курсы, устраивал народно-церковные хоры, создал множество просветительных и благотворительных учреждений: миссионерское братство во имя Воскресения Христова и его отделы в епархии; специальный Московский Епархиальный миссионерский совет; братство св. Алексия при Чудовом монастыре; расширил деятельность противораскольничьего братства св. Петра, создал ежегодные Епархиальные миссионерские курсы для духовенства епархии. С целью парализовать натиск сектантства митрополит учредил Златоустовский религиозно-философский кружок учащихся и женские богословские курсы. В 1907 г. он добился открытия в Московской духовной академии специальной кафедры «Истории и обличения сектантства». В дальнейшем такие кафедры были открыты и во всех других Духовных академиях. Деятельность митр. Владимира выходила далеко за пределы Москвы. Он поддерживал и развивал деятельность «Православного миссионерского общества», открыл при Чудовом монастыре отдел Камчатского братства и т.д. Митрополит усиленно содействовал и открытию благотворительных обществ, богаделен, приютов¹⁹⁰.

Максимализм, проявленный им в годы Первой русской революции, заставлял либерально настроенных современников видеть в нем «реакционера», но не стоит забывать, что в условиях политической и нравственной нестабильности правильно ориентироваться было чрезвычайно непросто. Впрочем, революционное лихолетье, доставившее Владыке Владимиру «реакционную» репутацию, все же не смогло скрыть от политически не ангажированных современников того обстоятельства, что митрополит хорошо понимал значение глубокой и спокойной проповеди, посредством которой необходимо воздействовать на революционно настроенные слои населения. Именно в 1906—1907 гг. Владыка инициировал религиозно-нравственную работу священников Московской епархии среди пролетариата. Он же первым показал пример, как ее надо вести. 27 августа 1906 г. митрополит Владимир выступил с лекцией, посвященной «социальной задаче семьи», в которой признавал вполне естественным стремление рабочих к нравственному возвышению и улучшению своего материального быта¹⁹¹.

Проводившиеся в Москве духовно-нравственные беседы для рабочих имели положительные результаты: по примеру первопрестольной, священнослужители других городов империи также стали обращать серьезное внимание на дело религиозного воспитания пролетариата. Митрополит Владимир был идейным противником социализма, но справедливые желания рабочих признавал основательными, хотя, безусловно, осуждал экспроприации, забастовки и посягательство на чужую собственность.

Фактически это были поиски социальной доктрины Церкви, стремление показать, что без религиозного подхода рабочий вопрос окажется неразрешимым. Митрополит Владимир был одним из тех иерархов, кто еще в начале XX века понял, как важно Церкви не уходить от сложных социальных проблем. Искренний монархист, он видел в революции главное зло России и полагал, что вера и борьба с существующим строем несовместимы. Как и большинство русских иерархов, московский архипастырь был сторонником восстановления Патриаршества и децентрализации церковного управления. Но, мечтая о том, чтобы Всероссийский Поместный Собор состоялся в ближайшем будущем, как верноподданный он полагал необходимым ждать, когда император сам назовет время созыва¹⁹².

Помимо оппозиции архиереев, следует упомянуть и записки возникшей в феврале 1905 г. группы 32-х столичных священников Санкт-Петербургскому митрополиту Антонию (Вадковскому), содержащие еще более радикальные требования. Появилось много признаков обновления и стремления к церковным реформам «снизу». Возникшее в 1905—1907 гг. так называемое обновленческое движение начала XX века (которое во многом существенно отличалось от обновленчества советского периода) состояло из двух основных течений: либерально-обновленческого и христианско-демократического. Первое из них было представлено «Братством ревнителей церковного обновления» и «Комиссией по церковным и вероисповедным вопросам при «Союзе 17-го октября»», второе — «Христианским братством борьбы» и сторонниками идей христианского социализма — архимандритом Михаилом (Семеновым), Григорием Петровым (лишенным сана священника), Валентином Свенцицким и др.

Однако их активная деятельность продолжалась недолго. Помимо отсутствия организационного единства, ставшего одной из причин кризиса обновленчества в 1906—1907 гг., накануне планируемого важнейшего события церковной жизни — Всероссийского Поместного Собора, движение не имело четко сформулированной программы религиозных реформ. Желая иметь хоть какую-то альтернативу предложениям, выработанным Предсоборным Присутствием, на ход работы которого обновленчество также не смогло повлиять, в апреле 1907 г. «Братство ревнителей церковного обновления» от лица всего движения попыталось составить такую программу. В июне 1907 г. в журнале «Век» состоялась публикация программных документов трех столичных обновленческих организаций. Вскоре после выхода их в свет главный печатный обновленческий орган был закрыт, редактор журнала А. Попов подвергнут судебному преследованию, а само «Братство» в июле 1907 г. прекратило существование.

Церковное обновленчество начала XX века представляет собой сложное явление. Идея укрепления социальных позиций Церкви в изменяющихся общественных условиях, а также желание преодолеть противоречия между религией и наукой сближали обновленческое движение с околоцерковной интеллигенцией. В то же время неприятие обновленцами догматической модернизации Православия делало это объединение невозможным. Это же касается связей сторонников церковного обновления с представителями либеральной православной иерархии. Предпринятый рядом иерархов комплекс мер для изменения существующей в России системы церковного управления повлиял на организационное оформление обновленческого движения, но

за исключением учения о соборности не стал основополагающим принципом в идеях исканиях обновленцев.

Программные документы «Христианского братства борьбы» Валентина Свенцицкого, «Русских христиан-социалистов» архимандрита Михаила (Семенова), работы Григория Петрова мало отличались от требований, выдвигаемых либерально-обновленческими организациями. Главные противоречия наблюдались в политических вопросах, а не в сфере социального служения Церкви, и тем более они не касались догматических основ православия. Было бы ошибочным относить «Братство ревнителей церковного обновления» к обновленцам, а «Христианское братство борьбы» к сторонникам реформации, исходя только из политических программ, тогда как их взгляды на церковную реформу и социально-экономические воззрения не противоречили друг другу. Особенность христианского социализма состояла в том, что он в большей степени, чем либеральное обновленчество, функционировал в рамках революционного, а не эволюционного пути развития России¹⁹³.

Обновленческое движение начала XX века носило узкую социальную направленность. Это проявлялось не только в антиклерикальных выступлениях, но и в отношении к различным сословиям светского общества. В силу того, что его развитие было вызвано происходящими в это время революционными событиями, в движении часто доминировали общественно-политические интересы, подчиняя себе религиозные. Противопоставляя Церковь бюрократическому государству, обновленцы во многом вдохновлялись идеалами раннего христианства. То, что политика все же «перевешивала», можно считать бедой движения в период 1905—1907 гг.

Еще накануне начала Первой русской революции в Особом совещании, под председательством премьер-министра С.Ю. Витте стали рассматриваться вопросы вероисповедной реформы. Участники совещания признавали факт отставания российского законодательства от современных условий и потребностей общества, наличие административного произвола на местах в отношении верующих и общин неправославного исповедания; первоочередной задачей объявлялся «пересмотр постановлений законодательства о вере»¹⁹⁴.

Изданный 17 апреля 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости» и императорский манифест от 17 октября 1905 г. о гражданских свободах существенно меняли правовую базу государственно-церковных отношений (не одобрявший этих решений К.П. Победоносцев 19 октября был уволен в отставку с поста обер-прокурора). Впервые признавался юридически возможным и ненаказуемым переход из Православия в другие христианские исповедания. В частности, в указе утверждалось: «Признать, что отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало»¹⁹⁵.

Религиозным обществам старообрядцев и сектантов присваивалось название «Общины», за ними признавалось право на владение движимым и недвижимым имуществом. Старообрядцам и сектантам разрешалось строительство церквей и молелен, устройство скитов, создание школ и особых кладбищ для погребения; католикам и мусульманам облегчались существовавшие ранее условия строительства и ремонта культовых зданий; позволялось проведение богослужений и преподавание в духовных школах на родном языке. В результате сотни тысяч российских подданных официально отпали от Православной Церкви, только в 1905—1907 гг. более 170 тыс. человек перешло в католичество, 36 тыс. — в ислам, около 10 тыс. — в протестантство и т.д.¹⁹⁶ Российская Церковь, которая в большей степени, по сравнению с другими конфес-

сиями, сохранила жесткую зависимость от государственного аппарата, в некоторых отношениях оказалась в худшем положении, чем инославные и даже иноверные общины, в чьи внутренние дела государство не вмешивалось. Это вызвало дополнительное недовольство ее священнослужителей и мирян.

Под давлением православного духовенства император пошел на уступки, и 14 января 1906 г. Святейший Синод с позволения Николая II принял решение созвать Предсоборное Присутствие для предварительного обсуждения вопросов, намеченных к соборному рассмотрению. Предсоборное Присутствие заседало под председательством Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского) в Александро-Невской лавре с 8 марта до 15 декабря 1906 г., его протоколы и сводный доклад представили Николаю II. Была проделана огромная конструктивная работа, подготовлены темы для разработки будущим Собором, включавшие в себя полное переустройство Церкви на принципах соборности. Участники заседаний единодушно высказались за восстановление Патриаршества и освобождение Церкви от обер-прокурорской опеки. Поместному Собору должна была принадлежать законодательная, руководительная, ревизионная и высшая судебная власть, при этом Соборы планировалось созывать не реже одного раза в 10 лет; Синод сохранялся как постоянный орган церковного управления с председателем — Патриархом во главе. Большинство членов Присутствия поддержало предложение о значительном увеличении числа епархий, также обсуждались вопросы благоустройства приходской жизни и состояния духовных школ. Все эти надежды оказались перечеркнуты резолюцией императора от 25 апреля 1907 г.: «Собор пока не созывать»¹⁹⁷.

Правивший в 1894—1917 гг. император Николай II (канонизированный Московским Патриархатом в 2000 г.) отличался личным благочестием. В его царствование было причислено к лику святых больше подвижников, чем за предшествующие 200 лет: в 1896 г. — святитель Феодосий Черниговский, в 1903 г. — преподобный Серафим Саровский, в 1911 г. — святитель Иоасаф Белгородский, в 1913 г. — Патриарх Московский Гермоген, в 1914 г. — святитель Питирим, епископ Тамбовский, в 1916 г. — святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский и Сибирский и др. Однако император не поддержал неоднократно поступавшие ему проекты созыва Поместного Собора и восстановления Патриаршества¹⁹⁸.

Укрепление власти после революционных потрясений 1905—1906 гг. обернулось исчезновением реальных возможностей реформы высшего церковного управления. Николай II и его окружение полагали, что в существовавших условиях независимость Православной Церкви приведет к антагонизму между духовной и светской властью. Поместный Собор рассматривался как одна из возможностей «подхлестнуть смуту», породить серьезный разлад в российском обществе и поставить на политическую повестку дня вопрос о свободе совести. Взаимообусловленность созыва Собора, избрания Патриарха и решения вопроса о свободе совести была осознана светской властью в 1906—1907 гг. Некоторые современные историки также полагают, что ликвидация «симфонии властей» означала бы подрыв «идеологического базиса», на котором была основана империя, вела к разрушению религиозной опоры власти¹⁹⁹.

Лишь очень немногие государственные деятели, например, бывший премьер-министр С.Ю. Витте, понимали, что императорской власти в конечном счете могло быть выгодно отделение Православной Церкви (она всегда играла стабилизирующую, консолидирующую нацию роль в обществе, и эта роль была тем значительнее, чем более независимой и авторитетной являлась Церковь). В результате государство выбрало при решении вопроса «победоносцевский» метод — ничего не трогать вообще. Реформа духовного ведомства в императорской России оказалось слишком тесно связанной с дальнейшей кардинальной реформой государственных институтов власти.

Другой причиной того, что в годы Первой русской революции не было проведено никаких серьезных преобразований в церковной сфере, стала незаинтересованность в них радикальной левой интеллигенции, которую вполне устраивала синодально-бюрократическая система в качестве объекта нападков на государственную власть. Да и светское общество в целом оставалось далеким от Церкви и ее интересов. Духовенству и церковной общественности, в свою очередь, были недоступны методы борьбы, заставлявшие правительство идти на уступки другим социальным слоям: ультиматумы, забастовки, бойкоты, не говоря уже о терроре.

В первые послереволюционные годы возглавляемое премьер-министром П.А. Столыпиным правительство в основном стремилось сохранить прежние государственно-церковные отношения. Это приводило к острым конфликтам с III Государственной Думой (1907—1912 гг.), которая пыталась разрабатывать вероисповедные законопроекты. Столкновение этих двух ветвей власти особенно проявилось при обсуждении следующих законопроектов: об отмене политических и гражданских ограничений, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана; о старообрядческих общинах; о переходе из одного вероисповедания в другое. Большинство депутатов Думы выступали за отказ от традиционных методов регулирования деятельности религиозных организаций и ориентировались на буржуазную модель государственно-церковных отношений.

Обсуждение в Думе вероисповедных законопроектов показало, что основная часть депутатов не принимает правительственной точки зрения на характер реформ религиозного законодательства и не поддерживает правительственные законопроекты. Возникла тупиковая ситуация, и в начале 1913 г. правительство отозвало свои проекты уже из IV Государственной Думы, оставив ей для рассмотрения второстепенные вопросы деятельности религиозных организаций: о православном приходе, церковно-приходских школах и духовно-учебных заведениях, содержании духовенства и т.п.²⁰⁰

Между тем по инициативе назначенного 2 мая 1911 г. обер-прокурором В.К. Саблера возобновилась работа по подготовке Поместного Собора. С этой целью 28 февраля 1912 г. указом императора было созвано Предсоборное совещание из семи членов под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). Совещание ставило своей задачей подвергнуть «рассмотрению и согласованию» предложения различных отделов Предсоборного Присутствия 1906 г. в связи «с изменившимися условиями церковной и гражданской жизни», а также «дополнение докладов Присутствия» и подготовительное обсуждение вопросов, «подлежащих разрешению Собора, но не бывших на рассмотрении Присутствия». В ходе этой работы в значительной степени пересматривались материалы Присутствия в свете удаления влияния идей, носивших оттенок церковного либерализма. Работа Совещания продолжалась до 1917 г., так и не завершившись²⁰¹.

Начавшаяся в июле 1914 г. Первая мировая война изменила всю жизнь русского общества, в том числе и православного духовенства, призванного духовно окормлять воевавшую армию, служить в госпиталях и помогать военнопленным. Большинство проблем, связанных с духовной работой в войсках, решали священники ведомства протопресвитера русской армии и флота, численность которых в 1914—1917 гг. превышала 5 тыс. человек, что составляло почти 10 % общего числа иереев в стране.

Возглавлял их талантливый администратор протопресвитер Георгий Шавельский, которому в июле 1914 г. удалось организовать и провести в Петербурге первый и в дореволюционной России единственный съезд военного и морского духовенства. На нем священники впервые смогли открыто обсудить проблемы своего ведомства. Съезд разработал и принял инструкцию, в которой подробно перечислялись обязанности прибывших на театр военных действий клириков²⁰². Проведенная реорганизация

позволила протопресвитеру четко и слаженно управлять находившимися в его подчинении священнослужителями, чья самоотверженная деятельность не раз вызывала благодарность Верховного главнокомандующего.

Святейший Синод откликнулся на начало войны специальным посланием, в котором заявлялось, что Россия «неожиданно вовлечена на брань с врагами», и теперь предстоит защищать не только «братий по вере», но и славу царя и честь России. И с первых же дней войны Российская Церковь приняла активное участие в деле организации помощи армии и флоту. Уже 20 июля 1914 г. Синод призвал монастыри, храмы и паству делать пожертвования на раненых и призванных на войну, подготавливать места для госпиталей и т.д. В тот же день было принято определение «Об организации во всех православных приходах помощи семьям лиц, находящихся в войсках». Согласно этому документу, в каждом приходе должен был образоваться особый попечительный совет²⁰³.

Важно подчеркнуть, что Святейший Синод впервые публично заявил о серьезных надеждах, возлагаемых на православные приходы, хотя до 1914 г. они так и не получили прав юридического лица и не являлись самостоятельной церковно-административной единицей. 18 августа Синод учредил Комитет русских духовно-учебных заведений по оказанию помощи больным и раненым воинам действующей российской армии, открывший 17 сентября этапный лазарет в Минске. В конце лета 1914 г. были созданы первые военные лазареты на средства Синода, духовных учебных заведений и монастырей, в частности, два — при столичной Александро-Невской лавре.

Помимо Богословских общеобразовательных курсов в годы Первой мировой войны в лаврских зданиях размещалась двухклассная Александро-Невская церковно-приходская школа на 100 мальчиков-певчих, богадельня на 30 женщин, братская больница и лазарет Красного Креста № 279 для раненых и больных воинов. Он был создан на базе Рижского военного госпиталя, для которого 30 сентября 1915 г. мобилизационный отдел Петроградской городской управы отвел здания Антониевского духовного училища, больницы Духовной академии, 4-й этаж Духовной семинарии и некоторые другие помещения. Существовал еще один этапный лазарет имени Александро-Невской лавры на театре военных действий (с 1916 г. во Франции, где он обслуживал русские войска), на содержание которого обитель внесла в октябре — декабре 1916 г. 13 тыс. рублей. С началом войны благотворительная деятельность Лавры и в целом существенно выросла. В ее храмах регулярно проводился сбор пожертвований для раненых воинов, с 1915 г. на полном содержании в обители проживали священники-беженцы из Галиции, с лета 1916 г. — также 10 сербов и румын, приехавших поступать в духовные семинарии, по почте оказывалась помощь русским военнопленным, в 1915 г. в лаврском Серафимо-Антониевском скиту было построено специальное здание для размещения там приюта увечных воинов и т.п.²⁰⁴.

Основная нагрузка по обеспечению религиозно-нравственных нужд православных воинов легла на плечи военных священников, число которых с середины 1914 г. выросло в пять раз. Они показали себя с самой лучшей стороны, постоянно бывали на передовой и даже участвовали в боевых действиях, духовно окормляли раненых и напутствовали умиравших в военных лазаретах. Тысячи монахинь и послушниц, рискуя жизнью, служили сестрами милосердия. Историк Сергей Фирсов не без оснований отмечал: «Произошедшая вскоре революция свела на нет все действия армейских и флотских священников, однако данное обстоятельство не может умалять грандиозную работу военно-духовного ведомства по религиозному и патриотическому воспитанию воинов российской армии»²⁰⁵.

Всего за время боевых действий 1072 священника были награждены орденами. 30 представителей военного духовенства погибли, более 400 оказались ранены, свыше

100 попали в плен, но и там они продолжали свое служение. В январе 1916 г. Синод учредил специальную комиссию по удовлетворению религиозно-нравственных нужд русских военнопленных²⁰⁶.

Ведомство военного протопресвитера активно участвовало и в сложной, в значительной степени миссионерской, деятельности на занятых русскими войсками галицийских землях, населенных в основном униатами. Первоначально назначенный управляющим церковными делами в оккупированных областях архиепископ Евлогий (Георгиевский), недооценивая возможность изменения военной ситуации не в пользу России, стремился как можно быстрее «обратить» униатов в православие.

Узнав о темпах миссионерского движения и методах его проведения в жизнь (далеко не всегда добровольных), протопресвитер Георгий Шавельский сделал соответствующий критический доклад Верховному главнокомандующему. А после нового занятия Галиции русскими войсками весной 1916 г. он сумел добиться передачи в его управление дел галицийских униатов. Отец Георгий составил для императора записку, в которой подчеркивал, что желательно не принимать в занятых областях вознаграждения за требы от униатов, идти навстречу их духовным нуждам и при этом не говорить ни слова о воссоединении, не требовать предварительного присоединения к Российской Православной Церкви. Записка получила «Высочайшее одобрение». К концу 1916 г. около 50 православных священников служили в униатских приходах Галиции, руководствуясь в своей деятельности циркулярами военно-духовного ведомства²⁰⁷.

Несмотря на все усилия военного ведомства морально-нравственная обстановка в войсках к 1917 г. сильно ухудшилась. Сказывались усталость от войны, подрыв в связи с поражениями авторитета командования, пропаганда социалистов и т.д. Падало и влияние Православной Церкви. В декабре 1916 г. отец Георгий Шавельский составил специальную докладную записку, в которой доказывал необходимость принятия экстраординарных мер для духовного воспитания и укрепления армии, в особенности запасных ее частей. В феврале — марте 1917 г. протопресвитер решил также организовать для усиления работы военного духовенства съезды православных священников. Но до Февральской революции успел состояться лишь съезд духовенства Северного фронта в Пскове, на котором отца Георгия заверили, что «дух войск хороший»²⁰⁸.

Произошедшие вскоре события полностью опровергли эти утверждения. Согласно отчетам армейского духовенства уже после революции, с освобождением Временным правительством солдат от обязательных церковных обрядов и таинств, процент записанных православными и соблюдавших таинство причастия сократился с почти 100 в 1916 г. до менее 10 в 1917 г.²⁰⁹ Неслучайно генерал А.И. Деникин позднее с горьким сожалением отмечал: «Духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск... в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов»²¹⁰.

На обстановке в армии влияло и падение авторитета церковного священноначалия. Этому способствовали назначения на две столичные кафедры непопулярных в народе архиереев. Еще до войны, после смерти 2 ноября 1912 г. Петербургского митрополита Антония, на его место 23 ноября был переведен митрополит Московский Владимир (Богоявленский) с присвоением ему звания и прав первенствующего члена Святейшего Синода (с 14 августа 1914 г. Владыка именовался митрополитом Петроградским)²¹¹. После начала Первой мировой войны он много сделал для вовлечения духовенства, мирян, приходов и монастырей столичной епархии в патриотическую деятельность во благо России. Но служение этого авторитетного архипастыря на Петроградской кафедре продолжалось только три года. В конце пребывания Владыки в столице против него ополчилась группа лиц, которая приобрела тогда преобладающее

влияние на направление церковно-общественной жизни в русском государстве. Известен случай, когда Владыка просил личной аудиенции у императора Николая II, на которой изложил свое мнение об отрицательном влиянии при Дворе деятельности Г. Распутина. Кончилось тем, что митрополит Владимир попал в немилость и в ноябре 1915 г. был удален из Петрограда под видом почетной ссылки в Киев, куда был назначен на место скончавшегося митрополита Флавиана (Городецкого). При назначении митр. Владимира в Киев за ним было сохранено звание первенствующего члена Святейшего Синода и соединенные с этим званием права.

23 ноября 1915 г. митрополитом Петроградским и Ладожским был назначен экзарх Грузии Владыка Питирим (Окнов). История этого назначения была связана с делом епископа Тобольского Варнавы. Нелюбимый императрицей Александрой Федоровной А.Д. Самарин, который настаивал на расследовании самочинных действий сибирского архиерея, получил за это отставку с поста обер-прокурора Святейшего Синода в конце сентября 1915 г. Император не любил, когда придавали огласке какие-либо происшествия в сфере церковной администрации; люди, знавшие его характер, не сомневались, что после конфликта с епископом Варнавой А. Самарин не сможет остаться на своем посту. 30 сентября 1915 г. на его место назначили чиновника Министерства внутренних дел А.Н. Волжина. Новый обер-прокурор должен был первым делом исправить «ошибку» своего предшественника, обновив состав Святейшего Синода.

При личном докладе император принял составленный А. Волжиным список членов Синода без изменения, лишь вычеркнув епископа Могилевского Константина (Булычева), ввиду желательности его постоянного пребывания в Могилеве, где помещалась Ставка. Вместо епископа Константина Николай II высказал пожелание вызвать экзарха Грузии. Когда Волжин доложил, что ему известны неблагоприятные сведения о Владыке, император ответил, что в первый раз слышит об этом, и попросил оставить список. Через некоторое время А. Волжин получил его назад с пометкой о вызове Пресвященного Питирима в Петроград. А полтора месяца спустя экзарх окончательно поселился в столице, получив новое высокое назначение²¹².

Как свидетельствует переписка Александры Федоровны с супругом, в происшедших осенью 1915 г. перемещениях была заинтересована императрица. «Теперь старик Флавиан умер, — писала она государю 6 ноября 1915 г., — наш [митрополит Владимир] должен бы уйти туда как на высшее место, а Питирим сюда — это настоящий молитвенник»²¹³. Спустя шесть дней государыня вновь напомнила Николаю II о митрополите Питириме, подчеркнув, что его очень любят на Кавказе. Посылая газетную вырезку, в которой описывалась народная любовь к архипастырю, Александра Федоровна резюмировала: «Это доказывает, что он человек достойный и молитвенник, как говорит наш Друг [то есть Распутин], Питирим единственный подходящий человек»²¹⁴.

Впрочем, и сам государь относился к Владыке с симпатией: годом раньше — 30 ноября 1914 г., посещая Кавказ, он занес в дневник информацию о том, что присутствовал на обеде, которую «служил добрый экзарх»²¹⁵. Вплоть до Февральской революции 1917 г. митрополит пользовался исключительным расположением императрицы, доверял ему и Николай II. Первая встреча царской четы с митрополитом Питиримом состоялась 7 декабря 1915 г. Вскоре, 12 января 1916 г. архиерею была дана новая аудиенция. Митрополит приезжал в Ставку, встречался с государем во время посещения им Царского Села, регулярно беседовал с императрицей. Последний раз Николай II и Александра Федоровна посетили обедню, которую служил Владыка Питирим, незадолго до революционной катастрофы — 6 января 1917 г.²¹⁶ Однако близкий высочайшим особам иерарх не пользовался уважением в глазах значительной части архиереев, в русском обществе о нем, как правило, не говорили ничего хорошего.

С назначением митрополита в Петроград существовавшие на него и раньше нападки революционно настроенных кругов еще более усилились. Владыку стали обвинять во вмешательстве в государственные дела, в интригах против его предшественника, митрополита Владимира, перемещенного в Киев, и в открытой дружбе с Распутиным. Столица встретила нового митрополита неприветливо и недружелюбно. За ним утвердилось прозвище «распутинец» еще прежде, чем Владыка был назначен на Петроградскую кафедру. Перевод митрополита Владимира в Киев также приписывался влиянию митрополита Питирима. В составе братии Александро-Невской лавры все приверженцы Владыки Владимира были его врагами; в среде столичного общества новый митрополит также не умел опоры и не искал ее, а, наоборот, еще более вооружил это общество против себя, нарушив традиционный обычай делать визиты высокопоставленным лицам и наиболее известным прихожанам. Синод сразу же стал в резкую оппозицию к митрополиту, а обер-прокурор А.Н. Волжин проявлял ее в формах, унижавших сан Владыки Питирима. Положение митрополита Питирима в Синоде было исключительно тяжелым и осложнялось еще тем обстоятельством, что митрополит Владимир и после своего перевода в Киев сохранил в Синоде первенство, а Владыка Питирим, как младший по времени назначения, занимал третье место²¹⁷.

С назначением в 1916 г. обер-прокурором Н.П. Раева, а князя Н.Д. Жевахова — его товарищем положение митр. Питирима в Синоде мало изменилось. Новый обер-прокурор был лично близок Петроградскому митрополиту, но, являясь нерешительным человеком, оказался не в состоянии изменить царившую в Синоде атмосферу. Не пользовался он уважением и в среде синодальных чиновников, главная же причина оппозиции Синода к Н.П. Раеву и Н.Д. Жевахову заключалась в том, что они оба были друзьями митрополита Питирима, к которому большинство членов Синода продолжало относиться с крайней неприязнью. Недоброжелательство к ним лично скрывало за собой, кроме того, и традиционную оппозицию к обер-прокуратуре, которая, с включением в состав Синода представителей белого духовенства — протопресвитеров Георгия Шавельского и Александра Дернова, еще более обострилась: в результате создавалась почва, исключавшая возможность нормальной работы. Эта атмосфера взаимного недоброжелательства тормозила даже полезные начинания, иногда исходившие от митрополита Питирима (которого постоянно поддерживал митрополит Московский Макарий), что, в свою очередь, негативно отзывалось на всем ходе церковно-государственных дел.

Тяжелую духовную обстановку в Синоде хорошо передают воспоминания протопресвитера Георгия Шавельского: «С занятием митрополитом Питиримом председательского кресла в Синоде водворился особый порядок. Каждое заседание начиналось докладом председателя по делам, касающимся его епархии, или иным, в которых он был заинтересован. При докладе этом председатель проявлял большую говорливость, энергию и настойчивость. Потом уже докладывались прочие дела, выслушивавшиеся председателем молчаливо, апатично, небрежно. Хитрость, двоедушие, своекорыстие и честолюбие были отличительными качествами этого митрополита. С такими митрополитами не мог Синод далеко уйти. О каких тут церковных реформах можно было думать, когда заседания по самым пустым вопросам получали иногда комический характер... При инертности, неподвижности, близорукости и розни старших митрополитов прочие члены были беспомощны, чтобы достичь в синодальной работе чего-либо путного. Кроме того, рознь между митрополитами простерлась и на прочих членах. Архиепископ Арсений, живший в Лавре в комнате, стеной лишь отделенной от кабинета митрополита Питирима, за полтора года ни разу, как я уже говорил, не побывал у последнего, ибо питал к нему полное отвращение, как к распутинцу и вообще непорядочному человеку. Протопресвитер Дернов и я держались такой же тактики в

отношении митрополита Питирима. Архиепископы Тихон и Сергей более осторожно сторонились его. Другие члены, напротив, зная об его престиже в Царском Селе, заискивали перед ним. Члены Синода раскололись на распутинцев, антираспутинцев и нейтральных. Атмосфера недоверия царила в Синоде. Члены Синода подозревали и боялись друг друга. И походил наш Синод на тот воз, который везли лебедь, рак и щука»²¹⁸. Впрочем, к зачаштую пристрастным «Воспоминаниям» о Георгия следует относиться с большой осторожностью.

В результате митрополиту Питириму ничего не оставалось, как перенести центр своей деятельности из Синода в покои Александро-Невской лавры, где собирались разного рода комиссии и совещания и разрабатывались всякого рода законопроекты. Митрополит наметил обширную схему законопроектов. Исходя из необходимости согласовать церковно-государственную жизнь с каноническими требованиями Церкви, Владыка планировал в первую очередь уничтожить разделение епархий на «хлебные» и «не хлебные» и перемещение епископов из одной епархии в другую, ссылаясь на то, что если епископ оказался не подходящим в одной епархии, то останется таковым и в другой. Архиереи должны были, по возможности, уравниваться и в материальном положении; а это могло быть достигнуто лишь с установлением примерно одинаковых территориальных размеров епархий и увеличением числа епископских кафедр. Последнее условие считалось необходимым и для приближения архиерея к его пастве. Перемещения епископов из одной епархии в другую с целью «повышения по службе», по мнению митрополита Питирима, были недопустимы и могли разрешаться в самых крайних случаях, лишь по болезни. Параллельно с увеличением числа епископских кафедр, митрополит Питирим предлагал восстановление митрополичьих округов, с целью объединения деятельности епископов и созыве Поместных Соборов этих округов два раза в год.

Эти два законопроекта — сокращение территориальных размеров епархий, с одновременным увеличением числа епископских кафедр, и восстановление митрополичьих округов, имели большое церковно-государственное значение, но не встретили сочувствия со стороны других иерархов. Митрополит Питирим не был сторонником Патриаршества и с восстановлением его не связывал условий, могущих обновить церковно-государственную жизнь. Но в то же время он видел недостатки и в Синодальной системе управления и находил, что только возвращение к каноническим началам церковной жизни может устранить эти недостатки. Планируемое возвращение к каноническим началам видоизменило бы функции Синода и обер-прокуратуры и освободило бы ее от нареканий за вмешательство в церковную сферу, так как церковная жизнь стала бы регулироваться Соборами епископов, входящих в состав того или иного митрополичьего округа, а роль обер-прокуратуры свелась бы к задаче нормировать юридическую сторону церковной жизни. Однако в смысл законодательных предложений митрополита Питирима члены Синода не всматривались. Образовал Петроградский митрополит и самостоятельную комиссию по вопросу о жаловании духовенству. Владыка разработал в этой комиссии законопроект о жаловании духовенству, и только революция помешала провести его в жизнь. Такую же участь постиг и законопроект о пенсиях духовенству, разработанный межведомственной комиссией под председательством Н.Д. Жевахова.

Несмотря на рост антиклерикальных настроений в стране в целом, отсутствие давно назревших реформ, нельзя говорить лишь о кризисе и упаднических явлениях в Российской Церкви 1907—1916 гг. Духовенство все более ощущало, что ее положение вскоре изменится, синодальная система уйдет в прошлое; появились первые признаки грядущего обновления. Создавались разнообразные религиозно-нравственные кружки и общества; стали выходить многочисленные православные журналы, сборники на

религиозно-общественные темы; возрождалось церковное проповедничество; активно развивалось храмостроительство. Подъем переживали многие известные обители, число монастырей в начале XX века росло гораздо быстрее, чем в предшествующие десятилетия, возродился институт старчества, — наиболее известные примеры — Оптикинские старцы и протоиерей Иоанн Кронштадтский.

В последний период существования старой Оптиной пустыни в ее стенах жили два великих старца — иеросхимонахи Анатолий (Потапов) и Нектарий (Тихонов). Они наставляли паству в условиях последующих безбожных гонений и оставили пророчества о будущем России и грядущем возрождении Оптиной пустыни. Отец Анатолий 6 марта 1906 г. был назначен духовником Шамординского Казанского женского монастыря, расположенного вблизи пустыни²¹⁹. В 1908 г. после кончины духовника Оптиной пустыни иеросхимонаха Саввы о. Анатолий был переведен из Иоанно-Предтеченского скита в монастырь. С тех пор старец стал принимать в пустыни многочисленных паломников и уже очень скоро приобрел всероссийскую известность, особенно среди простого верующего народа. Отец Анатолий был известен даром прозорливости, любви, утешения и исцеления.

Постепенно через паломников слава о нем достигла столицы. В 1910-е гг. старец неоднократно приезжал в Петербург и имел там многочисленных духовных детей в различных слоях населения. Об одном из первых его приездов в столицу в 1911—1912 гг. позднее писала в своей книге воспоминаний монахиня Вероника (В.С. Враская-Котляревская), в тот период актриса Александринского театра: «В то время в Петербург приехал отец Анатолий, почти единственный еще живший на земле “прежний” старец. Его вызвали в Петербург некоторые стоящие близко к Государю люди. Они видели пагубное влияние на царскую семью Распутина и сделали попытку заменить его “настоящим старцем”. Но отец Анатолий был уже в очень преклонном возрасте, придворная жизнь была не для него, очевидно на это не было соизволения Божия. Он вскоре уехал к себе назад в Оптину»²²⁰.

Духовными детьми отца Анатолия были многие известные в истории Русской Православной Церкви XX века священнослужители: архиепископ Серафим (Соболев), епископ Трифон (Туркестанов), духовный писатель священник Валентин Свенцицкий, причисленный к лику святых в 1990-е гг. протоиерей Николай Загоровский (принявший перед смертью монашеский постриг с именем Серафим) и др., за советами обращался к нему священник Павел Флоренский. В 1914 г. старцу исповедовалась и имела длительную беседу с ним преподобномученица великая княгиня Елизавета Федоровна²²¹.

В начале XX века значительно расширилась миссионерская деятельность Российской Церкви, причем она с успехом проводилась в зарубежных странах — Японии, Корее, Китае, Персии (Иране), США и др. При приходах, причем не только на национальных окраинах, но и в Петрограде и Москве, создавались десятки братств, занимавшихся благотворительностью и религиозно-нравственным просвещением. В майском 1914 г. послании Святейшего Синода в связи с пятидесятилетием существования религиозных братств отмечалось, что их число достигло 700, они обладают значительными средствами, которые употребляют на дело духовного просвещения, миссионерства, издают книги и журналы, а также содержат миссионерские школы, благотворительные заведения, певческие школы и т.д.²²²

Отчетливо проявлялась тяга к религии среди некоторой части интеллигенции, что привело ряд ее известных представителей к принятию священного сана: экономиста Сергея Булгакова, выдающегося журналиста Валентина Свенцицкого, князя Андрея Ухтомского. Процесс приобщения к служению Церкви представителей интеллигенции и дворянства особенно усилился с 1912 г. В этой связи можно упомянуть и полу-

чивший большую известность сборник «Вехи». Происходил невиданный ни прежде, ни потом расцвет русской религиозной философии.

Для выхода Православной Церкви из изоляции определенное значение имел и факт представителей духовенства в Государственную Думу, их активная работа там. Причем эта деятельность опровергает распространенное мнение о чуть ли не поголовной реакционности священнослужителей. В Первую Думу их выбрали 8, и большая часть примкнула к левым и центру, во Второй Думе из 13 клириков 7 являлись кадетами и социалистами. В Третьей Думе 44 представителя духовенства распределялись следующим образом: 4 прогрессиста, 9 октябристов, 14 умеренно правых, 2 националиста и 16 правых. В Четвертой Думе из 48 священнослужителей 19 принадлежали к умеренно правым и 21 к правым. Но и это «поправение» оказалось весьма условным: в годы Первой мировой войны подавляющее большинство духовных лиц присоединилось к Прогрессивному блоку в Думе, из среды которого в конце концов родился Временный комитет и идея добиться отречения Николая II²²³.

В итоге «в последнее предреволюционное 20-летие вопреки совместным стараниям правительства, царя, синодальной бюрократии и атеистической интеллигенции Церковь, наконец, вырвалась за пределы своего гетто. А приток в нее интеллигенции с ее связями в либеральной печати сделал невозможным дальнейшее затыкание рта Церкви правительством. Но это все, так сказать, “атмосферные” перемены, не институционные»²²⁴.

К 1917 г. Российской Православной Церкви так и не удалось обрести желательную самостоятельность. Стоявшие перед ней важнейшие проблемы не были решены: Поместный Собор из-за противодействия правительства не созван, Патриарх не избран, реформы прихода, духовной школы и многие другие не проведены. Более того, засилье в годы Первой мировой войны в руководстве Российской Церкви ставленников Григория Распутина способствовало дальнейшему значительному росту антиклерикальных настроений в стране²²⁵.

Проявивший себя в годы Первой русской революции активным сторонником преобразования Святейший Синод в дальнейшем в этом плане фактически бездействовал, парализованный разобщенностью иерархов и позицией «распутинцев» — митрополита Петроградского Питирима (Окнова) и митрополита Московского Макария (Невского). Неслучайно отец Георгий Шавельский записал в своем дневнике осенью 1916 г.: «Реформ не будет! А в таком случае революция церковная, — особенно если разразится революция государственная, — неминуема»²²⁶.

Последним напоминанием императору о непримиренности Российской Церкви с ее неканоническим состоянием было прошение всего думского духовенства в составе 46 депутатов, поданное Николаю II в 1916 г. В нем говорилось о необходимости немедленно восстановить соборность управления Церковью, с тем, чтобы государство отказалось от своего взгляда на православное духовенство, как на инструмент внутренней политики правительства. Простение оказалось безрезультатным.

Одним из показателей кризиса «симфонии властей» являлось и то, что неререформированная Церковь была вынуждена существовать в условиях функционирования многоконфессиональной Государственной Думы, от которой зависело утверждение ее бюджета. При этом в Думе происходило порой унижительное для Российской Православной Церкви обсуждение вопросов ее внутренней жизни.

Трагическим для русского Православия было то, что его внутренние «нестроения» совпали с процессом десаκραлизации самодержавной власти, развенчания ее мистического ореола, принявшим значительные масштабы. Дискредитация членов императорской фамилии напрямую затрагивала и Церковь, при совершении богослужений постоянно напоминавшую своей пастве о религиозной основе самодержавия. Поэто-

му развенчание царя после отречения Николая II от престола в глазах многих означало и развенчание Российской Церкви²²⁷.

Канадский историк Д. Поспеловский не без оснований писал: «Войдя Церковь в революцию самостоятельной единицей, с большим нравственным авторитетом и опытом независимости существования, духовно и административно спаянной, роль ее была бы вполне сравнимой с ролью Католической Церкви в Польше 1947—1988 годов»²²⁸. История распорядилась иначе. Внутренний кризис Российской Православной Церкви, ее зависимость от государства, подрыв духовного авторитета в глазах части народа явились одним из факторов, не позволившим встать нравственным барьером на пути экстремистских методов политической борьбы, самоистребления нации.

§2. В огне Гражданской войны. Начало гонений

К началу революционных потрясений 1917 г. Русская Православная Церковь внешне представляла внушительную силу. В империи проживало 115—125 млн православных верующих (70 % населения), имелось 78 767 храмов и часовен, около 120 тысяч священников, диаконов и псаломщиков, 130 архиереев, 1256 монастырей и скитов с 107 тысячами монашествующих и послушников, 185 Духовных училищ, 62 Духовные семинарии и 4 Духовные академии (вместе более 53 тыс. учащихся)²²⁹. Однако авторитет и влияние этой внешне мощной организации оказались в значительной степени подорванными.

Февральская революция 1917 г. сопровождалась рядом антицерковных акций, вплоть до арестов архиереев по указанию местных советов. Она стала социальным детонатором антирелигиозных настроений среди недовольных своим существованием людей, в представлении которых Церковь и монархия были едины, и десакрализация их представлений о монархии отражалась и на отношении к Церкви.

И в то же время Февральская революция фактически стала и «религиозной революцией», уникальной в истории Православия. В марте — апреле 1917 г. по стране прокатилась волна чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями, с кафедр были смещены более 10 наиболее скомпрометированных архиереев, избранные епархиальные советы значительно ограничивали епископскую власть. Вводился выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиально-представительное начало церковного управления, демократизировалась приходская жизнь²³⁰. Все эти изменения стихийно шли в одном направлении, намеченном проектами церковных реформ 1905—1907 гг.

Кризис самодержавия пробудил надежды на изменение отношений Церкви и государства и у епископата. Поэтому даже члены Святейшего Синода отказались 26 февраля обратиться с воззванием к народу поддержать монархию. На предложение обер-прокурора Н.П. Раева выпустить послание с решительным осуждением начавшегося революционного движения последовал ответ, что еще неизвестно, откуда идет измена, — сверху или снизу. Более того, 6 марта Синод опубликовал послание «к чадам Православной Церкви» по поводу отречения императора и принял определение об обнаружении в православных храмах актов 2 и 3 марта (об отречении Николая II и великого князя Михаила Александровича), а также о совершении молебствия «об утишении страстей, с возглаголением многолетия Богохранимой державе Российской и Благоверному Временному правительству»²³¹.

Новым «революционным» обер-прокурором правительство 3 марта назначило активного борца с распутинщиной в Государственной Думе, давнего сторонника реформ

в Церкви Владимира Николаевича Львова²³². На следующий день на торжественном заседании члены Синода выслушали его программную речь. В.Н. Львов заявил, что он, всегда оставаясь верным членом Церкви, счастлив объявить об ее свободе, уничтожении цезарепапизма, губительно влиявшего на все стороны церковно-общественной жизни. Из зала заседаний в архив было вынесено царское кресло²³³.

В первые же дни Февральской революции был арестован Петроградский митрополит Питирим. 28 февраля 1917 г. его «в качестве усердного слуги старого режима» доставили из Александро-Невской лавры в Таврический дворец и поместили под охраной в министерском павильоне Государственной Думы. Член Временного комитета Думы В.М. Вершинин в тот же вечер объявил митрополиту, что он свободен, но Владыка попросил разрешения остаться в Таврическом дворце до утра. Через некоторое время митрополит Питирим все же передумал и перед отъездом в Лавру подал председателю Государственной Думы М.В. Родзянко заявление об увольнении на покой²³⁴.

Судьба митрополита обсуждалась на т. н. «частных» совещаниях Синода 2—3 марта 1917 г. Поданное митрополитом Питиримом 28 февраля председателю Государственной Думы прошение об уходе на покой с точки зрения церковных канонов не имело никакой силы. Несмотря на это, 2 марта члены Синода и представители столичного белого духовенства рассмотрели заявление митрополита Питирима и постановили временное управление митрополией возложить на викария Петроградской епархии, епископа Гдовского Вениамина. То, что митрополит Питирим был отстранен от дел еще до официального вступления в должность нового обер-прокурора В.Н. Львова, подтверждает и публикация в «Новом Времени». Повествуя о заседании Синода 4 марта (первом после революции), газета замечала, что «бывший Петроградский митрополит Питирим в заседании Св. Синода не присутствовал, т.к. он уволен на покой со снятием с него митрополичьего сана»²³⁵. Таким образом, устоявшееся в историографии мнение об отставке Владыки Питирима как инициативе исключительно «революционного» обер-прокурора, не соответствует действительности. Увольнение столичного митрополита стало первым самостоятельным шагом православных иерархов, освободившихся от опеки царских чиновников. Вероятно, этот шаг членов Синода был мотивирован и стремлением «очиститься» в глазах революции от негативных обстоятельств прошлого, связав их с именем митрополита Питирима.

На заседании 6 марта 1917 г. Святейший Синод своим определением официально утвердил отставку митрополита «согласно прошения» с назначением ему пенсии 4000 рублей в год из церковных средств. Местом пребывания митрополиту Питириму определили Кавказ (в пределах Владикавказской епархии) — в обители на горе Бештау или подворье этого монастыря в Пятигорске. По поводу обеспечения охраны выезжавшему из столицы бывшему Петроградскому митрополиту новый обер-прокурор В.Н. Львов обращался к главе правительства князю Г.Е. Львову²³⁶. При Владыке во Владикавказской епархии до своей смерти в 1919 г. жил и последний дореволюционный обер-прокурор Синода Н.П. Раев. В годы Гражданской войны митрополит Питирим заметной роли не играл, до переезда в Екатеринодар он жил в крайней бедности на подворье Второ-Афонского монастыря в Пятигорске. Скончался Владыка 23 марта 1919 г. в Екатеринодаре и был погребен в кафедральном храме этого города. Собо­ровал и отпевал (в сослужении епископа Новороссийского Сергия и собора иереев) митрополита Питирима будущий Первоиерарх Зарубежной Русской Православной Церкви митрополит Антоний (Храповицкий)²³⁷.

Следующим после Владыки Питирима был уволен архиепископ Тобольский Варнава (7—8 марта), затем епископ Сарапульский Амвросий (18 марта), митрополит Московский Макарий (20 марта) и т.д. Всего после Февральской революции, по подсчетам петербургской исследовательницы Т.Г. Фруменковой, оказались уволены главы

20 епархий: Владикавказской, Владимирской, Екатеринбургской, Енисейской, Имеретинской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Петроградской, Полоцкой, Рязанской, Саратовской, Тобольской, Томской, Тульской, Харьковской, Херсонской и Черниговской. Все архиереи официально увольнялись «согласно прошению», несмотря на мотивы, по которым они лишались кафедр. Кроме того, пострадало и некоторое количество викариев. Таким образом, из почти 150 архиереев дореволюционного поставления около 40 епископов были удалены со своих кафедр. Всего, по подсчетам Т. Фруменковой, архиереи по меньшей мере 35 из 67 существовавших тогда епархий были вовлечены в различные конфликты с центральными и местными властями, духовенством или прихожанами²³⁸.

Большинство уволенных иерархов стали «жертвами революционного времени»²³⁹. Даже известный позднее как активный обновленческий деятель профессор Петербургской духовной академии Б.В. Титлинов писал, что епархиальные архиереи проявили себя лояльными по отношению к перевороту, «с их стороны не было выступлений против революции. Большею частью они молчали, подчинившись новому порядку, хотя иные и выражали публично и свою солидарность с народом»²⁴⁰.

Отношения Синода с новым правительством, которое, как и прежде, не желало выпускать контроль за религиозными организациями из своих рук, складывались не просто. Хотя 4 марта В.Н. Львов и объявил о предоставлении Церкви полной свободы в ее управлении при сохранении за собой лишь права останавливать решения Синода, несогласные с законом и нежелательные с политической точки зрения, уже 7 марта он сообщил, что считает себя «облаченным всеми прерогативами прежней царской власти в церковных делах». Обер-прокурор также указал, что он получил от Временного правительства поручение выработать проект церковных преобразований и подготовить созыв Собора. На протест членов Синода он ответил, что передаст всю полноту власти «только Всероссийскому Церковному Собору», а не нынешнему Синоду, который не является избранным. Новый обер-прокурор продолжал входить в состав правительства, его права и обязанности остались теми же, что и прежде. Фактически неизменной осталась даже инструкция для этой должности²⁴¹.

15 марта по требованию священнослужителей — членов Государственной Думы В.Н. Львов отдал распоряжение о публикации с последующей рассылкой «всем причтам епархий» книги А.А. Осецкого «Поместный Собор. Опыт свободной организации», как «необходимого для духовенства в виду настоятельной необходимости созыва Российского Поместного Собора в ближайший срок». Оценка Осецким современной церковной жизни, его суждения в отношении реорганизации церковного управления и рекомендации по соборной деятельности казались членам Синода спорными, и эта книга вышла без их благословения²⁴².

Пришедший к власти на волне революции В.Н. Львов стремился как можно скорее освободить Церковь от «реакционного» епископата, не соответствовавшего, по его представлению, духу времени, и нередко действовал диктаторскими методами. 14 апреля 1917 г. по инициативе В.Н. Львова Временное правительство издало указ об освобождении всех прежних членов Синода, за исключением архиепископа Сергия (Страгородского). Были назначены новые, в основном либеральные по своим взглядам, члены органа высшей церковной власти²⁴³. 29 апреля обновленный Святейший Синод принял обращение к Церкви о восстановлении принципа выборности епископата, подготовке Всероссийского Поместного Собора и учреждении Предсоборного Совета²⁴⁴.

Важнейшие же преобразования происходили на местах — в епархиях. Почти повсеместно епархиальные съезды ограничивали епископскую власть особыми советами или комитетами из избранных представителей клира и мирян, без согласия

которых архиереи были лишены права совершать официальные административные акты. В связи с этим епархиальные съезды вырабатывали свои планы преобразования церковного управления, основные положения которых сразу же проводились в жизнь. Коллегиально-представительное начало вводилось на всех ступенях управления: по благочиниям учреждались благочиннические советы из выборных представителей клира и мирян, по приходам — приходские советы также из клира и мирян и приходские общие собрания. Выборный порядок замещения духовных должностей касался всех — от архиереев до приходских священников²⁴⁵.

Вакантные архиерейские кафедры замещались в порядке свободного избрания тайным голосованием представителей клира и мирян епархии на чрезвычайных епархиальных съездах. Еще 4 марта группа петроградских священнослужителей, посетив В.Н. Львова, подняла вопрос об избрании нового правящего архиерея. «Я считаю необходимым, чтобы епископы избирались клиром и мирянами, кандидаты на вдовствующие кафедры должны непременно выставляться народом», — заявил оберпрокурор²⁴⁶.

Первые выборы епархиального архиерея — 3 мая 1917 г. состоялись в Черниговской епархии, затем в Курской, а 24 мая 1917 г. выборные представители клира и мирян столичной губернии значительным большинством проголосовали за избрание архиепископом Петроградским Владыки Вениамина (Казанского)²⁴⁷. 13—14 августа состоялось возведение нового архиепископа в сан митрополита. Уже в первом своем заявлении после выборов архиерей сказал: «Я стою за свободу церкви. Она должна быть чужда политике, ибо в прошлом много от нее пострадала»²⁴⁸. 19 июня на Московскую кафедру был избран архиепископ Тихон (Беллавин)²⁴⁹ и т.д.

По итогам прошедших выборов Синод принял постановления о назначении «избранных свободным голосованием клира и мирян» соответствующих епархий на вакантные кафедры следующих архиереев: Петроградскую — епископа Гдовского Вениамина, Московскую — архиепископа Литовского Тихона (Беллавина), Владимирскую — архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского), Харьковскую — пребывавшего на покое архиепископа Антония (Храповицкого) и др. 20 июня Святейший Синод утвердил Временное положение о православном приходе, которое фактически наделяло приход статусом самоуправляющейся основной демократической единицы Русской Церкви с широкой активизацией мирян, а 5 июля принял «Общие положения об избрании епархиальных епископов»²⁵⁰.

Помимо большого количества епархиальных съездов и собраний, состоялся и съезд духовенства ведомства протопресвитера военного и морского духовенства. Авторитет занимавшего эту должность о. Георгия Шавельского был настолько велик, что 9 июля он оказался переизбран протопресвитером «пожизненно»²⁵¹. Прошел и Всероссийский съезд единоверцев. В его постановлениях говорилось о необходимости иметь единоверческих епископов, против чего категорически возражало царское правительство. Первый такой архиерей — епископ Охтинский Симон (Шлеев) был рукоположен через год — 16 июня 1918 г.

Выборное начало уже вскоре после революции стало укрепляться даже в монашеской среде. Весной — летом 1917 г. в России активно шел процесс переизбрания насельниками православных монастырей своих настоятелей. В июле 1917 г. в Сергиевом посаде прошли два монашеских съезда: с 7 по 14 — ученого монашества, а с 16 по 23 — представителей мужских обителей. Таким образом, в среде иноков стали постепенно возрождаться традиции самоуправления, имевшего свой канонический «предел» в лице высшей церковной власти — в то время Святейшего Синода²⁵².

Подобные процессы ярко проявились даже в столичной Александро-Невской лавре. Согласно указу Синода, в середине мая там состоялись выборы членов Духовного

Собора обители. От архимандритов и иеромонахов, не несущих череды священнослужения, был избран преподаватель Духовной семинарии кандидат богословия иеромонах Николай (Ярушевич), от чередных монахов — иеромонах Алексей (Терешихин), от иеродиаконов — о. Товия (Кислый) и от послушников — новый благочинный Лавры иеромонах Стефан. В первые послереволюционные месяцы на братских собраниях обители избирали и насельников для замещения различных монастырских должностей²⁵³.

В то же время ухудшение финансово-хозяйственного положения Лавры в условиях углубления ситуации анархии и безвластия в стране привело к невиданным ранее конфликтам руководства обители со служащими, певчими хора и т.д. 24 апреля состоялось общее собрание певчих Митрополичьего хора, которые выбрали своим депутатом в Петроградский совет певчего В.И. Сильванова, избрали двух представителей в Духовный Собор лавры, свой руководящий орган — исполнительный комитет, а также выдвинули ряд экономических требований, прежде всего повышение жалования. Волна недовольства охватила и певчих братского хора. 26 апреля они провели свое собрание, на котором выбрали исполнительную комиссию из 4 человек, признали Сильванова общим депутатом двух хоров в Петросовет, и также выдвинули ряд экономических требований. 2 мая Духовный Собор, заслушав эти претензии, постановил указать послушникам «жить в Лавре на тех условиях, на которых они поступали, а недовольным предложить оставить обитель». Это решение было утверждено епископом Вениамином (Казанским)²⁵⁴.

Негативно отнесся Духовный Собор и к требованиям исполкома Митрополичьего хора, 4 мая он известил епископа Вениамина о своем мнении, что «предложенное является совершенно неприемлемым, особенно при тяжелых во всех отношениях переживаемых ныне обстоятельствах», и вообще Собор не признает себя вправе проводить реформы до избрания и вступления в управление Лаврой ее священноархимандрита — митрополита Петроградского. 5 мая Владыка написал резолюцию: «Согласен», и 6 мая об этом известили исполком. В ответ в тот же день на общем собрании взрослых певчих Митрополичьего и братского хоров они «ввиду явного нежелания Духовного Собора идти мирным путем к разрешению вопросов, выдвинутых певцами, единогласно решили бороться с Духовным Собором всеми доступными им мерами» и заявили об отказе «исполнять службы и требы впредь до удовлетворения их требований»²⁵⁵.

Этот конфликт стал широко известен в городе. 8 мая в газете «Новое время» появилась заметка «Комическая забастовка», а затем было опубликовано письмо в редакцию В. Сильванова «О комической забастовке». Вскоре начались переговоры с лаврским руководством, и после выплаты повышенного денежного аванса стачечный комитет решил временно приостановить забастовку с 11 мая. Послушники братского хора, получив в этот день категорический ответ Духовного Собора, значительную часть своих требований сняли. А 10 июня 1917 г. Собор принял компромиссное решение: «определенное жалование послушников-певчих совершенно не отвечает духу монашеской жизни, но для помощи им с 1 мая выдавать каждому 20 рублей в месяц сверх полученного из братской кружки». Конфликт же с певчими Митрополичьего хора продолжался еще несколько месяцев²⁵⁶.

Спустя два месяца после свержения монархии Синод выпустил определение от 1—5 мая о привлечении духовенства и мирян к более активному участию в церковном управлении, узаконившее и регламентировавшее возникшую в Церкви послереволюционную ситуацию. Епархиальные архиереи получили право временно (до Собора) разрешать представителям местных церковно-епархиальных советов принимать участие в заседаниях Духовной консистории; учреждать при благочинных выборы

благочиннические советы; предоставлять прихожанам возможности избирать на освободившиеся священно- и церковнослужительские места достойных кандидатов (право утверждения этих кандидатов оставалось за архиереем). Благочинные, уездные и епархиальные съезды получили возможность избирать местных благочинных, штатных членов уездных отделений епархиальных училищных советов и тому подобных организаций. Разрешалось созывать чрезвычайные епархиальные съезды духовенства для обсуждения, в том числе и общих вопросов о положении Церкви в государстве.

16—18 мая епархиальные съезды получили право избирать в члены Духовных консисторий не только священников, но и церковнослужителей и мирян. Наконец, 17—21 июня было утверждено «Временное положение» о православном приходе, наделившее его статусом самоуправляемой основной демократической единицы Церкви с широкой активностью мирян. По справедливому выражению историка С.А. Фирсова, «это был предел, больше прав православное духовенство и миряне не имели никогда»²⁵⁷.

Стараясь как можно скорее организовать созыв Поместного Собора, Синод в июне 1917 г. создал Предсоборный совет — обширную (свыше 60 человек) совещательную коллегию из епископов, клириков и мирян, главным образом профессоров Духовных академий. Правительство ассигновало один миллион рублей в качестве субсидии, а Синод со своей стороны решил затратить на подготовку Собора церковные капиталы — первоначально 2, 5 млн рублей, а если потребуется, и 4 млн.

Началось проведение реформ и в богословском образовании. Еще 18—22 марта Святейший Синод предоставил правлениям Духовных семинарий и училищ право «избирать кандидатов для замещения административных и преподавательских должностей». 5—6 мая было принято положение «О некоторых изменениях в строе Духовных Академий». Ректор и его помощник теперь избирались на 4 года и утверждались Синодом. Преподавательские должности также стали замещать выборным путем с последующим утверждением Синодом, ученые степени присуждались Советом Академии и т.д.²⁵⁸

Февральская революция вызвала заметный подъем национального движения, что не могло не отразиться и на церковной жизни. В различных регионах огромной страны стали подниматься вопросы о переходе на национальные языки за богослужением, избрании архиереев из представителей «своей» народности и т.п. Так в мае 1917 г. была начата работа по подготовке издания Св. Писания на украинском языке. 14 июня — 10 июля Синод объявил, что с его стороны «не встречается препятствий введению в местностях с малорусским населением малорусского языка в церковной проповеди и церковно-приходских школах». В августе 1917 г. по желанию съезда православного духовенства в Прибалтике епископом Ревельским был избран эстонец протоиерей Павел Кульбуш. Чрезвычайное общее собрание представителей клира и мирян Бессарабии отметило необходимость восстановления там автономии Церкви (существовавшей в 1812—1840-е гг.). О скорейшем введении национального языка за богослужением было заявлено на съезде карелов в июне. На съезде же духовенства Владикавказской епархии говорилось о необходимости создания осетинской епархии (в составе Северной и Южной Осетии) и т.п.²⁵⁹

Наметившиеся центробежные тенденции особенно ярко проявились в Грузии. Уже 12 марта Собор Иверской Апостольской Церкви провозгласил восстановление автокефалии древней Грузинской Православной Церкви. После консультации с комиссией Святейшего Синода Временное правительство приняло постановление об ее автокефалии. Окончательное правовое положение Грузинской Церкви должно было выработать Учредительное собрание. Синод не считал себя вправе до Поместного Собора признать ее автокефалию и 14 июля утвердил «Временные правила об

устройстве Православной Российской Церкви на Кавказе...», образовав Кавказский экзархат²⁶⁰.

Православное духовенство было неоднородно не только в национальном плане, к 1917 г. оно уже характеризовалось значительным социальным расслоением. Соответственно расходились и политические симпатии различных групп. Не все одобрительно встретили революцию, в некоторых храмах продолжали почитать императора Николая II, сохраняя надежду на реставрацию монархии. С другой стороны, ряд священников состояли в социалистических партиях. Наиболее активно из левых группировок действовал основанный 7 марта 1917 г. в Петрограде «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян». Он был создан бывшими членами существовавшей в годы Первой русской революции «группы 32-х». Председателем союза выбрали члена Государственной Думы священника Д. Попова, секретарем — будущего обновленческого митрополита священника А. Введенского.

При содействии В. Львова эта организация получила свое печатное издание. 8 марта один из руководителей союза профессор Б.В. Титлинов обратился к обер-прокурору с докладной запиской о необходимости иметь свободный печатный орган, и 24 марта было решено передать редактирование ежедневной газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник» Совету профессоров Петроградской духовной академии, предоставив ему право самому выбрать редактора, которым стал Титлинов. Первый номер газеты вышел 7 апреля, это издание заменило неофициальную часть органа Синода «Церковные Ведомости»²⁶¹.

Среди руководителей союза особенно выделялись известный проповедник о. Александр Введенский и смелый новатор, примыкавший к крайним радикалам, убежденный сторонник ориентации Православной Церкви на рабочий класс протоиерей Александр Боярский. Крупной фигурой был также протоиерей Иоанн Егоров, умерший от сыпного тифа в 1920 г., но успевший основать особую церковную группу «Религия в сочетании с жизнью», просуществовавшую до 1927 г.

«Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян» пользовался поддержкой Временного правительства вплоть до его падения 25 октября 1917 г. и издавал на синодальные субсидии газету «Голос Христа», а к осени организовал издательство «Соборный разум», выпускавшее одноименный журнал. Союз энергично поддерживал мероприятия правительства, в частности пропагандировал «Заем свободы». Наряду с требованиями широких внутрицерковных реформ, выступая под лозунгом «Христианство на стороне труда, а не на стороне насилия и эксплуатации», союз во многом солидаризировался с политической и общественной программой эсеров²⁶².

Эта организация заявила о своем принципиальном неприятии монархии; высказалась за демократическую республику, равенство сословий и полов, свободу слова, совести, печати; выдвинула лозунг борьбы с капитализмом за демократическую экономику и требование передать землю крестьянам. При этом она в принципе не одобряла насилие и террор, характерные для партии эсеров. Союз выступал также за проведение широких внутрицерковных реформ: отделение Церкви от государства, демократизацию церковного управления и восстановление соборных начал в нем, переход на григорианский календарь, перевод богослужения на современный русский язык, введение принципа брачности епископата. Союз не поддерживал идеи восстановления Патриаршества, полагая, что оно противоречит соборным началам и концепции Христа — единственной власти над Церковью²⁶³.

В столице возникла и другая подобная организация — «Союз прогрессивного духовенства», пытавшаяся развернуть свою деятельность в рядах рабочих. В Москве эти союзы не имели большого количества сторонников. Правда, там 8 июня 1917 г.

была создана «Христианско-социальная рабочая партия» (руководители — Н. Львов, Н. Кузнецов, С. Калиновский, Ф. Жилкин). Учитывая этот факт, можно отметить, что уже тогда в обновленческом движении выкристаллизовалась идея справедливости социалистической революции. Попытки создать подобные организации в других городах почти везде закончились неудачей. Указанные радикальные группировки являлись лишь небольшими крайними течениями. Основная масса духовенства была в целом аполитична и, выступая за демократические преобразования в структуре Церкви, не разделяла программные требования социалистических партий об отделении ее от государства.

Подобные настроения проявились уже на весенних епархиальных съездах. Принцип свободы совести не вызывал возражений, однако Православная Церковь в новой России должна быть первой среди равных. Так, например, Херсонский епархиальный съезд считал, что «лицо, поставленное во главе Русского государства, должно быть православного исповедания», законодательство не может противоречить установлениям Православной Церкви, которую необходимо ограждать от различных притеснений и предоставлять ей материальную помощь от государства²⁶⁴.

Открыто были высказаны эти идеи и на Всероссийском съезде духовенства и мирян, проходившем 1—10 июня 1917 г. в Москве и собравшем 1262 делегата почти из всех епархий. Инициатива его проведения принадлежала председателю организации «объединенного духовенства и мирян Москвы» протоиерею Н. Цветкову. По своему составу и структуре съезд отличался от будущего Собора только отсутствием полного представительства епископата, а по количеству участников превышал его состав более чем вдвое. Съезд принял декларацию, приветствовавшую революцию, в которой содержались пункты о передаче земли трудящемуся народу, установлении справедливых отношений между рабочими и капиталистами, свободе вероисповеданий. За 10 дней работы на нем были сформулированы требования и предложения по основным пунктам реформы для будущего Поместного Собора. Съезд также учредил «Всероссийский союз духовенства и мирян» и профсоюз духовенства. Однако идея отделения Церкви от государства оказалась отвергнута. Были высказаны пожелания, чтобы Православная Церковь осталась в положении «первенствующей», религиозные организации по-прежнему получали правовую и материальную поддержку, Закон Божий являлся обязательным для изучения, и Церкви остались руководимые ею народные школы²⁶⁵.

В результате вскоре произошел конфликт с правительством по вопросу церковно-приходских школ. 8—18 мая Синод принял определение об их реформе, в соответствии с которым православным приходам предоставлялось «право ближайшего участия в заведовании всеми церковно-приходскими школами». Преобразовывались епархиальные училищные советы и их уездные отделения²⁶⁶. Однако 20 июня Временное правительство приняло постановление о передаче 37 тысяч церковно-приходских и церковно-учительских школ в ведомство Министерства народного просвещения²⁶⁷.

Всероссийский съезд церковно-приходского учительства приветствовал эту передачу. Синод же, как и другие церковные круги, выразил протест по поводу закона от 20 июня. Аналогичное столкновение произошло и по поводу подготовки проекта об исключении Закона Божия из числа обязательных предметов. Этот вопрос вынес на обсуждение Государственный комитет по народному образованию. Законоучительные организации развернули горячую агитацию против готовившейся акции, их поддержала церковная общественность и Предсоборный совет. В итоге это постановление вплоть до Октябрьской революции принято не было.

В связи с усилением политических разногласий, назревавшим расколом в армии и опасностью начала гражданской войны Святейший Синод 22 июля выпустил по-

слание к чадам Церкви и гражданам России «О чрезвычайных обстоятельствах переживаемого времени», выдержанное в духе традиционного христианского миротворчества²⁶⁸.

Религиозная политика Временного правительства отличалась своеобразием. Своими постановлениями «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта 1917 г.) и «О свободе совести» (14 июля 1917 г.) оно много сделало для утверждения подлинной свободы вероисповеданий, и в то же время признавало за религией колоссальную роль в духовно-нравственной сфере жизни людей. Однако новая власть, вместе со всеми другими властными полномочиями свергнутого монарха, присвоила себе и право утверждать решения Святейшего Синода.

Политика Временного правительства в отношении Русской Православной Церкви была направлена на реализацию трех основных задач: установление лояльности «Ведомства православного исповедания» революционным властям и ликвидация символов его прежнего служения самодержавию; внутреннее реформирование Церкви при наличии узурпированного права утверждения церковных решений; постепенное максимально безболезненное разделение государственных и церковных структур. В религиозной сфере, как и в ряде других, правительство откладывало решение наиболее принципиальных вопросов до начала работы Учредительного собрания. В целом эта политика не вызвала понимания в широких слоях духовенства и мирян. К осени 1917 г. Русская Церковь, разуверившись в способности Временного правительства защищать ее интересы, хотя и продолжала выдерживать по отношению к нему линию пассивной лояльности, но все более связывала свои надежды с изменением политической ситуации²⁶⁹. Хотя в программах всех партий, представленных в правительстве (в том числе кадетов), присутствовало положение о постепенном отделении Церкви от государства, решительных шагов в этом направлении сделано не было.

Учитывало правительство и расстановку сил в Предсоборном совете. Здесь выявились две противостоящие точки зрения на будущую форму церковного управления. Левое крыло, возглавляемое профессором А.И. Покровским, боролось за полное отделение Церкви от государства и принятие синодально-соборной структуры управления при обязательности переходного периода. Сторонники другой точки зрения во главе с князем Е.Н. Трубецким и С. Булгаковым выступили за то, чтобы даже при проведении отделения за Православием оставался особый статус. Русская Церковь, по их мнению, столь органически срослась с народом, его культурой и государственностью, что ее уже невозможно оторвать от общественного организма — национального государства²⁷⁰.

Умеренное крыло имело существенный перевес, и 13 июля Предсоборный совет принял «Основные положения о правовом положении Православной Церкви в России». В них говорилось о необходимости независимости Церкви от государства, но сохранении ее основных прежних прав, в том числе государственных ассигнований. В конце июня — начале июля Министерство внутренних дел совместно с представителями Предсоборного совета выработало проект урегулирования взаимоотношений религиозных обществ и государства. Согласно ему, Церкви предоставлялась полная свобода и самостоятельность, церковные органы находились под надзором правительства лишь поскольку осуществляли акты, соприкасавшиеся с областью государственных правоотношений: метрикации и т.п. Осуществлять подобный надзор должно было Министерство исповеданий. Предусматривались государственные ассигнования на нужды Церкви. Однако проект принят не был²⁷¹.

Приобретая определенную фактическую самостоятельность, юридической свободы Православная Церковь не получила. Временное правительство не отказалось от прерогатив верховной власти. Первоначально в его состав входил обер-прокурор Синода

В.Н. Львов, которого 8 августа сменил магистр богословия, впоследствии известный историк Русской Церкви, Антон Владимирович Карташев²⁷², назначенный 10 августа в связи с ликвидацией должности обер-прокурора министром исповеданий с прежними правами и обязанностями. Постановлением от 5 августа Временное правительство фактически признавало Русскую Церковь «первой среди равных», так как министр исповеданий и два его первых заместителя должны были обязательно принадлежать к Православию. Перед самым открытием Поместного Собора — 11 августа было принято постановление о том, что выработанный на нем законопроект о новом порядке самоуправления Русской Православной Церкви подлежит обязательному утверждению правительством, а до него все дела внутреннего церковного управления остаются в ведении Синода²⁷³.

Следует отметить, что Временное правительство недооценило настроения достаточно широких слоев населения, к осени 1917 г. все более активно выступавших за радикализацию религиозной политики — полное отделение Церкви от государства, светское образование, равенство на практике различных вероисповеданий, освобождение верующих от чрезмерной опеки государственных структур и т.д. Заметно росли антиклерикальные настроения в армии. Крестьянство наряду с помещичьими начало захватывать и церковные земли. Даже московские власти приняли решение конфисковать в черте города все монастырские и церковные земельные участки. Сельские общины стали сокращать экономическую помощь духовенству, в приходах происходило изгнание неугодных клириков. Причем часто приходские приговоры были бесосновательны.

Все это, как и возраставшая экономическая разруха, поражения на фронтах, сказывалось на настроениях священнослужителей. Патриотическая тревога, охватившая средние слои населения, проявлялась и в их среде. Сильно волновала духовенство перспектива отделения Церкви от государства, как следствие нарастало недовольство правительственной политикой.

В этой обстановке происходили выборы участников Поместного Собора. 10 июля Предсоборный совет опубликовал их правила. Выборы членов Собора были свободными и тайными, впервые на уровне приходов в них участвовали женщины, кроме того, в состав Собора по должности входили все епархиальные архиереи, наместники Лавр, настоятели ставропигиальных монастырей, члены Предсоборного совета и т.д. Предусматривалась трехступенчатая процедура выборов — помимо общеприходских проходили благочиннические и епархиальные избирательные собрания.

Открывшийся 15 августа в Москве Всероссийский Поместный Собор стал заметным явлением общехристианской истории. Ряд его решений и постановка самих вопросов во многом опережали весь христианский мир. Собор был не только самым представительным, но и самым свободным и демократичным за все время существования Русской Православной Церкви. Из 564 депутатов больше половины — 299 составляли миряне, кроме них членами Собора были: 72 архиерея, 139 пресвитеров, 10 диаконов, 22 псаломщика, 17 архимандритов, 2 игумена и 3 иеромонаха²⁷⁴.

На ходе первых заседаний сказывались серьезные разногласия их участников. Левое крыло находилось в меньшинстве, но отличалось значительной активностью. В него входили представители хорошо образованного белого духовенства городов, церковной интеллигенции и профессуры Духовных академий. Они стремились ослабить позиции монашества и епископата, выступая за соборно-синодальную систему управления, в которой голос приходского духовенства был бы равен архиерейскому²⁷⁵.

На открытии присутствовал премьер-министр А.Ф. Керенский, в официальном постановлении о созыве Собора ему поручалось «выработать и внести на утверждение Временному правительству законопроект о новом порядке самоуправления

Русской Церкви». Начало работы Собора пришлось на дни Корниловского мятежа и ухудшения положения на фронте. Участники заседаний не могли не откликнуться на события, потрясшие страну. Продолжая линию Святейшего Синода на прекращение народной распри, партийных и социальных раздоров (которая проявилась в посланиях от 12 июля и 2 августа 1917 г.), Собор 24 августа обратился к народу, а также отдельно к армии и флоту с призывом отбросить взаимную ненависть и внутренние распри и исполнять свой воинский долг: «В сердце русского человека стал затуманиваться светлый образ Христов, начал гаснуть огонь веры православной, начало слабеть стремление к подвигу во имя Христа... Обманутые врагами и предателями, изменой долгу и присяге, убийствами своих же братьев, грабежами и насилиями, запятнавшие свое священное звание воина, молим вас, — опомнитесь!»²⁷⁶.

С началом мятежа А.Г. Корнилов обратился через специальных посланцев к Собору за поддержкой, но фактически не получил ее. Назначенное закрытое заседание для обсуждения отношения к выступлению генерала не успело принять какого-либо решения. На эти события депутаты откликнулись призывом к Временному правительству не мстить и не проливать крови. В принятом 1 сентября постановлении говорилось: «Верная своим священным заветам, Церковь Православная не принимает участия в борьбе политических партий... Междоусобие должно быть предотвращено, братоубийство должно быть остановлено окончательно, примирение обеих враждующих сторон должно быть полным и прочным. Не должно быть места для недостойных актов кровавой мести»²⁷⁷.

Среди членов Собора имелись представители различных политических взглядов, некоторые из них сочувствовали корниловцам, другие же занимали враждебную позицию. Так «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян» в сентябре принял декларацию, обращенную к Всероссийскому демократическому государственному совещанию, а представитель союза в своей речи на совещании даже заявил: «Вся власть Советам!»²⁷⁸. Но эти политические разногласия никогда не проявлялись открыто на заседаниях Собора.

В центре внимания первых недель его работы находился конфликт с государственной властью по вопросам о церковно-приходских школах и религиозному обучению. Было принято решение просить правительство о немедленной отмене закона от 20 июня 1917 г. и выразить ему мнение о недопустимости ликвидации обязательного преподавания Закона Божия. Соборную делегацию принял лично А.Ф. Керенский. Он заявил, что по первому вопросу ее требование не может быть удовлетворено, а при окончательном решении второго примут во внимание представления Собора.

Особенно сильно разногласия депутатов проявлялись в вопросе возрождения Патриаршества. Еще в Предсоборном совете большинство во главе с архиепископом Сергием (Страгородским) отвергало эту идею. Левое крыло Собора также активно предлагало вместо Патриаршества демократически-коллегиальную систему управления. Обсуждение этого вопроса началось 11 октября. В качестве главного аргумента сторонники сохранения синодального устройства выдвигали опасения, что учреждение Патриаршества может сковать соборное начало в жизни Церкви. Но постепенно, по мере нарастания политического кризиса, настроения менялись. Все более ощущалось, что в условиях разгула антирелигиозных сил им должна противостоять Церковь, возглавляемая конкретным духовным вождем. Растущая неустойчивость правительства, по мнению многих членов Собора, требовала сильного личностного начала — Патриаршей власти в сочетании с соборными институтами, которые имели бы достаточно широкие prerogatives и проводили волю Церкви, как единого целого.

Эта позиция возобладала уже к 18—20 октября. Радикально антипатриаршая партия не превышала 60 человек, т.е. 11 % всех участников Собора. Через несколько

дней — после Октябрьского переворота отпали обоснованные сомнения в том, что введение Патриаршества не утвердит Временное правительство. 28 октября прения были прекращены, и Поместный Собор подавляющим большинством голосов вынес постановление: «1. В Православной Российской Церкви высшая власть — законодательная, административная, судебная и контролирующая — принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян. 2. Восстанавливается Патриаршество, и управление церковное возглавляется Патриархом. 3. Патриарх является первым между равными ему епископами. 4. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору»²⁷⁹.

Так после двухвекового перерыва Русская Церковь вновь обрела своего Первосвятого. 30 октября состоялась первая тур тайного голосования, а на следующий день второй, в результате первым кандидатом в Патриархи по числу поданных голосов был признан архиепископ Антоний (Храповицкий), следующим — архиепископ Арсений (Стадницкий), а третьим — митрополит Тихон (Беллавин). 5 ноября в храме Христа Спасителя по жребию, вынужденному схиеромонахом Алексием, из этих трех кандидатов был избран Патриархом Московским и всея России митрополит Московский Тихон. 21 ноября состоялась его торжественная интронизация в Успенском соборе Кремля.

Согласно уставу, при Патриархе учреждались Священный Синод из архиереев и Высший церковный совет с выборным представительством белого духовенства и мирян. Учитывая неопределенность тогдашнего положения и неизвестность будущего, Собор также принял 25 января 1918 г. беспрецедентное постановление, сыгравшее важнейшую роль в дальнейшей истории Русской Церкви, о предложении Патриарху самому избрать нескольких Блуждителей Патриаршего престола на случай его болезни, смерти и т.д., чем обеспечивалось сохранение их имен в тайне.

Существенное значение для жизни епархий имело февральское 1918 г. постановление Собора об епархиальном управлении, восстанавливающее самобытное и самостоятельное достоинство каждого отдельного епископа: «Епархиальный архиерей, по преемству власти от святых Апостолов, есть предстоятель местной Церкви, управляющий епархией при соборном содействии клира и мирян... Архиерей пребывает на кафедре пожизненно и оставляет ее только по церковному суду или по постановлению высшей церковной власти... в исключительных и чрезвычайных случаях, ради блага церковного»²⁸⁰.

Всего с 15 (28) августа 1917 г. по 7 (20) сентября 1918 г. состоялось три сессии Собора, затем он был вынужден прекратить работу, не завершив ее. Среди принятых постановлений следует отметить определения об активизации женщин в церковной жизни, о братствах ученых монахов, о проповедничестве. Успел Собор выпустить и уставы новой соборной структуры всей Церкви, основанной на началах широкой инициативы и выборности — от Патриарха до самоуправляющихся приходов, окончательно узаконив большую часть преобразований «церковной революции» 1917 г.²⁸¹. Без этого обновления Русской Православной Церкви было бы значительно сложнее пережить агрессию атеистического государства.

Таким образом, несмотря на тяжелый кризис, в котором Русская Православная Церковь находилась к 1917 г., ей понадобилось очень мало времени, чтобы качественно преобразоваться. Ее потенциальные возможности, оказались очень велики. Сразу после Февральской революции началась бурная активизация церковной жизни, основная же часть Церкви стала выходить из внутреннего кризиса с лета 1917 г., что ярко проявилось в избрании Патриарха и особенно в деятельности Поместного Собора. Однако для этого церковного возрождения историей оказалось отведено очень мало времени.

С первых дней Октябрьской революции стал завязываться трагический конфликт Церкви с новой властью. Само избрание Первосвященника проходило в период ожесточенных боев в центре Москвы, в ходе которых серьезно пострадали кремлевские храмы. Поместный Собор был вынужден образовать специальную комиссию «для описания повреждений святынь Кремля, причиненных в смутные дни 27 октября — 2 ноября с.г.» под председательством Петроградского митрополита Вениамина. А через несколько дней в Царском Селе был убит протоиерей Иоанн Кочуров, обличавший матросов в «содеянных злодеяниях». Его избили и полуживого тащили по шпалам железнодорожного полотна, пока священник не скончался. В письме Патриарха Тихона вдове первомученика говорилось: «Храним в своем сердце твердое упование, что украшенный венцом мученичества почивший пастырь предстоит ныне Престолу Божию в лике избранников верного стада Христова»²⁸².

Основная доля ответственности за ухудшение отношений с Московской Патриархией лежит на вновь образованном Совете Народных Комиссаров (Совнарком). Его соответствующие мероприятия основывались на двух предпосылках: мировоззренческой несовместимости учения марксизма с религиозной верой и отношением к Церкви, как союзнице царизма, а после свержения самодержавия — эксплуататорского строя. Поэтому к сотрудничеству религиозные организации не звали, их начали усиленно вытеснять из политической, экономической, культурной жизни страны. Антиклерикальная направленность деятельности советского правительства имела и объективную основу. Размах народного движения после Октябрьской революции принял в виде реакции на казенный национализм и религию в немалой степени универсалистский и антинациональный характер. В это русло укладывались гонения на православие, национальную культуру, отказ от старого быта и уклада.

С другой стороны, большая часть иерархов и клира без энтузиазма или враждебно встретила приход вооруженным путем к руководству страны крайне левого фланга общественно-политических партий. И все же, несмотря на прочные связи Православной Церкви с дореволюционной Россией, она не стала вести политическую борьбу за ее возвращение, не перешла открыто на сторону какой-либо из противоборствующих сил. Усилия Патриархии были направлены на прекращение партийных и социальных раздоров, разгоравшейся братоубийственной войны. 2 ноября 1917 г., в период боев в Москве, Поместный Собор обратился к обеим сражающимся сторонам с призывом остановить кровопролитие, не допустить расправы с побежденными. 11 ноября он принял решение об отпевании всех погибших, а также обращение к победителям в Гражданской войне, призывая не осквернять себя пролитием братской крови²⁸³. Этой линии Русская Православная Церковь в основном придерживалась и в дальнейшем.

Уже первые постановления советской власти непосредственно затронули большинство сфер жизнедеятельности Церкви. Так, декрет о земле II съезда советов и основанный на нем декрет о земельных комитетах от 4 декабря 1917 г. касался и наделов храмов, монастырей. Национализация частных банков повлекла утрату хранившихся там вкладов духовенства. Декларация прав народов России от 2 ноября предусматривала упразднение всех религиозных привилегий. В декабре были приняты декреты о передаче всего дела образования, включая богословские учебные заведения, в ведение Народного комиссариата просвещения, регистрации актов рождения, брака и смерти в исключительное ведение государственных организаций. В январе 1918 г. ряд наркоматов постановили уволить военных духовников, а также прекратить все выплаты на содержание церквей, священников, преподавателей Закона Божия и т.д.

Первоначально эти законы в основном игнорировались. 2 декабря 1917 г. Поместный Собор, еще не теряя надежды на урегулирование церковно-государственных отношений в желательном смысле, принял «Определение о правовом положении

Православной Российской Церкви». В нем хотя и предусматривалась «независимость Церкви от государственной власти», но сохранялось за Православием «первенствующее среди других исповеданий» положение, перечислялись многие прежние права и привилегии²⁸⁴. Однако это определение было невыполнимо.

Опубликование 31 декабря в газетах проекта декрета об отделении Церкви от государства явилось полной неожиданностью для верующих. Многие в нем духовенство не устраивало. Одним из первых свое категорическое несогласие выразил Петроградский митрополит Вениамин, направивший 10 января открытое письмо в Совнарком. Мотивы послания были далеки от политических и носили объективный характер (безпокойство по поводу потери правовой защищенности, экономической базы Церкви и т.д.) В нем отмечалось: «Осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу. Вполне естественно, как только православные жители Петрограда узнали об этом, стали сильно волноваться. Волнения могут принять силу стихийных движений... и привести к тяжелым последствиям... считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим у власти, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого декрета об отобрании церковного достояния. Православный русский народ никогда не допускал подобных посягательств на его святые храмы. И ко многим другим страданиям не нужно прибавлять новых»²⁸⁵.

Письмо не осталось без внимания (хотя ответа не последовало), с ним ознакомился В.И. Ленин, наложивший резолюцию: «Очень прошу коллегия при комиссариате юстиции поспешить с разработкой декрета об отделении церкви от государства»²⁸⁶. Следует отметить, что первоначальный вариант проекта этого декрета написал сотрудничавший с Наркоматом юстиции священник Михаил Галкин, позднее (в 1918 г.) снявший сан.

Пожелания митрополита Вениамина не только не были учтены, но и активизировали антицерковную политику новых властей. В конце декабря 1917 г. — январе 1918 г. по стране прокатилась серия антирелигиозных акций, явно предвосхищавшая готовившийся закон об отделении Церкви от государства. Были закрыты дворцовые и некоторые домовые храмы (в Зимнем и Гатчинском дворцах, зданиях Министерства внутренних дел и градоначальства) с конфискацией их имущества, в наиболее доходную часовню Христа Спасителя в домике Петра Великого был направлен комиссар, объявивший, «что вся выручка ее должна поступать в кассу Республики»²⁸⁷. 3 января, несмотря на протест общего собрания рабочих синодальной типографии, она была изъята из распоряжения церковных властей. Этим прекращался выпуск периодических изданий: «Церковных Ведомостей» и «Церковно-общественного вестника», причем возобновить через несколько недель удалось только первое из них.

Вскоре была предпринята попытка силой осуществить реквизицию жилых помещений Александро-Невской лавры. В результате 19 января на территории Лавры произошло столкновение красногвардейцев с верующими. Были жертвы (в частности, красногвардейцы смертельно ранили протоиерея Петра Скипетрова), но монастырь удалось отстоять. А 21 января по распоряжению митрополита Петроградского Вениамина состоялся общегородской крестный ход в защиту Церкви, в котором по церковным оценкам участвовало до 500 тысяч человек²⁸⁸.

Антицерковные акции не остались без ответа Патриарха Тихона. Они, а также становящаяся все более кровавой Гражданская война, явились причиной появления его воззвания от 19 января 1918 г. В нем Патриарх заклеил врагов Истины Христовой, которые кровопролитием, братской междоусобицей по всей стране выполняли «дело сатаны», и предал их анафеме²⁸⁹. Большевики и советская власть в послании нигде не упоминались, но оно оказалось воспринято как выражение контрреволюционного настроения.

События в Петрограде сразу оказались в центре внимания возобновившего с 20 января свою работу Поместного Собора. На его первом собрании было оглашено послание настоятеля Александро-Невской лавры, о занятии синодальной типографии рассказал протоиерей Павел Лахостский, а 24 января, на другом заседании сообщение о крестном ходе в Петрограде сделал священномученик протоиерей Философ Орнатский, призвавший выявить свою силу: «Пора сказать, что разбойники взяли власть и управляют нами. Мы терпели, но терпеть далее невозможно, потому что затронуто Святое Святых русской души — Святая Церковь... На сознательное мученичество идти не следует, но, если нам нужно пострадать и даже умереть за правду, — это надо будет сделать»²⁹⁰. Отец Философ также поблагодарил Собор за присвоение митрополиту Вениамину древнего и почетного титула священноархимандрита Александро-Невской лавры.

25 января мученически погиб первый архиерей — митрополит Киевский Владимир (Богоявленский). С открытием Всероссийского Поместного Собора 15 августа 1917 г., он, будучи его почетным председателем, жил большею частью в Москве, но в ноябре вернулся в Киев. Последний киевский период в архиерейском служении митрополита Владимира оказался самым тяжелым и мучительным. В ноябре 1917 г. в городе был организован комитет по созыву Всеукраинского Церковного Собора, который быстро преобразовался во «временное правительство» для всей Украинской Православной Церкви. Митрополита Владимира было решено не допускать в Киев. В ответ на эти самозванные действия 24 ноября состоялось общее многолюдное собрание союза приходских православных советов г. Киева, постановившие всеми силами протестовать против самочинной антиканонической попытки создать автокефальную Украинскую Церковь. После прибытия Патриаршего представителя в лице Тифлисского митрополита Платона, который был специально уполномочен руководить приготовлениями к Украинскому Церковному Собору, положение митрополита Владимира в этом отношении значительно облегчилось. Впрочем, он по-прежнему продолжал принимать деятельное участие в предсоборных работах, как и в открытии и в самих деяниях Украинского Церковного Собора до перерыва в его занятиях, в связи с боями в Киеве.

8 января 1918 г., открывая деяния Собора, митрополит Владимир произнес речь, в которой призывал членов Собора к осторожной, серьезной и вдумчивой работе в духе любви и единения со всей Православной Восточной Церковью вообще и в особенности со Всероссийской Православной Церковью. Забаллотированный в качестве кандидата в председатели Собора, он потом единогласно был призван почетным председателем его. Митрополит Владимир посещал его собрания Украинского Церковного Собора до начала гражданской войны в Киеве, пока ожесточенный обстрел Киево-Печерской лавры не сделал это невозможным.

К вечеру 23 января большевистские войска заняли Лавру, и в ней начались репрессии, в том числе казни. Насилиями и угрозами — всех монахов перебить и перерезать, или собрать их в один корпус и взорвать на воздух, — насельники оказались запуганы и не оказали никакого сопротивления, когда 25 января революционные солдаты расстреляли Владыку Владимира²⁹¹.

Патриарх Тихон так сказал о смерти митрополита: «Конечно, судя по-человечески, ужасною кажется эта кончина, но нет ничего напрасного в путях Промысла Божия, и мы глубоко верим, что эта мученическая кончина Владыки Владимира была не только очищением вольных и невольных грехов его, которые неизбежны у каждого, плоть носящего, но и жертвою благовонною во очищение грехов великой матушки — России»²⁹². 15/28 февраля 1918 г. состоялось торжественное траурное заседание Всероссийского Поместного Собора, посвященное памяти своего мученически скон-

чавшегося почетного председателя. Поместный Собор также установил ежегодное молитвенное поминовение в ближайшее к 25 января (17 февраля) воскресенье (день убийства митрополита Владимира) «всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников»²⁹³. В первой такой заупокойной литургии, совершенной Патриархом 13 апреля, в числе 17 новомучеников были помянуты Владыка Владимир и два петроградских протоиерея Иоанн Кочуров и Петр Скипетров. 5 апреля 1992 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил Владыку к лику святых. Честные мощи священномученика Владимира митрополита Киевского и Галицкого были обретены летом 1992 г. и положены в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры²⁹⁴.

20 января был принят и 23 января в газетах был опубликован декрет Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», первоначально называвшийся «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Именно он заложил основы будущего, бесправного положения Церкви, хотя содержал и ряд демократических положений, в том числе о свободном исповедании любой религии. Однако в декрете провозглашалось запрещение религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация церковного имущества. Эти ограничения были вызваны прежде всего политическими и идеологическими соображениями, именно они наиболее отягощали практический смысл декрета для Церкви²⁹⁵.

Духовенство и верующие, болезненно воспринимавшие антирелигиозную ориентацию советской власти, отрицательно встретили и указанный закон. На своем заседании 25 января Поместный Собор постановил: «Изданный Советом Народных Комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собой, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения»²⁹⁶. 27 января Собор утвердил воззвание «К православному народу», призывая мирян объединиться под церковными знаменами для защиты святынь. В различных городах страны прошли многолюдные крестные ходы, причем некоторые из них были расстреляны, в общественных местах устраивались богослужения в поддержку Патриархии, в адрес правительства отправлялись коллективные петиции и т.д.

Следует отметить, что не все представители клерикальной общественности, и прежде всего в столице, однозначно восприняли воззвание Патриарха и бойкот январского декрета. Группа петроградского, так называемого «прогрессивного» духовенства и интеллигенции, в основном будущих деятелей обновленчества, выступила за необходимость изменения церковной политики, примирения с государственной властью. Идеи о назревшем переустройстве религиозной жизни, обновлении Церкви высказывались ими и раньше, однако на Поместном Соборе сторонники «Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян» оказались в явном меньшинстве. В результате с осени 1917 г. у них начало созревать решение «самостоятельно вести церковное дело, не считаясь с правящей иерархией». Сильный удар по их основополагающей идее соборного управления нанесло восстановление Патриаршества. В январе 1918 г., по воспоминаниям о. А. Введенского, у руководителей союза появилась идея разрыва с официальной Церковью, отделения от Патриарха и создания новой Церкви. Согласно этим замыслам, выступление должно было начаться одновременно в Петрограде, Киеве и Одессе²⁹⁷, «переворота» не произошло, так как его сторонников оказалось очень мало. Однако, скорее всего, Введенский позднее сильно преувеличил замысел этого выступления или вообще придумал его.

В первой половине 1918 г. петроградская группа продолжала пропагандировать свои взгляды. С марта она начала издавать воскресную газету «Правда Божия» (под

редакцией профессора Б.В. Титлинова), в которой критически оценивалось воззвание Патриарха от 19 января: «Кто хочет вести борьбу за права духовенства, тот должен не отвергать революции, не отталкивать, не анафемствовать, а просветлять, одухотворять, претворять ее». В декрете об отделении Церкви от государства усматривались прежде всего положительные стороны, ускорившие «дело внутреннего церковного освобождения», хотя с рядом положений его также выражалось несогласие²⁹⁸.

Под руководством о. А. Введенского стала выпускаться серия брошюр «Библиотеки по вопросам религии и жизни», рассчитанных на массового читателя. Среди проповедников этой группы наибольшей популярностью пользовался упоминавшийся протоиерей Александр Боярский, настоятель собора Св. Николая в Колпино. Он имел определенный авторитет у рабочих Ижорского и Обуховского заводов. При соборе функционировал состоявший из молодежи «кружок церковных реформаторов». В 1918 г. вышла книга о. Александра «Церковь и демократия (спутник христианина-демократа)», пропагандировавшая идеи «христианского социализма». Однако число сторонников этого направления оставалось небольшим²⁹⁹.

В первой половине 1918 г. церковная жизнь в основном проходила под знаком сопротивления декрету от 20 января. Его неприятие усугублялось тем, что местными властями он зачастую трактовался в худшую для духовенства сторону. Священников нередко арестовывали не за контрреволюционную агитацию, а за нежелание помогать комиссиям по описи церковного имущества, которые действовали грубо, иногда намеренно оскорбляя религиозные чувства верующих. Довольно распространенным явлением стали требования местных властей венчать молодоженов, один из которых ранее был разведен в гражданском порядке. За отказ арестовывали и судили и т.д.

В обеих столицах подобных вопиющих злоупотреблений было значительно меньше, однако и там обстановка оставалась напряженной. Так, 27 января в своем публичном докладе работник Наркомата юстиции А. Шпицберг сообщил, что готовятся декреты о запрещении причащения как «колдовского акта», об изъятии священных сосудов, закрытии церквей и объявления духовенства «контрреволюционным». 28 января специальный отряд занял помещения Святейшего Синода, и, как говорилось в докладе Петроградской синодальной конторы, по «распоряжению захватчиков доступ в здание Синода для чинов, служивших в нем, был закрыт». Власти конфисковали также все синодальные капиталы³⁰⁰. Правда, вскоре в Москве, согласно определению Поместного Собора, начали функционировать новые органы — Священный Синод и Высший Церковный Совет при Патриархе.

Уже в начале 1918 г. в России наметился массовый религиозный подъем, к Православной Церкви, гонимой, а не господствующей, как ранее, пришли тысячи новообращенных, в том числе видные представители интеллигенции. Распространению религиозности способствовали и бедствия Гражданской войны. В церковной ограде вспыхивает подлинная духовность, усиливается забота о нравственности. В Петрограде, а затем по всей стране создаются массовые организации: союзы, братства, мирянские комитеты и т.д. Возник и «Всероссийский союз объединенных приходов Православной Церкви»³⁰¹.

В Москве в марте 1918 г. был создан Совет объединенных приходов, организованный и возглавляемый Алексеем Самариным и Николаем Кузнецовым, ставивший своей задачей защиту храмов и монастырей, которым угрожало закрытие. Совет издавал «Еженедельник», где печатал свои постановления, сформировал группу охраны Патриарха на Троицком подворье, когда Первосвятителю угрожала расправа. В северной столице особенно заметную роль играло Братство приходских советов Петрограда и епархии, позднее преобразованное в Общество православных приходов Петрограда, а всего в городе на Неве в годы Гражданской войны возникло более 20 братств,

в основном созданных наиболее активными приходскими общинами. Они провели две конференции, на одной из которых был принят примерный общебратский устав, избран совет общебратского союза, просуществовавший до весны 1922 г.³⁰²

В отличие от дореволюционных времен главной целью братств было духовное воспитание христиан, способных сохранить жизнь по вере в условиях гонений. Особую роль сыграло созданное в Петрограде в январе 1918 г. Александро-Невское братство, которое помогло спасти от ликвидации в это время Александро-Невскую лавру. Находясь под дамокловым мечом репрессий в течение всех лет своего существования, оно проявляло удивительную активность и разнообразие видов деятельности. История братства свидетельствует о том, что оно было одной из самых оптимальных форм объединения верующих в условиях безбожных гонений. Александро-Невское братство представляло собой живой, динамичный организм — конкретные виды и формы его работы и внутренней жизни неоднократно менялись с учетом изменения общественно-политических и социальных условий. В известном смысле оно представляло собой стержень жизни епархии, на протяжении 14 лет играя заметную роль во всех важнейших событиях этой жизни, в частности, активно борясь с обновленческим расколом и противодействуя иосифлянскому разделению.

Братство было создано при Лавре из мирян, как мужчин, так и женщин, под руководством монахов, и в первое время одной из его главных функций являлась защита обители от посягательств безбожников. Затем — в 1919—1921 гг. — ему принадлежала центральная роль в создании и деятельности союза православных братств Петроградской епархии. Именно на него ориентировались все другие подобные объединения верующих. В эти же и последующие годы Александро-Невское братство неустанно стремилось привлечь в церковную среду представителей различных слоев интеллигенции, сблизить их с ученым монашеством, в чем и добилось заметных успехов. Братчики и братчицы имели постоянную тесную связь с возникшими после революции новыми формами духовного образования — Богословским институтом, разнообразными курсами и т.д., но особенно крепкой эта связь была с Богословско-пастырским училищем, где члены братства составляли значительную часть учащихся и преподавателей.

Важным направлением деятельности Александро-Невского братства являлось создание полулегальных монашеских общин в миру, а также монашеские постриги молодых людей (в том числе тайные) с целью сохранения института монашества в условиях массового закрытия существовавших ранее обителей. Братские отцы всегда считали одной из основных своих задач подготовку молодых образованных священнослужителей, что в условиях ограничения, а затем и полной ликвидации духовного образования позволило бы сохранить кадры духовенства, способного в будущем осуществить возрождение Православной Церкви. Деятельность братства очень помогала сплочению верующих всех возрастов и сословий перед лицом яростных антицерковных гонений³⁰³.

Основные функции большинства братств подразделялись на издательскую (ее выполнение было очень затруднено, но даже и в 1920-е гг. в частных издательствах еще выходили церковные календари); благотворительную — помощь бедным, больным (в братствах состояло много медицинских работников), заботу об арестованных и заключенных, непосредственное участие членов братств в богослужениях с полным соблюдением устава, и просветительскую (не только устройство лекций, диспутов, но и главным образом церковная работа с детьми). Последнему уделялось повышенное внимание, при братствах существовали специальные филиалы — детские союзы. Так, монахи Александро-Невской лавры руководили 69 детскими кружками, в которых изучался Закон Божий. По распоряжению архиереев во многих храмах для подрост-

ков были заведены специальные кресты, хоругви, иконы, облачения, они участвовали в богослужениях, крестных ходах. Активно действовали детские союзы, регулярно устраивавшие различные вечера, утренники и даже детские пасхальные богослужения³⁰⁴. При храмах в рабочих районах существовали Христианские союзы учащейся молодежи и т.д.

Преподавание Закона Божия в государственных школах в основном прекратилось уже в январе 1918 г., хотя на многих родительских собраниях выносились резолюции за его сохранение, создавались родительские комитеты по наблюдению за религиозным воспитанием детей. На епархиальных съездах духовенства и мирян церковно-приходские школы по-прежнему считались находящимися в ведении Церкви, как и богословские учебные заведения. Всю первую половину 1918 г. декрет об их передаче в ведение Наркомпроса в столицах практически не реализовывался. Следует отметить, что и многие другие соответствующие законодательные акты длительное время оставались лишь на бумаге. Так, хотя декреты о гражданском браке и разводе были приняты еще в декабре 1917 г., у государственных органов власти долго не было своего аппарата, и метрические книги продолжало вести духовенство. В начале 1918 г. в одном из районов Петрограда учредили соответствующий гражданский отдел, но это был скорее лишь показательный опыт. Замедленные темпы преобразований и массовое сопротивление духовенства стали причиной того, что и М. Горький в газете «Новая жизнь», в статье «Отбой» писал о бесплодности и преждевременности декрета об отделении Церкви от государства, авторам которого приходится отступать перед условиями русской действительности³⁰⁵. Такой прогноз даже левой печати поддерживал уверенность церковного руководства, что декрет не будет реализован.

Однако государственные органы постепенно усиливали наступление. Крупнейший конфликт с ними в Петроградской епархии в первой половине 1918 г. был связан с реализацией на практике закона от 14 февраля об «упразднении» придворного духовенства, передаче благотворительных учреждений его ведомства со всеми капиталами в ведение Наркомата призрения и закрытии придворных соборов и церквей. Первоначально к выполнению декрета власти подошли достаточно гибко. 9 марта между наркомом по делам призрения и протопресвитером бывшего ведомства была достигнута договоренность о передаче «организации бывшего придворного духовенства», «кружечного капитала» и благотворительных учреждений, сохранении за ней части домов, квартир и часовни Христа Спасителя. Но после переезда ряда руководящих работников (в связи с переносом столицы в Москву) городские власти во главе с председателем Петроградского совета Г.Е. Зиновьевым практически отказались от прежнего соглашения³⁰⁶.

Массовое создание церковных братств и другие события зимы — весны 1918 г. оказались неожиданными для Совнаркома, рассчитывавшего на быстрое и относительно безболезненное осуществление декрета об отделении Церкви от государства. Однако этому помешало прежде всего недовольство многомиллионного крестьянства. Если оно в целом поддерживало меры экспроприации церковно-монастырской собственности, то в отношении введения гражданской метрикации, лишения приходов имущественных прав, устранения из школ Закона Божия отреагировало негативно. Крестьянство выступало против «обмирщения» традиционного уклада жизни, ломки «незыблемых устоев» «жизни по вере» в российской деревне. Мешали проведению декрета и отсутствие подготовленных работников, непоследовательность местных властей, различное понимание и толкование норм закона.

Весь период Гражданской войны действовали созданные Поместным Собором органы Высшего церковного управления — состоящий из архиереев Священный Синод под председательством Патриарха Тихона и Высший церковный совет, включавший

кроме Патриарха и трех членов Синода представителей приходского духовенства, монашествующих и мирян. Определение от 20 сентября 1918 г. предоставляло Патриарху полномочия созвать очередной Собор весной 1921 г. Предусматривалось также, что избранные члены Синода и Высшего церковного совета сохранят свои полномочия до избрания нового состава этих органов очередным Собором. Таким образом, была заложена норма регулярного проведения Поместных Соборов не реже одного раза в три года. С этого времени на многие десятилетия в церковном сознании утвердился принцип соборности, представление о том, что верховную власть в Русской Православной Церкви имеет Собор из епископов, клириков и мирян, а органы Высшего церковного управления подчинены и подотчетны ему.

Святейший Патриарх Тихон весь период своего правления понимал себя в качестве Патриарха, действующего по заданию Собора, и всеми доступными ему средствами боролся за соборность Церкви, неоднократно предпринимая попытки добиться созыва нового Поместного Собора. Деятельность Священного Синода и Высшего церковного совета продолжалась вплоть до апреля 1922 г., даже неоднократные аресты Патриарха не привели к отмене их заседаний, проходивших 3—4 раза в месяц. Члены Синода и Высшего церковного совета входили в состав действовавших при Высшем церковном управлении (ВЦУ) отделов: административного, финансово-хозяйственного, школьно-просветительского, а также миссионерского совета. Можно вполне согласиться с выводом, сделанным на основе богатого архивного материала историком А.Н. Кашеваровым, что «несмотря на препоны и провокации со стороны ВЧК, Высшее церковное управление продолжало в целом нормально функционировать»³⁰⁷.

Хотя намеченный на 1921 г. Собор из-за противодействия властей созвать не удалось и формально в связи с истечением трехлетнего межсоборного срока полномочия избранных в 1917—1918 гг. членов Синода и Высшего церковного совета прекратились, фактически они были продолжены на неопределенно долгий срок до будущего Собора, пока произошедший в мае 1922 г. обновленческий раскол не прервал их.

Несмотря на энергичные протесты против декрета «Об отделении церкви от государства» и призывы к верующим о защите православной веры и Церкви, именно Собор 1917—1918 гг. положил начало традиции поиска компромиссов с новой советской властью, уже в годы Гражданской войны получившей развитие в деятельности Патриарха Тихона. Правда, 18 марта 1918 г. Патриарх написал свое единственное открыто политическое воззвание с осуждением Брестского мира с Германией³⁰⁸. Но примерно в то же время отказался благословить начинавшееся Белое движение.

После переезда весной 1918 г. советского правительства из Петрограда в Москву церковное руководство попыталось вступить с ним в непосредственные контакты. 27 марта в Совнарком пришла соборная делегация, выразившая свое несогласие с январским декретом. В ходе переговоров ей дали понять, что правительство не настаивает на толковании этого закона в худшую сторону, и он может быть дополнен новым, более либеральным декретом. Во втором заявлении церковной стороны уже отмечались лишь наиболее неприемлемые пункты, вроде национализации всего церковного имущества. Возникла основа для компромисса. Управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич³⁰⁹ дал обещание привлечь священнослужителей к дальнейшей работе над законом о культах, но оно так и не было выполнено³¹⁰.

Несмотря на возражение руководителей ЧК и Л.Д. Троцкого, В.И. Ленин посчитал нужным разрешить в первый год после переезда правительства в Москву Пасхальную службу в кремлевских храмах, но твердо заявил, что это в последний раз. К осени 1918 г. Кремль был практически закрыт для духовенства и мирян. Временное облегчение доступа верующих к кремлевским святыням оказалось единственной уступкой, сделанной правительством в исполнение обещаний, данных представителями Со-

внаркома на переговорах с соборной делегацией³¹¹. Постепенно переговоры заглохли, не приведя к реальным результатам.

И все же был открыт путь к диалогу и соглашениям, делающим возможным церковную жизнь в советском обществе. Ставшие доступными в 1990-е гг. документы Священного Синода и канцелярии Патриарха Тихона свидетельствуют, что первоначально прочность позиций советской власти вовсе не казалась церковному руководству безусловной. Например, в начале марта 1918 г. предпринимались попытки сохранить Петроградскую синодальную контору, так как оккупация столицы немцами представлялась Высшему церковному управлению «несомненной»³¹². Но уже 6 декабря 1918 г. Патриарх написал в Совнарком о том, что против советской власти он никаких действий не предпринимал и предпринимать не собирается, и хотя многим мероприятиям правительства не сочувствует, «не наше дело судить земные власти». Данные материалы свидетельствуют, что указанная эволюция началась раньше и была более последовательной, чем считалось прежде³¹³. Эту же линию в основных чертах руководство Московского Патриархата продолжало и в более поздний период.

Существенную роль в сохранении части монастырей до начала 1930-х гг. сыграли перемены, произошедшие в жизни обителей в 1917—1918 гг. (в том числе определение Поместного Собора «О монастырях и монашествовавших» от 13 сентября 1918 г.), — введение в монастырскую жизнь выборного начала, ее оживление, превращение ряда обителей в нравственно-религиозные центры, развитие ученого монашества, старчества и т.д. В 1918 г. некоторые обители были преобразованы в сельскохозяйственные артели и коммуны и в таком виде просуществовали до начала «сплошной коллективизации».

Определенное значение уже в годы Гражданской войны имело рассмотрение Поместным Собором вопросов, связанных с судьбой отдельных национальных частей Русской Православной Церкви и проблем взаимоотношений с другими христианскими конфессиями. Так, 29 мая 1918 г. Собор даровал автономный статус Украинской Православной Церкви при сохранении ею юрисдикционной связи с Российской Матерью-Церковью, что имеет значительную актуальность не только в то, но и в наше время. Соборными отделами были также подготовлены доклады о Грузинской автокефалии и устройстве Православной Церкви в Финляндии, эти вопросы были разрешены уже в 1940-е — 1950-е гг., но во многом в духе готовившихся соборных решений.

3 августа 1918 г. в конце третьей сессии Собора был создан отдел по соединению Церквей, который прежде всего работал в русле расширения контактов с Англиканской и Старокатолической церквями. Но в это время представители всех основных христианских конфессий нередко совместно противостояли антирелигиозным акциям советских властей (попытка проведения православными, католиками и лютеранами крестного хода в защиту преподавания Закона Божия летом 1918 г. в Петрограде, ходатайства за репрессированных священнослужителей других конфессий, совместная позиция на переговорах с органами власти и т.д.). Открытие Собором 1917—1918 гг. экуменических измерений имело особое значение для значительно более позднего периода второй половины XX века.

За годы Гражданской войны число архиереев Русской Церкви в результате репрессий, эмиграции и естественной смерти сильно сократилось. И здесь большую роль сыграло определение Поместного Собора от 15 апреля 1918 г. «О викариальных епископах», в соответствии с которым расширялись их полномочия и увеличивалось число викариатств. Несмотря на значительные препятствия, это постановление было исполнено. Если в 1918 г. было совершено 4 архиерейские хиротонии, то в 1919 — 14, в 1920 — 30, в 1921 — 39 и т.д. Таким образом, число епископов выросло в несколько раз и составило в 1920-е гг. более 200. В условиях гонений, когда правящие архиереи подвергались

арестам, управление епархиями брали на себя находящиеся временно на свободе викаррии. Причем до 1927 г. ссыльные архиереи могли занимать кафедры в городах, из которых они были удалены, сохраняя, таким образом, молитвенно-каноническую связь с епархией. Многочисленность епископата стала одной из причин позволивших сохранить Русской Православной Церкви апостольскую преемственность, несмотря на жесточайшие репрессии.

После срыва переговоров церковных и государственных органов власти, с мая — июня 1918 г. антицерковные мероприятия резко активизировались. Это происходило в контексте общего ужесточения внутренней политики РКП(б). 8 мая при Наркомате юстиции был создан VIII (позднее V) отдел «по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства» (так называемый «ликвидационный») во главе со старым большевиком, резко отрицательно относившимся к религии, П.А. Красиковым³¹⁴. Вскоре возникла система его местных органов при губернских советах и Комиссариатах юстиции. 10 июля V Всероссийский съезд советов принял первую Конституцию РСФСР, которая законодательно закрепила отделение Церкви от государства и школы от Церкви, а также ввела ограничение политических прав в отношении служителей культа³¹⁵.

В ответ на определение Поместного Собора «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь», наметившее некоторые защитные действия, Совнарком 30 июля принял постановление «О набатном звоне». Согласно ему, за участие в созыве населения набатом виновные предавались суду трибунала. 24 августа, наконец, появился документ, разъяснявший многие спорные аспекты положения Церкви в советском обществе. Но, вопреки ожиданиям духовенства, это оказался не новый декрет СНК, а инструкция Наркомата юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”», еще более ужесточившая требования властей. Вопреки обещаниям представителей Совнаркома на переговорах с соборной делегацией в марте — апреле, этот документ был составлен без участия религиозных организаций и на практике ужесточил отношение Советского государства к ним. На реализацию статей инструкции, в частности, полного изъятия у религиозных обществ всего небогослужебного имущества, метрических книг и т.п., отводился явно недостаточный двухмесячный срок³¹⁶. На практике процесс осуществления декрета затянулся на несколько лет, во многих губерниях России до 1921 г.

В Петрограде процесс закрытия домовых церквей был оформлен законодательно еще 7 августа, в этот день Совет комиссаров Союза коммун Северной области (СКСО) принял постановление: «1. Домовые церкви и часовни всех исповеданий, существующие при учено-учебных и воспитательных заведениях всех ступеней, а также при всех правительственных учреждениях, подлежат ликвидации в срочном порядке к 10-му августа с.г., а в исключительных случаях, устанавливаемых отделами народного образования, не позже 20-го августа с.г.»³¹⁷. Причем единственным существенным признаком, определявшим, приходским или домовым является храм, указывалось не наличие групп прихожан, не ведение метрических книг при церквях, а то, что он занимает особое здание (помещение), специально предназначенное для богослужебных целей и изолированное от какого-либо жилья или учреждения. Правда, не только к 10 или 20 августа 1918 г., но и к концу Гражданской войны значительная часть домовых церквей не была ликвидирована.

Для сохранения их при таких храмах указом архиереев открывались приходы, и власти отчасти считались с этим. Например, в первой половине 1918 г. решением митрополита Вениамина почти все церкви при восьми петроградских общинах сестер милосердия преобразовывались в приходские, и в 1919 г. юридический отдел

Петросовета санкционировал их существование³¹⁸. Уступка была сделана в отношении храмов при больницах и тюрьмах, в них разрешалось в определенные дни и часы совершать религиозные обряды. До многих домовых церквей в тревожные годы Гражданской войны у властей просто не дошли руки. В некоторых случаях Церкви временно удавалось отстоять свои здания, предприятия, несмотря на попытки их конфискации³¹⁹. Наконец, даже в случае закрытия домовых церквей их святыни порой удавалось переносить в другие храмы или помещения, открывая там вновь богослужения. Когда осенью 1918 г. была закрыта церковь Петроградского университета, ее, по инициативе настоятеля протоиерея Николая Чукова и академика Б.А. Тураева, возобновили в одной из квартир на Биржевой линии, и церковь функционировала до марта 1924 г.³²⁰

Несмотря на соответствующие статьи в законе, частично сохранилась религиозная благотворительная деятельность. Из запроса благочинных Петроградского Епархиального совета к настоятелям храмов от 22 августа 1918 г. видно, что в ведении Церкви, в основном под видом «частных», «нецерковных», оставались многочисленные богадельни, приюты, столовые, учреждения по трудовой помощи и т.д., а также детские площадки, сады, различные курсы, библиотеки, читальни. Вскоре часть из них была утрачена, но остальные продолжали функционировать на прежнем основании до конца Гражданской войны³²¹.

После прекращения преподавания Закона Божия в государственных школах его удалось отчасти заменить частно-церковным обучением при храмах. В Петроградской епархии было выработано особое положение «Об организации религиозно-нравственного воспитания детей и подростков». Первоначально городские власти, согласно инструкции Наркомюста, не запрещали подобной практики. На соответствующий запрос приходского совета Никольского Богоявленского собора 13 августа отдел юстиции Петросовета ответил, что «обучать и обучаться религии частным образом не возбраняется, а посему особое разрешение на преподавание Закона Божия и духовного пения, если оно будет частным обучением, не требуется»³²².

Осенью 1918 г. в Петрограде возобновилось и специальное богословское образование, хотя к лету Духовная академия и семинария как государственные учебные заведения были закрыты и их здания переданы другим организациям (под детский приют и т.п.). Еще до принятия инструкции от 24 августа нарком просвещения А.В. Луначарский официально высказался за то, чтобы духовные учебные заведения, при желании местных церковных общин взять их на содержание, передавались им со всем инвентарем; и 16 августа епархиальные власти подали соответствующее заявление в Совет комиссаров СКСО³²³.

6 сентября в «Петроградском Церковном вестнике» были опубликованы проекты положений о Богословских курсах и Богословском институте, одобренные митрополитом. 24 сентября Малый совет СКСО передал здание бывшей семинарии под Богословско-пастырские курсы, которые и начали там свою деятельность с 30 сентября 1918 г. Это было двухгодичное учебное заведение, куда принимались лица старше 18 лет со средним образованием. Преподавание общеобразовательных предметов в нем запрещалось, но первоначально курсы частично субсидировались Наркоматом просвещения. Из 14 преподавателей почти все ранее работали в семинарии, заведующим стал И.П. Щербов, немало сделавший для развития богословского образования в первые годы советской власти³²⁴.

16 апреля 1920 г. в Петрограде был открыт Богословский институт, ректором которого стал опытный пастырь и педагог протоиерей Николай Чуков (впоследствии митрополит Ленинградский Григорий)³²⁵. В других городах Духовные академии закрылись значительно позднее: в 1919 г. — Киевская, в 1920 г. — Казанская, а Мо-

сковская академия существовала до 1922 г., кроме того, сохранились свидетельства о занятиях ее студентов с преподавателями частным образом, по крайней мере, до 1924 г.³²⁶ В 1918—1919 гг. вместо закрытых Духовных семинарий во многих епархиях — Вологодской, Новгородской, Костромской, Курской, Тульской и др. — были организованы Богословско-пастырские училища и курсы. Они стали основной формой средних духовных школ в годы Гражданской войны³²⁷. Так, например, в Петрограде в 1919—1921 гг. оказались организованы богословские курсы почти при всех благочиннических округах и некоторых храмах. Если в 1917 г. в городе было лишь 5 духовных учебных заведений, то в начале 1920-х гг. их число приближалось к 15.

Таким образом, несмотря на целый ряд враждебных акций со стороны советских властей, духовное образование даже пережило в определенном смысле кратковременный расцвет. С началом занятий 3 октября 1917 г. в Московском Высшем женском богословско-педагогическом институте в России впервые наступила эпоха женского духовного образования. И затем в 1920-е гг. женщины составляли значительную часть учащихся различных богословских заведений, так, в числе 60 зачисленных на первый курс Петроградского Богословского института было 25 женщин³²⁸.

Обеспокоенные медленной реализацией своих директив, наметившимся совместным противостоянием им представителей различных конфессий, к концу лета власти решили использовать карательные меры. В это же время обострение политической ситуации в стране в целом вызвало появление постановления Совнаркома о «красном терроре» от 5 сентября. Террор самым непосредственным образом затронул духовенство, погибли сотни священников, монахов, архиереев.

Аресты священнослужителей начались уже в начале августа. В Петрограде развернувшийся в конце лета — осенью 1918 г. (после убийства В. Володарского, М. Урицкого, покушений на В. Ленина, Г. Зиновьева) «красный террор» был очень жесток. Чекисты арестовали и расстреляли (в основном в качестве заложников) более 20 священников: А. Ставровского, Ф. Орнатского (вместе с двумя сыновьями), Н. Сперанского, А. Николаева, В. Силина, А. Ливанского, П. Успенского, А. Дубровского и других³²⁹.

2 сентября в Новгороде был расстрелян епископ Кирилловский Варсонофий (Лебедев). В том же месяце в Москве погибли от рук чекистов члены Поместного Собора священник Иоанн (Восторгов) и епископ Ефрем (Кузнецов). В Пермской епархии в июне — декабре 1918 г. были убиты архиепископ Андроник (Никольский), епископ Феофан (Ильминский), 10 протоиереев, 41 священник, 5 диаконов, 4 псаломщика, 36 монахов и послушников Белогорского монастыря и Серафимовского скита и т.д.³³⁰

По приблизительным подсчетам Д.В. Поспеловского, в 1918—1920 гг. было убито не менее 28 архиереев, несколько тысяч священников и монашествующих и 12 тысяч мирян, в основном из союзов защиты Церкви и братств верующих³³¹. По подсчетам же сотрудников Свято-Тихоновского государственного университета, в конце 1917—1919 гг. оказалось репрессировано 20 тысяч священнослужителей и мирян, в том числе 15 тысяч расстреляно, а из 564 членов Всероссийского Поместного Собора репрессированы 171, из них 75 убиты и 45 прославлены в лике святых³³².

Основной причиной подобных бессмысленных жестоких акций являлось засилье левацких, военно-коммунистических настроений в партийной и советской среде — в надежде на скорую мировую революцию ее рьяные приверженцы пытались как можно быстрее разрушить бастионы реакции в России, одним из которых считали и религию. Руководству РКП(б) была присуща склонность к тоталитаризму, стремление к монополии на безграничную власть, на право господства во всех областях жизни общества, включая духовную сферу. Церковь виделась им непримиримым соперником, которого следовало безжалостно убрать со своего пути. В сентябре 1918 г. были

ликвидированы братства приходских советов, закрыто большинство церковных органов печати, из-за противодействия властей прекратил свою деятельность Поместный Собор и т.д.³³³

Процесс подлинного обновления русского Православия оказался прерван в самом начале. Продлился Собор в 1919 г., Русская Православная Церковь, несомненно, продвигалась бы дальше по пути реформ, все больше приобретая черты живого динамичного организма. Октябрьский переворот, прекратив процесс возрождения Церкви, постепенно ликвидировал демократические преобразования ее жизни и дискредитировал саму идею реформаторства путем внедрения в 1920-е гг. «обновленчества», по сути, стал своеобразной религиозной «контрреволюцией».

Кроме того, основной идеолог преобразований — либеральная церковная интеллигенция не принимала Октябрь и в целом занимала все более консервативные позиции. Ярко выраженная антирелигиозная направленность деятельности Совнаркома, тяжелейшие удары по Церкви, нанесенные уже в течение первого года после Октябрьской революции и серьезно поколебавшие многие ее устои, также стали одной из важнейших причин неудачи миротворческой функции Патриархии. Антицерковные акции сильнейшим образом отразились на сознании всех основных социальных слоев России и явились существенным фактором ужесточения Гражданской войны.

В ответ на гонения, в своем самом резком послании Совнаркому от 25 октября 1918 г. (в первую годовщину Октябрьской революции) Патриарх Тихон писал: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы, ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции...»³³⁴

Вскоре после выпуска послания — 24 ноября Патриарх после проведенного чекистами в его покоях обыска был впервые подвергнут домашнему аресту. 6 декабря 1918 г. Первосвятитель направил в Совнарком заявление, в котором указывал, что никаких воззваний, направленных против советской власти, не подписывал, никаких подобных действий не предпринимал и предпринимать не собирается: «В качестве Патриарха Всероссийского я, как видно из письма моего в Совет Народных Комиссаров и к председателю Совета В.И. Ленину, открыто призываю всех к миру и прекращению братоубийственной вражды... Многим мероприятиям правительства я не сочувствую, но не наше дело судить земные власти, а тем более предпринимать действия, направленные к ее низвержению»³³⁵. Неоднократные ходатайства и поручительства членов Священного Синода помогли добиться освобождения Первоиерарха 6 января следующего года, накануне праздника Рождества Христова.

Церковно-государственные отношения в то время хорошо характеризует острое письмо члена Поместного Собора профессора Н.Д. Кузнецова В.И. Ленину от 29 ноября 1918 г.: «По поручению Всероссийского Церковного Собора и избранного Собором Высшего Церковного Управления с марта сего года я поддерживаю сношения с Советом Народных Комиссаров по разного рода церковным делам... Предоставляемые мной заявления, по-видимому, уже заранее встречают в Отделе [по отделению церкви от государства при Наркомюсте] враждебное к себе отношение, и VIII отдел обыкновенно старается лишь оправдывать действия местных властей... Ответы VIII отдела на мои заявления часто составляются в грубых и даже оскорбительных для меня выражениях. Все это указывает на какую-то нетерпимую исходную точку зрения VIII отдела, лишаящую духовенство и православный народ права не только протеста, но уже и простого, свойственного принципу свободы личности, возражения против неправильных действий агентов власти на основании обязательных для

всех граждан государственных законов... 31 августа 1918 г. № 210 по поводу заявления моего и протеста Всероссийского Церковного Собора о призыве на военную службу лиц священного сана, епископов, священников и диаконов Отдел в конце пишет, что «заявление Кузнецова и протест Собора противоречат революционным законам и являются обычным для контрреволюции средством контрагитации против советской власти».

30 сентября 1918 № 260 по поводу моего заявления о невозможности закрытия монастырей и выселения монашествующих в течение всего 3 дней, Отдел в конце пишет, что он рассматривает «заявление Н.Д. Кузнецова, как очередной демонстративный протест, не имеющий основания ни с точки зрения революционного правосознания, ни в исторических прецедентах, ни в учении даже того религиозного культа, к которому причисляют себя все тунеядствующие монахи»... Что касается собственно монастырей, то VIII отдел объявляет без исключения всех монахов тунеядцами, не достойными никакого внимания, и находит, что в ближайшую очередь в качестве общей меры должно быть выселение монахов из всех монастырей, т.е. полное закрытие монастырей, существующих целые века и нередко составляющих дорогие для народа центры религиозно-нравственной жизни...» Н. Кузнецов просил председателя Совнаркома не передавать его заявления на усмотрение одного VIII отдела, однако эта просьба выполнена не была³³⁶.

В октябре 1918 г. при попытке через Брянск проехать на Украину ЧК был арестован бывший обер-прокурор Святейшего Синода А.Д. Самарин, имевший при себе письмо Патриарха Киевскому митрополиту о том, что Самарин послан «для доклада по делу об автономии Украинской Церкви». В связи с этим Московский губревтрибунал возбудил дело, по которому проходил и Н. Кузнецов. В начале октября 1919 г. П.А. Красиков передал наркому юстиции Д.И. Курскому обширную «Записку о деятельности Н.Д. Кузнецова», в которой писал: «VIII отдел полагает, что вся деятельность Кузнецова, как до ноября 18 г., так и до самых последних дней, есть деятельность незаурядного вдохновителя и дирижера (под религиозным флангом то воинствующего православия, то т. н. христианского социализма, то защитника «гонимой веры», в специальных целях всячески воспрепятствовать национализации церковных и монастырских имуществ) по созданию разных контр-рев. группировок и движений, имеющих свою классовую цель — воспрепятствовать окончательной победе трудящихся. Посему VIII отдел полагал бы наиболее безопасным в интересах Советской республики — принятие мер, гарантирующих республику от несомненно вредной и в известные моменты могущей быть опасной деятельности Н.Д. Кузнецова...» Профессору могло угрожать самое жестокое наказание, если бы Д. Курский 12 октября в своей резолюции не указал, что в связи с характером предъявленных Кузнецову обвинений «отпадает необходимость концентрационного лагеря»³³⁷.

Разрастание Гражданской войны сопровождалось в начале 1919 г. новым ужесточением антирелигиозной политики РКП(б). Расчет строился на полном и недолгом отмирании Церкви и религии, которые определялись не более как «предрассудки». Считалось, что их может достаточно быстро преодолеть «целенаправленная система воспитания» и «революционного воздействия», в том числе насильственного. Позднее в советской атеистической литературе этот период борьбы с Церковью получил название «бури и натиска». Подобные взгляды получили отражение в принятой в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) программе партии. По существу, в ней ставилась задача тотального наступления на религию, говорилось о грядущем «полном отмирании религиозных предрассудков»³³⁸.

Для реализации намеченной цели вводились все новые ограничения религиозной деятельности. 3 апреля 1919 г. Наркомат юстиции установил, что дозволенные до-

бровольные денежные сборы верующих могут быть производимы «лишь на нужды определенного храма», хотя практически в тот период подобное требование являлось неосуществимым. Тяжелым ударом для Церкви стало полное запрещение в начале 1919 г. преподавание всех вероисповеданий детям до 18 лет. Советские власти запрещали религиозным организациям заниматься благотворительностью. При этом, глядя порой сквозь пальцы на помощь старикам, вдовам и инвалидам, власти особенно опасались влияния Церкви на молодое поколение. Все детские воспитательные учреждения были национализированы. Небольшие церковные приюты закрывались, а их питомцы распределялись по другим детским домам.

Развернулось наступление на монастыри, хотя антирелигиозная политика Совнаркома не сразу в полном объеме затронула обители. Как закон о земле, так и закон о социализации земли давали возможность сохранения монастырских хозяйств путем перехода на положение сельскохозяйственных артелей и коммун. Первоначально целый ряд видных коммунистов считали возможным соединить социализм научный и христианский. Монастырское население было привычно к коллективному труду и быту, и уже весной 1918 г. начался стихийный процесс реорганизации обителей, одобренный священноначалием. Первой была создана сельскохозяйственная артель в Николаевском Кожеезерском монастыре Архангельской епархии. К марту 1921 г. по неполным сведениям в 116 обителях возникли артели и подобные хозяйства³³⁹.

Постепенно отношение к монастырям стало меняться, с конца 1918 г. возобладала линия на закрытие обителей. Основанием для этого послужило положение Декрета СНК об отделении Церкви от государства, согласно которому все монастырское имущество подлежало безусловной национализации. В связи с этим местными органами власти принимались решения о передаче монастырских помещений, в том числе богослужебных и жилых, заинтересованным советским учреждениям. Так президиум Московского совета принял в январе 1919 г. постановление о передаче монастырских помещений отделу народного просвещения. При этом монашествующие из большинства монастырей были выселены. Постепенно стали закрываться монастыри в Калуге, Тамбове, Курске, Воронеже, Новгороде, Ярославле и других городах и соответствующих губерниях³⁴⁰.

При выселении монахов, изъятии их собственности возникали многочисленные эксцессы. Так, 2 октября 1918 г. Петроградское братство приходских советов ходатайствовало об освобождении арестованных насельников Крыпецкого монастыря и Елезаровой пустыни Псковского уезда, а также о возвращении конфискованного имущества трудовым общинам, которыми являлись эти монастыри. 5 октября Новгородским ревтрибуналом было рассмотрено дело «о злонамеренном сокрытии от Советской власти монастырских капиталов»³⁴¹. А 22 октября вооруженный отряд, направленный Олонейской ЧК, разграбил Александро-Свирский монастырь. Он не только конфисковал около 1 тонны церковного серебра, но и отобрал у монахов продовольствие, одежду, обувь, церковное вино. Причем в Петрозаводский музей было передано только 74 предмета, остальное, в том числе серебряные ризы, раки, священные сосуды XVI—XVII веков, переплавили в слитки. Злоупотребления оказались настолько вопиющими, что несколько чекистов вскоре были арестованы³⁴².

Во время начала гонений на Церковь возникло невиданное прежде явление — писатели, художники, актеры, ученые обращались к вере и становились монахами. Так, например, в Петроградском Иоанновском монастыре до революции среди насельниц имелось лишь несколько представительниц купечества и мещанства, остальные же были выходцами из крестьянства. А в 1917—1919 гг. сразу несколько женщин с высшим образованием, представлявших различные слои интеллигенции, обратились к вере и вступили в число сестер обители³⁴³. Широкое распространение имело стар-

чество. Из насельников Александро-Невской лавры особенной известностью в этом плане пользовался св. Серафим Вырицкий. Важным центром духовной жизни оставалась Оптина пустынь, где труды прп. Амвросия продолжали его ученики и последователи — преподобные Анатолий (Потапов, †1922), Нектарий (Тихонов, †1928), Никон (Беляев, †1931) и др.

Первый этап закрытия монастырей пришелся на конец 1918—1923 г. Именно в это время (1923) был закрыт Соловецкий монастырь, а в его зданиях размещен самый известный лагерь заключенных в 1920-х — 1930-х гг. в СССР. В этом лагере находился цвет духовенства Русской Православной Церкви, многие там и погибли³⁴⁴. Некоторые тайны стали известны совсем недавно. Только в 1997 г., например, было разыскано захоронение жертв «соловецкого» расстрела 1937 г. — в урочище Сандармох под г. Медвежьегорском в Карелии.

30 октября 1919 г. Наркоматы юстиции и земледелия издали циркуляр, предписывавший строго отличать объединенные хозяйства от «так называемых религиозных организаций», имеющих богослужебные цели. Последние не подлежали регистрации в качестве производственных и хозяйственных объединений и не имели права на наделение инвентарем и землей. Устанавливалось, что членами коммун, трудовых артелей, товариществ не могли быть монахи и священники, как лишенные избирательных прав. В них имели право вступить только послушники и работники-бедняки, не принадлежавшие к церковной и монастырской иерархии. В резолюции «Об отделении церкви от государства» III Всероссийский съезд деятелей советской юстиции в июне 1920 г. признал «недопустимым и противоречащим интересам революции предоставление религиозным коллективам особых прав и привилегий (прав земледельческих коммун, производственных коммун)»³⁴⁵.

После этого ряд обителей-коммун был ликвидирован, некоторые другие «очищены» от монашествующих. К концу 1920 г. органы власти закрыли уже 673 из имевшихся на территории страны 1103 монастырей (153 обители оказались за границами советской России), а всего на 1 января 1922 г. было национализировано почти две трети имевшихся в России монастырских комплексов — 722³⁴⁶. Правда, во многих случаях, хотя их собственность объявлялась общенародной, монахи продолжали жить на старых местах и вести почти прежний образ жизни. Особенно это было характерно для северных областей. Так, на март 1921 г., по неполным данным, в Череповецкой губернии имелось 16 монастырских коммун, в Архангельской — 14, Новгородской — 7 и т.д. Эти общины по-прежнему сохраняли роль духовных культурных центров³⁴⁷.

Одним из самых сомнительных шагов органов советской власти в их религиозной политике стала широкомасштабная кампания по ликвидации святых мощей, почитаемых в православии. Она никак не согласовывалась с принципами декрета об отделении и являлась грубым вмешательством в сугубо внутренние дела Церкви, попыткой, по сути, регулировать каноны ее жизни и богослужебной практики. Первые подобные случаи относятся к лету и осени 1918 г., кампания же началась со вскрытия мощей св. Александра Свирского в октябре этого года в Свято-Троицком Александро-Свирском монастыре Олонецкой епархии.

В советской печати утверждалось, что вместо мощей святого была обнаружена восковая кукла. Эти публикации опровергают не только свидетельство нового настоятеля монастыря, назначенного вместо расстрелянного 22 октября архимандрита Евгения, но и архивные документы. Так, 19 декабря президиум исполкома Союза коммун Северной области принял решение «О посылке комиссии в Александро-Свирский монастырь для исследования “мощей”», а в феврале 1919 г. экспертная судебно-медицинская комиссия Комиссариата здравоохранения провела экспертизу черепа Александра Свирского. Мощи святого уцелели и были обнаружены в Петербурге в 1997 г.

Особенный размах вскрытия мощей стали приобретать весной 1919 г. Эти акции были расценены как действенное средство антирелигиозной пропаганды и получили полное одобрение органов государственной власти. 1 февраля 1919 г. Народный комиссариат юстиции принял первое постановление об организованном вскрытии мощей³⁴⁸, а 14 марта в новом постановлении указал: «Вскрытие мощей, производимое на местах по инициативе самих рабочих, необходимо приветствовать, так как во всех случаях, как и следовало ожидать, на проверку оказывается, что никаких «мощей» не существует, и при этом ясно для всех вскрывается многовековой обман служителей культа, а также и спекуляция эксплуататорского класса на религиозных чувствах темной и невежественной массы...» Открытые раки предполагалось передавать в местные музеи³⁴⁹. Газеты и журналы того времени пестрели сообщениями с так называемыми разоблачениями обмана церковников в связи со вскрытием «нетленных» мощей.

Сам подобный подход к почитаемым Церковью святыням не мог классифицироваться церковным сознанием иначе, чем глумление. В связи с этим Патриарх Тихон уже 17 февраля 1919 г. выпустил указ епархиальным архиереям об устранении поводов к глумлению и соблазну в отношении св. мощей. Там он, в частности, давал следующее обоснование почитания святых мощей, его форм и того, что понимается Церковью под мощами: «Господу было угодно прославить некоторых святых Своих нетлением их тела; честные мощи таковых угодников Божиих открыто почивают в храмах в драгоценных раках гробницах, сооруженных любовью верующих... Благочестивое усердие верующих, окружая их останки благоговением, соорудило и для таковых честных мощей драгоценные раки и оправы, иногда по подобию человеческого тела, располагая в них, в подобающих облачениях, кости праведников и другие частицы святых их мощей»³⁵⁰.

В связи с тем, что начавшаяся кампания по вскрытию святых мощей стала принимать всё более широкие масштабы, Патриарх 20 марта 1919 г. обратился с решительным протестом в Совнарком, выступая «в защиту поруганной святыни»³⁵¹. Защищая Церковь, Первосвятитель и всех верующих призывал к этому, воздерживаясь, однако, от эксцессов в отношении рядовых исполнителей запланированной центральной властью кощунственной акции.

21 июня 1919 г. Патриарх Тихон обратился со специальным посланием ко всем чадам Православной Российской Церкви с призывом отказаться от всех актов мести в отношении участников антицерковных кампаний. В этом послании, выдержанном в духе апостольской проповеди, он писал: «Даже если бы сердца наши разрывались от горя и утеснений, наносимых нашим религиозным чувствам, нашей любви к родной земле, нашему временному благополучию, даже если бы чувство наше безошибочно подсказывало нам, кто и где наш обидчик. Нет, пусть лучше нам наносят кровоточащие раны, чем нам обратиться к мщению, тем более погромному, против наших врагов, или тех, кто нам кажется источником наших бед. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему. Не поддавайтесь искушению. Не губите в крови отмщения и свою душу. Не будьте побеждены злом. Побеждайте зло добром»³⁵².

И все же, даже в этих тяжелейших условиях некоторым архиереям удавалось отстоять святыни. Так, митрополит Петроградский Вениамин в сентябре 1919 г. добился отмены уже намеченного вскрытия и изъятия мощей св. кн. Александра Невского, хранившихся в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры. На этой акции настаивал начальник VIII отдела Наркомата юстиции П.А. Красиков. Однако митрополит Вениамин 15 сентября направил послание с протестом и делегацию священников к председателю Петроградского совета Г.Е. Зиновьеву, что привело к отмене акции³⁵³.

Советские власти рассматривали Церковь и как источник беспрепятственного пополнения государственной казны. В 1919 г. начались внешнеторговые операции со спекуляцией ценностями, в том числе церковными. Соответственно развернулось их изъятие из храмов — только в Петрограде за вторую половину 1919 г. вывезли в государственные хранилища церковных ценностей на 1 915 тысяч рублей.

В то же время в руководстве РКП(б) не было единства в отношении религиозной политики. Группа «непримиримых» считала, что все духовенство реакционно, и необходимо неослабно бороться с Церковью до ее полного уничтожения. «Государственники» же полагали, что целесообразно произвести раскол в Патриархате, выделить «прогрессивную» часть духовенства и, предоставив ей определенные льготы, использовать в своих целях. Свое собственное видение содержания и способов «церковной политики» имели Наркомат внутренних дел и Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), практически пытавшиеся развалить Патриархат изнутри еще с 1918 г. В годы Гражданской войны было осуществлено несколько таких попыток — создание «Исполнительного комитета духовенства» в Москве, деятельность раскольниковской группы «Народной церкви» во главе с печально известным епископом Владимиром (Пуятой) в Пензе, «илиодоровщина» в Царицыне³⁵⁴. Однако все они закончились неудачей, подавляющая часть духовенства и верующих осталась верна Патриарху.

Политика же высшего церковного руководства в 1919—1920 гг. претерпела определенные изменения. По мере превращения большевистской партии из относительно небольшой организации в мощную силу, фактически правившую страной, Патриарх Тихон и его окружение начали использовать тактику сочетания признания новой власти с отстаиванием самостоятельности Церкви, опираясь на провозглашенный принцип отделения ее от государства. 8 октября 1919 г. Патриарх Тихон обратился с посланием, в котором призывал духовенство не подавать «никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти», подчиняться «ее велениям» и отказаться от всяких политических выступлений³⁵⁵. Этим он стремился снять с Церкви обвинения в «скрытой контрреволюции».

В своем послании Первосвятитель писал: «Мы с решительностью заявляем, что такие подозрения в чисто политической деятельности несправедливы: установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение».

Далее отвечая на обвинение, что Церковь якобы готова благословить иностранную интервенцию, Патриарх указал: «Обвинение голословное и неосновательное: мы убеждены, что никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто не спасёт Россию от нестроения и разрухи, пока Правосудный Господь не преложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а через то не возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины». Обращаясь к духовенству, Первоиерарх писал: «Памятуйте же, отцы и братие, и канонические правила и запрет св. Апостола “блюдите себя от творящих распри и раздоры”, “повинуйтесь всякому человеческому начальству” в делах мирских (1 Петр. 2: 13), уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях... Посвящайте все свои силы на проповедь Слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову, и Бог мира и любви да будет со всеми вами»³⁵⁶.

Следует отметить, это послание появилось во время успешного поначалу наступления белогвардейских войск генерала А.И. Деникина на Москву, и ни о каком «приспособленчестве» в тех обстоятельствах речи быть не могло. Первосвятитель прозрел неизбежность большевизма и увидел спасение от него в духовности, а не в кровавой войне.

В связи с войной, изменением границ у многих епархий была полностью или частично нарушена связь с каноническим центром Русской Церкви в лице Синода и Патриарха. Чрезвычайные условия налагали особую ответственность на каждого епископа, как на главу епархии. В связи с этим, с учетом сложившихся обстоятельств, Священный Синод под председательством Патриарха 5 мая 1920 г. принял постановление о предоставлении епархиальным архиереям права решать на местах все церковные дела (в том числе те, которые ранее входили в компетенцию Синода) в случае прекращения связи с высшим церковным управлением³⁵⁷.

В связи с тем, что подобное положение стало принимать хронический характер (требования правительств Польши и Финляндии о прекращении местными православными епархиями сношений с Московской Патриархией, эмиграция миллионов верующих и духовенства в условиях блокады Советского государства), а перспективы самого высшего церковного управления (например, в случае кончины Патриарха и невозможности созыва Собора, а также вступления в должность Местоблюстителя и т.д.) оставались неясными, Священный Синод и Высший церковный совет на совместном заседании под председательством Патриарха Тихона 20 ноября 1920 г. приняли беспрецедентное в истории Русской Церкви постановление № 362 о самоуправлении епархий в случае отсутствия канонического высшего церковного управления или невозможности связи с ним. Основные его положения сводились к следующему:

Пункт 2. В случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т.п., окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление почему-либо прекратили свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношения с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях в виде ли Временного Высшего Церковного Правительства или Митрополичьего округа или еще иначе.

Пункт 4. В случае невозможности установить сношения с архиереями соседних епархий и впредь до организации Высшей Церковной Власти, епархиальный архиерей воспринимает на себя всю полноту власти, предоставленной ему церковными канонами.

Пункт 5. В случае, если положение вещей, указанное во 2 и 4 пунктах примет характер длительный или даже постоянный, в особенности при невозможности для архиерея пользоваться содействием органов епархиального управления, наиболее целесообразной (в смысле утверждения церковного порядка) мерой представляется разделение епархии на несколько местных епархий. Однако подобное положение в целом не представлялось окончательной нормой, в связи с чем 10-й пункт постановления гласил: «Все принятые на местах, согласно настоящим указаниям мероприятия, впоследствии, в случае восстановления Центральной Церковной Власти, должны быть представлены на утверждение последней»³⁵⁸.

Впоследствии этот знаменитый Патриарший указ № 362 послужил основанием для отделения Русской Православной Церкви за границей, лишь недавно восстановившей каноническое общение с Московской Патриархией.

Несмотря на все препятствия, Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны частично удавалось сохранять многие свои структуры. Продолжали функционировать тысячи «приговоренных» к закрытию домовых храмов, в том числе в обеих столицах, действовали богословские учебные заведения, частично осуществлялась религиозная благотворительность, устраивались общегородские крестные ходы (в Петрограде до осени 1921 г.) и т.д.

Естественно, не все духовенство придерживалось нейтральной линии. Небольшое число священников служило бойцами в Красной армии. Другая часть духовенства ак-

тивно проявляла себя на территориях, занятых белогвардейскими формированиями. В этих губерниях многие архипастыри и клирики включились в политическую деятельность или пассивно поддерживали Белое движение. В ходе войны отторгнутые от Патриархата епархии еще до принятия указа № 362 переходили на самоуправления, организуя местные центры. С ноября 1918 г. действовало Временное высшее духовное управление в Сибири и Приуралье, такой же орган возник на юге России в мае 1919 г. В Белой армии служило военное духовенство — в войсках Колчака около 2 тыс., у Деникина — более 1 тыс., Врангеля — более 500³⁵⁹. Значительная часть из них впоследствии оказалась в эмиграции.

Подобные факты, несмотря на то, что руководство Московского Патриархата старалось не провоцировать конфликтных ситуаций, служили питательной средой для новых антицерковных акций. С конца 1919 г. ВЧК начало пытаться парализовать работу Высшего церковного управления. 23 декабря второму (на этот раз домашнему) аресту был подвергнут Патриарх Тихон, кроме того, в ночь с 24 на 25 декабря 1919 г. чекисты арестовали членов ВЦУ митрополитов Арсения (Стадницкого) и Тифлисского Кирилла (Смирнова), возглавлявших соответственно школьно-просветительский и финансово-хозяйственный отделы Высшего церковного совета. Правда, и после этих акций ВЦУ продолжало, как и прежде, проводить заседания Синода и Высшего церковного совета с регулярностью 3—4 раза в месяц. В начале 1920 г. секретный отдел ВЧК начал противодействовать реализации некоторых решений ВЦУ по внутрицерковным вопросам, в частности, запретил выход Православного календаря на 1920 г.³⁶⁰

В 1920 г. и государственные органы в целом в основном продолжали придерживаться тактики вытеснения религии из всех сторон жизни. В соответствии с циркуляром Наркомата юстиции от 18 мая в РСФСР была проведена ликвидация почти всех епархиальных советов.

Все более угрожающий характер приобретала кампания по закрытию монастырей и изъятию святых мощей. В сентябре 1920 г. была закрыта Троице-Сергиева лавра, а еще ранее из нее, согласно циркуляру Наркомата юстиции от 25 августа 1920 г., в один из московских музеев были увезены мощи прп. Сергия Радонежского. Еще ранее, 10 мая, когда стало известно о готовящихся изъятиях святых мощей и закрытии Лавры, Патриарх Тихон, как ее священноархимандрит, направил в Совнарком жалобу, в которой писал: «Мы прибегли к письменному обращению и заявили, что закрытие лаврских храмов и намерение вывезти оттуда мощи самым существенным образом затрагивает нашу религиозную совесть и является вторжением гражданской власти во внутреннюю жизнь и верования Церкви, что стоит в противоречии с декретом об отделении Церкви от государства, с неоднократными заявлениями высшей центральной власти о свободе вероисповеданий и с разъяснениями, что нет никакого общего распоряжения об изъятии из храмов предметов культа...»³⁶¹ Когда Лавра все же была закрыта, Первосвятитель обратился с посланием к чадам Церкви, где выражал скорбь по случаю утраты этой великой святыни³⁶².

К лету 1920 г. по стране в целом произвели 58 вскрытий мощей, и правительство решило полностью завершить эту кампанию. 29 июля Совнарком утвердил предложения Наркомата юстиции «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе». Согласно данным советской печати, до осени 1920 г. было вскрыто 63 раки со святыми мощами³⁶³. Однако сохранившийся значительный авторитет Церкви, активное сопротивление верующих помешали полному осуществлению задуманного плана.

Через восемь месяцев в секретном циркуляре Наркомюста от 1 апреля 1921 г. фактически признавалось поражение в этом вопросе: «1. Не производить ликвидации мощей в таких условиях, когда создается впечатление, что орган местной вла-

сти, совершенно не поддерживаемый сколь-либо солидной частью трудящихся и при полном несочувствии всего населения, а только опираясь на силу своего служебного положения, производит эту операцию, как бы повинувшись лишь предписанию из центра... 2. Часто наблюдается, что органы власти, без подготовки и твёрдо продуманного плана, приступившие к ликвидации и встретив неожиданное для них сопротивление и агитацию церковников, кулаков, обывателей, малодушно пасуют и не доводят дело до конца предпринятой операции. В результате таких непродуманных действий оказывается: мощи разворочены, лежат там же, где и были, то есть в церкви (из которой их вывезти Советы не решаются), раздражая своим видом страсти обывателей, и являются явным доказательством бессилия и безрукости местных органов...»³⁶⁴

Изъятие мощей проводилось и позднее, но лишь в отдельных случаях. Так, мощи св. Александра Невского оказались вскрыты 12 мая 1922 г., когда в обстановке массовых репрессий духовенства (при изъятии церковных ценностей) Петроградский митрополит Вениамин уже не смог воспрепятствовать данной акции. Но и тогда ящичек с мощами после осмотра был снова запечатан и, вопреки циркуляру Наркомата юстиции, помещен на хранение в алтаре Троицкого собора Александро-Невской лавры³⁶⁵. Окончательно изъяли из Лавры мощи после расстрела Владыки Вениамина — в октябре 1922 г.

Особенно долго шла борьба по поводу судьбы захоронения св. о. Иоанна Кронштадтского в Петроградском Иоанновском монастыре. Первые попытки перенести мощи святого из монастыря на одно из кладбищ города относятся к 1919 г., но лишь через три года после закрытия монастыря (1923 г.) — в 1926 г. ОГПУ смогло провести секретную ночную операцию по перезахоронению останков св. о. Иоанна, да и то лишь из гробницы под пол его усыпальницы, на два метра вглубь³⁶⁶. Архивные документы об этой операции были обнаружены совсем недавно, и теперь предстоят церковно-археологические раскопки с целью обретения мощей. Часть изъятых мощей позднее с различных концов страны свезли в Ленинград, в Музей истории религии и атеизма, откуда в 1990-е гг. они были возвращены Русской Православной Церкви: св. Серафима Саровского, св. Иосафа Белгородского и др.

К осени 1920 г. завершилась национализация церковного имущества. Согласно отчету VIII отдела Наркомата юстиции, к этому времени у Московского Патриархата было изъято 7 150 млн руб., 828 тысяч десятин монастырской земли, 1112 доходных домов и т.д.³⁶⁷

Но подрыв материальной базы и административные гонения не приблизили поставленных целей. Первый период антирелигиозного наступления не принес тех результатов, на которые рассчитывали некоторые теоретики большевизма (например, Н.И. Бухарин). Большинство населения страны, несмотря ни на какие варварские методы по отлучению людей от Церкви, продолжало оставаться верующим. Московский Патриархат также вышел из Гражданской войны в своей основе несокрушенным.

Постепенно руководство РКП(б) пришло к пониманию необходимости изменения тактики борьбы с Церковью, прекращения ее «военных приемов и методов». Акценты в этой борьбе начали смещаться в плоскость активизации пропагандистских усилий среди населения. Была проведена централизация соответствующей работы по партийной линии. С августа 1920 г. начал функционировать организованный отдел пропаганды и агитации ЦК РКП(б). 12 ноября Совнарком принял декрет о создании Главного политико-просветительного комитета республики во главе с Н.К. Крупской. При губернских комитетах партии появились антирелигиозные семинары для подготовки квалифицированных пропагандистов и т.д.

Весной 1921 г. В.И. Ленин уже писал секретарю ЦК В.М. Молотову по поводу появления в печати одного из лозунгов к первомайским праздникам, что по случаю Пасхи

надо рекомендовать не разоблачать ложь, а избегать всякого оскорбления религии³⁶⁸. Вводившаяся в стране новая экономическая политика (НЭП) значительно скорректировала позицию руководителей государства по данному вопросу. НЭП требовал сделать более терпимым отношение к религиозным организациям, особенно в деревне, подавляющая часть населения которой оставалась верующей. «Кавалерийская атака» на Церковь не удалась.

§ 3. Время расколов и нестроений

Центральным стержнем советской религиозной политики в годы НЭПа были периодически повторяющиеся попытки подчинить Православную Церковь, поставить ее под полный контроль, сделать в конечном итоге придатком государственного аппарата. Для достижения этой цели применяли любые средства. Назревавшее установление дипломатических отношений со странами Запада в перспективе требовало смягчения ситуации вокруг «религиозного вопроса». И в начале 1922 г. в результате дискуссий в ЦК РКП(б) и Совнаркомом пришли к выводу, что руководство Православной Церковью в довольно сжатые сроки должно взять в свои руки духовенство, абсолютно лояльное советской власти и правительству. А уже с этим духовенством и предполагалось на время нормализовать отношения.

21 марта в докладной записке Государственного политического управления (ГПУ) в Политбюро ЦК РКП(б) весьма откровенно говорилось о необходимости произвести своеобразный «переворот»: «ГПУ располагает сведениями, что некоторые местные... иереи стоят в оппозиции реакционной группе синода и что они в силу канонических правил и других причин не могут резко выступить против своих верхов, поэтому они полагают, что с арестом членов синода им предоставляется возможность устроить Церковный Собор, на котором они могут избрать на патриарший престол и в синод лиц, настроенных более лояльно к Советской власти. Оснований для ареста Тихона и самых реакционных членов синода у ГПУ и его местных органов имеется достаточно. ГПУ находит: 1) что арест синода и патриарха сейчас своевременно, 2) что допущение Духовного Собора на предмет избрания нового синода и патриарха сейчас тоже возможно...»³⁶⁹ Предложения карательных органов попали на благоприятную почву, хотя «операция» по тактическим соображениям оказалась отсрочена на полтора месяца.

В докладной записке Л.Д. Троцкого от 30 марта, без возражений утвержденной Политбюро, была практически сформулирована вся тактическая и стратегическая программа деятельности партийного и государственного руководства по отношению к обновленческому духовенству, проведению раскола в Русской Церкви: «Если бы медленно определяющееся буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то оно стало бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде... Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать, как опаснейшего врага завтрашнего дня. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально... Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии... Попутно расправляемся вечекистскими способами с контрреволюционными попами... К моменту созыва собора нам надо

подготовить теоретическую пропагандистскую кампанию против обновленной церкви. Просто перескочить через буржуазную реформацию церкви не удастся. Надо, стало быть, превратить ее в выкидыш...»³⁷⁰

Таким образом, власти изначально планировали использовать обновленцев в своих целях, явно переоценивая их возможности, а затем «выбросить» как «отработанный материал». Правда, на практике сопротивление «тихоновцев» оказалось гораздо сильнее, чем предполагалось, поэтому в обновленцах продолжали нуждаться и соответственно поддерживать их еще несколько лет.

Ситуация, значительно облегчившая наступление на Церковь, сложилась вследствие страшного голода в Поволжье. В Политбюро ЦК РКП(б) некоторое время шла борьба по вопросу отношения к духовенству. А. Рыков, Л. Каменев, М. Калинин выступали против «решительных мер» к священнослужителям, на чем настаивали Л. Троцкий (он был ответственным от Политбюро за проведение кампании по изъятию ценностей), Г. Зиновьев, Н. Бухарин и некоторые другие. В.И. Ленин первоначально колебался. Однако первые спровоцированные столкновения при конфискации ценностей дали повод перейти в наступление на «церковных мракобесов» и изменили расстановку сил, Ленин активно поддержал Троцкого и его сторонников³⁷¹.

В своем письме В.М. Молотову для членов Политбюро 19 марта 1922 г. он писал: «...данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и, не останавливаясь, перед подавлением какого угодно сопротивления». Ставилась и цель создания золотого запаса для нужд государства³⁷².

После первых сообщений о голоде в Поволжье Православная Церковь сразу же откликнулась на это событие. Еще в августе 1921 г. она создала епархиальные и Всецерковный комитеты для оказания помощи голодающим. В короткий срок было собрано около 9 млн. рублей. Но такая помощь значительно поднимала авторитет Церкви в глазах народа. Это никак не соответствовало намечавшимся планам. Решением правительства Всецерковный комитет был закрыт, собранные средства реквизированы. Газеты тогда писали, что советская власть имеет возможность справиться с голодом и сама. Однако последний неудержимо рос. И 9 декабря Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) постановил разрешить сборы религиозным управлениям и отдельным религиозным общинам, поручив Государственному комитету помощи голодающим (Помгол) войти в сношение с ними о форме сбора пожертвований, учитывая их желание. Вскоре Помгол предложил Церкви добровольно сдавать ценности, не имеющие богослужебного канонического значения. Патриарх дал согласие и 19 февраля выпустил послание: «разрешить приходским советам жертвовать не богослужебные предметы»³⁷³. Очень активно сбор средств шел в Петрограде.

Декрет ВЦИК 23 февраля о немедленной конфискации местными советами всех драгоценных предметов, «изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа»³⁷⁴, имевший явно антицерковную направленность, был полной неожиданностью для духовенства. Позднее, на допросах, находившийся уже под арестом Патриарх Тихон подтвердил, что, пока он вел переговоры с Помголом, «за спиной» был выпущен декрет³⁷⁵.

Различные инструкции, реальные действия местных властей показывают, что этот документ трактовался очень широко. На практике проводилась линия лишения Церкви наиболее почитаемых верующими святынь. В ответном послании Патриарха

от 28 февраля насильственное изъятие называлось святотатством, религиозным общинам возбранялась передача священных предметов, но при этом они призывались к милосердию и щедрости в сборе иных средств. Так вспыхнул новый трагический конфликт Церкви с государством. В 1922 г. по всей стране прошло 250 судебных процессов, сфабрикованных в связи с «сопротивлением изъятию церковных ценностей». Против духовенства также применялась трехлетняя административная высылка без суда, введенная декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г. В результате в 1922—1923 гг., по сведениям протопресвитера Михаила Польского, погибли в столкновениях или были расстреляны по суду около 8100 священников и монашествующих³⁷⁶. Согласно же сведениям Свято-Тихоновского гуманитарного университета, в 1921—1923 гг. общее количество репрессированных составило 20 тысяч человек, в том числе около одной тысячи расстреляли³⁷⁷.

По мнению историка Н.А. Кривовой, с конца марта 1922 г. в действиях советских властей стали преобладать карательные методы, а в ряде мест оперативное руководство кампанией по изъятию церковных ценностей осуществляли секретные Тройки в составе секретаря губкома партии, начальника губотдела ГПУ и губвоенкома³⁷⁸. Политбюро ЦК РКП(б), давшее общие директивы об обязательных жестких приговорах и беспощадных расстрелах, на своих заседаниях периодически возвращались к текущему руководству репрессиями³⁷⁹.

Участие ГПУ в кампании выражалось прежде всего в регулярном сборе информации с мест о проведении изъятия, настроениях духовенства и мирян, актах сопротивления изъятию и расколу в Церкви. В ходе антицерковных акций 1922 г. ГПУ постепенно заняло ведущее место в осуществлении государственной политики в отношении Церкви. Складывалась система, согласно которой высшая партийно-государственная власть принимала важнейшие политические решения в церковной сфере, а их проведение в жизнь передавалось главным образом органам ГПУ-ОГПУ-НКВД. Основным органом борьбы с Церковью с этого времени надолго стало VI («церковное») отделение секретного отдела ГПУ³⁸⁰ во главе с Е.А. Тучковым³⁸¹.

Подводя итоги кампании по изъятию церковных ценностей, следует отметить, что надежды ЦК РКП(б) на легкое обогащение не оправдались. Все расчеты относительно сотен миллионов или даже миллиардов золотых рублей, о которых писал В. Ленин, оказались мифом. Несмотря на непрерывное подстегивание местных властей А. Троцким, лично заинтересованным в этой акции, так как определенная часть добытых сумм должна была пойти на нужды возглавляемой им Красной армии, во многих регионах операции проводились очень неохотно.

Так, 4 мая руководящий орган партии с горечью постановил: «Заслушав сообщение о ходе кампании по изъятию ценностей, Политбюро констатирует крайнюю медлительность и вялость ее проведения и ставит это на вид всем ее участникам»³⁸². Всего же, согласно ведомости ЦК Последгола от 1 ноября 1922 г., оказалось собрано, помимо 964 антикварных вещей, церковных драгоценностей на 4 651 тысячу золотых рублей. Причем из них более четверти осталось на местах, губернские власти также желали иметь «на черный день» свой резервный фонд³⁸³. Таким образом, в центр поступило лишь около 3,5 млн золотых рублей, из которых на нужды голодающих, судя по всему, пошла меньшая часть.

Но если первая цель антицерковной кампании в значительной мере достигнута не была, то вторая первоначально увенчалась большим успехом. В мае 1922 г. началась «церковная революция», породившая раскол и смуту среди духовенства и верующих. Возникшее обновленческое движение по своему составу было очень неоднородным. Известная часть духовенства желала проведения некоторых назревших реформ церковной жизни и поэтому пошла в фарватере обновленчества, не зная, на первых по-

рах, каких конкретно сторон коснется это реформаторство. Большинство же рядовых участников движения оказалось включено в него самой логикой развития событий. После ареста Патриарха Тихона и вынужденного отказа его 12 мая 1922 г. от руководства Православной Церковью, обновленцы более года доминировали в церковной жизни страны³⁸⁴.

Во многих районах, в том числе в Петрограде, они первоначально встретили решительное сопротивление. 28 мая митрополит Вениамин (Казанский) в своем послании к пастве отлучил петроградских обновленцев от Церкви. Именно это стало основной причиной его ареста. С 10 июня по 5 июля 1922 г. в городе проходил судебный процесс над 86 священнослужителями и мирянами. Их обвиняли в организации сопротивления изъятию церковных ценностей. Надуманность процесса была очевидна, и все же четырех обвиняемых, в том числе митрополита Вениамина, расстреляли в ночь на 13 августа³⁸⁵. На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 1992 г. в числе других новомучеников прославили святителя Вениамина и расстрелянных вместе с ним архимандрита Сергия (Шейна), юрисконсульта Александро-Невской Лавры Ивана Кочурова и профессора Юрия Новицкого.

Преобладающая часть прихожан была настроена к обновленцам враждебно, верующие оказывали всяческую поддержку тем священникам и архиереям, которые не подчинялись постановлениям обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ). Занимавшие такую позицию иерархи переходили на самостоятельное «автокефальное» управление.

Святейший Патриарх Тихон после ареста 12 мая 1922 г. передал патриаршие права и обязанности митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), но Владыка не был допущен в Москву и 18 июня выпустил послание с указанием архипастырям управлять своими епархиями самостоятельно, игнорируя директивы захвативших власть обновленческих центральных органов³⁸⁶. Одной из первых оформилась т. н. «Петроградская автокефалия». Первоначально центром ее создания стал Николо-Богоявленский Собор. 23 июля на общем собрании его прихожан единогласно приняли резолюцию об отделении от образованного обновленческого Петроградского епархиального управления (ПЕУ)³⁸⁷.

В центре развернувшейся борьбы оказался наместник Александро-Невской лавры епископ Петергофский Николай (Ярушевич), вскоре он вместе с другим викарием епархии епископом Ямбургским Алексием (Симанским) — будущим Патриархом Алексием I возглавил движение сопротивления. Первоначально наместник Лавры, как и временно управлявший тогда епархией епископ Алексей, использовал тактику затягивания переговоров с обновленческим руководством о признании и подчинении ему. Как справедливо писали историки А. Левитин и В. Шавров: «Основываясь на праве ставропигии, которым обладают Лавры, епископ Николай также непосредственно вел переговоры с ВЦУ; следует отметить, что тактика отсрочек и оттяжек применялась им необыкновенно умело и ловко, чему в значительной мере способствовала природная уклончивость его характера»³⁸⁸.

Ситуация изменилась после вынужденного ухода от управления епархией епископа Алексия и образования 28 июня обновленческого Петроградского епархиального управления. 22 августа 1922 г. последовал указ ВЦУ прекратить возношение имени Патриарха Тихона за богослужениями во всех храмах. С этого момента упоминание священниками его имени стало расцениваться как признак контрреволюционности. И именно в это время крупнейшая из автокефалий 1922 г. — Петроградская подняла знамя борьбы против обновленчества. Окончательно оформилась она в конце лета. 26 августа группа духовенства и мирян епархии во главе с епископами Алексием и Николаем подала в губисполком довольно дипломатично составленное заявление, суть ко-

того сводилась к трем пунктам: 1. Они стоят на позиции безоговорочного признания советской власти, социальной справедливости Октябрьской революции и считают капиталистический строй греховным; 2. Отрекаются от Карловацкого Собора и не имеют ничего общего с духовными вождями, ставшими на путь контрреволюции; 3. Будучи православными христианами, не могут вступить в общение с ВЦУ, так как оно является самочинным, антиканоническим учреждением и признать его — означает отступить от Православия. Ввиду отсутствия канонического церковного центра они объявляют об образовании автокефалического (независимого) религиозного объединения и просят зарегистрировать его в губисполкоме. 1 сентября городским властям был представлен для утверждения проект устава Петроградской Православной католической Церкви, под которым стояли подписи членов причта 30 храмов города³⁸⁹.

Полтора месяца губисполком отмачивался. За это время была предпринята традиционная попытка путем репрессий покончить с набиравшим силу движением. Уже в сентябре была арестована группа священнослужителей автокефалистов, основную часть их 26 октября сослали в административном порядке на 3 года в Среднюю Азию, а епископа Ямбургского Алексия — в начале октября в Казахстан. Однако эта акция своей цели не достигла, и 18 октября отдел управления губисполкома наконец составил официальный ответ на заявление о регистрации: «...что же касается создаваемого Вами центрального объединения отдельных групп верующих, то таковое со стороны Советской власти допущено быть не может, а посему в регистрации представленного Вами устава... отказано»³⁹⁰.

После ареста епископа Алексия признанным лидером автокефалистов стал Владыка Николай. Находясь в исключительно сложном положении, официально не признанный властями, травимый обновленцами, испытывающий недоверие со стороны более ортодоксально настроенных пастырей, он за короткий срок сумел создать мощную централизованную организацию. Совершая многочисленные богослужения в храмах, епископ Николай произносил пламенные проповеди, призывая верующих постоять за «истинное Православие». Вскоре число петроградских приходов, порвавших с обновленцами, достигло 65. Борьба за автокефалию превратилась в широкое народное движение. Обновленческие архиереи уже не могли спокойно служить в большинстве городских храмов³⁹¹. Популярность епископа Николая все более росла, своим Владыкой его стали признавать и некоторые приходы соседних епархий — Олонецкой и особенно Новгородской. Для «исправления» ситуации обновленцам пришлось прибегнуть к прямой поддержке государственных органов власти.

Проведение кампании изъятия церковных ценностей и осуществление обновленческого раскола в Русской Православной Церкви вызвали повышенный интерес к религиозной политике со стороны высшего руководства коммунистической партии и Советского государства. Осенью 1922 г. оно пришло к выводу о целесообразности постоянного и прямого партийного контроля над религиозной политикой в целом, прежде всего в связи с необходимостью руководства сложным процессом раскола внутри Русской Церкви. Эти идеи привели к созданию Комиссии по проведению отделения церкви от государства, которая первоначально неофициально называлась Антирелигиозной комиссией. 3 октября Комиссия антирелигиозной пропаганды при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б) (существовавшая с июля 1921 г.) отправила в ЦК предложение о создании единой Комиссии по церковным вопросам³⁹². После одобрения 13 октября соответствующего проекта Организационным бюро ЦК, возглавляемая Л.Д. Троцким Комиссия по изъятию церковных ценностей 17 октября решила, что все до сих пор занимавшиеся церковными вопросами комиссии должны быть распущены или преобразованы в подкомиссии новой единой комиссии.

18 октября 1922 г. в Кремле состоялось учредительное собрание новой организации, на котором было принято ее официальное название: «Комиссия по проведению отделения церкви от государства». Заседания комиссии решили проводить регулярно — по понедельникам, в том же месте. Временным председателем первоначально был руководитель V, ответственного за дела культов, отдела Наркомата юстиции П.А. Красиков. 19 октября Политбюро ЦК РКП(б) назначило председателем представителя аппарата ЦК Н.Н. Попова³⁹³, но с 30 января 1923 г. и до конца деятельности комиссии ее председателем, согласно решению Оргбюро ЦК, был Е.М. Ярославский. В 1925 г. он активно использовал комиссию для создания «Союза воинствующих безбожников», который возглавлял до начала Великой Отечественной войны. Неизменным секретарем Антирелигиозной комиссии с ее 3-го (8 ноября 1922 г.) до последнего заседания являлся начальник VI «церковного» отделения ГПУ (с ноября 1923 г. ОГПУ) Е.А. Тучков. Он практически организовывал работу комиссии и вел протоколы заседаний.

Первое официальное заседание Комиссии по проведению отделения церкви от государства состоялось 23 октября 1923 г., а последнее — 4 ноября 1929 г. В этих заседаниях участвовали в общей сложности 114 человек (в том числе 9 женщин), но регулярно работал достаточно узкий круг лиц, всего 9 человек: два представителя ОГПУ (Е.А. Тучков и В.Р. Менжинский), три представителя ЦК РКП(б) (Е.М. Ярославский, Н.Н. Попов и К.А. Попов), два представителя отдела пропаганды и агитации ЦК (И.И. Скворцов-Степанов, Ф.М. Путинцев), один — Наркомата юстиции (П.А. Красиков) и один — ВЦИК (П.Г. Смидович).

Комиссия стремилась координировать деятельность всех занимающихся религиозными делами государственных и общественных организаций и контролировать их работу. Таким образом, обеспечивался приоритет аппарата ЦК партии. Как справедливо отмечалось в рецензируемом сборнике, в деятельности самой комиссии ярко проявлялась линия на возможно более сильную маргинализацию и дискриминацию религиозных обществ. При этом комиссия играла роль и своеобразного строгого «ангела-хранителя», который хотя и часто (особенно с 1928 г.) запрещал что-то, однако нередко проявлял известную терпимость.

В первые месяцы своего существования Антирелигиозная комиссия главное внимание уделяла подготовке так и не состоявшегося судебного процесса над Патриархом Тихоном и укреплению обновленческого раскола в Русской Православной Церкви. После смерти Патриарха, в 1925 г. много усилий прилагалось для проведения так называемого григорианского раскола в Московском Патриархате. Помимо Русской Православной Церкви, комиссия достаточно часто занималась баптистами и евангелистами, католиками, мусульманами, русскими сектантами (молоканами, духоборами), старообрядцами, иудеями, буддистами и лютеранами. Другой круг тем был связан с проведением антирелигиозной пропаганды, особенно после создания «Союза воинствующих безбожников». Комиссия также занималась вопросами регистрации религиозных обществ и проверкой утверждения их уставов. С 1928 г. значительное внимание уделялось закрытию храмов и монастырей³⁹⁴.

Усиление влияния партийных и карательных органов на религиозную политику вело к тому, что V отдел Наркомата юстиции все более отдалялся от решения практических вопросов и превращался в своеобразный экспертно-консультативный орган. Уже в конце 1922 г. Малый Совнарком, ссылаясь на параллелизм в работе ГПУ — НКВД и «ликвидационного» отдела НКЮ, предложил ликвидировать последний. Лишь личное обращение П.А. Красикова к В.И. Ленину предотвратило это решение. Однако в августе 1924 г. V отдел Наркомата юстиции все же был упразднен, а его функции в основном переданы Секретариату ВЦИК³⁹⁵.

Начальный период деятельности Антирелигиозной комиссии сопровождался проведением репрессий противников обновленцев. К концу 1922 г. положение для них складывалось настолько серьезное, что ВЦУ было вынуждено в декабре 1922 г. обсудить специальную записку руководителя «Живой Церкви» прот. В. Красницкого «Об автокефалиях и борьбе с ними» и разослать ее в качестве циркуляра всем епископам. А 17 января 1923 г. ПЕУ официально обратилось в ГПУ, побуждая к проведению арестов: «В целях ликвидации так называемого автокефального движения в Петрограде, под которым кроется реакционное церковное движение на политической подкладке, ПЕУ еще раз извещает, что оно снимает с себя всякую ответственность за явно контрреволюционную деятельность следующих лиц из духовенства Петрограда: 1. Николай Ярушевича, епископа...»³⁹⁶

Однако без получения санкции государственного и партийного руководства проинформировать органы ГПУ о задержании епископа не решались. И вскоре такую санкцию они получили. 30 января 1923 г. Комиссия по отделению церкви от государства рассмотрела комплекс вопросов, связанных с подготовкой обновленческого Собора. Была проанализирована деятельность ВЦУ, изучены предложения по оказанию ему помощи в борьбе с «тихоновщиной». Основное внимание в этом плане уделялось Петрограду, где, по сообщению ГПУ, у обновленцев существовали серьезные противники, которые пытались «возродить тихоновскую ориентацию». Комиссия поручила «намеченных ГПУ питерских священников во главе с епископом Ярушевичем арестовать и выслать»³⁹⁷.

9 февраля 1923 г. епископ Николай был арестован по насквозь фальшивому обвинению: «Организация помощи международной буржуазии, заключающаяся в том, что он, Ярушевич, будучи реакционно настроен против государственной власти, умышленно давал разрешение своим подчиненным на служение молебнов на квартирах верующих, где последние вели антисоветскую агитацию»³⁹⁸. Вместе с Владыкой арестовали и несколько его ближайших сподвижников. Первоначально над руководителями «Петроградской автокефалии» планировали провести публичный судебный процесс, но обвинительного материала оказалось явно недостаточно. Дело рассыпалось, и процесс пришлось отменить. 30 марта 1923 г. Комиссия НКВД РСФСР по административным высылкам постановила сослать арестованных на 3 года под гласный надзор губотделов ГПУ³⁹⁹.

Под репрессивными ударами, лишенная руководителей «Петроградская автокефалия» начала распадаться. Историки А. Левитин и В. Шавров писали: «...не имея четкой и ясной платформы, испытывая нажим со стороны властей, автокефалисты вынуждены были отдать обновленцам все свои храмы. Только 5 храмов из 123 не признавали ни Собора 1923 г., ни ВЦУ»⁴⁰⁰. Правда, эти сведения не совсем точны количественно, храмов в городе было значительно больше, и не менее 10 из них, по архивным данным, так и не признали узурпаторов церковной власти и выстояли до лета 1923 г., когда после освобождения из-под ареста Патриарха Тихона обновленчество резко пошло на спад и фактически потерпело крах.

В целом значение «Петроградской автокефалии» было достаточно велико. Она стала центром борьбы с обновленчеством в стране в самый тяжелый для Русской Православной Церкви период отсутствия канонических органов Высшего церковного управления, воодушевила на сопротивление верующих и духовенство в других епархиях. Кроме того, «Петроградская автокефалия» фактом своей полугодовой фактически легальной деятельности показала возможность существования в условиях советской действительности признаваемых органами государственной власти канонических церковных структур и в определенной степени подготовила тот путь, по которому в конце 1920-х гг. пошло руководство Московского Патриархата.

Репрессии противников обновленцев проводились и в других районах страны. Так в марте 1923 г. была окончательно закрыта Оптина пустынь. Незадолго перед этим власти арестовали большую группу насельников, в том числе иеросхимонаха Нектария (Тихонова). Старца обвинили в контрреволюционной деятельности. На первом допросе отец Нектарий молчал и на заявление следователей: «Вы озлобляете своим молчанием», — ответил: «А Господь Иисус Христос тоже молчал, когда Его допрашивали». В результате пребывания в заключении здоровье старца резко ухудшилось, и его поместили в тюремную больницу г. Козельска. Там он велел навестившему его иеромонаху Никону (Беляеву) быть вместо него духовником оптинцев и передал часть своих чад ему и иеромонаху Досифею⁴⁰¹.

После недолгого следствия иеросхимонаха приговорили к расстрелу. Спасла его духовная дочь поэтесса Н.А. Павлович. Она поехала в Москву к Н.К. Крупской, под началом которой ранее работала в Наркомате просвещения, с просьбой спасти ее «дедушку», старика-монаха, которого хотят расстрелять. Крупская направила Надежду Александровну к заместителю председателя ГПУ Белобородову, который дал телеграмму в Козельск об освобождении старца. Отца Нектария освободили из тюрьмы, но потребовали покинуть территорию Калужской губернии. В конце 1923 г. старец поселился в с. Холмищи (ныне Брянская область), где жил, принимая многочисленных верующих, до своей кончины в 1928 г.⁴⁰²

Параллельно с локальными репрессивными акциями в 1920-е гг. власти активно проводили пропагандистские антирелигиозные мероприятия, стараясь вовлечь в их осуществление широкие слои молодежи. К ним относились: безбожные шествия, антирелигиозные лекции, диспуты, комсомольские обряды и т.п. Так, в феврале 1923 г. была создана специальная Центральная комиссия по проведению «Комсомольской пасхи» при Политпросвете ЦК РКСМ. В принятых ею и позднее выполненных решениях говорилось: «Кампания носит углубленный пропагандистский характер... К светлому воскресению приурочивается центральный момент кампании — клубный вечер... Считать необходимым проведение антиклерикальной демонстрации и карнавального шествия еврейской молодежи во время пасхи»⁴⁰³. Однако эффективность воздействия таких кампаний на верующих была невелика.

К концу 1922 г. при активной поддержке государства обновленцы все же смогли занять две трети из 30 тысяч действовавших в то время православных церквей. Пиком истории обновленчества стал их «II Поместный Собор». Он открылся в Москве 29 апреля 1923 г. Надежды значительной части духовенства и верующих на то, что Собор примирит, сгладит противоречия, укажет будущий путь, не осуществились. 3 мая на нем было принято постановление, с негодованием воспринятое подавляющим большинством верующих о лишении Патриарха Тихона сана и монашества и уничтожении Патриаршества в России. 8 мая делегация Собора была пропущена к находящемуся под домашним арестом Первосвятителю и передала приговор, но он ответил лишь, что не согласен ни по форме, ни по существу.

Обновленческий Собор узаконил равнозначность женатого и безбрачного епископата, а после некоторых колебаний и второбрачие клириков, был введен новый григорианский календарь. Сохранялся «культ мощей», идея «личного спасения». Монастыри же закрывались и превращались в трудовые коммуны и церковные приходы. В итоге проведенные Собором преобразования оказались относительно небольшими. Как видно из архивных документов, значительная часть делегатов сотрудничала с ГПУ, и это ведомство через них проводило желательные для него решения. А в каких-либо серьезных преобразованиях Церкви оно не было заинтересовано. Таким образом, обновленчество по сути являлось церковно-политическим движением.

Как справедливо отмечал немецкий профессор Гюнтер Шульц, объявление Собора 1923 г. II Поместным Собором Русской Православной Церкви, т.е. продолжающим традиции Всероссийского Собора 1917—1918 гг., было неоправданной дерзостью. Широкая церковная общественность, миряне и приходы в целом, по сути, не играли на Соборе 1923 г. никакой роли. Приходы в основной массе отвергали обновленцев. В 1925 г. последние даже обращались к советскому правительству с просьбой изменить приходской устав, поскольку «он дает возможность кулацким элементам совета держать в кабале священника из-за экономической нужды под давлением совета, уходящего в тихоновщину»⁴⁰⁴. Предлагалось также поставить под контроль Епархиального управления выборы клира. Таким образом, обновленческое белое духовенство хотело вытеснить из церковного управления не только монашество с епископатом, но и мирян.

Уже вскоре после обновленческого Собора 1923 г. ситуация кардинально изменилась. Желя избежать судебного процесса, который неминуемо нанес бы сильный удар по Православию в целом, и стремясь сохранить верную традициям Русскую Церковь, 16 июня Патриарх Тихон подал заявление в Верховный суд РСФСР с раскаянием в своей прежней «антисоветской деятельности» и с просьбой об освобождении из-под стражи. 19 июня комиссия при ЦК РКП(б) рассмотрела заявление и решила добиваться от него внесения в текст некоторых поправок. Под нажимом Патриарх согласился внести часть из них, конкретизировав свою «вину»⁴⁰⁵.

25 июня судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда постановила отменить ранее принятую в отношении «гражданина Беллавина В. И.» меру пресечения — содержание под стражей. 27 июня он был освобожден. Рассекреченные в последние годы документы свидетельствуют, что основную роль в этом сыграла широкая кампания в странах Западной Европы с требованием освободить Патриарха, в тот период советское правительство, желая выйти из дипломатической изоляции, было вынуждено считаться с подобными протестами⁴⁰⁶.

Важной задачей, вставшей перед Патриархом Тихоном сразу после освобождения, было разоблачение раскольничьей деятельности обновленцев и шаги по преодолению внесенной ими смуты. С этой проблемой связывались и устремления к созыву Поместного Собора для выработки положения о деятельности Русской Церкви в условиях Советского государства, выборов в органы высшего церковного управления и решения текущих вопросов церковной жизни.

Уже 4 июля 1923 г. в «Правде» было опубликовано заявление Патриарха от 28 июня, в котором он счел бессмысленным «всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно не происходило». В то же время Патриарх указал в заявлении на неправомочность обновленческого «Собора» 1923 г. и его решений⁴⁰⁷. Тогда же Первосвятителем было составлено и другое, более пространное послание, в котором была подробно проанализирована вина перед Церковью обновленцев. Впоследствии с подобного рода заявлениями Патриарх и его соратники выступали неоднократно.

К середине 1923 г. движение обновленцев резко пошло на спад, число их приходов многократно сократилось, сотни клириков стали с покаянием возвращаться к своему Первосвятителю. Существенную роль в этом сыграл ближайший помощник Патриарха в это время епископ (впоследствии архиепископ) Вере́йский Иларион (Троицкий). Он договорился с приходами о чине их присоединения к Патриарху, разработал чин покаяния для бывших обновленцев и принял десятки из них. В значительной степени благодаря энергии этого архиерея церковная организация в Москве была восстановлена за несколько дней. Кроме того, Владыка Иларион по поручению Патриарха вел переговоры с Е.А. Тучковым (возглавлявшим «церковный» отдел ГПУ) и другими советскими работниками.

В Петрограде большую деятельность по преодолению последствий раскола проделал временно управляющий епархией епископ Лужский Мануил (Лемешевский). Лишь за девять месяцев конца 1923 — начала 1924 г. в результате его усилий из 115 обновленческих приходов 83 были возвращены в ведение Патриархии⁴⁰⁸.

15 июля 1923 г. Патриарх Тихон выступил с посланием к Церкви, где самым решительным образом свидетельствовал, что утверждения обновленцев о передаче им своих прав их ВЦУ является ложью. Далее, перечислив беззакония обновленцев, Первоиерарх писал: «Они отделили себя от единства Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной власти, правившей Церковью в наше отсутствие, недействительны и ничтожны! И все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехах...»⁴⁰⁹

Некоторые епископы, введенные в заблуждение обновленцами, но затем осознавшие пагубность их движения для Церкви и отошедшие от них, стали прибывать в Москву для принесения покаяния перед Патриархом. В августе 1923 г. в столицу приехал из Нижнего Новгорода и митрополит Сергей (Страгородский), отошедший от обновленческого ВЦУ ещё в октябре 1922 г.⁴¹⁰ В Малом соборе Донского монастыря состоялось его публичное покаяние в грехе против Церкви и ее Предстоятеля, а затем митрополит принял участие в сослужении Патриарху Божественной литургии.

Советскому руководству становилась очевидной бесперспективность обновленческого движения в целом. Большевистские лидеры, формально оказывая покровительство раскольникам, с пренебрежением относились к обновленческому движению и открыто заявляли, что в Советском государстве у него нет и не может быть будущего. Так, например, Л.Д. Троцкий в своей известной книге «Литература и революция» так писал о «живоцерковниках»: «Обновленческое, сменовеховское направление в церкви есть запоздавшая попытка бюрократизированной заранее буржуазной реформации под покровом приспособления к советскому государству... Реформация церкви открылась лишь через четыре года после пролетарского переворота. Если «живая церковь» освящает социальную революцию, то это только в поисках покровительственной окраски. Пролетарской церкви не может быть»⁴¹¹.

Наиболее дальновидные обновленческие деятели понимали, что покровительство властей ненадежно, в то время как гонимые «тихоновцы» пользуются поддержкой подавляющего большинства верующих. С другой стороны, в ГПУ начали разрабатывать план включения обновленцев в Патриаршую Церковь, чтобы поставить ее под полный контроль. Еще в сентябре 1923 г. обновленческий Синод сделал попытку найти соглашение с Московской Патриархией. Суть предлагаемого обновленцами компромисса сводилась к следующему: после соответствующих приготовлений открывается «общий» Собор «обновленцев» и «староцерковников» под председательством Патриарха Тихона. Сразу же после открытия предполагаемого Собора Патриарх сам просит об увольнении на покой. Собор удовлетворяет эту просьбу и при этом «восстанавливает его в сущем сане», а затем приступает к устройению церковных дел.

Когда вступившие с благословения Патриарха в переговоры с председателем обновленческого Синода митрополитом Евдокимом (Мещерским) архиепископы Серафим (Александров), Тихон (Оболенский) и Иларион (Троицкий) доложили Первосвятителю Русской Церкви об этих условиях обновленцев, то последний вынес их на соборное обсуждение. Следует отметить, что среди православных епископов тогда наметилось два течения. Архиепископы Серафим и Иларион полагали, что в сложившейся ситуации дальнейшие переговоры с обновленцами возможны, разумеется, без

нарушений при этом канонического строя Церкви. Другие епископы, идейным вождем которых являлся проживавший тогда в Даниловом монастыре в Москве бывший ректор Московской академии архиепископ Феодор (Поздеевский), отвергали какую бы то ни было возможность переговоров с раскольниками, требуя от них безоговорочного покаяния. По их мнению, даже о постановке вопроса по поводу возможной «отставки» Патриарха не могло быть и речи. Когда же в Донском монастыре под председательством Первосвященителя состоялось совещание православных епископов, в котором приняли участие 27 оказавшихся тогда в Москве святителей, то путем тайного голосования обновленческие предложения отвергли подавляющим большинством голосов⁴¹².

Неизбежность поиска компромисса с Патриархом понял и лидер самой крупной в тот период обновленческой группировки «Живая Церковь» В. Красницкий. 1 июня 1924 г. он подал Первосвященителю прошение, в котором просил принять его и его последователей в молитвенно-каноническое общение, покрыв любовью их «прежние прегрешения», «чтобы потрудиться на восстановление церковного мира и по подготовке очередного Поместного Собора» в организующемся при Патриархе церковном управлении.

Перед Первосвященителем встала нелегкая задача. С одной стороны, принятие в состав вновь организуемого церковного управления (Синод и Высший церковный совет) Красницкого и некоторых других живоцерковников обеспечило бы его официальное признание и открывало возможность созыва Поместного Собора. Кроме того, Патриарху давались заверения, что будут освобождены находившиеся в ссылке архиереи и станет возможно организовать епархиальное управление на местах. Но, с другой стороны, наличие на руководящей роли в церковном управлении людей, скомпрометировавших себя перед Церковью и, по всей видимости, не отказавшихся от своих опасных замыслов, могло принести новые беды. Повсеместно духовенство и верующие выражали недовольство переговорами Патриарха с Красницким. И Первосвященитель решил последовать мнению Церкви. Большую роль в этом сыграл митрополит Казанский Кирилл (Смирнов). Возвращаясь летом 1924 г. из ссылки, он при встрече со Святейшим выразил ему отрицательное отношение ссыльных епископов к возможному союзу с Красницким, чем способствовал принятию окончательного решения.

9 июля на адресе Елисаветградского духовенства Патриархом была наложена следующая резолюция: «Благодарю за выраженные чувства верности. Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые могли бы угрожать целостности Православия. Если же переговоры с о. Красницким вместо радости вызывают тревогу и опасения, особенно в газетной передаче о. Красницкого, о чем свидетельствуют многочисленные заявления архипастырей, пастырей и мирян, то нахожу благовременным совершенно прекратить переговоры с о. Красницким о примирении и подписи на журнале от 8 (21) Мая 1924 г. считать недействительными». На следующий день Первосвященитель заявил об этом в беседе с корреспондентом «Известий»⁴¹³.

Следует заметить, что определенную негативную роль в церковной смуте 1920-х гг. сыграл Вселенский Патриарх, а также поддержавшие его Александрийский и Иерусалимский Патриархи. В мае 1924 г. Константинопольский Патриарх Григорий VII, не без воздействия сотрудничавших тогда с СССР турецких властей, выпустил постановление о признании обновленческого Синода⁴¹⁴. Тогда же им была направлена в Москву делегация для расследования церковных дел. В данной ей инструкции указывалось на желательность удаления на покой Патриарха Тихона, «ради единения расколовшихся»⁴¹⁵.

В связи с этим Первосвященитель Русской Церкви справедливо указывал в письме Вселенскому Патриарху: «Мы немало смутились и удивились, что представитель Все-

ленской Патриархии, глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела Автокефальной Русской Церкви...»⁴¹⁶ Однако и в дальнейшем, вплоть до конца 1930-х гг., Константинопольский и Александрийский Патриархи продолжали контакты с обновленцами, а их представители в Москве присутствовали на разного рода обновленческих съездах и совещаниях. Именно обновленцам отведена была роль представлять Русскую Церковь на так и не состоявшемся Всеправославном Соборе в Иерусалиме, намеченном на Пятидесятницу 1925 г.

В это время в Русской Церкви появились и другие нестроения. Еще в 1921 г. для упорядочения церковной жизни на Украине Священный Синод принял решение о создании Украинского экзархата. Поскольку законно избранный митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) вынужденно оставил кафедру и оказался в эмиграции, то в силу чрезвычайных обстоятельств на нее Патриаршим указом был назначен архиепископ (впоследствии митрополит) Михаил (Ермаков), ставший одновременно Патриаршим экзархом Украины. В дальнейшем положение Церкви на Украине оказалось достаточно сложным. В октябре 1921 г. там появился раскол так называемых самосвятов (липковщина), зашедших в своем «реформаторстве» еще дальше, чем впоследствии обновленцы, которые также активно развернули там свою деятельность, причем ими опять был поднят вопрос об Украинской автокефалии. А весной 1924 г., воспользовавшись временным отсутствием находившегося в ссылке экзарха митрополита Михаила, часть украинских епископов во главе с бывшим архиепископом Харьковским Иоанникием (Соколовским), отделившись от Патриарха, решила организовать самостоятельную Украинскую Церковь. Этот раскол, в дальнейшем называемый лубянским, частично охватил Харьковскую, Полтавскую, Киевскую и некоторые другие епархии. Сознывая, сколь пагубным может оказаться такое разделение, Патриарх Тихон 6 апреля 1924 г. принял на себя временное управление всеми церквями на Украине, о чем известил епископат, клир и мирян специальным посланием.

Тяжелым оставалось и внешнее положение Русской Православной Церкви, в частности, начались гонения на православных верующих в Польше, которых насчитывалось около 5 млн человек — население Волини, Гроднинщины и Холмщины. Польские власти стали проводить политику притеснения православных, многие их храмы закрывались и переоборудовались под католические костелы. В то же время польское правительство требовало, чтобы Православная Церковь в этой стране не зависела от Московского Патриарха. Ради церковного блага Патриархом Тихоном и Священным Синодом 27 сентября 1921 г. Православной Церкви в Польше была предоставлена автономия⁴¹⁷.

Тогда же экзархом Польши был назначен возведенный в сан митрополита архиепископ Георгий (Ярошевский), ввиду невозможности приезда архиепископа Варшавского Серафима (Чичагова). На прошении митрополита Георгия о предоставлении его Церкви автокефалии Патриарх наложил резолюцию с отказом на основании того, что среди его паствы почти нет поляков и что по языку и обычаям она является единой со всей остальной Русской Церковью; кроме того, большинство оказавшихся на польской территории епархий исторически рассматривались как неотъемлемая часть Русской Церкви. 13 ноября 1924 г. после переписки с новым экзархом митрополитом Дионисием (Валединским) Константинопольский Патриарх Григорий вместе с Синодом дал благословение на учреждение автокефальной Церкви в Польше. Цель польского правительства — оторвать православных верующих в этой стране от Московской Патриархии — была достигнута⁴¹⁸.

Для устроения церковных дел в Прибалтике 21 июня 1921 г. определением Синода и Высшего церковного совета была предоставлена автономия Латвийской Пра-

вославной Церкви. На Рижскую кафедру оказался назначен латыш по национальности — архиепископ Иоанн (Поммер). Такая же автономия была предоставлена и Эстонской Православной Церкви, среди паствы которой имелся значительный процент эстонцев. Однако ее глава архиепископ Александр (Паулус) 7 июля 1923 г. получил от Константинопольского Патриарха Мелетия томос, по которому была признана автономия Эстонской Церкви в юрисдикции Вселенского Патриархата⁴¹⁹.

Сложным оказалось положение Православной Церкви в Финляндии, где власти в начале 1924 г. потребовали устранения от управления русского по национальности архиепископа Финляндского Серафима (Лукьянова) и замены его финном. Еще ранее, в 1922—1923 гг., некоторые круги в церковном управлении в Финляндии, поддержанные гражданской властью, приложили усилия к прекращению всякой юрисдикционной зависимости от Московского Патриархата, приняв 6 июня 1923 г. автономию от Священного Синода Константинопольской Церкви. Следует заметить, что делегация Финляндской Православной Церкви просила Вселенского Патриарха Мелетия об автокефалии, в чем ей было отказано «вследствие отсутствия оснований». Между тем еще 11 февраля 1921 г. Финляндской Церкви была предоставлена автономия грамотой Патриарха Тихона⁴²⁰.

В январе 1924 г. произошел разрыв между Северо-Американской митрополией и Московской Патриархией. 15 января было опубликовано постановление Патриарха Тихона, подписанное еще несколькими находившимися в Москве иерархами об увольнении с Северо-Американской кафедры митрополита Платона (Рождественского) за политическую деятельность, «пагубно отражающуюся на Православной Церкви». Владыке Платону было предложено прибыть в распоряжение Патриарха⁴²¹. Однако митрополит ответил на это решительным отказом, объявив о «временном самоуправлении» своего церковного округа.

Деятельность Патриарха Тихона сильно осложнялась тем, что Патриаршая Церковь и органы ее управления не имели официального признания со стороны властей, формально в качестве Русской Православной Церкви Советское государство признавало лишь обновленцев. В советской печати того времени, когда речь заходила о Патриархе, неизменно ставился предикат «бывший». Первосвятитель и многие архипастыри, церковно-общественные деятели прилагали значительные усилия к открытию возможности созвать Собор и образовать церковное управление, признаваемое со стороны гражданской власти, заверяя ее, что нормальное в духе церковных канонов течение церковной жизни никоим образом не имеет цели нанесения ущерба существующему государственному строю.

После проведения в мае 1922 г. т.н. обновленческого раскола легальная миссионерская деятельность была в ограниченном объеме разрешена лишь обновленцам. Правда, и церковная молодежь Патриаршей Церкви в 1920-е гг. еще могла иметь семейное или частное религиозное воспитание и получить духовное образование в богословских учебных заведениях. При определенной настойчивости в библиотеках можно было получить религиозную литературу, кроме того, очень большое распространение в СССР впервые получил церковный самиздат.

Новой религиозной литературы, кроме церковных календарей, почти не выходило. Исключение составляли книги идеологов обновленческого движения — А. Введенского, Б. Титлинова, А. Боярского и др. Разрешалось обновленцам издавать и несколько десятков церковных журналов — «Живая Церковь», «Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви» и т.п., в которых обсуждались вопросы церковных реформ, ситуация в обществе, отношение к власти, богословские сюжеты. Многотысячные аудитории собирали проходившие в различных городах страны публичные диспуты между сторонниками и противниками веры в Бога и прежде всего между

обновленческим митрополитом Александром Введенским и наркомом просвещения А.В. Луначарским.

В период НЭПа основные религиозные праздники еще официально считались выходными днями и существенную часть церковной молодежи составляли люди, связанные с Православием лишь устоявшимися за много веков традициями русской семьи. Они посещали храмы по привычке или под давлением родственников. Эти, лишь внешне связанные с Церковью, люди дали наибольший отсев в последующий период открытых гонений.

Всю деятельность церковной молодежи в 1920-е гг. можно разделить на три группы: легальную, полуполегалную и подпольную (нелегальную). К первой прежде всего относилось активное выполнение церковных обязанностей православного христианина. Это уже могло вызывать различные негативные последствия, особенно для студентов государственных высших учебных заведений (ВУЗов). При очередной чистке мог быть найден повод для их исключения или лишения стипендии. Ставший позднее священником Д. Константинов, в 1927 г. учившийся в педагогическом техникуме в Ленинграде, вспоминал, что местное бюро комсомола приняло секретное постановление — не допускать окончания техникума одним из учащихся, ярко выражавшим религиозные настроения. Преподаватель обществоведения трижды проваливал этого студента на выпускном экзамене, но затем был вынужден поставить удовлетворительную оценку, так как учащийся знал предмет⁴²².

Как уже говорилось, согласно инструкции Наркомюста к «Декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви», все домовые храмы — при учебных, медицинских, тюремных, воспитательных и др. заведениях должны были быть закрыты еще в августе 1918 г. Но дольше всего подобные храмы просуществовали из-за массового сопротивления учащихся и профессуры при некоторых ВУЗах. Так, в Ленинграде последние домовые церкви — при Государственном университете и Политехническом институте были закрыты только после Пасхи 1924 г. И вплоть до последних дней их существования студенты переполняли свои храмы.

К формам легальной деятельности можно отнести и пение в церковных хорах, вхождение в состав приходских советов («двадцаток»), учебу в духовных заведениях. Все это было связано с элементами риска. Наиболее опасным являлось пребывание в составе приходского совета. Подобные люди считались политически неблагонадежными и нередко подвергались репрессиям. Поэтому молодежи в «двадцатках» было немного — не более 10—20%. Иная ситуация существовала с церковными хорами. Вплоть до начала 1930-х гг. никакого учета их участников не велось, и в любительских хорах значительную часть составляли представители молодого поколения.

В определенной степени изгоями советского общества являлись учащиеся духовных заведений. После репрессий 1922 г. их число в стране сильно сократилось. К 1923 г. были закрыты все дореволюционные Духовные академии, Московский женский богословско-педагогический институт, десятки богословских курсов и т.д. Существовавшие же еще несколько лет учебные заведения делились на обновленческие и принадлежавшие к Патриаршей Церкви.

Часть радикально настроенной церковной молодежи увлеклась реформаторскими идеями — введения русского языка за богослужением, григорианского календаря, чтения тайных молитв вслух и т.п., вплоть до вынесения алтаря на середину храма (у группы «Союз церковного возрождения»). Всего обновленческий Священный Синод планировал в 1924 г. создать восемь Духовных академий. Но реально открылись лишь две академии — в Киеве и Москве (во главе с А. Введенским), а также 16 марта 1924 г. — обновленческий Высший богословский институт в Ленинграде⁴²³.

К январю 1927 г. на трех его курсах, несмотря на тяжелое финансовое положение, обучалось 55 студентов, издавался свой журнал. Институт готовил не только пастырей, но и женщин — благовестниц, организовавших несколько сестричеств. Они должны были заниматься и антиатеистической пропагандой. Один из главных идеологов обновленчества А. Боярский, выступая на епархиальном съезде 1 сентября 1925 г., указывал, что «главный наш враг — невежество, на котором покоится как тихоновщина, так и современный атеизм... религиозное просвещение должно идти: 1) путем проповеди, докладов, диспутов и т.д.; 2) систематической подготовкой более развитых церковных элементов, подготовкой своего рода церковного комсомола»⁴²⁴.

Яркую характеристику атмосферы в Ленинградском и Московском обновленческих институтах оставил в своих воспоминаниях историк А. Левитин: «Оба учебных заведения скорее напоминали студии свободных художников. Религиозные люди с самой разнородной подготовкой — парни в возрасте от 19 до 27 лет — студенты подрабатывали тем, что чистили трамвайные пути, кололи дрова, мыли посуду в ресторанах. Каждый парень мнил себя будущим Лютером или, на худой конец, — А.И. Введенским, — и сочинял потрясающие проекты церковных реформ. Почти все говорили о второй церковной революции»⁴²⁵.

Центром богословского образования Патриаршей Церкви после закрытия всех московских высших духовных школ являлся Петроград. Правда, и там в 1922 г. закрылись Женские благовестнические курсы, а 2 мая 1923 г. из-за угрозы захвата обновленцами был вынужден прекратить существование Богословский институт, насчитывавший в то время 119 студентов и вольнослушателей. Однако сохранилось Богословско-пастырское училище, если весной 1923 г. в нем занималось 38 человек, то к концу года — 54. А 31 мая 1925 г. богословские курсы Центрального района Ленинграда были преобразованы в Высшие богословские курсы, с успехом заменившие прежний институт. С целью ограничить число учащихся Губполитпросвет еще в 1924 г. ввел специальные отборочные экзамены по политграмоте. 11 января его начальник писал в отдел управления губисполкома: «Необходимо точно определить небольшое максимальное число учащихся в каждом из этих учебных заведений... Лица, поступающие в эти учебные заведения, должны предварительно подвергнуться испытанию по политграмоте и при поступлении предоставить удостоверение о выдержании этого испытания». Многие из абитуриентов не выдерживали экзаменов. Так, за май — сентябрь 1924 г. из 45 поступавших в Богословско-пастырское училище 20 было отсеяно»⁴²⁶.

Но число учащихся все равно постоянно росло. На Высших богословских курсах к концу 1925 г. училось 85 человек, в том числе 48 женщин (5 из них уже имели высшее светское образование). Студенты часто выступали с докладами, посещали антирелигиозные диспуты и давали о них обстоятельные отчеты, выполняли практические работы в семинариуме и даже после окончания курсов защищали кандидатские диссертации⁴²⁷. Эта деятельность продолжалась до рубежа 1920-х — 1930-х гг. Летом 1928 г. были закрыты Высшие богословские курсы и Богословско-пастырское училище, а в 1931 г. прекратили существование последние обновленческие учебные заведения — Московская духовная академия и Ленинградский богословский институт.

Полулегальная деятельность церковной молодежи была значительно опаснее и охватывала меньшее число участников. Одним из ее видов являлось исполнение в храмах обязанностей псаломщиков, иподиаконов, прислужников. Таких людей насчитывались тысячи. Они не подлежали регистрации как церковнослужители, но фактически несли их обязанности, не меняя социального статуса, т.е. оставаясь школьниками, студентами, рабочими, служащими. Эти люди составляли неучтенный властью и причем самый массовый резерв будущих кадров духовенства. Кроме того, они явля-

лись носителями миссионерского начала в атеистической среде: выступали в защиту религии на студенческих собраниях, спасали иконы при закрытии храмов учебных заведений, проводили миссионерские беседы, организовывали посещение церквей учащимися в религиозные праздники и т.д. В массовом порядке эту категорию прислуживавших в храмах в 1920-е гг. не преследовали, считая ее подсобной.

К полулегальной относилась и церковно-благотворительная деятельность. По закону она была запрещена еще в 1918 г. Но в то же время, например, в 1923—1924 гг. с разрешения властей при Крестовоздвиженской церкви Ленинграда существовала бесплатная столовая для питания детей безработных прихожанок-вдов на 30—40 человек, до марта 1926 г. при Казанском соборе функционировала богадельня на 30 престарелых женщин и т.п.⁴²⁸ Еще большие размеры имела благотворительная помощь, совершаемая в индивидуальном порядке и легко скрываемая от властей, в которой молодежь участвовала особенно охотно.

Самой же активной из форм полулегальной церковной деятельности было функционирование братств при храмах и монастырях. В Петрограде к лету 1922 г. их число достигло 20. Среднее число членов в каждом из братств было далеко не таким большим, как в 1918 г., — теперь оно колебалось в пределах сотни, остались самые стойкие, готовые бороться до конца, женщины преобладали над мужчинами. Однако братская деятельность продолжалась легально лишь до весны 1922 г. 26 апреля в «Известиях» было опубликовано своеобразное указание городским властям: «В Петрограде свирепствует какая-то эпидемия братств, духовных кружков, подготовительных религиозно-схоластических школ. Духовенство обрабатывает этим путем молодежь...»⁴²⁹

Вскоре последовали репрессии. Петроградское ГПУ сфабриковало следственное «дело о братствах», по которому в течение июня 1922 г. был арестован 31 человек: монахи, священники, братчики и простые миряне. Их допрашивали и об отношении к изъятию церковных ценностей, неприятии обновленцев. В итоге дело «о принадлежности к нелегально организованным братствам» явно не получилось. Но их руководители — 6 человек — все же были 4 января 1923 г. осуждены на 2 года ссылки⁴³⁰.

Этими репрессивными и последующими административными мерами властям удалось покончить в Петрограде с легальной деятельностью приходских братств. Отныне они могли существовать только полуподпольно, что и делали вплоть до начала 1930-х гг. Хотя большинство из 20 существовавших в городе приходских братств в 1922—1923 гг. в результате репрессий прекратили свое существование, оставшиеся продолжали оказывать заметное влияние на церковную молодежь. Кроме того, появились новые виды объединений мирян — внеприходские братства, состоявшие из представителей интеллигенции и молодежи, ставившие перед собой исключительно просветительные цели.

Не прекратило свою деятельность и упоминавшееся Александро-Невское братство, объединявшее 70—100 человек. Оно вело тайные занятия Законом Божиим с детьми и заботилось о религиозном воспитании молодежи, главным образом при помощи бесед. По свидетельству Н. Мещерского, — «наиболее религиозно настроенные члены братства организовали монашеские общежития, целью которых было подготовить себя и жить иноческой жизнью, оставаясь в миру». Первые две общины сестер были созданы осенью 1922 г. — в г. Старом Петергофе и в Петрограде, на Конной ул., д. 8, затем возникли еще несколько небольших общин. Особенно активно в 1920-е гг. проводились тайные постриги⁴³¹. Кроме того, Александро-Невское братство в определенном смысле представляло собой звено в сети нелегальных религиозно-философских кружков и обществ, существовавших в это время в северной столице. Оно имело в своем составе особый философский кружок во главе с архимандритом Варлаамом (Сацурдотским). Кроме того, некоторые братчики вхо-

дили в состав других подобных кружков и обществ или поддерживали с ними непосредственный контакт.

Необходимо отметить, что уже в период НЭПа небольшая часть церковной молодежи занималась нелегальной деятельностью. Первые тайные общины возникли в Русской Православной Церкви еще в годы Гражданской войны. Но таких общин в 1920-е гг. существовало очень немного. В нелегальных организациях тогда почти не было представлено зарегистрированное в специальных столах духовенство. Поэтому молодежь, входившая в эти организации, была в основном опосредованно связана с Церковью.

К подпольной деятельности можно отнести и получение нелегального богословского образования. Официально действующих духовных школ не хватало, и желающие получить соответствующее образование занимались тайно по кружковому принципу, постепенно переходя от низших к более высоким ступеням. Небольшие кружки в 3—5 человек собирались один-два раза в неделю на квартире одного из участников или руководителей и проходили определенный курс знаний по намеченной программе. Начинали изучать, как правило, Священное Писание. Таким образом, готовились и кадры миссионеров. Провалы и аресты случались редко.

Широко участвовала церковная молодежь в оказании разнообразной помощи ссыльным священнослужителям — материальной и моральной. Зачастую это сопровождалось нелегальными поездками к ним в места ссылки. Тайно распространялись рукописные послания отбывавших срок заключения архиереев, различные церковные документы и сообщения.

С подпольной деятельностью церковной молодежи отчасти было связано существование нелегальных религиозно-философских организаций. 1920-е гг. вошли в историю как время духовных поисков российской интеллигенции, наиболее ярко они проявились в Петрограде (с 1924 г. Ленинграде), остававшемся в период НЭПа интеллектуальным и церковным центром страны. Официальное существование организаций, объединявших христиански настроенную интеллигенцию, было уже невозможно, и практически все они находились на нелегальном положении. Среди действовавших в Петрограде в 1920-х гг. полутора десятков тайных религиозно-философских обществ и кружков самым значительным было «Воскресенье», а также «Братство Святого Серафима Саровского».

Первое из них возникло в декабре 1917 г. из членов бывшего Религиозно-философского общества. В «Воскресенье» (получившее это название в конце 1919 г.) вошли в основном сотрудники Публичной библиотеки и Академии наук: философы А.А. Мейер и Г.П. Федоров, бывший министр исповеданий Временного правительства А.В. Карташев, историк-краевед Н.П. Анциферов, ближайший друг А. Блока литератор Е. Иванов и др. В 1918 г. общество даже выпустило два номера журнала «Свободные голоса», под редакцией А. Мейера и Г. Федотова. Основные члены общества активно работали в Вольной философской ассоциации до ее закрытия⁴³².

По свидетельству историка В.В. Бахтина, в 1923 г. в «Воскресенье» был выработан идеологический манифест, содержание которого сводилось «к следующему: религиозность, свобода и интерес к социальному движению». В целом А.А. Мейер стремился к соединению элементов марксизма и христианства, разделяя принципы христианского социализма. После отъезда Федотова в начале 1925 г. во Францию Мейер попытался перестроить и расширить работу общества с целью активизации борьбы с атеизмом. Однако несколько приглашенных на собрания «Воскресенья» известных церковных деятелей, в том числе протоиерей Федор Андреев, «не подошли».

В начале декабря 1928 г. общество разработало новое положение («символ веры») из 12 пунктов, в котором говорилось, что в «Воскресенье» «могут состоять люди без

различия вероисповеданий, признающие церковь, кому дорога свобода и Христос», но при этом исключались «политически реакционные люди», то есть не либералы. Вводились церковные молитвы и ставились конкретные задачи: «выработка религиозного и общего мировоззрения и поднятие культурного уровня церковных людей» и «противодействие антирелигиозной пропаганде»⁴³³.

На регулярных собраниях членов общества, проходивших по воскресеньям, присутствовало в общей сложности около 150 человек — историки, философы, филологи, сотрудники библиотек и архивов, художники, музыканты и т.д. Значительная часть их училась или закончила Петроградский богословский институт. Первоначально воскресенцы находились под сильным влиянием социалистических идей, но затем поиски путей религиозного возрождения привели их к сближению с Церковью, особенно в 1925—1928 гг. С «Воскресеньем» так или иначе были связано еще 10 религиозно-философских кружков, пять из которых прямо или косвенно возглавлялись А. Мейером или его сподвижниками. Общество было разгромлено ОГПУ в декабре 1928 г.⁴³⁴

Другое подобное тайное общество — «Братство Святого Серафима Саровского» возглавлял Н.М. Андреевский — филолог, психиатр, будущий известный историк Русской Церкви, профессор Свято-Троицкой духовной семинарии РПЦЗ в США. Члены общества регулярно собирались на квартире Андреевского, постепенно их число достигло 33—34 человек. Постоянными посетителями являлись профессор Политехнического института С.А. Алексеев-Аскольдов, бывший ранее председателем другого философско-религиозного кружка в Петрограде, известный профессор-психиатр В.Н. Финне, священник Всеволод Ковригин, лингвист И.Е. Аничков и др., но подавляющее большинство составляла студенческая молодежь. Во время собраний читались лекции, доклады, устраивались диспуты. Общество носило характер религиозно-философского объединения людей, ищущих удовлетворения своих духовных запросов. В феврале 1928 г. оно также было разгромлено ОГПУ⁴³⁵.

Сходным по составу (его заседания посещала часть людей, входивших в организацию Н. Андреевского) был студенческий кружок, носивший название «Космическая Академия наук». Он состоял из 8 членов, в том числе будущего знаменитого академика Д.С. Лихачева, художника-карикатуриста В.Т. Ракова, поэта А.С. Тереховко и др. Молодые люди занимались изучением философии и логики, писали стихи, читали доклады, ходили на лекции в другие подобные кружки. Большинство членов активно интересовалось религией. Их арестовали 8 февраля 1928 г. и приговорили к 5 годам заключения⁴³⁶. Весной 1928 г. ОГПУ разгромило также тайный религиозно-философский кружок А.П. Обновленного «Братство Иоанна Лествичника» и религиозно-литературный кружок поэта Г.Г. Тайбалина⁴³⁷.

Существовавшие в 1920-е гг. религиозно-философские кружки, общества и братства можно разделить на экуменическо-либеральные (стоявшие на общехристианских позициях) и церковно-славянофильские. Но и те, и другие в религиозно-культурном отношении были оппозиционны советскому режиму и оказывали определенное влияние на общественное сознание. Их разгром изменил духовную атмосферу и в значительной степени на десятилетия прервал диалог науки и религии.

С начала 1924 г. Патриарх Тихон стал добиваться приема у высших государственных руководителей, чтобы донести до них озабоченность состоянием отношений Церкви и государства. Несмотря на противодействие ряда ответственных лиц в ЦК РКП(б) и Совнарком, в марте он сумел пробиться на беседу к М.И. Калинину и А.И. Рыкову. Особенно благожелательно к нуждам Православной Церкви отнесся председатель Совнаркома А. Рыков. Он обещал помочь в уменьшении налогов с храмов и духовенства, освобождении из ссылки, заключения ряда иерархов, уменьшить давление на религиозные организации со стороны властей и т.д.⁴³⁸

В то время отнюдь не ставилась задача расправиться с религией «железной рукой пролетариата в два счета». Более того, установился, хотя и не надолго, период сравнительно спокойных отношений властей с церковными организациями, своеобразный «религиозный НЭП». Это было вызвано необходимостью обеспечить экономическую и политическую стабильность в стране, укрепить «смычки» города с деревней, преимущественно религиозной, наладить внешнеполитические связи.

Инициатором и проводником более мягкого курса являлась группа сторонников Н. Бухарина, некоторое время доминировавшая в партийном руководстве. Она считала возможным даже идти по ряду вопросов на сотрудничество с церковными организациями. Так, на XIII съезде ВКП(б) в мае 1924 г. по предложению М. Калинина было принято решение оказать материальную помощь религиозным сельскохозяйственным кооперативам. В другой резолюции съезда говорилось: «Необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными вроде закрытия церквей... Особо внимательно необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения...»⁴³⁹

21 марта 1924 г. Президиум ЦИК СССР принял специальное постановление о прекращении дела по обвинению в антисоветских преступлениях Патриарха Тихона и ряда привлеченных вместе с ним к суду иерархов. Суд над Первосвященником, как этого ни добивались «борцы с религией», так и не состоялся. Однако при этом остался в силе циркуляр Наркомата юстиции № 254 от 8 декабря 1923 г., запрещавший публичное возношение за богослужениями имени Патриарха, что рассматривалось «как деяние, носящее характер явной политической демонстрации против рабоче-крестьянской власти». В разъяснении Наркомата по этому поводу говорилось, что «постановление ЦИК СССР по делу гр. Беллавина основано на праве частной амнистии, а не на отсутствии состава преступления в действиях гр. Беллавина вообще, а потому нет никакого основания считать, чтобы циркуляр № 254 утратил силу»⁴⁴⁰.

25 августа 1924 г. при Председателе ВЦИК для рассмотрения дел и жалоб по религиозным вопросам (на решения губисполкомов о закрытии храмов, расторжении договоров с приходскими советами и т.д.) был организован Секретариат по делам культов, что давало определенную возможность для урегулирования церковно-государственных отношений⁴⁴¹.

В начале 1925 г., в связи с участвовавшими приступами стенокардии, Патриарх переехал в клинику доктора Бакунина на Остоженке, откуда продолжал при помощи своих сподвижников, и прежде всего митрополита Крутицкого Петра, управлять Церковью, а также, когда позволяло состояние здоровья, выезжать для совершения богослужений в храмах Москвы и возглавления архиерейских хиротоний.

Даже в условиях тяжелой болезни Патриарх Тихон не оставлял усилий к поиску возможностей для созыва Собора и образования церковного управления, признанного гражданской властью. 28 февраля он официально обратился в НКВД с ходатайством о регистрации Временного Патриаршего Священного Синода из числа приглашенных семи иерархов «впредь до созыва, на что будет испрашено разрешение Советской власти, Всероссийского Собора и до избрания на последнем как исполнительного органа, так и членов оного» (ходатайство не было удовлетворено, в частности, потому, что соответствующими гражданскими узаконениями не предусматривалась временная регистрация исполнительного органа религиозного общества до съезда (собора) данного общества)⁴⁴².

В этом же свете, возможно, следует рассматривать и послание Патриарха к Церкви, подписанное в день его кончины 7 апреля 1925 г. и при опубликовании в газетах

неправомерно получившее название «Предсмертное завещание». В нем указывалось: «...Не погрешая против нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее...»⁴⁴³

Правда, подлинность этого документа многими представителями духовенства и верующих ставилась под сомнение. Смерть Патриарха явилась большой и невосполнимой утратой для Православной Церкви. 12 апреля он был торжественно захоронен в московском Донском монастыре. В тот же день 59 иерархов, прибывших на погребение Первосвятителя, ознакомившись с завещанием Патриарха Тихона о Местоблюстителе, подписали заключение о вступлении в эту должность митрополита Крутицкого Петра (Петра Федоровича Полянского)⁴⁴⁴. Многие историки считают, что, выполняя определение Поместного Собора, Патриарх Тихон еще в 1918 г., составляя завещание о своих Местоблюстителях на чрезвычайный случай, среди других указал и имя П.Ф. Полянского, тогда еще мирянина.

25 апреля 1920 г. Патриарх с сонмом иерархов совершил хиротонию принявшего монашеский постриг о. Петра во епископа Подольского, викария Московской епархии. В 1923 г. Владыка Петр стал архиепископом Крутицким, а в 1924 г. был возведен в сан митрополита. После ссылки архиепископа Илариона (Троицкого) на Соловки в ноябре 1923 г. митрополит Петр становится самым близким сотрудником Патриарха. Он участвовал в составлении Патриарших посланий, предпринимал энергичные усилия по налаживанию церковной жизни. Последняя встреча двух иерархов состоялась за два часа до кончины Святейшего Тихона, когда митрополит Петр уехал от него с подписанным Первосвятителем воззванием к пастве⁴⁴⁵.

Первым шагом митрополита Петра на посту Патриаршего Местоблюстителя было распространение предсмертного воззвания Патриарха, в котором излагалась позиция Церкви по вопросу отношений с государством, а также взгляд Первосвятителя на перспективы церковного строительства. Для этого Владыка Петр вместе с митрополитом Уральским Тихоном 14 апреля 1925 г. передал воззвание редакции газеты «Известия» для публикации.

На следующий день обновленческий Синод выступил с обращением по поводу кончины Патриарха, где призывал Патриаршую Церковь объединиться с обновленцами на их соборе, намеченном на осень 1925 г.⁴⁴⁶. Становилось ясно, что с кончиной Патриарха обновленцы усилили попытки подчинить всю Церковь своему влиянию. Тогда же митрополит Петр и находившиеся в Москве «тихоновские» архиереи ответили категорическим отказом на предложения обновленцев о переговорах. Об этом Патриарший Местоблюститель еще раз со всей определенностью заявил в своем послании Церкви от 28 июля 1925 г., в котором предостерегал православных от каких бы то ни было переговоров с обновленцами.

К ноябрю 1925 г. над митрополитом Петром стали сгущаться тучи. Его переговоры с Е.А. Тучковым об условиях легализации Церкви и органов ее управления зашли в тупик. Патриарший Местоблюститель счел неприемлемым предложенный ему порядок, согласно которому община, священнослужитель и епископ подлежали обязательной регистрации в органах власти, что, по его мнению, явилось бы недопустимым вмешательством во внутренние дела Церкви. К этому времени против митрополита Петра начались выступления в советской печати⁴⁴⁷.

5 декабря 1925 г. Владыка Петр составил завещание, согласно которому в случае своей кончины передавал Местоблюстительство митрополиту Кириллу или митропо-

литу Агафангелу, а при невозможности для кого-то из них воспринять полномочия, — митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому) или же митрополиту Нижегородскому (с 1923 г.) Сергию (Страгородскому). А на следующий день митрополит Петр написал распоряжение, согласно которому на случай своего ареста в качестве временных заместителей он указал митрополита Сергия, митрополита Киевского Михаила или же архиепископа Ростовского Иосифа (Петровых) — тогда временного управляющего Новгородской епархией, с сохранением обязательного возношения за богослужениями имени митрополита Петра⁴⁴⁸.

10 декабря 1925 г. митрополит Петр был арестован, тогда же подверглись аресту и близкие к нему иерархи, проживавшие в Москве. 14 декабря на имя викария Московской епархии епископа Гавриила пришло письмо из Нижнего Новгорода, в котором митрополит Сергей (Страгородский) просил уведомить архиереев о его вступлении в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя по поручению митрополита Петра⁴⁴⁹.

Дальнейшая судьба Владыки Петра сложилась трагично. 9 июля 1927 г. он был приговорен к ссылке за Полярный круг в поселок Хэ на Обской губе, затем — в 1930 г. последовало одиночное заключение в Тобольске и Екатеринбурге без права передач и свиданий. Весной 1931 г. Е.А. Тучков сделал ему предложение о сотрудничестве с гражданскими властями в роли осведомителя в обмен на свободу. Тяжелейшие условия концлагеря — цинга, голод, отсутствие прогулок, ухода и элементарных бытовых условий, необходимых для жизни человека, — не сломили Владыку. Позднее в одном из своих прошений он так упоминал об этом: «Расстроенное здоровье и преклонный возраст не позволили бы мне со всею серьезностью и чуткостью отнестись к роли осведомителя, взяться за которую мне предлагал тов. Е.А. Тучков. Нечего и говорить, что подобного рода занятия несовместимы с моим званием и к тому же несходны моей натуре». Непокорному иерарху постоянно продлевались сроки заключения, а 10 октября 1937 г. он был расстрелян⁴⁵⁰.

Вскоре после ареста митрополита Петра положение в Русской Церкви существенно осложнилось. Власти не дали митрополиту Сергию разрешения на выезд в Москву. Между тем по плану, разработанному ОГПУ, группа из 9 архиереев (впоследствии к ним присоединилось еще несколько человек) во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским), в их числе был также взявший на себя управление Московской епархией епископ Можайский Борис (Рукин), без воли Патриаршего Местоблюстителя и его заместителя образовала 22 декабря 1925 г. т.н. Временный высший церковный совет (ВВЦС), который вскоре получил официальное признание со стороны государственных органов⁴⁵¹. Таким образом, в Русской Церкви появилась опасность нового раскола. Митрополит Сергей, не имея возможности приехать в Москву, приступил к исполнению своих обязанностей из Нижнего Новгорода.

14 января 1926 г. он отправил послание на имя архиепископа Григория с протестом против создания самочинного ВВЦС и угрозой предать его участников церковному суду. В ответном письме архиепископ Григорий предложил митрополиту Сергию компромисс, утверждая, что «коллективная ответственность» за Церковь лучше единоличной, и предлагая принять участие в ВВЦС. Владыка Сергей ответил категорическим отказом и 29 января известил архиепископа Григория и единомысленных с ним епископов о предании их церковному суду.

Но григориане не сдавались, с разрешения властей они 1 февраля посетили в тюрьме митрополита Петра и, введя в заблуждение последнего, добились резолюции об отстранении митрополита Сергия от заместительства якобы «ввиду невозможности управлять Церковью». Временное же управление передавалось коллегии из архиепископов Владимирского Николая, Томского Димитрия и Екатеринбургского Гри-

гория⁴⁵². При этом необходимо отметить, что григориане пошли на подлог, скрыв от Патриаршего Местоблюстителя факт невозможности для первых двух иерархов приступить к своим обязанностям. Впрочем, митрополит Сергей отказался подчиниться этой резолюции, сославшись на ее условность и на неосведомленность митрополита Петра о состоянии текущих церковных дел.

Между тем иерархи и клирики, а также церковные общины начали выражать митрополиту Сергию свою поддержку в его борьбе с григорианами. Некоторые из деятелей ВВЦС также стали осознавать ошибочность своей позиции и приносить покаяние заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Первым еще в феврале 1926 г. это сделал епископ Переяславский Дамиан (Воскресенский), оказавшийся фактическим преемником митрополита Сергея по управлению Владимирской епархией. Этот процесс продолжался и далее. Григориане предприняли несколько безрезультатных попыток склонить к сотрудничеству с ними иерархов, пользовавшихся авторитетом в церковном обществе. Так, в апреле 1926 г. архиепископ Иларион (Троицкий) был переведен из Соловков в ярославскую тюрьму, где сотрудники ГПУ пытались склонить его к признанию ВВЦС, однако эти усилия оказались тщетными, и Преосвященный Иларион был вновь отправлен на Соловки. Узнав к концу 1926 г. о действительном положении церковной жизни, Владыка Петр также осудил раскольников и выразил поддержку митрополиту Сергию. В письме к нему Патриарший Местоблюститель одобрил действия своего заместителя и аннулировал ВВЦС⁴⁵³.

В итоге этот орган не получил сколько-нибудь широкого церковного признания, и григориане оказались перед лицом полного провала. Пытаясь спасти свое положение, они на совещании, проходившем в занятом ими помещении в Донском монастыре, 11—13 мая 1927 г. приняли программу своего второго съезда, намеченного на ноябрь, и разослали во все епархии приглашения принять епископам — «староцерковникам» с представителями от клира и мирян участие в этом мероприятии, которому они надеялись придать авторитет Поместного Собора. Но призыв оказался безрезультатным, в некоторых епархиях архиереи выступили с обращением к пастве не поддаваться посулам похитителей церковной власти. Съезд получился довольно малочисленный. С 1928 г. григорианское движение резко сошло на нет, и, формально продолжая существовать еще около десятилетия, практически не оказывало влияния на ход церковной жизни⁴⁵⁴.

В 1926 г. возник еще один, спровоцированный ОГПУ внутрицерковный конфликт. В апреле этого года из пермской тюрьмы был выпущен митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), который обратился 18 апреля с посланием о вступлении в права Местоблюстителя на основании Патриаршего завещания. Митрополит Петр, находясь под следствием, письмами к Владыке Агафангелу от 20 и 23 апреля снял с себя обязанности Первоиерарха: «Я, Петр, митрополит Московский, находясь в заключении, передаю этим документом права Патриаршего Местоблюстительства Вашему Высокопреосвященству, а от митрополита Сергея права... я отнимаю, с тем, чтобы он, митрополит Сергей, выдал немедленно советской власти свой письменный отказ от прав Патриаршего Местоблюстителя. Для сей цели прошу советскую власть предъявить митрополиту Сергию все стенографические документы о передаче митрополиту Сергию мною прав Патриаршего Местоблюстителя только на определенное время, а не навсегда. Прошу Ваше Высокопреосвященство милостивого государя приехать в Москву и занять мою квартиру в Сокольниках»⁴⁵⁵.

22 мая 1926 г. митрополит Петр письменно приветствовал вступление Владыки Агафангела в должность Патриаршего Местоблюстителя: «С любовью и благожелательностью приветствую это Ваше вступление... О настоящем моем решении благоволите сообщить митрополиту Сергию. С разрешения властей я сообщил своему ке-

лейнику Григорию Лихоманову о предоставлении Вашему Высокопреосвященству в моей квартире нижнего этажа, верхние же две комнаты я оставляю за собой». В свою очередь митрополит Сергей сообщил митрополиту Агафангелу, что он обменялся письмами с митрополитом Петром и, по его словам, получил от Владыки Петра ответ, что лично с него, митрополита Сергия, митрополит Петр должности своего заместительства как (теперь уже) одного из претендентов на Местоблюстительство, не снимает⁴⁵⁶.

На этом основании между Владыками Агафангелом и Сергием завязалась переписка, в которой митрополит Агафангел, в частности, писал митрополиту Сергию: «5/18 Мая после всестороннего обсуждения вопроса о моих правах Вы при свидетелях определенно изъявили согласие передать мне права, дела, управление, обещаясь известить иерархов об этой передаче; все это зафиксировано стенограммой; результаты мною сообщены многим; сделаны некоторые предварительные распоряжения. Теперь Вы, к удивлению моему, отказываетесь от передачи и тем готовите новую смуту. Вынужден буду сделать решительный шаг, опубликовав через особое послание результаты нашего соглашения и Ваш последующий отказ. Всякую ответственность за последствия с себя снимаю»⁴⁵⁷.

После этого послания митрополит Сергей всячески уклонялся от личных встреч и бесед с митрополитом Агафангелом. Заместитель Местоблюстителя получил поддержку своих действий от подавляющего большинства архиереев Московского Патриархата, которые считали, что митрополит Агафангел был специально освобожден ОГПУ и находится под контролем этой организации.

В результате 13 июня 1926 г. Владыка Сергей направил митрополиту Агафангелу письмо, в котором назвал незаконным и неканоничным право последнего на Местоблюстительство патриаршего Престола. Хотя кандидатура митрополита Агафангела была избрана покойным Патриархом как первенствующая по отношению к митрополитам Петру и Кириллу и по выходе из заключения он списался с митрополитом Петром и с его благословения принял преемство, митрополит Сергей представил дело так, будто претензии митрополита Ярославского являются делом его собственных интриг и стремления к власти: «Вы объявили себя Местоблюстителем при живом законном Местоблюстителе, то есть совершили деяние, влекущее за собою даже лишение сана... Я испрашивал мнения архиереев, — можно ли в случае Вашего неподчинения ограничить подсудную меру только временным устранением Вас от управления епархией или необходимо запретить в священнослужении». Видя, что подобная борьба ведет к дальнейшему ослаблению Церкви, митрополит Агафангел отказался от своих прав «ради мира Церковного»⁴⁵⁸.

10 июня 1926 г. митрополит Сергей подал заявление в НКВД с просьбой о легализации церковного управления с приложением проекта обращения к всероссийской пастве. В этом проекте, наряду с заверением в лояльности церковного управления и подведомственного ему духовенства советскому правительству в гражданской области, заместитель Патриаршего Местоблюстителя отметил следующий момент, являющийся ясным отражением церковного сознания: «Мы не можем обойти молчанием противоречия, существующие между нами, православными, и коммунистами, управляющими Союзом. Их целью является борьба против Бога и Его Царствия в сердце народа, в то время как мы усматриваем смысл и цель нашего существования в исповедании веры в Бога и в распространении и укреплении этой веры в сердцах людей. Не обещая примирения того, что непримиримо, и не пытаюсь приспособить нашу веру к коммунизму, мы с религиозной точки зрения остаемся теми, кем мы являемся: членами традиционной Церкви. Прогресс Церкви мы понимаем не приспособлении Ее к «современным требованиям», не в ампутации Ее идеалов, не в изменении Ее пра-

вил и учения, но в успехе наших действий, стремящихся вновь зажечь и сохранить в чистоте в сердцах наших верующих при нынешних условиях жизни Церкви и при нынешних обстоятельствах тот же огонь веры и любви Божией, а также научить верующих и в зените материального прогресса верно понимать смысл жизни, несмотря на обстоятельства»⁴⁵⁹.

Тогда эта просьба не была удовлетворена. А 30 ноября 1926 г. митрополит Сергей был арестован и заключен в московскую тюрьму. В это время его последовательно замещали: митрополит Иосиф (Петровых), назначенный в августе 1926 г. по просьбам верующих на Ленинградскую кафедру (указан как один из заместителей Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Петром в его распоряжении от 9 декабря 1925 г.), а затем архиепископ Углический Серафим (Самойлович) — с 29 декабря 1926 по 11 мая 1927 г.⁴⁶⁰.

27 марта 1927 г. митрополит Сергей был освобожден из заключения. Через полтора месяца он получил возможность принять от архиепископа Серафима церковное управление. 10 мая заместитель Патриаршего Местоблюстителя послал ходатайство в НКВД о разрешении ему на управление Церковью, а 13 мая созвал в Москве совещание, на котором присутствовало еще шесть приглашенных архиереев, чье участие в церковном управлении представлялось ему «возможным и полезным». Из них был образован Временный Патриарший Священный Синод при заместителе Патриаршего Местоблюстителя, полномочия которого проистекали из полномочий последнего⁴⁶¹. К работе в Синоде был также приглашен и находившийся тогда в Ташкенте митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий), который, впрочем, в Москву не прибыл. В дальнейшем Синод состоял из 12 архиереев, являвшихся его членами путем приглашения.

20 мая административный отдел НКВД сообщил митрополиту Сергию, что «препятствий к деятельности этого органа впредь до утверждения его не встречается» (Синод был утвержден в августе). 25 мая состоялось первое официальное заседание Священного Синода, а через два дня по епархиям было разослано постановление, в котором правящим архиереям предлагалось организовать при себе временные (до избрания постоянных) епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. При викарных епископах предписывалось учреждать благочиннические советы. Так было положено начало работе по созданию на «законных основаниях» всей церковно-административной структуры Патриархата⁴⁶². Однако проведение Поместного Собора и выборы Патриарха власти в то время так и не разрешили.

Если на территории СССР в 1920-е — 1930-е гг. провести Собор оказалось невозможно, то за границей в среде русской церковной эмиграции соборная традиция получила определенное продолжение. 21 ноября 1921 г. на территории Югославии в Сремских Карловцах состоялось первое заседание Общецерковного заграничного собрания, переименовавшего себя вскоре в Русский Всеамериканский Церковный Собор. В его состав вошли почти все оказавшиеся за рубежом русские архиереи и члены Поместного Собора 1917—1918 г., а также делегаты от приходов, эвакуированной армии и монашествующих. Карловацкий Собор образовал Высшее церковное управление (в составе Архиерейского Синода и Высшего церковного совета). Однако он, помимо церковной, занялся и чисто политической деятельностью, обратившись к чадам Русской Церкви с призывом о восстановлении монархии в России. Это стало одной из причин постановления органов Высшего церковного управления под председательством Патриарха Тихона от 5 мая 1922 г. о признании Карловацкого Собора не имеющим канонического значения.

В дальнейшем в эмиграции неоднократно проходили Архиерейские Соборы, а в августе 1938 г. в Сремских Карловцах состоялся так называемый II Русский Всеагра-

ничный Собор с участием епископов, клириков и мирян, на котором, правда, была представлена далеко не вся церковная эмиграция. Отделение Русской Православной Церкви за границей от Московского Патриархата произошло в конце 1927 г. и связано это было с курсом церковной политики заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

29 июля митрополитом Сергием совместно с членами Временного Священного Синода было выпущено «Послание к пастырям и пастве» (т. н. «Декларация 1927 г.»), в которой, обращаясь ко всем верующим, заявлялось: «Нам нужно не на словах, а на деле доказать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи...»⁴⁶³

Уже в «Декларации» некоторых православных задела слова, расцененные как свидетельство перехода с позиций лояльности и аполитичности на позицию внутренней духовной солидарности с властью. В сентябрьском, 1927 г. отзыве на нее заключенных на Соловках епископов говорилось: «Мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и Государства»⁴⁶⁴.

Сам митрополит Сергей после долгих колебаний избрал путь сотрудничества с властями ради преемственности «законного» Православия. Ведь, как не без оснований писал американский протоиерей Иоанн Мейендорф: «Согласиться на упразднение патриаршего “центра” означало передачу монополии “легализованной” церковности обновленческому “Синоду” (признанному Восточными Патриархами!!!), который постепенно получил бы пользование всеми открытыми церквями. Но сохранение Патриаршего управления предполагало государственный контроль»⁴⁶⁵.

Следует отметить, что к весне 1927 г. политика ОГПУ по ликвидации единого центра Патриаршей Церкви была близка к успеху. Шантажируемый угрозой ареста всей православной иерархии, в обмен на «легализацию» Патриархата, митрополит Сергей согласился выполнить основные требования властей и прежде всего допустить их вмешательство в кадровую политику: проведение епископских хиротоний с согласия ОГПУ, перемещение архиереев по политическим мотивам и т.п.

Митрополит Сергей при всей своей дальновидности и осмотрительности ошибся в расчете на то, что его уступки позволят свернуть репрессии священнослужителей. Однако в свете событий последующего десятилетия, когда встал вопрос уже не о подчинении, а полном уничтожении православия в стране, компромиссная позиция заместителя Патриаршего Местоблюстителя, позволившая хотя бы частично сохранить Церковь, представляется во многом оправданной. Но для значительной части духовенства и мирян она оказалась неприемлемой ни при каких обстоятельствах.

В Патриаршей Церкви произошли новые разделения. Далеко не все верующие одобрили курс митрополита Сергия. В 1927—1928 гг. появилось довольно значительное течение так называемых «непоминающих» (за богослужением заместителя Патриаршего Местоблюстителя и государственные власти). Как и сторонники митрополита Сергия, «непоминающие» свои надежды во многом возлагали на будущий Всероссийский Собор, который разрешит все разногласия. Апеллировали они и к авторитету Поместного Собора 1917—1918 гг. Так, одним из основных требований всех «непоминающих» было отстаивание соборного постановления от 15 августа 1918 г. о свободе политической деятельности членов Церкви.

В конце 1920-х гг. заканчивался период неопределенности, когда судьба русского Православия еще находилась на распутье. Теперь наступала развязка многолетнего трагического конфликта Церкви и Советского государства.

§ 4. На краю гибели

С рубежа 1928—1929 гг. началось существенное изменение всего курса политики по отношению к религиозным организациям в СССР. Период относительно спокойных контактов с ними сменился длительной полосой крайне воинственного, нетерпимого отношения к Церкви. Это было связано с принятием общего курса руководящей группы ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным на свертывание НЭПа, насильственную коллективизацию, обострение классовых отношений в городе и деревне и т.д. В период ликвидации нэпманов, кулачества власти обрушились и на Церковь, усматривая в ней инструмент эксплуататорских классов, охранителя старого. Следует отметить, что хотя высшие государственные органы в 1930-е гг. и не ставили задачу полного искоренения религии в стране, некоторые влиятельные общественные организации («Союз воинствующих безбожников») и местные власти эту цель, несомненно, преследовали⁴⁶⁶.

Первые крупные вехи нового курса пришлось на весну 1929 г. 8 апреля ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли закон «О религиозных объединениях», который с некоторыми изменениями несколько десятилетий являлся основой советского законодательства о культах. Вскоре аналогичные постановления были приняты и в других союзных республиках. Согласно этим законам, вся жизнь религиозных организаций окончательно ставилась под контроль государства. В мае XIV Всероссийский съезд Советов изменил 4-ю статью Конституции РСФСР — вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» теперь дозволялась лишь «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». В июне на II съезде «Союза воинствующих безбожников» (СВБ) прозвучал лозунг — «борьба с религией есть борьба за социализм», говорилось о необходимости объявления «безбожной пятилетки»⁴⁶⁷.

Изменение курса религиозной политики привело к ликвидации Комиссии по проведению отделения церкви от государства, которая во второй половине 1920-х гг. и так постепенно теряла свое влияние. Она становилась лишней, так как антирелигиозную пропаганду взял на себя «Союз воинствующих безбожников», инсценировавший массовое антирелигиозное движение, административной же работой занялись структуры окрепшего советского аппарата. 8 апреля 1929 г. была образована во многом параллельная Центральная постоянная комиссия по вопросам культов при ВЦИК. Постепенное оттеснение Антирелигиозной комиссии от реальной церковной политики проявилось, в частности, в том, что в 1928—1929 гг. на ее заседаниях не обсуждалась активная деятельность «правой» оппозиции заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию.

Комиссия по проведению отделения церкви от государства была распущена решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г., при чем это решение было неожиданным для самих членов комиссии. На последнем ее заседании, посвященном вопросам, связанным с начинавшейся коллективизацией и кампанией снятия колоколов, секретарю Е.А. Тучкову было поручено подготовить доклад о положении Русской Православной Церкви. По мнению составителей сборника, роспуск комиссии мог быть связан и с повсеместным вытеснением старых большевиков в процессе установления сталинского господства, так как уже тогда создавались условия для большого террора конца 1930-х гг.⁴⁶⁸

В рамках новой жесткой политики, прежде всего в связи с разжиганием классовой борьбы в деревне, была предрешена участь монашеских коммун, артелей и монашества в целом, как «социальных институтов, чуждых социалистическому образу жизни». В советской прессе стали появляться сообщения о том, что обитатели некоторых монастырей вели антисоветскую пропаганду среди окрестных крестьян, настраивая их против колхозов. По стране прокатилась новая волна закрытия и разрушения православных храмов и обителей⁴⁶⁹.

Так, уже 28 марта 1928 г. ОГПУ послало в Ленинградское земельное управление документы, тенденциозно негативно характеризующие хозяйственную и общественную деятельность монастырских сельскохозяйственных коммун и артелей области и потребовало их ликвидации⁴⁷⁰. И вскоре она началась. Первой в июне—августе была ликвидирована артель «Женская Воскресенско-Покровская община», возглавлявшаяся игуменьей Евфросинией (Арсеньевой), при бывшем Нежадовском монастыре в Плюсском районе Лужского округа⁴⁷¹. О ней даже появилась специальная брошюра «Черный колхоз». В 1928 г. окончательно ликвидировали Вохановский монастырь в Гатчинском районе, а в 1930 г. — Пятогорский в Волосовском районе, Череменецкий в Лужском и Николо-Беседный в Тихвинском районах. 14 сентября 1930 г. президиум Леноблисполкома принял решение о передаче трех церквей Троице-Сергиевой пустыни в пользование школы вооруженной охраны и т.д.⁴⁷² Начали закрывать и церкви при бывших подворьях, которые продолжали обслуживаться живущими при них иноками. Так, осенью 1930 г., после роспуска «колхоза Творожковского монастыря» в Гдовском районе, закрыли Творожковскую церковь в Ленинграде. 11 декабря 1930 г. президиум Совета Центрального городского района Ленинграда постановил закрыть «церковь домового типа — Иоанна Богослова» (при подворье Череменецкого монастыря) и «ликвидировать существующий в этом доме монашеский ЖАКТ» и т.д.⁴⁷³

В 1929 г. в Москве подверглись разрушению национальные русские святыни — кремлевские Чудов и Вознесенский монастыри, а также Сретенский, Никитский, были ликвидированы кладбища Алексеевского, Андроникова, Данилова, Симонова и Новоспасского монастырей⁴⁷⁴. В следующем году был закрыт последний из монастырей Москвы — Даниловский.

С 1928 г. в СССР начала осуществляться массовая ликвидация церквей «силовым порядком» и не домовых, как раньше, а теперь уже приходских. Если в 1927 г. в России было закрыто 134 молитвенных здания, то в 1928 г. — 542, а в 1929 г. — 1000⁴⁷⁵. Осенью этого года в инструкции местным органам НКВД и советским работникам указывалось на необходимость активизации борьбы на «религиозном фронте».

Начало 1930 г. характеризовалось продолжением натиска. 29 января на заседании исполнительного бюро Центрального Совета СВВ был принят план первой «безбожной пятилетки», по которому, в частности, предполагалось довести число членов организации до 10 миллионов. 6 февраля незадолго до этого созданная Комиссия по вопросам культов при ВЦИК решила, что процедура закрытия церквей подлежит упрощению, по сравнению с законом от 8 апреля 1929 г. Теперь право окончательного решения вопроса по большинству случаев было передано областным и краевым советам. Наконец, 11 февраля ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», в котором правительствам союзных республик предлагалось при регистрации органов центрального управления этих объединений исключать из них кулаков, лишенцев и иных «враждебных советской власти» лиц⁴⁷⁶.

К весне 1930 г. ситуация в религиозном вопросе стала критической. Гонения властей вызывали массовые выступления в деревнях, кое-где, в частности, в Псковском округе, происходили вооруженные столкновения с верующими. Все это самым неблагоприятным

поприятным образом сказывалось на создании колхозов. Неудачи в колхозном движении вызвали появление известной статьи И. Сталина «Головокружение от успехов», критиковавшей некоторые прежние методы.

19 февраля 1930 г. митрополит Сергей дал интервью иностранным корреспондентам, опубликованное в газете «Известия», в котором, вопреки очевидным фактам, отрицал дискриминацию Церкви в СССР, а также преследования за веру. Этот поступок рассматривался Владыкой в духе компромисса во имя нормализации отношений Церкви и государства. На следующий день после данного интервью митрополит Сергей направил уполномоченному по вопросам культов при Президиуме ВЦИК П.Г. Сидовичу памятную записку о нуждах Православной Церкви в СССР, состоявшую из 21 пункта и содержавшую требования создания со стороны государства условий для нормализации церковной жизни, положения духовенства и приходских общин. Владыка обратил внимание Сидовича на недопустимость начала создания колхозов «со снятия колоколов» и закрытия храмов. Записка была рассмотрена, и официально признано, что епископы и священники порой «сами выходили на поле вместе с ударными бригадами»⁴⁷⁷.

По выраженной митрополитом Сергием просьбе, с начала 1931 г., хотя и не всегда, регулярно стал выходить «Журнал Московской Патриархии», где публиковались протоколы заседаний Синода, его постановления, послания заместителя Местоблюстителя. Открыть же духовные учебные заведения, о чем также просил Владыка Сергей, не удалось.

Следует отметить, что хотя до декабря 1936 г. во всех русских храмах возносилось имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, однако с 1930 г. митрополит Сергей, из-за пребывания Владыки Петра в отдаленной ссылке, в контакте с ним не состоял. Из двух последних писем, отправленных Патриаршим Местоблюстителем митрополиту Сергию в конце 1929 г. и в начале 1930 г., ясно видна его позиция по отношению к церковной политике Заместителя. Митрополит Петр, так же как и многие другие иерархи Русской Церкви, считал, что созданием Временного Синода митрополит Сергей перешел границы доверенной ему церковной власти, так как он поставлен «быть охранителем только текущего порядка». «Каких-либо учредительных прав я Вам не предоставляю», — писал ему Владыка Петр. Более того, митрополит Сергей даже не посвятил своего непосредственного главу в планы осуществления столь ответственного шага. «Очень скорблю — писал Патриарший Местоблюститель, — что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению Церковью... Раз поступают письма от других, то, несомненно, дошло бы и Ваше»⁴⁷⁸.

Сам же митрополит Сергей объяснял свои действия следующим образом: «По документальным нашим данным, Заместитель облечен патриаршей властью в том же объеме, как и заменяемый им Местоблюститель... За распоряжения своего Заместителя Местоблюститель ни в коей мере не может быть ответственным, и потому нельзя ожидать или требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя. Такое вмешательство повело бы только к еще большему расстройству Церковных дел и к анархии, как и всякое двоевластие. Как самостоятельный правитель, Заместитель сам и отвечает за свое правление перед Поместным Собором. Конечно, порядок вещей, когда Церковь управляется Заместителем, нельзя признать нормальным. Такой порядок может быть терпим лишь в качестве меры временной и переходной. То же самое можно сказать и об управлении при Местоблюстительстве... Наш архипастырский долг думать о скорейшем созвании Поместного Собора, который... привел бы управление нашей Церковью в нормальный порядок»⁴⁷⁹.

14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) было принято постановление «О борьбе с искривлениями в колхозном движении», осуждавшее перегибы в отношении религии: «Решени-

тельно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Допускать закрытие церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе, как с утверждения постановлений сходов областными исполкомами. За издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности»⁴⁸⁰. Через два дня «Правда» поместила статью об ошибочных методах, которые применялись в некоторых сельсоветах Ленинградской области, где коллективизацию начинали с предложения закрыть церкви. Ленинградские власти быстро отреагировали на их критику⁴⁸¹.

Важной причиной временного смягчения государственной политики по отношению к религиозным организациям в СССР явилось послание Папы Римского Пия XI от 2 февраля 1930 г. с призывом к верующим всего мира о молитве за гонимую Русскую Церковь, существенно подрывавшее международный авторитет советского правительства. Последнее попыталось опровергнуть послание Папы и свернуло некоторые уже подготовленные антицерковные акции.

Впрочем, отступление от «твердого курса» оказалось кратковременным. Уже с середины 1931 г. религиозная политика в СССР вновь резко ужесточилась. Начала расти новая волна ликвидации церквей «большевистскими» темпами. Органы власти в ряде регионов страны впервые ставят задачу полного «искоренения» действующих храмов. Так, в официальном отношении в Ленинградский областной совет народного хозяйства от 9 августа 1931 г., подписанном заведующим сектором административного надзора К. Неглюевичем, указывалось: «Сектор адмнадзора при Секретариате ОБЛИКа и Ленсовете сообщает, что, руководствуясь наказами рабочих г. Ленина, мы стремимся закрыть все церкви по городу». И если в 1931 г. областная комиссия по делам культов рассмотрела 43 вопроса о закрытии храмов, из которых положительно решила 36, то в 1932 г. — из 134 подобных запросов было удовлетворено 133⁴⁸². В РСФСР в целом в 1931 г. имелось 42 343 официально зарегистрированных религиозных общества, а в 1933 г. — 22 676⁴⁸³.

Одновременно с закрытием храмов проводились массовые репрессии верующих. По подсчетам сотрудников Свято-Тихоновского гуманитарного университета, в 1930—1932 гг. по церковным делам было арестовано около 60 тысяч человек, в том числе 5 тысяч расстреляно (в основном в сельской местности, но очень много и в городах). Гонениям подвергались и архиереи Русской Церкви — только в 1928 — феврале 1930 гг. от преследований пострадали 197 иерархов Московского Патриархата⁴⁸⁴. Заметный рост репрессий показывают и данные ОГПУ: если за семь лет периода НЭПа было арестовано 7649 «церковников», то за один лишь 1930 г. почти в два раза больше — 13 354⁴⁸⁵.

В начале 1932 г. в ряде крупных городов страны органы ОГПУ попытались уничтожить все еще сохранившиеся монашеские общины. Глубоко трагичной является дата 18 февраля, когда в один день тюрьмы поглотили почти все, еще оставшееся к тому времени в живых ленинградское монашество — около 500 человек, в том числе 50 членов Александро-Невского братства. К 1932 г. его жизнь отнюдь не затухала, продолжался приток образованных молодых людей — студентов, аспирантов, учащихся техникумов и т.д. Несмотря на фактически нелегальное существование, братство продолжало строжайше запрещенную советскими законами общественно-благотворительную деятельность (помощь больным, заключенным, монастырям епархии, обучение детей Закону Божию). Численность братчиков редко превышала 100 человек, но это была выдающаяся по своим духовным качествам группа верующих.

Все руководители братства, кроме будущего митрополита Ленинградского Гурия (Егорова), погибли в 1936—1938 гг., почти полностью было уничтожено и первое по-

коление молодых монахов, принявших постриг до 1932 г. Но в основном уцелели те братчики, которые на момент разгрома еще являлись подростками. Именно из этого слоя вышли четыре будущих видных архиерея — митрополиты Иоанн (Вендланд), Леонид (Поляков), архиепископы Никон (Фомичев) и Михай (Хархаров) — скончавшийся в 2005 г., а также другие священнослужители. Ни одна другая церковно-общественная организация в России не дала в XX веке столько православных архиереев. Семена, посеянные братскими отцами, дали свои благодатные всходы. Если бы не ужасные репрессии 1930-х гг., таких «всходов» было бы гораздо больше⁴⁸⁶.

Даже после разгрома 1932 г. братство не исчезло полностью. При поселившемся после освобождения в 1933 г. в Средней Азии архимандрите Гурии (Егорове) возникла община его духовных детей — бывших братчиков и братиц, насчитывавшая около 20 человек. Большинство из них позднее приняло монашеский постриг.

18 февраля 1932 г. агенты ОГПУ привезли в Ленинград около 40 человек братии Макариевской пустыни Тосненского района во главе с настоятелем — схиепископом Макарием (Васильевым). 9 мая 1932 г. по личному указанию С.М. Кирова президиум Леноблисполкома вынес решение о закрытии всех трех церквей пустыни. Так был уничтожен последний действующий монастырь области⁴⁸⁷. Последней же закрытой обителью северной столицы стала Александро-Невская лавра, переставшая существовать в качестве действующего монастыря в сентябре 1933 г.

Летом 1932 г. могла совершиться одна из самых невосполнимых утрат в русской культуре. Леноблисполком принял решение о сносе наиболее знаменитых северных монастырей — Кирилло-Белозерского, Ферапонтова, Горецкого и Иверского. Этому воспротивился Наркомпрос, районные власти, сыграла свою роль и позиция военного ведомства, рассматривавшего монастыри в качестве укреплений на случай боевых действий⁴⁸⁸. Они в основном уцелели, хотя многих утрат предотвратить не удалось. Можно привести пример закрытой Троице-Сергиевой пустыни, где оказались уничтожены не только монастырское кладбище, но и несколько храмов, в том числе собор — творение знаменитого архитектора Ф.Б. Растрелли и др.

Некоторые из закрытых монастырей стали использоваться в качестве мест заключения — тюрем и лагерей. К их числу относились не только Соловецкая обитель, но и Нило-Столобенская пустынь, Кирилло-Новоезерский, Александро-Свирский и другие монастыри. Так, в Александро-Свирской обители в феврале 1931 г. была устроена крупнейшая в СССР колония для проституток и профессиональных нищих, рассчитанная на полторы тысячи человек. Она просуществовала до января 1938 г., а затем была преобразована в один из обычных лагерей ГУЛАГа, который занимал здания Александро-Свирского монастыря до середины 1950-х гг. Подобная же колония имени Каляева в начале 1930-х гг. существовала и в закрытой Троице-Сергиевой лавре⁴⁸⁹.

Несмотря на все усилия советских властей, к середине 1932 г. стало ясно, что первая «безбожная пятилетка» провалилась. И в июле рабочий президиум Центрального Совета СВБ рассмотрел вопрос о директивах к составлению II пятилетнего плана безбожников. Состоявшаяся в начале года XVII конференция ВКП(б) определила контуры второй народнохозяйственной пятилетки, основной задачей которой ставилось построение «бесклассового социалистического общества». Отсюда и возникла идея ликвидировать капиталистические (а значит, как считалось, и религиозные) пережитки в сознании людей. СВБ поставил утопическую цель — окончательно порвать с религией в бесклассовом обществе⁴⁹⁰.

В 1933 г. усилия Комиссии по вопросам культов при ВЦИК, хотя бы внешне, оставаться в рамках законности слабели, и она все чаще отступала перед силами, открыто ставившими на административный диктат. Так, в феврале Комиссия по настоянию ГПУ приняла постановление «О состоянии религиозных организаций» с призывом

проводить решительную линию по сокращению возможного влияния служителей культов в массах трудящихся. В следующем месяце тяжелый удар по духовенству был нанесен при проведении паспортизации населения в крупных городах страны. В Ленинграде, например, из 600 православных священнослужителей примерно 200 было отказано в паспортах, и они оказались вынуждены покинуть город. Во второй половине 1933 г., вскоре после запрещения во многих населенных пунктах колокольного звона, началась широкомасштабная кампания по снятию и переплавке колоколов с действующих церквей. Проводилась она по всей стране в соответствии с директивами Совнаркома, тщательный учет бронзы шел по линии ОГПУ⁴⁹¹.

Достигнув к началу 1934 г. пика, гонения на Православную Церковь затем постепенно ослабели. С весны вновь происходит определенное изменение отношения к религиозным организациям в СССР. В руководящих органах партии, в том числе в Политбюро ЦК ВКП(б), консолидируется умеренная группа во главе с С.М. Кировым, недовольная многими левацкими перегибами в области внутренней политики. На отношение к Церкви повлияло не только некоторое общее смягчение внутренней политики, но и перемены на международной арене — установление дипломатических связей с США, приход в Германии к власти нацистов, а в более глобальном плане отказ по существу от концепции разжигания «мировой революции».

В этих условиях, видимо, начал выработываться план сотрудничества с Православной Церковью в сфере внешней политики (осуществленный на практике только через 10 лет — в годы Великой Отечественной войны). Правда, предполагалось сохранить помимо Московского Патриархата и обновленчество, еще более углубив их противостояние, так как староцерковная иерархия, включавшая много епископов до-революционного поставления, не внушала властям особого доверия. 27 апреля 1934 г. Патриарший Священный Синод при участии других архиереев (всего 21 человек) присвоил митрополиту Сергию титул «Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский», с правом ношения двух панагий, то есть с разрешения властей фактически возвел его на Патриаршую кафедру⁴⁹².

27 декабря 1936 г. в связи с официальным объявлением 11 сентября о кончине митрополита Петра (Полянского) Синодом был принят акт о передаче прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего престола к заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (в действительности Владыка Петр был расстрелян 10 октября 1937 г. в Верхнеуральской тюрьме Челябинской области)⁴⁹³.

Международная деятельность Московского Патриархата в 1930-е гг. постепенно угасала. Правда, как только возглавляемое митрополитом Сергием церковное управление получило в августе 1927 г. официальную регистрацию в органах власти, оно стало получать признание со стороны восточных Патриархов. Впрочем, Константинопольский и Иерусалимский Патриархаты продолжали поддерживать отношения и с обновленцами, призывая митрополита Сергия к примирению с последними. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя считал такое отношение к Русской Церкви неприемлемым и считал невозможным ее участие в работе Всеправославного Предсоборного совещания, намеченного на лето 1932 г. на Афоне. В письме представителю Вселенского Патриарха в СССР архимандриту Василию (Димопуло) митрополит Сергий писал по этому поводу: «Нашу Церковь Его Святейшеству угодно рассматривать как неорганизованную Церковную массу, не имеющую канонического возглавления... В лучшем случае наши депутаты могут оказаться в положении каких-то просителей, а в худшем — даже ответчиков или обвиняемых. Ни то, ни другое не представляется для нас приемлемым...» Поспешность греков в диалоге с англиканами в связи с вопросом о возможном воссоединении также вызвала возражение со стороны заместителя

Местоблюстителя, что обусловило отказ Московской Патриархии от участия в догматической комиссии, собравшейся в Лондоне в том же году⁴⁹⁴.

Осложнилось положение с зарубежными русскими епархиями. Еще в сентябре 1926 г. митрополит Сергей советовал зарубежным иерархиям войти в состав Поместных Православных Церквей или образовать самоуправляющиеся общины-епархии. Когда же возглавляемый им Синод получил официальное признание, то 1 июля 1927 г. Владыка Сергей принял постановление № 95 с требованием зарубежному русскому духовенству прислать в Патриархию письменное обязательство о лояльности Советскому государству, что означало отказ от политической деятельности, направленной против него. Те, кто к 15 сентября того же года не подаст такое заявление или впоследствии нарушит данное обещание, должны были считаться уволенными из клира, подведомственного Московской Патриархии с лишением права выполнять свои функции. Такую подписку прислали и этим сохранили административные отношения с Патриархией: управляющий приходами в Западной Европе митрополит Евлогий (Георгиевский), архиепископ Литовский Елевферий (Богоявленский), архиепископ Японский Сергей (Тихомиров) и находящийся в Китае епископ (быв. Камчатский) Нестор (Анисимов)⁴⁹⁵.

Однако во время Великого поста 1930 г. митрополит Евлогий по приглашению архиепископа Кентерберийского прибыл на неделю в Лондон, где принял участие в экуменической молитве о гонимой Русской Церкви. Хотя, по его собственному признанию, митрополит нигде не выступал с политическими речами, а само мероприятие носило лишь духовно-нравственный характер, его поездка была расценена в Москве как политическая демонстрация. 10 июня того же года Священный Синод принял постановление об увольнении Владыки от управления русскими приходами в Западной Европе⁴⁹⁶.

Впрочем, митрополит Евлогий еще в 1927 г. предусматривал возможность для своей епархии автономного бытия или же вхождения в состав другой Поместной Церкви в случае признания Синодом в Москве неудовлетворительности формы и содержания его обещания. В 1930 г. он отказался подчиниться постановлению Священного Синода и, сославшись на Патриаршее постановление от 20 ноября 1920 г., прервал административные отношения с Патриархией⁴⁹⁷. Как и при размежевании с Русской Православной Церковью за границей, так и теперь подавляющее большинство его клира и паствы (русские приходы во Франции, Чехословакии, частично в Германии, Бельгии, Нидерландах) поддерживали своего митрополита. Собственно церковное сознание епархии во многом и определило поведение Преосвященного Евлогия. В феврале 1931 г. он вошел в юрисдикцию Вселенского Патриарха в качестве его экзарха для русских приходов в Западной Европе с сохранением за ними внутреннего самоуправления. Это привело к новому обострению отношений между митрополитом Сергием и Константинопольским Патриархатом. Тогда же Синод в Москве принял меры прещения против митрополита Евлогия и преданного ему духовенства⁴⁹⁸, которые, впрочем, уже не достигали цели.

Прещения со стороны митрополита Сергия и Временного Священного Синода в дальнейшем последовали*и в отношении других русских церковных групп за границей. 16 августа 1933 г. было принято постановление об окончательном упразднении автономии Северо-Американской епархии с запрещением митрополита Платона и подведомственного ему духовенства. В качестве временного экзарха Московской Патриархии в марте 1933 г. в Америку был командирован находившийся в Париже архиепископ Вениамин (Федченков)⁴⁹⁹. Этот конфликт нашел свое разрешение лишь в 1970 г. с дарованием Московской Патриархией автокефалии Православной Церкви (бывшему русскому митрополичьему округу) в Америке.

В 1933 г. митрополит Сергий вступил в переписку с Сербским Патриархом Варнавой с целью обеспечить посредничество последнего в конфликте РПЦЗ с Московским Патриархатом. Русским эмигрантам предлагалось войти в состав Поместных Церквей (Сербской, Болгарской и др.), поскольку их центр и многие приходы находились на территории, входящей в юрисдикцию этих Церквей. Однако отклика на данный призыв не последовало. Тогда 22 июня 1934 г. митрополитом Сергием и Временным Священным Синодом были запрещены в священнослужении с последующим преданием соборному суду епископы и клирики, образовавшие Русскую Православную Церковь за границей⁵⁰⁰. Так закрепился раскол Русской Православной Церкви на зарубежную и находившуюся на территории СССР части.

Вторая небольшая «оттепель» в отношениях Церкви и государства оказалась еще более кратковременной, чем в 1930—1931 гг. В декабре 1934 г. был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Киров. Его гибель использовали для нагнетания широкомасштабной кампании репрессий и террора. Она затронула все слои населения, однако особенно пострадали духовенство и верующие. Церковные организации все более и более обвинялись в контрреволюционной, антисоветской деятельности. Гонения на них в 1935—1938 гг. шли по нарастающей. Требовались все новые жертвы для обоснования концепции Сталина об обострении классовой борьбы в обществе по мере строительства социализма. И Церкви отводилось место только в лагере противников этого строительства. В 1937 г. председатель Центрального совета СВБ Е. Ярославский заявлял, что «религиозные организации — единственные легальные реакционные вражеские организации», а другой член Центрального совета Ф. Олещук писал: «Реакционные церковники действуют в одном направлении с троцкистско-бухаринскими шпионами и диверсантами, буржуазными националистами и прочей агентурой фашизма»⁵⁰¹.

В послании IV расширенного пленума Центрального Совета СВБ Сталину в феврале 1938 г. также отмечалось, что перед трудящимися «все ярче обнаруживается реакционная роль религии и гнусная контрреволюционная деятельность религиозных организаций, смыкающихся с фашистскими контрреволюционными элементами». В конце 1930-х гг. общественное мнение уже обрабатывали таким образом, чтобы создать представление о подготовке в стране широкого заговора духовенства, руководимого зарубежными центрами и направленного на свержение советской власти. Для этого органами НКВД выстраивалась версия, что подобные шпионско-диверсионные организации действуют во многих областях СССР⁵⁰². Фактически встал вопрос о самом существовании Православной Церкви и религии в стране.

Летом 1935 г. власти запретили «Журнал Московской Патриархии», а в конце года из-за невозможности пополнить свой поредевший состав прекратил существование Временный Патриарший Священный Синод. В конце 1935 г. возобновились и массовые аресты епископата, духовенства, активных мирян. Особенного размаха они достигли в 1937 г. В отечественной историографии утвердилась точка зрения, что все монастыри в СССР были ликвидированы к середине 1930-х гг. Это не так. На Северо-Западе России в Боровичском районе (ныне Новгородская область) в труднодоступном месте вплоть до лета 1937 г. с дореволюционных времен продолжал существовать небольшой мужской монастырь — Забудушенская пустынь. Все его насельники были арестованы и расстреляны в конце 1937 г.

За еще оставшимися действующими храмами был установлен тщательный контроль. Большинство посещавших их было известно, и всех представлявших, по мнению НКВД, какую-либо опасность постепенно высылали. Относительно безопасным являлось посещение храмов лишь в праздничные и воскресные дни ввиду большого наплыва народа. В этих условиях многие прежние формы церковной работы стали невозможны.

Центр тяжести деятельности верующей молодежи стал переноситься на нелегальные формы. Это хорошо видно по изменению возрастного состава приходских советов. К концу 1930-х гг. в них остались почти одни пенсионеры. Менялся и состав участников церковных хоров, прислуживавших в храмах, которые теперь также стали регистрироваться. Органы НКВД целенаправленно уничтожали легальный молодежный церковный актив, фабрикуя соответствующие дела. В качестве примера можно привести инсценированное весной 1934 г. «дело Захарие-Елизаветинского братства», якобы контрреволюционной организации, смыкавшейся с троцкистами. По нему были арестованы 8 молодых обновленческих священно- и церковнослужителей. В феврале 1936 г. в Ленинграде прошли аресты по делу контрреволюционного молодежного кружка в Патриаршей Церкви, который будто бы возглавлял протоиерей Иоанн Орнатский. В итоге 12 молодых людей, прислуживавших в храмах, были приговорены к 5—10 годам лишения свободы и т.д.⁵⁰³

Лишь в крупные церковные праздники верующие, в том числе молодежь, по-прежнему могли относительно свободно заполнять храмы. Так, по тщательным подсчетам властей, в 1933 г. на Пасхальных службах в Ленинграде присутствовало 156 467 верующих, в том числе 38 476 молодых людей до 25 лет и 5193 ребенка до 16 лет (вместе около 28%). Через год — 7—8 апреля 1934 г. церкви посетило 132 953 человека, из них 38 345 молодых людей и 6015 детей (соответственно 33,3% — треть общего количества). Лишь в конце 1930-х гг. доля молодежи несколько сократилась. В частности, 6—7 января 1936 г. на Рождественских службах в ленинградских храмах присутствовали 107 398 прихожан, в том числе 10 700 в возрасте до 25 лет и 2949 подростков (вместе около 13%)⁵⁰⁴.

Руководство антирелигиозной кампанией в период т.н. «большого террора» осуществлял лично нарком внутренних дел Н.И. Ежов. По стране прокатилась волна судебных процессов над священнослужителями по обвинению их в шпионаже и террористической деятельности. К 1938 г. церковная организация оказалась в основном разгромлена. Только в 1937 г. было закрыто более 8 тысяч церквей, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев⁵⁰⁵.

О количестве репрессированных иерархов существуют различные мнения. Так, по подсчетам историка и публициста Р. Медведева, в 1936—1938 гг. было арестовано около 800 архиереев (в том числе обновленческих, григорианских). Историк А. Левитин полагал, что в 1937—1939 гг. погибло около 670 епископов (280 патриарших и 390 обновленческих)⁵⁰⁶. Но эти оценки несколько завышены, более точен канадский исследователь Д. Поспеловский, оценивавший число до 1956 г. скончавшихся насильственной смертью архиереев в 300 человек⁵⁰⁷. По подсчетам сотрудников Свято-Тихоновского гуманитарного университета, за весь период советской власти репрессиям подвергались 426 архиереев Московского Патриархата (4 Патриарха, 52 митрополита, 154 архиепископа и 213 епископов), из них 247 расстреляли. Самые большие жертвы пришлись на 1937—1938 гг., в этот период советские власти стремились уничтожить весь епископат, и в результате 80 % арестованных в то время архиереев — 165 человек были расстреляны или замучены⁵⁰⁸.

Общее количество репрессированных священнослужителей Д. Поспеловский занижает — 45 тыс. в 1930-е гг. и еще 5—10 тысяч в 1918—1929 гг. В ноябре 1995 г. председатель Комиссии при президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий А. Яковлев привел следующие данные: за годы советской власти в СССР были уничтожены 200 тысяч священнослужителей, еще полмиллиона подверглись репрессиям⁵⁰⁹. Но эта информация явно неточна, хотя она касается представителей всех конфессий. В указанную цифру включены, вероятно, и православные церковнослужители: псаломщики, дьячки, сторожа храмов и т.п., а также миря-

не, проходившие по церковным делам. Наиболее точными представляются подсчеты Комиссии по реабилитации Московского Патриархата — 350 тысяч репрессированных за веру к 1941 г. (в том числе не менее 140 тысяч священнослужителей). Из них 150 тысяч было арестовано в 1937 г. (80 тысяч расстреляно). Последняя цифра почти совпала с данными, указанными А. Яковлевым в его книге — за 1937—1938 гг. репрессировано 165,2 тысячи, в том числе 106,8 тысячи расстреляно⁵¹⁰.

Согласно же сделанным в последнее время подсчетам сотрудников Свято-Тихоновского гуманитарного университета, за весь период советской власти по церковным делам были репрессированы не менее 500 тысяч священнослужителей и мирян, из них одна треть расстреляна; пик гонений пришелся на 1937—1938 гг. — около 200 тыс. арестованы, в том числе 100 тысяч расстреляны. Пока же в базе данных университета имеются биографические сведения лишь о 30 тысячах мучениках (из них 8950 расстреляны), в том числе 15 358 священнослужителей⁵¹¹.

К осени 1938 г. антирелигиозная политика государственных органов достигла пика своего развития. 7 октября Президиум Верховного Совета РСФСР постановил отменить положение о Центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов⁵¹². Это означало уничтожение самой возможности контакта Церкви и государства. К тому времени в среде партийного и советского актива получило широкое распространение мнение о необходимости полной ликвидации законодательства о культурах и, в частности, постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г. С таким предложением к И.В. Сталину обращался, в частности, секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков. Выдвигалось и требование «покончить в том виде, как они сложились, с органами управления церковников, с церковной иерархией»⁵¹³. С 1938 г. единственной организационной структурой, занимавшейся религиозной политикой, оставался специальный церковный отдел в НКВД.

Однако разгром церковной организации не привел к желательным для советских властей результатам. С уничтожением большей части духовенства не исчезла потребность колоссального количества людей в религиозной вере, она лишь принимала другие формы. Даже на страницах органа ЦК ВКП(б) — журнала «Большевик» появилось признание, что отсутствие молитвенных зданий и служителей культа не дает преодоления Церкви, такого рода борьба «лишь укрепляет позиции религиозных организаций»⁵¹⁴.

В экстремальных условиях 1930-х гг. большая часть верующей молодежи временно внешне отошла от Церкви и надолго прекратила систематическую церковную деятельность. Они ушли, по выражению о. Д. Константинова, в «своеобразную внутреннюю церковную эмиграцию», не перестав верить и молиться, не порвав духовной связи с Церковью⁵¹⁵. При этом многие сохранили нелегальные связи с заключенными епископами, священниками, тайно помогали сосланным по религиозным делам. Именно эта часть верующей молодежи и уцелела в ходе массовых репрессий, став потом той базой, на которую могла опереться жизнь возрожденных в годы Великой Отечественной войны приходов.

О том, что такой слой существовал и не был выбит репрессиями, свидетельствуют результаты переписи 1937 г., включавшей вопрос о религии. Из 98 412 тысяч опрошенных — 55 278 тысяч (56, 17%) заявили о своей вере в Бога⁵¹⁶. Кроме того, часть верующих в обстановке террора, когда людей порой арестовывали лишь за то, что у них дома хранилась Библия, уклонилась от ответа. Учитывая это обстоятельство, можно с уверенностью сказать, что в СССР в тот период более половины граждан верило в Бога.

В молодежной среде результаты переписи сильно зависели от уровня грамотности. Так, среди неграмотных подростков в возрасте 16—19 лет из 740 168 ответив-

ших лишь 203509 (27, 5%) назвали себя неверующими, а в возрасте 20—29 лет из 4 947 474 молодых людей — 1 238 189 (25%). Среди грамотных же неверующие преобладали: в возрасте 16—19 лет из 9 412 922 их было 6 116 454 (65%), а среди молодых людей 20—29 лет из 24 791 854—15 202 127 (61, 3%)⁵¹⁷. Таким образом, согласно материалам Всесоюзной переписи населения несмотря на всю систему школьного и вузовского атеистического воспитания к концу 1930-х гг. в стране насчитывалось более 17 миллионов представителей молодежи (около 43% общего количества), которые даже в обстановке массового антирелигиозного террора не побоялись назвать себя верующими.

Правда, основная масса молодежи была все же индифферентна к религии, вырастая в обстановке полной безрелигиозности. Сказывалось катастрофическое сокращение возможности в 1930-е гг. церковно воспитать новое поколение, что достаточно успешно делалось в период НЭПа. Но в дальнейшем, в 1940-е гг. часть и этого безрелигиозного слоя, занимаясь духовными поисками, возвратилась в Церковь. И связующим звеном здесь стало поколение верующих, бывшее молодым в 1920-е гг. Именно поэтому так быстро и успешно проходило легальное возрождение Русской Церкви в 1941—1948 гг. За десятилетие активных антирелигиозных гонений в стране не успела прерваться связь поколений верующих. Продлись эти гонения еще 10 лет, и результаты могли быть иными.

В том, что Церковь выстояла в период самых жестоких гонений, особое значение имели такие плоды работы Поместного Собора 1917—1918 гг., как оживление приходской жизни и увеличение в ней роли женщин. Не считаясь со смертельной опасностью, прихожане повсеместно оказывали сопротивление закрытию храмов. И подавляющее большинство в составе приходских советов в 1930-е гг. составляли женщины. Они продемонстрировали удивительное бесстрашие и стойкость в самоотверженном служении Церкви. Именно женщины ехали в ссылки, чтобы сопровождать и спасать от смерти своих пастырей, давали приют гонимым и обеспечивали подпольную жизнь и церковную службу. Появилось много подвижниц, не постриженных в монашество, но живших по монашескому, возникли сотни т.н. «монастырей в миру».

Все это позволило Церкви не только выстоять, но и возродиться, как только внешние обстоятельства изменились. Неудача планов искоренения религии становилась все более очевидной. И уже в конце 1938 г. появились первые симптомы намечавшегося нового изменения курса государственной политики по отношению к религиозным организациям в СССР. К началу Второй мировой войны властям в значительной степени удалось создать видимость безбожного государства, но она была иллюзорна. Перепись 1937 г. показала, что более половины населения продолжало оставаться верующим.

Глава II

Изменение государственно-церковных отношений в годы Второй мировой войны

§ 1. Положение Русской Церкви накануне Великой Отечественной войны (1939—1941 гг.)

В конце 1938 г. период открытого, активного наступления на Церковь подходил к своему завершению; появились первые симптомы намечавшегося изменения прежней линии. Неудача планов искоренения религии была очевидна. После отстранения от руководства НКВД Н.И. Ежова в рамках общего пересмотра многих следственных дел были освобождены и сотни священнослужителей, в том числе несколько архиереев: архиепископ Иоанн (Соколов), епископ Иосиф (Чернов) и др. В закрытых циркулярах различных административных органов стали появляться указания проявлять сдержанность в ликвидации храмов.

Отчасти это было связано с постепенным общим изменением курса советского правительства с интернационально-коммунистического на национально-патриотический. Подобные перемены начались вскоре после прихода к власти в Германии фашистов, но в конце 1930-х гг. они значительно усилились. Так, в 1937 г. ведущий советский исторический журнал «Историк-марксист» опубликовал статью о значении Крещения Руси. Автор ее, известный историк С.В. Бахрушин, давал положительную оценку этому событию, открывшему для России современный ей мир европейской культуры через посредничество развитого государства, центра науки и культуры того времени, каким была Византия⁵¹⁸.

Даже журнал «Безбожник» в свете исполнения 950-летия одного из известнейших событий в истории России был вынужден пойти тем же путем и в № 5 за 1938 г. выступил со статьей Грекулова «Крещение Руси». С этих пор подобное отношение к христианизации Русского государства стало официальной советской доктриной. В 1938 г. был поставлен знаменитый фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский», прославлявший святого князя, мощи которого в мае 1922 г. оказались вскрыты, а через четыре месяца изъяты из Троицкого собора Александро-Невской лавры и переданы в антирелигиозный музей⁵¹⁹ и т.д.

Но вплоть до осени 1939 г. серьезных перемен все же не произошло. Значительную активность проявлял «Союз воинствующих безбожников» (СВБ). Его руководитель Е. Ярославский, выступая в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), заявил: «Товарищ Молотов... был тысячу раз прав, когда указал при открытии съезда, что с точки зрения наших внутренних задач центр тяжести переносится теперь на вопросы воспитатель-

ные, на вопросы коммунистического воспитания, на задачу ликвидации столь живучих пережитков капитализма в сознании трудящихся. А если так, то можем ли мы в связи с этим ослабить или ликвидировать на ближайший период нашу работу по борьбе с таким живучим предрассудком, как религия, можем ли мы ослабить нашу пропаганду?» Разумеется, нет, отвечал Е. Ярославский, и призывал еще более активизировать борьбу с религией и церковниками «всех мастей»⁵²⁰.

По-прежнему в выступлениях председателя Центрального совета СВБ священники объявлялись врагами народа. К примеру, встречаясь в апреле 1939 г. с активом СВБ Москвы, он разъярял: «Враги социализма действуют через религиозные организации. А в тех районах, где нет религиозных организаций, нет ни церкви, ни мечети, ни синагоги, нередко имеется переезжающий с места на место “бродячий поп-передвижка” или осели бывшие обитатели монастырей, орудуя развенчанные вожаки религиозных сект, бывшие церковные старосты и тому подобные бывшие люди»⁵²¹.

Чтобы продолжить существование СВБ, Е. Ярославский направил его на борьбу за «исправление партлинии по религиозному вопросу» с профсоюзами, работниками просвещения, прессы и особенно комсомолом. В первом же номере журнала «Антирелигиозник», вышедшем после завершения XVIII съезда ВКП(б), помимо публикации решений последнего и речи на нем Е. Ярославского, были помещены два материала о недостатках в антирелигиозной работе комсомола, прежде всего в Средней Азии⁵²².

Выступая через несколько месяцев со статьей в журнале «Большевик», член Центрального совета СВБ Ф. Олещук также указал на слабую работу комсомола в Средней Азии, обвинив в ней ЦК ВЛКСМ. Эта статья подводила «теоретическую базу» под призывы об активизации борьбы на «безбожном фронте» уже в 1940-е гг. В ней утверждалось, что всякий, даже самый «советский поп — мракобес, реакционер, враг социализма», и поэтому задача третьей пятилетки состоит в том, чтобы «вытравить из сознания людей все эти пережитки... сделать всех трудящихся атеистами». И хотя признавалось, что в СССР еще много верующих, Ф. Олещук даже определял примерную дату «полного преодоления религиозных предрассудков» среди населения страны (1950—1955 гг.): «Вряд ли в третьей пятилетке удастся преодолеть все религиозные предрассудки. (Если) для перегона в экономике капиталистических стран надо 10—15 лет, то и для полного преодоления религиозных пережитков вряд ли можно говорить о сроках более коротких»⁵²³.

Можно было ожидать, что Е. Ярославский объявит о планах третьей «безбожной пятилетки». Ведь он уже заявлял о необходимости воссоздания антирелигиозной организации из 5—6 миллионов членов, на IV расширенном пленуме Центрального совета СВБ в 1938 г. прозвучало его обещание: «Если мы усилим свою работу, то следующее десятилетие станет временем полного освобождения масс от реакционного влияния религии»⁵²⁴.

Однако же без воздействия партийного руководства третья «безбожная пятилетка» так и не была провозглашена, не состоялся и планируемый III съезд СВБ. «IV пленум ЦС СВБ, почти сплошь состоявший из кооптированных членов, в 1938 году решил провести III съезд Союза безбожников, но... Ярославский и его “команда” побоялись настоять на этом перед Сталиным, который все меньше, судя по всему, видел для себя проку в деятельности этой организации»⁵²⁵.

Союз безбожников переживал глубокий кризис, и только усилиями прессы искусственно создавалось впечатление о его кипучей жизнедеятельности. Количество числившихся членами СВБ упало с 5 670 тысяч в 1932 г. до 2 000 000 в 1938 г., вместо запланированных 22 млн. В реальности их было гораздо меньше, так как процент уплачивающих членские взносы понизился с 45 до 13 (то есть платило их лишь 260 тыс. человек)⁵²⁶.

Людям надоедал казенный, бюрократический стиль работы организации, свое формальное членство в ней, участие в бесконечных кампаниях, «безбожных займах», сборах денег на «безбожные» подлодки, эскадрильи, танковые колонны и т.д. Сокращалось количество организаций СВБ, его издательская деятельность. Тираж ежемесячного иллюстрированного журнала «Безбожник» упал с 230 тысяч в 1938 г. до 155 тысяч на следующий год. Содержание ежемесячника «Антирелигиозник» становилось все более примитивным и однообразным. Его объем при тираже 40—50 тысяч экземпляров сократился со 130 страниц до 64 в 1940 г., но многие номера выходили двоянными и содержали не более 80 страниц⁵²⁷.

На совещании в ЦС СВБ в апреле 1939 г. признавалось, что резкого перелома к лучшему в работе союза не произошло. Еще через полгода Центральный совет отмечал: «Большинство ячеек Союза воинствующих безбожников не ведут систематической антирелигиозной работы, являются пассивными, бездеятельными»⁵²⁸.

Не проявлял активности в борьбе с религией в конце 1930-х гг. и комсомол, тем более что указания партийного руководства в этой сфере уже были противоречивы и непоследовательны. Не испытывал склонности к данному «участку работы» и новый руководитель комсомола Н.А. Михайлов (в конце 1938 г. сменивший арестованного А.В. Косарева), тяготясь и опасаясь его. Неслучайно в 1938—1939 гг. ЦК ВЛКСМ не обсудил на заседаниях бюро и секретариата ни одного целевого вопроса по антирелигиозной работе среди детей и юношества. И даже в текстах таких постановлений пленумов ЦК, как «Об улучшении работы комсомола в деревне», «О работе организаций ВЛКСМ в связи с решениями XVIII съезда ВКП(б)», «О работе комсомола в начальной и средней школе», никаких указаний комитетам комсомола по части активизации антирелигиозной работы вообще не было⁵²⁹.

Опыт 1930-х гг. показал, что даже в самых неблагоприятных для Церкви условиях, при полной монополии антирелигиозной печати, успехи воинствующего атеизма, несмотря на всемерную помощь со стороны правительства, оказались чрезвычайно скромными.

В то же время к 1939 г. Русская Православная Церковь как организационная структура в результате жесточайших гонений и открытого террора была практически разгромлена. Из примерно 37 тысяч православных храмов всех течений, действовавших на начало 1930 г., в 1938 г. оставалось формально незакрытыми 8302 (в том числе 3903 на Украине и 3617 в РСФСР). Однако реально из них действовала лишь небольшая часть, так как следствием массовых репрессий стала острая нехватка духовенства. Так, уже в 1936 г. на Украине из 4487 незакрытых молитвенных зданий действовало лишь 1116⁵³⁰. К сожалению, сохранившиеся в архивах учетные сведения, отражающие динамику сокращения численности религиозных объединений в конце 1930-х — начале 1940-х гг., отрывочны и приблизительны. Отсутствуют и данные о количестве православных приходов и священнослужителей в 1939 г.

Известно лишь, что летом 1939 г. в Московском Патриархате осталось только четыре правящих архиерея — Патриарший Местоблюститель митрополит Московский Сергей (Страгородской), митрополит Ленинградский Алексий (Симанский)⁵³¹, архиепископ Петергофский «Николай» (Ярушевич), управлявший Новгородской и Псковской епархиями, архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский), с 1937 г. занимавший должность управляющего делами Московской Патриархии. Каждый из них был по-своему выдающимся церковным деятелем, обладавшим большими организаторскими и дипломатическими способностями. Все они в тот или иной период могли претендовать на вакантный пост Патриарха Русской Церкви.

Еще около 10 уцелевших архиереев Патриархии находились на покое или совершали богослужения как настоятели храмов. Так, епископ Астраханский Андрей

(Комаров), уволенный в апреле 1939 г. на покой, в октябре был назначен на место приходского священника в город Куйбышев. Вся церковная жизнь Куйбышевской епархии сосредоточена была тогда вокруг этой одной церкви. Под Москвой на даче у родственников проживал как частное лицо будущий экзарх Украины архиепископ Иоанн (Соколов), отбывший незадолго перед этим ссылку. В Красноярске на положении ссыльного жил епископ Лука (Войно-Ясенецкий), работая главным хирургом-консультантом городских госпиталей. Под Ростовом-на-Дону жили на покое епископ Таганрогский Иосиф (Чернов) и архиепископ Ростовский Николай (Амасийский), в Киеве — схиархиепископ Димитрий (Абашидзе) и т.д.⁵³²

Епархий как административных единиц в 1939 г. уже почти не существовало, и отдельные приходы поддерживали нерегулярную связь с Патриархией. Не запрещенная официальная Церковь по своему фактическому положению стала приближаться к нелегальной организации, так как общение с «церковниками» считалось признаком политической неблагонадежности со всеми вытекающими последствиями. Таким образом, Патриархия оказалась в значительной степени отрезанной от своей паствы и, кроме того, с середины 1930-х гг. почти полностью — от связей с заграницей. Однако она не была уничтожена полностью. Процесс над «Всесоюзным контрреволюционным центром церковников» во главе с митрополитом Сергием так и не состоялся. Хотя по воспоминаниям близких к нему людей, в конце 1930-х гг. Владыка постоянно ожидал ареста.

Ряд зарубежных историков полагает, что существование катакомбных (тайных) приходов являлось одной из важных причин того, что Патриаршему Местоблюстителю удалось сохранить к 1939 г. несколько сот приходов и сокращенное до минимума церковное управление: «Советское правительство, очевидно, боялось, чтобы вся Церковь не ушла в подполье, так как официальная и строго контролируемая Церковь представляла меньшую опасность, чем подпольная»⁵³³.

Интересным источником в этом плане являются найденный после Второй мировой войны историком В.И. Алексеевым в архиве Еврейского института Нью-Йорка меморандум «Заметки о положении Православной Церкви в Остланде», написанный митрополитом Сергием (Воскресенским) 12 ноября 1941 г. в Риге для германского командования. Объясняя немцам положение Московской Патриархии и причины продолжения ее существования, он говорил о решающей роли в этом деятельности катакомбного движения и ее психологического давления на атеистическое государство: «Следует заметить, что насильственный роспуск общественно признанного руководства Патриархата вызвал бы только в жизнь тайное руководство Патриархатом, что значительно затруднило слежку за ним со стороны полиции. Вообще же существовала в России очень живая тайная религиозная жизнь (тайные священники и монахи; тайные молитвенные места; тайные богослужения; крестины; исповеди; причастия; свадьбы; тайные теологические занятия; тайное хранение Священного Писания, литургической утвари, икон, богослужебных книг; тайные сношения между общинами, епископствами и руководством Патриархата и т.д.). Если бы захотели также уничтожить и тайное руководство Патриархатом, то должны были бы казнить и всех епископов, среди них и тайных, которые в такой нужде были созданы один за другим. И если мы посчитаем невероятным, что когда-то все же удастся совершенно уничтожить церковную иерархию, то религия все же остается здесь, а атеистическая пропаганда не сделала ни шагу вперед. Советское правительство поняло это и поэтому предпочло, чтобы руководство Патриархатом существовало»⁵³⁴.

Действительно, в 1930-е гг. тайные богослужения широко распространились. Их совершали сотни священников, уклонившихся от ареста или освобожденных, а затем скрывших свое прошлое. Большая часть этих «полукатакомбников» не была прин-

ципальным противником Патриаршего Местоблюстителя и никогда не порывала с ним. Они ушли в подполье только потому, что открытое совершение религиозных обрядов на территории очень многих областей и республик оказалось невозможным. Признавая митрополита Сергия законным временным главой Русской Церкви, эти священники после 1943 г., когда подобное стало возможным, восстановили с ним каноническую связь и литургическое общение.

Деятельность катакомбников, несомненно, вызывала тревогу властей. Уже в 1937 г. в партийной прессе отмечалось влияние «невидных руководителей» на рядовую массу верующих и даже на советский и колхозный актив вплоть до комсомольцев и членов ВКП(б)⁵³⁵. А через два с половиной года прямо признавалось, что закрытие церквей ведет к увеличению нелегальных религиозных организаций⁵³⁶.

Но сохранение высокой религиозности населения СССР, распространение тайных богослужений было только одной из целого ряда внутренних и международных причин намечавшегося в 1939 г. свертывания антицерковных акций. Массовое насильственное закрытие храмов явно усиливало недовольство широких слоев населения, в том числе рабочих. Среди множества обращений верующих в различные органы власти конца 1930-х гг. с просьбами и требованиями о сохранении церквей, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, имеется, например, коллективное послание 1938 г. рабочих Выборгского района Ленинграда⁵³⁷. Это становилось опасным не только в политическом, но и в экономическом отношении, сказываясь на эффективности труда: усиливался бессознательный, а порой и сознательный саботаж.

Важную роль начинала играть надвигавшаяся Вторая мировая война. Советское руководство было заинтересовано теперь в укреплении единства нации, а не в разделяющих нападках марксистского пуризма и атеизма. Переломным моментом в этом плане стали события сентября 1939 г. — вступление советских войск на территорию Польши и присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Правительство оказалось перед фактом включения в государственную жизнь страны областей с нетронутой гонениями религиозной жизнью.

В состав населения СССР осенью 1939 г. и летом 1940 г. с присоединением стран Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины вошло свыше 7 500 тысяч православных верующих, организованных в епархии и приходы. Вновь в стране после длительного перерыва появились действующие монастыри, церковные и монастырские земельные угодья, духовные учебные заведения, благотворительные учреждения, церковные библиотеки, редакции религиозных газет, журналов и т.п.

Точно известно число православных монастырей на присоединенных землях — 64 с 5100 насельниками, в том числе в Бессарабии — 25, в Западной Украине — 19, Белоруссии — 14, Латвии — 1, Литве — 3, Эстонии — 2⁵³⁸. Численность приходов установить сложнее. В архивных документах имеются сведения об их количестве в Западной Белоруссии — 749, Бессарабии — 893, Латвии — 164, Эстонии — 164, Литве — 72, однако относительно Западной Украины и Северной Буковины они отсутствуют. Известно лишь, что общее число формально зарегистрированных православных приходов на Украине на конец 1938 — середину 1940 г. выросло с 3903 до 5181, то есть на 1278⁵³⁹.

Переставшие функционировать религиозные общества в УССР в тот период с регистрации почти не снимали, и цифра примерно в 1300 новых украинских приходов представляется наиболее верной. В работах западных историков можно встретить явно ошибочное утверждение, что на присоединенной территории Польши находилось около 1200 православных церквей (и украинских, и белорусских). Тот же В.И. Алексеев в другом месте своей книги пишет, что на Волини (Западная Украина) в

годы войны действовало свыше 600 храмов только Автономной Украинской Церкви. Впрочем, он занижает и численность православных приходов на других присоединенных землях, например, в Прибалтике — до 300⁵⁴⁰. Таким образом, общее количество действующих православных церквей в СССР увеличилось за счет территориальных приобретений на 3350.

Особо следует отметить большое количество богословских учебных заведений. В Эстонии имелась Духовная семинария в Печорах и православный богословский факультет в Тартуском (Дерптском) университете, в Латвии — Духовная семинария в Риге и православная секция при протестантском факультете Рижского университета. В Бессарабии была Духовная семинария в Кишиневе, а в Северной Буковине Духовная семинария в Черновцах. Наконец, на бывшей польской территории существовали две Духовные семинарии — Кременецкая и Виленская (хотя они в связи с проводившейся тогда в Польше общей школьной реформой уже находились в стадии ликвидации), а также две постоянные школы псаломщиков. Первая действовала при Богоявленском монастыре в Кременце (Волынская епархия), а вторая — при Свято-Онуфриевском монастыре в Жировицах (Гродненская епархия) и их судьбе школьная реформа не угрожала.

Кроме того, в несколько раз выросло число правящих православных архиереев в СССР, только в республиках Прибалтики их было восемь: митрополит Эстонский и Таллинский Александр (Паулус), епископ Нарвский Павел (Дмитриевский), епископ Печерский Николай (Лейсман), заштатный, не признававший автономии Эстонской церкви, бывший Печерский епископ Иоанн (Булин)⁵⁴¹, митрополит Рижский и Латвийский Августин (Петерсон), архиепископ Елгавский Иаков (Карп), епископ Якобштадтский (Ерсикский) Александр (Витол), митрополит Ковенский и Литовский Елевферий (Богоявленский). Семь архиереев имелось в бывших польских восточных областях: архиепископ Виленский и Литовский Феодосий (Феодосиев), архиепископ Полесский и Пинский Александр (Иноземцев), архиепископ Волынский и Кременецкий Алексей (Громадский), епископ Острожский Симон (Ивановский), епископ Камень-Каширский Антоний (Марценко), епископ Луцкий Поликарп (Сикорский) и бывший епископ Пинский и Новогрудский Пантелеимон (Рожновский), за непризнание автокефалии Польской Православной Церкви находившийся в заточении в Жировицком монастыре⁵⁴².

Перед советским руководством встал острый и неотложный вопрос определения своей религиозной политики на новых территориях. Решение его проходило в свете необходимости ассимилировать и политически нейтрализовать миллионы новых, в основном православных граждан. Правительство сознавало, что этого невозможно достигнуть открытой антицерковной кампанией. Обычно советские пограничные зоны контролировались особенно тщательно — церкви там закрывались полностью. Но ликвидировать тысячи приходов и десятки монастырей западных областей в обозримые сроки было нереально. От обычной политики пришлось отказаться. Для советской власти было опасно массовое недовольство населения гонениями на Церковь, когда германская армия стояла у границы.

Кроме того, был утетен и благоприятный для СССР факт дискриминации польскими властями Православной Церкви. Перед самым началом Второй мировой войны они закрыли сотни храмов на том основании, что царское правительство в XIX веке возвратило их из унии в Православие. Так, в Хблмщине из 393 православных храмов в 1914 г. к 1938 г. осталось 227, а к сентябрю 1939 г. — 53, причем 140 церквей и два монастыря были разрушены. Естественно, что подобные акции вызвали сильное недовольство и создали почву для роста симпатий к СССР. Этим во многом объясняются нередкие случаи, когда православные священники в сентябре 1939 г. организовывали

праздничные встречи с населением частей советской армии и вывешивали красные флаги на колокольнях⁵⁴³. В подобных условиях правительству СССР было особенно трудно начать сразу массовые гонения на Церковь и ликвидировать еще не закрытые поляками храмы.

Документы конца 1939 г. свидетельствуют о признании советским руководством факта гораздо более сильного влияния Церкви в западных областях, чем на остальной территории СССР, и его намерении проводить более осмотрительную религиозную политику⁵⁴⁴. Она заключалась в использовании хорошо контролируемой Московской Патриархии — подчинении ей православных иерархов и приходов. При этом учитывались национальные чувства западных украинцев и белорусов, воссоединившихся с восточными; русских, живших в Прибалтике; православных молдаван, эстонцев, латышей и карелов, близких к русским по своей культуре. Подобная практика стала первым примером использования Московской Патриархии для распространения советского влияния на вновь приобретенные или попавшие под контроль территории. Он оказался успешным и получил широкое распространение после окончания Второй мировой войны.

Считаясь с новыми массами православного населения и нуждаясь в деятельности Московской Патриархии, Советское государство в конце 1939—1940 г. стало создавать видимость религиозной терпимости в стране, значительно уменьшив масштабы антицерковных акций. Как справедливо отмечал историк У. Флетчер, «Сергий впервые с тех пор, как он возглавил церковь, оказался в таком положении, что мог требовать уступок от правительства»⁵⁴⁵.

В течение 1939 г. менялся тон публикаций в партийной прессе. Так, Ф. Олещук, который в 1938 г. «докладывал» о разоблачениях и высказывался о духовенстве и верующих, как о врагах, теперь писал: «Только незначительное меньшинство в рядах религиозных организаций составляют классово-враждебные элементы... большинство верующих это наши люди, отсталые рабочие и крестьяне». Он же обвинял в закрытии церковью «врагов народа» — левых уклонистов, якобы стремившихся озлобить верующих и создавших «своеобразный рецидив контрреволюционного троцкизма»⁵⁴⁶.

А в апреле 1940 г. Ф. Олещук со страниц главного идеологического печатного органа ВКП(б) осуждал разворачивавшуюся антирелигиозную деятельность в западных областях за чрезмерную агрессивность, советуя не организовывать пока в них ячейки СВБ, и говорил о необходимости прекратить ликвидацию храмов, которая ведет к образованию «церковного подполья»⁵⁴⁷.

Почти в то же время и журнал «Антирелигиозник» определил «внешне эффективную деятельность по закрытию церковей» как вредную шумиху⁵⁴⁸. Процесс закрытия остановить сразу было невозможно, но такая тенденция наметилась. Как уступка сохранившим религиозную традицию западным украинцам и белорусам была воспринята в стране отмена в 1940 г. в СССР пятидневной рабочей недели и восстановление воскресного отдыха. Существенно изменилось положение Московской Патриархии. Теперь угроза ее ликвидации была полностью снята; более того, хотя и крайне осторожно, убирались некоторые запреты. Патриарший Местоблюститель вновь стал совершать архиерейские хиротонии, замещались пустующие кафедры и т.п.

Весной 1940 г. Патриархия приступила к «устройству церковных дел» во вновь присоединенных областях. Ей предстояло передать местным священнослужителям свой богатый опыт церковной деятельности в условиях атеистического государства. Важность поставленной правительством задачи подчеркивает тот факт, что в западные области были посланы двое из четверых уцелевших правящих архиереев — архиепископы Николай (Ярушевич) и Сергей (Воскресенский), причем Владыка Николай согласился только под сильнейшим давлением. Его назначили временным экзархом

Западной Украины и Белоруссии. Владыка же Сергей в январе 1941 г. стал митрополитом Литовским и Виленским, а в марте — экзархом Латвии и Эстонии. Кроме того, на Кишиневскую кафедру был назначен епископ Алексей (Сергеев).

Несмотря на наличие 15 местных архиереев, в Москве провели хиротонии четырех новых епископов для западных областей. В важнейший монастырь — Свято-Успенскую Почаевскую лавру на Волыни из РСФСР прислали в качестве наместника архимандрита Панкратия и архимандрита Нектария — его помощником. Уже весной 1941 г. состоялись хиротонии во епископа Черновицкого Дамаскина (Малюты) и во епископа Пинского Вениамина (Новицкого)⁵⁴⁹.

Действовать им пришлось в сложных условиях. Местное население первоначально считало архиереев из Москвы чуть ли не «агентами ЧК». Кроме того, несмотря на осторожную политику, в присоединенных областях все же планировалось постепенное приведение религиозной жизни в соответствие с советским законодательством. Соответственно на бывшей польской территории уже 29 октября 1939 г. было объявлено о национализации церковной собственности. Были закрыты все духовные учебные заведения, в школах прекратили преподавание Закона Божия, духовенство (по примеру СССР) обложили высокими налогами, ликвидировались религиозные партии и церковные общественные объединения, закрывались церковные типографии, часть монастырей и отдельные храмы. Был даже случай взрыва собора в Пинске. Во многих обителях сокращали число монашествующих. Так, в Почаевской лавре оно уменьшилось с 300 до 80⁵⁵⁰.

Хотя воссоединение духовенства западных областей с Московским Патриархатом проходило в подавляющем большинстве случаев добровольно, и здесь не обошлось без административного вмешательства советских властей. Тех священнослужителей, которые пытались отстаивать принципы автокефалии (самостоятельного управления), депортировали в Сибирь. Всего по данным, приводимым В. Алексеевым и Ф. Ставру, до 22 июня 1941 г. на бывшей польской территории было арестовано 53 священника, 10 из них позднее освободили, 37 пропали и 6 умерли или были расстреляны. Из 15 архиереев практически все согласились с переходом в Московский Патриархат, большинство ездил для воссоединения в столицу. Однако архиепископ Алексей (Громадский) и епископ Иоанн (Булин) все же подвергались арестам, а архиепископ Александр (Иноземцев) был вынужден уйти на покой. В качестве оправдания подобных мер в печати заявлялось, что среди духовенства и церковного актива особенно много тех, кто борется с советской властью и выступает за возвращение старых порядков⁵⁵¹.

Переход священнослужителей в Московский Патриархат облегчался тем, что Польская Православная Церковь отделилась от Русской в 1923 г. в значительной степени под давлением польского правительства. Автокефалия ей была дарована Вселенским (Константинопольским) Патриархом и никогда не признавалась Московской Патриархией. Глава Польской Церкви митрополит Дионисий (Валединский), хотя и русский по происхождению, оказавшись под давлением правительства и украинских националистов, поддерживал как полонизацию русских и белорусских приходов, так и украинизацию украинских. Это вызывало недовольство многих священников и части архиереев. В 1939 г. митрополит Дионисий остался на территории, отошедшей к Германии, и влиять на церковную жизнь в бывших восточных областях Польши уже не мог.

Более сложной была ситуация в республиках Прибалтики, на территории которых проживало 450 тысяч православных. Здесь только Литва, где православными были русское и белорусское меньшинства, оставалась к 1939 г. в юрисдикции Московской Патриархии. В 1924—1940 гг. Литовской Церковью бесценно управлял бывший Ви-

ленский архиепископ, а с 1928 г. митрополит Елевферий (Богоявленский). С 1931 г. ему было поручено возглавлять все православные приходы в Западной Европе, оставшиеся в юрисдикции Московского Патриархата. Эстонская же Православная Церковь в 1923 г., а Латвийская в 1936 г. провозгласили автономию под юрисдикцией Константинопольского Патриарха. Так как это было сделано без канонического отпуска их Московской Патриархией, она никогда не признавала законность данного акта. Причиной его являлось не только бедственное положение Русской Церкви в СССР, решающую роль здесь сыграло стремление получивших независимость государств предельно оградиться от какого бы то ни было российского влияния. Упорное сопротивление русского духовенства (особенно монахов Псково-Печерского монастыря) в Эстонии удалось сломить в 1920-е гг., а в Латвии только во второй половине 1930-х гг. Так, например, оказалась закрыта влиятельная организация «Единение русских православных студентов Латвии»⁵⁵².

В июле 1940 г. республики Прибалтики вошли в состав СССР, и уже в августе Синод, а затем и глава Латвийской Православной Церкви митрополит Августин (Петерсон) под давлением верующих и оппозиционного духовенства ходатайствовали перед Московской Патриархией о воссоединении с Русской Церковью. В том же месяце с подобным ходатайством обратился и глава Эстонской Церкви митрополит Александр (Паулус). После получения разрешения советских властей в конце 1940 г. в Прибалтику в качестве полномочного представителя Московской Патриархии с целью обсудить условия воссоединения выехал архиепископ Сергей (Воскресенский). Первоначально главой православных приходов Латвии и Эстонии был назначен митрополит Елевферий, но 1 января 1941 г. он скончался, и новым митрополитом (Литовским, а затем и экзархом Прибалтики) стал Владыка Сергей.

Указом Московской Патриархии от 24 марта 1941 г. был учрежден экзархат, то есть особая митрополичья область, в состав которой вошли Латвийская и Эстонская епископии. Никто из их архиереев не лишался сана. Распускались Синоды в Латвии и Эстонии и Епископское управление в Литве. Вместо них митрополит Сергей должен был создать в соответствующих викарных епископствах управления экзархата, а также периодически созываемый Синод епископов, которые по отношению к нему имели только совещательные права. Таким образом, посланец Москвы становился руководителем, совершенно независимым от местного духовенства.

28 марта митрополиты Августин и Александр в кафедральном соборе Москвы исполнили процедуру публичного покаяния в грехе раскола, клятвенно обещали хранить в дальнейшем постоянную верность Русской Православной Церкви и были приняты в литургическое общение. Согласно достигнутому компромиссу, в Эстонии митр Александр должен был на правах викария непосредственно окормлять эстонские общины, а епископ Нарвский Павел — русские, в Латвии русские — сам митрополит Сергей, а латышские — митрополит Августин и епископ Ерсикский (будущий Мадонский) Александр⁵⁵³.

Поселившийся в Риге митрополит Сергей перед этим в течение почти четырех лет фактически являлся «вторым человеком» в Московском Патриархате, был лично близок Патриаршему Местоблюстителю и сразу повел себя решительно и властно. Согласно воспоминаниям прибалтийского духовенства: «Чувствовалось, что приехал не представитель гонимой большевиками Церкви, а полномочный представитель Москвы, облеченный большой властью». В частности, их поражало, как легко Владыка добивался прямой телефонной связи с различными организациями в столице СССР. Экзарх начал прежде всего с «подтягивания» духовенства в уставном отношении: запретил сокращать богослужения, отпевать протестантов по православному чину и т.д., затем стал проводить административные преобразования. Секретари его также

приехали из Москвы, однако духовником своим митрополит взял настоятеля Рижского собора протоиерея Василия Евстафьева. В Прибалтике советские власти действовали еще более осторожно, чем на бывших польских территориях, и приведения религиозной жизни в соответствие с законами СССР, в том числе и национализации церковной собственности, там фактически не произошло. В основном избежало прибалтийское духовенство до начала войны и арестов и депортаций⁵⁵⁴.

Но, несмотря на всю появившуюся «осторожность» в политике по отношению к Церкви, и в 1939—1941 гг. по-прежнему приоритетной задачей считалось строительство безрелигиозного общества. В связи с этим все большую озабоченность властей начинала вызывать активизация церковной жизни в СССР, отчасти под влиянием примера новых западных областей. Интересные факты приводятся в докладной записке ЦК КП(б) Белоруссии начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову («Сообщении о фактах деятельности церковников в западных областях БССР») от 27 февраля 1941 г. В ней говорится, что после поездки в апреле 1940 г. в Жировицкий монастырь архиепископа Сергия (Воскресенского) «деятельность церковников» заметно усилилась. В обители разместились вновь созданные консистория и Гродненский епархиальный совет. Возглавил их епископ Пантелеймон (Рожновский), оставшийся верным Московскому Патриархату все 1920—1930-е гг. За 1940 г. в монастыре было организовано четыре крестных хода с большим количеством верующих (так, 14 октября участвовало более 2 тыс. человек), многие из которых приезжали из различных городов Белоруссии. В докладной сообщалось также о том, что в Пинской области местные власти пытались запретить колокольный звон, но это им не удалось. Приводились примеры «случаев администрирования и оскорбления религиозных чувств верующих», например, явного завышения налогов для священников⁵⁵⁵. По тону записки чувствовалось, что белорусское партийное руководство очень обеспокоено и недовольно «мягкой» церковной политикой.

На присоединенных территориях оказалось большое количество советских военнослужащих, членов их семей, и многие из них активно включились в религиозную жизнь. В. Алексеев и Ф. Ставру приводят в своей работе свидетельство бывшего настоятеля собора в Западной Украине, который отмечал, что после появления советских граждан число крещений значительно выросло — с сентября 1939 по январь 1940 г. на 30%, а за 1940 г. — втрое. Даже коммунисты и работники НКВД крестили своих детей, иногда родственники военных специально для этой цели привозили мальчиков и девочек из РСФСР. На службах в храме всегда присутствовало много советских офицеров и солдат, причем одного из них, наиболее активно и регулярно посещавшего богослужения, арестовали прямо у дверей собора⁵⁵⁶.

Как только пик репрессий спал, активизировалась деятельность Церкви и на остальной территории СССР. Террор 1937—1938 гг. породил у значительной части граждан СССР страх перед неясным будущим, за близких, за свою судьбу и лишь усилил религиозные настроения. Яркая картина, воспроизводящая эти настроения в предвоенном Ленинграде, нарисована в воспоминаниях эмигрантки Натальи Китер: «В воскресные и праздничные дни эти храмы были так переполнены, что не могли вместить всех притекавших... В эти дни причащались почти все поголовно. В Пасхальную ночь 1941 г. тысячные толпы народа стояли плечо к плечу вокруг храмов, с горящими свечами в руках, и единодушно пели пасхальные песнопения, не обращая внимания на беснование конной милиции, тщетно пытающейся их разогнать, так как все уличное движение вокруг храмов было нарушено...»⁵⁵⁷ Эти сведения подтверждают материалы Центрального государственного архива историко-политической документации Санкт-Петербурга о праздновании Пасхи 1941 г. в Ленинграде.

Постепенно в ЦК ВКП(б) стало скапливаться все больше докладных о тревожной ситуации на «церковном фронте». Так, 18 июня 1941 г. уполномоченный Комиссии партийного контроля (КПК) по Орджоникидзевскому краю в письме «Об антирелигиозной пропаганде...» сообщал председателю Комиссии А.А. Андрееву, что этот участок работы является одним из наиболее отсталых и запущенных, в 21 районе оргбюро и советы «Союза воинствующих безбожников» полностью распались. В крае активно функционируют 14 храмов (в том числе 11 обновленческих) и «остатки разгромленных контрреволюционных церковных элементов в глубоком подполье», причем и «вокруг действующих церквей и молитвенных домов группируются контрреволюционные элементы из церковников и белогвардейцев и ведут свою работу». В нескольких районах в пасхальные дни не работало до половины колхозников, в Новоселицком районе крестили своих детей даже «видные коммунисты»: заведующий военным отделом и инструктор райкома ВКП(б), заведующий райздравотделом и т.д.⁵⁵⁸

Многие верующие в СССР «не питали любви» к советской власти, и в докладной приводится несколько резких публичных высказываний «церковников». Так, житель г. Ворошиловска Александр в январе 1941 г. говорил: «Все законы и постановления, издаваемые советским правительством не во благо своего народа, а в защиту и укрепление низменных интересов кучки эксплуататоров, заседающих в Кремле, которые думают только о себе, остальной народ давят, порабащают, и в результате весь народ закрепостили хуже, чем в средневековье...» Другой верующий, Иван, 7 апреля 1941 г. заявил: «Пусть они даже и не мечтают провести свою коммуну. Им это сделать не удастся, им придется без оглядки бежать. Они народу настолько насолили, что их будут бить везде и всякий их не пощадит... и эта расправа с угнетателями осуществится в этом году». Уполномоченный КПК подчеркивал утрату эффективности административных мер. Так, в 1940 г. провалились попытки путем угроз, арестов и насилия закрыть храмы в городах Ессентуки и Черкесске, прихожане отстояли их. В результате делался вывод: «Отрицательно влияют одни административные меры против действующих церквей, они толкают верующих в лапы контрреволюционных церковников, которые организуют подпольные молитвенные дома и используют эти слои к сколачиванию контрреволюционных группировок»⁵⁵⁹.

Письмо было переслано секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову с сопроводительной записью председателя КПК: «Подобные сообщения поступают и от других уполномоченных о возрастающей активности церковников»⁵⁶⁰.

Реакция на такие «сигналы» последовала быстро. Уже в 1940 г. государственная религиозная политика вновь начинает постепенно ужесточаться. Весной на страницах антирелигиозной прессы опять появились критические материалы о бездеятельности комсомола на «безбожном фронте», и 15 июля было принято единственное за все 1940-е гг. постановление ЦК ВЛКСМ об усилении борьбы с религиозностью: «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Бухарской комсомольской организации». Оно оказалось «сконструированным» в духе документов СВБ: прямолинейным, ультимативно-приказным, «ругательным»⁵⁶¹. 27 февраля 1940 г. Наркомпрос РСФСР издал приказ о постановке антирелигиозной пропаганды в школе, а с 1941/42 учебного года в высших учебных заведениях СССР предполагалось ввести преподавание курса по истории религии и атеизма в объеме 60 часов⁵⁶².

Предпринимались активные попытки оживить деятельность «Союза воинствующих безбожников». К 1941 г. официальная численность его членов вновь выросла — до 3,5 млн. Тираж антирелигиозных изданий в 1940 г. достиг 140 млн. экземпляров, а в течение первого полугодия 1941 г. (времени пика) издавалось 10 атеистических газет и 23 журнала. Однако этот рост носил в основном формальный, показательный характер. Хотя в 1940 г. было проведено 239 тысяч антирелигиозных лекций для ауди-

тории в 11 млн человек, это составляло среднюю посещаемость всего 50 человек на лекцию⁵⁶³.

Мало результатов принесло стремление перенести деятельность СВБ в новые западные районы СССР. В докладной записке ЦК КП(б) Белоруссии «О мерах по укреплению антирелигиозной работы в западных областях Белоруссии» от 26 февраля 1941 г. сообщалось, что проверка ЦК этой работы в конце 1940 г. выявила ее слабость и многочисленные серьезные недостатки. Деятельность СВБ в основном заключалась в лекциях и докладах, причем за год оказалось прочитано всего 526 лекций. 10 февраля 1941 г. бюро ЦК КП(б) Б было вынуждено принять специальное решение об организации систематической антирелигиозной пропаганды и агитации в западных областях республики, началась подготовка выпуска к лету атеистического учебника (тиражом всего 5 тыс. экземпляров)⁵⁶⁴

Очень показательным для характеристики двойственности политики Советского государства по отношению к Церкви и положения СВБ в тот период стало последнее предвоенное программное выступление Е. Ярославского на всесоюзном совещании работников антирелигиозных музеев 28 марта 1941 г. С одной стороны, председатель ЦС СВБ предостерег против тенденции «упростителей антирелигиозной пропаганды» осуждать всех верующих как «слепых невежд и полных идиотов... Среди них много совершенно лояльных советских граждан». Он призвал к терпению и предложил дифференцированный подход, в зависимости от ареала или региона, указав, что в новых советских республиках, где религия все еще сильна, не следует прибегать к грубой оскорбительности. Говоря о достижениях атеистической работы в новых западных регионах, Е. Ярославский, однако, привел только одну цифру: 75 посетителей нового курса антирелигиозных пропагандистов в Эстонии (при населении республики в 1 200 тысяч человек). Он сообщил также характерную статистику в целом по СССР: СВБ провел 484 антирелигиозных мероприятия в 1939 г. и 622 — в 1940 г., но общее число слушателей упало с 12 622 до 10 968, то есть составило менее 17 человек на каждом мероприятии; аналогично численность кружков СВБ увеличилась с 5089 до 9698, а число участников уменьшилось с 82 536 до 71 982 — около семи человек в кружке; количество семинаров выросло с 4824 до 5068, но в их работе участвовало не 77 231, а 77 011 человек, несмотря на включение новых западных территорий.

Призвав к умеренности, Е. Ярославский в то же время упомянул о том, что отмечаются лишь немногочисленные попытки вновь открыть церкви, не говоря уже о строительстве новых храмов, и представил эти факты, как свидетельство полного упадка религии в СССР. «Охотников, — резюмировал он, — обращаться с такими ходатайствами с каждым днем становится все меньше и меньше. А там, где такие ходатайства поступают, то потому, что инициаторами их являются — кулаки, служители культа и бывший церковный актив, единоличники». В итоге руководитель СВБ призвал усилить «борьбу за окончательное преодоление религиозных предрассудков», так как «социализм... не мирится ни с какой верой в сверхъестественное, ни с какой религией»⁵⁶⁵.

Постепенно вновь начали усиливаться репрессии в отношении священнослужителей. По подсчетам ученых Свято-Тихоновского гуманитарного университета и материалам комиссии Московской Патриархии по реабилитации, если в 1939 г. произошло резкое падение этих репрессий, то в 1940 г. начался их очередной подъем, прерванный лишь нападением Германии на СССР. В прессе снова появились обвинения священников в шпионаже, например, статья «Религия на службе японского империализма» в журнале «Под знаменем марксизма»⁵⁶⁶.

В изданной весной 1941 г. ЦС СВБ книге «Вторая империалистическая война и церковь» в полном противоречии с логикой утверждалось: «Укрепление обороноспо-

способности страны предполагает и развернутую борьбу с пережитками капитализма в сознании людей и, в частности, с религиозными пережитками. Религиозные проповеди в церквях, сектантская пропаганда, религиозные праздники отвлекают трудящихся от активного участия в общественно-политической жизни, в оборонной работе... Религиозные организации сплошь и рядом являются пристанищем для всякого контрреволюционного сброда, шпионов, диверсантов...»⁵⁶⁷

Даже в июне 1941 г., за несколько дней до начала войны, в статье «Патриотизм и религия» (журнал «Безбожник») столь же бездоказательно утверждалось: «Религия является злейшим врагом советского патриотизма... История не подтверждает заслуг церкви в деле развития подлинного патриотизма»⁵⁶⁸. Такая установка официальной пропаганды мало способствовала укреплению сплоченности населения перед Великой Отечественной войной.

Колебания правительственного курса остро воспринимались руководством Московского Патриархата. Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей постоянно пребывал в атмосфере внутренней напряженности, подвергаясь повседневной слежке. О встрече с ним в Москве осенью 1939 г. рассказывал епископ Пантелеймон (Рожновский). Отправляясь осматривать московские церкви, Местоблюститель прошептал на уху епископу: «Владыко, помолитесь прежде, не я вас везу храмы осматривать, а нас везут... Куда нас везут, сам не знаю...» Епископ Пантелеймон, прибывший на эту встречу из Западной Белоруссии, был потрясен⁵⁶⁹.

В 1940 г. руководству Московского Патриархата казалось, что обстановка изменилась к лучшему. Но уже весной 1941 г. у митрополита Сергея вновь стали преобладать пессимистические оценки положения Церкви. Так, в мае он сказал захвавшему к нему по дороге из ссылки о. Василию Виноградову: «Раньше нас душили, но, по крайней мере, исполняли свои обещания. Теперь нас продолжают душить, но обещаний своих больше не исполняют»⁵⁷⁰.

Сильнейший кризис в это время переживало обновленчество. Еще в начале 1938 г. насчитывалось 49 правящих обновленческих архиереев и 11 пребывавших на покое, но через год в результате репрессий их осталась лишь треть, а затем еще меньше. Ускоренными темпами закрывались церкви. Так, к 1939 г. в обширной Ленинградской епархии осталось лишь три действующих обновленческих храма. Тяжелейший удар был нанесен обновленчеству одним из его руководителей митрополитом Ленинградским Николаем (Платоновым). В январе 1938 г. он публично заявил в газете «Известия» о снятии сана, отречении от Бога, церковного общества и стал работать сотрудником Музея истории религии. Видимо, желая в обстановке террора спасти свои жизни, от сана отреклись еще несколько обновленческих священнослужителей⁵⁷¹. Обновленческий Первоиерарх в ответ на это, по сути, промолчал, он лишь уволил Н. Платонова с должности. На освободившееся место Ленинградского Владыки митрополит Виталий (Введенский) не назначил преемника, а поручил заведование делами епархии протопресвитеру Алексею Абакумову.

В 1939 г. обновленческий Первоиерарх вообще запретил епархиальным архиереям посещение своих приходских храмов, а также всякие рукоположения священников. Правда, митрополит Александр (Введенский)⁵⁷² игнорировал это распоряжение, считая его посягательством на архиерейские прерогативы, и продолжал рукополагать клириков. Это были так называемые священники-любители. Их рукополагали без назначения на приход, они работали в гражданских организациях, а когда надо было составить митрополиту Александру «богослужебный антураж», сослужили ему. С 1939 г. митр. Виталий и на пустовавшие кафедры, несмотря на неоднократные просьбы, никого не назначал. По сути, под давлением властей Первоиерарх вел дело к ликвидации обновленческой Церкви, и она постепенно умирала. Прекратились все

связи с Православным Востоком, к 1941 г. от обновленцев осталась лишь горстка архиереев при двух-трех храмах в епархиях. Исключение составляли лишь Московская и Средне-Азиатская (имевшая по шесть-семь), а также Северо-Кавказская и Кубанская (включавшие по 10—11 храмов) епархии⁵⁷³.

Правительство не было заинтересовано в успехе обновленцев в новых западных областях, так как там представители этого течения полностью отсутствовали. Поэтому некоторое оживление деятельности руководства обновленческой группировки наступило гораздо позднее, чем в Московском Патриархате, уже перед самой войной. В апреле 1941 г. опять было создано Высшее церковное управление из митрополита Виталия и его заместителя митрополита Александра (Введенского). Последний вновь начал совершать поездки по городам и производить ревизию церковной жизни. Так, 24 мая 1941 г. он приезжал в Ленинград, затем в Калинин⁵⁷⁴. Но все это оживление носило очень ограниченный характер.

В еще более тяжелом положении оказалось григорианство. В 1937 г. в обстановке террора фактически перестали существовать все их епархии — в Западной Сибири, Среднем Поволжье, в Ростовской области и на Урале. К этому времени основные руководители движения — митрополиты Григорий (Яцковский), Виссарион (Зорин), Борис (Рукин), Петр (Холмогорцев) умерли или были арестованы и погибли. Из 27 архиереев григорианского епископата, служивших в 1932 г., через семь лет, к 1940 г. остались лишь четыре малоизвестных епископа, управлявших несколькими приходами⁵⁷⁵. Почти полностью ушло в подполье иосифлянское движение. В конце 1930-х гг. существовало только два их официально действовавших храма — в Ленинграде и Московской области, причем последний был закрыт перед самой войной — весной 1941 г.

Процесс ликвидации храмов Русской Православной Церкви в 1940 — первой половине 1941 гг. продолжался. Еще летом 1940 г. в СССР на учете состояло 8296 православных обществ, то есть почти 5000 на старых территориях. Однако затем менее чем через год тысячи нефункционирующих храмов были сняты с регистрации. Так, в заявлении в Леноблисполком из дирекции Музея истории религии от 16 июня 1940 г. указывалось: «В Ленинградской области по требованию трудящихся закрывается и ликвидируется большое количество культовых зданий. Имущество, находившееся в этих зданиях, имеющее подчас большую музейную ценность, в ряде случаев уничтожается. Так, например, было уничтожено культовое имущество ликвидированных церковью Поддорского района, причем старинные иконы, древние книги и другие культовые предметы сжигались, рукописи шли на макулатуру, парча продавалась для изготовления тюбетеек. Музей истории религии Академии наук СССР заинтересован в получении из ликвидируемых церковью предметов, имеющих музейное значение, и в связи с этим ходатайствует о предоставлении ему права первоочередного отбора соответствующих вещей...»⁵⁷⁶ Впрочем, во многих районах области последние действующие храмы исчезли еще в 1937—1938 гг.

Даже в обеих столицах продолжалось закрытие и уничтожение церковью. Решение о ликвидации православного Греческого храма на Литовском пр. было принято президиумом Леноблисполкома 10 января 1939 г., Знаменскую церковь снесли весной 1941 г., уже летом готовилось уничтожение знаменитого собора Воскресения Христова (Спаса-на-Крови)⁵⁷⁷. Спасская церковь в вошедшем ныне в территорию Москвы с. Гиреево была закрыта весной 1941 г. На самом «пороге войны» на грани ликвидации находилась московская церковь Илии Обыденного, несколько месяцев не действовал Казанский храм в Коломенском⁵⁷⁸.

Бывший киевский монах Леонтий, ставший в годы оккупации епископом Украинской Автономной Церкви, а впоследствии епископом Чилийским, описал в своих

воспоминаниях положение Церкви в предвоенные годы, совершенно справедливо утверждая, что в большинстве главных городов оставалось по одной открытой церкви, в то время как в более маленьких городах, как правило, не существовало ни одной. Правда, далее он, сильно сгущая краски, писал, что в открытых церквях было оставлено по два священника, таких, которые согласились сотрудничать с НКВД. Они должны были доносить о содержании исповедей, о верующих должностных лицах и о подпольных священниках и мирянах. Епископ Леонтий приводит пример двух священников оставшегося в Киеве прихода. Один, очевидно, вызвал недовольство НКВД, был избит и после побоев скончался. Перед смертью в больнице он покаялся в своих грехах перед другими больными. У другого священника ушли жена и сын, взяв с собой черновики его донесений в НКВД. В 1941 г. жена донесла на него немцам, его арестовали, он сознался и был казнен⁵⁷⁹. Не ставя под сомнение приведенные факты, следует отметить, что осведомителями НКВД являлась лишь часть уцелевших священнослужителей. Так, в Ленинграде в 1941 г. из 20 оставшихся представителей духовенства Русской Церкви эти «функции» исполняли только четверо⁵⁸⁰.

Существуют разные точки зрения на количество действовавших православных храмов на территории СССР перед началом войны — в июне 1941 г. Ранее большинство исследователей исходили в своих расчетах из цифр, приведенных в издании советского посольства в Лондоне «Soviet War News» от 28 августа 1941 г. — 4225 приходов, 5665 священников и 28 епископов⁵⁸¹.

Однако затем некоторые российские и зарубежные историки некритично восприняли обнаруженную в архиве в докладе 1948 г. председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова цифру в 3021 довоенный храм⁵⁸². Соответственно утверждается, что около 3000 из них находилось на присоединенных западных территориях, а на остальной части СССР — около ста. Так, например, О. Васильева говорила о 121 церкви. Но в документе Г. Карпова речь шла лишь о том, что в составе действующих на 1 января 1948 г. 14 329 храмов Русской Церкви довоенные составляли 3021⁵⁸³.

А ведь часть функционировавших в июне 1941 г. храмов к 1948 г. уже перестала существовать. Например, все три уцелевших к началу войны церкви в южных пригородах Ленинграда: Знаменская в Пушкине, Никольская в Колпино и Свято-Троицкая в Петергофе — сильно пострадали в результате боевых действий, и службы в них прекратились. В другом докладе Г. Карпова в ЦК КПСС от 14 февраля 1947 г., обнаруженном автором, приводится иная цифра довоенных православных храмов — 3732⁵⁸⁴. Именно она представляется близкой к истине. В течение 1947 г. церкви в СССР почти не закрывались, и сокращение числа действовавших до войны храмов на 712 могло произойти только за весь период конца 1941—1947 гг.

Поскольку из указанных 3732 церквей около 3350 приходилось на западные области и республики, в остальной части СССР оставалось примерно 350—400 действовавших православных храмов. Эта цифра подтверждается и подсчетами по отдельным епархиям. Так, только Москва с пригородами (32 храма), Грузия (27), Казахстан и Средняя Азия (7), Орджоникидзевский край (14), Север и Северо-Запад России (всего 42: Ленинградская епархия⁵⁸⁵ — 21, Псковская — 8, Вологодская и Архангельская — по 5, Новгородская — 3) давали вместе 122 действовавших в июне 1941 г. православных церкви⁵⁸⁵, что уже превышает цифру, указанную О. Васильевой. Вполне возможно, что специально не искажались и сведения, указанные в издании советского посольства, 500 же «лишних» храмов не были действующими, но в то время еще числились на регистрации.

В работах О. Васильевой приведено и количество священнослужителей накануне войны — 6376 (вместе с западными областями). Однако источником этой цифры вновь

послужил один из докладов Г. Карпова, в котором говорилось, что на 1 апреля 1946 г. на территории СССР служило 9254 священника и диакона, из которых начали службу в годы войны 2878 человек⁵⁸⁶. Таким образом, остальные лишь были посвящены в сан в более ранний период, а какая часть из этих людей служила в 1941 г. — неизвестно. Маловероятно, чтобы цифра в 5665 священников в сообщении ТАСС была заниженной.

В любом случае количество храмов и священнослужителей, уцелевших к началу войны, было для такой страны, как СССР, просто мизерным. И тех и других оставалось на основной территории менее пяти процентов от уровня конца 1920-х гг. В РСФСР в 25 областях не имелось ни одной действующей православной церкви, в 20 — от одной до пяти. На Украине — в Винницкой, Кировоградской, Донецкой, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях были закрыты все храмы. По одному действовало в Ворошиловградской, Полтавской, Харьковской областях⁵⁸⁷.

Накануне Великой Отечественной войны казалось, что ВКП(б) близка к достижению провозглашенной цели в области религиозных отношений. «Бесцерковные» и «безбожные» деревни, поселки, города, районы и целые области насчитывались десятками и сотнями. Согласно проводимым тогда социологическим исследованиям и опросам, количество верующих якобы сокращалось⁵⁸⁸. Официальные средства массовой информации и антирелигиозная литература свидетельствовали о «поддержке трудящимися массами» курса церковной политики государства, как наиболее полно обеспечивающего свободу совести. Но это была иллюзия. Уже через несколько месяцев ситуация кардинальным образом изменилась — началось бурное «религиозное возрождение».

Таким образом, в 1939 г. произошло изменение курса государственной религиозной политики, закончился десятилетний период открытого активного наступления на Церковь. Причины этой перемены были как внутренними, так и международными: репрессивные акции не помогли снизить высокую религиозность населения СССР; росло количество тайных богослужений; массовое недовольство людей закрытием храмов; надвигавшаяся война требовала большего национального единства вместо атмосферы внутригражданской борьбы, провоцируемой постоянными нападками на верующих; заинтересованность в использовании Московской Патриархии для распространения советского влияния на миллионы православных жителей присоединенных к СССР в 1939—1940 гг. областей и республик. Положение Церкви временно улучшилось, Патриархия получила возможность совершать архиерейские хиротонии, замещать пустующие кафедры и т.д. Но и в 1939—1941 гг. по-прежнему приоритетной задачей в религиозной политике государства оставалось скорейшее построение безрелигиозного общества. Обеспокоенное активизацией церковной жизни, уже к середине 1940 г. правительство вновь начинало ужесточение ее курса. Продолжалось закрытие храмов, снова начало расти число арестов священников, в последний раз оживилась деятельность СВБ и т.п.

Однако, несмотря на почти полный разгром организационной структуры Русской Православной Церкви, множество запретов, окутывавших ее со всех сторон, жесточайшие гонения, она сумела выстоять, выжить как институт. Все планы искоренения религии терпели неудачу, и это постепенно все больше осознавало советское руководство.

§ 2. Патриотическая деятельность Московской Патриархии

22 июня 1941 г., в день всех святых, в земле Российской просиявших, Германия напала на Советский Союз. Казалось бы, начавшаяся война должна была обострить противоречия между государством и Церковью. Однако этого не произошло. Склады-

вавшиеся веками национальные и патриотические традиции Русского Православия оказались сильнее обид и предубеждений. Несмотря на духовную несвободу, гонения на них, верующие приняли самое активное участие в борьбе с агрессором.

О нападении на СССР Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей узнал, вернувшись в свою скромную резиденцию из Богоявленского собора, где он служил литургию. Сразу же ушел к себе в кабинет, написал и собственноручно отпечатал на машинке «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». Это было в тот момент, когда многие государственные и партийные руководители пребывали в растерянности — И. Сталин смог обратиться к народу только на двенадцатый день после начала войны. О каком-нибудь давлении властей на Патриаршего Местоблюстителя при написании им первого военного послания говорить не приходится. «Невзирая на свои физические недостатки — глухоту и малоподвижность», — вспоминал позднее архиепископ Димитрий (Градусов), — митрополит Сергей оказался на редкость чутким и энергичным — свое послание он не только сумел написать, но и разослать по всем уголкам необъятной Родины»⁵⁸⁹.

В послании говорилось: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу». В своем обращении митрополит Сергей нигде не упомянул ни Советский Союз, ни его правительство. Он писал: «...мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охвативший почти весь земной шар, до нас не дойдет...» (в этих словах можно найти упрек советским властям, еще в июне 1941 г. уверявшим, что войны не будет). Местоблюститель призывал священников не оставаться молчаливыми свидетелями и тем более не предаваться «лукавым соображениям» о «возможных выгодах» по другую сторону фронта, что было бы, по его словам, «прямой изменой Родине и пастырскому долгу»⁵⁹⁰. Здесь звучал намек на то, что после всех репрессий у некоторых священнослужителей могли появиться подобные мысли. Это пастырское послание было разослано по всем приходам страны и уже вскоре читалось после богослужений.

26 июня в Богоявленском соборе митрополит Сергей отслужил молебен «о даровании победы». С этого времени во всех храмах Московского Патриархата стали совершаться подобные молебствия, по специально для них составленным текстам: «Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской Православной Церкви в дни Отечественной войны»⁵⁹¹.

В проповеди, произнесенной Местоблюстителем после молебна 26 июня, также содержалось прямое указание на то, что положение в СССР перед войной было неблагоприятно: «Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступающая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной... Мы уже видим некоторые признаки этого очищения»⁵⁹².

Так началось активное участие Русской Православной Церкви в патриотической борьбе. В речи на Архиерейском Соборе 1943 г. митрополит Сергей, вспоминая июнь 1941 г., говорил: «О том, какую позицию должна занять, наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться...»⁵⁹³

26 июля глава Ленинградской епархии митрополит Алексей (Симанский) написал свое обращение к духовенству и мирянам «Церковь зовет к защите Родины». Особенную же известность получило его слово за литургией, произнесенное 10 августа в Московском Богоявленском соборе. Он говорил прежде всего о патриотизме и ре-

лигиозности русского народа: «Как во времена Димитрия Донского и св. Александра Невского, как в эпоху борьбы с Наполеоном, не только патриотизму русских людей обязана была победа Русского народа, но и его глубокой вере в помощь Божию правому делу... мы будем непоколебимы в нашей вере в конечную победу над ложью и злом, в окончательную победу над врагом»⁵⁹⁴. С аналогичными обращениями выступили и другие православные иерархи.

Послания главы Русской Православной Церкви носили не только призывный и консолидирующий характер, но и имели разъяснительные цели. В них определялась твердая позиция Церкви по отношению к захватчикам и войне в целом независимо от положения на фронте. Так, 4 октября 1941 г., когда Москве угрожала смертельная опасность и население переживало тревожные дни, митрополит Сергей выпустил послание к московской пастве, призывая к спокойствию верующих⁵⁹⁵.

В ноябре 1941 г., уже находясь временно в Ульяновске, митрополит Сергей издал новое обращение, укрепляющее в народе уверенность в близком часе победы: «Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих да увенчает наши усилия конечной победой и да ниспошлет успехи воинству русскому, залог нравственного и культурного преуспеяния человечества»⁵⁹⁶.

Особое внимание в своей патриотической деятельности Русская Православная Церковь уделяла работе с верующими на оккупированной территории. В январе 1942 г. в специальном обращении к православным людям на временно оккупированной немцами территории Патриарший Местоблюститель напомнил, чтобы они, находясь в плену у врага, не забывали, что они — русские, и сознательно или по недомыслию не оказались предателями своей Родины. Одновременно митрополит Сергей призывал содействовать партизанскому движению. Так, в послании было подчеркнуто: «Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению от фашистского плена»⁵⁹⁷.

Всего за годы войны Патриарший Местоблюститель обращался к верующим с патриотическими посланиями 24 раза, откликаясь на все основные события в военной жизни страны. Патриотическая позиция Церкви имела особое значение для православных христиан СССР, миллионы которых участвовали в боевых операциях на фронте и в партизанских отрядах, трудились в тылу. Тяжелые испытания и лишения войны стали одной из причин значительного роста религиозности в стране. Представители разных слоев населения искали и находили в Церкви моральную опору и утешение, своеобразную психологическую нишу. Существует множество свидетельств активного проявления религиозных чувств буквально с 22 июня 1941 г. Так, упоминавшийся торжественный молебен 26 июня в Богоявленском соборе Москвы «прошел при исключительно большом стечении народа как внутри, так и вокруг храма»⁵⁹⁸.

В посланиях иерархов и проповедях священников Русская Церковь не только утешала верующих в скорби, но и поощряла их к самоотверженному труду в тылу, мужественному участию в боевых операциях, поддерживала веру в окончательную победу над врагом, способствуя тем самым формированию высоких патриотических чувств и убеждений среди тысяч соотечественников. Кроме того, и от имени Церкви подвергались осуждению дезертирство, сдача в плен, сотрудничество с оккупантами. Все это способствовало изживанию пораженческих настроений, получивших определенное распространение в первый период войны, и в конечном итоге создавало «нравственные условия победы», которые в значительной мере изменили ход военных событий.

Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны. Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 г. на

свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей армии. Так, уже побывав в заключении, заместителем командира роты начал свой боевой путь по фронтам войны С.М. Извеков, будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Наместник Псково-Печерского монастыря в 1950-х — 1960-х гг. архимандрит Алипий (Воронов) воевал все четыре года, оборонял Москву, был несколько раз ранен и награжден орденами. Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексий (Коноплев) на фронте был пулеметчиком; когда в 1943 г. он вернулся к священнослужению, на груди его блестела медаль «За боевые заслуги». Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем сражался в должности заместителя начальника полковой разведки. А знаменитый старший сержант Павлов, возглавлявший группу советских бойцов, несколько месяцев удерживавших «Дом Павлова» в центре Сталинграда, по некоторым сведениям, был до службы в армии монахом и т.д.⁵⁹⁹

В докладе Г. Карпова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову о состоянии Русской Церкви от 27 августа 1946 г. указывалось, что многие представители духовенства награждены орденами и медалями Великой Отечественной войны, и приводились конкретные примеры: священник Ранцев (Татарская АССР) — орденом Красной Звезды, протодиакон Зверев и диакон Хитков (Крымская область) — каждый четырьмя медалями и др.⁶⁰⁰

Активно участвовали священнослужители и в партизанском движении. На оккупированной территории они подчас являлись единственным связующим звеном между населением и партизанами. Священники укрывали оставших при отступлении от частей красноармейцев, сбежавших из лагерей военнопленных, вели патриотическую агитацию среди населения, сами вступали в ряды антифашистских отрядов. Десятки их были награждены медалью «Партизану Великой Отечественной войны». В том же докладе Г. Карпова говорится, что в Курской области священник Говоров скрывал у себя бежавших из фашистского плена летчиков и помог им перейти к своим, а протоиерей Семькин не только помогал пленным красноармейцам, но и после прихода советских войск мобилизовал местное население для дежурства и ухода за ранеными в полевом госпитале⁶⁰¹.

Особенно многочисленны были примеры участия священнослужителей в антифашистской борьбе на оккупированной территории в «партизанской республике» — Белоруссии. Так, протоиерей Александр Романушко из Полесья с 1942 по лето 1944 г. лично участвовал в боевых операциях, ходил в разведку. В 1943 г. он при отпевании полицая при большом скоплении народа и в присутствии вооруженной охраны прямо на кладбище сказал: «Братья и сестры, я понимаю большое горе матери и отца убитого, но не наших молитв и “Со святыми упокой” своей жизнью заслужил во гробе предающийся. Он — изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо “Вечный памяти” произнесем же: “Анафема”. Подойдя к полицаям, он просил их искупить свою вину, обратив оружие против фашистов. Эти слова произвели на людей очень сильное впечатление, и прямо с кладбища многие ушли в партизанский отряд. Из письма о. Александра, посланного осенью 1944 г. митрополиту Алексию (Симанскому), известно, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55% в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам⁶⁰².

Можно привести множество подобных примеров. Неслучайно даже в выпущенном в годы войны кинофильме «Секретарь райкома» священник помогает партизанам, и в конце фильма набат церковного звона призывает на защиту Отечества. Подробнее о порой очень неоднозначных отношениях духовенства на оккупированной территории с партизанским движением будет рассказано в следующем параграфе⁶⁰³.

Необходимо отметить не только присутствие священнослужителей в составе действующей армии или антифашистского подполья, но и обращение к вере многих солдат, офицеров, партизан, в том числе старших командиров. Из свидетельства очевидцев известно, что начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников (полковник царской армии) носил финифтевый образ св. Николая и молился: «Господи, спаси Россию и мой народ!» Его преемником на посту начальника Генштаба стал сын священника из Кинешмы маршал А.М. Василевский. В освобожденной Вене в 1945 г. по приказу маршала Ф.И. Толбухина (брат которого — протоиерей служил все годы блокады в Ленинграде) были отреставрированы витражи в русском православном соборе и отлит в дар храму колокол с надписью «Русской Православной Церкви от победоносной Красной Армии». Неоднократно свои религиозные чувства публично проявлял командующий Ленинградским фронтом маршал Л.А. Говоров, после Сталинградской битвы стал посещать православные храмы маршал В.Н. Чуйков. Широкое распространение среди верующих получила убежденность, что всю войну с собой в машине возил образ Казанской Божией Матери маршал Г.К. Жуков. В 1945 г. он вновь зажег неугасимую лампаду в Лейпцигском православном храме-памятнике, посвященном «Битве народов» с наполеоновской армией. А в конце 1940-х гг., отправленный командовать Одесским военным округом, проезжая Киев, Г. Жуков принес в храм и попросил оставить в алтаре свою «военную» икону Казанской Божией Матери⁶⁰⁴.

Естественно, что верующими становились и рядовые солдаты, ежедневно рискувавшие своей жизнью. В одном из писем с фронта, характеризующем типичность ситуации того периода, солдат М.Ф. Черкасов писал домой матери: «Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу»⁶⁰⁵. О росте религиозности в армии в годы войны свидетельствуют архивные документы, очевидцы и даже литераторы, например, писатель В.Ф. Тендряков⁶⁰⁶.

О проявлениях религиозных настроений в войсках, как правило, быстро становилось известно в вышестоящих инстанциях, но те в основном ограничивались пассивным наблюдением. Так, 16 февраля 1944 г. при взятии г. Луги советскими войсками генерал Лобанов вызвал в д. Заозерье ранее помогавшего партизанам священника М.С. Образцова и предложил ему в присутствии населения окрестных деревень, работников штаба и красноармейцев отслужить благодарственный молебен об одержании победы. После молебна генерал публично поблагодарил священника за антифашистскую деятельность⁶⁰⁷.

В отчете уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви в Марийской АССР за 1944 г. отмечалось: «...к великому сожалению, церковь посещает даже командный состав воинских частей. Характерный случай: верующие переносили в сентябре месяце иконы из Цибикнурской церкви в Йошкар-Олу, и по пути следования к этим иконам прикладывались... командиры воинских частей и жертвовали деньгами — было собрано 17 000 рублей»⁶⁰⁸.

Г. Карпов, докладывая в ЦК ВКП(б) о праздновании Пасхи в московских и подмосковных храмах в ночь с 15 на 16 апреля 1944 г., также подчеркивал: «Почти во всех церквях города, в том или ином количестве, были военные офицерского и рядового состава, общим числом больше 500 человек... В области были также посещения церквей офицерским и рядовым составом. Так, например, в Казанской церкви (с. Коломенское Ленинского района) военных было 50 человек, в церкви Александра Невского (пос. Бирюлево Ленинского района) — 275 человек, в Троицкой церкви г. Подольска — 100 человек»⁶⁰⁹.

Были случаи, когда с фронтов посылались в Москву телеграммы с просьбами направить в действующую армию материалы с проповедями духовенства Русской Церкви. Так, 2 ноября 1944 г. в Главное политуправление РККА с 4-го Украинского фронта по-

ступила телеграмма, заверенная подполковником Лесновским, с просьбой «по встретившейся надобности в самом срочном порядке выслать материалы Синода для провознесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви»⁶¹⁰. Таким образом, командование хотело откликнуться на настроения солдат. Есть свидетельства о выступлениях в действующей армии не только священников, но и архиереев⁶¹¹. Например, о совершении в ноябре 1942 г. под Сталинградом, на другом берегу Волги, митрополитом Николаем (Ярушевичем) молебна перед Казанским образом Божией Матери⁶¹².

Когда эта решающая битва войны близилась к концу, 19 января Патриарший Местоблюститель в Ульяновске возглавил крестный ход на Иордань. Он горячо молился о победе русского воинства, но неожиданная болезнь заставила его лечь в постель. В ночь на 2 февраля 1943 г. митрополит Сергей, как рассказывал его келейник, архимандрит Иоанн (Разумов), пересилив недуг, попросил помочь подняться с постели. Встав с трудом, он положил три поклона, благодаря Бога, и затем сказал: «Господь воинств, сильных в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром! Может быть, это начало будет счастливым концом». Утром радио передало сообщение о полном разгроме немецких войск под Сталинградом⁶¹³.

Показательно для определения значительного роста религиозности рождение в военные годы легенд, объясняющих все крупнейшие победы советских войск: под Москвой, Курском, Сталинградом и другие — помощью Небесных сил. Одна из них в современном изложении гласит: «Зимой 1941 г. ...изрядно смутившийся Сталин вспомнил свое единственное незаконченное образование — Тбилисскую Духовную семинарию... и призвал к себе в Кремль духовенство для молебна о даровании победы; тогда же... чудотворная Тихвинская икона Богородицы из Тихвинской в Алексеевской церкви была на самолете обнесена вокруг Москвы и Москву от врага спасла»⁶¹⁴. Но эта легенда, в отличие от некоторых других, практически не опирается на реальные события.

Гражданским подвигом стало поведение духовенства и мирян Ленинграда. В городе и его северных пригородах, оказавшихся в кольце блокады, находилось 10 действующих православных храмов. По предложению митрополита Алексия (Симанского) уже с 23 июня приходы Ленинграда начали сбор пожертвований на оборону. Владыка поддержал желание верующих отдать на эти цели имевшиеся в храмах запасные суммы, порой очень значительные. Особенно активно проявлялось желание оказывать запрещенную с 1918 г. благотворительную помощь. Вспоминали опыт Первой мировой войны, когда многие приходы устраивали госпитали. Так, двадцатка Князь-Владимирского собора предложила на свои средства открыть и содержать лазарет для раненых и больных воинов и 8 августа передала на него 710 тысяч из 714 тысяч имевшихся у нее рублей. Однако подобная конкретная благотворительная деятельность осталась под запретом и после начала войны. Приходам разрешили перечислять деньги только в общие фонды — Красного Креста, обороны и т.п.

Но даже такое ограничение не погасило воодушевления верующих и духовенства. Храмы отказывались от всех расходов, кроме самых необходимых. Повсеместно солдатам собирали теплые вещи, прихожане жертвовали продовольствие для больных и т.д. 385 тысяч рублей в первые дни войны выделил община кафедрального Николо-Богоявленского собора, всего же к концу 1941 г. свои взносы сделали все православные приходы Ленинграда на общую сумму 2 144 тысячи рублей⁶¹⁵.

С конца июня 1941 г. храмы стали заметно наполняться народом, многие приходили помолиться за своих близких. Но богослужения пришлось приспособить к военным условиям: утром они начинались в 8 часов, вечером — в 16. Молодые церковнослужители ушли в армию, народное ополчение, на оборонное строительство.

Оставшиеся изучали средства противопожарной и противовоздушной обороны и возглавили соответствующие группы прихожан, созданные при каждом храме. Были созданы и группы сохранения порядка на случай паники во время богослужения. Среди оборонных мероприятий важное значение имела маскировка соборов, которые могли бы стать ориентирами и целями при воздушных налетах на город. В августе началась маскировка их золотых куполов с помощью чехлов, маскировочных сетей и окраски в защитный цвет. Фронт стремительно приближался к городу. Немало ленинградцев, среди них и несколько священников, опасаясь за свои семьи, проводившие лето на даче, выехали за ними, но неожиданно сами оказались в оккупации. Один из них, протоиерей Александр Петров, вскоре начавший служить в Гатчинском соборе, был в августе 1942 г. расстрелян фашистами.

8 сентября 1941 г. сомкнулось кольцо блокады. Начались артиллерийские обстрелы города. От снарядов и бомб пострадали Николо-Богоявленский, Князь-Владимирский соборы, здание бывшей Духовной академии, где тогда размещался госпиталь. Даже отдаленная Димитровская Коломяжская церковь в ноябре 1941 г. подверглась бомбардировке. Один из ее прихожан — С.И. Каяйкин был убит прямо в церковной сторожке. Но богослужения в действовавших храмах продолжали совершаться ежедневно. В первое время по сигналу тревоги молящиеся уходили в бомбоубежище, затем привыкли, и службы зачастую не прерывались, только дежурные МПВО занимали свои места.

К концу сентября немецкие войска под Ленинградом были остановлены. Рано наступившая зима оказалась на редкость суровой. В городе почти прекратилась подача электроэнергии, остановился транспорт, многие здания не отапливались. В храмах температура упала до нуля, порой замерзало масло в лампадах, все больше людей умирало от голода. Протоиерей Николай Ломакин, давая свидетельские показания на Нюрнбергском процессе, рассказывал, что вокруг Никольской церкви Большеохтинского кладбища можно было в течение целого дня видеть груды гробов — 100 или 200 гробов, над которыми совершал отпевание священник. Всем ленинградским священнослужителям приходилось постоянно заниматься этим скорбным делом. В кафедральном Николо-Богоявленском соборе митрополит Алексей нередко сам отпевал усопших, обставляя эти службы очень торжественно.

Даже в самую страшную блокадную зиму 1941—1942 гг. храмы продолжали функционировать (лишь Серафимовская кладбищенская церковь в январе—апреле 1942 г. была закрыта), давая горожанам духовное утешение и поддержку. Весь период блокады продолжался значительный рост религиозного чувства горожан. Богослужения проходили при переполненных храмах. Один из прихожан Князь-Владимирского собора позднее вспоминал о декабре 1941 г.: «Певчие пели в пальто с поднятыми воротниками, закутанные в платки, в валенках, а мужчины даже в скуфьях. Так же стояли и молились прихожане. Вопреки опасениям, посещаемость собора нисколько не упала, а возросла. Служба у нас шла без сокращений и поспешности, много было причастников и исповедников, целые горы записок о здравии и за упокой, нескончаемые общие молебны и панихиды»⁶¹⁶.

Митрополит Алексей в своем докладе 8 сентября 1943 г. на Соборе епископов Православной Церкви также указывал: «И мы можем отмечать повсюду, а живущие в местах, близких к военным действиям, как, например, в Ленинграде, в особенности, — как усилилась молитва, как умножились жертвы народа через храмы Божий, как возвысился этот подвиг молитвенный и жертвенный. Тени смерти носятся в воздухе в этом героическом городе-фронте, вести о жертвах войны приходят ежедневно. Самые жертвы этой войны часто, постоянно у нас перед глазами...»⁶¹⁷

Ленинград сражался не только силой оружия, но и молитвой Церкви, силой общего воодушевления. В чин Божественной Литургии вводились специальные молит-

вы о даровании победы нашему доблестному воинству и избавлении томящихся во вражеской неволе. Служился тогда и особый молебен «В нашествии супостатов, певаемый в Отечественную войну». Позднее на некоторых богослужениях в Николо-Богоявленском кафедральном соборе присутствовало командование Ленинградским фронтом во главе с маршалом Л.А. Говоровым.

Голодная блокада не щадила и священнослужителей. Только в Князь-Владимирском соборе в 1942 г. умерло 8 служащих и членов клира: два приписных священника, протодиакон Георгий Верзилов, бывший регент хора, сторож и певчий Воробьев, три дворника, а также бессменный председатель двадчатки И.М. Куракин⁶¹⁸. В Николо-Богоявленском соборе прямо за богослужением умер регент, звонарь А.А. Климанов, не пережил голодную зиму и келейник митрополита Алексия инок Евлогий.

Можно привести много примеров подвижнического служения ленинградского духовенства. «Всю войну не было дня, чтобы отец не пошел на работу, — вспоминала балерина Кировского театра И.В. Дубровицкая о своем отце, протоиерее Никольского собора Владимире Дубровицком, — бывало, качается от голода, я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь — упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: “Не имею я права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить”. И шел в свой собор. За всю блокаду обстрел ли, бомбежка ли — ни одной службы не пропустил»⁶¹⁹. Священнослужители, сами испытывая все невзгоды, понимали, как нуждаются люди в поддержке, утешении. А ведь многие из них, уже очень немолодые, жили далеко от своих храмов.

Даже старейший протоиерей Иоанн Горемыкин на восьмом десятке лет каждый день пешком добирался с Петроградской стороны в Коломяги. Сохранились свидетельства прихожан, что он порой последний паек свой отдавал голодающим. Отец Иоанн благославлял земляков на фронт, а сыну, работавшему в городе главным инженером одного из военных заводов, сказал: «Как это так? Все идут защищать Родину, а мой сын будет отсиживаться? «И Василий Горемыкин пошел в армию. Командующий фронтом Л.А. Говоров, узнав об этом, специально приезжал в Коломяжскую церковь благодарить отца-протоиерея»⁶²⁰. Правда, другой сын пастыря Дмитрий только за то, что он служил священником в церкви на оккупированной территории Ленинградской области, был в 1944 г. арестован и отправлен на несколько лет в лагерь.

Священники и их паства в блокированном городе жили одной судьбой. Вокруг храмов существовали объединения людей, которые помогали друг другу выжить, выстоять. Так, например, автономно, без какого-либо существенного вмешательства городских властей функционировала община обновленческого Спасо-Преображенского собора. В его подвале было оборудовано бомбоубежище на 500 человек для прихожан и жителей окрестных домов, в котором старались поддерживать тепло. Имелся кипяток, запас медикаментов, в случае необходимости в подвале можно было переночевать. Нуждающимся людям помогали деньгами, дровами, свечами, маслом для освещения и т.д. В соборе с довоенных времен имелся запас строительных материалов, и прихожанам делали из железных листов печи для обогрева квартир, выделяли фанеру, картон, чтобы заменить ими выбитые взрывной волной оконные стекла.

Несмотря на оказываемую помощь, люди умирали. К весне 1942 г. из шести членов предвоенного клира в Преображенском соборе в живых осталось лишь двое — протопресвитер Павел Фруктовский и протодиакон Лев Егоровский. Оба они жили на очень большом расстоянии от храма: настоятель на Васильевском острове, у Смоленского кладбища, протодиакон же — за городом, в Парголово. Но даже в самую тяжелую пору они постоянно служили в соборе. В ходатайстве прихожан осенью 1943 г. о награждении о. П. Фруктовского медалью «За оборону Ленинграда» говорилось: «...в зиму

1941—1942 г., когда отсутствовало трамвайное сообщение, а живет отец Павел от собора 15 км., он, опухший от недоедания, в возрасте 65 лет, ежедневно посещал собор, он был единственный священник, временами он приходил на службу совсем больной и домой уже не мог возвращаться и ночевал в холодном соборе»⁶²¹. Много месяцев о. П. Фруктовский обслуживал приход на пределе физических возможностей: он один и литургисал, и исповедовал, и отпевал, и совершал все требы. Но община выстояла. Весной 1942 г. она приступила к уборке прилегавших к храму площади и улиц, начала обрабатывать выделенный ей для огорода участок земли.

Приближалась первая военная Пасха (5/18 апреля). В праздничном послании митрополита Алексия подчеркивалось, что в этот день исполняется 700 лет со дня разгрома немецких рыцарей в Ледовом побоище св. кн. Александром Невским — небесным покровителем города на Неве. Пасхальное богослужение собрало много народа, однако меньше, чем год назад; сказывались последствия войны. Каждый третий житель города умер от голода, в первой половине 1942 г. развернулась массовая эвакуация. Важно отметить, что практически все служащее духовенство осталось на своих местах. Эвакуировались лишь заштатные священнослужители. Многие верующие вместо куличей освящали кусочки блокадного хлеба.

Богослужение было перенесено на 6 часов утра, что позволило избежать больших жертв. Именно к Пасхе гитлеровцы приурочили особенно яростный налет на Ленинград. Так, серьезные повреждения были нанесены в Пасхальную ночь Князь-Владимирскому собору. Фашистские самолеты не только сбрасывали на него бомбы, но и обстреливали на бреющем полете из пулеметов. Согласно акту специальной комиссии под председательством митрополита Алексия, общий ущерб от попадания снарядов и бомб в собор с августа 1941 по 1 мая 1943 г. составил 5 514 тысяч рублей.

В 1943 г. особенно часто обстреливался Николо-Богоявленский собор, однажды в него попали три снаряда, причем осколки врезались в стену покоев митрополита. Владыка Алексей вошел в алтарь, показал причту осколок снаряда и улыбаясь сказал: «Видите, и близ меня пролетела смерть. Только, пожалуйста, не надо этот факт распространять. Вообще, об обстрелах надо меньше говорить... Скоро все это кончится. Терпеть недолго осталось»⁶²².

Следует отметить, что представители духовенства наравне со всеми жителями несли труды по обороне города, входили в группы самозащиты МПВО. Например, в справке, выданной 17 октября 1943 г. архимандриту Владимиру (Кобецу) Василеостровским райжилуправлением, говорилось, что он «состоит бойцом группы самозащиты дома, активно участвует во всех мероприятиях обороны Ленинграда, несет дежурства, участвовал в тушении зажигательных бомб»⁶²³.

Активно включилось духовенство города в подписку на военные займы, сбор пожертвований в фонд обороны. К 1 июня 1944 г. сумма таких пожертвований достигла 390 тысяч рублей, в том числе митрополит внес 50 тыс., а протодиакон А.И. Егоровский, сдавший 49 тысяч, получил персональную телеграмму с благодарностью от И. Сталина. Однако основной поток пожертвований шел от мирян. Всего же верующие ленинградцы за 1942 г. собрали 1 485 тысяч, а за 1943 — 5 051 тысячу рублей⁶²⁴.

Торжественно и празднично отмечалось ленинградским духовенством и мирянами полное освобождение города от вражеской блокады. Во всех храмах по благословению митрополита 23 января 1944 г. были совершены благодарственные молебствия, перед началом которых настоятели читали слово Владыки Алексия: «Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным воинам новую блестящую победу на нашем родном, близком нам Ленинградском фронте... Эта победа окрылит дух нашего воинства и как целительный елей утешения падет на сердце каждого ленинградца, для которого дорога каждая пядь его родной земли...»⁶²⁵

28 января Владыка вместе с членами областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков посетил освобожденные пригороды — Петергоф, Пушкин и под впечатлением увиденной картины варварского разрушения дворцов и храмов написал гневную статью для «Журнала Московской Патриархии».

Религиозный подъем в епархии на заключительном этапе войны наглядно подтверждают статистические данные по Ленинграду. Например, если в Николо-Богоявленском соборе в первой половине 1944 г. было совершено около 86 тысяч треб, то в первом полугодии 1945 г. — 110 тысяч. Количество отпеваний покойников составляло в I квартале 1944 г. 42,8% всех захоронений на кладбищах Ленинграда, во II квартале — 48,2%. В результате значительно выросли доходы городских священнослужителей — в 1945 г. в среднем по разным оценкам на 130—180% и превысили аналогичные показатели в Москве более чем в три раза, выйдя на третье место среди всех крупных городов СССР⁶²⁶.

Подъем проявился и в том, что с освобождением Ленинграда от блокады патриотическое движение верующих в епархии еще более усилилось. Только за три первых послеблокадных месяца было собрано 1 млн 191 тысяча рублей. Ленинградцы горячо поддержали митрополита Алексия, 25 октября 1944 г. опубликовавшего послание об открытии всецерковного сбора в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной армии. Общая сумма патриотических взносов духовенства и мирян Ленинградской епархии за июль 1941 — июнь 1945 гг. составила 17 423,1 тысячи рублей, в том числе 16 274,5 тысячи собрали жители города на Неве⁶²⁷.

Таким образом, обращение к Церкви в блокадном Ленинграде носило массовый характер, более значительный, чем во многих других районах страны. Религиозный фактор сыграл очень существенную роль в обороне города. Действовавшие весь период блокады храмы активно способствовали мобилизации материальных средств и духовных сил ленинградцев.

Материальная помощь государству и советской армии в целом стала одним из самых важных направлений патриотического служения духовенства и верующих в период войны. Уже с лета 1941 г. не только ленинградские, но и практически все православные приходы страны начали сбор денежных пожертвований и ценных предметов в фонд обороны, хотя всецерковный призыв «трудами и жертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам» митрополит Сергей огласил 14 октября⁶²⁸. Особенно активно в первые месяцы проявило себя духовенство Горького и Харькова.

Протоиерей единственной церкви г. Горького А.А. Архангельский в апреле 1942 г. писал Патриаршему Местоблюстителю: «Любовь к родине, защита ее целостности от врагов была заветом всех православных христиан. Поэтому верующие особенно горячо отнеслись к призыву о помощи на нужды фронта, на нужды и помощь раненым бойцам. Достаточно указать, что нами собрано пожертвований и передано в Фонд обороны свыше двух миллионов рублей. Верующие охотно несли по примеру своих предков не только деньги, облигации, но и лом серебра, меди и другие вещи, обувь, полотенца, полотно и пр. Было заготовлено и сдано немало валяной и кожаной обуви, шинелей, носков, перчаток, белья. Одной шерсти перевязали на носки более 4 пудов. Был организован особый сбор на подарки для бойцов в день годовщины Красной Армии, давший свыше 30 000 рублей. Подарки были разнесены по госпиталям для раненых, которые сердечно приняли такую внимательную о них заботу. Выпуск денежной вещевой лотереи также встретил поддержку среди верующих. Церковный совет внес за билеты 35 000 руб. с переводом их непосредственно в Фонд обороны для Красной Армии»⁶²⁹. В Саратове за 1943 г. верующие собрали 2 339 тысяч рублей, а к 15 сентября 1944 г. еще 1 350 тысяч руб., из них 600 тысяч на строительство 6 самолетов эскадрильи имени Александра Невского⁶³⁰.

В конце 1944 г. каждая епархия прислала в Синод отчеты о своей патриотической деятельности по специальной форме. Выяснилось, что к этому времени общая сумма церковных взносов на нужды войны по предварительным неполным данным составила более 200 млн рублей, в том числе по Горьковской области — 9 234 тысячи, Ставропольскому краю — 6 130 тысяч, Свердловской области — 4 615 тысяч, Красноярскому краю — 4 179 тысяч и т.д. Лишь священнослужители Кемеровской области, в значительной части принадлежавшие к «непоминающим», не признавали компромиссов митрополита Сергия с советской властью и к маю 1944 г. никакой церковно-патриотической работы еще не проводили⁶³¹.

Особую сграницу составляет создание на церковные средства танковой колонны «Димитрий Донской». Не существовало почти ни одного даже сельского прихода на свободной от фашистов земле, не внесшего свой вклад в общенародное дело. В воспоминаниях о тех днях протоиерея церкви села Троицкого Днепропетровской области И. Ивлева говорится: «В церковной кассе денег не было, а их надо было достать... Я благословил двух 75-летних старушек на это великое дело. Пусть их имена будут известны людям: Ковригина Мария Максимовна и Горбенко Матрена Максимовна. И они пошли, пошли уже после того, как весь народ уже внес свою посильную лепту через сельсовет. Пошли две Максимовны просить Христовым именем на защиту дорогой Родины от насильников. Обошли весь приход — деревни, хутора и поселки, отстоявшие в 5—20 километрах от села, и в результате — 10 тысяч рублей, сумма по нашим разоренным немецкими извергами местам значительная»⁶³².

Собирались средства на танковую колонну и на оккупированной территории. Причиной тому — гражданский подвиг священника Федора Пузанова из села Бродовичи-Заполье. На оккупированной Псковщине для строительства колонны он сумел собрать среди верующих целую котомку золотых монет, серебра, церковной утвари и денег. Эти пожертвования на общую сумму около 500 тысяч рублей были переданы партизанами на Большую землю⁶³³.

40 танков «Т-34», которые составили общецерковную танковую колонну, были построены на заводе Челябинска. Их передача частям Красной армии состоялась у деревни Горелки, что в пяти километрах северо-западнее Тулы, по месту расположения комплекующих военных лагерей.

На торжественном митинге в день передачи колонны, 7 марта 1944 г., выступил митрополит Николай (Ярушевич). Он весь период войны был одним из основных организаторов и руководителей патриотической деятельности духовенства Московской Патриархии. Уже летом 1941 г., будучи экзархом западных областей Украины и Белоруссии, Владыка был вынужден покинуть свою резиденцию в Луцке, и, переезжая с места на место в прифронтовой полосе, своими богослужениями и проповедями поддерживал дух местного населения. Патриарший Местоблюститель одобрил эту инициативу и 15 июля 1941 г. назначил его митрополитом Киевским и Галицким, экзархом всей Украины. Но 19 сентября Киев был оставлен советскими войсками, и Владыка Николай эвакуировался в Москву и в период пребывания митрополита Сергия в эвакуации в Ульяновске в октябре 1941 — августе 1943 гг. был управляющим Московской епархии.

Сохранилась обширная переписка того времени между митрополитами Николаем и Сергием. В ней, в частности, говорилось, что 25 патриарших храмов Москвы и пригородов ко дню рождения Красной армии — 23 февраля 1942 г. собрали 1 159 тысяч рублей, а к 1 мая на подарки военнослужащим — 541 тысячу рублей⁶³⁴. Под руководством Владыки Николая московские приходы внесли также 2 млн рублей на танковую колонну «Димитрий Донской», свыше 1 млн — на эскадрилью «Александр Невский» и т.д. Сам митрополит неоднократно выступал с патриотическими воззва-

ниями и обращениями, а 2 ноября 1942 г. был утвержден одним из 10 членов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. В этом качестве он совершил десятки поездок по разрушенным в ходе боев районам.

С каждым годом войны сумма церковных взносов заметно росла. В 1943 г. саратовские православные клирики и миряне 131 тысячу рублей внесли на восстановление Сталинграда, а новосибирские — 110 тысяч на строительство сибирской эскадрильи «За Родину». Но особенное значение в заключительный период войны имел начатый в октябре 1944 г. сбор средств в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной армии. 10 октября в своем письме к И. Сталину возглавлявший Русскую Церковь после смерти митрополита Сергия митрополит Ленинградский Алексей писал: «Эта забота со стороны всех верующих нашего Союза о детях и семьях наших родных воинов и защитников да облегчит великий их подвиг, а нас да соединит еще более тесными духовными узами с теми, кто не щадит и крови своей ради свободы и благоденствия нашей Родины»⁶³⁵. Еще в мае 1944 г. митрополит Алексей и его сестра А. Погожева передали свою дачу на станции Сиверская под детский дом детей погибших солдат и офицеров⁶³⁶.

После освобождения части территории СССР ее духовенство и миряне также активно включались в патриотическую работу. Так, в Орле после изгнания фашистских войск было собрано 2 млн рублей. «День освобождения Донбасса» — 10 сентября, в 1944 г. священники Ворошиловградской области ознаменовали сбором денежных средств — 202 тысяч рублей в фонд Красной Армии⁶³⁷.

Епископ Уманский Иосиф (Чернов) в апреле 1944 г. сразу же после вступления советских войск в город обратился с воззванием к его жителям: «Поздравляем вас с освобождением от иноверцев — немецких оккупантов... мы призываем вас... помочь вашими пожертвованиями через Церковь или банк в Фонд обороны страны... Женщины и девушки! Не пожалейте своих колец и серег, своих ценностей, шейных крестиков и других золотых и серебряных предметов, они пойдут на помощь вашим мужьям и братьям. Помогите стране! Боголюбивые старушки! Не пожалейте для ваших сыновей ничего, ваша лепта будет принята самим Господом... да вознаградит вас Господь здесь и в загробной жизни»⁶³⁸.

В рапорте благочинного Черкасского района Киевской области протоиерея Е. Телищенко Патриарху говорилось, что сразу же после освобождения Черкасск 14 ноября 1943 г. он призвал к сбору пожертвований на оборону страны, и в результате к 1 июля 1945 г. было собрано 223 тысячи рублей и 39 тонн продуктов. Монахи Киево-Печерской лавры за 1944 г., хотя из 30 тысяч рублей их ежемесячных доходов 25 тысяч выплачивалось в виде налогов, дополнительно внесли на оборону страны более 70 тысяч рублей⁶³⁹ и т.д.

В советских документах можно встретить самые разные суммарные цифры патриотических взносов Русской Церкви в годы войны — от 50 млн до 10 млрд рублей⁶⁴⁰. Но если первая цифра явно занижена, то вторая представляется многократно завышенной. По подсчетам Московской Патриархии, к лету 1945 г. было собрано более 300 млн рублей, не считая драгоценностей, вещей и продуктов. Эту же цифру указывает в своем отчете в ЦК ВКП(б) от 27 августа 1946 г. Г.Г. Карпов⁶⁴¹.

Реально общая сумма была больше как минимум на несколько десятков миллионов рублей, так как далеко не везде был организован четкий учет взносов даже прихожан Патриаршей Церкви, не говоря уже об обновленцах, григорианах и иосифянах. Естественно, не учитывались и суммы, вносимые верующими под влиянием призывов иерархов Церкви непосредственно в банки.

Трудно назвать все виды патриотической деятельности духовенства. К ним относятся и антифашистские послания к народам захваченных Германией стран, и поста-

новление Архиерейского Собора 8 сентября 1943 г. «Осуждение изменников вере и отечеству», в котором говорилось, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана»⁶⁴².

В прифронтовой полосе при храмах существовали убежища для престарелых и детей, а также перевязочные пункты, особенно в период отступлений 1941—1942 гг., когда многие приходы взяли на себя попечение об оставленных на произвол судьбы раненых. Участвовало духовенство и в рытье окопов, организации противовоздушной обороны, мобилизуя людей, утешая потерявших родных и кров. В тылу, в сельских местностях, бывали случаи, когда священники после воскресной литургии призывали верующих вместе с ними выйти на колхозные поля для выполнения тех или иных срочных работ⁶⁴³.

Особенно много священнослужителей трудилось в военных госпиталях. Такие госпитали были устроены в значительной части монастырей и находились на полном содержании и обслуживании монашествующих. Так, например, сразу же после освобождения Киева в ноябре 1943 г. Покровский женский монастырь исключительно своими силами организовал госпиталь, который обслуживали в качестве Медсестер и санитарок насельницы обители, а затем в нем разместился эвакогоспиталь, в котором сестры продолжали работать до 1946 г. Монастырь получил несколько письменных благодарностей от администрации за отличное обслуживание раненых, а настоятельница игуменья Архелая была представлена к награждению орденом за патриотическую деятельность. Настоятельницу другого — Одесского Михайловского женского монастыря игуменью Анатолию (Букач) наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», так как она с сестрами оказала советской армии большую помощь медикаментами, продуктами и одеждой⁶⁴⁴.

Слишком активную, по мнению властей, помощь духовенства госпиталям они порой даже пытались ограничить. Так, 12 мая 1943 г. заместитель наркома государственной безопасности Б.З. Кобулов писал секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову: «По сообщению УНКВД по Тульской области, в г. Калуге местный епископ православной церкви Питирим обратился к командованию госпиталя № 2751/ФЭП № 1 с предложением принять шефство над госпиталем. Согласовав этот вопрос с... политотделом Западного фронта, командование госпиталя приняло предложение... В дальнейшем, осуществляя это шефство, церковный совет собрал среди верующих 50 000 рублей, приобрел на них до 500 подарков, которые были розданы раненым... На те же средства церковники купили и передали госпиталю плакаты, лозунги, портреты руководителей партии и правительства, нанимали парикмахеров, баянистов и т.д. В апреле месяце силами церковного хора в госпитале дважды устраивались концерты с программой русских народных песен и песен советских композиторов. Получив эти сведения, НКГБ СССР приняты меры к недопущению впредь попыток со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными под видом шефства»⁶⁴⁵.

В Красноярске в годы войны в должности главного хирурга эвакогоспиталя трудился епископ Лука (Войно-Ясенецкий), известный ученый-медик, прошедший лагеря и ссылки. Благодаря его операциям большому числу раненых воинов были сохранены жизнь и здоровье. В кабинете, операционной владыки висели иконы, и каждую операцию он начинал с молитвы. Это вызвало недовольство Г. Карпова, и 4 мая 1944 г. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви попросил Патриарха Сергия принять соответствующие «меры воздействия». И все же в 1945 г. за капитальный труд «Очерки гнойной хирургии» возведенному в сан архиепископа Луке была при-

суждена Сталинская премия I степени, большую часть которой он пожертвовал на помощь сиротам⁶⁴⁶.

Всего за патриотическую деятельность почти 40 представителей духовенства были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За оборону Москвы», более 50 удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», несколько десятков — медали «Партизану Великой Отечественной войны»⁶⁴⁷.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война, вопреки ожиданиям многих, не обострила отношения Московской Патриархии с государством. Церковь не поддавалась искушению расчитаться за нанесенные ей жесточайшие удары. Патриотизм православного духовенства и мирян оказался сильнее обид и ненависти, вызванных долгими годами гонений на религию. С первого дня Отечественной войны руководство Московской Патриархии призвало народ к защите Родины и этим поддержало и государство. Такая позиция Церкви была особенно важна в свете значительного роста религиозности в первой половине 1940-х гг. как среди мирного населения, так и среди военнослужащих. Она создавала, по словам митрополита Алексия, «нравственные условия победы»⁶⁴⁸.

Религиозный фактор сыграл очень существенную роль в изменении поначалу неблагоприятного для СССР хода боевых действий. Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны: морально-нравственное влияние (через послания, обращения, проповеди); сбор денежных средств, драгоценностей, медикаментов, одежды, продуктов в фонд обороны; служба церковнослужителей в рядах действующей армии и участие в партизанском движении; помощь раненым бойцам шефством над госпиталями и созданием санитарных пунктов; участие в сооружении оборонительных укреплений, организации противовоздушной обороны и т.д. Личным примером духовенство Московского Патриархата призывало народ к мобилизации всех сил в помощь обороне и укреплению тыла. Все это не могло не оказать воздействие и на религиозную политику советского правительства.

§ 3. Религиозное возрождение на оккупированной территории СССР

В первые же месяцы Великой Отечественной войны значительная часть СССР была оккупирована фашистскими войсками. Религиозная жизнь на ней весьма отличалась от жизни на советской территории. Как уже указывалось, подавляющее большинство районов страны к лету 1941 г. (а ведь среди сельского населения две трети являлись верующими) оказалось вообще без функционирующих храмов. Такое неестественное положение могло поддерживаться только репрессивными мерами. Как следствие, на оккупированной территории произошло чрезвычайное оживление религиозной жизни. Об этом свидетельствуют многие факты. Так, по наблюдению протоиерея Алексия Ионова, написавшего «Записки миссионера о жизни в советской России», «религиозное пробуждение было общим, массовым и стихийным. Народ, как в городах, так и в сельской местности... сам шел на открытие храмов, на их временный ремонт и украшение»⁶⁴⁹.

В докладе митрополиту Алексию псаломщика Николо-Конецкого прихода Гдовского района Псковской области С.Д. Плескача от 25 января 1944 г. отмечалось: «Могу сообщить, что русский человек совершенно изменился, как только появились немцы. Разрушенные храмы воздвигались, церковную утварь делали, облачения доставляли оттуда, где сохранились, и много строили и ремонтировали храмы. Вско-

ду красилось. Крестьянки вешали чистые вышитые самими полотенца на иконы. Появилась одна радость и утешение. Когда все было готово, тогда приглашали священника, и освящался храм. В это время были такие радостные события, что я не умею описать. Прощали обиды друг другу. Крестили детей. Зазывали в гости. Был настоящий праздник, а праздновали русские крестьяне и крестьянки, и я чувствовал, что здесь люди искали утешение»⁶⁵⁰.

Журналист В.Д. Самарин, живший в годы оккупации в Орле, вспоминал: «Проислулось, всплыло на поверхность души спрятанное глубоко при большевиках религиозное чувство. Молящиеся переполнили церкви, по деревням носили чудотворные образа. Молились так, как давно не молились. Не было семьи, в которой не было бы своего горя, не было бы жертв... Молились истово! Мне не забыть первого посещения церкви в Орле. Мы пришли всей семьей, с женой и дочерью, которая входила в церковь первый раз в жизни. Когда мы вошли, я вдруг увидел, как у дочери, у этого маленького человека, впервые вошедшего в храм, побежали по щекам слезы»⁶⁵¹ и т.д.

Планируя нападение на СССР, нацисты рассчитывали активно использовать религиозный фактор в своих целях. Они уже имели богатый опыт проведения подобной политики, как в Германии, так и на захваченных ими территориях в Европе. Методы и практика нацистской церковной политики, были перенесены и на религиозные организации в СССР. Кроме того, эта политика здесь определялась в значительной степени общим отношением к славянам и к русским в частности.

Уже после начала войны с СССР — 22—23 сентября 1941 г. в Берлине состоялось совещание ведавших церковными делами служащих государственной полиции. В ходе него группенлейтеры Главного управления имперской безопасности (РСХА) зачитали 10 докладов, содержащих указания о направлении дальнейшей деятельности, в том числе доклад «Проблематика Восточных Церквей и служебно-информационные выводы». В нем говорилось: «В результате наступления германских войск на Балканах и Востоке для нас очень остро встала проблема Православных Церквей... Большая часть членов Православной Церкви находится на территории Советского Союза. С течением времени эта Церковь была инфицирована большевизмом, так что о восстановлении Германией Церквей в завоеванном восточном пространстве не может быть и речи»⁶⁵².

В рамках единой нацистской политики по отношению к Русской Православной Церкви существовало несколько различных подходов. Об этом уже писали канадский ученый Д. Поспеловский и американский историк Х. Фаерсайд: А. Гитлер считал всех славян низшей расой и рассматривал их как будущих рабов; назначенный главой Рейхсминистерства занятых восточных территорий (РМО) А. Розенберг стремился привлечь на сторону Германии национальные меньшинства России, обещая им независимость и отождествляя русский народ с коммунистической идеологией и террором; верховное командование вермахта выступало за создание «союзных» русских воинских частей (что привело к формированию власовских дивизий и казачьих соединений) и поэтому было против афиширования планов будущего расчленения России и т.д.⁶⁵³

Данное утверждение нуждается в серьезном уточнении. Существовала целая группа факторов, определявших позицию германских ведомств в церковной политике на Востоке: пропагандистский, идеологический, внутригерманский, военный (ситуация на Восточном фронте), международный, внутривосточный (положение на оккупированных территориях) и советский (влияние религиозной политики руководства СССР). Каждый из указанных факторов по-разному воздействовал на различные ведомства, заставляя их с течением времени в большей или меньшей степени корректи-

ровать свою позицию. Наибольшие изменения в ходе войны претерпела в этом плане деятельность РМО, которое со временем пошло на некоторые уступки Православным Церквям.

Существовало несколько германских государственных организаций, занимавшихся делами Русской Церкви. По степени жесткости их позиций они распределялись следующим образом: самую мягкую занимало Рейхсминистерство церковных дел, практически не допущенное на оккупированную территорию СССР, далее следовало Верховное командование армии (ОКХ) и военная администрация в России, затем РМО, значительно большей жесткостью отличалось РСХА и уже открыто враждебной была позиция партийного руководства в лице самого А. Гитлера и руководителя Партийной канцелярии М. Бормана.

Церковными делами в прифронтовой полосе (на практике почти на всех занятых русских и отчасти украинских территориях) занималась военная администрация в лице командующих тыловыми областями групп армий «Север», «Центр» и «Юг». Непосредственно же к решению религиозных проблем были причастны руководящие отделы и отделы пропаганды при командующих, а на местах полевые и постоянные коменданты. Кроме того, существовали территориальные командующие в областях, управляемых гражданской администрацией, которые, правда, имели гораздо меньшее значение, в том числе командующий вермахтом в «Остланде» (с 25 июля 1941 г.). В своей зоне управления военная администрация старалась не провоцировать лишних конфликтов с гражданским населением, усиливавших антигерманские настроения и различные формы сопротивления. Поэтому и деятельности православного духовенства открыто не препятствовали. Неслучайно единственная разрешенная на оккупированной территории СССР Духовная миссия Русской Церкви — Псковская существовала в тыловой области группы армий «Север».

С опубликованием указа фюрера об управлении занятыми восточными территориями от 17 июля 1941 г. была определена передача управления этих земель, как только они окажутся «умиротворены», от военной к гражданской администрации, и рейхслейтер идеолог Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) Альфред Розенберг назначен рейхсминистром новых территорий⁶⁵⁴. Аппарат созданного РМО состоял из 4 главных отделов, из которых наибольшее значение имел политический, он должен был разрабатывать общую направляющую политическую линию министерства. Правда, на практике его компетентность была сильно ограничена вмешательством других органов власти рейха и стремлением к независимости назначенных вскоре рейхскомиссаров, которые часто не обращали внимания на указы РМО. Именно в главный отдел политики, возглавляемый Г. Лейббрандтом, и входил отдел культурной политики, в свою очередь состоявший из 8 групп, в том числе группы религиозной политики. В 1941—1945 гг. ее бессменно возглавлял Карл Розенфельдер, лично занимавшийся составлением большинства циркулярных документов относительно Русской Церкви.

Управляемая РМО территория была поделена на рейхскомиссариаты, те в свою очередь на генералбецирки, а последние на крейстebиты. Указом от 17 июля 1941 г. из советских прибалтийских республик, а также части Белоруссии был создан рейхскомиссариат «Остланд» (РКО) во главе с Хинрихом Аозе (ранее гаулейтером земли Шлезвиг-Гольштейн). 20 августа 1941 г. приказом Гитлера из части территории Украинской ССР был образован рейхскомиссариат «Украина» (РКУ), а 1 сентября его руководителем назначили гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха. РКО состоял из 4 генералбецирков. Ими управляли генералкомиссары, получившие на практике, как и рейхскомиссары, значительную самостоятельность. Поэтому религиозная политика в различных рейхскомиссариатах и даже генералбецирках при общей единой

линии порой заметно отличалась. В целом в «Остланде» она была менее жесткой, чем на Украине.

Следует отметить, что практически сразу после создания гражданского управления на оккупированной части СССР начала проводиться политика различных ограничений сферы его компетентности. Так, уже приказом Гитлера о полицейской безопасности новых занятых восточных территорий от 17 июля 1941 г. рейхсфюреру СС и шефу германской полиции Генриху Гиммлеру было поручено ведение ими в своей сфере. Таким образом, РСХА и входивший в группу IVB службы IV «церковный» реферат IV B3 распространили область своей деятельности далеко на Восток. С 4 февраля 1944 г. после реорганизации гестапо религиозными делами в РСХА занимался факс-реферат IV A4, входивший в группу IVA службы IV. Возглавлял эту работу штурмбаннфюрер СС Нейгауз.

В оперативном отношении РСХА подчинялись командующие полицией безопасности и СД «Остланда» и «Украины». Формально они входили в штабы рейхскомиссаров, а подведомственные им органы полиции в подразделения генерал- и гебитско-миссаров, однако органы гражданской администрации не имели права возражения о генеральных распоряжениях РСХА. Если представители этого ведомства и делали при своей фактической враждебности очень редкие и малозначительные уступки в пользу Русской Церкви, то только в случае крайней необходимости, под давлением международного, пропагандистского или военного факторов. Именно в РСХА созревали планы ликвидации православия после окончания войны.

Особая нетерпимость по отношению к Церкви была характерна для высшего руководства НСДАП. А важнейшие директивы относительно религиозной политики на Востоке, хотя и готовились представителями различных органов власти, исходили в конечном счете именно от него и, в частности, лично от А. Гитлера. Кроме того, и руководитель Партийной канцелярии Мартин Борман постоянно стремился самым активным образом участвовать в подготовке и принятии этих директив.

Первые циркуляры относительно религиозной политики на Востоке появились еще за месяц — полтора до начала войны с СССР. В процессе непосредственной подготовки к ней некоторые германские ведомства попытались наметить свой подход к этой немаловажной проблеме. И уже в это время ярко проявились отмеченные выше особенности их позиций. Так, в приложении к указу шефа Верховного командования вермахта (ОКВ) Кейтеля от 19 мая 1941 г. «Образ действия германских воинских частей в Советском Союзе» ничего не говорилось о каких-либо стеснениях и ограничениях церковной жизни: «Большая часть русского населения, особенно обнищавшее от большевистской системы сельское население, внутренне отрицательно относится к большевизму. В небошевистских русских людях национальное сознание связано с глубоким религиозным чувством. Радость и благодарность за освобождение от большевизма часто будет находить выражение в церковной форме. Не следует препятствовать или мешать благодарственным богослужениям или процессиям»⁶⁵⁵.

В тексте указа хорошо просматриваются иллюзии германского командования, которому казалось, что будущая война должна обострить противоречия между Русской Церковью и Советским государством, предоставив духовенству и мирянам возможность свести счеты с богоборческой властью (как известно, эти расчеты не оправдались, складывавшиеся веками национальные и патриотические традиции Русского Православия оказались сильнее обид и предубеждений; несмотря на духовную несвободу, гонения на них, верующие приняли самое активное участие в борьбе с агрессором).

7 мая и А. Розенберг написал инструкцию, в которой ощущалось негативное отношение к Русской Православной Церкви и стремление ограничить сферу жизнедея-

тельности христианских конфессий в целом: «Православная Церковь... была сильным средством скрепления Российской империи. Насколько широко уничтожена церковность, можно установить лишь при более близком изучении. Собственно говоря, перед немецким рейхскомиссаром не стоит задача ни оживления вытесненной церковности, ни продолжения осуществления прежней большевистской установки на ее искоренение. Следует предоставить возможность существования конфессиональных объединений, однако без государственной поддержки. Церковная собственность является собственностью государства»⁶⁵⁶. Этим принципам Розенберг в основном останется верен и в дальнейшем.

Самый ранний циркуляр, касающийся религиозной политики на Востоке после начала агрессии, относится к 2 июля 1941 г. Он исходит от шефа РСХА Гейдриха, предназначен для оперативных групп и команд полиции безопасности СД, и еще не содержит личных директив Гитлера. Указ был принят в первые дни войны с СССР, когда ход ее дальнейшего развития оставался в значительной степени неясен, и РСХА представлялось необходимым, используя различные методы, закрепиться на первых занятых территориях. Поэтому он вполне лоялен по отношению к Русскому Православию, хотя уже в этом документе говорится о необходимости содействия раздроблению Церкви: «Против стремления Православной Церкви утвердить свое влияние в массах ничего предпринимать не следует. Напротив, его необходимо, насколько возможно, поощрять, при этом с самого начала следует настаивать на принципе отделения Церкви от государства и препятствовать возникновению единой Церкви. Также ничего не следует предпринимать против образования религиозных сект»⁶⁵⁷.

Вскоре — в конце июля — и фюрер лично издал свои директивы о церковной политике на Востоке. Четыре таких указания, касающихся вермахта, были дословно воспроизведены в приказе ОКВ от 6 августа 1941 г. за подписью Кейтеля. Они отличаются значительно большей жесткостью: «1) Религиозную или церковную деятельность гражданского населения не следует ни поощрять, ни препятствовать ей. Военнослужащие вермахта должны, безусловно, держаться в стороне от таких мероприятий; 2) Духовная опека по линии вермахта предназначена исключительно для германских военнослужащих вермахта. Священникам вермахта следует строго запрещать любые культовые действия или религиозную пропаганду в отношении гражданского населения; 3) Также запрещено допускать или привлекать в занятые восточные области гражданских священнослужителей с территории рейха или из-за границы; 4) Эти распоряжения не касаются занятой румынскими частями территории Бессарабии и финского фронта»⁶⁵⁸.

Самый обширный и детальный «оперативный приказ № 10» об отношении к церковному вопросу на занятых территориях Советского Союза на основе июльских директив Гитлера издал 16 августа 1941 г. шеф РСХА Гейдрих. В нем тоже категорически запрещалось какое-либо содействие религиозной жизни: «О поощрении Православной Церкви также не может быть и речи. Там, где население занятых областей советской России желает религиозной опеки, и там, где без содействия местных германских властей имеется в распоряжении священник, можно допускать возобновление церковной деятельности. Ни в коем случае, однако, с германской стороны не должно явным образом оказываться содействие церковной жизни, устраиваться богослужения или проводиться массовые крещения. О воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви не может быть и речи. Особо следует следить за тем, чтобы не состоялось, прежде всего, никакого оформленного организационного слияния находящихся в стадии формирования церковных православных кругов. Расщепление на отдельные церковные группы, напротив, желательно. Равным образом не надо препятствовать развитию сектантства на советско-русском пространстве... При всех

различиях конкретных местных условий в любых распоряжениях должно, однако, оставаться основополагающим, что поощрение любых конфессий вообще не должно иметь место, и что деятельность Католической или Униатской Церквей в дальнейшем будет прекращена. При всех обстоятельствах любое церковное влияние, идущее с территории рейха... или из других государств, граничащих с Россией, должно выявляться и пресекаться»⁶⁵⁹.

В последнем предложении имелись в виду священники Зарубежной Русской Церкви и католические миссионеры, вплоть до конца войны их фактически так и не допустили в оккупированные области СССР. В приказе Гейдриха также говорилось об осторожной позиции к Московской Патриархии, которая в документе называлась «Живой Церковью» (и таким образом ошибочно смешивалась с обновленчеством), и указывалось на необходимость ареста «Патриарха» (в тот период еще Патриаршего Местоблюстителя в сане митрополита) Сергия (Страгородского).

Таким образом, уже в августе 1941 г., через два месяца после начала войны с СССР, в соответствии с личными указаниями А. Гитлера была выработана основа направляющей линии в церковном вопросе на Востоке, которая все же продолжала в дальнейшем дорабатываться вплоть до лета 1942 г. Германские органы власти должны были лишь терпеть Русскую Церковь и при этом содействовать ее максимально возможному дроблению на отдельные течения, во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против рейха. Но также ставились задачи пропагандистского использования православия как духовной силы, преследуемой советской властью и потенциально враждебной большевизму, и применения церковных организаций для содействия германской администрации на оккупированных территориях.

Директивы Гитлера о запрете военнослужащим вермахта оказывать какое-либо содействие возрождению церковной жизни на Востоке последовали неслучайно. Во второй половине 1941 г. отдельные офицеры и представители германской военной администрации помогали открытию храмов и даже порой приказывали это делать. Так, в фонде Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) хранится справка уполномоченного Себежской комендатуры от 8 октября 1941 г.: «Дана настоящая в том, что немецкая власть, освободившая крестьянство от большевиков, ставит вопрос открыть богослужение в Ливнской церкви и поэтому уполномочиваю лично вас Рыбакова Якова Матвеевича за неимением священника — занять место священника и исполнять церковный обряд. Просьба: никаких отказов не может быть, в чем и выдана настоящая справка за подписью представителя немецкой власти Энгельгард...» На что Рыбаков отвечает: «Быть священником не могу, так как не получил на то от епископа благословения, кроме того, по христианскому закону двоеженцы священниками быть не могут, а я двоеженец»⁶⁶⁰.

В условиях бурного роста церковной жизни естественным было появление чувства благодарности верующих германской армии за «возвращение» религиозной свободы. И первоначально часть населения активно выражала это чувство⁶⁶¹. Но такое происходило лишь в первые дни или недели после занятия германскими войсками населенных пунктов. Вскоре их жители понимали, что получили не «освобождение» и «религиозную свободу», а жестокое угнетение. В этой связи можно упомянуть интересный случай, произошедший в одном из русских городков после прихода частей вермахта. По свидетельству очевидца, в ответ на приветствия части населения германский офицер честно сказал: «Погодите радоваться. За нами идут части СС, и тогда вы поймете, что мы никакие не освободители»⁶⁶².

Также и священнослужители вермахта, несмотря на августовский запрет, еще некоторое время совершали богослужения для местного населения. Кроме того, в пер-

вые недели оккупации военные власти еще разрешали одиночные миссионерские поездки русских священников-эмигрантов на Восток⁶⁶³.

Чтобы полностью прекратить подобные факты, одного указа оказалось недостаточно, и проявлявший по этому поводу заметное беспокойство Гитлер в сентябре выказал новые дополнительные директивы. Они были изданы вместе с прежними 4 директивами 2 октября в виде приказов командующих тыловыми областями групп армий: «Данные определения о поведении войск в религиозном вопросе по отношению к гражданскому населению на занятых восточных территориях касаются итальянских, словацких, венгерских войск или прочих добровольческих соединений только в тех местах, где имеются германские комендатуры. Германским местным комендатурам следить за тем, чтобы эти определения соблюдались иностранными войсками и добровольческими соединениями. Военное богослужение в оккупированных восточных областях разрешается проводить только как полевое богослужение, ни в коем случае не в бывших русских церквях. Участие гражданского населения (также и фольксдойче) в полевых богослужениях вермахта запрещено. Церкви, разрушенные при советском режиме или во время военных действий, не должны ни восстанавливаться, ни приводиться в соответствие с их назначением органами немецких вооруженных сил. Это следует предоставить русскому гражданскому населению»⁶⁶⁴. Постепенно, хотя и не сразу, эти приказы оказали свое действие, и всякая помощь Православной Церкви со стороны германских войск была прекращена.

В первые месяцы войны с СССР, воспользовавшись тем, что на оккупированной территории еще окончательно не сформировалась гражданская администрация, органы полиции безопасности и СД попытались получить преобладающее влияние на религиозные организации. В своей деятельности они руководствовались прежде всего приказами шефа полиции безопасности и СД, в частности, оперативным приказом № 13 от 15 октября 1941 г.: «По распоряжению фюрера оживление религиозной жизни в занятых русских областях необходимо предотвращать. Поскольку в качестве важного фактора оживления христианских церквей следует рассматривать деятельность теологических факультетов или пастырских семинаров, просьба следить за тем, чтобы при открытии вновь университетов в занятых областях теологические факультеты в любом случае пока оставались закрытыми. В дальнейшем следует заботиться о том, чтобы подобным образом было предотвращено открытие пастырских семинаров и похожих учреждений, а недавно открывшиеся или продолжившие свою деятельность учреждения такого рода с подходящим обоснованием в ближайшее время были, соответственно, закрыты»⁶⁶⁵.

Этот документ является первым и очень редким примером официального приказа, в котором говорится не просто о нейтральном отношении к оживлению религиозной жизни, а о необходимости препятствовать ему. Массовое стихийное возрождение Русской Церкви на оккупированных территориях СССР начало вызывать тревогу у части германского руководства. Правда, полностью запретить деятельность православных богословских учебных заведений не удалось. Так, в конце 1942 г. открылись Богословско-пастырские курсы в Вильно, а позднее еще в нескольких городах.

На оккупированной территории Ленинградской области действовала оперативная группа полиции безопасности и СД «А», штаб которой находился в Красногвардейске (Гатчине). Ее руководство также уделяло значительное внимание религиозной ситуации. В указаниях штабсбаннфюрера СС этой группы Редера от 30 декабря 1941 г. предписывалось в регулярных двухнедельных донесениях в числе других важнейших проблем помещать следующую информацию о Церкви «...возрождение религиозной жизни, богослужение — место, количество участников, состав, священник, церковные организации». В другой, более поздней схеме донесений о настроениях и положении

на оккупированной территории Ленинградской области (май 1943 г.) Православная Церковь была отнесена к разделу «противник», наряду с коммунистической партией, партизанами, евреями и т.п. Службам СД указывалось в своих сообщениях отражать следующие сведения о ней: «Внутрицерковные противоречия между сторонниками Московской церкви (митрополит Сергий), Автокефалиями... и другими православными церковными группами... Пропагандистская работа православной церкви, также ее пресса... Наблюдения общего характера (политическая деятельность, связь с другими церквами и др.). Далее — об отношении с униатской, римско-католической, евангелической церквами, а также другими церквами и сектами»⁶⁶⁶.

Следует отметить, что взгляды полиции безопасности и РМО совпадали далеко не во всем. Так, в РСХА начали разрабатываться более долгосрочные послевоенные планы религиозной политики на Востоке. Уже 31 октября 1941 г. была издана секретная директива за подписью Гейдриха: «Среди части населения бывшего Советского Союза, освобожденной от большевистского ига, замечается сильное стремление к возврату под власть Церкви или Церквей, что особенно относится к старшему поколению..., я вижу большую политическую опасность, равно как и опасность в области мировоззрения, в том, что в настоящее время в восточные области необдуманно допускают священнослужителей всех вероисповеданий. Несомненно то, что стремящимся к религии массам оккупированных бывших советских областей надлежит снова дать какую-то форму религии. Возникает только вопрос: какую?.. То, что теперь уже во многих местах церкви с попами, связанными вероисповеданиями, открываются вновь и что этому даже способствуют германские органы власти, вызовет лишь религиозную реакцию, которая когда-нибудь... может оказаться таковой в политическом отношении и будет противостоять необходимому освобождению восточных областей. Поэтому крайне необходимо воспретить всем попам вносить в свою проповедь оттенок вероисповедания и одновременно позаботиться о том, чтобы возможно скорее создать новый класс проповедников, который будет в состоянии после соответствующего, хотя и короткого, обучения толковать народу свободную от еврейского влияния религию. Ясно, что заключение "избранного богом народа" в гетто и искоренение этого народа... не должно нарушаться духовенством, которое, исходя из установки Православной Церкви, проповедует, будто исцеление мира ведет свое начало от еврейства. Из вышесказанного явствует, что разрешение церковного вопроса в оккупированных восточных областях является чрезвычайно важной... задачей, которая при некотором умении может быть великолепно разрешена в пользу религии, свободной от еврейского влияния, эта задача имеет, однако, своей предпосылкой закрытие находящихся в восточных областях Церквей, зараженных еврейскими догматами»⁶⁶⁷. Тотальный расизм директивы не оставляет сомнения в судьбе православия в случае победы гитлеровской Германии. Его стали бы уничтожать, насаждая «новую религию», лишённую многих основных христианских догматов.

РМО подобными планами не занималось. Оно решало более конкретные задачи: «замирение» оккупированных территорий, эксплуатация их хозяйственного потенциала в интересах Третьего рейха, обеспечение поддержки местным населением германской администрации и т.п. Как говорилось в сводке полиции безопасности и СД от 24 июня 1942 г., Министерство занятых восточных территорий стремилось во время войны политически обезопасить области «за спиной» вермахта и воспрепятствовать распространению саботажа, партизанской деятельности. Поэтому министерство выступало за предоставление местному населению возможностей определенного культурного развития и даже участия в управлении, хотя бы только и на срок войны⁶⁶⁸. Особенно явно эта линия проявилась в прибалтийских генералбецирках.

Большое значение придавалось пропагандистской деятельности, и в этой связи очень заманчивым казалось использовать религиозные чувства населения. Но и чиновники РМО, как и их шеф — А. Розенберг, писавший: «Христианский крест должен быть изгнан из всех церквей, соборов и часовен и заменен единственным символом — свастикой»⁶⁶⁹, были в принципе враждебны всякой форме христианства. Они желали, чтобы большая часть населения оккупированных территорий (как и в Германии) была безрелигиозной, хорошо понимая глубинную противоположность национал-социализма и христианства.

Начальник группы религиозной политики К. Розенфельдер писал в меморандуме от 31 января 1943 г.: «Определяющая точка зрения для германского политического руководства заключается в том, что всякое христианское церковное направление по своей глубинной сути находится в непреодолимой мировоззренческой противоположности к национал-социализму. Это подходит для Церкви на Востоке, хотя указанная основополагающая вражда находится здесь в тени тотальной борьбы между Советским Союзом и руководимой рейхом Европой... Я повторно указываю на то, что со стороны германской администрации неверно придавать слишком большое значение Православной Церкви как средству управления людьми... По-советски воспитанные поколения видят в Церкви средство огулления и порабощения... Негативное отношение (особенно молодежи) к Церкви может измениться лишь, если она разовьется в силу народной и национальной защиты. И эта опасность... ввиду возникающих дружеских связей между государством и Церковью в Советском Союзе является очень острой... Техника и естественные науки заняли в СССР место Церквей и святых. Использование этого прямо-таки культового увлечения естественными науками и техническими аппаратами в занятых бывших советских областях может намного благоприятнее воздействовать в смысле германских целей, чем особый расчет на Церковь»⁶⁷⁰.

В вопросе атеизации советского населения К. Розенфельдер скорее выдавал желаемое за действительное. Все опросы, проводимые в различных оккупированных городах СССР, давали цифру верующих более 90%. Население и предположить не могло, что нацисты хотели бы иметь обратный результат. Об этом ярко написал в своих воспоминаниях участник Псковской православной миссии протоиерей Георгий Бенигсен: «Немцы враждебны Церкви... им страшно не хочется отдавать нам души сотен тысяч военнопленных и пропускать наше влияние к миллионам русских душ на оккупированной ими территории России. Они верят в то, что большевистская политика изгладила все следы христианства из души русского человека, и всячески оберегают эту душу от нового влияния Церкви». Относительно же самого факта разрешения создания Псковской миссии Бенигсен подчеркивал следующее: «Собственно, эта победа была нашей только в очень незначительной степени. Ее одержали сотни тысяч русских людей, истосковавшихся по Богу, по Церкви, по благовестию, тех, к кому мы отправляли наших священнослужителей. Эти люди вдребезги разбили надежды немцев на успех советской антирелигиозной пропаганды и воспитания. Они требовали Церкви, священников, богослужения. Немцам, нехотя, пришлось уступить»⁶⁷¹.

Нацистская церковная политика на Востоке в целом соответствовала лозунгу «разделяй и властвуй», при этом некоторые чиновники доходили до идеи максимально возможно более мелкого раздробления Православной Церкви. Писал об этом и представитель РМО при группе армий «Север» в докладе от 9 декабря 1941 г.: «По моему мнению, нам не может быть все равно, что путем создания охватывающих обширные территории церковных организаций в дальнейшем возникнет фронт против немцев. И эта опасность существует, если допустим или, может быть, даже поддержим церковные организации, превышающие рамки приходов»⁶⁷².

Именно РМО и ее отличавшиеся значительной самостоятельностью рейхскомиссары с конца 1941 г. в наибольшей степени определяли практическую церковную политику германских органов власти в Прибалтике (а также на Украине и в Белоруссии), правда, руководствуясь в принципиальных вопросах директивами партийных вождей. Сразу же после выхода августовских и сентябрьских директив Гитлера работники РМО занялись с их учетом дальнейшей выработкой детальной директивной линии в церковном вопросе. Возглавлявший группу религиозной политики К. Розенфельдер съездил в Ригу и Ковно, чтобы на месте познакомиться с ситуацией и 7 октября 1941 г. представил свои «Предложения о церковной политике в Остланде»: «1). Осторожность по отношению к эмигрантской Церкви. 2). По возможности препятствовать Православной Церкви в России превратить Московский Патриархат в общецерковный центр на Востоке... 4). Пресечение на восточных территориях любой католической акции, преследующей цель католизации России... 5). Православной Церкви также может касаться точка зрения о необходимости органам власти рейха по возможности менее активно участвовать в церковной жизни. Следует по мере сил незаметно обеспечивать курс, доставляющий меньше трудностей рейху. 6). Необходимо как можно скорее создать ясную направляющую линию обращения с Православной Церковью... При сильном влиянии, которое Церковь на Востоке повсеместно оказывает или будет оказывать на народ, каждое ошибочное мероприятие и любые неединообразные действия различных ведомств имеют вредные последствия для рейха»⁶⁷³.

Здесь очевиден осторожный подход, без грубого силового вмешательства в церковную жизнь, которое было так характерно для органов полиции безопасности и СД. Предложения Розенфельдера легли в основу нескольких документов, разработанных в РМО.

В своих показаниях 16 октября 1946 г. на Нюрнбергском процессе А. Розенберг заявил: «После вступления немецких войск на восточные территории, армия по собственной инициативе даровала свободу богослужений; и когда я был сделан министром восточных областей, я легально санкционировал эту практику, издав специальный указ о “свободе церкви” в конце декабря 1941 г.»⁶⁷⁴ Такой указ действительно был составлен А. Розенбергом, но из-за противодействия влиятельных противников, прежде всего М. Бормана и лично А. Гитлера, он никогда не издавался. Один из руководящих работников Министерства восточных территорий 25 октября 1943 г. в секретной записке указывал: «После переговоров, длившихся в течение месяцев, все же было решено не провозглашать свободу религии торжественным образом, но сделать это как можно тише»⁶⁷⁵.

Правда, это свидетельство также не совсем точное. Разработка в РМО основополагающего закона о религиозной свободе на занятых восточных территориях началась в октябре 1941 г. Новый закон был рассчитан на большой пропагандистский эффект. Поэтому в первой же его статье намечалось торжественно провозгласить полную свободу религиозной веры для всех жителей, в противовес советской власти, которая до начала войны преследовала Церковь⁶⁷⁶.

Пик переговоров о законе пришелся на весну 1942 г. К этому времени религиозный подъем заставил особенно серьезно заняться церковным вопросом в России. Следует отметить, что религиозными проблемами вплотную занимался и считал их одними из важнейших в деле «управления покоренными народами» А. Гитлер. 11 апреля 1942 г. в кругу приближенных он изложил свое видение религиозной политики: «насилованное дробление Церковей, принудительное изменение характера верований населения оккупированных районов, запрещение «устройства единых Церковей для сколько-нибудь значительных русских территорий». «Нашим интересам, — говорил

Гитлер, — соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о божестве. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы»⁶⁷⁷.

Точка зрения А. Гитлера о поощрении в России всякой формы разъединения и раскола получила законченную форму во время посещения 8 мая 1942 г. А. Розенбергом ставки фюрера. Историки В.И. Алексеев и Ф.Г. Ставру даже считают этот день главной вехой в определении официальной политики оккупационных властей в отношении Русской Церкви. Сохранилось свидетельство самого А. Розенберга о его переговорах 8 мая с А. Гитлером и М. Борманом. На них отмечалось, что на занятых территории России уже возникают «сами собой» большие религиозные объединения, которые необходимо использовать и контролировать. Было решено не издавать закон о религиозной свободе в восточных областях из-за возможности его нежелательного влияния на Церковь в самой Германии, а лишь поручить рейхскомиссарам «Остланда» и «Украины» выпустить от своего имени указы о правовых отношениях религиозных организаций.

Вероятно, свою роль сыграло и то, что на май — лето 1942 г. приходился период наибольших успехов вермахта на Восточном фронте. Нацистскому руководству казалось, что крушение Советского государства и окончательная победа близки, и поэтому можно особенно не считаться с настроением населения на оккупированных территориях, тем более связывать себя какими-либо законами. Ведь еще в октябре 1941 г. начала замышаться полная ликвидация Православной Церкви в России и замена ее новой псевдорелигией, очищенной от «еврейских догматов». На переговорах 8 мая Гитлер прямо указал, «что после войны он предпримет соответствующие меры против Церкви. Он верит, что своим авторитетом сможет сделать то, что другим позже трудно будет осуществить»⁶⁷⁸. В итоге последний восемнадцатый проект закона о религиозной свободе был отвергнут.

Текст будущих указов вместе с разъяснением направляющей линии германской политики по отношению к религиозным обществам на занятых восточных территориях А. Розенберг выслал рейхскомиссарам 13 мая — через пять дней после совещания в ставке Гитлера. Основные положения этого разъяснения сводились к 4 пунктам: 1. Религиозным группам категорически воспрещалось заниматься политикой. 2. Религиозные группы должны быть разделены по признакам национальным и территориальным. При этом национальный признак должен был особо строго соблюдаться при подборе возглавления религиозных групп. Территориально же религиозные объединения не должны были выходить за границы генералберцирка. 3. Религиозные общества не должны мешать деятельности оккупационных властей. 4. Особая предосторожность рекомендовалась в отношении Русской Церкви, воплощавшей враждебную Германии национальную идею. Специально подчеркивалось: «Указ, с одной стороны, обеспечивает требуемую религиозную свободу совести, но также имеет цель препятствовать политически ориентированным религиозным обществам и прежде всего сделать невозможным влияние на занятых территориях Русской Православной Церкви как носительницы великорусской имперской идеи»⁶⁷⁹.

Последний пункт пересекался с точкой зрения Г. Гидмлера, указавшего в одном из писем на опасность, исходящую от Православной Церкви, которая сплачивает русских «национально». Он полагал, что поэтому ее необходимо дезорганизовать, а возможно и вообще ликвидировать⁶⁸⁰. Хорошо известно также другое письмо рейхсфюрера СС Кальтенбруннеру и другим работникам РСХА от 24 октября 1944 г.:

«Собственный опыт и познание последнего времени привели меня к соображениям и намерениям, с которыми я хочу вас познакомиться... как мы хотим в России господствовать и замирить ее, если мы снова завоюем большие территории русской земли?.. Люди там должны иметь религию или мировоззрение. Поддерживать и снова оживать Православную Церковь было бы неверным, так как она всегда являлась организацией национального сплочения... Нам нужно поддерживать каждую религиозную форму и секту, которая будет пауцифистской»⁶⁸¹.

Выполняя указания А. Розенберга, рейхскомиссар «Украины» Э. Кох 1 июня, а рейхскомиссар «Остланда» Х. Лозе 19 июня издали одинаковые указы, которые ставили все религиозные организации под постоянный контроль германской администрации. Какие-либо упоминания о свободе веры или церковной деятельности полностью отсутствовали, главное внимание уделялось порядку регистрации объединений верующих, им разрешалось заниматься лишь выполнением чисто религиозных задач. В частности, в данном акте говорилось: «§ 1.1. Религиозные общества, которые в момент вступления в силу этого указа уже существуют на занятых восточных территориях, в течение трех месяцев сообщают о себе генералкомиссару, в беиурке которого находятся. 2... Уведомление должно содержать следующие сведения: а) Название, сфера деятельности, место расположения религиозного общества, б) Направление вероисповедания, в) Правление, прочие имеющие право на представительство личности, круг их обязанностей и задач, г) Подведомственные местные религиозные объединения... § 2.1. На создание нового религиозного общества требуется разрешение рейхскомиссара... § 3... 2. Член правления религиозного общества теряет свое положение члена правления, если генералкомиссар высказал против него возражения общеполитического характера. § 4. Религиозные общества, их центральные и местные органы, а также функционеры ограничивают свою деятельность выполнением религиозных задач. § 5... 2. Религиозное общество может быть распущено рейхскомиссаром, если его деятельность не ограничивается выполнением религиозных задач или подвергает опасности общественный порядок и безопасность»⁶⁸². Интересно, что содержание и стиль этого документа очень напоминал порядок регистрации религиозных организаций в «безбожном» Советском Союзе.

РМО пыталось за отсутствием закона о религиозной свободе использовать в пропагандистских целях хотя бы указы рейхскомиссаров. Эту кампанию начал сам А. Розенберг в своей речи в Риге 15 мая 1942 г. Правда, и он вынужден был признать, что «из-за этого подчеркнуто административного характера указов они не пригодны для подробного публицистического использования»⁶⁸³.

Действительно, указы рейхскомиссаров очень мало подходили для пропагандистского использования. Хвалиться было особо нечем. И пропагандистские органы различных германских ведомств на занятой восточной территории, видя отсутствие сколько-нибудь существенного эффекта, вскоре практически перестали их использовать.

Все многомесячные усилия РМО закончились безрезультатно. Закон о религиозной свободе так и не был принят, хотя в пропагандистском плане это было бы очень выгодно для рейха. Следует отметить, что наличие такого, пусть и декларативного закона, вероятно, несколько улучшило бы положение верующих на оккупированной территории СССР. Помешала принятию его прежде всего жесткая антицерковная позиция высшего нацистского руководства.

Таким образом, к лету 1942 г. направляющая линия германской церковной политики на Востоке была окончательно выработана, причем на основе мнения Партийной канцелярии, РСХА и личных указаний А. Гитлера. Всем несогласным с их подходом пришлось уступить. В дальнейшем эта линия существенно не менялась, хотя

РМО и командование вермахта периодически пытались различными способами добиться ее некоторого смягчения.

Первые такие попытки относятся к осени 1942 г. — времени, когда германская армия еще добивалась крупных успехов на Восточном фронте. В то же время на оккупированных территориях во всю мощь развернулось религиозное возрождение, разгоралось и партизанское движение, авторитет германской администрации падал, советское же правительство активно пропагандировало изменение своей церковной политики. Все это факторы повлияли на позицию РМО. Оно с самого начала было склонно поддерживать и использовать в своих целях религиозные организации национальных меньшинств СССР, а теперь посчитало необходимым пойти в этом плане на дальнейшие уступки.

В верховном командовании армии тоже считали необходимым несколько смягчить религиозную политику и не только по отношению к религиозным объединениям национальных меньшинств, но прежде всего к Русской Церкви. В частности, 25 ноября 1942 г. один из отделов ОКХ подготовил докладную записку «Актуальные вопросы бандитской войны и учета добровольцев». В ней шла речь главным образом о недостатках и ошибках германской политики на Востоке. Среди прочего указывалось: «Поддержка Церкви. Только сиюминутным эффектом пользы оценивают также церковную проблему. Хорошо сознавая большое значение для русской массы церковного руководства в Москве, красная сторона теперь уже оказывает ему полное покровительство и использует для большевистских целей. Германское же руководство, напротив, только очень сдержанно допускает существование Русской Церкви на занятых территориях, вместо того, чтобы с помощью активной поддержки включить все церковные организации в освободительную борьбу против атеистического большевизма»⁶⁸⁴. Но никакой заметной реакции эта докладная записка не вызвала.

Характерный случай произошел в 1942 г. на оккупированной территории Ленинградской области. Отдельные службы или представители вермахта порой, не зная существующих инструкций, арестовывали священников, использовали церкви в качестве казарм и т.п. В связи с этим шеф военной администрации группы армий «Север» решил издать информационную брошюру (объемом 30 страниц), в которой вкратце освятить историю Русской Православной Церкви, сущность православия и «русской набожности», а также привести выдержки из приказов и распоряжений об отношении вермахта к религиозным организациям. Эту брошюру планировалось раздать служащим комендатур. Однако вскоре командование группы армий, в соответствии с директивами из Берлина, указало шефу администрации, что представителям вермахта запрещено заниматься церковными делами, и отказалось дать санкцию на издание уже подготовленной к печати брошюры⁶⁸⁵.

Чтобы не допустить возрождения сильной и единой Русской Церкви, РМО уже с осени 1941 г. поддерживало некоторых православных иерархов на Украине, в Прибалтике и Белоруссии, которые выступили против Московской Патриархии и объявили о своем намерении образовать автокефальные (независимые) церковные организации. Правда, рейхскомиссары, хотя и в разной степени, не полностью разделяли эту установку министерства. В «Остланде» подобная политика с самого начала осуществлялась не везде последовательно. Х. Лозе относился в Прибалтике терпимо к хорошо организованной Русской Церкви и ее миссионерской деятельности на Северо-Западе России, но не разрешал церковно-административного объединения Прибалтийского экзархата с Белоруссией, где всеми мерами, хотя и без особого успеха, содействовал развитию церковного сепаратизма. Но в принципе в «Остланде» в основном следовали курсом, который разрабатывало РМО (в отличие от Украины, где рейхскомиссар Э. Кох проводил гораздо более жесткую политику).

Полностью реализовать на практике принципы, указанные в майском 1942 г. письме А. Розенберга, оказалось невозможно. Сам министр восточных территорий понимал это и предусматривал, например, возможность избрания Киевского Патриарха, что означало бы объединение нескольких епархий. Правда, Розенбергу удалось не допустить в оккупированные районы католических миссионеров и духовенство Русской Православной Церкви за границей. После начала Великой Отечественной войны члены Архиерейского Синода РПЦЗ осенью 1941 — весной 1942 г. составили несколько проектов организации высшей церковной власти в России. Центральной мыслью этих проектов была необходимость созыва в Москве «Собора русских архиереев старейшим из них и назначение этим Собором временного главы Церкви и остального церковного управления», «которое впоследствии созвало бы и Всероссийский Собор для восстановления Патриаршества и суждения о дальнейшем устройстве Русской Церкви»⁶⁸⁶. Однако этот Собор так и не состоялся.

Большое внимание со стороны всех представителей оккупационных властей, вне зависимости от степени жесткости их церковной политики, уделялось использованию религиозной темы в идеологической работе. В прессе всячески подчеркивалось, что новый режим несет религиозную свободу. Настойчиво «рекомендовалось» в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства к А. Гитлеру и рейху. Духовенство заставляли участвовать в «праздновании» годовщины начала войны и тому подобных дат. Активно распространялась соответствующая литература, к примеру, такая листовка-молитва: «Адольф Гитлер, ты наш вождь. Имя твое наводит трепет на врагов. Да преидет третья империя твоя. И да осуществится воля твоя на земле...»⁶⁸⁷

Причем нацисты порой пытались изменить не только характер проповедей, но и сам процесс богослужения. Знаменателен неоднократно повторявшийся случай, когда бурный протест верующих вызывали незначительные, на взгляд немецких администраторов, перемены церковного порядка — введение нового (григорианского) стиля⁶⁸⁸.

Об этом свидетельствует, например, бюллетень полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г.: «В середине декабря 1941 г. некоторые коменданты местностей (в Стругах Красных и в Острове), ссылаясь на предписание вышестоящей инстанции, потребовали от православных совершать все церковные праздники, также и Рождество, по григорианскому календарю. Это неожиданное требование вызвало среди верующих бурю негодования. Особенно напряженным было положение в Стругах Красных, где комендант велел сказать священнику Миссии, что он будет привлечен к ответственности, если осмелится совершить празднование Рождества в церкви по юлианскому календарю, и что в этом случае торжественному богослужению воспрепятствуют полицейскими мерами. В Стругах и Острове верующие высказывались чрезвычайно взволнованно и громко, примерно в таком смысле: "Большевики преследовали Церковь, и мы должны были ходить на работу и в церковные праздники, но большевики никогда не предписывали Церкви, в какие дни какие богослужения ей проводить. Такое насилие над Церковью не совершали даже большевики... Но мы не покоримся"... священник, не желая ни нарушать церковного порядка, ни вступать в конфликт с немецкими войсками, должен был покинуть Струги. После этого местный комендант распорядился привести местного священника из соседнего селения... и заставил его проводить рождественское богослужение по григорианскому календарю... В этот день почти не было прихожан, а те немногие, кто из боязни перед комендантом присутствовали на богослужении, были очень расстроены и сконфужены»⁶⁸⁹.

Помимо пропагандистских ведомств органы германской контрразведки также активно пытались использовать священнослужителей в своих целях. Зная, что те

подвергались перед войной жестоким гонениям, СД и абвер рассчитывали, что они окажут им посильную помощь. На практике лишь относительно небольшая часть духовенства пошла на такое сотрудничество. После того как в Ленинградской области ряд священнослужителей отказался давать какую-либо информацию о своей общине абверу, контрразведка там, по данным историка Н.А. Ломагина, «вскоре сочла более целесообразным вербовать агентуру в духовной среде из числа церковных старост, которые могли одновременно наблюдать как за священниками, так и за верующими. Певчие, дьяки также использовались в качестве агентов абвера». Таким образом, оккупанты пытались контролировать религиозную жизнь того или иного района⁶⁹⁰.

На оккупированной территории СССР во многом были оставлены в силе советские антирелигиозные законы. Например, церковные венчания нередко допускались лишь после регистрации бракосочетания в государственных учреждениях. Различные ограничения касались церковных праздников, их разрешалось отмечать, только если это не вызывало «простоя в работе». В приказе рейхскомиссара «Остланда» от 8 декабря 1941 г. говорилось, что изъятые «при большевизме» церковные участки и здания не могут быть возвращены общинам до принципиального решения вопроса о приватизации, которое так и не последовало. В апреле 1943 г. Псковское районное управление предписало Православной миссии прекратить колокольный звон в храмах Псковского района, что пришлось выполнить.

Почти повсеместно из обязательных школьных программ было изъято преподавание Закона Божия. Исключения существовали или в отдельных местностях, управлявшихся военной администрацией, в том числе в ряде районов Ленинградской области, или в Прибалтике. Но и там это преподавание чаще всего было запрещено священникам. Так, в августе 1941 г. генеральный советник по делам культа при генерал-комиссаре Литвы выступал против передачи преподавания религии из рук священников в руки учителей, считая, что германские мероприятия будут расценены литовцами в качестве близких к большевистским. Однако РМО переслало в январе 1943 г. в рейхскомиссариат «Остланд» направляющую линию для создания школ в прибалтийских генералбецирках, согласно которой религиозные занятия могли проводить только светские учителя, не допускалось преподавание Закона Божия священниками вне школьного времени⁶⁹¹.

Некоторые храмы, в которых «самовольно» были возобновлены богослужения, вновь закрывались германской администрацией. Так, под Брянском церковь, открытая местными жителями без согласования с немцами, была закрыта. Свои действия оккупанты объяснили тем, что «большевики в этом храме имели склад, а местные жители его разграбили. Нельзя начинать святое дело возрождение храма с тяжкого греха воровства!»⁶⁹². Согласно упоминавшимся сентябрьским 1941 г. директивам Гитлера, все материальные затраты на содержание культовых зданий ложились на плечи местного населения. Оккупанты чаще всего ограничивались демонстративной передачей верующим некоторых церковных ценностей, как, например, Тихвинской иконы Божией Матери.

С 1943 г. уже во многих германских официальных документах ясно чувствовалось сомнение в правильности ряда аспектов выбранного курса церковной политики. Поэтому идеологи рейха неоднократно выражали удивление, какое значительное место заняла Русская Церковь в патриотическом движении в Советском Союзе. В бюллетене полиции безопасности и СД от 7 мая 1943 г. указывалось: «Советская пропаганда сумела ловко использовать религиозные чувства населения в своих целях. Церкви и массы все в большей степени получают поощрения. Как стало известно из Москвы, наплыв жителей в церкви в пасхальные дни был значительным. Этот факт пропа-

гандистски весьма сильно используется и находит распространение прежде всего у союзников»⁶⁹³.

Германские властные структуры внимательно следили за изменением религиозной ситуации на советской территории. Так, в одном из архивных дел фонда ОКХ содержатся подробнейшие материалы о церковной жизни в СССР за июнь 1944 — март 1945 гг.⁶⁹⁴. Встреча И. Сталина с руководителями Русской Церкви в сентябре 1943 г. и последовавшее за ней резкое улучшение положения религиозных организаций в СССР заставляли германские власти предпринимать какие-то контрмеры. Конечно, влияя и военный фактор — страшные поражения на Восточном фронте вынуждали искать дополнительные средства борьбы, в том числе активное использование Церкви.

Некоторые изменения произошли в конце 1943—1944 гг. Желая противодействовать советской пропаганде, РСХА с согласия Партийной канцелярии само выступило инициатором проведения серии конференций православных архиереев, таким образом, заметно активизируя церковную жизнь. Первоначально оказалась допущена 8—13 октября 1943 г. в Вене конференция иерархов Русской Православной Церкви за границей, отношение к которой с 1941 г. было очень настороженным и недоброжелательным. А затем в марте—апреле 1944 г. состоялась целая серия подобных конференций: две в Варшаве — епископов автокефальной и автономной Украинской Церкви, в Минске — иерархов Белорусской Церкви и в Риге — духовенства Прибалтийского экзархата Московского Патриархата. Возглавлял их организацию и проведение руководитель группы IVA РСХА штурмбаннфюрер СС Нейгауз. Работники РМО несколько скептически относились к пропагандистской эффективности таких конференций, но включились в их подготовку. Так, во время переговоров 7 марта 1944 г. руководителя политического отдела рейхскомиссариата «Остланд» Трампедаха с Нейгаузом и берейхслейтером Партийной канцелярии Шмидт-Ремером, последние убеждали его, «что религиозно-политическая пропаганда православной церкви СССР на Балканах, особенно в Болгарии, приводит к очень заметному росту доброжелательного восприятия Советского Союза и что необходимо предотвратить это антибольшевистскими заявлениями русских православных церквей»⁶⁹⁵. На практике эффективность этих архиерейских конференций оказалась очень небольшой.

В свете новых обстоятельств у некоторых представителей гражданской администрации на оккупированных территориях СССР даже появилась идея создания из представителей различных течений Русского православия единой влиятельной Церкви в качестве сильного врага Московского Патриархата. В частности, ландесдиректор Трампедах 10 мая 1944 г. писал в РМО: «После смерти экзарха существует возможность отделения от Московского Патриархата и соединения всех Русских Православных Церквей в областях германского господства»⁶⁹⁶. Но работники РМО остались неизменны в своей враждебности и страхе перед сильной Русской Церковью. 19 мая К. Розенфельдер в ответной телеграмме Трампедаху сообщил: «Объединение Православных Церквей Остланда и Украины было бы возможно только под русским знаком и поэтому неисполнимо»⁶⁹⁷.

В начале 1945 г. — последние месяцы войны РМО церковными делами занималось мало. В то же время они продолжали привлекать внимание Партийной канцелярии. Так, 29 января М. Борман написал министру пропаганды Геббельсу о том, что по поводу выборов нового Московского Патриарха (Алексия I) ни в прессе, ни в радиопередачах не должна высказываться никакая точка зрения⁶⁹⁸. Выборы пытались замолчать, так как для контрпропаганды просто не было аргументов.

Действия нацистов перед отступлением из оккупированных областей — массовое сжигание и разграбление храмов, вплоть до снятия колоколов, депортация и убийства

священнослужителей говорили об их враждебности Православию. Свидетельств умеренного разрушения и осквернения ими церковей очень много. Например, в рапорте благочинного Ленинградской епархии протоиерея Н. Ломакина митрополиту Алексию от 24 февраля 1944 г. говорилось о положении в Новгороде в период оккупации: «Чего только не устраивали немцы и испанцы в этих домах Божиих, освященных вековыми молитвами! Во что только не превращали наши святыни! Казармы, уборные общего пользования, склады овощей, кабаре, в немногих случаях грязные лазареты, наблюдательные пункты, конюшни, гаражи, дзоты, штабы военчастей — все что угодно — только не дома молитвы. А разбросанная в изобилии по храмам порнографическая “литература” немцев и испанцев, бесстыжие фотоснимки и беззастенчивая “акварель” на стенах храмов, исторических памятников и общественных зданий, устройство уборных, вонючих овощехранилищ и конюшен в свв. Алтарях дополняет жуткую картину морального разложения горе-победителей, недавних всеарийских “хозяев” города». Попирая чувства верующих, комендантура Новгорода 1 мая 1943 г. издала приказ: «В церковь разрешается ходить только с пропуском, который дается на несколько человек»⁶⁹⁹. Только в Ленинградской области нацисты уничтожили 44 храма.

Всего же, согласно отчету Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов от 30 декабря 1945 г., они разрушили и повредили 1670 православных церковей, 69 часовен и 1127 зданий других религиозных культов. В отчете приводятся конкретные примеры, главным образом по Северо-Западу России: «Огромным разрушениям подверглись монастыри: Ново-Иерусалимский и Иосифо-Волоколамский в Московской области, Тихвинский в Ленинградской области, Антониев, Хутынский, Зверин, Деревяницкий и другие монастыри Новгорода. Знаменитая церковь в Новгороде Спаса Нередицы постройки XII в. превращена в развалины. Разрушены и сильно повреждены здания, входящие в ансамбль Новгородского кремля, в том числе церковь Святого Андрея Стратилата, Покровская церковь, звонница Софийского собора постройки XIV—XVI веков. В окрестностях Новгорода от вражеского обстрела погибли собор Кириллова монастыря... Большие разрушения причинены пяти церквам Псково-Печерского монастыря... Разрушая здания религиозных культов, немецкие захватчики грабили все убранство. Множество икон и утвари они вывезли в Германию... С Новгородской Софии сняты все кресты и разграблено внутреннее убранство собора. Исчезли иконостасы главного храма из Рождественского придела замечательной работы XVI века, увезены или уничтожены древние паникадила, из которых одно было подарено Борисом Годуновым. Золоченые листы кровли собора были содраны, позолота снята и расхищена, а часть ее пошла на изготовление блюда, бокалов и чайного сервиза немецкому генералу Вильке. Древние церкви в окрестностях Новгорода — Иоанна Предтечи «на Опоках», Спаса Преображения, Петра и Павла «в Кожевниках», Рождества Богородицы «на Молотовке» — ограблены; из них исчезли древние иконы и иконостасы замечательной работы. Разрушая монастыри, храмы, мечети и синагоги, расхищая их утварь, немецкие захватчики гаумились над религиозным чувством людей. Солдаты и офицеры приходили в храмы в шапках, курили здесь, надевали на себя церковное облачение, держали в церквах лошадей и собак, из икон устраивали нары для спанья»⁷⁰⁰. Правда, надо отметить, что некоторые из занесенных в отчет Чрезвычайной комиссии церковей были разрушены еще в 1930-е гг., а ряд храмов пострадал от действий советских войск. Например, Псково-Печерский монастырь весной 1944 г. активно бомбил авиация Ленинградского фронта.

Как уже отмечалось, религиозная ситуация на различных оккупированных территориях не была одинаковой. Следует более детально рассмотреть ее в отдельных регионах. Определенным своеобразием отличалось положение в Прибалтике и

на Северо-Западе России. Там сохранился и даже вырос территориально экзархат Московского Патриархата во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским). Владыка Сергей не эвакуировался при приближении германских войск, а остался в Риге. Существуют самые различные версии, объясняющие этот поступок. В.И. Алексеев полагает, что экзарх, вследствие своих антикоммунистических убеждений, накануне вступления немцев в город спрятался в подвале собора и не был найден там секретарем — приставленным к нему «агентом НКВД», позднее расстрелянным за эту неудачу⁷⁰¹.

По гораздо более аргументированному мнению историка Д.В. Поспеловского, митрополит Сергей стремился подготовить почву Местоблюстителю и Московскому церковному управлению на случай, если немцы победят или, по крайней мере, захватят Москву, чтобы сохранить епископат в новых условиях, а также предотвратить юрисдикционный хаос⁷⁰². Нельзя полностью сбрасывать со счетов и свидетельство Э.И. Лисавцева о том, что экзарх специально был оставлен органами НКВД в Риге, но почти сразу же на долгий период утратил связь с советским подпольем⁷⁰³. Историк О.Ю. Васильева почти солидарна с ним: «Двойственность позиции Сергия, усилившаяся в 1943—1944 гг., его приверженность патриархии может предполагать определенные соглашения между экзархом и Советским правительством»⁷⁰⁴.

Действительно, некоторые священнослужители Русской Православной Церкви, оставшиеся на оккупированной территории, использовались советской разведкой. Так, один из ее руководителей, П.А. Судоплатов, писал: «Уместно отметить и роль разведки НКВД в противодействии сотрудничеству немецких властей с частью деятелей православной церкви на Псковщине и Украине. При содействии одного из лидеров в 30-х годах “обновленческой” церкви житомирского епископа Ратмирова и блюстителя патриаршего престола митрополита Сергия нам удалось внедрить наших оперативных работников В.М. Иванова и И.И. Михеева в круги церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории. При этом Михеев успешно освоился в профессии священнослужителя». От него поступала информация в основном о «патриотическом настрое церковных кругов»⁷⁰⁵.

Возможно, и экзарх имел определенные контакты с советской разведкой. Во всяком случае, представляется несомненным, что он остался в Риге с санкции Патриаршего Местоблюстителя. Это подтверждается их близкими личными отношениями и обдуманым, энергичным характером действий митрополита Сергия (Воскресенского) в первые месяцы после начала оккупации.

Ему сразу же пришлось столкнуться с серьезными проблемами. Вскоре после захвата Риги митрополит Августин (Петерсон) объявил прежний Синод действующим и 20 июля направил германским властям просьбу о разрешении восстановления автономной Латвийской Православной Церкви под юрисдикцией Константинопольского Патриарха и выдворении из Латвии «большевистского ставленника», «агента ЧК» экзарха митрополита Сергия. Подобным образом события развивались и в Эстонии.

8 июля германские войска вошли в г. Печоры, а уже 17 июля настоятель местного эстонского православного прихода Петр Пякхель издал циркуляр, называя себя в нем благочинным Печерского округа, поставленным новыми гражданскими и военными властями, и требуя прекратить на богослужениях поминовения экзарха и возносить только имя митрополита Таллинского Александра (Паулуса) с титулом всея Эстонии. После взятия немцами Таллина 28 августа он ездил к митрополиту Александру и узаконил свое благочиние, а позднее был хиротонисан в сан епископа. Митрополит Таллинский 14 октября 1941 г. также объявил о необходимости воз-

вращения Эстонской Православной Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриарха⁷⁰⁶.

В первый же день оккупации Риги митрополит Сергей был арестован, но через четыре дня освобожден на поруки. Существуют свидетельства, что уже во время этого ареста он не без успеха убеждал германские власти, что для них политически выгоднее примириться с поминанием главы Московского Патриархата, чем содействовать возвращению Латвийской и Эстонской Церквей в юрисдикцию Вселенского Патриарха, экзарх которого находился в это время в Лондоне и имел тесные связи с правительством Великобритании. После освобождения экзарх Прибалтики собрал духовенство Риги в Троице-Сергиевом монастыре и объявил, что остается «послушником митрополита Сергия (Страгородского)»⁷⁰⁷.

Первоначально германские оккупационные власти заняли выжидательную позицию, и 12 ноября 1941 г. глава экзархата обратился к ним с обширным меморандумом, доказывая, что переход Латвии и Эстонии под власть Константинополя не в их интересах. Митрополит Сергей убеждал сохранить каноническое подчинение Прибалтики Московской Патриархии и заявлял, что она никогда не примирялась с безбожной властью, подчинившись ей только внешне, и поэтому он имеет моральное право призвать русский народ к восстанию.

Экзарх призывал не дробить Церкви на части по национальному и территориальному признаку и предупреждал, что всякое вмешательство немцев в церковное управление будет использовано советской пропагандой как доказательство порабощения Церкви оккупационными властями: «В Латвии и Эстонии создались маленькие, но очень активные группы православных политиков, которые прежде, как светские члены так называемых синодов, играли ведущую роль в соответствующих Церквях и которые теперь стремятся снова захватить власть. Также, к сожалению, оба политиканствующих митрополита, Августин Рижский и Александр Ревельский, присоединились к этим группам. Остальные епископы и значительно превышающее большинство священников и мирян стоят далеко от этих групп, а часто настроены в отношении их и враждебно... С точки зрения церковно-политической было бы правильно положить в основу церковного порядка следующие принципы: 1) Принцип единства. — Было бы странно, если бы в Остланде существовало четыре рядом стоящих Православных Церкви — Белорусская, Литовская, Латвийская и Эстонская. Три последних уже объединены в экзархате. Стоило бы экзархат связать с белорусскими епископствами в более высокую единицу... 2) Принцип канонической законности. — Чтобы избежать теперь и в будущем неизбежно следующих за схизмой ссор, Православная Церковь в Остланде должна пока оставаться в рамках Российской Патриархии... 3) Принцип автономии... 4) Принцип церковного единоначалия...»⁷⁰⁸

Эти доводы частично подействовали на германские власти, которые признали существование экзархата Московской Патриархии и даже оказали ему на первых порах определенную поддержку. В Латвии свыше 60% православных верующих составляли русские, митрополита Августина поддерживали немногие, и в ноябре 1941 г. гестапо потребовало немедленного прекращения деятельности его Синода. Митрополит Сергей 24 февраля 1942 г. уволил пытавшегося отколоться архиерея за штат, а 15 июня наложил на него церковный запрет; хотя полного формального разрыва их не было. Нового раскола в Латвии так и не произошло.

Иначе дело обстояло в Эстонии, где русские приходы составляли лишь 25%. 30 июня 1942 г. митрополит Александр окончательно отделился, и Собор епископов экзархата Московской Патриархии 2 ноября запретил его в священнослужении. Германские власти выпустили инструкцию, в которой указывалось, что духовенству

и приходам дается свобода выбора — войти ли в Эстонскую епархию митрополита Александра или русскую — епископа Нарвского Павла, оставшегося в юрисдикции экзарха. Выбор этот должен происходить без давления, но целям немецкой политики более отвечает регистрация православных приходов в экзархате. Было решено, что митрополиты Александр и Августин должны именоваться соответственно Ревельским и Рижским, а не Эстонским и Латвийским, так как митрополитом всех трех прибалтийских стран является Сергей⁷⁰⁹.

18 июня 1942 г. в канцелярии заведующего общим отделом Министерства восточных территорий Лейббрандта состоялось совещание, на котором руководитель отдела заявил, что полное разделение верующих по национальному признаку в Прибалтике не предусматривается. Православные Церкви в Эстонии, Латвии и Литве, являясь русскими культурными учреждениями, должны оставаться именно русскими и как чуждые концепции жизненного пространства в дальнейшем будут перемещены в «рейхскомиссариат Москва». В Белоруссии же, наоборот, следует предохранять Православную Церковь от русского влияния. Таким образом, в случае победы Германии все православные верующие Прибалтики, в том числе эстонцы, латыши, литовцы были бы выселены на восток. На совещании также было решено не препятствовать распространению сферы влияния экзархата на русские районы, занятые группой армии «Север»⁷¹⁰.

Организация миссионерской работы на Северо-Западе России стала главным в деятельности митрополита Сергея в годы войны. Он взял на себя попечение о религиозных нуждах православного населения областей, прилежавших к экзархату, вполне законно, так как митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) оказался в блокированном Ленинграде. «Мы почли долгом своим на время принять эту территорию под свое архипастырское покровительство, — писал в 1942 г. экзарх, — чтобы немедленно приступить на ней к восстановлению церковной жизни, и для этой цели направили туда миссионеров из Экзархата, духовенство которого большевики, за короткое время своего владычества в прибалтийских странах, не успели полностью уничтожить»⁷¹¹. Посылая священников в районы Ленинградской области, владыка Сергей давал им определенные указания поминать на богослужениях митрополита Алексия.

В середине августа 1941 г. было получено разрешение германских властей на создание «Православной Миссии в освобожденных областях России». Напуществу первую группу из 14 миссионеров, среди которых было много выпускников Богословского института в Париже, экзарх говорил: «Не забывайте, что вы прибыли в страну, где на протяжении более 20 лет религия самым безжалостным образом отравлялась и преследовалась, где народ был напуган, принижен, угнетен и обезличен. Придется не только налаживать церковную жизнь, но и пробуждать народ к новой жизни от долголетней спячки, объясняя и указывая ему преимущества и достоинства новой, открывающейся для него жизни»⁷¹².

18 августа первые миссионеры прибыли в Псков, где было создано управление Миссии. Официальной целью ее провозглашалось восстановление «разрушенной большевиками» церковной жизни; формальное руководство принадлежало экзарху Сергию. Территория, входившая в ведение Миссии, включала в себя юго-западные районы Ленинградской, часть Калининской, Великолуцкую, Новгородскую и Псковскую области, с населением около 2 млн человек.

Прибытие первых миссионеров совпало с началом массового религиозного подъема. Священник Иоанн Легкий позднее вспоминал: «Когда в августе 1941 г. мы приехали в Псков, на улице прохожие со слезами на глазах подходили под благословение. На первом богослужении в соборе все молящиеся исповедовались.

Нам казалось, что не священники приехали укреплять народ, а народ укрепляет священников»⁷¹³.

В печатном органе Миссии — журнале «Православный христианин» также отмечалось: «Народ переполнял храмы... Священники не успевали передохнуть от количества треб. Давно не видели стены старых храмов Псковщины и окрестностей таких искренних слез, не слышали таких громких молитв»⁷¹⁴.

Согласно отчету миссионера Владимира Толстоухова, служившего в городах Новоржев, Опочка, Остров, только с 19 августа по 19 декабря 1941 г. он совершил более 2 тысяч «погребений с заочными проводами». Священник Иоанн Легкий в августе—ноябре крестил 3500 детей. Всего за первые месяцы работы Миссии было крещено около 50 000 несовершеннолетних разного возраста. В январе 1942 г. в крещенском крестном ходе с водосвятием участвовало 40% (10 тыс. из 25 тыс.) оставшегося в Пскове населения⁷¹⁵.

Эти сведения подтверждаются и немецкими источниками. Так, в бюллетене полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г. указывалось: «Успех миссионерской работы обусловлен главным образом тем, что большие массы русского народа, в особенности крестьяне, несмотря на старания большевиков, остались верны Православной вере и родной Церкви. Факты, свидетельствующие о том, общеизвестны: церкви переполнены молящимися, священники имеют так много дел... что едва с ними справляются, число причастников и детей, которых крестят, поразительно большое... миссионеров повсюду встречают с почтением и доверием, стараются сильно заботиться об их благополучии, родители охотно доверяют своих детей священникам для религиозного образования... Внезапное возбуждение религиозного чувства наблюдалось и во время немногих богослужений, проводившихся в лагерях военнопленных, а также в Риге, и которые были позднее запрещены... Точно такое же явление наблюдалось и в лазаретах для военнопленных, когда священникам было разрешено посещать эти лазареты, чтобы причастить умирающего и утешить страждущего». В сводке «Полиции безопасности и СД» от 6 ноября 1942 г. сообщалось, что в трех церквях Пскова имеется 10 000 прихожан, и с августа 1941 по 15 сентября 1942 г. в них было крещено 2000 детей, совершено 600 отпеваний и 20 венчаний⁷¹⁶.

Миссия издавала с августа 1942 г. ежемесячный журнал «Православный христианин» тиражом 2—3 тысячи экземпляров. Вела катехизические курсы для взрослых и восстановила преподавание Закона Божия во всех школах. Большинство же кандидатов в священство посылались на обучение в Ригу и Вильно. С целью возрождения религиозной жизни в регионе впервые зазвучало в эфире церковное слово. Еженедельные трансляции из Пскова охватывали значительную территорию области. В сентябре 1942 г. священником Георгием Бенигсеном по радио был прочитан доклад на тему «Религия и наука», второй доклад «Игумен всея Руси» он посвятил 550-летию со дня смерти прп. Сергия Радонежского.

Все расходы, связанные с этой деятельностью, покрывались в основном добровольными пожертвованиями населения — 10% приходского дохода посылалось в Псков. Кроме того, значительные доходы приносил хозяйственный отдел Миссии, в который входили свечной завод, магазин церковных принадлежностей и иконописная мастерская. Чистая прибыль отдела составляла 3—5 тысяч марок в месяц и покрывала расходы на выплату жалования служащих и сотрудников управления Миссии. Священники жалования не получали и существовали на пожертвования прихожан. До половины дохода пересылалось в экзархат, значительная часть из этих сумм шла на содержание Богословских курсов в г. Вильно⁷¹⁷.

С первых дней своего существования Миссия стала вести и большую благотворительную работу. Заметную роль в ней играл Псково-Печерский монастырь. Уже 19 августа его наместнику игумену Павлу (Горшкову) из Пскова поступила записка: «Отец Павел! Умоляю Вас, посетите богадельню, окажите милосердие несчастным, никому не нужным людям. Ведь подумайте, от голода один выбросился из окна, вчера умер, а другие просят отравить их». И вскоре из хранившихся в монастырских кладовых и собранных среди паломников и прихожан продуктов был составлен и отправлен в Псков обоз из четырех подвод. Оказывалась помощь и советским пленным военнослужащим. Так, 24 августа игумен Павел получил еще одну, на этот раз благодарственную записку: «Больные, раненые военнопленные и персонал госпиталя лагерного пункта 134 в городе Пскове выносят глубокую благодарность за присланные продукты — муку, хлеб, яйца и другие пожертвования»⁷¹⁸

В ноябре 1941 г. Миссия выпустила обращение к населению: «Тронутые любовью к нашим в плену находящимся братьям, мы желаем им помочь и удовлетворить их нужды... Мы знаем, что русский человек не будет стоять в стороне, когда надо помочь своему ближнему... Дайте, что можете: одежду, обувь, белье, одеяла и т.д. Все будет принято с благодарностью и будет роздано военнопленным: "Рука дающего да не оскудеет". Заботой оказались окружены и дети-сироты. Так, в Пскове при храме Св. Димитрия Солунского был создан приют, в котором содержались 137 детей 6—15 лет»⁷¹⁹.

Первым начальником Миссии стал протоиерей Сергей Ефимов, в октябре 1941 г. его сменил протоиерей Николай Коливерский, после смерти которого в октябре 1942 г. новым начальником был назначен заслуженный протопресвитер Кирилл Зайц с предоставлением ему права совершать литургию по архиерейскому чину. Его помощником стал священник И. Легкий, членами управления Миссии — протоиерей Н. Шенрок, священник Г. Бенигсен, секретарем — священник Н. Жунда. Для связи с местами и наблюдения за духовенством в 1942 г. организовали институт благочинных в округах: Псковском, Новгородском, Порховском, Гдовском, Дновском, Островском, Гатчинском, Славковичском, Солецком, Ушаковском, Карташевском⁷²⁰. Миссия стремилась взять управление в свои руки, она не только наблюдала за храмами, но и назначала вновь рукоположенных священников.

За короткий срок число действующих церквей в западных районах Ленинградской области выросло в десятки раз. Согласно сведениям журнала «Православный христианин», к началу 1943 г. на территории бывшей Псковской и части Петроградской губерний имелись: 221 приходской храм и 84 священника, в том числе 14 миссионеров из Прибалтики. Кроме того, в течение 1943 г. количество церквей значительно выросло, например, в Псковском районе с 6 до 23, а в целом в Псковской епархии примерно до 150. Необходимо учитывать также 52 храма западной части Новгородской епархии, не менее 18 в Великолуцкой и 81 в Калининской епархиях⁷²¹.

Таким образом, общее число их в оккупированных районах Северо-Запада России составляло как минимум 409 (из них 108 в Ленинградской епархии), увеличившись по сравнению с довоенным временем примерно в 15 раз. Количество же священников к началу 1944 г. достигло 175. Их острейшая нехватка была серьезной проблемой. Местных священнослужителей и миссионеров было относительно немного, поэтому Миссия в ускоренном порядке посвящала мирян в саны диакона и иерея. Появлялись и «самосвяты»⁷²².

На территории собственно Ленинградской епархии миссионеров почти не было, и важными источниками пополнения духовенства служили клирики, освобожденные перед войной из мест заключения или снявшие в 1930-е гг. сан. Например,

протоиерей П. Жарков с 1929 г. до начала 1940-х гг. отбывал заключение на Соловках, затем работал санитаром в Обуховской больнице, жил в Вишере, а с конца 1941 г. стал служить в Любани, Ушаках, Тайцах. В Гдовском районе возглавили приходы протоиерей В. Ирадионов и иеромонах Лин, также отбывшие 10-летнюю ссылку, причем первый снимал сан, и т.д.⁷²³ Однако священников все равно не хватало, и весь период оккупации существовала практика, «когда один служитель культа обслуживал по 3—4, а иногда и 5 приходов»⁷²⁴.

Во вновь открытых церквях начали звонить в колокола, организовываться крестные ходы, как уже отмечалось, возобновилось религиозное обучение детей. Так, в Красногорском округе под руководством миссионера Ф. Ягодкина находилось 15 начальных школ, а в Пушкиногорском районе функционировало 17 подобных заведений. Попытки ввести обучение Закону Божию в общеобразовательных школах существенного успеха не имели из-за отсутствия достаточного количества преподавателей. С.Д. Плещак в своем докладе митрополиту Алексию (Симанскому) писал: «Педагоги и учителя забегали потому, что их заставили преподавать Закон Божий. А как он будет преподавать, когда он был год тому назад настоящим передовым комсомольцем. Таким образом, кадр учителей не был подготовлен, а потому здесь получился полный разрыв»⁷²⁵.

В приходской жизни соборное начало было почти совершенно отменено. Циркуляром экзарха от 16 марта 1942 г. устанавливалась единоличная форма управления приходом с настоятелем во главе, запрещался созыв общих собраний в приходах. Как совещательный орган мог существовать попечительный совет, но члены его, а также церковные старосты, ревизионные комиссии подбирались всецело по усмотрению настоятеля⁷²⁶.

Миссия создавалась под эгидой оккупационных властей, и священство ее вынуждено было реагировать на распоряжения германского командования, хотя многие из них фактически саботировались. Миссионеров обязывали в дни начала войны или захвата фашистами населенных пунктов устраивать торжественные молебны и крестные ходы, участвовать в вербовке людей на работу в Германии, а затем во владскую «РОА». В одном из воззваний, выпущенном управлением Миссии, говорилось: «Русские патриоты обязаны всемерно содействовать уничтожению и плодов, и корней коммунизма. Мы верим, что найдется немало русских душ, готовых к участию в уничтожении коммунизма и его защитников...»⁷²⁷

А в циркуляре митрополита Сергия от 8 июля 1943 г. указывалось: «В день Св. Троицы германское командование объявило торжество передачи земли в полную собственность крестьянства, а посему предлагается управлению Миссии: 1) Дать циркулярное распоряжение всему подведомственному духовенству... специально в проповедях отметить важность сего мероприятия. 2) В Духов день в Соборе, после Литургии, совершить торжественный молебен с участием всего духовенства г. Пскова...»⁷²⁸

Следует отметить, что действия священнослужителей Миссии находились под постоянным контролем партизан. Отношение последних к миссионерам было очень неоднозначным, так как разнообразными были и партизанские отряды, состоявшие отнюдь не только из прокоммунистически настроенных людей. Эти контакты не прошли мимо внимания оккупационных властей, которые с февраля 1943 г. обязали священников давать письменные отчеты о встречах с партизанами.

В этом месяце начальник канцелярии экзархата И.Д. Grimm писал о К. Зайцу: «Приезжающие из России миссионеры дают противоречивые сведения об отношении партизан к священникам и вообще к Церкви. По словам одних, партизаны

считают священников врагами народа, с которыми стремятся расправиться. По словам других, партизаны стараются подчеркнуть терпимое, и даже благожелательное отношение к Церкви... Ввиду большой важности этого вопроса, которым интересуются также и германские учреждения, прошу сообщить все относящиеся к нему факты и Ваши по их поводу соображения. В частности, меня интересует, верит ли народ агитационным сообщениям об изменении церковной политики большевиков, и как он на эти сообщения реагирует. Прошу Вас также предложить подчиненным Вам священнослужителям при всякой возможности письменно докладывать Вам об относящихся к этому вопросу фактах и наблюдениях для дальнейшего препровождения мне этой информации»⁷²⁹.

Из этих письменных отчетов следует, что партизаны строго следили за тем, чтобы в проповедях священников не было каких-либо выступлений против советской власти. В одном из приходов о. Иоасафу «было высказано предложение о сборе средств в церкви на Красную Армию и дан намек о незаконности обслуживания двух приходов, расположенных при этом еще в разных районах одним священником». Ему же было предложено написать письмо в Москву Патриаршему Местоблюстителю: «Последний, мол, пришлет ответ, т.е. утвердит или не утвердит данного священника в занимаемом приходе...» Священник В. Толстоухов сообщал, что «поблизости от его приходов отряд партизан временно захватил деревню, причем их начальник побуждал крестьян к усердному посещению церкви, говоря, что в Советской России Церкви дана теперь полная свобода и что власть коммунистов идет к концу». Порой миссионеры погибали во время перестрелок партизан с фашистскими солдатами. Такой случай произошел 30 января 1944 г. в церкви погоста Вельское Устье Порховского района — случайной пулей в храме был убит священник Николай Беляев⁷³⁰.

Не только партизаны агитировали священнослужителей. Ленинградский митрополит Алексей, понимая все значение народного сопротивления в тылу немецких войск, неоднократно обращался к своей пастве, оказавшейся на оккупированной территории с соответствующими призывами. Особенное значение имело его Пасхальное послание от 25 апреля 1943 г.: «Продолжайте же, братие, подвизаться за веру, за свободу, за честь родины; всеми мерами, и мужчины, и женщины, помогайте партизанам бороться против врагов, сами вступайте в ряды партизанов, проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей родине и своей вере народ...»⁷³¹

Обращение митрополита Алексея в листовках было переправлено через линию фронта и распространено среди населения. О силе его воздействия свидетельствует письмо бойца 2-й партизанской бригады А.Г. Голицына владыке: «Ваш агитлисток сыграл немалую роль среди оккупированного населения в деле оказания помощи партизанам, а вместе с этим и борьбе против фашизма. Этот листок среди населения — как Божье письмо, и за него немецкие коменданты в своих приказах грозили смертной казнью, у кого он будет обнаружен»⁷³².

Следует указать, что помимо части миссионеров нашлись и отдельные российские священники, сотрудничавшие с оккупантами. Настоятели приходских церквей реагировали на политические призывы Миссии очень дифференцированно. Краткая характеристика их позиции содержится в интересном, хотя и сильно тенденциозном, мартовском 1994 г. докладе А.Ф. Шишкина митрополиту Алексию после обследования приходов Гатчинского и Павловского районов: «В ком билось сердце патриота Родины и кому действительно дорога была Русь не профашистской миссией, а Святым Владимиром Крещенная... и кровью истинных сынов своих на поле брани напоенная — тот и в немецком плену любил ее паче жизни своей и умер как истинный патриот. Таковыми были, например, священник А. Петров (г. Гатчи-

на) и священник М. Суслин (с. Орлино). Оба они расстреляны немцами. Те же, кто не мог отнести себя к разряду героев, но кто, живя в немецком плену, думал иногда, что за фронтовым кордоном живут их братья и сестры, сыновья и дочери, терпят муки холода и голода и все во славу Отчизны своей — тот слушался миссии, не прерывая молитвенного общения со своими иерархами, молился за православное русское воинство и терпеливо ожидал встречи “со своими”, решив не покидать приходского места при эвакуации немцев. Таковыми были, например, протоиерей Красовский, священник Митрофанов, протоиерей Забелин. Но были и такие, которые, проявляя “ревность не по разуму”, молились за Адольфа Гитлера, устраивали торжественные богослужения в “юбилейные” дни захвата немцами селений, чттили власть предержавших, получали от них подарки. Наконец, были просто предатели Родины, типа священника Амосова, которые неистовствовали по отношению к Советской власти и Ленинградскому иерарху. При наступлении частей Красной Армии они бежали с немцами, грабя храмы, забирая священные сосуды и антиминсы. Таковыми были прот. Кудринский из с. Рождествено, о. Лаптев из Орлино. А делали они так потому, что и сами этого желали, и к этому же понуждала их миссия»⁷³³.

В целом же Миссии не удалось взять под контроль религиозную жизнь на оккупированной части Ленинградской области. Уровень церковной дисциплины оставался низким. Пассивная форма протеста против отдельных указаний экзаршей власти стала довольно широко распространенной уже в первые месяцы оккупации. Так, в циркуляре от 17 февраля 1942 г., адресованном благочинным, митрополит Сергей отмечал, что духовенство при богослужении не считает необходимым надевать свои духовные знаки отличия, чем проявляет пренебрежение к епархиальной власти, удостоившей их награды, а в циркуляре от 25 сентября 1942 г. указывал, что духовенство отстывает от установленного епархиальной властью порядка поминания светских и духовных властей в положенных местах богослужения и т.д.⁷³⁴

Особенно острые конфликты стали возникать, когда после Пасхального 1943 г. послания митрополита Алексия Миссия под давлением немцев была вынуждена запретить возносить его имя. В упоминавшемся докладе С.Д. Плещача говорилось: «Примерно в мае месяце 1943 г. гдовское духовенство прекратило поминать на ектиниях митрополита Алексия. Почему прекратило, мы не знаем, но прекратило, а иеромонах Лин продолжал поминать. Тогда его вызвали в Гдов, но он не поехал, а поехал я, и мне там дали такой выговор, что приходится теперь вспоминать с удовольствием. После я узнал от протодиакона Ф.И. Юдина, что будто бы были какие-то листовки за подписью Владыки к немецким войскам с призывом прекратить бойню. В это время приехал новый благочинный из Латвии Алексей Иванов, который на литургии не поминал нашего митрополита, а только Сергия. Как только кончилась литургия и когда христиане подходили к кресту — не знаю почему, между иеромонахом Лином и новым благочинным получилась перекидка, и иеромонах Лин уличил его в том, что он находится в Ленинградской епархии, забыв закон о правящих иерархах, за что иеромонах Лин чуть не поплатился приходом, но христиане заступились за него, и дело прекратилось... Во время службы русские священники, которые имели совесть, поминали митрополита Алексия, а потом Сергия, а литовские (прибалтийские) священники поминали только одного Сергия и архиепископа Нарвского Павла... Получился раскол»⁷³⁵.

Подобное положение было и в других районах области. Так, в докладе митрополиту Алексию от протоиерея Н. Ломакина, в феврале 1944 г. посетившего Новгород, отмечалось, что в период оккупации «езде за богослужением возносились имена Патриаршего Местоблюстителя, Вашего Высокопреосвященства и литовского епископа», чтобы помешать этому фашисты даже применяли ложь — «неза-

долго перед изгнанием из Новгорода немцы распространили слух о смерти Вашего Высокопреосвященства»⁷³⁶.

Расчеты нацистов использовать в своих целях религиозный фактор на Северо-Западе России не оправдались. Примеры патриотической деятельности священнослужителей очень многочисленны. Так, в селе Ящерово Гатчинского района фашистами были расстреляны за антигерманскую агитацию оба священника местной церкви — В. Романов и о. Алексей. В характеристике Ленинградского митрополита от 2 июня 1944 г. на священника Феодора Пузанова, награжденного медалью, говорилось: «Во время оккупации свящ. Пузанов имел связи с партизанами, давал им хлеб, снабжал одеждою, давал им сведения о положении дел, о действиях немцев и т.д.»⁷³⁷.

Или в ходатайстве 24 жителей Красного Села от 31 января 1945 г. об открытии в их городе церкви отмечалось, что в 1941—1944 гг. в этом храме при немцах ежедневно о. Иоанн совершал «по уставу положенное Богослужение, молясь за страну родную, за наших бойцов в Красной Армии и, вполне понятно, за свою Советскую власть трудящихся. Молитвы за всех нас были усердны о даровании скорой победы нашей Красной Армии и свободы от напавших на нас злодейски гитлеровцев» и т.д.⁷³⁸.

В Пасхальном 1944 г. послании Ленинградский митрополит подчеркивал: «С радостью услышал я о преданности вере, о верности Родине многих пастырей за все время пребывания в фашистской неволе... Также отрадно было узнать о том, что многие священники и миряне бестрепетно всеми имевшимися у них способами боролись против засилья оккупантов: помогали партизанам, укрывали их от врагов»⁷³⁹.

Своеобразным русским патриотом был и наместник Псково-Печерского монастыря игумен Павел. Он участвовал в подготовке антисоветских документов, подписывал официальные приветствия фашистским властям, но в это же время поддерживал тайную связь с партизанами. Через жительницу Пскова, горячую ревнительницу монастыря А.И. Рубцову, игумен переправлял им целые возы продовольствия. Рубцова была арестована в 1943 г. гестапо и расстреляна. На допросах она держалась с удивительной стойкостью и не выдала наместника. Согласно другим свидетельствам (жителей Печор), игумен Павел прятал в помещении монастыря рацию, по которой передавались через линию фронта сведения о фашистах, собранные иеромонахами в приходах. В то же время, будучи в прошлом эмигрантом, участником Белого движения, наместник имел мало оснований любить советскую власть. Этим, видимо, объясняются его активные попытки эвакуировать монастырь при приближении фронта в марте 1944 г. Однако подавляющее большинство братии, несмотря на жестокие бомбардировки и артиллерийские обстрелы, которым подвергалась обитель, категорически отказалось уезжать, и игумен остался вместе с монахами⁷⁴⁰.

Еще более сложным и противоречивым было положение митрополита Сергия (Воскресенского). Он старался вести очень осторожную политику, всячески подчеркивая свою верность Московской Патриархии. Однако требования фашистов отмежеваться от июньского 1941 г. воззвания Местоблюстителя заставили экзарха отреагировать заявлением: «Советская власть подвергла Православную Церковь неслыханному гонению. Ныне на эту власть обрушилась кара Божия... За подписью Патриаршего Местоблюстителя Сергия, Митрополита Московского и Коломенского большевики распространили нелепое воззвание, призывая русский народ сопротивляться германским освободителям. Мы знаем, что Блаженнейший Сергей, муж великой учености и ревностной веры, не мог сам составить столь безграмотное и столь бессовестное воззвание. Либо он вовсе не подписывал его, либо подписывал под

страшными угрозами...» В то же время экзарх порекомендовал читать это воззвание в приходах вдумчиво и внимательно, а работу по возрождению религиозной жизни вести кропотливо и неустанно. А ведь фашисты в это время уже расстреляли в других республиках нескольких священников, распространявших послание Местоблюстителя от 22 июня 1941 г.⁷⁴¹.

На созванном по требованию референта гестапо по делам Русской Православной Церкви 23 июля 1942 г. архиерейском совещании экзархата в Риге была направлена приветственная телеграмма Гитлеру, обнародовано заявление с отмежеванием от патриотической позиции, занятой Патриархией, и принято решение в обычных богослужениях прекратить возношение имени Патриаршего Местоблюстителя Сергия, сохранив его, однако, в архиерейских богослужениях. Под давлением отдела пропаганды при командовании группы армий «Север» экзарх в конце ноября 1942 г. организовал собрание православного духовенства Ленинградской области (на нем присутствовали главным образом миссионеры), которое также осудило патриотическую позицию Патриархии и одобрило гитлеровский «новый порядок»⁷⁴².

Подобные поступки экзарха Местоблюститель уже не мог полностью игнорировать. Интересно, что хотя публичная антикоммунистическая позиция митрополита Сергия (Воскресенского) стала вполне ясна еще осенью 1941 г., вплоть до сентября 1942 г. его имя продолжало возноситься в московской церкви Преображения, настоятелем которой он ранее служил. Еще более показательно, что в изданной в 1942 г. пропагандистской книге «Правда о религии в СССР» была помещена фотография владыки Сергия (Воскресенского) вместе с Местоблюстителем, под которой указывалось имя экзарха. А ведь на это нужна была санкция цензуры. Но после получения сообщения об июльском совещании в экзархате Московская Патриархия вскоре отреагировала на него.

В своем послании от 22 сентября 1942 г. Патриарший Местоблюститель Сергей, обращаясь к чадам Православной Церкви, обитающим в Прибалтике, указывал: «Упорствующих же в неповиновении голосу Церкви и хулителей ее церковный суд не потерпит в среде епископства православного». В тот же день митрополит Сергей и еще 14 архиереев подписали «Определение по делу митрополита Сергия Воскресенского с другими»: «Отлагая решение по сему делу до выяснения всех подробностей... 1) Теперь же потребовать от митрополита Сергия Воскресенского и прочих вышеназванных преосвященных объяснения (с опубликованием его в печати), соответствуют ли действительности дошедшие до Патриархии сведения об архиерейском совещании в Риге. 2) В случае, если сведения признаны будут соответствующими действительности, предложить преосвященным немедленно принять все меры к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской Патриархии...»⁷⁴³

Как видно из архивных документов, эта акция была предпринята при участии НКВД в расчете на реакцию международной общественности. 1 октября 1942 г. заместитель наркома внутренних дел Б.З. Кобулов написал секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову: «В фашистской газете “Островские известия” за 8 августа с. г. ...помещено сообщение о состоявшемся в Риге съезде епископов православной церкви, пославшем приветственную телеграмму Гитлеру.. В целях разоблачения прибалтийских епископов, пошедших на услужение фашистам, а также для усиления значения патриотических обращений, выпускаемых церковным центром в СССР, в глазах международного общественного мнения митрополит Сергей Страгородский и состоящий при нем совет епископов в количестве 14 человек выпускает специальное обращение к верующим Прибалтийских ССР с особым церковным опреде-

лением, осуждающим прибалтийских епископов. Негласно способствуя этому политически выгодному для нашей страны мероприятию, НКВД СССР принимает меры к размножению названных патриотических документов типографским способом и распространению их на территории Прибалтийских союзных республик, временно оккупированных немцами. Прошу ваших указаний о передаче этих же документов по радио для Прибалтийских республик»⁷⁴⁴.

Впрочем, сам термин «Определение» свидетельствовал об осторожности и мягкости. Учитывая наличие фронта, разделявшего экзарха и Патриархию, все изложенные в нем требования приобретали отвлеченное значение. Митрополит Сергей (Воскресенский), в отличие от ряда иерархов, выступавших с прогерманскими заявлениями в других оккупированных республиках СССР, так и не был запрещен в священнослужении. А в апреле 1944 г. Священный Синод постановил, что «рукоположения, совершенные им или подведомственными ему епископами... признаются действительными»⁷⁴⁵.

Вплоть до осени 1943 г. экзарху удавалось лавировать в отношениях с германскими властями. Широко известна его фраза по поводу последних: «Не таких обманывали! С НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть не трудно»⁷⁴⁶. Но после избрания в сентябре 1943 г. в Москве Патриарха митрополит Сергей (Воскресенский) оказался в тяжелом положении. Известие об этом событии вызвало сильную тревогу у германского командования, решившего принять контрмеры.

В начале октября Главное управление имперской службы безопасности совместно с Министерством восточных территорий решили подготовить и провести конференцию православного духовенства оккупированных областей СССР во главе с экзархом Сергием. «Пастырям предписывалось: 1) осуждение и признание недействительным избрание патриарха, 2) принятие резолюции по поводу «гонения за церковь в СССР», 3) торжественное провозглашение анафемы советскому правительству». Рижское гестапо должно было в срочном порядке выяснить отношение экзарха к проекту. Но Владыка дал понять, что выборы Патриарха были произведены в соответствии со всеми каноническими правилами и оспариваться не могут. Об этом немедленно доложили в Берлин⁷⁴⁷.

Тогда германские власти обратились к Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ), отношение к которой до этого времени было очень настороженным и недоброжелательным. И 8—13 октября 1943 г. в Вене состоялось совещание православного эмигрантского духовенства, в том числе семи архиереев Архиерейского Синода РПЦЗ. Оно провозгласило избрание Патриарха «фактом не только неканоничным, но и не церковным, а политическим, вызванным интересами советской партийной коммунистической власти». На совещании присутствовал архиепископ Венедикт, представлявший Белорусскую Церковь. Обеспокоенные национал-социалисты даже нарушили свой принцип разделения Православной Церкви на несобобщающиеся между собой части.

Экзарх Сергей на конференцию не поехал, что соответствовало его позиции в отношении к эмигрантским иерархам. Так, в политической сводке, составленной СД в феврале 1942 г., указывалось: «Митрополит православной церкви Сергей предпринимал шаги для устранения “Карловацкого” епископа Серафима Ляде, Берлин». А 6 августа 1942 г. экзарх писал руководству рейхскомиссариата «Остланд» о необходимости практического осуществления им управления русскими приходами в Средней и Западной Европе, «на основании особого поручения, данного ему Местоблюстителем Патриаршего престола». Правда, немецкие власти признали попытки митрополита Сергея добиваться этих прав нежелательными⁷⁴⁸.

Противодействовать постановлением Венского совещания означало противостоять политике нацистских верхов. И все же экзарх решительно осудил эти постановления. В неопубликованном ноябрьском 1943 г. меморандуме, найденном в немецких военных документах, он называл епископов эмигрантов схизматиками за оппозицию Московской Патриархии. Разрыв с ней, по его мнению, вообще лишил этих епископов права судить о московских делах с канонической точки зрения. Митрополит Сергей убеждал немцев признать избрание Патриарха и использовать его в антибольшевистской пропаганде: возрождение Церкви является доказательством полного банкротства коммунизма, и надо утверждать, что оно неизбежно приведет к гибели последнего. Упрек в неправильно начатой пропагандистской акции встревожил гитлеровцев.

В препроводительной записке к меморандуму говорилось «...я пересылаю Вам отношение Экзарха Сергея в Риге к Венскому Епископскому Собору с просьбой передать его Министерству Церковных Дел, которое в этом деле на Соборе было ведущим, и затребовать его мнение относительно канонической законности затронутых вопросов... Если же аргументы Экзарха окажутся состоятельными, то пропаганду, которую мы ведем в связи с Венским Собором, надлежало бы перевести в другую колею». Мнения министерства и Антикоминтерна оказались неблагоприятными для митрополита Сергея⁷⁴⁹.

Германские власти категорически настаивали на запрещении в богослужениях возношения имени Патриарха Сергея, и 19 ноября архиереи экзархата приняли решение прекратить поминовение его, объясняя это тем, что за ликвидацией титула Местоблюстителя отпадает необходимость и в поминании Сергея с подобным титулом. В то же время они не отдали распоряжения возносить его с новым титулом, «ссылаясь на неосведомленность о канонической правомочности избрания Патриарха», но подчеркнули свою принадлежность к Русской Православной Церкви. Это не удовлетворило гестапо. К тому же экзарх в заявлении на имя рейхскомиссара «Остланда» неосторожно написал, что православный «епископат и теперь желает падения советов, но возможно и даже определенно, — свои надежды больше не связывает с победой немцев»⁷⁵⁰.

Начался сбор компрометирующего материала на митрополита Сергея. В октябре 1943 г. под руководством начальника полиции и службы безопасности в Риге оберфюрера Ланге состоялось совещание, на котором обсуждалась деятельность экзарха. По свидетельству участника этого заседания И.Л. Глазенапа, майор СД В.В. Поздняков на нем заявил: «Все молящиеся слушают его (митр. Сергея) проповеди с замиранием сердца. Совсем недавно Преосвященный посвятил свою проповедь одной из заповедей: “не осуждай — не осужден будешь”, и все свои высказывания свел в конечном итоге к тому, чтобы верующие не осуждали тех, кто проявляет недовольство существующим порядком и никуда об этом не сообщали. А проповедь о помощи ближним по заповеди “возлюби ближнего своего как самого себя” была направлена к тому, чтобы побудить слушающих “оказывать помощь семьям, кормильцы которых погибли от рук басурманов”... Его постоянные молитвы “о ниспослании мира и благоденствии нашей православной Родине” настраивают верующих против установления нового порядка на территории, освобожденной великой немецкой армией. С помощью господина Левицкого (секретаря экзарха) я подсылаю к Сергию агентов-женщин, которые обращались к нему с “жалобами” на то, что арестовали их кормильцев. Он всегда помогал им материально, утешал их, говорил, чтобы “надеялись на Бога и свою великую Родину”»⁷⁵¹.

Эти фразы о подлинных настроениях экзарха подтверждает свидетельство священника Михаила Кузменко, в конце 1943—1944 гг. исполнявшего обязанности на-

чальника его канцелярии: «Когда был избран Святейший Патриарх... оккупанты запретили возносить его имя за богослужением. На епархиальном собрании в Вильно митрополит с волнением в голосе оповестил об этом решении оккупационных властей местное духовенство, но оставил за собой право поминать Патриарха. Я всегда в Вильно сослужил экзарху и не знаю случая, чтобы эта воля его когда-либо нарушалась. Эти три дня до смерти... в слове своем Высокопреосвященный остановился на страшном историческом моменте, переживаемом Родиной, когда «нашу святую Русскую Землю попирают враги. Близится час — и, поставленные на колени, они будут просить у нас прощения. Но мы будем тогда так же тверды и немилосердны, как они теперь к нам». А за день до убийства экзарх совершал панихиду по певцу Д. Смирнову и после нее сказал о Михаилу: «А ведь я по себе служил панихиду... Так оно и обернется. Теперь я уже не сделаю для них того, что позволил себе сделать раньше»⁷⁵².

8 марта 1944 г. IV отдел полиции безопасности и СД, ведавший церковными делами в «Остланде», составил справку о деятельности экзарха. В ней отмечалось, что он в победу Германии больше не верит, предпринимает попытки отмежеваться от других иерархов, наиболее тесно сотрудничавших с немцами. Митрополиту ставилось в вину регулярное прослушивание передач московского радио, пение в компаниях советской песни «Синий платочек» и т.п.

В эти же дни рижскому гестапо приказали срочно организовать в Риге конференцию православных иерархов и добиться, чтобы она приняла резолюцию, направленную против Московского Патриарха. 20 марта из Берлина пришла категоричная телеграмма — конференция должна состояться в течение 14 дней, заранее была разработана ее программа. Однако созванное архиерейское совещание не только не приняло «заказанную» гестапо резолюцию, но и в своем, в целом антисоветском, воззвании употребило термин «Первосвятитель» Русской Церкви, что, по сути, означало открытое признание Патриарха. 11 апреля из Берлина поступили еще две телеграммы с упреками и директивой: добиться от экзарха дополнительного заявления о том, что он не признает избрание Патриарха и считает Патриарший престол вакантным. Однако, несмотря на сильнейшее давление, митрополит Сергей сделать заявление отказался⁷⁵³.

28 апреля 1944 г. экзарх, его спутники и шофер, ехавшие по пустынной дороге из Вильнюса в Каунас, были убиты выстрелами из обогнавшей их машины. Нападавшие были в немецкой форме, но оккупационные власти заявили, что это сделали советские партизаны. До сих пор до конца не ясно, кто организовал убийство. В советской послевоенной литературе в нем обвинялись фашисты⁷⁵⁴.

Об этом же свидетельствует и подавляющее большинство известных источников. Согласно сообщению И.А. Глазенапа, убийство совершил ложный партизанский отряд из агентов СД. Впрочем, к этому свидетельству надо подходить осторожно, так как оно было опубликовано в очень тенденциозной газете «Голос Родины»⁷⁵⁵. В Бахметьевском русском архиве (Колумбийский университет, Нью-Йорк) хранится письмо журналиста из Латвии М. Бачманова. В нем говорится о том, что спаслась из машины одна гимназистка, которая спряталась во рву. Она свидетельствовала, что это были немецкие СД, опознала одного из них по шраму на лице и запомнила номер машины, принадлежавшей каунасскому СД⁷⁵⁶.

Руководитель полиции «Остланда» обергруппенфюрер СС Ф. Еккельн после ареста, на допросе 31 декабря 1945 г. показал: «Митрополит Сергей находился давно под наблюдением СД и гестапо... Фукс дал мне прочитать приказ о ликвидации митрополита Сергея за подписью Кальтенбруннера, из которого следовало, что Сергей должен быть убит таким способом, чтобы путем провокации его убийство можно было свалить на немецких партизан. Так и было сделано фактически»⁷⁵⁷.

Наконец, указания на убийство экзарха нацистами встречаются и в документах Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета Министров СССР второй половины 1940-х гг.⁷⁵⁸ Относительно же совершения этой акции партизанами существует лишь свидетельство рижского священника Н. Трубецкого, отсидевшего в лагере 10 лет за причастность к деятельности Псковской миссии. Отец Николай утверждал, что встретил в заключении бывшего партизана, который сообщил ему о своем участии в убийстве экзарха, совершенном по приказу советской разведки⁷⁵⁹. Однако это субъективное свидетельство не подтверждается никакими архивными документами.

Известие о смерти Патриарха Московского и всея Руси германские власти встретили предупреждением, чтобы оно не было ничем отмечено. Вступивший в должность экзаршего наместника архиепископ Ковенский Даниил (Юзьвюк) 9 июня 1944 г. издал распоряжение о совершенном запрещении общественного поминания усопшего. Как и ноябрьское постановление, это указание встретило массовое сопротивление духовенства не только в Ленинградской епархии, но даже в Прибалтике.

Так, Нарвский епархиальный совет 23 мая 1944 г. признал неканоничным прекращение поминания имени Первосвятителя Сергия (Страгородского) и решил продолжать возносить его, а 22 июня вынес свое суждение о распоряжении экзаршего наместника, что оно «не согласно с духом Православной Церкви»⁷⁶⁰. 35 приходов, окормляемых архиепископом Нарвским Павлом, поминали Патриарха и в 1944 г., радостно встретив советские войска. Псковская миссия прекратила свое существование весной 1944 г.; некоторые миссионеры, как и митрополиты Августин (Петерсон) и Александр (Паулус), оказались в эмиграции, большинство же их попали в советские лагеря.

Лишь часть оккупированной территории Северо-Запада России в годы войны контролировалась Псковской миссией. Западную Карелию, северные и северо-восточные районы Ленинградской области временно захватили финские войска, и религиозная жизнь там имела свои особенности. В Карелии к началу войны не осталось ни одного действующего храма, и в конце 1941 — начале 1944 г. их открылось около 40 (после изгнания финнов на 1 ноября 1944 г. в списке действующих числилось 18 церквей). Однако значительная часть русского населения была интернирована в лагеря, и богослужения, как и восстановленное преподавание Закона Божия, проводились на финском языке. На Карельском перешейке и в Подпорожском, Вознесенском, Лодейнопольском районах Ленинградской области возобновили свое функционирование примерно 20 храмов. Служили в них, как и в карельских, в основном финские православные священники, в том числе военные и монахи Вааламского монастыря. На богослужениях они поминали главу автономной Финляндской Церкви под юрисдикцией Константинопольского Патриарха митрополита Германа и президента Финляндии Рюти⁷⁶¹.

В донесении командования Карельского фронта говорилось: «При Военном управлении Восточной Карелии имеется отдел просвещения, который через окружные и районные управления осуществляет контроль и руководство школьными и религиозными заведениями. В распоряжении отдела просвещения имеется группа попов, которая должна обслуживать население. В некоторых наиболее крупных населенных пунктах открыты церкви. Попам, служащим в финских частях, предоставлена также возможность обслуживать гражданское население, но это производится только по просьбе попов, состоящих в штате при Военном управлении»⁷⁶². Все финские священники и монахи осенью 1944 г. ушли с отступающими войсками, и 85% храмов к 1946 г. вновь оказались закрытыми.

Почти так же активно, как на Северо-Западе, проходило религиозное возрождение и в других районах России, хотя, конечно, там сказывались меньший срок оккупации, неустойчивость фронта, отсутствие миссионеров и т.п. В оккупированных южных областях религиозную жизнь на первых порах возглавили два уцелевших к 1941 г. и живших на покое архиерея — архиепископ Ростовский Николай (Амасийский) и епископ Таганрогский Иосиф (Чернов), а также обновленческий епископ Пятигорский Николай (Автономов). В Ростове-на-Дону, где к началу войны оставалась одна действующая церковь, вскоре после его взятия в июле 1942 г. немецкими войсками открылось 8 храмов.

Игумен Георгий позднее вспоминал: «На третий или четвертый день по занятии города ко мне пришли 7—8 прихожан храма Всех Святых с предложением осмотреть храм и немедленно начать хлопоты о закреплении его за общиной и о совершении богослужений». На следующее утро на очистке церкви, разбитой бомбой, работало 300 человек, которые отремонтировали ее за два дня. На первом богослужении храм, вмещавший 2000 человек, был переполнен. Вскоре в Ростов переехал живший в Ейске архиепископ Николай. Он организовал ростовское благочиние и епархиальное управление, начал энергично рукополагать священников из мирян. Летом 1942 г. к Владыке, по воспоминаниям игумена Георгия, «ежедневно прибывали и священники, и миряне — делегаты из провинции с радостными сообщениями об открытии храмов, организации общин, с просьбами о назначении священников»⁷⁶³.

Сообщение СД от 6 октября 1942 г. также свидетельствует, что после занятия Донской области началось самопроизвольное открытие церквей везде, где было духовенство и церковные здания. А в донесении от 16 октября указывалось, что в Новочеркасске на открытие собора прибыли местный комендант и представители городского управления. После богослужения состоялся крестный ход через весь город, в котором участвовали тысячи людей. Всего в Новочеркасске было открыто шесть храмов, один из очевидцев был поражен тем, что большинство интеллигенции в городе, включая и тех, кого он считал атеистами, вернулось в Церковь.

Всего в Ростовской области в период оккупации открылось 243 храма. Епископ Таганрогский Иосиф также вновь возглавил епархию и даже въехал в свой прежний архиерейский дом. К концу 1942 г. оба архиерея вошли в состав Украинской автономной Церкви Московского Патриархата, в храмах их епархий возносили имя митрополита Сергия (Страгородского)⁷⁶⁴.

Однако особым посланием Патриаршего Местоблюстителя от 20 марта 1943 г. архиепископ Николай (Амасийский) был осужден за связь с гитлеровцами⁷⁶⁵. На Ростовскую область стремился распространить свое влияние и Патриарх Румынской Православной Церкви Никодим, вступивший в переписку с архиепископом Николаем⁷⁶⁶.

Духовенство Краснодарского, Ставропольского краев, Северного Кавказа в Украинскую Церковь не входило. Здесь происходили столкновения между обновленцами и сторонниками Московского Патриархата. Так, в сообщении СД от 18 декабря 1942 г. говорилось, что в Краснодаре сразу же после его оккупации началось открытие церквей, и вспыхнула борьба «двух течений» из-за трех храмов, особенно Екатерининского собора, который в итоге был передан «тихоновцам».

Указывалось, что и они, и «живоцерковники» хотят выйти из-под контроля городского управления и создать собственные центральные руководящие органы. Обновленцы считались фашистами «агентами НКВД» и подвергались репрессиям, хотя Кубань и Северный Кавказ были единственным регионом, где их деятельность хоть в каком-то виде допускалась германскими властями. Например, в станции Про-

хладная обновленцам принадлежал собор, а сторонникам Патриархии лишь маленькая церковь. Репрессии гитлеровцев особенно затронули Ставрополье, где была расстреляна целая группа священнослужителей⁷⁶⁷.

В Крыму, входившем в состав РСФСР, по сообщению СД от 12 декабря 1942 г., духовенство, сопровождавшее румынские войска, крестило 200 тысяч человек. Всего в области было открыто 70 православных храмов. Германские власти первоначально организовали для духовно-административного руководства церковный подотдел. В докладе протоиерея А. Архангельского митрополиту Алексию (Симанскому) от 13 июля 1944 г. указывалось, что заведующий подотделом А.Д. Семенов покровительствовал «всякого рода сектантам — штундистам, баптистам, евангелистам и т.д. Эти родственные немцам секты⁷⁶⁸ получали от Семенова равное количество молитвенных домов с православными храмами, несмотря на то, что православное население г. Симферополя во много раз больше горсточки сектантов».

В докладе сообщалось, что протоиерей кладбищенской церкви Симферополя Николай Швеу зачитал прихожанам воззвание Патриаршего Местоблюстителя Сергия, распространять его среди верующих помогал диакон А. Бондаренко. «Их патриотический подвиг поддерживал старец Викентий, бывший обновленческий епископ... Все они... были расстреляны немецким гестапо... Н. Швеу обвиняли еще в том, что он крестил евреев»⁷⁶⁹.

С приездом епископа Серафима (Кушнерюка) Украинской Автономной Церкви подотдел прекратил свое существование. Но архиерей вскоре занял пронемецкую позицию, порвал с Украинской Церковью, объявил себя автономным епископом и перестал почитать Патриарха Сергия. В ноябре 1943 г. епископ Серафим и члены его благочиннического совета были эвакуированы в Германию. Большинство же священнослужителей Крыма проявили себя патриотами. Так, священник В. Соколов активно помогал партизанам, распространял советские газеты и новости радиопередач из Москвы. Протоиерей И. Крашаковский после освобождения полуострова с разрешения генерала Ветрова созвал всех верующих Симферополя в полуразрушенный немцами собор, в присутствии воинских частей совершил благодарственный молебен и произнес яркую речь. Он получил благодарность советского командования за патриотическую деятельность и помощь раненым бойцам⁷⁷⁰.

Смоленскую и Брянскую области германские войска в административном отношении присоединили к оккупированной Белоруссии, и к марту 1942 г. была создана Смоленская епархия в составе Белорусской Церкви. Возглавил ее епископ Стефан (Севбо). В Смоленске в 1941 г. оставалась всего одна открытая церковь, а через год действовало уже пять храмов, имелись пастырские курсы, которые за первые семь месяцев своего существования подготовили 40 священников. В Вязьме открылось восемь храмов, в сентябре 1942 г. было напечатано 30 тысяч молитвенников и т.д.

В сводке СД от 12 декабря 1941 г. говорилось о результатах переписи населения Смоленска. На вопросы о принадлежности к церкви 24 100 жителей назвали себя православными, 1128 — верующими других конфессий и лишь 201 (менее 1%) — атеистами. Данные переписи послужили основанием для передачи православным одного из храмов города, открытого в качестве костела при помощи немецкого военного католического священника. Необходимо отметить, что подобные опросы давали от 1 до 4% атеистов и в других городах. Правда, нельзя считать эти данные полностью соответствующими реальной ситуации. Ведь среди ушедших на восток с советскими войсками был большой процент неверующих; кроме того, часть населения могла думать, что фашисты будут ассоциировать атеистов с коммунистами, и поэтому скрывала свои подлинные взгляды⁷⁷¹.

Очень активно шло возрождение религиозной жизни в Центральном Черноземье России. В Орле открылось 4 храма, в Брянске — 12, в Курске в марте 1942 г. был воссоздан Свято-Троицкий женский монастырь со 155 насельницами и т.д.⁷⁷² Посетивший в 1943 г. освобожденные города этого региона английский журналист А. Верг писал о патриотической деятельности православных общин в период оккупации: «Церкви в Орле процветали, но они превратились, чего немцы не ожидали, в активные центры русского национального самосознания... именно церкви неофициально создали кружки взаимной помощи, чтобы помогать самым бедным и оказывать поддержку военнопленным. Церкви стали центрами “русифицизма” вопреки ожиданиям немцев, что церкви превратятся в очаги антисоветской пропаганды»⁷⁷³.

Этот вывод соответствует ситуации, существовавшей на всей оккупированной территории России. «Религиозное возрождение» там было самым тесным образом связано с ростом национального самосознания. Всего же в захваченных районах РСФСР открылось, по подсчетам автора, примерно 2150 храмов: около 470, как уже отмечалось, на Северо-Западе, в Курской области — 332, Ростовской — 243, Краснодарском крае — 229, Ставропольском — 127, Орловской области — 108, Воронежской — 116, Крымской — 70, Смоленской — 60, Тульской — 8 и около 500 в Орджоникидзеvском крае, Московской, Калужской, Сталинградской, Брянской и Белгородской областях (причем в двух последних не менее 300)⁷⁷⁴.

Возрождением Русской Православной Церкви можно назвать и религиозную жизнь в оккупированной Белоруссии. Здесь, как и на Северо-Западе России, уже в конце лета 1941 г. началось быстрое восстановление закрытых храмов, причем при восстановлении церковной организации решающую роль сыграло эмигрантское духовенство, в 1939 г. оказавшееся на советской территории. Однако, несмотря на то что Прибалтика и Белоруссия входили в один рейхскомиссариат «Остланд» и митрополит Сергей пытался объединить их церковную жизнь, германские власти жестко пресекли все подобные попытки, настойчиво проводя политику дробления единой Русской Церкви на национальные. Экзарх западных областей Белоруссии и Украины митрополит Николай (Ярушевич) остался по другую сторону фронта, и Патриарший Местоблюститель назначил в июле—августе 1941 г. экзархом Белоруссии с возведением в сан архиепископа Пантелеимона (Рожновского).

К нему и обратилось германское командование, поставив при переговорах следующие условия: «1) Организовать Православную Церковь самостоятельно, без всяких сношений с Москвой или Варшавой (митр. Дионисием) или Берлином (митр. Серафим (Ляде)). 2) Церковь должна носить название: “Белорусская автокефальная православная национальная церковь”. 3) Церковь управляется своими св. канонами, и немецкая власть не вмешивается в ее внутреннюю жизнь. 4) Проповедь, преподавание Закона Божия, церковное управление должны производиться на белорусском языке. 5) Назначение епископов должно производиться с ведома немецкой власти. 6) Должен быть представлен немецкой власти статут “Белорусской Православной автокефальной национальной Церкви”. 7) Богослужения должны совершаться на церковно-славянском языке». 13 мая 1942 г. А. Розенберг также писал рейхскомиссару «Остланда» Х. Лозе, что Русская Церковь не должна распространять свое влияние на православных белорусов, а ее деятельность — протираться за границу расселения великороссов⁷⁷⁵.

В Западной Белоруссии было значительное число католиков, которых немцы рассматривали как «пятую колонну» поляков и поэтому стремились не допустить католическую миссионерскую деятельность в восточную часть республики, предпочитая поддерживать православных. Возможности белорусских католиков были огра-

ничены и тем, что Гродненская область отошла к Восточной Пруссии, а Пинская — к Украине, взамен чего к Белоруссии присоединили Смоленскую и Брянскую области.

Нацисты привезли белорусских националистов из Польши, Чехословакии и т.д., чтобы усилить влияние националистических и сепаратистских элементов в Белорусской Церкви. Они не пользовались влиянием среди местного населения и немедленно вступили в борьбу с православной иерархией, упорно сопротивлявшейся всем попыткам оторвать ее от Московской Патриархии. Архиепископ Пантелеимон принял в сентябре 1941 г. поставленные ему условия с оговоркой, по существу полностью противоречащей им: отделение может состояться только после того, как Белорусская Церковь организуется, созреет для автокефалии и оформит это отделение канонически, т.е. с разрешения Московского Патриархата. В марте 1942 г. Собор архиереев избрал Владыку Пантелеимона митрополитом, но он так и не провозгласил Белорусскую Церковь автокефальной. На богослужениях продолжали возносить имя Патриаршего Местоблюстителя, и Владыка Пантелеимон отказывался проповедовать по-белорусски на том основании, что языком городского населения республики является русский⁷⁷⁶.

К марту 1942 г. Православная Церковь в Белоруссии включала в себя уже шесть епархий: 1. Минскую во главе с митр. Пантелеимоном, 2. Гродненско-Белостокскую (за пределами рейхскомиссариата «Остланд» и поэтому получившую статус экзархата) во главе с архиеп. Венедиктом, 3. Могилевскую — с еп. Филофеем (Нарко), 4. Витебскую — с еп. Афанасием (Мартосом), 5. Смоленско-Брянскую — с еп. Стефаном (Севбо), 6. Барановичско-Новогрудскую. Бурно шел процесс восстановления храмов. Только в Минске за три-четыре месяца их открылось семь, и было крещено 22 тысячи детей, в епархии же службы начались в 120 церквях.

Оккупационные власти не разрешили открыть две имевшиеся ранее в Минске Духовные семинарии, вместо них были образованы пастырские курсы, каждые несколько месяцев выпускавшие 20—30 священников, дьяконов и псаломщиков. В Витебске в Свято-Покровской церкви богослужения возобновились 14 октября 1941 г., а в ноябре в нее из антирелигиозного музея перенесли мощи св. Евфросинии Полоцкой. В 1942 г. в этом городе также открылись пастырские курсы. В мае 1944 г. мощи преподобной были переданы в Полоцк, где действовали четыре храма и монастырь. В некоторых районах Белоруссии, например, в Борисовском, было восстановлено до 75% дореволюционных церквей (в самом Борисове 21 храм). Этот процесс продолжался и в 1943—1944 гг. Так, в донесении командования группы армий «Центр» за январь—февраль 1944 г. говорилось, что в районе 4-й армии вновь открыты четыре церкви, а в Бобруйске впервые за время войны на Крещение состоялся крестный ход на р. Березину с участием 5000 человек⁷⁷⁷.

Общее число восстановленных в Белоруссии храмов точно не известно. Согласно документам Совета по делам Русской Православной Церкви, на 1 января 1948 г. их численность в республике 1051, в том числе 302 в восточных областях. Отмечалось, что почти все они открыты в период оккупации (20—25% в зданиях, никогда не бывших церквями), но по сравнению со временем войны количество действующих храмов сильно сократилось. По всей видимости, их было не менее 600, так как в 1945 г. в Белоруссии считались действующими 1250 православных церквей, из них на долю восточной части республики приходилось около 500 (часть храмов к тому времени уже успели снять с регистрации)⁷⁷⁸.

Воссозданное духовенство на 90% состояло из белорусов. И все же германским властям к лету 1942 г. пришлось признать провал своей политики сепаратизма в церковной области. В сводке СД от 5 июня признавалось, что Белорусская Церковь стала центром великорусского по настроениям духовенства, священников-сепаратистов

не существует, а митрополит Пантелеимон и его окружение не хотят проводить белорусизацию Церкви. Архиепископ же Венедикт характеризовался как «ревностнейший великорусский организатор», через которого шла связь с русскими центрами в Польше. Пытаясь срочно исправить положение, по настоянию националистов фашисты заключили в мае 1942 г. митрополита Пантелеимона в Жировицкий монастырь и передали управление Церковью архиепископу Могилевскому Филофею. Он тоже противился вначале всяким нововведениям на том основании, что не имеет права принимать решение без ведома митрополита Пантелеимона⁷⁷⁹.

Еще 30 июля 1942 г. архиепископ Филофей написал гауляйтеру Белоруссии о ненужности излишней торопливости при введении автокефалии: «Это очень важное и ответственное положение, требующее точности и правильности церковного канона священной всеобщей Православной Церкви... Нас торопят в этой работе...»⁷⁸⁰ Однако 5 августа он был вынужден издать распоряжение о созыве Собора для официального провозглашения отделения Белорусской Церкви от Русской. Собор проходил в Минске с 30 августа по 2 сентября 1942 г. На нем присутствовали три младших архиерея из шести и представители только двух епархий, и то в большинстве по назначению. Некоторые священнослужители не смогли вовремя приехать из-за вмешательства оккупационных властей. Митрополит Пантелеимон и архиепископ Венедикт не были допущены в Минск.

Собор выработал статут Белорусской Церкви, утвердил мероприятия по достижению автокефалии и белорусизации: создание Священного Синода, завершение организации епархий, открытие Минской семинарии и т.д. В обязанность всем священникам вменялось выучить белорусский язык и сдать по нему экзамен до 1 октября. В имперскую канцелярию была отправлена телеграмма: «Фюреру Адольфу Гитлеру. Первый в истории Всебелорусский Православный Церковный Собор в Минске от имени православных белорусов шлет вам, господин рейхсканцлер, сердечную благодарность за освобождение Белоруссии от московско-большевистского безбожного ига, за предоставленную возможность свободно организовать нашу религиозную жизнь в форме Святой Белорусской Православной автокефальной церкви и желает быстрейшей полной победы вашему непобедимому оружию»⁷⁸¹.

И все же, хотя в постановления Собора и вошло навязанное ему заявление о независимости Белорусской Церкви, было поставлено условие, что «каноническое объявление автокефалии наступит после признания ее всеми автокефальными Церквами» (в том числе Московского Патриархата). Послания главам других Церквей были составлены, переведены, переданы германским властям для пересылки только через год и так и не отправлены. После Собора сопротивление белорусификации продолжалось: автокефалия не упоминалась ни в церковных документах, ни в официальной печати. А в мае 1944 г. архиерейская конференция Белорусской Церкви объявила постановления Собора 1942 г. недействительными на том основании, что на нем отсутствовали два старших епископа, которые не были допущены оккупационными властями. Все белорусские архиереи, эмигрировавшие в конце 1944 г. в Германию, присоединились к Русской Православной Церкви за границей, что подчеркнуло их общерусскую ориентацию⁷⁸².

Иерархи Белорусской Церкви в годы войны неоднократно выступали с антикоммунистическими заявлениями. Например, майская 1944 г. конференция приняла резолюцию, в которой советская власть называлась «сатанинским отродьем» и «сыном дьявола»⁷⁸³. При этом большая часть духовенства занималась активной патриотической деятельностью. Участие его в партизанском движении в Белоруссии было особенно массовым. Правда, это движение было неоднородным. Так, из 440 тысяч

учтенных партизан и подпольщиков республики 24 тысячи составляли члены антифашистских комитетов западных областей, не связанных с Москвой. Кроме того, на территории Белоруссии действовали нелегальные отряды украинских националистов и особенно активно — около 20 тысяч бойцов польской Армии Крайовой, которые нередко сражались не только с немцами, но и с партизанами (в этих боях погибло несколько тысяч человек)⁷⁸⁴. Далеко не сразу и многие из советских партизан стали относиться к духовенству положительно, значительная часть только с сентября 1943 г. И все-таки примеров помощи им священнослужителей с первых месяцев войны множество.

Так, священник В. Копычко из Пинской епархии вспоминал, что уже в июле 1941 г. через подпольную группу ему было передано из Москвы послание Патриаршего Местоблюстителя, которое он зачитал перед прихожанами. Затем о. В. Копычко стал связным партизан, собирая для них оружие и продукты. Священник Минской епархии Иоанн Лойко в 1942 г. публично благословил трех своих сыновей идти в партизаны. В том, что его село Хоростово стало «столицей» партизанского края, была немалая заслуга о. Иоанна. 15 февраля 1943 г. фашисты захватили село, заколотили храм и сожгли в нем священника и более 300 молящихся.

В характеристике, выданной 15 ноября 1944 г. командиром партизанского отряда им. С. Кирова благочинному Пинского западного округа, говорилось: «Священник Раина Кузьма Петрович... оказывал всенародную помощь партизанам... Доставлял в партизанские отряды разведанные, призывал население к оказанию содействия народным мстителям. Проявил себя как подлинный патриот нашей великой Родины». 9 октября 1943 г. о. К. Раина был арестован фашистами в храме, приговорен к расстрелу и чудом спасся⁷⁸⁵.

В отчете Пинского обкома КП(б) Б в ЦК ВКП(б) от 4 июня 1943 г. говорилось: «...попы дер. Дятловичи, Востынь, Лунинец, Лунин, Вулько Лунинецкого района в первые дни войны оказывали свои услуги немцам. Проведя разъяснительную работу с этим духовенством, мы доказали им, что, помогая немцам, они изменяют своему народу... После этого они начали работать против немцев — в пользу партизан... попам было поручено провести молебны в населенном пункте, где размещались немецкие гарнизоны, с тем, чтобы эти молебны были направлены на разоблачение немецкой лжи о партизанах... Это поручение попами было выполнено. В одно из воскресений попы молились за партизан, называя их борцами за свою родину, за сохранение своего народа»⁷⁸⁶. Таким образом, Белорусская Церковь сделала все возможное, чтобы остаться и развиваться как часть Русской Православной Церкви.

Значительно сложнее оказалась ситуация на Украине. Организация церковной иерархии протекала там в борьбе автономной и автокефальной Церковей. Первая основывала свое каноническое положение на решении Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. о создании Украинской Автономной Церкви в рамках Русской. Автокефальная принципиально разорвала всякую связь с Московской Патриархией и приняла в сущем сане священников — «липковцев» — так называемых самосвяттов, которых ни одна Православная Церковь не могла считать законно посвященными священнослужителями⁷⁸⁷.

18 августа 1941 г. большинство православных епископов, оказавшихся на оккупированной территории Украины, собрались на Собор в Почаевской лавре и провозгласили создание автономной Украинской Православной Церкви. Главой ее был избран Владыка Алексей (Громадский), возведенный в сан митрополита. 1 сентября 1941 г. в окружном послании к верующим он обосновал решение не возобновлять свое подчинение заявившему юрисдикционные права на всю Украину главе Поль-

ской Церкви митрополиту Дионисию (Валединскому). Владыка Алексей ссылался на то, что западноукраинские земли вошли в состав СССР, а местные епархии — в Московский Патриархат, и митрополит Дионисий письменно отказался в 1939 г. от своих прав на эти территории. 25 ноября 1941 г. новый Собор епископов в Почаевской лавре избрал митрополита Алексея экзархом Украины⁷⁸⁸.

Митрополит Дионисий, не признав автономную Церковь, сформулировал свои возражения в послании от 30 ноября 1941 г. Так как германские власти не допускали распространения его влияния на восток, он начал поддерживать и благословил создание антимосковской автокефальной Украинской Церкви. Митрополит Дионисий возвел в сан архиепископа епископа Луцкого Поликарпа (Сикорского) и назначил его администратором (управляющим Церковью) на Украине. Автокефальная Церковь была официально восстановлена на Соборе епископов, состоявшемся 7—10 февраля 1942 г. в Пинске. Именно он постановил принимать в общение священников «липковцев» без нового посвящения (остатки их организовались в Киеве на своем съезде 29 сентября 1941 г.). 17 мая 1942 г. Владыке Поликарпу решением Синода в Киеве был присвоен титул митрополита Киевского, но он остался жить в Луцке. Между автокефальной и автономной Церквями развернулась борьба. Обе они посвящали новых епископов, число которых вскоре дошло до 15 у первой и 16 у второй⁷⁸⁹.

Следуя указаниям А. Розенберга о поощрениях антирусских настроений на Украине, германские власти первоначально поддерживали автокефалистов. В директивном письме министра восточных территорий от 13 мая 1942 г. прямо писалось, что украинцы должны иметь свою, отдельную от русских, Православную Церковь. Кроме того, украинские националисты двух враждующих между собой течений — мельниковцы и бандеровцы, получив полную свободу действий и поддержку оккупантов, быстро заняли основные командные посты в созданной немцами гражданской администрации. Естественно, они помогали автокефалистам. Так, племянник Петлюры Степан Скрыпник (вскоре принявший сан епископа с именем Мстислав) 26 июля 1941 г. был назначен представителем Министерства восточных территорий при группе армий «Юг» и стал доверенным лицом по вопросу организации гражданского управления на Украине.

Однако германская политика сводилась к стремлению отделить республику от России, но не к созданию независимой Украины. В связи с этим у оккупационных властей постепенно все больше стали расти конфликты с бандеровцами. Уже в сводке СД от 9 сентября 1941 г. с явным беспокойством отмечалось, что в Галиции «наиболее крайняя группа» С. Бандеры проводит пропаганду независимой Украины, используя в своих целях религиозные праздники. То же совершалось в районе Пинска. А в Луцке происходило открытое приведение к присяге бандеровцев во время богослужения. В сводке же от 8 декабря 1941 г. указывалось, что часть украинских сепаратистов арестована, политика их принимает все более антинемецкий характер, руководящие круги ОУН не верят в победу Германии и создают собственные партизанские отряды. Особенно активно националистическое украинское партизанское движение начало расти в 1943 г., что вызвало сильную тревогу оккупантов⁷⁹⁰.

Таким образом, в отличие от Белоруссии, где германские власти всячески поддерживали достаточно слабый национализм, на Украине они были обеспокоены активной деятельностью выходцев из Галиции. Стремясь ослабить русское влияние, нацисты использовали украинский национализм, опираясь в основном на мельниковцев, но в то же время опасались его, не имея возможности полностью контролировать. Поэтому оккупанты допустили создание двух параллельных церковных иерархий, несмотря на то что автономная Церковь входила в состав Мо-

сковского Патриархата. Со временем германские власти решили не вмешиваться в церковную борьбу, которая становилась им выгодна.

Правда, перед этим была сделана попытка объединить оба движения. Судя по сводкам СД конца 1941—1942 г., оккупанты одобрительно относились к слиянию автономной и автокефальной Церквей, так как тогда, по их мнению, последняя стала бы канонической и потеряла бы остронациональный характер. 8 октября 1942 г. в Почаевской лавре состоялась встреча митрополита Алексия (Громадского) и двух епископов-автокефалистов. В результате ее было достигнуто соглашение об объединении. Однако подавляющее большинство епископов и духовенства автономной церкви отвергли его, так как эта Церковь ставилась под фактический контроль автокефалистов, а канонический вопрос о «липковцах» удовлетворительно не разрешался. Соглашение было расторгнуто, и в конце 1942 г. обе церковные группировки сложились окончательно⁷⁹¹.

Руководство рейхскомиссариата «Украина» не допустило на свою территорию не только Польскую Православную, но и Русскую Церковь за границей (РПЦЗ). Митрополит Берлинский Серафим (Ляде) безрезультатно обращался в Министерство по делам церквей с ходатайством о создании управления РПЦЗ на Украине с центром в Полтаве. Подавлялись оккупационными властями и миссионерская деятельность униатов из Галиции, а также попытки восстановления обновленчества. Они не хотели допустить распространения влияния Ватикана, обновленцев же считали советскими агентами. Так, в сводке СД от 18 октября 1941 г. указывалось, что в г. Бердичеве были запрещены богослужения «живоцерковников»⁷⁹².

Московская Патриархия резко негативно отнеслась к деятельности автокефальной Церкви. Митрополит Киевский Николай (Ярушевич) в своих посланиях украинской пастве 1942—1943 гг. обличал похитителя церковной власти епископа Поликарпа (Сикорского), предостерегал от общения с ним, призывал хранить верность Матери Церкви и Родине. 28 марта 1942 г. с посланием к «архипастырям, пастырям и пасомым в областях Украины, пока еще занятых гитлеровскими войсками», обратился митрополит Сергей (Страгородский). В нем говорилось о запрещении епископа Поликарпа в священнослужении. Собор архиереев, съехавшихся 28 марта в Ульяновск, своим «Определением» признал заключение Местоблюстителя канонически правильным и утвердил его, объявив: «Если... епископ Поликарп, “впадая в суд диаволь” пренебрежет запрещением, признать епископа Поликарпа лишившим себя сана и монашества и всякого духовного звания с самого момента его запрещенія»⁷⁹³.

Отношение же Московской Патриархии к автономной Церкви было сочувственным. Так, в официальном некрологе архиепископа Вениамина (Новицкого), в прошлом принадлежавшего к ней, признавалось, что, оказавшись в чрезвычайно стесненных обстоятельствах, Украинская Автономная Церковь была единственной легальной организацией, вокруг которой могли сплотиться народные силы и в которой они находили поддержку во время величайших испытаний⁷⁹⁴.

Религиозное возрождение на Украине особенно ярко проявилось в Киевской епархии. Киев — древний духовный центр всей России — привлекал как миссионеров западной части республики, так и уцелевших священников восточной. Митрополит Алексей (Громадский) назначил 18 декабря 1941 г. в столицу Украины архиепископа Пантелеимона, которому сразу же пришлось столкнуться с давлением националистов. В сводке СД от 10 апреля 1942 г. говорилось, что бургомистр Киева, связанный с мельниковцами, при городском управлении под вывеской отдела по делам вероисповедания создал Украинский церковный совет, заменивший толь-

ко что распущенный Национальный совет. Представители его посещали архиепископа Пантелеимона и различными угрозами пытались склонить на свою сторону.

13 марта 1942 г. в Киев приехали два автокефальных епископа — Никанор и Игорь. В городе им удалось открыть только три прихода, в то время как у владыки Пантелеимона было 28. В 1943 г. число приходов в епархии достигло почти 50% дореволюционного уровня, а количество священнослужителей — 70%. Из них 500 храмов и 600 священников принадлежали к автономистам, а 298 и 434 соответственно — к автокефалистам. Все 9 открывшихся монастырей с 387 монашествующими вошли в юрисдикцию автономной Церкви. Для пополнения духовенства в Киеве были образованы проверочные комиссии из лиц с богословским образованием. Главное же пополнение шло через обучение кандидатов на краткосрочных курсах (от 1 до 6 месяцев). Правда, затем оккупанты запретили их, как и организацию высшего богословского образования. В 1941—1942 гг. в начальных школах стали вводить обучение Закону Божию, но уже в следующем учебном году оккупационными властями оно было прекращено, осталось лишь обучение детей священниками при храмах⁷⁹⁵.

В Полтаве первое богослужение состоялось уже в день прихода немцев, за первые 16 месяцев там крестили 2500 детей. В городе открылось 6 автономных и 4 автокефальных храма, всего же в епархии 359. Согласно сводкам СД, 80% верующих в области принадлежало к автономной Церкви и только 20% — к автокефальной, но поставленный нацистами городская голова Полтавы был националистом и поддерживал последнюю. В Днепрпетровске было открыто 10 храмов, на крещение 1943 г. их посетило 60 тысяч молящихся. Менее четверти из 418 приходов епархии являлись автокефальными, и генерал-комиссар города даже приказывал арестовывать священников, не желавших подчиняться присланному митрополитом Поликарпом епископу Геннадию (Шиприкевичу). Ему была передана конфискованная у автономистов епископская резиденция.

В Харьковской епархии открылось 155 храмов. На ее территории проживал возглавлявший в 1920-е гг. один из расколов на Украине — Лубенский епископ Феофил (Будовский). Он провозгласил себя митрополитом Харьковским и Полтавским и присоединился к автокефальной церкви. Митрополит Феофил простирает свою власть и на часть верующих в Сталинской, Курской, Воронежской областях. Но на востоке Украины влияние автономистов было подавляющим. Там, где автокефалисты не находили поддержки у населения, они обращались за помощью к оккупационным властям. Последние обычно шли навстречу до тех пор, пока не начали учащаться антигерманские акции бандеровских партизан⁷⁹⁶.

Донесения германских властей, как и показания церковных деятелей, свидетельствуют о том, что, несмотря на предпринятую бандеровцами кампанию террора, значительное большинство украинского населения поддерживало автономную Церковь. Согласно сводке СД от 18 октября 1941 г., к ней принадлежало 55% верующих, а к автокефальной — 40%. Однако в октябре оккупация Украины еще только завершалась, и удельный вес западной части республики в этих расчетах был непропорционально велик. В целом доля сторонников автокефальной церкви к 1942 г. не могла превышать 30%. Даже в Житомирской епархии она равнялась только четверти, а в более восточных областях в основном была еще ниже. Так, в Черниговской епархии автокефальные храмы практически отсутствовали⁷⁹⁷.

Большая часть населения стремилась к восстановлению традиционного Православия. Всякие нововведения, вроде замены церковнославянского языка украинским, светской одежды и коротких волос священнослужителей-автокефалистов, скорее, отталкивали их. Кроме того, автокефальная Церковь нарушала каноны не только

принятием «липковцев», но и совершением хиротоний во епископы женатых священников.

Украинское монашество отвергало автокефальных священнослужителей как неканоничных, и первоначально все 15—17 обителей западной части республики принадлежали к автономной Церкви. Оккупационные власти поставили особые препятствия восстановлению монашества. Они запрещали пострижение мужчин рабочего возраста, расценивая это как уклонение от трудовой повинности. И все же на бывшей советской части Украины было воссоздано, по подсчетам автора, 36 монастырей: 9 — в Киевской области, 5 — в Житомирской, по 4 — в Одесской и Ровенской, по 3 — в Хмельницкой, Черниговской, Полтавской, Винницкой и по 1 — в Сумской и Днепропетровской. Число их насельников превысило 2000 человек. Таким образом, около 45 обителей относилось к автономной Церкви (Одесская область отошла к Румынии) и лишь два небольших монастыря на Волыни — Белевский и Дерманский с 70 иноками перешли в 1943 г. к автокефалистам⁷⁹⁸.

В 1943 г. в результате наступления советских войск значительная часть украинского духовенства эвакуировалась в западную часть республики и там развернулась открытая межцерковная борьба. Причем автономная Церковь и здесь сначала доминировала. В 1943 г. она вновь открыла Духовную семинарию в Кременце, закрытую в конце 1939 г. Тогда бандеровцы развернули массовую кампанию террора против прорусски настроенных священнослужителей. 8 мая 1943 г. украинскими националистами был убит митрополит Алексей (Громадский), затем захвачен и повешен в лесу епископ Владимиро-Волинский Мануил (Тарновский), в 1942 г. перешедший из автокефальной Церкви в автономную. Историк Ф. Гейер приводит имена 27 священников, убитых бандеровцами только на Волыни в течение лета 1943 г. В некоторых случаях убивали и членов их семей. Следствием террора был рост числа автокефальных приходов, особенно на Волыни, где в течение 1943 г. более 600 приходов перешло в автокефальную Церковь. В этой епархии в юрисдикции автономной Церкви решались оставаться в основном приходы в городах, где террор бандеровцев ощущался меньше⁷⁹⁹.

Террор не прекратился и с приходом Советской армии. 23 сентября 1944 г. епископ Волинский Николай (Чуфаровский) докладывал Патриаршему Местоблюстителю, что за последнее время бандеровцы убили на Волыни пять священников автономной Церкви «за признание Московской Патриархии»: «...многие священники говорили мне, что 3—4 м-ца они не ночуют в квартире, а уходят в поле, боясь партизан»⁸⁰⁰. После изгнания немецких войск все автокефальные архиереи, кроме 80-летнего митрополита Феофила (Булдовского), ушли с ними на запад, и из 14 автономных епископов шесть остались со своей паствой, седьмой вернулся из Германии после окончания войны.

Свои особенности имело положение Православной Церкви в юго-западной части Украины, оккупированной Румынией, так называемой Трансистрии. Государственной религией в Румынии было Православие, и организацию религиозной жизни здесь взяла на себя Румынская Церковь. В 1943 г. Трансистрия, в которой уже работала Духовная миссия, была разделена на три епархии. К середине 1942 г. из 1150 дореволюционных приходов было вновь открыто почти 500. В Дубоссарах начала работать Духовная семинария, в Одессе выходить церковная газета на русском языке «Православная жизнь» и т.д. Дело осложнялось тем, что Церковь старались использовать в целях румынизации населения, но особого успеха эти попытки не имели⁸⁰¹.

Большая часть украинского духовенства в годы оккупации занимала патриотическую позицию. Так, в сводке СД от 5 декабря 1941 г. говорилось о связях автоном-

ной Церкви с советской агентурой. В ней приводился характерный факт: 7 ноября в Киеве под председательством митрополита Алексия (Громадского) проводилось собрание с участием 49 священников, двое из которых были избочлены как советские агенты, у них нашли и воззвание митрополита Сергия. Арестованных священников А. Вишнякова и П. Остринского расстреляли, а с остальных взяли подписку о неучастии во враждебной Германии работе. В донесении СД от 6 марта 1942 г. сообщалось о расстреле бургомистра г. Кременчуга за то, что он с помощью местного священника крестил евреев, давал им христианские имена и таким образом спасал от смерти.

В Черкасской области за поимку священника Г. Писаренко 16 ноября 1942 г. гебитс-комиссаром было объявлено вознаграждение в 10 тысяч марок, но предателей не нашлось. А о. Никита из Житомирской области 29 апреля 1944 г. писал в Московскую Патриархию: «В 1942 году в нашем лесу открылась группа партизан, с которыми я взял тесную связь и помогал им, чем только мог... Когда в ноябре месяце 1943 года заняли наш район партизаны Маликовского соединения, я начал писать в Московскую Патриархию и даже послал 100 руб. денег на высылку мне какой-либо литературы или хотя бы Русского календаря, и до сих пор ничего нет. Я стараюсь всеми силами помогать Красной Армии, отдаю весь доход, как хлебом, так и полотном и деньгами». Широко известен случай спасения инокинями из закарпатского женского монастыря в Домбоке 215 детей. Они были взяты монахинями из разбитого эшелона, направлявшегося в Германию, а потом пять месяцев до подхода советской армии нелегально укрывались в обители и т.д.⁸⁰²

В целом религиозное возрождение на Украине носило патриотический характер и протекало так же бурно, как и в западных областях России. Всего за годы оккупации в республике было открыто не менее 5400 православных храмов. В отчетах Совета по делам РПЦ указывалось, что на 1 июля 1945 г. на Украине имелось 6072 действующих храма, причем отмечалось, что 587 зданий уже изъяли у приходских общин местные власти, так как они до войны использовались как общественные учреждения (в это число не входят церкви, снятые с регистрации из-за отсутствия священнослужителей). Из получившейся цифры надо вычесть примерно 1300 храмов западных областей Украины, и остается 5400. Подсчеты по отдельным областям также подтверждают эти данные. По документам известно (хотя эти сведения неполны), что в период оккупации было открыто: в Винницкой области 822 храма, Киевской — 798, Одесской — 500, Днепропетровской — 418, Ровенской — 442, Черниговской — 410, Полтавской — 359, Житомирской — 346, Сталинской (Донецкой) — 222, Харьковской — 155, Николаевской и Кировоградской — 420 и не менее 500 — в Запорожской, Херсонской и Ворошиловградской⁸⁰³.

Бурное развитие церковной жизни на оккупированной территории СССР началось стихийно и сразу приняло массовый характер. Германское руководство рассчитывало использовать религиозный фактор и к началу войны уже в основном разработало политику по отношению к Русской Православной Церкви, принявшую окончательные формы в 1941—1942 гг. Эта политика сводилась к раздроблению Церкви, использованию ее для помощи немецкой администрации, ликвидации православия после окончания войны и созданию новой религии, призванной воспитывать послушных подданных рейха. Стремление к «атомизации» религиозной жизни проявлялось в поддержке иерархов, выступавших против Московской Патриархии. Однако фактически на всей оккупированной территории была восстановлена Русская Церковь, хотя в определенной степени и разделенная на три части. Сепаратистских национальных Церквей нигде, кроме Украины, создать не удалось, да и там за ней пошло меньшинство духовенства и верующих. Не только религиозность россиян, но и Русская

Церковь как организация оказалась гораздо более сильной и живучей, чем полагали немецкие власти.

Открывшиеся храмы превратились в центры русского национального самосознания, проявления патриотических чувств. Вокруг них сплотилась значительная часть населения. Всего за три года оккупации в условиях голода, разрухи, отсутствия материальных возможностей было восстановлено более 40% от дореволюционного количества церквей. Существуют разные цифры открытых на оккупированной территории СССР православных храмов. Современные историки, как правило, говорят о 7547, ссылаясь на отчет Совета по делам Русской православной церкви о состоянии Церкви на 1 января 1948 г. Но к тому времени было уже закрыто в связи с нехваткой духовенства, изъятием у религиозных общин занятых ими общественных зданий, не менее 850 храмов в РСФСР, 600 на Украине, 300 в Белоруссии и 100 в Восточной Молдавии (Приднестровье). Так, в другом отчете Совета указывалось, что на 1 января 1947 г. в РСФСР остались действующими только 1300 церквей, открытых в период оккупации (из примерно 2150)⁸⁰⁴. Таким образом, общее количество равнялось как минимум 9400. Эта цифра примерно соответствует встречавшемуся в советской литературе упоминанию о 10 тысячах храмах⁸⁰⁵. Кроме того, было воссоздано около 60 монастырей — 45 на Украине, 6 в Белоруссии и 8—9 в РСФСР.

Последствия «религиозного возрождения» на оккупированной территории СССР были довольно велики. Эмигрантские историки В. Алексеев и Ф. Ставру склонны даже, несколько преувеличивая, придавать ему определяющее значение: «Германский фашизм был не менее враждебен христианству и особенно Русской Православной Церкви, чем советский коммунизм. Тем не менее их столкновение, приведшее к оккупации германской армией значительной части территории СССР, приблизительно с одной третью населения страны, создало особые условия, сыгравшие решающую роль в судьбе Русской Православной Церкви... В целом по размаху и интенсивности это религиозное возрождение может быть названо вторым крещением Руси»⁸⁰⁶. В любом случае несомненно, что оно оказало заметное влияние на изменение религиозной политики советского руководства в годы войны. Религиозный подъем показал, что преследования и гонения 1920-х — 1930-х гг. не смогли уничтожить веры людей и основ приходской жизни. Без сомнения, при отсутствии государственного давления подобное возрождение произошло бы и на остальной территории России.

§ 4. Ликвидация обновленческого и григорианского расколов

Годы Великой Отечественной войны стали временем ликвидации болезненных для Русской Церкви обновленческого и григорианского расколов, спровоцированных и в значительной степени организованных государственными органами в период НЭПа. Эти два движения встретили войну по-разному. Обновленчество с началом ее пережило кратковременный период оживления своей деятельности. Уже 22 июня Первоиерарх митрополит Виталий (Введенский)⁸⁰⁷ и заместитель Первоиерарха митрополит Александр (Введенский) выпустили яркое патриотическое воззвание. Оно было написано Александром Введенским, обладавшим ораторскими и литературными талантами. Близко знавший заместителя Первоиерарха А. Левитин позднее писал, что тот взялся за дело «с необыкновенной энергией»: «Война снова выдвинула его в первые ряды, в эти дни все люди с популярными именами шли в ход»⁸⁰⁸.

Впрочем, митрополит Александр (Введенский) недолго оставался заместителем. Митрополит Виталий, не способный из-за болезней, возраста и характера проявлять

необходимую активность, постепенно отходил от дел. В сентябре 1941 г. он отпраздновал 50-летие своего священнослужения, но это было последнее его служение в качестве Первоиерарха. 6 октября митрополит Виталий ушел в отпуск и передал власть своему заместителю. 10 октября в новом заявлении он уточнил свой уход, охарактеризовав его как бессрочный, и указал, что все свои полномочия и прерогативы передает митрополиту Александру (Введенскому), назвав его новым титулом — «Святейший и Блаженнейший Первоиерарх Московский и всех Православных Церквей в СССР». Титул был введен без санкции Собора, но все обновленческие иерархи одобрили его. 12 октября митрополит Александр (Введенский) в качестве Первоиерарха написал свое первое патриотическое воззвание⁸⁰⁹.

В эти октябрьские дни тяжелых боев под Москвой, когда не исключалась сдача столицы, обновленческий Первоиерарх был вызван в отдел эвакуации Московского городского Совета, и там, по свидетельству А. Аевитина, генерал госбезопасности сообщил, что митрополита Александра с семьей и митрополита Виталия в ближайшее время эвакуируют в Оренбург. «Там, в глубоком тылу, вам будет удобнее управлять церковью, — вежливо заключил он разговор». Все возражения были отвергнуты. На указание полной невозможности оставить Москву без обновленческого архиерея генерал предложил рукоположить молодого архимандрита, служившего настоятелем Воскресенского собора в Сокольниках о. Сергия (Ларина), уже несколько лет связанного с органами госбезопасности⁸¹⁰.

В срочном порядке 9 и 11 октября были проведены хиротонии Анатолия (Филимонова) во епископа Коломенского и Сергия (Ларина) во епископа Звенигородского. А 12 октября состоялось последнее заседание обновленческого Высшего церковного управления, на котором было принято решение об упразднении ВЦУ и переходе всей полноты церковной власти к Первоиерарху с правом передачи ее по его усмотрению любому лицу из иерархии. Также было решено образовать Московское епархиальное управление в составе двух новых архиереев, под председательством епископа Коломенского Анатолия. Кроме того, ВЦУ на своем последнем заседании единогласно постановило лишить сана и отлучить от Церкви с анафематствованием бывшего Ленинградского митрополита Николая (Платонова), в 1938 г. отрекшегося от Бога. Постановление было послано благочинному церковью Ленинграда протопресвитеру Алексию Абакумову для опубликования в храмах города. Следует отметить, что в январе 1942 г., незадолго до своей смерти в голодном блокадном Ленинграде, согласно некоторым свидетельствам, Н. Платонов раскаялся и вновь был принят в молитвенное общение с Православной Церковью⁸¹¹.

13 октября Первоиерарх и митрополит Виталий в одном вагоне с руководителями Московского Патриархата, баптистских общин, старообрядческим архиепископом выехали на восток и через несколько дней прибыли в Ульяновск. Там почти два года и находилась резиденция главы обновленческой Церкви. Служил А. Введенский в небольшом храме в отдаленном районе Ульяновска, отданном обновленцам осенью 1941 г. (ранее он использовался под склад органами НКВД). Обладавшему большим честолюбием Введенскому очень хотелось сделать еще один шаг и официально объявить себя Патриархом. 29 октября и 4 ноября 1941 г. он отправил в Московское епархиальное управление письма, подписанные — «Первоиерарх-Патриарх Александр» с указанием поминать его по формуле: «Великого Господина и отца, Святейшего и Блаженнейшего Первоиерарха Александра, Патриарха Московского и православных церквей Богохранимой страны нашей». 4 декабря в Ульяновске состоялась его патриаршая интронизация. Эта акция была совершена без санкции обновленческого епископата и общин. Большая часть духовенства восприняла ее негативно, Московское епархиальное управление также высказалось против патриаршества Введенского и

не дало указаний церковным приходам возносить его по новому титулу. В результате в конце декабря 1941 г. глава обновленческой Церкви, вероятно, также и под воздействием государственных органов, вынужден был отказаться от титулования себя Патриархом⁸¹².

В Ульяновске Первоиерарх продолжал активно писать патриотические воззвания. Так, 23 июня 1942 г. он выпустил послание к годовщине начала Великой Отечественной войны, а в августе — послание «Пастырям и мирянам Кавказа», где было сильно влияние обновленцев: «Братья и сестры наши возлюбленные, в грозный час обращаемся мы с нашим первосвятительским словом. Враг беспощадный топчет родные земли Кавказа, заливая их кровью и огнем... Православные! Все, от священства и до малейшего мирянина, все способные братья, боритесь!. А если Господь судит, по своему промыслу, временно попустить врагу теснить нас, то, даже находясь в оккупации, не складывайте своего оружия. Подобно другим вашим братьям, которые оказались в оккупации, не склоняйте своей главы пред сатаной, боритесь с ним. Бог — Великий Мститель за попираемую правду. Бог Вседержитель, да сохранит вас, да освободит родину нашу. Да воссияют в ней мир и свободная жизнь. Молитесь, православные. Братья и сестры, помолитесь, идите бороться и побеждать»⁸¹³.

В апреле 1943 г. воззвание Первоиерарха, приуроченное к празднику Пасхи, было издано типографским способом в количестве 6000 экземпляров и распространено на оккупированной территории СССР⁸¹⁴.

Духовенство обновленческих храмов все годы войны честно исполняло патриотический долг. Оно звало людей на ратные и трудовые подвиги, собирало средства для раненых воинов, в фонд обороны и т.д. Так, в Спасо-Преображенском кафедральном обновленческом соборе Ленинграда молебен о даровании победы Красной армии впервые отслужили 29 июня 1941 г. В этот же день было положено и начало сбору добровольных пожертвований на оборону. Управляющий епархией протопресвитер Алексей Абакумов обратился с речью к прихожанам: «Коварный враг вероломно напал на наше отечество, намереваясь поработить землю Русскую и обратить в ничто многолетние труды ее обитателей. Огнем и мечом угрожает он нашим городам и селам, смертию устрашает сопротивляющихся, узы рабства готовит свободолюбивым сынам нашей Родины. С дерзновением восстанем против злых умыслов неприятеля, не перестанем умолять Господа о даровании победы Красной Армии и живым делом помощи откликнемся из стен нашего собора на призыв Правительства об общем сопротивлении врагу»⁸¹⁵.

На известие о начале войны регент хора, комендант храма А.Ф. Шишкин отозвался сочинением талантливого произведения для церковного хора на текст: «Боже великий и вечный, святой... Силюю твоею защити страну нашу, Господи. Господи! Победи крестом твоим борющую ны...» Этот концерт одобрил известный церковный композитор В.А. Фатеев, умерший во время блокады⁸¹⁶.

Ленинградские обновленцы продолжали свою патриотическую деятельность и дальше. Только в апреле 1942 г. они внесли в фонд обороны 240 тысяч рублей. Но к этому времени в Спасо-Преображенском соборе в результате смерти от голода трех членов причта остался единственный служащий священник — протопресвитер Павел Фруктовский, который едва справлялся со своей службой. Наконец, 24 февраля 1943 г. двадатка вступила в переговоры с заштатным обновленческим протоиереем Сергием (Румянцевым). Он был приглашен на вакансию второго священника с тем, чтобы впоследствии занять и остававшуюся уже пять лет вакантной обновленческую Ленинградскую архиерейскую кафедру. В марте сектор административного надзора Ленгорисполкома удовлетворил ходатайство двадатки о регистрации о. С. Румянцева, вскоре он был удостоен сана протопресвитера. Его кандидатуру на архиерейскую

кафедру утвердил Первоиерарх, который 8 апреля прислал о. С. Румянцеву телеграмму: «Предлагаю Вам немедленно прибыть ко мне в Ульяновск, Радищева, 103 для хиротонии во епископа Ленинградского»⁸¹⁷.

В 1942 г. в Ульяновске уже была совершена одна архиерейская хиротония во епископа Рыбинского Димитрия (Лобанова), но в этот раз власти разрешили выехать ленинградскому протопресвитеру только в Москву. В столице 18 апреля 1943 г. и состоялась последняя хиротония обновленческого епископа, им стал Сергей Румянцев, женатый и имевший детей. В Московском Воскресенском соборе в Сокольниках его рукоположение во епископа Ладожского, викария Ленинградского с поручением временно управлять Ленинградской епархией совершили архиепископ Звенигородский Андрей (Расторгуев) и епископ Ташкентский и Среднеазиатский Сергей (Ларин). С. Румянцев, уважаемый прихожанами, был избран ими, а не назначен сверху. Этот случай оказался «лебединой песней обновленческого брачного епископата»⁸¹⁸.

К середине 1943 г. Первоиерарх управлял тринадцатью правящими архиереями (6 митрополитами, 4 архиепископами, 3 епископами) и, кроме того, более 10 иерархов находились на покое как безместные. Ощущалось явное «перепроизводство» обновленческих архиерейских кадров, и А. Введенский назначал их главным образом на священнические места.

В 1943 г. патриотические взносы обновленцев еще более выросли. Спустя месяц после своей хиротонии, 21 мая, епископ Сергей (Румянцев) обратился с посланием, опубликованном в «Ленинградской правде», к 1-му секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданову: «По настоящий момент мы, ленинградские православные обновленцы, собрали и внесли в фонд обороны 820 000 рублей и с неослабевающей энергией и любовью продолжаем сбор средств. Молю Господа, да подаст он Вам, вождь трудящихся города Ленинграда, дорогой Родине и героической Красной Армии скорейшую, полную победу над врагом»⁸¹⁹.

В число первых церковных деятелей, награжденных в октябре—ноябре 1943 г. медалью «За оборону Ленинграда», вошли и представители обновленчества — епископ Сергей, протоиерей Лев Егоровский и не менее пяти служащих Спасо-Преображенского собора. В наградной характеристике С. Румянцева от 22 ноября 1943 г. говорилось: «Принимал активное участие среди верующих обновленческой ориентации в сборе средств в фонд обороны Государства. Собрано и внесено на оборону около полутора миллионов рублей»⁸²⁰. Общую цифру патриотических денежных взносов обновленцев СССР установить не удалось. Понятно только, что она составляла несколько десятков миллионов рублей — ленинградцы пожертвовали всего около двух миллионов рублей, еще больше внесли москвичи и т.д.

Весна—лето 1943 г. стали последним периодом относительной стабильности обновленчества. В начале мая Первоиерарх разослал архиереям телеграмму: «В воскресенье 9/V предлагаю отпраздновать двадцатилетний юбилей Собора 1923 г. После литургии отслужите благодарственный молебен и передайте мое первосвятительское благословение духовенству и мирянам, дабы вся церковная жизнь епархии точно и неизменно основывалась на принципах великого Собора 1923 года. Надо всегда помнить, что мы, православные обновленцы, твердо сознаем свое обновленческое достоинство». Юбилей был торжественно отпразднован. Епископ Ладожский Сергей в архипастырском слове после молебна даже заявил: «Сейчас, в дни войны, путь церковно-общественной жизни, принятый Собором 1923 года, оправдался в полной мере»⁸²¹. Однако уже через несколько месяцев стала ясна полная ошибочность этих слов.

Оживление обновленчества в начальный период войны оказалось очень кратковременным. Да и в то время большинство окормляемых А. Введенским архиереев старались не афишировать свою юрисдикцию и как можно меньше отличаться от

«староцерковников». Возросшие в годы войны авторитет, нравственная мощь, организационное укрепление Московского Патриархата, а также изменение отношения государства к ней способствовали изживанию остатков церковных расколов «слева». В 1942 — первой половине 1943 г. государственные органы постепенно стали отвергать обновленцев. Так, когда в апреле 1942 г. Первоиерарх назначил митрополита Корнилия (Попова) на Воронежскую кафедру, в облисполкоме последнему отказали в регистрации, заявив, что не знают Первоиерарха Александра Введенского и не могут регистрировать присылаемых им лиц, а вот Патриаршего Местоблюстителя Сергия знают и с удовольствием зарегистрируют назначенного им епископа.

Почти то же произошло и с архиепископом Филаретом (Яценко), назначенным весной 1942 г. в Свердловск. Обновленцев игнорировали при составлении комиссий по расследованиям преступлений гитлеровцев и т.д. Характерно, что когда Первоиерарх пожертвовал в фонд обороны свою драгоценную панягию, И. Сталин в своей благодарственной телеграмме обратился к нему как к частному лицу, назвав его по имени и отчеству. Когда в феврале 1943 г., следуя примеру Московской Патриархии, «для опровержения клеветы фашистов о положении религии в СССР» А.Ф. Шишкин написал книгу «Церковь и Государство в России», печатать ее отказались — необходимость в подобной обновленческой литературе миновала⁸²².

Единичные случаи перехода храмов обновленцев в Московский Патриархат появились уже в 1942 г. Так, община Серафимовской кладбищенской церкви в Ленинграде перешла под юрисдикцию митрополита Алексия (Симанского) в апреле, а приход Князь-Владимирского храма на станции Лисий Нос — в сентябре этого же года⁸²³. В начале 1943 г. часть обновленческих архиереев, осознавая надвигавшийся крах обновленчества, стала искать пути к возвращению в Московский Патриархат. Епископ Звенигородский Сергей (Ларин) вступил в конфиденциальные переговоры с митрополитом Николаем (Ярушевичем) об условиях, на которых могло бы произойти воссоединение. Епископ Сергей готов был пожертвовать Александром Введенским для того, чтобы обновленческие священнослужители воссоединились в существующем сане, хотя и с пожизненным запрещением женатых епископов. Когда об этих контактах стало известно Первоиерарху, он перевел (5 апреля) Ларина из Москвы в Ташкент, и переговоры заглохли⁸²⁴.

Весной 1943 г. началось всё нарастающее стихийное возвращение обновленческих приходов в Московский Патриархат, однако окончательный перелом произошел в конце года. Решающими факторами здесь явились избрание митрополита Сергия Патриархом и прием И. Сталиным церковного руководства, удовлетворение предложений и пожеланий последнего. Теперь обновленчество утрачивало свою юридическую сущность и в глазах правительства. В секретном докладе Г. Карпова И. Сталину от 12 октября 1943 г. указывалось: «В связи с избранием Сергия патриархом Московским и всея Руси среди духовенства обновленческой церкви отмечается растерянность. Одна часть обновленческого духовенства не видит перспектив сохранения обновленческого течения и высказывает желание перейти в Сергиевскую церковь. Со стороны некоторых из них есть даже прямые обращения в Московскую Патриархию».

В докладе приводились многочисленные конкретные примеры. Так, архиепископ Тульский Петр (Турбин) прислал митрополиту Николаю (Ярушевичу) телеграмму, в которой приветствовал избрание Патриарха, выражал надежду на соединение обеих Церквей и просил принять его в юрисдикцию Патриархата. Заштатный архиепископ Михаил (Постников), проживавший в Москве, в своем заявлении митрополиту Николаю также высказался за необходимость объединения Церквей. А управляющий Московской обновленческой епархией архиепископ Андрей (Расторгуев) даже обра-

тился к настоятелю патриаршего храма на Пятницком кладбище с просьбой принять его на службу в качестве второго священника. Г. Карпов подчеркивал, что «отмечены также случаи, когда верующие обновленческих приходов стремятся уйти из обновленчества и перейти в подчинение патриарха Сергия». Например, в трех районах Ставропольского края они отказались от обновленческих священников и обратились к благочинному патриарших храмов, прося назначить им настоятелей. Приходы в городах Армавире и Майкопе Краснодарского края уже перешли в Московский Патриархат. В Туле 20 сентября 1943 г. на собрании прихожан обновленческого собора Всех Святых была принята резолюция: «В переживаемое наше тяжелое время не место в жизни Православной Русской Церкви внутренним спорам и разногласиям... Приветствуем с духовной радостью избрание на пост главы Православной Церкви митрополита Сергия и образование Священного Синода. Выражаем надежду на будущее умиротворение и соединение Православной Русской Церкви» и т.д.⁸²⁵

Обновленческому епископату было не все равно, приносить покаяние при присоединении индивидуально или объединяться с Московским Патриархатом, создав общий коллегиальный орган типа Синода, что внешне выглядело бы как добровольное слияние двух равноправных течений в Русской Православной Церкви. В сентябре — начале октября 1943 г. архиереи Московского епархиального управления, во многом игравшего роль руководящего центра обновленчества в период эвакуации Первоиерарха, начали проявлять инициативу в направлении создания подобного коллегиального органа. Однако из нее ничего не вышло. Помешали ширящийся переход в Патриархат кающихся обновленческих священников, отрицательная позиция Патриарха Сергия и возвращение в Москву А. Введенского. Первоиерарх еще в июне 1943 г. высказывал «большое недовольство таким длительным пребыванием в эвакуации», но получил разрешение властей переехать в столицу только в середине октября⁸²⁶.

А. Введенский не желал смириться с надвигавшимся крахом обновленчества и считал, что оно может сохраниться в качестве своеобразного течения — типа старообрядческого толка или секты. При этом он опирался на наиболее стойкую часть своего епископата — митрополита Свердловского Филарета (Яценко), епископов Сергия (Румянцева), Димитрия (Лобанова) и некоторых других. Г. Карпов в докладе от 12 октября 1943 г. писал, что А. Введенский, «не допуская возможности объединения обеих церквей на равных началах», «узнав об избрании Сергия патриархом, предполагал даже ставить вопрос о патриаршестве в обновленческой церкви в целях уравнения ее положения с сергиевской церковью», но, видя растерянность среди своего духовенства и возможность распада обновленчества, отказался от своего намерения⁸²⁷.

Вернувшись в столицу, Первоиерарх вступил в управление Московской епархией, состоявшей из 9 приходов. К 7 ноября он, по установившейся традиции, послал телеграмму И. Сталину, опубликованную в прессе. Однако юридическое положение обновленчества оставалось неясным. В связи с образованием двух государственных органов, курировавших религиозные организации, А. Введенский поставил вопрос о передаче обновленческой Церкви в ведение Совета по делам религиозных культов, что фактически узаконило бы ее существование как полностью независимой организации. Но Первоиерарху без каких-либо оснований отказали в просьбе, возглавляемые им иерархи и приходы остались в ведении Совета по делам Русской православной церкви. Власти отказывались рассматривать обновленчество как независимое религиозное течение, и это не предвещало ничего хорошего⁸²⁸.

Осенью 1943 г. позиция государственных органов окончательно определилась. В упоминавшемся докладе И. Сталину Г. Карпов, излагая свою точку зрения, писал, что возглавляемый им Совет, «исходя из того, что обновленческое течение сыграло свою положительную роль на известном этапе и последние годы не имеет уже того

значения и базы, и принимая во внимание патриотические позиции Сергиевской церкви, считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую сергиевскую церковь». Эти соображения получили полное одобрение председателя Совнаркома, написавшего на докладной записке две резолюции: «Тов. Карпову. Согласен с Вами. И. Сталин» и «Правильно. И. Сталин». 16 октября Г. Карпов направил в Совнаркомы союзных республик, в краевые и областные исполкомы секретное письмо: «Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР сообщает для сведения, что в тех случаях, когда обновленческое Духовенство по своему желанию переходит из обновленческой ориентации в патриаршую сергиевскую церковь, препятствовать не следует. Также не следует препятствовать переходу групп верующих или в целом приходов по желанию верующих из обновленческой в сергиевскую церковь. Условия приема митрополитов, епископов и священников обновленческой ориентации устанавливает патриарх Сергей и на месте его епископат»⁸²⁹.

Выбор И. Сталина в пользу Московского Патриархата был продиктован прежде всего прагматическими соображениями. Обновленчество не пользовалось широкой поддержкой верующих внутри страны и за рубежом, большая часть Поместных Православных Церквей их не признавала, воспринимая как «раскольников» и «узурпаторов церковной власти». Кроме того, на оккупированной территории германским командованием были закрыты почти все обновленческие храмы, а духовенство репрессировано, в то время как там появились тысячи новых патриарших храмов. Причина отвержения обновленчества заключалась и в том, что относительно консервативная Московская Патриархия в гораздо большей степени являлась носителем национальных традиций. Это было особенно важно в годы войны.

Патриархия проводила по отношению к кающимся обновленцам твердую линию. Причем она несколько ужесточилась в течение последних месяцев 1943 г. В первой половине октября в беседе с Г. Карповым Патриарх Сергей, возражая против какого-либо общения с А. Введенским, ставил «следующие условия принятия обновленческого духовенства: а) женатых митрополитов и епископов, не лишая сана, отстранить от церковной деятельности, оставив их за штатом; б) монашествующих (или вдовых) митрополитов и епископов принять в патриаршую церковь, но, переводя митрополитов в архиепископы или епископы, а епископов в священники, допуская в последующем их восстановление в прежнем сане»⁸³⁰.

Однако после сессии Священного Синода 20—28 октября, рассматривавшей среди прочих вопросов прошения о воссоединении обновленческих митрополита Ярославского Корнилия и архиепископа Тульского Петра, эти условия стали более жесткими. В дальнейшем в сущем сане принимались только священнослужители, получившие его до 1923 г., когда обновленцы были запрещены Патриархом Тихоном, если они не вступали в брак. А священнослужители обновленческого поставления принимались мирянами или в том сане, который они имели до уклонения в раскол.

5 ноября 1943 г. в зале заседания Священного Синода в Москве был совершен чин приема в Московский Патриархат первого обновленческого архиерея — архиепископа Михаила (Постникова). Свое письменное покаяние он прочитал вслух и был принят в сане епископа, как рукоположенный в 1922 г., с назначением на Архангельскую кафедру. А затем в течение нескольких месяцев по стране прокатилась волна ликвидации обновленческих общин и массового возвращения духовенства. Произошло это не без вмешательства гражданских властей.

В декабре у А. Введенского родилась дочь и ему был выдан пропуск для поездки в Ульяновск к семье с правом возвращения в Москву. Однако затем в течение 10 дней ему не разрешали обратный выезд в столицу. За эти дни в юрисдикцию Патриар-

ха Сергия перешли шесть из семи обновленческих московских храмов, а 21 декабря архиепископ Звенигородский Андрей (Расторгуев) со всем причтом кафедрального собора Воскресения в Сокольниках. Одновременно прекратилась связь с цитаделью обновленчества — Средней Азией. Отчаянные телеграммы Первоиерарха оставались без ответа, наконец им было получено сообщение, что Средне-Азиатская епархия признала Патриарха, «в связи с чем поминовение Вашего имени за богослужением нами прекращено». Епископ Ташкентский Сергей (Ларин) 27 декабря был присоединен мирянином, но вскоре после этого получил поставление во епископа Московского Патриархата. Позднее выяснилось, что из Средней Азии шли в Москву и Ульяновск к А. Введенскому десятки писем и телеграмм от священников и мирян с запросами, но ни одного из них Первоиерарх не получил. Вслед за Средней Азией пали две другие обновленческие твердыни — Кубань и Северный Кавказ⁸³¹.

Переход принесшей покаяние общины ленинградского Спасо-Преображенского собора в Московский Патриархат произошел 9 января 1944 г. В феврале на заседании Священного Синода митрополит Алексей (Симанский) выступил с докладом о принятии им в церковное общение всех обновленческих приходов епархии⁸³².

Завершилась история обновленчества в Ленинграде принятием в общение с Патриархатом С. Румянцева. Его прошение на имя митрополита Алексея было подано в июне 1944 г., однако к нему подошли особенно требовательно. В постановлении Священного Синода и Патриаршего Местоблюстителя от 28 июня указывалось: «Принимая во внимание крайний соблазн, посеянный среди духовенства и верующих Ленинграда принятием обновленческого епископского посвящения Румянцевым, служившим до последнего времени председателем православных двадцаток в ряде храмов Ленинграда и являвшимся, таким образом, представителем православных общин верующих, хотя Румянцев в то же время пребывал в обновленчестве, будучи заштатным обновленческим священником... для принятия его в каноническое общение с Православной Церковью, необходима такая же гласность его обращения, какою сопровождалось его выступление в качестве обновленческого епископа, когда им открыто совершались службы, посвящения клириков и произносились проповеди». Синод поручил принять С. Румянцева «через публичное покаяние по установленному для приема обновленческих епископов чину... как мирянина»⁸³³.

24 июля последний в Никольском кафедральном соборе принес покаяние перед лицом архиепископа Псковского и Порховского Григория (Чукова). Румянцев был принят как мирянин, но уже вскоре удостоен рукоположения в сан диакона и священника, став настоятелем Троицкой церкви в Лесном. Оставаясь пресвитером, он еще долго служил в Ленинграде.

Кроме правящих и пребывающих на покое обновленческих архиереев к Патриархату присоединилось не менее четырех вернувшихся к 1945 г. из ссылки митрополитов и архиепископов. Всего, по некоторым сведениям, принесли покаяние 25 архиереев старого — до 1923 г. поставления, в том числе 2 марта 1944 г. митрополит Виталий (Введенский), и 13 архиереев нового поставления⁸³⁴. Происходило покаяние иерархов, как правило, в зале заседания Священного Синода, покаяние рядового духовенства также совершалось келейно — в алтаре храмов. Епархии, являвшиеся в основном обновленческими, принимались архиереями, специально назначенными для этого Патриархией (Средне-Азиатская, Северо-Кавказская и Кубанская).

Попытки не столько принести покаяние, сколько воссоединиться, оставшись почти в полном одиночестве, начал предпринимать и глава обновленческой Церкви. В письме епископу Александру (Толстопятову) от 20 апреля 1944 г. Патриарх Сергей сообщал: «А. Введенский решил сделать нечто великое или, по крайней мере, громкое. Прислал мне к Пасхе телеграмму: “Друг друга обьемем!” — себя именует

руководителем меньшинства в православии, меня — руководителем большинства. Телеграмма подписана: доктор богословия и философии, Первоиерарх православных церквей в СССР. Я ответил: “А.И. Введенскому. Воистину Христос Воскресе! Патриарх Сергей”»⁸³⁵.

Первоиерарх служил в единственном оставшемся у него Пименовском храме столицы, вместе с митрополитом Филаретом (Яценко), но последнему в конце 1944 г. московский уполномоченный Совета по делам РПЦ запретил служить как незарегистрированному. Перед Всероссийским Поместным Собором в январе 1945 г. А. Введенский пытался получить приглашение на него через Г. Карпова, но потерпел неудачу. Неудачей закончились и попытки встретиться с прибывшими в Москву на заседания Собора Восточными Патриархами. После этих тщетных попыток Первоиерарх стал поминать в храме нового Патриарха Алексия, а в июне 1945 г. написал ему письмо с просьбой о приеме в юрисдикцию Московского Патриархата. Начались переговоры. В частных беседах Введенский говорил, что готов принести покаяние с условием остаться в сане епископа, не запрещенного, а действующего. Но в сентябре последовало окончательное решение — он может быть принят лишь мирянином и занять единственное возможное место — рядового сотрудника «Журнала Московской Патриархии». Поэтому воссоединение не состоялось. 26 июля 1946 г. Первоиерарх умер от паралича, а 9 октября этого же года была отслужена последняя обновленческая литургия в Пименовском храме — накануне поступило предписание Совета по делам РПЦ о передаче церкви Московскому Патриархату⁸³⁶.

Таким образом, в 1946 г. остатки обновленчества фактически прекратили существование. Лишь архиепископ Александр (Щербаков) и митрополит Филарет (Яценко) еще несколько лет не сдавались. Первый приезжал из Казахстана, где он жил, в Москву, просил в Совете по делам религиозных культов зарегистрировать общину в г. Джамбуле, открыть там молитвенный дом, а его самого признать Первоиерархом, главой обновленчества. После неоднократных отказов в 1948 г. он был принят в юрисдикцию Московского Патриархата в сане протоиерея. Митрополит Филарет не раз подавал прошения о принятии его в сане епископа, но получал отказы. Так и не покаявшись, он до середины 1950-х гг. считал себя заместителем Первоиерарха и продолжателем дела обновленчества, однако не имел ни одного прихода⁸³⁷.

К середине 1940-х гг. исчезло и другое церковное течение, отколовшееся от Московского Патриархата, — григорианство. Начало войны застало его в состоянии глубокого упадка. В октябре 1941 г. после переезда в Ульяновск Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) оставшаяся там небольшая кладбищенская григорианская церковь перешла в его юрисдикцию. 12 июля 1943 г., еще до избрания Патриарха, принес покаяние епископ Фотий (Тапиро), он был принят в звании монаха, но затем поставлен на Краснодарскую кафедру. Вскоре после этого покалялись последние три григорианских епископа: Гермоген (Кузьмин), Иосиф (Вырыпаев) и Феодосий (Григорович). Двое первых были приняты в сане архимандритов, а о. Феодосий — в сане иеромонаха⁸³⁸.

Хотя обновленческое и григорианское духовенство так же, как и Московская Патриархия, с началом Великой Отечественной войны заняли патриотическую позицию, к этому времени и обновленчество, и григорианство уже фактически изжили себя. Экстремальные условия, в которых оказалась страна, лишь наглядно выявили этот факт. Первые признаки начала стихийного процесса возвращения раскольнических приходов и духовенства в Московский Патриархат появились в конце 1941—1942 гг. Ликвидация обновленческого и григорианского движения сопровождалась давлением на них государственных органов. Советское руководство, прежде всего из прагматических соображений, осенью 1943 г. сделало окончательный выбор в пользу

Московского Патриархата. Его диктовала И. Сталину политическая ситуация в СССР и за рубежом. Кроме того, Патриархия была кровно заинтересована в ликвидации расколов. И государственные органы, изменив в 1943 г. курс своей религиозной политики, не могли не учитывать это, полностью перестав поддерживать уже не интересовавшие их (в значительной степени созданные ими же в 1920-е гг.) церковные движения. К середине 1940-х гг. и обновленчество, и григорианство практически полностью исчезли.

§ 5. Религиозная политика Советского государства в годы войны

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война коренным образом изменила привычный уклад жизни в СССР. Не могло не измениться и положение Церкви, отношение к ней Советского государства. Уже первые слова обращения И. Сталина к народу 3 июля 1941 г.: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры! «были под сказаны не марксистско-ленинской идеологией, а скорее церковной проповедью. По свидетельству советского религиоведа Э.И. Лисавцева, первая краткая встреча председателя Совнаркома с Патриаршим Местоблюстителем состоялась в июле 1941 г., и оба остались ею довольны⁸³⁹. Реальная действительность заставляла И. Сталина, руководство ВКП(б) начать пересмотр своей религиозной политики, перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом России.

Впрочем, первоначально изменения были небольшие. Митрополитам Сергию, Алексию, Николаю не препятствовали распространять свои патриотические воззвания, хотя это и являлось нарушением закона. Полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда, была свернута деятельность «Союза воинствующих безбожников», правда, формально он не был распущен. И. Сталин через секретаря А.Н. Поскребышева порекомендовал «главному безбожнику» Е. Ярославскому публично отметить новую патриотическую позицию Церкви. Тот не посмел ослушаться и после долгих сомнений 2 сентября подготовил статью «Почему религиозные люди против Гитлера» для печати, подписав ее экзотическим трудноузнаваемым псевдонимом Каций Адамиани. В статье, первоначально предназначенной только для зарубежного читателя, высоко оценивалась патриотическая деятельность Московской Патриархии, а также некоторых других религиозных объединений СССР⁸⁴⁰.

В 1942 г. вышла другая статья Е. Ярославского о православном христианском писателе Ф.М. Достоевском. Предметом исследования была приписываемая Достоевскому ненависть к немцам⁸⁴¹. Метаморфоза главного гонителя Церкви в 1920-х — 1930-х гг. особенно показательна. К октябрю 1941 г. были закрыты практически все антирелигиозные периодические издания. Флагман же советского атеизма журнал «Под знаменем марксизма» начал печатать статьи о выдающихся русских исторических деятелях, великом русском народе, героизме советских солдат и т.п., а в 1944 г. и совсем прекратил свое существование.

В июле—августе 1941 г. еще нередко проводились аресты священнослужителей. Например, когда Ленинград очищался от неблагонадежных элементов, было арестовано несколько членов клира Никольской Большеохтенской церкви, в том числе 28 августа священник Николай Ильяшенко. 4 сентября он был эвакуирован в тюрьму г. Новосибирска, а 15 июля 1942 г. освобожден. Также 28 августа оказался в заключении настоятель Никольской церкви в пос. Саблино Ленинградской области прот. Николай Близнацкий. Его эвакуировали в Новосибирскую область, где он и умер в тюремной больнице г. Мариинска 10 февраля 1942 г.⁸⁴²

Но с осени 1941 г. аресты клириков Московского Патриархата почти прекратились. Более того, из лагерей освободили десятки священнослужителей, в том числе к сентябрю 1943 г. шесть архиепископов и пять епископов. Постепенно начали возрождаться епископские кафедры. Появились первые, пока еще редчайшие случаи восстановления закрытых храмов. Так, последняя действующая — Свято-Троицкая церковь г. Горького перестала функционировать 10 декабря 1940 г. и была вновь открыта 10 августа 1941 г.⁸⁴³. Религиозные центры СССР признали де-факто, им снова разрешили устанавливать связи с заграничными церковными организациями.

Осень 1941 г. была очень тяжелым временем для страны. Фронт приблизился к Москве. 12 октября митрополит Сергей написал завещание, в котором на случай своей смерти передавал полномочия Местоблюстителя митрополиту Алексию (Симанскому). За несколько дней до этого, 7 октября, по указанию центральных властей Московский горисполком принял решение об эвакуации из столицы руководителей основных религиозных организаций СССР. Эту, по существу, принудительную эвакуацию провели 14 октября, несмотря на то что у митрополита Сергея была высокая температура. Историк В.И. Алексеев высказал вполне обоснованную точку зрения, что церковное руководство отправили в тыл с целью не допустить возможности захвата его германскими войсками в случае падения Москвы и использования фашистами в пропагандистских целях⁸⁴⁴.

Первоначально планировалась эвакуация в Оренбург, но затем по просьбе митр. Сергея этот город заменили на Ульяновск. Здесь с 19 октября 1941 г. до конца лета 1943 г. и проживал Патриарший Местоблюститель вместе с сотрудниками канцелярии Патриархии. Был эвакуирован из Москвы и митрополит Николай (Ярушевич), но уже в ноябре 1941 г. ему разрешили вернуться в столицу. Экзарх Украины стал заместителем митрополита Сергея. Он сразу же начал активно сотрудничать с властями в организации пропаганды за границей и вскоре был включен в качестве представителя Московской Патриархии в различные государственные и международные организации (Всеславянский комитет).

В феврале 1942 г. было разрешено в пропагандистских целях возобновить издательскую деятельность Русской Церкви. Предисловие к книге «Правда о религии в России» написал Патриарший Местоблюститель. Подготовлена она была в чрезвычайно короткие сроки и уже летом вышла из печати. Интересно, что ее напечатали в типографии практически переставшего существовать «Союза воинствующих безбожников», и часть тиража по оплошности имела гриф антирелигиозного издательства. Книга эта была издана тиражом 50 тысяч экземпляров, одновременно на нескольких языках и распространялась, согласно свидетельству Совета по делам Русской православной церкви, в США, Великобритании, Швеции, на Ближнем Востоке и за линией фронта⁸⁴⁵.

В 1943 г. была подготовлена и напечатана еще одна пропагандистская книга «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война», посвященная патриотической деятельности Московской Патриархии. Однако когда митрополит Ленинградский Алексей обратился к властям с ходатайством о разрешении издать подобную книгу, посвященную Ленинградской епархии, ему ответили отказом⁸⁴⁶.

Явной уступкой Церкви было последовавшее в апреле 1942 г. разрешение в Москве, Ленинграде и ряде других городов совершать Пасхальный крестный ход вокруг храмов с зажженными свечами, на эту ночь отменили комендантский час. Произошло фактическое снятие некоторых ограничений на внебогослужебную деятельность и проведение массовых религиозных церемоний. Характерно, что в блокадном Ленинграде в самую страшную голодную зиму 1941—1942 гг. все православные храмы снабжались минимально необходимым количеством вина и муки для причащения богомольцев⁸⁴⁷.

С помощью властей в марте 1942 г. в Ульяновске был проведен Собор епископов, осудивший создание автокефальной Украинской Православной Церкви. В этом же году вновь появилась возможность совершать архиерейские хиротонии. В мае—октябре были хиротонисаны во епископов предварительно постриженные в монахи вдовые протоиереи: Сергей Городцов (в монашестве Варфоломей), Владимир Градусов (в монашестве Димитрий) и Николай Чуков (Григорий). К концу пребывания Патриаршего Местоблюстителя в Ульяновске число архиереев Московского Патриархата достигло семнадцати.

Однако отношения Церкви и государства в первый год войны подлинным диалогом еще не стали. В это время нередки были рецидивы прежней политики, грубо-административных, насильственных акций, прежде всего по отношению к приходам. Так, например, 29 января 1942 г. председатель двадцатки Серафимовской церкви К. Андреев писал в адм.отдел Ленсовета, что здание храма оказалось самовольно «взято райсоветом Приморского района под склад-распределитель для приема покойников... по распоряжению председателя тов. Белоусова без меня и члена двадцатки церковь была вскрыта, причем все имущество, утварь и проч. свалено к алтарю». Деньги и продукты, хранившиеся в церкви, оказались расхищенными, запас дров сожжен. Церковь вернули верующим только в апреле 1942 г.⁸⁴⁸

К лету 1942 г., когда стала очевидной политическая значимость церковного вопроса, сложилась система сбора информации о деятельности религиозных организаций на оккупированной территории и в пределах СССР. Основным информатором правительственных и партийных органов стал Наркомат внутренних дел. От него же исходили инициативы по проведению различных акций в отношении религиозных организаций. В архивах сохранилось большое количество докладных записок заместителей наркома внутренних дел В.Н. Меркулова (с апреля 1943 г. наркома госбезопасности) и Б.З. Кобулова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову, в 1942—1943 гг. курировавшему религиозные вопросы по партийной линии. В этих записках запрашивались санкции на издание типографским способом и распространение патриотических воззваний священнослужителей, проведение соответствующих радиопередач, ограничение контактов православного духовенства с военнослужащими и т.д.⁸⁴⁹

5 января 1943 г. Патриарший Местоблюститель предпринял важный шаг на пути к фактической легализации Церкви, использовав сборы на оборону страны. Он послал И. Сталину телеграмму, прося его разрешения на открытие Патриархией банковского счета, куда вносились бы все деньги, пожертвованные на нужды войны в храмах СССР. 5 февраля председатель СНК дал свое письменное согласие и от лица Красной армии поблагодарил Церковь за ее труды. Получив разрешение открыть банковский счет, Патриархия приобрела урезанный статус юридического лица⁸⁵⁰.

В начале 1943 г. И. Сталин и его ближайшее окружение пришли к окончательному решению о необходимости приступить к нормализации государственно-церковных отношений. На него повлияла целая группа внутренних и внешнеполитических факторов. Одной из причин была активная патриотическая деятельность подавляющего большинства духовенства и мирян. За полтора года войны, несмотря на отсутствие необходимого аппарата управления, печатного органа и юридического статуса, Православная Церковь показала свою силу в борьбе против нацизма, сумела во многом расширить и упрочить влияние в стране. Один из руководителей органов безопасности и разведки, П.А. Судоплатов, свидетельствовал, что информацию оперативных работников НКВД, действовавших на оккупированной территории, «о патриотическом настрое церковных кругов совпала с неофициальными зондажными просьбами Рузвельта, переданными через Гарримана Сталину, улучшить политическое и правовое положение православной церкви». Кроме того, Судоплатов отмечал роль сотрудников

госбезопасности: «В своей записке в правительство мы также поддержали эти предложения, имея в виду важную консолидирующую роль русской православной церкви в набравшем силу антифашистском движении славянских народов и на Балканах»⁸⁵¹.

Определенное значение имело обращение в ходе войны к русским национальным патриотическим традициям. «Идеологическая работа в массах» приобрела совершенно иные, чем прежде, черты. Этот поворот осуществлялся целенаправленно во всех областях — от культурно-исторической до религиозной. В процессе завершения перехода от интернационального к национально-патриотическому курсу Церкви отводилась роль катализатора и цементирующего компонента. В ней снова увидели опору государственности и патриотизма. Были введены ордена и медали в честь великих русских полководцев, в том числе в июле 1942 г. орден святого князя Александра Невского. В кинохронике начали показывать немыслимые еще недавно кадры: в освобожденных городах жители с иконами встречают советских солдат, и некоторые из бойцов, осеняя себя крестным знаменем, прикладываются к иконам; освящается танковая колонна, построенная на пожертвования верующих, и т.д. Кроме того, советское руководство стремилось нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, представлявшей Германию защитницей христианства в России.

В конце 1942 — начале 1943 г. были освобождены некоторые края и области на юге РСФСР, и Московская Патриархия понадобилась для введения в контролируемое русло стихийно возродившейся церковной жизни на подвергшихся оккупации территориях. Уже вскоре на эти земли было направлено до 50% быстро растущего епископата Патриархии. Изменение государственно-церковных отношений можно рассматривать как негласное признание «вождем народов» своей крупной политической ошибки, которое далось ему не без труда. Но И. Сталин руководствовался прежде всего прагматическими расчетами, в свете которых все идеологические и т.п. аргументы отходили на задний план. Инициатива этого поворота всецело принадлежала председателю Совнаркома, никто из его окружения, как показывает анализ их идейных позиций, изучение личных качеств, документов, не мог предложить таких радикальных перемен.

Говорить о будто бы проявившейся к концу жизни у И. Сталина религиозности не приходится. Хотя временами вождь, по свидетельству очевидцев, и был склонен к мистике, любил цитировать Библию. «Члены его охраны рассказывали, как он по ночам таинственно ездил на могилу своей жены — Аллилуевой, как суеверно относился к Троцкому, исступленно желая его смерти, как настойчиво добивался сохранения тела Ленина для трепетного поклонения ему народа и т.д. Он суеверно, но искренне считал, что народ не может нормально жить без создания культа»⁸⁵².

Однако прагматизм у И. Сталина, несомненно, преобладал. И в атеизме, и в религии он видел общественные феномены, которые должны служить его системе каждый по-своему. Атеизм был для вождя народов лишь политическим средством, элементом в общей системе формирования людей в нужном направлении. Широко известен следующий случай. Составляя библиотеку для дачи, Сталин собственноручно выписал все необходимые издания. И приписал: «Прошу, чтобы не было никакой атеистической макулатуры!» «Историк Д.А. Волкогонов совершенно справедливо по этому поводу заметил: «Он мог терпеть атеизм, но только как средство пропаганды тех догм, которые содержались в его собственных работах»⁸⁵³.

Неизбежность значительного изменения курса государственной религиозной политики стала ощущаться многими связанными с Церковью людьми уже вскоре после победы в Сталинградской битве. По донесениям органов госбезопасности, весной — летом 1943 г. многочисленные «бродячие» священники и епископы агитировали верующих подавать властям ходатайства об открытии храмов, среди московского духо-

венства распространялись слухи о том, что вскоре должна состояться встреча иерархов с руководством страны.

Кое-где местные власти уже фактически отказались от прежней линии. Так, в 1942—1943 гг. в 14 районах Ярославской области беспрепятственно, хотя и неофициально, без юридического оформления стал функционировать 51 храм. Иногда церкви открывались даже при содействии руководящих деятелей государства. Так, в документах Совета по делам РПЦ отмечалось, что в 1943 г. М.И. Калинин «указывал Ярославскому облисполкому на неправильное отклонение ходатайств жителей Сусанинского района об открытии церкви. При этом он указал, что не следует возбуждать недовольство верующих теперь, когда требуется единство всего народа для победы над фашизмом, и разрешил открыть Церковь в Сусанинском районе». По личному указанию председателя Президиума Верховного Совета СССР (еще в 1920-х гг. являвшегося сторонником либеральной религиозной политики) в 1943 г. также открыли две церкви в Ивановской области⁸⁵⁴.

В Красноярске в январе—феврале профессор медицины, ссыльный епископ Лука (Войно-Ясенецкий) был вызван первым секретарем обкома ВКП(б), который сказал ему, что отношения между Церковью и государством скоро улучшатся и Владыка сможет вернуться к своему епископскому служению. И вскоре, к началу марта 1943 г., открылся первый храм в пригороде краевого центра, а Владыку Луку назначили архиепископом Красноярским. 5 марта он писал сыну: «Я думаю, что резко изменилось отношение правительства к Церкви: всюду открываются и ремонтируются за счет горсоветов храмы, назначаются епископы, митрополит Николай Киевский назначен членом комиссии по немецким зверствам...»⁸⁵⁵ Затем в Красноярске был открыт второй храм.

Впрочем, еще далеко не везде местные власти шли навстречу желанию верующих. Например, в июне 1943 г. начальник Управления Наркомата госбезопасности по Пензенской области полковник Николаев с тревогой и недоверием писал в обком ВКП(б): «За последнее время среди верующих слоев населения области широко распространились настроения за открытие церквей. В мае с.г. епископ Филарет (Волокитин Х. Т.) установил связь с активными церковниками в гор. Пензе и районах области, распространил слух, что он направлен в Пензу митрополитом Сергием, от которого якобы имеет полномочия на открытие церквей. Собрал более 1000 подписей верующих и возбудил ходатайство об открытии церкви в Пензе... Особое влияние на религиозно настроенную массу оказывают бродячие попы, монахи, появившиеся за последнее время в области после отбытия срока наказания и выселения из режимных городов». В этом спецсообщении отмечалось, что за организацию религиозного шествия ста женщин в с. Николо-Азясь Мокшанского района в начале июня были арестованы три «церковницы»⁸⁵⁶.

Весной—летом 1943 г. в руководстве страны обсуждался вопрос о том, какому органу поручить проведение новой религиозной политики. На первом этапе было решено оставить это право за созданным в апреле Наркоматом государственной безопасности. Но скоро стало ясно, что ему данное направление деятельности явно не удастся (сказывались традиции 1930-х гг.). И среди религиозных организаций он воспринимался как наследник их гонителей — ГПУ и НКВД. Для внешнеполитического имиджа СССР также было полезно хотя бы внешне вывести Церковь из-под контроля спецслужб. В результате возобладало мнение, что при Совнаркоме следует образовать специальный орган, который осуществлял бы связь правительства с Русской Церковью. Тогда же родилась идея встречи И. Сталина с ее иерархами. К ней стали интенсивно готовиться. С июля начались оживленные переговоры работников НКГБ с представителями Московской Патриархии — митрополитом Николаем (Ярушеви-

чем) и управляющим делами протоиереем Н. Колчицким. Органами госбезопасности И. Сталину были представлены подробные материалы о состоянии Церкви, наиболее видных ее руководителях, патриотической деятельности духовенства, возможных кандидатах для избрания Патриархом и т.д.⁸⁵⁷

Конкретный момент для намеченной встречи — первые числа сентября — был выбран неслучайно. В начале осени 1943 г. подготавливалась Тегеранская конференция, на которую возлагались большие надежды, связанные с открытием второго фронта. Для оказания воздействия на союзников — Великобританию и США — было решено использовать влияние Англиканской Церкви, руководство которой уже не раз обращалось с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Встреча этой делегации с русскими иерархами во главе с Патриархом отвела бы многие обвинения СССР за религиозные преследования. Инициатива государства встретила ответную положительную реакцию руководства Русской Церкви.

И могла ли Московская Патриархия поступить иначе — не быть вместе с правительством своего народа в Отечественной войне, не пойти по трагическому, но в конечном счете неизбежному пути через церковно-государственную пропасть? Не могла она и не использовать возможность хотя бы частичного религиозного возрождения на основной территории СССР. Окончательное «примирение» с властью далось церковной иерархии ценой компромиссов, болезненных для религиозного сознания. В частности, это касалось участия в кампании прославления И. Сталина, а также действия осуществлению планов сталинской имперской внешней политики.

В конце августа 1943 г. власти разрешили возвращение митрополита Сергия из эвакуации, о чем он уже неоднократно просил сам. К примеру, 3 июля нарком госбезопасности В.Н. Меркулов докладывал А.С. Щербакову: «Руководители церковных центров... в последнее время высказывают большое недовольство таким длительным пребыванием в эвакуации. Митрополит Сергей даже опасается отстранения его от руководства церковью в связи с тем, что находящийся в Москве митрополит Николай (Ярушевич) не только управляет практическими делами Московской Патриархии, но и состоит членом Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению и расследованию немецких зверств, принимает по церковным вопросам иностранных представителей и корреспондентов»⁸⁵⁸.

Важнейшей вехой новой религиозной политики стало 4 сентября 1943 г. Днем на даче у И. Сталина состоялось совещание с участием Г. Маленкова, Л. Берии, представителей НКГБ, а также, по утверждению Э.И. Лисавцева, Патриаршего Местоблюстителя Сергия (Страгородского)⁸⁵⁹. Именно на нем оказались практически решены вопросы об открытии приходов, духовных учебных заведений, выпуске церковных изданий, выборах Патриарха и др. Итоги обсуждения были подведены на ночном официальном приеме в Кремле И. Сталиным и В. Молотовым митрополитов Сергия, Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича).

В архивном деле сохранилась запись беседы в ходе этой «исторической» встречи⁸⁶⁰, сделанная присутствовавшим на ней полковником госбезопасности Г.Г. Карповым⁸⁶¹.

Сообщение о приеме в Кремле уже на следующий день — 5 сентября — было опубликовано в газете «Известия». Вскоре после завершения встречи митрополит Сергей передал властям список священнослужителей, находившихся в заключении. 27 октября он написал еще одно заявление, адресовав его Г. Карпову: «Прошу Вас возбудить перед Правительством СССР ходатайство об амнистии перечисленным в прилагаемом списке лицам, которых я бы желал привлечь к церковной работе под моим ведением. Я не беру на себя решать вопрос, насколько эти лица заслужили отбываемое ими наказание. Но я питаю уверенность, что оказанная им со стороны Правительства милость побудит их (и даст возможность) приложить все свое старание,

чтобы показать свою лояльность Правительству СССР и без следа загладить прошлую вину». К заявлению был приложен список на 26 священнослужителей, в том числе 24 архиереев⁸⁶². Почти все они к тому времени уже были расстреляны или погибли в лагерях ОГПУ-НКВД. Уцелевших освободили, но это была очень небольшая часть томившихся в тюрьмах и лагерях священнослужителей.

Здесь, как и во многом другом, надежды Московской Патриархии не оправдались. Целый ряд обещаний выполнен не был. Для И. Сталина оказалось важным прежде всего создать видимость благополучия в религиозном вопросе, а за этой ширмой поставить Церковь под жесткий контроль, встроить ее в систему режима своей власти. Неслучайно данную работу он поручил Наркомату госбезопасности. Для осуществления контролирующей роли по постановлению СНК от 14 сентября был создан специальный орган — Совет по делам Русской Православной Церкви при правительстве СССР во главе с полковником госбезопасности Г.Г. Карповым.

Последний с 1940 г. возглавлял 4-й отдел 3-го управления НКВД по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией. Это позволило ему избежать наказания за прошлую деятельность. 1 февраля 1941 г. Военный трибунал войск НКВД Ленинградского военного округа постановил возбудить уголовное преследование в отношении работников Псковского окружного отдела НКВД во главе с Карповым за то, что они «проводили вражеские установки Заковского и Литвина, внедряли их в следственную работу, втянули в преступную деятельность почти всех оперативных работников окротадела и районных отделений, давали прямые установки на фальсификацию следственных дел и этим сами занимались, производили массовые незаконные аресты только по национальному признаку, внедряли фальсификацию протоколов допроса, массовые избиение и стойки в разных позах и другие методы издевательства...» Группа работников отдела была осуждена по этому обвинению, но Карпова спас перевод в центральный аппарат НКВД в Москву⁸⁶³.

Заместителем председателя Совета по делам РПЦ стал полковник госбезопасности К.А. Зайцев. В беседе с Карповым 13 октября 1943 г. В. Молотов указал ему уполномоченных Совета в основных областях и республиках подобрать «из чекистов». Характерно, что Г. Карпов некоторое время совмещал свою новую деятельность с исполнением прежних обязанностей начальника 3-го отдела. На его соответствующий вопрос В. Молотов ответил: «Если Ваше должностное положение в НКГБ не публикуется в газетах и не придано официальной гласности, то я считаю возможным совмещение»⁸⁶⁴. Закончил свою карьеру Карпов в чине генерал-майора. И вплоть до середины 1950-х гг. Совет по делам Русской Православной Церкви находился под опекой прежде всего всемогущих тогда органов госбезопасности.

Решение ключевых проблем государственной религиозной политики И. Сталин оставил за собой. Менее важными вопросами в правительстве занимались В. Молотов, а с 1946 г. К. Ворошилов, в ЦК ВКП(б) — поочередно Г. Маленков и А. Жданов. Самостоятельная роль руководимого Карповым Совета на первых порах была не слишком значительной. В то же время надо отметить, что относительная внутренняя самостоятельность Церкви в первое послевоенное десятилетие была гораздо большей, чем в последующие периоды. В данных осенью 1943 г. И. Сталиным устных принципиальных указаниях Г. Карпову говорилось: «... б) Совету не представлять собой бывшего обер-прокурора, не делать прямого вмешательства в административную, каноническую и догматическую жизнь церкви и своей деятельностью подчеркивать самостоятельность церкви; в) ...обеспечить соответствующие встречи, приемы, формы общения с патриархом, которые могли бы быть использованы для соответствующего влияния; г) не смотреть в карман церкви и духовенства...; е) Совету обеспечить, чтобы епископат являлся полновластным хозяином епархии... право архи-

рея распоряжаться церковными суммами; ж) не делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т.п.»⁸⁶⁵.

Конечно, самостоятельность Патриархии была сильно ограниченной, но все же в тот период она касалась и комплектования кадров духовенства. Государственные органы еще не видели необходимости в проведении специальной кадровой политики, осуществлении отбора лояльных священнослужителей среднего и низшего звеньев. Служба госбезопасности могла без соблюдения какой-либо законности арестовать почти любого нежелательного священника или архиерея. В отчете Г. Карпова генеральному прокурору СССР А. Вышинскому на приеме в Совнарком в конце 1943 г. по вопросу назначения и перемещения священнослужителей говорилось: «Совет имеет предложения: а) патриарх согласовывает вопрос с Советом только о назначениях, касающихся Синода, епископата и первосвященнослужителей кафедральных (соборов); б) на местах епископы согласовывают вопрос с уполномоченными по делам церкви только в отношении настоятелей церквей и благочинных; в) назначение всех остальных (вторые священники, диаконы) решается епископатам самостоятельно»⁸⁶⁶.

Глубокие изменения в жизни Русской Православной Церкви начались сразу же после встречи в Кремле. Уже 8 сентября в Москве состоялся Собор епископов, на котором 19 иерархов единогласно избрали Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия. Собор также обратился к христианам всего мира с призывом объединиться для окончательной победы над фашизмом. 12 сентября произошла интронизация Патриарха, и через неделю в здании бывшего германского посольства, переданного Патриархии, он приветствовал прибывшую из Великобритании делегацию Англиканской Церкви во главе с архиепископом Йоркским Кириллом Гарбеттом. В сентябре 1943 г. вышел первый номер «Журнала Московской Патриархии».

Много внимания уделялось возрождению духовного образования. Его главным вдохновителем и организатором был архиепископ Григорий (Чуков). Он разработал проект создания средних и высших богословских школ, одобренный на октябрьском заседании Синода. В лице архиеп. Григория, ректора Ленинградского Богословского института в 1920-е гг., устанавливалось преемство новой школы от старой. По его замыслу, возрождаемая школа должна была стать богословской, а не просто пастырско-практической. Перечень аналогичных наук в ней не только соответствовал дореволюционной программе Духовной академии, но даже вводились новые предметы — история русской религиозной мысли и т.д. «Таким образом, замысел следует признать высоким: мыслилось возрождение богословской науки и русской богословской традиции»⁸⁶⁷.

Однако в полном объеме он оказался неосуществленным — помешали противодействие властей, неподготовленность студентов и преподавателей. И все же после массовых чисток и репрессий уцелела небольшая группа профессоров старых духовных школ, обеспечившая определенное преемство традиций: о. Н.В. Чепурин, В.В. Четыркин, А.И. Сагарда, С.В. Савинский, Т.Д. Попов и др. 28 ноября 1943 г. Совнарком разрешил открытие в Москве Богословского института и пастырских курсов в 1944 г.

План воссоздания организационной структуры Русской Церкви, также лишь частично реализованный на практике, разработал другой выдающийся церковный деятель — архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). 15 июня 1944 г. он изложил его в письме к митрополиту Алексию (Симанскому). Власти вообще не желали восстановления мощной церковной организации. Это ярко проявилось в вопросе открытия храмов. 28 ноября 1943 г. Совнарком принял постановление, согласно которому ходатайства верующих сначала рассматривались местными органами, в случае их одобрения пересылались в Совет по делам Русской Православной Церкви, после предварительного решения которого поступали в Совнарком, а затем снова в Совет.

Такая многоступенчатая процедура была выработана с целью тщательно дозировать открытие новых храмов. Бесконтрольный стихийный рост количества приходов вызывал сильнейшую тревогу в правительстве. Так, в феврале 1944 г. в Ярославской области, по неполным данным, самовольно действовало уже более 90 церквей. Властям представлялось необходимым обуздать этот поток, превратив его в тоненький ручеек. В одной из ноябрьских бесед с Г. Карповым В. Молотов указывал: «Пока не давать никаких разрешений на открытие церквей... В последующем по вопросу открытия входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы... Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать решения этого вопроса»⁸⁶⁸. И только 5 февраля 1944 г. Совет принял постановление об официальном открытии первых 18 храмов⁸⁶⁹. Кроме того, по мере освобождения оккупированных территорий — на Украине, в Ставропольском крае и т.д. началась кампания по изъятию у церковных общин зданий, до 1941 г. использовавшихся для общественных целей, причем порой без предварительного предупреждения верующих.

28 сентября 1944 г. епископ Сумский Корнилий отправил Патриаршему Местоблюстителю доклад о закрытии в епархии 30 храмов. В нем указывалось: «Одиозное отношение местных сельских совластей выражается местами весьма грубо: в селе Павленковы Хутора храм был закрыт накануне праздника Успения Пресвятыя Богородицы, что особенно возбудило верующих против местной совласти. В некоторых местах представители совласти выбрасывали иконы из храмов... с руганью обращались со священниками, ударяя кулаками по столу, кричали на председателей церковных советов и церковных старост, не стесняясь выпускать со своих уст грязную ругань по адресу последних...»⁸⁷⁰ Это явление приняло такой массовый характер, что встревожило руководство Совета по делам РПЦ.

5 октября 1944 г. в докладной записке В. Молотову по итогам первого года работы Совета Г. Карпов приводил ряд фактов «административного и самочинного» закрытия храмов. Так, в слободе Ново-Астрахани Ворошиловградской области открытая в период оккупации церковь в течение трех месяцев была пять раз закрыта и столько же раз открыта. Председатель Совета выдвинул целый ряд предложений: «1) Воздержаться от закрытия приходских церквей... хотя бы они (церкви и молитвенные дома) были открыты и в период временной оккупации. 2) Занятые в период немецкой оккупации под молитвенные собрания государственные и общественные здания... разрешить изымать из пользования церковных общин, представляя последним месячный срок для подыскания на правах аренды других помещений для культовых целей. 3) В целях борьбы с нелегальными церковными группами там, где они приняли широкие размеры, и в тех областях и районах, где настойчиво ставится вопрос об открытии церквей, пойти на расширение сети действующих церквей до 2—3 на район... 4) Разрешать слом недействующих церковных зданий только в исключительных случаях, в случае угрозы обвала и т.п. Переоборудование недействующих церковных зданий не разрешать. 5) Не препятствовать церковным приходским советам в производстве необходимого ремонта церковных зданий... Строительство же новых молитвенных зданий... не разрешать»⁸⁷¹. Большая часть предложений Г. Карпова была одобрена, и 1 декабря 1944 г. Совнарком принял соответствующее постановление. Но и в 1945 г. под предлогом отсутствия священников у прихожан Украины, Белоруссии, западных областей РСФСР были изъяты сотни храмов.

Тяжелую борьбу по этому поводу пришлось выдержать управляющим Ленинградской епархии. Первоначально, несмотря на то что многие клирики, как отмечалось в отчете уполномоченного за II квартал 1944 г., «высказывали свое удивление и недовольство проведенными мероприятиями, заявляя: "А почему это при немцах мож-

но было служить без всяких ограничений в отношении количества приходов? »⁸⁷², 16 июня архиепископ Григорий (Чуков) указывал, чтобы все священнослужители совершали богослужения только в тех храмах, при которых они состоят. Однако уже в августе наличие огромного количества бездействующих церквей заставило архиепископа Григория и митрополита Алексия (Симанского) ходатайствовать перед Советом по делам РПЦ о разрешении клирикам проводить службу и требы в соседних пустующих храмах. В ответ на соответствующий запрос Совета уполномоченный по Ленинградской области 23 сентября высказал по этому поводу резко негативное мнение, приведя следующие основания: «1. В инструкции Совета по делам РПЦ при СНК СССР для уполномоченных Совета, раздел III, § 4, пункт 3 говорится: "Район деятельности приходского причта ограничивается местожительством верующих данного прихода". 2. На основании этой же инструкции была проведена регистрация священников к определенному и одному приходу в соответствии с назначением служителя культа правящим архиереем» и т.д.⁸⁷³

Хотя в епархии совершались новые рукоположения, в августе был составлен список кандидатов в священники и диаконы из 23 человек и утверждены в должности 43 клирика бывших оккупированных районов, их остро не хватало, у Владыки скопилось 30 прошений верующих о назначении священников в церкви. 1 сентября архиепископ Григорий был вынужден издать указ: «Недостаток священнослужителей при большом числе вакантных священнических мест в Епархии вызывает необходимость сосредоточения наличного состава духовенства в храмах наиболее центральных...»⁸⁷⁴

В отчете в Патриархию о состоянии пяти порученных его управлению епархий от 22 ноября 1944 г., в списке главнейших нужд, архиепископ вновь указывал: «2. Возможно скорее разрешить въезд в зоны, ранее оккупированные немцами, т.к. из 208 существующих в названных Епархиях церквей — в 119 церквях нет священников, а пока разрешить причтам обслуживать верующих соседних приходов совершением требоисправлений и богослужений в храмах, не имеющих священников. 3. Организовать по Епархиям особые "фонды церковной утвари" из закрытых, разрушенных или ограбленных немцами церквей для пополнения недостающего в действующих храмах. 4. Устроить по Епархиям свечные заводы и организовать печатание разрешительных молитв и венчиков и изготовление нательных крестиков...»⁸⁷⁵

Но разрешение на служение клириков одновременно в нескольких храмах так и не было получено. Взаимоотношения с властями налаживались постепенно и с большим трудом. Многие церкви в западных районах епархии вследствие длительного отсутствия в них богослужений в 1944—1945 гг. были официально исключены из списка действующих. Характерным для такой двойственной тактики является ответ Совета по делам РПЦ на запрос Ленинградского уполномоченного от 28 февраля 1944 г.: «Во время оккупации немецкими войсками части районов Ленинградской области в некоторых действующих церквях были повешены колокола, и служба проходила с колокольным звоном. При освобождении от оккупантов этих районов нашей Красной Армией церкви оставались функционировать с колокольным звоном. Прошу Ваших указаний». Резолюция Совета гласила: «В действующих церквях, в которых служба производится с колокольным звоном, колокола снимать не следует, но колокольный звон не производить, объяснив это условиями военного времени»⁸⁷⁶.

Следует указать, что в 1944—1945 гг. на освобожденных территориях также проводились многочисленные аресты духовенства «за сотрудничество с фашистами», в подавляющем большинстве случаев без всяких реальных оснований. Только на Северо-Западе России было арестовано не менее 50 священнослужителей, в том числе уже утвержденных в должности архиереями Патриархии и даже иногда назначенных благочинными. В январе 1945 г. в Ленинграде в здании Дома офицеров состоялся

судебный процесс над членами управления Псковской Православной миссии, большинство обвиняемых были приговорены к 15—20 годам лагерей. Всех их полностью реабилитировали еще в 1956 г.⁸⁷⁷ Один из осужденных по этому процессу — ныне покойный протоиерей Ливерий Воронов — до середины 1990-х гг. служил проректором Санкт-Петербургской духовной академии.

Ярко характеризует атмосферу поиска «изменников» и «предателей» спецводка начальника Управления НКВД по Ленинградской области Шикторова за октябрь 1944 г.: «4-го октября с.г. при попытке проникнуть в Ленинград органами УНКВД ЛО был задержан Амосов И. В...который оказался активным участником к/р организации, называвшейся «Управление Православной Миссии»... В ходе расследования раскрыта вторая к/р организация «Епархиальный Совет Эстонии», который путем националистической агитации среди населения вел борьбу за отторжение Эстонии от Советского Союза и образование королевства. Такая же организация существовала и на территории Псковской области с центром в пос. Пальцево, под руководством барона Врангеля. Выявлено 86 участников этой к/р организации, активных агентов гестапо, проводивших агит. работу среди населения Эстонии, Латвии, Литвы, Украины, Ленинградской, Псковской и Новгородской областей»⁸⁷⁸.

По данному делу был арестован и настоятель Псково-Печерского монастыря игумен Павел (Горшков). Осужденная вместе с ним Т.А. Хитрова была в 1944 г. отпущена в числе 10 других заключенных из немецкого лагеря в монастырь по ходатайству игумена о выделении «рабочих рук». Позднее она вспоминала: «Вскоре за этой радостью пришла другая радость: Печеры были освобождены Красной армией. На другой день о. Павел выступил на митинге перед печорской общественностью. По окончании речи ему бурно аплодировали и выразили благодарность местные Советы и, конечно, народ. И вдруг в конце недели монастырь посетил следователь, который потребовал от о. Павла список, кто с ним работал. Он всех переписал и ушел. Через несколько дней я была вызвана и посажена в Печерскую тюрьму, а оттуда этапом нас отправили в Ленинград». Попытками от нее добились «признания» в изменнической деятельности и вместе с другими вызволенными игуменом из фашистского концлагеря приговорили к 10 годам заключения. Отец Павел был осужден на 15 лет и умер в тюремной больнице⁸⁷⁹.

В ВКП(б) существовала мощная оппозиция новому «примиренческому» курсу религиозной политики. Согласно информационным запискам в ЦК 1944—1945 гг., партийные агитаторы на местах нередко заявляли: «Это решено сейчас, во время войны, потому что союзники нам предложили, а после войны изменится отношение к церкви»⁸⁸⁰. И уже 27 сентября 1944 г., когда исчезли сомнения в победе, появилось постановление ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительской пропаганды». Оно было сформулировано очень осторожно, говорило о вреде суеверий, предрассудков, о необходимости борьбы с пережитками прошлого, но совершенно не упоминало о задачах антирелигиозной работы⁸⁸¹.

Историк В.А. Алексеев справедливо считает, что инициатором принятия постановления был сам председатель СНК: «Сталин не мог не осознавать, что... партийные, комсомольские кадры, идеологические работники и активисты плохо понимали весь замысел его новой линии в области церковно-государственной политики. Некоторым из них казалось, что «братание с попами» есть измена заветам основоположников марксизма-ленинизма... он и решил совершить определенный маневр — напомнить партии и комсомолу о важности борьбы с предрассудками и суевериями... И вместе с тем, старательно избегав... конкретных упоминаний об антирелигиозной работе... Сталин продолжил свою линию на дальнейшую «легализацию» церковных институтов в стране»⁸⁸².

Интересно, что в 1944 г., вскоре после смерти Е. Ярославского, созданный им Центральный музей истории и атеизма лишили помещения. Его здание передали Комитету по делам кинофикации под киностудию «Союзмультифильм», а музей фактически оказался выброшенным на улицу. К этому времени антирелигиозная секция при Институте философии Академии наук была уже ликвидирована, не подавал никаких признаков жизни и Центральный совет Союза воинствующих безбожников. Некоторые из его бывших активистов не желали смиряться. Широко известный в 1930-е гг. литератор и лектор Б.П. Кандидов весной 1945 г. отправил обширное послание секретарю ЦК А.А. Жданову, напоминая ему о сотрудничестве в прошлом с Е. Ярославским и предлагая «развернуть антирелигиозную работу». Однако отзыв Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) на это письмо оказался резко негативным. Автора упрекали в том, что он «живет старыми взглядами». Так как Б. Кандидов не собирался перестраиваться, по-прежнему клеймя в своих лекциях «реакционную роль церковников», «Правда» 23 июня 1945 г. специально выступила против методов «этого вредного лектора», а партийное руководство Казани, где он тогда находился, вообще запретило ему выступать по антирелигиозной тематике⁸⁸³.

В конце 1943—1944 гг. Совнарком принял более 10 постановлений, касающихся условий и порядка функционирования религиозных организаций, льгот духовенства, прав и обязанностей государственных органов, ведавших церковной политикой. В первые же месяцы этой работы стало очевидно, что новый церковный курс требует и изменения правовой основы — законодательства о религиозных культах. В конце 1943 г. Совет по делам РПЦ сообщал правительству, что ранее принятые декрет 1918 г. и постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 г., кроме основных положений, устарели и необходимо новое, теперь уже союзное законодательство. Проект его был подготовлен, на заседании Совета по делам РПЦ 7 января 1944 г. принят за основу и представлен в правительство, однако так и остался нерассмотренным⁸⁸⁴. Вероятно, в этом случае также повлияли опасения И. Сталина перед лицом недовольства в партии открыто продемонстрировать законодательное закрепление нового курса. Секретными же постановлениями Совнарком неоднократно вносил изменения в статьи закона 1929 г., касающиеся прав религиозных обществ.

Урегулирование государственно-церковных отношений распространилось и на другие религиозные организации. В октябре 1943 г. Совнарком принял постановление об организации при СНК Армянской ССР Совета по делам Армяно-григорианской Церкви, а в мае 1944 г. — о создании Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. Их права, обязанности и организационная структура строились по аналогии с Советом по делам Русской Православной Церкви⁸⁸⁵.

Важные изменения произошли в последний год войны. 15 мая 1944 г. скончался Патриарх Сергей. В этот же день на экстренном заседании Священного Синода было принято постановление о вступлении в должность Патриаршего Местоблюстителя, согласно завещанию Патриарха, митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского). На этот раз с выборами нового главы Русской Православной Церкви Сталин не торопился, желая придать им крупный международный резонанс. 21—23 ноября в Москве состоялся Собор епископов, на котором был обсужден проект положения об управлении в Церкви и определен порядок избрания Патриарха. При обсуждении последнего вопроса архиепископ Лука напомнил постановление Поместного Собора 1917—1918 гг. о том, что Патриарх должен избираться тайным голосованием и жребием из нескольких кандидатов. Это предложение не встретило поддержки, был выдвинут единственный кандидат — митрополит Алексей⁸⁸⁶.

В своем выступлении он доложил об открытии новых многочисленных храмов, начале богословского образования, возобновлении издательской деятельности. А 24 ноября епископов принял Г.Г. Карпов и заявил, что при содействии Совета по делам РПЦ: «...3) дана возможность изготовления и получения церквями необходимых предметов религиозного культа; 4) все священнослужители, состоящие на службе в церковных приходах, освобождаются от призыва по мобилизации, независимо от возраста; 5) внесен ряд поправок в налоговые вопросы, облегчающих условия жизни служителей религиозных культов»⁸⁸⁷.

31 января 1945 г. в Москве начал свою работу Поместный Собор Русской Православной Церкви. Такого полномочного собрания ее духовенства и мирян не было с 1918 г. На Поместный Собор были также впервые приглашены православные Патриархи и их представители из Румынии, Болгарии, Сербии, стран Ближнего Востока, Грузии, зарубежные русские иерархи. Значительную сложность в тех условиях представляло уже размещение и обеспечение всем необходимым 204 участников. Собор вообще стал единственным, исключая военные, правительственные совещания, собранием такого масштаба в годы войны. На первом его заседании было обсуждено и принято «Положение об управлении Русской Православной Церковью», составленное при активном участии работников Совета по делам РПЦ, а на втором — 2 февраля — митрополита Алексия открытым голосованием избрали Патриархом Московским и всея Руси.

Согласно принятому положению, Церковь становилась сплоченной иерархически, на всех уровнях соподчиненной организацией. Высшая власть принадлежала Поместному Собору, который при необходимости созывал Патриарх. Последний управлял Церковью вместе со Священным Синодом из шести членов, в том числе трех постоянных — митрополитов Киевского, Ленинградского и Крутицкого. По вопросам, требующим согласования с правительством, Патриарх сносился с Советом по делам РПЦ. Круг этих вопросов не очерчивался, что давало Совету возможность неограниченного вмешательства в церковную жизнь. При Синоде могли существовать учебный комитет, издательский отдел, хозяйственное управление, отдел внешних церковных сношений и т.п., которые вскоре и были образованы. Епархии управлялись епископами, назначаемыми Патриархом. Настоятели храмов, в свою очередь назначенные епархиальными архиереями, были непременно членами Приходской общины и председателями ее исполнительного органа церковного совета⁸⁸⁸. Положение значительно расходилось с существовавшей ранее практикой, например, строгим разграничением функций в приходе — богослужебные для пастырей, хозяйственно-финансовые для мирян, и санкция на его принятие была серьезной уступкой со стороны государства.

Проведение Поместного Собора способствовало дальнейшему оживлению религиозной жизни в стране. Об этом писал 30 августа 1945 г. в своей докладной записке в ЦК ВКП(б) и Г. Карпов. Встревоженный организационно-инструкторский отдел ЦК даже стал собирать информацию о реагировании различных групп населения на решения Собора. Картина для властей складывалась неутешительная. Так, рабочие Харьковского тракторного завода считали, что «избрание Святейшего Патриарха имеет большое значение, и этим самым руководители Церкви будут влиять на наше государство. При предстоящих выборах в Верховный Совет церковники смогут попасть в состав депутатов и будут отстаивать интересы Церкви». Рабочие Сталинградской области думали, что «наверное, скоро в школах введут изучение Закона Божия». Многие жители Мордовии также полагали, что в этом плане вскоре «все вернется к старому». Крестьяне нередко вычитывали в официальных документах то, чего в них не было. В результате рождались различные полуполюгендарные слухи. Например, житель с. Краснопавловка Харьковской области М.С. Исиков обратился к местному уполномо-

моченному Совету по делам РПЦ с письмом, в котором, ссылаясь на речь Г. Карпова на Соборе, просил установить 12 годовых праздников, «признаваемых всем христианским миром»⁸⁸⁹.

Иллюзии радикального изменения положения Церкви в государстве поддались и некоторые партийные работники. Так, в тезисах отдела пропаганды и агитации Дрогобычского обкома КП(б) У «Об исторических особенностях Православной Российской и Западно-Украинской Греко-католической церковей», написанных 26 февраля 1945 г., говорилось, что «религия в истории человечества играла и передовую прогрессивную роль в национальной жизни народа», освобожденная Октябрьской революцией, Православная Церковь «обновила свое благородное лицо» и т.п. Тезисы с санкции первого секретаря обкома зачитывались на организованных районных совещаниях священников. Реакция на подобные действия последовала жесткая. В докладной записке организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1945 г. указывалось: «1. Рассылка и разработка тезисов, ориентирующих партийные организации на проведение политической работы среди духовенства, является неправильной и ошибочной. 2 ...Составители этих тезисов в трактовке вопроса о взаимоотношениях между религией и наукой, церковью и государством переоценивают роль церкви и занимают позицию, граничащую с заискиванием перед духовенством...» В результате ЦК КП(б) У принял специальное решение по вопросу о выпуске этих тезисов⁸⁹⁰.

По всей стране был предпринят ряд мер по ограничению влияния духовенства на широкие слои населения. Запрещались имевшие еще место в некоторых городах страны (Сарапул, Ижевск и др.) случаи шефства церковных общин над госпиталями, детскими садами, инвалидными домами, непосредственная выдача священниками пособий раненым воинам и их семьям.

И все же к концу войны уже можно говорить о частичном возрождении Московского Патриархата. Было восстановлено большинство архиерейских кафедр, воссозданы епархиальные управления, открыты свечные мастерские и т.п. К январю 1945 г. число архиереев достигло 41, а к началу 1946 г. — 61. За три года (1943—1946) были хиротонисаны 36 человек, 17 же удалось выжить в тюрьмах и лагерях. Так, например, подвергавшийся арестам четырежды епископ Мануил (Лемешевский) был освобожден в сентябре 1944 г. и в феврале 1945 г. назначен на Чкаловскую (Оренбургскую) кафедру⁸⁹¹.

Прежде всего архиереев направляли в подвергшиеся оккупации епархии. 29 октября 1944 г. на приеме в Совете по делам РПЦ Г. Карпов спросил Патриарха и членов Синода, не считают ли они целесообразным «назначения епископов делать в первую очередь для епархий на освобожденной от немцев территории, а затем уже в тыловых епархиях». Согласно записи беседы, «патриарх и митрополиты нашли это правильным»⁸⁹².

За 1944 г. поступило 6702, а за 1945 г. еще 5986 заявлений об открытии 4292 церквей. Из них было удовлетворено 716, то есть всего около 17%. На 1 июня 1945 г., по подсчетам Совета по делам РПЦ, общее количество действующих храмов Патриархии составляло 10 243, в том числе на Украине — 6072 и в РСФСР — 2297. Распределены они были крайне неравномерно. Если в некоторых украинских областях имелось по 400—500 церквей, то в большинстве автономных республик, краев, областей Сибири, Дальнего Востока и Поволжья их число не превышало 2—4. Количество священников и диаконов в начале 1946 г. равнялось 9254. В 1945 г. еще функционировало 104 монастыря (вместе с 22 закарпатскими), в которых проживало 4632 насельника⁸⁹³.

Подводя итоги, следует отметить, что изменения, которые произошли в государственной религиозной политике с началом Великой Отечественной войны, оказались

небольшими. В целом они соответствовали курсу, наметившемуся в 1939 г. в связи с отказом от массированного наступления на Церковь 1929—1938 гг. Поэтому можно говорить о едином периоде религиозной политики в СССР в 1939 — августе 1943 г. Для него было характерно прежде всего вынужденное допущение значительной активизации церковной деятельности без серьезных видимых уступок, закрепленных законодательно.

Качественно новый этап начался в сентябре 1943 г. Правительство СССР разрешило выборы Патриарха, возобновление церковной издательской деятельности, духовного образования, открытие сотен храмов. Были внесены соответствующие изменения в законодательные акты. Эти перемены были вызваны целым комплексом причин: активной патриотической деятельностью Московской Патриархии, обращением в ходе войны к русским национальным патриотическим традициям, массовым религиозным возрождением на оккупированной территории, стремлением нейтрализовать воздействие фашистской пропаганды. Самым существенным образом влияли и отношения с союзниками — США и Великобританией.

Несомненно, Верховный главнокомандующий действовал по заранее разработанному плану, в котором с некоторых пор стал уделять Церкви значительное внимание для придания собственному режиму власти видимости демократического, веротерпимого государства. В его расчетах Московской Патриархии отводилась существенная роль в налаживании контактов с патриотическим движением, религиозными кругами на Балканах, Ближнем Востоке, в Северной Африке, установлении связей с влиятельными течениями в Англии, США, Канаде, способными оказать воздействие на правительство. Шаги И. Сталина навстречу Церкви вызвали симпатию в этих странах. Однако даже отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции были здесь не главными. Внешнеполитические планы «вождя народов» были гораздо более глобальными. С весны 1943 г., когда исход войны стал ясен, он начал размышлять о будущем послевоенном переделе мира, разрабатывать планы создания мировой державы. В этих имперских замыслах Церкви отводилась немаловажная роль.

Однако уступки государства оказались не такими значительными, как представлялось первоначально. Для И. Сталина было важным в первую очередь сделать Патриархию послушной частью режима, существовавшего в СССР. Полностью этого добиться не удалось, хотя церковные иерархи были вынуждены пойти на многие компромиссы, болезненные для православного сознания. И все же необходимо подчеркнуть, что в суровых, порой жесточайших условиях Русская Православная Церковь сумела выстоять. Пройдя через гонения, запрещения, террор первых двух десятилетий советской власти, она вновь начала возрождаться во время тяжелых испытаний для всего русского народа.

Глава III

Церковное сопротивление в СССР

§ 1. Иосифлянское движение

Антицерковная, антихристианская политика Советского государства в первые десятилетия после Октябрьской революции вызвала массовое сопротивление духовенства и мирян. В разные годы оно принимало различные формы. Особенно эта борьба обострилась в период «великого перелома» конца 1920-х — начала 1930-х гг.

Вплоть до 1927 г. попытки гражданских властей подчинить Православную Церковь, поставить ее под полный контроль, сделать в конечном итоге придатком государственного аппарата (обновленческий, григорианский расколы и т.п.) в целом заканчивались неудачей. Рубежом в этом плане явилась легализация Временного Патриаршего Священного Синода (ВПСС) при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском), потребовавшая значительных уступок. «Декларация 1927 г.», допускавшая уход с позиций аполитичности, перемещения епископов по политическим мотивам, и ряд подобных актов создавали новые условия взаимоотношений Патриаршей Церкви с государством. Именно с этого времени начал утверждаться почти тотальный контроль последнего над внутрицерковной жизнью. Такие компромиссы были негативно восприняты многими священнослужителями и мирянами.

Часть православного духовенства попыталась спасти Церковь от внедрения в нее чужеродных государственных начал. Возникшее в 1927 г. движение «непоминающих» (гражданской власти и митр. Сергия) было достаточно широко распространено по стране. Всего первоначально насчитывалось более 40 архиереев, отказавшихся от административного подчинения заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Однако большинство из них не было связано между собой. Центральное место занимала наиболее сильная и сплоченная иосифлянская группа, получившая свое название по имени руководителя — митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых)⁸⁹⁴. Именно Владыка Иосиф ввел термин «Истинно-Православная Церковь», употребив его в 1928 г в одном из своих писем.

Недовольство «Декларацией митрополита Сергия» вскоре после ее публикации ярко проявилось в одной из важнейших епархий страны — Ленинградской. В середине августа викарный епископ Гдовский Димитрий (Любимов), прот. Александр Советов, схимон. Анастасия (Куликова) и другие клирики отправили высланному в Моденский монастырь Новгородской губернии митрополиту Иосифу послание с выражением своего несогласия с политикой заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Вероятно, по настоянию ОГПУ 13 сентября 1927 г. митрополит Сергий и Синод приняли постановление о переводе Ленинградского Владыки на Одесскую кафедру. Однако 28 сентября митрополит Иосиф написал об отказе подчиниться указу. Это решение было во многом вызвано влиянием его ленинградских сторонников, занявших непримиримую позицию. Ситуацию обострил указ Сергия от 21 октября о помино-

вании властей по формуле: «О богохранимой стране нашей, о властях и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте»⁸⁹⁵ и об отмене поминовения епархиальных архиереев, находящихся в ссылке. Теперь уже не только сторонники митрополита Иосифа, но и ряд других епископов стали выражать сомнения в правильности выбранной митрополитом Сергием линии.

Основной причиной недовольства явилось то, что заместитель Патриаршего Местоблюстителя допустил вмешательство гражданских властей в кадровую политику: проведение епископских хиротоний с согласия государственных органов, перемещение архиереев по политическим мотивам (за несколько месяцев было перемещено около сорока архиереев), замещение кафедр осужденных епископов и т.п. Вскоре, ввиду серьезности положения, митрополит Сергей взял на себя временное управление Ленинградской епархией, что, вероятно, могло бы ослабить нарастающий в городе конфликт⁸⁹⁶. Однако ОГПУ явно недооценило масштабы возможного сопротивления просоветской церковной политике митрополита Сергия, и он не получил разрешения властей на приезд в Ленинград.

Уже в ноябре некоторые приходы «северной столицы» перестали почитать за богослужением имя митрополита Сергия, прекратили приглашать временно управлявшего от его имени епархией епископа Петергофского Николая (Ярушевича) как сторонника сергиевской политики и выделять денежные средства на содержание епархиального руководства. «Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту православия, выступили теперь против митрополита Сергия». В его политике «они видели прямое искажение чистоты Православия и порабощение Церкви государством». По мнению митрополита Иоанна (Снычева), Патриарший Синод совершил серьезную тактическую ошибку, слишком поспешно проводя новую церковную политику, без учета подготовленности к ней верующих⁸⁹⁷.

Группа духовенства и мирян Ленинграда в надежде предотвратить надвигавшееся разделение и заставить митрополита Сергия изменить избранный им курс отослала в начале декабря специальное обращение, составленное настоятелем кафедрального собора Воскресения Христова прот. Василием Верюжским: «1. Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви государству. 2. Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаемых епископов. 3. Поставить Временный Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его учреждении в смысле совещательного органа, и чтобы распоряжения исходили только от имени Заместителя. 4. Удалить из состава Синода прорекаемых лиц. 5. При организации Епархиальных Управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917—1918 гг. и авторитет епископата. 6. Возвратить на ленинградскую кафедру митр. Иосифа (Петровых). 7. Отменить возношение имени Заместителя. 8. Отменить распоряжение об устранении из богослужений молений о ссыльных епископах и о возношении молений за гражданскую власть»⁸⁹⁸.

Согласно протоколам допросов о Василии Верюжском (от 20 апреля и 8 мая 1931 г.), важной вехой в организационном оформлении иосифлян стало собрание 24 ноября 1927 г. на квартире протоиерея Феодора Андреева. На нем, кроме хозяина, присутствовали епископ Димитрий (Любимов), протоиерей Василий Верюжский, приехавший из Москвы профессор М.А. Новоселов и настоятель Киево-Печерской лавры архимандрит Ермоген (Голубев). Было решено написать несколько обращений к заместителю Местоблюстителя.

Еще до получения ответа на обращение о. Василия, 12 декабря, делегация представителей ленинградского духовенства и мирян, в которую вошли епископ Димитрий (Любимов), протоиерей Викторин (Добронравов), миряне И.М. Андреевский и С.А. Алексе-

Св. о. Иоанн Кронштадтский с сестрами Иоанновского монастыря
в Вауловском скиту. 1906 г.

Епископ Серафим
(Чичагов). 1910-е гг.

Святейший Патриарх Московский и всея России
Тихон. 1920-е гг.

Епископ Мануил (Лемешевский). 1920-е гг.

Святейший Патриарх Тихон и священномученик митрополит Вениамин
(Казанский)

Епископ Вятский Виктор (Островиков). 1920-е гг.

Епископ Нарвский Сергей (Дружинин).
1920-е гг.

Митрополит Петроградский Вениамин
(Казанский). 1921 г.

Учет конфискованных церковных ценностей. Москва. 1921 г.

Члены комиссии по изъятию церковных ценностей. В первом ряду, третий справа епископ Антонин (Грановский). Москва. Май 1922 г.

Вскрытие раки с мощами Святого Благоверного князя Александра Невского. Петроград. Май 1922 г.

Процесс по делу Петроградского митрополита Вениамина (Казанского). Петроград.
Июнь 1922 г.

Красноармейцы выносят
церковные ценности
из Симеоновского монастыря.
Москва. 1923 г.

Епископ Петергофский Николай
(Ярушевич). 1923 г.

Митрополит Ленинградский Иосиф
(Петровых). 1926 г.

Иосифлянские священнослужители и миряне у кафедрального собора Воскресения Христова. Ленинград, 1928 г.

Духовник Александро-Невской Лавры преп. Серафим Вырицкий. 1929 г.

Митрополит Ленинградский Серафим
(Чичагов). 1930 г.

Митрополит Ленинградский Алексей
(Симанский). 1930-е гг.

Заседание Священного Синода в конце 1940-х гг.

Патриарх Московский и всея Руси
Сергий. 1944 г.

Совещание Патриарха Алексия I с членами Ленинградского епархиального
управления и городскими чиновниками. 1945 г.

Митрополит Крутицкий и Коломенский
Николай (Ярушевич). 1950-е гг.

Митрополит Ленинградский Гурий
(Егоров). 1950-е гг.

Георг II, Патриарх-Католикос всех армян и Алексий I, Патриарх Московский
и всея Руси. 1947 г.

Митрополит Ленинградский Никодим
(Ротов). 1960-е гг.

Митрополит Ленинградский Никодим
(Ротов). 1970-е гг.

Протопресвитер Виталий Боровой. 1990-е гг.

Ежегодный Торжественный акт в Православном Свято-Тихоновском Богословском институте

Алексий II, Патриарх
Московский и всея Руси
(1990—2008)

Восстановление
мемориальной доски на доме,
в котором жил и скончался в
1908 году Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский
(первоначально доска была
установлена в 1912 году).
Кронштадт

Храм во имя Новомучеников и исповедников Российских. Построен на месте
массовых расстрелов священнослужителей и мирян в 1934—1948 годах. Москва.
Бутово

В урочище Ганина Яма — на месте уничтожения тел Царской Семьи

Памятные доски с именами расстрелянных на Бутовском кладбище

У восстановленной келии Преподобного Серафима Саровского. Святейший Патриарх Алексий II (справа) и В.В. Путин (слева)

Кирилл, нынешний Патриарх Московский и всея Руси

ев (Аскольдов), передала митрополиту Сергию еще три протестных послания. Одно из них от имени ученых Академии наук и профессуры ленинградских вузов было написано профессором Военно-юридической академии С.С. Абрамовичем-Барановским, второе подписали шесть архиереев: архиепископ Гавриил (Воеводин) и епископы Димитрий (Любимов), Сергей (Дружинин), Григорий (Лебедев), Стефан (Бех), Серафим (Протопопов). В числе этих посланий было письмо группы священников и мирян от 9—11 декабря 1927 г., составленное магистром богословия протоиереем Феодором Андреевым. Митрополит Сергей принял делегацию и вступил с ней в острую дискуссию, в которой отверг все просьбы и пожелания о перемене церковного курса.

14 декабря заместитель Местоблюстителя вручил одному из членов делегации свой отзыв на обращение о. Василия Верюжского, в котором писал, «что отпадение в раскол отдельной части церковного организма будет менее болезненным для Церкви, чем раздробление всего организма Русской Православной Церкви вследствие ее нелегального положения в советском государстве»⁸⁹⁹.

После возвращения делегации в Ленинград епископ Гдовский Димитрий и епископ Нарвский Сергей, взяв на себя инициативу, подписали акт отхода от митрополита Сергия (13/26 декабря). Акт об отделении был зачитан в кафедральном храме Воскресения Христова: «...Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение... Посему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, Митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего законного Епархиального Митрополита, мы прекращаем каноническое общение с Митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет: и впредь до суда “совершенного собора местности”, т.е. с участием всех православных епископов или до открытого и полного покаяния пред Святою Церковью самого Митрополита Сергия...». Уже в январе 1928 г. епископ Димитрий объявил митр. Сергия безблагодатным и потребовал немедленного разрыва молитвенного общения с ним⁹⁰⁰.

В ответ заместитель Местоблюстителя и Синод 30 декабря приняли постановление о запрещении в священнослужении отошедших ленинградских епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина), зачитанное в Никольском Богоявленском соборе епископом Николаем (Ярушевичем). С этого времени официальная Церковь стала считать не подчинившихся священнослужителей раскольниками. Решение ленинградских vicariev отойти от митрополита Сергия было принято самостоятельно, тем не менее до его официального провозглашения митрополит Иосиф благословил готовившийся отход. Сам же Владыка оставался пребывать в молитвенно-каноническом общении с заместителем Патриаршего Местоблюстителя до февраля 1928 г.

Верность митрополиту Сергию сохранили лишь два ленинградских епископа: Николай (Ярушевич) и Сергей (Зенкевич). Четверо из восьми архиереев заняли двойственную позицию. Они не присоединились к оппозиции епископа Димитрия, однако не поминали в богослужениях имени митрополита Сергия. Так, наместник Александровской лавры епископ Григорий (Лебедев), пользуясь древним правом ставропигии, которое имела Лавра, никому не подчинялся и поминал лишь Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра. Некоторое время так же поступали архиепископ Гавриил (Воеводин) и епископы Серафим (Протопопов) и Стефан (Бех).

Митрополит Иосиф 6 февраля 1928 г. подписал акт отхода от митрополита Сергия в составе Ярославской епархии. Взяв на себя руководство епархией, Владыка Иосиф пытался объединить «ярославскую группу» с ленинградскими иосифлянами, но митрополит Ярославский Агафангел решил управлять самостоятельно, без какого бы то ни было слияния с другими оппозициями, а уже 16 мая 1928 г. частично примирился с митрополитом Сергием.

Большое значение для судьбы иосифлянского движения имела позиция находящихся в лагерях и ссылках иерархов, и прежде всего находившихся в заключении на Соловках. Отношение многих соловецких епископов к Декларации митрополита Сергия первоначально было отрицательным. В дальнейшем их позиция изменилась. Опасения перед нараставшим расколом Церкви оказались сильнее, и, сделав ряд канонических поправок (которые митрополит Сергий так и не учел), в ноябре 1927 г. на собрании 15 архиереев (из 30 находившихся в то время на Соловках) соловецкие епископы декларацию приняли «в целом» и осудили действия епископа Димитрия (Любимова)⁹⁰¹.

И все же иосифлянам удалось довольно быстро — к лету 1928 г. — распространить свое влияние далеко за пределы Ленинградской области — в Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Вологодскую, Витебскую епархии. В Великоустюжской епархии часть приходов увлек за собой епископ Никольский Иерофей (Афоник), в Архангельской — епископ Каргопольский Василий (Докторов). Эти Владыки быстро установили связи с ленинградскими иосифлянами. В Московской епархии движение охватило города Коломну, Волоколамск, Клин, Загорск, Звенигород, но признанным центром стал Серпухов. В мае 1928 г. сюда был назначен иосифлянского поставления епископ Максим (Жижиленко). Семь храмов находилось в разделении в Москве. На Украине наибольших успехов иосифляне добились в Киеве, Харьковском, Сумском и Полтавском округах. К ним присоединились живший в Харькове епископ Старобельский Павел (Кратиров) и епископ Бахмутский и Донецкий Иоасаф (Попов) из г. Новомосковска⁹⁰². В Центрально-Черноземной области и на юге России десятки иосифлянских, или, как еще их называли здесь, «бுவеских», приходов возглавил епископ Козловский, управляющий Воронежской епархией Алексей (Буй). Его представителем на Северном Кавказе стал епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко). Отдельные приходы присоединились к иосифлянам на Урале, в Татарии, Башкирии, Казахстане, в городах Красноярске, Перми, Енисейске, Арзамасе, Смоленске.

Параллельно с ленинградским в декабре 1927 г. возникло самостоятельное разделение во главе с тремя епископами — Виктором (Островидовым), Иларионом (Бельским) и Нектарием (Трезвинским) в Вятской и Вотской (на территории Удмуртии) епархиях. Оно получило название «викторианского движения» и быстро объединилось с иосифлянским. В целом же волна отхода от митрополита Сергия охватила меньшую часть территории страны. Согласно данным государственных органов регистрации, за заместителем Патриаршего Местоблюстителю последовало до 70% приходов (в 1928 г. 8—9% приходов отпали в «автокефалию» — иосифлянство, викторианство и т.п., около 5% подчинялось григорианскому Церковному совету и около 16% — обновленческому Синоду)⁹⁰³. Так как в конце 1927 г. в стране имелось примерно 30 тысяч действующих православных храмов — иосифлянскими по этим, вероятно, несколько заниженным данным, являлись 2400—2700 или до 11,5% приходов Патриаршей Церкви. Численность же иосифлянского духовенства, как белого, так и черного, составляла, по подсчетам автора, как минимум 3,5 тысячи человек.

Подобное общесоюзному положение существовало и в Ленинградской епархии. Хотя движение «непоминающих» в ней было значительно шире, открыто присоединилось к иосифлянам по уточненным данным 67 приходов, в том числе 21 в Ленинграде (из примерно 100 принадлежавших в северной столице к Патриаршей Церкви). В области по несколько отделившихся от митрополита Сергия храмов имелось в г. Петергофе и поселках Стрельна и Вырица, важную роль играли Федоровский собор в Детском Селе, Свято-Троицкий Зеленецкий мужской и Старо-Ладожский Успенский женский монастыри, а также Макариевская пустынь под Любанью, насельники которой, правда, в основном разделяли взгляды катакомбников, но были тесно связаны с ленинградскими иосифлянами. Всего, по словам самих сторонников митрополита Иосифа, в епархии их

поддерживало около 300 священников и монахов, а также несколько сотен монахинь. По оценке автора, их действительно могло быть в общей сложности до 500 человек. Но это была меньшая часть духовенства епархии (не более 25% священнослужителей).

На ситуации в Ленинграде сказались многообразные меры увещания и прещенция митрополита Сергия, например, оглашенное в воскресное богослужение почти во всех храмах города его послание от 30 января 1928 г. «К архипастырям, пастырям и верным чадам Православной Церкви Ленинградской епархии»⁹⁰⁴. Важным фактором стали активные действия специально присланных в «северную столицу» сторонников митрополита Сергия авторитетных архиереев — назначенного Ленинградским митрополитом Владыку Серафима (Чичагова) и епископа Серпуховского Мануила (Лемешевского). Свое воздействие, конечно, оказала и позиция государственных органов.

Иосифлянское движение с самого начала приобрело политическую антиправительственную окраску, выйдя за чисто религиозные рамки. Не без оснований некоторые исследователи считают, что «ядро идеологии иосифлянского раскола — отрицательное отношение к отечественной советской действительности, а церковно-канонические мотивы лишь внешняя оболочка»⁹⁰⁵. В трагические годы великого перелома движение имело немалую оппозиционную властям социальную базу. Очевидцы вспоминали: «В церкви Воскресения-на-Крови тогда было очень много народу.. Сюда хлынула масса раскулаченных... Сюда приходили все обиженные и недовольные. Митрополит Иосиф невольно стал для них знаменем»⁹⁰⁶. Не случайно одним из основных требований всех «непоминающих» было отстаивание постановления Всероссийского Поместного Собора от 15 августа 1918 г. о свободе политической деятельности членов Церкви. И государственные органы, по свидетельству архивных документов, расценивали именно иосифлян как своих главных противников среди всех религиозных течений и конфессий.

Наиболее активных участников движения из среды мирян можно условно разделить на три категории: представители ученой интеллигенции, которые по своим религиозным взглядам не могли идти на сделку с совестью; фанатично верующие люди — блаженные, юродивые, странники, провидцы и т.п.; представители социальных слоев, недовольных новым строем, именно они придавали движению политическую окраску. В иосифлянском же духовенстве имелось особенно много людей идейных, отличавшихся нравственной чистотой, широко в нем было представлено монашество. Даже епископ Мануил (Лемешевский), сторонник митр. Сергия, в проповеди 29 апреля 1928 г. в ленинградском Троицком соборе с ополитауважением отзывался о своих противниках: «Отпали, откололись наилучшие пастыри, которые своей непорочностью в борьбе с обновленчеством стояли много выше других»⁹⁰⁷.

Конечно, и в духовенстве, объединявшем противников политики митрополита Сергия и советской власти, имелись самые разнообразные течения. Некоторые из самых стойких иосифлян отличались либеральными взглядами — протоирей Иоанн Стеблин-Каменский, другие были убежденными монархистами — епископ Варлаам (Лазаренко). Причем монархическая тенденция постепенно усиливалась. Логика ожесточенной борьбы доводила до крайности. Неслучайно многие верующие называли собор Воскресения Христова в Ленинграде «белым храмом», в противоположность «красным» церквям.

Неоднородность состава иосифлян определяла и различие их взглядов в церковных вопросах. Большинство смотрело на митрополита Сергия, как на иерарха, превысившего свои полномочия и допустившего по этой причине неправильные действия, а часть видела в нем настоящего отступника от Православия, предателя и убийцу церковной свободы, общение с которым невозможно даже в том случае, если его действия признает сам Патриарший Местоблюститель. Последние говорили: «Если только митр. Петр признает законным послание митр. Сергия и вступит с ним в молитвенное общение,

тогда мы прервем молитвенное общение с митр. Петром и священниками, возносящими его имя. Если и все церкви отберут от нас, тогда мы будем совершать молитвы в подвалах тайно. При гонении на веру Христову, подражая первовековым христианам, мы пойдем с радостью на костры и в тюрьмы, но не допустим добровольно, чтобы в Церкви Божией был хозяин антихрист коммунист Тучков. За свободу Церкви мы готовы умереть»⁹⁰⁸.

К выразителям умеренных взглядов из руководителей движения принадлежали сам митрополит Иосиф, епископ Сергей (Дружинин), протоирей Василий Верюжский; более жесткую позицию, доходившую до отрицания таинств сергиан, занимали епископ Димитрий (Любимов), протоирей Феодор Андреев, священник Николай Прозоров и профессор М.А. Новоселов. Частично эти различия были связаны с политическими пристрастиями. Однако из определенного различия взглядов в среде иосифлян вовсе не следовало (как посчитали некоторые следователи ОГПУ), что иосифлянское движение в дальнейшем раскололось на две группировки — «левую» во главе с митрополитом Ленинградским и «правую» во главе с архиепископом Гдовским. Владыка Димитрий, пока было возможно — до осени 1929 г., — поддерживал постоянную связь с жившим в ссылке в Никольском Моденском монастыре митрополитом Иосифом, с уважением относился к нему и старался исполнять почти все его указы.

Существует традиция называть иосифлян раскольниками. Она восходит к указу митрополита Сергея и Временного Священного Синода от 6 августа 1929 г., фактически приравнявшего их к обновленцам и григорианам: «Таинства, совершенные в отделении от единства церковного... последователями быв. Ленинградского митр. Иосифа (Петровых), быв. Гдовского епископа Димитрия (Любимова), быв. Уразовского епископа Алексия (Буй), как тоже находящихся в состоянии запрещения, также недействительны, и обращающихся из этих расколов, если последние крещены в расколе, принимать через таинство Св. Миропомазания»⁹⁰⁹. Сами же иосифляне себя раскольниками никогда не считали и действительно ими не были. Все сторонники митрополита Иосифа признавали главой Русской Православной Церкви пребывавшего в тюрьмах и ссылках Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского). Участники движения не придерживались особенных обрядов и не пытались создать самостоятельную параллельную Церковь.

Главной тактической целью иосифлян было привлечение на свою сторону большей части духовенства, прежде всего епископата, и в конечном счете завоевание Высшего церковного управления в существующей Патриаршей Церкви. Именно поэтому ленинградские архиереи вышли из области своих полномочий — обращались с архиерейскими посланиями в различные города с целью склонить на свою сторону духовенство и мирян, рукополагали священников и с мая 1928 г. начали совершать хиротонии тайных епископов для других епархий. Всего иосифлянами по некоторым сведениям было поставлено более 20 таких архиереев.

Со временем тактика иосифлян менялась. Так, на январском 1928 г. акте отхода воронежского духовенства от митрополита Сергея Владыка Иосиф написал резолюцию: «Управляйтесь сами, самостоятельно — иначе погубите и меня и себя». Аналогичные ответы разослал митрополит и другим сочувствовавшим ему архиереям, таким образом, показывая, что в тот период он не желал централизации движения и брал на себя лишь идейное руководство. Но уже вскоре стало ясно, что для завоевания Высшего церковного управления нужна сплоченная, хорошо организованная сила. И весной 1928 г. митрополит Иосиф заявлял противерею Николаю Дулову о необходимости создания какого-нибудь центра для объединения движения. В это время он даже высказывал идею о том, чтобы провозгласить себя заместителем Патриаршего Местоблюстителя, но впоследствии епископ Димитрий отговорил Владыку от подобного шага⁹¹⁰. Следует

отметить существование свидетельств о заявлениях митрополита Иосифа, что Патриарх Тихон еще в 1918 г. тайно назначил его своим первым заместителем.

Желая заручиться поддержкой со стороны «соловецкого» епископата, в январе 1928 г. епископ Димитрий тайно посылал в Соловецкий лагерь особого назначения своего послушника Сергия. Но в беседе с ним епископы заявили, что они осуждают действия ленинградцев. В феврале митрополит Иосиф направил к епископу Мануилу (Лемешевскому), только что освобожденному из Соловецкого лагеря, иеромонаха с предложением возглавить порвавших молитвенное общение с митрополитом Сергием в Москве и на юге России и в случае согласия приехать к нему для возведения в сан митрополита. Однако епископ Мануил, как представитель большинства «соловецкого» епископата, поклявшегося не отделяться от митрополита Сергия, отказался.

В борьбе митрополита Сергия за высшую церковную власть большое значение имела поддержка государственной власти и ее резко враждебное отношение к иосифлянам. Репрессии властей начались уже в 1928 г.: были арестованы противники политики митр. Сергия в Воронеже, Москве, Никольске, Вятской епархии. Настоятель Спасо-Преображенской церкви пос. Стрельна под Ленинградом протоиерей Измаил Рождественский 25 февраля был выслан на Урал. 29 февраля митрополит Иосиф был выслан из Ростова в Моденский монастырь, что существенно осложнило руководство набирающим силу движением. В августе 1928 г. было закрыто Богословско-пасторское училище, значительная часть учащихся и преподавателей которого поддерживали иосифлян⁹¹¹.

В 1928 г. также подверглись арестам протоиереи Сергей Тихомиров и Феодор Андреев. Отец Сергей, духовный отец многих академиков и профессоров Ленинградского университета, был через несколько месяцев освобожден. В октябре 1928 г. второй раз был арестован и главный идеолог (основных концептуальных текстов) иосифлянского движения протоиерей Феодор Андреев — магистр богословия, бывший доцент Московской духовной академии, а затем профессор Петроградского Богословского института. Академик Д.С. Лихачев вспоминал о нем: «Это был в двадцатых годах знаменитейший проповедник, на проповеди которого в Сергиевскую Церковь, угол Литейного и Сергиевской, стекалась вся интеллигенция Петрограда»⁹¹².

Профессор И.М. Андреев (Андреевский) также писал: «Отец Феодор Андреев прославился своими замечательными проповедями, слушать которые собиралось так много народа, что огромный собор не мог вместить всех желающих услышать вдохновенное православное слово. Среди слушателей было много профессоров и студентов Военно-Медицинской академии и университета и научных сотрудников Академии Наук, которые постепенно стали духовными чадами о. Феодора... Митр. Иосиф, архиеп. Димитрий и еп. Сергей Нарвский чрезвычайно высоко ценили о. Феодора Андреева, называли его «адамантом Православия», незаменимой «жемчужиной». Благоговели перед ним и проф. С.А. Аскольдов, проф. А.И. Бриллиантов, проф. М.А. Новоселов и многие другие выдающиеся богословы-философы и общественно-политические деятели»⁹¹³.

Несмотря на начавшиеся репрессии властей, весной 1928 г. иосифлянское движение оформилось организационно и идеологически. Важным этапом здесь стало майское совещание руководителей иосифлян в их «главном штабе» — на квартире протоиерея Феодора Андреева (Лиговский тр., № 21а). В начале мая епископ Алексей (Буй) приезжал в Москву по вызову ОГПУ, которое запретило ему жить в Воронеже. После визита в Госполитуправление он выехал в Ленинград вместе с влиятельным московским протоиереем Николаем Дуловым. На квартире о. Феодора кроме хозяина и приехавших из Москвы гостей собрались епископ Димитрий и профессор М.А. Новоселов. Должен был прийти и епископ Сергий (Дружинин), но он по каким-то причинам не смог.

Епископ Алексей познакомился с Владыкой Димитрием еще в январе 1926 г., когда участвовал в его хиротонии, а с о. Ф. Андреевым и М. Новоселовым встретился впервые.

Особое внимание к Воронежскому Владыке выказал последний. Протоиерей Николай Дулов позднее говорил на допросах: «Новоселов проявил интерес к еп. Алексию. Помню, что проф. Новоселов при входе в кабинет архиепископа Дмитрия высказывался по вопросу епископа Алексия, называл его “столпом южной церкви” и указывал на умелое ведение дела еп. Алексием... Новоселов интересовался у еп. Алексия вопросом отношения паствы и духовенства к антихристу. Еп. Алексий отвечал, что паству смущает закрытие церквей и активная антирелигиозная работа, а поэтому почва для распространения идей об антихристе благоприятна»⁹¹⁴.

В связи с запретом ОГПУ обсуждался выбор места жительства епископа Алексия. Первоначально предлагались Стрельна или Сестрорецк под Ленинградом, но затем был выбран г. Елец. Важнейшим итогом совещания стало распределение сфер влияния. Владыка Дмитрий поручил епископу Алексию управление всем югом России и Украиной, в том числе окормляемыми ранее им самим приходами, мотивируя это их удаленностью от Ленинграда.

Епископ Козловский полностью признал руководство епископа Дмитрия и уладил все спорные вопросы с ним. Близкий в 1928 г. к епископу Алексию настоятель Владимирской церкви в Ельце священник Сергей Бутузов через полтора года на допросе заявил: «Для меня и епископа Алексия Ленинград был святыней, и я верил всему, что оттуда исходило»⁹¹⁵.

Таким образом, в мае 1928 г. организационная стадия иосифлянского движения в основном завершилась. Окончательно ставший после ссылки в феврале 1928 г. митрополита Иосифа руководителем движения епископ Дмитрий был признан в этом качестве всеми другими вождями движения. Кроме того, весной 1928 г. он непосредственно окормлял иосифлянские приходы на Северо-Западе России, частично на Украине, Кубани, Ставрополье, в Московской, Тверской, Витебской и других епархиях, викториан бывшей Вятской губернии и Удмуртии.

В это же время завершилось создание идеологической базы движения. Весной 1928 г. ленинградскими иосифлянами было написано несколько программных и агитационных документов. Стремясь канонически обосновать свой отход от заместителя Патриаршего Местоблюстителя и снять обвинения со стороны части православного епископата, они в марте в специальном документе «Почему мы отошли от митрополита Сергия» в виде резюме из 10 разделов изложили ряд основных правил, являвшихся основанием для отделения: «Мы идем за своим каноническим митрополитом Иосифом, от которого не должны отступать и прекращать возношений его имени и в Божественном тайнодействии, “прежде соборного рассмотрения”, какового не было... В действиях митр. Сергия усматривается наличие ереси и даже худшего ее, что дает право на отхождение “прежде соборного рассмотрения” даже и от Патриарха» и т.д.⁹¹⁶

Несколько листовок, предназначенных для широкого распространения, в том числе очень популярную «Об исповедничестве и подвижничестве», написал протоиерей Феодор Андреев. Кроме того, он и профессор М.А. Новоселов стали авторами знаменитой брошюры «Что должен знать православный христианин?», проходившей позднее в качестве вещественного доказательства на всех судебных процессах над иосифлянами.

Так, например, в обвинительном заключении по делу «бුවцев» в 1930 г. подчеркивалось: «Расчитанная на верующую крестьянскую массу, эта брошюра, составленная в виде вопросов и ответов на политические темы, замаскированные ссылками на “священное писание” и “святых отцов” Церкви, сыграла огромную роль в вербовке верующих в состав контрреволюционной организации “бுவцев” и способствовала быстрому ее росту». Вместе с тем пропаганда идей этой брошюры создавала исключительно благоприятную почву для антисоветских выступлений на почве проводимых на селе мероприятий по реконструкции сельского хозяйства и подготавливала крестьянские массы к восстановлению монархии...»⁹¹⁷

Роль упомянутой брошюры была очень велика. Позднее большинство арестованных иосифлян так или иначе обосновывали свои взгляды ее основными положениями: «На современную нам гражданскую власть каждый христианин должен смотреть, как на попушение Божие для нашего наказания и вразумления... Христианство и коммунизм взаимно исключают друг друга, и борьба между ними неизбежна... Введен гражданский брак, который в самом корне уничтожает идею семьи, установленную самим Богом, и получается скотская жизнь, патриотизм заменен интернационализмом и классовой борьбой... Гражданская власть предъявляет Православной Церкви требование оправдать ее противные Христианству действия, т.е. признать революцию, которая есть насилие, и Церковь никогда оправдана быть не может... Причина гонения на Церковь со стороны неверующей власти заключается в стремлении подчинить Церковь своему влиянию и через Церковь приготовить народ к будущему принятию антихриста как политического и духовного главы падшего человечества... Богоборчество окончится тогда, когда нечестивец (антихрист) задумает воспротивиться самому Богу и увидим царей земных и воинства их собранные, чтобы сразиться с сидящим у власти антихристом и с воинством его... если православного христианина обвиняют в контрреволюции — этим не следует смущаться; это обвинение ложное и выдуманное врагом Христа и есть удел всех исповедников веры...»⁹¹⁸

После получения всех указанных документов у воронежских иосифлян, например, сложилось общее впечатление, что «ленинградское духовенство подвело настоящий прочный богословский фундамент под разрыв с митр. Сергием»⁹¹⁹. Следует отметить, что в июле 1928 г. иосифлянское движение поддержал и проживавший в Королевстве сербов, хорватов и словенцев Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей митрополит Антоний (Храповицкий). Он тайно переслал из-за границы свое послание с призывом всем «верным архипастьрям» примкнуть к Карловацкому Синоду. Это письмо широко распространялось иосифлянами.

Борьба иосифлян вызывала симпатии к ним в различных слоях духовенства и епископата. Так, один из авторитетных членов «ярославской группы», архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), летом 1928 г. частично примирившийся с митрополитом Сергием, 7/20 января 1929 г. из Буйничского Свято-Духова монастыря под Могилевом, где находился в ссылке, написал яркое антисергианское послание «Возлюбленным о Господе архипастьрям, пастьрям и пасомым Православной Российской Церкви», в котором говорилось: «В части административной, по управлению церковными делами мы рекомендовали бы всем верным о Господе принять к руководству воззвание почившего Высокопреосвященнейшего Агафангела, митрополита Ярославского, от мая 1922 г. и наш циркуляр от 16/29 декабря 1926 г., обращаясь в крайней нужде к Высокопреосвященнейшему митрополиту Иосифу (Ленинградскому), от которого мы восприяли 16/29 декабря 1926 г. права Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, и с которым мы находимся в одинаковом ссыльном положении»⁹²⁰. За это послание архиепископ Серафим был арестован, осужден на 5 лет лагерей и отправлен на Соловки. Послание имело для иосифлян большое значение, так как в нем один из самых авторитетных иерархов фактически признал митрополита Иосифа главой Церкви.

В целом в условиях конца 1920-х гг. у иосифлян почти не было шансов доминировать в Русской Православной Церкви. Государственная религиозная политика того времени поддерживалась вековой традицией отношения Церкви к светской власти и нежеланием большей части епископата и духовенства уходить в подполье в случае необходимости. Одна из причин поражения иосифлянства заключалась в резком ужесточении антирелигиозных акций советского режима в конце 1920 — 1930-х гг. Тактика привлечения на свою сторону духовенства путем агитации, назначения священников и епископов для других епархий в условиях советской действительности тех лет была обречена на по-

ражение. Кроме того, иосифляне явно недооценили «политическую усталость» религиозных масс после нескольких лет революции и Гражданской войны, ее нежелание идти на конфронтацию с властью. В этих условиях сложные вопросы «каноничности — неканоничности» тех или иных поступков митрополита Сергия отступали на второй план.

Неверным является утверждение, что движение постепенно угасло само. Несомненно, главной причиной его упадка стали широкомасштабные репрессии органов ОГПУ. Документы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга свидетельствуют, что из 21 иосифлянского храма города лишь шесть перешли затем под управление митр. Сергия, 15 же были закрыты властями. Несколько приходов епархии присоединились к иосифлянам осенью 1928 г. А нижний храм церкви Воскресения Христова (Малоколоменской) в Ленинграде стал иосифлянским 31 октября 1929 г. Община храма отнюдь не угасла, несмотря на репрессии (в декабре 1930 г. был арестован диакон, в июне 1931 г. — регент храма). Ее доходы быстро росли — с 13 тысяч рублей в 1930 г. до 26 тысяч — за январь—октябрь 1931 г. Но в марте 1932 г. церковь была закрыта и снесена⁹²¹.

Обеспокоенные быстрым организационным оформлением и активной деятельностью иосифлян органы ОГПУ с 1929 г. начали крупномасштабные операции против них. В марте—декабре прошла значительная волна арестов в Ленинграде, Москве и Ярославле, «поглотившая» около 200 человек. Архиепископ Димитрий был арестован 29 ноября 1929 г. и постановлением Коллегии ОГПУ от 3 августа 1930 г. приговорен к 10 годам концлагеря. Сменившего его в качестве руководителя течения епископа Сергия (Дружинина) через год постигла та же участь. Оба они погибли в середине 1930-х гг. Настоятель кафедрального собора Воскресения Христова протоиерей Василий Верюжский был арестован 3 декабря 1929 г.⁹²² 18 ноября 1930 г. закрыли и сам собор.

Сосени 1929 по апрель 1930 г. проводились массовые аресты иосифлян в Центрально-Черноземной области, на Северном Кавказе и частично на Украине. Самый тяжелый удар был нанесен движению в ходе третьей волны репрессий — с лета 1930 по февраль 1931 г. Вновь пострадали Ленинградская епархия, Центральное Черноземье, настоящий разгром оказался учинен на Украине, Кубани, в Белоруссии и т.д. «Венчалю» эти локальные акции фабрикация ОГПУ грандиозного дела «Всесоюзного центра церковно-монархической организации Истинное православие». Следствие по нему велось более года, в Москву свозились руководители движения из различных епархий страны. 3 сентября 1931 г. их приговорили к длительным срокам заключения в концлагерь (в том числе известных философов М. Новоселова и С. Лосева). Всего за март 1929 — февраль 1931 гг. по делам иосифлян было арестовано около 4 тысяч человек, в том числе примерно 1600 священнослужителей.

Однако в 1930 г. «автокефалия» иосифлян не распалась, как считают многие исследователи. Хотя в 1931—1932 гг. в Ленинграде и пригородах сохранились лишь девять их официально незакрытых церквей, общественная деятельность сторонников митрополита Иосифа не прекратилась, а ее антиправительственная окраска даже усилилась. Роль центрального храма перешла к церкви Св. Моисея на Пороховых. В докладных записках, сводках инспекторов по вопросам культа, сотрудников ОГПУ за 1932 г. указывалось: «В церкви Моисея “истинно-православными” церковниками производятся сборы денег и продуктов в пользу репрессированного за контрреволюционную деятельность духовенства и монашества... Церковь Моисея была и есть место, где устраиваются пострижения фанатически настроенных верующих в тайное монашество (ранее постригал епископ Василий Докторов и в последнее время — иеромонах Иванов и Анатолий Согласнов). Церковь Моисея после ареста 4 ноября 1932 г. особенно активных элементов “истинно-православных” церковников стали обслуживать скрывающиеся от арестов иеромонах Аркадий и священник П. Петухов... Надо полагать, что скрываю-

щиеся от ареста представители духовенства... на регистрацию идти не хотят, т.к. они ее считают вообще недопустимой с канонической точки зрения»⁹²³.

Ряд ученых считают, что в 1933 г. с легальной деятельностью «непоминающих» было покончено. Это не так, хотя в том году в Москве был закрыт их последний храм. Аналогичные попытки предпринимались в Ленинграде. Еще в 1932 г. была уничтожена одна из основных опор иосифлян — монашество. В одну ночь 18 февраля в ленинградских тюрьмах исчезли практически все оставшиеся на свободе иноки, а также связанные с монастырями представители приходского духовенства и мирян — всего около 500 человек⁹²⁴. В 1932—1933 гг. прошли последние крупные процессы над легально служившими «истинно-православными»: в Ленинграде, Москве, Воронеже и Киеве. 21 ноября 1932 г. Президиум Ленсовета вынес решение закрыть три из четырех еще действующих иосифлянских церквей города, в том числе Моисеевскую.

Несмотря на все попытки государственных органов, окончательно запретить открытую деятельность иосифлян не удалось. Слишком массовой поддержкой они обладали в северной столице. Власти, видя, что в других регионах наиболее стойкая часть сторонников митрополита Иосифа после исчезновения легальных возможностей переходила на катакомбный путь, видимо, опасались повторения этого в значительно больших масштабах в Ленинграде. Все 1930-е гг. в «северной столице» действовал последний легальный иосифлянский храм Пресв. Троицы в Лесном.

Судьба церкви много раз висела на волоске. Но прихожане, которые переполняли храм, сумели отстоять его. Причем отчасти, несмотря на репрессии, эта церковь сохраняла роль центра притяжения и для политических противников режима. В многочисленных доносах тех лет говорится о пребывании в храме «высланных попов», «лишенков монашек», «беспаспортных темных личностей» и т.д.⁹²⁵ Постепенно сокращалась численность членов его клира, насчитывавшего осенью 1933 г. пять человек. Был снят с учета «как белогвардейский офицер» в прошлом и настоятель Троицкой церкви последний легально служивший крупный иосифлянский деятель, неоднократно подвергавшийся арестам прежде, протоиерей Александр Советов⁹²⁶. После страшного 1937 г. в храме остался лишь один священнослужитель — настоятель иеромонах Павел (Лигор). Правда, многие катакомбники считали существование данного прихода провокацией. Что это было далеко не так, подтверждают хотя бы массовые аресты членов двадцатки (приходского совета) храма Пресв. Троицы в 1939—1940 гг.: М.С. Паращука, В.А. Проворова, А.Ф. Семеновой, М.С. Юскиной и других.

Кроме Троицкой церкви в Ленинграде почти до самого начала Великой Отечественной войны легально действовал иосифлянский храм Благовещения вблизи подмосковной станции Мичуринец. В нем служили освобожденный к середине 1930-х гг. протоиерей Николай Дулов и о. Иосиф. Закрыли этот храм только в начале 1941 г. Однако в обеих столицах подавляющая часть иосифлян в тот период посещала тайные службы. По свидетельству очевидцев, в Ленинграде в 1937—1941 гг. их проводилось очень много — в зданиях морского техникума, школ подводного плавания и водного транспорта, помещениях ряда больниц, закрытых учреждений со входом по пропускам, на квартирах горожан, в том числе некоторых академиков, профессоров Военно-Медицинской Академии и университета. Часто тайные службы иосифлян шли в ближних и дальних пригородах Ленинграда: Шувалово, Озерках, Коломягах, д. Юкки, ст. Поповка, Колпино, Саблино, Елизаветино, Волосово, Ораниенбауме, Мартышкино, Стрельне, Гатчине и т.д. Совершались они и в Новгородском округе — в Чудово, Малой Вишере, Окуловке, на ст. Оксочи (в детской колонии им. Ушинского)⁹²⁷.

В Москве катакомбных иосифлянских служб было значительно меньше, и многие москвичи окормлялись в Ленинграде, хотя и в столице эти службы, конечно, проводились. Сохранились воспоминания их активной участницы: «Возвратившись в Москву

[в конце 1937 г.].. я узнала очень скоро о существовании и здесь тайных Иосифлянских церквей, т.е. не о церквях, а о богослужениях в тайных комнатах, где собирались иногда по 20—25 человек. Служение шло шепотом, со строгим контролем молящихся, ввиду возможности предательства. Приходили обычно на рассвете по условному знаку. Большею частью осторожно стучали в водосточную трубу у окна, где кто-нибудь стоял, прислушиваясь. Один старый монах священник о. Александр Романовский самоотверженно ездил всюду, куда его звали, и даже в больницах умудрял его Господь приобщать больных. Сидя около них, как посетитель, он исповедовал и затем, как бы подавая лекарство или питье, приобщал. До прихода немцев в Можайск в 1941 г. я жила тихо в этом городе и ездила на тайные богослужения в Москву»⁹²⁸.

Еще в одном важнейшем районе иосифлянского движения — бывшей Центрально-Черноземной области — последние, отделившиеся от митрополита Сергия храмы, за редчайшими исключениями, были закрыты в 1935 г. В этом году в Воронежской епархии арестовали еще одну значительную группу «буевцев» во главе с иеромонахом Иеронимом и монахиней Трифеной из бывшего Покровского монастыря, почти все ее участники погибли в лагерях. Уцелевшие последователи епископа Алексия стали служить исключительно тайно. Так, например, в г. Мичуринске (Козлове) действовал катакомбный приход, обслуживавшийся жившим нелегально и работавшим печником известным «буевцем», архимандритом Александром (Филиппенко). Приезжими тайными священниками периодически совершались службы на квартирах и в Воронеже. В 1937—1938 гг. по епархии прокатилась новая волна арестов иосифлян, был схвачен и замучен иеромонах Антоний из уже закрытого Толшевского монастыря. Однако даже и в этих условиях продолжали создаваться новые обители. Например, «Комсомольская правда» осенью 1937 г. сообщала, что в Воронежской области «женская молодежь недавно основала “тайный монастырь” — в монахини ушли сразу 15 девушек из двух соседних колхозных сел»⁹²⁹. Далеко не всегда иосифляне без сопротивления позволяли себя арестовывать и громить их храмы. В 1930-е гг. иногда случалось, что они давали и вооруженный отпор сотрудникам ОГПУ и НКВД — в Липецкой, Тамбовской, Воронежской областях, на Дону и Кубани, в Башкирии, Сибири, а также в г. Серпухове.

Второй после 1929—1933 гг. пик репрессий иосифлян пришелся на 1937—1938 гг., когда выявлялись скрывавшиеся священнослужители и уничтожались отбывавшие сроки заключения вожди движения. Так, например, в 1938 г. в Арзамасе были арестованы члены тайной иосифлянской общины во главе со священником Иоанном Ходоровским. Его и несколько монахинь-странниц расстреляли. В 1937 г. были арестованы и расстреляны: 17 сентября — епископы Сергей (Дружинин) и Григорий (Лебедев), 16 ноября — бывший ключарь собора Воскресения Христова протоиерей Никифор Стрельников, 20 ноября — митрополит Иосиф (Петровых) и др.⁹³⁰

Уцелевшие тайные иосифлянские общины с 1939 г. очень оберегались, и попасть в них стало трудно. Количество служб значительно сократилось, однако они не прекратились. Яркую картину нелегальной деятельности иосифлян на Северном Кавказе и в Ставрополье накануне войны рисует докладная записка уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Орджоникидзевскому краю председателю КПК А.А. Андрееву от 18 июня 1941 г.: «В Буденновском районе, являвшемся за последнее время центром контрреволюционного тихоновско-имяславского»⁹³¹ церковного подполья, функционировало 4 церкви, в одной из которых вскрыт и ликвидирован подпольный монастырь. На территории Орджоникидзевского края с центром в г. Буденновске действовал контрреволюционный тихоновско-имяславский церковноповстанческий центр, ликвидированный во второй половине 1940 года. В ряде районов края этими церковниками были организованы глубоко конспирированные кельи и молитвенные дома, обитаемые, в большинстве своем, беглыми монашескими элементами,

беглыми попами, особенно ревностными фанатиками-верующими. Некоторые из них действуют до настоящего времени. Церковники в Буденновском районе развернули свою контрреволюционную клеветническую деятельность, направленную к подрыву колхозного строительства и оборонного могущества СССР. Участники контрреволюционного подполья Лапшин и Никитин в беседах с верующими о подрывной работе внутри колхозов заявили: "...колхозникам нужно разъяснить, что они находятся и закрепостились навечно в руках антихриста. Нужно внушать колхознику порвать это дело и бежать из колхоза"»⁹³².

В начальный период Великой Отечественной войны легальные ленинградские иосифляне держали себя более отчужденно по отношению к военным властям города, чем другие верующие. Первый взнос в 15 тысяч рублей обществу Красного Креста они сделали только 2 ноября 1941 г., но уже к сентябрю 1943 г. внесли на нужды обороны 137 тысяч⁹³³. Патриотический подъем и сплочение верующих в критической обстановке блокадного Ленинграда (более миллиона жителей которого умерло от голода) коренным образом изменили ситуацию.

24 ноября 1943 г. прихожане Свято-Троицкой церкви обратились к Ленинградскому митрополиту Алексию с просьбой принять их под свое архипастырское покровительство: «Отделившись от Русской Православной Церкви, руководимой Его Святейшеством Патриархом Московским и Всея Руси Сергием, мы, последователи митрополита Иосифа, совершили великий грех перед Русской Церковью, нарушив ее единство, и одновременно не меньший грех совершили мы и перед Советской властью и Родиной, стремясь поставить себя в какое-то изолированное положение вне государства... Прошедшие годы и особо годы Великой Отечественной войны показали ненужность, несостоятельность существования иосифлян, мы оказались "заблудшей овцой", оторванной от своего стада. Когда все паствы и пастыри других храмов творили горячие молитвы к Господу нашему о даровании победы воинству нашему над ненавистниками всего рода человеческого фашистскими грабителями и делали посильные денежные вклады в фонд Красного Креста и на нужды обороны Родины нашей, — мы, иосифляне, были в стороне и горько теперь сознавать нам это..."»⁹³⁴

В тот же день митрополит Алексей наложил резолюцию о принятии общины Свято-Троицкого храма в каноническое общение с Патриаршей Церковью. Причем последний иосифлянский священнослужитель церкви иеромонах Павел был лишен монашества и сана «за клятвопреступления перед Богом, измены совести, попрания святости священного служения Богу»⁹³⁵. Правда, он долго не смирялся, до 1950-х гг. пытался незаконно совершать требы на ленинградских кладбищах, но затем все же перешел в Московский Патриархат и в 1960-е гг. служил псаломщиком в Смоленском кладбищенском храме.

До войны в Ленинграде активно действовали тайные иосифлянские общины. В период блокады они расценивались как вражеские, активно выявлялись и уничтожались органами НКВД. В справке начальника Управления НКВД по Ленинградской области от 1 октября 1942 г. указывалось, что в городе с начала войны вскрыто и ликвидировано 625 контрреволюционных групп и формирований, из них семь церковно-сектантских⁹³⁶. «Истинно-православных» власти называли сектантами, так что речь идет, вероятно, именно о них. Пока известна только одна из этих групп — тайная иосифлянская община, существовавшая с 1937 г. в северном ленинградском пригороде Коломяги и возглавлявшаяся проживающим нелегально архимандритом Клавдием (Савинским).

В справке Управления НКВД по Ленинградской области, направленной 1 октября 1942 г. в горком ВКП(б), указывалось: «За время Отечественной войны в Ленинграде и Ленинградской области церковники и сектанты активизировали свою подрывную работу... В 1942 г. в пригороде Ленинграда вскрыта и ликвидирована антисоветская орга-

низация церковников... В состав этой организации входили бывшие кулаки-церковники, монахи, лица без определенных занятий, приверженцы так называемого иосифлянского церковного течения... Показаниями арестованных установлено, что Савинский и его активные сообщники, создав в местечке Коломяги нелегальную церковь, на протяжении ряда лет совершали тайные религиозные обряды, привлекали через обряды к церковной деятельности чуждые и антисоветские элементы, молодежь и вли среди них антисоветскую агитацию...»⁹³⁷

Аресты членов общины продолжались с 17 июня по 14 июля 1942 г. Всего по делу прошло 18 человек. 3 августа Военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа приговорил трех человек — архимандрита Клавдия, монахиню Евдокию (Дешкину) и А.Ф. Чистякова к смертной казни, а на остальных 15 дело было выделено в отдельное производство. 12 августа трех осужденных расстреляли. Хотя страшная блокадная зима 1941—1942 гг. и массовая эвакуация многократно сократили иосифлянскую паству в Ленинграде, известны случаи разгрома тайных общин в городе и после октября 1942 г. Так, известный стрельнинский протоиерей Михаил Рождественский, освободившись из Беломорбалтлага, в 1938 г. нелегально поселился в Ленинграде, скрывался у знакомых и служил по ночам. Арестован он был только 19 января 1943 г. на Крещение Господне во время Божественной литургии вместе с другими членами тайной общины. 13 марта Военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа приговорил о. Михаила к 10 годам лагерей, и он находился в заключении под Воркутой до 1955 г.⁹³⁸

В период Великой Отечественной войны на оккупированной германскими войсками части Ленинградской области иосифляне нередко легализовали свою деятельность. «Псковская Православная Миссия» воссоединяла их с Московским Патриархатом: протоиерея Алексея Кибардина, диакона Михаила Яковлева, протоиерея Димитрия Крапцова и др. Отец Димитрий в 1943 г. был вывезен из Новгорода в Германию. В 1945—1946 гг. он служил настоятелем русского собора в Берлине, община которого перешла в юрисдикцию Московского Патриархата⁹³⁹.

Подобная ситуация существовала и в других районах страны — на Украине, южных областях России. Так, в Таганроге и Азове в период оккупации активно действовали вышедшие из подполья иоанниты⁹⁴⁰. Они выпускали свои воззвания, сотрудничали в периодических изданиях. После разгрома германских войск многие их руководители ушли на Запад. Некоторые были арестованы и осуждены. Часть иоаннитов снова перешла на нелегальное положение⁹⁴¹.

Середину 1940-х гг. можно считать фактическим концом иосифлянского движения. Последние его представители окончательно теряют свою обособленность. Значительная часть из немногих выживших в лагерях известных иосифлянских деятелей примирилась с Московской Патриархией — протоиереи Василий Верюжский, Алексей Кибардин, Константин Быстревский и др. За ними последовала и их прежняя паства. Так, в 1945 г. в г. Гатчина под Ленинградом внутри прихода Московского Патриархата возникла община бывших иосифлян во главе со священником Петром Белавским, близким когда-то к архиепископу Димитрию.

К перешедшим в Патриархат бывшим иосифлянам представители властей относились недоброжелательно, зачастую даже враждебно. Например, в апреле 1951 г. ленинградский уполномоченный Совета по делам РПЦ А.И. Кушнарев с явным недовольством писал председателю Совета: «...Верюжский, б. настоятель храма «Воскресения-на-Крови», был репрессирован в свое время, как заядлый иосифлянин, и по возвращении в Ленинград ни разу не служил, продолжая оставаться враждебным Советской власти и не желая участвовать в богослужениях, на которых за Советскую власть молятся. Несмотря на это или в уважении к этому патриархия всячески поддерживает Верюжского. Ему дали в Москве ученую степень доктора богословия, первую в Советском Союзе,

его усердно желали продвинуть профессором в ЛДА, и только несогласие властей воспрепятствовало этому протезированию... В Москве насчет кафедры Византологии и истории славянских церквей начали действовать очень осторожно. Сначала отдельным решением открыли с осени 1951 года кафедры этого предмета... Потом стали подыскивать формулу, как протянуть в Академию Верюжского так, чтобы власть это проглядела и пропустила. Выход был найден во временном назначении Верюжского... Таким образом, Верюжский собирается читать лекции»⁹⁴².

Бывший настоятель главного иосифлянского храма все же стал профессором Ленинградской духовной академии. Однако некоторые примирившиеся с Патриархией священнослужители в конце 1940-х — начале 1950-х гг. были арестованы и осуждены. Так, протоиерея Алексея Кибардина, с августа 1945 г. служившего настоятелем Казанской церкви в пос. Вырица, арестовали 21 января 1950 г. и приговорили к 25 годам лагерей⁹⁴³.

Другая часть представителей иосифлянского движения, до конца оставшаяся непримиримой, полностью слилась с катакомбниками, составив в их среде особую традицию. Произошло окончательное разделение «левого» и «правого» крыла иосифлян. К числу непримиримых относилось большинство бывших «буевцев». Центральное Черноземье России — второй по значению регион деятельности иосифлян, стало основной «базой» катакомбников. Это признавали и советские исследователи. Так, например, А.И. Клибанов писал, что «здесь находился наиболее значительный и активный очаг этих течений (Истинно-Православной Церкви и истинно-православных христиан), распространявшихся и далеко за пределы Черноземного Центра» (прежде всего Тамбовской, Воронежской, Липецкой, Рязанской областей)⁹⁴⁴.

Религиозное возрождение в годы Великой Отечественной войны самым непосредственным образом повлияло на оживление деятельности «буевцев», тем более что значительная часть их традиционной территории подвергалась оккупации. Особенно заметно это оживление проявилось в Тамбовской и Липецкой областях. На Тамбовщине в 1940-е гг. была предпринята попытка восстановить единую централизованную организацию. Ее организационная и идейная преемственность с иосифлянскими группами начала 1930-х гг. несомненна. Л.Н. Митрохин, изучавший на материале специальных экспедиций Института истории Академии наук СССР данную проблему, также писал: «Среди деятелей ИПЦ этого времени мы постоянно встречаем или активных буевцев, или людей, в свое время связанных с ними»⁹⁴⁵. Так, отбывшая срок заключения руководительница «буевской» группы в г. Мичуринске (Козлове) в 1931—1932 гг. П.П. Филатова организовала там же новую группу в 1940-е гг.

Воссозданные группы концентрировались вокруг небольших «домашних» монастырей, во главе которых обычно находились монахи. В этих монастырях тайно проводились моления верующих по 10—12 человек. Л.Н. Митрохиным были собраны данные о 98 активистах ИПЦ 1949—1950 гг. в Мичуринске (94 женщинах и 4 мужчинах). Сведения о роде их занятий имелись на 62 человека — 45 являлись монахинями, 8 — бывшими торговцами и 9 не обладали определенными источниками дохода. Лишь 8 человек были моложе 40 лет⁹⁴⁶.

Несмотря на преемственность, в деятельности сторонников ИПЦ конца 1940-х гг. уже появились качественно иные черты. Она вся проходила в подполье, в условиях строгой конспирации. Так как до 1940-х гг. в некоторых храмах Центрального Черноземья еще служили представители духовенства, не поминавшие советскую власть и митрополита Сергия (Страгородского), эти церкви посещали и иосифляне. К концу войны таких храмов уже не осталось, во вновь открывшиеся церкви пришли исключительно священнослужители, признававшие Московскую Патриархию, в том числе и некоторые «буевцы». Последователи ИПЦ остались с относительно небольшим количеством

священников и почти без иерархов. Полное прекращение легальной деятельности способствовало отказу не только от государственной регистрации общин верующих и духовенства, но и от выполнения ряда других советских законов: участия в выборах, различных общественных мероприятиях праздновании революционных праздников, подписке на займы и т.п. В 1950—1951 г. большинство групп ИПЦ в Тамбовской области было разгромлено органами госбезопасности, лишь немногие из них, в основном в городах, сохранились к началу 1960-х гг.⁹⁴⁷

Параллельно с угасающим движением ИПЦ на Тамбовщине в 1940-е — 1950-е гг. активно действовали и гораздо более многочисленные группы истинно-православных христиан (ИПХ), включившие в свой состав и многих бывших бueвцев мирян. Историк З.А. Никольская, изучавшая ИПХ Тамбовской области, отмечала, что в 1932 г. в селах Отъясы и Малые Пупки Сосновского района существовали организации ИПЦ, к началу 1940-х гг. они в основном распались, и к середине десятилетия на их основе возникли группы ИПХ. Подобный процесс происходил в с. Кочетовке Хоботовского района, с. Чутановке Кирсановского района и др.⁹⁴⁸

Значительная активизация тамбовских ИПХ происходила во многом под непосредственным воздействием и руководством их липецких единомышленников. В этой области влияние иосифлян в лице бueвцев в 1930-е гг. было слабее. Истинно-православные христиане имели здесь своими руководителями священнослужителей епископа Уара (Шмарина) и священника М. Венцова, арестованных в 1935 г. Последний из них — архимандрит Митрофан — служил в Липецке до 1943 г., когда был арестован за «антисоветскую проповедь».

В Воронежской области — бывшем центре «бueвщины» — катакомбные общины с 1943 по 1966 г. возглавляли известные иосифлянские деятели — архимандрит Никандр (Стуров), иеромонах Анувий (Капинус) и протоиерей Иоанн Андриевский. Первые два из них были освобождены из лагеря в 1943 г. и сразу же поселились в только что освобожденном от нацистов Воронеже. В дальнейшем иеромонах Анувий был арестован и осужден вторично.

С 1956 г. воронежских катакомбников возглавлял вернувшийся из ссылки протоиерей Иоанн Андриевский, принявший вскоре монашеский постриг с именем Иларион. В том же году из лагеря был освобожден и иеромонах Анувий, он также вернулся в Воронеж и был там тайно пострижен в схиму с именем Амвросия. 26 июня 1961 г. скончался иеромонах Иларион, перед смертью вручив церковные ключи управления о. Амвросию со словами: «Со дня раскола Церкви каноническое Православие не было прервано, эта золотая ниточка жива, все церковные дела передаю вам до появления православного епископа. А искать такового надо!»⁹⁴⁹

Вплоть до своей смерти 14 октября 1966 г. иеромонах Амвросий (Капинус) окормлял Воронежскую и ряд других общин, оставшихся без священников. Канонического тайного епископа ему найти так и не удалось. Монахиня Маргарита (Чеботарева) позднее вспоминала, что с 1966 г. «в Воронеже православных катакомбных священников уже не было. С требами приходилось ездить по различным сторонам. Бывало, попадали и на неканонических, сомнительных и самозванцев...»⁹⁵⁰

Крупнейший центр иосифлянского движения — Ленинград — утратил после окончания войны подобное значение для ИПЦ. Сказались особенно жестокие репрессии, усиленный контроль за религиозной жизнью северной столицы и массовая смертность в Ленинграде и пригородах в период блокады. Население города на Неве по сравнению с довоенным существенно обновилось, однако полностью искоренить катакомбные общины в нем властям не удалось. Большую группу сторонников ИПЦ возглавлял освобожденный в 1955 г. из лагеря упоминавшийся священник Михаил Рождественский — брат расстрелянного в 1937 г. протоиерея Измаила Рождественского. Из тайных архиереев иосифлянского поставления почти все погибли еще в 1930 — 1940-е гг.⁹⁵¹

В Ленинграде после войны было три основных места поклонения сторонников ИПЦ: захоронения святых Иоанна Кронштадтского, Ксении Петербургской и большой мозаичный образ распятого Христа на стене знаменитого храма Воскресения Христова. В конце 1940-х — 1950-е гг. к ним постоянно совершалось паломничество, нередко из отдаленных мест России и зарубежья. В антирелигиозной книге 1992 г. издания признавалось существование последователей ИПЦ, «организованной» митрополитом Иосифом (Петровых), и подчеркивалось: «Примером наглого и беззастенчивого нарушения советского законодательства является организация паломничества верующих к бывшей церкви Спаса-на-Крови. Указывалось, что возле образа Христа появились горшочки с живыми цветами, на гвоздиках и выступах — расшитые полотенца и яркие ленты. Постоянно стоявшие там женщины рассказывали о чудесах, знамениях и случаях, происходивших у образа Христа Распятого, в том числе о стонах убиенных. А в одну из Пасхальных заутрен вокруг здания храма был устроен крестный ход с зажженными свечами и пением Пасхальных тропарей»⁹². В срочном порядке в соборе начали реставрацию, его покрыли лесами, обнесли глухим высоким забором, который убрали лишь недавно.

Деятельность нескольких десятков, а возможно, и сотен бывших иосифлянских общин, влившихся в катакомбное движение под названием ИПЦ, прослеживается до 1970-х гг. Причем нередко она выходила за границы прежнего ареала распространения, в основном в восточном и южном направлениях (перемещаясь в места ссылки, депортаций и т.п.). Так, в февральской 1961 г. докладной записке Управления КГБ по Карагандинской области в ЦК КПСС обращалось внимание на активизацию ИПЦ с середины 1950-х гг. В августе—сентябре 1956 г. в г. Темиртау и трех районах Караганды были организованы общественные суды над 41 активистом, в том числе 6 руководителями групп. Больше половины из них были приговорены к выселению из области на 5 лет. Некоторые члены общин были лишены родительских прав. Алма-Атинская киностудия сняла специальный агитационный фильм «Душа из мрака». Однако и в начале 1960-х гг. деятельность нелегальных групп ИПЦ в пяти рабочих поселках и г. Темиртау общей численностью более 250 человек продолжалась. Несмотря на репрессии, существовали тайные монашеские женские общины, молитвенные дома. Довольно крупный подпольный монастырь имелся на станции Металлургической. «Истинно-православные» уклонились от переписи 1959 г., отказывались от получения советских документов, службы в армии, участия в общественной жизни. Они имели связи с подпольем ИПЦ в Тамбовской, Харьковской и Горьковской областях. В сентябре 1959 г. по карагандинским общинам органами госбезопасности был нанесен сильнейший удар — практически все их руководители были арестованы⁹³.

В советской, а затем и в зарубежной историографии в последние десятилетия, прежде всего под влиянием исследований А.И. Демьянова, утвердилась точка зрения, что ИПХ и ИПЦ — это не самостоятельные течения, а одно общее, и двух параллельных организаций в «истинном православии» никогда не существовало. А наименование «истинно-православные христиане» употреблялось по отношению к тем общинам, которые не имели священников. Поскольку очень редко удавалось заменить арестованного священнослужителя, все большее число катакомбных приходов превращалось в группы мирян — ИПХ⁹⁴.

Пришедший к почти такому же выводу эмигрантский историк М. Бернштам, к примеру, писал: «В 1920-е — 1930-е годы, когда год за годом насильственно прерываются даже тайные связи сельских православных общин тихоновской ориентации в Центральном Черноземье с иерархией и священством той же ориентации в религиозных и административных центрах, а... потом с 1945 года, когда после смерти Патриарха Сергия часть членов иосифлянских групп и Катакомбной Церкви столиц признает Москов-

скую Патриархию и Патриарха Алексия, — сельские истинно-православные группы в Тамбовщине, Воронежской, Липецкой и Рязанской областях остаются без священников и выделяются в самостоятельные и сепаратные внецерковные православные организации...»⁹⁵⁵

Однако, когда А.И. Демьянов в 1970-х — начале 1980-х гг. проводил свои исследования в Центральном Черноземье, различия между ИПЦ и ИПХ уже практически полностью стерлись. Но и он был вынужден отметить, что в некоторых районах «все еще сохранилось ничем не обоснованное деление» на эти течения, существовали и существуют «истинно-православные», «именующие себя последователями ИПЦ»⁹⁵⁶.

В период религиозно-социологических экспедиций Института истории Академии наук СССР конца 1950-х — начала 1960-х гг. граница между ИПХ и ИПЦ еще была более четкой, и участники экспедиций без колебаний считали их отдельными движениями, в то же время подчеркивая идеологическую и генетическую связь. Они полагали, что группы ИПХ появились впервые только в годы Великой Отечественной войны, сначала в Рязанской, Воронежской, Липецкой, а с 1947 г. — и в Тамбовской областях в среде крестьян-единоличников. А.И. Клибанов писал, что «на позднем этапе существования ИПЦ из нее выделилось течение ИПХ, и оно в религиозном наследии ликвидированного класса кулачества почерпнуло больше, нежели в идеологии тихоновщины-буевщины»⁹⁵⁷. То есть отмечалось, что у истоков будто бы возникшего нового движения стоят, помимо ИПЦ, и другие катакомбные группы 1930-х гг. Указывалось также на параллельное существование ИПХ и ИПЦ в 1940—1960-е гг.⁹⁵⁸

А. Клибанов, З. Никольская и Л. Митрохин сделали свои выводы только на материале одного своеобразного локального региона, и поэтому в них вкрались ошибки. Дело в том, что в Центральном Черноземье в конце 1920-х — 1930-х гг. среди «истинно-православных» полностью доминировали иосифляне-буевцы. Группы же ИПХ в тот период были немногочисленны и имели очень ограниченное количество священнослужителей. Когда же в 1940-е гг. начался значительный рост этих групп, в том числе и за счет бывших «буевцев», то у части советских исследователей сложилось неверное представление, что родилось новое движение. В других регионах — например, на Урале, в Башкирии, где влияние иосифлян почти не ощущалось и большая часть катакомбного духовенства еще в 1930-е гг. принадлежала к ИПХ, существовала другая ситуация. На материале большинства республик и областей СССР сделать вывод о рождении в период Великой Отечественной войны «внецерковного православного движения» было бы невозможно. О действовавших с 1920-х гг. истинно-православных христианах и их непростых отношениях со сторонником митрополита Иосифа будет рассказано в следующем параграфе.

Последний из служивших тайно иосифлянских пастырей — священник Михаил Рождественский скончался в г. Луга Ленинградской области в 1988 г. Подводя итоги, следует отметить, что хронологическими рамками иосифлянства, как самостоятельного массового церковного движения, являются 1927 — середина 1940-х гг., в то время как Катакомбная Церковь смогла просуществовать до падения советской власти. Иосифляне были заметным явлением в церковной жизни указанного периода. Они попытались осуществить третий (отличный от катакомбного или избранного митр. Сергием) путь для Православной Церкви в СССР — легальной или полуполюгальной оппозиции. Движение потерпело поражение прежде всего вследствие резко антирелигиозной, бескомпромиссной политики советского режима в конце 1920-х — 1930-х гг. Однако борьба иосифлян показала силу нравственного сопротивления русского народа утверждавшемуся тоталитарному режиму, явила целый сонм Новомучеников и Исповедников, многие из которых были причислены к лику святых как Русской Церковью за границей (1981 г.), так и Московским Патриархатом (2000 г.).

§ 2. Катакомбное движение

К началу Великой Отечественной войны большинство православных священнослужителей и мирян СССР принадлежало к так называемой Катакомбной церкви. Она никогда не представляла собой единой организационно оформленной структуры и являлась собирательным названием для обозначения различных тайных православных течений, поэтому представляется более правильным употреблять термин «катакомбное движение». Катакомбность Церкви не обязательно означает ее непримиримость, этот термин обозначает всякую неофициальную и поэтому не контролируемую государством церковную деятельность. Однако нелегальные общины Русской Православной Церкви в СССР зачастую находились в оппозиции не только к советской власти, но и к священноначалию Московского Патриархата.

В истории имелось достаточно много примеров, когда в каком-нибудь государстве существовала нелегальная Христианская Церковь. Прямым же прецедентом ситуации, сложившейся в СССР, являлось положение Католической Церкви во Франции времен Великой революции. Появившиеся там общины так называемого «неприсягнувшего священства» не приняли решений революционных гражданских властей и подверглись жестокой репрессии. Они также не признали легитимность Наполеона I и его конкордат с Ватиканом и отказались от общения с официальным клиром. Когда вернувшиеся Бурбоны попытались урегулировать положение Церкви, некоторые общины вышли из подполья, но нормализации отношений между ними и церковными властями так и не произошло. Имеются сведения, что отдельные группы «неприсягнувшего священства» просуществовали до франко-прусской войны, а затем вымерли или слились со старокатоликами⁵⁹.

Эти события очень напоминают историю деятельности катакомбного движения в СССР, хотя и характеризуются значительно меньшим размахом и продолжительностью. Первые тайные православные общины появились в советской республике уже вскоре после Октябрьской революции — в 1918 г., вслед за выходом январского воззвания Патриарха Тихона, предававшего анафеме гонителей Церкви. Яркое проявившее себя в годы Гражданской войны крестьянское повстанчество в России возникло во многом на религиозной почве. Советские исследователи даже полагали, что следствием январского 1918 г. воззвания Патриарха явились 1414 восстаний и выступлений верующих⁶⁰. Вероятно, эта цифра сильно завышена. Однако подобная связь была. Так, очевидцу крестьянского восстания в Тамбовской губернии эмигрантский историк К. Криптон в своих работах привел много доказательств его религиозного характера⁶¹. И в Центральном Черноземье России тайные общины верующих появились именно в период восстаний «Союза Трудового Крестьянства», деятельности отрядов А.С. Антонова и И. Колесникова в 1918—1922 гг., впервые в Кирсановском, Моршанском и Борисоглебском уездах.

Временный захват церковной власти весной 1922 г. обновленцами стал основной причиной появления тайных общин, где службы проходили нелегально, в других районах страны. В этом году фиксируется первое употребление термина «катакомбы» для противопоставления нелегального богослужения сторонников Патриарха Тихона богослужению обновленцев в захваченных храмах. Ушли в «катакомбы» также выступавшие против изъятия церковных ценностей и ревнители Православия, вошедшие в конфликт с Патриархом Тихоном и митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским), которые соглашались на заключение компромиссов с властью. Переход на тайное служение благословил известный Оптинский старец монах Нектарий (Тихонов).

Практическим создателем сети нелегальных приходов и монастырей выступила влиятельная даниловская группа архиереев (наименование по московскому Свято-

Данилову монастырю), возглавляемая архиепископом Волоколамским Феодором (Поздеевским). Эта группа стала оппозицией не только обновленцам, но и пошедшему на компромиссы Патриарху и по некоторым сведениям создала в 1923 г. так называемый «параллельный» Синод ввиду недостаточной эффективности Патриаршего Синода. С даниловцами был связан и сыгравший важную роль в создании катакомбного движения епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), который совершил в 1920-е гг. хиротонию (вместе с другими архиереями) более 10 тайных епископов⁹⁶².

На Северо-Западе России катакомбников возглавили епископ Стефан (Бех) и схииерарх Макарий (Васильев), поставленный в 1923 г. архиепископом Андреем (Ухтомским). Владыка Макарий являлся настоятелем Воскресенского монастыря (Макарьевской пустыни) в Новгородской губернии. В 1925 г. указанные архиереи не признали избрание после смерти Патриарха Тихона Патриаршим Местоблюстителем митрополита Петра (Полянского), продолжая свое основное служение тайно.

Значительную часть их составляли враждебно настроенные по отношению к советской власти, нередко существовавшие с 1910-х гг., но пережившие подъем после Октябрьской революции, эсхатологические группы новохлыстовского типа, доходившие до обожествления отдельных лиц: святого отца Иоанна Кронштадского — иоанниты, схимонаха Стефана (Подгорного) — стефановцы, монаха Феодора (Рыбалкина) — федоровцы и др. Особенное распространение они получили в Центральном Черноземье.

Особенное распространение они получили в Центральном Черноземье. Этому способствовал ряд социально-экономических факторов: особенно высокий процент сельского населения (90,5% в 1927 г.); сильное снижение жизненного уровня и падение урожаев после Гражданской войны; глубокие традиции свободы и независимости, связанные с меньшим, чем в большинстве других районов Европейской России, распространением крепостного права; длительное вооруженное сопротивление советской власти местного населения; полный провал агитации обновленцев⁹⁶³.

В середине 1920-х гг. в Центральном Черноземье уже активно действовали группы федоровцев, чердашников, самарян, еноховцев и др. По их представлениям, Бог есть дух, способный перевоплощаться в людей. У федоровцев он якобы воплощался в монаха Феодора (Рыбалкина), у чердашников — Николая Хакилева, у николаевцев — в Николая II, у иоаннитов — в св. о. Иоанна Кронштадского, у михайловцев — в Михаила Ершова и т.д.⁹⁶⁴

Одной из первых в 1921 г. в Никитовском уезде (ныне Белгородской области) возникла основанная мирянином Поддубным группа «Правильный путь ко спасению». Она была маленькой и насчитывала около 300 человек. Наибольшее распространение в южных районах Центрального Черноземья получило движение федоровцев, созданное к середине 1920-х гг. монахами Ново-Донского монастыря. Его сторонники предсказывали возвращение белых и неизбежное падение советской власти. Монах Феодор также объявлял, что светопреставление и приход «белого воинства во главе с архангелом Михаилом» свершится в новогоднюю ночь 1926 г. В следующем году в связи с проведением переписи населения в различных катакомбных группах вновь возобновились проповеди конца света. Федоровцы считали, что антихрист пришел в мир в 1917 г., но царствовал только до 1922 г., когда свершилось второе пришествие Христа на землю и началось 1000-летнее царство. Движение было в основном разгромлено в 1928 г., его руководители предстали на судебном процессе. Но полностью оно не исчезло, действуя в подполье до 1970-х гг. В Тамбовской губернии к 1925 г. в Уметском уезде появилась группа во главе с мирянином Ермошкиным, у которой в роли воплощенного Христа выступал младенец — сын руководителя и т.д.⁹⁶⁵

Помимо Центрального Черноземья в начале — середине 1920-х гг. возникли группы «истинных» в Татарской и Мордовской АССР, евангелиевцев в Брянской области, еро-

феевцев в Вологодской, скрытников и васильевцев в Иваново-Вознесенской. В период коллективизации, церковных расколов конца 1920-х гг. все они значительно расширили свою деятельность. Часть подобных групп Центрально-Черноземной области (ЦЧО) — имяславцы, иоанниты, стефановцы, «Ревнители Церкви» — влилась в возникшее иосифлянское буевское движение. Но некоторые остались самостоятельными, не согласившись с рядом пунктов программы иосифлян. Так, например, широкую пропаганду своих взглядов вели чердашники. Одетые в длинные черные одежды, они ходили от села к селу и агитировали против колхозов за торжество «царства Бога на земле». В 1930 г. ОГПУ на юге ЦЧО раскрыла подпольную религиозную организацию, имевшую связи с Северным Кавказом, Кубанью и Украиной, которая использовала «чудесно спасшихся» членов царской семьи⁹⁶⁶. Многие из этих групп в конечном итоге вошли в движение «истинно-православных христиан». Оно окончательно оформилось в 1927—1928 гг.

Вскоре после опубликования «Декларации митр. Сергия» по всей стране развернулся переход на нелегальное положение сотен приходов и монастырей. Помимо иосифлянского в СССР возникли даниловский, мечевский, украинский, кирилловский и андреевский уклоны «непоминающих» (за богослужением митр. Сергия и советские власти). Уже упоминавшаяся даниловская группа включала более 10 архиереев. Мечевцы получили свое название по фамилии влиятельного московского протоиерея Сергия Мечева. К ним относились епископ Серпуховский Арсений (Жадановский), епископ Дмитровский Серафим (Звездинский), епископ Ковровский Афанасий (Сахаров) и еще три-четыре архиерея. В украинскую группу входили в основном иерархии, проживавшие в Киевской и ближайших епархиях (пять-шесть человек), возглавлял их схиархиепископ Таврический Антоний (Абашидзе). Значительное число священнослужителей было андреевцами или кирилловцами, то есть шло за епископом Уфимским Андреем (Ухтомским) и митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым). Существовали и «непоминающие» архиереи вне этих уклонов, например епископ Варнава (Беляев)⁹⁶⁷.

Большинство «непоминающих», не порывая молитвенного общения, старались обособиться от митрополита Сергия и находиться в стороне от церковной жизни, оставаясь в рамках легальности. Эти архиереи, уходя от заместителя Патриаршего Местоблюстителя, в сущности, уходили за штат, в архивах почти нет сведений, чтобы они рукополагали других священников или епископов. Иную тактику активного противодействия выбрали часть даниловцев и андреевцы. Как уже отмечалось, особенно важную роль играл епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), рукоположивший самое большое количество тайных архиереев. Он ввел в широкое употребление существовавший и ранее термин «истинно-православные христиане» (ИПХ), первоначально обозначавший тех священников и мирян, которые сознательно перешли на тайное служение в 1920-х гг., когда еще в основном сохранялись возможности для легальной религиозной деятельности.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. завершилось идеологическое оформление движения ИПХ. «Сергианство» наряду с обновленчеством было признано тяжелейшей ересью, разрушающей все догматическое понимание Церкви Христовой. Основной идеологемой истинно-православных христиан был антикоммунизм, имевший специфический религиозный характер. «С самого начала на всех уровнях: от епископов до малограмотных старух... утвердился взгляд на сов. власть как на власть антихриста, а на Ленина как на сущего антихриста». Красная пятиконечная звезда была понята как физическая печать антихриста. Невозможность участия катакомбников в любых советских общественных организациях также объяснялась желанием не поклоняться антихристу. Отказ от регистрации, советского паспорта, участия в выборах диктовались теми же соображениями.

Важными пунктами в идеологии ИПХ были запреты на членство в колхозах, службу в советской армии и нежелательность любой государственной службы. Колхозы трак-

товались как «антихристовы учреждения», образующие новую форму жизни крестьян, поклонившихся дьяволу. Многие деревенские катакомбники, не желая участвовать в «грехах безбожников», отказывались даже от радио и электричества. Иосифляне до такого, как правило, не доходили; лишь часть из них была монархистами. Среди ИПХ монархизм доминировал, хотя он и заключался «преимущественно в оплакивании рухнувшего дореволюционного порядка и опасении в появлении “лже-царей”». Еще одним краеугольным камнем идеологии ИПХ являлось отрицание Московской Патриархии. С 1928 г. у них установилась форма возгласа «О еже избавити люди своя от горькия мучительства безбожных власти»⁹⁶⁸. Это все означало явный раскол.

Уже в 1930—1933 гг. по всему СССР была проведена кампания ликвидации широко распространившихся общин «истинно-православных христиан». Так, в феврале 1932 г. была закрыта Макарьевская пустынь, всех ее монахов арестовали. Был арестован и приговорен к трем годам лагерей и схиепископ Макарий. Осенью 1932 г. провокатор выдал весь клир служившего в Ленинграде епископа Стефана (Бежа). Сам арестованный еще в 1929 г., владыка 26 апреля 1933 г. скончался в заключении. Сильный удар нанесла и проводившаяся в 1933 г. паспортизация. Именно в это время в «катакомбах» возникло движение «беспаспортников». Почти все служившие тайно архиереи благословили советские паспорта не брать, так как при оформлении документов выявлялись «бывшие», подлежавшие репрессиям. Одновременно отказ от паспорта трактовался как отрицание печати антихриста и объявление себя негражданином СССР. В 1932 г. был арестован и выслан, а в 1934 г. заключен в политизолятор архиепископ Андрей (Ухтомский). Его расстреляли 4 сентября 1937 г.⁹⁶⁹

Второй удар по ИПХ пришелся на 1937—1938 гг., когда выявлялись скрывавшиеся в подполье священнослужители и уничтожались отбывавшие сроки заключения руководители антисергиан. Но, несмотря на все гонения, деятельность «истинно-православных» продолжалась. Освобожденный в 1935 г. из лагеря схиепископ Макарий (Васильев) вновь возглавил часть катакомбных общин Северо-Запада России. «По его собственным словам, в течение более 10 лет он не ночевал подряд двух ночей в одной и той же квартире. С большими предосторожностями и постоянной опаской и оглядкой он скитался из селения в селение, из одного города в другой, работал у крестьян в колхозах в качестве пастуха. Он имел многочисленных духовных чад — мирских, тайных монахов и тайных священников. Шутя говорил, что у него была своя духовная семинария и академия, он тайно готовил людей к принятию священнического сана»⁹⁷⁰. Действительно, почти до начала Великой Отечественной войны Владыка Макарий курировал своеобразную тайную «семинарию», в которую приезжали слушать лекции и из очень отдаленных мест. По некоторым сведениям, в ней периодически преподавали такие известные профессора, как И. Андреевский, С. Аскольдов и А. Мейер. Одна из подобных подпольных «семинарий» была раскрыта и разгромлена НКВД в 1938 г. в Москве.

Следует отметить, что в 1930-е гг. произошло сильное изменение состава катакомбников. Если в конце 1920-х гг. в подполье находились лишь ИПХ и часть иосифлян, то теперь они стали составлять меньшинство. С середины 1930-х гг. из-за закрытия почти всех православных храмов самую многочисленную часть катакомбников составили верующие, никогда не порывавшие с митрополитом Сергием. Они ушли в подполье только потому, что открытое совершение религиозных обрядов стало невозможным, и когда положение изменилось (после 1943 г.), восстановили с избранным Патриархом Сергием каноническую связь и литургическое общение. Наиболее известны из таких групп общины архим. Гурия (Егорова) в Средней Азии и архиеп. Варфоломея (Ремова) в Москве. В «катакомбы» были вынуждены уйти и умеренные группы «непоминающих», они в большинстве считали отход от Московской Патриархии временным явлением, что и подтвердилось в дальнейшем. О деятельности таких катакомбников можно су-

дить по примеру выдающегося церковного писателя, священника Александра Меня. Он был крещен и духовно воспитан тайными священнослужителями (позднее примирились с Московским Патриархатом) в окрестностях Москвы в 1940-е гг.⁹⁷¹

Годы Великой Отечественной войны стали переломными для катакомбников. Ее начало было положительно воспринято значительной частью ИПХ. «Истинно-православные» были не пацифистами, а сторонниками всяких, в том числе вооруженных форм сопротивления. Отношения их с оккупационными германскими властями складывались по-разному. На Северо-Западе России ИПХ в основном предпочитали оставаться в подполье. Дело в том, что существовавшая в 1941—1943 гг. с разрешения командования группы армий «Север» Псковская духовная миссия, принадлежавшая в каноническом отношении к Московскому Патриархату, пыталась выявлять тайные общины. Поселившийся в конце 1941 г. в Псково-Печерском монастыре схиепископ Макарий предсказывал неудачное окончание войны для Германии.

Эмигрантский историк И. Андреев (Андреевский) писал, что, несмотря на настойчивые требования экзарха Прибалтики, «истинно-православные» священники, начавшие служить в некоторых из открывшихся храмов, отказывались помянуть Патриаршего Местоблюстителя: «Так, напр., в г. Сольцы Новгородской епархии митрофорный протоиерей о. В., бывший благочинный церковью города Минска, а затем ставший катакомбным священником, несмотря на строжайший приказ благочинного Новгородского района о. Василия Рушанова... категорически отказался помянуть Сов. Митрополита Сергия. Это было в 1942 г. А в 1943 и в 1944 гг. о. В. стал тайно помянуть Митрополита Анастасия» (Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей)⁹⁷².

То, что большая часть общин ИПХ Ленинградской области в период оккупации осталась в подполье, позволило им продолжить свою деятельность и после окончания войны, несмотря на смерть руководителя. В ночь на 1 апреля 1944 г. схиепископ Макарий был убит осколком бомбы, сброшенной с советского самолета при бомбардировке г. Печоры.

В ряде других районов страны германское командование более благосклонно относилось к катакомбникам — в Брянской, Орловской, Воронежской областях, а также в Белоруссии, Крыму и на Дону. Там они зачастую переходили на легальное положение. В г. Мозырь Гомельской области начал служить и открыто рукополагать во священники вышедший из подполья архиерей. В Житомире вскоре после прихода немцев организовал приход катакомбник архимандрит Леонтий (Филиппович). Вскоре он был посвящен во епископы и вошел в состав автономной Украинской Православной Церкви и т.д. Часть наиболее непримиримо настроенных к Московской Патриархии катакомбников сотрудничала с оккупационной администрацией. А в Центральном Черноземье и Брянской области были созданы антисоветские вооруженные формирования во главе с «истинно-православными» — Каминским, Воскобойниковым и другими. После отступления вермахта часть ИПХ ушла на Запад, в том числе и вступившие в известную бригаду Каминского (сам он был, в конце концов, расстрелян нацистами)⁹⁷³.

Советские власти с началом войны заняли по отношению к находящимся в подполье общинам и священнослужителям жесткую позицию. Уже говорилось о репрессиях в отношении иосифлян в блокадном Ленинграде. Документы органов госбезопасности по Костромской области также свидетельствуют о подобных акциях. Так, 25 декабря 1941 г. был арестован священник С. Сидоровское А. Богословский, в 1935 г. порвавший с митрополитом Сергием. Он обвинялся в том, что «привлекал» в нелегальную моленную на своей квартире верующих, которых «обрабатывал в антисоветском духе», «восхвалял фашизм» и т.п. На допросе о. Александр отвечал: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю, так как среди приходящих ко мне лиц пораженческой агитации я не вел, так как я не сторонник немцев и объяснял присутствующим, что немцы

нам не братья по крови, по духу... В разговоре о поддержании защиты отечества в настоящей войне я присутствующим у себя на квартире высказывал свои чувства, что для меня отечество является злой мачехой... все же считаю своим христианским долгом свое отечество защищать». Однако Богословского приговорили к высшей мере наказания и 14 мая 1942 г. расстреляли⁹⁷⁴.

28 августа 1942 г. в г. Нерехта была арестована активный член тайной монашеской общины, духовная дочь «непоминающего» архиеп. Варлаама (Ряшенцева) М. Чернова. Ей предъявили обвинение в «антисоветской агитации среди церковников», но 25 сентября дело прекратили за отсутствием состава преступления, и Чернову освободили. В 1943 г. был арестован тайный бродячий священник Ф. Смирнов, по показаниям свидетелей, «активный церковник до фанатизма». Военный трибунал войск НКВД Ярославского гарнизона приговорил его к 8 годам лишения свободы и т.д. Сам архиеп. Варлаам, арестованный в 1941 г. и приговоренный к 10 годам заключения, скончался 20 февраля 1942 г. в тюрьме № 1 г. Вологды⁹⁷⁵.

В Подмосковье к 1941 г. действовало не менее 10 катакомбных священнослужителей. Часть из них — протоиерей Петр Шипков, архимандриты Иеракс (Бочаров) и Серафим (Батюков) признавали духовный авторитет епископа Афанасия (Сахарова). С началом войны они заняли в целом патриотическую позицию. Одна из прихожанок архимандрита Серафима, тайно служившего в Загорске, вспоминала. «На вопрос “Кто победит?”», который задавали ему все, он отвечал: “Победит Матерь Божия”. Многие задавали вопрос — как молиться об исходе. Батюшка отвечал: “Молитесь: да будет воля Твоя! Ни один христианин такого креста не примет”, — сказал батюшка и начертил в воздухе знак свастики»⁹⁷⁶.

Архимандрит Серафим умер 19 февраля 1942 г. А остальных священнослужителей этой группы выследили и арестовали 6 ноября 1943 г. Через день, 7 ноября, в г. Ишиме был арестован находившийся в бессрочной ссылке в Омской области епископ Афанасий. Все они обвинялись в групповой контрреволюционной деятельности в составе общесоюзной организации «Антисоветское церковное подполье». По этому сфабрикованному делу кроме Владыки Афанасия, протоиерея П. Шипкова, архимандрита Иеракса проходили также монахиня Ксения (Гришанова) и Н.В. Тропани, оставившая подробные воспоминания. 14 июля 1944 г. их приговорили к 5—8 годам заключения и отправили в Мариинские лагеря (Кемеровская область)⁹⁷⁷.

Преследования тайных священнослужителей особенно усилились с осени 1943 г. Советские власти наряду с радикальным улучшением отношения к Московскому Патриархату в 1943—1946 гг. попытались окончательно разгромить «катакомбы», что им почти удалось. В 1944 г. большинство выявленных «истинно-православных» на неоккупированной европейской части СССР было депортировано или заключено в лагеря, в последующие два года происходило жестокое преследование их на бывших оккупированных территориях.

В «особой папке» И. Сталина, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации, содержится документ о депортации ИПХ в 1944 г. Л. Берия 7 июля в своем секретном письме «вождю» отмечал, что на территории Воронежской, Орловской, Рязанской областей было выявлено несколько организаций «истинно-православных христиан», но арест активных участников не оказал должного воздействия на других членов и поэтому целесообразно провести массовое выселение этих людей в Омскую, Новосибирскую области и Алтайский край. И 15 июля 1673 человека одновременно из 87 населенных пунктов насильственно переселили на Восток⁹⁷⁸.

Это был, вероятно, единственный пример массовой депортации русского населения в тот период. Он свидетельствует о том, что деятельность ИПХ всерьез беспокоила высшее руководство страны. К нему стекались неутешительные сведения о значительном

росте влияния катакомбного движения в первые годы войны. Так, в июньском 1943 г. спецсообщении начальника Управления НКГБ по Пензенской области говорилось о деятельности более 20 нелегальных и полулегальных групп, устраивавших моления на частных квартирах⁹⁷⁹.

В некоторых регионах таких групп насчитывались сотни. В докладной записке председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова В. Молотову от 5 октября 1944 г. подчеркивалось: «В областях с незначительным количеством действующих церквей и в районах, где нет церквей, отмечается массовое распространение групповых богослужений в домах верующих или под открытым небом... причем в этих случаях для совершения обряда верующими приглашается не состоящее на регистрации духовенство... В своей значительной части актив таких церковных незарегистрированных групп и духовенство, в них состоящее, оппозиционно настроены по отношению к легальной патриаршей православной церкви, осуждая последнего за лояльное отношение к советской власти и за патриотические позиции в своей деятельности. Большое количество верующих-фанатиков, находясь под влиянием этих групп... в своих настроениях резко отличаются от групп верующих, находящихся под влиянием патриотически настроенного духовенства легальной церкви. Это же положение влечет за собой всякого рода “рецидивы” значительного оживления религиозных настроений в виде так называемого “обновления” икон, распространения “святых”, писем... а также агитации о гонении в СССР на религию и церковь»⁹⁸⁰.

Но уже в скором времени ситуация изменилась. Появившиеся возможности легально совершать религиозные обряды, открывать храмы способствовали постепенному возвращению в окрепший Московский Патриархат его паствы, вынужденно ушедшей в 1930-е гг. в подполье. Власти подстегивали этот процесс. Согласно свидетельству историка И. Андреева, после интронизации Патриарха Алексия в феврале 1945 г. духовенство, находившееся в лагерях, прошло специальную «перерегистрацию», во время которой спрашивали: признают ли заключенные нового Патриарха. Непризнававшие получали новые сроки наказания, а иногда и расстреливались. Признавших нередко досрочно освобождали и назначали на приходы⁹⁸¹. Данный факт частично подтверждается документами архивов госбезопасности. В 1944—1945 гг. в лагерях была сфабрикована целая серия дел о контрреволюционных церковных организациях, по которым многие священнослужители приговаривались к увеличению срока наказания или расстрелу.

Перед нелегким выбором оказались различные группы и течения «непоминающих» и «истинно-православных». Со смертью Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) и с избранием Патриарха Алексия отпадало прежнее каноническое основание для самостоятельного управления — «узурпация» первосвятительской власти митрополитом Сергием. В то же время прежняя практика в отношениях с государством была продолжена новым Первоиерархом.

В итоге в Московский Патриархат вернулись не только часть иосифлян, но и большинство «непоминающих». Существенную роль здесь сыграла позиция имевшего значительный авторитет среди катакомбников епископа Ковровского Афанасия (Сахарова). В 1955 г. в письме к духовной дочери он так вспоминал события десятилетней давности: «...когда в 1945 году, будучи в заключении (в Мариинских лагерях), я и бывшие со мной иереи, непоминавшие митрополита Сергия, узнали об избрании и наставлении Патриарха Алексия, мы, обсудивши создавшееся положение, согласно решили, что, так как кроме Патриарха Алексия признанного всеми Вселенскими Патриархами, теперь нет иного законного Первоиерарха Русской Поместной Церкви, то нам должно возносить на наших молитвах имя Патриарха Алексия как Патриарха нашего, что я и делаю неопустительно с того дня»⁹⁸².

Эта группа священнослужителей послала Первоиерарху поздравительное письмо с просьбой принять их в общение. Епископ Афанасий написал также окружное послание в катакомбные общины и скиты с призывом «вернуться в лоно» Патриаршей Церкви. Кроме того, в марте 1945 г. Владыка обратился к Патриарху с прошением возбудить ходатайство перед правительственными органами о замене ему пребывания в лагере заключением в одну из московских тюрем с предоставлением возможности работать там с богослужебными книгами. Правда, ответа он не получил, 30 августа 1946 г. был вновь арестован в лагере и отправлен отбывать срок в Мордовию. Вышел епископ Афанасий на свободу только 18 мая 1954 г.⁹⁸³

Во второй половине 1940-х гг. в «катакомбах» остались в основном «истинно-православные христиане» и часть ИПЦ, началось формирование собственной катакомбной религиозной субкультуры, для которой характерны оппозиционность Московскому Патриархату, антисоветская ориентация и изоляционизм. Хотя имелось и относительно небольшое количество тех, кто стал возносить молитвы за Патриарха Алексия, продолжая находиться на нелегальном положении. Один из таких катакомбных лидеров — епископ Петр основал к концу войны тайный монастырь с 300 насельниками на Тянь-Шане. В 1951 г. монастырь был обнаружен с вертолета и все его обитатели арестованы⁹⁸⁴. В целом же численность катакомбников существенно уменьшилась. Уже 14 февраля 1947 г. Г. Карпов в итоговом отчете ЦК ВКП(б) за 1946 г. с удовлетворением писал, что внутренняя работа «способствовала сокращению роста церковного подполья в стране»⁹⁸⁵.

Однако в первые послевоенные годы в ряде районов страны деятельность подпольных общин продолжала оставаться заметным явлением. Об этом можно судить даже по официальной церковной печати. Так, в январском 1948 г. номере «Журнала Московской Патриархии» отмечалось, что в Краснодарской епархии православные скорбят «под натиском агитации баптистов и всяких подпольных антипатриарших агитаторов: иовцев, соляновцев (выродившихся из секты имяславцев) и других сектантов»⁹⁸⁶. А в речи 1948 г. епископа Тамбовского и Мичуринского Иоасафа говорилось: «Радость моя омрачена тем, что среди вас есть люди, которые, называя себя христианами, на деле не являются ими. Эти люди — сектанты и так называемые самосвяты, они отрицают храм Божий, не признают его и даже глумятся над этой святыней... Только себя они считают православными христианами»⁹⁸⁷.

Эмигрантские историки того времени сообщали самые противоречивые сведения о тайной церковной жизни в СССР. В.И. Алексеев, например, писал, что у катакомбников, по одним сведениям, 30 епископов, а по другим — даже 100⁹⁸⁸. Это чистая фантазия. Гораздо более близок к истине И. Андреев. Он указал, что до зарубежья дошли сведения о деятельности свыше 10 тайных епископов. Священников же явно не хватало. Их недостаток восполнялся главным образом многими тайными монахинями и мирянами, «совершающими чтение акафистов или общие групповые моления, именуемые “собраниями на свещу”». Таких мирян называли «подпасками». Крупнейший же эмигрантский церковный историк 1950—1960-х гг. Д.В. Константинов пришел к следующему выводу: «...военный период, вернее, период после поворота политики власти, характерен сокращением явлений в духе Катакомбной Церкви и всех вообще нелегальных форм церковной деятельности. Если этой цели добивалась также советская власть, вводя “церковный НЭП”, то надо сказать, что результаты в данном смысле получились совершенно определенные»⁹⁸⁹.

Ставшие доступными в последние годы документы свидетельствуют о том, что проблема катакомбников во второй половине 1940-х гг. продолжала оставаться достаточно острой. В справке отдела пропаганды и агитации Воронежского обкома ВКП(б) от 9 апреля 1948 г., составленной в ответ на специальный запрос соответствующего

управления ЦК, сообщалось: «Наряду с официально действующими православными церквями в области существует большое количество нелегальных групп верующих православного толка, из которых наиболее распространенным течением являются "истинно-православные христиане"... "ИПХ" исповедуют православную веру, но не признают ныне действующих церквей, как связанных с "безбожной Советской властью и коммунистами". Основные кадры "ИПХ" состоят в основном из бывших монашек, монахов, черничек⁹⁹⁰ и религиозно настроенных бывших кулаков... За 1947 год и 3 месяца 1948 года Управлением МГБ вскрыто и ликвидировано 11 антисоветских групп "ИПХ" с общим количеством арестованных 50 человек... Члены группы "ИПХ" систематически участвовали в нелегальных сборищах, где наряду с молениями обсуждали вопросы формирования антисоветской деятельности среди населения. Распространяли провокационные слухи о якобы скорой войне СССР с Америкой и другими капиталистическими странами и гибели в этой войне Советского Союза. В период выборов в Верховные органы Советской власти призывали население не участвовать в них, не работать в колхозах, отказываться от уплаты налогов и госплатежей. Вел работу по вовлечению и антисоветские группы новых участников...» В документе говорилось и о том, что в Воронеже и Воронцовском районе было выявлено несколько групп иоаннитов, численностью 70—80 человек. Через своих «курьеров» они поддерживали связь с «единомышленниками» ряда городов СССР: Новгорода, Калинина, Харькова и др.⁹⁹¹

Аналогичные справки поступили и из других районов страны, в Витебской области существовало 11 подпольных религиозных групп, в Пензенской — во многих селах незарегистрированные священники проводили службы в частных домах и т.д. А в Рязанской области на 1 января 1948 г. специальная проверка выявила действующие нелегальные молитвенные дома в 189 населенных пунктах, в том числе в городах Михайлов, Скопин и Касимов. Причем в 91 из этих населенных пунктов верующие не подавали ходатайств об открытии в ней церкви⁹⁹².

Насильственное переселение в 1944 г. более полутора тысяч ИПХ в Западную Сибирь и Алтайский край способствовало созданию и там крупных очагов катакомбного движения. В докладной записке Управления МГБ по Алтайскому краю от 6 апреля 1948 г. указывалось: «Имеется некоторая часть православных верующих, попавшая под влияние антисоветского элемента, которая бойкотирует вновь открытые церкви, мотивируя тем, что в них совершаются богослужения за Советскую власть... Верующая, проживающая в Змеиногорском районе, заявила так: "Священники в этих церквях поставлены из партии, под ризой у них медали, службу они ведут сокращенно, не так как раньше была служба, они обновленцы, поэтому в церковь ходить никогда не надо, надо избегать этой церкви, крестики покупать также не надо, т.к. на них находили серп и молот, колоски, пятиконечную звезду и СССР..." В то же время деятельность православных церквей, молитвенных домов и нелегальных религиозных сборищ резко сократилась. В 1946 г. нелегальных групп церковников по краю насчитывалось 138, в то время как в настоящее время их имеется только 32. Резкое сокращение нелегальных групп произошло в результате проведенных профилактических мероприятий со стороны органов МГБ...» Но и оставшиеся 32 группы ИПХ объединяли 1500 верующих. Кроме того, в крае активно действовали «истинно-православные христиане странствующие» (ИПХС) — катакомбная ветвь старообрядцев⁹⁹³.

Во второй половине 1948—1949 гг. ситуация еще более изменилась. В связи с новым изменением государственной церковной политики в худшую сторону, прекращением открытия храмов произошел определенный «рост рядов» катакомбного движения. 5 августа 1948 г. Г. Карпов писал в Совет Министров СССР, что Совет по делам РПЦ «находит нужным совместно с МГБ и МВД СССР разработать мероприятия по ликвидации всякого рода нелегальных отправлений религиозных служб и обрядов и нелегальных

молитвенных домов». Карпов ссылался на большие масштабы подобной деятельности и указывал, что в Рязанской области при 86 официально действующих церквях в 193 населенных пунктах проводят службы незарегистрированные священники. Начальник Управления МГБ по Тульской области в ноябре 1948 г. сообщал об активизации в последнее время церковников нелегалов, бродячих монахов, отмечая деятельность 30 священников, не признающих Московскую Патриархию. В Гомельской области в 1949 г. нелегально служили четыре таких священника и т.д.⁹⁹⁴

25 апреля 1949 г. встревоженный Г. Карпов направил секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову специальную секретную информационную записку «О религиозных пережитках, выражающихся в исполнении обрядов и массовых молений по нелегальной (не состоящей на регистрации) церкви, и о лицах, занимающихся нелегальной церковной деятельностью». В ней подчеркивалось: «Деятельность в течение многих лет таких нелегальных молитвенных домов, пещер, тайных избушек и т.п. представляют собой крайне политически вредные явления, т.к. организаторы этих молитвенных домов и их священнослужители нередко имеют благоприятную почву для своей деятельности, а местные органы, в том числе и административные, не знают, как с ними бороться». Борьба сильно затруднялась сложностью выявления тайных общин. Г. Карпов писал, что подавляющее большинство их существует на территории РСФСР. Так, в Рязанской области было выявлено 174 нелегальных молитвенных дома, Горьковской — 47, в г. Бугульме Татарской АССР — 3 и т.д. В другом документе Совета по делам РПЦ указывалось, что если в 1948 г. в Рязанской области действовало 175 незарегистрированных молитвенных домов, то в 1949 г. уже 190, причем в них служило около 200 священнослужителей⁹⁹⁵.

Особенно сильно активизация катакомбников в конце 1940-х гг. проявилась в областях Центрального Черноземья, прежде всего в Тамбовской. Некоторые советские историки считают ее третьей, последней волной оживления ИПХ, новым этапом, характеризующимся усилением проповеднической деятельности и заметным ростом групп «истинно-православных христиан»⁹⁹⁶. Другие — А. Клибанов, З. Никольская, Л. Митрохин — даже самым фактором рождения движения ИПХ.

Успеху агитации катакомбников способствовала высокая доля единомышленников среди сельского населения Тамбовской области — 10—15%, а также их лучшее по сравнению с колхозниками экономическое положение. В 1947—1948 гг. на Тамбовщине сложились три основных очага деятельности ИПХ, в 13 — в основном северных районах. На первом этапе большинство руководителей были выходцами из Липецкой области: В. Титов, П. Мордасов, П. Половинкин, Е. Прибыткова и др. Священнослужителей было очень мало, и в качестве пастырей выдвинулись «проповедники» и «старшие братья по духу», странствовавшие по области. Группы ИПХ включали, как правило, жителей одного населенного пункта и состояли из 10—15 человек. Во главе их находились «старший брат» или «старшая сестра» (только в двух случаях). Общим руководителем «истинно-православных» Тамбовской и Липецкой областей считался В.Д. Титов, от которого исходила большая часть обращений и воззваний, широко расходившихся в списках. Но в его «Беседах о разных вопросах к сомневающимся на пути спасения» подчеркивалось: «Мы получили слова наставления от наших пастырей... Слово-проповедь было сказано во храмах ко христианам из уст епископа Уара и архимандрита Митрофана»⁹⁹⁷.

Существенной особенностью тамбовских ИПХ являлось присутствие в их составе значительного количества молодежи. Так, в Мичуринском районе в конце 1940-х гг. из 83 руководителей 53% были младше 30 лет, а старше 50 лишь 14,5%. В семи районах области возникли так называемые группы «юношей» в основном из детей «истинно-православных» или сочувствовавших им единомышленников. На них «проповедниками» возлагалась пророческая миссия, изложенная в Новом Завете: «И будет в последние дни... пророчествовать сыны ваши и дочери ваши и юноши будут видеть видения...»⁹⁹⁸

Молодые ИПХ, по свидетельству советских исследователей, были даже более нетерпимыми к установившемуся в обществе порядку, чем большинство старых. Часть их них приняла обет безбрачия. Во многих отношениях они пересматривали прежнюю умеренную политику и в некоторых смешанных по возрасту группах брали на себя руководство. А. Демьянов отмечал, что если в 1930-е гг. считалось грехом участие только в колхозном производстве, то в 1940—1950-е гг. — во всех государственных предприятиях и учреждениях. До войны детям «истинно-православных» разрешалось учиться до 4 класса, а в послевоенное время в большей части семей учеба в школе запрещалась полностью. На этой почве возникали конфликты радикальных и более умеренных катакомбников, приводившие к расколу некоторых групп⁹⁹⁹.

Несомненно, что здесь советские авторы описывали процесс трансформации части иосифлян-буевцев в ИПХ и радикализации их взглядов под влиянием молодежи, принявшей традиционную идеологию «истинно-православных христиан», относительно мало распространенную в 1930-е гг. в Тамбовской области. Высокая доля молодых людей среди ИПХ от 30 до 60% существовала в конце 1940-х гг. и в других районах Центрального Черноземья. Так, в Липецкой области из 288 обследованных катакомбников 116—40,5% были моложе 30 лет. А. Клибанов признавал: «Молодежь составила весьма деятельную организаторскую и проповедническую силу истинно-православных христиан в Тамбовской, Липецкой, Рязанской и Воронежской областях»¹⁰⁰⁰.

Местом общения ИПХ служили святые источники, которых в Центральном Черноземье имелось около 80: «Мамонтовское озеро», «Камень святого старца Симеона» и др. Источник «Трех дубов» в с. Горелое Тамбовской области даже постепенно приобрел значение постоянно функционирующего храма. Здесь развесили иконы, а на время богослужений устанавливалась деревянная разборная церковь. Отношение к местным властям было, как правило, враждебным, порой дело доходило до вооруженных конфликтов. Так, в 1949 г. руководитель ИПХ в с. Устье Мичуринского района Силаев организовал покушение на председателя сельсовета, а 30 августа 1953 г. в с. Стаево произошло кровопролитное столкновение с группой В. Ряховских, в результате которого было сожжено 14 домов, убито и тяжело ранено шесть человек. Общая численность ИПХ Тамбовской области в конце 1940-х гг., по оценке советских исследователей, составляла одну тысячу человек, а в Центральном Черноземье — около трех тысяч. Эти цифры, вероятно, занижены во много раз, но можно в основном согласиться с мнением З. Никольской, что в начале 1950-х гг. количество ИПХ на Тамбовщине сократилось наполовину¹⁰⁰¹.

Дело в том, что в 1950—1953 гг. по всей стране прокатилась вторая после 1943—1946 гг. волна ожесточенных преследований катакомбного движения, затихнувшая со смертью Сталина. Только в сентябре 1950 г. военные трибуналы войск МВД осудили несколько десятков ИПХ: группу в Ярославской, 10 человек в Тамбовской и группу в Рязанской областях, причем в ходе операции по аресту членов последней группы было убито двое ее руководителей¹⁰⁰². Весной—летом 1951 г. в Рязанской области специальную проверку провел Совет по делам РПЦ. В его итоговой докладной записке отмечалось, что количество выявленных-нелегальных молитвенных домов сократилось по сравнению с 1949 г. в два с половиной раза: со 190 до 120 в 1950 г. и 77 (с 77 незарегистрированными священнослужителями) на 1 апреля 1951 г.¹⁰⁰³

В Костромской области 27 марта был арестован уже упоминавшийся священник Ф.А. Смирнов, в 1945 г. освобожденный досрочно по болезни. Священник А. Артамонов дал на него следующие показания: «Смирнов убежденный церковник-фанатик. Постоянного места жительства не имеет, ведет бродячий образ жизни, все время ходит по селениям Буйского, Ореховского и др. районов... он мне отвечал так: "По специальности фельдшера работать не буду потому, что я не доверяю Советской власти, снова под-

берут материал и пропаду в лагерь. Служить в церковь тоже не пойду, потому что не доверяю архиерею, он идет вместе с Советской властью, и тоже через него могу попасть в лагерь..." В заключение должен добавить, что Смирнов среди церковников гор. Буй пользуется авторитетом...» 18 октября арестованного приговорили к 10 годам лагерей. Одновременно по показаниям о. А. Артамонова было заведено дело 14 членов тайной женской монашеской общины и т.д.¹⁰⁰⁴

Но полностью искоренить катакомбников оказалось невозможно. В мартовской 1954 г. докладной записке Н. Хрущеву от заведующего отдела пропаганды и агитации и отдела науки и культуры ЦК КПСС подчеркивалось существование «большого количества бродячих (незарегистрированных) попов», сотни которых были выявлены в 1953 г.¹⁰⁰⁵ Правда, подобных документов немного.

Новая активизация деятельности катакомбников началась с середины 1950-х гг. Из лагерей были выпущены сотни, возможно, тысячи ее священнослужителей и проповедников-мирян, составлявшие значительную часть «узников за веру». Например, епископ Мануил (Лемешевский), освобожденный 7 декабря 1955 г. из лагеря в Мордовской АССР, писал пропресвитеру Н. Колчицкому: «Сколько оскорблений от верующих выслушал я в последних Темниковских лагерях за то, что подчиняюсь "коммунистическому советскому Патриарху", что я остался верен ему, а не ушел в оппозицию»¹⁰⁰⁶.

Епископ Афанасий (Сахаров) 2 апреля 1955 г. в письме Патриарху также отмечал: «Во время нахождения моего в заключении мне нередко приходилось встречаться и с иереями, и с мирянами, которые, ревнуя о чистоте веры, имели, как я считаю, ревность не по разуму. Такие ревнители, даже весьма благожелательно относившиеся ко мне, не принимали у меня благословения и не хотели быть со мной в молитвенном общении как с епископом, возносящим на молитве имя Вашего Святейшества»¹⁰⁰⁷. Следует отметить особое отношение обитателей лагерей к священнослужителям, стойкость и верность своим убеждениям последних вызывало уважение и желание следовать за ними. Многие заключенные именно в лагерях обратились к вере.

Примерно с 1957 г. доклады КГБ, партийных и государственных органов вновь запестрели сведениями о нелегальной деятельности «истинно-православных». В ноябре все ЦК компартий республик СССР прислали заведующему сектором агитации К.У. Черненко отчеты о состоянии религиозной жизни в их регионах. В них говорилось и о существовании катакомбников. Например, в отчете Казахстанского ЦК сообщалось о том, что вблизи г. Темиртау «образовался целый поселок фанатиков ИПХ». В нем живут исключительно верующие, мужчины не стригутся и не бреются, женщины носят только длинные черные платья. «Газеты и книги не читают, в общественной жизни никто не участвует, детей в школе не учат, в выборах не участвуют, отказываются служить в Армии»¹⁰⁰⁸.

25 ноября 1957 г. справку об активизации религиозных объединений и групп на территории СССР К. Черненко прислал и председатель Совета по делам религиозных культов А. Лузин. Он подчеркивал, что отколовшиеся от Русской Церкви, не признавшие советскую власть группы ИПХ имеются в Черниговской, Харьковской, Тамбовской и некоторых других областях.¹⁰⁰⁹

Как будто «прорвало» и советскую печать, в 1940-х — середине 1950-х гг. полностью замалчивавшую существование Катакомбной Церкви. Теперь эта тема в свете набиравшей силу антирелигиозной пропагандистской кампании стала разрешенной. Только за 1959 г. в центральных и местных газетах и журналах появилось несколько десятков статей и заметок о деятельности ИПХ в Сумской, Кировской, Луганской, Воронежской, Саратовской областях, Мордовской АССР, городах Чимкенте, Алма-Ате, Чебоксарах, Черепаново, Воскресенске, поселках и деревнях Лысманово, Четраново, Ковылкино, Жилино и т.д.¹⁰¹⁰

В 1959—1961 гг. несколько экспедиций в Тамбовскую, Липецкую и Рязанскую области организовал Институт истории Академии наук СССР. Экспедиции собрали богатейший, частично опубликованный материал о деятельности ИПХ. Выяснилось, что и в Центральном Черноземье эта деятельность в середине 1950-х гг. вновь заметно активизировалась. Сказалось временное прекращение гонений, возвращение из лагерей части арестованных ранее проповедников — Умрихина, Дьячкова и др. Правда, агитация ИПХ среди других слоев населения уже почти не проводилась, и численность истинно-православных фактически не росла. Показательно, что если в конце 1940-х гг. властям были известны их группы в 13 районах Тамбовской области, то в конце 1950-х гг. — только в девяти.

Произошло определенное расслоение ИПХ. Почти все они являлись единоличниками и испытывали сильные материальные лишения: платили двукратные налоги, были обязаны участвовать в аварийных работах, им не выделяли земли под огороды и до 1960-х гг. даже не продавали хлеба в сельпо. Угнетающе действовало и многолетнее отсутствие священнослужителей в большинстве общин. В результате у части ИПХ ослабевают система запретов по отношению к «миру», вплоть до разрешения верующим поступать на временную работу в колхозы. Изменилось отношение и к действующим храмам Московского Патриархата. Рязанская экспедиция 1961 г. выявила появление новой тенденции посещения многими катакомбниками церквей, «истинность» которых по-прежнему отвергалась, на Пасху, Рождество и Троицу¹⁰¹¹.

В то же время другая часть ИПХ встала на путь дальнейшего углубления отчуждения от «мира», проповеди аскетизма, вплоть до половых запретов. С 1955 г. на широкие слои участников движения распространилось требование целибата (безбрачия), а на семейные пары — запрещение деторождения. Как следствие резко упала рождаемость. Объявлялось о близком конце света, и несколько раз назначались его даты. Этому способствовали серьезные волнения на почве отказа от паспортов при «хрущевской паспортизации» деревни. Провозглашенный в 1959 г. семилетний план, сопровождавшийся новым наступлением на Церковь, был расценен некоторыми ИПХ как начало правления антихриста, предшествующего Страшному суду. Как следствие, произошло образование нескольких новых, относительно небольших радикальных групп — седминцев, молчальников и т.п.

Подобные группы ИПХ приобретали отдельные внешние черты сект. Порой заменившим священников проповедникам из среды мирян в сознании верующих придавались черты новых святых. В конце 1950-х гг. еще сохранялось прежнее деление истинно-православных христиан на «духовников» (около 30%), которые считали возможным перевоплощение Бога в человека, и традиционалистов, или «книжников» (70%), сохранивших верность основным канонам Православной Церкви. Правда, большинство групп «духовников» 1930-х гг. уже распалось¹⁰¹².

В целом в СССР в 1950—1960-е гг. существовало пять основных районов деятельности ИПХ. Первый — Центральное Черноземье и прилегающие области Украины — Ворошиловоградская, Харьковская, Сумская. Причем «истинно-православные» западных районов Орловской, Курской, Белгородской областей тяготели к украинским ИПХ, а «истинно-православные» восточных районов находились под влиянием липецких, воронежских и тамбовских ИПХ. Постоянную связь с Центральным Черноземьем поддерживали катакомбники второго района — Ростовской области, Краснодарского края и Северного Кавказа. Третий очень крупный «очаг» ИПХ, имевший собственные традиции, существовал в Поволжье на территории, простиравшейся от Чувашской АССР до Саратовской области включительно.

Много истинно-православных проживало в Ивановской, Ярославской, Горьковской, Костромской, Владимирской областях — традиционных иосифлянских местах. Нако-

нец, последний основной «очаг» возник в 1940-х гг. на Востоке в результате массовых депортаций ИПХ в Алтайский край и соседние Новосибирскую, Томскую, Кемеровскую области, Красноярский край. Кроме того, имелось еще пять сравнительно небольших районов, где имелись общины ИПХ — Казахстан (Караганда, Чимкент, Ташкент), Коми АССР, Брянская область, Северо-Запад России (часть Ленинградской и Новгородской областей) и Кировская область. Отдельные группы «истинно-православных» существовали и в других регионах СССР.

20 августа 1961 г. КГБ направил в ЦК КПСС докладную записку об «изуверской деятельности церковников», предлагая активизировать борьбу с ней. В этом документе шла речь об иоаннитах, последователях ИПЦ, ИПХ и ИПХС, приводились многочисленные факты. Так, в г. Мариинске Кемеровской области в 1961 г. было обнаружено несколько тайников на чердаках и в подвалах, в одном из них три-четыре года жили три молодые девушки. В Винницкой области долго действовали иоанниты, существовал нелегальный монастырь, насельницами которого являлись две школьницы. ИПХ особенную активность проявляли в Полтавской области и Алтайском крае¹⁰¹³.

На оживление деятельности ИПХ власти отреагировали новым, третьим по счету в послевоенные годы «походом» на катакомбников. Он продолжался с 1958 по 1964 г. Расстрелы уже не применялись, и самые суровые меры наказания «ограничивались» длительными сроками заключения в концлагерях, психиатрических больницах и ссылками. Тогда же помимо 25-летних приговоров начали широко применяться и небольшие сроки лишения свободы, которые бесконечно продлевались — таким образом, люди попадали за решетку на десятилетия.

Еще в конце 1930-х гг. основным местом заключения верующих стали лагеря Мордовской АССР (в то время там нередко проводились массовые расстрелы). В середине 1950-х годов они опустели, но ненадолго. Так, в 1959—1960 гг. в специальный женский лагерь строгого режима в Мордовии было отправлено около 300 мирянок и монахинь как Катакомбной, так и Патриаршей Церквей (за сопротивление закрытию храмов). К середине 1960-х гг. в Мордовии ликвидировали специальную зону для верующих, но они стали содержаться в известной зоне политзаключенных на станции Потьма. По свидетельству очевидцев, еще в 1968 г. из полутора тысяч узников 11-го лагерного отделения заметную часть составляли священнослужители и миряне всех конфессий, в том числе катакомбники, в основном с 25-летними сроками заключения¹⁰¹⁴.

В 1961 г. преследования подпольных христиан были официально узаконены. В «Инструкции по применению законодательства о культах», утвержденной постановлением Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов от 16 марта 1961 г. говорилось: «Не подлежат регистрации религиозные общества и группы верующих, принадлежащие к сектам, вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, истинно-православные христиане, истинно-православная церковь, адвентисты-реформисты, мурашковцы и т.п.». В других документах в число запрещенных «сект» включались также некоторые относительно самостоятельные группы истинно православных: молчальники, леонтьевцы, краснодраконовцы, иннокентьевны, иоанниты и федоровцы. Самым непосредственным образом коснулись ИПХ, не имевших никаких документов и не работавших в государственной системе, и указ 1959 г. о «закрытии святых мест», запрете паломничества, а также закон от 4 мая 1961 г. о тунеядстве¹⁰¹⁵.

В результате репрессий ИПХ вновь понесли большие потери и значительно сократились численно. Однако катакомбное движение в целом в конце 1950-х — начале 1960-х гг. многократно выросло. Когда в результате антирелигиозных гонений и закрытия множества храмов около четырех тысяч священников осталось без мест и регистрации, большинство из них не отказалось от сана, а продолжало обслуживать духовные

нужды верующих тайно от гражданских властей. Снова в подполье ушла и определенная часть Московского Патриархата.

Существуют многочисленные свидетельства этого процесса. Так, в конце 1960-х гг. в Коми АССР помимо трех групп ИПХ существовало около 20 незарегистрированных православных общин с «неофициальными священниками», лишенными приходов. В г. Кентау (Казахстан) после закрытия храма верующие стали в частном порядке собираться для совершения богослужений. Впечатляющие результаты дал единовременный учет религиозных объединений в СССР 1961 г. Он выявил 6486 функционирующих незарегистрированных «неправославных» общин и групп, к которым были отнесены и некоторые ИПХ, например 21 объединение иоаннитов, 15 — иннокентьевцев и т.п. В то же время оказалось, что существуют и сотни нелегальных православных общин, которые не относятся ни к ИПХ, ни к ИПЦ¹⁰¹⁶.

2 ноября 1962 г. Совет по делам РПЦ принял постановление, в котором указывалось, что при проведении единовременного учета в ряде областей и республик выявлено значительное количество незарегистрированных религиозных обществ и групп Русской Православной Церкви, возглавляемых заштатным духовенством, монахами. «Гастролирующие попы» совершали систематические богослужения в частных домах, под открытым небом и т.п. Уполномоченным поручалось внести в облисполкомы предложения по прекращению их деятельности. Согласно сведениям совета на 1 июня 1962 г. в автономных республиках РСФСР было 170 официально действующих приходов и 199 нелегальных, в том числе 167 в Татарии. В остальной части России наибольшее количество неофициальных общин приходилось на Горьковскую область: 136 и 50 зарегистрированных, Ульяновскую — соответственно 95 и 15, Оренбургскую — 64 и 16, Пензенскую — 52 и 29 и т.д. В целом в РСФСР было 684 нелегальных прихода¹⁰¹⁷.

10 ноября 1963 г. председатель КГБ В. Семичастный отослал в ЦК КПСС подобную справку с информацией о том, что в 1961—1962 гг. на территории Ивановской, Кемеровской, Пермской, Новосибирской, Челябинской областей и Казахстана стали появляться представители ИПХ, в ряде случаев создавшие подполье. В с. Ногино Ивановской области они распространяли антисоветские письма среди населения, в пос. Тюлькубас под Чимкентом организовали «школу» по подготовке проповедников из молодежи, в которой две монахини обучали шесть девушек-послушниц 18—28 лет. Деятельность ИПЦ также в основном носила «антиобщественный характер подполья», иногда перерастая в открыто враждебную властям, — проповедник Котов во Владимирской и Горьковской областях распространял антисоветские листовки. А член его группы Зубков в ночь с 5 на 6 ноября 1961 г. повредил три памятника В.И. Ленина. В пос. Шексна Вологодской области существовала нелегальная молодежная группа ИПЦ, и в марте 1963 г. там отказалось от участия в выборах в органы власти более 20 человек, в том числе депутат Никольского сельсовета¹⁰¹⁸.

Наконец, в еще одной справке КГБ о «враждебных проявлениях» сект в Средней Азии от 29 января 1964 г. сообщалось, что в Киргизии этой «враждебной работой» активно занималась нелегальная группа ИПХ, имевшая специальные схроны и тайники. Арестом ее руководителей и специальными профилактическими мерами ее деятельность «удалось» прекратить¹⁰¹⁹.

В последний период «хрущевских гонений» некоторые иерархи Московского Патриархата — митрополиты Никодим (Ротов), Иоанн (Вендланд), Леонид (Поляков), архиепископы Ярославский Платон и Уфимский Анатолий, — опасаясь, что «видимую Церковь», как в 1930-е гг., почти полностью уничтожат, начали рукополагать тайных священников для «катакомб». Принимал участие в катакомбных процессах и митрополит Антоний (Блум), который, по некоторым сведениям, дал согласие на просьбу группы тайных священнослужителей считать его своим епархиальным архиереем. Су-

шествуют даже свидетельства о случае поставления Владыками Платоном, Анатолием и Иоанном тайного епископа (впрочем, этот случай вызывает сомнения)¹⁰²⁰.

Одним из подобных священнослужителей был скончавшийся в 1995 г. московский протоиерей Глеб Каледа. Являясь доктором геологических наук, крупным специалистом в области литологии, он в начале 1960-х гг. начал работу «Библия и наука о сотворении Мира», в которой говорилось об отсутствии принципиальных противоречий между Библией и научными представлениями о возникновении Вселенной. Вскоре Г. Каледа организовал тайный христианский кружок для обучения детей знакомых, просуществовавший до 1990-х гг. В 1972 г. митрополит Иоанн (Вендланд) тайно рукоположил его во диакона, а затем пресвитера. С этого дня о. Глеб регулярно совершал Евхаристию в своей домашней церкви. Только в 1990 г. он по благословению Патриарха перешел на открытое служение¹⁰²¹.

Имеется значительное количество свидетельств и о том, что сотни тайных монахинь были пострижены зарегистрированными епископами и получили от них благословение жить общинами в квартирах и зарабатывать на жизнь работой в больницах, поскольку канон разрешает монахиням пропускать службу только ради оказания жизненно важной помощи или спасения жизни. Они остались в Московском Патриархате и посещали его храмы. Священник К., в 1970-е гг. тайно обслуживавший в качестве неофициального духовника больницу в крупном городе, говорил, что «даже служит там тайно литургии по субботам. На эти службы верующие нянечки приводят верующих пациентов, которым они доверяют. Приходят и многие врачи»¹⁰²². Известная церковная диссидентка Татьяна Горичева подтверждала, что «многие ее друзья-женщины, молодые ленинградские интеллектуалки, приносили обеты правящему епископу Патриаршей Церкви жить по-монашески в миру в тайных монашеских общинах»¹⁰²³.

Ликвидация в конце 1950-х — начале 1960-х гг. десятков монастырей и изгнание их насельников также способствовали образованию тайных скитов и монашеских общин, не порвавших с Московским Патриархатом. По свидетельству архимандрита Михаила, в конце 1970-х гг. проживавшего в Греции, а до этого пребывавшего в тайных скитах Урала и Сибири, многие катакомбники, как и он, были лояльны Патриархии¹⁰²⁴.

Существование «незаконно» действовавших православных общин, поддерживавших канонические связи с Московским Патриархатом, подтверждается и разницей между официальным и действительным отношением руководства Патриархии к подпольному Православию. Известно, что когда в 1950-х гг. митрополит Киевский Иоанн (Соколов) пожаловался Патриарху Алексию, что в его епархии много катакомбников, Первосвяtitель даже прослезился и сказал: «Да вы должны Бога благодарить, что их у вас так много, так много подлинных молитвенников перед Господом за грехи наши»¹⁰²⁵.

На 1 января 1981 г., по сведениям Совета по делам религий в СССР, действовали 116 незарегистрированных обществ Русской Православной Церкви (в рамках Московского Патриархата), в том числе в РСФСР — 32, в УССР — 76, в Казахской ССР — 5. Фактически же их было больше. Так, только в с. Дивеево Горьковской области не было ни одной действующей церкви, но существовало до 10 незарегистрированных православных объединений. В районе отмечалось постоянное возрастание религиозной обрядности. В селе насчитывалось до 200 верующих, вынужденных обращаться в действующие храмы, находившиеся в 60—65 км от Дивеево, но местные должностные лица не принимали мер «по упорядочению сети религиозных объединений»¹⁰²⁶.

В секретной информации Совета для ЦК КПСС выдвигалось предположение, что органы власти в ряде краев и областей отказывают в регистрации фактически действовавшим православным религиозным обществам из-за нежелания испортить «благополучную» статистику, а также из-за опасения увеличения числа ходатайств верующих, количественного роста регистрируемых объединений и оживления их деятельности.

В 1983 г. председатель Совета по делам религий В.А. Куроедов сообщал в ЦК КПСС: «Многие должностные лица предпочитают не замечать существования нелегальных религиозных объединений. Порой мирятся с их незаконной деятельностью. Не считаясь с реальной обстановкой, категорически отклоняют просьбы верующих о регистрации их объединений, считая ее уступкой религии, “минусом” в идеологической работе... Нередко в регистрации отказывают наиболее лояльным, патриотически настроенным верующим, что создает напряженность, не способствует делу гражданского воспитания верующих»¹⁰²⁷. В начале 1990-х гг. все «патриархийные катакомбники» легализовались.

Следует отметить, что в 1960-е гг., также как и в 1930-е, усиление гонений на религию сблизило все течения православного христианства. Преследования, которым подвергался Московский Патриархат, подняли его авторитет в глазах «истинно-православных». Кроме того, теперь они составляли относительно небольшую часть подпольного христианства. Основная же масса катакомбников уже не отрицала законности официальной иерархии и считала опасным полностью отрываться от нее при всех ее недостатках. Эмигрантский историк прот. Д. Константинов справедливо писал: «К 1966 году вся страна покрылась сетью тайных церковных и вообще религиозных ячеек... В этом отношении в последние годы стала стираться разница между тайной РПЦ и собственно Катакомбной Церковью, существующей с 30-х годов. И та, и другая находились на тайном положении, жестоко преследуемые властью. Разница в их каноническом “кредо” в условиях ожесточенных гонений потеряла свою остроту, ибо общая опасность и общая беда всегда и всюду сближает людей, а особенно единоверцев»¹⁰²⁸.

О начале процесса частичного взаимопроникновения «истинно-православных» и Московского Патриархата свидетельствует письмо 1962 г. одного из тайных епископов. Обращаясь к своей пастве, он писал: «...Времена изменились: наших храмов теперь в СССР нет. Можем ли мы, ушедшие в свои одинокие кельи и обретающие там все, чем питали нас храмы, запрещать тысячам верующих, не имеющих такой возможности, искать утешения и духовной пищи в имеющихся храмах и осуждать их за то, что они ходят туда?.. И я говорю вам: если не имеете других путей принимать участие в Богослужении и приобщаться таинствам, если томит вас жажда Церковного единения и молитвы и если посещение храмов дает вам это — то не смущаясь идите туда и не бойтесь, что это будет грехом... Если вам захочется более близкого общения, то советую, как я и раньше говорил вам, избирать для этого священнослужителей истинных и нелицемерных, а таковые в храмах существуют»¹⁰²⁹.

Подобная двойственная точка зрения присутствует и в важном документе самиздата «Россия и Церковь сегодня», созданном в 1970 г. анонимными членами катакомбной общины. С одной стороны, авторы проклинают Московскую Патриархию как нового Иуду, лобзанием предающего Иисуса, но с другой — отводят ей и положительную роль в обществе. Признаются, что в официальной Церкви есть приличные епископы, и «церковное сознание стремится найти своих достойных выразителей среди высших иерархов». Отмечается также, что неопиты воцерковляются, ища крещения и духовного руководства у законно служащих священников, которые хотя и «проводят политику Патриархии, лояльной к государству, но, с другой стороны, подвергают себя всяческим опасностям... тайно помогая вести людей в Церковь, давая им религиозную литературу»¹⁰³⁰.

Другим подтверждением процесса являются два самиздатовских письма, адресованных Русской Православной Церкви за границей — единственные «катакомбные» документы, где ее Синод признается высшим церковным авторитетом. В одном из них, датированном 1966 г., Патриаршая и Зарубежная Церкви рассматриваются как единая Русская Церковь. Подписавшиеся говорят о Патриаршем епископате как о своем собственном, хотя и критикуют его за слабость в противостоянии атеистическому го-

сударству. Другое письмо, опубликованное в 1977 г., превозносит Архиерейский Синод РПЦЗ, но за этим следует утверждение, что между Зарубежной и Патриаршей церквами существует только внешний разрыв¹⁰³¹. Впрочем, известно, что в 1975 г. под омофором Первоиерарха РПЦЗ митрополита Филарета (Вознесенского) перешла группа из 12 катакомбных священников, окормлявших несколько десятков общин¹⁰³².

В результате указанных причин в катакомбном движении в 1960 — 1970-е гг. произошли качественные изменения, ее своеобразное внутреннее перерождение. В 1980-е гг. внутри нее существовало уже около десяти разных группировок, имевших иерархическое руководство, а также некоторое количество священников, служивших без связи с каким-либо тайным епископом. Почти все эти группы не имели канонического общения между собой. Большинство из них начало оформляться только в 1960 — 1970-е гг. и не было непосредственно связано с «истинно-православными» довоенных или первых послевоенных лет. Различались указанные группы и по их отношению к Московскому Патриархату — от признания его юрисдикции до полного отрицания таинств, совершаемых священнослужителями Патриархата.

Доля традиционных ИПХ и ИПЦ в катакомбном движении постоянно сокращалась. Шел непрерывный процесс уменьшения их численности (во многом из-за резкого падения рождаемости) и старения. 19 февраля 1957 г. в удмуртском г. Глазове скончался проживавший там наиболее известный и авторитетный катакомбный архиерей — схиэпископ Петр (Ладыгин), рукоположенный еще в 1920-е гг. епископом Андреем (Ухтомским). Правда, в конце 1964 — начале 1965 г. после прекращения антирелигиозных гонений часть «патриархийных катакомбников» вновь перешла на легальное положение, а деятельность ИПХ активизировалась. В докладе председателя Совета по делам религий В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 16 июля 1969 г. отмечалось: «Имеются факты, говорящие об оживлении деятельности секты истинно-православных христиан, которые в ряде случаев ведут себя открыто и нагло. Так, возвратившиеся из заключения руководители истинно-православных христиан в Мудьюге Архангельской обл., некие Барышевы, организовали групповые моления, на которых присутствовали верующие и из других областей. Один из Барышевых объявил себя Богом Саваофом, он провозгласил, что наступает конец света, и призвал верующих выбросить на улицу и сжечь все документы, деньги, книги, что и было сделано. Фанатизм накалили до того, что даже продукты питания были выброшены на улицу. Доставленный в дежурное отделение милиции “Бог Саваоф” Барышев сорвал со стены портреты Маркса, Энгельса, Ленина и изорвал их в клочья»¹⁰³³.

11 декабря 1972 г. Ленинградский уполномоченный Совета по делам религий Г. Жаринов писал в следственный отдел Управления КГБ по Ленинградской области: «На территории СССР известно функционирование отдельных нелегальных групп т. н. “истинно православной церкви” (“ИПЦ”) и близких им “истинно православных христиан” (“ИПХ”). Участники этих групп не признают советского общественного строя, стоят на позициях монархизма, уклоняются от исполнения гражданских обязанностей и участия в общественной жизни, проповедуют крайние фанатичные взгляды. Учитывая антигосударственную и антиобщественную сущность деятельности сторонников “ИПЦ” — “ИПХ”, их религиозные общества и группы органами власти не регистрируются»¹⁰³⁴.

В начале 1970-х гг. развернулась очередная кампания борьбы с ИПХ. Она была не такой жестокой, как прежде, но достаточно масштабной. Исследования, которые проводили в 1970—1973 гг. и в начале 1980-х гг. в Центральном Черноземье экспедиции под руководством А.И. Демьянова выявили раскол ИПХ на несколько толков и общее затухание движения с середины 1960-х гг. В то же время почти исчезли исторические группы — не удалось обнаружить иоаннитов и еноховцев, молчальников осталось 37 человек, а федоровцев немногим более 100. Демьянов смог опросить в начале 1970-х гг.

1209 «истинно-православных христиан» в Тамбовской (501 человек), Воронежской (488), Липецкой (127) и Рязанской (93) областях, которые якобы составляли 90% проживавших там ИПХ.

Кроме того, на территории Тульской, Орловской и Курской областей проводились рекогносцировочные исследования в одном-двух районах. Здесь был опрошен еще 151 человек. В результате исследователь пришел к выводу, что общая численность «истинно-православных» в Центральном Черноземье составляет полторы тысячи и сократилась с конца 1950-х гг. на 40—50%. Правда, они назывались представителями третьей крупнейшей религии в регионе. Если учесть, что в 1972 г. его население насчитывало 8 млн человек, то, вероятно, ИПХ было больше, чем указывали советские авторы¹⁰³⁵.

В начале 1980-х гг. А. Демьянову удалось выявить в Воронежской области только 262 ИПХ, и он посчитал, что за десятилетие их количество сократилось еще почти вдвое. Материалы, собранные экспедициями, показали ослабление в среде ИПХ эсхатологических и антихристологических настроений, изменение отношения к советским законам. Полностью не признавало их только около 20%, более 70% выполняли одни законы (платили налоги и т.д.), но отвергали другие, заявляя: «Мы признаем советскую власть, но смотря в чем. Что не греховно и не противоречит нашим убеждениям — мы выполняем, а что греховно, нас никто не заставит делать». Свыше 60% трудоспособных ИПХ уже работало на государственных предприятиях, в совхозах и колхозах. Усилился процесс «обмирщения». Почти вся молодежь отказалась от обета безбрачия, исчезли запреты на обучение детей в школе, получение пособий и пенсий. Из 1209 обследованных в начале 1970-х гг. ИПХ 978 человек (81%) составляли женщины, в основном крестьянки. 23 % проживали в городах, но коренных горожан из них были лишь 20 человек; имелось и 150 монахинь. Доля молодежи от 18 до 30 лет за 1970-е гг. сократилась с 1,4% до 0,8%, количество людей старше 60 лет выросло с 52,4% до 76,3%¹⁰³⁶.

Эти данные подтверждают исследования в 1969 г. ИПХ в Коми АССР. С 1958 г. их количество сократилось со 133 до 41 человека, из них мужчины составляли 10,9 %, а домохозяйки, иждивенцы и пенсионеры — 69 %. Лишь два человека были моложе 30 лет, а 32 — старше 50 лет. Проповедники ИПХ уже давали в определенных ситуациях разрешение на работу в государственных учреждениях и на предприятиях¹⁰³⁷. Ослабление и старение традиционных «истинно-православных» подтверждал и сумевший в 1978 г. эмигрировать из СССР катакомбный схимонах, а позднее митрополит Антоний (Чернов)¹⁰³⁸.

Последние относительно массовые вспышки открытого неповиновения властям среди ИПХ произошли в 1981 г. в связи с обменом паспортов. Верующие бойкотировали его на том основании, что новая формулировка гражданства совпадает с апокалептическим «числом зверя» — 666 (это число складывалось после перевода соответствующих букв в цифры). Отказ от получения паспортов в некоторых районах приобрел такой размах, что местные средства массовой информации предупреждали об уголовном наказании «отказников» и лишении их пенсий¹⁰³⁹. На 1980—1984 гг. пришлось и заключительная волна гонений на «катакомбы», коснувшаяся главным образом молодежи.

Значительную часть общин ИПХ и ИПЦ до 1981 г. окормлял епископом Уфимским Владимир (Штротберг), последний тайный архиерей, имевший признанное некоторыми катакомбниками рукоположение 1920-х гг. (правда, сведения о нем очень противоречивы и вызывают большие сомнения). Хотя он представлял андреевскую традицию, но руководил и рядом общин на Северо-Западе России: священника Михаила Рождественского (ум. в 1988), иеромонахов Тихона (Зорина, ум. в 1976), Никифора (Рихтер Меллина, ум. в 1983), священника Сергия Моно, иеросхимонаха Василия (Ренне, ум. в 1986), карельских и финских православных священников Илии, Иакова, Симеона и др. В 1981 г. епископ Владимир скончался, и эти общины стали самостоятельными¹⁰⁴⁰.

Потом большинство из данных общин перешло под омофор епископа Тамбовского и Моршанского Лазаря (Журбенко), возглавившего одну из основных групп катакомбного движения в 1980-е гг. Иеромонах, затем архиерей, Лазарь стал руководить этой группой с 1966 г. Постепенно к нему стянулись многие представители кирилловской (к которой он сам принадлежал), иосифлянкой и андреевской (в меньшей степени) традиций. Архиерейскую хиротонию Владыки Лазаря совершил в 1982 г. по поручению Архиерейского собора Русской Православной Церкви за границей епископ Каннский Варнава (Прокофьев). Фактически это была тайная операция, позволившая обмануть КГБ, члены Синода скрытно рукоположили Владыку Варнаву и предоставили ему полномочия одному совершить архиерейскую хиротонию (хотя по канонам это должны делать как минимум два архиерея), затем епископ Варнава под видом туриста приехал в СССР, где и рукоположил Владыку Лазаря.

Еще одним кандидатом для архиерейской хиротонии был вдовый священник Михаил Рождественский. Он оказался освобожден из лагеря в г. Печора Коми АССР 7 октября 1955 г., после чего поселился в Брянской области, откуда ездил на Северо-Запад России, в Поволжье (в частности, соборовал в г. Богумьма катакомбного иеромонаха Евгения (Ушакова)), на Украину и в Белоруссию¹⁰⁴¹. Проживавшая в Липецкой области «истинно-православная христианка» А.В. Белгородская вспоминала о некоторых наставлениях о. Михаила: «Ваш подвиг был очень хороший, как монашеский, любовь была, но только недоставало вам священников... В советскую церковь ходить нельзя, потому что декларацию подписали... там, в советской церкви вы погибните, а здесь спасетесь, потому что кто в советскую церковь ходит по незнанию, тот может быть и получает благодать, а кто, зная, приобщается, то это в осуждение. Но не все погибли там, и не все спасутся здесь, на суде будут дела спрашивать и любовь... Пока я жив, со мной, а потом, если Господь время продлит, то Он вам пошлет священника православного»¹⁰⁴².

Во время богослужений священник неизменно совершал возношение имен Первоиерархов Русской Православной Церкви за границей. Он приветствовал решение Архиерейского Синода о восстановлении не признававшей Московский Патриархат церковной иерархии на территории СССР и даже дал согласие на свою епископскую хиротонию. Однако по ряду причин тайно хиротонисан во епископа для катакомбных общин был о. Лазарь, которого о. М. Рождественский по одним сведениям признал, а по другим — нет. Весной 1985 г., находясь у своих духовных чад в Гомельской области Белоруссии, священник пережил аварию на Чернобыльской атомной станции, после которой у него наступило резкое ухудшение здоровья¹⁰⁴³. Однако о. Михаил продолжал окормлять свою паству на значительной части европейской территории страны, так, 7 декабря 1985 г. он отпел в одном из сел Харьковской области скончавшегося там катакомбного священника Никиту Лехана. 10 сентября 1988 г. о. М. Рождественский скончался в возрасте 87 лет в Луте, где жил последние годы¹⁰⁴⁴. В конце 1980-х гг. епископ Лазарь (Журбенко) стал представлять РПЦЗ в СССР, в это время у него насчитывалось более 50 тайных приходов, в основном на Кубани, Северном Кавказе, в Белоруссии и на Украине¹⁰⁴⁵.

Еще одно тайное течение возглавил «схимитрополит» Геннадий (Секач), создавший самую многочисленную катакомбную «иерархию». В 1970-х — начале 1980-х гг. она насчитывала в общей сложности 24 «архиерея», а в 1990-х гг. — 15. Сам о. Геннадий в 1962 г. ушел из Московского Патриархата вследствие того, что его лишили возможности легально служить. До своей смерти в 1987 г. он получал пенсию Белорусской епархии, иереем которой прежде состоял. Рукоположил о. Геннадия во «епископа» в 1968 г. или, по другим сведениям, 13 мая 1971 г. полугенеральный «архиепископ» Серафим (Поздеев) — на самом деле авантюрист и самозванец, выдававший себя то за царского сына, то за рукоположенного Патриархом Тихоном архиерея (это хорошо видно по материалам архивных следственных дел Поздеева).

Геннадий жил в основном в Абхазии и на Северном Кавказе. В 1970-е гг. он основал в районе Нового Афона несколько общин и тайный монастырь в горах. Три монастыря было создано на Украине, четыре — в Белоруссии, два — на Кубани. «Схимитрополита» неоднократно арестовывали, последний раз в 1975 г. После смерти Геннадия в 1987 г. первоиерархом «геннадиевской» ветви катакомбников стал «схимитрополит» Ставропольский Феодосий (Гуменников), а с 1991 г. «митрополит» Могилевский Епифаний. «Геннадиевцы», как и некоторые другие течения катакомбников, самовольно и без всяких оснований называют себя «Истинно-Православной Церковью» (исторически так могут называть себя только катакомбники иосифлянской традиции)¹⁰⁴⁶.

Священнослужителями Московского Патриархата были ранее и основатели трех других групп: «епископ» Викентий (Чекалин) — диаконом, «епископ» Лазарь (Васильев) — священником, «епископ» Исаакий (Анискин) — иеромонахом. Последний был рукоположен во «епископа» «геннадиевским» «схимитрополитом» Феодосием, но затем порвал с ним, учинив так называемый «исаакианский раскол». Отколовшись от «геннадиевцев», он ужесточил свою позицию и по отношению к Московскому Патриархату: стал запрещать пастве причащаться в ее храмах (хотя таинства, совершаемые патриархийными священниками, признавал), поминать ее архиереев. Впоследствии «епископ» Исаакий вообще начал принимать верующих из Московского Патриархата через покаяние.

Часть «геннадиевской иерархии» именовалась «алфеевцами», так как происходила от «архиепископа» Барнаульского Алфея, который, так же как и схимитрополит Геннадий (Секач), считает себя преемником самозванного «архиепископа» Серафима (Поздеева). Из «геннадиевского» течения к 1992 г. выделился и так называемый «Богородичный центр» во главе с «архиепископом» Иоанном (Береславским)¹⁰⁴⁷.

Часть традиционных ИПХ, со временем занявших враждебную позицию по отношению к Русской Православной Церкви за границей, вошли в два течения, связанных с греками-старостильниками (то есть верующими Греческой Православной Церкви, не признавшими ее перехода на григорианский календарь и отделившимися от руководства этой Церкви). Одно из них возглавил епископ Гурий (Павлов), еще в 1929 г. рукоположенный во иеромонаха епископом Андреем (Ухтомским). Около 30 лет он провел в лагерях и еще 15 прожил, скрываясь в подполе крестьянской избы у своих духовных чад. Летом 1991 г. Владыка Гурий был хиротонисан греческими архиереями (скончался 7 января 1996 г.). Эта группа носила название «Российский экзархат ИПЦ Греции юрисдикции Синода архиепископа Авксентия Афинского» и насчитывала около 5 тысяч человек. К началу 1990-х гг. представители другой юрисдикции греков-старостильников (всего их насчитывалось 12) поставили митрополита Антония (Чернова), в схиме Епифания, — известного духовного писателя, создавшего ряд произведений по истории и идеологии катакомбного движения. Он основал еще одну ветвь катакомбной иерархии под названием «Российский экзархат ИПЦ Греции юрисдикции Синода архиепископа Андрея Афинского» («матфеевцев»). Данная группа также насчитывала несколько тысяч последователей.

Еще три группы — «климентовцы» и отколовшиеся от них «пафнутиевский» и «евсевианский» расколы близки к старообрядцам. Они происходят от якобы рукоположенного епископом Андреем (Ухтомским) во епископа Томского для беглопоповских общин Климента (Логгинова), расстрелянного в 1938 г. В этих трех группах в начале 1990-х гг., по их собственным оценкам, насчитывалось около 35—40 тысяч верующих и 10 архиереев¹⁰⁴⁸.

Общая численность представителей катакомбного движения в СССР в конце 1980-х — начале 1990-х гг. составляла, по оценкам различных ее представителей, от 100 до 500 тысяч человек. Так, например, архиепископ Лазарь (Журбенко) утверждал,

что только на территории Сибири и Татарии существует около 750 общин с 80 тысячами верующих¹⁰⁴⁹. В последующие годы большинство катакомбников легализовало свою деятельность, но значительная часть осталась в подполье.

Когда в годы перестройки гонения на Церковь ослабли, а затем и вовсе прекратились, первоначально казалось, что катакомбное движение, выйдя из подполья, сольется с Русской Православной Церковью за границей. Этому способствовало их единство по тем принципиальным вопросам, из-за которых они расходились с Московской Патриархией: отрицательное отношение к «сергианству», церковному модернизму и экуменизму, канонизация новомучеников. В 1989 г. и отдельные священнослужители Московского Патриархата заявили о своем переходе в РПЦЗ. Среди первых присоединившихся клириков были московский священник Алексей Аверьянов и группа сибирского духовенства во главе с игуменом Евтихием (Курочкиным).

В мае 1990 г. в Джорданвилле состоялся собор епископов РПЦЗ, в котором принял участие катакомбный епископ Лазарь (Журбенко). Собором были приняты два документа: Положение о свободных приходах и Послание Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей¹⁰⁵⁰. В апреле 1990 г. произошел переход в юрисдикцию РПЦЗ православной общины Цареконстантиновского храма в Суздале — первого «зарубежного» прихода на территории СССР; вскоре в Ленинграде община Зарубежной Церкви получила Казанский храм в бывшем Воскресенском Новодевичьем монастыре. Следует отметить, что среди иерархов РПЦЗ не было единодушия в вопросе о правильности подобных шагов, так, в частности, в заявлении ее Архиерейского Собора в мае 1990 г. говорилось, что Зарубежная Русская Церковь «не стремилась открывать в России своих приходов»¹⁰⁵¹.

Тем не менее в начале 1990-х гг. уже во многих районах страны начали возникать приходы РПЦЗ, которые посещали как выходцы из Московского Патриархата, так и катакомбники. Клирики катакомбного движения получили право свободного вступления в юрисдикцию Зарубежной Церкви, в отличие от патриархийного духовенства, принимавшегося только через письменное и публичное покаяние. В 1991 г. было зарегистрировано 70 приходов так называемой Российской Православной Свободной Церкви, канонически и административно подчиненной РПЦЗ.

Однако в последующие годы часть приходов, поначалу перешедших в юрисдикцию Зарубежной Русской Церкви, вновь отделились от нее. Катакомбный священник о. Валентин Мищенко объяснял разногласия следующим образом: «Дело в том, что когда создавался Устав Православной Церкви за рубежом, которую сейчас возглавляет митрополит Виталий, то было решено, что, как только будет возможность вернуться на Родину, то она прекратит свое существование. Гонения прекратились, но священники из-за границы не возвращаются. Понять их можно. Жизнь там лучше, а в России придется жить на воде и хлебе. В Катакомбной Церкви не так давно прошел Собор, и мы постановили, что если священники из Православной Церкви за рубежом не вернуться, мы перестанем им подчиняться»¹⁰⁵².

В действительности причины разделения были гораздо глубже, чем просто нежелание зарубежных иерархов вернуться в Россию, поскольку существование русских православных приходов и епархий в других странах все равно было бы неизбежно при современной интенсивности эмиграции. Часть катакомбников не приняла стремление руководить их церковной жизнью со стороны далеко и малознакомого Архиерейского Синода. Возник конфликт, хорошо знакомый по политической истории, когда пришедшие к власти местные борцы давали отставку правительству в изгнании, каким бы авторитетным оно ни было. С другой стороны, члены Архиерейского Синода увидели опасность захвата церковной власти в РПЦЗ со стороны вновь рукоположенных в России архиереев, и вообще почувствовали принципиальную ошибочность прихода Рус-

ской Православной Церкви за границей на каноническую территорию Московского Патриархата. В июне 1993 г. архиепископ Лазарь (Журбенко) заявил о своем административном отделении от Архиерейского Синода РПЦЗ и в ответ был уволен на покой с лишением права самостоятельного служения и управления приходами. Вместе с Владыкой Лазарем ушли большинство возглавляемых им общин. Окончательный разрыв произошел несколько позднее — в 2001 г.¹⁰⁵³

Подводя итоги нелегальной церковной деятельности в СССР, следует отметить, что она разделяется на четыре этапа. Первый этап продолжался с 1918 г. до конца 1920-х гг. В подполье в это время находилась небольшая часть православных священнослужителей и мирян — в основном ИПХ, а с 1928—1929 гг. и некоторые общины иосифлян. Второй этап приходится на 1930-е — середину 1940-х гг. В результате жесточенных антирелигиозных гонений произошел резкий рост рядов катакомбного движения, на нелегальное положение перешло большинство общин, основная часть которых сохранила верность Московскому Патриархату. В последние годы войны они снова вышли из подполья. Общее количество катакомбников многократно уменьшилось. Правда, в рамках третьего этапа — в конце 1940-х гг. возросли активность и численность ИПХ. Но в результате репрессий в 1950 г. и в их среде начался спад.

Заключительный — четвертый — этап охватывает конец 1950-х — начало 1990-х гг. Хотя общин ИПХ становилось все меньше, ряды катакомбного движения вновь заметно выросли вследствие очередной кампании в борьбе с религией. Когда в результате массового закрытия храмов в 1958—1964 гг. тысячи священников остались без мест и регистрации, большинство из них продолжило обслуживать духовные нужды верующих тайно от гражданских властей. В «катакомбах» произошли качественные изменения: оформились несколько основных группировок, как на базе «истинно-православных», так и главным образом на основе нового «пополнения».

Можно с уверенностью сказать, что катакомбное движение, особенно в лице общин ИПХ, было самой непримиримой, последовательной формой массового сопротивления советской власти за все 70 с лишним лет ее существования. Создание и расширение религиозного подполья в стране было во многом «делом рук» самих органов государственной власти, следствием их ошибочной политики по отношению к Церкви. В то же время следует отметить, что феномен православных «катакомб» (религиозных неконформистов) показал не только свою большую устойчивость в различных условиях, но и наличие тенденции к самовоспроизводству и увеличению за счет пополнения верующими Московского Патриархата. Новые члены тайных общин составляли значительную часть их состава.

Катакомбное движение помогло Русской Церкви выстоять даже в периоды самых жестоких гонений. Оно оказывало определенное воздействие на государственную религиозную политику, являясь одной из причин изменения ее курса, тех или иных уступок со стороны Советского государства. Движение переживало различные периоды, в том числе и существенного упадка. Со временем заметной становилась тенденция вырождения части катакомбников в секту. Длительное существование в подполье, необходимость конспирации, невозможность для епископов поставить себе каноничных преемников порождали внутри катакомбного движения обстановку взаимного недоверия и сектантской замкнутости, в результате чего это движение обрело черты, свойственные сектам: дробление на группировки, сознание собственного превосходства, самоизоляция не только от мира, но и от остальных поместных Православных Церквей. Но в целом к моменту падения советской власти «тайная» церковная деятельность не только не перестала существовать, но и в определенной степени находилась на подъеме.

§ 3. Религиозные диссиденты

Возникновение такого нового для СССР и Русской Православной Церкви явления, как деятельность религиозных или церковных диссидентов, было в значительной степени связано с началом так называемого русского религиозного возрождения. Этот постепенный, часто болезненный процесс поиска людьми своих национально-религиозных корней зародился в СССР в середине 1950-х гг. Связанное с критикой сталинизма частичное развенчание прежних идеалов, подрыв авторитета КПСС породил у определенной части населения страны, не поддавшейся иллюзиям «социализма с человеческим лицом», желание определить свою собственную веру и свой подход к жизни. Некоторое расширение границ духовной свободы позволило заняться поисками альтернативных культур.

Самая ментально близкая культура была в Русской Православной Церкви. «Когда мыслящие люди в СССР старались обрести и восстановить культуру прошлого в ее чистой, противостоящей идеологическим искажениям форме, они встречались с Православием в любой области — в искусстве, архитектуре, музыке, литературе, поэзии»¹⁰⁵⁴. Начавшееся в России после смерти Сталина постепенное восстановление исторической памяти часто вело к Православию. Следует отметить, что в конце 1950-х гг. в СССР впервые пробудился интерес и к восточным религиям, йоге и т.п., но и через них многие впоследствии приходили в христианство. В результате постепенно развернулось движение к Церкви людей, воспитанных в религиозно-индифферентных семьях.

Священник Михаил Аксенов-Меерсон справедливо отмечал: «Первоначально “религиозным возрождением” называлось обращение к христианству молодежи, принадлежавшей ко второму и третьему поколению советских граждан, получивших атеистическое воспитание. Для нее это обращение было в значительной мере окрашено реакцией на коммунизм, разочарованием в советской государственной идеологии, представляющей историческим тупиком, самый верный выход из которого лежит через возврат к христианству в его тысячелетней национальной форме — Православию»¹⁰⁵⁵. Только в 1980-е гг. термин «русское религиозное возрождение» стал применяться в более широком смысле: общенациональное пробуждение интереса к религии с ежегодным заметным ростом посещений храмов, числа крещений, отпеваний, венчаний и т.д.

Строго говоря, религиозное возрождение, начавшееся в середине 1950-х гг., было его второй волной в СССР. В предыдущих главах уже говорилось о первом проявлении этого процесса в военные и послевоенные годы, когда Русская Церковь менее чем за десять лет смогла восстать из руин. К 1948—1949 гг. властям фактически удалось прекратить этот процесс. Новый этап религиозного возрождения качественно отличался от предыдущего своей нелегальностью, диссидентством. Послевоенное восстановление церковных институтов было официально разрешено и в основном не носило политически конфликтного характера. Совсем иначе дело обстояло с обращением к вере в 1950-х — 1980-х гг., происходившим помимо воли и «поверх запретов» властей. Ведь в этот период теоретически любая семья, желавшая крестить ребенка, рисковала в той или иной форме конфронтацией с ними. Первый и второй этапы религиозного возрождения различались и составом их участников. Если в период войны возвращавшиеся в Церковь представители интеллигенции терялись в огромной массе «простого» верующего народа, то в 1956—1970-х гг. они доминировали.

Следует отметить, что духовное образование и религиозная литература в СССР были почти недоступны молодежи, окончившей вузы или средние специальные учебные заведения. На этот счет существовала строгая система запретов. Так, например, о. Георгий Эдельштейн недавно вспоминал, что ему пришлось добиваться священства 24 года —

с 1956 по 1979. Он решил стать священнослужителем на последнем курсе института иностранных языков. Начал с походов к инспекторам семинарий в Ленинграде, Москве, Саратове. Но они отказывались даже принять документы. Обращался к правящим архиереям 11 епархий в разных концах страны, прося принять на любое церковное послушание, однако всегда получал отказ, так как Г. Эдельштейн был кандидатом наук и работал доцентом в вузе. Лишь в ноябре 1979 г. с огромным трудом ему удалось добиться посвящения в сан¹⁰⁵⁶. Естественно, что интеллигенция, приходившая к христианству, стала заниматься самообразованием. Носившее стихийный, спонтанный характер религиозное возрождение с самого начала приняло полуподпольные формы: самиздата, кружков, молодежных дискуссионных групп, семинаров, собиравшихся на частных квартирах для изучения Священного Писания и богословия.

Существовало несколько источников распространения христианской идеологии, сыгравших важную роль в развитии религиозного возрождения. Одним из них были православные братства, сложившиеся или окрепшие в 1917—1920-е гг. К началу 1930-х гг. уцелевшие к тому времени братства перешли на нелегальное положение, подвергались репрессиям, но смогли в той или иной форме просуществовать до 1950-х гг. Их остатки многое сделали для передачи веры и церковности новым поколениям, что подтверждают материалы религиозного самиздата. Частичное возобновление деятельности братств произошло благодаря освобождению из заключения некоторых бывших руководителей. Так, скончавшийся в конце 1980-х гг. о. Таврион, выйдя в 1956 г. из лагеря, обращал в веру и образовывал братства и общины всюду, где он поселялся, до последних дней жизни в скиту под Ригой¹⁰⁵⁷.

Продолжателями этих традиций стали некоторые молодежные религиозные семинары. В 1960—1970-е гг. происходило формирование братств новообращенных интеллигентов. Их целью было возрождение христианского мышления, покаяние за вину безучастности к судьбе Церкви в самые тяжелые ее периоды и борьба за восстановление церковной организации и веры в стране¹⁰⁵⁸. Миссионерскую деятельность вели и некоторые катакомбные священнослужители, число которых, как уже отмечалось, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. значительно выросло.

Еще одним важным источником появления религиозных настроений стала литература — зарубежная, самиздатовская и даже советская. Уже в 1956—1957 гг. в связи с начинавшейся «литературной оттепелью» в СССР появился целый ряд произведений писателей, в которых специально заострялся вопрос народной религиозности: романы, повести, рассказы Н. Вирта «Круглые горы», О. Горчакова «Комсомолка Надя», П. Нилина «Жестокость», Н. Жданова «Поездка на родину», М. Алексеева «Наследники», Г. Гуля «Каштановый дом», Т. Журавлева «В пригороде». В пьесе С. Алешина «Все остается людям» («Факел») одним из героев являлся священник Серафим. Можно упомянуть и стихотворение В. Корнилова «Ровесники», в положительном свете показавшее молодого священника. В июльском 1969 г. докладе председателя Совета по делам религий В.А. Куроедова на всесоюзном совещании уполномоченных говорилось об опубликованном в журнале «Огонек» стихотворении Е. Евтушенко «религиозно-мистического богоискательского характера»:

«Подняв глаза с молитвой ввысь, среди распада и разврата, остановись, остановись!.

Когда шагаешь к цели бойко, как по ступеням, по телам, остановись, забывший Бога, ты по себе шагаешь сам»¹⁰⁵⁹.

В докладе В. Куроедова с негодованием подчеркивалось: «В нашу печать за последнее время стали просачиваться материалы, амнистирующие религию, появилась тенденция либерализма, благосклонности, снисхождения и даже определенной симпатии к церковникам. Некоторые православные “святые” возводятся советскими литераторами в ранг крупнейших деятелей отечественной истории. В отдельных произведениях нео-

правданно преувеличивается роль церквей и монастырей. Посмотрите произведения такие В. Солоухина, как “Сказка”, “Родная красота”, “Письма из Русского музея”, “Черные доски” — ведь они воспевают религию и церковь... А возьмите роман О. Гончара “Собор”. Это же апологетика прошлого, апологетика религии, очернение нашей жизни... Неслучайно папа Павел VI рекомендовал выдвинуть это произведение Гончара на соискание Нобелевской премии»¹⁰⁶⁰. Не меньшее значение имели книги В. Максимова, Г. Владимова и особенно А. Солженицына — «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» и др.

Трудно преувеличить и роль зарубежной, в том числе эмигрантской религиозной литературы, которая с конца 1950-х гг. начала активно поступать в СССР. Яркие воспоминания об этом явлении написал в 1970-х гг. Марк Поповский: «Лет 15—17 назад что-то дрогнуло и покачнулось в неизменном, как казалось, отношении ученой публики к проблемам религии. Сначала среди молодых столичных и ленинградских научных работников возник интерес к церковному искусству, иконе, архитектуре и храмовому пению. Ученые стали задумываться о судьбе разоренных и заброшенных наших храмов, заговорили о спасении памятников старины. Следующий этап религиозного пробуждения оказался связанным с проникновением в СССР книг русских философов-христиан — Бердяева, Лосского, Шестова, Франка, С. Булгакова... В московских квартирах все чаще стал появляться журнал “Вестник русского христианского движения”. Все было внове для нас в этих книгах и журналах, внове, но не вчуже. У молодых математиков, физиков, биологов появились новые темы разговоров: христианство и культура, вера и наука, вера и мораль. Еще более подлила масла в разгорающийся огонь жадного интереса к религиозной философии вышедшая в 1965 г. книга каноника Тейяра де Шардена “Феномен человека”. Правда, захватывая все более широкие круги интеллигенции, интерес этот вырождался подчас в моду, в игру. Неверующие университетские преподаватели принялись украшать свои квартиры иконами, студенты стали щеголять ладанками и нателеными крестами. Некоторые мои друзья писатели предсказывали, что “возня” с иконами и с вышедшими за рубежом религиозными книжками скоро кончится. Но время шло, а “мода” на религиозные споры и раздумья как-то не спешила сойти со сцены. “Разговоры в гостиных” стали приобретать все более конкретный характер»¹⁰⁶¹.

Большое значение имело и распространение так называемого религиозного самиздата. Оно имело давние традиции. Известный диссидент 1960-х гг. Е. Вагин не случайно писал, что самиздат «как таковой» зародился еще до Великой Отечественной войны и «как раз в среде людей верующих». Это была «религиозная подпольная литература, в рукописях расходившаяся между верующими, целые рукописные (машинописные) журналы»¹⁰⁶².

Действительно, в 1920 — 1930-е гг. по Советской России «ходило» немало листовок, воззваний, брошюр, открытых писем и т.п., направленных против политики властей. Целый ряд подобных публикаций сохранил свою популярность и в послевоенное время. Особой популярностью в 1920-е гг. пользовалось 9-томное рукописное «Полное собрание сочинений протоиерея В. Свенцицкого». И в 1960-е гг. среди основных произведений религиозного самиздата был сборник проповедей этого видного церковного деятеля «Монастырь в миру»¹⁰⁶³. Большой комплекс самиздатовской литературы хранится в следственном деле 1928 г. ленинградской нелегальной организации «Воскресенье». Его просмотр позволил обнаружить некоторые произведения, известные ранее только по послевоенным спискам. Например, приписываемый С. Есенину «Ответ Демьяну Бедному на его стихи “12 евангелий”»:

«Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил, ты не задел его своим пером нимаало. Разбойник был, Иуда был — тебя лишь не хватало.

Ты стукнул крови из Христа копнул ногой, как толстый боров. Ты только хрюкнул на Христа, Ефим Лакеевич Придворов»¹⁰⁶⁴.

1940-е гг. обогатили самиздат религиозно-философской книгой архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа, тело». А с конца 1950-е гг. его объемы быстро начали расти. Уже в сентябре 1959 г. в «Комсомольской правде» отмечалось, что анонимные богословы составляют трактаты о вере, подбирают религиозную литературу и высказывания известных деятелей Церкви, в том числе о Иоанна Кронштадтского, для распространения их в рукописях среди советских людей¹⁰⁶⁵. Религиозный самиздат 1960-х — 1980-х гг. был явлением исключительно многообразным. Это не только статьи, брошюры, книги оригинальных авторов, огромное количество переводов с иностранных языков и рефератов, но и журналы, и информационные бюллетени с констатацией фактов гонений за веру, многочисленные обращения, петиции, открытые письма, заявления верующих. В этом смысле самиздат служил зеркалом напряженной религиозной жизни в СССР.

На пробуждение религиозного чувства в среде интеллигенции влияли порой сама появившаяся возможность обсуждать духовные поиски, публикации в прессе статей о жизни Церкви (хотя в основном и негативных) и даже принявшая широкие масштабы атеистическая «обработка» населения. Так, член-корреспондент Академии наук СССР И.Р. Шафаревич в своем интервью 1990 г. отмечал, что уроки антирелигиозной пропаганды против воли их организаторов порой превращались в нечто вроде уроков Закона Божия. Он рассказал об одном ему знакомом священнике, который в 1960-е гг. учился в Свердловском университете на философском факультете. Изучая курс научного атеизма, любознательные студенты решили поближе познакомиться с первоисточниками и пошли в церковь. В итоге группа выпускников после защиты диплома решила креститься. Был громкий скандал, знакомого Шафаревича поместили в психиатрическую больницу. Но, в конце концов, после освобождения он все-таки принял сан¹⁰⁶⁶.

Своеобразным «очагом» распространения христианства являлись советские лагеря. Религиозность среди заключенных всегда была очень высока. Историк и публицист Владимир Осипов свидетельствовал, что он, как и почти все молодые люди, посаженные с ним в лагерь в конце 1950-х — начале 1960-х гг., входили туда марксистами, выходили же на свободу христианами. Сам В. Осипов в момент ареста в 1961 г. за распространение самиздата был сторонником «югославского варианта» социализма, а после освобождения в 1968 г. из лагеря основал нелегальный религиозно-националистический журнал «Вече». По его словам, «недаром концлагерь официально называется исправительно-трудовой колонией. Приходят атеистами, уходят христианами. Исправились...»¹⁰⁶⁷

Подобную эволюцию пережили и 6 членов подпольной организации московских студентов, разгромленной в ноябре 1958 г. Ее руководитель Юрий Машков позднее писал, что он и его единомышленники проделали в лагере духовный путь от марксизма «еврокоммунистического толка» к религиозной вере. В их числе был и Б. Хайбулин, ставший в 1970-е гг. иеродиаконом Варсонофием, известным правозащитником¹⁰⁶⁸.

Обращение к христианству в лагерях в значительной степени проходило под влиянием сотен заключенных в них священников. Е. Вагин на основе собственных впечатлений писал: «Их вера, очищенная и просветленная страданием — не только личным, но и глубоко переживаемым страданием всего русского народа, — зажигает молодые души, ведет их в ограду церкви. Видимые плоды их молитвенного подвига, совершаемого десятилетиями в тюремных стенах и за колючей проволокой — все увеличившееся число религиозных обращений в лагерях. Поэтому с полным основанием мы можем назвать советские лагеря для политзаключенных одним из очагов духовного возрождения»¹⁰⁶⁹.

Начало роста религиозных настроений в среде интеллигенции быстро почувствовали представители власти. Уже 18 апреля 1959 г. председатель КГБ А. Шелепин с тревогой

писал в ЦК КПСС, что некоторые представители профессорско-преподавательского состава, артисты, научные работники активно участвуют в церковной жизни, препятствуют атеистической пропаганде, распространяют соответствующие взгляды. В докладе приводились многочисленные примеры: профессор Военно-инженерной академии им. Куйбышева Н.В. Зволинский и заведующий кафедрой Московского экономического института профессор Н.Е. Пестов написали несколько религиозных брошюр и распространяли их у знакомых; доктор наук, сотрудник Ленинградского института теоретической астрономии Е.И. Казимирчак-Полонская «обрабатывала» учащуюся молодежь в религиозном духе, заявляя: «Я обязана нести идеи христианства в массы» и т.д. В итоге А. Шелепин предлагал применить репрессии. «Учитывая, что связь отдельных представителей интеллигенции с церковью несовместима с их участием в идеологической работе среди населения, Комитет госбезопасности считал бы целесообразным через администрацию учреждений и партийные организации принять соответствующие меры воздействия в отношении этих лиц»¹⁰⁷⁰. Интересно, что даже дочь И. Сталина Светлана Аллилуева была крещена весной 1962 г. в московском православном храме.

Конечно, обращенные приходили в Церковь по разным причинам, и поэтому трудно было ожидать единомыслия ее новых членов. Нелегко им оказалось найти общий язык и с традиционно мыслящими верующими. А эти зачастую малообразованные люди и составляли «костяк» церковных общин, где находились благодаря семейной традиции, и именно они сохранили Церковь во время длившихся десятилетиями гонений. Общение между недавно обращенными интеллигентами, придерживающимися разных воззрений, и массой традиционно верующих неизбежно приводила к конфликту. Многие из тех, кто приходил в Церковь из среды, чуждой христианству, сами пытались учить ее, прилагая к церковной жизни мерки, вынесенные из совсем иных сфер. В 1960—1970-е гг. появились кружки, критиковавшие Московскую Патриархию (иногда справедливо), в религиозном сознании участников которых порой царил смешь из трудносоединяемых мистических и политических воззрений.

Вероятно, многих новообращенных нельзя было до конца считать православными. Не вполне ясны и масштабы религиозного возрождения конца 1950-х — 1970-х гг. Сами его участники сильно расходились в оценках. Одни считали, что возрождение очень распространено и быстро развивается. Другие же указывали на то, что оно довольно ограничено и охватывает главным образом молодую городскую интеллигенцию. Последние были ближе к истине. Лишь во второй половине 1980-х гг. это явление приняло по-настоящему массовый характер.

Но религиозными диссидентами стали не только новообращенные интеллигенты, но и целый ряд священнослужителей. В идеократическом обществе, в котором не было четких границ между коммунистической партией и государством, эта религиозная организация все же обладала относительной свободой и автономией в силу того, что сохраняла свою иерархию и собственную идеологию. Православная Церковь во многом являлась хранительницей национального самосознания, живым звеном между Россией дореволюционной и советской, сохраняла историческую и культурную преемственность. Конфликт православного и национального, в принципе консервативных и охранительных направлений, с Советским государством толкал их представителей в ряды диссидентского движения. Священник М. Аксенов-Меерсон писал, что «Православие вступило в него путем борьбы за религиозную свободу»¹⁰⁷¹.

Начало второй волны религиозного возрождения практически совпало по времени с развертыванием ожесточенного наступления на Церковь. Священнослужители и миряне, не согласные с политикой Московской Патриархии, не проявляли себя открыто до конца 1950-х гг. Не протестовали они даже после смерти И. Сталина в 1953 г. Однако быстрое нарастание с 1958 г. антирелигиозной кампании создало новую ситуацию. Выс-

шие иерархи в основном молчали. В. Куроедов и другие деятели Совета по делам РПЦ, парализовав деятельность Первосвященника и его окружения, способствовали появлению в Церкви священнослужителей и мирян, которые, не дождавшись соответствующей реакции на действия властей иерархов, стали пытаться самостоятельно бороться с новой волной «государственного атеизма». 9 июня 1961 г. уже сам Патриарх Алексий говорил членам Совета по делам РПЦ, что «на него плохо смотрят верующие и духовенство, считают, что патриарх потерял своим бездействием авторитет в глазах верующих и духовенства и не пользуется уважением в глазах советских властей, правительства, которое не хочет его принять»¹⁰⁷².

Интересно, что через месяц Первосвященнику было отправлено письмо с призывом поднять голос протеста, подписанное «Инициативной группой верующих по спасению Русской Православной Церкви от ее физического истребления». В послании подчеркивалось: «Мы собрали многочисленный материал о уже закрытых храмах, монастырях и духовных школах. Нами зафиксированы все фактические подробности и мельчайшие данные о «механизме» этих насильственных закрытий... и если вы, Святейший Владыко, бессильны оградить Церковь нашу от уничтожения, то мы вынуждены будем передать все эти фактические данные... на форум в ООН»¹⁰⁷³. Так постепенно появилась группа лиц, получивших название церковных диссидентов. На раннем этапе движения — до 1970 г. — они действовали в основном в рамках Московского Патриархата.

Самые первые акции церковных диссидентов, появление новых произведений религиозного самиздата относятся к началу 1958 г. В марте молодой священник Псковской епархии Сергей Желудков написал открытое письмо бывшему священнику-ренегату П. Дарманскому — «Почему Вы порвали с религией?», в котором говорилось: «Можно потерять веру, иногда это бывает нужно по ходу нашего духовного развития, но никогда, никогда не станет человек оплевывать и публично поносить то, что действительно было его святыней. А Вы это сделали..., черта заведомой безнаказанности в Вашей ругани против безмолвствующей Церкви была особенно отвратительна. Конечно, неверующие осудят эту, извините, пропаганду подлости, с которой Вы выступили от имени атеизма: как же мы будем строить лучшее общество, если каждый из нас будет так низок...»¹⁰⁷⁴

Уже 27 мая 1958 г. Ленинградский уполномоченный А. Чернов писал в Совет по делам РПЦ и секретарю обкома КПСС, что письмо С. Желудкова и анонимное стихотворение «Новый Иуда» получили широкое распространение среди учащихся духовной академии и семинарии. Чернов сообщал, что выясняет вопросы, как они попали туда и по чьей инициативе размножены. В Совете по делам РПЦ по этому факту завели специальное дело. Стихотворение «Новый Иуда» было направлено против другого ренегата — бывшего преподавателя Саратовской семинарии Е. Дулумана, также выступавшего в печати с резкими антицерковными заявлениями:

«Первый Иуда, предавший Христа, чувствовал — совесть его нечиста. Мучился, точно в кипящем котле, и успокоился только в петле.

У Дулумана иная сноровка. Совести нет, не нужна и веревка — был бы лишь туго набитый карман... Умер духовно Евграф Дулуман»¹⁰⁷⁵.

К началу 1970-х гг. С. Желудков написал книгу «Почему и я — христианин?», в которой разбирался вопрос, почему люди сознательно приходят к вере в Бога и христианству. В 1970—1971 гг. в самиздатском варианте она уже широко распространялась по стране¹⁰⁷⁶, а в 1975 г. была издана в ФРГ.

В 1958 г. начал свою чрезвычайно активную борьбу с антирелигиозной пропагандой и известный историк Русской Церкви, диссидент Анатолий Левитин, писавший под псевдонимом А. Краснов. В упоминавшемся докладе А. Шелепина в ЦК КПСС сообщалось, что в конце 1958 г. преподаватель средней школы рабочей молодежи № 116 Дзер-

жинского района Москвы А.Э. Левитин при участии профессора кафедры логики МГУ П.С. Попова написал труд «Библиографические заметки» в ответ на книгу Е. Дулу-мана «Почему я перестал верить в бога?»¹⁰⁷⁷.

В первой половине 1960-х гг. А. Краснов-Левитин напечатал в самиздате несколько десятков своих произведений, до июня 1960 г. сотрудничая и с «Журналом Московской Патриархии». В основном он защищал определенных людей или отдельные церковные святыни: Почаевскую Лавру, монахов Псково-Печерского монастыря, старообрядца Е. Бобкова и др. Кроме того, подробно письменно отвечал на антицерковные статьи в советской печати и иногда пытался опубликовать их в соответствующих изданиях. Эти попытки не увенчались успехом, но уже в 1966 г. первая его книга, попавшая за границу, вышла в Париже¹⁰⁷⁸.

Энергично сопротивлялся пропаганде атеизма и друг Левитина, его соавтор Вадим Шавров, обратившийся в христианство, когда они оба сидели в одном лагере в начале 1950-х гг. Он прерывал своими выкриками антирелигиозные лекции так настойчиво, что их порой приходилось прекращать¹⁰⁷⁹. Активная деятельность А. Левитина привлекала повышенное внимание властей, и 21 мая 1965 г., после прекращения «хрущевской» антирелигиозной кампании он был приглашен на беспрецедентную встречу с представителями государственных учреждений: двумя крупными работниками ГКБ, секретарем Ждановского райкома партии, директором Госполитиздата, заместителем директора Дома научного атеизма и др. Беседа касалась литературной деятельности А. Левитина, его пытались переубедить, запугать, подкупить. Так, заместитель редактора журнала «Наука и религия» Григорьян заявил: «...я узнал о тех безобразиях, которые творились в Почаеве, раньше Вас и сделал для их прекращения больше, чем Вы. Я в свое время звонил об этом в ЦК и говорил об этом в ЦК. Вы, очевидно, знаете, что наш журнал выступил недавно против такой одиозной личности, как Алла Трубникова». Московский уполномоченный Совета по делам РПЦ подчеркнул, что на последнем совещании в Совете было дано специальное указание действовать в строгом соответствии с законодательством и предложил А. Левитину (уже уволенному из школы) работать у него библиографом с окладом 150 рублей¹⁰⁸⁰.

Но Анатолий Эммануилович остался верен своим убеждениям. В марте 1968 г. он в числе 12 авторов подписал петицию Международному совещанию компартий в Будапеште, вскоре был арестован и заключен в лагерь в Сычевке Смоленской области, а в 1974 г. выслан из СССР. Левитин поселился в Швейцарии и во второй половине 1970—1980-х гг. опубликовал десятки своих исторических и публицистических трудов, в том числе известные книги-воспоминания: «Лихие годы», «Рук твоих жар», «Родной простор. Демократическое движение» и «В поисках нового града».

Движение религиозных диссидентов на первом этапе достигло своего пика в 1963—1966 гг. Заключительная волна «хрущевских гонений» была особенно жестока, фактически встал вопрос о самом существовании церковной организации. Соответственно значительно усилилось сопротивление священнослужителей и мирян, все более открыто выражавших свое недовольство позицией Московской Патриархии. К 1963 г. относятся обращения защитников Почаевской лавры к Н.С. Хрущеву, Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко, во Всемирный Совет Церквей и ООН, ставшие широко известными на Западе¹⁰⁸¹. Осенью 1963 г. было написано послание группы ленинградских верующих зарубежным русским религиозным организациям, так называемое «Письмо из Советского Союза», опубликованное в ежемесячнике «Православный Вестник в Канаде»¹⁰⁸². В феврале 1964 г. анонимная группа мирян смогла передать заседавшему в Одессе Исполкому ВСЦ «Обращение к Всемирному Совету Церквей христиан России, Украины и Белоруссии». Оно заканчивалось просьбой ознакомить с его содержанием ООН, Восточных Патриархов, Папу Римского и передать обращение по радио, чтобы христиане

всего мира могли молиться о верующих в СССР. Авторы объясняли анонимность стра-
хом перед КГБ: «Если они поймут нас, они смешают с грязью, уничтожат» и т.д.¹⁰⁸³

Во много раз выросли масштабы распространения религиозного самиздата. Так,
5 марта 1963 г. Ленинградский уполномоченный Совета по делам РПЦ Г.С. Жаринов в
своем докладе руководству «О контроле за проповеднической деятельностью духовен-
ства в церквях Ленинградской области» писал, что в последнее время «среди наиболее
активной части церковников стала распространяться всевозможная противоатеисти-
ческая литература, как завезенная из-за рубежа, так и своих «доморощенных авторов».
В том числе статьи А. Краснова-Левитина и В. Шаврова «Атеизм и наука — несовмести-
мы», «Ответ клеветникам», рукопись архиепископа Луки «Дух, душа, тело», анонимные
сочинения «Ответ на статью К.Л. Воропаевой “Жил ли Христос?”», «Как товарищ Оси-
пов в коммунизм пропускает» и многие другие¹⁰⁸⁴.

Через несколько месяцев, 25 июня, председатель Совета по делам РПЦ В.А. Куро-
едов на всесоюзном совещании уполномоченных в своем докладе значительное вни-
мание уделил «идеологическим диверсиям» священнослужителей: «В Ленинграде,
например, среди части духовенства недавно в большом количестве распространялась
антисоветская религиозная литература, изданная на русском языке за границей... И кое-
кто из духовенства клюнул на эту вонючую литературу. Некоторые служители культа
составляют и распространяют в рукописном виде злобные, фанатичные, полные угроз
письма бывшим деятелям православной церкви, отрекшимся от религии. Например,
бывший богослов Осипов получил сотни таких писем. Отдельные представители ду-
ховенства прибегают и к таким приемам. Священник Кузнецов из деревни Старово
Ярославской области записывал на магнитофон заграничные религиозные передачи, а
затем проигрывал их при открытых окнах, привлекая таким образом население. За эту
своеобразную идеологическую диверсию уполномоченный Совета снял его с регистра-
ции и правильно сделал»¹⁰⁸⁵. А 12 ноября 1964 г. Г. Жаринов в докладе на совещании
уполномоченных вновь подчеркнул всю остроту проблемы, назвав появившиеся новые
произведения самиздата: книгу Лелотта «Решение проблемы жизни», работы А. Леви-
тина «Голосует сердце», «Натянутая тетива», анонимную статью «Откуда произошла
вера в Бога?»¹⁰⁸⁶.

В августе 1963 г. в газете «Правда» появилось сообщение об аресте священника
о. Григория, занимавшегося подпольной миссионерской деятельностью. При обыске
у него были найдены антисоветские листовки и приспособления для их размноже-
ния¹⁰⁸⁷. А в 1965 г. в Москве были разгромлены две подпольные группы, занимавшиеся
изданием религиозной литературы, молитвенников, церковных календарей, икон. Эти
работы выполнялись по ночам в государственных типографиях Института сельскохо-
зяйственных исследований и фабрики ламп. Были произведены многочисленные аре-
сты. Главного обвиняемого И. Старикова задержали в аэропорту в тот момент, когда
он собирался отвезти в Киев чемодан и мешок с только что отпечатанными иконами.
В советской прессе упоминались также Р. Мартынов и художник Ю. Якунинский, на
квартире которого был обнаружен склад религиозных изданий¹⁰⁸⁸.

Эти сообщения перекликаются со свидетельством американского студента,
в 1964—1965 гг. проживавшего в СССР и встречавшегося с верующими студентами
Московского университета — членами тайной религиозной организации. Она состояла
из отдельных небольших кружков, участники которых собирались для совершения бо-
гослужений и миссионерско-просветительной деятельности¹⁰⁸⁹.

Широко известно «самиздатовское» дело священника православной церкви г. Каган
Узбекской ССР Павла Адельгейма. Хотя он был арестован в декабре 1969 г., почти все
из изъятых у него 21 документа самиздата относились к 1963—1966 гг.: «Сила Право-
славия», «По поводу письма В. Куроедова», «Открытое письмо из России церковному

комментатору Би-би-си В. Родзянко», «О евреях и неохилиастах», «Письмо митр. Никодиму от прот. В. Шпиллера» и др. Ташкентский городской суд осудил П.А. Адельгейма на три года лишения свободы. В приговоре говорилось: «...хранил и распространял как в письменной, так и в устной форме рукописные тексты религиозно-философской литературы, машинописные тексты со статьями зарубежных религиозных деятелей реакционного, идеологически вредного и клеветнического содержания. А также сам писал письма и стихи такого же содержания»¹⁰⁹⁰.

Важной вехой в истории религиозного диссидентства стало создание 2 февраля 1964 г. крупной подпольной организации, руководители которой были сторонниками ведущей роли Русского Православия в обществе — «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа». ВСХСОН возник в среде студентов и преподавателей Ленинградского университета, его особенностью была изначальная четкая христианская ориентация, деятельность организации началась с провозглашения своеобразного манифеста — «Десяти тезисов социал-христианства», составивших впоследствии основу «положительной части» программы.

Союз смог просуществовать три года и к моменту своего разгрома включал, по данным следствия, 60 членов и кандидатов (фактически же, по воспоминаниям участников, около 100). Его ячейки существовали не только в Ленинграде, но и в Петрозаводске, Москве, Шяуляе, Томске, Иркутске и других городах. Возглавляли организацию выпускники ЛГУ: востоковеды И.В. Огурцов — руководитель, М.Ю. Садо — «начальник личного состава», литературовед Е.А. Вагин — «начальник идеологического отдела», юрист Б.А. Аверичкин — «хранитель материалов». Большинство зарубежных исследователей считает, что ВСХСОН являлся самым значительным подпольным объединением в СССР после смерти И. Сталина, а некоторые даже — первой за историю советской власти политической партией (возникшей в подполье)¹⁰⁹¹. И действительно, например, две наиболее крупные нелегальные группы 1950-х гг. — Трофимова в Ленинграде и Краснопевцева-Генделя в Москве — не превышали 10 человек.

Союз намеревался скрытно и постепенно увеличивать количество своих членов с целью свержения коммунистической власти и построения в России социально-христианского строя. Были разработаны оригинальная программа, устав, «наставление по конспирации». В программе делалась попытка построения конкретной национальной модели христианского государства с опорой на три главных принципа: христианизацию политики, христианизацию экономики и христианизацию культуры. Верховным органом власти провозглашался Всероссийский Верховный Собор, в котором не менее трети мест предполагалось закрепить за духовенством. Эта идея христианского государства продолжала традицию русской религиозно-философской мысли XIX—XX веков (А. Хомяков, В. Соловьев, В. Иванов, Н. Бердяев и др.). Для организации были характерны военная структура и четкая иерархичность, ее члены входили в боевые группы, отделения, взводы. В дальнейшем планировалось создать батальоны и корпуса. Это обеспечивало поддержание высокой дисциплины и облегчало сбор членских взносов (10% от зарплаты)¹⁰⁹².

Были созданы обширные библиотеки религиозной, философской, политической литературы, в том числе фонд собственных произведений. Несколько переводчиков систематически обрабатывали иностранные издания. Их размножали машинописью, фотоспособом и конспектированием (имелось 15 пишущих машинок и более 10 фотоаппаратов). Среди распространяемой литературы были книги Н. Бердяева, Г. Федотова, А. Керенского, Кларксона, М. Джиласа, мемуары белых генералов и др. Следует отметить, что почти все члены организации были выходцами из несвязанных с Церковью интеллигентских семей, имели высшее или незаконченное высшее образование и в 1950-е гг. пережили процесс крушения коммунистических идеалов. В феврале 1967 г.

союз был разгромлен, около 60 человек арестовано. Состоялось два судебных процесса: в ноябре—декабре 1967 и марте—апреле 1968 гг. Обвиняемых приговорили к различным срокам заключения — от 10 месяцев до 15 лет¹⁰⁹³. В дальнейшем их судьбы сложились по-разному: Е. Вагин эмигрировал в Италию, И. Огурцов и после падения советской власти продолжил заниматься политической деятельностью, М. Садо преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии и т.д.

Отношение к Русской Православной Церкви у ВСХСОН не было, как у большинства других религиозных диссидентов, реакцией на политику руководства Московского Патриархата, на которую эта организация обращала мало внимания. Оно являлось выражением того значения, которое должна была в идеале, по мнению членов союза, иметь Церковь. ВСХСОН представлял собой уникальное явление, хотя различных кружков, групп и обществ со сходными идеями, не сложившихся в обладавшие четкой структурой и собственной программой организации, было немало. Так, в середине 1960-х гг. КГБ «обезвредил» молодежное религиозное общество, созданное выпускниками и студентами Киевского университета, состоявшее примерно из 300 человек¹⁰⁹⁴.

В 1965 г. ряд открытых акций протеста совершили священнослужители Московского Патриархата. Начал эту кампанию борьбы за освобождение Церкви от подчинения государственным структурам архиепископ Калужской и Боровский Ермоген (Голубев). В 1962 г. он написал достаточно резкое пространное послание Н. Хрущеву, в котором отверг огульные обвинения духовенства в нарушении религиозного законодательства и обратил внимание 1-го секретаря на то, что представители администрации гораздо чаще вступают в противоречие с законом¹⁰⁹⁵. Летом 1965 г. Владыка Ермоген составил заявление на имя Патриарха Алексия с предложением изменить «Положение об управлении Русской Православной Церкви», принятое под давлением властей Архиерейским Собором 1961 г. В заявлении утверждалось, что сложившаяся ситуация противоречит и церковным канонам, и советскому законодательству. Этот документ подписали еще семь архиепископов и два епископа¹⁰⁹⁶.

Получив петицию, Патриарх Алексей 5 августа в своей резолюции просил Синод вызвать архиепископа Ермогена и «указать ему на незаконность организации групп архиереев». Через несколько дней свои подписи под заявлением сняли архиепископ Мукачевский и Ужгородский Григорий и епископ Черниговский и Нежинский Нестор. 2 сентября митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен зачитал Владыке Ермогену резолюцию Патриарха и настоятельно предложил отказаться от заявления и снять свою подпись. В своем письме «Преосвященным — постоянным членам Священного Синода» от 3 сентября архиепископ взял всю ответственность за инициативу составления и текст заявления на себя, но в целом обосновал законность своих действий. После вмешательства в дело председателя Совета по делам РПЦ В.А. Куроедова, в середине ноября архиепископы Новосибирский и Барнаульский Павел и Казанский и Марийский Михаил открестились от участия в каких бы то ни было группах, но не от изложенных в заявлении идей¹⁰⁹⁷.

24 ноября 1965 г. архиепископ Ермоген написал прошение о перемещении его с Калужской на другую кафедру, однако на следующий день Синод освободил Владыку от управления епархией с увольнением на покой, определив местом пребывания Успенский Жировицкий монастырь (Гродненская область)¹⁰⁹⁸. Увольнение архиепископа было воспринято теми, кто уважал его за стойкость в отношении советских властей, как гонение на одного их достойнейших иерархов Русской Церкви.

Около двух лет архиепископ Ермоген поддерживал контакты с оппозиционно настроенными священниками Глебом Якуниным и Николаем Эшлиманом и принимал участие в подготовке их знаменитых петиций. Вызванный в октябре 1966 г. в Патриархию, Владыка отказался подписать заявление об осуждении действий этих священни-

ков. А 25 ноября 1967 г. архиепископ послал Патриарху еще одно письмо, в котором указывал на тягостное положение Церкви, произвол гражданских властей, бездействие руководства Патриархата и впервые затронул тему неканоничности практики «назначения» архиереев, принятую в Патриархии. В год 50-летия восстановления Патриаршества он счел уместным обратиться к опыту Поместного Собора 1917—1918 гг., который «восстановил канонический порядок избрания епископов»¹⁰⁹⁹. В конце июля 1968 г. Владыка Ермоген вновь был вызван в Московскую Патриархию, где члены Синода провели с ним длительную беседу.

Так как она не дала результатов, Священный Синод 30 июля 1968 г. под давлением Совета по делам РПЦ особым определением осудил «вредную для Церкви» деятельность архиерея: «Преосвященный Ермоген... тенденциозно излагал некоторые стороны церковной жизни; в отношении Святейшего Патриарха, Священного Синода и других Преосвященных архиереев — выражал недопустимую несдержанность, подвергая сомнению каноничность епископата Церкви в силу их синодального избрания... В своем стремлении посеять соблазн и нарушить мир церковный Преосвященный архиепископ Ермоген не прислушался к обращению Святейшего Патриарха от 7 июля 1966 г., осудившего рассылку писем подстрекательского и провокационного содержания и предлагавшего всем Преосвященным пресекать такие явления, как вредные для Святой Церкви. Преосвященный архиепископ Ермоген рассылал письма тенденциозного содержания, вносящие соблазн в течение церковной жизни, с целью оказать влияние на Высшую Церковную Власть в нужном ему направлении. При этом он не сохранил и своего гражданского долга: его письма оказались в руках недругов нашей Страны за рубежом, которые используют их во вред и Церкви и Отечества нашего». Синод предупредил архиерея, «что, если и в дальнейшем он будет продолжать свою деятельность, столь вредную для Святой Церкви, то к нему неизбежно будут применены меры прещения»¹¹⁰⁰.

В результате Владыка Ермоген был фактически заключен под строгий надзор в Жировицком монастыре. После смерти Патриарха Алексия среди архиереев имелись сторонники избрания архиепископа новым Патриархом, но его даже не вызвали на Архиерейский Собор 1971 г., и вплоть до своей смерти 9 апреля 1978 г. Владыка так и находился под своеобразным домашним арестом¹¹⁰¹.

Из всех выступлений церковных диссидентов в 1960-е гг. наибольшее впечатление на широкую общественность произвели два открытых письма, подписанных священниками Московской епархии Глебом Якуниным и Николаем Эшлиманом. В подготовке этих документов участвовала целая группа мирян и священнослужителей. Первоначальный очень краткий вариант написал А.Э. Краснов-Левитин, он был существенно переработан и расширен о. Н. Эшлиманом при участии Георгия Эдельштейна (позднее принявшего священный сан). Эта рукопись составила основу первой части окончательного варианта, над которым еще несколько месяцев работали миряне Феликс Карелин, Лев Регельсон и Виктор Капитанчук. Участие о. Г. Якунина в подготовке писем ограничилось высказыванием ряда общих идей.

Однако заслуга отцов Николая и Глеба заключалась прежде всего в том, что они бесстрашно поставили свои подписи и в дальнейшем отказались снять их, несмотря на оказываемое давление. Сначала планировалось, что будет составлено совместное письмо епископов, иереев и, возможно, нескольких диаконов (мирян не хотели включать) — свое рода соборное обращение к Патриарху. Но затем почти все из 15—20 выразивших предварительное согласие священнослужителей отказались поставить свои подписи. Первоначально предполагалось, что документ подпишет и архиепископ Ермоген (Голубев), но «потом его реакция была жесткой», Владыка считал, что священники не имеют права так разговаривать со своим правящим архиереем. В дальнейшем архиепископ

Ермоген направил Патриарху собственное послание, носившее более келейный характер, хотя и оно содержало ряд общих идей. В конце концов, письма подписали только отцы Г. Якунин и Н. Эшлиман¹¹⁰².

Первое из этих писем было написано 21 ноября 1965 г. и с приложением от 13 декабря отправлено Патриарху Алексию. Позднее письмо было размножено в 100 экземплярах и разослано всем епархиальным архиереям Московского Патриархата, и некоторые из них, например, митрополит Сурожский Антоний (Блум), прислали одобрительные телеграммы. Документ широко распространялся в списках и среди рядовых прихожан. В нем подробно перечислялись репрессивные акции, совершенные Советом по делам РПЦ, и указывалось на отсутствие сопротивления со стороны Патриархии. Оба священника настойчиво просили Первосвященителя принять срочные меры, в частности, призывали к созыву представительного Поместного Собора для уврачевания внутрицерковных нестроений, связанных с событиями недавнего прошлого, и наведения должного канонического порядка в церковной жизни. Второе открытое письмо от 15 декабря было адресовано председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному (копии отправили также председателю Совета Министров А.Н. Косыгину и Генеральному прокурору СССР Руденко). В нем содержался протест против «беззаконных действий руководителей и уполномоченных Совета по делам РПЦ, преступно нарушающих принципы социалистической законности и основные законодательные установления советской власти, определяющие отношение советского государства к Церкви». 13 мая 1966 г. отцы Г. Якунин и Н. Эшлиман были запрещены митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом (Извековым) в священнослужении¹¹⁰³.

В июне этого же года оба священника были вызваны на беседу в Совет по делам религий. Согласно инструктивному письму заместителя председателя Совета В. Фурова, им заявили, «что рассылка писем с клеветническими обвинениями в адрес государственных органов, подстрекательские призывы к неподчинению законодательству о культах и другие их действия являются противозаконными. Эшлиман и Якунин предупреждены, что в случае продолжения подобных действий они будут привлечены к строгой ответственности»¹¹⁰⁴.

7 июля 1966 г. Московская Патриархия разослала управляющим епархиями обращение Патриарха Алексия ко всем епархиальным Преосвященным (от 6 июля), в котором говорилось: «В нашей церковной жизни последнее время наблюдаются печальные факты стремления некоторых клириков и мирян посеять соблазн и нарушить мир церковный. Два клирика Московской епархии предприняли попытку осудить в "открытом письме" деяния Высшей Церковной Власти и решения законодательного органа, каким является архиерейский Собор нашей Святой Церкви. Неоднократные попытки их вразумления не дали желаемых результатов, — они продолжали свое вредное для Церкви и соблазнительное упорство.. Мы запретили их в священнослужении до раскаяния и прекращения ими вредной для Церкви деятельности. В ответ на наше запрещение они обратились с апелляцией к нам, к Священному Синоду и ко всем правящим епископам Русской Православной Церкви. В апелляции они просят созвать Архиерейский Собор для разбора их дела..

Мы решительно осуждаем саму форму направления нам т. н. "открытого письма", ибо практика церковная не знает такой формы переписки клириков со своим архипастырем. Лица, использующие форму открытых обвинений к своему Священноначалию, стремятся среди клира и мирян нашей Церкви посеять недоверие к Высшей Церковной Власти и тем самым внести соблазн в спокойное течение церковной жизни. В их действиях мы усматриваем стремление нанести вред единству нашей Святой Церкви и нарушить мир церковный.. Кроме того, в их действиях мы усматриваем и стремление возвести клевету на Государственные органы. Попытка отдельных лиц выступить

в роли непризванных судей Высшей Церковной Власти и желание их возвести клевету на государственные органы — не служат интересам Церкви и имеют целью нарушить благожелательные отношения между государственными органами и нашей Церковью. Клеветнические обвинения в адрес Высшей Церковной Власти могут быть использованы враждебно относящимися к нашей Церкви и Отечеству некоторыми зарубежными кругами в вред Церкви и нашей Родины..

В связи с вышеизложенным, предлагаю всем Епархиальным Преосвященным строго следить за тем, чтобы вредные для Церкви стремления отдельных лиц нарушить мир церковный и попытки дискредитировать Высшую Церковную Власть в глазах клира и мирян — пресекались бы епархиальными архиереями со всей строгостью. Распространению всевозможных “открытых писем” и статей должен быть положен решительный конец. На обязанности Епархиальных Преосвященных лежит долг следить за этим...»¹¹⁰⁵

Послания отцов Г. Якунина и Н. Эшлимана были быстро переведены на иностранные языки, получили мировую огласку и дали толчок для развертывания широкой кампании в зарубежных средствах массовой информации. Они стимулировали рост оппозиции в Патриаршей Церкви. Воодушевленные смелыми действиями, верующие стали высказывать свои взгляды на политику руководства Московской Патриархии. В 1966 г. А. Краснов-Левитин писал по этому поводу: «Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство русских священников и мирян горячо одобряют петицию двух героев. Правда, они пока молчат, ограничиваясь выражением самой тесной и трогательной симпатии к авторам героического документа. Это ничего — они заговорят завтра»¹¹⁰⁶.

Влияние открытых писем 1965 г. распространилось и далеко за пределами Церкви. В результате усилилась религиозная струя в самиздате, в диссидентском движении в целом интерес к церковной проблематике стал постоянным, произошла определенная христианизация политической оппозиции в СССР. Так, Александр Солженицын позднее писал: «Еще весной 1966 г. я с восхищением прочел протест двух священников — Эшлимана и Якунина, смелый, чистый и честный голос в защиту церкви, искони не умевшей, не умеющей и не хотящей саму себя защитить. Прочел и позавидовал, что сам так не сделал, не найдусь. Беззвучно и неосознанно во мне это, наверно, лежало и проворачивалось. А теперь с неожиданной ясностью безошибочных решений проступило: что-то подобное надо и мне»¹¹⁰⁷.

Ярким подтверждением вывода А. Краснова-Левитина стало «Открытое письмо верующих Кировской (Вятской) епархии Патриарху Алексию и всем верующим Русской Православной Церкви» от 10 ноября 1966 г. Его подписали 12 человек, но автором являлся бывший преподаватель математики пенсионер Борис Талантов. В послании содержалось требование предать духовному суду Кировского епископа Иоанна (Иванова), как нарушившего церковные каноны и способствовавшего закрытию храмов. Оно также прогремело на весь мир. Редактор парижского журнала «Вестник русского христианского движения» Н. Струве писал: «Вятский документ — первое “аминь”, произнесенное словами двух священников. Но его значение и в другом. Московские священники обобщили страдальческий опыт Русской Церкви за последние годы. Вятский документ — потрясающая иллюстрация к их обобщениям». 30 марта 1967 г. Б.В. Талантов написал статью «Тайное участие Московской Патриархии в борьбе КПСС с Православной Христианской Церковью», а затем еще несколько. В 1969 г. больной пенсионер был арестован и приговорен к двум годам заключения. В последнем слове на суде он подтвердил свою верность Христу и простился с близкими, так как предчувствовал, что уже никогда не выйдет на свободу. В 1971 г. Б. Талантов умер в тюремной больнице¹¹⁰⁸.

Участие священнослужителей Московского Патриархата в диссидентском движении в 1960-е гг. не ограничивалось указанными примерами. Известный московский протоиерей Всеволод Шпиллер также написал открытое послание, оказывал сильное сопротивление попыткам подорвать деятельность своего прихода после назначения туда неверующего старосты. В 1967 г. при попытке перейти границу Чехословакии был арестован священник Борис Заливако, вместе со своим другом А. Чинновым пытавшийся попасть на Запад с целью получения богословского образования (после службы в армии его не принимали в духовные учебные заведения). Оба «преступника» оказались в психиатрической больнице, а затем в лагере. Только в 1975 г. о. Б. Заливако был освобожден и «сослан» в Томскую область¹¹⁰⁹.

В конце 1960-х гг. начал свои ставшие широко известными проповеди священник Димитрий Дудко. Он был осужден в 1948 г. за хранение и распространение стихов, призывавших к борьбе с безбожием, в 1956 г. освобожден и в 1960 г. рукоположен после завершения богословского образования. С 1962 г. о. Димитрий служил в Никольской церкви на Преображенке в Москве. Наталья Солженицына, знавшая его с 1968—1969 гг., через 10 лет вспоминала: «Это было время начала религиозных поисков многих людей, родившихся и выросших под гнетом коммунистической идеологии... Возврат в Церковь в те годы еще не был массовым, как сейчас, но уже заметно влиял на общую атмосферу общества. Люди искали живого слова о Боге, искали духовных наставников... Как только начал отец Димитрий свои проповеди — беседы в храме, — сотни молодых людей пришли к нему за духовным руководством. Беседы переписывали от руки, перепечатывали и широко распространяли по всей стране. Власти реагировали немедленно: обыски, допросы, переводы в дальние от Москвы храмы, автомобильная катастрофа при неестественных обстоятельствах...»¹¹¹⁰

Беседы о. Д. Дудко заключались главным образом в изложении основ христианского учения. Но он говорил и о роли Церкви в современном обществе, призывал ее быть нравственной силой. В этих проповедях мало упоминалась политика, однако все же затрагивались темы присутствия доносчиков в Церкви или существования трудовых лагерей. В 1977 г. тексты бесед вышли отдельной книгой в США¹¹¹¹. Кроме того, о. Димитрий хранил и распространял самиздат, зарубежную литературу. Подобную деятельность он продолжал до ареста 15 января 1980 г.

В советской атеистической литературе содержание его бесед в значительной степени искажалось и представлялось следующим образом: «Духовный пастырь использовал церковный амвон для далеко не религиозных проповедей. Заранее подготовленные его приспешниками вопросы были сформулированы так, чтобы Дудко имел возможность, отвечая на них, делать выпады против государственной власти, в искаженном виде изображать нашу действительность, настраивать паству против “безбожников”. Делал он выпады и против Московской Патриархии»¹¹¹².

Деятельность церковных диссидентов вызвала сильную тревогу властей. В июльском 1969 г. докладе В.А. Куроедова на всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам религий указывалось: «В русской православной церкви группа фанатиков-демагогов под руководством епископа Ермогена, Краснова-Левитина, Эшлимана, Якунина пыталась внести смятение в среду православного духовенства. Она хотела спровоцировать служителей культа на выступления против законодательства о религиозных культах, на борьбу за возврат православию всех храмов, духовных семинарий и монастырей, прекративших существование за годы Советской власти. В результате своевременно принятых мер само духовенство осудило деятельность этой группы. Но мы не должны забывать, что среди служителей культа есть немало людей, скрывающих свое подлинное лицо, держащих, как говорится, камень за пазухой на Советскую власть... Реакционерам всех мастей не нравится, что опыты у нас выбиты со своей командной высотки управле-

ния делами церкви. Неслучайно и все эти мракобесы-фанатики — ермогены, красноылевитины, эшлиманы, якунины и другие в своих демагогических, клеветнических выступлениях прежде всего выдвигают вопрос о возврате к старым порядкам, когда поп был полновластным хозяином в религиозном обществе»¹¹¹³.

Не остались в стороне и органы госбезопасности. Один из руководителей КГБ Чебриков в январе 1971 г. сообщал в ЦК КПСС: «Православное духовенство по своим взглядам на советскую действительность неоднородно. Большинство его лояльно относится к Советскому государству, соблюдает законодательство о культах, понимает, что религия в нашей стране теряет свои позиции и уходит в прошлое. В то же время имеется небольшая группа духовенства и церковного актива, в основном религиозных фанатиков, которая неправильно понимает положение церкви и верующих в стране, предпринимает шаги к изменению положения об управлении РПЦ с точки зрения укрепления ее позиций и вывода из-под контроля государственных органов». При этом перечислялись имена «религиозных фанатиков» — т.н. церковного публициста Краснова-Левитина, московских священников Н. Эшлимана и Г. Якунина, отстраненных руководством Московского Патриархата от службы в церкви, пенсионера Талантова. По сведениям КГБ, в церковной среде получили распространение анонимные документы от имени Комитета восстановления прав Церкви с критикой Московской Патриархии за то, что она не отстаивает перед государством права Церкви, не выдвигает требования расширения миссионерской деятельности, увеличения числа духовных учебных заведений и слушателей в них и т.п. В сообщении Чебрикова отмечалось, что некоторые церковные иерархи одобряют деятельность диссидентов, укрепляют положение священников в исполнительных органах религиозных общин, заменяют малограмотных и неактивных священников хорошо подготовленными в богословском отношении молодыми кадрами, которые приобщают к Церкви молодежь¹¹¹⁴.

В это время прошла серия арестов церковных диссидентов: Б. Талантова, о. П. Адельгейма, А. Левитина и некоторых других отправили в лагеря. Однако движение не только не пошло на убыль, но и вскоре в значительной степени выросло. На 1970-е гг. приходится качественно иной этап религиозного диссидентства, которое перешагнуло рамки Московского Патриархата и достигло высшего пика своего развития. Появляется новая сила, особенно активно проявившая себя в конце 1970-х гг. Это — активность мирян, возраставшая вне связи с Патриархатом.

К 1970-м гг. церковные диссиденты составляли одну из известных групп независимомыслящих людей, искавших большей свободы в разных областях советской жизни. Самая крупная и известная из них — объединение интеллигентов, боровшихся за гражданские права, проведение реформ, учитывавших опыт политических систем стран Запада и называвших себя Демократическим движением. Между его членами и растущей группой диссидентов в Русской Православной Церкви существовало активное сотрудничество. Примером его является поддержка в начале 1970-х гг. двумя правозащитниками В. Челидзе и Б. Цукерманом попыток православных верующих зарегистрировать свой приход в г. Наро-Фоминске под Москвой¹¹¹⁵.

Другим основным направлением мысли независимой советской интеллигенции, имевшим значительное влияние на верующих, был русский национализм. Националисты считали, что нравственными и духовными ценностями народа на протяжении его истории были ценности Православия, и что их следует возродить. Они также полагали, что в будущем Русская Церковь займет центральное место в народной жизни, хотя различные группировки по-разному смотрели на ее роль. Между демократами и националистами порой возникало известное братство и сознание общности. Однако они коренным образом расходились в том, что касается осуществления перемен, будущего русской нации и Советского Союза в целом. Это нередко приводило к резкой полемике.

Подобные дискуссии имели большое значение для православных диссидентов, их симпатии колебались между демократами и националистами различных оттенков.

Главным журналом самиздата, выразившим русское национальное самосознание, в котором Православию отводилось ведущее место, было «Вече». Десять номеров журнала вышли в 1971—1974 г. Его появление подготовил бурный рост русского самосознания в 1964—1970 г. Издавал «Вече» «либеральный националист» Владимир Осипов, освобожденный в конце 1968 г. из лагеря, где он обратился к вере. В ноябре 1974 г. Осипов был вторично арестован и приговорен к 8 годам лишения свободы¹¹¹⁶.

1971 г. вошел в историю русского диссидентства не только появлением «Вече», но и всплеском религиозного инакомыслия в связи с подготовкой и проведением Всероссийского Поместного Собора. В его адрес было отправлено несколько открытых писем. Одно из них — «Обращение к Поместному Собору Русской Православной Церкви по поводу богословской деятельности высокопреосвященного Никодима, митрополита Ленинградского и Новгородского и других единомысленных ему лиц», содержало резкую критику этой деятельности. Его авторы — священник Николай Гайнов, миряне Ф. Карелин, Л. Регельсон и В. Капитанчук попытались начать внутри Церкви дискуссию по богословским вопросам. С другим документом обратились к Собору священник Георгий Петухов, иеродиакон Варсонофий (Хайбулин) и мирянин Л. Фомин, призывая добиться у государства открытия церквей и монастырей, преподавания Закона Божия в школах и т.п. Иркутский священник Евгений Касаткин также отправил послание, описывая пагубные последствия реформы 1961 г. в приходской жизни. Подобное же требование выражали и не менее пяти архиереев. Наиболее известное заявление было подано архиепископом Иркутским Вениамином (Новицким)¹¹¹⁷.

10 июня 1971 г. московский уполномоченный Совета по делам религий А. Плеханов писал В.А. Куроедову: «...среди духовенства есть и такие лица, которые ожидали от Поместного Собора внесения некоторых изменений в церковную реформу 1961 года, в части предоставления права духовенству избираться в церковные советы, а некоторые жили надеждой, что им будет предоставлено право управлять финансово-хозяйственными делами церкви»¹¹¹⁸. А в информационном отчете Совета в ЦК КПСС за 1971 г. указывалось: «Другая, хотя и небольшая часть епископата, хотела бы избрать главой церкви такого деятеля, который по своим взглядам был бы близок к взглядам патриарха Тихона, известного своими антисоветскими высказываниями и анафемами; имели место и нелегальные вылазки экстремистов. Так, в начале 1971 г. появилось анонимное обращение к епископату и клиру с призывом “не избирать в качестве патриарха теперешних членов Священного Синода, продавшихся властям”, а выдвинуть на этот пост архиерея, способного противостоять государству, атеизму и укрепить церковь, возродить ее былые позиции. В качестве кандидатов на патриарший пост в анонимке выдвигались 24 архиерея, а первым среди них назывался архиепископ Ермоген»¹¹¹⁹.

Неудача обращений к Поместному Собору заставила многих сделать вывод, что верующим, в попытках добиться большей свободы Церкви, необходимо прибегать к другим мерам воздействия. Правда, еще вплоть до 1974 г. основные выступления церковных диссидентов — «Великопостное письмо» Патриарху Пимену 1972 г. Александра Солженицына и споры вокруг него, отчет И. Шафаревича «Законодательство о религии в СССР» для Комитета по правам человека и т.д. — концентрировались на роли Московской Патриархии и возможности перемен в нем.

Особенно большой отклик имело «Великопостное письмо» Патриарху А.И. Солженицына, в котором содержался страстный призыв известного писателя: «Святейший Владыко! Камнем гробовым давит голову и разламывает грудь еще не домершим православным русским людям — то, о чем это письмо. Все знают, и уже было крикнуто вслух, и опять все молчат обреченно: на камень еще надо камушек приложить, чтобы

дольше не мочь молчать... Все церковное управление, поставление пастырей и епископов (и даже — бесчинствующих, чтоб удобнее высмеять и разрушить церковь) все так же секретно ведется из Совета по делам. Церковь, диктаторски руководимая атеистами, — зрелище, невиданное за два тысячелетия!. Какими доводами можно убедить себя, что планомерное разрушение духа и тела Церкви под руководством атеистов — есть наилучшее сохранение ее? Сохранение — для кого? Ведь уже не для Христа. Сохранение — чем? Ложью? Но после лжи, — какими руками совершать евхаристию? Святейший Владыко! Не пренебрегите моим недостойным возгласом. Может быть, не всякие семь лет Вашего слуха достигнет и такой. Не дайте нам предположить, не заставьте думать, что для архиерея русской Церкви земная власть выше небесной, земная ответственность — страшнее ответственности перед Богом...»¹¹²⁰

Совет по делам религий 28 марта переслал текст письма в ЦК КПСС, где с ним лично познакомился Л.И. Брежнев. Уже 4 марта ответственный секретарь Советского комитета защиты мира М. Котов подготовил проект ответного письма «группы религиозных деятелей» «По поводу новых клеветнических наветов А. Солженицына», которое предполагалось опубликовать в советских газетах: «Мы узнали, что некоторые зарубежные радиостанции, снискавшие недобрую славу проповедников всяческих наветов на нашу Родину, недавно передали новый пасквиль небезызвестного А. Солженицына, полный клеветы на Русскую православную церковь и ее главу патриарха Московского и всея Руси Пимена...» Это произведение должны были подписать митрополит Ленинградский и Новгородский, экзарх Украины, Грузинский Патриарх, Каталикос всех армян, председатель Центрального духовного управления буддистов и т.д. К счастью, из этой затеи ничего не вышло¹¹²¹.

Архиереи Московского Патриархата по-разному отреагировали на высылку А.И. Солженицына в феврале 1974 г. из СССР. Митрополит Крутицкий и Коломенский Серафим публично одобрил высылку этого писателя, в связи с чем архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин) в телеграмме от 17 февраля Патриарху Пимену выразил свое «глубокое огорчение» поступком Владыки Серафима. Во время приезда архиепископа Василия в СССР в мае 1974 г. у него состоялась напряженная беседа с митрополитом Никодимом (Ротовым): «В общем, он старался мне доказать, что не следовало вмешиваться в дело Солженицына, на что я отвечал, что первым начал писать митрополит Серафим. “К тому же мое выступление не носило политического характера!” “Нет, — возразил митрополит Никодим, — это был определенный политический антисоветский акт”. “А разве это плохо?” — спросил я его. “Я не говорю, что плохо, — ответил Владыка, — но не следовало этого делать!”»¹¹²².

Постепенно становилось все яснее, что Московская Патриархия, по крайней мере, в обозримом будущем, не сможет перемениться, и призывы к руководству ее с годами раздавались все реже и реже. В 1974 г. одновременно и независимо друг от друга возникли два религиозно-философских семинара — в Москве и в «городе на Неве». Ленинградский семинар, которым руководил Владимир Пореш, выпускал несколько самиздатовских периодических изданий, из которых самым продолжительным был журнал «37» (он выходил до 1981 г.). Московский «Христианский семинар по проблемам религиозного возрождения» под руководством Александра Огородникова также в 1978 г. начал издавать собственный неофициальный журнал «Община». Традиции «Вече» продолжали новые самиздатские христианско-националистические периодические издания «Земля», «Московский сборник» и др. Религиозная струя все сильнее проявлялась в диссидентском движении. Уже к середине 1970-х гг., по подсчетам «Архива самиздата», около 50% его выходило из рук верующих.

Расцвет православного диссидентства пришелся на 1976—1979 гг. Следует отметить особую роль, которую сыграл созданный в декабре 1976 г. «Христианский комитет за-

щиты прав верующих в СССР» — первая православная правозащитная организация, действовавшая от имени всей Церкви. Комитет работал в тесном сотрудничестве с Московской Хельсинкской группой. Его основателями были исключительно православные — священник Глеб Якунин, иеродиакон Варсонофий (Хайбулин) и В. Капитанчук, к 1980 г. их ряды пополнили священники Николай Гайнов, Владимир Фонченков и мирянин В. Щеглов. Только в 1981 г. среди новых тайных членов комитета появились представители других конфессий — баптисты, адвентисты седьмого дня, пятидесятники¹¹²³.

На 1980-е гг. пришелся последний, третий период деятельности религиозных диссидентов. Волна репрессий в конце 1979—1982 гг. нанесла по ней тяжелейший удар. Арестованы были почти все основные активисты — о. Г. Якунин, о. Д. Дудко, А. Регельсон, А. Огородников, В. Капитанчук, В. Пореш, Т. Щипкова, З. Крахмальникова и многие другие.

Это вызвало международную кампанию в печати в их защиту. Так, например, в ежемесячном мюнхенском обзоре «Религия и атеизм в СССР» в мае 1980 г. было напечатано обращение членов московского «Христианского семинара по проблемам религиозного возрождения» по поводу «репрессий против основателей Семинара Александра Огородникова и Владимира Пореша»¹¹²⁴.

Летом 1981 г. заключенный в политический лагерь Пермь-37 отец Глеб (приговоренный 28 августа 1980 г. Мосгорсудом за антисоветскую агитацию и пропаганду к 6 годам заключения и 5 годам ссылки) смог переправить за границу свое «Письмо из концлагеря» от 21 июня, адресованное различным международным организациям и участникам правозащитного движения за свободу религии в СССР, в котором говорилось: «...сейчас, пока реальность России — Голгофа, в Вашей братской помощи в деле защиты их прав нуждаются многие верующие в нашей стране. Одним из наиболее вопиющих проявлений религиозной дискриминации является запрещение заключенным в Советском Союзе пользоваться в местах отбывания наказания религиозной литературой, в том числе Библией и Евангелием... В этом году в знак протеста против изъятия Библии уже объявили длительную голодовку Александр Огородников (лагерь № 36) и Владимир Пореш (лагерь № 35). Им, как и мне, разрешили пользоваться религиозной литературой лишь в тюрьме, в период следствия, и изъяли ее в лагере»¹¹²⁵.

КГБ смог на время в значительной степени подавить движение, хотя полностью «искоренить» церковных диссидентов не удалось. И в первой половине 1980-х гг. существовало немало неофициальных религиозных групп и семинаров, выходили самиздатские журналы «Надежда» (хотя ее создатель Зоя Крахмальникова в 1982 г. была арестована и отправлена на 5 лет в ссылку), «Многая лета» и т. д. А с середины десятилетия, после некоторого ослабления репрессий, освобождения большинства «узников совести», в СССР вновь происходит бурный рост самиздата, особенно в период подготовки и празднования тысячелетия крещения Руси. Причем доля религиозного самиздата по сравнению с 1970-ми гг. еще более возросла.

Набиравшая силу и влияние независимая печать подвергала резкой критике пассивность высшего духовенства, печатала документы, свидетельствовавшие о подчинении епископата Совету по делам религий; требовала от священнослужителей вести борьбу за свободу Церкви. В эту деятельность включились освобожденные в 1987—1988 гг. из лагерей и ссылки о. Г. Якунин (восстановленный Московской Патриархией в священном служении), А. Огородников, В. Пореш и многие другие¹¹²⁶. Условной границей завершения третьего периода церковного диссидентства можно считать 1991 г. — время крушения советской власти и распада СССР. К этому времени в основном на базе религиозно-философских семинаров, кружков, оппозиционных и государству и Московской Патриархии, уже возникло несколько небольших христианских партий, движений и союзов, активно включившихся в политическую жизнь страны.

Таким образом, формы сопротивления мирян и священнослужителей Русской Православной Церкви антирелигиозной политике Советского государства были достаточно многообразны. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. особенно важную роль играло движение «непоминающих», и прежде всего иосифлян, пыгавшихся вести легальную оппозиционную деятельность. В дальнейшем массовое распространение получают тайные катакомбные общины, впервые возникшие еще в 1918 г. А в конце 1950-х гг. появляются религиозные диссиденты. Их возникновение связано как с началом процесса обращения к вере некоторых групп советской интеллигенции, так и с кризисом доверия к руководству Московского Патриархата среди определенных слоев священнослужителей и мирян в период хрущевских гонений.

Известно, что часть православных верующих не считала открытое диссидентское движение правильным с церковной точки зрения. Одни, включая и иерархов, опасались конфронтации с властями, чтобы не потерять и существовавшую ограниченную свободу. Другие, побуждаемые скорее духовными соображениями, полагали, что не дело Церкви заботиться о людских правах. Но отсутствие прямой поддержки в широких массах еще не означало, что деятельность диссидентов не пользовалась у них одобрением. Действительно, на протяжении почти 30 лет основную активность проявляла сравнительно небольшая группа, состоявшая главным образом из интеллигенции. Однако по мере того, как ряды активистов ослабевали в результате арестов или эмиграции, движение продолжало пополняться новыми членами из числа прежде молчавших.

Деятельность церковных диссидентов в СССР делится на три основных этапа. Первый — начальный — приходится на 1958—1969 гг., когда постепенно набиравшее силу движение существовало еще в рамках Московского Патриархата. На втором этапе — в 1970—1979 гг. — оно вышло из этих рамок и пережило бурный подъем. 1980—1991 гг. характеризуются сначала сильным спадом под ударами КГБ, а затем новым ростом с 1986—1987 гг. Все указанные формы религиозного сопротивления помогали Русской Церкви выстоять даже в периоды самых жестоких гонений, оказывали непосредственное воздействие на государственную политику, являлись важной причиной изменения ее курса и тех или иных уступок советского руководства.

Глава IV

Московская Патриархия на международной арене

§ 1. Русская Православная Церковь в центре «большой политики»

К началу Великой Отечественной войны Московская Патриархия уже несколько лет не вела международную деятельность. В докладе 1946 г. в ЦК ВКП(б) председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова отмечалось, что к 1935—1936 гг. она полностью прекратила связь с заграницей¹¹²⁷. Правда, еще оставалось пять приходов в ее юрисдикции в Западной Европе, несколько в США, но их связи с Москвой практически оборвались. Государственные органы целенаправленно ликвидировали все контакты Русской Церкви с внешним миром, чтобы сведения о ее разгроме и уничтожении духовенства не стали достоянием мировой общественности.

С нападением Германии ситуация изменилась. Теперь для руководства СССР большое значение приобрели отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции, прежде всего Великобританией и США. Правительствам этих стран было небезразлично положение Церкви в Советском Союзе. Так, особую заинтересованность в этом вопросе проявил президент Ф.Д. Рузвельт — очень набожный человек. Уже в конце октября 1941 г. прибывший в Москву его личный представитель А. Гарриман сообщил И. Сталину об обеспокоенности американской общественности судьбой Русской Церкви и передал просьбу президента улучшить ее правовое и политическое положение. Советское руководство учло и имевшиеся у Московской Патриархии значительные возможности для установления тесных контактов с влиятельными религиозно-клерикальными течениями в западных странах, и ее способность влиять на антифашистскую борьбу в оккупированной Восточной Европе. В поступившей к И. Сталину докладной записке из НКВД отмечалась важная консолидирующая роль Русской Церкви в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов на Балканах¹¹²⁸.

И сразу же после наступившего перелома в ходе Сталинградской битвы, когда положение на фронтах улучшилось, руководство Московского Патриархата выступило с целым рядом посланий к православным верующим восточноевропейских стран. В ноябре и декабре 1942 г. митрополит Сергей (Страгородский) обратился к румынскому духовенству и солдатам румынской армии с призывами «окончить войну с русским народом, с которым румыны связаны узами христианского братства, и прекратить пролитие братской единой крови»¹¹²⁹. Эти послания готовились и распространялись с санкции высшего партийного руководства. Например, 23 апреля 1943 г. заместитель наркома внутренних дел В.Н. Меркулов писал секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову: «По просьбе Всеславянского комитета борьбы с фашизмом, глава православной церкви в СССР митрополит Сергей составил антифашистское обращение к славянским

народам»¹¹³⁰. После одобрения ЦК обращение «Всем христианам в Югославии, Чехословакии, Элладе и прочих странах и народам, томящимся под гнетом фашистских оккупантов» было напечатано в типографии и переправлено через линию фронта.

Особенно активно участвовал в организации пропаганды за границей митрополит Николай (Ярушевич). Он был членом созданного правительством Всеславянского комитета, призывавшего братьев-славян поддержать СССР в борьбе с нацистами. В мае 1943 г. митрополит впервые появился в президиуме на III Всеславянском митинге в Москве и его речь опубликовали в газетах. Состоя членом Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений фашистских захватчиков, митрополит Николай оказался в числе подписавших заявление о том, что убийство тысяч польских офицеров под Катынью было совершено немцами. Неоднократно писал митрополит Николай и антифашистские послания к народам Европы, например «Братьям-славянам! «от 11 июня 1943 г.»¹¹³¹

Но подобная деятельность являлась только началом. Уже весной 1943 г. И. Сталина стал беспокоить вопрос о будущем разделе сфер влияния в Европе. Он понимал, что преодолеть идеологический барьер с ее народами будет неизмеримо легче, если прибегнуть к религии, обеспечить передачу своих идей по церковным каналам. Прежде всего, предполагалось использовать Православные Церкви Восточной Европы. Кроме того, с Московским Патриархатом были связаны и более глобальные планы утверждения его первенства в православном мире, превращение в своего рода «Московский Ватикан». Определенное значение имело и то, что во многих странах имелась паства Русской Церкви. Советскому руководству представлялось возможным распространять, таким образом, свое влияние на добрую половину мира. Ведь существовали экзархаты, епархии, благочиния, духовные миссии в Китае, Японии, Северной и Южной Америке, Палестине, Корее, Бельгии, Венгрии и т.д. Лишь небольшая часть из них оставалась в каноническом подчинении Московского Патриархата, однако духовные связи с Церковью-Матерью сохранялись. И 5 июня 1943 г. И. Сталин подписал секретное постановление Государственного комитета обороны «Об утверждении мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», в котором религиозные организации впервые были отнесены к категории интересов советской внешней разведки¹¹³².

Международная деятельность Московской Патриархии существенно активизировалась с сентября 1943 г., сразу же после приема председателем СНК митрополитом Сергием, Алексием и Николаем. Конечно, нельзя ее оценивать исключительно с политических позиций. Русская Православная Церковь имела традиционные многовековые связи с различными религиозными конфессиями. И поэтому было естественным, как только были сняты запреты, восстановление их. Эти контакты касались и сугубо церковных вопросов. Однако внешние связи Патриархии являлись областью, в которой зависимость Церкви от государства ощущалась более всего. Некоторые иерархи были заинтересованы в восстановлении могущественной Русской Церкви с ее дореволюционным международным влиянием, сочувствовали они и идее «Великой Руси». Правда, активность руководящих деятелей Патриархии в выполнении чисто политических акций, тяготивших их, оказалась весьма далека от расчетов сталинского окружения.

8 сентября, в день избрания Патриарха, было принято «Обращение Собора епископов Русской Православной Церкви ко всем христианам мира». А через полторы недели произошла встреча Первосвященителя с делегацией Англиканской Церкви. В начале осени руководители стран антигитлеровской коалиции готовились к первой личной встрече в Тегеране. Для оказания воздействия на союзников с целью скорейшего открытия второго фронта И. Сталин использовал различные способы, в том числе влиятельные общественные движения. В числе таких организаций, с руководителями которых председатель СНК вел личную переписку, был Объединенный комитет помощи Советскому Союзу в Англии во главе с одним из высших деятелей Англиканской Церкви, настояте-

лем Кентерберийского собора Х. Джонсоном. В движение за скорейшее предоставление помощи СССР в Великобритании активно включились и другие иерархи, в том числе архиепископ Кентерберийский Козмо Г. Ланг, написавший специальную молитву о даровании победы русскому воинству¹¹³³. Руководство Англиканской Церкви в конце лета 1943 г. обратилось к советскому правительству с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Накануне Тегеранской конференции такой визит был признан И. Сталиным желательным и полезным.

Делегация прибыла в Москву 19 сентября и за 10 дней своего пребывания несколько раз встречалась с иерархами Московской Патриархии, осмотрела разрушенный фашистами Ново-Иерусалимский монастырь в г. Истре. Пропагандистская цель визита была полностью достигнута. Во время прощального посещения Патриарха архиепископ Йоркский С.Ф. Гарбетт заявил: «По приезде в Англию меня будут осаждать корреспонденты, они будут спрашивать “есть ли в России свобода отправления религиозного культа”, и я отвечу, что “безусловно, да”, а когда книга “Правда о религии в России” будет переведена в Англии на английский язык, она принесет много пользы в деле понимания в Англии разных сторон русской церковной жизни»¹¹³⁴.

Делегацию Московской Патриархии несколько раз приглашали посетить Лондон. Но И. Сталин в тот момент высказался против поездки, и когда Патриарх обратился за разрешением на ответный визит к Г. Карпову, то получил отказ. Заместитель председателя СНК В.М. Молотов 13 октября 1943 г. дал председателю Совета по делам РПЦ следующие указания: «От посылки в Англию церковной делегации следует воздержаться. В разговоре с патриархом, если он будет напоминать, скажите, что в силу национальной гордости нам не следует кланяться и так быстро реагировать на их предложение, к тому же и воюют они еще плохо. Одно дело, когда они приезжали к нам на поклон, другое дело нам ехать туда. Я считаю, что нужно воздержаться»¹¹³⁵.

Получив отказ, Патриарх Сергей больше не проявлял особой инициативы в международных делах. Например, даже после трехкратных просьб о приеме в Москве греческой принцессы Ирины он так и не сделал запрос в правительство (впрочем, там знали об этих просьбах, но молчали). Тем не менее Патриархии приходилось все больше внимания уделять внешнеполитическим проблемам. На заседаниях Священного Синода 20—28 октября 1943 г. рассматривался доклад патриаршего экзарха, митрополита Алеутского и Северо-Американского Вениамина об общем положении дел и образовании нового прихода в Буэнос-Айресе, ему было поручено возбудить ходатайство перед правительством США о передаче Московской Патриархии зданий и имущества, принадлежавших когда-то Русской Церкви. Кроме того, «Синод определил необходимым провести надлежащее выяснение об имуществе и зданиях, ранее принадлежавших б. Русской Православной Духовной Миссии в Палестине, после чего возбудить ходатайство о возвращении их»¹¹³⁶.

К 1945 г. Русской Церкви удалось возобновить многие международные связи. Большой резонанс имели антифашистские обращения Патриарха Алексия к православным румынам и болгарам. Завязалась активная переписка с Восточными Патриархами. Теснимые другими религиозными течениями, они ожидали получить от сильной и богатой Русской Церкви разнообразную помощь. Ярким примером роста авторитета последней явилось обращение в ноябре 1944 г. через штаб 4-го Украинского фронта представителей Мукачевско-Пряшевской епархии о принятии ее в юрисдикцию Московского Патриархата. 8 декабря делегация посетила митрополита Алексия, а 11 декабря Карпова, через которого передала письмо Сталину о желании не только Церкви, но и всей Карпатской Руси (входившей до войны в состав Чехословакии) воссоединиться с великой Россией¹¹³⁷.

На январском 1945 г. Поместном Соборе присутствовали главы и представители восьми автокефальных Православных Церквей, не только заявившие о своей при-

знательности правительству СССР, но и фактически давшие согласие на совместную борьбу с Ватиканом, который представлялся советскому руководству основным противником в новой религиозной международной политике. В ответ гостям Собора было подарено 80 музейных предметов драгоценной церковной утвари¹¹³⁸. Щедрая материальная поддержка Восточных Патриархов, как инструмент воздействия на них, активно применялась и в дальнейшем. Установившиеся связи были закреплены поездкой Патриарха Алексия в мае—июне 1945 г. с официальным визитом к Иерусалимскому, Антиохийскому, Александрийскому Патриархам, опиравшейся на традицию паломничества к святым местам.

В начале 1946 г. Карпов предлагал Сталину «усилить влияние на восточные Патриархаты, которые хотя и малочисленные, но считающиеся авторитетными в православном мире, с целью использования их в будущем на своей стороне при решении ряда важных церковных вопросов». Согласие было получено, и в ноябре—декабре 1946 г. митрополит Григорий (Чуков) побывал в Сирии, Ливане, Египте, одаривая крупными суммами валюты, и везде получал заверения местных иерархов, что «возглавляемые ими патриархаты и церкви всегда будут поддерживать Московскую Патриархию в международных церковных вопросах»¹¹³⁹. Наибольшую озабоченность вызывала позиция Константинопольского Патриарха Максима V, и ему в 1946 г. выделили 50 тысяч долларов¹¹⁴⁰. Это дало свои плоды. Так, например, Вселенский Владыка (несмотря на давление турецкого правительства) отказался осудить греческих коммунистов, развернувших вооруженную борьбу в своей стране.

Еще больший успех был достигнут в Восточной Европе. В январе 1945 г. Патриарх Алексей активно содействовал снятию Константинопольским Патриархатом схизмы с Болгарской Православной Церкви, и в апреле ее глава митрополит Стефан заявил Московской делегации: «Православная Русская Церковь заняла ведущее место в большом семействе славянских народов, как старшая и передовая среди православных церквей»¹¹⁴¹. Правда, взаимоотношения Болгарского экзарха с новым правительством страны нормализовались далеко не сразу.

Посетившие в апреле—мае 1945 г. Югославию и Румынию делегации Московской Патриархии были торжественно приняты руководителями этих государств. В октябре 1946 г. Румынский Патриарх Никодим, всю войну занимавший крайне недоброжелательную позицию к СССР, нанес ответный визит в Москву. Была достигнута договоренность, что возглавляемая им Церковь не примет участия в экуменическом движении, и Московской Патриархии передадут храм в Бухаресте для организации подворья. Согласно докладной записке Г. Карпова в Совнарком, «Патриарх Никодим и участвовавшие в беседе румынские епископы Николай и Юстиниан высказывали также мысль о том, что Москва должна стать центром Православия, а Русская Православная Церковь возглавить борьбу с католицизмом. При этом они дали согласие принять участие в 1947 г. в совещании православных церквей славянских государств для обсуждения этой проблемы»¹¹⁴². И после возвращения Патриарх принялся оказывать помощь демократическому фронту в подготовке к выборам. В докладе в ЦК ВКП(б) об итогах работы за 1946 г. Г. Карпов подчеркивал, что в период разгара борьбы в Румынии духовенство активно поддержало сторонников социалистических преобразований: «Это особенно сказалось во время последних выборов в парламент, когда Румынская православная церковь, по указанию Никодима, только что вернувшегося из Москвы, во многом способствовала победе демократического фронта»¹¹⁴³. Неслучайно Патриарха Алексия и Г. Карпова наградили орденом «Звезда Румынии», причем это награждение было одобрено 23 декабря 1946 г. специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б)¹¹⁴⁴. Особенно тесными стали связи Русской и Румынской Церквей после смерти Владыки Никодима и избрания в мае 1948 г. нового Патриарха Юстиниана.

Сербский Патриарх Гавриил, заключенный в конце 1944 г. в концлагерь Дахау на территории Германии, после освобождения поселился в Италии и долгое время не желал переезжать в Югославию, ожидая возвращения в страну короля Петра. Только переговоры осенью 1946 г. с представителем Московской Патриархии архиепископом Елевферием заставили его изменить решение. В докладе Г. Карпова в ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1947 г. отмечалось, что архиепископ Елевферий «по поручению патриарха Алексия, провел с Гавриилом ряд бесед и убедил его в необходимости вернуться в Югославию и сотрудничать с демократическим правительством»¹¹⁴⁵. После возвращения Патриарх занял лояльную позицию к гражданским властям страны и вплоть до своей кончины в 1950 г., несмотря на разрыв И. Сталина и И.Б. Тито, оставался верным другом Русской Церкви.

В Чехословакии после расстрела фашистами в 1942 г. единственного епископа Горазда (Павлика) и значительной части священников встал вопрос о самом существовании Православной Церкви в стране. Позволила ей возродиться и многократно вырасти прежде всего помощь из СССР. Приехавший в октябре 1945 г. архиепископ Орловский и Брянский Фотий провел переговоры с представителями верующих о принятии Чехословацкой Православной Церкви в юрисдикцию Московской Патриархии. Этот вопрос был решен в январе 1946 г., а в апреле главой учрежденного экзархата архиепископом Пражским и Чешским был назначен бывший епископ Ростовский и Таганрогский Елевферий. В 1947 г. первый чехословацкий студент стал учиться в Ленинградских духовных школах, а 14 ноября 1948 г. удалось открыть Православную семинарию в Карловых Варах¹¹⁴⁶. В апреле 1948 г. глава делегации Московской Патриархии в Албании епископ Ужгородский и Мукачевский Нестор участвовал в хиротонии во епископа бывшего партизана архимандрита Паисия (Водица). В 1949 г. епископ Паисий возглавил Албанскую Православную Церковь, целиком ориентируясь на Москву.

Более сложная ситуация существовала в Польше. Местная Православная Церковь в 1920-е гг. объявила себя автокефальной, независимой от Российской. После окончания войны глава ее, «антисоветски настроенный» митрополит Дионисий, был отстранен от управления, и Патриарх Алексей настаивал на вхождении Польской Церкви в юрисдикцию Московского Патриархата. Однако польское правительство заняло в этом вопросе резко отрицательную позицию. В ноябре 1946 г. в беседе с Карповым министры юстиции Г. Свентковский заявил о необходимости автокефалии, одновременно подчеркнул, что о руководителе Польской Церкви «должен позаботиться ваш патриарх Алексей, на которого мы смотрим как на главу всех славянских церквей»¹¹⁴⁷. 22 июня 1948 г. Синод Русской Церкви согласился с самостоятельностью польского Православия, а в 1951 г. на кафедру митрополита Варшавского и вся Польша был поставлен недавний архиепископ Львовский и Тернопольский Макарий.

Успешно на первых порах проходило и воссоединение русских эмигрантских приходов. Этому способствовало массовое патриотическое движение в эмигрантской среде в годы войны, появление чувства гордости за свою великую, победившую фашистские державы родину, связь с которой для большей части была возможна только лишь через церковные каналы. «Атмосфера, существовавшая во Франции к концу войны и в период сразу после войны, была исключительно благоприятной как для Советского Союза, так и для Московской Патриархии... Сильная волна советского патриотизма захватила этот район русской эмиграции»¹¹⁴⁸. Уже вскоре после освобождения Парижа, в ноябре 1944 г., глава русского Западно-Европейского экзархата, находившегося в юрисдикции Константинопольского Патриархата, митрополит Евлогий (Георгиевский) написал Патриарху Алексию о желании пересмотреть свой статус и восстановить связи с Москвой.

В книге воспоминаний митрополита Евлогия Т. Манухина так оценивала его настроения: «Огромная непобедимая Россия, от Ледовитого океана до Индийского (мечта!), гроза пограничных сильных держав, покровительница малых, сестра родная всех сла-

ван... и Москва — кто знает! — быть может, всемирный центр Православия... Известие о прекращении гонений, а потом о Соборе и избрании Патриарха Владыка воспринял как великую радость духовной победы, связанную с победой на полях сражений, как знак “прощенности” русского народа»¹¹⁴⁹. В марте 1945 г. планировался приезд митрополита Евлогия в Москву, но он не состоялся из-за его болезни.

Воссоединение 75 евогианских приходов с Московским Патриархатом произошло в сентябре 1945 г. в результате поездки во Францию митрополита Николая (Ярушевича). Правда, это достижение «церковной дипломатии» в конечном итоге оказалось временным. Уже 25 декабря 1945 г. заместитель наркома иностранных дел В. Деканозов с тревогой писал Г. Карпову: «Успехи митрополита Николая Крутицкого вовсе не закреплены и могут быть легко разрушены. Тов. Богомоллов (посол во Франции) считает, что следует поспешить с присылкой в Париж постоянных представителей Московской Патриархии и закрепить первоначальные успехи Николая, иначе англо-американцы захватят заграничные православные организации в свои руки и обратят их в орудие борьбы против нас»¹¹⁵⁰. Но это предложение казалось тогда советскому руководству явной перестраховкой.

В сентябре 1945 г. с Московским Патриархатом воссоединился и глава Западно-Европейской епархии Русской Православной Церкви за границей во главе митрополит Серафим (Лукьянов). Подобные процессы охватили русские приходы в Германии, Австрии, Венгрии, Югославии, Великобритании и многих других странах Европы, Африки и Азии. Так, сразу же после избрания Патриарха Алексия архиереи дальневосточных епархий Русской Православной Церкви за границей во главе с митрополитом Харбинским и Маньчжурским Мелетием стали возносить за богослужениями его имя, несмотря на угрозы и репрессии японских властей. В октябре 1945 г. они были приняты в юрисдикцию Московского Патриархата, как и Русская духовная миссия в Китае¹¹⁵¹.

В Финляндии монахи Валаамского монастыря еще в ноябре 1944 г. ходатайствовали о воссоединении. В октябре 1945 г. в эту страну приехал митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, принял в каноническое общение Коневецкий и Валаамский монастыри, 2 прихода в Хельсинки и взял письменные обязательства архиереев Финляндской Православной Церкви о скором возвращении их из Константинопольского Патриархата в Московский. В 1946 г. и правительство Финляндии, судя по заверениям ее посла в СССР, было согласно с этим актом, намеченным на декабрь¹¹⁵².

Но запланированный приезд финской делегации в Москву не состоялся. Видя, что разработанный план сорвался, в Совете по делам РПЦ решили изменить тактику и другим способом завоевать нового союзника. В мае 1948 г. Патриарх Алексей известил архиепископа Германа о своем решении даровать возглавляемой им Финляндской Православной Церкви полную автокефалию при условии предварительного возвращения в юрисдикцию Московского Патриархата. 16 ноября Патриарх даже составил соответствующее постановление Синода, однако Собор Финляндской Церкви был перенесен с осени 1948 г. на 1950 г., причем и тогда отложил решение этого вопроса до 1955 г. Таким образом, в Финляндии воссоединились с Московским Патриархатом лишь упомянутые монастыри и приходы.

Подводя итоги работы Совета по делам РПЦ за 1943—1946 гг., Г. Карпов писал И. Сталину, что его роль, функции и объем работы значительно вышли за рамки, предусмотренные положением о Совете, так как после окончания войны основное внимание уделялось внешнеполитической деятельности, предусматривавшей расширение сфер влияния Русской Церкви. Только в 1945 г. были организованы выезды ее делегаций в 15 стран. В результате в юрисдикцию Московского Патриархата перешли три митрополита, 17 епископов и 285 приходов¹¹⁵³.

В другом отчете в ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1947 г. указывалось: «Русское духовенство, в частности, сыграло большую роль в деле агитации за принятие советского граждан-

ства бывшими эмигрантами... Русская эмигрантская печать, пользующаяся поддержкой церкви, также почти повсеместно изменила свое политическое лицо, благожелательно относясь к Советскому Союзу... Осуществляя мероприятия по воссоединению Русской православной церкви за границей с Московской Патриархией и развивая связи с православными церквями славянских государств, Совет ставил основной целью использование Русской церкви в качестве канала для проведения нашего влияния за рубежом»¹¹⁵⁴. Так как до революции в крупнейших городах мира действовало 55 посольских храмов России, Г. Карпов считал возможным вернуть их и организовать на базе этих церквей Духовные миссии. Намечалось добиться и возвращения зданий, имущества уже существовавших ранее Русских миссий в Палестине, США, Китае, Японии, Корее (что частично удалось). В упоминавшемся отчете от 14 февраля 1947 г. подчеркивалось, что они «являлись бы надежной базой для распространения русского влияния за границей»¹¹⁵⁵.

Возвращению русских эмигрантских приходов в юрисдикцию Московского Патриархата первоначально способствовал острый кризис Русской Православной Церкви за границей (Карловацкой). Ее высший орган — Архиерейский Синод — в 1944 г. по разным причинам сократился до трех членов и фактически больше года активно не функционировал. Советская пропаганда распространяла утверждение о том, что он перестал существовать. Окончательная ликвидация влиятельной в своей сфере Зарубежной Русской Церкви была важной задачей Совета по делам РПЦ. 10 августа 1945 г. Патриарх Алексий написал обращение «К архипастырям и клиру так называемой карловацкой ориентации», призывая их принести покаяние.

Однако ожидаемого результата оно не принесло. Зарубежная Церковь пополнилась оставившими в годы войны Родину десятками тысяч верующих из Украины, Белоруссии, России и постепенно восстановила многие свои позиции. Весной 1946 г. в ней насчитывалось уже 26 иерархов, и 10 мая Архиерейский Собор в Мюнхене принял заявление по поводу обращения Московского патриарха: «Мы не находим для себя нравственно возможным пойти навстречу этим призывам до тех пор, пока высшая церковная власть в России находится в противоестественном союзе с безбожной властью и пока вся Русская Церковь лишена присущей ей по ея Божественной природе истинной свободы»¹¹⁵⁶.

На настроениях русских эмигрантов неблагоприятно сказывались политические акции, которые предпринимала Московская Патриархия под давлением государственных органов. Если бы не эта явная компрометирующая зависимость, воссоединение эмигрантских приходов шло бы значительно успешнее. Сыграло свою роль и открытое давление властей ряда западных государств, прежде всего США. Так, например, священники русских приходов Египта и Южной Кореи, вернувшихся в юрисдикцию Московского Патриархата, были арестованы и после тюремного заключения высланы из этих стран¹¹⁵⁷. В 1946 г. православные японцы обратились к Патриарху Алексию с просьбой прислать им епископа, но американские военные власти не пропустили его и вскоре спровоцировали раскол, способствовав приезду в Японию епископа из США и передав ему все храмы и помещение Русской духовной миссии. Ощутимую неудачу потерпела Московская Патриархия после смерти в августе 1946 г. возглавлявшего Западноевропейский экзархат митрополита Евлогия. 17 октября епархиальное собрание клира и мирян высказалось за пребывание в качестве автономного экзархата в лоне Константинопольского Патриархата. Верными Патриарху Алексию остались лишь около 20 приходов¹¹⁵⁸.

Упорная борьба развернулась в Северной Америке. Там ряд православных архиереев и священнослужителей перешли в юрисдикцию Московского Патриархата в 1944—1945 гг. Автономная Северо-Американская митрополия, в 1935 г. восстановившая связь с Заграничным Архиерейским Синодом, с октября 1943 г., кроме его главы митрополита Анастасия, стала возносить за богослужением и имя Патриарха Сергия. В феврале

1945 г. делегация митрополии посетила Москву с ходатайством о предоставлении автономии в составе Московского Патриархата. Однако она получила указ с требованием, чтобы Американская Церковь соборно декларировала распоряжение по всем приходам об отказе от политических выступлений против советской власти. Именно это далекое от церковных канонов условие стало главным препятствием и вызвало категорическое несогласие с переходом в юрисдикцию Московского Патриархата Собора епископов митрополии в мае 1945 г.

В дальнейшем оно было заменено требованием прекращения всякого общения с Заграничным Синодом. И состоявшийся 26—29 ноября 1946 г. Всеамериканский Собор клира и мирян подавляющим большинством голосов постановил просить Московского Патриарха принять их в лоно Русской Церкви при условии сохранения полной автономии, с прекращением какого-либо подчинения Архиерейскому Синоду РПЦЗ. Глава Американской Церкви митрополит Феофил в феврале 1947 г. послал телеграмму с согласием на приезд делегации Московской Патриархии для окончательного урегулирования вопроса, но вскоре не без воздействия внешних сил изменил свою позицию. Он отказался от встречи с находившимся в июле—октябре 1947 г. в США Ленинградским митрополитом Григорием (Чуковым). Последнему передали проект автономии Русской Православной Церкви в Северной Америке, фактически предусматривавший полную внутреннюю самостоятельность, вплоть до необязательности постановлений Патриарха и Поместных Соборов. Проект шел вразрез с объединительной тенденцией Московского Патриархата на началах централизации. Соглашение не состоялось, и Американская Церковь по-прежнему осталась независимой¹¹⁵⁹.

Отпугивала русских эмигрантов и открытая борьба Московской Патриархии с Ватиканом, и постепенно назревавший конфликт с Англиканской Церковью. В 1945 г. отношения с ней еще были вполне лояльными. В мае Великобритании посетил митрополит Николай (Ярушевич), встречавшийся с королем Георгом VI, архиепископом Кентерберийским и эмигрантской русской общиной. Он прозондировал почву для организации в Лондоне приходов Московского Патриархата и участия англичан в планируемой всемирной конференции христианских Церквей в Москве. В ходе визита архиепископ Йоркский выступил с антикатолическими заявлениями, назвав Ватикан общим врагом Православия и Англиканства. Это дало повод Г. Карпову в отчете ЦК ВКП(б) сделать вывод, что «Англиканская церковь, так же как и Русская православная церковь, отрицательно относится к Ватикану и готова принять участие в тех или иных мероприятиях, направленных против Ватикана, хотя и занимает пока в этом вопросе пассивные позиции»¹¹⁶⁰.

В июне—июле 1945 г. почти два месяца по личному приглашению И. Сталина в СССР находился настоятель Кентерберийского собора Х. Джонсон. Председатель СНК проявлял заинтересованность в контактах с ним, в письмах неизменно посылал приветы, теплые пожелания. И на июньской пресс-конференции в Ереване, накануне открытия Потсдамской конференции, Х. Джонсон заявил: «Я полностью и от всего сердца согласен с тем, что области, отторгнутые от Турции, должны быть, как можно скорее, возвращены Армении»¹¹⁶¹. И. Сталин высоко оценил большую работу Х. Джонсона на посту председателя Объединенного комитета помощи СССР, удостоив его не только теплого приема в Кремле 6 июля 1945 г., но и проведя через Президиум Верховного Совета решение о награждении его орденом Трудового Красного Знамени¹¹⁶².

Однако уже в 1946 г. отношения с англиканами стали портиться. Камнем преткновения стала их руководящая роль в экуменическом движении, выступавшем за объединение христианских конфессий (от греческого ойкумена — вселенная, обитаемый мир). В февральском 1947 г. отчете Совета по делам РПЦ указывалось: «...экуменистическое движение во главе с англиканской церковью все более и более скатывается на реакционные политические рельсы, оставляя церковные вопросы на заднем плане. Об

этом особенно красноречиво говорят принятые на последнем заседании екуменистов в Женеве в 1946 г. решения с требованием пересмотра потсдамских решений в отношении Германии, борьбе с марксизмом и т.д.»¹¹⁶³.

Правда, в то время еще считалось возможным, как писал Г. Карпов, обеспечить «руководящее влияние в екуменистическом движении Русской православной церкви и других религиозных организаций СССР»¹¹⁶⁴. Для этого Московская Патриархия должна была в 1947 г. предъявить во время переговоров с архиепископом Кентерберийским два условия своего участия в движении: «а) отказ екуменистов от политических выступлений и обеспечение чисто церковной деятельности этого движения; б) значительное расширение представительских мест для православных церквей во главе с Русской церковью»¹¹⁶⁵. Однако соглашения с англиканами достигнуто не было, не вступили они в конечном итоге и в создаваемый антиватиканский церковный блок.

Борьба с Ватиканом была одной из важнейших составляющих сталинского плана создания мирового религиозного центра в Москве, но разгорелась далеко не сразу. Внешняя политика Ватикана имела непростую динамику. В 1939—1942 гг. для нее была характерна двойственная линия. Сначала попытки избежать крупного военного конфликта, чреватого катастрофой для западного мира, затем оказание моральной поддержки оккупированной Польше, но и нежелание открыто осудить лидеров германского нацизма. Папа Пий XII не поддавался давлению держав «оси», настаивавших, чтобы он после нападения Германии на СССР провозгласил «крестовый поход» против коммунизма, однако ватиканская дипломатия активно сотрудничала с немецкой, рассчитывая добиться разрешения на деятельность католических миссионеров в восточных землях. 14 августа 1941 г. было заключено соглашение с германским военным командованием о совместных мероприятиях с Ватиканской восточной миссией, но без санкции руководства НСДРП и Главного управления имперской безопасности, из-за чего оно так и не вступило в силу¹¹⁶⁶.

С 1943 г. дипломатическая роль Ватикана значительно возросла, он стремился стать посредником между странами «оси» и западными союзниками. Так, Папа резко отозвался о совместном заявлении Ф. Рузвельта и У. Черчилля о безоговорочной капитуляции фашистских держав, сделанном в Касабланке 20 января. Он видел в будущей Европе сильную, по возможности не нацистскую Германию, протянувшуюся как можно дальше на Восток католическую Польшу, очень опасался возможной «коммунизации» Италии. С сентября 1943 г., после капитуляции фашистской Италии обострилась дипломатическая борьба США, Великобритании и Германии за влияние на Ватикан. Речь все больше шла о планах послевоенного переустройства мира¹¹⁶⁷.

За колебаниями в политике Римского престола внимательно следили в Москве. Продвижение советских войск на Запад, в регионы традиционного католического влияния, поставило перед дипломатическим ведомством СССР задачу поиска контактов с Ватиканом. В декабре 1943 г. И. Сталин попросил через начальника 2-го Управления НКГБ составить справку «О состоянии римско-католических костелов на территории СССР» (подготовленную 4 мая 1944 г.)¹¹⁶⁸. Этой темой вплотную занялись работники госбезопасности, Совет по делам РПЦ, а с лета 1944 г. и недавно созданный Совет по делам религиозных культов. Первоначально государственные органы приступили к поиску компромиссов с руководством католических общин в западных районах СССР. В Латвии было разрешено возобновить деятельность духовной семинарии. В апреле—мае 1944 г. СССР посетил американский католический священник С. Орлеманский. Он был принят И. Сталиным и В. Молотовым, которые заявили, что Советский Союз готов к сотрудничеству с Папой Римским и не собирается ущемлять права католиков¹¹⁶⁹.

Летом 1944 г. был освобожден Львов, и, вопреки зарубежным прогнозам, отношение новых властей к униатам Западной Украины сначала оказалось вполне терпимым. Глава Греко-Католической (Униатской) Церкви митрополит Андрей Шептицкий в

конце августа направил в Москву письмо с заявлением о лояльности и просьбой принять его делегацию для окончательного урегулирования отношений. Смерть Владыки Андрея Шептицкого и избрание нового главы униатов — митрополита Иосифа (Слипого) задержали приезд делегации до декабря 1944 г. Ее члены выразили «приветствие и благодарность Советской власти, Красной армии и ее Главнокомандующему товарищу Сталину» и заявили об осуждении бендеровского движения, стремлении участвовать в «устройении мирной жизни» на освобожденной территории Украины. Руководство Совета по делам религиозных культов, по согласованию с В. Молотовым и Н. Хрущевым, в свою очередь, указало, что все просьбы униатов, не расходящиеся с законом, будут удовлетворены. От делегации приняли 100 тысяч рублей в фонд Красного Креста¹¹⁷⁰. Председатель Совета И.В. Полянский, встречаясь в первых числах января 1945 г. с американским журналистом Д. Фишером, подчеркнул, что некий компромисс Католической и Униатской Церквей с государством достигнут, и эти церкви «живут»¹¹⁷¹. Таким образом, Москва всячески демонстрировала свое желание нормализовать отношения с Ватиканом.

Однако Папа Римский не понял подаваемых сигналов и не изменил своей позиции в отношении безбожного большевистского режима. В определенной мере это было и успехом германских дипломатов, осознавших, что между СССР и Ватиканом возможно урегулирование отношений, и не допустивших такого развития событий. В начале 1945 г. в выступлениях Пия XII вновь зазвучали мотивы враждебности к коммунистам, СССР и одновременно призывы к милосердию к побежденным в войне и установлению мягкого мира. У Ватикана возникли идеи создания конфедерации Придунайских стран, организации комитета «Католического действия» («Акция Католика») для развертывания борьбы против леворадикальных элементов¹¹⁷². В этих условиях советское руководство отказалось от поисков компромиссов, и курс в отношении католицизма начал меняться. Отныне Ватикан характеризовался как «защитник фашизма», стремящийся к усилению своего влияния в послевоенном мире. Стратегия закрепления в восточноевропейских странах стала включать и задачу преодоления этого влияния.

Антикатолические планы впервые были опробованы на Поместном Соборе 1945 г. В обращении его участников, принятом 6 февраля, решительно отвергалось предложение Папы о «мягком мире»¹¹⁷³. В соответствии с указаниями В. Молотова от 2 марта 1945 г., через 13 дней Г. Карпов направил И. Сталину докладную записку, в которой говорилось: «Политический блок с фашизмом усилил профашистскую деятельность Ватикана, особенно ярко выраженную в дни войны. Римско-Католическая церковь в своем стремлении к мировому господству ведет наступление и систематическую борьбу за поглощение православия католицизмом»¹¹⁷⁴.

Следует отметить, что руководство СССР располагало документальными подтверждениями для некоторых из подобных утверждений. Так, например, в «особой» папке И. Сталина хранятся заявления бывшего начальника церковного отдела Главного управления имперской безопасности К. Нейгауза, взятого в плен 28 мая 1945 г. и вывезенного в СССР. В них говорилось: «Несмотря на общеизвестный антагонизм, существовавший перед второй мировой войной между Гитлером и католической церковью, в ходе войны папа Пий XII проводил скрытую политику в пользу гитлеровской Германии и оказывал ей моральную поддержку. Это стало мне известно на основе изучения ряда секретных документов и личных бесед с наиболее крупными агентами СД по католическому духовенству»¹¹⁷⁵. В советской зоне Германии был арестован ряд лиц, упомянутых К. Нейгаузом. Все они подтвердили содержащиеся в его показаниях сведения. И. Сталин получил дополнительные подтверждения «необходимости» жесткого курса по отношению к Ватикану. Прежде всего, этот курс самым трагическим образом сказался на судьбе униатов в СССР. Наличие в стране более 4 миллионов верующих, объединенных в особую Церковь, контролируемую Папой, показалось председателю СНК крайне нежелательным.

В осуществлении замыслов вождя заставили участвовать и Московскую Патриархию. 15 марта 1945 г. Г. Карпов писал Сталину, что Православная Церковь «может и должна сыграть значительную роль в борьбе против римско-католической церкви... Совет предлагает: а) организовать в г. Львове православную епархию... б) предоставить епископу и всем священнослужителям данной епархии права на проведение миссионерской работы... в) организовать внутри униатской церкви инициативную группу, которая должна будет декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие»¹¹⁷⁶. Для привлечения Патриархии правительство пошло на значительные уступки в западных областях СССР. Так например, 28 августа 1945 г. Совет утвердил представленный Патриархом Алексием проект типового устава православных духовных братств, подлежащих организации во Львове, Минске, Вильнюсе и других городах. Согласно уставу, братствам разрешалось не только издание листовок, брошюр, молитвенников, но и благотворительная деятельность. Подобные уступки вызвали заинтересованность части иерархов.

Сначала униатскому епископату предложили «самоликвидироваться». Некоторое время глава униатов митрополит Иосиф (Слипый) вел переговоры с Московской Патриархией. Когда же определенно выяснилось, что все пять униатских архиереев не желают переходить в Православие, в апреле 1945 г. их арестовали. Через месяц появилась инициативная группа по воссоединению во главе с протопресвитером Г. Костельником, которая развернула широкую агитацию. Следует отметить, что движение полностью инспирировано не было. Среди верующих Западной Украины традиционно существовала сильная тяга к Православию. Об этом свидетельствуют массовый переход греко-католиков в Русскую Церковь в 1914—1915 гг., православное движение на Лемковщине в 1925—1939 гг. и т.п. Значительная часть униатов стала бы православными добровольно, и вмешательство государственных органов, кровавые репрессии только дискредитировали данный процесс.

К весне 1946 г. 997 из 1270 униатских священников Западной Украины подписали заявления о присоединении к «инициативной группе», и 8—10 марта на Львовском Соборе греко-католического духовенства и мирян было принято решение о воссоединении с Православной Церковью и упразднении Брестской унии 1596 г. Как видно из документов ЦК ВКП(б), осуществление акции контролировал 1-й секретарь компартии Украины Н.С. Хрущев, который по всем значительным деталям запрашивал санкции Сталина¹¹⁷⁷.

Львовский Собор нанес ощутимый удар по Ватикану. Но это оказалось только началом. 14 февраля 1947 г. Г. Карпов представил на утверждение новую программу борьбы с центром католицизма: «а) окончательно ликвидировать униатскую церковь в СССР; б) подготовить проведение аналогичных мероприятий в некоторых странах за границей... в) создать альянс христианских церквей в виде международного движения во главе с Русской православной церковью для борьбы с Ватиканом, пригласив участвовать в нем все другие вероисповедания»¹¹⁷⁸.

Еще более детально эта программа была изложена в совместной докладной записке в ЦК ВКП(б) руководителей Советов по делам РПЦ и религиозных культов от 1 февраля 1947 г. В ней отмечалось, что предпринятые попытки борьбы с католицизмом как с вероисповеданием успеха не имеют: «Борьба против привычного, устоявшегося ритуала и традиций, не оправданная логически и политически, вызывает лишь раздражение в массах, усиливая тем самым сопротивление». Предлагался другой вариант: «Католическая церковь при условии очищения ее от элементов, прямо диктующих вмешательство в политическую борьбу и устанавливающих теократию, освобожденная от централизма и разделенная на национальные («автокефальные») церкви... могла бы быть терпима»¹¹⁷⁹.

Создание независимых от Ватикана Церквей в СССР, Восточной Европе и других регионах мыслилось основным средством борьбы с ним. Главная роль опять отводилась

Московской Патриархии. Она должна была выступить инициатором международного христианского движения и в качестве первого шага выпустить «Обращение ко всем христианам мира», в котором бы говорилось, что «долг христиан всего мира помочь католикам освободиться от папизма» и «для этого должны быть объединены силы всех христиан, независимо от различий в вероисповедании». Предполагалось, что после опубликования обращения к нему декларативно присоединятся другие христианские Церкви как в СССР (что считалось гарантированным), так и за рубежом: православные, лютеране, баптисты, методисты, старокатолики, англикане, копты и некоторые католики (в Польше, Югославии, Бразилии, США). Далее эти присоединения будут рассматриваться планируемым на сентябрь 1947 г. в Москве совещанием глав Православных Церквей, которое призвет к созданию исполнительного органа нового движения. И уже этот орган с местопребыванием в Москве поведет текущую организационную и пропагандистскую работу и подготовит созыв всемирной конференции христианских Церквей (задуманной еще в марте 1945 г.)¹¹⁸⁰. Таким образом, в конечном итоге через борьбу с Ватиканом Русская Православная Церковь должна была возглавить всемирное христианство (и осуществлять через него советское влияние на большую часть человечества).

Одно время казалось, что планы создания «Московского Ватикана» близки к осуществлению. В сентябрьском 1946 г. номере «Журнала Московской Патриархии» говорилось «об исключительном оживлении» в лоне Православной Вселенской Кафоллической Церкви, под фактическим водительством Русского Православия: «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать...»¹¹⁸¹ Еще в марте 1946 г. митрополит Николай (Ярушевич) писал в Совет по делам РПЦ о необходимости проведения в Москве Вселенского Собора. Трудно сказать, у кого родилась эта идея, но она была полностью одобрена И. Сталиным, возлагавшим на ее осуществление большие надежды.

Первоначальный замысел отличался грандиозностью. 13 января 1947 г. Патриарх Алексий писал Карпову о предполагаемом проведении 1—10 октября в Москве Собора всех существовавших тогда в мире автокефальных Православных Церквей, причем их должны были представлять Первоиерархи. Планировалось и участие делегаций Сиро-Халдейской, Армяно-Григорианской, Коптской Церквей в связи с обсуждением вопроса об их соединении с Православием. 23 января начала работать подготовительная комиссия Патриархии, в программу Собора намечалось включить девять вопросов, главные из которых носили «политический» характер — отношение к воинствующему католицизму и экуменическому движению. Для создания заинтересованности у будущих участников в начале 1947 г. готовилась передача подворий Иерусалимской, Сербской, Антиохийской, Александрийской Церквам в Москве, Киеве и Ленинграде; выплата денежных подарков в валюте главам Константинопольской, Кипрской, Греческой, Албанской, Сербской Церквей. В свою очередь, и Московской Патриархии пообещали передать все здания Троице-Сергиевой Лавры, собор в Новодевичьем монастыре и т.п.¹¹⁸²

В середине февраля планы были откорректированы — в сентябре 1947 г. намечалось проведение уже предсоборного совещания, основной целью которого провозглашалась подготовка созыва в 1948 г. Вселенского Собора «для решения вопроса о присвоении Московской Патриархии титула вселенской»¹¹⁸³.

Однако все эти замыслы сразу стали рушиться. Еще в январе 1947 г. тяжело заболел и полностью отошел от дел лояльный к СССР Константинопольский Патриарх Максим. Его окружение, почувствовав в Московской Патриархии соперника по вопросу лидерства в православном мире, заняло гораздо более жесткую позицию. На Константинополь всецело ориентировались Греческая и Кипрская Церкви. Так, от главы последней архиепископа Леонтия 29 июня 1947 г. в Москву пришла телеграмма: «К сожалению, не принимаем приглашения на всеправославный Собор, каковое полномочие имеет одна лишь Вселенская Патриархия Константинопольская»¹¹⁸⁴. Сыграла свою роль и

широкая кампания в западной прессе по компрометации Русской Церкви. В борьбу за срыв московского замысла активно включился Ватикан, роль которого в мире явно недооценили. На Восточных Патриархов оказывалось разностороннее давление, представители различных американских организаций подкупали их крупными суммами валюты. Например, руководитель международного общества по охране свободы религии Ж. Нусбаум даже в Софии и Праге убеждал православных иерархов отказаться от поездки в Москву, обещая значительную материальную помощь.

В результате срыв первоначальных планов стал очевиден. Советское руководство решило ограничиться более скромной задачей — проведением в Москве летом 1948 г. совещания глав Православных Церквей под благовидным предлогом празднования 500-летия автокефалии Русской Церкви. Поскольку на приезде значительной части Восточных Патриархов надежды уже не было, на совещании намечалось окончательно оформить европейский Православный блок. В связи с этим в сентябре 1947 г. в Сочи готовилась еще одна встреча Патриарха Алексия со Сталиным, но из-за нездоровья Владыки и по ряду других причин она не состоялась¹¹⁸⁵.

В конечном итоге совещание оказалось даже более представительным, чем ожидалось. В Москву приехали делегации 11 автокефальных Церквей из 13. Иерусалимский Патриарх прислал телеграмму с извинениями, что только война в Палестине и осада Иерусалима помешали его представителям прибыть в СССР, и впоследствии одобрил все решения совещания. Лишь Кипрская Церковь не изменила своей бескомпромиссной позиции. Сербский же Патриарх Гавриил мужественно приехал, несмотря на запрещение и прямые угрозы репрессий со стороны своего правительства. А ведь в Югославии в это время действительно проводились массовые аресты православных священников. В беседах с Карповым Первосвященитель говорил о своей верности России, поддержке Москвы и ее конфликте с И.Б. Тито и желательности иметь во главе правительства не хорвата, а серба. Две делегации — Константинопольская и Греческая (Эладская) прибыли только на празднества и в работе совещания непосредственно не участвовали, пытаясь воздействием на некоторых глав Церквей сорвать принятие ряда решений¹¹⁸⁶.

Празднества и заседания проходили в Москве почти всю первую половину июля. Об их ходе Г. Карпов чуть ли не ежедневно писал доклады секретарям ЦК ВКП(б) — сначала А. Жданову, а затем Г. Маленкову. Копии докладов передавались И. Сталину. Все решения совещания заранее получили санкцию партийного руководства. Так, отдел пропаганды и агитации ЦК 6 июля высказал мнение: «В проекте резолюции «Ватикан и Православная Церковь» желательно было бы сказать сильнее о реакционном, антинародном характере деятельности Ватикана и папизма. В особенности необходимо указать на поддержку папою фашизма и на организацию борьбы против СССР»¹¹⁸⁷. Пожелания были учтены.

В результате предварительной работы удалось достичь единства позиций участников совещания, хотя без борьбы не обошлось. Колебался Болгарский экзарх Стефан, и его поведение определила только телеграмма министра иностранных дел о принципиальном согласии правительства Болгарии на установление Патриаршества. Единогласно были приняты постановления «Ватикан и Православная Церковь», «Экуменическое движение и Православная Церковь», направленные против Римского Папы и гнезда протестантизма Америки, а также схожее по характеру «Обращение к христианам всего мира». В резолюции «Об англиканской иерархии», хотя и в мягкой форме, ей фактически отказывали в признании действительности¹¹⁸⁸.

Конфронтация бывших военных союзников повлияла на межцерковные связи, Англиканская Церковь рассматривалась уже как претендент на европейское лидерство. Между тем на совещании решались и вопросы, которые вполне могли бы ставиться на Вселенском Соборе. Изданные деяния его содержат большой и интересный материал по многим и сейчас злободневным богословским вопросам. К сожалению,

это был кратковременный прорыв православной мысли, возможно, «по недосмотру» контролирующих государственных органов.

С точки зрения советского руководства, как видно из итогового отчета Карпова, совещание прошло вполне успешно. Задача-минимум — сплочение восточноевропейских Церквей под руководством Московской Патриархии — была выполнена, намеченные постановления приняты. В Совете Министров приступили к подготовке так и не состоявшихся решений об организации новых встреч глав Православных Церквей, увеличении денежной помощи Восточным Патриархам, усиление деятельности Московской Патриархии за границей¹¹⁸⁹. Но международные и внутренние аспекты советской религиозной политики уже начали существенным образом меняться.

Во второй половине 1948 г. произошло резкое падение заинтересованности руководства СССР во внешнеполитических акциях Русской Церкви. Потерпели крах все «средиземноморские» планы И. Сталина в Греции, Турции, Израиле, и соответственно, не так нужны стали восточные православные иерархи. Кроме того, 1 ноября 1948 г. новым Константинопольским Патриархом был избран «американский ставленник» архиепископ Нью-Йоркский Афинагор, настроенный антикоммунистически. 27 января 1949 г. на интронизации он призвал к сотрудничеству христиан и мусульман для борьбы против коммунизма¹¹⁹⁰.

В основном завершилось выполнение Московской Патриархией своей «миссии» в восточноевропейских странах, там утверждались режимы народной демократии. У. Флетчер во многом справедливо писал: «Над Восточной Европой успешно устанавливался советский контроль; влияние Московской Патриархии могло быть полезно, но теперь уже не было так важно. И куда не откроется какая-нибудь другая сфера приложения услуг церкви, период использования Русской Православной Церкви в интересах сталинской внешней политики подошел к концу»¹¹⁹¹.

Явной неудачей закончились планы создания «Православного Ватикана» в Москве. Да и основные цели борьбы с Ватиканом настоящим не были достигнуты. Всемирно-христианского антипапского движения создать не удалось. Более того, после окончания войны политический вес и влияние Римского престола в международных делах значительно выросли. Во многих европейских странах появились активные демохристианские группировки, с успехом противостоявшие коммунистам. В ряде государств Католическая Церковь стала главным препятствием продвижения последних к власти. В мае 1947 г. не без участия Ватикана коммунисты были устранены из французского и итальянского правительств. Упорная борьба разгорелась на парламентских выборах в апреле 1948 г. в Италии. Демохристиане выдвинули лозунг «Рим или Москва». Папа в своем послании объявил «дезертиром и предателем любого, кто окажет... поддержку... партиям или властям, не признающим Бога». В итоге Христианско-демократическая партия победила, набрав 48,7% голосов¹¹⁹².

Кроме Папы Римского у Московской Патриархии появились новые сильные конкуренты — Константинопольский Патриарх и Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), созданный на проходившей в августе—сентябре 1948 г. Ассамблее экуменического движения в Амстердаме. Несмотря на все противодействие СССР, в организации ВСЦ участвовали и три автокефальные Православные Церкви.

Таким образом, Русская Церковь недолго играла одну из центральных ролей в «большой политике» советского руководства — с осени 1943 по лето 1948 г. В этот период она являлась одним из важнейших инструментов реализации наступательной стратегии СССР, осуществления попытки установить доминирующее влияние в послевоенном мире. Основными направлениями международной деятельности Московской Патриархии в эти годы были переводы в свою юрисдикцию всех русских заграничных приходов, обеспечение поддержки христианскими конфессиями в восточно-европейских странах режимов народной демократии, борьба с Ватиканом и утверждение своего первенства

в Православии и даже во всем христианском мире. Далеко не все из поставленных задач были реализованы. Но это объясняется прежде всего их чрезмерной глобальностью, авантюристическим подходом советских государственных органов, разрабатывавших данные планы.

§ 2. Ослабление внешнеполитической активности Московской Патриархии

1948 г. стал во многом поворотным во внешней политике СССР. Начиналась холодная война. Еще 5 марта 1946 г. бывший премьер-министр Великобритании У. Черчилль произнес свою знаменитую речь в Фултоне, которую И. Сталин в интервью «Правде» расценил как «призыв к войне с СССР»¹¹⁹³. А через год — в марте 1947 г. — президент Г. Трумэн декларировал «право» США оказывать влияние на политику других стран, вскоре продемонстрировав его на практике в Греции и Турции. Блокада Берлина показала, что Запад готов активно сопротивляться, появились проблемы с Югославией. В таких условиях советское руководство отказалось от наступательной стратегии и переориентировало внешнюю политику на укрепление и консолидацию сил образовавшегося восточноевропейского лагеря. Кроме того, началась эпоха ядерного противостояния. Правительство СССР было сильно встревожено значительным военным перевесом стран Запада и опасалось нападения.

Существовавшее военное неравенствие была призвана частично компенсировать активно развернувшаяся «борьба за мир». В этих обстоятельствах появился новый фактор заинтересованности советского руководства в международных акциях Московской Патриархии — ее миротворческая деятельность. Новая роль Церкви оказалась неизмеримо скромнее прежней. Она была очень полезным, но не необходимым элементом внешней политики Советского Союза.

Многомиллионное движение за мир, охватившее весь земной шар в конце 1940-х гг., отнюдь не было целиком и полностью инспирировано СССР, однако активно использовалось советским руководством в пропагандистских целях. И с первых шагов движения в его работу включилась Московская Патриархия. «Проблема мира, как таковая, во многих аспектах представляла собой идеальную сферу для сотрудничества между церковью и государством потому, что здесь существовала большая возможность оправдать христианскую заинтересованность и христианское участие в деятельности, инициатива в осуществлении которой исходит от нехристианского государства»¹¹⁹⁴. Подобная деятельность также позволяла Патриархии укреплять свой международный авторитет, оказывать влияние на собственных мирян и священников, выражая их желание предотвратить новую войну. Мировая политика вообще заложена в самом существовании Церкви, тогда как у государства она может быть преходящим этапом.

Движение сторонников мира оформилось в апреле 1949 г. на конгрессе в Париже, положившем начало работе Всемирного Совета Мира (ВСМ). Представлявший Московскую Патриархию митрополит Крутицкий Николай выступал на одном из заседаний конгресса и был избран в состав постоянного комитета ВСМ. Делегаты от Русской Православной Церкви участвовали в августе 1949 г. в деятельности I Всесоюзной конференции сторонников мира, а также и всех последующих, были представлены в Советском комитете защиты мира. Постепенно иерархи и священники включились в работу республиканских и областных комитетов защиты мира.

Епископат и духовенство стали систематически выступать с проповедями на миротворческие темы. С мая 1949 г. в «Журнале Московской Патриархии» появился постоянный раздел «В защиту мира». Большой вклад Церковь внесла в 1950 г. в сбор подписей

под Стокгольмским воззванием постоянного комитета ВСМ о запрещении ядерного оружия. В аналогичных кампаниях Московская Патриархия сразу заняла руководящее положение в отношении всех других конфессий в СССР. Так, в мае 1952 г. в Троице-Сергиевой лавре состоялась «Конференция всех Церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира». Не оставались в стороне и дружественные Православные Церкви других стран. В июле 1954 г. собравшиеся на праздновании памяти преподобного Сергия Радонежского главы четырех Патриархатов и Болгарский митрополит приняли «Обращение к христианам всего мира» с призывом умножить усилия в деле защиты мира. Естественно, подобная деятельность носила во многом односторонний, выгодный СССР характер. Роль «поджигателей войны» предназначалась исключительно западным державам. Неслучайно Патриарх Алексей в ноябре 1952 г., как и в 1946 г., был награжден орденом Трудового Красного Знамени¹¹⁹⁵.

Кроме того, Московская Патриархия своим авторитетом поддерживала разнообразные меры советского правительства или осуждала действия его противников. После начала войны в Корее Патриарх и Священный Синод 21 августа 1950 г. послали обращение в Совет Безопасности ООН, настаивая на прекращении американских бомбардировок и выводе иностранных войск из страны. Протестовали они против вооруженной борьбы с греческими коммунистами и т.п.¹¹⁹⁶. Исходившие от духовенства заявления оказывали гораздо более сильное воздействие на верующих капиталистических стран, чем обычная советская пропаганда.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. блок восточноевропейских Православных Церквей в основном сохранялся, хотя интерес к нему со стороны правительства СССР значительно снизился. Выделяемые государством валютные ассигнования на международную деятельность Московской Патриархии резко упали. В ноябре 1951 г. она официально предоставила автокефалию окрепшей Чехословацкой Православной Церкви, причем решение об этом заранее принял Совет Министров СССР в своем секретном постановлении от 30 января 1950 г.¹¹⁹⁷.

Главой новой Поместной Церкви остался прежний экзарх митрополит Елевферий (Воронцов). Совет Министров в декабре 1951 г. разрешил принять ему чехословацкое гражданство. За 1947—1953 гг. количество православных приходов в стране увеличилось с 47 до 315 основных и 1037 бывших «филиальных». Такой резкий рост объяснялся, прежде всего, переходом в Православие униатов. 14 августа 1954 г. Г. Карпов писал в ЦК КПСС, что «организация экзархата была вызвана необходимостью ликвидировать униатскую церковь в Чехословакии», и эта ликвидация «успешно завершена» в 1950 г. — православными стали 230 греко-католических приходов¹¹⁹⁸.

Униатский епископ Словакии в январе 1951 г. был приговорен к длительному сроку заключения. К середине 1950-х гг. чехословацкие власти высказали пожелание, чтобы во главе Православной Церкви стоял чех, но приемлемую кандидатуру подобрать не удалось. В результате было решено «не спешить», тем более что положение в Церкви оставалось, по их оценке, «еще напряженным, особенно в Восточной Словакии».¹¹⁹⁹

Ликвидация униатских приходов была проведена во всех странах социалистического содружества. В 1948 г. перестала существовать Греко-Католическая Церковь в Румынии — 700 ее священников перешли в Православие. В августе 1949 г. в Мукачевском Успенском монастыре закарпатские греко-католики приняли решение о ликвидации Ужгородской унии 1649 г. Два их епископа попали в лагерь. Всего в СССР из 590 униатских священников и монахов, отказавшихся от перехода в Православие, арестовали 344. Около 3000 приходов вошло в Русскую Церковь, 230 не воссоединившихся были сняты с регистрации, закрыли и 48 греко-католических монастырей.¹²⁰⁰ Кроме того, лишь небольшая часть униатских приходов сохранилась в Болгарии, Венгрии, Югославии и Польше.

Предоставление в 1948 г. автокефалии Польской, а в 1951 г. — Чехословацкой Православным Церквям объяснялось не только пожеланиями правительств этих стран. Про-

должалась, хотя и со все меньшей активностью, борьба с Ватиканом. В январе 1950 г. в Польше состоялся процесс ксендзов — «участников диверсионных банд», в 1950—1951 г. в Праге и Братиславе прошли три крупных процесса над католическим духовенством как «диверсантами, террористами, шпионами, спекулянтами».¹²⁰¹ И дарование автокефалий в немалой степени предназначалось для пропагандистского воздействия. Утверждалось, что в католицизме социалистические правительства не устраивает только власть Папы, и независимые национальные Церкви Польши, Чехословакии, Венгрии не имели бы никаких конфликтов. Поэтому католикам было продемонстрировано, что православный «Папа» — Московский Патриарх — не проявляет такого «властолюбия», как Папа Римский, и тем самым указывает путь для установления нормальных взаимоотношений между церковными организациями и народно-демократическими государствами.

Правительства Польши и Чехословакии покровительствовали православным. Историк Г. Рар в 1954 г. справедливо отмечал: «Им нужна “процветающая” православная церковь, чтобы доказать гонимым католикам, что стоит им стать столь же “лояльными”, как православные и их перестанут преследовать»¹²⁰². Подобная тактика приносила результаты. Например, 27 сентября 1951 г. в Праге состоялся общегосударственный съезд католического духовенства, на котором большинство примкнуло к движению борьбы за мир. Попытки использовать для указанных целей Православную Церковь предпринимались и в Венгрии, но не могли увенчаться успехом из-за крайней малочисленности православного населения в стране.

В свою очередь, Папа Пий XII продолжал занимать ярко выраженную антикоммунистическую позицию: отлучал священников, принимавших участие в движении за мир, протестовал против ликвидации Униатских Церквей, наложил суровые дисциплинарные санкции на участников возникшего во Франции движения священников-рабочих и т.д. Одной из кульминационных точек холодной войны стал декрет конгрегации священной канцелярии от 13 июля 1949 г., который отлучал от Католической церкви верующих за принятие коммунистического учения и его пропаганду, членство в компартии, сотрудничество с ней, чтение и распространение ее прессы¹²⁰³. Конечно, Патриарх Алексей осудил декрет. Митрополит Николай (Ярушевич) на Всесоюзной конференции сторонников мира в августе 1949 г. также публично выступил с резкой критикой «агрессивной деятельности» Ватикана¹²⁰⁴. Но это были одни из последних подобных акций. Без мощного давления Советского государства конфронтация православных и католических иерархов заметно ослабевала.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. в основном удавалось удерживать в сфере влияния Москвы Антиохийскую, Александрийскую и Иерусалимскую Церкви, хотя именно они периодически дистанцировались от Московской Патриархии. Александрийский Первосвященитель даже писал протесты против гонений на духовенство в странах народной демократии. Приходилось оказывать давление. Так, Г. Карпов 7 февраля 1949 г. писал в ЦК ВКП(б), что по его рекомендации Патриархом Алексием разработан «проект письма главам православных церквей, участвовавшим в июле прошлого года в Московском совещании. Это письмо имеет целью побудить глав церквей, подписавших все решения Московского совещания, к реализации этих решений»¹²⁰⁵. Проект получил одобрение.

Ярко выраженную прорусскую позицию занимал Антиохийский Патриарх Александр III, хотя на него неоднократно пытались повлиять, со стороны США. Например, Нью-Йоркский митрополит Антиохийской Церкви Антоний в 1954 г. передал Первосвященителю большую денежную сумму с призывом «избавиться от русского влияния»¹²⁰⁶. Впрочем, СССР также оказывал Владыке через Московскую Патриархию значительную помощь в 1950—1952 г. ему подарили 60 тысяч долларов, а в 1954 г. во время визита в Советский Союз вручили 220 тысяч рублей, 35 тысяч долларов, различные драгоцен-

ности. Часть денег выделялась на строительство духовной семинарии, по словам Патриарха, «для составления в будущем кадров священнослужителей, преданных и обязанных Русской церкви»¹²⁰⁷. Выражая свою благодарность, члены антиохийской делегации заявили, «что во главе всех православных церквей должна встать Русская православная церковь, т.к. Константинопольская церковь намного слабее Русской и потеряла свой белый престиж, являясь орудием американской политики»¹²⁰⁸.

В 1954 г. у советского руководства вновь пробудился усиленный интерес к Ближнему Востоку, и с Патриархом Александром III обсуждались пути полного привлечения на сторону Московской Патриархии других восточных Первоверховных, им послали ценные подарки. Интересно отметить, что в это время архиепископ Севастийский Афинагор просил у Русской Церкви денег на кампанию избрания его Иерусалимским Патриархом. Правда, к чести Владыки Алексия, он посчитал эту просьбу «странной и морально неприемлемой»¹²⁰⁹. За все время своего Патриаршества он ни разу не пошел на участие в подобных сомнительных акциях.

Помимо Православных Церквей Московская Патриархия поддерживала контакты с христианскими конфессиями западных стран. В 1951—1953 гг. СССР неоднократно посещали представительные делегации Англиканской и Германской Евангелическо-Лютеранской Церквей. Значительно хуже обстояло дело с влиянием Москвы на русскую эмиграцию. Так, во Франции у Московской Патриархии осталось всего 10 приходов, и функционировали они в очень тяжелых условиях. Французское правительство так и не допустило в страну назначенного экзархом Западной Европы архиепископа Фотия (Топиро), Патриархия была вынуждена освободить его и поручить управление экзархатом проживавшему в Берлине архиепископу Борису (Вику). Для непосредственного руководства приходской жизнью в Париже был образован совет при экзархе из местных граждан СССР. Но власти неоднократно угрожали выслать из страны (и выслали) наиболее активных его членов. К примеру, 4 февраля 1952 г. М. Сулов и З. Вышинский писали в Бюро Президиума Совета Министров СССР, что французское правительство угрожает выслать всех священников Московской Патриархии из эмигрантов, принявших советское гражданство, и поэтому необходимо осуществить поездку в эту страну архиепископа Бориса¹²¹⁰. И только в 1953 г. такого разрешения удалось добиться.

Негативно сказывались не только противодействие западных государств, но и утрата в значительной степени интереса руководства СССР к зарубежным приходам Московского Патриархата. Глава Российской духовной миссии в Китае архиепископ Пекинский Виктор (Святин) во второй половине 1940-х гг. послал целый ряд рапортов Патриарху Алексию с просьбами прислать священников из СССР, подчеркивая, что может пропасть огромное имущество. Весной 1949 г. в очередном рапорте он почти молил о помощи: «Ваше Святейшество, помогите Миссии выйти из тупика, в котором она находится не по своей вине, введите в ее организм новые животворные силы, протяните ей в наступающий 12-й час спасительную отеческую руку». Но помощь не поступила. В 1954 г. по соглашению между правительствами СССР и КНР Миссия прекратила свое существование, архиепископ Виктор в 1956 г. был вызван в Советский Союз и назначен на Вологодскую кафедру¹²¹¹.

Начальник Российской духовной миссии в Корее архимандрит Поликарп (Приймак) за отказ перейти в юрисдикцию Американской Русской Церкви дважды подвергался арестам южнокорейскими властями и 29 июня 1949 г. был выслан из страны, как принявший советское гражданство. Правда, Миссия недолго принадлежала «американцам», 25 декабря 1955 г. съезд корейских православных христиан принял решение присоединиться к Константинопольскому Патриархату¹²¹². В Маньчжурии деятельность Русской Церкви была осложнена уже советскими репрессиями. Ставший после смерти митрополита Мелетия экзархом в Харбине митрополит Нестор был в 1949 г. арестован

вместе со своим секретарем священником В. Герасимовым и другими священнослужителями и мирянами и вывезен в лагерь на территории СССР¹²¹³.

Неудачей закончились последние попытки привести Финляндскую Православную Церковь в юрисдикцию Московского Патриархата: 18 января 1952 г. Г. Карпов еще писал В. Молотову о необходимости проведения новых переговоров с главой этой Церкви митрополитом Германом для выяснения условий, на которых он согласен вернуться в Русскую Церковь. Московской Патриархии, в свою очередь, рекомендовалось: выступить в «ЖМП» с заявлением о незаконности пребывания Финляндской Церкви в юрисдикции Константинопольского Патриарха, обратиться к последнему с письмом протеста, призвать глав других Церквей присоединиться к протесту. Кроме того, намечалось оказать соответствующее влияние через Карело-Финскую ССР на правительство Финляндии¹²¹⁴. Но успеха указанные акции не имели.

Тяжелая ситуация для Московской Патриархии сложилась и в США. Если в 1948 г. она имела в этой стране 70 приходов, то через десять лет — всего 20. В 1955 г. экзарх архиепископ Борис был выдворен из Соединенных Штатов, и под давлением американских властей экзархат оказался на грани развала. Но в 1958 г. виза для группы московских священнослужителей все же была получена, и положение постепенно стабилизировалось¹²¹⁵. Со второй половины 1950-х гг. вновь началось оживление связей Московской Патриархии со своими зарубежными приходами. Так, например, удалось добиться разрешения советских властей на отправку в 1955—1958 гг. группы монахинь из украинских областей в Горненский монастырь под Иерусалимом¹²¹⁶.

К этому времени у руководства СССР, пересматривавшего сталинскую внешнюю политику начала 1950-х гг., опять стало появляться желание активно использовать Московскую Патриархию в своих международных акциях. 24 марта 1956 г. из Совета по делам РПЦ писали в ЦК КПСС о том, что «надо сделать значительно больше в деле использования церкви в международном отношении в наших государственных интересах»¹²¹⁷.

Вновь резко увеличились валютные ассигнования Церкви, которые она, правда, с лихвой компенсировала многочисленными рублевыми взносами в государственный бюджет. В результате Патриархия активизировала миротворческую деятельность. Так, в июле 1955 г. собравшиеся в Москве на торжества преподобного Сергия Радонежского делегации восьми Православных Церквей приняли послание «К христианам всего мира» с призывом поддержать мирные чаяния человечества. Особое внимание на них уделялось Александрийскому Патриарху Христофору. 9 мая Совет Министров принял решение выделить ему 5 тысяч египетских фунтов и передать храм в Одессе в качестве подворья с тем, чтобы ежегодные доходы в пользу Патриарха составляли 10—15 тысяч долларов. Руководство СССР стремилось всячески упрочить связи с новым правительством Египта. Неслучайно после окончания интервенции войск Великобритании, Франции и Израиля против этой страны Московская Патриархия выделила еще 3,5 тысячи фунтов для помощи пострадавшим Александрийской и Коптской Церквам¹²¹⁸. Интересно, что приезжавший в августе 1954 г. в СССР глава Эфиопско-Коптской Церкви архиепископ Мар-Лукас просил о присоединении ее к Русской Православной Церкви, ему порекомендовали обратиться к Александрийскому Патриарху и заверили в своей поддержке¹²¹⁹.

К середине 1950-х гг. Московская Патриархия постепенно передала свои приходы и монастыри, расположенные в Болгарии, Румынии и Югославии, местным Поместным церквам. В ноябре 1955 г. сложил с себя полномочия главы Чехословацкой Церкви митрополит Елевферий; его преемник уже не являлся гражданином СССР. В 1957 г. была предоставлена автономия Китайской Православной Церкви, восстановлено молитвенно-каноническое общение с Финляндской Церковью, с признанием ее автономного статуса в составе Константинопольского Патриархата и передачей ей Валаамского монастыря. Подобная тактика приносила некоторый успех. В февральской

1956 г. справке Совета по делам РПЦ для ЦК КПСС указывалось, что из 14 автокефальных Православных Церквей 11 в той или иной мере поддерживают Московскую Патриархию и лишь с тремя — Константинопольской, Греческой и Кипрской — она имеет только формальную связь¹²²⁰. Происходило улаживание спорных вопросов и с Вселенским Престолом.

Большую роль руководство СССР отводило Русской Церкви в налаживании советско-югославских контактов, прерванных в конце 1940-х гг. Уже в начале 1955 г. Сербский Патриарх Викентий демонстративно отслужил молебен в русском храме Белграда. Начал готовиться его приезд в Москву, состоявшийся в октябре 1956 г. А ровно через год ответный визит в Югославию нанес Патриарх Алексий, причем обоих Владык принимали высшие руководители страны¹²²¹. Значительный вклад в осуществление международных акций Русской Церкви продолжал вносить митрополит Николай; неслучайно в августе 1955 г. он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Новые мотивы зазвучали в отношениях Московской Патриархии с Ватиканом, экуменическим движением, протестантскими организациями. Окончательно прекратилась прямая конфронтация. Произошел обмен делегациями богословов с Англиканской и Западногерманской Евангелической Церквями. После Эванстонской ассамблеи Всемирного совета церквей 1954 г. Патриархия фактически стала принимать эпизодическое участие в экуменической работе. В марте 1956 г. в СССР приезжала многочисленная делегация Национального совета церквей Христа США. В ходе переговоров столкнулись две разные точки зрения на способы сохранения мира на земле. Более успешно протекал ответный июньский визит представителей христианских Церквей СССР. На этот раз совещание закончилось опубликованием общего компромиссного коммюнике. Предполагалось продолжить обмен мнениями. Однако 8 ноября 1956 г. президент НСЦХ Е. Блейк письменно попросил Московскую Патриархию сделать «представление властям Вашей страны о том, чтобы венгерскому народу было предоставлено право самому определить свою судьбу»¹²²².

Патриарх ограничился в конце ноября заявлением об участии в посылке материальной помощи пострадавшим в Венгрии. Это, в свою очередь, вызвало негодование властей. 15 декабря член Совета по делам РПЦ И.И. Иванов с возмущением писал в ЦК КПСС: «До сего времени ни патриарх, ни митрополит Николай... не сказали ни слова против реакции»¹²²³. В результате встречи с американскими христианами прервались на несколько лет.

Неприятный инцидент, связанный с венгерской революцией, был несколько смягчен активным участием Московской Патриархии в подготовке и работе VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Фестиваль проходил в июле—августе 1957 г. в Москве и включал несколько встреч, собеседований, диспутов молодых христиан западных стран и СССР, которые должны были убедить иностранцев в существовании свободы совести в Советском государстве. Все намеченное прошло достаточно успешно¹²²⁴. Стали готовиться новые крупные внешнеполитические акции Русской Церкви.

В 1948 г. международная деятельность СССР претерпела серьезные изменения. Начиналось ядерное противостояние, балансирование на грани «горячей войны». В этой связи советское руководство потеряло интерес к использованию Московской Патриархии в мировой политике, стала очевидной ограниченность ее возможностей в новых условиях. Однако Церкви все же нашлась определенная роль — участие в движении за мир, призванном компенсировать отставание СССР по военному и экономическому потенциалу странам Запада. В целом же в конце 1940-х — начале 1950-х гг. позиции Московской Патриархии на международной арене значительно ослабли. Их новое укрепление началось с 1955 г. и происходило по мере того, как советское руководство опять стало проявлять все большую заинтересованность в использовании Церкви в своих внешнеполитических целях.

§ 3. Новая активизация международной деятельности Русской Церкви

В конце 1950-х гг. руководство СССР стало все более явно выражать свое недовольство недостаточной активностью внешнеполитической деятельности Московской Патриархии. Прежде всего власти были неудовлетворены ее неэффективным проникновением на Ближний Восток. Интерес к этому региону в СССР постоянно рос с середины 1950-х гг. После поражения тройственной интервенции в Египте в 1956 г. в Советском Союзе поняли, что позиции Запада там не так уж сильны. Постепенно созревало решение переориентироваться с Восточных Православных Церквей на мусульманские религиозные организации, как гораздо более влиятельные. Кроме того, власти не устраивала слабая, как им представлялось, роль Московской Патриархии во всемирном Православии, недостаточность ее миротворческих усилий. Слабость позиций Русской Церкви на международной арене стала одной из причин возобновления в 1958 г. ожесточенных гонений на нее внутри страны. Н.С. Хрущев заявил своему окружению, что поскольку надежды на внешнеполитическую деятельность Православной Церкви не оправдались, стоит ли ей уделять внимание дальше¹²²⁵. Это утверждение, казалось, получило свое подтверждение весной 1958 г.

В конце 1957 г. было принято решение провести крупнейшую после Московского совещания глав и представителей Православных Церквей 1948 г. подобную акцию. Задача сводилась к тому, чтобы все Патриархи осудили проведение ядерных испытаний, а также изготовление и накопление ядерного оружия, к чему призывали мировые державы СССР. Эта инициатива неоднократно высказывалась по разным поводам Н. Хрущевым и стала важным предметом советской пропаганды. Руководству страны показалось крайне необходимым и выгодным подключить к данной кампании религиозные организации. Патриарх и Святейший Синод ответили согласием, рассчитывая добиться ответных уступок, и прежде всего долгожданного приема у Н. Хрущева, чтобы лично донести до него озабоченность намечавшимся ухудшением церковно-государственных отношений. Было решено провести в мае 1958 г. в Москве, используя празднование 40-летия восстановления Патриаршества в Русской Церкви, международную межправославную встречу. Изначально в ЦК считали целесообразным помимо глав всех автокефальных Православных Церквей пригласить и представителей других конфессий, но Патриарх Алексей эту идею не поддержал¹²²⁶.

18 апреля в Совете по делам РПЦ были окончательно согласованы план мероприятий и проекты резолюций. Митрополит Николай заявил о возможной отрицательной реакции на них греков и сербов, но подчеркнул готовность бороться за то, чтобы документы «подписали по возможности» главы всех Церквей. Ему посоветовали отодвинуть намеченную дату подписания для удлинения срока «соответствующей работы с делегациями». Патриархии рекомендовали также «использовать все каналы для популяризации вопроса о запрещении атомного и водородного оружия»¹²²⁷.

В результате на московские торжества, открывшиеся 11 мая, приехали делегации 12 из 14 автокефальных Православных Церквей, отсутствовали посланцы Кипра и Иерусалима. К тому же влиятельные Сербская, Элладская и Константинопольская Церкви не были представлены своими главами. Правда, Сербский Патриарх Викентий хотел отправиться в Москву, но И.Б. Тито, лично утверждавший список выезжавших, вычеркнул его. Сразу же после начала встречи стали происходить конфликты. Выяснилось, что Константинопольская и Элладская делегации не хотят обсуждать и подписывать каких-либо документов, касающихся вопроса защиты мира, ссылаясь на отсутствие у них полномочий.

Указанные неблагоприятные обстоятельства отразились на ходе состоявшейся все же 17 мая первой и последней официальной встрече Н. Хрущева в качестве главы государства с руководством Московской Патриархии. Патриарх и митрополит Николай проинформировали его о переговорах с приехавшими делегациями. Председателю Совета Министров сообщили о просьбах: Александрийского Патриарха выплатить ему одновременно 40 тысяч долларов вместо полагавшихся 20 тысяч ежегодно, Болгарского Патриарха — выдать ему 300 тысяч левов, а также и о желательности увеличения валютных расходов на зарубежные поездки Московской Патриархии. Н. Хрущев попросил прислать письменную заявку, которую он постарается рассмотреть. В отношении просьб поддержать православных греков на острове Кипр и разрешить послать монахов в русские монастыри на Святой горе Афон в Греции глава правительства обещал поручить рассмотрение этих проблем министру иностранных дел А.А. Громыко.

Самым острым был вопрос о принятии итогового коммюнике московской межправославной встречи. Патриарх указывал, что греки, а возможно, и сербы не подпишут подготовленное заявление о запрещении ядерного оружия, поэтому не стоит вносить раздор, а лучше подписать другой «маленький документ, составленный им, а не Советом». Н. Хрущев был вынужден согласиться с принятием данного документа. Затем Владыки высказывали целый ряд просьб относительно внутреннего положения Русской Церкви: об открытии новых храмов, учреждении церковных орденов и медалей, создании патриаршей типографии, ускорении передачи всех помещений Троице-Сергиевой лавры, прекращении появившихся в последнее время выпадов против Церкви, оскорблений чувств верующих в газетах и радиопередачах, подтверждении относительно либерального постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. На эти заявления Н. Хрущев отвечал уклончивым согласием, обещая рассмотреть, помочь и т.п.¹²²⁸ Однако в дальнейшем почти все просьбы так и не были выполнены.

Московская межправославная встреча закончилась относительной неудачей. Воззвание к христианам всего мира с призывом не ослаблять борьбы за мир и способствовать прекращению ядерных испытаний подписали главы девяти делегаций. Представители Сербской, Эладской и Константинопольской Церквей это сделать отказались. Другой документ — акт, выражавший стремление к единству Православия и мира между народами 20 мая, подписали все делегации, кроме Константинопольской, которая, оказавшись в одиночестве, заявила, что запросит санкции своего Патриарха, и тот известит телеграммой Владыку Алексея. Отсутствие глав пяти автокефальных Православных Церквей на Московской встрече дало возможность противникам ее заявлять, что собравшиеся говорили не от имени мирового Православия и поэтому их обращения не столь уж авторитетны. Соответствующие комментарии появились в западной прессе, что породило негативную реакцию советского руководства, разочарованного слабой эффективностью международных акций Московской Патриархии. После этого дорога к наступлению на Церковь была окончательно открыта.

В это время общее усиление СССР (запуск спутника, появление водородной бомбы, баллистических ракет) временно придало определенную самоуверенность руководству страны, которое считало возможным занимать более жесткую позицию во внешней политике и в основном обходиться без таких организаций, как Церковь. Правда, уже вскоре действительность заставила советских руководителей изменить свои оценки. Впрочем, и в конце 1950-х гг. определенная заинтересованность правительства в международной деятельности Московской Патриархии сохранялась. Например, в январе—феврале 1959 г. ее делегация посетила Эфиопию с целью установления контактов с Коптской Церковью, выяснения причин двукратного отказа в 1956 г. и 1957 г. главы последней архиепископа Базилоса посетить СССР и изыскания возможностей вновь пригласить его. Совет по делам РПЦ информировал ЦК КПСС, что Коптская Церковь в Эфиопии, являясь государственной, имеет большое влияние на правительство и на двор

императора. Миссия была успешно выполнена — посланцев Патриархии принимал сам император, вручивший им золотые памятные медали. И уже в июле Хайле Селассие I приехал в СССР, причем посетил Владыку Алексия, наградив его орденом, а в августе в Москве побывала делегация Эфиопской Церкви¹²²⁹. Так эта важная в стратегическом отношении страна Африки начала попадать в сферу советского влияния

Для Московской Патриархии планировались и гораздо более масштабные международные акции. Стало известно о том, что в 1961—1962 гг. должны состояться два крупнейших для всех христиан планеты события — Католический Собор и Генеральная ассамблея Всемирного Совета Церквей (ВСЦ). В ЦК КПСС решили найти для них достойную альтернативу. 2 апреля 1959 г. Г. Карпов обсудил эти проблемы с руководством Московского Патриархата. Правда, на вопрос — могут ли они выступить инициатором созыва Собора Православных Церквей, иерархи ответили отказом, заявив, что право созывать такие Соборы, конференции или совещания есть только у Константинопольского Патриарха. Председатель Совета все же настойчиво указывал им на необходимость проведения подобного совещания в 1960—1961 гг., приурочив к какому-либо празднику. По поводу Католического Собора Патриарх Алексей отметил, что русские иерархи участвовать в нем не могут и хотят принять меры по уменьшению его значения. Отношения СССР с Ватиканом в тот период оставались довольно напряженными — влиятельные католические круги даже хотели отлучить от Церкви всех борцов за мир, как проводников коммунистического влияния, и Карпов полностью одобрил мнение Патриарха¹²³⁰.

Совет по делам РПЦ начал проводить политику неучастия всех Православных Церквей в намеченном Соборе. 21 июня 1959 г. в «Известиях» было напечатано резкое опровержение статьи в итальянском журнале «Темпо» о возможном появлении на нем русских представителей. Наконец, на апрельской встрече решили осуществлять активные контакты с экуменическим движением, не вступая в члены ВСЦ.

Эти контакты были нужны в значительной степени для вовлечения Всемирного Совета Церквей в зародившееся просоветское «Христианское движение в защиту мира». Первая Христианская мирная конференция (ХМК), на которой присутствовало лишь 37 делегатов, почти исключительно из социалистических стран, состоялась в Праге в июне 1958 г. Движение было основано в значительной степени по инициативе видных теологов Чехословакии Громадки и Поспешила при участии Церквей почти всех социалистических стран, а также некоторых членов западногерманских лютеранских братств, находившихся в оппозиции к руководству Евангелической Церкви Германии.

На вторую Пражскую конференцию в апреле 1959 г. приехал уже 90 человек, в том числе около трети из капиталистических государств. Казалось, что у движения большое будущее. II конференция обсудила вопросы о введении всемирного «дня покаяния», приурочив его к дате атомной бомбардировки Хиросимы, об организации в 1961 г. Вселенского христианского мирного Собора, переименовав его затем во Всемирный конгресс. Как видно из заявления главы русской делегации на конференции митрополита Минского и Белорусского Питирима (Свиридова), важнейшей задачей было приглашение на этот конгресс представителей ВСЦ, объединявшего в основном протестантов, в том числе англикан, на католиков с самого начала особых надежд не возлагалось¹²³¹.

Всемирный Совет Церквей привлекал повышенное внимание ЦК КПСС и КГБ, рассчитывавших использовать эту влиятельную организацию в своих целях, еще с середины 1950-х гг. 27 октября 1956 г. Президиум ЦК постановил разрешить Московской Патриархии послать делегацию для встречи и обсуждения с руководством ВСЦ вопроса об участии русских представителей в работе данной организации. Уже была достигнута договоренность о том, что встреча должна состояться в январе 1957 г. в Париже, однако действия советских войск в Венгрии сорвали ее проведение. Первые официальные переговоры об установлении контактов довольно успешно прошли 7—9 августа 1958 г. в

Утрехте. Было принято совместное коммюнике и обсужден план взаимоотношений — присутствие наблюдателей Московской Патриархии на заседаниях ЦК ВСЦ и посещение его Генеральным секретарем СССР. В то же время руководство Русской Церкви в тот период отказывалось вступить в члены ВСЦ, считая, что именно Православие есть продолжение неразделенного христианства¹²³². 22 августа митрополит Николай заявил Г. Карпову, что речь может идти только о представительстве наблюдателей. Впрочем, и председатель Совета придерживался того же мнения. В августе — начале сентября 1959 г. представители Московской Патриархии впервые присутствовали на ежегодной сессии ЦК Всемирного Совета Церквей. 24 сентября замещавший болевшего Карпова В. Васильев писал в ЦК КПСС, что ВСЦ, «желая заполучить» Русскую Церковь, изменяет позицию — принял решение по вопросу прекращения ядерных испытаний и запрещения ядерного оружия. Поэтому «становится более очевидным, что Московской Патриархии целесообразно продолжать развитие контактов с ВСЦ с тем, чтобы влиять на его деятельность в вопросах защиты мира, а также в определенной степени и борьбы с политикой Ватикана»¹²³³.

К изменившейся тактике Московской Патриархии привлекли и другие Православные Церкви. Так, в июле — начале августа 1959 г. в СССР приезжал новый Антиохийский Патриарх Феодосий VI. Он был принят председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошиловым, получил солидную материальную помощь. В итоге Владыка договорился с Московской Патриархией, что не будет участвовать в Католическом Соборе, направит наблюдателей на августовскую сессию ЦК ВСЦ, поддержит решения Пражской конференции о созыве Всемирного христианского конгресса в защиту мира и пошлет на него своих представителей¹²³⁴.

Интересно, что когда Патриарх Алексей обратился 23 ноября 1959 г. к главам Православных Церквей с призывом поддержать предложение правительства о всеобщем и полном разоружении, Феодосий VI тут же энергично откликнулся на это обращение. Уже 13 декабря в «Известиях» был опубликован «Призыв Антиохийского Патриарха о разоружении и всеобщем мире». В октябре 1959 г. Патриарху Алексию и митрополиту Николаю с санкции ЦК КПСС к 10-летию движения сторонников мира вручили юбилейные медали Всемирного совета мира.

Однако очень скоро оценка международной деятельности Патриархии вновь изменилась. В декабре 1959 г. состоялся долгожданный визит в СССР руководства ВСЦ во главе с генеральным секретарем В.А. Виссерт-Хуфтом, желавшим договориться о вступлении Русской Церкви в экуменическое движение. Существовала предварительная договоренность о принятии совместного коммюнике о единстве Церквей в борьбе за мир, разоружение, запрещение ядерного оружия. И все же задуманные планы выполнены не были. Совет по делам РПЦ рекомендовал Патриархии принять некоторые предложения приехавшей делегации — обмен литературой, участие в различных экуменических конференциях, но вопрос о вступлении в члены ВСЦ не обсуждать. В результате гости категорически отказались подписывать какое-либо коммюнике. 3 января 1960 г. Г. Карпов писал в ЦК КПСС, что причиной отказа стало несогласие с оценкой международной обстановки, а митрополит Николай не проявил должной настойчивости. В дальнейшем же необходимо продолжать контакты, влиять на политику ВСЦ, «однако, имея в виду» его «идеологические задачи», вступать в члены «нецелесообразно»¹²³⁵.

Неудача была тяжелой. Возникали очень большие сомнения в участии ВСЦ в задуманном Всемирном христианском конгрессе. К тому времени стало окончательно ясно, что и с Всеправославным совещанием в Москве ничего не получится. Многие Поместные церкви считали, что деятельность ВСЦ не соответствует сущности вероучения, и неодобрительно отнеслись к контактам Московской Патриархии с экуменистами. К тому же продолжавшиеся антирелигиозные акции в СССР дали основания заявить ряду Первоиерархов, что на роль православного лидера Русская Церковь претендовать

не может, так как не свободна в собственной стране. В феврале 1960 г. был смещен и отправлен на пенсию председатель Совета по делам РПЦ Г. Карпов, новым руководителем этой организации был назначен В.А. Куроедов. Среди обязанностей, возложенных на него директивными органами, было и активное «подключение» Церкви к внешнеполитической деятельности. Руководство СССР вновь решило обеспечить моральную поддержку со стороны верующих различных стран своей борьбе «за мир и разоружение», используя Московскую Патриархию, расширить и укрепить внешние связи Советского Союза. Однако властей не устраивали ни «старые кадры» Церкви, ни «архаичные», с их точки зрения, формы работы на международной арене. Патриарху Алексию прямо указали на «неспособность» митрополита Николая (Ярушевича), отвечавшего за внешнецерковные связи, вести дело по-новому.

15 июня 1960 г. состоялась соответствующая беседа В. Куроедова с Первосвященителем. Председатель Совета заявил, что внешняя работа Церкви «поставлена совершенно неудовлетворительно... Патриархия за последние годы не провела ни одного крупного мероприятия по объединению православных церквей вокруг Русской православной церкви... мероприятий, связанных с разоблачением реакционных действий папы Римского и усилением борьбы за мир. Патриархия не использует всех тех огромных возможностей, которыми она располагает; не проведено ни одной крупной акции за рубежом... Совет рекомендовал митр. Николаю разработать и дать предложения об усилении внешней работы. Однако митр. Николай не выполнил эту просьбу...» Указав также, что Владыка, по существу, не согласен с «оценкой агрессивных действий США», данной Н.С. Хрущевым на Парижском совещании, и, кроме того, распространяет слухи об изменении государственной политики по отношению к Церкви, которую якобы ждет физическое уничтожение, В. Куроедов предложил снять митрополита Николая с занимаемого поста. Некоторые сомнения Патриарха были быстро преодолены¹²³⁶.

Нужно отметить, что руководство Совета, не гнушаясь и клеветой, всячески множило и подогревало разногласия первого и второго лиц в церковной иерархии. В итоге 21 июня на посту председателя отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) митрополита Николая сменил его заместитель архимандрит Никодим (Ротов), возведенный в сан епископа, а затем архиепископа и митрополита.

Владыка Никодим придерживался иной тактики, чем его предшественник. Как писал Д.В. Поспеловский, он решил, что в условиях ожесточенного преследования верующих «надо идти на поддержку советской власти во внешних отношениях и, не проявляя признаков непослушания, завоевывать на Западе для Церкви ключевые международные позиции, поставить власть в такое положение, чтобы она для успеха своей внешней политики и престижа нуждалась в Церкви. Сильные внешнеполитические позиции Церкви заставят власть как-то считаться с ней»¹²³⁷. Новый глава ОВЦС стремился к прорыву изоляции Московской Патриархии в мировом христианстве, установлению постоянных связей, контактов, взаимного обмена в объеме, необходимом Русской Церкви, чтобы выжить внутри советского общества, до той поры, пока государство не осознает необходимость ее активной роли в общественной жизни.

Политика митрополита Никодима в отношении Запада носила отпечаток искренности и доброй воли, чего нельзя было сказать о вынужденных контактах с ним митрополита Николая. В этом заключалась одна из важных причин большой популярности и высокого престижа митрополита Никодима в церковных кругах Запада. По воспоминаниям Д. Поспеловского, Владыка, объясняя причины, почему Московский Патриархат в 1969 г. (под его прямым нажимом) решил допускать в своих храмах католиков к причастию, сказал: «В нашем современном мире агрессивного атеизма различия между христианами гораздо меньше того, что объединяет их в противостоянии материализму и атеизму, и мы должны подчеркивать нашу общность, а не противоречия»¹²³⁸. Хотя и не сразу, тактика митрополита Никодима все же принесла успех.

Планы Владыки по значительной активизации международной деятельности Патриархии первоначально во многом совпали с намерениями руководства СССР. Через несколько недель обстоятельную записку в ЦК представил В. Куроедов. Он предлагал обратить особое внимание на влиятельный Всемирный Совет Церквей, отмечая необходимость вступления Московской Патриархии в члены ВСЦ, «чтобы через него более эффективно воздействовать на христианское общественное мнение за рубежом; способствовать ослаблению позиций Ватикана за счет усиления антиватиканской коалиции протестантских и православных церквей, входящих в ВСЦ; парализовать стремление Константинопольского патриарха представлять в ВСЦ православные церкви мира; подорвать позиции белоэмигрантских церковных центров»¹²³⁹.

Идеологический отдел ЦК в целом одобрил предложенный план: «Как видно из представленных документов, внешняя деятельность религиозных организаций в СССР инспирируется государственными организациями и является одним из действенных каналов советской пропаганды и контрпропаганды в зарубежных странах, действенным средством борьбы за мир». Однако отдел отмечал и серьезные минусы прежней деятельности: недостаточно обширные связи Московской Патриархии, особенно с Церквями Азии и Африки, отставание Совета от важнейших событий в мире, отсутствие плановой работы и т.д. Подчеркивалось, что дополнительных указаний по борьбе с Ватиканом не требуется, так как ЦК КПСС уже принял постановление по данному вопросу. Совету впервые предлагалось представить на утверждение план внешнеполитической работы на 1961 г. и финансовый валютный отчет¹²⁴⁰.

В ноябре—декабре 1961 г. многочисленная делегация Русской Церкви участвовала в работе III Генеральной ассамблеи ВСЦ в Нью-Дели. Перед отъездом она получила следующие инструкции: «Укрепляя сотрудничество с прогрессивными кругами ВСЦ, срывать всякие попытки реакционных сил направить ВСЦ на путь идеологической борьбы против стран социалистического лагеря. Используя противоречия в верованиях католиков и протестантов, добиться осуждения со стороны ВСЦ реакционной политической линии Ватикана... Стремиться к тому, чтобы ВСЦ в целом не поддерживал идей Вселенского Собора в Риме и чтобы церкви — члены этой организации не принимали в нем участия... При наличии резолюций, в которых в какой-то мере будут осуждаться решения СССР о возобновлении испытаний ядерного оружия, делегаты РПЦ принимают все меры к тому, чтобы такие резолюции были сняты с обсуждения, а в противном случае — голосуют против»¹²⁴¹.

На одном из первых заседаний ассамблеи Московский Патриархат почти единогласно (142 участника за, 4 воздержалось и 3 против) был принят в члены организации, 5 ее представителей включили в состав ЦК. В итоговом отчете Совета по делам РПЦ говорилось, что ассамблея в целом приняла выгодные СССР решения — осудила колониализм, призвала все правительства и народы к разоружению, прекращению испытаний ядерного оружия, отклонила осуждение коммунистического атеизма. Однако, считая, что упорная борьба еще впереди, Совет предлагает ввести в ВСЦ другие христианские деноминации СССР, а также согласовать действия делегаций из социалистических стран. Для достижения такой согласованности в феврале 1962 г. в Будапеште было проведено совещание руководителей ведомств по делам религиозных культов восточноевропейских государств. 19 марта Священный Синод решил учредить постоянное представительство Русской Церкви при ВСЦ в Женеве¹²⁴². Из приведенных фактов, однако, не следует, что вся внешняя деятельность Патриархии — следствие давления советских властей. Разнообразные связи с другими христианскими конфессиями были характерны для Русской Церкви и до Октябрьской революции. В экуменическом же движении она сделала много важного и полезного в борьбе с расовой, этнической и национальной дискриминацией, неграмотностью, голодом и т.п.

Кроме того, вступив в ВСЦ, Московская Патриархия значительно укрепила свой международный авторитет. Немецкий богослов Г. Гесслер не без оснований подчеркивал в 1979 г.: «Роль в основании ВСЦ и членство в нем играет гораздо большее значение для Русской Православной Церкви, чем для любой другой Церкви — члена ВСЦ и имеет непосредственное касательство к ее выживанию. Только много времени спустя советское руководство осознало, что это членство будет иметь долгосрочный эффект... Самим фактом вступления в экуменическое движение Церковь приобрела новое измерение в глазах советского режима. Русская Православная Церковь вышла из собственной изоляции и стала частью международного сообщества, всемирной общины Церквей... Советскому государству приходится примиряться с фактом, что любое действие против этой Церкви будет отныне воспринято как вызов всемирному содружеству Церквей и удар по международной христианской общественности»¹²⁴³.

Энергичные усилия предпринимались в начале 1960-х гг. для развития Пражского христианского движения в защиту мира. Правда, успехи здесь были довольно скромными. В июне 1961 г. в Праге удалось провести I Всемирный общехристианский конгресс, на который съехались 628 участников из 42 стран, Н.С. Хрущев послал ему телеграмму с пожеланием успехов. На заключительном пленарном заседании было принято «Послание к христианам всего мира», в нем, помимо прочего, впервые «христиане всех континентов» подчеркивали опасность для человечества политической линии Ватикана, ставшего опорой наступательного фронта против восточной половины света. И все же конкурировать с Генеральной ассамблеей ВСЦ или готовившимся Католическим Собором конгресс ни в коей степени не мог, влиятельные западные организации его игнорировали¹²⁴⁴.

Стремясь расширить рамки Пражских христианских мирных конференций, Совет по делам РПЦ 30 декабря 1961 г. предложил ЦК КПСС провести совместно с исполкомом движения в следующем году в одной из африканских стран региональную конференцию «Церкви Африки в борьбе за независимость своих народов». В феврале 1962 г. архиепископ Никодим с профессором И. Громадкой ездили к императору Эфиопии по вопросу организации подобной конференции. В марте в Женеве состоялась встреча представителей ВСЦ и Пражских ХМК, ограничившихся обсуждением различных вопросов. С ноября стал выходить журнал «Христианская мирная конференция»¹²⁴⁵. Сохранялась надежда, что II Всемирный конгресс, намеченный на 1964 г., действительно, станет наконец «общехристианским».

В начале 1960-х гг. улучшились отношения Русской Церкви с Константинопольским Патриархом Афинагором. В ноябре—декабре 1960 г. Патриарх Алексей посетил несколько стран Ближнего Востока, встретился с главами семи Православных и Монофизитских Церквей. Патриархам Антиохийскому, Александрийскому, Иерусалимскому было присвоено звание почетных членов Московской духовной академии, вручены ордена Св. кн. Владимира и драгоценные подарки. Состоялась и личная встреча Московского Патриарха с Константинопольским, подвергавшимся в тот период преследованиям турецких властей. Многолетняя борьба за лидерство двух основных сил в Православии была приостановлена достигнутым компромиссом.

С 1952 г. Патриарх Афинагор безрезультатно пытался созвать Всеправославное совещание на выгодных для него условиях. Московская Патриархия, желая обеспечить для себя большинство голосов, обуславливала свое участие предварительным урегулированием спорных вопросов, в первую очередь признанием в качестве равноправных участников Болгарской, Чехословацкой, Польской и Абанской Церквей. Во время стамбульской встречи Патриарх Афинагор согласился удовлетворить почти все требования Русской Церкви и обещал в следующем году посетить СССР. После этого Патриарх Алексей примирился с проведением Всеправославного совещания на острове Родос в Греции. Оно состоялось в сентябре—октябре 1961 г.¹²⁴⁶

На совещании шла упорная борьба. Попытка провести выборы его председателя не удалась, им стал глава Константинопольской делегации, но во всех шести комиссиях представители Московской Патриархии добились проведения намеченной линии. Из подготовленного проекта дня было снято несколько вопросов, в том числе о борьбе с атеизмом, добавлены пункты об участии Православных Церквей в борьбе за мир, против расовой дискриминации и колониализма. Кроме того, по предложению русской делегации совещание в конце работы приняло послание, в котором подчеркивалось согласование повестки дня будущего Предсобора, внутреннее единство всех Православных Церквей и содержался призыв к сохранению мира. Не прошло только предложение создать комитет для подготовки Предсобора с равным участием представителей всех автокефальных Церквей; Константинопольская Патриархия категорически настаивала лишь на своем праве созывать соборы и совещания¹²⁴⁷.

На I Родосском совещании Московская Патриархия проводила антиватиканскую линию, но уже на II подобном форуме в сентябре—октябре 1963 г. ее позиция в этом вопросе была прямо противоположной. Под давлением русской и константинопольской делегаций совещание постановило начать диалог с Римско-Католической Церковью на равных условиях и разрешить каждой Православной Церкви по своему желанию посылать наблюдателей на II Ватиканский Собор.

Дело в том, что в 1962 г. произошла нормализация несколько десятилетий остававшихся напряженными отношений Московской Патриархии с Ватиканом. И ключевым событием в этом плане стало участие наблюдателей Русской Православной Церкви в работе II Ватиканского Собора. Еще в 1959—1961 гг. представители Московской Патриархии неоднократно делали заявления о том, что предстоящий Собор является внутренним делом Католической церкви, и вмешиваться в него нет никаких оснований. В декабре 1960 г. после встречи Патриарха Алексия со Вселенским Патриархом Афинагором в Стамбуле на пресс-конференции журналистам было сказано: «Русская Церковь не имеет никакого намерения участвовать в Соборе, так как не может быть осуществлен союз между православием и католицизмом, если Ватикан не откажется сначала от некоторых принципов, таких, как, например, непогрешимость Папы; и если не примет догматических реформ, осуществленных в Православной Церкви». Наконец, в мае 1961 г. в «Журнале Московской Патриархии» была опубликована статья «Non possumus», где выражалась обеспокоенность, что Собор может превратиться в орудие, направленное на достижение политических целей, несовместимых с духом христианства¹²⁴⁸. Но вскоре ситуация стала совершенно иной.

В 1962 г. резко изменилось отношение к Папе Римскому руководства СССР. Экономическая и внутривластная обстановка в стране сильно ухудшилась, катастрофически не хватало продовольствия. У Н.С. Хрущева появились планы поправить положение путем улучшения отношений с богатыми государствами Запада и получением от них долгосрочных кредитов, помощи продуктами питания и т.п. В качестве «платы» он был готов пойти на значительное разоружение. Связующим звеном с руководящими деятелями западных стран, многие из которых были ревностными католиками, как бы гарантом серьезности намерений Н. Хрущева, был избран Папа Римский. Через него Западу намеревались внушить, что советское общество (несмотря на Берлинский и Карибский кризисы) является миролюбивым. Советские дипломаты и спецслужбы начали наводить мосты для контактов с Ватиканом, глава которого в тот период — «красный Папа» Иоанн XXIII также старался наращивать мирные усилия. Понтификат Иоанна XXIII начался 28 октября 1958 г., но первые годы он не менял прежней политики, в то же время энергично обновляя состав кардиналов.

Признаки существенных перемен в традиционном курсе появились в 1961 г. В апреле после победы на Плайя-Хирон правительство Кубы выслало из страны священников-

иностранцев, составляющих большую часть католического духовенства. Но Папа не только не осудил эту акцию, а даже укрепил дипломатические отношения с революционными властями. На аккредитации посла Кубы в Ватикане он одобрительно отозвался о деятельности правительства Фиделя Кастро. 15 мая 1961 г. Иоанн XXIII опубликовал первую свою энциклику, посвященную социальным проблемам «*Mater et Magistra*» («Мать и наставница»), в ней осуждался неокOLONИализм, католикам с некоторыми оговорками разрешалось «вступать в отношения с лицами, имеющими другие взгляды на жизнь»¹²⁴⁹. Выступая в сентябре 1961 г. по радио, Папа призвал великие державы сесть за стол переговоров, разрядить международную обстановку, чреватую катастрофой термоядерной войны. И тут же — 21 сентября, в интервью газете «Правда» Н. Хрущев назвал усилия Иоанна XXIII в интересах всеобщего мира «добрым знаком», а в ноябре он направил главе Ватикана поздравление в связи с его 80-летием¹²⁵⁰.

В 1962 — начале 1963 г. политика «красного Папы» стала еще более радикальной. В тревожные дни Карибского кризиса он несколько раз лично звонил президенту США, настойчиво призывая к мирному урегулированию конфликта. 8 декабря на аудиенции польских епископов Папа произнес знаменитую фразу о «западных землях, навечно возвращенных» польскому народу, что вызвало протесты со стороны некоторых германских кругов¹²⁵¹.

14 апреля 1963 г. была опубликована энциклика Иоанна XXIII «*Pacem in terris*» («Мир на земле»), в которой он, обращаясь ко всем «людям доброй воли», выступил с осуждением гонки вооружений, за всеобщее и полное разоружение, запрещение ядерного оружия, политику мирного сосуществования без каких-либо ограничений¹²⁵². В этот период Папа уже говорил своему нунцию В. Роберти о намерении установить дипломатические отношения с СССР. Первоначально обсуждалась возможность учреждения в Москве консульства для постоянных консультаций без предварительного дипломатического признания¹²⁵³.

Намечалась даже личная встреча главы Ватикана с Н. Хрущевым, к которой последний также стремился. Посланец Папы падре Морассон имел прямое отношение к подготовке аудиенции, данной в Риме Иоанном XXIII в начале 1963 г. зятю Н. Хрущева А.И. Аджубею. А 13 декабря 1962 г. состоялась примечательные переговоры в Кремле самого 1-го секретаря с тайным миссионером Н. Казенсом. Н. Хрущев ответил согласием на предложение посланца Папы установить пока неофициальные отношения с Ватиканом. Зашел разговор о печальном положении подвергаемой преследованиям Московской Патриархии. И тут недавний «гонитель» заявил, что «у нас» больше нет трудностей с Церковью и «мы» могли бы поддерживать ее, если она будет держаться подальше от политики. Сказал Н. Хрущев и о недавней встрече с Патриархом Алексием. Какие-либо другие сведения о ней отсутствуют, и, скорее всего, Никита Сергеевич просто сочинил ее с понятными целями. Всю первую половину 1963 г. шла оживленная переписка лидера КПСС с Папой Римским. И когда в начале июня Иоанну XXIII на смертном одре доложили о получении телеграммы от Н. Хрущева с пожеланиями скорейшего выздоровления, «Папа просил ее прочитать, затем улыбнулся и сказал три раза по-русски: «Господи, помилуй!» Столь приятен был ему этот жест внимания»¹²⁵⁴.

Председатель отдела внешних церковных сношений архиепископ Никодим (Ротов) в своем стремлении использовать международные контакты Московской Патриархии для противодействия разгоравшимся антирелигиозным «хрущевским» гонениям в СССР первоначально возлагал особые надежды на расширение связей с православными Патриархами Востока. Но довольно быстро выяснилось, что и они и даже Всемирный Совет Церквей не играют достаточно большой роли в глазах советского руководства. Совсем иначе обстояло дело с Римско-Католической Церковью, отношения с которой вызывали живейший интерес Н. Хрущева. В результате Владыка Никодим решил изменить первоначальное отрицательное отношение правительства

и Московской Патриархии к Ватиканскому Собору, рассчитывая и его работу использовать для усиления позиций Русской Церкви перед лицом Советского государства.

21 февраля 1962 г. в итальянской газете «Джорно» было опубликовано интервью архиепископа Никодима, которое он дал московскому корреспонденту этого издания. Говоря о Соборе, Владыка подчеркнул, что «если в его повестку дня не будут включены вопросы о доктрине (например, вопрос о папском главенстве), с которыми Православная Церковь не может согласиться, и если не будут иметь место враждебные заявления в отношении страны, которую мы любим, тогда, я думаю, мы не будем иметь принципиальных затруднений в посылке в Рим наблюдателей Русской Православной Церкви»¹²⁵⁵.

Важным этапом стал адресованный советскому руководству доклад архиепископа Никодима «Мысли в отношении Католической Церкви» от 21 марта 1962 г. В нем был приведен целый ряд аргументов в пользу посылки наблюдателей, причем основной акцент делался на возможность использования просчетов международной деятельности Московской Патриархии Константинополем. Владыка писал, что многие Православные и Протестантские Церкви положительно ответят на приглашение прислать наблюдателей. Московская же Патриархия может отреагировать только критикой их позиции и в результате окажется в изоляции: «Константинополь выиграет на этом, несомненно. Он сможет представлять там все Православие без каких либо помех...Никто его не остановит, ни на кого ему не надо будет оглядываться. Весь католический мир станет смотреть на Константинополь, как на главный центр Православия». Также будут расценивать Вселенскую Патриархию и протестантский мир, и Восточные Церкви. «На Москву станут указывать как на противника сближения христиан, а ее вступление в ВЦС объяснять “тактическим расчетом”, и наше отсутствие поможет нашим недругам консолидироваться, объединиться и организовать за нашей спиной единый фронт с целью изолировать нас от влияния на всемирный ход церковных событий»¹²⁵⁶.

Присутствие же русских наблюдателей, по мнению архиепископа, позволило бы «нейтрализовать всякие поползновения Константинополя говорить от имени всего Православия и идти на слишком тесное сближение с Римом». Кроме того, наблюдатели смогут повлиять на то, чтобы Собор не следовал линии, противоположной интересам Московской Патриархии, улучшатся позиции по отношению к Католической церкви в случае полемики и т.д.: «Нужно, чтобы Ватикан и весь Запад видели нашу “добрую волю” в отношении сближения “со всеми христианами”, в том числе и с католиками. Одним из таких актов “доброй воли” было бы присутствие наших наблюдателей на предстоящем Ватиканском Соборе».

Заканчивался документ предложением известить Ватикан о статусе русских наблюдателей в случае их поездки: «Они только наблюдатели-богословы (типа журналистов). Их официальная цель — наблюдать и дать подробный отчет своей Высшей Церковной власти... им надежит входить в тесное общение со всеми другими православными наблюдателями и строго блюсти православное единство и чистоту Святого Православия»¹²⁵⁷.

Историки расходятся во мнениях относительно того, кто же выступил инициатором посылки наблюдателей на Собор. О.Ю. Васильева считает, что это были советские органы власти, а Московская Патриархия вынужденно уступила, лавируя в государственных тисках. Многие же западные исследователи, например, А. Роккуччи и деятели Церкви, в частности, протопресвитер Виталий Боровой, пишут о первостепенной роли Владыки Никодима, проявлявшем определенную независимость в определении стратегии, которая, хотя и считалась с интересами советской внешней политики, отвечала прежде всего интересам Церкви. Анализ известных фактов и документов позволяет присоединиться к последнему мнению.

Позиция Совета по делам Русской православной церкви менялась не так быстро, как руководство Московской Патриархии. Только в июне 1962 г. старший инспектор

Совета Филиппов подготовил справку о Ватиканском Соборе, в которой по сути воспроизводились взгляды и аргументы архиепископа Никодима, но проблема посылки наблюдателей оставалась нерешенной: «Совет в настоящее время детально изучает вопрос участия представителей Русской православной церкви во Втором Ватиканском Соборе». Положительному решению мешало несколько обстоятельств, в том числе опасения, что Собор может быть использован в целях антисоветской пропаганды и передачи в феврале Ватиканом приглашений всем Православным Церквам не персонально, а через Вселенский Патриархат.

В справке Филиппова говорилось, что в ходе нескольких встреч весной 1962 г. с русскими священнослужителями представители Католической Церкви попытались устранить эти препятствия. Так, находившийся в марте в Москве корреспондент германского католического информационного агентства КНА Л.А. Дорн в беседах с сотрудниками отдела внешних церковных сношений исключил возможность того, что Собор займет догматические антиправославные позиции и станет придерживаться антисоветской ориентации, так как его задачи имеют исключительно внутрицерковное значение. Похожим образом на встрече в Женеве в конце марта настоятель бельгийского бенедиктинского монастыря Шеветонь Т. Беккерт сообщил архиепископу Никодиму, что Собор созывается прежде всего для обновления жизни Католической Церкви и не будет касаться политических вопросов.

А в мае в Женеве произошла встреча секретаря Секретариата христианского единства монсеньера Й. Виллебрандса с представителем Московской Патриархии в ВСЦ протоиереем Виталием Боровым. На ней Виллебрандс заявил, что Собор не будет заниматься политическими вопросами, и информировал о переданном Вселенскому Патриархату приглашении, добавив, что если бы Русская Церковь захотела послать наблюдателей, то «в виде исключения» она могла бы получить отдельное приглашение. Монсеньер даже выразил желание приехать в Москву для переговоров с представителями Патриархии. Таким образом, интерес Ватикана к участию Русской Церкви в своем Соборе был проявлен достаточно ясно¹²⁵⁸.

Контакты церковных деятелей с обеих сторон продолжались в конце лета. В ходе Парижской сессии Центрального комитета ВСЦ 11 августа состоялась встреча Виллебрандса с архиепископом Никодимом, который попросил дать сведения о ходе подготовки к Собору и заявил, что Московская Патриархия примет решение лишь после получения приглашения непосредственно от Святого Престола. Выяснилось, что «Кремль мог бы согласиться на присутствие наблюдателей Русской Церкви на II Ватиканском Соборе, если бы Ватикан смог гарантировать, что этот Собор не станет антисоветским форумом»¹²⁵⁹. Монсеньера пригласили посетить для переговоров Москву. А 18 августа в Меце произошла важная встреча Владыки Никодима с кардиналом Тиссераном, во время которой был подготовлен текст письма, доставленного затем Виллебрандсом в Россию, и принят план, предусматривавший эту поездку ватиканского представителя для передачи приглашения при условии аполитичности Собора¹²⁶⁰.

Посещение Виллебрандсом Москвы и его беседы в отделе внешних церковных сношений Патриархии проходили с 27 сентября по 2 октября 1962 г. В ходе переговоров архиепископ Никодим поставил перед монсеньером три основных вопроса: станет ли Собор рассматривать проблему отношений государства и Церкви, как он будет свидетельствовать об атеизме и каким образом обсудит вопрос о мире. На все вопросы Виллебрандс предоставил свои заверения, что данные проблемы будут рассмотрены в общем плане, без нарушения интересов каких-либо государств, никакие политические системы не станут упоминаться ни в положительном, ни в отрицательном плане. Но из отчета монсеньера видно, что определенного формального соглашения, обязывавшего Собор не занимать антикоммунистическую позицию, не было. Владыка Никодим и не ставил этот вопрос в качестве обязательного условия для присутствия наблюдателей¹²⁶¹.

Визит Виллебрандса и его заверения о пастырских намерениях Собора оказали существенную поддержку линии архиепископа Никодима и помогли Владыке убедить Совет по делам Русской православной церкви в своей правоте. После отъезда монсеньера в Совет была представлена итоговая записка с ярко выраженной положительной оценкой объяснений Виллебрандса о характере и основных направлениях работы Собора. В заключительном выводе записки содержался призыв «с точки зрения улучшения современного напряженного положения во всем мире» приветствовать вероятное присутствие наблюдателей на Соборе, если бы оно смогло ослабить реакционные течения на нем и сковать проявление вражды¹²⁶².

В результате уже 1 октября заместитель председателя Совета по делам Русской православной церкви В.Г. Фуров подготовил проект постановления ЦК КПСС о разрешении дать согласие Московской Патриархии принять приглашение и направить на Ватиканский Собор трех наблюдателей. В сопроводительной записке Фуров писал о том, что опасность образования единого антикоммунистического фронта временно устранена, и подчеркивал большое значение, которое придают присутствию русских наблюдателей итальянские правительственные круги.

В записке выделялась особая роль мэра Флоренции Ла Пира, «доверенного лица Папы Иоанна XXIII и премьер-министра Фанфани», который в разговоре с послом СССР в Италии Козыревым, тоже выступавшим за направление наблюдателей, заявил, что эта поездка «имела бы важное значение для разрядки между Востоком и Западом, а также для дальнейшего развития советско-итальянских отношений». Ла Пира пользовался доверием в московских правительственных кругах и его заверениям, что на Соборе не будет враждебных демонстраций против СССР, поверили. Как раз в это время советскую дипломатию очень интересовала Италия, считавшаяся слабым звеном в системе НАТО. Политические и экономические контакты с этой страной активно развивались. Итальянский журнал «Ло Спекью» 2 апреля 1962 г. писал: «Хрущев после личного знакомства и обмена посланиями с Фанфани питает к нему большую симпатию и считает его единственным человеком в итальянском правительстве, который может понять его, Хрущева, политику и в некоторых случаях поддержать ее»¹²⁶³. Эти обстоятельства также сыграли немаловажную роль.

Тем не менее, когда Виллебрандс улетел в Рим, вопрос еще не был полностью решен. 6 октября монсеньер от имени кардинала Беа послал в Москву телеграммой обещанное приглашение, после того, как, по утверждению немецкого историка Г.-Я. Штеле, этот кардинал письменно описал возможность политической умеренности Собора. Окончательно же преодолеть сомнения советских чиновников, по вполне обоснованному мнению Штеле, помогли три обстоятельства: публичное признание Папой на приеме 8 октября 16 польских епископов послевоенной западной границы Польши, ставшее известным в Москве конфиденциальное заявление кардинала Бенгша из Берлина в Комиссию по подготовке Собора, в котором выразительно отклонялось осуждение коммунизма, и миротворческая позиция Папы во время острейшего октябрьского Карибского кризиса¹²⁶⁴.

В итоге высший орган власти в СССР — Президиум ЦК КПСС 10 октября 1962 г. принял постановление № 58/30 о разрешении посылки наблюдателей. И в тот же день Священный Синод Русской Православной Церкви решил направить на Ватиканский Собор протоиерея Виталия Борового и будущего митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, а тогда архимандрита Владимира (Котлярова). 12 октября — через день после официального открытия Собора они прибыли в Рим.

Столь позднее принятие окончательного решения и задержка с получением Константинополем телеграммы о нем из Москвы стали причиной того, что известие о прибытии на Собор русских наблюдателей оказалось полной неожиданностью для Вселенского Патриарха Афинагора, который даже почувствовал себя плохо. Перво-

начально он также хотел послать своих наблюдателей, но, столкнувшись с негативной позицией Греческой, Антиохийской, ряда других Православных Церквей и большинства митрополитов Константинопольского Синода, изменил позицию. Официальный отказ послать наблюдателей Вселенской Патриархии прозвучал в решении ее Синода от 8 октября 1962 г.¹²⁶⁵

Согласно воспоминаниям о Виталия Борового, русские наблюдатели имели полную возможность высказать свои мнения, замечания, пожелания на регулярных встречах с католическими богословами, участниками Собора и ощущали очень внимательное и благожелательное отношение к себе со стороны руководства Собора и Секретариата христианского единства. Вероятно, для Папы было важно благоприятное мнение об их московских наблюдателях, чьи доклады из Рима читали в Кремле. А для получения такого мнения существовали определенные препятствия.

В течение всей первой сессии следовали всевозможные инициативы разных групп епископов побудить Собор заявить о своей солидарности с «Церковью молчания», то есть разоблачить преследования католиков в коммунистических странах. Подобные начинания не увенчались успехом, но 22 ноября 1962 г. газета «Ла Кроикс» сообщила о заявлении 15 униатских эмигрантских украинских епископов, осуждавших приглашение на Собор русских наблюдателей и требовавших освобождения митрополита Иосифа (Слипого) — «единственного выжившего из 11 членов украинского католического епископата, которые были сосланы в Сибирь». Эта публикация вынудила Виллебрандса пойти на обнародование 25 ноября заявления в защиту искренне религиозных и экуменических намерений, в силу которых были приглашены православные наблюдатели¹²⁶⁶.

Как раз русские наблюдатели и стали посредниками в деле освобождения митрополита Иосифа. При встрече с ними кардинал Теста изложил личную просьбу Иоанна XXIII к правительству СССР амнистировать митрополита и позволить ему прибыть в Ватикан. Просьба была передана Н. Хрущеву через МИД и Совет по делам Русской православной церкви. Позднее к этому делу подключился американский посредник Н. Казинс. В результате 18 января по дипломатическим каналам в Рим было передано сообщение о решении освободить митрополита Иосифа Слипого. Русская Церковь приняла активное участие и в содействии организации отъезда митрополита Иосифа 27 января 1963 г. из Москвы вместе с прибывшим за ним Виллебрандсом¹²⁶⁷.

Помимо налаживания контактов с Ватиканом, еще одним обстоятельством, несколько улучшившим отношение части советского руководства к Московской Патриархии, стали ее активные действия в период Карибского кризиса. Патриарх Алексий в срочном порядке направил главам Православных Церквей, Генеральному секретарю ООН телеграммы с призывом сделать все возможное для недопущения военной катастрофы в результате крайне опасных для дела мира действий правительства США. Тактика расширения международных связей Церкви с целью спасения ее от уничтожения внутри страны начала приносить результаты. За какие-то два-три года Русская Церковь получила широкую известность в мире, ее судьба начала интересовать всемирное христианство. А значит, ликвидировать ее, заявить, что она самораспалась, в то время как митрополит Никодим за рубежом постоянно говорил о десятках миллионов верующих в СССР, переполняющих храмы, — стало крайне сложно.

Однако во второй половине 1963-г. ряд неблагоприятных международных факторов негативно повлияли на положение Московской Патриархии, «защитный экран» ее внешнеполитической деятельности оказался «пробит» в нескольких местах. 4 июня умер Папа Иоанн XXIII, избранный новым главой Ватикана Павел VI постепенно все больше начал отходить от курса своего предшественника, хотя сначала руководство СССР также возлагало на него большие надежды. В июле 1963 г. на приеме в Совете по делам Русской православной церкви делегаций, приехавших на празднование 50-летия архиерейского служения Патриарха Алексия, представителям Ватикана по-

сле теплых слов о политике Иоанна XXIII было сказано, что советское правительство поддержит любые мирные шаги Папы Павла VI. 15 сентября в Риме состоялись переговоры главы Ватикана с митрополитом Никодимом. Согласно информации Совета в ЦК КПСС, Папа заверял, что курс Иоанна XXIII, устраивавший Русскую Церковь, будет продолжен, вторая сессия Собора пройдет в этом отношении не хуже первой, просил передать благодарность правительству СССР за освобождение митрополита Иосифа и разрешение ему выехать из страны¹²⁶⁸. В результате представители Московской Патриархии присутствовали и на второй сессии Ватиканского Собора, проходившей 29 сентября — 4 декабря 1963 г.

Итоги сессии были восприняты руководством СССР скорее негативно. Группа корреспондентов ряда советских газет, журналов, АПН, присутствовавшая на ней, в докладной записке секретарям ЦК КПСС Л. Ильичеву и Б. Пономареву писала о некоторых антикоммунистических выступлениях, продолжении идеологической борьбы с социализмом и предлагала развернуть в печати «принципиальную критику» идеологии и политики Ватикана, а также довести до его руководства, что всякая попытка в какой-либо форме осудить коммунизм на следующих сессиях Собора «вызовет крайне отрицательную реакцию со стороны социалистических государств и... невыгодные для католической церкви последствия». Идеологический отдел ЦК поддержал предложения журналистов и тут же созвал совещание работников, имевших отношение к этим вопросам¹²⁶⁹.

Позиция КГБ была еще более нетерпимой. В справке заместителя председателя Комитета госбезопасности С. Банникова о Католическом Соборе отмечалось, что Ватикан намерен проводить политику сближения с протестантами и другими Церквями с целью «создания единого фронта против стран социалистического лагеря и коммунистического движения во всем мире». По сведениям агентуры КГБ, руководство Римско-Католической Церкви становится на более жесткую позицию в вопросе отношений с государствами советского блока, признается целесообразность некоторой нормализации отношений с ними, но лишь добиваясь максимальных уступок. В смысле борьбы «либералов» и «консерваторов» вторая сессия Собора характеризовалась топтанием на месте, однако якобы существовавшие «подрывные католические центры» в СССР активизировались. Папа Павел VI официально принял делегацию украинских униатов и обратился к ним с приветственной речью, чего Иоанн XXIII никогда не делал. Банников подчеркивал, что новый Папа «выступает за гибкие, замаскированные методы борьбы с коммунизмом»¹²⁷⁰.

В этой же справке КГБ, составленной в мае 1964 г. по просьбе идеологического отдела ЦК, содержался и уничижительный отзыв о Пражских христианских мирных конференциях. Отмечалось, что религиозная общественность Запада не проявляет большого интереса и желания сотрудничать с ХМК, их небольшие региональные комитеты в ряде капиталистических стран контролируются государством и полицией, в комитетях движения участвуют одни и те же лица, число которых постепенно сокращается. Неоднократные попытки вовлечь в ХМК Церкви стран Азии и Африки были парализованы ВСЦ, который оказывал им материальную помощь и препятствовал вступлению в Пражское движение. Некоторые из представителей западных стран, по предположению КГБ, имели целью дезорганизацию работы ХМК. Поэтому принятие западных Церквей в движение искусственно тормозилось руководством ХМК, так как Запад, располагая многочисленными конфессиями и крупными церковными авторитетами, имел возможность «численно заполнить все движение» и сделать его «враждебным социалистическому лагерю».

В целом ХМК не смогли стать серьезным противником ВСЦ. Не стали они и «авангардом движения за мир» из-за боязни оттолкнуть представителей Запада, документы принимались в «обтекаемой и слишком общей форме». Мешали и идеологические ко-

лебания чешского руководства ХМК, неумелая организационная работа их президента — декана Богословского факультета Пражского университета Иосифа Громадки. По отзывам участников ХМК, собранным сотрудниками КГБ, И. Громадка характеризовался как «типичный буржуазный интеллигент, поклонник Достоевского и глубоко верующий человек». В своей работе он видел лишь одну из реальных возможностей затормозить процесс преодоления религиозности в сознании народа Чехословакии и других стран, выступал за мирное сосуществование идеологий. По его мнению, основной ошибкой коммунистической партии в социалистических странах являлась нетерпимость в религиозном вопросе. Громадка считал, что западный мир в отличие от социалистических стран характеризуется большей внутренней спаянностью, подчеркивал расхождение внутри социалистического лагеря по идеологическим вопросам и непопулярность в Азии политики СССР по отношению к Китаю.

По сведениям КГБ, центральный аппарат ХМК был сформирован из представителей Чешско-братской Церкви, которые пытались использовать движение в своих корыстных целях. Боясь утратить свои привилегии, они препятствовали попыткам улучшить работу аппарата путем включения в него представителей Церквей других социалистических стран. По мнению С. Банникова, движение напоминало «дом отдыха, куда люди приезжают питаться, беседовать, наблюдать, узнавать новости», а принятые резолюции считаются чем-то формальным и ими не думают руководствоваться¹²⁷¹.

В качестве средства устранения указанных недостатков предлагалось: «Для эффективности работы ХМК по пропаганде идей мира и разоружения и оказания влияния на ВСЦ, должен быть укреплен центральный аппарат ХМК лицами, способными проводить твердую политическую линию, с заменой генерального секретаря или изменением его статуса и назначением авторитетных заместителей. Полезно также было бы сократить число действующих комиссий и более четко координировать действия в ХМК представителей стран социалистического лагеря»¹²⁷².

Более успешно развивалась деятельность Московской Патриархии во Всемирном Совете Церквей. В феврале 1964 г. даже удалось провести сессию исполкома ВСЦ на территории СССР в Одессе. Совет по делам РПЦ составил детальный план ее проведения, в котором говорилось: «1. Обеспечить, чтобы представители Московской Патриархии добивались решений исполкома по международным вопросам, соответствующим основным принципам воззвания Варшавской сессии Всемирного Совета мира... 2. Проведение сессии исполкома... использовать... для разоблачения утверждений буржуазной пропаганды об отсутствии свободы совести и якобы гонений на религию и церковь в СССР». Заранее намечалась и тактика действий. При решении кадровых вопросов: «а) стараться не допустить немца на пост директора научного отдела, б) Вольфа (директора экуменического института) оставить на третий срок в Боссе, в) продумать другие кандидатуры из нейтральных кругов» и т.д. Почти все из намеченного было выполнено. Сессия приняла с учетом поправок русской делегации заявление «Проблемы и возможности разоружения в настоящем времени», которое было направлено правительствам ведущих государств мира¹²⁷³.

И все же подобных успехов оказалось недостаточно, чтобы предотвратить ожесточенное наступление на Церковь в СССР в 1964 г. Но это была последняя вспышка. И она впервые вызвала заметную негативную реакцию международной общественности. Стало ясно, что замалчивать антирелигиозные гонения внутри страны больше не удастся. Даже исполнявший обязанности экзарха Московского Патриархата в Западной Европе архиепископ Сурожский Антоний (Блум) в праздник Богоявления Господня 1964 г. возглавил совершенный в Лондоне православными крестный ход и водосвятие, имевший характер своего рода демонстрации протеста против гонений на Церковь в СССР. Сам Владыка ничего не говорил, но протоиерей Сербской Церкви Владимир Родзянко произнес пламенную речь о преследовании Церкви. Под давлением Совета по делам РПЦ

Московская Патриархия стала готовить указ о смещении архиепископа Антония с поста экзарха, но быстро подобрать ему замену не удалось, а после прекращения «хрущевских гонений» этот вопрос потерял свою остроту. В итоге Владыка Антоний 27 января 1966 г. был утвержден в должности экзарха и возведен в сан митрополита¹²⁷⁴.

Хотя после смерти Римского Папы Иоанна XXIII Русская Церковь уже не представляла такого острого интереса для советского руководства, она, сумев значительно расширить свои международные связи и влияние, по-прежнему играла определенную роль во внешней политике СССР. И эта роль была гораздо более важной, чем в конце 1940—1950-х гг. Так, в 1964 г. Московская Патриархия, помимо сессии исполкома ВСЦ, участвовала в целой серии крупных международных мероприятий. 27—29 июля в Токио состоялся Всемирный конгресс религиозных деятелей в защиту мира, 28 июня — 3 июля в Праге — II Всемирный общехристианский конгресс. Следует отметить, что пражский форум в целом прошел удачнее, чем думали в начале 1964 г. в КГБ и ЦК КПСС. Всей подготовительной работой и ходом заседания руководили представители Московской Патриархии, отодвинувшие на второй план чешских организаторов движения. В итоге на конгресс приехали делегации 10 из 14 автокефальных Православных Церквей, 147 посланцев стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые полностью поддержали русские предложения¹²⁷⁵.

С 1 по 15 ноября 1964 г. проходило самое большое по числу участников III Всеправославное Родосское совещание, обсуждавшее прежде всего начало богословского диалога с инославными. В ходе дискуссий возникало много трудностей и несогласий, но все они были преодолены благодаря дипломатическим усилиям возглавлявшего русскую делегацию митрополита Никодима (Ротова). Совещание решило образовать специальные богословские комиссии для ведения диалога с англиканами и старокатоликами и постановило, что каждая Православная Церковь по собственному почину, а не от имени всего Православия может свободно развивать братские отношения с католиками.

Папа Павел VI, хотя и не проявлял того сердечного участия к «братьям с Востока», которым отличался его предшественник, в целом стремился продолжить курс нормализации отношений с социалистическими странами. Так, 15 сентября 1964 г. было заключено соглашение Ватикана с Венгрией, а 25 июня 1966 г. с Югославией¹²⁷⁶. В этих условиях Русская Церковь активно осуществляла контакты с католиками. Ее наблюдатели присутствовали на третьей сессии Ватиканского Собора в конце 1964 г., в Ленинградской духовной академии состоялось собеседование русских богословов с делегацией Римско-Католической Церкви, впервые в истории произошел обмен Пасхальными посланиями Папы Римского и Патриарха Московского¹²⁷⁷.

В целом можно констатировать, что, несмотря на все воздействия советских органов власти, Русская Православная Церковь имела собственную систему оценки II Ватиканского Собора. Ее наблюдатели присутствовали на всех четырех сессиях и более всего были заинтересованы в спокойном, бесконфликтном и, по возможности, более длительном прохождении Собора, так или иначе повлиявшего на позицию государственных органов СССР (в сторону смягчения ее антирелигиозной направленности). Вся деятельность русских наблюдателей направлялась Владыкой Никодимом. Архиепископ Волгоградский Герман позднее так вспоминал о митрополите Никодиме: «Интерес его к папству и римской Церкви стал постоянным. По-моему, он хотел постичь феномен этого явления как такового. Для него больше всего этот феномен становился понятным и объяснимым в личности Папы Иоанна XXIII, изучению жизни и деятельности которого он посвятил свою диссертацию на степень магистра богословия»¹²⁷⁸.

В ноябре 1964 г. состоялась важная поездка Первоиерарха Русской Церкви в Грецию, Швейцарию и Великобританию. Он вел переговоры с Восточными Патриархами, президентом Кипра архиепископом Макариосом, который выразил благодарность СССР за поддержку его страны в борьбе за независимость. Премьер-министр Греции

Папандреу в беседе с Патриархом Алексием заявил о желании улучшить советско-греческие отношения. Во время посещения Патриархом Женевы генеральный секретарь ВСЦ В. Виссерт-Хурт предложил поддержать его кандидатуру при переизбрании на предстоящей в январе 1965 г. сессии ЦК ВСЦ, ссылаясь на «нападки англичан и американцев» за его «хорошее отношение к Русской Церкви» (в итоге Виссерт-Хурт был переизбран на новый срок). Наконец, в Лондоне Патриарх Алексей вел переговоры с главой Англиканской Церкви архиепископом Кентерберийским Майклом Рамзеем. Председатель Совета по делам РПЦ В. Куроедов высоко оценил эту поездку¹²⁷⁹.

Подводя итоги международной деятельности Московской Патриархии в описываемый период, необходимо отметить, что ее активность на различных этапах существенно менялась. Если в 1943—1948 гг. она была значительной, то затем резко пошла на убыль, вновь начав расти с 1955 г., а особенно явно с 1958 г., превысив в середине 1960-х гг. даже уровень первого этапа. Эти колебания напрямую связаны со степенью заинтересованности советского руководства во внешнеполитических акциях Русской Церкви. С другой стороны, со временем в Московском Патриархате появилась группа архиереев во главе с митрополитом Никодимом (Ротовым), которая пыталась всемерно расширять международные связи, стремясь укрепить позиции Церкви за рубежом и внутри страны. В результате их действий Патриархии удалось установить тесные контакты с религиозными организациями нескольких десятков государств мира. При всех колебаниях внешнеполитической активности Русской Православной Церкви изменение ее роли на международной арене сразу же оказывало влияние на положение в своем Отечестве, большей частью определяя его.

§ 4. Развитие внешних связей Патриархии перед распадом СССР

Во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х гг. международная деятельность Московского Патриархата в основном развивалась в прежнем русле. Ее основными направлениями оставались: участие в «борьбе за мир», работе Всемирного совета церквей, развитие связей с Ватиканом, Поместными Православными Церквями и расширение контактов с представителями различных конфессий. Советское руководство по-прежнему проявляло большую заинтересованность во внешнеполитических акциях Московской Патриархии.

Выступая 21 июня 1966 г. на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам религий, его председатель В.А. Куроедов подвел итог предшествующего этапа и практически впервые отметил позитивную сторону существования религиозных организаций: «Активная деятельность церквей Советского Союза и социалистических стран на международной арене позволяет нам успешно противодействовать империалистическим силам в использовании международных религиозных движений в реакционных целях и способствует объединению прогрессивных религиозных деятелей за рубежом, выступающих против угрозы войны и за достижение лучшего взаимопонимания». В. Куроедов отметил, что Церкви СССР играют решающую роль в деятельности Пражского Христианского движения в защиту мира, оказывают большое влияние на работу Всемирного Совета Церквей, поддерживают регулярные связи с религиозными организациями более чем 40 стран и подчеркнул: «Нередко церковные каналы связи со странами, где религия играет большую роль, служат эффективным средством нашего влияния на развитие отношений по государственной линии». Главная задача, по словам Куроедова, состояла в том, «чтобы всемерно активизировать деятельность церквей СССР в защиту мира. Это очень ответственное дело, дело большой государственной важности»¹²⁸⁰.

Наиболее активно в «борьбе за мир» из всех «Церквей СССР» участвовал Московский Патриархат. Движение за мир, как и ранее, по расчетам советского руководства, было призвано компенсировать отставание СССР по военному и экономическому потенциалу странам Запада, невозможность в условиях во многом продолжавшейся холодной войны иными путями решать ряд внешнеполитических задач, воздействовать на политику других государств, и вскоре после смещения Н.С. Хрущева новое руководство страны даже решило впервые публично выразить свою признательность Московской Патриархии за участие в подобной деятельности.

15 января 1965 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микоян во время приема делегации Пражской христианской мирной конференции (ХМК), вручившей ему «Обращение ко всем правительствам, парламентам и видным деятелям мира» II Всемирного общехристианского конгресса в защиту мира, заявил: «Отрадно отметить, что в борьбе за мир наше правительство получает поддержку от Русской православной церкви. Во время Великой Отечественной войны церковь вместе со всем народом не жалела сил для спасения отечества, и это было высоко оценено нашим народом. Сегодня Русская православная церковь борется за то, чтобы не было войны. Мы приветствуем ее усилия в этом направлении!»¹²⁸¹. Вскоре Московской Патриархии были выделены для международной деятельности крупные суммы валюты — в 1965 и 1966 гг. на 1 440 тысяч инвалютных рублей. Правда, Церковь компенсировала их взносом советских денег¹²⁸².

Осуществляя миротворческую деятельность, Московская Патриархия приняла активное участие в подготовке и проведении 11—18 октября 1965 г. в Будапеште Международной конференции христиан в защиту мира, собравшей более 200 делегатов из 38 стран. На этом форуме выявились серьезные разногласия. Против принятия ряда решений помимо представителей западных стран энергично выступала и делегация Румынской Православной Церкви, но все же решения были приняты. Так, по предложению представителей Московского Патриархата конференция обратилась с открытым письмом к президенту США Джонсону, потребовав прекратить войну во Вьетнаме¹²⁸³.

Большое внимание уделялось развитию движения ХМК, во главе которого формально находились чехословацкие религиозные деятели. Например, в апреле 1965 г. в Ленинграде состоялось заседание проблемной комиссии движения на тему «Ответственность Церквей за международный мир» и в это же время в Праге — созванная Исполкомом ХМК конференция европейских богословов, посвященная проблеме «упрочения мира»¹²⁸⁴.

В начале 1968 г. был успешно (с точки зрения Совета по делам религий) проведен III Христианский конгресс в защиту мира. Он принял документы, касающиеся европейской безопасности, «агрессий» США во Вьетнаме и Израиля на Ближнем Востоке. Но в дальнейшем положение резко осложнилось. Государственные органы Чехословакии с весны 1968 г., по оценке В. Куроедова, «помогали руководству ХМК сталкивать эту организацию в объятия реакции и проимпериалистических сил». Руководящие органы движения были перенесены в Варшаву, где осенью состоялось заседание Рабочего комитета ХМК. Но острый кризис в этой организации затянулся надолго¹²⁸⁵.

Достаточно критично относились к ней и архиереи Московского Патриархата. Так, митрополит Никодим (Ротов) однажды сказал архиепископу Брюссельскому Василию (Кривошеину): «Вот Вы все критикуете пражскую Христианскую Конференцию (ХМК, как он иронически ее называл). Вы бы вошли в нее и действовали в ней, как считаете правильным. А то Вы критикуете извне». По воспоминаниям архиепископа Василия, он ответил: «Владыко, боюсь, что если бы я так сделал, это не пошло бы на благо Русской Церкви». И митрополит Никодим промолчал¹²⁸⁶.

Московская Патриархия была вынуждена оправдывать военное вмешательство СССР в дела Чехословакии. В письме Патриарха Алексия председателю Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей М.М. Томасу от 14 сентября 1968 г. опровер-

галось утверждение об интервенции войск стран Варшавского договора и заявлялось, «что совершившееся 21 августа предотвратило серьезное кровопролитие и, возможно, международный вооруженный конфликт»¹²⁸⁷.

Русская Православная Церковь должна была в большей степени, чем остальные конфессии олицетворять собой образ «Церкви в Советском государстве» и, кроме того, играть роль их представителя в отношениях с государством. Так, Московская Патриархия по-прежнему организовывала и координировала «борьбу за мир» всех вероисповеданий в СССР. Это ярко проявилось на проходившей в июле 1969 г. в Загорске конференции религиозных организаций СССР в защиту мира. На нее прибыло и свыше 100 зарубежных церковных деятелей из 44 стран, в том числе министры по делам религиозных культов Сирии, Иордании и Алжира. Впрочем, они не получили права голоса в ходе обсуждения и принятия политической резолюции конференции, в которой говорилось о войне во Вьетнаме, положении на Ближнем Востоке, европейской безопасности, борьбе с колониализмом и неоколониализмом¹²⁸⁸.

В сентябре — октябре 1971 г. в Праге был проведен IV Христианский конгресс в защиту мира. Он еще раз осудил американскую агрессию во Вьетнаме и выступил за признание ГДР и нерушимость послевоенных границ. В июне 1972 г. в Праге состоялась специальный симпозиум по проблемам европейской безопасности с участием ряда влиятельных христианских деятелей, а 20—23 марта 1973 г. в Москве прошло заседание рабочего комитета ХМК, посвященное обсуждению вопроса мобилизации прогрессивных христианских сил в поддержку международного совещания за безопасность и сотрудничество в Европе.

В заседание участвовали около 20 руководящих деятелей ХМК (к этому времени президентом движения был митрополит Никодим, а генеральным секретарем — венгерский пастор Кароли Тот), значительную часть их транспортных расходов оплатили из государственных средств СССР. Заседанию было уделено определенное внимание со стороны руководства СССР — его участников официально принял в Кремле председатель Совета Союза Верховного Совета СССР А.П. Шитиков¹²⁸⁹.

25—28 марта 1973 г. в Загорске прошла расширенная сессия руководящего комитета ХМК с участием более 100 религиозных деятелей из 40 стран с целью подготовить проведение Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве. Конгресс, в котором участвовали 16 представителей религиозных организаций СССР, проходил в конце октября 1973 г. К его началу Московская Патриархия 17 октября перечислила в Советский фонд мира 3 млн рублей. Эта деятельность была оценена советским руководством. На торжественный прием в Кремлевском Дворце съездов 7 ноября 1973 г. — в честь 56-й годовщины Октябрьской революции были приглашены 4 представителя Русской Церкви. В ходе приема В. Куроедов представил их Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, который заявил: «Нам известно активное участие Русской православной церкви в деле защиты мира и те труды, которые были ею предприняты в период Конгресса. Мы ценим это и благодарим Вас. Мир — это самое главное, и защищать его — священное дело»¹²⁹⁰.

Большое значение государственные органы СССР с середины 1960-х гг. также стали придавать установлению контактов с религиозными организациями развивающихся стран. В январе 1965 г. В. Куроедов представил в ЦК КПСС программу расширения связей Московской Патриархии с христианскими Церквями Африки. В нее входило приглашение в 1965 г. в СССР делегаций Всеамериканской конференции Церквей и 8 отдельных стран, направление в них делегаций Русской Церкви с ответными визитами, прием на учебу в Духовные академии до 15 африканцев ежегодно, отправление в Уганду, Кению и Нигерию трех преподавателей для чтения лекций в местных богословских школах, передача этим странам 12 комплектов учебно-наглядных пособий для церковно-приходских школ и т.д. Председатель Совета по делам религий подчеркивал,

что «установление хороших отношений африканских церквей с Московской Патриархией несомненно позволит оказывать влияние на эти церкви в борьбе за мир и против колониализма, а также будет препятствовать расширению в Африке деятельности Ватикана»¹²⁹¹. Предложения В. Куроедова были полностью одобрены в ЦК.

9 октября 1965 г. Секретариат ЦК КПСС также принял постановление о «разрешении» Московской Патриархии оплатить приезд 15 делегаций стран Азии и Африки на Международную конференцию в Будапешт и пригласить их после окончания форума посетить СССР. Подобная тактика приносила определенные плоды. Если в 1966 г. на Всесоюзном совещании уполномоченных В. Куроедов в качестве серьезного недостатка отмечал слабое развитие контактов с Церквями развивающихся стран, то в 1969 г. на подобном совещании констатировал, что обмен делегациями и вообще связи по данной линии существенно расширились, подчеркнув: «Эти возможности были в значительной степени использованы для нашей пропаганды на страны Азии и Африки»¹²⁹².

К 1970 г. международная деятельность Московской Патриархии заметно активизировалась. В 1968—1969 гг. были направлены за границу 123 делегации в составе 530 религиозных деятелей СССР. Около половины этих поездок приходилось на Русскую Церковь. В свою очередь Советский Союз посетили свыше 800 представителей зарубежных религиозных организаций. Так, 26 мая — 4 июня 1968 г. в Москве состоялось празднование 50-летнего юбилея восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви. На торжества приехали Иерусалимский, Сербский, Румынский, Болгарский, Грузинский Патриархи и другие высокие гости, всего около 120 представителей Православных Церквей, а также руководители международных религиозных организаций.

Среди прибывших на юбилей иностранцев, по сведениям КГБ, были и «враждебно настроенные лица», в отношении которых органы госбезопасности «провели ряд мероприятий по их изучению, предотвращению возможных нежелательных акций с их стороны, а также оказанию на них выгодного нам идеологического воздействия и получению интересующей нас информации». Главным результатом юбилейных торжеств, по мнению заместителя председателя КГБ Цвигуна, явилось использование пребывания зарубежных религиозных деятелей в Москве для усиления у них недоверия к намерениям Ватикана объединить всех христиан под своей эгидой. У многих иностранцев, присутствовавших на юбилее, якобы были «в значительной мере развезены неправильные представления о советской действительности». Некоторые из них заявили, что они будут всюду говорить об увиденных ими достижениях советского народа в хозяйственном и культурном строительстве, о свободе верующих в СССР¹²⁹³.

Подобная активность Русской Церкви во многом являлась следствием целенаправленной политики группы архиереев во главе с председателем Отдела внешних церковных сношений митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом (Ротовым). Она пыталась всемерно расширять международные связи и завоевывать на Западе ключевые позиции с целью упрочения положения Церкви внутри страны и прекращения антирелигиозных акций в СССР. Эти архиереи стремились поставить советские власти в такое положение, чтобы они для успеха своей внешней политики и поддержания престижа нуждались в Русской Церкви и были вынуждены считаться с ней.

При этом указанным архиереям приходилось на различных международных форумах категорически отрицать какое-либо ущемление прав верующих в СССР. В середине 1960-х гг. на соответствующий упрек архиепископа Василия (Кривошеина) митрополит Никодим ответил: «Я тоже могу дать интервью о положении Церкви у нас, которое прогремело бы на весь мир, но я этого не сделаю, потому что это не на пользу Церкви, только ей повредит. Более того, я знаю, что могу войти в историю запятанным, и это мне безразлично, но я готов на это идти ради блага Церкви. Другого пути нет». Впрочем, в последние годы своей жизни митрополит перестал отрицать преследование верующих в СССР, в особенности в довоенный период (до 1941 г.)¹²⁹⁴

Владыка Никодим был сторонником сближения христиан, особенно католиков и православных. Существуют свидетельства, что первоначально с целью оказать давление на советское руководство он пытался опереться на православных Восточных Патриархов, но эти расчеты не оправдались. В дальнейшем митрополит Никодим сделал в этом плане «ставку» на Ватикан, который имел гораздо больший авторитет и влияние в мире. В беседе с канадским историком Д.В. Поспеловским Владыка однажды заявил: «В нашем современном мире агрессивного атеизма различия между христианами гораздо меньше того, что объединяет их в противостоянии материализму и атеизму, и мы должны подчеркивать нашу общность, а не противоречия»¹²⁹⁵.

Следует отметить, что надежды митрополита Никодима на поддержку Ватикана имели определенные основания. В конце 1960-х гг. руководство Католической церкви рассчитывало, что события в Чехословакии, Китае заставят советские власти пойти на некоторые уступки. Так, близкий к Римскому Папе кардинал Й. Виллебрандс в беседе с одним из иерархов Московской Патриархии уверял, что Ватикан «в конечном счете добьется изменения Конституции СССР в части, касающейся религии, и это является одной из главных задач Ватикана в будущих контактах с Советским Союзом». При этом он добавил, что «речь идет не только о провозглашении в СССР права на свободу религиозной пропаганды наравне с атеистической, но и о предоставлении церкви материально-технических возможностей неограниченной пропаганды религий»¹²⁹⁶.

Советское руководство, ранее возлагавшее большие надежды на использование в своих целях «красного папы» Иоанна XXIII, постепенно начало ужесточать свое отношение к Ватикану. 18 января 1965 г. В. Куроедов, сообщая в ЦК КПСС об итогах третьей сессии II Ватиканского Собора, отметил, что наблюдателям Московской Патриархии уделялось на ней большое внимание, и в ряде случаев официальные лица Ватикана стремились предварительно консультироваться с ними. В целом же сессия, по мнению Куроедова, «показала, что папа Павел VI отходит от своих первоначальных обязательств — продолжать политический курс своего предшественника Иоанна XXIII, он все чаще начинает поддерживать консерваторов и этим вызывает недовольство либералов, составляющих большинство участников Собора... Мы полагаем целесообразным продолжать контакты русской православной церкви с Ватиканом, используя их для поддержки левых католических сил в борьбе за мир и в этой связи считаем полезным направить наблюдателей Московской Патриархии на IV сессию Собора»¹²⁹⁷. В заключительных заседаниях и церемонии закрытия Собора 30 ноября — 8 декабря 1965 г. участвовал митрополит Никодим.

В конце 1960-х — 1970-х гг. отношение правительства СССР к Ватикану продолжало становиться все более настороженным. Этому способствовало выдвижение руководством Римско-Католической Церкви весной и летом 1968 г. ряда требований — о возвращении в Чехословакию на свои приходы 1500 священников, отстраненных за «антисоциалистические выступления», возобновлении деятельности ранее закрытых в этой стране монастырей, ликвидации препятствий для религиозного воспитания детей. Относительно СССР Папа выдвигал вопросы расширения сети костелов, создания новых епархий, назначения в Москву представителя Ватикана, который мог бы управлять всеми католическими приходами Советского Союза.

В январе 1970 г. посольство СССР в Италии сообщало в своей аналитической записке в Совет по делам религий о том, что Ватикан стремится добиться от правительств социалистических стран максимальных уступок, способствующих сохранению церковных привилегий и обеспечивающих деятельность по расширению влияния Католической Церкви. Соответствующие попытки заключить прямые договоры с правительствами социалистических стран удалось только в отношении Югославии и Венгрии. В то же время посольство отмечало, что Ватикан проявил осторожность после ввода войск в Чехословакию, и объективно эта позиция «оказалась для нас выгодной», «правым кругам»

не удалось добиться от Папы оценок чехословацких событий, имевших антисоветский характер¹²⁹⁸.

В свою очередь КГБ в начале 1971 г. сообщал в ЦК КПСС, что Ватикан готовит «решающее наступление на атеизм» и реализацию так называемого «плана церковной политики расшатывания Советского Союза», который его Секретариат разработал еще в 1968 г. План предусматривал выделение трех зон (Москва, Прибалтика и Кавказ) и основных групп населения (верующие, интеллигенция и студенчество), на которые предполагалось оказывать идеологическое воздействие в первую очередь, а также распространение религиозной пропагандистской литературы и ее засылку в СССР с целью «возбуждения недоверия у советских людей к партийному и административному аппарату».

КГБ ожидал приезда в СССР эмиссаров Ватикана под видом интуристов. В 1969 г. в московских и ленинградских вузах уже было выявлено несколько иезуитов, прибывших в СССР в качестве стажеров. Целями их пребывания являлись: установление контактов с духовенством, представителями интеллигенции и молодежи, «непосредственное изучение и обработка отдельных руководителей РПЦ», сбор политической информации о преследовании верующих в СССР, миссионерская деятельность. Начальник V управления КГБ Бобков подчеркивал: «Особый интерес представляет стремление Ватикана и ордена иезуитов к альянсу с РПЦ. Они стремятся достичь с нею единства действий, положить конец верноподданническому характеру этой церкви и превратить ее снова в политический фактор противопоставления Советской власти»¹²⁹⁹.

В связи с этим КГБ сконцентрировал свое внимание на нелояльной части католического и униатского духовенства. Особую тревогу спецслужб вызывала пропаганда националистических взглядов на Украине: «Униаты проводят мысль об особом значении своей церкви в жизни украинского народа». Униатское духовенство пыталось убедить верующих, что их Церковь имеет самостоятельную историю, независимую от Русской Церкви. КГБ считал, что целью распространения этих идей была легализация Греко-Католической Церкви на Украине. Бобков отмечал, что униатское духовенство провоцирует верующих на различные выступления: письма в руководящие инстанции, захват закрытых ранее, но не освоенных под хозяйственные нужды церковных зданий, попытки создания нелегальных монастырей и курсов по подготовке священников. Поэтому внутри страны КГБ основное внимание уделял выявлению и пресечению деятельности «реакционно-настроенного католического и униатского духовенства и монашествующих элементов», которая рассматривалась как антиобщественная и антинародная. На основании материалов КГБ прокуратура привлекала к уголовной ответственности руководителей униатского духовенства, наказывала в административном порядке активных мирян униатов. Полученные при этом материалы были использованы для компрометации Греко-Католической Церкви и ее руководителей. Эти мероприятия резко ограничили деятельность «униатского подполья».

Констатируя усиление антисоветской пропаганды со стороны Ватикана и противозаконных действий «главарей бывшей униатской церкви», КГБ в еще 1969 г. разработал план мероприятий по противодействию и пресечению этой деятельности. В августе 1970 г. Комитет информировал ЦК КПСС, что «в ходе выполнения данных мероприятий агентуре органов госбезопасности удалось занять личные подходы к папе Павлу VI и его ближайшему окружению». На них оказывалось «выгодное воздействие», и «продвигались» специально подготовленные материалы, в которых подчеркивалась мысль о том, что враждебные акции со стороны Ватикана и его центров (особенно эмигрантских) против СССР усугубляют положение верующих и духовенства в стране и мешают, в частности, установлению более тесных взаимоотношений между Русской Православной и Римско-Католической Церквями¹³⁰⁰.

«Ватиканская операция» КГБ включала публикацию статьи в декабре 1969 г. в «Литературной газете» под названием «Не упоминайте имя Христово всуе», цель ко-

торой — разоблачение подрывных акций Ватикана. Статья имела резонанс в итальянской прессе, которая активно комментировала ее публикацию. После этого, по мнению КГБ, Ватикан ввел контроль за содержанием своих радиопередач на языках народов социалистических стран и запретил включать в них политические комментарии. Папа Павел VI не поддержал также принятое в 1969 г. решение Синода зарубежных униатских епископов о создании Киевско-Галицкого Патриархата во главе с кардиналом Иосифом Слипым. Тогда же Ватикан дал согласие на посвящение в сан епископа двух католических священников из Литвы, кандидатуры которых были согласованы с государственными органами власти этой республики¹³⁰¹.

Источниками информации КГБ о религиозной ситуации в других странах служили некоторые религиозные деятели, которые часто не назывались даже в секретной информации для ЦК КПСС. Таким способом в 1968 г. было установлено, что «руководители Ватикана выражают опасение, что активность церковников в ЧССР может повредить отношениям Ватикана с Москвой, так как позиция СССР по отношению к унии остается неизменной»¹³⁰².

Подводя итог своей деятельности, КГБ в 1971 г. докладывал ЦК КПСС, что в результате проведенных мероприятий удалось ограничить антисоветскую направленность пропаганды Ватикана, выявить некоторые его замыслы в отношении СССР, вызвать недовольство у его руководства позицией «главарей клерикальной эмиграции», снизить их активность по вмешательству в дела Римско-Католической и Греко-Католической Церквей в СССР и пресечь активную антиобщественную деятельность униатских группировок¹³⁰³.

Опасаясь намечавшегося объединения усилий Московской Патриархии и Католической Церкви в противостоянии антицерковным акциям советского руководства, власти приняли некоторые превентивные меры. Так, например, в Ленинграде 18 марта 1967 г. был арестован очень активный священник местного костела Ян Буткевич, поддерживавший тесную связь с митрополитом Никодимом. Якобы за хранение иностранной валюты ксендза 28 сентября 1967 г. приговорили к 7 годам лишения свободы¹³⁰⁴.

Следствием улучшения отношений Русской и Католической Церквей стало принятие 16 декабря 1969 г. Священным Синодом по инициативе митрополита Никодима «Определения», по которому католикам наряду со старообрядцами было дозволено причащаться в православных храмах. Римско-Католическая Церковь выпустила аналогичную энциклику в отношении православных несколько ранее. «Определение» Синода вызвало беспокойство у части священнослужителей и мирян, и Владыка Никодим был вынужден дать 17 марта 1970 г. разъяснение, в котором подчеркнул исключительный характер постановления: «Это может быть в тех случаях, когда последователи старообрядческого и католического исповеданий не имеют возможности обратиться к священнослужителям своих Церквей»¹³⁰⁵. Однако на практике Ленинградский митрополит заходил дальше, причащая католических западных туристов в своем кафедральном соборе (хотя в городе был костел), а однажды даже причастил всех присутствующих католиков на православной литургии, которую он отслужил в Ватикане во время своего очередного визита туда.

Уже в середине 1960-х гг. в Ленинградской духовной академии состоялось первое собеседование русских богословов с делегацией Римско-Католической Церкви, а в 1970-х гг. несколько молодых православных богословов в течение двух лет обучались в Духовных семинариях и институтах Ватикана, Парижа и Регенсбурга (ФРГ). Митрополит Никодим активно приглашал иностранных теологов читать лекции в Ленинградской академии, выводя таким способом русское богословие из изоляции. Но после смерти Владыки 5 сентября 1978 г. на аудиенции у новоизбранного Папы Иоанна-Павла I (который также вскоре скончался) произошло быстрое свертывание программы обмена: с 1979 г. не было ни одного православного аспиранта-богослова в Регенсбурге, а с 1981 г. и в Ватикане.

Выбор в начале 1979 г. Папой Римским поляка Иоанна-Павла II стал своеобразным шоком для советского руководства и вызвал некоторые изменения в его религиозной политике. В 1979 г. ЦК КПСС рассмотрел вопрос о мерах по противодействию политике Ватикана в отношении социалистических стран. В протоколе № 184 Секретариата ЦК содержалось предписание КГБ принять меры к публикации по специальным каналам за рубежом статей и материалов, которые должны были убедить Ватикан в нецелесообразности действий, способных обострить его отношения с социалистическими странами и осложнить положение в них Католической Церкви. В соответствующих статьях осуждали опасные тенденции в поведении Папы Иоанна-Павла II¹³⁰⁶.

В подготовленной для ЦК КПСС информационной справке, посвященной мерам противодействия Ватикану, заместитель председателя КГБ Г. Цинев отмечал активное использование религии в идеологической борьбе: «Политика Ватикана проводится с учетом своеобразия отдельных социалистических стран, в расчете на охват влиянием католической церкви различных слоев населения, прежде всего молодежи, и ориентирована на прямое вмешательство во внутренние дела социалистических стран. Руководство Ватикана настойчиво пытается оживить католицизм в ряде районов Советского Союза, в первую очередь — в Литве, Латвии, на западе Украины и Белоруссии. Иоанн-Павел II неоднократно обращался к католикам в СССР. Ватикан через радио и печать инспирирует и поддерживает действия нелояльных священнослужителей». Цинев рекомендовал, организуя противодействие этой политике, учитывать специфику положения католиков в различных социалистических странах и сложные процессы, происходящие в Римско-Католической Церкви, так как ряд ее деятелей выступал за разрядку международной напряженности: «Вовлечение католиков и Ватикана в процессы, действующие в пользу разрядки, позволяет расширить фронт сторонников мира, объективно стимулирует и в самой католической церкви тенденции, которые работают против ее антикоммунизма»¹³⁰⁷.

Вскоре было принято беспрецедентное решение о цензурном запрете критики нового Папы в советской печати, который соблюдался около пяти лет. В этот период он был нарушен лишь однажды — в декабре 1979 г. появилась публикация, обвинявшая Иоанна-Павла II в поддержке оппозиционного польского профсоюза «Солидарность». Скандал дошел до председателя КГБ Ю.В. Андропова, который распорядился наказать виновных, после чего была опубликована положительная статья о деятельности Папы¹³⁰⁸.

В 1985 г. запрет на критику был снят. Причиной стала справка Совета по делам религий от 19 марта 1985 г. «об антисоциалистических, антисоветских действиях Ватикана», с которой были ознакомлены члены ЦК КПСС. В справке говорилось: «...О подрывных антисоветских и антисоциалистических действиях свидетельствует также изданная Ватиканом 3 сентября 1984 г. и одобренная папой Иоанном Павлом "Инструкция по некоторым аспектам теологии освобождения"... По существу Ватикан, выступая в поддержку империалистических кругов Запада, намеревается вести дело к дестабилизации обстановки в социалистических странах... В своем выступлении в г. Лурде папа вновь прибег к антисоциалистическим стереотипам, таким, как "попрание свободы совести в социалистических странах", "гонение на верующих"... Подрывная и подстрекательская деятельность Ватикана в очередной раз ярко проявилась во время визита папы в Канаду (9—20 сентября 1984 г.), вышедшего далеко за религиозные рамки и превратившаяся в открытую антисоветскую акцию... Руководство Ватикана намерено объединить отдельные антисоветские центры в Западной Европе, а имеющийся в них персонал активно использовать в пропагандистской кампании против СССР, с привлечением сил и средств массовой информации Запада»¹³⁰⁹.

Последовавшее охлаждение отношений с Римско-Католической Церковью привело к тому, что 29 июля 1986 г. Священный Синод Московского Патриархата отменил свое «Определение» от 16 декабря 1969 г. в отношении католиков.

С 1961 г. Московская Патриархия активно участвовала в деятельности Всемирного Совета Церквей (ВСЦ), постепенно укрепляя свои позиции в его руководящих органах. Правда, эта деятельность была осложнена чехословацкими событиями, что проявилось на состоявшейся в июне 1968 г. IV Ассамблее ВСЦ в г. Упсала (Швеция). Как отмечал в своем упоминавшемся июльском 1969 г. докладе В. Куроедов: «Представителям религиозных организаций СССР и социалистических стран пришлось предпринять много усилий, чтобы помешать попыткам реакционных кругов пересмотреть ранее выработанные ВСЦ положительные документы, но полностью этого сделать не удалось». 28 августа 1968 г. генеральный секретарь ВСЦ Ю.К. Блейк, председатель ЦК М.М. Томас и два его заместителя подписали заявление о положении в Чехословакии, в котором говорилось об интервенции и военном вмешательстве во внутренние дела ЧССР правительств пяти стран Варшавского договора¹³¹⁰.

Деятельность Всемирного Совета Церквей живо интересовала КГБ. В ходе работы IV Ассамблеи ВСЦ заместитель председателя Комитета Цвигун сообщал в ЦК КПСС, что органы госбезопасности «принимали меры по срыву замыслов» некоторых представителей западных религиозных организаций с целью «использовать трибуну ассамблеи во враждебных социалистическим странам целях», продвижению «выгодных решений» по обсуждаемым вопросам и укреплению позиций «прогрессивных сил» в руководстве ВСЦ. Наблюдая за подготовкой Ассамблеи, сотрудники КГБ обратили внимание на то, что руководство ВСЦ, используя материальную зависимость от него Церквей Азии, Африки и Латинской Америки, воспрепятствовало приезду в Упсалу некоторых прогрессивных деятелей из этих стран. В ходе самой Ассамблеи представители Запада стремились не допустить широких дискуссий по таким проблемам, как агрессия США во Вьетнаме и Израиля против арабских стран.

До сведения ЦК КПСС доводилось, что, «несмотря на активное противодействие представителей Запада, в итоговых документах ассамблеи удалось провести линию по осуждению агрессивных действий США и Израиля. Были сорваны также попытки избрать на посты председателя Центрального комитета ВСЦ и его заместителя враждебно настроенных к СССР лиц». В состав ЦК вошло 9 представителей Русской Православной, Армянской Церквей и Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов (вместо прежних 5). Особо отмечалось, что к Ассамблее 1968 г. повышенный интерес проявил Ватикан, направивший на нее 15 своих наблюдателей (на предыдущей Ассамблее их было только 3), которые принимали активное участие в работе почти всех секций. Несмотря на то что Католическая Церковь не являлась членом организации, ее представители были избраны постоянными членами некоторые органы ВСЦ¹³¹¹.

Сотрудники КГБ были информированы и о содержании бесед участников Ассамблеи: «В беседах с делегатами РПЦ католические деятели заявили, что отношения между Ватиканом и ВСЦ будут углубляться, но вопрос об официальном вступлении католической церкви в ВСЦ пока остается открытым.. Касаясь обстановки в ЧССР, они отметили, что Ватикан обеспокоен тем обстоятельством, что униаты там слишком открыто выступают против православного духовенства. Поэтому сейчас им принимаются меры к сглаживанию этого конфликта. Ватикан считает, что возвращение в настоящее время в СССР кардинала Берана пользы не принесет.. Представители Ватикана всячески подчеркивали свое благожелательное отношение к делегации РПЦ». Не ускользнули от внимания КГБ и конфликтные ситуации в ходе работы Ассамблеи: «С нападка на Советский Союз на ассамблее выступили делегаты из Норвегии и Филиппин. Им был дан отпор представителями РПЦ. Эмигранты из прибалтийских республик предпринимали попытки организовать пикетирование у здания, где проходили заседания, но эта затея не получила широкого резонанса и по существу провалилась»¹³¹².

Проявившийся на IV Ассамблеи конфликт был недолгим. В ВСЦ имелось немало леворадикально настроенных религиозных деятелей, разделявших идеи модного тогда

на Западе так называемого «богословия освобождения», в определенной степени оправдывающего терроризм в Африке и Латинской Америке. Следует отметить, что долгое время представлявший Русскую Церковь в экуменическом движении Владыка Никодим относился к нему отрицательно, открыто выступал он и против увлечения ВСЦ социальными декларациями, пожертвованиями в пользу родезийских партизан и т.п.¹³¹³.

По свидетельству архиепископа Василия (Кривошеина), «митрополит Никодим был решительным противником столь модного на Западе в “прогрессивных” католических и протестантских кругах синтеза между христианством и марксизмом, всякого “христианского атеизма”, богословия “смерти Бога” и т.д. Диалог между марксизмом и христианством он отвергал, считая его нечестным взаимным обманом. Об этом он открыто говорил на Пятой ассамблее Всемирного Совета Церквей в Упсале в 1968 году и во многих других местах на Западе... Менее была определена позиция митрополита Никодима по отношению к модному на Западе в экуменических кругах “богословию революции”. Во всяком случае, с его ведома и одобрения на разных экуменических встречах (например, в Утрехте в 1972 году и в Упсале в 1968 году) в одной комнате заседали представители нашей Церкви из комиссии “Вера и церковный строй”, защищая традиционные православные богословские и духовные тезисы, а в соседней комнате — другие представители нашей же Церкви развивали, совместно с западными “леваками”, революционно-богословские и “освободительные” теории... Но насколько за это лично ответственен митрополит Никодим, я сказать не могу»¹³¹⁴.

В целом же представители Московского Патриархата в ВСЦ стремились отстаивать православную точку зрения, отказываясь от различных западных модернистских течений и защищая самостоятельность, самобытность отдельных конфессий. Они считали опасной иллюзией некоторых деноминаций мнение, что ВСЦ может достичь такой степени сближения Церквей, что превратится в будущем в некую экуменическую «сверхцерковь». В частности, 16 декабря 1969 г. Священный Синод по докладу митрополита Никодима об участии русских священнослужителей летом в Кентербери в работе Исполнительного, Центрального и Структурного комитетов ВСЦ принял «Определение»: «Представителям Московского Патриархата во Всемирном Совете Церквей, и особенно в Центральном Комитете и в Комиссии “Вера и церковное устройство”, надлежит последовательно противопоставлять увлечению некоторых представителей Церквей “модерными” течениями в богословии учение древней неразделенной Церкви Христовой...»¹³¹⁵

В 1968 г. представители Московского Патриархата присутствовали в качестве наблюдателей на Ламбетской конференции епископов Англиканской Церкви; в рамках ВСЦ в 1964, 1967 и 1970 гг. участвовали в консультациях с богословами нехалкидонских Церквей и т.д. В августе 1966 г. делегацию Московского Патриархата на заседании в Белграде Межправославной комиссии по подготовке диалога с англиканами возглавлял архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин). После окончания заседания он в интервью русской службе Би-би-си на вопрос о положении Церкви в Югославии и СССР ответил: «Громадная разница. Никакого сравнения с СССР. То, что я видел в Югославии, в смысле свободы Церкви, просто невысказано в современной России». Это вызвало упреки со стороны митрополита Никодима, но никаких отрицательных последствий для Владыки Василия не имело¹³¹⁶.

Активное участие Московской Патриархии в деятельности ВСЦ вызывало негативное отношение у части священнослужителей и мирян. Так, в адрес Патриаршего Местоблюстителя митрополита Пимена и Комиссии по подготовке Поместного Собора 1971 г. 26 апреля было передано послание священника Николая Гайнова и мирян Ф. Карелина, Л. Регельсона, В. Капитанчука с просьбой образовать особую богословскую комиссию для расследования учения митрополитов Никодима (Ротова), Иоанна (Вендланда), архиепископа Николая (Юрика), протоиереев Ливерия Воро-

нова и Виталия Борового о якобы расширенном понимании ими экуменизма и об «оцерковлении» социализма.

Послание не осталось незамеченным, в частности, митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд) 4 мая 1971 г. написал оправдательное письмо в Комиссию по подготовке Собора: «Но если нам предлагают казуистические обвинения в том, что мы вводим в Церковь новое, якобы не православное учение, то этим обвинением наносят нам, борющимся за мир, раны, и притом в спину, из своих же рядов. Мы, православные, держим православие и не хотим внести в Церковь какое-то иное учение. Я не думаю, что богословская сторона нашей борьбы за мир заслуживала бы соборной дискуссии. Лично на меня подача местоблюстителю вышеназванными авторами довольно сложных вопросов за месяц до открытия Собора производит впечатление попытки запутать Собор и отвести его от прямой задачи совершить еще одну ясную и благородную акцию нашей церкви в борьбе за мир, акцию соборного церковного волеизъявления»¹³¹⁷. Дискуссии по данному вопросу на Поместном Соборе не было. Во второй день его работы — 31 мая 1971 г. митрополит Никодим выступил с докладом «Экуменистическая деятельность Русской Православной Церкви», и эта деятельность была одобрена.

Решения Собора об одобрении определения Священного Синода от 10 апреля 1970 г. о даровании автокефалии Православной Церкви в Америке и автономии Японской Православной Церкви подвели итог целому этапу отношений Московского Патриархата с русской православной диаспорой. В середине 1960-х гг. патриархат имел 120 приходов в 16 капиталистических странах, в том числе 30 в Западной Европе. Вокруг них объединялась наиболее лояльная часть русских эмигрантов и членов их семей, многие из которых были гражданами Советского Союза. В этих общинах, помимо религиозной жизни, проводилась работа с верующими, особенно с молодежью, по ознакомлению с жизнью в СССР и по поддержанию у них патриотических чувств к Родине. Советские органы власти отводили приходам Московского Патриархата важную роль в «борьбе с белоэмигрантскими, антисоветскими, церковными группировками, а также в разоблачении клеветнических измышлений о гонениях на религию в нашей стране». Отбор кандидатур священнослужителей для работы за рубежом являлся сферой совместной деятельности КГБ и Совета по делам религий. Учитывая «полезную работу» за границей направляемого из СССР духовенства, а также благоприятные возможности для расширения и активизации приходов Московского Патриархата в некоторых странах, Совет и КГБ в 1970 г. ходатайствовали перед ЦК КПСС об увеличении «зарубежного контингента» духовенства из СССР, что и было в дальнейшем сделано¹³¹⁸.

В этот период предпринимались последние активные действия по переводу русских эмигрантских приходов в свою юрисдикцию. В 1965 г. удалось убедить Константинопольского Патриарха Афинагора предложить находившемуся в его юрисдикции Западно-Европейскому экзархату самостоятельно решать дела со своей Матерью-Церковью. Однако экзархат провозгласил себя временно автономной Православной Церковью Франции. В свою очередь Московский Патриархат предпринял явно недостаточные усилия по переводу этой «Церкви» в свою юрисдикцию. А после смерти Владыки Афинагора и интронизации нового Патриарха Димитрия русские приходы во Франции были в 1971 г. снова приняты под Вселенский омофор, но уже не в качестве экзархата, а просто как русская епархия с внутренней самостоятельностью¹³¹⁹.

Подобные же попытки под давлением Совета по делам религий предпринимались в отношении приходов Зарубежной Русской Православной Церкви. Они также не имели успеха. В «Решениях» Поместного Собора 1971 г. еще говорилось: «Поручить Высшей Церковной власти Русской Православной Церкви продолжать усилия по воссоединению с Матерью-Церковью так называемых “Русской православной Церкви Заграницей” (карловацкий раскол) и “Украинской Автокефальной Православной Церкви Заграницей” и других рассеянных ее чад, ...осуществить в ближайшее время

необходимые канонические санкции по отношению к... карловацкому расколу и его нераскаившимся последователям, дабы Церковь получила законное и ясное о нем определение и дабы ни у кого и никогда не возникало о сем никакого вопроса, и чтобы верные остерегались сих, производящих разделение и соблазны, и уклонялись от них»¹³²⁰. Но уже проявился и новый подход, так, в частности, митрополит Сурожский Антоний (Блум) призывал на Соборе к умеренности в отношении карловчан, в результате планировавшееся более резкое осуждение их не состоялось.

Переговоры с Русской православной митрополией в Америке о предоставлении ей автокефалии начались в 1968 г. Проходили они непросто. Но в итоге Патриарх Алексий I подписал соответствующий акт без предварительного возвращения митрополии в лоно Московского Патриархата. Особое соглашение Патриарший экзархат подписал в Северной Америке, включавший свыше 50 приходов. Их прихожане получили право присоединяться к Православной Церкви в Америке по решению большинства на общем собрании. Автокефалия была негативно воспринята Константинопольским Патриархом Афиногором. Он объявил, что только Вселенская Патриархия имеет право принимать подобные акты. До сих пор Православная Церковь в Америке не признана в качестве поместной автокефальной Церкви Восточными Патриархатами, хотя имеет многочисленную паству (около 600 приходов).

Помимо уже названных решений относительно международной деятельности Русской Церкви Поместный Собор 2 июня 1971 г. принял «Обращение к христианам всего мира», в котором их призывали «объединить свои усилия для предотвращения угрозы новой мировой войны, ...бороться за прекращение американского вооруженного вмешательства во внутренние дела народов Юго-Восточной Азии; добиваться отказа Израиля от экспансионной политики, ...содействовать освобождению народов Азии, Африки, Латинской Америки от гнета колониализма и расизма; сделать все от нас зависящее, чтобы Земля была очищена от оружия и особенно от оружия массового уничтожения...»¹³²¹ и т.д. Наконец Собор одобрил и признал большое значение деятельности Патриарха Алексия и Синода по развитию взаимосвязей с Поместными Православными Церквями.

Эти взаимосвязи заметно расширились в 1960-е — 1970-е гг. С 1961 г. Московская Патриархия участвовала в работе Всеправославных совещаний на острове Родос. А в 1968 г. подобное совещание, на котором рассматривались вопросы, связанные с подготовкой Всеправославного Собора, состоялось в Женеве. Особенное внимание Патриарх и Священный Синод уделяли отношениям с Восточными Патриархиями. Так, в ноябре 1965 г. в Бейруте торжественно был открыт госпиталь, построенный на средства Русской Церкви, в декабре 1969 г. греческие власти после многих лет отказов наконец разрешили монахам Московского Патриархата пополнить братию русского Пантелеимоновского монастыря на Святой горе Афон (туда приехало более 20 насельников) и т.д.¹³²².

Избранный 30 мая 1971 г. Патриархом Московским и всея Руси Пимен (Извеков), как никто из его предшественников, поддерживал активные связи с православным и инославным миром. Маршруты его поездок пролегли по многим странам Европы, Африки, Америки и Ближнего Востока. Гостями Русской Церкви были главы всех Православных поместных церквей, представители самых разных религиозных организаций. Очень важной была поездка 28 апреля — 25 мая 1972 г. в Египет, Сирию, Ливан, Израиль и Болгарию. Патриарх Пимен встретился с Предстоятелями Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской и Болгарской Православных Церквей. Особенно торжественный прием русской делегации был оказан в Сирии и Ливане. Патриарх Пимен встречался с президентами этих стран и был награжден высшим орденом «Ливанского кедра». Верховный муфтий Сирии Ахмад Кефтало в беседе с Первосвятителем высказался за совместные выступления мусульман и верующих всех других религий в борьбе против международного сионизма.

Лишь немногим более сдержанный прием был оказан в Египте. Здесь отчасти сказалась позиция Греции, имевшей сильное влияние на египетских православных. «Греческие власти, — заявил в доверительной беседе Патриарху Пимену Первоиерарх Александрийской Церкви, — требуют вообще ограничить наши связи с Москвой». Однако он согласился на открытие в Александрии подворья Московского Патриархата. При большом стечении верующих были организованы богослужения в Каире и Александрии, во время которых состоялись выступления Владыки Пимена. Делегация также встречалась с Патриархом Коптской Церкви Шенудой III и высокопоставленными мусульманскими деятелями, которые в беседах отмечали исключительное значение «моральной, материальной и другой помощи, оказываемой Египту Советским Союзом»¹³²³.

Особенно выделялось посещение Иерусалима. Впервые со времени египетско-израильской войны 1967 г. советский самолет приземлился в Израиле. Здесь Патриарха встретила демонстрация эмигрантов из СССР, упрекавших его за поддержку официальной советской политики и сокрытие правды о религиозных преследованиях на родине. Однако израильские власти предприняли меры для их пресечения, стремясь избежать невыгодного впечатления о своей стране. По оценке В.А. Куроедова, можно было даже «наблюдать заискивание перед делегацией из СССР», стремление создать видимость нормальной жизни нееврейских групп и их религий в Израиле. Патриарх Пимен был принят министром вероисповеданий и юстиции, имел встречи с губернатором и мэром Иерусалима. Эти лица в беседах с Первосвятителем стремились показать заинтересованность Израиля в нормализации отношений с СССР и, в частности, выражали готовность содействовать беспрепятственной деятельности в Иерусалиме Русской духовной миссии, видя в ней, по их выражению, «своеобразный мост для развития отношений с Советским Союзом»¹³²⁴. Таким образом, Патриарх в ходе своих поездок в страны Ближнего Востока зачастую выполнял и функции государственных дипломатических органов.

В октябре 1972 г. Первосвяtitель нанес визиты в Грецию, Румынию и Югославию. В Греции он был принят премьер-министром Г. Папандопуло, несмотря на то что ранее Московская Патриархия в письмах Элладскому Синоду осудила пришедшую к власти в стране военную хунту «черных полковников». Большое значение советское руководство предавало также визиту Патриарха Пимена в январе 1974 г. в Эфиопию. Согласно информационному отчету В. Куроедова в ЦК КПСС, делегации Русской Церкви «уделялось необычайно подчеркнутое внимание со стороны императора, правительственных органов и церковного руководства». Патриарх дважды был принят императором Хайле Селассие, имел встречи и беседы с премьер-министром и главой Эфиопской Церкви Абуной Теофилом. Как заявил последний — такой прием преследует цель продемонстрировать желание Эфиопии развивать дружеские отношения с Советским Союзом. Теофилос высказал озабоченность тем, что в СССР недооценивают всю глубину и искренность дружеских отношений к Советскому Союзу, придерживаются ошибочного мнения, что Эфиопия ориентируется на США. Кроме того, по просьбе императора он попросил довести до сведения руководителей СССР озабоченность поставками советского оружия Сомали. С целью дальнейшего развития контактов Патриарх пригласил Теофила нанести ответный визит в мае 1974 г.¹³²⁵

В 1970-е гг. продолжалась подготовка к Всеправославному Собору. В сентябре 1976 г. в Шамбези близ Женевы состоялось I Предсоборное Всеправославное совещание. На нем был уточнен каталог тем, которые предстояло обсудить на Соборе: «1) Православная диаспора; 2) Автокефалия и способ ее провозглашения; 3) Автономия и способ ее провозглашения; 4) Диптихи; 5) Календарный вопрос; 6) Препятствия к браку; 7) Приведение церковных требований о посте в соответствие с требованиями современной эпохи; 8) Отношение Поместных Православных Церквей к прочему христианскому миру; 9) Православие и экуменическое движение; 10) Вклад

Поместных Православных Церквей в торжество христианских идей мира, свободы, братства и любви между народами и устранение расовой дискриминации»¹³²⁶.

При обсуждении проекта тем выявились определенные разногласия. Так, только Московская и Антиохийская Патриархии предложили вместо параллельных епархий, связанных со своими национальными Церквями — в Америке, Западной Европе и Австралии, — создание новых территориальных автокефальных Церквей. Вселенская и Александрийская Патриархии продолжали декларировать право Константинополя на юрисдикцию над всеми православными приходами, находящимися за пределами установленных границ территориальной юрисдикции других Поместных церквей. Румынская же Патриархия выступала за то, чтобы епархии, созданные первоначально эмигрантами, навсегда сохраняли свою подчиненность тем национальным Церквям, из которых они произошли. Смягчению несколько напряженных отношений Московской и Вселенской Патриархий способствовал визит Первосвященителя Пимена в октябре 1977 г. в Константинополь и его встреча с Патриархом Димитрием I.

В экуменической деятельности в 1970-е гг. Русская Церковь по-прежнему стремилась к достижению трех основных целей: отстаивание приоритета Православия, что, в частности, проявлялось в подчеркивании «вертикальности» (духовности), свойственной ему в отличие от «горизонтальности» (социальной ангажированности, диаконии), характерной для Западных Церквей; поддержка советской внешней политики — борьба за мир, антиколониализм и т.п.; демонстрация «религиозной свободы» в СССР¹³²⁷.

Например, в «Обращении» Патриарха и Священного Синода к ЦК ВСЦ по поводу Бангкокской конференции «Спасение сегодня» от 7 августа 1973 г. говорилось: «Почти исключительное подчеркивание "горизонтализма" в деле спасения на многих христиан, которым дороги священные традиции Древней Церкви, может производить впечатление, что в современном экуменизме нарождается новый соблазн стыдливости относительно благоговения о Христе Распятом и Воскресшем, Божией Силе и Божией Премудрости...»¹³²⁸

В ноябре—декабре 1975 г. состоялась V Генеральная ассамблея ВСЦ в Найроби (Кения). На ней митрополит Никодим (Ротов) был избран одним из президентов этой организации и оставался им вплоть до своей смерти в 1978 г. Хотя Владыка еще в 1972 г. по болезни подал в отставку с поста главы Отдела внешних церковных сношений и его сменил митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков), митрополит Никодим оставался самым влиятельным членом Отдела — с 1974 г. он помимо Ленинградской епархии окормлял и Западно-Европейский экзархат Московского Патриархата (прежний экзарх митрополит Антоний (Блум) подал прошение об освобождении его от этой должности по состоянию здоровья 21 февраля 1974 г., через три дня после того, как он служил в своем лондонском храме «молебен протеста» о диссидентах в связи с высылкой из СССР А.И. Солженицына, но это прошение было принято Синодом только 5 апреля, а митр. Никодим назначен экзархом 3 сентября).

В адрес V Ассамблеи поступило письмо священника Глеба Якунина и физика Льва Регельсона от имени преследуемых верующих в СССР. Авторы призывали ВСЦ публично молиться за узников совести, выносить совместные протесты, требуя открытия храмов, издания Священного Писания в достаточных количествах и т.д. Глава делегации Московской Патриархии митрополит Ювеналий выступил с опровержением письма, но сам факт открытого обсуждения ВСЦ преследования религии в СССР имел немаловажное значение. Воодушевленный тем, что на Ассамблее некоторые протестантские деятели впервые выступили с протестами против преследования верующих в СССР, архиепископ Василий (Кривошеин) отправил Генеральному секретарю ВСЦ, пастору Поттеру, письмо, в котором выразил свое сочувствие этим выступлениям и просил поддержать эту акцию¹³²⁹.

Приводимые на V Ассамблеи факты подавления религиозной жизни в Советском Союзе и целый ряд других обстоятельств и итогов ее работы вызвали достаточно рез-

кую критику руководства Московского Патриархата. Патриарх Пимен и Священный Синод 3 марта 1976 г. приняли специальное послание ЦК ВСЦ, в котором говорилось: «...опасностью, серьезно угрожающей христианскому единству и будущности экуменического движения после Найроби, является питаемая некоторыми участниками экуменического движения иллюзия, что Всемирный Совет Церквей будто бы может достичь такой степени экуменического сближения своих Церквей — членов, что одна из будущих его Генеральных Ассамблей превратится во Всехристианский Собор. Думать так — значит предполагать, что Всемирный Совет Церквей может в будущем стать некоей «сверхцерковью»... Православная Церковь не может присоединиться к позиции протестантского большинства, допускающего возможность женского священства, нередко выражающего свое отношение к этой проблеме в чуждых Божественному Откровению секулярных категориях... Нас также удивляет то обстоятельство, что все основные доклады на Ассамблее были представлены ее протестантскими участниками, в силу чего не был услышан голос православных в представлении и раскрытии основной темы Ассамблеи «Иисус Христос освобождает и объединяет»... Вместе с тем была сделана попытка... как бы подменить голос делегации Русской Православной Церкви мнением церковных диссидентов, находящихся в напряженных отношениях с церковной властью и в отчуждении от настроения подавляющего большинства членов Церкви... На Ассамблее наблюдались также попытки дискредитировать наше Отечество в глазах африканского и мирового общественного мнения как государство, где права человека будто бы не имеют возможности получить полного выражения...»¹³³⁰

Под давлением Совета по делам религий Московская Патриархия в это время выступила активным участником и инициатором проведения ряда международных миротворческих форумов. Так, в октябре 1970 г. она участвовала в работе Всемирной конференции религиозных деятелей в защиту мира в г. Киото (Япония), а в июне 1977 г. организовала проведение в Москве Всемирной конференции «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами». Неслучайно во время правительственного приема по случаю празднования 60-й годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1977 г. в Кремлевском Дворце съездов генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев поблагодарил Патриарха Пимена за миротворческую деятельность, сказав о сложности международной обстановки и необходимости усилий для сохранения мира. После рассказа на этом приеме Патриарха председателю Совета Министров А.Н. Косыгину о своей недавней поездке в Болгарию, последний заверил, что его постоянно информируют о всех таких шагах и деятельности Церкви. Встреча закончилась провозглашением тоста в честь «великого праздника» и словами Косыгина о выражении радости, что его собеседники в «этот великий день» вместе встречают праздник¹³³¹.

Московская Патриархия публично поддержала и ввод советских войск в Афганистан. В заявлении Священного Синода от 20 марта 1980 г., в частности, говорилось: «Поэтому естественно, что правительство Афганистана, в соответствии с Советско-Афганским Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве и уставом ООН многократно обращавшееся к нашей стране за помощью в отражении агрессии извне, получило эту помощь. Мы, церковные люди, понимаем и разделяем причины, приведшие к этому шагу Советское правительство, и не считаем ни в какой мере оправданием использование событий в Афганистане как повод для раздувания недопустимой кампании по срыву проведения в Москве Олимпийских игр 1980 года». В заявлении также осуждались решения о размещении в Западной Европе ядерного оружия среднего радиуса действия и замораживание администрацией президента США ратификации договора ОСВ-2¹³³². В этом же ключе были составлены заявление Патриарха Пимена о необходимости разоружения, зачитанное им в 1982 г. в Нью-Йорке на Генеральной Ассамблее ООН, и открытое письмо 1983 г. Первосвященителю Президенту США Р. Рейгану, опубликованное в газете «The New York Times» и некоторых других изданиях. Впрочем, в обстановке,

когда советское правительство вело войну в Афганистане, обращения Патриарха были в основном проигнорированы западными средствами массовой информации.

Дальнейшие сдвиги в 1970-е гг. происходили в отношении Московской Патриархии к русской православной диаспоре, она продолжала демонстрировать желание решить эту проблему. Так, Патриарх Пимен направил отличавшееся сдержанностью и умеренного тона приветствие III Собору Русской Православной Церкви за границей, проходившему в сентябре 1974 г. в г. Джорданвилле (США). В послании говорилось о том, что от Зарубежной Церкви не требуется заявления о лояльности СССР, административно-го присоединения к Московскому Патриархату или отказа от лояльности к странам, где живут чада РПЦЗ. Речь шла лишь о признании экклезиастической законности Московской Патриархии и разрешении общения клирикам и мирянам обеих Церквей. В заключении подчеркивалось: «Русская Православная Церковь ничего не имеет против своих чад, порвавших с ней... Без всякой гордости, однако, она почитает своим долгом напомнить тем из своих чад, которые вооружились на нее, что они вступили на дорогу духовных опасностей..., мы молим Бога, Благодатного и Всемилостивого, чтобы Он внушил всем не отвергать этого призыва к миру и любви...»¹³³³ Правда, ответная реакция руководства Зарубежной Русской Церкви была негативной.

В 1981 г. Владыку Ювеналия на посту председателя Отдела внешних церковных сношений сменил митрополит Минский и Белорусский Филарет (Вахромеев). Причиной стало не только относительно слабое здоровье Владыки Ювеналия, но и то, что, по мнению ряда духовных лиц, при нем «внешнеполитическая деятельность Русской Православной Церкви... стала менее эффективной, что также грозит постепенным ослаблением позиции Церкви внутри страны»¹³³⁴.

Кроме того, Владыка Филарет, до 1989 г. возглавлявший ОВЦС, был значительно осторожнее в заверениях в лояльности Советскому государству, избегая безоговорочного одобрения его социальной системы и идеологии. Хотя подобные заявления руководством Московского Патриархата время от времени все же по-прежнему делались.

Так, в своем слове после молитвы о мире 20 октября 1986 г. Патриарх Пимен обвинил американцев в неудаче переговоров руководителей СССР и США в Рейкьявике о сокращении ядерного вооружения. А в обращении глав и представителей Церквей и религиозных объединений в СССР к пастве по поводу 70-й годовщины Октябрьской революции, принятом на встрече в Троице-Сергиевой лавре 16 декабря 1987 г., говорилось: «С глубоким удовлетворением свидетельствуем, что процесс перестройки показывает положительное влияние также и на развитие жизни Церквей... Исключительно важное направление в нашей деятельности — служить углублению вовлеченности верующих в процесс перестройки»¹³³⁵. 30 декабря 1986 г. миротворческая деятельность Патриарха Пимена была отмечена вручением ему высшей награды Советского фонда мира — золотой медали «За укрепление мира».

Просоветские заявления архиереев Московского Патриархата, как и раньше, во многом объяснялись давлением органов власти. На Ассамблеи Всемирного Совета Церквей и Христианской мирной конференции в составе религиозных делегаций СССР, как правило, направлялось некоторое количество сотрудников КГБ из числа священнослужителей и технического персонала. Органы госбезопасности уделяли внимание и компрометации наиболее оппозиционно настроенных к Советскому Союзу руководителей религиозной эмиграции, отдельных представителей Запада в международных религиозных организациях, «продвигали» в руководящие органы последних лояльных религиозных деятелей из социалистических стран. С целью оказания на общественное мнение Запада «выгодного воздействия» в СССР приглашались деятели, занимавшие видное место в органах экуменического движения и Ватикана. Некоторые из них, возвращаясь на родину, выступали с заявлениями, разоблачающими «клеветнические утверждения западной пропаганды»¹³³⁶.

Влияние КГБ на международные религиозные организации и контроль за внешнеполитической деятельностью Московской Патриархии до конца 1980-х гг. гарантировали использование религиозного фактора в интересах внешней политики Советского государства в условиях холодной войны, так как с церковных позиций на международных религиозных форумах обсуждались и важные политические вопросы: запрещения испытаний термоядерного оружия, всеобщего разоружения, расовой дискриминации и т.п.

Однако в канун празднования 1000-летия Крещения Руси начали проявляться первые признаки освобождения международной деятельности Московской Патриархии от жесткого контроля государственных структур. В декабре 1987 г. в состав советской делегации, сопровождавшей М.С. Горбачева во время его поездки в США, были включены представители Церкви. И в послании, подписанном в ходе визита митрополитом Филаретом (Вахромеевым) и генеральным секретарем Национального Совета Церквей Христа в США А. Брауэром впервые содержалась осторожная критика правительства СССР, делалась попытка размежевания политики и роли Церкви и государства. В нем оба правительства упрекались в распространении оружия, продаже его в другие страны и с благодарностью утверждалось, что периодические эскалации «напряженности между двумя правительствами» не влияли на добрые христианские отношения между Церквями США и СССР¹³³⁷.

По предложению своего отдела международных связей Совет по делам религий в марте 1988 г. увеличил в связи с предстоящим юбилеем Крещения Руси смету расходов Московской Патриархии до 2 млн инвалютных руб. (в 1987 г. — 1, 6 млн.). Издательскому отделу Московской Патриархии разрешили получить в качестве дара от Евангелической Церкви ФРГ 500 тысяч экземпляров «Православного молитвослова» на русском языке. Одновременно было разрешено получить в качестве дара от европейских религиозных организаций другую духовную литературу, бумагу и материалы для ремонта культовых зданий¹³³⁸.

В предъюбилейное время были проведены три международных научно-богословских конференции: в Киеве (июль 1986 г.), Москве (май 1987 г.) и Ленинграде (февраль 1988 г.). Торжественное празднование 1000-летия Крещения Руси способствовало росту престижа Московской Патриархии. На юбилейные торжества, проходившие в Москве с 5 по 12 июня, съехались члены Поместного Собора и 517 почетных гостей, среди них Патриархи Антиохийский, Иерусалимский, Болгарский и Грузинский, главы Кипрской, Польской, Чехословацкой и Американской Православных Церквей, общественные и политические деятели многих стран мира. 7 июня митрополит Филарет зачитал на заседании Собора доклад «Внешние связи Русской Православной Церкви». В нем был дан обзор взаимоотношений Русской и других Православных Церквей во втором тысячелетии христианской истории. Значительная часть выступления уделялась экуменической деятельности Московской Патриархии. В тот же день с докладом о миротворческой деятельности в 1970-е — 1980-е гг. выступил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий.

8 июня члены Собора приняли «Обращение к чадам, не имеющим канонического общения с Матерью-Церковью», составленные в духе примирения и христианской любви. В нем говорилось: «Заверяем вас, что никоим образом мы не хотим стеснить вашу свободу, ни получить господство над наследием Божиим (1 Пет. 5: 3), но всем сердцем стремимся к тому, чтобы прекратился соблазн разделения между единокровными и единовверными братьями и сестрами, чтобы мы все могли в единомыслии единым сердцем возблагодарить Бога у единой Трапезы Господней.. Мы не перестаем надеяться на то, что средостение недоверия будет упразднено благоразумием, и восторжествует между ними мир Божий...»¹³³⁹ 9 июня в заключительный день Собора были приняты «Обращение ко всем христианам мира» и «Заявление по насущным проблеме современности».

Начавшийся в 1988 г. процесс освобождения Русской Церкви из-под усиленного контроля государственных структур, постепенного обретения самостоятельности сопровождался нарастающими процессами внутреннего нестроения (идушими параллельно с начинавшимся распадом страны), что самым непосредственным образом отражалось и на международной деятельности. Прежде всего это касалось чрезвычайно острой ситуации в западных областях Украины. В поисках взаимоприемлемого решения униатского вопроса руководство Московского Патриархата активизировало контакты с Ватиканом, 26 августа 1989 г. произошла встреча делегации Священного Синода с Папой Римским Иоанном-Павлом II в его резиденции в г. Костель-Гандольфо. Делегация передала личное послание Патриарха Пимена, содержащее предложения по урегулированию униатской проблемы. При этом данный вопрос был представлен в качестве основного препятствия в развитии отношений не только между Русской, но и всеми Православными Церквями и Ватиканом. Однако реакция Папы оказалась весьма «прохладной». Он заявил о законности существования католических церквей восточного обряда на Украине и указал, что предложение Русской Церкви якобы разрушит существующие традиции. При этом Иоанн-Павел II высказал убеждение, что в результате перестроечных процессов униатская проблема «разрешится сама собой»¹³⁴⁰.

В желательном для Ватикана смысле судьба украинских греко-католиков была решена в результате встречи М.С. Горбачева с Папой Римским 1 декабря 1989 г. В ходе этого визита было принято решение наладить дипломатические отношения между СССР и Ватиканом. Иоанна-Павла II пригласили посетить Советский Союз¹³⁴¹. В тот же день председатель Совета по делам религий Украины заявил о том, что униатские общины отныне будут регистрироваться на тех же основаниях, что и другие признанные государством религиозные общины, добавив, что данное решение было принято еще 24 ноября 1989 г.

Историк М.И. Одинцов в связи с этим справедливо заметил: «Можно предполагать, что, побывав в начале декабря 1989 г. с официальным визитом в Ватикане и встретившись с папой Иоанном-Павлом, Горбачев “сдал” униатский вопрос, согласившись на самый невыгодный для СССР сценарий обретения греко-католиками свободы... В западных областях Украины начался “обвал” русского православия»¹³⁴².

После этого руководство Русской Церкви попыталось заключением соглашения с Ватиканом снизить остроту проблемы. 12—17 января 1990 г. в Москве прошла встреча делегатов Московского Патриархата и Святейшего Престола. В принятых на ней рекомендациях по нормализации отношения между православными и греко-католиками на Западной Украине говорилось: «...чрезвычайно важно избегать всяких незаконных действий, особенно тех, которые сопровождаются насилием... Констатируя тот факт, что в ряде случаев приходские общины разделились, и каждая из групп... одинаково претендует на исключительное использование храма, мы призываем обе части преодолевать взаимные претензии на основании закона, без вражды, ради достижения братского согласия, при уважении свободного выбора людей, без какого-либо давления»¹³⁴³.

Однако вскоре начали подтверждаться худшие опасения. Уже в телеграмме от 31 января 1990 г. Патриарх Пимен от имени Архиерейского Собора сообщил М.С. Горбачеву о «насильственных захватах православных храмов... при поддержке местных властей» и попросил «приостановить нарастание конфликта, могущего обернуться непредсказуемыми последствиями, ... способствовать немедленному прекращению актов насилия и беззакония со стороны униатских экстремистов»¹³⁴⁴.

7 марта в Киеве, а затем во Львове начала свою работу созданная в соответствии с январскими договоренностями четырехсторонняя комиссия с участием представителей Московского Патриархата, Ватикана, Греко-Католической Церкви и Украинского экзархата Русской Церкви. На ее заседаниях было принято решение о том, что в каждом селе и городе будут проводиться опросы населения с тайной подачей голосов по вопро-

су принадлежности их к той или другой Церкви, а православным возвращены храмы, захваченные у них насильно униатскими боевиками. Но к весне 1990 г. местные органы власти в западно-украинских областях уже оказались в руках националистов, которые стали передавать униатам все храмы, принадлежащие им до 1939 г., независимо от предпочтения прихожан. А 13 марта униатский архиепископ Львовский Владимир (Стернюк) заявил в комиссии, что он не согласен с ее действиями и покинул комиссию без объяснения причин.

Патриарх вновь обратился за поддержкой к президенту СССР М.С. Горбачеву, отправив ему 2 апреля письмо, в котором говорилось: «Считаем необходимым информировать Вас о серьезном осложнении обстановки в Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областях Украинской ССР в результате массированных экстремистских акций, осуществляемых националистическими элементами... мы просим советское правительство предпринять соответствующие действия, включая побуждение местных властей к строгому следованию закону и защите религиозных прав и человеческого достоинства граждан, исповедующих православную веру»¹³⁴⁵. Казалось бы, государство напрямую было заинтересовано в разрешении сложного и запутанного вопроса, поскольку религиозная проблема на Западной Украине давно уже переросла в проблему политическую. Однако реальной помощи оказано не было, президент СССР уже не контролировал происходившие на Украине политические процессы.

В этой ситуации руководство Московского Патриархата продолжило усилия по обновлению переговоров. 10—14 сентября в Москве вновь собрались представители четырех сторон. В принципе все они подтвердили признание принципов решения конфликта на Украине, принятых в январе 1990 г. Но когда Русская Церковь предложила решить два конкретных вопроса — о предоставлении православным архиереям Львова и Ивано-Франковска хотя бы по одному действующему храму, а также временному разрешении Львовскому епископу до строительства новой резиденции использовать старую, представители униатов категорически отказались. Делегация Ватикана их молчаливо поддержала. Переговоры снова зашли в тупик и на этом прервались. В октябре 1990 г. Священный Синод был вынужден сделать заявление в связи со складывавшейся ситуацией в отношениях с Католической Церковью: «К большому сожалению, жесткая позиция униатов, их отказ от какого-либо компромисса, лишили смысла все ранее согласованные пункты коммюнике. Поскольку делегация Ватикана ничего не могла противопоставить точке зрения украинских греко-католиков, то переговоры зашли в тупик... Сложившаяся ситуация переводит наши отношения в иную плоскость и ставит вопрос: насколько допустимо в этой ситуации продолжение богословского диалога...»¹³⁴⁶

Данная проблема обсуждалась и на проходившем 7—10 июня 1990 г. Поместном Соборе Русской Православной Церкви, созванном для избрания нового Патриарха. В его определениях говорилось: «Осуждая проявления насилия сталинского режима по отношению к греко-католикам и всякое вмешательство светских властей во внутрицерковную жизнь, Поместный Собор считает недопустимым возвращение к подобным же методам ныне в отношении к православным. История показала, что через государственное вмешательство, насилие, попрание законных прав верующих, как православных, так и униатов, невозможно решить проблему отношений между этими двумя общинами».

Значительное внимание участники Собора уделили и отношениям с Русской Православной Церковью за границей. С ярким словом по данному вопросу выступил архиепископ Смоленский Кирилл (Гундяев), с октября 1989 г. возглавлявший Отдел внешних церковных сношений. Он указал, что в отличие от карловчан у Московской Патриархии к ним претензий нет, и она не раз обращалась с предложениями обсудить проблемы, но на все инициативы не последовало никакого ответа. В определениях Собора подчеркивалось: «Благоприятные изменения в жизни нашей страны... открывают путь к урочению разделений с нашими единоверными соотечественниками за рубежом...

Но именно в этот момент епископат Русской Зарубежной Церкви, отвергая церковно-канонический путь примирения с Матерью-Церковью, предпринял шаги к сеянию смуты и нового раскола уже на территории нашей Родины среди православных чад Русской Православной Церкви...»¹³⁴⁷

В начале 1990-х гг. Московская Патриархия все еще продолжала миротворческую деятельность в интересах Советского государства, в частности, пыталась оживить работу Христианской мирной конференции. В июне 1990 г. Священный Синод принял определение по докладу председателя Комитета продолжения работы ХМК митрополита Киевского и Галицкого Филарета (Денисенко), в котором говорилось: «Учитывая необходимость проведения реформы христианского мирного движения в целях эффективности совета Христианской Мирной Конференции на вызовы нашего времени и успешного решения его специфических задач 90-х годов, выразить согласие с осуществлением неотложных структурных и организационных изменений в ХМК...»¹³⁴⁸ Но подобная деятельность уже отмирала.

1991 год принес еще большее ухудшение отношений с Ватиканом. В январе Папа Римский назначил пять католических епископов на Украину, помимо уже имевшихся там 10 униатских архиереев. А 13 апреля Папа направил еще трех католических епископов в Белоруссию, двух в Россию, в том числе впервые в Москву и одного в Казахстан. Здесь явно просматривалось стремление к активному прозелитизму. В результате Русская Церковь отказалась от участия в Ассамблее в Риме, так как «на ее канонической территории Римско-Католическая Церковь... создает параллельные миссионерские структуры»¹³⁴⁹.

СССР уже находился на грани распада, и Советское государство, переживавшее последние месяцы своего существования, ничем реальным помочь Русской Церкви не могло, да и не желало. Более того, оно очень неохотно допускало расширения свободы ее деятельности, особенно на международной арене. Однако Церковь во главе с новым Патриархом Алексием II твердо встала на путь достижения независимости от государственных структур и в этой сфере. В переломный момент истории России, трагических условиях распада страны, Русская Православная Церковь наконец приобретала возможность проводить свою, не навязанную извне политику.

Глава V

Государственно-церковные отношения в 1945—1964 гг.

§ 1. Временное «перемирие» 1945—1953 гг.

На 1945—1946 гг. пришелся пик в улучшении церковно-государственных отношений. И это объяснялось прежде всего острой заинтересованностью советского руководства в международной деятельности Московской Патриархии. В первые послевоенные годы государство сделало целый ряд значительных уступок, нарушающих закон 1929 г. Правда, и в данный период его религиозной политике явно недоставало последовательности. Изменения охватили не все существовавшие в СССР вероисповедания, по-разному проявлялись в союзных республиках (в Прибалтике, Средней Азии отношение к Русской Православной Церкви было гораздо более негативным). Московская Патриархия со своей стороны с окончанием войны всячески пыталась упрочить свое положение, используя расширившиеся возможности. Многие иерархи правильно оценивали ситуацию, сознавая, что, несмотря на все заверения властей, относительно благоприятные для них условия, вероятно, продлятся недолго.

10 апреля 1945 г. состоялась вторая и последняя встреча И. Сталина с руководством Русской Церкви — Патриархом Алексием, митрополитом Николаем (Ярушевичем), протопресвитером Николаем Колчицким. В ходе ее обсуждались прежде всего задачи Патриархии в области международных отношений. В свою очередь председатель СНК обещал поддержку планам церковного руководства. Именно эта встреча предопределила характер государственной религиозной политики в ближайшие два года. На ней шла речь даже о сооружении в Москве специального православного центра с дворцом, типографией, духовными учебными заведениями, свечным заводом и т.п.¹³⁵⁰

Правда, не все из данных обещаний были выполнены. И. Сталину пришлось учесть настроение большей части партийного и государственного аппарата, считавшей некоторые уступки чрезмерными. 22 мая 1945 г. Г. Карпов писал В. Молотову, предлагая поддержать просьбу Патриархии о выделении земельного участка в Москве для строительства здания (с резиденцией Первосвятителя, духовными учебными заведениями, мастерскими), утверждения его проекта и т.д. Уже был составлен текст постановления Совнаркома, но его так и не приняли¹³⁵¹.

Немного дальше продвинулось решение вопроса о создании церковной типографии. Еще 17 марта 1945 г. И. Сталин лично утвердил соответствующие предложения Совета по делам РПЦ, в мае даже вышло специальное распоряжение Совнаркома. Патриархия смогла приобрести полиграфическое оборудование, шрифты на четырех языках и с осени планировала начать выпуск Священного Писания, богословских трудов, церковных календарей¹³⁵². Однако здание для типографии выделено не было,

и оборудование много лет без употребления лежало на территории Новодевичьего монастыря.

Не оправдались и расчеты окружения Патриарха на открытие всех четырех до-революционных Духовных академий, семинарий чуть ли не в половине епархий, развертывание широкой миссионерской работы, хотя И. Сталин утвердил предложения Г. Карпова от 15 марта 1945 г. об организации при Синоде миссионерского совета и создании Богословско-пастырских курсов, кроме Москвы и Саратова, в Ленинграде, Киеве, Минске, Одессе, Луцке, Львове и Ставрополе¹³⁵³. В итоге не удалось осуществить даже, казалось бы, согласованное открытие Духовной академии в Киеве и семинарий во Львове и Вильнюсе. Так, действовавшая в период оккупации Вильнюсская православная семинария была закрыта по постановлению Совнаркома Литовской ССР. И когда 25 августа 1945 г. Г. Карпов написал В. Молотову о необходимости открыть в столице этой республики Богословско-пастырские курсы, заместитель председателя СНК, учтя мнение литовского руководства, наложил резолюцию: «Вы торопитесь, надо обдумать, как это отзовется на католической церкви, и т.п.»¹³⁵⁴

Но в целом руководство СССР в 1945—1946 г. все же старалось продемонстрировать благожелательное отношение к Московской Патриархии. Например, пять ее представителей получили приглашение присутствовать на июньском Параде Победы, причем их разместили вблизи иностранных дипломатов, чтобы, как сообщал Г. Карпов в правительство, обеспечить «благоприятное впечатление на заграницу»¹³⁵⁵. А вскоре Совнарком постановлением от 22 августа 1945 г. предоставил Патриархии, епархиальным управлениям, приходским общинам, вопреки ленинскому декрету 1918 г., ограниченное право юридического лица. Им разрешалось создавать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, открывать предприятия, осуществлять найм работников. Интересно, что до середины 1950-х гг. купленные представителями других конфессий здания считались национализированными и передавались лишь в пользование, а приобретенные православными общинами становились их собственностью. Благодаря указанному постановлению была получена возможность снова звонить в колокола¹³⁵⁶. Ведь некоторое время в стране существовала парадоксальная ситуация: в западных областях Украины, Белоруссии и на бывших оккупированных территориях РСФСР колокольный звон в храмах допускался, а на основной части СССР он был строжайше запрещен.

Важной проблемой являлось юридическое оформление существования монастырей (в основном открывшихся в период оккупации). В 1944—1945 гг. местные власти стали выселять монахов, конфисковать их земельные угодья и т.п. Однако это вызвало недовольство центра, в первую очередь из экономических соображений. Дело в том, что многие монастыри (в основном на Украине и в Молдавии) представляли собой зажиточные хозяйства. Они занимались земледелием, садоводством, ремеслами, различными промыслами. Только 24 молдавским обителям принадлежало 754 га пахотной земли, 230 га фруктовых садов и 116 га виноградников. По замыслу советского руководства, монастыри должны были кормить разоренную страну. Их приравнивали по нормам сдачи продуктов животноводства и земледелия к подсобным хозяйствам государственных предприятий и организаций. Помимо выполнения госпоставок монастырям приходилось также оказывать значительную помощь соседним колхозам и совхозам.

В результате функционирование обителей было узаконено постановлением СНК от 22 августа 1945 г., предписывавшим местным властям «впредь до особых указаний не препятствовать деятельности мужских и женских монастырей», сохранять их здания, землю, инвентарь, скот¹³⁵⁷. А согласно постановлению от 29 августа, обители освобождались от земельной ренты и уплаты налога со строений, монашествующие же — от

налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Как писали Г. Карпову его молдавские «коллеги», такая политика создавала «условия более быстрого восстановления монастырских хозяйств, и они могут стать культурными хозяйствами, будут давать государству немало хозяйственной продукции»¹³⁵⁸.

Но этого показалось мало. В сентябре 1945 г. Совет по делам РПЦ провел обследование 75 обителей. В заключении, сделанном по его итогам, говорилось о необходимости возвращения изъятых у монастырей после освобождения от оккупации земель, наделения ею безземельных обителей, выведения с монастырской территории государственных учреждений и предприятий¹³⁵⁹. Все указанные пожелания нашли отражение в постановлении Совета Министров «О православных монастырях» от 29 мая 1946 г., окончательно определившем их правовое и хозяйственное положение. Действительно, были возвращены не только изъятые земли, но и в ряде случаев выделены новые из госфонда — по 0,15 га на одного насельника, монастырям разрешили заниматься промыслами, организовывать мастерские и т.п. Всего за обителями закрепили около 2000 га, причем более 400 из них составляли новые земли. В то же время монастырям установили жесткие обязательства по натуральным поставкам сельхозпродукции¹³⁶⁰. Они были довольно высоки и особенно тяжелы для российских монастырей, вынужденных закупать на рынке продукты для сдачи их государству. Этот порядок просуществовал до середины 1950-х гг.

После нормализации положения монастырей, в 1946 г., Московской Патриархии были переданы часть помещений и храмов Троице-Сергиевой лавры, мощи преподобного Сергия Радонежского и некоторых других святых, ряд чудотворных икон из запасников музеев. Казалось, что за этим последуют новые уступки Церкви. 14 февраля 1947 г., когда еще сохранялись надежды на проведение Всеправославного Собора в Москве, Г. Карпов в своей докладной записке в ЦК ВКП(б) предлагал разрешить вопросы о миссионерской работе, передаче Патриархии всех помещений Троице-Сергиевой лавры, собора и двух корпусов в Новодевичьем монастыре, одной из типографий, храмов в Москве, Ленинграде, Киеве для организации подворий ряда Поместных Православных Церквей. Просил он и изменить порядок открытия храмов, так как местные органы власти всячески тормозили этот процесс. Г. Карпов считал, что им надо оставить лишь право высказывать свое мнение, а рассмотрение и окончательное решение вопроса предоставить Совету по делам РПЦ с последующим одобрением правительства¹³⁶¹. Но почти все его предложения, в конце концов, были отвергнуты.

21 мая 1947 г. в письме В.М. Молотову Г. Карпов уже сам рекомендовал не удовлетворять усиленные просьбы Московской Патриархии о передаче в храмы мощей святых Иоасафа Белгородского, Иннокентия Иркутского, Иоанна Тобольского, Иакова Боровичского и др.: «Относясь к передаче “мощей” отрицательно, поскольку это способствовало бы оживлению религиозного фанатизма и паломничества, а также увеличению доходов духовенства, Совет под благовидным предлогом оттягивал передачу “мощей” церквям»¹³⁶². Правда, приняв во внимание подготовку Всеправославного совещания, Совет Министров 9 июня издал распоряжение о разрешении перенесения мощей св. митрополита Московского Алексия в патриарший Богоявленский собор в Елохове. Последнее подобное разрешение на передачу мощей св. Анны Кашинской из музея в храм г. Кашина последовало в январе 1948 г.¹³⁶³

В конце концов, на не подвергавшейся оккупации территории советские власти разрешили открыть только одну обитель — Троице-Сергиеву лавру. Первая служба в Успенском соборе Лавры была совершена 19 апреля 1946 г. ее заместником архимандритом Гурием (Егоровым) и афонским старцем схиархим. Иларионом (Удодовым). В то же время далеко не все проживавшие с 1930-х гг. тайно монахи вернулись в

открывшиеся вновь обители. Так, например, в Харькове до своей смерти в 1950 г. проживал, нелегально окормляя духовных детей, бывший настоятель Киево-Печерской лавры архимандрит Клемент (Жеретиенко)¹³⁶⁴.

Уже в первое послевоенное десятилетие многие обители стали важными центрами духовности. Особую роль играла Троице-Сергиева лавра, как Патриарший ставропигиальный монастырь. Ее насельниками стали такие старцы, как упоминавшийся схимархим. Иларион, архимандриты Вениамин (Милов), Феодорит (Воробьев), Клавдиан (Моденов), Иоанн (Крестьянкин) и др. В стенах Лавры находились Московские духовные школы, в которых получила образование и воспитание значительная часть духовенства Русской Церкви. Существовали Духовные семинарии при некоторых других обителях — в Жировицах, Киеве и др. Целый сомн старцев был в Псково-Печерском монастыре — иеросхимонах Симеон (Желнин), архимандриты Серафим (Розенберг), Афиноген (Агапов) — в схиме Агапий и др. Традиции старчества, заложенные учениками прп. Паисия (Величковского), продолжались в возобновленной в 1942 г. Глинской пустыни Сумской епархии¹³⁶⁵.

В конце Великой Отечественной войны окончательно оставили свои острова иноки Балаамского и Коневецкого монастырей (до 1939 г. находившихся на территории Финляндии). Попытки возродить эти обители, предпринятые в конце 1940-х гг. митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым), из-за сопротивления властей остались безуспешными. Но семь постриженников старого Балаама переселились из Финляндии в Псково-Печерский монастырь, что стало событием для всего русского иночества¹³⁶⁶.

Ситуация с открытием новых церквей была достаточно неоднозначной. В первые годы своего существования (1943—1944) Совет по делам РПЦ очень скупно давал санкции на их проведение. В 1945—1946 гг. подобные вопросы стали разрешаться гораздо успешнее для верующих. Но затем положение вновь ухудшилось. Критерии, которыми руководствовался Совет, принимая положительное решение, были следующими: отсутствие действующих храмов во всем районе или удаленность ближайшей церкви более чем на 10 км; наличие фактически действующей общины и ее крупные пожертвования в различные фонды; незаконное, без соответствующего оформления документами, закрытие храма в 1930-е гг.; повторность, настойчивость ходатайств в течение нескольких лет и многочисленность подписей под ними¹³⁶⁷.

Так, например, верующие с. Верхново Новгородской области в 1945 — начале 1947 г. безуспешно ходатайствовали о возобновлении служб в своей церкви, действовавшей в период оккупации. В январе 1947 г. им удалось провести 12 общеколхозных собраний в соседних селах. Везде были приняты резолюции об открытии храма, причем в девяти случаях единогласно, а в трех — абсолютным большинством голосов. Резолюции и три коллективных заявления 22 мая доставили в Совет по делам РПЦ, и 31 мая он указал уполномоченному оформить регистрацию церкви и не препятствовать богослужениям. Одновременно были «приняты меры» и к организаторам колхозных собраний¹³⁶⁸.

Впрочем, не всегда и подобная настойчивость приводила к успеху. Скандалный случай произошел во время Всеправославного совещания в 1948 г.: 11 июля во время богослужения в Богоявленском соборе пенсионер Б.Д. Зубов сумел передать митрополиту Константинопольской Патриархии Германосу коллективное заявление верующих с. Горбуново Московской области с жалобой на безуспешность их попыток добиться открытия храма. За 1944—1947 гг. было подано 27 ходатайств, и все они закончились безрезультатно. Не помогла и акция Б.Д. Зубова, сам же он оказался передан органам МГБ¹³⁶⁹. Существовали и другие случаи арестов «чрезмерно» активных ходатаев.

Всего за 1944—1947 гг. в Совет по делам РПЦ и его уполномоченным поступило 20 689 коллективных заявлений об открытии 5998 церквей, из которых было открыто 1270. 77,3% ходатайств было отклонено или не рассматривалось. По годам динамика была следующей: 1944 г. — 6629 заявлений о 2704 храмах, службы возобновились в 207; 1945 г. — соответственно 5986 о 1585 (открыто 509); 1946 г. — 5002 о 1150 (369); 1947 г. — 3072 о 559 (185). Процесс сокращения числа ходатайств продолжался до 1952 г., затем он вновь стал расти: 1948 г. — 3174, 1949 г. — 2297, 1950 г. — 1143, 1951 г. — 729, 1952 г. — 818, 1953 г. — 1031 и т.д. Этот спад объясняется некоторым снижением религиозности после окончания войны, прекращением открытия церквей и негативным отношением властей к коллективным заявлениям верующих в конце 1940-х — начале 1950-х гг. 95,6% всех письменных ходатайств за 1944—1947 гг. поступило из РСФСР — 19 772, в том числе 2490 из Рязанской области, 1819 — из Московской, 1467 — из Калининской, 1153 из Воронежской и т.д. Кроме того, за данный период уполномоченные приняли 24 607 индивидуальных посетителей, просивших об открытии церквей¹³⁷⁰.

Всего же с подобными ходатайствами в 1944—1947 гг. обратилось к властям не меньше 2 млн человек, ведь под некоторыми заявлениями стояло более 3 тысяч подписей. Несмотря на все ограничительные меры, в некоторых регионах число официально действующих храмов выросло в десятки раз. Например, в Рязанской области с двух-трех в 1942 г. до 85 в 1948 г.¹³⁷¹

В рамках проводимой в первые послевоенные годы политики произошла и окончательная ликвидация «Союза воинствующих безбожников» (СВБ). С началом Великой Отечественной войны деятельность его оказалась свернута, но формального роспуска не было. В октябре 1946 г. исполнявший после смерти Е. Ярославского обязанности председателя Центрального совета СВБ Ф. Олещук и ответственный секретарь Е. Тучков (бывший руководитель «церковного» отдела ОГПУ) попытались, используя приглашение чешского «Союза свободомыслящих» на его съезда, возродить деятельность своей организации. Однако письмо на имя А.А. Жданова успеха не принесло. Не помогло и то, что на состоявшемся в Брюсселе заседании Совета «Всемирного Союза свободомыслящих» СССР было заочно предоставлено три места, в том числе — вице-председателя¹³⁷².

17 января 1947 г. М. Суслов от лица отдела внешней политики ЦК ВКП(б) рекомендовал секретарю ЦК А. Кузнецову отклонить предложение об участии советских представителей в работе интернационального Союза. Кроме того, он отмечал, что «целесообразность дальнейшего существования» самой организации безбожников «вызывает сомнения» и она «едва ли необходима», «к тому же работа СВБ на местах за последние годы по существу замерла». И в феврале 1947 г. ЦК ВКП(б) принял решение о прекращении деятельности «Союза воинствующих безбожников»¹³⁷³.

Энергичные попытки возобновления атеистической работы предпринимал и В.Д. Бонч-Бруевич. 30 марта 1946 г. он писал в ЦК ВКП(б) о бедственном положении Музея истории религии, выселенном из своего здания. Ветеран антирелигиозного фронта предлагал создать Институт истории религии Академии наук с музеем при нем в прежних помещениях. Витойе музей был сохранен, В. Бонч-Бруевича назначили его директором, но в создании института отказали. Правда, в 1947 г. вместо института в Москве был организован сектор истории религии и атеизма, являвшийся несколько последующих лет единственной подобной научной организацией в стране¹³⁷⁴.

К концу 1940-х гг. почти всю работу с Церковью и внутри страны и за рубежом осуществлял Совет по делам РПЦ. Его роль и численный состав заметно выросли. Так, в 1946 г. количество уполномоченных увеличилось с первоначальных 89 до 114, а сотрудников центрального аппарата с 9 до 57 человек. Еще 29 марта 1945 г. В. Молотов

дал телеграфное указание местным властям о недопустимости отправления уполномоченных в длительные командировки и необходимости обязательного согласования назначения или устранения их с Советом. Хотя значительную часть работников последнего в тот период составляли офицеры госбезопасности, все же четырех уполномоченных сняли за взятки и «сращивание с церковниками», в отношении еще четырех велось следствие. До начала 1947 г. Совет по делам РПЦ находился в центре внимания правительства и МГБ. Так, в 1946 г. Совет Министров принял на основе его информации шесть постановлений и 33 распоряжения¹³⁷⁵. Подобная активность и самостоятельность по отношению к партийным органам вызывала у них все большее недовольство. Но пока Совет находился под постоянной опекой службы госбезопасности, он мог особенно не тревожиться.

Ситуация изменилась в начале 1947 г. МГБ стало утрачивать интерес к Русской Церкви, и уже в феврале число уполномоченных сократилось до 105. Их состав также претерпел изменения — к августу 1948 г. лишь 20% уполномоченных были офицерами госбезопасности, остальные пришли с советской (46%), партийной (19%) и хозяйственной (10%) работы. А 4 августа 1952 г. Г. Карпов жаловался в ЦК на засоренность случайными кадрами Советов по делам РПЦ и религиозных культов: «По понятным причинам аппарат обоих Советов в своей оперативной части надо укомплектовать из кадров органов МГБ, или они должны проходить ту же проверку, которую проходят там при приеме на службу, и для этого желательно было бы поручить т. Игнатьеву помочь обоим Советам кадрами и восстановить тот порядок работы с ними, который был в свое время (до 1947 г.), т.е. до освобождения т. Меркулова из МГБ»¹³⁷⁶.

Одной из причин подобных просьб Г. Карпова послужило общее ухудшение положения возглавляемой им организации. Еще в 1947 г. последовали первые акции по отношению к ней со стороны партийного аппарата. Причем начались эти нападки с более слабого и уязвимого Совета по делам религиозных культов. Так, в июле заместитель начальника Управления агитации и пропаганды Д.Т. Шепилов писал в Секретариат ЦК: «Совет по делам религиозных культов... руководствуется в своей работе ошибочными и вредными взглядами на роль религии в условиях советского общества... Докладная записка т. Полянского свидетельствует об опасности сращивания... с церковниками и превращения Совета из органа наблюдающего и контролирующего в орган помощи и потворства религиозникам». Как свидетельствует резолюция на этой докладной, на специальном заседании Секретариата ЦК И. Полянскому и Г. Карпову были «даны задания». А в октябре 1947 г. на секретариате обсуждался вопрос о подарках со стороны Московской Патриархии руководителям Совета по делам РПЦ, и эту практику запретили¹³⁷⁷.

Идеологические работники ЦК ВКП(б) не зря тревожились. После окончания войны Русская Православная Церковь активно продолжала расширять сферу своего влияния и нередко при «попустительстве» государственных служащих различных рангов. Например, 9 мая 1945 г. архиепископ Алма-Атинский Николай совершил на городской площади благодарственный молебен, и по его инициативе жители г. Челкар в Актюбинской области решили увековечить память погибших воинов устройством «Братского памятника» в виде огромного металлического креста с именами павших. Памятник был изготовлен и 24 июня освящен архиепископом. В Красноярском крае духовенство также добилось сооружения памятника героям войны, устраивало общественные обеды на церковные средства. В Ростове-на-Дону, Алма-Ате, Одессе были попытки организации публичных духовных концертов, а в Таганроге на нем даже присутствовали представители городского руководства¹³⁷⁸.

Порой местные власти привлекали священнослужителей к дежурству в сельсоветах, использовали их в качестве агитаторов при выборах в советы. Особенно это было

распространено в Молдавии. В 1947 г. в «Кишиневском епархиальном вестнике» даже опубликовали соответствующие темы для обязательного произнесения проповедей духовенством. Яркий пример приводил в своей докладной записке в ЦК от 27 августа 1946 г. Г. Карпов: «Секретарь Печорского РК ВКП(б) т. Пичугина позвала к себе настоятеля Псково-Печерского монастыря архимандрита Агафона и попросила его включиться в предвыборную агитацию. Агафон побывал во всех церквях района, в которых после службы в проповедях агитировал за выдвинутые кандидатуры. Духовенство г. Печоры задолго до голосования собралось в монастыре и оттуда во главе с настоятелем... явилось на избирательный участок. В комнату, где были урны, вошли первыми и опустили свои бюллетени»¹³⁷⁹.

Подобные случаи пресекались. Строго наказывалось и совершение коммунистами религиозных обрядов. В 1946—1947 гг. за эти действия из ВКП(б) было исключено: в Воронежской области — 40 человек, в Калининской — 56, в Горьковской — 35 и т.д. Но наказания помогали мало. Например, в 1948 г. в архиерейской церкви г. Минска крестилась дочь министра сельского хозяйства БССР Крупеня; регулярно посещали храм дочери министров Рыжикова, Волошина и т.д.¹³⁸⁰.

Докладные записки Г. Карпова в ЦК ВКП(б) свидетельствуют, что в значительной части регионов страны рост религиозности продолжался до середины 1948 г. Так, в Свердловской области в 1945 г. было 476 венчаний, а в 1946 г. уже 1101, в Куйбышеве — 867 и 2516 соответственно. В 1946 г. ощущался и заметный рост посещаемости храмов мужчинами — их доля увеличилась с 10 до 30—40% всех молящихся. Даже в мае 1948 г. ночные пасхальные службы в Москве привлекли 270—300 тысяч человек и в Ленинграде 110 тысяч. Освящать же куличи в столице пришло в храмы в 2—3 раза, а в Киеве в 1,5 раза больше людей, чем в 1947 г. В 1949 г. количество освящавших куличи в Москве сократилось, но и тогда оно составляло 600—650 тысяч человек. В некоторых районах РСФСР в это время крестилось до 90% всех новорожденных (например, в Курской области)¹³⁸¹.

Целый ряд иерархов стремился еще больше расширить влияние Церкви. Так, архиепископ Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) в 1948 г. добивался предоставления верующим права свободно посещать храмы в праздничные дни (колхозников заставляли работать и в воскресенье), читал пастве в кафедральном соборе серию антиматериалистических проповедей, излагая основные идеи своей неизданной книги «Дух, душа, тело»¹³⁸². Подобную активность Церкви советские власти не могли терпеть долго.

Первые признаки охлаждения государственно-церковных отношений проявились уже в 1947 г., по мере того как все более выяснялись ограниченные возможности использования Московской Патриархии на международной арене, соответственно падал и интерес к ней. Вдвое по сравнению с предыдущим годом снизилось количество официально открытых храмов. Вплоть до начала 1947 г. Церковь вносила сотни миллионов рублей на общественно-политические цели, в том числе большую часть в благотворительные организации и фонды — помощи детям сиротам, семьям военнослужащих, Красный Крест и т.п. Многие выплаты имели конкретные адреса — детских интернатов, домов ветеранов, отдельных инвалидов войны через соборы.

Эта практика, поднимавшая авторитет Церкви, вызывала озабоченность властей, и в феврале 1947 г., согласно указанию из Совета Министров, Патриарх Алексей предписал полностью прекратить все сборы на патриотические цели. Сокращение поступлений в государственный бюджет было компенсировано обязательной подпиской духовенства и прихожан на займы восстановления народного хозяйства, а также усилением налогового бремени. Так, в марте 1947 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий был вынужден отправить Патриарху телеграмму: «Налоговое обложение сильно завышенное, совершенно не соответствующее фактической до-

ходности — ставит причты ленинградских церквей в полную невозможность оплаты.. Необходимо неотложное вмешательство центра»¹³⁸³.

Появились первые помехи на пути поступательного роста духовных школ. Не удалось добиться запланированного Патриархией открытия Новосибирской семинарии. Правда, недостаток семинарий в 1947—1948 г. удавалось отчасти компенсировать большим количеством краткосрочных Богословско-пастырских и церковно-певческих курсов. Постепенно, несмотря на жесткие нормы, росло количество учащихся в духовных школах. Самым большим достижением было получение в 1948 г. под предлогом подготовки православных пастырей в западных областях страны разрешения на открытие заочного сектора обучения в Ленинградской Академии и семинарии. Попытки же митрополита Григория (Чукова) добиться почти двойного увеличения дозволенных норм приема на первые курсы духовных школ закончились неудачей¹³⁸⁴.

В 1947 г. вновь появляется и стремление оживить практически свернутую атеистическую пропаганду. До И. Сталина доходили сведения, что среди партийных кадров некоторая часть критикует «забвение ВКП(б) необходимости решительной антирелигиозной борьбы». Вождь не мог полностью игнорировать такие настроения. Выдвинув в 1947 г. на пост секретаря ЦК М.А. Сулова, он посоветовал ему «не забывать об атеистической пропаганде среди народа», в то же время отметив, что этот вопрос сейчас не самый главный. В июле 1947 г. было создано «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний», естественно, на основе материализма. Секретариат ЦК ВКП(б) в октябре на закрытом заседании обсудил состояние отношений правительства с Русской Церковью и пришел к выводу, что их надо развивать, не переоценивая перспективы последней и без излишне настойчивой опеки ее¹³⁸⁵.

Эти симптомы предвещали скорое изменение всего положения Московской Патриархии. В 1948 г. в количественном отношении она достигла пика своего развития за послевоенное время. На 1 января в стране насчитывалось 14 329 православных храмов. На регистрации у Совета по делам РПЦ числилось 13 104 священника и диакона, 70 архиереев, причем 46% из них ранее подвергались арестам. В двух Духовных академиях и 8 семинариях обучалось 562 человека. Количество монастырей за 1946—1947 гг. сократилось с 104 до 85, в них имелось 4632 насельника. Небольшой рост продолжался до 1949 г. В марте 1948 г. было получено разрешение на открытие еще 27 храмов, кроме того, в Православии продолжали переходить униатские приходы. Таким образом, к 1 января 1949 г. число храмов достигло 14 447, а количество духовенства к 1 июля — 13 483. Цифры, которые сообщались мировой общественности, с 1944 г. значительно превышались — до 22 или даже до 26 тысяч приходов. Однако, учитывая нелегальные моленные дома, эти цифры, вероятно, не слишком отличались от реальных¹³⁸⁶.

Перелом в государственно-церковных отношениях, который произошел во второй половине 1948 г., был вызван целым комплексом различных причин. Прежде всего, повлияло изменение международного положения СССР, о чем рассказывалось в предыдущей главе. Существовала и другая группа факторов: переключение внимания И. Сталина к новому витку внутривнутриполитической борьбы, чисток и репрессий, уже отмечавшиеся уступки части партийного аппарата, не одобрявшей послаблений Церкви, некоторые кадровые перестановки и т.п. Вновь заработала полным ходом «машина устрашения». Власти попытались обуздать выпущенные в годы войны духовные силы: национального, личностного самосознания, религиозного жизнеощущения. Политика ограничения свободы совести не могла не коснуться Церкви, которую, несмотря на все стремления, не удалось превратить в элемент тоталитарной системы. Раздражение чиновников государственного аппарата вызывало и постоянное настойчивое стремление руководящих деятелей Московской Патриархии расширить сферу ее влияния, явно переходящее в их (чиновников) представлении рамки дозволенного.

Первые существенные ограничения деятельности Русской Церкви последовали в конце лета 1948 г. 25 августа под давлением Совета по делам РПЦ Священный Синод был вынужден принять решение о запрещении крестных ходов из села в село, духовных концертов в храмах вне богослужений, печатания в епархиях без разрешения Синода акафистов, посланий епископов, недопустимости разъездов архиереев в период сельских работ, запрещении всяких молебствий на полях и т.д.¹³⁸⁷.

Вскоре состоялась беспрецедентная акция, показавшая всю мстительность И. Сталина. 10 августа 1948 г. распоряжением Совета Министров, подписанным в качестве заместителя председателя К. Ворошиловым, разрешалось открыть 28 православных храмов. Однако 28 октября Совет Министров постановил отменить распоряжение под предлогом того, что оно не было подписано его председателем И.В. Сталиным. Решение ЦК ВКП(б) по данному вопросу было разослано всем местным партийным организациям. Этот факт и последовавшее за ним насильственное закрытие только что открытых церквей вызывало резкое изменение в отношении к ходатайствам верующих, как в центре, так и на местах. Напрасно Совет по делам РПЦ посылал 4 и 11 декабря 1948 г., 24 ноября 1949 г. представления К. Ворошилову о необходимости открытия 28, а затем хотя бы четырех храмов — они даже не ставились на рассмотрение¹³⁸⁸.

Вплоть до смерти И. Сталина ни один новый православный храм официально разрешен не был. Более того, для конца 1940-х — начала 1950-х гг. характерно массовое изъятие церковных зданий для их переоборудования под клубы. Активно выявлялись и ликвидировались нелегальные молебные дома. 16 ноября 1948 г. Синод вынудили принять решение о запрещении превращать проповеди в храмах в уроки Закона Божия для детей. Новые ограничения вызывали сопротивление как мирян и рядового духовенства, так и некоторых архиереев. Например, 15 августа 1949 г. Г. Карпов сообщал М. Сулову о массовых случаях молений под открытым небом, в связи с чем в январе — июне уполномоченные Совета сняли с регистрации 12 священников. Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука написал Патриарху письмо с протестом против «абсолютного» запрещения обучения детей основам христианской религии. Примечательно, что с ответным посланием Патриарха Алексия от 18 января 1949 г. было ознакомлено 15 высших партийных и государственных руководителей¹³⁸⁹.

Удар по Московскому Патриархату готовился сильный. Уже в сентябре 1948 г. под руководством М. Сулова был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». Однако с ходу он не прошел. Тогда часть аппарата, вдохновленная откровенно недружественным к Церкви октябрьским жестом вождя, фактически организовала крупную провокацию, причем одновременно и против Совета по делам РПЦ. 6 декабря Г. Карпов, вряд ли самостоятельно, разослал уполномоченным инструктивное письмо, предлагая принять меры к тому, чтобы на местах не чинились препятствия к проведению крестных ходов на воду, молебнов и Крещенских водосвятий. Естественно, многолюдные крестные ходы состоялись во многих городах и селах. Повод для нагнетания антицерковных настроений был найден скоро. 5 февраля 1949 г. министр госбезопасности СССР В. Абакумов написал Г. Маленкову, что в Саратове в молебные водосвятия на Волге участвовало 30 тысяч жителей и свыше 500 из них купалось в специально оборудованной проруби, предлагая разобраться с виновными¹³⁹⁰. Тут же в «Правде» появилась разгромная статья «Саратовская купель».

Непрошедший сентябрьский проект постановления ЦК был назван — «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний» и переработан с учетом «саратовского козыря». Серьезные обвинения выдвигались теперь и против Совета по делам РПЦ, уполномоченные которого якобы «стали видеть свое главное назначение

в оказании содействия церковным организациям». В разработанном проекте нового положения о Совете, по существу, эта организация должна была подвергнуться разгрому, все должности уполномоченных ликвидировались, а сами они, вероятно, большей частью оказались бы в лагерях¹³⁹¹.

Но И. Сталина не устроил и второй вариант. Тогда в апреле заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК Д.Т. Шепилов представил на рассмотрение вождя новый, еще более скромный проект постановления под названием «О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника “крещение” в городе Саратове». Пытаясь скомпрометировать в глазах И. Сталина Г. Карпова, в сопроводительной записке Шепилов подчеркивал, что тот регулярно дарил и сам принимал подарки от руководства Московской Патриархии. В приложенном переработанном проекте положения о Совете ликвидировалась лишь треть должностей уполномоченных, его права сужались в меньшей степени, чем раньше. Однако и третий вариант 13 мая был отправлен в архив с пометкой: «Решения не принималось. Вопрос тов. Маленковым был доложен тов. Сталину»¹³⁹².

Интересно, что в апреле отдел пропаганды и агитации уже разослал на места материалы для очередных семинаров секретарей райкомов ВКП(б) по шести темам, в том числе «Научно-атеистическая пропаганда», во многом составленные в привычных традициях 1930-х гг. А через три недели специально созданная комиссия во главе с Д. Шепиловым была вынуждена заново отредактировать и разослать их, убрав всякую критику Совета по делам РПЦ, фразы о «воинствующем пролетарском атеизме», «непримиримой» борьбе и т.п.¹³⁹³. В 1949 г. очередная антирелигиозная война все-таки не захлестнула Церковь. Продемонстрировав партийным кадрам верность заветам классиков марксизма, И. Сталин не желал кардинально менять избранный курс в религиозном вопросе. Церковь была еще нужна. Вождь учитывал фактор усталости населения СССР от коммунистической пропаганды и тот эффект, который приносило использование выступлений священнослужителей в его целях. Кроме того, Русская Православная Церковь вновь приобрела такой вес, что война с ней могла привести к слишком большим издержкам. Сохранялась и определенная заинтересованность в международной деятельности Московской Патриархии.

В последние годы жизни И. Сталина государственные органы взяли на вооружение тактику постепенного повсеместного ограничения влияния Церкви при сохранении внешне ровных отношений. Антирелигиозная пропагандистская кампания, начавшая было разворачиваться в 1949—1950 гг., вскоре оказалась свернутой. На XIX съезде партии в октябре 1952 г. эта тема практически вообще не поднималась. Но уже в октябре 1949 г. Г. Карпов указал Патриарху Алексию, что «Синоду и Патриархии следовало бы продумать сумму мероприятий, ограничивающих деятельность церкви храмом и приходом»¹³⁹⁴. Неоднократные попытки Первоиерарха добиться встречи со Сталиным и как-то изменить ситуацию закончились неудачей. Совет по делам РПЦ все больше сосредоточивался на функциях надзора, хотя отчасти сохранял прежнюю традицию, порой амортизировал особенно ущемлявшие интересы Церкви указы и постановления.

Начиная с 1949 г. постепенно были прекращены службы вне стен храмов, отменены крестные ходы, кроме Пасхальных, ограничены разъезды духовенства по населенным пунктам, не допускалось обслуживание одним священником нескольких церквей. Стали еще активнее преследоваться совершавшие религиозные обряды коммунисты и комсомольцы. Так, бюро Ивановского обкома ВКП(б) по этой причине исключило из партии в 1949 г. 105, а в I квартале 1950 г. — 44 человека. В 1950 г. по рекомендации Совета по делам РПЦ был принят указ о пострижении в монашество только с разрешения Патриарха, начали призывать в армию учащихся духовных школ, не

имевших сана. Увеличились налоги. В 1951 г. не только стали облагать ими причтовые отчисления в пользу епархии и подарки духовенству, но и в принудительном порядке заставили уплатить соответствующие суммы за 1949—1950 гг. В этом году при уборке урожая только в Курской области по распоряжениям райисполкомов около 40 зданий действующих храмов были на много месяцев засыпаны зерном¹³⁹⁵.

Значительно участились случаи арестов наиболее активных священников и архиереев. Например, в сентябре 1948 г. был в седьмой раз репрессирован архиепископ Мануил (Лемешевский), а в 1949 г. осудили на 10 лет епископа Красноярского только за то, что он «спровоцировал» дочку коммунистки «преподнести от имени пионеров» торт приехавшему в город митрополиту Новосибирскому Варфоломею. Причем ЦК ВКП(б) утвердил решение краевого комитета о снятии с должности «за пособничество церковникам» красноярского уполномоченного, несмотря на активную защиту его Г. Карповым¹³⁹⁶.

Если в 1948 г. органы государственной безопасности арестовали по религиозным делам 3296 человек, в том числе 357 служителей культа, то в 1949 г. — соответственно 6456 и 571, в 1950 г. — 6072 и 455, в 1951 г. — 5477 и 273, а в 1952 и 1953 гг. — еще 5187, в том числе 130 служителей культа (подавляющее большинство из них составляли православные верующие)¹³⁹⁷.

Нарастание ограничений, в конце концов, привело к острому конфликту даже с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем, наиболее часто используемым властями в различных внешнеполитических акциях. В августе 1952 г. из отдела пропаганды и агитации ЦК к Г. Маленкову поступила записка о том, что «Николай публикует в “ЖМП” свои богословские проповеди, которые сеют среди верующих пессимизм, мракобесие, не содержат призывов к бодрости, к самоотверженному труду на пользу родине и на укрепление мира». В своей беседе с митрополитом Г. Карпов поднял этот вопрос. Реакция Владыки была крайне резкой. В его письменном ответе в Совет заявлялось, что произведенное внушение «недалеко от замысла сделать меня врагом своего народа... лишить меня свободы церковного слова». В знак протеста митрополит Николай ликвидировал в журнале отдел проповедей, хотя продолжал ежедневно произносить их в храмах Москвы. Видимо, тяготясь некоторыми своими функциями, он неоднократно ставил вопрос об освобождении от участия в работе Всемирного Совета Мира. В свою очередь, и отдел пропаганды рекомендовал подобрать «более соответствующую» целям советской политики кандидатуру, но в тот период найти ее не удалось¹³⁹⁸.

В целом к 1953 г. — концу второго этапа своей послевоенной истории — Московский Патриархат заметно сократился количественно. На 1 января 1952 г. в стране насчитывалось 13 786 официально открытых православных храмов, 120 из которых не действовали ввиду использования их для хранения зерна. Количество священников и диаконов уменьшилось до 12 254, монастырей до 62 с 4639 насельниками. Только в 1951 г. было закрыто 8 обителей. Уже распались братства, ранее существовавшие на Западной Украине почти при каждой сельской церкви. Не лучшие времена переживали духовные школы. Количество учащихся на дневном отделении по сравнению с 1948 г. почти не увеличилось, составив 633 человека. В полтора раза сократилось число подававших заявления о приеме на первый курс Академии или семинарии. Совет энергично отсеивал абитуриентов по политическим мотивам. Исключение составляло заочное отделение в Ленинграде. Численность его учащихся бурно росла, достигнув к июлю 1952 г. 216 человек. Это особенно беспокоило власти, и намеченное на сентябрь открытие подобного отделения в московских духовных школах так и не состоялось¹³⁹⁹.

На территории СССР имелось 63 правящих архиерея. В июньском 1951 г. информационном докладе тайного осведомителя властей профессора протоиерея А. Осипова содержится хотя и тенденциозная, но не лишенная интереса их характеристика: «костяк составляла» группа иерархов с многолетним стажем, «большей частью побывавших в заключении... внешне подчеркнута лояльных, но внутренне старых монархических тенденций». К ним примыкали три другие категории. Бывшие обновленцы «патриархией держатся на подозрении. В них видят часто агентов КГБ, людей неустойчивых». Вернувшихся эмигрантов «очень ценят, но боятся их выдвигать на видные места... как остатки старой гвардии синодской церкви старой России». Основную массу уже составляли архиереи нового поставления из вдовых протоиереев, монахов, архимандритов. «Здесь производится строгий выбор и в подавляющем большинстве они изрядные фанатики. Правда, с точки зрения образованности — это все люди невысокого полета. Но для укрепления костяка церкви — подбора нового, фанатически преданного церкви духовенства, эти архиереи делают очень много». Иерархи делились на две основные партии — григорьевцев, сторонников митрополита Ленинградского Григория, и николаевцев — по имени митрополита Крутицкого, «между которыми лавировал патриарх». Причем Алексей доверял «едва ли не больше всех других» Владыке Григорию. Основным настроением в церковном центре было якобы желание продержаться еще несколько лет, «а там история покажет»¹⁴⁰⁰.

Рассматриваемый в этой части работы временной промежуток делится на два этапа государственно-церковных отношений. В 1945 — первой половине 1948 г. в основном продолжались и даже на первых порах получали дальнейшее развитие тенденции, зародившиеся осенью 1943 г. Правительство сделало ряд существенных уступок в пользу Церкви. Но все эти уступки в значительной степени объяснялись заинтересованностью государства в тех или иных международных акциях Московской Патриархии и зачастую предшествовали им. Осенью 1948 г. произошел перелом, государственные органы избрали новую тактику: вместо жесткого контроля влияния Церкви — повсеместное вытеснение ее на периферию общественной жизни. Здесь сказались не только внешнеполитические обстоятельства, но и начало курса на общее ужесточение репрессий против всякого инакомыслия. Большая часть партийно-советского актива сохраняла приверженность в идеологической работе антирелигиозным стереотипам и догмам 1930-х гг. Линия на потепление государственно-церковных отношений воспринималась ими как вредная для ВКП(б). Немало было тех, кто говорил о «сползании» с марксистских позиций, необходимости «закрутить гайки». Учитывая подобные взгляды, И. Сталин дал согласие на разработку специального антирелигиозного постановления ЦК, поручив ее М. Сулову. Но в конце концов вождь, более дальновидный и прагматичный, чем большинство его соратников, все же сумел свернуть подготовку этого документа. Повторения разгрома Церкви 1930-х гг. не произошло. Но подобная опасность не была устранена, она лишь отодвинулась на время.

§ 2. Укрепление позиций Московской Патриархии — 1953—1957 гг.

Середина 1950-х гг. стала для Московского Патриархата относительно благоприятным временем, хотя начало этого этапа предвещало для нее мало хорошего. В государственном и партийном аппаратах началась переориентация в отношении к религиозному вопросу. Если для И. Сталина и В. Молотова в церковной политике не требовалось санкции органов ВКП(б) и в контактах с Патриархией они подчеркнута

выступали от имени Советского государства, то с 1953 г. вопросы этой политики постепенно перемещались в сферу партийного влияния и увязывались с целями и задачами атеистической работы. В руководстве КПСС выявилось два подхода к проблемам Церкви — антирелигиозный и «государственный» (рассматривание Московской Патриархии как своеобразной части общей системы управления страной). Почти все 1950-е гг. между сторонниками этих подходов шла борьба с переменным успехом. Правительство же все больше дистанцировалось от проблем религиозной сферы, выражая готовность выполнять указания той части партийной элиты, которая одержит победу в споре о церковной политике.

Смерть И. Сталина вызвала среди иерархов Московского Патриархата противоречивые отклики. С одной стороны, проснулись надежды на будущее религиозное возрождение, с другой — возникли опасения, что без сдерживающего влияния «вождя» целый ряд лиц из его окружения постарается свести старые счеты с Церковью. И серьезные основания для таких опасений были. Уже вскоре появились первые тревожные симптомы. Из подготовленного четвертого номера «Журнала Московской Патриархии» была изъята статья «Вместе с народом», в которой говорилось о приемах И. Сталиным церковных делегаций. Было запрещено издание в 1953 г. третьего тома статей и речей митрополита Николая (Ярушевича). Г. Карпову вернули посланную им 7 мая 1952 г. в Совет Министров очередную записку об открытии 8 храмов, пролежавшую там без рассмотрения около года. 29 апреля 1953 г. в ЦК на имя Н.С. Хрущева поступила докладная с предложением разработать план «ликвидации и локализации» святых источников, к которым осуществляется массовое паломничество, и создать для этой цели специальную комиссию. Правда, отдел пропаганды и агитации в своем отзыве порекомендовал ограничиться мерами местных партийных организаций¹⁴⁰¹.

В июне 1953 г. в ЦК ВКП(б) с пространным заявлением обратился Г. Карпов. Он желал выяснить, «какой линии следует придерживаться, какие принципы и методы работы допустимы» теперь. Председатель Совета по делам РПЦ предлагал значительно расширить его права, в том числе позволить самостоятельно, не входя в правительство, открывать храмы — «не более 25 в год»; решать вопросы, связанные с издательской деятельностью Патриархии, работой ее мастерских; обращаться в обкомы партии по фактам администрирования. Учитывая просьбу Патриарха Алексия, Карпов рекомендовал взимать налоги с духовенства, как с лиц свободной профессии, и таким образом несколько облегчить финансовое бремя Церкви и т.д. В заключение председатель Совета указывал, что он «чувствует неправильное отношение и явное недоверие к нему со стороны соответствующих органов, где он работал раньше», то есть МГБ. Практически все предложения Карпова были отклонены согласно отзыву отдела пропаганды. В частности, подчеркивалось, что расширение прав Совета «может привести к значительному укреплению церкви и росту ее влияния на население»¹⁴⁰².

19 апреля 1954 г. Г. Карпов повторил свои предложения, приведя дополнительные аргументы. Настаивая на необходимости официально разрешить деятельность нескольких десятков храмов, он указывал, что в Казахстане и ряде других мест происходят массовые собрания в молитвенных домах, открытых явочным порядком. В письме содержалась критика грубых антицерковных акций некоторых местных властей, особенно в Курской области и Карело-Финской ССР. Карпов считал возможным удовлетворить просьбы Патриарха о встрече с председателем Совета Министра Г. Маленковым, высказанные Первоиерархом 4 и 28 ноября 1953 г. и 1 января 1954 г. Однако и второе письмо постигла та же участь¹⁴⁰³.

Начинавшееся оживление религиозной жизни, которое Г. Карпов считал аргументом для шагов навстречу Патриархии, как раз и вызывало сильную тревогу у мно-

гих партийных функционеров. 27 марта заведующие отделами пропаганды и науки ЦК представили Н. Хрущеву совместную докладную «О крупных недостатках в естественнонаучной, антирелигиозной пропаганде», в которой, намеренно сгущая краски, писали о быстром росте Церкви (в 1949 г. — 200 посвящений в сан, в 1953 г. — 344 и т.п.) и развале атеистической работы¹⁴⁰⁴.

Впрочем, убеждать возманившего ЦК ВКП(б) Н. Хрущева особенно и не требовалось. Сформировавшись как политический деятель в 1930-е гг., он немало сил приложил к уничтожению храмов в Москве и на Украине. Кроме того, являясь своеобразным «революционным романтиком», новый лидер партии искренне верил в возможность скорого построения коммунизма, в котором не должно быть места для религиозных представлений. Как только Н. Хрущев со своими единомышленниками устранил А.П. Берия, провел ряд первоочередных мер по развитию экономики, он обратил свой взор на область идеологической работы. И одним из первых крупных решений партии здесь было постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», в подготовке которого активно участвовали Д.Т. Шепилов, А.Н. Шелепин и М.А. Суслов. В этом документе фактически пересматривалась и даже осуждалась как «примиренческая» прежняя политика в «церковном вопросе». Предлагалось, по сути, вернуться на довоенный путь «наступления на религиозные пережитки». Содержались призывы к активной борьбе с ними, к разоблачению «реакционной сущности и вреда религии»¹⁴⁰⁵.

Перед принятием постановления В. Молотов предупреждал Н. Хрущева, что оно «поссорит нас с духовенством и верующими, принесет массу ошибок». На это лидер партии заявил: «Будут ошибки — исправим». В возобновлении атак на Церковь определенную роль сыграла и «старая гвардия воинствующих безбожников» — Ф.Н. Олешук, В.Д. Бонч-Бруевич и др.¹⁴⁰⁶. Последний положил начало изданию Институтом истории Академии наук СССР «Научно-атеистической библиотеки». В июле—августе он наметил план выпуска в 1954—1955 гг. 20 томов произведений антирелигиозных авторов (правда, к 1963 г. вышло лишь 16 из них). Именно В. Бонч-Бруевич сыграл основную роль в подготовке постановления Президиума Академии наук от 30 октября 1954 г. о разворачивании научно-атеистической пропаганды ее учреждениями. Этим постановлением Академия впервые полностью, а не отдельными звеньями включалась в разработку проблем антирелигиозной пропаганды.

Для согласования мероприятий при Президиуме была создана Координационная комиссия в составе ученых — представителей гуманитарных и естественных наук во главе с В. Бонч-Бруевичем. Последней акцией ветерана «богоборческого фронта» стало составление под его руководством к февралю 1955 г. так и не реализованного сводного плана «Работ Академии Наук СССР по научно-атеистической пропаганде», включившего подготовку и издание 143 книг и брошюр (14 июля 1955 г. В. Бонч-Бруевич скончался)¹⁴⁰⁷.

Наступление достигло своего пика летом 1954 г. — преследовались прихожане, разгонялись молящиеся в храмах, закрывались церкви. Все это вызвало сильную негативную реакцию духовенства и мирян. Уже 23 марта архиепископ Лука писал Патриарху о необходимости созвать Собор епископов для обсуждения тяжелого положения Церкви, на постановление ЦК он откликнулся яркой проповедью: «Не бойся, малое стадо»¹⁴⁰⁸. И если в конце июля Г. Карпов готовил в соответствии с новыми директивами ориентировку уполномоченным Совета о тщетном желании церковников «как-то оттянуть неизбежный конец своего существования», то через месяц принялся усиленно писать в ЦК о массовом недовольстве и попытках организовать сопротивление антирелигиозным акциям¹⁴⁰⁹.

Так, активную борьбу начал митрополит Ленинградский Григорий (Чуков). На уговоры не отправлять резкое письмо в Совет из-за возможностей репрессий он ответил: «Ну что же — придется сломать голову, а я все-таки напишу доклад». С острой публичной критикой действий властей Владыка выступал даже перед учащимися Духовной академии. Согласно сообщениям Г. Карпова, большое значение посланиям митрополита Григория придавал Патриарх. С призывами к «мученичеству» выступал Ростовский Владыка Вениамин. Негодующие письма шли от отдохавшего в Сухуми митрополита Николая: «Духовенство и верующие Грузии по-прежнему переживают панику в связи с антирелигиозной пропагандой, ждут чисто физические репрессии, хотят прекращать архиерейские служения, прекратили звон, проповеди и т.д.». Для подобных опасений имелись основания и у самого митрополита Николая. В эти же месяцы лектор Московского горкома КПСС Владимирцев в своих выступлениях называл его «первым врагом народа», заявлял, что «он пока еще нужен нам для границы, а в свое время мы его обезвредим»¹⁴¹⁰.

В ЦК КПСС, правительство стала поступать информация не только о случаях недовольства и сопротивления новой религиозной политике, но и о значительном росте в стране, в связи со слухами о скором закрытии храмов, церковных обрядов, массовом крещении детей и скупке религиозных предметов. Часть членов Президиума ЦК — Г. Маленков, К. Ворошилов, В. Молотов, участвовавшие в сталинской политике интегрирования Церкви в структуру государственной системы, стали проявлять беспокойство по поводу очередной антирелигиозной войны, утверждая, что это приведет к нежелательным последствиям внутри страны и за рубежом. Как раз в сентябре в СССР с большим почетом принимали Антиохийского Патриарха. Но желанный гость, с которым обсуждались пути привлечения на сторону Московской Патриархии других православных иерархов, настойчиво просил прекратить «перегибы в отношении церкви, так как это выбивает у нас все козыри и затрудняет нашу работу по сближению между нашими церквями и народами»¹⁴¹¹. И уже в сентябре Н. Хрущев со своими сторонниками были вынуждены отступить. Началась подготовка принятого 10 ноября 1954 г. постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»¹⁴¹².

По ряду пунктов оно было прямо противоположно июльскому, осуждало произвол, наклеивание ярлыков, оскорбление верующих и, в частности, задержало появление журнала «Наука и религия», посвященного пропаганде атеизма в массах: обещанный в 1954 г., он начал выходить только в 1958 г. Новое постановление вызвало волну благодарственных телеграмм от духовенства различных епархий.

Всего через месяц — 11 декабря — Патриарха Алексия официально принял Г. Маленков. Первоиерарх говорил о необходимости облегчения налогов с духовенства, передачи Церкви всех помещений Троице-Сергиевой лавры, объединения Советов по делам Русской Православной Церкви и по делам религиозных культов. Патриарху обещали учесть его просьбы. Митрополита Николая, желавшего поставить вопросы о созыве Поместного Собора, расширении сети духовных школ, проповеднической деятельности, на встречу не пригласили. Правда, вскоре Маленков был снят с поста председателя Совета Министров и даже часть обещанного им Патриарху не была выполнена.

Интересно, что по вопросу снижения налогообложения в Совете по делам РПЦ было специальное заседание 3 августа 1954 г., на котором ярким противником снижения выступил заместитель Г. Карпова С.К. Белыйшев. Он заявил, что переквалификация налогообложения духовенства с 19-й (где налоги составляли 81 %) на 18-ю (69%) статью была бы равносильна признанию Церкви в качестве «какой-то общественно-полезной организации в нашем социалистическом обществе». При голосовании боль-

шинством в семь голосов против трех Совет высказался за перекавалификацию на 18-ю статью. Однако приведено в жизнь это решение было только в январе 1981 г.¹⁴¹³

И все же 1955—1957 гг. стали самыми благоприятными для Православной Церкви после 1947 г. Впрочем, ее рост, несмотря на вспышку гонений, ощущался уже в 1954 г. Впервые за последние пять лет не сократилось, а увеличилось число священнослужителей — с 11 912 до 11 993. Прекратился и процесс старения духовенства — доля лиц моложе 40 лет в его составе изменилась с 9,1 на 11,2%. 312 человек поступило в монастыри, и среди них было много молодежи, чего не наблюдалось ранее. Так, насельницами Пюхтицкого монастыря стали пять молодых ленинградок. В октябре 1954 г. инициативная группа из 50 женщин в Фалештском районе Молдавии ходатайствовала об открытии нового монастыря и т.д.¹⁴¹⁴

Выросло число паломников. Например, к источнику у Курской Коренной пустыни с 8 до 15 тысяч. Появлялись и новые места поклонения, возрождались старые святыни. В Ленинграде только на Смоленском кладбище была восстановлена часовня «Анны-босоножки», воздвигнуты кресты с надписями «Антонида-блаженная», «Платонида-страдалица», «Иван-Богослов» и т.д. Но особым почитанием стала пользоваться новая святыня — могила «сорока мучеников» (1930-х гг.). Ухаживавшие за ней прихожанки кладбищенского храма рассказывали всем желающим: «Сорок священников здесь похоронены. Собрали их в церквах, прямо от службы, привезли сюда, да так, в полном облачении и закопали живыми... До сей поры... по ночам стоны слышны... А в день мученической кончины их стоит над могилой столб до самого неба»¹⁴¹⁵. Появление такого «антисоветского» места поклонения было особенно знаменательно.

Увеличилось число желающих поступить в духовные учебные заведения: в 1951 г. было подано 382 заявления (принято 275), в 1952 г. — соответственно 411 и 245, а в 1954 г. — 560 и 312. Почти в три раза за это время выросло количество заочников. Сократился отсев из академий и семинарий. Уполномоченные Совета по делам РПЦ в процесс зачисления новых учащихся почти не вмешивались, следя лишь за непревышением лимитов, установленных для первых курсов¹⁴¹⁶. Однако существовавших духовных школ не хватало, и епархиальные архиереи при поддержке Патриарха стали подавать прошения об открытии семинарий в Черновцах, Краснодаре, Львове, Ростове-на-Дону, Ярославле, Смоленске, Таллине.

На все ходатайства последовал отказ, относительно Львовской семинарии окончательно уже в 1955 г. Тогда осенью 1954 г. Патриарх попросил у Г. Карпова разрешения хотя бы допускать эстонцев-мирян в специальную секцию заочного отделения Ленинградских духовных школ (где разрешалось учиться только священнослужителям). Патриарх Алексей обосновывал свою просьбу тем, что в Эстонии усиливается давление протестантов и там особенно необходимо просвещенное православное духовенство. Но Карпов заявил, что никакого давления нет. В 1954 г. появлялись и все более настойчивые ходатайства об открытии краткосрочных пастырских курсов, а также одномесячных курсов летом в семинариях для повышения квалификации приходского духовенства. На последнюю просьбу инспекторский отдел Совета, отдавая это дело на усмотрение Патриархии, ответил, однако, что нельзя курсы делать постоянным явлением, так как они якобы не соответствуют Уставу Русской Церкви¹⁴¹⁷.

Сокращалось количество закрываемых храмов: в 1952 г. — 216, в 1953 г. — 86, а в 1954 г. — 46. Кроме того, за указанный год число церквей с регулярными ежедневными службами увеличилось на 354. А в конце 1954 г. впервые после долгого перерыва в СССР был открыт православный молитвенный дом в г. Поти (Грузия). Следует отметить, что летом 1955 г. духовенство находившейся в бедственном положении Грузинской Православной Церкви предприняло попытку присоединиться к Русской. В июне собрание верующих Мцхетского кафедрального собора единогласно приняло

такое решение, и архимандрит Георгий (Дедиани) отправил телеграмму митрополиту Николаю (Ярушевичу), что подавляющее большинство верующих Грузии хочет воссоединения. Однако власти решительно воспротивились этому, в итоге архимандрит Георгий был лишен сана. Совет по делам РПЦ писал в ЦК КПСС: «Действительно верно, что Грузинская православная церковь находится на грани распада... но не в наших интересах способствовать ее укреплению»¹⁴¹⁸.

Развернувшийся в середине 1950-х гг. процесс либерализации, развенчания сталинизма, расширения возможностей духовной жизни не мог не сказаться благотворно на положении Церкви. Стали выпускать на свободу выживших в лагерях и тюрьмах священнослужителей, вначале по амнистии, а затем и по реабилитации. 14 июля 1954 г. последовал указ Президиума Верховного Совета об условно-досрочном освобождении отсидевших две трети срока и престарелых заключенных. В соответствии с ним многие священники стали писать прошения Патриарху о ходатайстве перед властями по поводу их активировки по возрасту. К маю 1955 г. Первосвятытель уже сумел выхлопотать освобождение епископа Вениамина (Новицкого) и быстро назначил его на кафедру в Саратов. В ноябре — декабре этого же года получили свободу епископ Мануил (Лемешевский) и митрополит Нестор (Анисимов). Среди освобожденных из лагерей были епископы Афанасий (Сахаров), Николай (Муравьев-Уральский) и многие другие архиереи¹⁴¹⁹.

С 1955 г. стало правилом присутствие представителей Московского Патриархата на приемах в Верховном Совете и в иностранных посольствах. Это давало возможность церковным иерархам непосредственно общаться с руководителями государства и излагать им свои пожелания и ходатайства. Так, в июне 1955 г. на приеме председателем Совета Министров Н.А. Булганиным президента Индии Д. Неру Патриарх Алексей заявил советскому премьер-министру о желательности их официальной встречи, и Булганин ответил согласием. В 1955 г. подобной встречи не состоялось, но Церкви были сделаны серьезные уступки. 17 февраля Совет Министров принял постановление «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий», согласно которому Совету по делам РПЦ предоставлялось право регистрировать церковные общины, которые давно фактически действовали без официального разрешения. Кроме того, решения об открытии новых храмов теперь принимались Советами Министров союзных республик, а не СССР, как раньше. В результате количество православных храмов в стране вновь стало расти. В 1955 г. было зарегистрировано 37 неофициально действовавших церквей и открыто 4 новых¹⁴²⁰.

Практически впервые за всю советскую историю Русской Православной Церкви разрешили напечатать Библию, Евангелие, и в 1956 г. они вышли общим тиражом 50 тысяч экземпляров¹⁴²¹. Правда, количество церковных изданий оставалось незначительным. «Журнал Московской Патриархии» имел тираж всего лишь 15 тысяч экземпляров, выпускалось 50 тысяч стенных и настольных календарей, печаталось около 1 млн венчиков и разрешительных молитв для умерших. Причем заказы Церкви исполнялись с опозданием на несколько месяцев и не полностью. 30 марта 1956 г. Патриархия обратилась в Совет по делам РПЦ с просьбой разрешить издание периодического сборника «Богословские труды», ссылаясь на внешнеполитические обстоятельства: «Дело подготовки пастырских и научно-богословских кадров не может быть полноценным при отсутствии возможности печатать богословские труды наших профессоров. Это ясно не только для нас, но и для зарубежных христианских Церквей... Получая от них многочисленные издания богословских трудов, мы оказываемся в крайне затруднительном положении, не имея возможности отвечать им тем же... оно подает повод зарубежным Церквам обвинять Русскую Православную Церковь в беспомощности, чем наносится ущерб не только нашей Церкви, но и престижу на-

шего государства»¹⁴²². Вопрос решался очень долго и только в 1960 г. сборник стал выходить тиражом 3 тысячи экземпляров.

С прекращением репрессий и возвращением к т.н. «ленинской законности» значительно выросла потребность в информаторах внутри Церкви. 8 декабря 1955 г. появилось циркулярное письмо Совета по делам РПЦ своим уполномоченным, впервые определявшее задачи специальной работы по выделению групп лояльного духовенства на местах с целью получения от них различной информации. А через три месяца председатель Совета рекомендовал ЦК «для использования патриархии в международных делах еще кое в чем» пойти ей навстречу: передать Троицкий собор Александро-Невской лавры в Ленинграде, все помещения Троице-Сергиевой лавры, часть старых церковных книг, 50—60 облачений, несколько сот икон из музеев. Г. Карпов указывал на необходимость открыть 25—40 новых храмов, так как отклонять «все просьбы и не считаться с интересами верующей части населения по существу будет беззаконием»¹⁴²³. Фразы о беззаконии из уст сталинского генерала госбезопасности могли прозвучать только в связи с разоблачениями XX съезда.

Следует отметить, что в это время над Карповым нависла реальная угроза суда в связи с преступлениями конца 1930-х гг. Военный трибунал Ленинградского военного округа трижды — 17, 24 октября 1955 и 17 сентября 1956 г. выносил определения о его привлечении к ответственности. Однако Главная военная прокуратура СССР в ответ на эти определения указала, что «Карпову Г.Г. за нарушения законности при расследовании дел в 1937—38 гг. решением Секретариата ЦК КПСС от 28 сентября 1956 г. объявлен строгий выговор с предупреждением. В связи с этим проводить проверку в отношении Карпова Г.Г. не следует». В справке о работе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, в частности, сообщалось: «За допущенные нарушения социалистической законности в 1937—1938 гг. т. Карпов Г.Г. заслуживает исключения из КПСС, но, учитывая давность совершенных им проступков и положительную работу в последующие годы, Комитет партийного контроля ограничился в отношении т. Карпова Г.Г. объявлением ему строгого выговора с занесением в учетную карточку»¹⁴²⁴.

Сразу после XX съезда у руководства Московского Патриархата появились сомнения, не затронет ли избавление страны от сталинизма и их, в свете неоднократных обвинений в частных беседах Н. Хрущевым иерархов в «низкопоклонстве» перед Сталиным. Патриарх Алексей предпринял новые усилия для встречи с лидерами государства. Н. Хрущев от переговоров отказался, а Н. Булганин 26 марта 1956 г. встретился с православными архиереями. Он успокоил их, заявив, что ни о каком наступлении на религию не может быть и речи. Больше того, после осуждения сталинских беззаконий должна появиться возможность дальнейшего развития демократических начал в обществе. Воспользовавшись этим, иерархи сразу подняли вопрос о необходимости освобождения из ссылки и лагерей духовенства. В ответ было заявлено, что невиновные священники скоро выйдут на свободу. С весны 1956 г. процесс освобождения духовенства действительно усилился. В этом году 293 освобожденных из лагерей священнослужителей вновь стали служить в храмах¹⁴²⁵.

После встречи с Н. Булганиным многим представлялось, что церковно-государственные отношения развиваются успешно. 9 июля Г. Карпов писал Патриарху, отдыхавшему в Одессе, что его может не беспокоить вопрос об открытии новых храмов — в 1955 г. было разрешено служить в 41 церкви, а за 6 месяцев 1956 г. — еще в 24; нет препятствий и к передаче Церкви мощей св. Никиты Новгородского, всех зданий Троице-Сергиевой лавры; в принципе решен вопрос о распространении на часть церковнослужителей трудового законодательства¹⁴²⁶. Сам тон письма свидетельствовал, что работники Совета по делам РПЦ готовы и дальше оказывать Церкви в определенных пределах активную помощь.

В августе 1956 г. Совет Министров РСФСР наконец-то принял давно обещанное решение «О передаче Московской Патриархии зданий и сооружений, расположенных на территории Троице-Сергиевой Лавры в г. Загорске», через год был освящен возвращенный Церкви Троицкий собор Александро-Невской лавры в Ленинграде, на рабочих и служащих храмов распространили трудовое законодательство, разрешили перезахоронить останки митрополита Московского Макария. В 1957 г. Патриархия уже ставила вопросы о возвращении ей Новодевичьего или Донского монастыря, организации церковной типографии, причем при поддержке Совета по делам РПЦ они оказались близки к разрешению¹⁴²⁷.

К 1 января 1957 г. количество зарегистрированных православных храмов в СССР выросло до 13 478, численность духовенства в них достигла 12 288 человек. Состав архиереев, по мнению властей, изменился к худшему. Из 70 правящих иерархов, в ряды которых влились недавно освобожденные из лагерей, примерно половина подвергалась репрессиям. Многих из них контролировать было крайне сложно. Так, в мае 1957 г. на совещании в Совете по делам РПЦ отмечалось, что умерший полтора года назад митрополит Ленинградский Григорий «не терпел никаких советов уполномоченного и если узнавал про отдельные советы, рекомендованные уполномоченным, то, как правило, делал все наоборот. Преследовал духовенство, которое периодически посещало уполномоченного»¹⁴²⁸.

Успешно развивалось духовное образование. Осенью 1956 г. по сравнению с 1951 г. удвоилось число абитуриентов в академиях и семинариях. Количество учащихся дневного отделения увеличилось до 1094 человек, а заочного превысило 400. В 57 монастырях и 7 скитах проживал 4661 насельник. В РСФСР примерно треть всех родившихся младенцев крестилось, а умерших отпевалось. Стремительно росли доходы Церкви. Если в 1948 г. они составляли 180 млн рублей, то в 1955—347, а в 1957—667 млн рублей. В целом за 1949—1957 гг. только Патриархия израсходовала на содержание духовных учебных заведений 99 млн рублей, на восстановление и ремонт храмов, пособия епархиям — 82,4 млн, выплату пенсий духовенству и помощь верующим — 75,2 млн, на внешнеполитическую деятельность — 21,8 млн, приобретение облигаций государственных займов — 5,4 млн и т.д.¹⁴²⁹

Но относительное благополучие Церкви было очень непрочным. В КПСС имелись влиятельные силы, готовые в любой благоприятный момент возобновить антирелигиозное наступление. Да и сам 1-й секретарь Н.С. Хрущев, например, в сентябре 1955 г. заявил в беседе с делегацией французских парламентариев: «Мы продолжаем быть атеистами. Мы будем стараться освободить от дурмана религиозного опиума, который еще существует, большую часть народа»¹⁴³⁰. После XX съезда в партийных документах все явственнее стали проступать антицерковные установки. С началом КПСС новой «всенародной кампании» по строительству коммунистического общества в очередной раз о себе заявили настроения в пользу атаки на религию — «мораль рабов». Но единства по этому вопросу в ЦК не было.

Некоторое время борьба шла и в Совете по делам РПЦ. 15 декабря 1956 г. заведующий его инспекторским отделом И. Иванов написал в ЦК КПСС письмо о серьезных разногласиях в организации, появлении после XX съезда различных мнений и предлагал свой план новой тактики Совета по ограничению влияния Церкви. Критиковал Иванов и внешнеполитическую деятельность Московской Патриархии, рекомендуя для лучшего проникновения на Ближний Восток переориентироваться с православных иерархов на мусульманское духовенство, главный же упор сделать на связи с неправославными церквями капиталистических стран. Через три дня в ЦК направил письмо заместитель И. Иванова В. Спиридонов, резко критиковавший своего начальника за планы нанести удар по церковному центру и «перетряхнуть еписко-

пов»: «Совет не должен превращаться в штаб политической войны с религией и не делать ничего такого, что нарушило бы нормальные отношения между церковью и государством... В этом главное, а не в том, чтобы изобретать какие-то стратегические и тактические действия в войне с религией». В другом своем письме Спиридонов даже доказывал необходимость «отменить законы и постановления, противоречащие духу конституции», свободе совести¹⁴³¹.

К сожалению, подобных толерантно настроенных руководителей в КПСС было немного. Ровную линию в государственно-церковных отношениях отстаивали в основном бывшие ближайšie соратники И. Сталина. И первые предвестники новой антирелигиозной кампании почти совпали с крупной победой Н. Хрущева над сталинистами в 1957 г.

Позиция Совета по делам РПЦ объективно была на стороне той части партийного аппарата, которая выступала за «мягкую» церковную политику, но она проигрывала борьбу. И по мере того, как это становилось все более очевидно, осложнялось положение Совета. Ему давали понять, что задача состоит не в расширении религиозной свободы, а в сокращении ее, не в способствовании жизнедеятельности церковных организаций, а во всемерном их ограничении. Большинство руководителей Совета пытались противостоять такому курсу. В мае 1957 г. Г. Карпов на заседании уполномоченных, не соглашаясь с навязываемым ему порядком действия, говорил о своем понимании задач возглавляемой им организации: «Главное — для этого Совет, собственно, и образован... — это обеспечить стойкие нормальные отношения между государством и церковью и путем связи с патриархом и другими руководящими деятелями церкви... обеспечить, чтобы церковь, как религиозное объединение в стране, и духовенство, как ее кадры, не скатились и не вернулись бы на позиции реакционной политики по отношению к государству. И совсем уж будет не только недопустимым, но и преступным, если бы это произошло в результате наших неправильных, непродуманных, поспешных или каких-либо других ошибочных действий»¹⁴³². Становилось очевидно, что политика Совета не соответствует партийной точке зрения на содержание и перспективы развития государственно-церковных отношений.

Иерархи Московского Патриархата сразу после июньского пленума ЦК КПСС поняли, что расстановка политических сил в стране сложилась не в пользу Церкви. В газетах появились статьи отрекшихся от Бога бывших священников. Выросла антицерковная пропаганда — если в 1956 г. в СССР было прочитано 1 875 тысяч атеистических лекций, то в 1957 г. — 3875. Начал издаваться ежегодник Ленинградского музея истории религии и атеизма. Подготовительные шаги к будущему широкомасштабному наступлению были сделаны на «сугубо камерной» конференции 350 теоретиков атеизма в Москве в августе 1957 г.¹⁴³³

Постепенно начиналось проведение антирелигиозных мер по административной линии. 2 декабря 1957 г. и Совет по делам РПЦ, уступив давлению, разослал уполномоченным указ о снятии в первом полугодии 1958 г. с учета зарегистрированных, но фактически не действующих по различным причинам храмов. Русская Православная Церковь оказалась на пороге нового периода тяжелейших испытаний, гонений и репрессий.

Этап 1953—1957 гг. государственно-церковных отношений оказался довольно противоречивым. Предпринимались попытки ужесточить курс религиозной политики в СССР, но в основном преобладала благоприятная для расширения церковной деятельности ситуация. Столкновение и борьба двух противоположных точек зрения в партийном аппарате, выжидательная позиция государства, реформирование органов госбезопасности отчасти развязали руки Совету по делам РПЦ. Какое-

то время он был предоставлен самому себе и, пользуясь этим, попытался вернуться к курсу, намеченному при его создании в середине 1940-х гг. Более того, Г. Карпов, как и председатель Совета по делам религиозных культов И.В. Полянский, считал, что в условиях потепления общественной жизни необходимо сделать шаги к предоставлению большей свободы Церкви. Однако число сторонников жесткой линии в руководстве КПСС явно преобладало, и к 1958 г. они смогли одержать решительную победу. Это в конечном итоге, предопределило и дальнейшую тактику действий Совета по делам РПЦ.

§ 3. Снова «война» — 1958—1964 гг.

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. вошли в историю как трагический период последних попыток руководства СССР радикально, в кратчайшие сроки решить религиозную проблему в стране. Времена хрущевской оттепели обернулись для представителей различных конфессий лютым морозом. Сильнейший удар был нанесен и по Русской Православной Церкви как самой влиятельной и многочисленной в стране.

К 1958 г. сравнительно ровные государственно-церковные отношения первого послевоенного десятилетия стали постепенно обостряться. Новый существенный поворот курса государственной религиозной политики в СССР был вызван целым комплексом причин. В партийных верхах все более зрели убеждения в возможности построения в СССР в скором будущем коммунистического общества. Значительная часть советского руководства, вполне добросовестно заблуждаясь, полагала, что отрешившись от негативных черт сталинизма, можно наконец-то воплотить в действительность «светлое будущее всего человечества». Считалось, что коммунистическая идеология жизнеспособна, еще далеко не исчерпала своих потенций и теперь, очистившись от сталинского наследия, проявит их. А раз она, несомненно, победит, то в каких-либо альтернативах, в том числе религиозной, ей необходимости нет.

Эти иллюзии частично разделяли и довольно значительные слои населения, среди них и многие представители демократически настроенной интеллигенции — так называемые шестидесятники. Они полагали, что можно построить в СССР справедливо устроенное, социально ориентированное государство. Христианская идеология, как лишняя, ими отвергалась. Одним из необходимых условий длительных широкомасштабных религиозных гонений является индифферентность к ним существенной части населения страны. И это условие в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в СССР было. Конечно, оппозиционно настроенные шестидесятники шли дальше властей, они хотели построить демократический, а не «либеральный» социализм. Но, в сущности, они также разделяли необходимость последнего «романтического» натиска коммунистической идеологии.

Сыграли свою роль значительные кадровые изменения в партийном руководстве. В своей борьбе 1957 г. со сталинистским большинством в Президиуме ЦК Н.С. Хрущев в значительной степени опирался на группу идеологов — М.А. Сулова, Е.А. Фурцеву, П.Н. Поспелова, Л.Ф. Ильичева, давно выражавших неодобрение существовавшей практикой работы с Церковью. Искал поддержку 1-й секретарь и у руководителей ВЛКСМ — А.Н. Шелепина, В.Е. Семичастного, С.П. Павлова, А.И. Аджубея, доверяя многим их советам и предложениям. Поэтому группа комсомольских вождей, желавшая начать решительную борьбу с религией, в некоторых вопросах оказывала давление на деятелей ЦК КПСС. Спокойные отношения с Церковью преподносились как сталинское наследие, которое следует ликвидировать, хотя именно религиозные

организации особенно пострадали от репрессивных кампаний вождя народов. Кроме того, и у Хрущева все больше крепло желание объявить о начале перехода СССР в период «предкоммунистических отношений», где, по его словам, не должно быть места пережиткам капитализма. 29 ноября 1957 г., например, в беседе с газетным магнатом В.Г. Херстом 1-й секретарь поделился своими «заветными мыслями», что «народное просвещение, распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляет места для веры в бога»¹⁴³⁴.

Таким образом, нагнетание антирелигиозных настроений к концу 1950-х гг. в партийных и комсомольских верхах делало почти неизбежной новую войну с религией. И если в свете сталинской политики создания национальной империи, борьбы с космополитизмом, замкнутости границ Русская Церковь не расценивалась как прямо враждебная сила, то с обращением к идее интернациональной сущности коммунизма ситуация коренным образом изменилась.

Важнейшим побудительным мотивом смены курса государственной церковной политики явилась острая тревога в верхних эшелонах власти в связи с начинавшимся русским религиозным возрождением. Этот процесс, как уже отмечалось, начал вновь разворачиваться в СССР примерно в середине 1950-х гг.¹⁴³⁵.

Следует учесть также значительную религиозность выпущенных на свободу сотен тысяч заключенных ГУЛАГа. Изживание страхов сталинской эпохи способствовало резкой активизации и широких слоев традиционно верующих. Так, если в 1955 г. к уполномоченным Совета по делам РПЦ поступило 1310 ходатайств и пришло 1700 просителей об открытии храмов, то в 1956 г. уже соответственно 2265 и 2299¹⁴³⁶. Почти все данные статистики второй половины 1950-х гг. свидетельствуют о подъеме Православия. Американский историк У. Флетчер вполне справедливо писал о религии в СССР, что, «когда условия становились благоприятными (годы войны или период «оттепели» 50-х), она быстро развивалась»¹⁴³⁷.

Власти попытались компенсировать вынужденные потери нанесением мощного удара по одному из важнейших центров духовной жизни — Церкви. Они были убеждены, что в преддверии создания коммунистического общества не должно существовать никакой идейной оппозиции. Поэтому ответ на ее фактический рост мог быть только один — подавление. Государственных чиновников также сильно раздражали все более настойчивые требования руководства Московского патриархата. В 1957 г. Патриарх Алексей неоднократно ставил вопрос о передаче Церкви одного из московских монастырей, открытии новых храмов, создании своей типографии. А в январе 1958 г. митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) в беседе с председателем Совета по делам РПЦ Г. Карповым впервые официально заявил о необходимости избрания духовенства в представительные органы власти, порекомендовал наградить кого-нибудь из руководства Патриархии международной Ленинской премией мира¹⁴³⁸. Подобные претензии вызвали негодование в ЦК КПСС.

Не последней по значимости причиной наступления на Церковь были экономические расчеты властей. В конце 1950-х гг. они активно искали источники пополнения «прохудившейся» государственной казны — продажа колхозам техники МТС, сокращение оборонных расходов и т.п. Не смогло руководство страны, как когда-то в 1922 г., и удержаться от искушения «запустить руку в церковный карман». Первые крупномасштабные антицерковные акции в октябре 1958 г. начались именно с постановлений о фактическом экономическом ограблении Церкви. Наконец, свою роль сыграли упоминавшиеся внешнеполитические обстоятельства. После относительной неудачи Московской межправославной встречи в мае 1958 г. дорога к наступлению на Церковь была полностью открыта.

Подготовка мощной антирелигиозной кампании началась еще в конце 1957 г. В ноябре все республиканские ЦК и председатели Советов по делам РПЦ и религиозных культов представили согласно запросу заведующего сектора агитации К.У. Черненко справки об активизации религиозных организаций и состоянии научно-атеистической пропаганды. 7 декабря на имя председателя Президиума Верховного Совета К.Е. Ворошилова поступила тенденциозная «Информация о письмах граждан по религиозным вопросам» от заведующего отдела писем А. Шмакова, с которой были ознакомлены все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК. В этом документе говорилось о настоящем потоке ходатайств от открытия, регистрации церквей и делался устрашающий вывод о массовой самовольной организации религиозных общин, ослаблении атеистической пропаганды и т.п. Все поступившие материалы были использованы отделом пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам для подготовки докладной записки о необходимости усиления антирелигиозной работы. 19 апреля 1958 г. записка была доложена секретарю ЦК Е.А. Фурцевой, курировавшей церковные проблемы. Существенную роль сыграло и апрельское письмо секретарю ЦК М.А. Сулову от корреспондентки «Литературной газеты» В. Шапошниковой о повсеместном наступлении Церкви, на которое было обращено самое серьезное внимание. В связи с ним в начале мая состоялось совещание ответственных работников отделов пропаганды, науки, школ и вузов, культуры ЦК КПСС, Госполитиздата, ЦК ВЛКСМ и т.д. На нем говорилось о необходимости приступить к выполнению открыто антирелигиозного постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г., в том числе начать издание массового научно-популярного журнала «Наука и религия», звучала критика деятельности Совета по делам РПЦ¹⁴³⁹.

Прежнее, слишком «примиренческое к церкви» руководство этой организации было в значительной степени заменено в январе 1958 г. После знакомства с тремя новыми членами Совета 17 января Патриарх Алексей встревоженно заявил управляющему делами Патриархии протопресвитеру Н.Ф. Колчицкому: «Я думаю, что это подготовка к уходу Карпова с должности председателя — это крайне нежелательно.. Новым товарищам, вероятно, будет трудно работать, так как они, наверное, были активны в антирелигиозной работе»¹⁴⁴⁰.

Интересно отметить, что в мае пребывавший на лечении в санатории Г. Карпов несколько раз просил ЦК разрешить ему присутствовать на встрече Хрущева с Патриархом, но получил отказ. 13 февраля митрополит Николай впервые спросил у председателя Совета, не наступили ли изменения в отношении Русской Церкви «свыше», отметив, что посольства социалистических стран перестали приглашать представителей духовенства на дипломатические приемы. Вскоре смета валютных расходов Московской патриархии на 1958 г. была сокращена с 2 560 тысяч до 1 800 тысяч инвалютных рублей, в том числе по Ближнему Востоку на 644 тысяч. В августе Совет по делам РПЦ направил своим уполномоченным несколько инструктивных писем: о противодействии активизации церковников, «не допуская администрирования»; улучшении информирования; пресечении торжественного празднования юбилейных церковных дат. Московские власти закрыли доступ к почитаемому верующими Глинковскому источнику вблизи Троице-Сергиевой лавры¹⁴⁴¹. Но это было только начало.

26 августа комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей приняла решение подготовить проекты постановлений Совета Министров о новом порядке налогообложения церковных предприятий, а также о православных монастырях. Через несколько дней проекты были готовы. 10 сентября Г. Карпов вылетел к отдыхавшему в Одессе Патриарху Алексию для зондирования возможной реакции Первоиерарха на готовящиеся акции. Председатель Совета

выразил негативное отношение к «излишества» архиереев, притоку молодежи в церкви, низким налогам на свечи, слишком «обильному» рукоположению новых священников. Заговорили он и о положении Киево-Печерской лавры. Правильно поняв намеки, встревоженный Патриарх категорически отверг возможность закрытия известных монастырей, заявив о возможном уходе на покой, в знак протеста¹⁴⁴². О том же, какие «драконовские» решения правительства вскоре увидят свет, руководство Церкви осталось в неведении.

Важнейшим звеном начала атаки на религию оказалось секретное постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”». В нем всем партийным, общественным организациям и государственным органам предписывалось развернуть наступление на «религиозные пережитки» советских людей. По тотальности намечаемых мер эта акция не имела прецедента. В соответствии с указаниями ЦК и лично Н. Хрущева 16 октября Совет Министров СССР принял первые антицерковные постановления: «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». В первом из них монастырям запрещалось применять наемный труд, предусматривалось значительное уменьшение земельных наделов, а также сокращение самого количества обителей. Кроме того, вновь вводились отмененные в 1945 г. налог со строений и земельная рента, резко повышались ставки налога с земельных участков¹⁴⁴³.

Антирелигиозная кампания неслучайно началась с гонений на монастыри. Их духовная роль всегда являлась чрезвычайно важной в России. Они были и оставались местами паломничества, где можно исповедоваться и получить совет духовника, центрами духовной поддержки верующих, национальными источниками веры. И во второй половине XX столетия православные монастыри сохраняли свое значение. Например, только одна Почаевская лавра в Тернопольской области за 1957—1958 гг. получила от верующих 11 024 посылки и более 16 тысяч денежных переводов на сумму 3,4 млн рублей; среди поступивших в конце 1950-х гг. в Закарпатские обители 84,6% составляли люди моложе 30 лет¹⁴⁴⁴. Кроме того, монастыри не имели «двадцаток» и мирян для своего правового представления перед властями. Таким образом, стремясь к их ликвидации, советское руководство пыталось поразить слабое в правовом отношении звено Церкви и лишить массы верующих важной части их духовной пищи.

Поход на монастыри быстро набирал темпы. Уже 24 октября в ЦК КПСС поступила докладная записка секретаря компартии Украины Н. Подгорного, предлагавшего в ближайшее время закрыть 13 из 40 украинских монастырей и скитов, а также передать территорию нижней части Киево-Печерской лавры с близкими пещерами музею-заповеднику. Записка встретила полное одобрение заведующего отделом пропаганды ЦК А. Ильичева. Постановлением Совета Министров УССР от 1 ноября из 357 га их земли украинским монастырям было оставлено лишь 60, причем Мукачевской обители отказали даже в двух гектарах огорода и сада. В январе 1959 г. без согласия и уведомления Совета по делам РПЦ были выселены 32 монаха из Киево-Печерской лавры. Молдавские власти пошли еще дальше, предлагая за несколько месяцев закрыть 12 из 14 монастырей республики. В РСФСР Псковско-Печерскому монастырю из 26,5 га земли оставили только 4,4 га внутри двора, да и за эту землю установили такой высокий налог — 40 руб. с сотки, что впору было от нее отказаться. Областной партийный актив решил добиваться ликвидации обители. С большим трудом Совет несколько упорядочил этот процесс, утвердив план закрытия в 1959—1960 гг. 28 из 63 монастырей и скитов Русской Церкви, в том числе 7 в Молдавии и 17 на Украине. Кроме того, он добился от Патриарха согласия не

давать никаких дотаций обителям без санкции Совета, а также запрещения приема в монастыри лиц моложе 30 лет¹⁴⁴⁵.

Тяжелый удар был нанесен по материальной базе Московской Патриархии. Повышение налога на доход свечных мастерских коснулось каждого прихода. По принятому постановлению мастерские были вынуждены отпускать свечи по 200 руб. за килограмм, и в то же время запрещалось повышать значительно более низкие цены на них в храмах. Чтобы найти выход, во многих приходах начали распускать платные хоры, уменьшились доходы священников. Духовенство буквально разорялось. По московской мастерской увеличение налога на свечи составило 1033%. В целом для Патриархии он начал обходиться в 12 млн рублей в месяц, тогда как на содержание духовных учреждений и выплату пенсий вместе тратилось 2,75 млн рублей. Важную роль играло и то, что постановление, сообщенное Церкви 28 октября, вступало в силу с 1 октября, что повлекло за собой взыскание дополнительной платы за уже проданные свечи. Епархии и приходы, не имевшие в запасе денежных средств, оказались в крайне затруднительном положении. Патриархат захлестнула волна отчаянных просьб архиереев о помощи. Так, Ивановской епархии необходимо было заплатить налог за 4 квартал 1958 г. в 3 088 тысяч руб., а в епархиальной кассе было лишь 100 тысяч, у Ярославской епархии соответственно 586 и 37 тысяч и т.д.¹⁴⁴⁶.

Руководство Московского Патриархата отреагировало крайне болезненно. Уже 29 октября Совет по делам РПЦ посетила группа работников хозяйственного управления во главе с его председателем архиепископом Макарием и горячо убеждала в необходимости отменить акты, подрывавшие всю экономическую жизнь Церкви. Однако последовал твердый отказ. Ходатаи в сердцах заявили, что «правительство изыскивает таким способом необходимые средства на нужды государства». 4 ноября Совет информировал ЦК о резко негативной реакции работников Патриархии. Заместитель председателя хозяйственного управления личный секретарь Патриарха Алексия Д.А. Остапов в знак протеста даже предлагал отказаться от внешнеполитической деятельности, не принимать иностранные церковные организации и не давать им денег на подарки. Вскоре Остапов был привлечен к уголовной ответственности за «незаконное» печатание в мастерской Патриархии «венчиков» и «разрешительных молитв». Сверх дозволенных 200 тысяч экземпляров было изготовлено еще 1 млн и 900 тысяч их уже продано. Но затем следственное дело прекратили, так как всю ответственность Патриарх взял на себя¹⁴⁴⁷.

Первосвятитель также был возмущен постановлением от 16 октября. 17 ноября он писал в Совет: «Это мероприятие... явилось для Патриархии беспрецедентным и совершенно неожиданным, как предпринятое без всякой консультации с заинтересованной стороной». В частных беседах Патриарх заявлял о необходимости порекомендовать церковным организациям закупать свечи в государственной торговле, а также наладить их нелегальное производство. В ноябре руководство Патриархии просило власти хотя бы отсрочить введение новых налогов до 1 января 1959 г., но и в этом им было отказано¹⁴⁴⁸.

Вскоре последовали новые удары. В ноябре—декабре 1958 г. прошла массовая чистка церковных библиотек, многие книги были изъяты, вся иностранная литература поставлена на цензорский контроль. Для ограничения поступления новых изданий выпустили «Инструкцию о порядке пропуска в СССР религиозной литературы и предметов религиозного культа». 28 ноября ЦК КПСС принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам»». Сроки ставились жесткие, через полгода местные партийные организации должны были отчитаться о проделанной работе. В результате, чтобы прекратить доступ верующих к 700 утченным властями по СССР святым местам, применялись любые методы. Тер-

ритория вокруг источника в Коренной Пустыни под Курском была огорожена, выставлена милицейская охрана, планировалось изменение русла реки. В Ульяновской области к святому месту у пос. Сурское паломничество нескольких тысяч людей пресечь не удалось, но в наказание арестовали и привлекли к судебной ответственности четырех организаторов. На Украине несколько почитаемых источников засыпали и, видимо, вспомнив кампании 20-х гг., выпустили кинофильм «Правда о мощах». Намеренно оскорбляя чувства верующих, на месте святого источника в с. Вязовое Тамбовской области устроили летний лагерь для свиней и т.п.¹⁴⁴⁹

Вновь возобновилось закрытие храмов — в 1958 г. была снята с регистрации 91 церковная община. И здесь порой происходили нарушения всяких норм законности. Так, в Приморском крае Сучанский горисполком пытался насильственным путем, с арестом священника закрыть кладбищенскую церковь, чем вызвал открытую вспышку недовольства населения. Антирелигиозная волна нарастала: Ростовский облисполком потребовал запретить колокольный звон в городских церквях, у архиереев снимали телефоны, храмы отключали от водопроводной сети, запрещали в них текущий ремонт и т.д.¹⁴⁵⁰

Все эти акции вдохновлялись высшим партийным руководством. На XXI съезде КПСС в январе—феврале 1959 г. активно звучала тема о необходимости разработки программы быстрого перехода советского общества к коммунизму, и Н. Хрущев в своем докладе заявил, что одна из главных задач предстоящей семилетки — преодоление пережитков капитализма в сознании масс. Об этом же говорили на съезде официальные советские идеологи — М. Сулов, Е. Фурцева, П. Поспелов. Ряд зарубежных историков — Д. Поспеловский и некоторые другие¹⁴⁵¹ — даже считают, что могло существовать секретное постановление XXI съезда по уничтожению религиозных организаций в стране в ходе выполнения принятого семилетнего плана, но какие-либо сведения о нем в рассекреченных архивных документах ЦК КПСС отсутствуют.

В январе 1959 г. состоялись закрытое собрание коммунистов Совета по делам РПЦ и всесоюзное совещание его уполномоченных по обсуждению новых задач в свете постановления ЦК от 4 октября 1958 г. На них подверглась резкой критике вся прошлая деятельность организации за примиренчество и пособничество церковникам. Подчеркивалось, что Совет поддерживал ходатайства об открытии и ограничивал ликвидацию храмов, дважды добивался более льготного обложения духовенства, принимал инструкции, способствовавшие распространению религиозной идеологии. В докладе одного из новых членов Совета И.И. Сивенкова в качестве главного виновника «ошибок и извращений» указывался отсутствовавший по болезни Г. Карпов, который будто бы не сумеет их исправить, так как не хочет признавать и критически оценивать¹⁴⁵².

И.Г. Карпов, возглавлявший Совет с момента его возникновения в 1943 г., действительно решил не сдаваться. 6 марта он направил Е. Фурцевой заявление с просьбой принять его, а 14 марта передал ее помощнику обстоятельное письмо, причем просил не знакомить с его текстом до намеченной встречи аппарат отдела пропаганды ЦК. В письме Г. Карпов сообщал о серьезных недоразумениях в его деле, которые могут привести к неблагоприятным последствиям. Он подчеркивал несколько принципиальных возражений против доклада И. Сивенкова: нормализация отношений государства с Церковью является одной из главных задач Совета, а не политической ошибкой, необходимо сохранять патриотическую позицию Церкви, а не разоблачать «стремление духовенства выдавать себя за активных помощников советской власти» и т.д.

Отмечая недопустимость сознательного ухудшения церковно-государственных отношений, Карпов ссылался на важность использования религиозных организаций в государственных интересах СССР за границей: «Из 14 автокефальных православных

церквей мира 9 церквей целиком поддерживают начинания Московской Патриархии... Сейчас предполагается подготовить и провести в течение 1—2 лет Вселенский Собор или совещание всех православных церквей мира... Как же можно проводить эту работу... если мы будем... поощрять грубое администрирование по отношению к церкви и не реагировать на извращения в научно-атеистической пропаганде... Я считаю недопустимыми такие действия, как взрыв церковных зданий». Председатель Совета приводил многочисленные вопиющие факты администрирования, ссылаясь на массовое недовольство духовенства, размышления Патриарха об отставке и даже предлагал сделать некоторые уступки Церкви, например, разрешить построить здание для Киевской семинарии¹⁴⁵³.

В результате Г. Карпов еще почти на год сохранил свою должность. Наметился временный отход от некоторых крайних форм антирелигиозного наступления. Важную роль здесь сыграло сопротивление самой Православной Церкви. Так, 18 февраля руководство Совета приняло митрополита Крутицкого Николая по его просьбе. Согласно записи беседы, «в раздраженном тоне, нервничая и возмущаясь, Николай заявил, что с осени 1958 г. началось наступление на церковь, равнозначное походу на церковь до войны 1941—1945 гг.». Владыка указал, что в этой обстановке он не может посещать дипломатические приемы и уже два раза не являлся на них, кроме того, Патриархия хочет отказаться от издания журнала, так как публикуемые там материалы используются для борьбы с религией¹⁴⁵⁴.

20 февраля по тому же вопросу на прием в Совет пришел Патриарх Алексей, он настаивал на снижении налогов, открытии новых храмов и заявил о желании добиваться встречи с Н. Хрущевым¹⁴⁵⁵. 31 мая Первосвятитель и митрополит Николай обратились к 1-му секретарю ЦК с письмом: «Мы вынуждены просить Вас, глубокоуважаемый Никита Сергеевич, каким-нибудь актом подтвердить действительность постановления партии от 10 ноября 1954 года. За последние месяцы имеют место многие факты оскорбления религиозных чувств, а также отдельных ничем не опороченных священнослужителей и печатание в прессе заведомой неправды о некоторых явлениях нашей церковной жизни». Далее приводились многочисленные примеры газетной клеветы или грубого администрирования местных властей¹⁴⁵⁶.

Определенный результат это письмо принесло. В редакционной статье «Правды» от 21 августа «Против религиозных предрассудков» критиковались отдельные органы печати, обращалось внимание партийных организаций на недопустимость «искривления» линии партии в религиозном вопросе. Кроме того, отдел пропаганды ЦК указал редакциям ряда газет на необходимость исключить в дальнейшем оскорбления чувств верующих. Рекомендовалось также не упоминать в атеистических статьях руководителей Патриархии и почитаемые святыни. Правда, данные указания выполнялись не долго.

Наступление на религию в 1959 г. не прекратилось, лишь на время несколько сбавило темпы. 22 апреля Совет по делам РПЦ направил своим уполномоченным инструктивное письмо «О введении регистрации членов исполнительных органов и ревизионных комиссий приходских церквей» (отмененной в октябре 1955 г.), в целях ограничения единовластия настоятелей, ослабления материального положения Церкви и принижения авторитета духовенства. В подобном письме от 12 июня требовалось прекратить продолжавшуюся в широких размерах благотворительную деятельность религиозных организаций, а также принять меры к полному прекращению ходатайств об открытии храмов. 29 августа последовал указ об ограничении совершения треб духовенством в домах верующих и т.д.¹⁴⁵⁷

К ноябрю 1959 г. было закрыто 13 православных монастырей, на конец года и в 1960 г. была намечена ликвидация еще 17. Вопреки предварительной договоренности

Патриарха с Советом по делам РПЦ некоторые обители закрыли не постепенно, а в ускоренном порядке — иногда в 24 часа. Из 1013 насельников лишь 266 перевели в другие монастыри, 26 трудоустроили, 7 отправили в больницы и дома престарелых, остальные были предоставлены самим себе. Не обошлось без эксцессов, особенно при ликвидации Кременецкого и Речульского монастырей. 150—200 инокинь последней и многочисленные верующие пытались воспрепятствовать закрытию, заняли церковь. 1 июля при их изгнании работники милиции открыли стрельбу, одного богомольца застрелили. А 8 октября в день памяти преподобного Сергия Радонежского на территории Троице-Сергиевой лавры милиционеры задерживали верующих и не выпускали их из-под ареста несколько суток, требуя расписок, что они никогда больше не придут в Лавру¹⁴⁵⁸.

Местные власти все меньше считались с Советом по делам РПЦ, уполномоченные которого порой были вынуждены подчиняться решениям областного или республиканского руководства, а не своего непосредственного начальства. 17 сентября Патриарх Алексей, возлагая надежды только на помощь лично Г. Карпова, писал ему по поводу рапорта архиепископа Ростовского Иннокентия: «Он просит меня дать ему указаний... Но каких я ему могу дать указаний, когда по ряду пунктов я могу только сказать, что требования уполномоченного по меньшей мере незаконны? Как, например, сочетать требование его о недопущении в храм лиц до 18-летнего возраста с пунктом конституции о признании свободы отправления религиозных культов за всеми гражданами?.. Как оценить его требование священникам “отказаться от Бога” и т.д.?»¹⁴⁵⁹.

Однако и сам Г. Карпов постепенно терял возможность принимать самостоятельные решения. Например, отправляясь 22 сентября в Одессу на переговоры с Патриархом о необходимости увольнения Крымского, Львовского, Ташкентского и Чебоксарского архиепископов за их «нездоровые акции», председатель Совета впервые запрашивал санкции на подобную поездку у ЦК КПСС. Первосвяtitель пытался отстоять многих намеченных к устранению архиереев, и в некоторых случаях это удавалось. Так, архиепископа Луку Совет неоднократно настойчиво рекомендовал отправить на покой еще с июня 1959 г., но Патриарх отклонял все «пожелания» вплоть до смерти Владыки в 1961 г.

Встретившись с сопротивлением Первосвяtitеля, Г. Карпов в декабрьской беседе с уполномоченным по Узбекистану Н.Ф. Вороничевым пытался смягчить конфликт вокруг Ташкентского архиепископа: «Взамен Ермогена к Вам будет назначен другой епископ, а другой, Вы думаете, лучше будет? Все равно, — сказал товарищ Вороничев, — Ермогена дальше держать в Ташкенте невозможно». Уполномоченный подчеркнул, что на него оказывает сильное давление руководство Узбекистана, так как архиепископ под видом ремонта фактически построил несколько новых храмов, развернул широкую благотворительную деятельность. Председатель Совета ответил, что поговорит об этом с Патриархом снова только после его возможной встречи с Хрущевым¹⁴⁶⁰.

Новый импульс активизации антицерковной политики в конце 1959 — начале 1960-х гг. придали некоторые руководящие республиканские и областные партийные работники. Кроме того, свою «лепту» внес и Комитет государственной безопасности. После объявления «войны религии» работники его специальных подразделений воспрянули духом, почувствовав свою необходимость, и резко усилили деятельность по сбору данных о «подрывных актах церковников». Так, 18 апреля 1959 г. председатель КГБ А. Шелепин писал в ЦК КПСС об участии некоторых научных работников, профессоров, артистов в церковной жизни и предлагал через администрацию учреждений принять «соответствующие меры воздействия» на них. В начале декабря работники КГБ приказали давно связанному с ними профессору Ленинградской духовной

академии А.А. Осипову заявить о своем разрыве с Церковью и Богом. Через полторы недели они отправили в отдел пропаганды ЦК два аналитических обзора А. Осипова «Об общем положении православия в СССР» и «Об антирелигиозной работе», написанных им по заданию КГБ¹⁴⁶¹.

Всего различными мерами шантажа, подкупа и угроз в конце 1950-х — начале 1960-х гг. удалось склонить к отречению от сана около 200 православных священнослужителей. Хотя многих из них затем использовали в агитационных целях, сколько-нибудь существенного воздействия на верующих эта акция не оказала. Ренегаты вызывали лишь презрение, и впоследствии от подобной практики властям пришлось отказаться. Архивные документы свидетельствуют, что многие из отречшихся от сана уже к середине 1960-х гг. спились, покончили с собой, некоторые просили своих архиереев о прощении. Священный Синод еще 30 декабря 1959 г. изверг из сана и отлучил от Церкви бывших клириков, «публично похуливших Имя Божие»¹⁴⁶². Это открытое осуждение ренегатов вызвало резкую реакцию атеистических пропагандистов.

Руководство Московского Патриархата пыталось остановить нарастание новой антирелигиозной волны. 24 ноября митрополит Николай в разговоре с Карповым жестко поставил вопрос о «фактах физического уничтожения Православной Церкви». По словам Владыки, и «Патриарх считает, что в настоящее время ведется явная линия на уничтожение Церкви и религии вообще и более глубоко и широко, чем это было в 20-х годах». Начиная с 11-го номера «Журнала Московской Патриархии» митрополит запретил печатать свои проповеди. Первосвяtitель же, не желая быть ликвидатором Церкви, вновь заявлял о своей возможной отставке. Вскоре Патриарх Алексий написал Г. Карпову письмо о 10 самых больных вопросах, которые он хотел бы обсудить с Н. Хрущевым¹⁴⁶³. Но все попытки организовать встречу с 1-м секретарем ЦК КПСС закончились неудачей.

9 января 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», в котором с неудовольствием отмечалось, что руководители некоторых партийных организаций занимают пассивную позицию по отношению к враждебной марксизму-ленинизму религиозной идеологии. Еще более жестко прозвучало постановление ЦК КПСС от 13 января «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». Антирелигиозная война вышла на новый уровень. Речь шла уже об изменении самих основ деятельности Русской Православной Церкви. В постановлении указывалось, что «вопреки советскому законодательству о культах, предоставлявшему право управления религиозными общинами, органам, выбранным из числа самих верующих, церковнослужители сосредоточили все руководство приходами в своих руках и используют это в интересах укрепления и распространения религии». Сильное негодование и тревогу партийного руководства вызывал тот факт, что, несмотря на все антицерковные акции и атеистическую пропаганду, религиозная активность в СССР не снижалась. Так, в апреле 1960 г. Совет по делам РПЦ извещал ЦК КПСС, что по всей стране верующих присутствовало на пасхальных службах в целом больше, чем в прошлом году. В Москве, в частности, «на богослужениях было много мужчин и женщин, особенно молодежи — значительно больше, чем в “пасху” 1959 г. Все церкви города были переполнены народом. Кроме того, десятки тысяч людей находились в ограде церквей, на прилегающих улицах и многие из них — с горящими свечами в руках»¹⁴⁶⁴. Ставка была сделана на дальнейшее усиление антирелигиозного натиска.

Г. Карпов не слишком подходил на роль церковного гонителя, хотя он и пытался перестроиться в соответствии с новыми требованиями. 22 января председатель Совета повел беседу с митрополитом Николаем в небывалом прежде жестком тоне, заявив,

что вскоре с ним и Патриархом состоится большой разговор о невыполнении Русской Церковью советского законодательства о культах и, очевидно, произойдут некоторые изменения в Положении о Церкви. Г. Карпов резко поставил вопрос о проповедях Владыки против массивной атеистической пропаганды в московских храмах и указал, что она будет вестись и впредь, а всякие попытки сопротивления этому найдут соответствующее реагирование»¹⁴⁶⁵.

Однако 16 февраля последовало беспрецедентное публичное выступление Патриарха с речью на конференции советской общественности за разоружение. Начав с перечисления заслуг Православной Церкви за тысячелетнюю историю русского народа, Первосвятитель достаточно ясно заявил и о нынешних гонениях: «Церковь Христова, полагающая своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки и порицания, и тем не менее она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви. Кроме того, в таком положении Церкви есть и много утешительного для верных ее членов, ибо что могут значить все усилия человеческого разума против христианства, если двухтысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата адавы не одолеют Церкви Его»¹⁴⁶⁶. После такого провала карьера Г. Карпова закончилась. 21 февраля он был отправлен на пенсию, а председателем Совета по делам РПЦ назначен партийный функционер, в прошлом идеологический работник в Свердловской области, зарекомендовавший себя старательным исполнителем указаний начальства, В.А. Куроедов.

Хотя в дальнейшем отношение В. Куроедова к Церкви претерпело определенную эволюцию, начало оказалось очень жестким. 11 марта, впервые встретившись с руководством Патриархии, новый председатель Совета заверил, что курса на уничтожение Церкви не существует, но органы власти будут значительно строже, чем раньше, контролировать выполнение духовенством законодательства о культах¹⁴⁶⁷. Фактически это означало волну дополнительных запретов и стеснений. В апреле на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета В. Куроедов заявил: «Давайте, товарищи, будем откровенно говорить, у нас в ряде республик и областей имеется слишком густая сеть церковных учреждений, не вызываемая никакой практической необходимостью». И после такого вступления предложил перейти к плановому сокращению церквей, монастырей, духовных учебных заведений и духовенства, епархий и епархиальных центров¹⁴⁶⁸.

Для осуществления намеченного плана необходимо было преодолеть сопротивление ряда открыто враждебных новой религиозной политике властей иерархов и прежде всего самого активного и влиятельного из них — митрополита Крутицкого и Коломенского Николая. Это был сложный и противоречивый деятель, но в тот трагический для Церкви период он порой проявлял незаурядное мужество. Власти не без оснований опасались, что Владыка станет знаменем, лидером всех недовольных в Патриархии и может сплотить некую внутрицерковную оппозицию, что усложнит ситуацию в стране. Кроме того, их не устраивала и внешнеполитическая позиция митрополита Николая.

16 апреля 1960 г. В.А. Куроедов и председатель КГБ А.Н. Шелепин направили в ЦК КПСС особую записку с предложением отстранить его от активной церковной деятельности и участия в работе общественных организаций, так как митрополит неоднократно высказывал «крайне реакционные настроения», фактически отказался руководить отделом внешних церковных сношений (ОВЦС), настраивал Патриарха Алексия «быть более решительным и принципиальным», «допускал двурушничество» и т.д. В качестве практических шагов по дискредитации митр. Николая предлагалось «через агентуру из числа церковных авторитетов... оказывать определенное влияние на

патриарха Алексия в направлении усиления у него недоверия к Николаю». ЦК полностью одобрил эти предложения¹⁴⁶⁹.

15 июня состоялась соответствующая беседа В. Куроедова с Первосвященителем. Председатель Совета заявил, что внешняя работа Церкви «поставлена совершенно неудовлетворительно... Патриархия за последние годы не провела ни одного крупного мероприятия по объединению православных церквей вокруг Русской православной церкви... мероприятий, связанных с разоблачением реакционных действий папы Римского и усилением борьбы за мир. Патриархия не использует всех тех огромных возможностей, которыми она располагает; не проведено ни одной крупной акции за рубежом... Совет рекомендовал митр. Николаю разработать и дать предложения об усилении внешней работы. Однако митр. Николай не выполнил эту просьбу...». Указав также, что Владыка по существу не согласен с «оценкой агрессивных действий США», данной Н.С. Хрущевым на Парижском совещании, и, кроме того, распространяет слухи об изменении государственной политики по отношению к Церкви, которую «якобы» ждет физическое уничтожение, В. Куроедов предложил снять митрополита Николая с занимаемого поста. Некоторые сомнения Патриарха были быстро преодолены¹⁴⁷⁰. Нужно отметить, что руководство Совета, не гнушаясь клеветой, всячески множило и подогревало разногласия первого и второго лиц в церковной иерархии.

Заручившись принципиальным согласием Патриарха, В. Куроедов 17 июня добился от Владыки Николая «добровольного» согласия на освобождение от должности председателя ОВЦС. В итоге 21 июня Священный Синод принял постановление: «Освободить согласно прошению, митрополита Крутицкого Николая от должности председателя отдела внешних церковных сношений и назначить на эту должность его заместителя, архимандрита Никодима (Ротова), с возведением его в сан епископа Подольского, викария Московской епархии»¹⁴⁷¹.

Но митрополит Крутицкий не отказался от избранного пути. Он разрешил передачу по Би-би-си своей проповеди в Голландии об антицерковных гонениях в СССР. В июле приехавшему в Москву епископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину) Владыка заявил, что его уволили за борьбу с безбожием и привел многочисленные факты надругательств над чувствами верующих: «...по всей России на Пасху прокатилась волна грубейших и безобразных антирелигиозных демонстраций. Мне даже неловко описывать их... В одном из городов на Украине, во время службы, в церковь ворвалась толпа молодых людей, они несли на руках обнаженную девушку, направились к алтарю и пытались через царские врата войти в него и положить девку на престол. Конечно, это им не удалось, верующие вмешались и помешали, произошла общая драка и свалка... милиция в подобных случаях просто исчезает и появляется только по окончании бесчинств» и т.д. Действительно, пытаясь сорвать Пасхальные богослужения, в 1960 г. хулиганствующая молодежь врывается в кафедральные соборы Киева, Таллина, Риги, во многих храмах били стекла, стреляли в окна из ружей. Причем чувствовалось явное попустительство, а то и содействие властей. На вопрос епископа Василия, нужно ли сделать за границей известным рассказанное ему, митрополит Николай заявил: «Можно и даже полезно»¹⁴⁷².

Подобные же сведения Владыка пытался распространять в августе через председателя Христианских мирных конференций чехословацкого профессора-богослова И. Громадку, главу американского экзархата митрополита Бориса и др. Опальный митрополит явно стремился привлечь внимание мировой общественности к положению Церкви в СССР, рассчитывая с ее помощью остановить нарастание антирелигиозной кампании в стране. К сожалению, находясь под впечатлением хрущевской оттепели после сталинских «лютых холодов», влиятельные зарубежные политики и обществен-

ные деятели далеко не сразу стали прислушиваться к свидетельствам о трагедии Русской Православной Церкви.

Вскоре митрополит Николай, которого изолировали от общения с иностранцами, подвергся новым преследованиям. В конце августа В. Куроедов поставил вопрос об устранении его от руководства Московской епархией. Патриарх предложил перевести Владыку на Ленинградскую кафедру. Митрополит Николай ответил категорическим отказом. 9 сентября он послал письмо Н. Хрущеву: «Пощадите меня ради этой моей посильной многолетней работы для Великой Родины, верным сыном и патриотом которой я был и буду до моего издыхания»¹⁴⁷³. Ответа не последовало.

Через три дня Совет по делам РПЦ на своем заседании подверг резкой критике деятельность редколлегии «Журнала Московской Патриархии» за 1959—1960 гг.: «Журнал почти не публикует материалов о жизни церкви, характеризующих свободу религии и вероисповедания в СССР, крайне слабо освещает международные связи Русской православной церкви в деле борьбы за мир, не ведет никакой борьбы по разоблачению реакционной сущности политики Ватикана. За истекшие два-три года в нем не было опубликовано ни одной статьи, посвященной этому вопросу. В журнале прекращено печатание богословских работ и проповедей, что за границей расценивается как притеснение церкви со стороны советского государства». В результате Совет постановил рекомендовать Патриарху освободить митрополита Николая от руководства журналом и назначить главным редактором доцента Ленинградской духовной академии А.Ф. Шишкина (бывшего активного обновленца)¹⁴⁷⁴.

15 сентября 1960 г. Патриарх Алексей, известив Куроедова об отказе митрополита Николая принять управление Ленинградской кафедрой, отметил, что тот, «видимо, решил идти ва-банк», и предложил в связи с поступлением заграничных материалов о гонениях на него не принимать сейчас решения об освобождении Владыки, а предоставить ему полугодовой отпуск. Однако, в очередной раз оклеветав митрополита Николая, В. Куроедов настоял на немедленном полном отстранении его от руководящей работы в Патриархии¹⁴⁷⁵. Через четыре дня Священный Синод принял решение освободить Николая от поста митрополита Крутицкого и Коломенского с увольнением на покой.

13 декабря 1961 г. смещенный со всех занимаемых им постов Владыка Николай умер в московской Боткинской больнице при странных обстоятельствах. По свидетельству очевидцев, близкие потребовали медицинского свидетельства о смерти. Было сделано врачебное заключение, что болезнь усопшего якобы объясняется «переменой климата». У морга собралась большая толпа верующих, кричавшая людям, приехавшим за телом: «Убийцы!». Сохранились анонимные письма в адрес Верховного Совета и правительства СССР с требованием расследовать это «несомненное убийство», все они передавались для выявления авторов в КГБ¹⁴⁷⁶. Кроме того, вскоре был снесен дом, где жил митрополит Николай (Баумановский пер., д. 6), и закрыт храм, в котором он служил.

Репрессии коснулись и других неугодных иерархов. 31 мая 1960 г. был перемещен на Оренбургскую кафедру архиепископ Львовский Паладий, 15 сентября освобожден с увольнением в отпуск архиепископ Ташкентский и Средне-Азиатский Ермоген. «Отпуск» затянулся на полтора года, и Владыке пришлось писать лично Н. Хрущеву, чтобы Совет перестал противиться его назначению на новую кафедру. С целью запугать архиереев, которые боролись с наступлением на Церковь, в 1960 г. был арестован и осужден на три года архиепископ Казанский Иов (Кресович). Его обвинили в неуплате налогов с расходов на представительство, которые ранее налогом не облагались. Таким образом, все иерархи предупреждались, что они могут быть осуждены на основе аналогичного обвинения, если окажутся неугодны. В 1961 г. арестовали архиепископа

Иркутского Вениамина, который через два года скончался в заключении, был осужден архиепископ Черниговский Андрей (Сухенко) и т.д. Отстранялись от служения и наиболее активные священники. Так, только уполномоченный по Минской области в 1960 г. снял с регистрации «в порядке наказания» шесть священнослужителей¹⁴⁷⁷.

На время ослабил церковное сопротивление, власти приступили к осуществлению намеченных планов. К ноябрю 1960 г. по заданию ЦК КПСС была разработана «Инструкция по применению законодательства о культурах», утвержденная в марте 1961 г., которая запрещала религиозным центрам организовывать детские и женские собрания, кружки, паломничество, благотворительность, санаторную и лечебную помощь, экскурсии, библиотеки, использовать средства для возрождения затухающих церквей и монастырей, принудительно взыскивать сборы, применять к верующим меры принуждения и наказания. Запрещение благотворительности дошло до того, что с 1960 г. власти стали оказывать давление на священников и церковные советы, вынуждая их изгонять нищих из храмов. Во многих городах начали препятствовать проведению крестных ходов и в церковной ограде, в ноябре В. Куроедов впервые внес в ЦК КПСС предложение о запрещении колокольного звона. Значительно выросло количество закрываемых церквей: если в 1959 г. власти сняли с регистрации 364 православные общины, то в 1960 г. — 1398¹⁴⁷⁸.

Сильный удар был нанесен по духовным учебным заведениям. К 1958 г. они достигли пика своего развития за все послевоенное время. В восьми Духовных семинариях и двух Академиях обучалось свыше 1200 человек на дневном отделении и более 500 на заочном. Но с этого времени государство начало прилагать усилия к тому, чтобы сократить количество учащихся духовных школ. С юношами, подавшими прошения в семинарии о приеме на учебу, встречались местные уполномоченные, партийные и комсомольские деятели, работники КГБ и военкомата и различными способами, вплоть до отбирания паспортов, удерживали их от поступления. Кроме того, оказывалось давление на приходских священников, дававших рекомендации абитуриентам. Поступающих часто брали на срочные военные сборы на период сдачи вступительных экзаменов, иногда уже принятым отказывали в прописке. С 1959 г. отсрочка от призыва в армию перестала даваться даже учащимся выпускных курсов, в семинарии стали приниматься только отбывшие воинскую службу.

Время подачи заявлений абитуриентам было ограничено 1 августа. За месяц, оставшийся до вступительных экзаменов, списки их пересылались в Совет по делам РПЦ, а оттуда заинтересованным уполномоченным на места для обработки юношей. В начале 1960-х гг. эти акции переросли в настоящую охоту за каждым желающим поступить в семинарию или Академию. Особые усилия направлялись на то, чтобы не допустить в них лиц с высшим образованием. В результате принятых мер количество учащихся духовных школ стало уменьшаться. Например, в октябре 1962 г. Совет по делам РПЦ с удовлетворением сообщал ЦК КПСС, что из 560 юношей, подавших в 1961—1962 гг. заявления о приеме в семинарии, 490 в результате «индивидуальной работы» их забрали¹⁴⁷⁹.

Таким образом, была подготовлена почва для ликвидации духовных учебных заведений, перекрытия канала «воспроизводства» кадров духовенства. Краткосрочные пастырские курсы, частично выполнявшие эту задачу в 1940-е — 1950-е гг., также были окончательно запрещены. 17 июля 1959 г. под нажимом Совета по делам РПЦ Учебный комитет Патриархии принял решение о постепенном закрытии единственного существовавшего заочного сектора Ленинградских духовных школ. Архиереям не рекомендовалось делать взносы на содержание конкретных академий и семинарий. 4 мая 1960 г. Патриарх был вынужден согласиться с предложением В. Куроедова закрыть Киевскую, Саратовскую и Ставропольскую духовные семинарии. На ликви-

дацию же Минской и Волынской семинарий не было получено согласия руководства Патриархии, и они прекратили свое существование исключительно в результате принятых административных мер. Минская семинария из-за открытого противодействия местных властей не могла с 1959 г. произвести набор воспитанников и поэтому после выпуска 1963 г. последних пяти учащихся фактически перестала функционировать.

Подобным же способом в соответствии с постановлением ЦК Компартии Украины должна была в 1963 г. прекратить существование и Волынская семинария. Но все усилия республиканского руководства оказались тщетны, полностью сорвать набор новых учащихся не удалось. Тогда горисполком изъял у семинарии второй этаж здания, снял номерные знаки с ее автомашины и т.п. В 1964 г., утратив возможность нормально функционировать, она была вынуждена прекратить свою деятельность¹⁴⁸⁰.

В 1961 г. встал вопрос уже о существовании Ленинградской духовной академии и семинарии. Местная газета «Смена» целый номер посвятила «гнезду контрреволюции» в городе трех революций. В Академию перестали пускать посетителей, верующим запретили посещать ее храм. Казалось, что крупнейший центр духовного образования обречен. Но он не сдавался и в декабре 1962 г. даже ходатайствовал о возобновлении приема на заочный сектор. Помог Академии выстоять назначенный в октябре 1963 г. главой Ленинградской епархии митрополит Никодим (Ротов). Как Председатель Отдела внешних церковных сношений он энергично стал включать Академию в международную деятельность, зачастили иностранные делегации, профессора начали значительно активнее посещать различные богословские конгрессы. Зная о ярко выраженных симпатиях Н. Хрущева к развивающимся африканским странам, митрополит смог пригласить на учебу семь африканцев из Уганды и Кении. Еще больше представителей государств «третьего мира» обучалось в Московской духовной академии. Под предлогом необходимости иметь подготовленные кадры для международной деятельности Патриархии удалось открыть в ней в 1964 г. небольшой заочный сектор и аспирантуру¹⁴⁸¹.

В целом же к осени 1964 г. количество учащихся духовных школ по сравнению с 1958 г. сократилось более чем вдвое — в трех семинариях и двух академиях числилось 411 человек на дневном отделении и 334 заочника. В результате с каждым годом все острее в Церкви стала ощущаться нехватка священнослужителей. Умирали последние представители дореволюционного духовенства. Архиереи вынуждены были рукополагать лиц не только без духовного образования, но часто просто малограмотных. К худшему изменилась ситуация и в уцелевших духовных школах. Не сумев до конца их ликвидировать, государство пошло по пути жесточайшего контроля над ними. Уходила из жизни старая профессура, новым же талантливым преподавателям ставились всяческие препятствия. Запрещалось издавать учебные пособия, преподавать общеобразовательные дисциплины (психологию, логику, историю философии, историю литературы), необходимые для усвоения богословия. Власти опасались всесторонне подготовленных священнослужителей. Именно с конца 1950-х гг. начала осуществляться целенаправленная кадровая политика по качественному изменению состава духовенства.

В 1961 г. наступление на Церковь продолжалось. 16 марта Совет Министров СССР принял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», подписанное Н. Хрущевым. Теперь к обеспечению «контроля» в обязательном порядке привлекались местные органы власти. При райисполкомах, поселковых и сельских советах начали создаваться комиссии содействия по наблюдению за выполнением законодательства о культах. Зачастую их деятельность сводилась к слежке, доносам, вмешательству во внутрицерковную жизнь.

Важным пунктом принятого постановления было разрешение закрывать молитвенные здания по решениям не Советов Министров союзных республик, а областных (краевых) исполкомов, при условии согласования с Советами по делам РПЦ и религиозных культов. Это ускорило и облегчило процедуру ликвидации храмов. В результате в 1961 г. было снято с регистрации 1390 православных обществ, а в 1962 г. еще 1585. Согласно постановлению от 16 марта все священнослужители и церковнослужители, а не только приходское духовенство, как ранее, облагались подоходным налогом по 19-й статье соответствующего указа Верховного Совета. Кроме того, предусматривалось ограничение колокольного звона, «если это вызывается необходимостью и поддерживается населением». Подобная формулировка заставила на несколько десятилетий замолчать колокола большинства храмов в стране. Так, например, в Ленинградской области 31 марта 1961 г. Гатчинский горисполком, а 29 августа Всеволожский райисполком приняли решения о запрещении церковного звона и т.д.¹⁴⁸²

Довольно скоро ощутив последствия мартовского постановления правительства, многочисленные представители духовенства начали обращаться к Патриарху с просьбой, чтобы он добился отмены или хотя бы смягчения отдельных пунктов. В апреле—мае 1961 г. Первосвященник направил в Совет и правительство несколько писем с просьбой пересмотреть религиозную политику государства, одернуть представителей власти на местах, «увлекшихся» закрыванием церквей, открыто притеснявших духовенство и мирян. Однако эти письма, как и многочисленные ходатайства Патриарха Алексия об организации его встречи с Н. Хрущевым, остались без внимания¹⁴⁸³. Более того, Патриарху пришлось пойти даже на изменения «Положения об управлении Русской Православной Церкви».

31 марта В. Куроедов заявил руководству Патриархии о необходимости проведения «церковной реформы». Суть ее заключалась в отстранении священнослужителей от руководства приходами. Роль главы общины переходила от настоятеля к исполнительному органу — приходскому совету, которому передавалась вся финансово-хозяйственная деятельность. «Реформа» во многом разрушила традиционное управление Церкви, ее организация юридически расчленилась. Священнослужители отделялись от приходской жизни и должны были наниматься общиной по договору для «исполнения религиозных потребностей». Духовенство не допускалось на собрание, избиравшее церковный совет, куда власти, имевшие законное право отвода его членов, постепенно вводили своих людей. Фактически же руководителями приходской жизни становились старосты, назначавшиеся райисполкомами из людей, часто совершенно нецерковных и иногда даже неверующих, морально весьма сомнительных. Без их согласия священник или епископ не могли принять на работу или уволить даже уборщицу в храме. Юридический статус архиереев и Патриарха вообще никак не оговаривался, в правовом отношении их как бы не существовало, и они не имели никакой законной формы связи с приходской жизнью¹⁴⁸⁴.

18 апреля Священный Синод принял навязанное Советом постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни». Утвердить его должен был намеченный на 18 июля Архиерейский Собор. В. Куроедова беспокоило, как бы он не «вышел из-под контроля» и не отверг бы проводимой им «реформы». Трех архиереев, которые высказались отрицательно о постановлении Синода, не пригласили на Собор, а архиепископа Ермогена, который явился без приглашения, не допустили к заседанию. Собор утвердил изменения в «Положении об управлении Русской Православной Церкви», а также увеличил число постоянных членов Синода, принял решение о вступлении во Всемирный Совет Церквей и одобрил участие во Всемирном общехристианском конгрессе в защиту мира¹⁴⁸⁵.

Последствия «церковной реформы» проявились быстро. Уже в июле в Ленинградской епархии власти попытались провести тотальную «чистку» духовенства, сократив его почти на 40% и изгнав наиболее бескомпромиссных. Митрополит Гурий не стал в этом участвовать и не издал ни одного указа, но через церковные советы удалось уволить 29 из 60 намеченных священнослужителей. Это было вопиющим нарушением канонического права. Ситуация в Ленинграде оказалась очень тяжелой. Митрополит не мог служить без особого, каждый раз, разрешения уполномоченного, духовенство не имело права проповедовать без предварительного просмотра текста проповедей. Для того чтобы якобы не отвлекать людей от работы, запретили ранние литургии в будние дни. В июле 1961 г. здание епархиального управления в Александро-Невской лавре было передано вечерней школе, уникальную библиотеку вытащили во двор и частично уничтожили. Состав управления сократили в несколько раз, а 25 августа из его бывшего здания перезахоронили в склеп под Свято-Троицким собором Лавры прах Ленинградских митрополитов Григория и Елевферия с указанием «в него никого не допускать»¹⁴⁸⁶.

Во многих других епархиях было не легче. Духовенство лишили права выезжать в соседние населенные пункты, отправлять требы в домах граждан, запрещали посещать квартиры мирян под каким-либо предлогом, кроме тяжелой болезни. С 1961 г. относительно широкое распространение получила «индивидуальная работа» с верующими, напомнив практику конца 1930-х гг. Комсомольские, партийные, профсоюзные организации, отделения общества «Знание» назначали своих членов персональными проводниками атеизма к известным им верующим. Если методы убеждения не помогали, они привлекали внимание своих коллективов, и эти факты «религиозной отсталости» обсуждались на собраниях. В случае неудачи далее следовали административные санкции, часто означавшие понижение в должности или исключение из института. Нередко встречались и физические наказания верующих учеников их учителями¹⁴⁸⁷.

Продолжалась ликвидация монастырей. Вся Русская Православная Церковь оплакивала потерю Киево-Печерской лавры — колыбели христианства на Руси. Власти же расценили ее закрытие, как важную победу. Отличившийся в этой акции местный партийный работник И.И. Бражник за «особую лихость» был вскоре взят в отдел пропаганды ЦК КПСС на должность инструктора, курировавшего религиозные вопросы. К ликвидации монастырей готовились, как к серьезной военной операции. Например, для выполнения постановления Совета Министров УССР от 16 июня 1961 г. о закрытии Глинской Пустыни выделили 250 милиционеров, дружинников, сотрудников КГБ, партийных активистов, 23 автомашины. Помимо этого, специальные группы полностью изолировали усадьбу монастыря, и дополнительные посты с задачей не пропускать посторонних были выставлены на всех прилегающих дорогах¹⁴⁸⁸. Но даже в этих условиях противостояния государственному аппарату подавления верующим, монахам иногда удавалось отстоять обители.

Настоящее сражение с 1961 г. развернулось за Почаевскую лавру. С самого начала власти избрали административные методы. Монахов запугивали, вызывая в милицию и КГБ, лишали прописки и угрожали отдать под суд за нарушение паспортного режима, здоровых иноков, согласно медицинскому «освидетельствованию», отправляли в психиатрические больницы. 28 февраля 1962 г. Тернопольский обком КПСС докладывал секретарю ЦК Л.Ф. Ильичеву, что за год количество монахов удалось сократить со 130 до 75, в Лавре ликвидировано производство утвари, свечей, уволены наемные работники, отобрана вся земля, сад, часть жилых помещений, транспорт. Казалось, победа близка, однако обитель не сдавалась. Тогда власти взяли на вооружение тактику насильственных выселений. Было совершено несколько варварских нападений, с

разгоном помогающих монахам мирян пожарной водой. Каждый верующий житель Почаева состоял в государственных органах на специальном учете.

В октябре 1962 г. даже Совет по делам РПЦ писал в ЦК, что «лавра превратилась в очаг разного рода беззаконий». Вместо «умелой работы» сотрудники МВД и КГБ принудительно вывозили монахов за пределы области. В результате же в Лавру «резко увеличился приток верующих». Если 10 сентября 1961 г. в праздник преподобного Иова было 2 тысячи паломников, то через год — 5 тысяч. Доводы Совета не подействовали, прежняя тактика продолжалась, и в первой половине 1963 г. 19 июня милиционеры устроили избиение паломников, отобрали у них паспорта. Монахов сажали в тюрьму, в том числе настоятеля архимандрита Севастиана, одного послушника замучили насмерть, но десятки иноков проявляли невероятное упорство. Так, иеромонах Аркадий (Копылов) 26 июля 1963 г. писал Патриарху: «Пусть что хотят, то и делают, я с Лавры не пойду и под видом расстрела». Первосвяtitель не давал согласия на закрытие обители, но и реально помочь ничем не смог. Определенную роль сыграли заявления защитников Лавры руководителям страны, и прежде всего в различные международные организации. На Западе стали известны их обращения к Н. Хрущеву и Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко: «В Лавре за все время не было ни одного такого агитатора, который смог бы научно доказать, что Бога нет, а только доказывают угрозами, насилиями, высылкой и расправой в тюрьму. Известно всем, что десять монахов за веру Христову сидели в тюрьме, один даже вторично сидит»; «Власти... с дубинами в руках разрушают нашу духовную культуру, разрушают и оскверняют наши церкви, святые места... Унижения до невозможности. Вернулась история гонения на христианство первых веков». Оборона монастыря стала приобретать международную известность. В ноябре 1963 г. председатель КГБ В. Семичастный известил ЦК КПСС, что во Всемирный Совет Церквей и ООН поступила жалоба монахов Почаевской лавры на гонения органов власти с требованием обсудить этот вопрос перед мировой общественностью¹⁴⁸⁹. И гонителям пришлось отступить. Лавра выстояла. Удалось сохранить и намеченные было к закрытию Псково-Печерский и Пюхтицкий монастыри.

Состоявшийся в октябре 1961 г. XXII съезд партии расширил антирелигиозное наступление, подняв его на новую ступень большей интенсивности и нетерпимости принятием Программы КПСС, провозгласившей построение коммунизма в основном за 20 лет. Во всех своих докладах и выступлениях на съезде Н. Хрущев чрезвычайно актуализировал задачи борьбы с религией. Лидер партии настаивал на организации атеистической работы среди всего населения страны, в том числе и среди верующих. Съезд внес в Устав КПСС категоричную формулировку, обязывавшую члена партии «вести решительную борьбу с религиозными предрассудками». Естественно, что в казавшееся таким близким коммунистическое общество Церковь никак не вписывалась. Известно печально «знаменитое» обещание Н. Хрущева как музейную редкость показать по телевидению «последнего советского попа»¹⁴⁹⁰.

Здесь явно сказалось свойственное 1-му секретарю нежелание считаться с действительностью, хотя особенной ненависти к Церкви он, вероятно, не испытывал. Некоторые другие руководители партии отличались большей нетерпимостью. Особенное неистовство в борьбе с религией проявлял секретарь ЦК Л. Ильичев. Н. Хрущев впоследствии отмечал, что тому был нужен «пропуск в Политбюро», поэтому он и старался со всякого рода шумными пропагандистскими кампаниями¹⁴⁹¹. Так, в декабре 1961 г. на Всесоюзном совещании по идеологическим вопросам Ильичев утверждал, что формирование научного мировоззрения и коммунистической морали немислимо без борьбы с религиозной идеологией.

Но, несмотря на все усилия по «совершенствованию общественного сознания», данные статистики свидетельствовали об отсутствии сколько-нибудь значительного сокращения «религиозных пережитков». Так как применение широкомасштабного террора, подобно сталинскому, было уже невозможно, власти пошли по пути усиления административного нажима, добавив локальные репрессивные акции. В 1961—1964 гг. было осуждено по религиозным мотивам 1234 человека. Многих отправили в лагерь, ссылки, на поселения¹⁴⁹².

Крупная административная акция в соответствии с постановлением Совета Министров была проведена по всей стране в конце 1961 г. — «единовременный учет религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находившегося в пользовании религиозных организаций». Учет проводился с целью получить всестороннюю и точную информацию о Церкви, в том числе «самовольно» приобретенном имуществе, незарегистрированных группах верующих, всех постоянно или временно прислуживавших в храмах, для дальнейших мер по ослаблению Московского Патриархата¹⁴⁹³.

В справке об итогах учета, составленной Советом по делам РПЦ, уполномоченным предлагалось не выдавать религиозным обществам разрешений на строительство или приобретение каких-либо строений и транспортных средств. В последующие несколько месяцев у приходов и епархиальных управлений была изъята большая часть машин, хозяйственных построек и жилых домов, причем священники нередко выселялись прямо на улицу. Весной 1962 г. все православное духовенство в стране, несмотря на упорное сопротивление, перевели на твердые оклады, а получавших плату непосредственно от верующих десятками снимали с регистрации. С июля была также введена регистрация 5379 учтенных в СССР штатных псаломщиков. Приходские советы всеми мерами «очищались» от членов клира, молодежи, «религиозных фанатиков». В соответствии с постановлением комиссии по текущим делам Президиума Совета Министров СССР от 3 июня ВЦСПС пересмотрел и значительно сократил круг лиц, работавших в религиозных организациях, на которых распространялись трудовое законодательство, права членов профсоюзов. Была введена рабочая неделя со скользящим выходным днем, лишавшая верующих возможности присутствовать на воскресных богослужениях. В 1962 г. выходной день с Пасхального воскресенья 29 апреля перенесли на понедельник и т.п.¹⁴⁹⁴

Особенно сильный удар по Церкви был нанесен введением к лету 1962 г. жесткого контроля над совершением треб — крещений, венчаний, отпеваний. Все они заносились в специальные книги с указанием фамилий, паспортных данных, адресов участников. Для крещения ребенка требовалось обязательное присутствие обоих родителей, а кое-где и письменные заявления, выдавались квитанции. В некоторых областях пытались ввести регистрацию проскомидийных записок, причащений и т.п. Эта акция преследовала сразу несколько целей. Резко усилился налоговый контроль. Деньги за требы стали поступать исполнительным органам, которые сдавали «излишки» их в фонд Мира.

Информация об участии в церковных обрядах нередко передавалась советским официальным лицам и могла служить причиной преследований по месту работы или учебы. Так, в июне 1963 г. на Всесоюзном совещании в Совете по делам РПЦ уполномоченный по Ростовской области в своем докладе подчеркивал: «При проверке данных о лицах, совершающих обряды, есть возможность точно определить, кто именно совершал их. Так, Батайский горисполком в 1963 г. выявил, что своих детей окрестили 11 коммунистов, семь из них обком КПСС исключил из рядов КПСС. Характерно, что четыре человека вначале отрицали, что они давали согласие на крещение, но «были уличены подписями на заявлениях, сохранившихся в делах церкви»¹⁴⁹⁵.

Таким образом, религию пытались уничтожить руками самой Церкви, чтобы она при этом сама себя еще и компрометировала. Именно введение обязательной регистрации совершения таинств и обрядов вызвало снижение их количества в некоторых районах страны, в первую очередь в крупных городах. Многие врачи, инженеры, студенты были вынуждены прекратить ходить в храмы. Люди старались договориться со знакомым священником, которому доверяли и который не стал бы регистрировать их обращения. Но теперь появилась возможность выявлять таких «нелояльных к властям» представителей духовенства и изгонять их с приходов.

6 июля 1962 г. появились два постановления ЦК КПСС, адресованные руководству Минского и Куйбышевского обкомов с призывом их к ответу за недостаточно активную антицерковную работу. Основной акцент был сделан на прекращении распространения религиозных идей среди детей и молодежи. На XIV съезде ВЛКСМ (апрель 1962 г.) также заявлялось, что «свобода совести не распространяется на детей и ни один родитель не имеет права калечить свое дитя духовно». Вскоре главный печатный орган юристов СССР «Советское право» подвел законные основания: родители могут быть лишены прав на своих детей государством, так как они государством и дарованы¹⁴⁹⁶.

Матерей начали вызывать в школу или милицию и предлагать им под угрозой принудительной передачи детей в интернат прекратить посещение храма. Практически повсеместно были предприняты попытки не пускать в церкви, в том числе с помощью дружинников, милиции, детей от 4 до 18 лет. Некоторых архиереев, например, Минского митрополита, удалось «убедить» издать соответствующие указы духовенству. Естественно, что верующие ответили массовым сопротивлением.

Своеобразный аспект антирелигиозной кампании обнаружился в феврале 1962 г. на Всесоюзной конференции по научно-атеистической пропаганде. На ней господствовало мнение, что «религиозные обычаи и традиции следует вытеснить новыми праздниками и ритуалами для удовлетворения эстетических и эмоциональных потребностей верующих». 25 августа 1962 г. соответствующее решение приняло бюро ЦК КПСС по РСФСР¹⁴⁹⁷.

Фактически это означало возрождение среди советских атеистов замаскированных идей богостроительства 1920-х гг. В печати начали появляться предложения о введении псевдорелигиозных ритуалов, которые бы при помощи определенных символов устанавливали мистическую связь людей с обещанным коммунистическим обществом будущего. Заявлялось, что будут построены специальные храмы с символическими украшениями, прославляющими коммунизм как высшее достижение человеческого ума, и т.д. Еще с конца 1950-х гг. вводились торжественные ритуалы бракосочетания, регистрации рождения ребенка, вручения паспортов подросткам, «гражданские панихиды». Однако они не получили распространения по всей России; в тех же городах, где советские обряды становились относительно массовыми, их постигала участь многих других «общественных начинаний» — превращение в серые, казенные, скучные мероприятия¹⁴⁹⁸.

К осени 1962 г. столкновения местных властей с духовенством и рядовыми верующими достигли особенного ожесточения. 13 октября Совет по делам РПЦ, извещая ЦК КПСС о том, что с января 1960 г. «сеть» церквей сократилась более чем на 30%, а монастырей почти в 2,5 раза, подчеркивал заметный рост письменных заявлений по фактам грубого администрирования. В 1961 г. таких протестов было 1540, а за девять месяцев 1962 г. — 2660, кроме того, уполномоченных Совета лично посетило 2162 жалобщика. Во многих местах дело дошло до «боевых действий». Так, в г. Клинцы Брянской области тысячная толпа помешала снять кресты с недавно закрытой

церкви. Для «усмирения» ее пришлось вызвать наряд милиции, 200 дружинников, «а затем и подразделения воинской части, вооруженной автоматами»¹⁴⁹⁹.

В селе Ново-Збурьевка Херсонской области верующие выставили пикеты и более года не допускали к закрытой в приказном порядке церкви представителей властей. Даже в Киеве прихожане одного храма две недели «держали оборону», не позволяя вывезти церковное имущество, и т.д. Совет отмечал, что в последнее время Патриарх, отдельные епископы, священники обращались с заявлениями о грубом произволе, и предлагал обратить внимание местных властей на недопустимость администрирования¹⁵⁰⁰.

В начале 1963 г. последовали другие подобные отношения Совета в ЦК, и в апреле особенно вопиющие случаи уже обсуждались на зональных идеологических совещаниях. К этому времени самостоятельная роль Совета по делам РПЦ значительно выросла, с конца 1950-х гг. он стал постепенно все более выходить из-под влияния КГБ, изменился и кадровый состав уполномоченных, теперь лишь единицы их были офицерами госбезопасности. В Куроедов, имея тесную связь с членом Президиума ЦК А.П. Кириленко, нередко заставлял считаться с собой и местных партийных работников. В Совете понимали, что постоянная организация антицерковных кампаний серьезно вредит появившимся широким международным планам. Начинать понимать это и некоторые члены партийного руководства.

С конца 1962 г. антирелигиозная волна временно пошла на спад. Одним из первых симптомов стало появление 8 ноября указа Президиума Верховного Совета о награждении Патриарха Алексия к 85-летию четвертым орденом Трудового Красного Знамени. Вручен он был, конечно, за внешнеполитическую деятельность Патриархии, которая к тому времени значительно расширилась. Следует отметить, что с 1962—1963 гг. в Московском Патриархате началась определенная «модернизация» социально-этических воззрений¹⁵⁰¹.

Ряд иерархов в своих выступлениях и богословских трудах стали проводить параллели между христианством и коммунизмом. Появилась концепция «социального или коммунистического христианства», одобрявшая с религиозных позиций социально-нравственные принципы и идеалы советского общества. В богослужебный обиход Патриархии вошла новая служба — «неделя молитв о христианском единстве», на которую приглашались и представители инославия и т.д.¹⁵⁰². Правда, подобные взгляды вызвали неприятие у многих священнослужителей, и в 1970-е гг., когда волна гонений схлынула, процесс такой «модернизации» по существу прекратился.

Активной деятельности Московской Патриархии на международной арене, развернутой в 1962—1963 гг. митрополитом Никодимом, оказалось недостаточно, чтобы предотвратить последнее, но, вероятно, самое ожесточенное наступление на Церковь в СССР. Намеченный срок построения коммунизма приблизился, а заметного прогресса с преодолением «религиозных пережитков» в сознании людей не наблюдалось. В июне 1963 г. состоялся пленум ЦК КПСС, целиком посвященный задачам идеологической работы партии. С докладом выступал Л. Ильичев, претендовавший на пост «главного идеолога». Располагая поддержкой Н. Хрущева, он намеревался, сместив М. Суслова, занять в Президиуме ЦК его место. Секретарь ЦК заявлял, что «религиозный опиум» — одна из крайних форм буржуазной идеологии, главный противник научного мировоззрения и необходимо нанести удар по «пережиткам прошлого». Пленум обязал все партийные и советские организации добиваться быстрого освобождения советских людей от них¹⁵⁰³. Внутриполитическое положение в стране в тот период было сложным, и, возможно, часть руководства КПСС решила переключить внимание партии и народа на борьбу с «враждебными элементами».

Постепенно в антицерковную кампанию вновь стали включаться и государственные органы. Так, 31 июля 1963 г. Совет Министров РСФСР издал распоряжение о переоценке страховой стоимости церковных зданий, что вызвало резкий рост суммы платежей. Проверки Министерства финансов установили, что сотни священников, переведенных на твердые оклады, получали вознаграждения от верующих. Последовали репрессии, был усилен контроль. Если за первые 8,5 месяца 1963 г. было снято с регистрации 310 православных общин, то есть почти в четыре раза меньше уровня предыдущего года, то с октября Совет по делам РПЦ выражал готовность усилить данную «работу»¹⁵⁰⁴.

Но этого казалось мало. 10 ноября 1963 г. председатель КГБ В. Семичастный представил в ЦК КПСС обширную справку о негативной деятельности церковников и сектантов, которые «оказывают серьезное реакционное, а в ряде случаев враждебное влияние на определенную часть населения, мешают делу идеологического воспитания трудящихся»¹⁵⁰⁵.

Через пару недель факты из нее уже использовались как главные аргументы в докладе Л. Ильичева на расширенном заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС. По указанию Н. Хрущева комиссией были приняты грандиозные «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения». Оформленные 2 января 1964 г. как постановление ЦК, эти мероприятия стали «государственным планом преодоления религиозного сознания масс». Документ имел характер тотального наступления на Церковь. В своей программной статье в январском номере журнала «Коммунист» Л. Ильичев еще более усилил зловещий смысл постановления. Перед партийными организациями фактически ставилась утопическая задача через 12—17 лет в соответствии с Программой КПСС полностью освободить сознание людей от религиозных предрассудков. Секретарь ЦК «предал анафеме» 1943—1953 гг. относительной терпимости, считал это неправильным пониманием со стороны Сталина «ленинской законности», так что растущие преследования были представлены как возвращение к советской «законности»¹⁵⁰⁶.

Антирелигиозная истерия захлестнула страну. В вузах в качестве обязательного или факультативного курса были введены «Основы научного атеизма», значительно усилилась антицерковная направленность школьных программ, в Академии общественных наук при ЦК КПСС появился институт научного атеизма. В Центральном доме литераторов 18 марта провели встречу писателей с учеными на тему «Наука, литература и искусство — против религии», и уже 25 августа секретарь правления Союза писателей К. Воронков докладывал в ЦК, что в ближайшие месяцы выйдет более 40 литературно-художественных атеистических произведений. Как обычно, в первых рядах безбожников шел комсомол, в июле ЦК ВЛКСМ предлагал партийному руководству запретить любую деятельность церковников по приобщению к религии детей и подростков, установив за нее уголовную ответственность. Государственный исторический музей пытался лишить Патриархию права аренды у него части Новодевичьего монастыря и т.д. Во главе этой кампании стоял идеологический отдел ЦК КПСС, и у некоторых его работников появилась идея создать сектор по делам атеизма и религии, то есть специальный партийный орган, который добывал бы Церковь¹⁵⁰⁷.

Подобный ожесточенный «штурм небес» вызывал неодобрение даже в некоторых государственных организациях, несогласных с его явными «перегибами». Одним из первых дал негативный анализ последней антирелигиозной кампании в своей февральской докладной записке начальник 5-го управления КГБ полковник Ф.Д. Бобков. 14 мая ЦК компартии Украины принял специальное постановление «О фактах грубого администрирования некоторых местных органов власти по отношению к верую-

шим», в которых критиковались участвовавшие случаи разгона молитвенных собраний, избивений прихожан и т.д. В июле Совет по делам религиозных культов провел совещание своих уполномоченных, посвященное вопросу ликвидации административных перегибов¹⁵⁰⁸.

Естественно, что новое небывалое наступление на Церковь вызвало массовое возмущение и сопротивление духовенства. 19 марта Совет по делам РПЦ докладывал в ЦК КПСС о почти всеобщей негативной реакции священников и архиереев на заявление Ильичева, в том числе митрополитов Никодима (Ротова) и Иоанна (Вендланд). Лейтмотивом высказываний было утверждение, что руководство партии и правительства сейчас «осуществляют фундаментальный пересмотр политики по отношению к религии и религиозным организациям» и отныне борьба с ними «будет носить и государственный характер». Известный московский протоиерей В. Шпиллер писал в Совет: «Что же остается от религии — частного дела по отношению к государству, раз в активной борьбе с ней должна участвовать советская общественность, все общественные и государственные учреждения до министров включительно!» Ленинградский протоиерей А. Медведский заявлял: «Растет антирелигиозный фанатизм, требующий как можно скорее и не стесняясь в средствах покончить с религией. Слышатся призывы закрыть все церкви, отбирать детей у верующих матерей, уничтожить духовенство как класс, одним словом, требуют насилия над человеческой совестью» и т.д. Совет отмечал, что у части духовенства появилось стремление к активному сопротивлению, вплоть до объединения с Ватиканом: «Лучше подчиниться папе, чем безбожной власти»¹⁵⁰⁹.

Активизировались и церковные диссиденты, которые стали резко и гораздо более масштабно протестовать против новых волн гонений, апеллируя к различным организациям. В целом западное общественное мнение реагировало на преследования Церкви в СССР значительно слабее, чем в 1920—1930-е гг. Но постепенно и за границей начало все более усиливаться осуждение антирелигиозной политики советского руководства. События 1964 г. наконец всколыхнули и западную общественность. В начале марта в Париже состоялся трехтысячный митинг, на котором выдающийся французский писатель, лауреат Нобелевской премии Ф. Мориа заявил: «Когда Христа распинают в Москве — мы в Париже слышим Его стоны на кресте». После митинга был отправлен протест Н. Хрущеву, и 4 марта создан международный «Комитет информации об антирелигиозном положении в СССР», в который вошли писатели О. Клеман, П. Эммануэль, Ж. Мадоль, Доменак и другие¹⁵¹⁰.

В различных городах Европы и США прошли подобные акции. В этой обстановке и ряд известных представителей компартий капиталистических стран сочли необходимым высказать аналогичное мнение. Морис Торез в своем заявлении Канадскому телеграфному агентству 19 апреля 1964 г. выразил осуждение гонений на религию, имевших место в СССР. О том же заявлял Роже Гароди, письмо с протестом в ЦК КПСС отправили итальянские коммунисты. Все это начинало сильно сказываться на международной репутации СССР, отрезвляюще действовать на советское правительство, болезненно воспринимавшее мировое общественное мнение.

Антирелигиозная политика партийного и государственного руководства Советского Союза у большинства мирян и духовенства персонифицировалась с Н. Хрущевым. Авторитет 1-го секретаря и его ближайшего окружения в народе стремительно падал, в том числе и из-за авантюрной антицерковной деятельности. Поэтому, когда 14 октября 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС Н. Хрущев был снят со всех своих постов, миллионы верующих не без оснований стали надеяться на скорую смену курса в политике государства по отношению к религии. По свидетельству ленинградского

уполномоченного, после получения известия об уходе Хрущева в городских храмах самочинно прекращали жесткий контроль за совершением обрядов, резко выросло количество треб. Так, если за все первое полугодие 1964 г. в Троицкой церкви «Кулич и Пасха» было крещено 575 человек, за 1 день 18 октября — 53 человека¹⁵¹¹. Подобное происходило и в других областях.

И действительно, падению Н.С. Хрущева сопутствовало почти немедленное смягчение антицерковных нападков. Руководство СССР фактически было вынуждено признать свое поражение. Откровенные гонения на Церковь не принесли желаемых результатов. «Хрущевская» кампания явно провалилась. Она противопоставляла верующих и советскую систему вместо того, чтобы обратить людей в атеистов; загнала религиозную жизнь в подполье, что было для режима опаснее, чем открытая религиозность; привлекла симпатии многих неверующих, безразличных людей к страданиям верующих, пробудила интерес мировой общественности к положению Церкви в Советском Союзе.

Конечно, Московский Патриархат понес тяжелый урон. На 1 января 1966 г. он имел всего 7523 храма, 16 монастырей, численность зарегистрированного духовенства к 1967 г. снизилась до 7410 человек. Однако религиозность населения в целом не уменьшилась, а в ряде регионов страны даже выросла. Так, в Молдавии к середине 1960-х гг. число православных приходов было снижено на 60%, а количество крещений новорожденных возросло с 46 до 57%. В РСФСР число церковных обрядов осталось примерно на прежнем уровне. В 1962 г. в республике отпевалось 33% умерших и крестилось 30% новорожденных. А в Чувашии, Тамбовской, Рязанской, Ульяновской, Кемеровской областях и в начале 1960-х гг. наблюдался заметный рост. Даже в Москве за 1963—1964 гг. количество венчаний, крещений и отпеваний увеличилось с 45 914 до 54 916. Прекращение же открытых преследований верующих вызвало в 1964—1967 гг. рост церковных обрядов уже по всей стране. За один 1965 г. доходы Московской Патриархии выросли на 5 миллионов и достигли 90 млн рублей в год (в новых ценах). На Украине с 1964 по 1967 г. число крещений выросло с 48 до 51%¹⁵¹². Русская Православная Церковь выстояла и на этот раз. Лицезреть «последнего советского попа» миру не пришлось.

Описанные выше процессы наглядно иллюстрирует сводная таблица о численности приходов, монастырей, священнослужителей, духовных школ и учащихся в них за 1945—1965 гг. Составлена она по материалам четырех архивов Москвы и Санкт-Петербурга¹⁵¹³. Сведения даны, как правило, на 1 января избранного года (см. в разделе «Приложения»).

Приведенные цифры показывают, что улучшение государственно-церковных отношений сразу же приводило к росту числа приходов, священнослужителей, учащихся духовных школ, монашествующих. Ужесточение же религиозной политики государства в обязательном порядке сопровождалось сокращением их количества. В борьбе с влиянием Церкви в стране упор делался именно на количественные показатели. Стоит обратить внимание, что главные «атаки» были направлены против Русской Православной Церкви. Так, за 1958—1964 гг. число ее приходов уменьшилось на 5863, а религиозных объединений других конфессий — только на 865. Общая численность этих объединений в 1965 г. достигла 60% от количества православных храмов¹⁵¹⁴, что явно не соответствовало распределению населения страны по вероисповеданиям. Материалы таблицы дают представление и об оживлении церковной деятельности в середине 1950-х гг., опровергая тем самым утверждения советских исследователей о неуклонном снижении религиозной активности в СССР после окончания Великой Отечественной войны. Развенчание И. Сталина, деидеоло-

гизация общества толкали людей на поиски иной веры с ценностями, противоположными материализму.

Это и стало одной из важнейших причин начала нового наступления на Церковь. Здесь в полной мере проявилось давление окрепшего партийного аппарата, большей частью настроенного резко антирелигиозно. Если в 1943, 1948 и отчасти в 1953—1954 гг. основная роль в изменении характера государственно-церковных отношений принадлежала внешнеполитическим факторам, то в 1958 г. доминировали уже внутренние причины. С этого времени религиозная политика стала в значительной мере определяться пониманием роли и места атеизма в системе идеологической работы КПСС. Верующие были зачислены в разряд носителей чуждых социализму взглядов и нравов, а идея построения атеистического общества оказалась доминирующей. Фактически впервые за всю историю СССР ставилась цель полностью ликвидировать религиозные организации. Собственно государственная церковная политика начала «растворяться» в партийных установках и последующие годы шла за линией КПСС в области идеологии, повторяя ее колебания. Указания ЦК и его отделов стали определяющими в работе Совета по делам РПЦ, которому теперь отводилась роль инструмента для воплощения в жизнь идеологических установок коммунистической партии. Правда, руководители Совета Г. Карпов, а затем со временем и В. Куроедов, каждый в меру обстоятельств и личных качеств, вели линию против тотального наступления на религию.

Этап 1958—1964 гг., несмотря на временные смягчения гонений, оказался за рассматриваемый период самым тяжелым для Церкви. И все же она сумела выстоять, доказать бесперспективность попыток уничтожить ее. И осенью 1964 г. новое руководство СССР было вынуждено отказаться от подобных акций, перейдя к значительно более умеренной тактике постепенного вытеснения религиозных организаций из общественной жизни страны, одновременно активно используя Московскую Патриархию на международной арене.

Глава VI

Русская Православная Церковь накануне и после распада Советского Союза

§ 1. Церковная жизнь в последние десятилетия советской власти

Сразу же после снятия в октябре 1964 г. с поста 1-го секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева произошло существенное смягчение государственной религиозной политики. Опасаясь социального взрыва, новое руководство СССР предприняло ряд мер по снятию общественного напряжения вокруг религиозной проблемы. По свидетельству инспектора ЦК КПСС Э.И. Лисавцева, курировавшего религиозные вопросы, «возобладало мнение, что люди и так обозлены, и незачем их еще дополнительно злить в этом вопросе»¹⁵¹⁵.

21 ноября председатель Совета по делам религиозных культов А. Пузин уже с годоводанием писал в ЦК, что за последние три с половиной года к уголовной ответственности привлекли более 700 верующих и, кроме того, многих сослали по указу Президиума Верховного Совета РСФСР о тунеядцах. Он подчеркивал, что как тунеядцев «судят стариков, получающих пенсию, рабочих и колхозников, добросовестно работающих на предприятиях и в колхозах». А. Пузин просил ЦК: дать указания местным партийным организациям и редакциям газет пресечь нарушения законности в отношении верующих, поручить Генеральному прокурору и Верховному суду исправить ошибки и наказать виновных; подготовить для публикации официальное толкование статей Уголовного кодекса, касающихся религиозных культов; разрешить зарегистрировать фактически действовавшие религиозные общества и группы. Характерна резолюция на этой докладной секретаря ЦК Л. Ильичева: «Видимо, надо найти способ, чтобы не допускать произвола»¹⁵¹⁶. Вскоре этот «главный гонитель» был с большим понижением перемещен в МИД СССР на должность заместителя министра.

В декабре 1964 г. в Верховном суде СССР с участием КГБ прошло специальное совещание по вопросам нарушения социалистической законности в отношении верующих, председателям Верховных судов союзных республик было поручено изучить все соответствующие уголовные дела 1962—1964 гг. А в январе 1965 г. и Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Много осужденных мирян и священнослужителей было освобождено и реабилитировано. Тогда же прекратили существование две академические антирелигиозные серии: «Ежегодник музея истории религии и атеизма» и «Проблемы истории религии и атеизма». В справке идео-

логического отдела ЦК от 10 февраля 1965 г. отмечалось, что поскольку некоторые местные работники препятствуют устранению ошибок в борьбе с религией, факты администрирования будет разрешено критиковать в журналах «Партийная жизнь» и «Социалистическая законность»¹⁵¹⁷.

Советское руководство постаралось и публично продемонстрировать смену курса религиозной политики. 19 октября 1964 г. митрополиты Никодим (Ротов) и Питирим (Свиридов) были приглашены на правительственный прием в честь космического полета корабля-спутника «Восток». Из подчеркнутых знаков внимания советского руководства можно также отметить поздравительную телеграмму в феврале 1965 г. нового председателя Совета Министров А.Н. Косыгина в связи с 20-летием избрания Патриарха Алексия I Первосвятителем Русской Православной Церкви.

Правда, все эти изменения были в основном внешнего порядка. Глубинных перемен в отношении руководства КПСС к религии не произошло, да и не могло произойти. Антицерковная политика была продолжена, изменились только ее формы и методы. За осуществлением курса атеистической работы КПСС строго следил «ветеран» борьбы с религией М.А. Суслов. Но при этом он предпочитал руководствоваться советами, данными ему еще в 1948 г. И.В. Сталиным — «не выпячивать» данный вопрос, осуществлять подрыв влияния Церкви «полуконспиративно», не обнародуя широко соответствующие решения ЦК КПСС, чтобы не провоцировать кампании протеста на Западе и внутри страны¹⁵¹⁸.

Проводником этой политики стал Совет по делам религий при Совете Министров СССР — новый государственный орган, образованный в декабре 1965 г. в результате объединения Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов. Его председателем был назначен В.А. Куроедов. 30 августа 1966 г. он дал интервью газете «Известия», в котором указал на необходимость соблюдения советского законодательства о культах, как верующими, так и государственными органами. При этом положение Православной Церкви в СССР и взаимоотношения Совета с Московской Патриархией были признаны Куроедовым «вполне удовлетворительными»¹⁵¹⁹. Образование Совета по делам религий не вызвало широкого общественного интереса внутри страны, но получило резонанс в зарубежной прессе, расценившей этот акт как отражение стремления КПСС установить полный контроль над всеми сферами человеческой деятельности.

Наряду с Советом по делам религий определенное внимание Московской Патриархии по-прежнему уделяли органы госбезопасности, так, в 1967 г. по инициативе Ю.В. Андропова было образовано 5-е (идеологическое) управление КГБ, а в нем в следующем году появился 4-й («церковный») отдел, в компетенцию которого входили вопросы, связанные с контролем над религиозной жизнью. Важным направлением деятельности органов госбезопасности являлось изучение политических настроений духовенства и борьба с религиозной оппозицией. КГБ периодически информировал ЦК КПСС о религиозной обстановке внутри СССР, так как поступающие в органы госбезопасности материалы убеждали их руководство в том, что «империалистические круги и спецслужбы противника при осуществлении акций идеологических диверсий против нашей страны определенную ставку делают на религиозные организации на территории СССР»¹⁵²⁰.

Некоторую обеспокоенность органов госбезопасности вызвала обстановка накануне проведения переписи 1970 г. В стране распространялись «провокационные слухи» о том, что перепись якобы предназначена для выявления верующих и последующего их преследования и выселки в отдаленные районы. Сотрудниками КГБ были обнаружены специально разработанные инструкции о том, как должен вести себя и отвечать на вопросы переписной анкеты верующий в момент переписи; инициато-

рами данных слухов якобы были «церковники». Одной из причин активности духовенства и антиобщественных проявлений со стороны «церковников», по мнению КГБ, выраженном в информационном сообщении ЦК КПСС в январе 1971 г. являлась «засоренность кадров церковнослужителей лицами с уголовным прошлым, приспособленцами, стяжателями». Упоминался также «ряд священников-реэмигрантов», прибывших в СССР из США, Франции, Израиля, Китая и других стран, которые в прошлом были связаны с «антисоветскими эмигрантскими организациями»¹⁵²¹.

Наряду с настроениями духовенства КГБ интересовался и его материальным положением. В справках Комитета анализировалась система учета прихода и расхода денежных средств исполнительными органами и ревизионными комиссиями общин, состав которых согласовывался с исполкомами. Указывалось, что местные финансовые органы имели право проверки только приходно-расходных книг и других документов в религиозных общинах с целью выяснения сведений, нужных для правильного определения облагаемых подоходным налогом доходов служителей культа и привлекаемых Церковью для различных работ граждан, но этим органам запрещалось производить проверку наличия денег в братских кружках и ящиках для сбора пожертвований.

Проведенная в конце 1970 — начале 1971 г. проверка КГБ подтвердила, что содержание священнослужителям определялось исполнительным органом каждой церкви, исходя из финансового положения общины и сложившихся традиций, и колебалось от 100 до 450 рублей в месяц, а архиереев — от 500 до 1000 рублей. Кроме того, большинство служителей культа имели дополнительные денежные доходы из сумм за неучтенные обряды и пожертвований, а также за счет личных подношений граждан. Один из руководителей КГБ Чебриков в январе 1971 г. писал в ЦК КПСС: «В настоящее время сложилось положение, при котором священнослужители формально отстранены от участия в финансово-хозяйственной деятельности религиозных общин и не несут за нее никакой ответственности. Вместе с тем, используя свое влияние, они нередко не только контролируют приходы и расходы церквей, но и фактически распоряжаются денежными средствами»¹⁵²².

Кроме того, КГБ занимался организацией мероприятий по предотвращению «массовой заброски» на территорию социалистических стран религиозной пропагандистской литературы. Так, в начале июля 1971 г. на морском побережье Эстонии были собраны 1604 целлофановых пакета, в которых находилось 15 тысяч экземпляров книг религиозного содержания, общим весом около 2,5 тонны. Выяснилось, что книги были сброшены в море с проплывавших кораблей¹⁵²³.

В 1968 г. Совет Министров РСФСР принял постановление о внесении надлежащего порядка в вопросе рассмотрения заявлений граждан о регистрации религиозных обществ¹⁵²⁴. Этот правительственный документ отмечал случаи ущемления прав верующих, необоснованные отказы и проволочки в рассмотрении их заявлений о регистрации религиозных обществ, в связи с чем в правительственные органы поступали многочисленные жалобы. Правительство РСФСР обязало районные и областные исполкомы советов депутатов трудящихся внести необходимый порядок по указанному вопросу, строго придерживаться установленных законом сроков рассмотрения заявлений граждан, а также разобраться по существу заявлений и в тех случаях, когда религиозное общество отвечает требованиям советского законодательства, удовлетворять их, направив соответствующее представление в Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Правда, на практике это коснулось в основном общин баптистов и других протестантов.

Таким образом, после прекращения ожесточенных антирелигиозных гонений положение Московского Патриархата стабилизировалось. При этом закрытые в

предыдущие семь лет храмы возвращены ей не были. К концу «хрущевских гонений» осенью 1964 г. осталось лишь 16 монастырей — 6 мужских и 10 женских с 1,5 тысячами насельников. Вновь, как и в 1920-е — 1930-е гг. некоторые изгнанные из обителей монашествующие ушли на поселение в труднодоступные горные и лесные места, создавая тайные скиты и общины. Из сохранившихся женских монастырей выделялась Пюхтицкая обитель, бывшая в 1960-х — 1980-х гг. духовной и административной школой женского монашества.

Сразу же после прекращения гонений стало расти число посещавших богослужения верующих, количество совершаемых в уцелевших храмах треб, доходы Московской Патриархии, число учащихся духовных школ и т.д. Так, например, в церквях Ленинграда в 1966 г. было крещено 219 взрослых и 241 школьник, а в 1968 г. — соответственно 291 и 404. Всего же в 1968 г. обряд крещения в городе прошли 11 784 человека (20 % новорожденных), а отпевания — 10 360 (47 % скончавшихся), а в 1969 г. эти цифры еще больше выросли. Доходы Ленинградской епархии Московского Патриархата в 1967 г. составляли 3814, 5 тыс. рублей, а в 1968 г. — 4030, 2 тыс. В отчете Ленинградского уполномоченного Совета по делам религий за 1969 г. говорилось: «Наблюдение показывает, что интенсивность посещения верующими церквей в предпасхальные и пасхальные дни в последние годы не ослабевает. Проходившее в этом году пасхальное богослужение в городских церквях в ночь с 12-го на 13 апреля привлекло в них громадное количество верующих»¹⁵²⁵. В 1971 г. Совет по делам религий отмечал, что на Пасху церкви по всей стране были переполнены, например, в Киеве в Пасхальную ночь храмы посетило 140—150 тысяч человек и т.д.¹⁵²⁶ Верующие вновь стали подавать большое количество ходатайств об открытии закрытых в первой половине 1960-х гг. храмов.

При этом власти пытались различными способами изымать большую часть доходов Церкви. Так, годовой объем производства производственной мастерской Московской Патриархии в районе ВДНХ (в ней работало около 400 человек) в начале 1970-х гг. составлял 23 млн рублей, а подоходный налог — 15 млн. В декабре 1971 г., в связи с 30-летием разгрома фашистов под Москвой Патриархия перечислила 3 млн рублей в Советский фонд мира и 2 млн в Фонд охраны памятников истории и культуры. Всего в 1966 г. в указанные фонды было «пожертвовано» 7 млн рублей, в 1969 г. — свыше 12 млн рублей, в 1970 г. — 15, 6 млн, в 1971 г. — 25, 6 млн рублей, а в 1972 г. — 28, 9 млн¹⁵²⁷.

После тяжелых ударов первой половины 1960-х гг. богословское образование находилось в трудной ситуации. Хотя духовные школы выстояли, их положение заметно ухудшилось. Так, например, к лету 1965 г. число учащихся в Ленинградских Академии и семинарии по сравнению с 1958 г. сократилось в пять раз — до 150 человек; в 1968 г. в «северной столице» был окончательно ликвидирован заочный сектор (прием новых учащихся в котором прекратили еще в 1963 г.). Подобная ситуация была типичной. В результате в Церкви с каждым годом все острее стала ощущаться нехватка священнослужителей. Умирали последние представители дореволюционного духовенства. Архиереи вынуждены были рукополагать лиц не только без духовного образования, но часто просто малограмотных. Не сумев до конца ликвидировать духовные школы, государство пошло по пути жесточайшего контроля над ними. Уходила из жизни старая профессура, новым же преподавателям ставились всяческие препятствия. Запрещалось издавать пособия, преподавать общеобразовательные дисциплины (психологию, логику, историю философии, историю литературы), необходимые для усвоения богословия, так как власти опасались всесторонне подготовленных священнослужителей.

Однако после окончания открытых гонений, с конца 1960-х гг. число учащихся духовных школ вновь постепенно начало расти. Большое внимание развитию богос-

ловского образования уделял митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим. Владыка лично выступал перед учащимися с различными лекциями, а в последние годы жизни читал курс по истории Русской Православной Церкви. Будучи правящим архиереем, митрополит практиковал литургическое творчество. Так, при нем в храме Ленинградских духовных школ в праздник трех святителей: св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого и св. Григория Богослова — литургия совершалась на греческом языке и по греческому чину. По инициативе Владыки Никодима в этом храме стали служить литургию Апостола Иакова в день его памяти. Иногда в Крестовой церкви в покаях митрополита совершали литургию обучавшиеся в Академии священники и диаконы из Эфиопии. Почти все поступавшие в епархию по завещаниям или другими путями книги Владыки передавал в академическую библиотеку, туда же позднее поступило и его личное собрание.

Со временем Ленинградские духовные школы возглавили молодые энергичные воспитанники митрополита Никодима. 13 октября 1966 г. пост ректора занял о. Михаил Мудьюгин, вскоре принявший монашеский постриг с именем Михаил и 6 ноября 1966 г. рукоположенный во епископа Тихвинского. 30 июля 1968 г. Владыка Михаил был переведен на Астраханскую кафедру, и с 9 августа обязанности ректора стал исполнять бывший инспектор духовных школ архимандрит Герман (Тимофеев). 28 ноября он был назначен ректором, а 6 декабря 1968 г. хиротонисан во епископа Тихвинского. Должность ректора Владыка Герман занимал до его назначения на Венскую кафедру 25 июня 1970 г. В этот день новым ректором духовных школ был назначен бывший фронтовик протоиерей Михаил Соловьев. 16 июля он принял монашеский постриг с именем Мелитон, а 26 июля 1970 г. был хиротонисан во епископа Тихвинского. Пост ректора ленинградских школ Владыка Мелитон занимал до 26 декабря 1974 г. Его сменил духовный сын митрополита Никодима архимандрит Кирилл (Гундяев). 14 марта 1976 г. он был хиротонисан во епископа Выборгского, 2 сентября 1977 г. возведен в сан архиепископа и занимал пост ректора около 10 лет.

В 1969 г. в сохранившихся после «хрущевских гонений» двух Духовных академий и трех семинариях обучалось 447 очных студентов, в 1972 г. в Академиях училось 136, а в семинариях — 390 дневников. Через год их количество выросло до 166 и 453 соответственно. Кроме того, в 1973 г. в Академиях обучалось 189 заочников, а в семинариях — 372. Таким образом, общее количество учащихся духовных школ достигло 1180 человек (в том числе в Ленинграде обучалось 30 иностранных студентов из 10 стран), что превысило уровень 1960 г.¹⁵²⁸

Об укреплении зарубежных связей Ленинградских духовных школ свидетельствует тот факт, что на их годичном акте 9 июня 1971 г. присутствовала группа иностранных гостей Всероссийского Поместного Собора и Александрийский Патриарх Николай VI. В библиотеке Академии и семинарии к 1968 г. имелось около 200 тысяч томов, из них около половины на иностранных языках. С начала 1960-х гг. она получала новейшие западноевропейские и американские богословские энциклопедии, словари, более десятка теологических журналов. Почти всей этой литературой учащиеся могли свободно пользоваться. Новые тенденции встревожили Совет по делам религий, и 29 июля 1971 г. он принял постановление, согласно которому был усилен контроль над Ленинградскими духовными школами. В докладной записке от 13 октября 1972 г. Ленинградский уполномоченный сообщил, что после выхода постановления он особое внимание уделял контролю за отбором поступающих в семинарию лиц, воспитанию гражданских чувств учащихся, «их политической лояльности, преодолению церковно-религиозной ограниченности и фанатизма», усилив при этом «индивидуальную работу с преподавательским составом». Однако Г. Жаринов не смог скрыть неприятных для него фактов: постоянный рост заявлений о приеме в семи-

нарию (в 1970 г. — 80, в 1971 г. — 121, в 1972 г. — 130), преобладание среди поступающих рабочих и детей рабочих (более 55%), увеличение среди учащихся доли лиц с высшим и средним специальным образованием, прием в семинарию перешедших в Православие католиков. Среди принятых мер уполномоченный назвал назначение в 1971 г. по его рекомендации нового «надежного» преподавателя Конституции СССР, личное проведение трехчасовой беседы с выпускниками семинарии 7 июня 1972 г., предложение администрации духовных школ устраивать политинформации, обсуждения советских книг и организовать подготовку выставки достижений СССР в связи с предстоящим празднованием 50-летия образования Советского Союза¹⁵²⁹.

Несмотря на противодействие советских властей, в 1970-е гг. в жизни духовных школ продолжались заметные перемены к лучшему. Прежде всего, была в достаточной степени решена проблема преподавательских кадров, в корпорацию влилось новое поколение из числа выпускников Академии, кроме того, заметно возрос ее уровень. На представительных богословских встречах члены академической корпорации стали довольно частыми гостями, снискав заслуженный авторитет. Духовные школы обрели международную известность, в них стали обучаться студенты и из таких стран, где православное богословское образование находилось на достаточно современном уровне (например, из Греции, Югославии, Болгарии, США). Увеличился контингент учащихся, причем при заметном повышении их образовательного и интеллектуального уровня. Были организованы и плодотворно заработали новые кафедры, намечены основные принципы специализации и сделано перераспределение предметов для более концентрированного их изучения, введены в практику семинары. Именно в 1970-е гг. были сделаны первые шаги в области библеистики после 1917 г. Созданная в 1969 г. в Ленинградской академии Библеистическая группа опубликовала в 1975 г. в «Богословских трудах» результаты деятельности существовавшей в Петрограде в 1915—1929 гг. Библейской комиссии, обратилась к трудам профессора Петербургской духовной академии И.Е. Евсеева и занялась подготовкой критического издания славянской Библии.

На VIII Генеральной Ассамблее Всемирного братства православной молодежи Синдесмос, проходившей 18—25 июля 1971 г. в Бостоне, духовные школы Московского Патриархата стали полноправными членами организации. Это произошло при непосредственном участии Владыки Никодима и — тогда еще иеромонаха, а ныне митрополита Кирилла (Гундяева), который участвовал в работе Ассамблеи. Вот как описал историю установления отношений с Синдесмосом сам митрополит Кирилл: «Вспоминаю 1971 г., когда я, молодой иеромонах, был приглашен митрополитом Никодимом в его кабинет, и тот долго молчал, прежде чем начать разговор. Затем он достал два конверта и сказал, что в них находятся письма к президенту Синдесмоса Альберту Лахаму... В одном письме говорилось о том, что Русская Православная Церковь принимает решение вступить в Синдесмос, в другом — что такое решение откладывается. И он сказал мне: “Ты обязан будешь принять решение, какое письмо отдать президенту, принимая во внимание очень сложную политическую ситуацию в нашей стране и трудную ситуацию в Церкви”... Как Церковь, так и духовная жизнь народа находились под жестким контролем правительства, и большей частью власти не желали появления православного молодежного движения, чтобы не допустить активности ни Церкви, ни — молодежи. Этого не хотели власти, но горячо желала Церковь... нужно было сделать так, чтобы не вызвать погром или нестроения в Церкви и не спровоцировать ужесточение церковной политики властей. Митр. Никодим прекрасно понимал, что Синдесмос — международная организация с обширными молодежными контактами — мог бы стать средством к тому, чтобы оживить и вдохновить православное молодежное движение и в стране, и в Церкви, мог бы обогатить нас

опытом молодежной работы, навыки которой были давно утеряны... В ходе Ассамблеи я достаточно ясно осознал, что необходимо передать президенту письмо, в котором говорилось, что русские духовные школы вступают в Синдесмос». На этой Ассамблее иеромонах Кирилл был избран членом исполнительного комитета Синдесмоса¹⁵³⁰.

Несмотря на всевозможные препятствия, в Церкви продолжала развиваться богословская мысль. Так, «с целью содействия Богословскому творчеству в Русской Церкви» Московская Патриархия в 1960 г. стала выпускать ежегодник «Богословские труды». За 1960—1970-е гг. было издано пять выпусков, а в дальнейшем сборник стал выходить более регулярно. Особую популярность этому изданию придавали публикации, относящиеся к русскому богословскому наследию, в особенности работы таких авторов, как о. Павел Флоренский, профессора И.В. Попов и В.Н. Лосский, епископ Григорий (Лебедев) и ряд других. Определенная активизация богословской мысли в этот период была связана с участием представителей Московского Патриархата в мероприятиях по подготовке Всеправославного Собора, экуменическом движении и межконфессиональных диалогах. В это время выдвинулся целый ряд богословов, среди которых следует назвать: профессора-протоиерея Ливерия Воронова, профессора В.Д. Сарычева, профессора-протоиерея Иоанна Белевцева и других, внесших существенный вклад в науку на страницах «Богословских трудов» и «Журнала Московской Патриархии». Авторитетом среди ученых-патрологов пользовался находившийся в юрисдикции Московского Патриархата архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин) — автор ряда исследований, посвященных творчеству прп. Симеона Нового Богослова, крупный знаток святоотеческого богословия, участник многих межправославных и экуменических встреч.

Касаясь состояния богослужения, с сожалением нужно отметить, что такие отступления от устава и церковной традиции, как так называемая общая исповедь, «заказные» ектеньи, заочные отпевания, произвольные сокращения богослужебных чинов, особенно при совершении треб, ранее отчасти вызванные внешними обстоятельствами, в 1960-е — 1970-е гг. прочно укоренились в практике многих — особенно городских приходов.

Даже в условиях всевозможных стеснений в отдельных случаях удавалось совершать канонизацию новых святых. Так в 1962 г. Священный Синод прославил прав. Иоанна Русского, а в 1970 г. — равноапостольного Николая, архиепископа Японского. И хотя эти деяния были совершены в рамках внешнецерковной деятельности Московского Патриархата, все же они имели важное значение для жизни всей Русской Церкви. Кроме того, определениями Синода были введены для употребления некоторые новые богослужебные последования (службы прав. Тавифе, служба собору Ростовско-Ярославских святых и некоторые другие), явившиеся плодами гимнографического творчества митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима.

Останавливаясь на практических сторонах богослужебной практики, можно сказать об определении Синода от 28 ноября 1968 г., допускавшем восстановление древнего обычая совершения литургии Преждеосвященных Даров в вечернее время¹⁵³¹. К этому времени в ряде епархий стало практиковаться чтение некоторых богослужебных текстов (Евангелия, Апостола, Шестопсалмия, Кафизм, канона прп. Андрея Критского) на русском языке. Это явилось следствием богословского подхода митрополита Никодима к явлениям церковной жизни и его влияния на некоторых архиереев. Впрочем, подобные нововведения не имели большой популярности в церковном обществе.

17 апреля 1970 г. скончался Патриарх Алексий I, возглавлявший Московский Патриархат в течение 25 лет. Согласно Положению об управлении Русской Православной Церкви, в должность Местоблюстителя Патриаршего престола вступил старей-

ший по хиротонии постоянный член Священного Синода митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков)¹⁵³². Продолжавшийся более года период местоблюстительства был отмечен борьбой различных сил по поводу кандидатуры и порядка избрания нового Патриарха. В качестве возможных кандидатов на епархиальных съездах назывались 5—6 человек, но наиболее часто — митрополиты Пимен (Извеков) и Никодим (Ротов)¹⁵³³.

Хотя у руководителей Совета по делам религий существовало стойкое предубеждение в отношении Владыки Пимена, они все же сочли его наиболее приемлемым кандидатом на пост главы Церкви. 25 мая 1970 г. В. Куроедов обратился в ЦК КПСС за разрешением провести Поместный Собор в мае 1971 г., высказавшись за кандидатуру митрополита Крутицкого и Коломенского: «Пимен — один из видных и авторитетных деятелей Русской православной церкви, вполне лоялен, активно поддерживает политику советского государства, является членом Советского комитета защиты мира и Всемирного совета мира»¹⁵³⁴. Куроедов отметил, что КГБ поддерживает эти предложения, и Политбюро также согласилось с ними.

После того как окончательный выбор был сделан, Совет по делам религий и КГБ развернули работу по дискредитации митрополита Никодима в церковных кругах. «Упор делался» на четыре обстоятельства: относительная молодость Владыки, его «увлеченность» католицизмом, устремленность к церковным реформам и жесткость характера¹⁵³⁵. Это принесло свои плоды. Однако подготовка и проведение Собора потребовали от Совета по делам религий много «усилий».

В его информационном отчете за 1971 г. говорилось: «Практическая подготовка к Собору проходила под руководством патриаршего местоблюстителя Пимена, возглавляемой им Предсоборной комиссии, состоящей из 30 деятелей Русской православной церкви. Вся ее работа осуществлялась под контролем совета. Проекты решений комиссии обычно поступали в совет. Здесь они корректировались, вносились поправки, рекомендации, обеспечивающие проведение нашей линии. И все же предсоборный период был очень сложен. Дело в том, что кандидатура митрополита Пимена на пост главы церкви на первых порах не встретила единодушного одобрения архиереев... Многие иерархи хотели бы избрать на этот пост митрополита Ленинградского Никодима. Да и сам Никодим довольно долгое время питался этой иллюзией, чем, в какой-то степени, дезориентировал массы духовенства. Другая, хотя и небольшая часть епископата, хотела бы избрать главой церкви такого деятеля, который по своим взглядам был бы близок к взглядам патриарха Тихона, известного своими антисоветскими высказываниями и анафемами; имели место и нелегальные вылазки экстремистов. Так, в начале 1971 года появилось анонимное обращение к епископату и клиру с призывом “не избирать в качестве патриарха теперешних членов Священного Синода, продавшихся властям”, а выдвинуть на этот пост архиерея, способного противостоять государству, атеизму, и укрепить церковь, возродить ее былые позиции. В качестве кандидатов на патриарший пост в анонимке выдвигались 24 архиерея, а первым среди них назывался архиепископ Ермоген (быв. Калужский), которого даже иностранная пресса именovala идеологом всех церковных экстремистов. Следует отметить, что кака-я-то часть даже лояльных архиереев хотела бы выдвинуть на Соборе не одного, а трех кандидатов в патриархи. Некоторые епископы ратовали за то, чтобы избирать патриарха на основе закрытого (тайного) голосования. Все эти явления получали в совете соответствующую оценку, принимались меры. Пришлось использовать возможности совета и уполномоченных для того, чтобы все архиереи письменно поддержали кандидатуру Пимена на патриарший пост. В результате очень тактичного воздействия все архиереи (за исключением иностранцев) дали письменные и частично устные заверения, что они будут голосовать за Пимена»¹⁵³⁶.

Подготовка и проведение первого после 1945 г. Поместного Собора действительно вызвали всплеск религиозного инакомыслия. Он рассматривался многими в русле зародившейся в 1917 г. соборной традиции как высший орган управления Церковью, способный исправить все наиболее значительные недостатки в церковной жизни. В адрес Собора было отправлено несколько открытых писем. Так, например, иркутский священник Евгений Касаткин в своем письме описывал пагубные последствия реформы 1961 г. в приходской жизни и предлагал отказаться от нее. Подобное требование выражали не менее пяти архиереев, в частности, широко известным стало заявление, поданное архиепископом Иркутским Вениамином (Новицким).

28 января 1971 г. Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Пимену направил свое предложение изменить правила управления приходами архиепископ Новосибирский и Барнаульский Павел. Он отмечал, что «Архиерейский Собор искусственно разделил церковный приход на две части... Такое положение привело к расстройству приходской жизни... Таким образом, совершенно ясно, что пока существует указанное Постановление Архиерейского Собора 1961 года, поставившее духовенство в фактическую зависимость от мирской администрации, воспрепятствующее священнику быть в составе приходского совета, наравне с прочими прихожанами, церковной жизни угрожает дальнейшее расстройство и упадок». 12 марта это послание было передано заместителю председателя Совета по делам религий В.Г. Фурову¹⁵³⁷.

За несколько дней до этого — 4 марта — Владыка Павел отправил еще одно письмо митрополиту Пимену с предложением отказаться от практики избрания Патриарха открытым голосованием по формуле Поместного Собора 1945 г. и вернуться к практике Собора 1917—1918 гг. — выбору тайным голосованием трех кандидатов, а из их числа — Патриарха путем жребия. Архиепископ подчеркивал: «Как мне известно, многие Преосвященные придерживаются, как и я лично, мнения, что следует в вопросе об избрании Святейшего Патриарха Московского и всея Руси на Поместном Соборе 1971 года придерживаться постановления о сем Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг.»¹⁵³⁸ Однако все эти обращения потерпели неудачу.

На состоявшемся накануне открытия Поместного Собора Архиерейском совещании, 26 мая 1971 г. архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин) также выступил против реформы 1961 г., но поддержан большинством архиереев не был. Это объяснялось сильнейшим давлением Совета по делам религий, так, в частности, один из заместителей его председателя Макарецов перед созывом Собора заявил: «Тому, кто попытается сопротивляться постановлениям о приходах, мы переломаем ноги»¹⁵³⁹.

Как уже отмечалось, Совет принял самое непосредственное участие в организации подготовки и проведения Собора. В декабре 1970 г. митрополит Пимен просил В. Куроедова помочь в устройстве концерта духовной музыки в Большом зале Московской государственной консерватории, выпуске пластинки этого концерта тиражом 3 тысячи экземпляров, изготовлении значка участника Собора, издании программы заседаний, «Деяний Поместного Собора» тиражом 1 тысяча экземпляров и т.д.¹⁵⁴⁰ Эти просьбы были в основном выполнены.

Долгожданный Собор проходил в Троице-Сергиевой лавре с 30 мая по 20 июня 1971 г. с участием 236 членов (священнослужителей и мирян). В ходе его работы Церкви снова было навязано желательное для советской власти решение — утверждено постановление Архиерейского Собора 1961 г. о внесении изменений в «Положение об управлении Русской Православной Церкви», ограничивавших функции священника богослужением и проповедью. Поместный Собор также одобрил международную, в том числе экуменическую, деятельность Московской Патриархии и 2 июня избрал

новым Патриархом митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена (Извекова). 3 июня в Богоявленском соборе Москвы состоялась интронизация нового Патриарха¹⁵⁴¹.

В 1970—1971 г. Совет по делам религий разрабатывал программу дальнейшего давления на церковные институты; с этой целью уполномоченным указали направить в Москву свои предложения по ограничению деятельности православных общин. Среди поступивших «пожеланий» были следующие: сократить производство свечей и ограничить их отпуск епархиям, запретить тарелочный и кружечный сборы в храмах, ограничить число богослужений, не допускать проведения «варварского обряда» крещения, запретить включать в состав «двадцатки» священнослужителей. После Поместного Собора Собор собирался предъявить некоторые из этих требований вновь избранному Патриарху¹⁵⁴².

Первая публикация «Положения о Совете по делам религий» в 1966 г. и измененный, внесенный в 1975 г. указом Президиума Верховного Совета СССР в постановление «О религиозных объединениях», показали, что давление на Церковь продолжается, но в более цивилизованных формах. Много значил уже сам по себе факт публикации законов вместо секретных инструкций. Впервые был обнародован представленный религиозным организациям в 1945 г. правовой статус ограниченного юридического лица. В то же время указ 1975 г. в большей степени, чем раньше, сузил круг деятельности духовенства в частной жизни мирян, затруднил процедуру открытия храмов и т.п. Новая Конституция СССР 1977 г. в 52-й статье о свободе совести по сути ничего нового не дала, лишь антирелигиозная пропаганда была переименована в атеистическую.

При этом и в 1970-е гг. власти постоянно нарушали закон с целью добиться ограничения церковной жизни. Хотя закрытие храмов в это время уже не было массовым, широкое распространение получили отказы в регистрации фактически существовавших или создаваемых верующими общин. В 1972 г., после 16-летнего перерыва возобновилась официальная регистрация православных религиозных объединений (правда, в редчайших случаях), но и закрытие церквей продолжалось. В результате с 1971 по 1976 г. число приходов Московского Патриархата сократилось с 7274 до 7038, а к 1981 г. — до 7007¹⁵⁴³.

Председатель Совета по делам религий В.А. Куроедов неоднократно информировал ЦК КПСС о фактах грубого нарушения законодательства о культурах, допускаемых местными органами власти. Так, например, в 1965 г. он сообщил, что во многих селах Ростовской области были незаконно закрыты и даже разгромлены церкви, а предметы религиозного культа, в том числе иконы, вывезены в степь и сожжены. Верующие писали в Совет: «За что такое отношение к нам? Помогите восстановить справедливость. Беззакония мы никакого не хотим и не делаем. Мы не фашисты, не враги народа, мы верующие люди, молимся за благополучие наших детей, нашу любимую Родину, правительство и за мир на земле. Мы старые, нам мало осталось жить. Откройте наш храм!»¹⁵⁴⁴

С 1974 г. до середины 1980-х гг. Совет по делам религий осуществлял акцию по «упорядочению религиозной сети» с целью поставить в рамки закона функционирование всех религиозных организаций и добиться прекращения деятельности тех из них, кто не признавал законодательства о культурах. В начале 1980-х гг. для руководства Совета стало очевидным, что результаты этой акции оказались противоречивыми, причем отчасти даже противоположными первоначальному замыслу. В результате сокращения количества зарегистрированных общин в сельской местности упрочились позиции городских приходов и увеличилось число их прихожан, что вызвало значительный рост денежных поступлений. Возникло новое явление — урбанизация религиозной жизни. С другой стороны, следствием отказов в открытии храмов и снятия с регистрации православных общин стал

заметный численный рост различных сект. Работники аппарата уполномоченного Совета по Белорусской ССР совместно с учеными установили, что среди вновь обращенных в сектантских общинах 31,6 % составляли бывшие православные. Количество сектантских групп стало преобладать над общим числом православных церквей на Северном Кавказе, в Средней Азии и Казахстане, на Алтае, в Сибири и на Дальнем Востоке. Таким образом, во многих регионах страны возникла сложная религиозная обстановка. Пытаясь выяснить причины этого явления, руководство Совета обнаружило много фактов провоцирования местными органами власти распада зарегистрированных общин путем создания искусственных препятствий для их деятельности; были выявлены и попытки самовольного закрытия храмов¹⁵⁴⁵.

Закономерным результатом сокращения религиозной сети стало исчезновение многих памятников истории и культуры. Как и в 1930-е гг., вновь возникла угроза сохранению православной церковной архитектуры и иконописи, так как начались масштабные мероприятия по освоению и сносу пустующих культовых зданий, которые рассматривались Советом по делам религий как «важная политическая работа». Официально данная акция объяснялась процессом отхода советских людей от религии и прекращением деятельности религиозных обществ, якобы не получивших поддержки населения. В этой связи началось «освоение» закрытых храмов, т.е. использование их в социально-культурных и народнохозяйственных целях. Ветхие здания считалось целесообразным снести или разобрать. Подобная деятельность «по наведению порядка» с культовыми зданиями, с точки зрения руководства Совета, также имела идеологическую направленность.

Во многих закрытых храмах оставались иконы и церковная утварь, которые вызывали интерес у преступников. С середины 1970-х гг. начали фиксироваться многочисленные кражи культового имущества, в первую очередь икон. Организация учета и сохранности церковного инвентаря происходила более медленными темпами по сравнению с мероприятиями по сокращению сети храмов и «освоению» пустующих культовых зданий. В связи с этим в августе 1977 г. уполномоченным Советом направили директивное письмо, в котором им предлагалось принять меры по наведению порядка в деле охраны и учета культового имущества и сообщать о каждом факте его кражи. В мае 1980 г. Совет по делам религий утвердил инструкцию «О порядке учета и хранения культурных ценностей, находящихся в пользовании религиозных объединений». Хотя мероприятия по учету церковных ценностей и не были завершены, эта акция все же позволила сохранить определенную часть культурного наследия страны¹⁵⁴⁶.

Особое внимание власти обращали на контроль за финансово-хозяйственной деятельностью Церкви. В документах Совета фиксировался ежегодный рост денежных поступлений Московского Патриархата: к 1985 г. они составили 211, 1 млн руб. (в 1966 г. — 85 млн руб.). Также постоянно происходил рост реализации предметов культа, доходов от исполнения религиозных обрядов и добровольных пожертвований; увеличивались денежные поступления в расчете на одну церковь (в 1964 г. этот показатель составлял 10,6 тыс. руб., в 1974 г. — 20, 7, а в 1985 г. — 29, 1 тыс. руб.). Органы власти всячески стремились ограничить финансовую деятельность Церкви, в документах Совета эта акция цинично называлась «снятием жировых отложений». Главной задачей ограничительных мероприятий было сдерживание роста расходов Церкви на содержание священнослужителей, обслуживающего персонала, хористов, ремонт и содержание храмов, отчисления религиозным центрам. Советское государство ежегодно получало от Московской Патриархии до 70% ее валового дохода от продажи свечей, подоходный налог с денежных окладов всех категорий церковнослужителей и обслуживающего персонала (всего более 20 млн руб.), земельную ренту, налог со строений, страховые платежи, а также отчисления в фонды мира и охраны памятников истории и культуры. Уполномоченным давались неоднократные указания об организации «добровольных»

отчислений в Советский фонд мира. В результате они заметно возросли — в 1984 г. в Фонд мира и Фонд охраны памятников истории и культуры Московская Патриархия перечислила около 16 % своих доходов (в конце 1960-х гг. — около 10 %). В некоторых областях и автономных республиках РСФСР подобные отчисления составляли более 20 % валового дохода православных общин¹⁵⁴⁷.

Важным направлением деятельности Совета по делам религий была «политико-воспитательная работа» с духовенством и изучение его настроений. Предполагалось, что в результате деятельности уполномоченных священнослужители станут уделять больше внимания вопросам защиты мира и поддерживать внешнюю политику советского правительства. Совет осуществлял жесткий контроль за воспроизводством кадров духовенства и принимал меры по регулированию приема в семинарии и посвящения мирян в духовный сан. Был сделан вывод о том, что в условиях спроса на служителей культа целесообразнее удовлетворять его через духовные школы, где сложилась определенная система «воспитания уважения к законодательству о культах». В документах Совета постоянно отмечался рост числа желающих стать семинаристами. Среди абитуриентов высоким оставался процент комсомольцев, были и коммунисты. Например, в 1985 г. 54 % заявлений принадлежало членам ВЛКСМ. Среди абитуриентов Московской и Ленинградской духовных семинарий в 1976—1980 гг. 8% имели высшее или незаконченное высшее (учителя, инженеры, художники, врачи, экономисты, музыканты), 85% — среднее техническое или среднее, и лишь 8% — незаконченное среднее образование. По социальному происхождению абитуриенты чаще всего были выходцами из рабочих (около 50%), крестьян (около 20%) священно- и церковнослужителей (13—20%), реже — из служащих (около 10%). В отборе кандидатов в обязательном порядке активно участвовали уполномоченные Совета¹⁵⁴⁸.

Значительное внимание уделялось архиереям. В информационном отчете Совета по делам религий за 1974 г. говорилось: «Синод находится под особым контролем совета. Вопрос подбора и расстановки его постоянных членов был и остается в руках совета, кандидатуры непостоянных членов также предварительно согласуются с ответственными сотрудниками совета. Все вопросы, которые предстоит обсуждать на Синоде, патриарх Пимен и постоянные члены Синода заранее обговаривают у руководства совета и в его отделах, согласовывают проекты и окончательные «Определения Священного Синода». Осуществляя постоянный и неослабный контроль за деятельностью Синода, ответственные сотрудники совета проводят систематическую воспитательно-разъяснительную работу с членами Синода, устанавливая с ними доверительные контакты, формируют патриотические взгляды и настроения, а через них и с их помощью оказывают необходимое влияние на весь епископат»¹⁵⁴⁹.

Отдел по делам православных церквей Совета особое значение придавал контролю за проповеднической деятельностью духовенства, поскольку она рассматривалась как «основной рупор православия, действенное средство пропаганды религии». Постановление Совета по делам религий от 31 октября 1979 г. «Об изучении проповеднической деятельности служителей культа» обязывало уполномоченных принять меры к улучшению работы по ее изучению, знать характер проповедей, их идеологическую и политическую направленность. Уполномоченным предписывалось пресекать «вылазки» «отдельных фанатично настроенных проповедников, пытающихся разжигать вражду к неверующим и атеистам», которые «вносят в религиозную жизнь элементы фанатизма», призывают верующих самоизолироваться от общества и «отрешиться от всего земного», распространяют клеветнические измышления о политике советского государства по отношению к религии, подстрекают верующих к противозаконным действиям. Учитывая наличие среди священнослужителей оппозиционных по отношению к государственной власти и руководству Московского Патриархата кругов,

уполномоченные, беседуя с духовенством, пытались выяснить его отношение к внутренней и внешней политике государства. Справки об откликах священнослужителей и мирян на разные события регулярно предоставлялись в центральный аппарат Совета, а затем передавались в ЦК КПСС¹⁵⁵⁰.

Важнейшим же направлением деятельности Совета по делам религий было осуществление контроля за соблюдением советского законодательства о культах. В 1960-х — 1980-х гг. квалифицировались как нарушение законодательства: участие священнослужителей в хозяйственной деятельности, совершение треб без соответствующего учета и оформления, проведение богослужений в запрещенных местах (службы у святых источников, отпевание покойников в домах верующих, участие священников в похоронных процессиях, прослушивание религиозных аудиозаписей в домах священников мирянами), продажа фотокопий икон, совершение крещения на дому, привлечение к службе в церкви детей и их крещение без согласия обоих родителей. Исполнительным церковным органам запрещалась благотворительная деятельность (например, выдача денег пострадавшим от стихийных бедствий), незаконное расходование денежных средств, незаконные хозяйственные операции, выдача церковному активу и священнослужителям денег в виде премиальных, лечебных, праздничных и т.д.¹⁵⁵¹.

Ярким документом, иллюстрирующим действительно нелегкое положение Русской Церкви, является письмо епископа Полтавского Феодосия (Дикун) к генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу от 26 октября 1977 г. В письме были выражены протест против оскорбительных действий многих представителей власти и требования: прекратить практику регистрации треб, освободить Церковь от диктата уполномоченных, предоставить больше прав архиереям и т.д.¹⁵⁵².

Владыка Феодосий был не одинок. В отчете заместителя председателя Совета по делам религий В.Г. Фурова о работе Совета за 1974 г. указывались 17 «нелояльных» архиереев: «...это та часть епископата, у которой в разное время проявлялись и проявляются попытки обойти законы о культах, некоторые из них религиозно консервативны, другие — способны на фальсификацию положения в епархиях и сложившихся отношений к ним органов власти, у третьих — замечены попытки подкупа уполномоченных и клеветы на них и должностных лиц местных органов власти»¹⁵⁵³.

Среди упомянутых в отчете архиереев особенно выделялись епископ Курский Хризостом (Мартишкин) и епископ Астраханский Михаил (Мудьюгин). Последний принадлежал к так называемым «никодимовцам» — большой группе сторонников или воспитанников митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова), составлявшей «либеральное» крыло в православном епископате. Их влияние ощущается до настоящего времени. В частности, к «никодимовцам» принадлежит нынешний председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев). Патриарх Пимен, как и сменивший его в 1990 г. Патриарх Алексий II (Ридигер) принадлежали к центристам. Существовало в Московском Патриархате и так называемое «правое» крыло.

Возвращаясь к рубежу 1970-х — 1980-х гг., следует отметить, что в это время полномочия Совета по делам религий еще более выросли. В связи с тем, что работа Совета «очень осложнилась, как во внутреннем, так и международном плане», ЦК КПСС 25 февраля 1980 г. принял постановление «О статусе, структуре, штатах Совета по делам религий при Совете Министров СССР», в котором была подчеркнута необходимость повышения роли и ответственности Совета в последовательном осуществлении политики партии в отношении религии и церкви, усиления работы по широкому привлечению зарубежных религиозных кругов к борьбе за мир, разрядку международной напряженности, за устранение угрозы ядерной войны. В этих целях была разрешена организация четырех новых отделов, увеличены штаты центрально-

го аппарата на 30 человек, значительно расширены права Совета и его контрольные функции¹⁵⁵⁴.

В то же время жесткость государственной религиозной политики несколько смягчилась. В 1982 г. Куроедов в отчете ЦК КПСС отметил: «Стремление решать глубоко мировоззренческие вопросы административным путем, подменять идеологическую борьбу с религией борьбой с Церковью и верующими представляется глубоко ошибочным»¹⁵⁵⁵.

Ослабление государственного давления сразу же проявились в церковной жизни. С середины 1970-х гг. после долгого перерыва вновь начало расти число священно- и церковнослужителей. Если в 1974 г. на тысячу церквей приходилось 849 священников, то в 1985 г. — 960. Начался процесс омоложения духовенства — если в 1970-х гг. лишь 20 % священников и 32 % диаконов имели возраст младше 40 лет, то через 10 лет — 35 % иереев и 50 % диаконов. Повысился образовательный уровень духовенства — к середине 1980-х гг. уже более половины священнослужителей имели среднее и высшее богословское образование¹⁵⁵⁶.

Постоянно увеличивалось количество учащихся трех Духовных семинарий и двух Духовных Академий. Используя международные контакты, ректор Ленинградских духовных школ архиепископ Кирилл (Гундяев) смог одержать важную победу — открыть регентское отделение при Академии и семинарии. Ленинградский уполномоченный Г.С. Жаринов был категорически против, хотя Владыка первоначально предложил устроить лишь один небольшой класс для родственниц архиереев. Однако ректор, «организовав» прошения православных финок о желании учиться в Ленинграде, все-таки смог через Москву добиться разрешения. В декабре 1979 г. было основано регентское отделение с четырехлетним сроком обучения. И сразу же на нем стали учиться не только девушки, но и юноши.

В 1978 г. было зарегистрировано 11 новых православных приходов, а всего за 1977—1981 гг. удалось официально открыть 25 храмов. Одним из немногих подобных примеров стало открытие церкви Св. Николая на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. В 1977 г. ленинградские власти утвердили задание на проектирование восстановления и благоустройства Никольского кладбища. Оно предусматривало капитальный ремонт здания церкви с приспособлением ее под кладбищенскую контору¹⁵⁵⁷. Однако для проведения таких значительных работ средств было выделено недостаточно. Эту ситуацию умело использовал митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников), предложивший отремонтировать Никольский храм на церковные деньги при условии передачи его в пользование общины собора Лавры для хозяйственных целей. В результате 30 июня 1980 г. Ленгорисполком принял решение о передаче помещений церкви в аренду Свято-Троицкому собору Лавры «для использования под хозяйственные нужды»¹⁵⁵⁸.

К 1985 г. ремонт здания был закончен, и к этому времени митрополит Антоний при поддержке широких слоев верующих смог добиться у властей разрешения на открытие храма, первоначально в качестве часовни Троицкого собора. В стране готовились к широкомасштабному празднованию 40-летия победы над фашистской Германией, и Владыка аргументировал свое ходатайство необходимостью совершения в храме служб в память о погибших на фронтах Великой Отечественной войны и в период блокады. 22 апреля 1985 г. состоялось освящение часовни, в алтарной части здания был установлен престол, под который положили мощи блаженного затворника Матвея Татомира, похороненного в начале XX века на Никольском кладбище Лавры.

В начале 1980-х гг. священнослужителям предоставили некоторые льготы в налогообложении. 22 апреля 1980 г. Совет по делам религий в связи с ходатайством Патриарха Пимена отправил Совету Министров предложение о снижении размеров

налогообложения и квартирной платы служащих религиозных культов и членов исполнительных органов религиозных обществ. С 1961 г. священнослужители, являясь, по существу, наемными лицами религиозных обществ, получали твердые оклады, налог с которых, однако, взимался в повышенном размере — от 25 до 80% их заработков. Квартирную плату и коммунальные услуги они оплачивали в четырехкратном размере от обычных норм. При этом основная масса духовенства получала сравнительно небольшие оклады, в среднем в пределах до 200 руб. в месяц (налог с этой суммы составлял 70 руб.). Совет обратил внимание властей на эту ситуацию, вызывавшую острое недовольство священнослужителей, а «в буржуазной пропаганде» трактовавшуюся как дискриминация духовенства в СССР. В результате в июне 1980 г. Президиум Совета Министров принял предложения об изменении порядка взимания подоходного налога и квартирной платы с духовенства в лучшую для последнего сторону¹⁵⁵⁹.

В 1980 г. в поселке Софрино под Москвой был создан завод по производству свечей и церковной утвари, в 1981 г. выстроено новое здание для издательского отдела Московской Патриархии, увеличился выпуск богослужебных книг и т.д. Так, в 1979 г. Библия вышла тиражом 50 тысяч экземпляров, а 1 декабря 1982 г. Совет по делам религий просил ЦК КПСС разрешить Московской Патриархии издать Библию уже тиражом 100 тысяч экземпляров¹⁵⁶⁰. Был даже принят цензурный запрет на публичную критику архиереев Московского Патриархата (исключение делалось лишь для 1-х секретарей республиканских и областных комитетов КПСС).

Некоторое ослабление государственного прессинга проявилось и в том, что в 1983 г. Церкви была возвращена первая после долгого перерыва обитель — Свято-Данилов монастырь в Москве. По свидетельству Э.И. Лисавцева, еще в 1977 г., на торжественном приеме в честь 60-летия Октябрьской революции председатель Совета по делам религий В.А. Куроедов изложил Л.И. Брежневу просьбу Патриарха Пимена о необходимости открытия монастыря в Москве, и Генеральный секретарь ответил согласием. Присутствовавший при разговоре К.У. Черненко также выразил свое согласие. На другой день из Совета в ЦК КПСС было отправлено докладная записка о необходимости московского монастыря для нужд Отдела внешних церковных сношений, завизированная председателем КГБ Ю.В. Андроповым. Однако эта записка несколько лет лежала без движения у секретаря ЦК по вопросам идеологии, не желавшего «давать ей ход», против открытия монастыря возражал и 1-й секретарь Московского горкома КПСС А. Гришин. В Куроедову пришлось звонить К.У. Черненко с жалобой на то, что распоряжения последнего не выполняются¹⁵⁶¹.

Лишь в ноябре 1982 г. перед своей кончиной Л.И. Брежнев подписал давно ожидавшийся указ о возвращении Московской Патриархии Донского монастыря для устройства в нем официальной резиденции. После смерти Генерального секретаря решение, вызвавшее много возражений, было изменено, и, наконец, 17 мая 1983 г. вместо Донского был передан Данилов монастырь¹⁵⁶².

Подобные перемены частично были вызваны тем, что с конца 1970-х гг. у ряда советских руководителей, в том числе председателя Совета по делам религий В. Куроедова, появились представления о том, что Московский Патриархат необходимо в определенных рамках поддерживать, как национальную Русскую Церковь, в противовес агрессивному католицизму и исламскому фундаментализму. В связи с этим упор в атеистической пропаганде предавался перенести на борьбу с католиками, сектантами и мусульманами. Правда, подобная линия разделялась далеко не всеми членами ЦК КПСС, не была принята она и большинством партийных руководителей на местах, которые, по свидетельству Э. Лисавцева, порой открыто говорили, что Куроедов «продался попам»¹⁵⁶³.

Существенного пересмотра религиозной политики в СССР не произошло, о сотрудничестве Русской Церкви и государства и речи быть не могло. В начале 1980-х гг.

советскую религиозную политику отличала определенная двойственность. Наряду с некоторыми уступками Московской Патриархии предпринимались попытки оживить запущенную атеистическую пропаганду: в апреле 1979 г. было принято постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-массовой работы», а в сентябре 1981 г. — новое постановление «Об улучшении атеистического воспитания». Кроме того, произошло значительное ужесточение репрессий против верующих, занимавшихся миссионерской деятельностью, катехизаторством, изданием и распространением религиозной литературы, усилились гонения на церковных диссидентов.

Так, в отчете об итогах организационной и агентурно-оперативной деятельности 4-го («церковного») отдела 5-го управления КГБ за 1982 г. говорилось: «В настоящее время по стране за конкретные преступления отбывают наказания 229 церковников и сектантов (в 1981 г. было 220). Кроме того, 18 человек находится в ссылке (в 1981 г. — 24). Органами КГБ на враждебных элементов из этой категории граждан велось свыше 2500 дел оперативного учета (в 1981 г. — 2225)»¹⁵⁶⁴.

А в период пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко (1984 — начало 1985 г.) давление на Церковь значительно усилилось. Всего за один год были приняты четыре антирелигиозных постановления. В данный период только в Полтавской области лишили официальной регистрации около 100 религиозных общин. Это был последний атеистический всплеск такого масштаба.

Обеспокоенный подобным изменением ситуации, В. Куроедов 22 февраля 1984 г. отправил в ЦК КПСС письмо с просьбой сохранить прежний количественный состав центрального аппарата Совета (всего 96 человек, в том числе 4 заместителя председателя и 9 членов Совета) и фактически — прежнее направление религиозной политики. В письме отмечалось: «Совет добился того, что подавляющее большинство религиозных объединений работает в рамках закона, служители культа во всех крупных религиях проявляют лояльность по отношению к Советскому государству, поддерживают его внутреннюю и внешнюю политику. Совет систематически занимается вопросами формирования у служителей культа чувства гражданской ответственности, патриотизма, пресекает всякого рода экстремистские проявления в религиозных организациях. Религиозные деятели СССР ведут большую международную миротворческую деятельность, участвуют в работе 10 международных религиозных центров... Религиозные организации СССР осуществляют контакты с зарубежными церковными деятелями из более чем 100 стран мира. Ежегодно в Советский Союз приезжает 150—180 иностранных делегаций и примерно столько же выезжает за рубеж с миротворческими целями. Почти все руководители религиозных центров награждены орденами Союза СССР за патриотическую деятельность в защиту мира. Проводится широкомасштабная контрпропагандистская работа на зарубеж (выпуск печатных изданий, создание документальных кинофильмов, организация экспозиций о положении религий в нашей стране на национальных выставках в СССР и за рубежом)»¹⁵⁶⁵. Впрочем, опасения В. Куроедова оказались напрасными, новый «поход» на Церковь был не слишком долгим.

§ 2. Изменение государственно-церковных отношений в годы церестройки

Ставший весной 1985 г. политическим руководителем СССР М.С. Горбачев первоначально продолжил линию его предшественника. Программа коммунистической партии, принятая на XXVII съезде КПСС, была составлена в старом атеистическом духе. На этом съезде нередко звучали высказывания о недопустимости при-

миренчества по отношению к распространению религии. В политическом докладе ЦК КПСС М.С. Горбачев заявил, что «застой в таком главном, динамичном деле, как нравственное, атеистическое воспитание, просто нетерпим»¹⁵⁶⁶. Это объясняется не только свойственным новому генеральному секретарю в тот период критическим отношением к религии, но и острой борьбой в Политбюро относительно общего курса реформ.

10 сентября 1985 г. Секретариат ЦК КПСС одобрил записку отделов пропаганды и внешнеполитической пропаганды ЦК «О противодействии зарубежной клерикальной пропаганде в связи с 1000-летием введения христианства на Руси», постановив опубликовать ее в информационном бюллетене ЦК. В самой записке давалась очень жесткая оценка подготовки к празднованию предстоящего юбилея: «...Церковный юбилей противник пытается использовать для новых идеологических диверсий против нашей страны, враждебных нападков на советский строй, внутреннюю и внешнюю политику КПСС и советского государства... Партийным комитетам, советским органам, общественным организациям, средствам массовой информации, научным, культурно-просветительским учреждениям необходимо активизировать работу по противодействию попыткам противника использовать юбилей в антисоветских целях. При этом в публикациях, произведениях литературы и искусства, устной пропаганде избегать ажиотажа, сенсаций, чрезмерного увлечения темой “тысячелетия”, которое может вызвать повышенный интерес к юбилею и, по существу, превратиться в его рекламу. Главная задача заключается в том, чтобы повысить эффективность атеистической работы, углубить ее политическое содержание, придать наступательный характер атеистической пропаганде...»¹⁵⁶⁷

В середине 1980-х гг. местные партийные и государственные работники продолжали использовать методы административного воздействия на религиозные объединения. Об этом, в частности, писал в информационной записке в ЦК КПСС от 28 февраля 1985 г. К.М. Харчев, сменивший в ноябре 1984 г. вышедшего на пенсию В.А. Куроедова на посту председателя Совета по делам религий. Анализируя религиозную ситуацию в стране, Харчев отмечал, что в ряде мест верующие лишены возможности удовлетворять свои религиозные потребности, им препятствуют в регистрации их обществ и приобретении молитвенных помещений. В тысячах населенных пунктов группы верующих различных конфессий проводят богослужения нелегально; многие из них годами ходатайствуют о регистрации своих объединений, но их просьбы, как правило, необоснованно отклоняются. Законно действующим религиозным обществам нередко запрещают производить ремонт молитвенных домов, пользоваться электроосвещением, иметь постоянного священника. Имели место факты увольнения с работы или исключения из учебных заведений по религиозным мотивам, ущемления других прав верующих.

В своей записке К. Харчев приводил многочисленные примеры незаконных действий местных властей: «В течение многих лет продолжается поток коллективных писем (300—500 подписей) в союзные и республиканские органы из с. Старые Михайляны Рышканского района Молдавской ССР с просьбой узаконить деятельность православного общества, снятого административным путем с регистрации еще в 1962 году. Здесь верующие по сей день удерживают в своих руках здание церкви, организовав круглосуточное дежурство... В с. Порохова Бучачского района Тернопольской области и с. Забирье Нестеровского района Львовской области возникли серьезные конфликты при попытке местных органов власти освоить ранее снятые с регистрации, но фактически действующие церкви. Верующие оказали им сопротивление и в знак протеста в течение нескольких дней в массовом порядке не выходили на работу...» и т.д.¹⁵⁶⁸

Следует отметить, что сам К. Харчев, вступив в должность председателя Совета, первоначально стал проводить более жесткую политику в отношении Церкви, чем

его предшественник, и искать новые подходы к партийно-государственному влиянию на религиозные организации. Именно Харчеву принадлежала идея поручить партийным комитетам подбор и воспитание священнослужителей, по его мнению, Церковь должна обновляться таким образом, чтобы люди, исповедующие религию, одновременно с верой в Бога верили в коммунизм. Работа Совета по делам религий была активизирована в направлении дальнейшего ограничения деятельности религиозных организаций, сокращения их количества и закрытия храмов¹⁵⁶⁹. Количественные же показатели регистрации новых религиозных обществ оставались незначительными. В 1984 г. по СССР в целом было зарегистрировано 99 обществ различных конфессий, в 1985 г. — 65, в 1986—67, в 1987 г. — 104. в том числе по РСФСР соответственно 34, 23, 28 и 44¹⁵⁷⁰.

Один из первых случаев реакции М.С. Горбачева на церковную деятельность произошел в конце 1985 г., 27 декабря генеральному секретарю передали жалобу жителей сел Афанасьевка и Глуховка Белгородской области на местного священника. К расследованию дела было привлечено КГБ, и, хотя высказанные в письме обвинения не подтвердились, председатель Комитета Чебриков в своем ответе Горбачеву предложил «разработать и доложить в ЦК КПСС дополнительные меры по усилению контроля за финансово-хозяйственной деятельностью исполнительных органов религиозных общин и повышению ответственности священнослужителей за полный и точный учет поступающих в церковь денежных и иных материальных средств». Генеральный секретарь выразил полное согласие с этим предложением¹⁵⁷¹.

13 марта 1986 г. Секретариат ЦК КПСС направил в адрес Совета по делам религий и КГБ поручение подготовить предложения об упорядочении формирования кадров духовенства. В этот же день Секретариат одобрил соображения, высказанные в совместной записке отделов пропаганды, административных органов и внешнеполитической пропаганды ЦК КПСС «О мерах по противодействию клеветнической клерикальной зарубежной пропаганде в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции». В этой записке предлагалось распространить по каналам ТАСС, АПН и Гостелерадио за рубеж материалы, связанные с миротворческой деятельностью Русской Церкви и других конфессий СССР; провести работу среди священнослужителей Московского Патриархата по противодействию клеветнической кампании против СССР; разрешить со второй половины 1986 г. издавать на базе «Журнала Московской Патриархии» ежемесячный бюллетень на русском и основных европейских языках, посвятив его рассказу о религиозной жизни в Советском Союзе; издать на иностранных языках в 1986—1988 гг. 6 иллюстрированных сборников, посвященных различным аспектам церковной истории; организовать туристическую морскую поездку вокруг Европы с участием представителей духовенства с целью пропаганды достижений нашей страны¹⁵⁷². Предложения в основном выполнили, в частности, с 1986 г. стало выходить ежемесячное иллюстрированное приложение к «Журналу Московской Патриархии» «Православное чтение». На осень 1986 г. пришлось последняя антирелигиозная кампания в печати.

Руководство Московского Патриархата негативно отреагировало на антицерковные акции, в это время оно уже иногда публично дистанцировалось от советских властей. Так, в феврале 1985 г. митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поляков) в интервью одному из австрийских агентств заявил: «Естественно, имеются многочисленные расхождения между Церковью и официальной марксистской идеологией. Христианская вера и марксизм несовместимы. Я думаю, что это истина, по поводу которой нет нужды дальше распространяться. Однако является фактом то, что после Октябрьской революции Церковь проповедует, борется и развивается в духе

истины Евангелия. Это противоречие является подлинным предметом идеологической борьбы в нашей стране»¹⁵⁷³.

После провозглашения весной 1985 г. нового курса «перестройки и гласности» Московская Патриархия ожидала расширения диалога государства с Церковью и решения многих назревших проблем церковной жизни. Однако этого пришлось ждать еще два-три года. Так, например, за 1984—1987 гг. была зарегистрирована всего 31 новая православная община¹⁵⁷⁴.

Когда в 1985 г. управляющий делами Московского Патриархата член Синода митрополит Алексей (Ридигер) направил политическому руководству страны письмо, в котором говорилось о необходимости предоставить Церкви возможность «активно и решительно бороться с различными пороками и болезнями в обществе, выступая за духовное и нравственное здоровье людей», оно вызвало в Кремле «настоящий переполох». Ответом на письмо стало освобождение Владыки Алексея от должности управляющего делами Патриархата и его перевод из Москвы в Ленинград. Одновременно Церкви напомнили, что она «должна заниматься удовлетворением религиозных потребностей верующих без вмешательства в вопросы, относящиеся к политической системе советского общества»¹⁵⁷⁵.

Поворотным моментом в положении религии и верующих в СССР стал 1987 г. Нарастание всестороннего кризиса советского общества, экономические трудности стали причиной попыток руководства страны расширить поддержку со стороны широких народных масс, в том числе за счет верующих. Определенная демократизация политической системы, широкое освещение в печати репрессий 1930-х — 1950-х гг., от которых тяжело пострадала Церковь, озабоченность широких общественных кругов проблемой духовного оздоровления народа создали обстановку, в которой для Московского Патриархата открылись новые возможности. Ситуация начала меняться после январского, 1987 г. пленума ЦК КПСС по вопросам перестройки и кадровой политики, который принял решения о демократизации общества и реформировании коммунистической партии.

В это время М.С. Горбачев отверг идею проведения антирелигиозной пропагандистской кампании в связи с предстоящим тысячелетием Крещения Руси, заявив: «Не будем обижать Церковь, она у нас патриотическая». Однако средствам массовой информации не было дано определенных указаний, как относиться к приближающемуся юбилею, что вызвало у них некоторую растерянность¹⁵⁷⁶.

В феврале 1987 г. К. Харчев представил в ЦК КПСС аналитическую записку «О некоторых вопросах реализации политики партии в отношении религии и Церкви на современном этапе», в которой подчеркивал, что за последние десятилетия в этой сфере общественной жизни произошли существенные изменения, требующие соответствующих корректив в формах и методах управления. Харчев считал, что в общественном сознании прочно утвердилось материалистическое мировоззрение, и хотя часть населения все еще остается «под влиянием религиозной идеологии и морали», — это «преимущественно честные советские труженики, патриоты своей страны». По прогнозам председателя Совета по делам религий, эта группа населения (10—20%) будет существовать еще длительное время, а отход от религии станет развиваться как «процесс эволюции их сознания, размывания религиозных ценностей, вытеснения их идеалами, нравственными нормами социализма». Харчев отмечал, что позиции религиозных организаций в стране в целом стабилизировались; в последней четверти XX века практически не снижался уровень обрядности; Церковь значительно укрепила свою материальную базу, денежные поступления от верующих и доходы от продажи предметов культа возросли более чем в два раза; обновился кадровый состав духовенства, возрос его образовательный уровень, увеличилось число священнослужителей.

Ссылаясь на решения XXVII съезда КПСС, председатель Совета подчеркивал, что главным средством борьбы с религией должно стать активное вовлечение верующих в трудовую и общественную деятельность, пропаганда материалистического мировоззрения, пресечение религиозного экстремизма без нарушения принципа свободы совести. Однако местные партийно-государственные кадры, по свидетельству К. Харчева, продолжали открытую борьбу с религией, в том числе методами административного нажима. У значительной части партийных и советских работников была заметна неприязнь к верующим, стремление ограничить и ущемить их в гражданских правах, у другой части — безразличие к религиозным проявлениям. Грубый административный контроль над религиозной ситуацией привел к тому, что произошли негативные структурные сдвиги в соотношении различных вероисповеданий. За последние десятилетия существования СССР число приходов Русской Церкви уменьшилось почти вдвое, но зато активизировалось сектантство, особенно баптизм, значительно выросла миссионерская деятельность сектантов. Появились новые формы религиозности, прежде всего среди молодежи и интеллигенции — мистические организации и секты, проповедующие псевдovосточные учения. Последствия «кавалерийского наскока» на религию вели к росту незарегистрированных религиозных общин, где в основном и рождались экстремистские настроения. Количество таких общин в 1987 г. выросло до нескольких тысяч.

Выводы К. Харчева были неутешительными для руководства страны: «Все это говорит о том, что возникла реальная опасность ослабления роли и влияния государства в управлении процессами, происходящими в деятельности религиозных объединений и способствующих воспроизводству религиозности населения». Возможными последствиями этого могли быть: растущий протест верующих, их неуверенность в искренности политики государства в религиозном вопросе, усиление «империалистической и клерикальной пропаганды, навязывающей мировому общественному мнению образ СССР как тоталитарного, антидемократического государства», что помешало бы укреплению авторитета страны на международной арене. Совет предлагал «наряду с всемерным усилением атеистического воспитания не обострять отношений с Церковью» и с этой целью пересмотреть законодательство о культурах, т.е. признать за религиозными объединениями право юридического лица и ведения религиозной пропаганды, за родителями — право на воспитание детей в религиозном духе, а за верующими — право на совершение религиозных обрядов на дому и в больнице¹⁵⁷⁷. Таким образом, позиция Совета по делам религий, несмотря на явное ее смягчение, оставалась двойственной.

С сентября 1987 г. впервые после середины 1950-х гг. начало в заметных размерах расти количество православных приходов. В СССР длительное время действовали без регистрации около 16% религиозных объединений, в том числе 52 общины Русской Церкви. Поэтому 28 января 1988 г. Совет по делам религий принял постановление «О фактах нарушения установленного порядка рассмотрения заявлений о регистрации религиозных объединений». Проанализировав религиозную ситуацию в стране, его работники пришли к выводу, что большинство добывающихся регистрации обществ различных конфессий признавало советское законодательство о религиозных культурах, однако ходатайства учредителей более 260 подобных объединений о регистрации необоснованно отклонялись местными органами власти.

В 1987 г. в Совет поступило 3015 жалоб (что означало рост за год почти на 30%), на приемах в нем побывали 1713 верующих (808 групп), главным образом из РСФСР, Украины, Молдавии, Белоруссии. Руководители организации сообщали высшим и местным государственным органам, что проволочки с рассмотрением заявлений верующих граждан являются грубым нарушением законодательства о религиозных культурах. Аппарат Совета на местах получил указание принять меры по устранению нарушений порядка рассмотрения заявлений о регистрации религиозных объединений

и добиться его практического выполнения¹⁵⁷⁸. В результате в 1988 г. было открыто уже почти тысяча православных храмов. Из тюрем и лагерей освободили десятки узников совести.

В начале 1988 г. Совету пришлось заниматься вопросами регулирования производства церковной утвари в связи с введением в действие закона об индивидуальной трудовой деятельности. В письме Патриарха Пимена на имя К. Харчева говорилось, что в Москве уже существуют многочисленные группы граждан, самовольно изготавливающих и реализующих без уплаты налогов церковные свечи и утварь, между тем мастерские хозяйственного управления Патриархии отчисляют в бюджет государства 69% своих доходов, что ежегодно составляет денежную сумму в размере 39 млн руб. «Таким образом, — делал вывод Первосвятитель, — существующее на сегодняшний день законодательство и практика взимания налогов не соответствуют интересам государства и общества. Русской православной церкви». Патриарх предложил внести в статью 13 закона «Об индивидуальной трудовой деятельности» пункт 7, запрещающий изготовление свечей, икон и утвари. В итоге Совет постановил войти с ходатайством в правительство СССР о принятии законодательных мер, запрещающих производство с целью последующей реализации церковной утвари и предметов религиозного культа в рамках кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности. На мартовском заседании 1988 г. Совет по делам религий также разрешил увеличить в следующем году тираж религиозных изданий, в том числе настольного календаря Русской Православной Церкви до 180 тысяч, а «Богословских трудов» — до 15 тысяч экземпляров¹⁵⁷⁹.

В то же время руководство Совета опасалось осложнения внутривластной ситуации из-за торжеств по случаю 1000-летия Крещения Руси. Поэтому в марте 1988 г. К. Харчев дал указание усилить профилактическую работу с верующими, особенно «экстремистски настроенными». Уполномоченным Совета совместно с партийно-советскими органами поручалось разработать с учетом местных условий меры по предотвращению негативных проявлений в связи с юбилеем, создать соответствующие рабочие группы и не реже двух раз в месяц информировать руководство о религиозной ситуации на местах. В начале мая 1988 г. Совет сообщил ЦК КПСС о религиозной ситуации в стране накануне юбилея, отметив, что большинство верующих граждан СССР поддерживает курс на обновление всех сторон жизни советского общества. По свидетельству К. Харчева, подготовка к юбилею оживила жизнь Русской Православной Церкви, что проявилось в укреплении организационных структур религиозных учреждений, увеличении расходов на ремонтно-восстановительные работы, постановке вопросов об открытии новых молитвенных и хозяйственных помещений, увеличении тиражей религиозных изданий. В культовой практике было заметно усиление торжественности богослужений, стремление подчеркнуть приоритет Церкви в формировании морально-нравственных ценностей, представить ее неотъемлемой частью социалистического общества, необходимым элементом национальной культуры и государственности. Одновременно были отменены противоречащие законодательству требования местных органов власти об обязательном предъявлении паспортов родителями при крещении детей, запрещении колокольного звона. В целом с 1985 по 1990 г. оказались зарегистрированы почти три с половиной тысячи новых приходов Московского Патриархата. Однако сотни религиозных обществ, несмотря на желание узаконить свою деятельность, в тот период все же не регистрировались органами власти. В 1985 г. в РСФСР было 1432 таких общества, а в 1990 г. — 1127¹⁵⁸⁰.

Важнейшей вехой стало празднование тысячелетия Крещения Руси, превратившееся в подлинный триумф для Русской Православной Церкви и общенародный праздник. В преддверии торжеств 29 апреля 1988 г. состоялась встреча в Кремле М.С. Горбачева с Патриархом Пименом и членами Священного Синода (инициатива этой встречи при-

надлежала К.М. Харчеву), на которой генеральный секретарь пообещал добиться отмены всех дискриминационных по отношению к духовенству и верующим актов и законов и заявил: «...точек соприкосновения для заинтересованного и надеюсь, плодотворного диалога у нас очень много. У нас общая история, одно Отечество и одно будущее. Так давайте и поразмышляем обо всем этом вместе, как говорится, соборно». В ходе встречи было принято решение проводить приближающееся тысячелетие Крещения Руси не только как церковный, но и как общественно-значимый юбилей. На официальное приглашение Патриарха присутствовать на торжествах М. Горбачев ответил согласием, заявив, что Крещение Руси — «это знаменательная веха на многовековом пути развития отечественной истории, культуры, русской государственности». Кроме того, Первосвятителю удалось получить согласие генерального секретаря на открытие новых церквей, духовных учебных заведений и монастырей, увеличение тиражей церковной литературы, возвращение Церкви ряда национализированных культовых зданий и т.д.¹⁵⁸¹.

Еще до начала юбилея Русской Православной Церкви были возвращены Введенская Оптина пустынь, Толгский монастырь, а затем и Киево-Печерская лавра, переданы некоторые мощи святых, находившиеся на хранении в государственных музеях Московского Кремля и других музейных собраниях, в том числе мощи св. Феодосия Черниговского, св. Феодосия Тотемского, гробница св. Питирима Тамбовского. В 1988 г. началось повсеместное возрождение обителей, к концу года их насчитывалось 22, а через пять лет — уже 360. Особое значение имело возрождение Оптиной пустыни, Валаамского и Соловецкого монастырей, вновь ставших местами массового паломничества со всей России и важными центрами духовной жизни.

Большую роль в возрождении «Северного Афона» — Спасо-Преображенского Валаамского монастыря сыграл митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (будущий Патриарх Московский и всея Руси)¹⁵⁸². 24—25 июля 1988 г. он посетил Валаам для ознакомления с его состоянием. 13—16 августа Владыка возглавлял проводившиеся в Петрозаводске юбилейные торжества, посвященные 1000-летию Крещения Руси, в ходе которых встретился с 1-м секретарем Карельского обкома КПСС В.С. Степановым. На этой встрече митрополит впервые поставил перед руководством Карелии вопрос о возрождении монашеской жизни на Валааме. Сразу же после возвращения из Петрозаводска — 22 августа 1988 г. Владыка Алексий направил председателю Совета по делам религии К.М. Харчеву письмо, в котором была изложена целая программа возрождения монастыря. Митрополит предлагал, чтобы Совет Министров принял решение о поэтапной передаче Валаамского архипелага в пользование Русской Православной Церкви «для создания там Православного Духовного центра мирового значения»¹⁵⁸³.

15 сентября 1988 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об усилении работ по сохранению памятников истории и культуры и природного ландшафта Валаамских островов в Карельской АССР и о дальнейшем экономическом и социальном развитии этого района». В нем поручалось Совету по делам религий совместно с Советом Министром КАССР и Леноблсполкомом рассмотреть предложения Ленинградской епархии об ее участии в осуществлении реставрационных работ и использовании отдельных памятников истории и культуре на Валааме. Такие предложения были подготовлены и в конце 1988 г. представлены в Совет Министров СССР¹⁵⁸⁴. 27 декабря 1988 г. Священный Синод заслушав сообщение Владыки Алексия, одобрил его шаги «по изучению возможности возобновления монашеской жизни на Валааме и восстановлению святынь, храмов и скитов монастыря» и постановил после передачи обители Церкви поручить митрополиту «организацию возобновления монастырской жизни и ремонтно-восстановительных работ, а также духовное окормление обители»¹⁵⁸⁵.

Хотя Совет Министров СССР так и не решился вынести официальное постановление о возрождении Валаамского монастыря, под давлением культурной, научной и церковной общественности он в начале 1989 г. поручил решить этот вопрос Совету Министров РСФСР, который 27 июня распорядился принять предложение «об участии Ленинградской епархии в реставрационно-восстановительных работах и использовании для нужд Русской Православной Церкви отдельных памятников истории и культуры Валаамского музея-заповедника». Различным государственным и общественным организациям поручалось рассмотреть и решить в установленном порядке данный вопрос. В соответствии с этим предписанием Совет Министров Карельской АССР 19 сентября 1989 г. и принял постановление «О передаче объектов бывшего Валаамского Спасо-Преображенского монастыря в пользование Ленинградской епархии», положившее начало процесса возрождения Валаама¹⁵⁸⁶. Вскоре были основаны подворья монастыря в Ленинграде, Москве и Приозерске.

Процесс возрождения закрытых ранее монастырей и храмов сталкивался со многими трудностями — необходимостью восстановления полуразрушенных зданий, освоения богатейшего исторического наследия, сложные поиски исчезнувших церковных святынь и мощей, недостаток опытных духовных наставников и др., но в целом он шел очень быстро и интенсивно. В 1988 г. в Смоленске открылось первое межепархиальное Духовное училище, вслед за ним училища появились в Кишиневе, Чернигове, Ставрополе, Минске, Новосибирске. Церковные деятели, наконец, получили доступ к средствам массовой информации и т.д.

В рамках юбилейных торжеств 6—9 июня 1988 г. прошли заседания Всероссийского Поместного Собора. Именно он еще в советских условиях смог частично возродить соборную традицию и вернуть в практику церковной жизни некоторые определения Великого Собора 1917—1918 гг. Был принят новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви», согласно которому Соборы планировалось созывать с определенной периодичностью, в частности, Поместный Собор не реже одного раза в пять лет. Это можно было считать возвращением к идеям Собора 1917—1918 гг. При этом, как и прежде, указывалось, что высшая власть в области вероучения, церковного управления и суда принадлежит Поместному Собору. Патриарх, согласно новому Уставу, имел первенство чести среди архиереев и был подотчетен Собору. Управление Церковью он осуществлял совместно со Священным Синодом, число временных членов которого увеличилось до пяти.

Устав восстанавливал и предусмотренные Собором 1917—1918 гг. епархиальные собрания. Они получали полномочия избирать сроком на один год половину членов епархиального совета, при помощи которого архиерей должен осуществлять управление епархией. Основные положения 8-й главы Устава («Приходы») были приведены с учетом исторических реалий конца 1980-х гг. в соответствии с решениями Собора 1917—1918 гг. Так, определение прихода, данное новым Уставом, практически совпадало с формулировкой 1918 г., так же как и характеристика состава приходского причта. Правда, в отличие от Приходского устава 1918 г. члены причта теперь могли быть увольняемы не только по суду и собственному прошению, но и «по церковной целесообразности». По сравнению с определением 1961 г. права настоятеля храма были существенно расширены, он становился председателем приходского собрания. Председателем же приходского совета мог быть и мирянин. Приход становился автономной единицей с широким участием в управлении мирян и выборностью снизу. Однако выборность епископов и священников восстановлена не была¹⁵⁸⁷.

На Соборе 1988 г. обсуждались и вопросы о необходимости увеличить выпуск религиозной литературы, открыть новые духовные учебные заведения. После Собора

1917—1918 г. в силу негласного запрета властей вопросы канонизации (за редчайшими исключениями) не могли быть поставлены открыто. И вот теперь этот запрет оказался преодолен, Собор 1988 г. прославил к общецерковному почитанию девять святых, живших в XIV — XIX веках, подвиг которых символизировал 1000-летний исторический путь Русской Православной Церкви: св. кн. Димитрия Донского, св. митрополита Московского и всея Руси Макария, св. иконописца Андрея Рублева, св. церковного писателя Максима Грека, прп. схииеромонаха Паисия (Величковского), св. блаженной Ксении Петербургской, св. епископа Игнатия (Брянчанинова), св. епископа Феофана Затворника и прп. Амвросия Оптинского. К празднику 1000-летия Крещения Руси Богослужебная комиссия подготовила «Чинопоследования праздника Крещения Руси». Согласно Уставу, служба Господу Богу в память Крещения Руси должна предшествовать и соединяться со службой всем святым, в земле Российской просиявшим. Наконец, было принято обращение Собора «К чадам, не имеющим канонического общения с Матерью-Церковью»¹⁵⁸⁸.

В целом же на Соборе 1988 г. впервые за все годы советской власти духовенство и миряне могли откровенно обсуждать насущные церковные проблемы. И образом, на который следует равняться, для них был Великий Собор 1917—1918 г. Таким образом, на Всероссийском Поместном Соборе 1988 г. Русская Православная Церковь открыто обозначила свое намерение вернуться в общественную жизнь страны и существенно расширить свою деятельность в различных сферах: просветительской, издательской, миссионерской, благотворительной, культурной и научной. 10 июня в Большом театре состоялся торжественный акт, посвященный тысячелетию Крещения Руси. В тот же день в Большом Кремлевском дворце Патриарх Пимен и еще несколько архиереев были награждены государственными наградами «за активную миротворческую и патриотическую деятельность»¹⁵⁸⁹.

В следующем году произошел отказ от прежней системы церковно-государственных отношений. Они перестали интересоваться отдел пропаганды ЦК КПСС и перешли в ведение отдела административных органов, таким образом, фактически менялась модель, сформировавшаяся в первые годы советской власти. В 1989 г. стала выходить газета «Московский церковный вестник», а затем антисектантский журнал «Прозрение» и церковно-археологический журнал «Светильник». Если в 1988 г. было зарегистрировано 809 новых общин Русской Православной Церкви, то в 1989 г. — уже 2564¹⁵⁹⁰.

9—11 октября 1989 г. состоялся Архиерейский Собор, одним из важнейших решений которого стала канонизация Святейшего Патриарха Тихона, этим актом началось прославление новомучеников советского периода. Также было заявлено о необходимости возрождения приходской жизни, приняты решения о канонизации первого Патриарха Русской Православной Церкви Иова и о создании Белорусского экзархата. В связи с подготавливаемым тогда по указанию Политбюро ЦК КПСС законом «О свободе совести и религиозных организациях в СССР», Русская Церковь заявила о необходимости внесения в него пунктов о признании юридическим лицом церковной организации в целом, предоставление равных прав для религиозного и атеистического обучения, воспитания и пропаганды, доступе Церкви к средствам массовой информации и т.д. Таким образом, на Архиерейском Соборе был открыто поставлен вопрос о пересмотре дискриминационных для Православной Церкви отношений с государством¹⁵⁹¹.

Существенные изменения церковно-государственных отношений в год празднования 1000-летия Крещения Руси способствовали преобразованиям в сфере богословского образования. Быстро начало расти число учащих духовных школ, и ника-

кие препятствия со стороны уполномоченных Совета по делам религий уже не могли сдерживать развитие этого процесса. Так осенью 1988 г. общее количество учащихся духовных школ достигло 1999 (из них 804 заочника), в том числе в «северной столице» 447: в Духовной семинарии — 250, в Академии — 80, на регентском отделении — 87 и на факультете иностранных студентов — 30. Причем иностранцы представляли более 20 стран: Бельгию, Голландию, Грецию, Индию, Сирию, США, Финляндию, Францию, Эфиопию, Югославию, Японию и др.¹⁵⁹²

В 1989 г. начали открываться новые семинарии, а затем академии, появились школы нового типа — Духовные училища с двух-трехлетним сроком обучения, заметно выросло число учащихся. На Архиерейском Соборе в октябре 1989 г. было принято определение о реорганизации структуры и содержания учебного процесса так, чтобы в короткий период обеспечить обязательное высшее богословское образование для пастырей Церкви на базе Духовных семинарий, но из-за кадровых и финансовых трудностей в ближайшие после Архиерейского Собора годы решить эту задачу не удалось. Тогда же впервые появилась возможность получения церковными учебными заведениями государственных лицензий, однако этому еще долго мешали структурные расхождения.

Последний в советский период Поместный Собор состоялся вскоре после кончины Патриарха Пимена (3 мая 1990 г.) — 7—10 июня. Советские власти не только не противились этому, но и выражали заинтересованность в скорейшем проведении Собора. В письме последнего председателя союзного Совета по делам религий Ю.Н. Христоряднова (в 1989—1991 гг.) в ЦК КПСС от 17 мая 1990 г. говорилось: «Процессы перестройки, обновление всех сфер общества способствуют заметной нормализации государственно-церковных отношений... Вместе с тем активизируются деструктивные элементы, в церкви усиливаются центробежные тенденции, местничество. Возникли группы и движения, относящие себя к “независимой церковной общественности”, конфронтирующие с Московской Патриархией. Активность церковной и околоцерковной оппозиции, направленная в основном на критику прошлого и настоящего жизни Русской православной церкви, ее патриотической позиции и иерархии, приобретает растущие масштабы. Серьезную опасность представляет возможность церковных расколов. Положение Русской православной церкви в некоторых национальных республиках нестабильно, особенно в западных областях Украины и в Молдавии. Отнесение сроков избрания патриарха на более поздний период, по нашему мнению, нежелательно, ибо определенные круги попытаются использовать указанные негативные тенденции, вовлечь духовенство и верующих в борьбу группировок за патриарший престол. Время созыва Поместного Собора для избрания главы церкви зависит также и от общесоюзных мероприятий, его предпочтительно провести до XXVIII съезда КПСС»¹⁵⁹³.

На предшествовавшем Поместному Архиерейскому Собору (6 июня) впервые с 1917 г. тайным голосованием были избраны три кандидата на Патриаршую кафедру: митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Ридигер), митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Денисенко) и митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир (Сабодан). Делегаты открывшегося 7 июня 1990 г. Поместного Собора выдвинули еще несколько кандидатур, но ни одна из них не получила необходимой поддержки. Во втором туре большинство голосов (166 из 309 проголосовавших) получил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей, ставший пятнадцатым в истории Русской Православной Церкви (и пятым в советский период) Патриархом. 10 июня состоялась интронизация нового Первосвященителя. Поместный Собор 1990 г. принял решение о канонизации протоиерея Иоанна Кронштадтского и поручил Комиссии по канонизации святых подготовить материалы к прославлению но-

вомучеников, пострадавших за веру в XX веке. Обращение к подвигу новомучеников свидетельствовало о том, что Русская Православная Церковь помнит о бывших гонениях и надеется на восстановление соборной жизни, обратившись к опыту Собора 1917—1918 гг.¹⁵⁹⁴.

Через несколько дней после интронизации, 14 июня, Святейший Патриарх Алексей II отправился в северную столицу, для того чтобы совершить прославление св. прав. о. Иоанна Кронштадтского. Торжество прославления совершилось в недавно возрожденном Иоанновском монастыре на наб. реки Карповки, где погребен угодник Божий. В конце декабря 1990 г. в одном из служебных помещений Музея истории религии и атеизма, находившегося в Казанском соборе Петербурга, были обнаружены святые мощи прп. Серафима Саровского. 11 января 1991 г. Патриарх прибыл в город и после молебна в часовне блаженной Ксении и в Иоанновском монастыре отправился в Казанский собор. Мощи прп. Серафима были перенесены в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры и оставались там до 6 февраля, за это время тысячи православных петербуржцев пришли поклониться святому угоднику Божию. Из Петербурга мощи в сопровождении Первосвятителя были доставлены в Москву и крестным ходом перенесены в кафедральный Богоявленский собор, затем 23—30 июля 1991 г. святые мощи крестным ходом в сопровождении Патриарха были перенесены в Дивеевскую обитель, возрожденную незадолго до вторичного обретения мощей основателя этого монастыря. Вскоре в городе св. ап. Петра произошло еще одно знаменательное событие: второе обретение мощей св. Иоасафа Белгородского (28 февраля 1991 г.). В фондах Музея истории религии и атеизма были обретены также мощи св. блгв. вел. кн. Александра Невского и Соловецких чудотворцев, вскоре возвращенные Русской Православной Церкви.

Тяжелой потерей для Церкви стало убийство 9 сентября 1990 г. выдающего проповедника и богослова протоиерея Александра Меня, общественная деятельность которого вызывала резко негативную реакцию КГБ (это преступление осталось нераскрытым)¹⁵⁹⁵. В одном из своих интервью Патриарх Алексей II сказал: «Отец Александр был талантливым проповедником слова Божия, добрым пастырем Церкви, он обладал щедрой душой и преданным Господу сердцем. Убийцы сотворили свое черное дело, когда он мог бы еще так много сделать для духовного просвещения и окормления чад Церкви. Не все его суждения полностью разделялись православными богословами, но ни одно из них не противоречило сути Священного Писания. Где как раз и подчеркивается, что надлежит быть разномыслиям между вами, дабы явились искуснейшие»¹⁵⁹⁶.

Следует отметить, что в конце 1980-х гг. возникли расхождения в вероисповедной политике союзного и республиканских центров. И раньше уполномоченные Совета по делам религий в союзных республиках, формально находясь в его подчинении, на практике исполняли волю местных властей, которые стремились создать фактически независимые республиканские структуры. Еще в 1974 г. был образован Совет по делам религий при Совмине Украинской ССР, в 1987 г. — при Совмине РСФСР, а в конце 1980-х гг. руководство почти всех союзных республик выражало стремление образовать подотчетные им органы по делам религий. Результатом такой перестройки стало противостояние союзного и республиканских (РСФСР, УССР) Советов, что было вызвано разнонаправленными политическими курсами руководства СССР и этих республик. В условиях нараставшего процесса децентрализации Советского Союза союзный Совет по делам религий оказывал все меньшее воздействие на церковную политику, — как в стране в целом, так и в отдельных ее регионах.

В июле 1990 г. рассмотрение религиозных вопросов было поручено вновь образованному постоянному комитету Верховного Совета РСФСР по вопросам свободы со-

вести, вероисповеданиям, милосердия и благотворительности, состоявшему преимущественно из представителей различных конфессий и христианско-демократического движения. Возглавил комитет православный священник В. Полосин. Членам комитета казалось, что достаточно разрушить прежнюю систему взаимоотношений государства и религиозных организаций, отменить советское законодательство о религиозных культурах, снять существовавшие преграды на пути деятельности различных конфессий, — и религиозный вопрос будет решен. По инициативе комитета были упразднены Совет по делам религий при Совмине РСФСР и должности (аппараты) его уполномоченных на местах¹⁵⁹⁷.

1 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял закон «О свободе совести и религиозных организаций», утвердивший за религиозными организациями все права юридического лица. У Церкви появилось право иметь в собственности недвижимость, осуществлять религиозное обучение детей, защищать свои интересы в судебном порядке; религиозные организации могли участвовать в общественной жизни, пользоваться средствами массовой информации и т.д. Закон фактически разрушил советскую систему контроля за религиозными объединениями, союзный Совет по делам религий лишился властных полномочий и превращался в информационный, консультативный и экспертный центр. 25 октября 1990 г. был принят и российский закон «О свободе вероисповеданий». Этот закон не предусматривал правительственного учреждения подобного Совету по делам религий, вместо него в Верховном Совете была образована Комиссия по свободе совести и вероисповеданиям. Законом допускалось преподавание вероучения на факультативной основе в любых учебных заведениях, отменялись многие ограничения на культовую, социальную, производственно-хозяйственную и иную деятельность религиозных объединений, упрощалась процедура регистрации их уставов, за ними признавались права юридического лица и собственности, на всех работающих в религиозных организациях распространялись положения трудового законодательства и социального страхования¹⁵⁹⁸.

В результате 26 апреля 1991 г. было принято новое положение о союзном Совете по делам религий, лишившее его всех распорядительных и контрольных функций¹⁵⁹⁹. Правительство упразднило институт уполномоченных Совета в областях, краях, автономных и союзных республиках. С распадом СССР и образованием СНГ в декабре 1991 г. он оказался окончательно упразднен¹⁶⁰⁰, 4 сентября 1991 г. был ликвидирован и 4-й («церковный») отдел 5-го управления КГБ, что бурно отметила демократическая общественность.

Таким образом, в период перестройки конца 1980-х — начала 1990-х гг. начался процесс постепенного оздоровления Русской Православной Церкви, приобретения самостоятельности, освобождения из-под жесткого контроля различных органов Советского государства. Он шел параллельно с «религиозным возрождением», бурным ростом числа верующих в стране. Уже социологические опросы 1990 г. показали, что за ничтожный по историческим меркам срок, — с 1988 г. доля верующих в основной массе населения выросла в несколько раз. По данным всесоюзного опроса общественного мнения в рамках исследовательского проекта «Советский человек» 1990 г., 48 % населения страны считало себя верующими, 66 % были крещены, а из неверующих лишь 5 % занимали активную антирелигиозную позицию. Согласно другому опросу 1990 г., доля верующих составляла 44 %, а православных было 60 млн из 270 млн общего населения СССР. По результатам опроса, проведенного в 1991 г. в РСФСР на базе информационной сети ВЦИОМ, доля православных верующих за последние два года увеличилась вдвое и составила 38 %¹⁶⁰¹.

При этом уже в 1990 г. громадное большинство населения Советского Союза выступало за расширение участия Церкви во всех сферах жизни общества (против ее участия в политической жизни страны было лишь 12 %, против организации воскресных школ — 8, против устройства церковных медицинских учреждений — 4, против присутствия духовенства в армии — 9), подразумевая, что речь идет именно о Православной Церкви¹⁶⁰².

С ростом числа верующих стремительно росла и численность различных структур Русской Церкви. За пять лет — с 1985 по 1990 г. открылось 3402 православных прихода (рост на 49 %) и 40 монастырей (их число достигло 57)¹⁶⁰³. Ко времени распада СССР осенью 1991 г. в 93 епархиях Московского Патриархата действовало более 12 тысяч приходов, богослужения в них совершали около 10 тысяч священнослужителей, существовало 117 монастырей и т.д.

3. Возрождение Русской Православной Церкви в 1990-х гг.

Распад 25 декабря 1991 г. Советского Союза и образование на его территории 15 независимых государств ознаменовало начало новой страницы в истории Русской Православной Церкви. Развернувшееся в конце 1980-х гг. бурное церковное возрождение сопровождалось нарастающими процессами внутреннего нестроения. Кроме того, в условиях, когда российское общество начало обращаться к поискам некоммунистической «веры» и новых путей организации своей жизни, Московский Патриархат проявил определенное неумение наладить взаимодействие с потенциальной паствой, реализовать существующий потенциал. Подобная неготовность объяснялась прежде всего наследием прежних времен, когда религиозные организации были в основном вытеснены за пределы реальной общественной жизни. Все эти проблемы мешали Русской Церкви полноценно выполнять свои функции и в 1990-е гг. В результате активизировались внеконфессиональные поиски веры, росли проявления духовной эклектичности, множились ряды членов тоталитарных сект.

Церковную жизнь также существенно осложняли различные расколы. В западных областях ставшей независимой Украины произошло возрождение не существовавшей легально с конца 1940-х гг. Греко-Католической (униатской) Церкви. Уже в 1991 г. число ее приходов составило 1809. В это же время насчитывалось 1300 общин Украинской Автокефальной Православной Церкви, 17 ноября 1990 г. ее «Патриархом» был избран проживавший в США 92-летний митрополит Мстислав (Скрыпник).

В 1992 г. митрополит Киевский Филарет (Денисенко) вышел из состава Московского Патриархата, за что в апреле 1992 г. был запрещен в священнослужении, лишен сана, а затем в 1997 г. анафематствован Архиерейским Собором Русской Церкви. Опираясь на украинскую власть, Филарет отказался сложить сан и в результате ряда церковно-политических комбинаций возглавил самопровозглашенный Киевский Патриархат. В дальнейшем этот «Патриархат» принял в свою юрисдикцию ряд приходов и на территории России. «Патриарх» Мстислав (Скрыпник) отказался объединиться с этим церковным образованием, и в результате Украинская Автокефальная Православная Церковь продолжила свое существование (после смерти 11 июня 1993 г. в США Владыки Мстислава под управлением «Патриарха» Димитрия Яремы). 12 марта 1995 г. Константинопольский Патриарх Варфоломей принял в сущем сане иерар-

хов Украинской Автокефальной Православной Церкви в США и Западной Европе в состав Вселенского Патриархата¹⁶⁰⁴. При этом большинство приходов на Украине остались в составе Автономной Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, которую в мае 1992 г. возглавил митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан).

Это положение сохраняется до настоящего времени. На 1 января 2005 г., согласно официальным данным Госкомитета Украины, по делам религий Украинская Православная Церковь Московского Патриархата имела 10 689 общин, 8936 клириков, 106 периодических изданий и 3879 воскресных школ, Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата соответственно — 3639 приходов, 2693 священнослужителя, 31 издание и 1092 школы, а Украинская Автокефальная Православная Церковь — 1209 общин (67 % в трех западных областях), 702 клирика, 7 периодических изданий и 361 воскресную школу¹⁶⁰⁵.

Часть приходов отделилась от Русской Церкви в Молдавии и Эстонии. Несмотря на то что 5 октября 1992 г. Кишиневской епархии был предоставлен статус внутренне административно самостоятельной Молдавской Православной Церкви, Священный Синод Румынского Патриархата в декабре 1992 г. решил учредить на территории Молдавии собственную Бессарабскую митрополию. Правительство Республики Молдова признало равные права за митрополиями Московского и Румынского Патриархатов, но подавляющее большинство верующих остались верны Русской Церкви.

12 августа 1992 г. Священный Синод Русской Православной Церкви подтвердил самостоятельность Эстонской Апостольской Православной Церкви в делах административных, церковно-хозяйственных, просветительских и гражданских, которая была дарована ей в 1920 г. Патриархом Тихоном и признал ее собственницей всего церковного имущества в Эстонии. Однако правительство независимой Эстонии признало вновь учрежденную и неканонично объявившую себя независимой от Московского Патриархата автономную Эстонскую Православную Церковь правопреемницей существовавшей в 1920-е — 1930-е гг. на территории страны Церкви. 20 февраля 1996 г. Константинопольский Патриархат распространил своей юрисдикции на Эстонию, в результате чего было временно прервано евхаристическое и каноническое общение с ним Московского Патриархата. Кризис был разрешен 16 мая 1996 г., когда Священные Синоды обоих Патриархатов пришли к соглашению о существовании в Эстонии двух юрисдикций, — как Русской, так и Константинопольской Церквей¹⁶⁰⁶.

Еще одной проблемой стало принятие в мае 1990 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви за границей решения об открытии приходов и епархий в Российской Федерации. Это привело к острому конфликту РПЦЗ с Московским Патриархатом, который был разрешен только в 2000-х гг. в связи с началом в 2002 г. диалога и восстановлением их канонического общения в мае 2007 г. Важную роль в этом сыграл избранный 23 октября 2001 г. Первоиерархом Зарубежной Русской Церкви митрополит Лавр (Шкурла), скончавшийся в 2008 г.

Помимо разнообразных расколов и разделений перед Русской Церковью стояли и другие острые проблемы. Патриарху Алексию вскоре после своего избрания пришлось столкнуться с проблемой вмешательства государства в жизнь церковных структур. В начале 1990-х гг. развернулась дискуссия о взаимоотношениях Московской Патриархии и Комитета государственной безопасности. Поводом послужило частное определение комиссии Президиума Верховного Совета Российской Федерации по расследованию причин и обстоятельств ГКЧП. В этом документе обращалось внимание архиереев Московского Патриархата «на антиконституционное использование Центральным комитетом КПСС и органами КГБ СССР ряда церковных органов в

своих целях путем вербовки и засылки в них агентуры КГБ»¹⁶⁰⁷. Члены комиссии получили доступ к документам 4-го отдела 5-го управления Комитета; обнародование этой информации в публикациях Л. Пономарева, В. Полосина и Г. Якунина получило большой общественный резонанс, так как в них поднимались проблемы инфильтрации агентуры спецслужб в религиозные объединения, а также вмешательства КГБ в их внутреннюю и международную деятельность¹⁶⁰⁸.

Достоинством гласности также стали некоторые факты существования агентов КГБ в среде духовенства. В апреле 1992 г. появилось интервью архиепископа Виленского и Литовского Хризостома (Мартишкина): «Я сотрудничал с КГБ.. но не был стукачом». В этом интервью архиепископ рассказывал: «Да, мы, — во всяком случае, я, и я говорю это в первую очередь о себе, — сотрудничали с КГБ. Я сотрудничал, я давал подписку, имел регулярные встречи, отчитывался. У меня есть свой псевдоним — кличка, как там говорят, — “Реставратор”. Я сотрудничал с ними сознательно — в том плане, что я стремился настойчиво проводить свою линию церковную, да и патриотическую, как я ее понимал, при содействии этих органов. Я никогда не был стукачом, не был доносителем... Но вместе с тем среди нас, архиереев, а уж тем более среди священников, есть масса людей недостойных, аморальных. Вот эту их аморальность, пользуясь отсутствием у нас церковного суда, и использовал КГБ. Их защищали от нас, правящих епископов, чтобы мы не могли их наказывать». Владыка Хризостом покаялся за прошлый грех, но отметил, что шел на сотрудничество с КГБ (с 1972 г.) «исключительно в стратегических целях, выводя «институт церковный» из-под удара»¹⁶⁰⁹.

Постепенно в обсуждение проблемы включилось руководство Русской Церкви. Резкая обличительная манера изложения некоторых членов комиссии вызвала ответную критичную реакцию Московской Патриархии. Патриарх Алексий II, обращаясь к священникам Г. Якунину и Г. Эдельштейну, говорил, что их статьи о связях Церкви с КГБ «полны духа недобросовестной хулы на Церковь»¹⁶¹⁰. Председатель Отдела духовного просвещения Московской Патриархии игумен Иоанн (Экономцев) справедливо подчеркивал, что не может быть стандартного подхода ко всем людям, которые являлись агентурой. Он объяснял отсутствие каких-либо заявлений со стороны Священного Синода тем, что «выдвигать обвинения против конкретных людей до тех пор, пока не представлены конкретные материалы и не вынесено судебное решение, не совсем правильно»¹⁶¹¹.

Председатель комиссии Верховного Совета Л.А. Пономарев, подтвердив факт «инфильтрации агентуры спецслужб в религиозные объединения» и отметив, что этот факт «представляет собой серьезную опасность для общества и государства», возложил главную вину за случившееся на «КПСС и подотчетные ей органы государства» и высказался против раскрытия имен сотрудничавших со спецслужбами деятелей Церкви: «Люстрация церковной агентуры могла бы быть жестким, даже жестоким актом по отношению к Церкви, и без того много пострадавшей. Комиссия считает, что лучше, если верующие сами найдут способ очищения от привнесенных антиконституционных элементов... для устранения опасности использования Церкви в антиконституционных целях, Комиссия предложила внести поправки в действующее законодательство, воспрепятствующие привлекать священнослужителей к оперативно-розыскной деятельности»¹⁶¹².

В начале 1992 г. Московская Патриархия заявила, что работа парламентской комиссии является вмешательством во внутрицерковные дела. Вскоре комиссия Верховного Совета приостановила свою деятельность. Затем была создана комиссия Архиерейского Собора для обработки переданных ей парламентской комиссией

дел и проведения по ним внутрицерковного расследования. В некоторых своих посланиях Алексей II озвучил тему покаяния не только верующих, но и самой Церкви. Например, в одном из посланий Первосвященителя (февраль 1993 г.) говорилось: «Ныне наступает время покаяния... Мы каемся за тех из нас, кто недостаточно стоял за веру в годы гонений, проявлял малодушие и даже, не дай Бог, потворствовал гонителям, попиравшим Церковь Божию, приносившим тяжкие страдания и смерть христианам»¹⁶¹³.

Еще одной проблемой первой половины 1990-х гг. являлся поверхностный характер религиозности большинства новых верующих. Почти треть опрошенных свидетельствовала, что религия играет в их жизни важную роль, однако лишь 7 % считавших себя православными причащались в 1990 г. хотя бы один раз, в 1992 г. — соответственно только 10 % и лишь 3 % регулярно (еженедельно и чаще) бывали в церкви. В 1993 г. количество регулярно посещавших храмы выросло до 10 %, изредка приходивших в церковь — до 39 %, а по религиозным праздникам — до 11 %. Религиозные обряды выполняли регулярно 10 %, частично — 47 %. Предполагается, что верующие признают бессмертие души и имеют достаточные знания о той религии, которую исповедуют. Но только половина людей, назвавших себя верующими в 1993 г. верили в бессмертие души, и лишь 10 % опрошенных из числа православных знали, что Апостол Петр — еврей (25 % назвали его русским, остальные не дали определенного ответа). Обретение подлинного религиозного сознания новообращенными только начиналось¹⁶¹⁴.

Наряду с бурным возрождением церковной жизни в России некоторое время развивалась религиозно-политическая деятельность, нередко сопровождавшаяся различными конфликтами. Начиная с 1989 г. несколько лет священнослужители избирались в центральные и местные представительные органы власти, пока осенью 1993 г. Священный Синод не запретил священникам баллотироваться на выборах в Федеральное собрание. За отказ подчиниться этому решению Синод 1 ноября 1993 г. лишил священнического сана Глеба Якунина (на Архиерейском Соборе 19 февраля 1997 г. Г.П. Якунин был отлучен от Церкви).

Следует отметить, что в 1991—1992 гг. падало число россиян, положительно относившихся к участию Церкви в политической жизни страны, — например, в Москве с 1990 г. за год оно сократилось с 70 до 42 %. В то же время и в 1992 г. более половины жителей России считало, что решать важные государственные вопросы правительство должно совместно с представителями Церкви. В 1993 г. на вопрос: «Следует ли верующим политикам занимать ответственные посты в государстве?» — негативно ответили лишь 10 %. Правда, позитивно об участии самих служителей культа в политике отзывалось 46 % опрошенных россиян¹⁶¹⁵.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в основном на базе религиозно-философских семинаров, кружков, оппозиционных и государству и Московской Патриархии, возникло несколько небольших христианских партий, движений и союзов, активно включившихся в политическую жизнь страны. Их можно было условно разделить на три группы: центристские и христианско-демократические; православные монархические; национал-патриотические с «религиозными приоритетами». Все они оказались немногочисленными и не имевшими массовой социальной опоры. В первой группе крупнейшим являлось центристское Российское христианско-демократическое движение (РХДД), основанное в апреле 1990 г. и насчитывавшее к 1993 г. 2—2,5 тысячи человек. На Учредительной конференции сопредседателями движения стали два народных депутата РСФСР (а затем Российской Федерации) — В. Аксютин и священник Вячеслав Полосин, а также главный редактор газеты «Путь» Г. Анищенко.

В результате выхода из РХДД противников курса В. Аксюцица в январе 1992 г. был образован близкий к проправительственному движению «Демократическая Россия» Российский христианско-демократический союз (РХДС), в марте 1992 г. вошедший в Международный интернационал христианской демократии. Сопредседателями союза являлись лидер христианских демократов Санкт-Петербурга В.В. Савицкий, народный депутат Российской Федерации о. Глеб Якунин и депутат Моссовета В. Борщов. Число членов РХДС к 1993 г. составило 800 человек.

Самой старой из центристских объединений был Христианско-демократический союз России (ХДСР), основанный в августе 1989 г. на базе редакционной группы самиздатовского бюллетеня Христианской общественности, издававшегося с 1987 г. в Москве участником религиозного правозащитного движения и бывшим политзаключенным А.И. Огородниковым. В начале 1990-х гг. ХДСР пережил несколько тяжелых расколов и кризисов и к 1993 г. насчитывал лишь 200 активных членов, ее председателем по-прежнему был А.И. Огородников, который одновременно редактировал печатный орган союза — газету «Вестник христианской демократии»¹⁶¹⁶.

К православно-монархической группе относился Союз Христианское возрождение (СХВ), основанный 17 декабря 1988 г. бывшими политзаключенными В.Н. Осиповым и Е.И. Паниным на базе созданной ими в июле 1988 г. инициативной группы «За духовное и биологическое спасение народа». Глава организации В.Н. Осипов продолжал издавать один из старейших самиздатовских журналов «Земля», за выпуск которого он был осужден в 1974 г. Другой бывший политзаключенный В. Демин с 1990 г. издавал газету «Земщина» («русскую грамоту Союза Христианское возрождение»). СХВ являлся членом Союза Православных братств.

Порвавший с Осиповым в июне 1989 г. Е.И. Панин возглавил собственную организацию — Христианско-патриотический союз (ХПС), которая издавала журнал «Русский вестник» и поддерживала тесные связи с эмигрантским журналом «Вече» О. Красовского. Весной 1990 г. был также создан Московский монархический центр, являвшийся отделением основанного в 1929 г. за границей Российского императорского союза — ордена (единственной русской монархической организации, действовавшей почти по всему миру). Православные монархические организации делятся на тех, кто признает право на российский престол потомков великого князя Владимира Кирилловича, и тех, кто стоит на позициях «непредрешенчества»¹⁶¹⁷.

К национал-патриотическим организациям с «религиозными приоритетами» относились Фронт национального спасения, Народно-православное движение, Русский национальный собор и различные фракции возникшего еще в 1982 г. движения «Память», после 1987 г. разделившегося на ряд конкурирующих группировок: Национально-Патриотический фронт «Память» Д.Д. Васильева, Русский народно-демократический фронт — движение «Память» И.С. Сычева, Союз за национально-пропорциональное представительство «Память» К. Смирнова-Осташвили, Координационный совет патриотического движения «Память» В.И.Е. Поповых, Русское собрание «Память» И.Е. Щеглова и др.¹⁶¹⁸

Следует отметить, что сотрудничество с Национально-Патриотическим фронтом «Память» Д.Д. Васильева сильно скомпрометировало Русскую Православную Церковь за границей. Сразу же после устройства в марте 1992 г. в одном из зданий бывшей Марфо-Мариинской обители (Москва) Синодального подворья РПЦЗ там же фактически разместился штаб НПФ «Память». 19 марта в обители состоялась пресс-конференция, на которой прот. Алексей Аверьянов от имени представителя Архиерейского Синода в России епископа Каннского Варнавы и даже Первоиерарха РПЦЗ митрополита Виталия заявил об альянсе с «Памятью», а Д. Васильев по-

бещал летом «взять Москву в тройное кольцо» блокады, чтобы таким образом добиться свержения существовавшей в стране власти. 19 мая 1992 г. епископ Варнава принял участие в демонстрации «Памяти» по Садовому кольцу. Стало очевидно, что не сориентировавшийся в российской ситуации епископ используется маргиналами в своей политической игре. Сближение Владыки Варнавы с «Памятью» нанесло тяжелый урон репутации РПЦЗ в России. Митрополит Виталий неоднократно отмежевывался от деятельности своих клириков в Марфо-Мариинской обители и осуждал политические альянсы с «Памятью», а в середине 1993 г. Архиерейский Синод был вынужден освободить епископа Варнаву от должности своего представителя в России¹⁶¹⁹.

Дальнейшая деятельность христианских партий и союзов России оказалась не столь активной, они надеялись в перспективе, по мере становления политического самосознания «средних слоев», значительно увеличить свое влияние, однако этого не произошло. Более того, к началу XXI века религиозно ориентированные общественные организации почти полностью исчезли из политической жизни страны.

Однако политическое влияние Русской Православной Церкви в целом на протяжении последних 18—20 лет почти непрерывно росло. Это было связано с общим изменением мировоззрения россиян. Опросы общественного мнения показывали, что если до середины 1991 г. не менее двух третей населения считало, что Россия должна брать пример со стран Запада, то уже в 1992 г. подавляющее большинство полагало, что у страны свой особый путь, иная цивилизация. В связи с этим Православие стало приобретать значение культурного стержня и символа национальной идентичности, постоянно росло число людей, называющих себя православными, доходя к концу 1990-х гг. до 80 %¹⁶²⁰.

С начала перестройки, когда православное духовенство получило возможность говорить свободно, одной из главных тем его обращений к обществу и органам власти стали призывы вернуться к национальным традициям, причем не только в области религии и культуры, но и в сфере общественных отношений. По словам Патриарха Алексия II, «...часто раздаются голоса, что нам нужно найти национальную идею. И ищут национальную идею где-то за океаном или в Западной Европе. Но я убежден, что наша национальная идея — в трудном, но славном прошлом, в том, что пережила Россия за тысячелетний период своей истории. Важно вернуться к тем основам жизни, которыми жил наш народ, будучи народом-богоносцем, верующим, нравственно чистым»¹⁶²¹.

Идеологическая роль Русской Православной Церкви, как хранителя национальной традиции, в атмосфере 1990-х гг. была без возражений принята основными политическими силами. Не только меняющая свое название «партия власти», но и коммунисты, ЛДПР, «Яблоко», русские националисты в разной форме и с разной степенью интенсивности выражали свою лояльность Московскому Патриархату; единственным исключением был Союз правых сил (до этого «Выбор России»).

При президенте Б.Н. Ельцине руководство Московского Патриархата сохраняло имидж внепартийного института, «отстраненного от политической борьбы и способного быть авторитетом для всех. В период острого противостояния Верховного Совета и администрации Б. Ельцина в 1993 г. Патриархия предложила себя в качестве арбитра, и это предложение было с благодарностью принято обеими сторонами. К сожалению, переговоры конфликтующих сторон в Даниловом монастыре закончились неудачей, и здание Верховного Совета было взято штурмом»¹⁶²².

В дальнейшем основным публичным форумом, на котором Московская Патриархия способствовала «всеобщему согласию», стал Всемирный Русский Народный Со-

бор, созданный под эгидой Патриарха в 1993 г. На Архиерейском Соборе 27 декабря 1995 г. было решено превратить Всемирный Русский Народный Собор в постоянно действующую организацию. Патриархия стремилась привлечь на различные мероприятия Собора все ведущие политические силы и представителей всех ветвей власти. Наибольший успех в этом отношении был достигнут на III и V Соборах, состоявшихся перед выборами в Государственную думу в декабре 1995 и декабре 1999 гг. В итоговом документе V Собора отмечалось: «Мы призываем избирательные объединения помнить, что есть ценности превыше власти, превыше личных или партийных амбиций. Это — гражданский мир, выживание нации, ее духовная независимость, то есть в конечном счете ее будущее. Противостояние политиков может разрушить страну, но мы верим, что народ не даст этого сделать»¹⁶²³. Таким образом, Церковь осуществляла свою традиционную миротворческую функцию и в российской политической жизни 1990-х гг.

При этом в самом Московском Патриархате в первой половине 1990-х гг. не было единства политической позиции. Так, например, «Союз православных братств» в это время от имени Русской Церкви призывал верующих бороться против новой «антихристовой Конституции», а лидер консервативных иерархов митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) публично благословил «антидемократическое» политическое движение «Согласие во имя России»¹⁶²⁴.

Всероссийскую известность Владыка Иоанн приобрел после публикации в 1992 г. на страницах газеты «Советская Россия» серии статей («Быть русским», «Тайна беззакония», «Державное строительство» и «Из силы в силу»). В определенных кругах митрополит воспринимался как символ борьбы против «неообновленчества, униатства, экуменизма и прочих еретических лжеучений», считался новым русским пророком, старцем и имел славу прозорливца, «Иоанна Петербургского». В то же время как искреннего и глубокого пастыря, митрополита Иоанна искренне почитали и сотни тысяч простых верующих, видя в нем великого молитвенника и печальника земли русской. Владыка скончался в Петербурге 2 ноября 1995 г. от инфаркта и был погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Множество людей со всех концов страны продолжают посещать его могилу¹⁶²⁵.

В своем апрельском 1994 г. интервью, опубликованном в газете «Московские новости», Святейший Патриарх Алексей II отметил: «Позиция владыки Иоанна смущает многих. Конечно, странно. Патриарх Русской Православной Церкви принимает участие в подготовке меморандума, призывающего к объединению всех политических сил страны, а митрополит Иоанн в то же самое время поддерживает политические силы, выступающие против меморандума». Выразил Первосвяtitель в этом интервью и тревогу крайней нетерпимостью лидеров «Союза православных братств» к тем, кто не разделяет их радикальные взгляды на устройство церковной жизни, отношения между различными конфессиями: «На последнем съезде Братств я видел, с каким ожесточением выступали некоторые. Речь представительницы Челябинского братства была откровенно лживая, антицерковная»¹⁶²⁶.

С другой стороны, например, также от имени Русской Церкви священники Александр Борисов и Владимир Лапшин в 1994 г. призывали сограждан укреплять Антифашистский фронт для борьбы за демократию, которой угрожал Владимир Жириновский со своей ЛДПР. Правда, со временем эта внутрицерковная политическая борьба потеряла прежнюю остроту.

Помимо политических разногласий определенные нестроения в первой половине 1990-х гг. вызывали разные подходы к проблеме проведения церковных реформ. Возникли «либеральные», склонные к экуменизму, общины, а также «консерватив-

ные» — резко отвергавшие всякий экуменизм и верившие в скорое пришествие Антихриста, «модернистские» — использовавшие русский язык за богослужением, и другие приходы. За совершенствование церковных обрядов, более широкое использование русского языка выступали и некоторые архиереи, например профессор Санкт-Петербургской духовной академии архиепископ Михаил (Мудьюгин).

Наиболее известным в этом плане был глава московского братства «Сретение» священник Георгий Кочетков. Он ввел в свое богослужение ряд «миссионерских особенностей»: применение модернизованного церковно-славянского языка, чтение тайных молитв вслух и т.д. Бурную деятельность «сретенцы» развернули за стенами храма: учредили детский сад, воскресную школу, гимназию, богословские курсы, иконописную мастерскую, начали издавать журнал «Православная община».

Ортодоксальное крыло Церкви резко осудило «сретенцев». «Союз православных братств» решительно выступил на защиту древних традиций. Газета «Русский Вестник» обвинила «сретенцев» в раскольнической деятельности. Часть пастырей опасалась, что пожилые люди, привыкшие к определенной форме богослужения, уйдут в раскол, если столкнутся с церковными реформами. Кроме того, у многих любая попытка модернизации вызывала мрачные ассоциации с обновленчеством — раскольничьим движением, запятнавшим себя прямым сотрудничеством с ОГПУ-НКВД. Существовала давняя традиция к любому, порой малозначительному новшеству прикреплять ярлык «обновленчества».

В этой ситуации Патриарх Алексий 31 января 1994 г. издал указ, в соответствии с которым о. Георгий Кочетков был переведен в другой московский храм (Успения в Печатниках), ему запрещалось продолжать «модернистские реформы», а также заниматься церковной деятельностью за пределами Москвы и не рекомендовалось впредь выступать в средствах массовой информации без специального разрешения. Сретенский собор на Большой Лубянке, который ранее занимала община о. Георгия, передали московскому подворью Псково-Печерского монастыря (в дальнейшем там был возрожден Сретенский монастырь и устроена Духовная семинария при обители) ¹⁶²⁷.

8 февраля 1994 г. «сретенцы» обратились к Первосвятителю с ходатайством отменить указ, подчеркивая, что он стимулировал черносотенные силы Церкви, которые угрожают «сретенцам» «своими силами» навести порядок, «продолжить борьбу» с ними и т.п. Однако Патриарх Алексий указ не отменил, в упоминавшемся апрельском интервью 1994 г. он указал: «...нельзя произвольно, по одному своему разумению изменить характер церковной службы — а именно это делал о. Георгий Кочетков... Руководство Русской Православной Церкви вовсе не против нововведений и их осуждения — церковная жизнь, как все на свете, нуждается в усовершенствовании. Но, во-первых, изменения нельзя вводить одномоментно, а во-вторых, вопросы подобного рода — предмет для обсуждения на Архиерейском и Поместном Соборах. Там эта тема будет непременно поднята»¹⁶²⁸. Со временем этот конфликт потерял свою остроту, до настоящего времени в Москве действует основанный и возглавляемый о. Г. Кочетковым Свято-Филаретовский богословский институт.

Постепенно при высших органах власти постсоветской России сформировалась система организаций, отвечающих за контакты с религиозными объединениями. Одной из первых попыток снять с помощью ее создания проявившуюся в религиозной сфере напряженность стала встреча весной 1993 г. Б.Н. Ельцина с главами и представителями Церквей и религиозных организаций. На ней было заявлено о намерении создать в аппарате правительства орган, ведающий связями с религиозными организациями и устранении допущенных ошибок во взаимоотношениях государства с ними. Летом

1993 г., признав ошибочность разрушения правительственных структур по связям с религиозными объединениями, Верховный Совет высказался за корректировку закона «О свободе вероисповеданий» и внес на рассмотрение президента ряд поправок к нему. Однако все они оказались отвергнуты Б. Ельциным. Насущная необходимость корректировки вероисповедной политики была временно перечеркнута острейшей борьбой за власть в октябре—ноябре 1993 г.¹⁶²⁹

В декабре 1993 г. Русская Православная Церковь поддержала одобренную на референдуме Конституцию Российской Федерации, которая провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 1) и установила идеологическое многообразие (ст. 13), запрет на огосударствление религиозных объединений и их равенство перед законом (ст. 14), а также свободу совести, «включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (ст. 28)¹⁶³⁰.

Летом 1994 г. все же начала работать Комиссия по вопросам религиозных объединений при правительстве Российской Федерации, в которую вошли светские эксперты и представители государственных ведомств. Они занимаются конкретными вопросами в сфере взаимоотношений государственных органов и религиозных объединений, в частности, передачей последним ранее национализированных культовых зданий и другого имущества. Подобные комиссии возникли и при органах власти субъектов России.

В обеих палатах Федерального собрания появились комиссии и комитеты, в задачу которых входит выработка предложений по совершенствованию российского законодательства в области межрелигиозных отношений. С 1994 г. действует Комитет Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций (а в его составе — подкомитет, непосредственно занимающийся проблемами свободы совести и вероисповеданий), в 2006 г. образована Объединенная комиссия по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений при Совете Федерации.

В 1995 г. был создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации — консультативный орган, рассматривающий проблемы стратегии и принципиальные вопросы взаимоотношений между государством и религиозными организациями. Членами Совета являются главы Церквей и религиозные деятели различных конфессий России, а также светские ученые — религиоведы и представители Администрации Президента.

Заметным событием церковной и общественной жизни стало принятие в 1997 г. закона Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» с учетом пожеланий священноначалия Московского Патриархата. В преамбуле к закону подчеркивается светский характер Российского государства, но при этом признается особая роль Православной Церкви «в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры», а также отмечается место других традиционных конфессий (ислама, буддизма, иудаизма) в историческом наследии народов России. Гарантируя свободу религиозной деятельности, закон ограничивает деятельность экстремистских организаций и проповедническую деятельность иностранцев в стране.

Намеждународную деятельность Московскóй Патриархии в 1990-е гг. большое влияние оказывала ситуация в странах СНГ. Так, на отношениях с Римско-Католической Церковью негативно отразилась ситуация на Западной Украине, где православные общины стали жертвой униатской экспансии. Кроме того, Ватикан в России и других странах СНГ стремился расширить свое влияние на канонической территории Рус-

ской Церкви. В 1990-е гг. Московский Патриархат стал объектом агрессии со стороны крайних протестантских и тоталитарных сект. Прозелитическую активность проявляли и некоторые другие протестантские деноминации: Евангелистско-Лютеранская Церковь Финляндии (особенно в Мордовии), американские методисты и др. Ведение богословского диалога с отдельными Протестантскими Церквями осложнялось внедрением в этих конфессиях женского священства и даже женского епископата, однако из Всемирного совета церквей Московский Патриархат все же не вышел. Он продолжал осуществлять традиционное межхристианское сотрудничество и деятельные двусторонние связи со многими инославными Церквями.

На Архиерейском Соборе 1994 г. Патриарх Алексий II дал позитивную оценку участия Русской Церкви в деятельности Конференции Европейских Церквей, которая прилагала большие усилия по примирению враждующих республик бывшей Югославии, содействовала устранению пагубных последствий конфликтов в Армении, Азербайджане, Грузии, Молдове, на Украине и в странах Балтии¹⁶³¹. Большую помощь Московский Патриархат оказал страдавшей от преследований на некоторых бывших югославских территориях Сербской Православной Церкви.

В конце 1980-х гг. началось развитие православного храмостроения, в первую очередь с воссоздания уничтоженных в советский период храмов по сохранившимся обмерам и чертежам. В их число входят: собор Казанской иконы Божией Матери на Красной площади (освященный Патриархом Алексием II 4 ноября 1993 г.), Иверская часовня (освященная 25 октября 1995 г.) и храм Христа Спасителя в Москве, хотя новое здание этого храма не является точной копией утраченного.

В 1992 г. в жизни Русской Церкви совершилось знаменательное событие. После пожара в Малом соборе Донского монастыря во время ремонта проведены были раскопки под полом храма, и там, в склепе, обнаружен гроб с нетленными мощами святого Патриарха Тихона; 5 апреля святые мощи были торжественно перенесены Патриархом в сослужении 93 архиереев из Малого в Большой собор Донского монастыря. После состоявшегося в апреле 1992 г. Архиерейского Собора, на котором было принято решение об образовании епархиальных комиссий по канонизации святых, во многих епархиях были прославлены для местного почитания новомученики и другие подвижники благочестия (так, например, в 1996 г. для местного почитания была совершена канонизация сонма преподобных Оптинских старцев). 25 марта 1993 г. Священный Синод одобрил представленный Комиссией по канонизации святых проект постановления «О порядке канонизации местночтимых святых в Русской Православной Церкви на епархиальном уровне»¹⁶³². Одним из важнейших деяний Архиерейского Собора 1994 г. стало прославление для общецерковного почитания митрополита Московского Филарета (Дроздова) и священномучеников: протоиерея Ионна Кочурова и протопресвитера Александра Хотовицкого.

В первой половине 1990-х гг. было образовано большое количество новых епархий Московского Патриархата, особенно в Сибири, на Дальнем Востоке, на Украине и в Белоруссии, в 1997 г. их общее число достигло 124. Столько епархий Русская Православная Церковь не имела никогда, даже в дореволюционное время. Российские власти возвратили Церкви большинство сохранившихся храмов; во многих городах (реже в селах) строились новые храмы; повсеместно возрождались монашеская жизнь; открывались духовные учебные заведения.

Особенно быстро росло число вновь открытых обителей, в конце 1995 г. уже имелось 337 монастырей и 40 монастырских подворий. Большинство возобновленных монастырей были малобратственными, при этом в женских обителях имелось значительно больше насельниц (некоторые исторически мужские монастыри даже

приходилось преобразовывать в женские). Определенную проблему составляло так называемое младостарчество. Несмотря на все сложности восстановительных работ, некоторые из возвращенных Церкви обителей стали очагами духовной жизни, наставления и учительства для верующих: Киево-Печерская лавра, московские Новоспасский и Донской монастыри, Соловецкая, Валаамская обители и Оптина пустынь. Помощь обителям в восстановлении и устройении монашеской жизни оказывала образованная при Священном Синоде Комиссия по делам монастырей, первым председателем которой был архиепископ Владимирский Евлогий¹⁶³³.

Важной вехой стало возрождение Александро-Невской лавры. 25 ноября 1994 г. на заседании Священного Синода под председательством Патриарха Алексия II был заслушан рапорт митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна и принято решение: «1. Благословить открытие в Санкт-Петербурге Александро-Невской Лавры для возрождения в ней монашеской жизни; 2. Утвердить наместником Александро-Невской Лавры архимандрита Кирилла (Начиса); 3. Преосвященному Санкт-Петербургскому, по традиции, быть священноархимандритом Александро-Невской Лавры»¹⁶³⁴.

Социально-экономический кризис, который переживала страна, поставил Русскую Православную Церковь перед серьезными трудностями в восстановлении и реставрации возвращенных храмов, большинство из которых находилось в плачевном состоянии. Однако, несмотря на все трудности, в начале 1997 г. уже имелось 18 тысяч приходов, 390 монастырей, 47 монастырских подворий, 146 архиереев, около 17 тысяч священнослужителей, 5 Духовных академий, Свято-Тихоновский Богословский институт в Москве, 26 семинарий, 29 Духовных училищ и 13 пастырских курсов (всего около 9 тыс. учащихся). Вскоре после Архиерейского Собора, состоявшегося в ноябре — декабре 1994 г., были образованы новые отделы Московской Патриархии: Миссионерский (в декабре 1995 г.) и Отдел по взаимодействиям с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями (в октябре 1995 г.)¹⁶³⁵. Попечительством Миссионерского отдела в 1996 г. были образованы: Центр реабилитации жертв нетрадиционных религий и специализированная семинария в Белгороде с миссионерской направленностью, задачей которой является подготовка кадров православных миссионеров.

Согласно решению Архиерейского Собора, 1994 г. был образован и Издательский совет Московского Патриархата, которому постановлением Священного Синода от 5—6 октября 1999 г. придали статус синодального отдела. К этому времени издательская деятельность Русской Православной Церкви уже приобрела колоссальные масштабы. С пробуждением в обществе интереса к Православию резко повысился спрос на христианскую литературу и еще в начале 1990-х гг. возникли издательства при монастырях и храмах, а также многочисленные частные издательства, специализировавшиеся на выпуске православной литературы, первоначально в основном репринтов дореволюционных книг. В это же время появились десятки епархиальных периодических изданий, газет и журналов братств, духовных школ, монастырей и общин. К 1999 г. выпускалось уже более 200 православных массовых периодических изданий. Некоторые из них были предназначены для семейного чтения («Семейная православная газета», журнал «Православная беседа» и др.), студентов (газета «Татьянин день», журнал «Встреча» и др.), учителей и учеников воскресных школ (газета «Воскресная школа» и т.д.) или для детей (журналы «Пчелка», «Купель», «Божий мир» и т.д.).

В 1990-х гг. Московский Патриархат не только восстановил периодическую печать в традиционных (газетной и журнальной) форме, но и активно осваивал новые

формы. Так, Издательский совет начал выпускать видеоприложения к «Московским епархиальным ведомостям». В различных регионах Церковь активно осваивала радиовещание. В Москве много лет действовал радиоканал «Радонеж», выходили программа «Логос», передача «Верую» на радио «России», в Санкт-Петербурге — епархиальная радиостанция «Град Петров» и т.д. На телевидении популярностью пользовались выходившие на различных каналах программы «Слово пастыря», «Православный календарь», «Канон», «Ортодокс». Большое значение в развитии православного телевидения имеет деятельность Информационного агентства Русской Православной Церкви, последние годы освещающего важнейшие события церковной жизни (ранее это делало агентство ПИТА). Свой вклад также вносят Интернет-сайты Московского Патриархата, электронные версии общецерковных и епархиальных печатных изданий¹⁶³⁶.

На протяжении 1990-х гг. создавалась система религиозного образования. При большинстве храмов возникли разнообразные кружки и «воскресные школы» для детей и взрослых, появились конфессиональные учебные заведения (гимназии, лицеи). Существенно вырос интерес к изучению Русской Православной Церкви в высших учебных заведениях. В целом ряде университетов и институтов были созданы кафедры, сотрудники которых являются специалистами по религиоведению и истории религий. Соответствующие научные центры появились в институтах Российской Академии наук. В 1997 г. была издана капитальная «История Русской Церкви» и начата работа над многотомной «Православной энциклопедией», которая продолжается до настоящего времени (Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» был создан указом Патриарха от 10 сентября 1996 г. и утвержден решением Синода от 10 октября 1996 г.).

Учебный процесс в духовных школах был существенно улучшен благодаря изданию пособий по ряду предметов академического и семинарского курса; при подготовке к печати учебники были отредактированы и переработаны, либо написаны вновь. Однако далеко не все предметы семинарского и академического курсов имели учебные пособия, создание которых оставалось одной из насущнейших задач церковной науки. В последнем десятилетии XX в. в учебные планы духовных школ были введены новые предметы: патрология, церковное право, пастырское богословие, введение в философию, психология, педагогика, миссиология, риторика, основы приходского хозяйства, история церковного искусства, в Академиях помимо основных общеобязательных предметов вводились спецкурсы.

Архиерейский Собор 1994 г. постановил к 2000 г. подготовить переход к новой системе духовного образования, в рамках которой семинарии должны были стать высшими школами, готовящими священнослужителей, академии же — преобразованы в школы, дающие богословскую специализацию. На основании соборного определения была создана группа по разработке детальной концепции новой системы богословского образования, первое заседание которой состоялось 21 декабря 1996 г. Были выработаны предложения по реформированию системы духовного образования, с уточнениями, утвержденными 27 декабря Священным Синодом. Проект реформы духовных школ предполагал перейти к пятилетнему курсу образования в семинарии; академический курс обучения предполагалось разделить на две ступени: трехгодичную первую, после окончания которой, в случае успешной защиты кандидатской диссертации, выпускнику присваивается степень кандидата богословия, и двухгодичную вторую (аспирантуру), после окончания которой, в случае защиты магистерской диссертации, выпускнику присваивается степень магистра богословия. Также намечалось распределить все изучаемые в академиях предметы между четырьмя отделениями:

богословским, библеистикой, пастырским и церковно-историческим, в котором была предусмотрена специализация по русской или общей церковной истории.

В большинстве духовных семинарий осуществление реформы началось в 1997/98 учебном году, что сопровождалось постепенным переходом на новые программы и открытием пятого класса, одновременно продолжало расти число учащихся. Так, например, в Санкт-Петербургских духовных школах осенью 2001 г. число учащихся достигло 615 человек: в Академии 163 (в том числе 68 экстернат), в семинарии 285 (61 экстернат), на регентском отделении 92, в иконописной школе 38 и на факультете иностранных студентов 37 (из 13 стран).

2 октября 1997 г. Священный Синод утвердил принятый Учебным комитетом устав Духовных академий. С 1998 г. основные духовные школы имеют государственную лицензию на право образовательной деятельности в сфере религиозного образования. В начале третьего тысячелетия произошел переход Духовных академий с четырехлетнего на трехлетний срок обучения, они в значительной степени взяли на себя функции аспирантуры. Постепенно создавались четыре отделения Академий: богословское, библейское, церковно-историческое и церковно-практическое. Значительно расширился круг преподаваемых дисциплин, для чтения лекций привлекались университетские профессора и т.п.

Все более широкое распространение получала благотворительная деятельность. Приходы, монастыри, епархиальные структуры, различные общества и братства начали оказывать растущую духовную и материальную помощь неблагополучным слоям населения: малообеспеченным, инвалидам, беспризорным подросткам и т.д.

Завершил историю Русской Православной Церкви в XX веке юбилейный Архиерейский Собор 13—16 августа 2000 г. В это время в Московский Патриархат входило 130 епархий, 545 монастырей (265 мужских и 380 женских), 150 монастырских подворий и 19 417 приходов, где служили 164 архиерея, 17 500 священников и 2300 диаконов; 5 Духовных академий, Свято-Тихоновский Богословский институт, 2 православных университета, 29 семинарий, 40 Духовных училищ, 3 Епархиальных женских училища и 9 пастырских курсов (всего более 12 тысяч учащихся)¹⁶³⁷. Собор прославил в лике святых более 1 тысячу новомучеников и исповедников Российских, в том числе последнего русского императора Николая II и членов его семьи, расстрелянных большевиками в 1918 г.

Кроме того, Архиерейский Собор подвел итоги деятельности Московского Патриархата на рубеже тысячелетий, принял новую редакцию «Устава Русской Православной Церкви» и одобрил «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Главные новации Устава 2000 г. заключались в перераспределении компетенции Поместного и Архиерейского Соборов в сторону расширения полномочий Архиерейского Собора.

«Основы социальной концепции» стали уникальным документом в истории Православных Церквей, так как он впервые полно и систематически выразил официальную позицию Церкви по важнейшим вопросам современной общественной жизни: светская культура и наука, собственность, мир, война, преступность, светское право, средства массовой информации, труд, вопросы семьи и брака, биоэтики и экологии, отношения Церкви с обществом, государством и другими христианскими Церквами¹⁶³⁸.

В этот документ было включено положение о том, что «Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству», а «государство не должно вмешиваться в жизнь Церкви». В качестве областей, в которых священнослужители и церковные структуры не могут оказывать помощь государству и сотрудничать с ним, были

названы: политическая борьба, ведение гражданской или агрессивной внешней войн, непосредственное участие в разведывательной и т.п. деятельности¹⁶³⁹. 18 августа в зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя состоялся торжественный акт, посвященный 2000-летию Рождества Христова, а 20 августа в самом храме Христа Спасителя прошла канонизация святых, прославленных Архиерейским собором.

Согласно различным социологическим опросам, количество православных в России в 2000 г. составляло 60—70 % (85—100 миллионов человек). Правда, воцерковленных среди них было лишь 7—8 %. Второй по численности конфессией в стране являлись мусульмане — по разным оценкам от 9 до 15 миллионов, далее шли протестанты различных направлений — более 5 миллионов, старообрядцы — около 2,5 миллионов, католики — от 400 до 600 тысяч и иудеи — около 200 тысяч¹⁶⁴⁰. Таким образом, Россия остается в своей основе православной страной, и Православие (несмотря на то, что практикующих верующих немного) в качестве русского национального символа и стержня национальной идентичности играет заметную роль в идейной, социальной, политической, культурной жизни страны и является важнейшим источником моральных и идеологических ценностей.

Заключение

XX век только что завершился, но он уже стал историей. Его события еще живы в памяти миллионов людей и все же становятся предметом изучения исследователей. Не является исключением и деятельность Русской Православной Церкви, теперь можно подвести итог самому драматичному периоду ее истории. Пожалуй, ни одна другая Поместная Православная Церковь не имела в минувшем веке такой сложной, трагичной, но и по-своему героической истории, как Русская. Пройдя через самые разнообразные испытания, прещения, жесточайшие гонения, она выстояла и вновь возродилась на крови, пролитой за веру многими тысячами новомучеников.

Значительное, нередко определяющее место в истории Русской Церкви прошлого века занимали государственно-церковные отношения. На протяжении многих столетий они были существенной частью политической истории России, но после Октябрьской революции приобрели особые драматизм и остроту, порой оказывая заметное влияние на общую ситуацию внутри страны и международное положение СССР. Несмотря на качественное отличие «советской» модели этих отношений от предшествующих, нельзя не учитывать воздействие прежней традиции. В начале XX века в структуре российского сознания церковное и государственное практически не разделялось. С одной стороны, близость «самодержавного» «православному» способствовала отходу после революции от Церкви значительных слоев населения. С другой — наделение государственной идеологии чертами религии сделало возможным установление нового культа, в центре которого было помещено государство и его антропоморфное воплощение — вождь.

В 1917—1930-е гг. активно осуществлялась атеистическая модель общества. Деструктивные усилия вели к подавлению религиозной и национальной традиций. Осознавая опасность появления вакуума, возникшего на месте разрушенного, власть наполняла его псевдорелигиозным содержанием — политической мифологией. Многовековая практика государственно-церковных отношений проявилась и в том, что после 1943 г. Московская Патриархия в определенной степени стала частью госаппарата, срослась с ним. На некоторое (впрочем, непродолжительное) время она заняла привилегированное по отношению к другим конфессиям положение в атеистическом обществе.

Религиозная политика правительства не оставалась неизменной. На протяжении XX века в Российской империи, СССР, России сменялись, только как основные официальные, идеологии: Православного государства, интернационального коммунизма, социалистической великодержавности, демократического социализма, либеральной демократии, национальной государственности (в настоящее время). И их смена, так или иначе, влияла на отношения с Церковью. В середине и второй половине столетия советское общество трижды переживало идеологический кризис: в начале 1940-х, середине 1950-х и конце 1980-х гг. И все они совпадали с началом трех стадий религиозного возрождения в СССР. Строй Советской России был таков, что религиозные, идеологические и культурные течения в жизни общества, не укладывающиеся в рамки официальной идеологии, не имели возможности открыто развиваться. Это не делало их менее жизненными, хотя и вело к угнетению и деформациям, связанным с вынужденной закрытостью. И только в кризисные периоды подобные течения неожиданно для властей давали себя знать в виде организованных или стихийных проявлений. И руководство страны было вынуждено корректировать курс своей религиозной политики.

Русская Православная Церковь играла немаловажную роль в жизни советского общества, поэтому изучение связанных с ней проблем может помочь объяснить многие процессы того времени — причины победы СССР в Великой Отечественной войне, развенчания сталинизма, печального конца хрущевского «великого десятилетия» и другие.

Среди основных факторов, определяющих курс государственной религиозной политики в Советском Союзе: идеологического, патриотического в годы войны, экономического, влияния партаппарата и др., важнейшую роль, как правило, играл внешнеполитический. Существовало острое политическое, идеологическое противостояние СССР и ведущих капиталистических держав. В этих условиях Московская Патриархия служила проводником советского влияния в десятках различных государств, вела пропаганду социалистического строя. Падение заинтересованности руководства страны в ее международной деятельности, как правило, вызывало ухудшение государственно-церковных отношений и наоборот. Лишь в конце 1950-х — начале 1960-х гг. внутренние факторы доминировали над внешними.

Религиозную политику властных структур СССР и их отношения с Московской Патриархией в XX веке, по мнению автора, можно разделить на девять основных этапов. К началу Второй мировой войны данная политика прошла через три основных этапа. На эти этапы делится и история Русской Православной Церкви в целом в первые два десятилетия советской власти. Период с осени 1917 г. по 1921 г. явился временем «бури и натиска», жесткого, но бессистемного преследования Московского Патриархата при одновременном поощрении некоторых других конфессий. Был принят ряд законодательных актов, не только отделявших Церковь от государства, но и ставивших ее в дискриминационное, по сравнению с иными общественными организациями, положение. Окончание Гражданской войны, введение НЭПа потребовали изменения религиозной политики в сторону ее смягчения. Правда, в 1922 г. государственным органам удалось произвести обновленческий раскол в Русской Церкви и этим серьезно ослабить ее. А в 1927 г. благодаря своеобразному компромиссу, заключенному с Заместителем Местоблюстителе митрополитом Сергием, Московский Патриархат был в значительной степени поставлен под контроль государства.

В то же время к концу 1920-х гг. влияние Русской Православной Церкви вновь усилилось, согласно ряду опросов религиозность населения вновь начала расти. Правительство было вынуждено признать, что Патриархат уже не является «изнеженной церковью эпохи царизма», он смог разработать «целый арсенал» средств влияния и связи с массами сообразно советским условиям и сумел закрепиться на своих новых позициях.

Второй этап, начавшись в 1922 г., завершился в 1928 г.; третий же (1929—1938 гг.) характеризуется целенаправленной политикой разгрома религиозной жизни в СССР. Репрессии привели к почти полному истреблению легального духовенства всех конфессий. К 1939 г. властям в значительной степени удалось создать видимость безбожного государства, но она была иллюзорна. Перепись 1937 г. показала, что более половины населения продолжало оставаться верующим.

В 1939—1943 гг. произошел отказ от курса на истребление духовенства, была постепенно свернута атеистическая пропаганда, Патриархия впервые начала пользоваться государственными органами для распространения советского влияния на западных границах страны. Но диалогом отношения Церковь — государство еще не стали. Ситуация существенно изменилась в 1943—1948 гг. В это время руководство СССР, не располагая ядерным оружием, для реализации своих широкомасштабных международных планов было вынуждено активно использовать деятельность Церкви. В сложившихся относительно благоприятных условиях Мо-

сковская Патриархия сумела заметно расширить свое влияние в стране. Но в то же время между ней и правительством существовала лишь видимость взаимопонимания. Для И. Сталина было важным поставить Церковь под жесткий контроль, сделать ее послушной и управляемой в своей политической игре.

Это особенно ярко проявилось на следующем этапе — в 1948—1953 гг. Как только международная деятельность Московской Патриархии ограничилась участием в просоветском движении за мир, все возможности для дальнейшего роста числа ее приходов тут же были ликвидированы. Более того, стала целенаправленно проводиться политика вытеснения Церкви из общественной жизни, правда, без афиширования смены курса. 1953 г. послужил началом нового этапа. Хотя государственная религиозная политика «потеплела» лишь с конца 1954 г., но явное оживление церковной деятельности в стране стало ощущаться на год раньше. Вплоть до середины 1958 г. Патриархия, используя общее смягчение политического климата и внутрипартийную борьбу, в целом успешно расширяла свое влияние.

Новый, очень тяжелый этап пришелся на 1958—1964 гг. Вновь в государственно-церковных отношениях начал преобладать административно-силовой подход, резко активизировалась атеистическая пропаганда. В связи с принятыми планами построения коммунистического общества над религиозными организациями нависла угроза полного уничтожения. В то же время существенно расширилась международная деятельность Московской Патриархии, что и явилось одной из основных причин прекращения антицерковных акций сразу же после смещения Н.С. Хрущева в октябре 1964 г.

Восьмой этап (1964—1987 гг.) характеризуется относительно спокойными государственно-религиозными отношениями, при этом Русская Православная Церковь продолжала вытесняться на периферию общественной жизни, а число ее общин в основном медленно сокращалось. Коренные изменения произошли на последнем этапе — в 1988—1991 гг. В условиях острейшего кризиса советского общества государство постепенно потеряло контроль над религиозными организациями, в том числе Московским Патриархатом, количество приходов которого бурно росло.

В соответствии с курсом государственной религиозной политики существенно менялась в сторону смягчения (середина 1940-х гг.) или ужесточения (начало 1960-х гг.) конституционно-правовая база. Еще в 1943 г. впервые при правительстве был создан специальный орган, ведавший церковными делами — Совет по делам Русской православной церкви. На протяжении двух десятилетий он заметно изменился — значительно вырос численно, расширил свои функции, избавился от чрезмерной опеки службы госбезопасности. Но одновременно под жестким давлением партийного аппарата Совет из органа, контролирующего и регулирующего деятельность Московской Патриархии в интересах государства, постепенно превращался в проводника идеологических антирелигиозных установок ЦК КПСС.

Не оставались неизменными и формы, масштабы репрессивных акций. Улучшение государственно-церковных отношений не означало полного прекращения репрессий, хотя, конечно, влияло на размеры. Так, в 1939 г. число арестованных священнослужителей и мирян по церковным делам упало по сравнению с 1937—1938 гг. в десятки раз, однако все же составило 1500 человек (из них 900 расстреляно). В 1940 г. их было соответственно 5100 и 1100, в 1941 г. — 4000 и 1900, в 1943 г. — 1000 и 500. Даже в самый благоприятный для Московской Патриархии период — 1944—1946 гг. — количество смертных казней составляло ежегодно более 100. Эти акции являлись важной составной частью сталинского механизма контроля и устрашения. Масштабы репрессий священнослужителей заметно выросли в конце 1940-х — начале 1950-х гг., но затем резко пошли на убыль.

Картина вновь изменилась с 1958—1959 гг. Правда, теперь в основном изменялись иные формы наказания нелояльных священнослужителей — снятие с регистрации, изгнание из пределов епархии и т.п. Однако и в это время были аресты, судебные процессы, инакомыслящих стали отправлять в психиатрические лечебницы. Всего в 1961—1964 гг. было осуждено по религиозным мотивам 1234 человека. С одной стороны, репрессии помогали удерживать под контролем значительную часть духовенства Московского Патриархата, подавлять особенно активные проявления церковного сопротивления. Но с другой — загоняли религиозную жизнь в подполье, были непосредственной причиной значительного роста рядов катакомбного движения, подрывали доверие к власти среди широких слоев верующих, способствовали падению престижа СССР в глазах мировой общественности. И в конечном итоге расчеты на них властных структур не оправдались.

Реакция Московской Патриархии на гонения, как правило, была очень активной. И властям в той или иной степени приходилось ее учитывать. Значительную часть исследуемого периода Русская Православная Церковь находилась в центре «большой политики», и самостоятельность ее руководства, особенно на международной арене, была небольшой. Следует отметить, что Церковь много сделала в налаживании контактов Восток—Запад, предотвращении глобальных конфликтов, чреватых мировой катастрофой во время Берлинского, Карибского кризисов 1960-х гг. В то же время нельзя оценивать внешнюю деятельность Русской Церкви исключительно с политических позиций, основным был чисто религиозный диалог.

Руководство Московского Патриархата шло на частичное выполнение отведенной ему роли с целью сохранения в атеистическом государстве легальной многомиллионной Церкви, оно желало обеспечить ее целостность, стабильность вероучения. Сказывалось и влияние многовековой традиции «симфонии» с государственной властью. Следует отметить, что постоянное давление на Церковь, широкомасштабные антирелигиозные акции подрывали духовные основы общества, губительно сказывались и на сфере производства, разрушая трудовую этику. Они стали одной из причин нарастания острейшего кризиса в СССР.

Антирелигиозному курсу властей всегда противостояло церковное сопротивление, принимавшее в разные периоды различные формы. Важнейшими из них были: иосифлянское движение, катакомбное движение и религиозное диссидентство. Порой это сопротивление достигало значительных масштабов, заставляя считаться с собой государственные органы. Следует подчеркнуть, что всеобщая политизация общественной жизни в СССР вела, с одной стороны, к трактовке властными структурами любых независимых групп и сообществ как политически оппозиционных. Они соответственно подавлялись. С другой стороны, объединения, исходившие из религиозных императивов, зачастую не пытались полностью осознать свои собственные интересы, считая себя политической оппозицией режиму. Такой оппозицией, к примеру, по существу, стали церковные диссиденты.

Рассмотренные в книге вопросы напрямую связаны с проблемами современности. В условиях, когда после краха коммунистической концепции российское общество обратилось к поискам иной веры и новых путей организации своей жизни, многие церковные деятели проявили неумение наладить взаимодействие с людьми, ищущими путь к вере. Подобная неготовность объясняется прежде всего наследием прежних времен, когда религиозные организации были в основном вытеснены за пределы реальной общественной жизни. Это мешает Церкви полноценно выполнять социальные функции. В результате активизируются внеконфессиональные поиски веры, растут проявления духовной эклектичности, множатся ряды членов тоталитарных сект.

В самом Московском Патриархате в конце 1980-х — начале 1990-х гг. произошло несколько расколов и разделений. Очень болезненно отразились на нем финансовые и экономические кризисы 1990-х гг. Остро встала проблема кадров духовенства. В постсоветский период особенно требовались высокообразованные священники-педагоги и миссионеры, способные сделать неопита активным прихожанином. Но для их подготовки было необходимо перестроить всю прежнюю «советскую» систему духовного образования. Сдвиги в этой области начались уже в начале 1990-х гг., но, к сожалению, шли очень медленно.

Лишь в начале 2000-х гг. многие стоявшие перед Московским Патриархатом проблемы удалось полностью или частично решить. Важным этапом в этой связи стал прославивший более тысячи новомучеников Архиерейский Собор 2000 г. Одним из самых значительных событий новейшей истории России также явилось восстановление канонического общения Московского Патриархата и Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) в мае 2007 г., преодоление трагического раскола, многие годы раздиравшего Поместную Русскую Церковь. Впрочем, целый ряд проблем еще остается.

Далеко не благополучная ситуация с религиозным вопросом в последние два десятилетия была не только в России, но и в Европе в целом. На Западе констатация духовного и культурного кризиса стала практически общим местом. А духовный кризис неизбежно связан с проблемами безопасности и стабильности. После завершения холодной войны в Европе вышли наружу многие скрытые прежде противоречия, особенно в области межнациональных отношений. И в ряде восточноевропейских стран, в том числе в бывших союзных республиках, политическая борьба и межэтнические конфликты приобрели религиозную окраску. Так, например, в Югославии раскол произошел именно по конфессиям, хотя верующие составляли там меньшинство населения.

В этой связи особенно важной представляется необходимость продолжения выработки новой российской государственностью своей модели церковной политики и обязательно с учетом исторического опыта. «Религиозный фактор» нельзя недооценивать, государство должно быть светским, пресекая попытки использовать религию в политических целях, но оставляя ее в числе приоритетных интересов, чтобы не допустить раскола общества по национально-религиозному признаку, обеспечить равные условия для всех категорий граждан. Государство должно строить отношения с религиозными организациями на конституционно-правовой основе и отказаться от использования их для достижения своих прагматических целей внутри страны и за рубежом. Важно не повторить ошибок, совершенных в государственно-церковных отношениях в предшествующие десятилетия, а также использовать положительный, пусть и небольшой, опыт, существовавший в их истории.

Менее десяти лет назад начался XXI век, однако за этот короткий период произошел уже целый ряд важных событий в истории Русской Православной Церкви. В мае 2007 г. после пятилетних переговоров было восстановлено каноническое общение между Московским Патриархатом и Русской Православной Церковью за границей, которая получила автономный статус. В 2008 г. скончался Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, и в январе 2009 г. на Всероссийском Поместном Соборе, в работе которого приняли участие и представители РПЦЗ, новым Патриархом Московским и всея Руси был избран председатель отдела внешних церковных связей митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев). Эта новейшая история Русской Православной Церкви происходит на наших глазах и еще ждет своих исследователей.

Приложение

Статистические данные о положении Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) (1914—2000 гг.)

Год	Храмы и молитвенные дома	Архиереи, священники и диаконы	Духовные Академии, семинарии, их учащиеся	Монастыри и насельники
1	2	3	4	5
1914	54 923 храмов, 23 593 часовен	130 арх., 53 234 свящ., 15 694 диак., 48 987 псал.	4 ДА — 995 уч., 62 ДС — 22 734 уч., 185 ДУ — 29419 уч.	1025 мон. — 550 муж. (21 330 нас.) и 475 жен. (73 299 нас.)
1917	78 767 храмов и часовен	130 арх., 120 тыс. свящ., диак. и псал.	4 ДА, 62 ДС	1256 мон., 107 035 нас. (33 572 мон. и 73463 посл.)
1941	3732	28 арх., 5665 свящ. и диак.	отсутствуют	64 мон., 5100 нас.
1945	10 243	41 архиерей	1 институт, 4 курсов	104 мон., 4632 нас.
1946	10 544	62 арх., 9254 свящ. и диак.	2 ДА, 6 ДС	101 мон.
1947	14 092	66 арх., 9617 свящ. и диак.	2 ДА — 31 уч., 8 ДС — 309 уч.	99 мон., 4668 нас.
1948	14 329	70 арх., 11 846 свящ. и диак.	2 ДА — 49 уч., 8 ДС — 513 уч.	85 мон. — 41 муж. (1110 нас.) и 44 жен. (3522)
1949	14 477	73 арх., 11 835 свящ. и 1280 диак.	2 ДА, 8 ДС	75 мон., 4787 нас.
1950	14 273	71 арх., 11 571 свящ. и 1664 диак.	2 ДА—107 дн., 38 заоч., 8 ДС—546 дн., 39 заоч.	75 мон., 4748 нас.
1951	13 867	69 арх., 11 222 свящ. и 1152 диак.	2 ДА—83 дн., 61 заоч., 8 ДС—471 дн., 90 заоч.	70 мон. — 28 муж. (1079) 42 жен. (3687)
1952	13 740	65 арх., 11 093 свящ. и 1161 диак.	2 ДА—133 дн., 85 заоч., 8 ДС—500 дн., 122 заоч.	62 мон. — 25 муж. (1011), 37 жен. (3628)
1953	13 508	65 арх., 12 089 свящ. и диак.	2 ДА—124 дн., 101 заоч., 8 ДС—541 дн., 138 заоч.	60 мон.
1954	13 422	65 арх., 11 912 свящ. и диак.	2 ДА и 8 ДС — 1000 уч.	59 мон. — 22 муж. (850), 37 жен. (3631)

1	2	3	4	5
1955	13 376	66 арх., 10 863 свящ. и 1064 диак.	2 ДА—155 дн., 144 заоч., 8 ДС—690 дн., 252 заоч.	57 мон., 4487 нас.
1956	13 417	65 арх., 12 185 свящ. и диак.	2 ДА—141 дн., 140 заоч., 8 ДС—741 дн., 260 заоч.	57 мон. — 20 муж. (878), 37 жен. (3686)
1957	13 430	71 арх., 11 122 свящ. и 1095 диак.	2 ДА—157 дн., 139 заоч., 8 ДС—924 дн., 302 заоч.	57 мон. — 20 муж. (893), 37 жен. (3768)
1958	13 414	73 арх., 11 010 свящ. и 1086 диак.	2 ДА—168 дн., 160 заоч., 8 ДС—1112 дн., 340 заоч.	56 мон. — 20 муж. и 36 жен., 4706 нас.
1959	13 324	68 арх., 10 835 свящ. и 1077 диак.	2 ДА—178 дн., 150 заоч., 8 ДС—940 дн., 320 заоч.	56 мон. — 20 муж. (880), 36 жен. (3769)
1960	13 008	11 407 свящ. и диак.	2 ДА и 8 ДС—667 дн.	42 мон. — 14 муж. (813), 28 жен. (2911)
1961	11 572	8252 свящ. и 809 диак.	2 ДА—197 дн., 65 заоч., 5 ДС—380 дн.	33 мон. — 13 муж. (721), 20 жен. (2327)
1962	10 149		2 ДА—? и 5 ДС—364 дн., 128 заоч.	22 мон., 2185 нас.
1963	8580	73 арх., 7236 свящ. и 748 диак.	2 ДА и 5 ДС—442 дн., 180 заоч.	16 мон. — 6 муж. и 10 жен.
1964	7873		2 ДА—207 дн., 157 заоч., 3 ДС—211 дн., 177 заоч.	16 мон. — 6 муж. и 10 жен.
1965	7551		2 ДА, 3 ДС	16 мон., 1500 нас.
1966	7523		2 ДА, 3 ДС	16 мон. — 6 муж. и 10 жен.
1967	7481	6694 свящ. и 653 диак.	2 ДА, 3 ДС	16 мон., 1400 нас.
1969	7369		2 ДА и 3 ДС — 447 дн.	16 мон., 1303 нас.
1970	7338		2 ДА, 3 ДС	16 мон., — 6 муж. (290), 10 жен. (983)
1971	7274	75 арх., 6234 свящ. и 618 диак.	2 ДА, 3 ДС	16 мон. — 6 муж. и 10 жен., 1200 нас.
1973	7150	6180 свящ. и диак.	2 ДА—166 дн., 189 заоч., 3 ДС—453 дн., 372 заоч.	16 мон. — 6 муж. и 10 жен.
1975	7062	58 арх., 5994 свящ. и 594 диак.	2 ДА, 3 ДС	16 мон. — 6 муж. и 10 жен.
1976	7038		2 ДА и 3 ДС — 788 дн., 814 заоч.	16 мон. — 6 муж. и 10 жен.

1	2	3	4	5
1981	7007		2 ДА и 3 ДС — ок. 900 дн. и 1000 заоч.	16 мон. — 6 муж. и 10 жен.
1985	6806	74 арх.	2 ДА, 3 ДС	17 мон. — 7 муж. и 10 жен.
1986	6794	74 арх.	2 ДА, 3 ДС	17 мон. — 7 муж. и 10 жен., 1500 нас.
1988	6893	74 арх., 6674 свящ. и 723 диак.	2 ДА и 3 ДС — 1100 дн., 899 заоч.	22 мон., 1190 монашествующих
1989	10 000	6893 свящ.	2 ДА, 3 ДС, 1 ДУ — 2948 уч.	51 мон.
1990	11 110	92 арх.	2 ДА, 3 ДС, 6 ДУ	57 мон.
1991	12 000	ок. 10 000 свящ. и диак.	2 ДА, 6 ДС	117 мон.
1993	14 113	12 013 свящ. и диак.		260 мон.
1994	15 985	136 арх., 12 841 свящ. и 1402 диак.	3 ДА, 1 ин-т, 14 ДС и 28 ДУ — 4000 дн., 2000 заоч.	289 мон.
1995	17 000			337 мон.
1997	18 000	146 арх., 17 000 свящ. и диак.	5 ДА, 1 ин-т, 26 ДС, 29 ДУ, 13 паст. курсов — 9000 уч.	390 мон. — 185 муж. и 205 жен.
1998	19 000	17 500 свящ. и 2275 диак.		478 мон.
2000	19 417	164 арх., 17 500 свящ. и 2300 диак.	5 ДА, 1 ин-т, 2 ун-та, 29 ДС, 40 ДУ, 3 жен. ЕУ, 9 паст. курсов — в 1999 г. 11 704 уч.	545 мон. — 265 муж. и 380 жен., 150 мон. подворий

Примечание

1. *Meyendorff I.* Living Tradition. Grestwood, New York, 1978; Masar W. Genossen beten nicht. Kirchenkampf des Kommunismus. Köln, 1963.
2. *Stricker G.* Religion in Russland. Darstellung und Daten zu Geschichte und Gegenwart. Gütersloh, 1993.
3. *Одинцов М.И.* Путь длиною в семь десятилетий от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 29—71.
4. *Кративин М.Ю.* Противостояние: большевики и Церковь 1917—1941 гг. Волгоград, 1993.
5. *Кашеваров А.И.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви 1917—1945 гг. СПб., 1995.
6. *Fletcher W.* The Russian Orthodox Church Underground, 1917—1970. Oxford, 1971.
7. *Цытин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви 1917—1990. Учебник для православных духовных семинарий. М., 1994.
8. *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 5, 6.
9. См.: *Иоанн (Снычев), митрополит.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Их особенности и история. Сортавала, 1993; *Стратонов И.А.* Русская церковная смута 1921—1931 // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995.
10. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Сборник докладов и документов. СПб., 2000. С. 43.
11. Там же. С. 44.
12. *Киселев Александр, протоиерей.* Крещение Руси — духовный стержень нашей истории // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991. С. 7.
13. *Тихонов М.В.* Основные направления деятельности и теоретические концепции Британского центра по изучению религии и коммунизма (Кестон-колледжа) 1970—1989 гг. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М., 1990. С. 14.
14. *Юдин Н.И.* Правда о петербургских «святых» Л., 1962. С. 8.
15. *Тепляков М.К.* Проблемы атеистического воспитания в практике партийной работы. Воронеж, 1972. С. 122.
16. *Демьянов А.И.* Критика идеологии истинно православного христианства (по материалам социологического исследования в Центральных областях РСФСР). Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Л., 1974. С. 6—7.
17. Конкретные исследования современных религиозных верований. (Методика, организация, результаты). М., 1967. С. 72—82, 138—144; Общество и религия. М., 1967. С. 454—468; *Куроедов В.А.* Религия и церковь в Советском государстве. М., 1981. С. 159; *Розенбаум Ю.А.* Советское государство и церковь. М., 1985. С. 22.
18. Барменков А.И. Свобода совести в СССР. М., 1986. С. 178—179.
19. *Демьянов А.И.* Факты против измышлений (миф о «религиозном возрождении» в СССР и его несостоятельность). Воронеж, 1989. С. 17, 61.
20. *Флетчер У.* Советские верующие // Социологические исследования. 1987. № 4. С. 33.
21. *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. С. 244.
22. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 5, оп. 33, д. 91, л. 21; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, оп. 2, д. 529, л. 3—4.
23. *Карташев А.В.* Революция и Собор 1917—1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Богословская мысль. Париж, 1942. С. 75—101; *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; *Ильин В.Н.* Религия революции и гибель культуры. Париж, 1987; *Булаконов С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991; *Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991; *Иоанн Мейендорф, протопресвитер.* Церковь и государство // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. С. 281—287; *Александр Шмеман, протоиерей.* Исторический путь Православия. Париж, 1989.
24. *Иоанн Мейендорф, протопресвитер.* Указ. соч. С. 281—282.
25. *Бессмертный А.Р.* Национализм и универсализм в русском религиозном сознании // На пути к свободе совести. С. 147.

26. *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 18.
27. Цит. по: *Левитин А., Шабров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. Кюснахт, 1978. С. 35—36.
28. *Бердяев Н.А.* Новое средневековье: размышление о судьбе России и Европы. Берлин, 1924. С. 50—51, 139—140.
29. «Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа». Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Париж, 1975. С. 63, 73.
30. *Булгаков С.И.* Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. 2. М., 1911. С. 36.
31. *Франк С.А.* Этапы нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 192.
32. *Бердяев Н.А.* Духи русской революции. Рига, 1990. С. 17.
33. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 143. Т. 38. С. 118.
34. Новые документы В.И. Ленина (1920—1922 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 193.
35. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 137.
36. *Левина И.В.* Социально-политическое развитие рабочей молодежи в условиях становления тоталитарного режима в СССР (20—30-е гг.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1994. С. 17—18.
37. Там же. С. 19.
38. *Александр Мень, протоиерей.* Религия, культ личности и секулярное государство (Заметки историка религии) // На пути к свободе совести. С. 91, 105, 107.
39. Там же С. 109.
40. *Крахмальникова З.* В поисках обещанного рая. Заметки о церковной жизни в России XX века // Нева. 1992. № 10. С. 215, 224.
41. *Константин, архимандрит.* Церковь лукавствующих открывает свое лицо // Православная Русь (Джорданвилл). 1955. № 23. С. 1.
42. *Аделин Н.* Православное Зарубежье о Русской Православной Церкви в СССР // Русская Православная Церковь в СССР. Мюнхен, 1960. С. 237.
43. *Broucker J.* Chretiens en URSS, Cent recontres pour un millinaire // Actualites religieuses dans le monde, 15 juin 1988. P. 15—36, *Poupard P.* Le discours a la rencontre de Zagreb // Atheisme et dialogue. 1989. № 3. P. 197—201, *Ferets K.* L'aspect philosophique des modeles d'interpretation du marxisme-leninisme // Atheisme of foi. 1990. № XXV—1. P. 47—62, etc.
44. *Pankhurst Y.* Religion and political process in state atheist nations // Religion and communist society. Berkeley, 1983. P. 46.
45. *Bourdeaux M.* Risen indeed. Lessons in faith from the USSR. London; New York, 1983. P. 29—30.
46. *Ellis J.* The Russian Orthodox Church a Contemporary History. London, 1986. P. 7.
47. *Клибанов А.И., Митрохин Л.Я.* Религия как предмет науки // Религии мира. История и современность. М., 1987. С. 5—34; *Гараджа В.И.* Переосмысление // Наука и религия. 1989. № 1. С. 2—5; *Митрохин Л.Н.* Философы и религия // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 16—35; *Сапрыкин В.А.* Трудовой коллектив атеисты и верующие. М., 1990.
48. *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России XX век. М., 1994. С. 130—131.
49. *Гордиенко Н.С., Курочкин П.К.* Особенности модернизации современного русского православия. М., 1978; *Гордиенко Н.С.* Эволюция русского православия (20-е—80-е годы XX столетия). М., 1984; *Его же.* Современное русское православие. Л., 1988; *Барменков А.Н.* Свобода совести в СССР; *Куроедов В.А.* Религия и церковь в советском обществе; *Корзун М. С.* Русская Православная Церковь 1917—1945 гг. Изменение социально-политической ориентации и научной несостоятельности вероучения. Минск, 1987; Русское православие вехи истории. М., 1989; *Красников Н.П.* Социально-этические воззрения русского православия в XX веке. Киев, 1988.
50. *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань, 1970.
51. *Балевиц З.В.* Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941—1944). Рига, 1967.
52. *Плаксин Р.Ю.* Крах церковной контрреволюции 1917—1923 гг. М., 1968; *Его же.* Тихоновщина и ее крах. Л., 1987.
53. *Введенский А.И.* Церковь и государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России. 1918—1922). М., 1923; *Его же.* Церковь патриарха Тихона. М., 1923; *Титлинов Б.В.* Новая церковь. М.; Пг., 1923; *Его же.* Церковь во время революции. Пг., 1924; *Адамов Д.* Политическое обоснование церковного обновленчества. Воронеж, 1925.

54. Платонов И.Ф. Православная церковь в 1917—1935 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. V. М.—Л., 1961. С. 206—271.

55. Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1863 по 1965 годы. Т. 1—6. Эрланген, 1979—1989; Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. Сост. И.В. Соловьев. М., 2002; Сергеевко А.О. Положения Церкви в России. Париж, 1947. Рукопись; Цытин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви, 1917—1990; Его же. Русская Православная Церковь (1917—1925). М., 1996; Его же. История Русской Церкви. 1917—1997. М., 1997; Сорокин Владимир, протоиерей. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005; Марченко Алексей, протоиерей. Хрущевская церковная реформа. Очерки церковно-государственных отношений (1958—1964 гг.) (по материалам архивов Уральского региона). Пермь, 2007 и др.

56. Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие; Его же. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 2005.

57. Rössler R. Kirche und Revolution in Russland. Patriarch Tichon und der Sovietstaat. Köln-Wien, 1969; Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке; Его же. A History of Marxist-Leninist atheism and soviet antireligions policies. London, 1987; Struve N. Les chrétiens en URSS. Paris, 1963; Fletcher W. The Russian Orthodox Church underground, 1917—1970; Stricker G. Religion in Russland. Darstellung und Daten zu Geschichte und Gegenwart; Luukanen A. The party of unbelief: the religious policy of the Bolshevik party, 1917—1929. Helsinki, 1994.

58. Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925—1941. Париж, 1977; Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1—3.

59. Регельсон А. Трагедия Русской Церкви 1917—1945. Париж, 1977. (Репринт — М., 1996).

60. Валентинов А.А. Черная книга («Штурм небес»). Париж, 1925; Польский М. Новые мученики российские. Т. 1—2. Джорданвилл, 1949, 1957; Криптон К. Защита канонов православия 1922—1925 // Вестник русского христианского (студенческого) движения (Вестник РХД, Париж). 1979. № 128. С. 218—243; Григорий (Габбе), епископ. К истории русских церковных разделений за границей. Опровержение ошибок и неправд в сочинении Д. Пospelовского «The Russian Church under the soviet regime 1917—1982». Джорданвилл, 1992.

61. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы; Его же. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР; Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений 1917—1938 гг.). М., 1991; Его же. Государство и церковь в России, XX век; Его же. Русские патриархи XX века. (Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов). М., 1999; Бабинов Ю.А. Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. Симферополь, 1991.

62. Бессонов М.Н. Православие в наши дни. М., 1990. С. 190, 197.

63. Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. «Тайная вечеря» // Ленинградская панорама. 1991. № 6. С. 10, 28—29, № 7. С. 27—29; Их же. Красные конкистадоры. М., 1994; Васильева О.Ю. Кремль против Ватикана. Полковник Карпов под руководством генералиссимуса Сталина атакует папу римского // Новое время. 1993. № 30. С. 38—40; Ее же. Русская православная церковь и советская власть в 1917—1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40—54; Ее же. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943—1948 гг. М., 1999; Ее же. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский собор. М., 2004; Кашеваров А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви 1917—1945 гг.; Его же. Печать Русской Православной Церкви в XX веке. Очерки истории. СПб., 2004; М., 2005; Фирсов С.А. Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха гонений на Русскую православную церковь. СПб., 2004; Его же. Время в судьбе: Святейший Патриарх Московский и всяя Руси Сергей (Страгородский). О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 2005; Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007.

64. Солженицын А. Христианство на Руси // Вестник РХД. 1988. № 153. С. 110—117; Его же. Черты двух революций // Вестник РХД. 1988. № 153. С. 143—170; Пайнс Р. Русская революция. Ч. 1, 2. М., 1994; Salisbury H. Black Night, White Snow: Russia's Revolutions, 1905—1917. Garden City, New York, 1978.

65. Каннингем Д. С надеждой на Собор. Русское религиозное пробуждение начала века. Лондон, 1990.

66. Фирсов С.А. Православная церковь и российское государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996; *Его же*. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2003; *Его же*. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007 и др.

67. Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1984; Бьчков С.С. Русская Церковь и императорская власть (Очерки по истории Православной Российской Церкви. 1900—1917 гг.). М., 1998; Полонский А. Православная церковь в истории России (Синодальный период). М., 1995; Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906—1917 гг.). М., 2000.

68. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь, испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 43—60; Schulz G. Beginn für die Russische Orthodoxe Kirche das dritte Jahrtausend im Jahre 1917? // Kirchen im Kontext unterschiedlicher Kulturen. Auf dem Weg ins dritte Jahrtausend. Gottingen, 1991. S. 561—576.

69. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007.

70. Митрофанов Георгий, протоиерей. Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995.

71. Chrysostomus J. Kirchengeschichte Russlands der neuesten Zeit. Bd. 1 — Patriarch Tichon, 1917—1925. München-Salzburg, 1965; Fletcher W. OP. cit.

72. Воронцов Г.В. Ленинская пропаганда атеистического воспитания в действии (1917—1937 гг.). Л., 1973; Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917—1923 гг.

73. Граббе Г. Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом. Джорданвилл, Нью-Йорк, 1961.

74. Curtiss J. The Russian Church and the Soviet State, 1917—1950. Boston, 1953.

75. Chrysostomus J. OP. cit.; Struve N. OP. cit.; Боголенов А.А. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958; *Его же*. Church Reforms in Russia, 1905—1918. Bridgeport, Conn., 1966.

76. Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений 1917—1938 гг.). С. 22.

77. Польский М. Указ. соч.; Регельсон Л. Указ. соч.; Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Т. 1—3. Джорданвилл, Нью-Йорк, 1987—1988.

78. Anderson P. People, Church and State in Modern Russia. New York, 1944. P. 85.

79. Иоанн Мейендорф, протоиерей. Святейший Патриарх Тихон — служитель единства Церкви // Вестник Ленинградской Духовной Академии. 1990. № 3. С. 30—41.

80. Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922—1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997.

81. См.: Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917—1922).

82. Регельсон Л. Указ. соч. С. 617.

83. Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20-е — 80-е годы XX столетия); Корзун М.С. Указ. соч. и др.

84. См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы; Одинцов М.И. Указ. соч.

85. Мануил (Аемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1863 по 1965 годы; Иннокентий (Павлов), игумен. О декларации митрополита Сергия // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1992. № 11/12. С. 70, 75; Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие; *Его же*. Митрополит Мануил (Аемешевский). Биографический очерк. СПб., 1993; Мецкерский Н.А. На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною. А., 1982. Рукопись.

86. Польский М. Указ. соч.; Андреев И.М. Заметки о катакомбной церкви в СССР. Джорданвилл, 1947; Регельсон Л. Указ. соч.; Степанов (Русак) В. Указ. соч.

87. Елевферий (Богоявленский), митрополит. Неделя в Патриархии // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX в. М., 1995; Доклад митр. Елевферия митр. Еваогию (1928 г.) // Вестник РХД, 1990. № 158. С. 285—293; Крестный путь русской иерархии, из писем протопресвитера В. Виноградова владыке Иоанну Шаховскому // Вестник РХД, 1987. № 150. С. 251—255.

88. Поспеловский Д. Митрополит Сергий и расколы справа // Вестник РХД, 1990. № 158. С. 53—81; *Его же*. The Russian Church under the Soviet Regime 1917—1982. New York, 1984; Струве Н. Соловецкие епископы и декларация митрополита Сергия 1927 г. // Вестник РХД,

1988. № 152. С. 207—211; *Chrysostomus J.* OP. cit.; *Döpmann G.-D.* Die Russische Orthodoxe Kirche in Geschichte und Gegenwart. Berlin, 1977.

89. «Я иду только за Христом...». Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПТСБИ. 2002. № 9. С. 376—424; «Сов. Секретно. Срочно, Лично. Тов. Тучкову» и не только ему. Донесения из Ленинграда в Москву, 1928—1930 годы / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПТСБИ. 2002. № 10. С. 362—385, 2003. № 11. С. 330—367; О Церкви и государстве: материалы полемики конца 1920-х годов / Публ. А. Мазырина // Богословский сборник ПТСБИ. № 10. С. 337—361; *Мазырин А.* Вопрос о взаимоотношениях священномученика митрополита Петра (Полянского) с «правой» церковной оппозицией и митрополитом Сергием (Страгородским) // Богословский сборник ПТСБИ. № 10. С. 386—431; *Его же.* Священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) как глава церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник ПТСБИ. № 11. С. 368—424, 2003. № 12. С. 224—279; «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...». Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина (Цедрика), епископа Стародубского (1877—1937) / Публ. О. Косик // Богословский сборник ПТСБИ. № 9. С. 336—375, № 10. С. 432—470, № 12. С. 280—301; *Косик О.* «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 г. // Богословский сборник ПТСБИ. № 11. С. 302—329; Переписка митрополита Иосифа (Петровых) с митрополитом Арсением (Стадницким) / Публ. О. Ефремовой // Богословский сборник ПТСБИ. № 10. С. 295—319.

90. *Антонов В.В.* Петроградские священномученики протоиерей Сергей Тихомиров и отец Николай Прозоров // Возвращение. 1996. № 1 (9). С. 17—21; *Его же.* О жизни священномученика Алексия (Буя) // Русский пастырь. 1997. № 2—3 (28—29). С. 191—194; *Его же.* Три письма священномученика Нектария // Русский пастырь. 1998. № 1 (30). С. 93—100; *Его же.* Еще раз о священномученике Сергии (Дружинине) // Православная жизнь. 1998. № 2. С. 18—23 и др.

91. Новомученик Нектарий (Трезвинский), епископ Яранский // Православная жизнь. 1997. № 2; Потаенная Россия // Православная жизнь. 1997. № 1; Катакомбная Церковь на земле Российской // Православная жизнь. 2002. № 10, 11 и др.

92. *Проценко П.Г.* Биография епископа Варнавы (Беляева). В Небесный Иерусалим. История одного побега. Нижний Новгород, 1999; Мироносицы в эпоху ГУЛАГа. Сборник. Сост. и коммент. П.Г. Проценко. Нижний Новгород, 2004; *Журавский А.В.* Во имя правды и достоинства Церкви. Житие священномученика Кирилла (Казанского). М., 2004; *Дамаскин (Орловский), игумен.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3—7. Тверь, 1999—2002; *Доценко Николай, протоиерей.* Наследники царства. Симферополь, 2000; Житие священномученика Прокопия, архиепископа Херсонского. Сост. прот. Николай Доненко. Люберцы, 2000; *Шоломова С.Б.* Харьковский Серафим. Харьков, 2003; *Румянцева И., Кудряшов С.* Сокровенный сердцу человек. Жизнь и труды священномученика Серафима (Звездинского). СПб., 2002; Умоагнувшие колокола. Новомученики Российские. Жизнеописания. М., 2002; Священномученик Иосиф, Митрополит Петроградский. Жизнеописание и труды. Сост. М. С. Сахаров и Л.Е. Сикорская. СПб., 2006. и др.

93. *Мазырин Александр, иерей.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х — 1930-х годах. М., 2006.

94. *Шкарковский М.В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999; *Его же.* Судьбы иосифлянских пастырей. СПб., 2006.

95. *Рожицын Ф.* Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция. М., Л., 1926; *Путинцев Ф.М.* Сектантство и антирелигиозная пропаганда. М., 1928; *Его же.* Политическая роль и тактика сект. М., 1935; *Наваинский С.* Церковное подполье (о секте «федоровцев»). Воронеж, 1929; *Попов М.В.* Церковь в наши дни. Иваново, 1930; *Его же.* Церковь в годы реакции и революции. Иваново, 1930; *Аунин Аг Федоровцы* — крестоносцы. Сектантская контрреволюция перед судом. М., 1930; *Долотов А.* Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930; *Дубровский М.* Черный отец и желтые братцы. М., 1930; *Логинов А.* Сектантская контрреволюция перед пролетарским судом. М., 1933 и др.

96. *Абросенко К.П.* Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск, 1938; *Юрин А.* Под маской религии. М., 1939; *Тубанов С.* Церковь на службе врагов народа. Свердловск, 1940.

97. *Клибанов А.И.* Современное сектанство в Тамбовской области (по материалам экспедиции Института истории Академии наук СССР в 1959 г.) // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 8. М., 1960. С. 59—100; *Его же.* Современное сектанство в Липецкой области. // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 10. М., 1962. С. 157—185; *Митрохин Л.Н.* Реакционная идеология

«истинно православной церкви» на Тамбовщине // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. М., 1961. С. 144—162; *Никольская* З.А. К характеристике течения истинно православных христиан // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. С. 161—188.

98. *Клибанов* А.И. Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки). М., 1969. С. 55.

99. *Стенькин* В.С. Черная паутина (сборник атеистических статей). Пенза, 1960; *Федоренко* Ф.И. Секты, их вера и дела. М., 1965; *Белов* А.В. Современное сектантство. М., 1969.

100. *Демьянов* А.И. Критика идеологии истинно православного христианства (по материалам социологического исследования в Центральных областях РСФСР); *Его же*. Истинно православное христианство. Воронеж, 1977.

101. *Его же*. Религиозность: тенденции и особенности проявления (социально-психологический анализ). Воронеж, 1984; *Его же*. Факты против измышлений (Миф о «религиозном возрождении» в СССР и его несостоятельность).

102. *Булдаков* В.П. Они приносят людям горе (о религиозной секте истинно православных христиан). Пермь, 1960; *Сажин* К.Г. Кто такие сектанты? Саратов, 1961; Словарь атеиста. М., 1964.

103. Краткий научно-атеистический словарь. М., 1964; *Белов* А.В. Указ. соч.; *Каушанский* П.Л. Идеология и деятельность христианских сект. Кемерово, 1965.

104. *Никольская* З.А. Указ. соч.; *Митрохин* Л.Н. Указ. соч.; *Федоренко* Ф.И. Указ. соч.

105. *Демьянов* А.И. Истинно православное христианство. С. 9.

106. *Иона (Яшунский), иеродиакон*. Наши катакомбы // Вестник РХД. 1992. № 166. С. 243—259; Кто есть кто в российских катакомбах. СПб., 1999; Катакомбы XX века // Свет Евангелия. 1997. № 20; Вертоград-информ. 1998. № 7. и т.д.

107. *Бернштам* М. Стороны в гражданской войне 1917—1922 гг. (Проблематика, методология, статистика) // Вестник РХД. 1978. № 128. С. 252—345.

108. *Чаев* П.О. Катакомбные монастыри // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1982. № 123. С. 190—196.

109. Катакомбы. // Русское Возрождение. 1982. № 19. С. 170—181, № 20. С. 125—137, 1983, № 21. С. 184—200.

110. *Андреев* И.М. О положении Православной Церкви в Советском Союзе. Катакомбная Церковь в СССР. Доклад, прочитанный 7 декабря 1950 г. перед Архиерейским Собором. Джорданвилл, 1951; *Его же*. Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилл; Нью-Йорк, 1951; *Его же*. Russia's Catacomb Saints. Lives of the New Martyrs. Platina, California, 1982 и др.

111. *Gustafson* A. Die Katakombenkirche. Stuttgart, 1954; *Fletcher* W. The Russian Orthodox Church underground, 1917—1970. Oxford, 1971.

112. *Белов* А., *Шилкин* А. Диверсия без динамита. М., 1976.

113. *Вагин* Е. Религиозное инакомыслие в современной России // Русское Возрождение. 1978. № 1. С. 50—70; *Маишков* Ю.Т. Голос с родины // Русское Возрождение. 1978. № 4. С. 12—21; *Аксенов-Меерсон* М. Русская Православная Церковь сегодня // Религия и атеизм в СССР (Мюнхен). 1980. № 9—10. С. 2—11; *Осипов* В. Площадь Маяковского, статья 70 // Грани. 1971. № 80. С. 118—134; *Якунин* Г. Московская Патриархия и «культ личности» Сталина // Русское Возрождение. 1978. № 1. С. 103—137, № 2. С. 110—150 и др.

114. *Аевитин* А.Э. Защита веры в СССР. Рукопись, привезенная из Советской России. Париж, 1966; *Краснов-Левитин* А. Родной простор. Демократическое движение. Франкфурт-на-Майне, 1981.

115. *Константинов* Д. Религиозное сопротивление в СССР. К 50-летию советской диктатуры. Лондон (Канада), 1967; *Дэнлоп* Д. Национально-религиозное возрождение в современной России // Русское Возрождение. 1978. № 1. С. 15—36; *Bourdeaux* M. Patriarch and prophets: Persecution of the Russian Orthodox Church. London; Oxford, 1975.

116. Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях; *Эллис* Д. Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие. Лондон, 1990.

117. *Петров* М.Н. Крест под молотом. Новгород, 2000.

118. *Дамаскин (Орловский), игумен*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Т. 1—8. Тверь-Москва, 1992—2006; *Его же*. Житие священномученика Фаддея, архиепископа Тверского. Тверь, 1997.

119. За Христа пострадавшие. Биографический справочник. Кн. 1. А-К. М., 1997.

120. Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2002.
121. Волков О.В. Погружение во тьму: Из пережитого. Париж, 1987; Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922—1939 годы. Т. 1—3. Франкфурт-на-Майне, 1979—1987; Чирков Ю.И. А было все — так... М., 1991; Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. М., 1991.
122. Резникова И.А. Православие на Соловках: Материалы по истории Соловецкого лагеря. СПб., 1994.
123. Шубитыдзе И. Полесские были. Минск, 1969.
124. Документы облачают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. Минск, 1964; Суглобов Г.А. Союз креста и меча. М., 1969.
125. Гордиенко Н.С. Современное русское православие. С. 65—69.
126. Сергей (Ларин), епископ. Православие и гитлеризм. Одесса, 1946—1947. Рукопись; Павлов С. Церковная жизнь Ленинграда во время блокады 1941—1944 гг. Л., 1983. Рукопись.
127. Великую победу предопределила победа духовная // Вятский епархиальный вестник. 1992. № 5. С. 3—4; Якунин В.Н. «Велик Бог земли Русской» // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 37—41; Цытин Владислав, протоиерей. Патриотическое служение Русской Православной церкви в Великую Отечественную войну // Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 41—47.
128. Раина П.К. За Веру и Отечество: очерки. Л., 1990.
129. Священники на фронте // Наука и религия. 1995. № 5. С. 4—6; Партизанский акафист // Наука и религия. 1995. № 5. С. 6—8.
130. Боголепов А.А. Церковь под властью коммунизма. С. 23; Константинов Д. Гонимая Церковь (Русская Православная Церковь в СССР). Нью-Йорк, 1967. С. 35—36; Степанов (Русах) В. Указ. соч. Т. 1. С. 182—183.
131. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 332—346; Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству. С. 57—62.
132. Васильева О.Ю. Государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. Дисс. ... канд. ист.-наук. М., 1990; Ее же. Русская Православная Церковь в 1927—1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35—46.
133. Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 118—138.
134. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002; Его же. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935—1945 годов (Сборник документов). М., 2003.
135. Gäde K. Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts, Köln 1985; Никитин А.К. Нацистский режим и русская православная община в Германии (1933—1945). М., 1998.
136. Балевиц З.В. Указ. соч.; Веверс Я.Я. Православная духовная миссия — агентура фашистской разведки. Рига, 1973.
137. Heyer F. Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. Köln, Braunsfeld, 1953.
138. Fireside H. Icon and Swastika: The Russian Orthodox Church under Nazi and Soviet control. Cambridge, Mass., 1971.
139. Anderson P. OP. cit.
140. Treulich E. Mitropolit Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission in Pleskau» // Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. Band 8. Göttingen, 1965. S. 55—66; Kahle W. Die Orthodoxie im baltischen Raum // Kirche im Osten. Band 21/22. 1978/1979. S. 78—107.
141. Samarin V.D. Civilian life under the german occupation, 1942—1944. New York. Research program on the USSR: Mimeographed series. № 58. 1954.
142. Alexeev W., Stavrou T. The great revival. The Russian Church under german occupation. Minneapolis, 1976.
143. Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1980. № 11. С. 91—118, № 12. С. 108—126, 1981, № 13. С. 75—97, № 14. С. 118—154, № 15. С. 85—100, № 16. С. 91—121, № 17. С. 97—114, № 18. С. 105—125.
144. Там же // Русское Возрождение. 1980. № 11. С. 94—95, 1981. № 13. С. 81, 91.
145. Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. С. 106, 128—129.
146. Кнышевский П.Н. Истоки тотального шпионажа // Государственная безопасность и демократия, 1993. № 2. С. 30—52; Волгогонов Д.А. Сталин и религия // Наука и религия. 1989. № 2. С. 10—11; Васильева О.Ю. Ватикан в горниле войны // Наука и религия. 1995. № 6.

С. 14—16; Ее же. Кремль против Ватикана. Полковник Карпов под руководством генералиссимуса Сталина атакует папу римского; *Чеботарев С.А.* Тамбовская епархия 40—60 гг. XX века. Тамбов, 2004.

147. *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941—1961 гг. М., 1999.

148. *Шкуратова И.В.* Советское государство и Русская православная церковь: проблемы взаимоотношений в области внешней и внутренней политики в послевоенные годы. М., 2005.

149. *Маслова И.И.* Советское государство и Русская православная церковь: Политика сдерживания (1964—1984 гг.). М., 2005; Ее же. Вероисповедная политика в СССР: поворот курса (1985—1991 гг.). М., 2005 и др.

150. *Цытин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви 1917—1990; *Его же.* История Русской Церкви. 1917—1997.

151. *Иоанн (Снычев), митрополит.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 312, 323—326.

152. *Польский М.* Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилл, 1948; *Григорий (Грарбе), епископ.* К истории русских церковных разделений за границей.

153. *Alexeev W.* Russian orthodox bishops in Soviet Union, 1941—1953. New York. Research program on the USSR: Mimeographed series. № 61. 1954.

154. *Константинов Д.* Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР. Мюнхен, 1956; *Его же.* Гонимая Церковь; *Его же.* Зарницы духовного возрождения: Русская Православная Церковь в СССР в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов. Лондон (Канада), 1973; *Боголепов А.А.* Указ соч.

155. *Aksenov-Meerson M.* The influtner of the Orthodox Church on russian ethnic identity // Ethnic Russia in the USSR. The dilemma of dominance. London, 1980. P. 105—115.

156. *Fletcher W.* Religion and soviet foreign policy, 1945—1970. London, 1973; *Его же.* Portrait of the most praised and vilified of modern churchmen — Metropolitan Nikolai of the Russian Orthodox Church — and of the dilemma the faces as religions leader in a militantly secular soviety Nikolai. London, 1968; *Lowrie D., Fletcher W.* Khrushchev's religious policy 1959—1964 // Aspects of religion in the Soviet Union 1917—1967. Chicago, 1971. P. 131—155.

157. *Struve N.* OP. cit.; *Spinca M.* The Church in Soviet Russia. New York, 1956; *Kolarz W.* Religion in the Soviet Union. London, 1961.

158. *Pospielovsky D.* The Russian Church under the Soviet Regime, 1917—1982. P. 425.

159. *Curtiss I.* OP. cit.; *Grünwald C.* The Churches and the Soviet Union. New York, 1962.

160. *Постеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 6.

161. Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000.

162. *Митрохин Н.А., Тимофеева С.А.* Епископы и епархии Русской православной церкви: по состоянию на 1 октября 1997 г. М., 1997; *Киреев Александр, протодиакон.* Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943—2005 годах. М., 2005.

163. Законодательство о религиозных культах (Сборник материалов и документов). Перепечатка с советского издания «Для служебного пользования». Нью-Йорк, 1981 и др.

164. Правда о религии в России. М., 1942; Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943; Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947.

165. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917—1943. Сборник. Ч. 1, 2. М., 1994.

166. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов. М., 2000 и др.

167. «Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902—1997». Издание Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата и круглого стола по религиозному образованию и диаконии. М., 1998.

168. «Церковь отделяется от государства» // Исторический архив. 1994. № 1. С. 136—147; «Взять на учет все духовенство...» / Публ. Н. Сидорова // Источник. 1994. № 6. С. 102—105; Политбюро и церковь // Новый мир. 1994. № 8. С. 186—213 и др.

169. Дело патриарха Тихона / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы, 1993, № 6. С. 46—71; Крестный путь патриарха Сергея: документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 44—80; Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (Десять лет из жизни патриарха

Алексия. 1955—1964 гг.) / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 25—83; Пимен (Извеков) — последний «советский» патриарх / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 1. С. 27—66.

170. Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938—1943 гг.) / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 37—67; Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.) / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 41—70; «Русская православная церковь стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров СССР Г.Г. Карпова И.В. Сталину. 1943—1946 гг. / Публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 1994. № 3. С. 139—148, № 4. С. 90—112; Униаты и советская власть (встреча в Москве. Декабрь 1944 г.) / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 56—71; *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1995.

171. Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991 гг.): Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. Сост.: Г. Штриккер. Кн. 1, 2. М., 1995; Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922—1925. Сост.: Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. Кн. 1, 2. М.; Новосибирск, 1997—1998; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы. Сост.: О.Ю. Васильева, А. С. Масальская, И.Н. Селезнева, М.Е. Алексашина. М., 1996.

172. Под угрозой гибели / Публ. М.В. Шкаровского // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 12. Париж, 1991. С. 249—257; Два эпизода борьбы с церковью в Петрограде / Публ. М.В. Шкаровского // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2.М.; СПб., 1992. С. 555—579; Иосифлянское движение и оппозиция в СССР / Публ. М.В. Шкаровского // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 15.М.; СПб., 1994. С. 446—463; В огне войны. Русская православная церковь в 1941—1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии) / Публ. М.В. Шкаровского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994. С. 259—316; Антицерковные гонения в Ленинградской епархии 1958—1964 / Публ. М.В. Шкаровского // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. 2.М.; СПб., 1995. С. 123—168; Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов. 1917—1941. Сборник документов. Сост.: Н.Ю. Черепенина, М.В. Шкаровский. СПб., 2000.

173. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году (Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви). Сост. М.А. Бабкин. М., 2006.

174. Partei und Kirchen im frühen Sowjetstaat. Die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partei (Bol'seviki) 1922—1929. Herausgegeben von L. Steindorff, G. Schulz unter Mitarbeit von M. Heeke, Ju. Röttjer und A. Savin. Berlin, 2007.

175. *Воронцов Г.В.* Ленинская пропаганда атеистического воспитания в действии (1917—1937 гг.). Л., 1973. С. 51—64.

176. *Савельев С.* Бог и комиссары (к истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП (б) — антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия. На пути к свободе совести. Вып. 2. М., 1993. С. 164—216.

177. *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922—1925 гг.; *Петров С.Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) как источник по истории Русской Церкви (1921—1925 гг.). М., 2004; *Савин А.И.* Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП (б) — ВКП (б) и евангелические церкви // Государство и личность в истории России. Новосибирск, 2004. С. 83—105; *Жижков В.В.* Формирование партийно-государственной номенклатуры и внутрипартийная борьба в СССР во второй половине 1920-х гг. (на примере Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) // Государство и личность в истории России. Новосибирск, 2004. С. 106—116; *Luukkanen A.* The Party of Unbelief; *Roslov E.* Renovation, Russian Orthodoxy and Revolution, 1905—1946. Bloomington, 2002.

178. Патриарх Тихон и история Русской Церковной смуты. Кн. 1. СПб., 1994; *Новоселов М.А.* Письма к друзьям. М., 1994; *Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ.* «Я полюбил страдание...». Автобиография. М., 1995; *Вениамин (Федченков), митрополит.* На рубеже двух эпох. М., 1994; *Его же.* «За православие помилует меня Господь...». Дневниковые записи. СПб., 1994; *Нестор (Анисимов), митрополит.* Мои воспоминания: Материалы к биографии, письма. М., 1995; *Арсений (Жадановский), епископ.* Воспоминания. М., 1995.

179. Отец Арсений. М., 1993.

180. *Вышеславцева О.Н.* Пастырь во времена безбожия. Об отце Николае (Голубцове). СПб., 1994.

181. *Василий (Кривошеин), архиепископ*. Воспоминания. Письма. Нижний Новгород, 1998; *Его же*. Спасенный Богом. Воспоминания, письма. СПб., 2007 и др.
182. Материалы Самиздата. Вып. 1—420. Мюнхен: Архив Самиздата. Радио Свобода, 1969—1979.
183. *Фирсов С.А.* Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007. С. 13—14.
184. Православная энциклопедия. Т. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 130.
185. *Фирсов С.А.* Указ. соч. С. 12.
186. *Спиридович А.* Записки жандарма. М., 1991. С. 166—169; См.: *Данилушкин М.Б., Никольская Т.К., Шкаровский М.В. и др.* История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. Т. 1. 1917—1970. СПб., 1997. С. 61—62.
187. *Одинцов М.И.* Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С. 67—68; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 550, оп. 1, д. 233, л. 6—8.
188. См.: *Данилушкин М.Б., Никольская Т.К., Шкаровский М.В. и др.* Указ. соч. С. 68—69.
189. *Каннингем Д.* С надеждой на Собор. Русское религиозное пробуждение начала века. Лондон, 1990. С. 104—106; Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906; *Фирсов С.А.* Указ. соч. С. 50.
190. *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 139.
191. *Фирсов С.А.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.) М., 2003. С. 430—431.
192. Там же. С. 431—432.
193. См.: *Головушкин Д.А.* Обновленческое движение в Русской православной церкви в 1905—1925 годах. Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002.
194. *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 137.
195. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 25. СПб., 1905. С. 258—259.
196. Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 397—398.
197. *Осецкий А.А.* Поместный Собор. Опыт свободной организации. Пг., 1917. С. 9—10; *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 483; *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 35.
198. См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. Т. 1. Берлин, 1922; *Фирсов С.А.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996; *Римский С.В.* Православная Церковь и государство в XIX веке. Ростов-на-Дону, 1998.
199. *Фирсов С.А.* Некоторые аспекты церковно-государственных отношений в России начала XX столетия // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традициях. СПб., 1996. С. 60—61.
200. *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 141—143.
201. *Осецкий А.А.* Указ. соч. С. 6—7; Православная энциклопедия. Т. Русская Православная Церковь. С. 132.
202. *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Указ. соч. С. 79.
203. Церковные ведомости. 1914. № 30. С. 347—350.
204. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 815, оп. 11—1914, д. 88, оп. 11—1916, д. 57, 68, 79.
205. *Фирсов С.А.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. С. 551.
206. *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Указ. соч. С. 104, 106; Вестник Военного и Морского духовенства. 1916. № 9. С. 262.
207. *Евлогий (Георгиевский), митрополит*. Путь моей жизни. М., 1994. С. 240, 256; *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Указ. соч. С. 34—38, 167—168; *Фирсов С.А.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. С. 561—564.
208. *Шавельский Георгий, протопресвитер*. Указ. соч. С. 284, 287.
209. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 34.
210. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 79—80.
211. Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9—10. 25 марта.

212. *Фирсов С.А.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. С. 441—442.
213. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. М.-Пг., 1923. С. 437.
214. Там же. С. 450.
215. Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 500.
216. Там же. С. 561, 567, 618.
217. Воспоминания Товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. Т. 1. М., 1993. С. 110—115.
218. *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Указ. соч. С. 146—147, 150—151.
219. См.: Житие иеросхимонаха Анатолия. М., 1995.
220. *Монахиня Вероника (Котляревская).* Воспоминания монахини, Сан-Франциско, 1955. С. 6.
221. Преподобные Оптинские старцы. Жития и наставления. Козельск, 1998. С. 369.
222. Русское православие: веки истории. С. 454.
223. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 31—33.
224. *Его же.* Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 46.
225. *Каннингем Д.* Указ. соч. С. 7, 307—308; *Титлинов Б.В.* Новая церковь. М.; Пг., 1923. С. 38.
226. *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Указ. соч. С. 174.
227. *Фирсов С.А.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. С. 572—574.
228. *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 47.
229. Верноподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Пг., 1916; *Соколов П.* Путь Русской Православной Церкви в России — СССР (1917—1961) // Русская Православная Церковь в СССР. Мюнхен, 1960. С. 81—82; *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 35.
230. *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. Кюснахт, 1998. С. 37; *Бакулин Б.С.* Несвоевременные воспоминания // Религия и демократия. На пути к свободе совести. С. 149—150.
231. Церковные ведомости. 1917. № 9—15. С. 58.
232. Львов Владимир Николаевич (1872—1934). Обер-прокурор Святейшего Синода в 1917. В 01.1920 покинул Россию с остатками войск Колчака. В 1922 г. вернулся в СССР с разрешения Политбюро ЦК РКП(б), участвовал в обновленческом движении. В конце 1920-х — начале 1930-х подвергался арестам. Скончался в Томске.
233. В Синоде // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 1. С. 2—3.
234. Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 122.
235. Новое время. 1917. 5 марта.
236. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1778, оп. 1, д. 328, л. 1—10б.
237. *Свиридова Л.О.* Митрополит Петроградский Питирим // Религиозная ситуация на северо-западе России и в странах Балтии (традиции и современность). СПб., 2005. С. 215.
238. *Фруменкова Т.Г.* Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времени. 1995. № 5. С. 91.
239. *Фирсов С.А.* Церковь в Империи. С. 447.
240. *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 56.
241. *Фруменкова Т.Г.* Указ. соч. С. 75—78.
242. *Осецкий А.А.* Указ. соч. С. 125; *Данилушкин М.Б., Никольская Т.К., Шкаровский М.В.* и др. Указ. соч. С. 90—91.
243. *Титлинов Б.В.* Указ. соч. С. 55.
244. Церковные Ведомости. 1917. № 18—19. С. 110—111, 114—117.
245. *Бакулин Б.С.* Указ. соч. С. 151.
246. Беседа с обер-прокурором // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 7. С. 2—3.
247. Вениамин (Казанский Василий Павлович, 1873—1922), митрополит Петроградский и Гдовский. Закончил Петербургскую Духовную Академию. В 05.1917 избран на Петроградскую кафедру. Арестован в 05.1922, обвинен в организации сопротивления изъятию церковных ценностей, приговорен к высшей мере наказания и в 08. 1922 расстрелян на Ржевском полигоне под Петроградом. В 1992 г. канонизирован Русской Православной Церковью.

248. Митрополит Вениамин (Казанский). Краткая биография // Христианские чтения. 1991. № 6. С. 5—7.
249. Тихон (Беллавин Василий Иванович, 1865—1925), Патриарх Московский и всея России. Родился в г. Торопце Псковской губ. Закончил в 1888 Петербургскую Духовную Академию. Преподавал в Псковской Духовной семинарии, Казанской Духовной Академии. 19.10.1897 хиротонисан во епископа Люблинского, с 1898 — епископ Алеутский и Аляскинский. 10 лет руководил Православной Церковью в Америке. С 1907 — архиепископ Ярославский, с 1913 — архиепископ Виленский. 23.06.1917 избран на Московскую кафедру, 05.11.1917 избран и наречен Патриархом. В 1918—1923 неоднократно находился под арестом, окончательно освобожден в 06.1923. Скончался 07.04.1925 в Москве. Канонизирован Русской Православной Церковью.
250. Церковные ведомости. 1917. № 28. С. 193—199.
251. РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 20, л. 78.
252. Фирсов С.А. Указ. соч. С. 78—79.
253. РГИА, ф. 815, оп. 14, д. 157, л. 95—103, оп. 11—1918, д. 88, л. 53.
254. Там же, оп. 11—1917, д. 86, л. 37.
255. Там же, л. 15—18.
256. Там же, л. 48, 57—61.
257. Фирсов С.А. Указ. соч. С. 451; Церковные ведомости. 1917. № 18—19. С. 101, 111—113.
258. Бовкало А.А. Февральская революция и проблемы взаимоотношения церкви и государства // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традиции. СПб., 1996. С. 75.
259. См.: Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 14, 26, 35, 41, 59, 61, 64.
260. Там же. № 19. С. 3.
261. Левитин А., Шавров В. Указ. соч. С. 153—154.
262. Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 56—57; Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань, 1970. С. 121.
263. Там же; Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 64—66.
264. Епархиальные съезды // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 26. С. 4.
265. Церковные ведомости. 1917. № 28. С. 199, № 34. С. 282 и др.
266. Бовкало А.А. Указ. соч. С. 76.
267. Церковные Ведомости. 1917. № 28. С. 191.
268. Там же. № 30. С. 231—233.
269. См.: Соколов А.В. Временное правительство и Русская православная церковь (1917 год). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
270. Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 36.
271. Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 120—130.
272. Карташев Антон Владимирович (1875—1960). Религиозный мыслитель и историк Церкви. В 1917 — министр по делам религий Временного правительства, состоял в партии кадетов. В 1919 — заместитель председателя и министр иностранных дел в «Политическом союзе» белого генерала Юденича. Позднее жил в эмиграции, в Париже, преподавал в Свято-Сергиевском богословском институте. Скончался в Париже.
273. Карташев А.В. Революция и Собор 1917 — 1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Богословская мысль. Париж, 1942. С. 76—77; Одницов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917—1938 гг.). С. 4—5; Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 342—343, 357—358.
274. Церковные Ведомости. 1917. № 29. С. 211—217; Устав Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви. Гл. 3, 10—12. Дн. Кн. 1. М., 1918. С. 39—41, 47—51; Фирсов С.А. Указ. соч. С. 82.
275. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 84; Цытин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 9.
276. Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции 1917—1923 гг. М., 1968. С. 20—30; Цытин Владислав, протоиерей. Указ. соч. С. 12.
277. Регельсон А. Трагедия Русской Церкви 1917—1945. Париж, 1977. С. 28.
278. Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 69.
279. Цытин Владислав, протоиерей. Указ. соч. С. 14; Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 38—39; Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 14—16.
280. Церковные ведомости. 1918. № 11—12. С. 66—68.

281. Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. Вып. 1. М., 1918. С. 17—33; *Бакулин Б. С.* Указ. соч. С. 160—161.
282. Церковно-общественный вестник. 1917. 9 декабря.
283. *Левитин А., Шавров В.* Указ. соч. С. 101; *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917—1945. Париж, 1977. С. 217.
284. Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М., 1918. С. 6.
285. Церковные ведомости (Прибавления). 1918. № 1. С. 24.
286. Там же. № 5. С. 204.
287. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 143, оп. 1, д. 84, л. 31.
288. Там же; Церковные ведомости (Прибавления). 1918. № 1. С. 23—27, № 2. С. 82—83; Священный Собор Православной Российской Церкви: Деяния. Кн. 6. Вып. 1. М., 1918. С. 58—59.
289. РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 792, л. 9.
290. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга 6. Вып. 1. С. 58—59.
291. К канонизации новомучеников Российских. М., 1992; С. 54—59; *Польский М.* Новые мученики российские. Т. 1. Джорданвилл, 1949. С. 10.
292. К канонизации новомучеников Российских. С. 60.
293. Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. Вып. 3. М., 1918. С. 55—57.
294. Жития и жизнеописания новопрославленных святых и подвижников благочестия, в Русской Православной Церкви просиявших (от царствования царя-мученика Николая II Александровича и до наших дней). Т. 1. СПб., 2001. С. 158—159.
295. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1918. № 18. Ст. 263; *Титлинов Б.В.* Указ. соч. С. 116.
296. Церковные ведомости. 1918. № 3—4. С. 20—22.
297. *Введенский А.И.* Церковь и государство. М., 1923. С. 109—110, 215.
298. Церковные ведомости (Прибавления). 1918. № 7—8. С. 318.
299. См.: *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.
300. Церковные ведомости (Прибавления). 1918. № 5. С. 205; РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 246, л. 17, д. 23, л. 23.
301. Церковные ведомости (Прибавления). 1918. № 3—4. С. 20—22; Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. 27 февраля, 4 мая; *Введенский А.И.* Церковь и государство. С. 221; ЦГА СПб., ф. 143, оп. 3, д. 5, л. 48—53, 72—73.
302. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 353, оп. 2, д. 713, л. 170—176; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб. ЛО), д. П—88399.
303. См.: *Шкаровский М.В.* Александро-Невское братство 1918 — 1932 годы. СПб., 2003.
304. *Мещерский Н.А.* На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Рукопись. С. 14—15, 63.
305. Церковные ведомости (Прибавления). 1918. № 9—10. С. 366.
306. ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 84, л. 30—31.
307. *Кашеваров А.Н.* Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999. С. 103.
308. РГИА, ф. 833, оп. 1, д. 56, л. 23—25.
309. *Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955).* Исследователь сектантства и старообрядчества в России. Участник социал-демократического движения с 1895 г. В 11.1917—10.1920 — управляющий делами Совнаркома РСФСР. С 1921 г. на научной работе, один из организаторов Госиздата и Центропечати. В 1930-е — 1950-е — директор Музея истории религии. Скончался в Москве.
310. РГИА, ф. 833, оп. 1, д. 56, л. 23—25.
311. *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917—1922). М., 2005. С. 145; *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 48, 51.
312. РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 246, л. 4—19
313. Там же, ф. 831, оп. 1, д. 293, л. 5.

314. Красиков Петр Ананьевич (1870—1939). Участник социал-демократического движения с 1892. С 03.1918 — заместитель наркома юстиции. В 05.1918—1923 — руководил «ликвидационным» отделом по отделению церкви от государства при Наркомюсте. Позднее — председатель комиссии по вопросам культов при ВЦИК.
315. История советской конституции. Сборник документов 1917—1957. М., 1957. С. 78, 85.
316. СУ. 1918. № 17. Ст. 628, № 62. Ст. 685; Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. Вып. 3. М., 1918. С. 55—57.
317. ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 67, л. 237.
318. Там же, ф. 5325, оп. 7, д. 102, л. 34—125.
319. Там же, ф. 142, оп. 2, д. 103, л. 7.
320. *Мещерский Н.А.* Указ. соч. С. 70, 74.
321. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 250, л. 43—44.
322. Там же, д. 238, л. 35—36.
323. Там же, ф. 143, оп. 1, д. 83, л. 7.
324. Там же, ф. 8952, д. 1, л. 13—22.
325. См.: *Сорокин Владимир, протоиерей.* Исповедник.
326. Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. С. 421.
327. *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917—1922). С. 285.
328. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 2—7.
329. Там же, ф. 143, оп. 1, д. 82, л. 60—61.
330. *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917—1922). С. 164—165.
331. *Поспеловский Д.В.* Подвиг веры в атеистическом государстве. С. 70—71.
332. Доклад А. Емельянова на конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета в ноябре 2007 г.
333. ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 83, л. 7; *Вострышев М.* Божий избранник: Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1990. С. 88—89.
334. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 149—151.
335. РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 293, л. 1—2, 5—6.
336. ГАРФ, ф. 353, оп. 2, д. 694, л. 118—119.
337. Там же, д. 713, л. 170—176.
338. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 114.
339. См.: *Шкаровский М.В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917—1945. СПб., 1995. С. 42—43; Православная энциклопедия. Русская Православная церковь. С. 340.
340. *Зыбковец В.Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1918—1921 гг.). М., 1975. С. 35—49, 205.
341. Там же. С. 72; ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 83, л. 8; Алексеев В.А. Вначале был декрет // Диалог. 1991. № 4. С. 88.
342. ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 288.
343. Свято-Иоанновский ставропигиальный женский монастырь. История обители. СПб., 1998. С. 174—175.
344. *Резникова И.* Православие на Соловках. Материалы по истории Соловецкого лагеря. СПб., 1994. С. 121, 190; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Архангельской обл. ф. арх.-след. дел, д. П—13721.
345. Революция и церковь. 1920. № 6—8. С. 117.
346. Там же. 1919. № 3—5. С. 67—69; *Зыбковец В.Ф.* Указ. соч. С. 72, 94. 98—105; Русское православие: веки истории. С. 554.
347. Революция и церковь. 1922. № 1—3. С. 41—43; *Зыбковец В.Ф.* Указ. соч. С. 94, 99, 103, 105.
348. См.: Революция и церковь. 1919. № 1.
349. ЦГА СПб., ф. 142, оп. 1, д. 5, л. 27, ф. 1000, оп. 79, д. 24, л. 14—17.
350. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 158.
351. См.: Революция и церковь. 1919. № 6—7.
352. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 161.
353. ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 79, д. 24, л. 14—15.
354. *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 24—254; *Васильева О., Кнышевский П.* Бриллианты для диктатуры пролетариата // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 8. С. 28.

355. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 163—164.
356. Там же; Распоряжения Высшей Церковной власти. Вятка, 1919. С. 21—22; *Боголепов А.А.* Церковь под властью коммунизма. С. 23; Советская Россия. 1991. 25 января.
357. См.: Церковные Ведомости. 1922. № 1.
358. *Троицкий С.В.* Размежевание или раскол. Париж, 1932. С. 46—49.
359. *Плаксин Р.Ю.* Крах церковной контрреволюции 1917—1923 гг. С. 124—125.
360. *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917—1922). С. 315—318; РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 25, л. 126—132, д. 26, л. 29.
361. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 168.
362. Там же.
363. См.: Революция и церковь. 1920. № 9—12.
364. ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 5, д. 230, л. 384—384 об.
365. Там же, оп. 6, д. 60, л. 167; Красная газета. 1922. 13 мая; Петроградская правда. 1922. 14 мая.
366. ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 95, д. 5, л. 109—110.
367. *Плаксин Р.Ю.* Указ. соч. С. 88; *Титлинов Б.В.* Указ. соч. С. 157; ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 4, д. 73, л. 83—84.
368. *Воронцов Г.В.* Ленинская пропаганда атеистического воспитания в действии (1917—1937 гг.). Л., 1973. С. 30.
369. Архив Президента Российской Федерации, ф. 3, оп. 60, д. 63, л. 29.
370. Там же, л. 73—74.
371. *Алексеев В.А.* Был ли патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции»? // Диалог. 1990. № 10. С. 96.
372. Новые документы В.И. Ленина (1920 — 1922 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191.
373. *Регельсон А.* Указ. соч. С. 278—279.
374. Красная газета. 1922. 23 февраля.
375. *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918 — 1956. Т. 1. М., 1990. С. 341.
376. *Польский М.* Указ. соч. Т. 2. С. 214.
377. Доклад А. Емельянова на конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета в ноябре 2007 г.
378. *Кривова Н.А.* Власть и церковь в 1922—1925 гг. С. 94.
379. См.: Архивы Кремля. Кн. 1. С. 197—200, 213—214, 216—217.
380. *Кривова Н.А.* Указ. соч. С. 84.
381. *Тучков Евгений Александрович* (1892—1950-е). Родился в Иваново-Вознесенской губ., где окончил начальную школу. В 1915 г. призван в армию, служил писарем в штабе Западного фронта. В кон. 1917 г. вступил в РКП(б), с 1918 работал в ВЧК. В 1922—1929 руководил VI («церковным») отделением секретного отдела ГПУ-ОГПУ. В 1939 г. уволен из НКВД, работал ответственным секретарем ЦС Союза безбожников. Скончался в Москве в конце 1950-х.
382. Архив Президента Российской Федерации, ф. 3, оп. 60, д. 63, л. 62.
383. Там же, л. 76—77.
384. См.: «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). Составитель И.В. Соловьев. М., 2002; *Титлинов Б.В.* Новая церковь. С. 55.
385. «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991. С. 8, 23; Петроградская правда. 1922. 30 мая; Красная газета. 1922. 31 мая, 1, 9 июня; *Валентинов А.А.* Черная книга («Штурм небес»). С. 211—212; ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 6, д. 41, л. 135, д. 108, л. 68, оп. 169, д. 1420, л. 44.
386. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 215, 219—221.
387. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 238, л. 57—58.
388. *Аевитин А., Шабров В.* Очерки по истории Русской церковной смуты. Т. 1. С. 194.
389. ЦГА СПб., ф. 1001, оп. 7, д. 22, л. 1—6; *Соборный Разум.* 1922. № 1—2. С. 3—4.
390. ЦГА СПб., ф. 1001, оп. 7, д. 22, л. 7—8.
391. *Соборный Разум.* 1922. № 1—2. С. 1, 1923. № 1—2. С. 7.
392. *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917—1922). С. 242.
393. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 342—325.

394. См.: Partei und Kirchen im frühen Sowjetstaat. Die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partei (Bol'seviki) 1922—1929. Herausgegeben von L. Steindorff, G. Schulz unter Mitarbeit von M. Heeke, Ju. Röttjer und A. Savin. Berlin, 2007.

395. Архивы Кремля. Кн. 1. С. 343; *Каишеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917—1922). С. 247.

396. АУФСБ СПб ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П—87180, л. 30.

397. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 241—242.

398. АУФСБ СПб ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П—87180, л. 55—57.

399. Там же, л. 92—95.

400. *Левитин А., Шавров В.* Указ. соч. С. 218.

401. *Ильинская А.* Духовные дочери старца Нектария. М., 1999. С. 84.

402. Там же. С. 84—86.

403. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 60, д. 509, л. 10—13.

404. См.: Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 2.

405. *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 248—251; *Савельев С.* Бог и комиссары (к истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) — антирелигиозной комиссии // Религия и демократия: На пути к свободе совести. С. 190—192.

406. *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 342.

407. Правда. 1923. 4 июля.

408. См.: Революция и церковь. 1924. № 1—2.

409. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 190.

410. *Сергий (Ларин), епископ.* Обновленческий раскол. Астрахань—М., 1953—1959. Рукопись. С. 214—215.

411. *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М., 1991. С. 43.

412. См.: Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 4 (17). С. 23; *Шишкин А.А.* Указ. соч. С. 249—250.

413. Известия. 1924. 22 мая.

414. Там же. 1 июня.

415. Там же.

416. См.: Церковные ведомости. 1925. № 7—8.

417. ЖМП. 1950. № 8. С. 41.

418. *Цытин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. 1917—1997. С. 229.

419. Там же. С. 218.

420. *Скурат К.Е.* Финляндская Православная Церковь // ЖМП. 1979. № 8. С. 54—55.

421. ЖМП. 1950. № 8. С. 54—55.

422. *Константинов Д.* Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР. Мюнхен, 1956. С. 15—16.

423. ЦГА СПб, ф.1001, оп. 9, д. 50, л. 15, 33.

424. Там же, д. 47, л. 23, 26—27.

425. *Левитин А., Шавров В.* Указ. соч. С. 60—61.

426. ЦГА СПб, ф.1001, оп. 8, д. 75, л. 32, 37, 79, 139, 147.

427. *Бовкало А.А.* Высшее женское богословское образование в России в 1910—1920-х годах // Духовное просвещение в России. Смоленск, 1995. С. 36.

428. ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 8, д. 107, л. 96, ф. 7384, оп. 33, д. 273, л. 220.

429. Известия ВЦИК. 1922. 26 апреля.

430. АУФСБ СПб ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П—20682.

431. *Архим. Варлаам (Сацердотский).* Письма из заключения к духовным детям. Публикация А. Воронцова // Минувшее. Т. 15. М., СПб, 1995. С. 465.

432. Архив Научно-информационного центра «Мемориал (Санкт-Петербург)», ф. Б; Информационный центр МВД Карелии, коллекция документов.

433. *Антонов В.В.* «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова // Невский архив. Т. 4. СПб., 1999. С. 290.

434. См.: *Дмитриева Л.А.* Воспоминания об отце. СПб., 1990. Рукопись.

435. Государственный архив Ярославской области, ф. Р—3698, оп. 2, д. С—7399.

436. См.: *Лихачев Д.С.* Я вспоминаю. М., 1991

437. Антонов В.В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова // Невский архив. Вып.4. СПб., 1999. С. 318—320.
438. Алексеев В.А. Указ. соч. С. 256—257.
439. Известия ВЦИК. 1924. 3 июня.
440. См.: Советская юстиция. 1934. № 16.
441. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик. М., 1926. С. 9.
442. СУ. 1922. № 4. С. 623.
443. Известия ВЦИК. 1925. 15 апреля.
444. Русская Православная Церковь 988 — 1988. Вып. 2. М., 1988. С. 34.
445. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 814—815; Постеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 77.
446. См.: Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 2.
447. Известия. 1925. 15 ноября.
448. См.: ЖМП. 1931. № 37.
449. Сергей (Страгородский Иван Николаевич, 1867—1944), Патриарх Московский и всея Руси. Закончил Петербургскую Духовную Академию. С 1893 — инспектор Московской Духовной Академии. С 1901 — епископ Ямбургский, 1905 — архиепископ Финляндский. С 1911 — член Свят. Синода, с 1913 — председатель миссионерского совета при Синоде и исполняющий обязанности председателя Учебного комитета. С 1912 — председатель Предсоборного Сопредседания. С 10.08.1917 — архиепископ Владимирский и Шуйский. 28.11.1917 возведен в сан митрополита. В 1922 уклонился в обновленчество. В 1924 принес покаяние Патриарху Тихону, с 18.03.1924 — митрополит Нижегородский. С 10.12.1925 — заместитель Патриаршего Местоблюстителя. 10.11.1926—27.03.1927 находился под арестом. С 1934 — митрополит Московский и Коломенский, с 01.01.1937 — Патриарший Местоблюститель. 08.09.1943 избран Патриархом. Скончался в Москве 15.05.1944.
450. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 704—705, 879—886.
451. Известия. 1926. 7 января.
452. Там же. 9 января.
453. Елевферий (Богоявленский), митрополит. Неделя в Патриархии. Париж, 1933. С. 22.
454. Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. С. 15—81.
455. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 451—453, 463—464.
456. Там же. С. 457.
457. Там же. С. 462.
458. Там же. С. 479—480.
459. Троицкий С.В. Размежевание или раскол. Париж, 1932. С. 33.
460. Шишкин А.А. Указ. соч. С. 302.
461. См.: ЖМП. 1932. № 11—12.
462. Регельсон Л. Указ. соч. С. 414—417; Шишкин А.А. Указ. соч. С. 302—303.
463. Известия. 1927. 19 августа.
464. Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. С. 127—128.
465. Регельсон Л. Указ. соч. С. 616.
466. Савельев С. Указ. соч. С. 202.
467. СУ. 1929. № 35. Ст. 353; Алексеев В.А. «Правая оппозиция» и борьба с религией // Агитатор. 1989. № 5. С. 41, 43.
468. См.: Partei und Kirchen im frühen Sowjetstaat. Die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partei (Bol'seviki) 1922—1929. Herausgegeben von L. Steindorff, G. Schulz unter Mitarbeit von M. Heeke, Ju. Röttjer und A. Savin. Berlin, 2007.
469. Зыбковец В.Ф. Указ. соч. С. 111; Его же. Безбожники и социалистическая перестройка деревни. М., 1930. С. 18—19; Правда. 1928. 13 апреля.
470. Ленинградский областной государственный архив в Выборге (ЛОГАВ), ф. 4727, оп. 3, д. 3, л. 95—104.
471. ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 13, д. 139, л. 49—82.
472. Там же, оп. 6, д. 108, л. 101, ф. 7179, оп. 4, д. 25, л. 103; Мецкерский Н.А. Указ. соч. С. 48.

473. Там же. С. 57; ЦГА СПб., ф. 7179, оп. 4, д. 25, л. 111.
474. Сорок сороков. Сост. П.Г. Паламарчук. Т. 1. Кремль и монастыри. М., 1992. С. 13—16 и др.
475. Регельсон Л. Указ. соч. С. 476.
476. Одинцов М.И. Указ. соч. С. 45—46.
477. Тальберг Н. К сорокалетию пагубного евагианского раскола. Джорданвилл, 1966.
- С. 79.
478. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 681, 692.
479. Данилушкин М.Б., Никольская Т.К., Шкаровский М.В. и др. Указ. соч. С. 305—306.
480. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1984. С. 104.
481. ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 13, д. 92, л. 117, ф. 7179, оп. 4, д. 25, л. 157.
482. Там же, оп. 48, д. 77, л. 48.
483. Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С. 149.
484. Доклад А. Емельянова на конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета в ноябре 2007 г.
485. См.: Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). М.; Жуковский, 2006. С. 255—463.
486. См.: Шкаровский М.В. Александр-Невское братство 1918 — 1932 годы. СПб., 2003.
487. ЦГА СПб., ф. 7179, оп. 10, д. 431, л. 6; АУФСБ СПб АО, ф. арх.-след. дел, д. П—68567; Красно-Левитин А. Лихие годы 1925—1941. С. 209—216.
488. ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 49, д. 33, л. 147—157.
489. Andreyev I. M. Russia's Catacomb Saints. Lives of the New Martyrs. Platina, Calif. 1982. P. 358—368; ЦГА СПб., ф. 2554, оп. 2, д. 57, л. 4, 41.
490. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. С. 128—129.
491. ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 51, д. 26, л. 30—35, 87, 99, ф. 7384, оп. 2, д. 20, л. 5—6, д. 39, л. 143, 156, оп. 33, д. 204, л. 145.
492. ЖМП. 1934. № 20—21. С. 3—4.
493. Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 880.
494. См.: ЖМП. 1932. № 7—8.
495. Данилушкин М.В., Никольская Т.К., Шкаровский М.В. и др. Указ. соч. С. 303.
496. См.: ЖМП. 1931. № 2.
497. Там же. № 6—8.
498. Там же.
499. Там же. 1933. № 14—15, 16—17, 18—19.
500. Там же. 1934. № 22.
501. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 322—323.
502. Его же. Цели разные, участь общая // Агитатор. 1989. № 21. С. 39—40.
503. Красно-Левитин А. Указ. соч. С. 257; АУФСБ СПб АО, ф. арх.-след. дел, д. П—64611.
504. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 2, д. 39, л. 40—47, д. 54, л. 34—36.
505. Цыгин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви, 1917—1990. С. 106; Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Т. 1. С. 178—180.
506. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 327; Красно-Левитин А. Указ. соч. С. 322.
507. Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 170—171.
508. Доклад А. Емельянова на конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета в ноябре 2007 г.
509. Известия. 1995. 29 ноября.
510. Доклад А. Емельянова на конференции в Российском государственном историческом архиве в мае 1995 г.; Яковлев А.Н. По мощам и сей. М., 1995. С. 94—95.
511. Доклад А. Емельянова на конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета в ноябре 2007 г.
512. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 69, л. 21.
513. Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 96.
514. Фоминов Н. Против благодушия и беспечности в антирелигиозной работе // Большевик. 1937. № 20. С. 43.
515. Константинов Д. Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР. С. 33—34.

516. Всесоюзная перепись 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 106—107.
517. Там же. С. 106—109.
518. *Бахрушин С.В.* К вопросу о Крещении Руси // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 40—77.
519. Мощи св. блгв. кн. Александра Невского сохранились. 3 июня 1989 г. они были переданы Русской Православной Церквю и возвращены в Свято-Троицкий собор Лавры.
520. XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 135; *Антирелигиозник*. 1939. № 4. С. 3.
521. РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 80, л. 6.
522. *Антирелигиозник*. 1939. № 4. С. 33—37.
523. *Олещук Ф.* Коммунистическое воспитание масс и преодоление религиозных предрассудков // *Большевик*. 1939. № 9. С. 38—48.
524. *Антирелигиозник*. 1938. № 2. С. 6.
525. *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? С. 162.
526. *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 173.
527. *Curtiss J.* The Russian Church and the Soviet State, 1917—1950. P. 205; *Ярославский Е.* Задачи антирелигиозной пропаганды // *Антирелигиозник*. 1941. № 5. С. 2.
528. *Антирелигиозник*. 1939. № 5. С. 54. № 9. С. 3.
529. *Алексеев В.А.* Указ. соч. С. 179.
530. Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938—1943 гг.). С. 44—45.
531. *Алексий (Симанский Сергей Владимирович, 1877—1970)* — Патриарх Московский и всея Руси. Закончил Московский Николаевский лицей, в 1899 — юридический факультет МГУ и в 1904 — МДА. В 1902 пострижен в монашество, в 1903 — иеромонах. Работал в учебном ведомстве. С 1913 — еп. Тихвинский, vicарий Новгородский, с 1921 — еп. Ямбургский. В 06.1922 после ареста митр. Вениамина (Казанского) возглавил Петроградскую епархию, вел переговоры с обновленцами, но вскоре порвал с ними и оставил свой пост. 21.10.1922 арестован и сослан на 3 года в Семипалатинск. В 1926 — архиеп. Хутынский, управляющий Новгородской епархией. С 07.1927 — постоянный член Синода при митр. Сергии. С 18.05.1932 — митр. Старорусский, с 11.08.1933 — митр. Новгородский, с 05.10.1933 — митр. Ленинградский. Согласно Патриаршему завещанию с 1944 г. Местоблюститель, 02.02.1945 избран Патриархом.
532. *Цыгин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 106—107; *Alexeev W.* Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941—1953. P. 83; *Кишковский А.И.* Рецензия на статью *W. Alexeev, L'Eglise orthodoxe russe sous l'occupation allemande (1941—1944), «Irenikon» (Revue Wmestrielle), tome XXIX, 3er trimestre, 1956, Chevetogne, Belgique // Вестник института по изучению СССР (Мюнхен).* 1958. № 2 (27). С. 132.
533. *Alexeev W., Stavrou T.* The Great Revival. The Russian Church under German Occupation. P. 27—29; *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 175.
534. *Алексеев В., Ставру Ф.* Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // *Русское Возрождение*. 1980. № 12. С. 116—117.
535. *Фоминов В.* Против благодушия и беспечности в антирелигиозной работе // *Большевик*. 1937. № 20. С. 43.
536. *Олещук Ф.* Коммунизм и религия // *Большевик*. 1940. № 8. С. 39.
537. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 50, л. 87—87об.
538. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 497, л. 18, оп. 125, д. 44, л. 15.
539. Там же, д. 593, л. 81; Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. С. 45.
540. *Alexeev W., Stavrou T.* OP. cit. P. 46—47; *Соколов П.* Путь Русской Православной Церкви в России—СССР (1917—1971). С. 55.
541. Он был арестован незадолго до начала Великой Отечественной войны и вскоре расстрелян. См.: *Польский М.* Новые мученики российские. Т. 2. С. 286—287.
542. *Vries W.* Der Christliche Osten in Geschichte und Gegenwart. Wurzburg, 1951. S. 193—196; *Heyer F.* Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. S. 136, 144; *Tobias R.* Communists Christian Encounter in East Europe, Indianapolis: School of Religion Press, 1956. P. 320; *Николаев К.Н.* Восточный обряд. Париж, 1950. С. 249.
543. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 31.
544. Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. С. 39.
545. *Fletcher W.* A Study in Survival. P. 98.

546. Олещук Ф. Коммунистическое воспитание масс и преодоление религиозных предрас-
судков. С. 48.
547. *Его же*. Коммунизм и религия. С. 39—40.
548. Теляковский Е. Церковь в настоящее время // *Антирелигиозник*. 1940. № 2. С. 25.
549. Алексеев В., Ставру Ф. Указ. соч. С. 25; Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь
в 1927—1943 годах. С. 41.
550. Алексеев В., Ставру Ф. Указ. соч. С. 125; Соколов П. Указ. соч. С. 56.
551. Алексеев В., Ставру Ф. Указ. соч. С. 125; Религиозные организации в СССР: накануне и
в первые годы Великой Отечественной войны. С. 39.
552. *Vries W.* ОР. cit. S. 193—195; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 70, 78.
553. *Валевиц З.* Православная церковь Латвии под сенью свастики. С. 19—20; ЦГА СПб.,
ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 80.
554. *Alexeev W.* Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941—1953. P. 90—91.
555. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 15—31.
556. Алексеев В., Ставру Ф. Указ. соч. // *Русское Возрождение*. 1981. № 13. С. 79.
557. *Китер Н.* Исповедники и мученики 30-х годов // *Вестник РХД*. 1983. № 139. С. 242.
558. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 75—82.
559. Там же.
560. Там же, л. 74.
561. Алексеев В.А. Указ. соч. С. 181.
562. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 79; Атеизм в СССР: становление и развитие. М., 1986.
С. 73.
563. *Постеловский Д.В.* Указ. соч. С. 173; *Pospelovsky D.A.* History of Marxist — Leninist Athe-
ism and Soviet Antireligious Policies. P. 58, 65.
564. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 33—36.
565. *Ярославский Е.* Задачи антирелигиозной пропаганды. С. 1—8.
566. *Шейнман М.* Религия на службе японского империализма // *Под знаменем марксиз-
ма*. 1940. № 2. С. 180—188.
567. Вторая империалистическая война и церковь (материалы к лекции). М., 1941. С. 25.
568. Евстратов А. Патриотизм и религия // *Безбожник*. 1941. № 6. С. 2—3.
569. Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 41.
570. *Постеловский Д.В.* Указ. соч. С. 182.
571. *Аевитин А., Шавров В.* Указ. соч. Т. 3. С. 362—365; ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 206, л. 81.
572. Александр (Введенский Александр Иванович, 1889—1946) — обновленческий
митрополит. Род. в Витебске в семье директора гимназии. Окончил юридический факуль-
тет Петербургского университета, в 1914 г. сдал экзамены за полный курс Духовной акаде-
мии. С 27.08.1914 — в сане священника, назначен к церкви гвардейского запасного полка в
Новгородской губ., с 01.09.1915 служил в церкви Свв. Захария и Елизаветы в Петербурге, в
1921—05.1923 — протоиерей, настоятель храма. С 1922 — идейный глава и один из лидеров
обновленческого раскола. 19.05.1923 хиротонисан во «епископа Крутицкого». С 1923 — ар-
хиепископ, в 1924 — «архиеп. Лондонский и вся Европа». В 1924 возведен в сан митропо-
лита с титулом «митрополит-апологет-благовестник» и назначен «управляющим Московской
епархией». С 1923 — постоянный член, заместитель председателя обновленческого Синода.
С 1924 — доктор богословия, профессор обновленческой Московской Богословской академии,
с 1926 — ее ректор, с 1933 — «доктор христианской философии». В нач. 1930-х — настоятель
храма Христа Спасителя. С 04.1940 — заместитель Первоиерарха, с 10.10.1941 — Первоиерарх
обновленческой Церкви. В 10.1941—1943 жил в эвакуации в Ульяновске. Умер от паралича
08.08.1946 в Москве.
573. *Кузнецов А.И.* Указ. соч. С. 529; ЦГА СПб., ф. 7179, оп. 10, д. 1366, л. 7, д. 1384, л. 42.
574. *Кузнецов А.И.* Указ. соч. С. 534; ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 206, л. 102.
575. *Иоанн (Снычев), митрополит.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х го-
дов XX столетия. С. 76—79.
576. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 17, д. 29, л. 110.
577. Там же, оп. 33, д. 50, л. 170—170 об.
578. *Паламарчук П.* Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских
храмов. Т. 1. Кремль и монастыри. М., 1992. С. 17.
579. *Постеловский Д.В.* Указ. соч. С. 182.
580. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 14, л. 8—8об.
581. См.: *Соколов П.* Указ. соч. С. 56; *Алексеев В., Ставру Ф.* Указ. соч. // *Русское Возрожде-
ние*. 1980. № 12. С. 118; *Anderson P.* People, Church and State in Modern Russia. P. 159—160.

582. См.: *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 168; *Степанов (Русак) В.* Указ. соч. Т. 1. С. 180; *Васильева О.Ю.* Указ. соч. С. 41 и др.
583. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 7, л. 2.
584. Там же, оп. 125, д. 407, л. 5.
585. Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. С. 45, 50; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 76; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 1, л. 75, 108.
586. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 4, л. 24, 29; *Васильева О.Ю.* Указ. соч. С. 41.
587. *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. С. 101.
588. См.: *Барменков А.И.* Свобода совести в СССР. С. 162.
589. Патриарх Сергей и его духовное наследство. С. 48; Русская Православная Церковь 1988—1988. Вып. 2. М., 1988. С. 50.
590. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 50.
591. См.: *Правда о религии в России.* С. 87—92.
592. *Рар Г. (Ветров А.)* Плененная церковь. Очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне, 1954. С. 42.
593. ЖМП. 1943. № 1. С. 7.
594. *Правда о религии в России.* С. 104.
595. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 50.
596. Там же. С. 10.
597. Там же. С. 12.
598. *Лисавцев Э.И.* Критика буржуазной фальсификации положения религии СССР. М., 1971. С. 204.
599. *Кашеваров А.Н.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917—1945 гг. С. 121; *Левитин А.Э.* Защита веры в СССР. Рукопись, привезенная из Советской России. С предисловием архиепископа Иоанна Сан-Францисского. Париж, 1966. С. 56; Священники на фронте. С. 4; *Якунин В.Н.* Свидетельствует спецхран // Наука и религия. 1995. № 5. С. 15.
600. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 73.
601. Там же.
602. *Якунин В.Н.* Велик Бог земли Русской. С. 37; *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в 1927—43 годах. С. 43.
603. Об этом рассказывалось также в нескольких статьях автора.
604. *Якунин В.Н.* Свидетельствует спецхран. С. 15; *Саулкин В.* Очистительное испытание // Радонеж. 1995. № 3. С. 5; *Седов В.* Пастырь добрый // ЖМП. 1990. № 5. С. 21.
605. Советская Россия. 1990. 13 сентября.
606. *Тендряков В.Ф.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1978. С. 224.
607. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 10, л. 1.
608. Там же, д. 9, л. 193.
609. *Якунин В.Н.* Свидетельствует спецхран. С. 15.
610. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 3, л. 45.
611. *Филадельф, иеромонах.* Заступница усердная. М., 1994. С. 196.
612. *Саулкин В.* Указ. соч. С. 5.
613. Там же.
614. *Паламарчук П.* Указ. соч. С. 16.
615. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 4, л. 1—2, 53, ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 154.
616. Как мы переживали в Ленинграде первый год войны // ЖМП. 1943. № 3. С. 30—31.
617. ЖМП. 1943. № 1. С. 11.
618. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 157, 203.
619. *Каноненко В.* Поправка к закону сохранения энергии. Балет в блокадном Ленинграде // Наука и религия. 1986. № 5. С. 9.
620. *Седов В.* Указ. соч. С. 21.
621. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 67, л. 132.
622. *Ломакин Николай, протоиерей.* За оборону Ленинграда — за нашу Советскую Родину // ЖМП. 1945. № 4. С. 27.
623. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 243.
624. Там же, л. 199, д. 210, л. 1—11, ф. 9324, оп. 1, д. 4, л. 54—55.
625. Благодарственные молебны в Ленинграде // ЖМП. 1944. № 2. С. 11—12.
626. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 29, л. 10, 15, 18.

627. Там же, д. 22, л. 10, 22, 24.
628. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. С. 98.
629. Крестный путь патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины). С. 77—79.
630. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 13, л. 12—13.
631. Там же, д. 16, л. 2, 10—34; ЖМП. 1944. № 12. С. 11.
632. ЖМП. 1944. № 7. С. 26.
633. Московский церковный вестник. 1989. № 2. С. 6.
634. Крестный путь патриарха Сергия. С. 48, 49, 69—73; Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. С. 49—50, 59—60.
635. ЖМП. 1944. № 10. С. 2.
636. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 19.
637. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 13, л. 34; ЖМП. 1944. № 7. С. 39.
638. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). С. 51—53.
639. Там же. С. 67—68; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 18, л. 50—58.
640. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, л. 3.
641. Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 42; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 72.
642. ЖМП. 1943. № 1. С. 16.
643. Рар Г. Указ. соч. С. 81; Соколов П. Указ. соч. С. 61—62.
644. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 530, л. 53; Тихие обители // Наука и религия. 1995. № 5. С. 9.
645. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 13.
646. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 4, л. 25; ЖМП, 1946, № 3. С. 44; Поповский М. Жизнь и житие Воино-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Париж, 1979. С. 330, 382—385.
647. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 4, л. 1—3; Якунин В.Н. «Велик Бог земли Русской». С. 37; Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). С. 57—58
648. Соколов П. Указ. соч. С. 59.
649. Записки миссионера о жизни в Советской России // Вестник РХД. 1956. № 40. С. 35.
650. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 3.
651. *Samarin V.D.* Civilian Life under the German Occupation, 1942—1944. P. 55.
652. Bundesarchiv-Berlin (BA), R58/218, Bl. 2, 31, 32.
653. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 204; Н. Fireside. Opt. cit., P. 76—80.
654. См.: *Baumgärtner R.* Weltanschauungs Kampf im Dritten Reich. Die Auseinandersetzung der Kirchen mit Alfred Rosenberg. Mainz, 1977.
655. *Müller N.* [Hrsg.] Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR 1941—1944. Dokumente. Köln, 1980. S. 53.
656. Europa unterm Hakenkreuz. Die Okkupationspolitik des deutschen Faschismus (1938—1945). Achtbändige Dokumentenedition. Band: Die faschistische Okkupationspolitik in den zeitweilig besetzten Gebieten der Sowjetunion (1941—1944). Berlin, 1991. S. 130.
657. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 500, оп. 5, д. 3, л. 38.
658. Там же, ф. 1470, оп. 2, д. 5, л. 387.
659. Там же, ф. 500, оп. 5, д. 3, л. 62—65.
660. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 92, л. 63.
661. BA, R 58/699, Bl. 195—196.
662. Устное свидетельство автору монографии.
663. A. *Dallin.* German Rule in Russia 1941—1945. London, 1957. P. 476—478.
664. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA), RH 22/7, Bl. 266.
665. РГВА, ф. 500, оп. 5, д. 3, л. 66.
666. *Ломажин Н.А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 354, Кн. 2. С. 437—439.
667. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 92, л. 23—25
668. BA, R 58/225, Bl. 38.
669. Россия перед вторым пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии. М., 1993. С. 237.
670. BA, R 6/178, Bl. 57—58.
671. *Георгий Беннигсен, протоиерей.* Христос — победитель // Вестник русского христианского движения. 1993. № 168. С. 132—134.
672. Institut für Zeitgeschichte — München (IfZ), MA 546, Bl. 531—532; BA, R 58/217, Bl. 226.

673. ВА, R 6/178, Bl. 109—110.
674. *Резельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917—1945. Париж, 1977. С. 508.
675. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. № 13. 1981. С. 93.
676. ВА, R6/177, Bl. 15.
677. *Picker H.* Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941/42. Stuttgart-Degerloch, 1963. S. 271.
678. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 94.
679. ВА, R6/22, Bl. 103—106.
680. Великую победу предопределила победа духовная // Вятский епархиальный вестник. 1992. № 5. С. 5.
681. *Herwarth H. v.* Zwischen Hitler und Stalin. 1982. S. 332; *Zippel H.* Kirchenkampf in Deutschland 1933—1945. 1965. S. 200.
682. ВА, R6/178, Bl. 2—2v.
683. Там же. Bl. 6.
684. ВА-МА, RH2/2089, Bl. 21.
685. *Treulich E.* Metropolit Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission» in Pleskau // Kirche im Osten. Band 8. 1965. S. 57—58.
686. Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (СА), д. 15/41, л. 7, 10—12, 27—30.
687. *Сергий (Ларин), епископ.* Православие и гитлеризм. Одесса, 1946—1947. Рукопись. С. 23.
688. Осуществить эту акцию в 1920-е гг. активно пытались и советские власти, объявляя старый (юлианский) стиль контрреволюционным. Однако все эти попытки потерпели полную неудачу. Даже обновленцы в конце 1920-х гг. отказались от григорианского календаря.
689. Третий рейх и православная церковь. Документы из одного архива / Публ. Н. С. Яковлевой // Наука и религия. № 5. 1995. С. 23—24.
690. *Ломажин Н.А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 355—356.
691. ВА, R 6/307, Bl. 68, R 5101/22183, Bl. 125.
692. *Ковалев Б.Н.* Указ. соч. С. 436.
693. Третий рейх и православная церковь. С. 24—25.
694. ВА-МА, RH2/2336, Bl. 63—115.
695. ВА, R6/178, Bl. 119v.
696. Там же. R 6/179, Bl. 42; Глава Прибалтийского экзархата митр. Сергей (Воскресенский) был убит 28 апреля 1944 г. предположительно по указанию РСХА.
697. ВА, R6/179, Bl. 95.
698. Там же, R5101/22183, Bl. 155.
699. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 13—15.
700. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 329, л. 71—73.
701. *Alexeev W.* Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941—1953. P. 91.
702. *Поспеловский Д.В.* Из истории русского церковного зарубежья // Церковь и время. 1991. № 1. С. 54.
703. *Лисавцев Э.И.* — инструктор ЦК КПСС, курировавший религиозные вопросы в СССР в 1960—1980-е гг., автор нескольких книг и статей по истории Русской Церкви, специально изучавший историю Прибалтийского экзархата в годы Великой Отечественной войны. Устное свидетельство.
704. *Васильева О.Ю.* Указ. соч. С. 109.
705. *Судоплатов П.А.* «Остаюсь единственным живым свидетелем...» // Молодая гвардия. 1995. № 5. С. 40.
706. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 80, 92—93; *Балевич З.В.* Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941—1944). С. 22—23.
707. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение. 1981. № 14. С. 131.
708. Там же. С. 133—134, 136.
709. *Alexeev W., Stavrou T.* The Great Revival. P. 83—89; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 110—113.
710. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 119—120.
711. *Бовкало А.А., Галкин А.К.* Новгородская епархия в годы оккупации (1941—1943 гг.) // София. 1995. № 2 (14). С. 4.
712. *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в 1927—1943 годах. С. 44

713. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 148.
714. Православный христианин (Псков). 1942. № 1. С. 4.
715. *Балевиц З.В.* Указ. соч. С. 31; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 148—149.
716. Третий рейх и православная церковь. С. 22; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 151—152.
717. *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в 1927—1943 годах. С. 44; *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 207.
718. *Дедюхин Б.В.* Сердца сокрушенные: Беседы, интервью, очерки о русском православии. Саратов, 1990. С. 193—194.
719. *Васильева О.Ю.* Свои или чужие? (Псковская Православная Миссия). М., 1993. Рукопись. С. 8, 10.
720. *Веверс Я.Я.* Псковская духовная миссия — агентура фашистской разведки. С. 7; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 9об.
721. Там же, д. 10, л. 26, д. 14, л. 27.
722. *Балевиц З.В.* Указ. соч. С. 33, 41.
723. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 64—65, 2 об—3.
724. Там же, д. 10, л. 12.
725. Там же, д. 7, л. 3 об.
726. *Балевиц З.В.* Указ. соч. С. 49.
727. Там же. С. 45.
728. *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в 1927—1943 годах. С. 45.
729. Ее же. Свои и чужие? (Псковская Православная Миссия). С. 7
730. Там же. С. 7—8.
731. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 34—36.
732. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 18.
733. Там же, д. 7, л. 19—19об.
734. *Балевиц З.В.* Указ. соч. С. 64, 72..
735. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 2, 4.
736. Там же, л. 15об.
737. Там же, л. 9об, д. 13, л. 38.
738. Там же, д. 24, л. 38.
739. ЖМП. 1994. № 4. С. 7.
740. *Левитин А.Э.* Защита веры в СССР. С. 53—54; *Дедюхин Б.В.* Указ. соч. С. 195.
741. *Васильева О.Ю.* Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. С. 102—103.
742. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 10 об.
743. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 34—36.
744. РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 93, л. 18.
745. В огне войны. Русская Православная Церковь в 1941—1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). С. 299.
746. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 133.
747. *Балевиц З.В.* Указ. соч. С. 78.
748. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 140—141; *Веверс Я.Я.* Указ. соч. С. 9.
749. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 143—146.
750. *Балевиц З.В.* Указ. соч. С. 79—80.
751. *Хмыров (Долгорукий) Ю.П.* Страшное злодеяние // Голос Родины. 1972. № 27.
- С. 4.
752. *Кузменко М.* Письмо в редакцию // Голос Родины. 1973. № 27. С. 4.
753. *Балевиц З.В.* Указ. соч. С. 81.
754. Там же. С. 84; *Веверс Я.Я.* Указ. соч. С. 21; *Геродник Г.* Правда о Псково-Печерском монастыре. М., 1963. С. 100.
755. *Хмыров (Долгорукий) Ю.П.* Указ. соч. С. 4.
756. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 209.
757. Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946. С. 131.
758. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 28; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 6, л. 25.
759. *Шеметов Н.* Единственная встреча — памяти о Николае Трубецкого // Вестник РХД, 1978. № 128. С. 250.
760. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 112—113.

761. Там же, л. 95, 115.
762. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 92, л. 81—81об.
763. *Георгий, игумен*. Из воспоминаний о церковной жизни в СССР при немецкой оккупации // Вестник института по изучению СССР. 1957. № 2(23). С. 105—108, 112.
764. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение. 1982. № 18. С. 113—116; *Гордун С.* Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год // ЖМП. 1993. № 1. С. 45.
765. Патриарх Сергей и его духовное наследство. С. 89.
766. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 6, л. 25.
767. Там же; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 117—119
768. Вероятно, о. А. Архангельский имел в виду происхождение этих сект от немецких поселенцев.
769. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 115; Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). С. 55
770. Там же. С. 55—56.
771. *Поспеловский Д.В.* Подвиг веры в атеистическом государстве // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. С. 75, 78; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение. 1981. № 15. С. 87, 96; *Гордун С.* Указ. соч. С. 45.
772. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 8, л. 50.
773. *Верт А.* Россия в войне 1941—1945. М., 1967. С. 501—502.
774. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 3, л. 215—216; *Горбун С.* Указ. соч. С. 45; Русская православная церковь стала на правильный путь // Исторический архив. 1994. № 4. С. 102—103.
775. *Регельсон А.* Указ. соч. С. 511—512; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение. 1981. № 16. С. 91—92.
776. Там же. С. 93; *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 210.
777. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение. 1981. № 15. С. 86—89, 98; *Гордун С.* Указ. соч. С. 45.
778. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 593, л. 81.
779. *Мануил (Аемешевский), митрополит*. Русские православные иерархии периода с 1893 по 1965 годы. Т. 5. С. 359—360; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение. 1981. № 16. С. 95.
780. Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. С. 81.
781. *Суглобов Г.А.* Союз креста и меча. М., 1969. С. 77; *Васильева О.Ю.* Указ. соч. С. 110.
782. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 211; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 95.
783. *Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР 1917—1968. М., 1977. С. 180.
784. *Макаревич А.Ф.* Новый взгляд на документы Национального архива Республики Беларусь в борьбе с фашистской агрессией // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 33, 37—38.
785. Партизанский акафист. С. 7.
786. РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1075, л. 1.
787. В 1921 г. «Собор», состоявший из мирян, дьяконов и священников «хиротонисал» протоиерея Василия Липковского в митрополиты наложением рук всех присутствующих. Созданная таким революционным путем Украинская автокефальная Церковь получила прозвище «липковщины». Советские власти первоначально поддержали ее, как и любой раскол в Церкви, но в период коллективизации заставили движение «липковцев» самоликвидироваться.
788. *Heyer F.* Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine, 1917 bis 1945. S. 175—176.
789. *Ibid.* S. 176—182.
790. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 100, 119—120; *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 213.
791. Там же. С. 213—214.
792. *Heyer F.* *Op. cit.* S. 188; *Винтер Э.* Указ. соч. С. 166.
793. *Цыгин Владислав, протоиерей*. История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 118—119.
794. Архиепископ Вениамин Чебоксарский и Чувашский // ЖМП. 1977. № 1. С. 18—20.
795. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. С. 106—108, 111; *Зернов И.* Религиозное возрождение XX века. С. 224.

796. *Armstrong J. Ukrainian nationalism 1939—1945. New-York, 1955. P. 192; Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 214—215, 458.*
797. *Алексеев В.И., Ставру Г.Ф. Указ. соч. // Русское Возрождение. 1982. № 7. С. 95; Heyer F. ОР. cit. S. 189.*
798. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 7, л. 18, д. 497, л. 18—19; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Указ. соч. С. 108—109.*
799. *Heyer F. ОР. cit. S. 220; Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 215—217.*
800. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 128.
801. *Heyer F. ОР. cit. S. 209—212; Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 217—218.*
802. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). С. 53; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Указ. соч. С. 101, 106; Партизанский акафист. С. 7; Тихие обители. С. 8.*
803. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 3, л. 215—216; Русская Православная Церковь стала на правильный путь. С. 99—100; РГАСПИ, ф. 17, д. 313, л. 156.
804. Там же, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 5, оп. 132, д. 7, л. 2.
805. *Титов В.Н. Православие. М., 1977. С. 118.*
806. *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Указ. соч. № 11. С. 94.*
807. Виталий (Введенский Владимир Лаврентьевич, 1870—1950), архиепископ. Окончил Тульскую Духовную семинарию, в 1890 — Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1891 — священник женского монастыря в г. Белеве. В 1919 — пострижен в монашество, возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Белевского монастыря. 15.08.1920 хиротонисан во епископа Епифанского. Летом 1922 — уклонился в обновленчество. С 19.09.1922 — архиепископ Тульский, с 15.04.1925 — митрополит Тульский, с 10.05.1930 — председатель обновленческого Священного Синода. С 05.05.1933 — Первоиерарх, 06.10.1941 ушел на покой. 02.03.1944 после покаяния принят в Московский Патриархат в сане епископа. С 1944 — архиепископ Тульский и Белевский, с 1946 — архиепископ Дмитровский. Скончался 25.03.1950.
808. *Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 3. С. 376.*
809. *Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви. С. 549.*
810. *Левитин А., Шавров В. Указ. соч. С. 383—384.*
811. В огне войны. Русская Православная Церковь в 1941—1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). С. 263; *Кузнецов А.И. Указ. соч. С. 555.*
812. *Козаржевский А.И. А.И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1989. № 1. С. 64; Кузнецов А.И. Указ. соч. С. 557.*
813. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 20—21.
814. Там же, л. 4.
815. ЦГА СПб., ф. 4769, оп. 3, д. 147, л. 4.
816. Там же, л. 13.
817. Там же, ф. 7384, оп. 33, д. 67, л. 101.
818. В огне войны. Русская Православная Церковь в 1941—1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). С. 263.
819. Ленинградская правда. 1943. 3 июня.
820. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 38, д. 123, л. 197об.
821. Там же, ф. 4769, оп. 3, д. 147, л. 39—40.
822. Там же, л. 45.
823. В огне войны. Русская Православная Церковь в 1941—1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). С. 263
824. *Цытин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 125.*
825. Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 143—144.
826. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 18.
827. Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 144.
828. *Левитин А., Шавров В. Указ. соч. С. 397.*
829. Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 144—145, 148; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1, л. 16.
830. Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 144.
831. ЖМП. 1944. № 1. С. 5; *Левитин А., Шавров В. Указ. соч. С. 398—399.*

832. ЖМП. 1944. № 2. С. 9, 35—36.
833. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 70.
834. Козаржевский А.И. Указ. соч. С. 64.
835. Цытин Владислав, протоиерей. Указ. соч. С. 126.
836. Левитин А., Шавров В. Указ. соч. С. 408—414; Козаржевский А.И. Указ. соч. С. 65.
837. Кузнецов А.И. Указ. соч. С. 602.
838. Иоани (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. С. 79—80; Цытин Владислав, протоиерей. Указ. соч. С. 126.
839. См. доклад Э.И. Лисавцева на международной конференции «Исторический путь Православия в России после 1917 г.». С.-Петербург, 2 июня 1993 г.
840. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? С. 184.
841. Ярославский Е. Федор Михайлович Достоевский против немцев // Большевик. 1942. № 16. С. 38.
842. Справки Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области № 10/16—10918 от 18 января 1994 г. и № 10/14—1779 н/с от 10 мая 1995 г.
843. Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. С. 131; Крестный путь патриарха Сергия. С. 71.
844. Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 13. С. 83.
845. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 6, л. 18; Fletcher W. A Study in Survival. P. 111—112.
846. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 7, л. 12.
847. Там же, ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 156.
848. В огне войны. Русская православная церковь в 1941—1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии). С. 263, 282.
849. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 93, л. 18; д. 188, л. 1, 4, 8, 9, 13, 18, 19; д. 261, л. 34.
850. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 187.
851. Судоплатов П.А. «Остаюсь единственным свидетелем...» // Молодая гвардия. 1995. № 5. С. 40.
852. Алексеев В.А. Указ. соч. С. 185—186.
853. Волкогонов Д.А. Сталин и религия // Наука и религия. 1989. № 2. С. 11.
854. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 2, л. 49, 51—52.
855. Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. С. 340—341.
856. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 181, л. 10—13.
857. Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938—1943 гг.). С. 42.
858. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 18.
859. Устное заявление автору в 1993 г.
860. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1, л. 1—10.
861. Карпов Георгий Григорьевич (1897—1967). В годы Гражданской войны воевал в Красной Армии. В 1920-е учился в Петроградском университете, но не закончил его. Затем на работе в органах ОГПУ. В 1937 — нач. 1938 — начальник 4-го отдела управления НКВД по Ленинградской области, весной 1938 — и. О. начальника Мурманского окружного отдела, в 1938—1939 — начальник Псковского окружного отдела НКВД. С 1940 — возглавил отдел, ведавший церковными делами в центральном аппарате наркомата. В 1941 — Военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа возбудил уголовное преследование в связи с деятельностью Карпова в Пскове, но дело было прекращено. К 1943 — полковник госбезопасности. В 09.1943—02.1960 — председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, к концу службы генерал-майор. В 1960 — отправлен на пенсию, скончался в Москве.
862. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 5, л. 1.
863. Реабилитация: Политические процессы 30—50-х гг. М., 1991. С. 80.
864. Васильева О., Кнышевский П. «Тайная вечеря» // Ленинградская панорама. 1991. № 7. С. 27.
865. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 4—5.
866. Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 131—132.
867. Александр Шмеман, протоиерей. Богословская школа в СССР (1943—1955) // Вестник института по изучению СССР. 1957. № 1(22). С. 85.
868. Васильева О., Кнышевский П. Указ. соч. С. 27.

869. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 2, л. 11, 51.
870. ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 130.
871. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). С. 62—63.
872. ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 10, л. 12.
873. Там же, д. 9, л. 49.
874. Там же, д. 13, л. 106.
875. Там же, д. 7, л. 117.
876. Там же, д. 9, л. 4—5.
877. Справки Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Псковской области № 10/5—624 от 19 июля 1995 г. и № 10/5—2028 от 18 апреля 1994 г.
878. ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 53, д. 89, л. 140—141.
879. *Дедюхин Б.В.* Сердца сокрушенные. Беседы, интервью, очерки о русском православии. С. 195.
880. РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 351, л. 51.
881. О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М., 1977. С. 64—66.
882. *Алексеев В.А.* Указ. соч. С. 196—197.
883. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, л. 68—70, д. 407, л. 45.
884. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 2, л. 4об, 6об; *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. С. 108—109.
885. Там же. С. 110.
886. *Поповский М.* Указ. соч. С. 397—398.
887. ЖМП. 1944. № 2. С. 18.
888. *Цыгин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 136, 138.
889. РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 317, л. 12; д. 351, л. 46—47, 49—50.
890. Там же, оп. 125, д. 313, л. 3—7.
891. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 4, л. 27; *Иоанн (Снычев), митрополит.* Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. С. 185.
892. Крестный путь патриарха Сергия. С. 74.
893. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1, л. 38, оп. 2, д. 4, л. 27—29; Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). С. 43, 58—59; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, л. 157—158.
894. *Иосиф (Петровых Иван Семенович, 1872—1937)* — митрополит. Род. в г. Устюжна Новгородской губ., окончил Устюженское ДУ и Новгородскую ДС; после окончания Московской ДА (1899) оставлен профессорским стипендиатом при Академии. Пострижен в монашество (26.08.1901), рукоположен во иеродиакона (30.09.1901), во иеромонаха (14.10.1901); магистр богословия и доцент (с 02.1903), экстраординарный профессор и инспектор Московской ДА (с 09.12.1903). Возведен в сан архимандрита (18.01.1904), назначен настоятелем Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря Холмской епархии (06.1906). Хиротонисан во еп. Угличского викария Ярославской епархии (15.03.1909), позднее возведен в сан архиепископа. Архиеп. Ростовский, викарий Ярославской епархии (1920—1921); временно управлял Новгородской и Старорусской епархиями (1920—1925). Назначен митр. Ленинградским (08.1926), служил в Ленинграде лишь три дня, затем жил в Ростове, управлял епархией через викариев. В 11.1926 вступил в должность заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В 12.1926 арестован в Ростове, сослан в Никольский Моденский монастырь Новгородской губ., в 09.1927 освобожден, вернулся в Ростов. Митр. Сергием назначен митр. Одесским (17.09.1927), назначение не принял, продолжал руководить Ленинградской епархией из Ростова. Вместе с митр. Ярославским Агафангелом (Преображенским) и его викариями подписал акт отхода от митр. Сергия и его Синода (06.02.1928). Арестован 29.02.1928 и повторно сослан в Моденский монастырь. Вновь арестован в 12.09.1930 и сослан в г. Чимкент (Казахстан), служил тайно. Арестован 22.09.1937, расстрелян 20.11.1937 в Чимкенте.
895. *Иоанн (Снычев), митр.* Расколы // Христианское чтение. 1991. № 6. С. 19.
896. *Краснов-Лыбичин А.* Лихие годы. 1925—1941. Париж, 1977. С. 97; ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 321, л. 159.
897. *Иоанн (Снычев), митр.* Указ. соч. С. 19.
898. *Регельсон А.* Трагедия Русской Церкви 1917—1945. Париж, 1977. С. 136, 137.

899. *Андреев И.М.* Делегация Ленинградской епархии у митр. Сергия в 1927 г. в Москве Православная жизнь. 1973. № 1. С. 24; В объятиях семиглазowego змия. Монреаль, 1984. С. 90.
900. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917—1943. М., 1994. С. 565; *Иоанн (Сньчев), митр.* Указ. соч. С. 27.
901. *Резникова И.* Православие на Соловках. СПб., 1994. С. 27.
902. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Москве и Московской области (АУФСБ МО), ф. архивно-следственных дел, д. 28850; Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАООУ), ф. 263, оп. 1, д. 65744.
903. *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви. Казань, 1970. С. 335.
904. ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 321, л. 147.
905. Цит. по: *Иоанн (Сньчев), митр.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Их особенность и история. Куйбышев, 1966. Рукопись. С. 5.
906. *Меуцерский Н.А.* На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Рукопись. С. 10.
907. *Иоанн (Сньчев), митр.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. С. 202—203.
908. *Его же.* Расколы. С. 35.
909. *Регельсон Л.* Указ. соч. С. 168—169.
910. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО), ф. 9323, оп. 2, д. П—24705, т. 4, л. 458, 631.
911. ЦГА СПб, ф. 56, оп. 3, д. 2, л. 99.
912. Письмо Д. С. Лихачева дочерям о Феодора Андреева Анне и Марии от 16 сентября 1992 г.
913. *Польский М.* Указ. соч. Т. 2. С. 135, 137.
914. ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П—24705, т. 1, л. 16.
915. Там же, т. 4, л. 449.
916. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 584—585.
917. ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П—24705, т. 1, л. 4.
918. АУФСБ МО, ф. арх.-след. дел, д. 28850, л. 11—12.
919. ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П—24705, л. 460.
920. ГАОПИВО, ф. 9323, оп. 2, д. П—24705, т. 6, л. 83.
921. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб. АО), ф. арх.-след. дел, д. П—28774, П—42182, П—66675; ЦГА СПб, ф. 4914, оп. 3, д. 2, л. 50, 200, 206, 210.
922. АУФСБ. СПб АО, ф. арх.-след. дел, д. П—78806.
923. ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 50, д. 29, л. 18, 20.
924. *Краснов-Левитин А.* Указ. соч. С. 222; *Меуцерский Н.А.* Указ. соч. С. 102—106.
925. ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 114, л. 98, 129.
926. Там же, л. 208.
927. *Андреев И.М.* Заметки о Катакомбной церкви в СССР // Русская жизнь. 1948. 20 февраля.
928. *Польский М.* Указ. соч. Т. 2. С. 4.
929. Комсомольская правда. 1937. 15 сентября.
930. Справка УФСБ РФ по Тверской области № 10/1058 от 15 июля 1994 г.; *Польский М.* Указ. соч. Т. 2. С. 1; *Хрусталева М.Ю., Гусев О.А.* Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых) в сонме новомучеников и исповедников Российских // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 2. Вологда, 1993. С. 151; Московский церковный вестник. 1993. № 4. С. 5; Справка Комитета национальной безопасности Республики Казахстан № 11/1—762 от 15 сентября 1994 г.
931. Имяславие — религиозное движение в Русской церкви, возникшее в 1910—1912 гг. в православных монастырях на Афоне (Греция). Имяславцы (имябожники) считали, что человек в силу своей греховности может славить в молитвах не самого Бога, а лишь его имя, требовали с благоговением относиться ко всему, что составляет христианский культ. В 1912—1913 гг. движение монахов было подавлено, их отлучили от Церкви. После Октябрьской революции получило распространение во многих районах страны, участники его выражали в основном монархические, антисоветские взгляды. Имяславцы (несмотря на отлучение) в 1920-е гг. прини-

- мались Московским Патриархатом без покаяния. С 1927 г. подавляющее большинство имяславцев стало активными участниками иосифлянского движения.
932. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 80.
933. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 126, л. 184.
934. Там же, л. 214—215.
935. Там же, д. 76, л. 187.
936. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.), ф. 24, оп. 2—6, д. 1323, л. 83.
937. Там же, л. 87.
938. Судьба российского священника // Православная Русь. 1995. № 14. С. 8—9.
939. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 480.
940. Иоанниты — группа почитателей св. О. Иоанна Кронштадтского (канонизированного в 1990 г.), часть которых доходила до его обожествления. Патриаршая Церковь порицала их поведение. Иоанниты не приняли советской власти и с 1927 г. влились в иосифлянское движение. Некоторые архиереи-иосифляне рукополагали иоаннитов-мирян в священнический сан.
941. Сузлов Г.А. Союз креста и меча. М., 1969. С. 91.
942. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 37, л. 85—86.
943. Справка УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области № 34/3—2127 от 6 сентября 1994 г.
944. Клибанов А.И. Конкретные исследования современных религиозных верований (Методика, организация, результаты). М., 1967. С. 13.
945. Митрохин Л.Н. Реакционная идеология «истинно православной церкви» на Тамбовщине. С. 154.
946. Там же. С. 155.
947. Там же. С. 155—162; Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. С. 189.
948. Никольская З.А. К характеристике течения истинно православных христиан. С. 167.
949. Маргарита (Чеботарева), монахиня. Катакомбные исповедники // Возвращение. 1993. № 2. С. 26.
950. Там же.
951. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 278.
952. Юдин Н.И. Правда о петербургских «святых». А., 1992. С. 118—119.
953. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 190, л. 32—33, 36.
954. Демьянов А.И. Истинно православное христианство. С. 13—14; Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 314.
955. Вернитам М. Стороны в гражданской войне 1917—1922 гг. С. 273.
956. Демьянов А.И. Указ. соч. С. 70; *Его же*. Критика идеологии истинно Православного христианства. С. 15.
957. Клибанов А.И. Современное сектантство в Тамбовской области. С. 95.
958. См.: Никольская З.А. Указ. соч.; Митрохин Л.Н. Указ. соч.
959. См.: Ревуненков В. Очерки по истории Великой французской революции. Л., 1989.
960. Клибанов А.И. Современное сектантство в Тамбовской области. С. 92.
961. Криптон К. К вопросу исторического прошлого Русской Православной Церкви // Вестник РХД. № 118. 1976. С. 91; *Его же*. О тамбовском восстании 1921 г. Из записок очевидца // Вестник РХД. № 121. 1977. С. 361—362.
962. См.: Зеленогорский (Гринберг) М. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (Ухтомского). М., 1991.
963. Демьянов А.И. Истинно православное христианство. С. 16—17; Клибанов А.И. Указ. соч. С. 60—69.
964. Демьянов А.И. Критика идеологии истинно-православного христианства. С. 8.
965. *Его же*. Истинно православное христианство. С. 19, 81, 85—86; Клибанов А.И. Указ. соч. С. 94.
966. Никольская З.А. К характеристике течения так называемых истинно православных христиан. С. 164—165; Демьянов А.И. Истинно православное христианство. С. 20.
967. См.: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917—1945; Центральный государственный архив общественных организаций Украины, ф. 263, оп. 1, д. 66923.
968. Сиверс Амвросий. Государство и «катакомбы». М., 1994. Рукопись. С. 5—7.
969. Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925—1941. С. 222; Меуцерский Н.А. На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... С. 102—106; Справка Управления ФСБ Рос-

- сийской Федерации по Ярославской области № 10/320 от 21 июня 1995 г.; Справка Главного информационного центра МВД Российской Федерации № 34/3—2127 от 6 сентября 1994 г.
970. *Польский М.* Указ. соч. Т. 2. С. 285.
971. *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 174.
972. *Андреев И.* О положении Православной Церкви в Советском Союзе. Катакомбная Церковь в СССР. С. 13.
973. *Береславский Иоанн, Попов Илия.* Тайный схимитрополит. Жизнеописание главы Истинно Православной Церкви схимитрополита Геннадия (1898—1987). М., 1991. С. 22; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 16. С. 105.
974. Костромской области (ЦДНИКО), ф. 3656, оп. 2, д. 2411-е.
975. Там же, д. 2413-е, л. 50—54.
976. Два портрета (по воспоминаниям В.Я. Василевской. Катакомбы XX века). Сообщения В. Глазова // Вестник РХД. 1972. № 106. С. 498.
977. *Тропани Н.В.* Воспоминания. Владимир, 1965. Рукопись. С. 5—7; *Апушкина Е.В.* Воспоминания. Владимир, 1962. Рукопись. С. 25—26; *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. С. 355—360.
978. ГАРФ, ф. Р—9401сч, оп. 2, д. 65, л. 305—306.
979. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 181, л. 10.
980. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). С. 62.
981. *Андреев И.* Указ. соч. С. 9—10.
982. *Афанасий (Сахаров), епископ.* Можно ли посещать храмы Московской Патриархии? Из письма к духовной дочери // Вестник РХД. 1972. № 106. С. 96.
983. *Тропани И.В.* Указ. соч. С. 8—9; *Апушкина Е.В.* Указ. соч. С. 27—28; Крестный путь пресвященного Афанасия // Вестник РХД. 1973. № 107. С. 170—211; Письмо еп. Афанасия (Сахарова) Патриарху Алексию от 2 апреля 1955 г. // Архив Научно-информационного центра «Мемориал» Санкт-Петербург. (Архив НИЦ «Мемориал» СПб.), ф. Р, п. 5.
984. *Чаев П.О.* Катакомбные монастыри // Грани. 1982. № 123. С. 190—191.
985. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 40.
986. *Каргашинский Д.* Из Краснодарской епархии // ЖМП. 1948. № 1. С. 76—77.
987. *Сперанский М.* Из Тамбовской епархии // ЖМП. 1948. № 2. С. 65—66.
988. *Alekseev W.* Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941—1953. P. 58.
989. *Константинов Д.В.* Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР. С. 44.
990. Черничками в деревнях называли девушек, которые читали Псалтирь по усопшим. Они не принимали монашеского пострига, но ходили в черном, жили обособленно (иногда по двести вместе), как правило, в строгой аскезе и ежедневно посещали храм.
991. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 593, л. 24—31.
992. Там же, л. 10, 39—45, 63, 114.
993. Там же, л. 121, 124—135.
994. Там же, оп. 132, д. 6, л. 88, 94, 244—252, д. 111, л. 127—130.
995. Там же, оп. 125, д. 109, л. 70—77; д. 497, л. 203.
996. *Демьянов А.И.* Религиозность: тенденции и особенности проявления (социально-психологический анализ). С. 99; *Его же.* Истинно православное христианство. С. 32.
997. *Никольская З.А.* К характеристике течения так называемых истинно православных христиан. С. 166.
998. *Клибанов А.И.* Религиозное сектанство и современность (социологические и исторические очерки). С. 173.
999. *Демьянов А.И.* Истинно православное христианство. С. 39.
1000. *Клибанов А.И.* Указ. соч. С. 173.
1001. *Никольская З.А.* Указ. соч. С. 171, 180; *Демьянов А.И.* Указ. соч. С. 32, 43.
1002. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 37.
1003. Там же, д. 497, л. 203.
1004. ЦДНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 2413—6, л. 73—77, 108.
1005. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 650, л. 18.
1006. *Иоанн (Сньчев), митрополит.* Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. С. 245.
1007. Архив НИЦ «Мемориал». СПб., ф. Р, п. 5.

1008. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 90, л. 130.
1009. Там же, л. 100.
1010. *Беляев В.* Лик святых апостолов // *Вечерняя Москва*. 1959. 29 июля; *Яковлев Е.* Поданные Николая II // *Ленинское знамя*. 1959. 5 июля.
1011. *Никольская З.А.* Указ. соч. С. 172; *Янкова З.А.* О некоторых методах конкретно-социального изучения религии (из опыта Рязанской экспедиции Института истории Академии наук СССР) // *Конкретные исследования современных религиозных верований (Методика, организация, результаты)*. М., 1967. С. 113.
1012. *Демьянов А.И.* Истинно православное христианство. С. 36—37, 85.
1013. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 190, л. 146—147.
1014. *Вагин Е.* Изгнание правды ради // *Русское Возрождение*. 1978. № 4. С. 33—35.
1015. Законодательство о религиозных культах. Нью-Йорк, 1981. С. 84; *Анисимов С.* Нравственный прогресс и религия. М., 1965. С. 52.
1016. *Гагарин Ю.В.* Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар, 1971. С. 74—76; *Константинов Д.* Гонимая Церковь. Нью-Йорк, 1967. С. 349; *Одyncов М.И.* Государство и церковь в России XX век. М., 1994. С. 121—122.
1017. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 288, л. 41—43, д. 452, л. 31.
1018. РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 10, л. 210—211.
1019. Там же, д. 72, л. 1, 7.
1020. *Иона (Яшунский), иеродиакон.* Наши катакомбы // *Вестник РХД*. № 166. 1992. С. 255; Пресс-конференция депутатов Верховного Совета России священника Глеба Якунина и мирянина Пономарева 20 марта и «Круглый стол» 22 марта 1992 г. // *Вестник РХД*, 1992. № 164. С. 267; *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 56, 322—323.
1021. ЖМП. 1995. № 5. С. 60—61.
1022. *Чаев П.О.* Указ. соч. С. 195.
1023. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 470.
1024. Там же. С. 156.
1025. *Чаев П.О.* Указ. соч. С. 190.
1026. *Маслова И.И.* Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская Православная Церковь (1965—1991 г.г.) // *Отечественная история*. 2005. № 6. С. 54.
1027. Там же; ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 2257, л. 98—99.
1028. *Константинов Д.В.* Религиозное движение сопротивления в СССР. К 50-летию советской диктатуры. Лондон (Канада), 1967. С. 12.
1029. *Регельсон А.* Указ. соч. С. 192—193.
1030. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 324—327.
1031. Там же. С. 327.
1032. *Однорал А.А.* История церковных разделений. Россия — XX век. Пятигорск, 2003. С. 39.
1033. О современном состоянии религий в СССР и задачах усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах. Доклад председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 16 июля 1969 года. М., 1969. С. 24.
1034. ЦГА СПб., ф. 2017, оп. 1, д. 34, л. 130.
1035. *Демьянов А.И.* Истинно православное христианство. С. 42—49, 94.
1036. *Его же.* Религиозность: тенденции и особенности проявления. С. 100; *Клибанов А.И.* По тому же маршруту, 1959—1971 // *Наука и религия*. 1972. № 3. С. 55; *Он же.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 233—234.
1037. *Гагарин Ю.В.* Указ. соч. С. 145—147, 159.
1038. Полвека служения России. Интервью А.А. Чернова «Посеву» // *Посев*. 1979. № 10. С. 40—46.
1039. Хроника // *Посев*. 1981. № 12. С. 4—5.
1040. *Очерки истории Санкт-Петербургской епархии*. СПб., 1994. С. 278—279.
1041. Последний ставленник святителя Иосифа // *Возвращение*. 1997. № 2 (10). С. 39.
1042. *Велгородская А.В.* Потаенная Россия // *Православная жизнь*. 1997. № 1. С. 7—8.
1043. *История Русской Церкви новейшего периода 1917—1990 гг.* Сост. А.В. Псарев. Джорданвилл, 1999. С. 284.
1044. Последний ставленник святителя Иосифа. С. 40.
1045. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 328; *Вестник Истинно-Православной Церкви*. 1995. № 1.

1046. Кто есть кто в российских катакомбах. СПб., 1999. С. 10—24; *Иона (Яшуинский), иеродиакон*. Указ. соч. С. 244—247; *Бреславский Иоанн*. Соловки: Новомученики XX века (Ангельское Откровение о ссыльных архиереях Российской Православной Церкви). М., 1993. С. 29—31.
1047. *Иона (Яшуинский), иеродиакон*. Указ. соч. С. 247—250; *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 328, 330; *Бреславский Иоанн*. Прощание с еврокультурой. М., 1993.
1048. *Иона (Яшуинский), иеродиакон*. Указ. соч. С. 251—253; Кто есть кто в российских катакомбах. С. 37—41, 44—45, 73—79; Катакомбы XX века // Свет Евангелия. 1997. № 20; Вертоград-информ. 1998. № 7. С. 16; Русское Православие. 1998. № 3. С. 11.
1049. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 329; См.: Кто есть кто в российских катакомбах.
1050. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 328.
1051. *Однорал А.А.* Указ. соч. С. 40.
1052. См.: *Мищенко Валентин, священник*. Священник должен быть националистом // Черный ящик (Тамбов). 1995. № 6.
1053. *Однорал А.А.* Указ. соч. С. 44.
1054. *Эллис Д.* Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие. С. 8.
1055. *Аксенов-Меерсон М.* Русская Православная Церковь сегодня // Религия и атеизм в СССР. 1980. № 9—10. С. 2.
1056. *Эдельштейн Г.* Из записок советского священника // На пути к свободе совести. С. 241—244.
1057. *Поспеловский Д.В.* Подвиг веры в атеистическом государстве. С. 81—82, 85.
1058. *Денисов И.* Слово отступников // Вестник РХД. 1971. № 99. С. 112—121.
1059. О современном состоянии религий в СССР и задачах усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах. Доклад председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Советов. 31 июля 1969 года. М., 1969. С. 27—28.
1060. Там же. С. 26—27.
1061. *Поповский М.* Во что верит и во что не верит советский ученый? // Посев. 1979. № 2. С. 26.
1062. *Вагин Е.* Религиозное инакомыслие в сегодняшней России // Русское Возрождение. 1978. № 1. С. 53.
1063. В чем же виноват отец Павел Адельгейм? // Вестник РХД. 1972. № 106. С. 322.
1064. АУФСБ СПб. ЛО, ф. арх.-след. дел, д. П—81782, л. 247—247об.
1065. Комсомольская правда. 1959. 20 сентября.
1066. *Дедюхин Б.В.* Сердца сокрушенные. Беседы, интервью, очерки о русском православии. С. 118—119.
1067. *Дэнлоп Д.* Национально-религиозное возрождение в современной России // Русское Возрождение. 1978. № 1. С. 26; *Осипов В.* Площадь Маяковского, статья 70 // Грани. 1971. № 80. С. 119, 131—132; *Фудель С.* У стен церкви // Посев. 1979. № 2. С. 234.
1068. *Машков Ю.Т.* Голос с родины // Русское Возрождение. 1978. № 4. С. 12—14.
1069. *Вагин Е.* Указ. соч. С. 54.
1070. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 85—87.
1071. *Аксенов-Меерсон М.* Указ. соч. С. 5.
1072. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 309, л. 10—11.
1073. Там же, д. 308, л. 31.
1074. ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 74, л. 165—174.
1075. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 228, л. 10, 21.
1076. Хроника // Православный Вестник в Канаде. Церковный печатный орган Канадской епархии Русской Православной Церкви за границей. 1971. № 8. С. 4.
1077. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 86.
1078. *Левитин А.Э.* Защита веры в СССР. Рукопись, привезенная из Советской России. Париж, 1966.
1079. *Эллис Д.* Указ. соч. С. 13.
1080. *Левитин А.Э.* Указ. соч. С. 88—95.
1081. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 125, л. 17, 169; оп. 55, д. 10, л. 231.
1082. Антицерковные гонения в Ленинградской епархии. 1958—1964. С. 155—156.
1083. *Эллис Д.* Указ. соч. С. 14.
1084. ЦГА СПб, ф. 2017, оп. 1, д. 3, л. 6—7.
1085. О задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в све-

те решений июньского пленума ЦК КПСС. Доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета с участием заместителей председателей и секретарей обласполкомов и крайисполкомов 25 июня 1963 года. М., 1963. С. 23.

1086. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 528, л. 30.

1087. Правда. 1963. 18 августа.

1088. Константинов Д. Религиозное сопротивление в СССР. С. 47—48.

1089. Румянцев П. Живые свидетели истины // Русская Жизнь (Сан-Франциско). 1966. № 6. С. 2—3.

1090. В чем же виноват отец Павел Адельгейм? С. 320—338.

1091. Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа // Посев. 1971. № 1. С. 38—43; Дэнлоп Д. Указ. соч. С. 56; Эллис Д. Указ. соч. С. 15; Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. С. 7, 100.

1092. Там же. С. 97—100; Потапов В. Православное инакомыслие в СССР // Русское Возрождение. 1979. № 7—8. С. 79.

1093. Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. С. 7—10, 95—97.

1094. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? С. 241.

1095. ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 43, л. 82—93.

1096. Там же, л. 129—133.

1097. Костенко Н., Кузовкин Г., Лукашевский С. «Вред, нанесенный Вами, надо исправить, стереть, изгладить!» К публикации «Заявления» группы архиереев Русской Православной Церкви // Корни травы. М., 1996. С. 134—135.

1098. Гарковенко Ф.И. Идеологическая борьба в современном православии // Религия и идеологическая борьба. М., 1974. С. 139.

1099. Костенко Н., Кузовкин Г., Лукашевский С. Указ. соч. С. 137.

1100. ЦГА СПб., ф. 2017, оп. 1, д. 13, л. 48—50.

1101. Цытин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 165—166; Константинов Д. Указ. соч. С. 42—43; Потапов В. Указ. соч. С. 73—74.

1102. См.: Данилушкин М.Б., Никольская Т.К., Шкаровский М.В. и др. Указ. соч. С. 944—945.

1103. Эллис Д. Указ. соч. С. 16—17; Самарин В. Торжествующий Каин. Очерк крестного пути Русской Церкви // Православный путь (Джорданвилл). 1971. С. 142, 144.

1104. ЦГА СПб., ф. 2017, оп. 1, д. 1, л. 19.

1105. Там же, л. 20—22.

1106. Цит. по: Константинов Д. Указ. соч. С. 39.

1107. Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С. 168.

1108. Вестник РХД. 1966. № 86. С. 1; Потапов В. Указ. соч. С. 75—77; Самарин В. Указ. соч. С. 148, 151; Константинов Д. Зарницы духовного возрождения. С. 36.

1109. Эллис Д. Указ. соч. С. 13; Потапов В. Указ. соч. С. 67.

1110. Там же. С. 84—85.

1111. Дудко Д. О нашем уповании. Нью-Йорк, 1977.

1112. Белов А., Шилкин А. Диверсия без динамита. С. 99.

1113. О современном состоянии религий в СССР и задачах усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культурах. С. 23, 31.

1114. Маслова И.И. Русская православная церковь и КГБ (1960 — 1980-е годы) // Вопросы истории. 2005. № 12. С. 94.

1115. Эллис Д. Указ. соч. С. 20—21.

1116. Дэнлоп Д. Указ. соч. С. 17; Потапов В. Указ. соч. С. 79; Вагин Е. Указ. соч. С. 56.

1117. Вече (Москва). 1971. 19 мая. № 2. С. 2—4; Потапов В. Указ. соч. С. 82—83; Проект резолюции IV раздела «Положения об управлении Русской православной церковью» // Вестник РХД. 1977. № 120. С. 297—300.

1118. Пимен (Извеков) — последний «советский» патриарх. С. 42.

1119. Там же. С. 43.

1120. ГАРФ, ф. 6991, оп. 5, д. 964, л. 18—19.

1121. Урушадзе Г. Выбранные места из переписки с врагами. Семь дней за кулисами власти. СПб., 1995. С. 187—191.

1122. Василий (Кривошеин), архиепископ. Две встречи. СПб., 2003. С. 192—194.

1123. Эллис Д. Указ. соч. С. 146—158; Хроника // Посев. 1980. № 58. С. 21—32; Ахсенов-Меерсон М. Указ. соч. С. 3, 5.

1124. Религия и атеизм в СССР (Мюнхен). 1980. № 5 (153). С. 1—3.

1125. Глеб Якунин, священник. Письмо из концлагеря // Русское Возрождение. 1981. № 16. С. 15—17.
1126. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 388—389; Эллис Д. Указ. соч. С. 259—266.
1127. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 14.
1128. Судоплатов П.А. «Остаюсь единственным живым свидетелем...» С. 40; Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. С. 361.
1129. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 77.
1130. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 8.
1131. Религиозные организации в СССР, накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938—1943 гг.). С. 65—67; Fletcher W. A Portrait of the Most Praised and Vilified of Modern Churchmen. P. 43—44.
1132. Кнышевский П.Н. Истоки тотального шпионажа // Государственная безопасность и демократия. 1993. № 2. С. 45.
1133. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 336—337; Русская Православная церковь 988—1988. Очерки истории 1917—1988 гг. С. 52.
1134. Русская православная церковь стала на правильный путь // Исторический архив. 1994. № 3. С. 143.
1135. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). С. 47.
1136. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 3, л. 21—21об.
1137. Русская православная церковь стала на правильный путь // Исторический архив. 1994. № 4. С. 266—268.
1138. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 21.
1139. Васильева О.Ю. Кремль против Ватикана. С. 39.
1140. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 34.
1141. ЖМП. 1945. № 5. С. 19; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 65, л. 280.
1142. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 91—92.
1143. Там же, л. 31.
1144. Там же, д. 506, л. 102.
1145. Там же, д. 407, л. 27.
1146. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 457; Цытин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 141.
1147. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 10, л. 39.
1148. Kolarz W. Religion in the Soviet Union. P. 59.
1149. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 611—612.
1150. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 65, л. 452
1151. Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993. С. 86—87, 95.
1152. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 552.
1153. Русская православная церковь стала на правильный путь // Исторический архив. 1994. № 3. С. 100.
1154. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 25, 32.
1155. Там же, л. 25.
1156. Польский М. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилл, 1948. С. 120.
1157. Православие на Дальнем Востоке. С. 95—96, 142.
1158. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 231—232.
1159. Григорий (Габбе), епископ. К истории русских церковных разделений за границей. С. 49—56; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 23.
1160. Там же, л. 37.
1161. Правда. 1945. 29 июня.
1162. Алексеев В.А. Указ. соч. С. 354—355.
1163. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 38.
1164. Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 100.
1165. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 38.
1166. Васильева О.Ю. Ватикан в горниле войны // Наука и религия. 1995. № 6. С. 14—15; Шейнман М.М. От Пия IX до Павла VI. М., 1979. С. 100; Винтер Э. Политика Ватикана в отношении СССР 1917—1968. М., 1977. С. 162.

1167. *Васильева О.Ю.* Указ. соч. С 16; *Одинцов М.И.* Как появился этот документ // Наука и религия. 1995. № 6. С. 10.
1168. ГАРФ, ф. Р—9401сч, оп. 2, д. 65, л. 25—31.
1169. *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 11.
1170. Униаты и советская власть. С. 56—71.
1171. *Одинцов М.И.* Государственно-церковные отношения накануне и в годы Великой Отечественной войны // Религиозные организации СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1995. С. 37.
1172. Там же. С. 38; *Васильева О.Ю.* Указ. соч. С. 1—5.
1173. ЖМП. 1945. № 2. С. 17.
1174. Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 93.
1175. Откровения бывшего штурмбаннфюрера СС, доктора теологии и философии Карла Нейгауза // Наука и религия. 1995. № 6. С. 8, 16.
1176. *Одинцов М.И.* Хождение по мукам. 1939—1954 годы // Наука и религия. 1990. № 8. С. 21.
1177. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 313, л. 29—48.
1178. Там же, д. 407, л. 36—37.
1179. Там же, д. 506, л. 13—14.
1180. Там же, д. 313, л. 14—16; Русская православная церковь стала на правильный путь. С. 96.
1181. ЖМП. 1946. № 9. С. 56.
1182. ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 17, л. 3—4; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 1—4.
1183. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 34.
1184. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 16, л. 57.
1185. *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? С. 193.
1186. РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 407, л. 100—103.
1187. Там же, л. 25.
1188. Там же, л. 104—105.
1189. Там же, оп. 32, д. 8, л. 108.
1190. Там же, д. 111, л. 212.
1191. *Fletcher W.* Religion and Soviet Foreign Policy, 1945—1970. P. 29.
1192. *Гризулевич И.Р.* Папство. век XX. М., 1978. С. 260—261; *Винтер Э.* Указ. соч. С. 191, 194. 304.
1193. Правда. 1946. 14 марта.
1194. *Fletcher W.* A Portrait of the Most Praised and Vilified of Modern Churchmen. P. 109.
1195. *Цыпин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 147, 149; Русское православие. Вехи истории. С. 655—656.
1196. Известия. 1952. 21 марта; *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 265.
1197. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 254.
1198. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 118.
1199. Там же, л. 119—120; *Рар Г.* Плененная церковь. Очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне, 1954. С. 64.
1200. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 1; РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 47.
1201. *Рар Г.* Указ. соч. С. 85.
1202. Там же. С. 86.
1203. *Лозинский С.Г.* История папства. М., 1986. С. 367; *Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР 1917—1968. С. 201—202.
1204. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 109, л. 107—108.
1205. Там же, л. 23.
1206. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 62.
1207. Там же, л. 175; РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 250, л. 261.
1208. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 156.
1209. Там же, л. 176.
1210. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 33.
1211. Православие на Дальнем Востоке. С. 98.
1212. *Бувеский А.С.* Православная Церковь за границей // ЖМП. 1950. № 10. С. 31; *Анисимов Л.* Православная Миссия в Корею // ЖМП. 1991. № 5. С. 57; Известия. 1949. 21 июля.

1213. Вестник института по изучению СССР. 1957. № 1(22). С. 123—124.
1214. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 48—49.
1215. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 65.
1216. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 530, л. 2.
1217. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 642, л. 164.
1218. Там же, д. 704, л. 136, 153.
1219. Там же, д. 669, л. 215.
1220. Там же, д. 754, л. 32.
1221. Там же, д. 704, л. 164; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 201, л. 26—27.
1222. Боголетов А.А. Церковь под властью коммунизма. С. 73—74.
1223. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 36.
1224. Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 302—303; РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 134—136.
1225. Там же, л. 37.
1226. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 227, л. 14—15.
1227. Там же, л. 16—18.
1228. Там же, л. 28—30.
1229. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 1, 25.
1230. Там же, л. 75—76.
1231. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 71, л. 110, 209, 218.
1232. Цытин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 162—163.
1233. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 226.
1234. Там же, л. 196.
1235. Там же, д. 162, л. 1—4.
1236. Письма и диалоги «хрущевской оттепели». С. 63—64.
1237. Поспеловский Д.В. Митрополит Никодим и его время // Посев. 1979. № 2. С. 21.
1238. Его же. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 313.
1239. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 162, л. 32.
1240. Там же, л. 42, 172.
1241. Там же, д. 427, л. 1—3.
1242. Там же, д. 190, л. 162—166.
1243. Цит. по: Аксенов-Меерсон М. Русская Православная Церковь сегодня. С. 9.
1244. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 81, л. 7—8.
1245. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 455, л. 35.
1246. Бессонов М.Н. Православие в наши дни. С. 292.
1247. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 426, л. 1—5, 24.
1248. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 75—76; ЖМП. 1961. № 5. С. 73—75; Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и II Ватиканский Собор. Доклад на ежегодной конференции Свято-Тихоновского Богословского института. М., 2001. Рукопись. С. 1.
1249. Лозинский С.Г. История папства. С. 370.
1250. Винтер Э. Политика Ватикана в отношении СССР 1917—1968. С. 212—214.
1251. Ковальский Я.В. Папы и папство. М., 1991. С. 225.
1252. Лозинский С.Г. Указ. соч. С. 370.
1253. Винтер Э. Указ. соч. С. 217.
1254. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 369—370.
1255. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и II Ватиканский Собор. С. 5.
1256. Там же. С. 5—7; Рокжучи А. Русские наблюдатели на Втором Ватиканском соборе // Второй Ватиканский собор: взгляд из России. М., 1997. С. 97—98; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 461, л. 64—70.
1257. Там же.
1258. Рокжучи А. Указ. соч. С. 99—102; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 461, л. 1—5.
1259. Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Т. 3. С. 17.
1260. Ланн Э. Восприятие на Западе участия Московской Патриархии во Втором Ватиканском соборе // Второй Ватиканский собор: взгляд из России. С. 187—189; Виллебрандс Й., кардинал. Встреча Рима и Москвы: воспоминания // Второй Ватиканский собор: взгляд из России. С. 155—156.
1261. Боровой Виталий, протопресвитер. И он был верен до смерти // Человек Церкви. К 20-летию со дня кончины и к 70-летию со дня рождения Высокопреосвященнейшего митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, Патриаршего Экзарха Западной Европы

- (1929—1978). М., 1998. С. 108; Виллебрандс Й., кардинал. Указ. соч. С. 157—160; Рокжуччи А. Указ. соч. С. 103—105.
1262. *Боровой Виталий, протопресвитер*. Указ. соч. С. 109.
1263. *Васильева О.Ю.* Указ. соч. С. 3—4; *Рокжуччи А.* Указ. соч. С. 107—108; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 461, л. 167—169.
1264. *Stehle H.* Die Ostpolitik des Vatikans. München-Zürich, 1975. S. 338—339.
1265. *Ebenda*, S. 337; *Мартино В.* Роль Москвы: взгляд из Константинополя // Второй Ватиканский собор: взгляд из России. С. 344—347.
1266. *Боровой Виталий, протопресвитер*. Указ. соч. С. 109; *H. Stehle*, а. а. О., S. 340; *Турбан-ти Дж.* Проблема коммунизма на Втором Ватиканском соборе // Второй Ватиканский собор: взгляд из России. С. 238.
1267. *Stehle H. A.* а. О., S. 341—342; *Боровой Виталий, протопресвитер*. Указ. соч. С. 110.
1268. РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 10, л. 177, 192
1269. Там же, д. 72, л. 28—31.
1270. Там же, л. 68—75.
1271. Там же, л. 61—66.
1272. Там же, л. 67.
1273. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 534, л. 119, 122.
1274. *Майданович Е.А.* Антоний (Блум), митрополит // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 617; *Василий (Кривошеин), архиепископ*. Две встречи. Митрополит Николай (Ярушевич). Митрополит Никодим (Ротов). СПб., 2003. С. 154—169.
1275. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 455, л. 93.
1276. *Шейнман М.М.* От Пия IX до Павла VI. С. 155—156; *Винтер Э.* Указ. соч. С. 221.
1277. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 455, л. 104; *Цытин Владислав, протоиерей*. Указ. соч. С. 164.
1278. *Герман, архиепископ*. «Теперь осмысляется его жизнь, как искреннее служение торжеству Церкви Христовой» // Человек Церкви. С. 301; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 2134, л. 86—90.
1279. РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 72, л. 132—135.
1280. О современном состоянии и деятельности религиозных организаций и задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах. Доклад председателя Совета по делам религии при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 21 июня 1966 года. М., 1966. С. 38.
1281. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 2136, л. 161.
1282. Там же, д. 2235, л. 4.
1283. Там же, д. 2234, л. 86.
1284. Там же, л. 19.
1285. О современном состоянии религии в СССР и задачах усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах. Доклад председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 31 июля 1969 года. М., 1969. С. 34.
1286. *Василий (Кривошеин), архиепископ*. Указ. соч. С. 204.
1287. ЖМП. 1968. № 10. С. 1—2.
1288. О современном состоянии и деятельности религиозных организаций и задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах. С. 35.
1289. ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 537, л. 12.
1290. Там же, л. 60, 172.
1291. Там же, оп. 1, д. 2234, л. 48—49.
1292. Там же, л. 86; О современном состоянии и деятельности религиозных организаций и задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах. С. 35.
1293. *Маслова И.И.* Русская православная церковь и КГБ (1960—1980-е годы) // Вопросы истории. 2005. № 12. С. 93.
1294. *Василий (Кривошеин), архиепископ*. Указ. соч. С. 187, 205.
1295. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. С. 313.
1296. О современном состоянии религии в СССР и задачах усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах. С. 12.
1297. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 2234, л. 3—6.
1298. Там же, оп. 6, д. 287, д. 288, л. 56—60.
1299. *Маслова И.И.* Указ. соч. С. 87—88; РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 37, л. 134—148.
1300. Там же.
1301. Там же.

1302. *Маслова И.И.* Указ. соч. С. 93.
1303. Там же. С. 89.
1304. Справка Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области № 10 от 25 октября 1995 г.
1305. ЖМП. 1970. № 1. С. 5, № 5. С. 25.
1306. *Маслова И.И.* Указ. соч. С. 89.
1307. Там же; РГАНИ, ф. 89, оп. 32, д. 13, л. 10—11, 16.
1308. Устное свидетельство Э. Лисавцева автору книги в 1994 г.
1309. *Урушадзе Г.* Указ. соч. С. 198—199.
1310. ЖМП. 1968. № 10. С. 1—2; О современном состоянии религии в СССР и задачах усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах. С. 35.
1311. *Маслова И.И.* Указ. соч. С. 92—93; РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 24, л. 136—148.
1312. Там же.
1313. *Поспеловский Д.* Митрополит Никодим и его время. С. 25.
1314. *Василий (Кривошеин), архиепископ.* Указ. соч. С. 207—208.
1315. ЖМП. 1970. № 1. С. 6.
1316. *Василий (Кривошеин), архиепископ.* Указ. соч. С. 182.
1317. ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 380, л. 108—111.
1318. *Маслова И.И.* Указ. соч. С. 95.
1319. Там же, оп. 1, д. 2234, л. 59, д. 2136, л. 47; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. С. 232.
1320. Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая — 2 июня 1971 г. Документы, материалы, хроника. М., 1971. С. 127—128.
1321. Там же. С. 136—138.
1322. ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 288, оп. 1, д. 2234.
1323. Там же, оп. 5, д. 964, л. 81—82.
1324. Там же, л. 84—85.
1325. Там же, д. 1304, л. 19—21.
1326. *Цытин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 189—190.
1327. Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 2. М., 1995. С. 108.
1328. ЖМП. 1973. № 9. С. 7.
1329. *Василий (Кривошеин), архиепископ.* Указ. соч. С. 197—198.
1330. ЖМП. 1976. № 4. С. 7—13.
1331. ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 1126, л. 13; ЖМП. 1978. № 7. С. 2—5.
1332. Там же. 1980. № 5. С. 3—6.
1333. Новое русское слово. 1974. 18 октября. С. 3.
1334. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 370.
1335. Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991). С. 202, 215.
1336. *Маслова И.И.* Указ. соч. С. 89, 91.
1337. См.: ЖМП. 1988. № 3.
1338. *Маслова И.И.* Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская Православная Церковь (1965—1991 гг.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 62.
1339. Поместный Собор Русской Православной Церкви. Троице-Сергиева Лавра, 6—9 июня. 1988 г.: Материалы. М., 1990. С. 61—63.
1340. Пимен (Извеков) — последний «советский» патриарх. Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 1. С. 63.
1341. Правда. 1989. 2 декабря.
1342. *Одинцов М.И.* Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С. 55.
1343. ЖМП. 1990. № 5. С. 8—9.
1344. Там же. С. 7—8.
1345. Пимен (Извеков) — последний «советский» патриарх. С. 65.
1346. ЖМП. 1991. № 1. С. 6—7.
1347. Там же. 1990. № 9. С. 6—7.
1348. Там же. № 10. С. 3—4.
1349. Известия. 1991. 12 октября; Папа дает новое задание ордену иезуитов // Московский церковный вестник. 1991. № 5. С. 13.

1350. *Цытин Владислав, протоиерей*. История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 140; *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. С. 347—348.
1351. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 29, л. 172—173.
1352. Там же, л. 167.
1353. Русская православная церковь стала на правильный путь // Исторический архив. 1994. № 4. С. 97.
1354. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 30, л. 93, 98; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 506, л. 202.
1355. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 29, л. 194.
1356. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 1, д. 31, л. 101.
1357. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 497, л. 5.
1358. Тихие обители. С. 9.
1359. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 8, л. 50—52.
1360. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 497, л. 5, 21.
1361. Там же, оп. 125, д. 407, л. 10—11, 41—42.
1362. Там же, д. 503, л. 105—106.
1363. Там же, л. 199, д. 593, л. 21.
1364. Новый священноисповедник архимандрит Климент: Историческое свидетельство // Православная жизнь. 2001. № 4. С. 14—25.
1365. Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. С. 342—343.
1366. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 552.
1367. *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 274—275.
1368. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 506, л. 107—109.
1369. Там же, оп. 132, д. 8, л. 110—111.
1370. Там же, д. 6, л. 84—85, д. 7, л. 6, 17, 27.
1371. Там же, оп. 125, д. 593, л. 38.
1372. Там же, д. 407, л. 81—87.
1373. Там же, л. 88—89.
1374. *Кидан Ю.Я.* В.Д. Бонч-Бруевич и научно-атеистическая работа Академии Наук СССР (1946—1955) // Вопросы истории религии и атеизма. Т 12. М., 1964. С. 11—12; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 45—51.
1375. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 130, л. 594, оп. 2, д. 2, л. 11.
1376. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 6, л. 56, д. 569, л. 199.
1377. Там же, д. 497, л. 179, оп. 125, д. 506, л. 134—135.
1378. Там же, д. 313, л. 167, оп. 122, д. 187, л. 7—8.
1379. *Alexeev W.* Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941—1953. P. 58; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 71—72.
1380. Там же, д. 593, л. 15, 17, 32, 113.
1381. Там же, д. 407, л. 30, 46, 68, д. 593, л. 107—108, оп. 132, д. 285, л. 35.
1382. *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Париж, 1979. С. 421.
1383. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 11, л. 37.
1384. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 111, л. 127.
1385. *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? С. 200, 202.
1386. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 7, л. 2—28, д. 109, л. 70.
1387. Там же, д. 109, л. 48.
1388. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 8—9.
1389. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 109, л. 36—37.
1390. Там же, д. 110, л. 28—29, 44, 54—55.
1391. Там же, д. 10, л. 21—26.
1392. Там же, л. 20, д. 110, л. 26.
1393. Там же, д. 10, л. 15—18.
1394. Там же, д. 109, л. 47.
1395. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 12—14, д. 704, л. 44.
1396. *Иоанн (Снычев), митрополит*. Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. С. 203—206; РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 285, л. 131.
1397. *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). М.; Жуковский, 2006. С. 461—463.
1398. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 542, л. 9—14.
1399. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 50—84.

1400. ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 37, л. 62—84.
1401. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 542, л. 78—80, 120.
1402. Там же, л. 124—126.
1403. Там же, д. 669, л. 1—5.
1404. Там же, д. 650, л. 18—21.
1405. КПСС в резолюциях в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. С. 428—432.
1406. Grossman J. Khrushchev's Antireligions Policy and the Campaign of 1954 // *Soviet Studies*, 1973. V. 24. № 3. P. 377—370; Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? С. 211, 213.
1407. Кидан Ю.Я. В.Д. Бонч-Бруевич и научно-атеистическая работа Академии Наук СССР (1946—1955). С. 17—21.
1408. Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. С. 467—470.
1409. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 84—86.
1410. Там же, л. 150, 178—179.
1411. Там же, л. 154.
1412. КПСС в резолюциях в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. С. 446—450.
1413. Постеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 276.
1414. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 704, л. 33, 53—54.
1415. Юдин Н.И. Правда о петербургских «святых». С. 36, 112, 114, 129.
1416. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 704, л. 2—3.
1417. Постеловский Д.В. Указ. соч. С. 271.
1418. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 704, л. 33, 49, 120.
1419. Иоанн (Снычев), митрополит. Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. С. 222, 228, 236; Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 150, 152.
1420. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 704, л. 174—175.
1421. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 127, л. 34.
1422. Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Т. 2. С. 25, 31—35.
1423. РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 542, л. 166—167.
1424. Реабилитация: Политические процессы 30—50-х гг. С. 80.
1425. Там же, оп. 33, д. 53, л. 23.
1426. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 176, л. 4—5.
1427. Там же, л. 22, 26, 31, д. 201, л. 29—30.
1428. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 66—68.
1429. Там же, л. 21—28; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 201, л. 74, д. 263, л. 30—43, 48—52, д. 254, л. 33—87.
1430. О положении Церкви в Советской России и о духовной жизни русского народа. Доклад Архиепископскому Собору 1959 года епископа Лос-Анжелосского Антония. Джорданвилл, 1960. С. 12.
1431. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 34—42.
1432. Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. С. 117—118.
1433. Struve N. Les Chretiens en URSS. P. 293.
1434. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? С. 221.
1435. Эллис Д. Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. С. 8.
1436. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 90, л. 64, 140.
1437. Флетчер У. Советские верующие. С. 34.
1438. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 91, л. 5, 20.
1439. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 227, РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 90, л. 44—143, д. 91, л. 23, 30.
1440. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 227, л. 25.
1441. Там же, д. 201, л. 57—58, РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 91, л. 35.
1442. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели». С. 44—48.
1443. Законодательство о религиозных культах. С. 35—36.
1444. Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Т. 2. С. 186.
1445. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 91, л. 115, д. 126, л. 53.
1446. Там же, д. 91, л. 140—144.
1447. Там же, л. 136—137.

1448. Там же, л. 145, ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 227, л. 90—91.
1449. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 91, л. 149—150, ЛОГАВ, ф. Р—1397, оп. 1, д. 394, л. 29—30.
1450. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 50—51.
1451. *Stoyen W.* Communist Russia and the Russian Orthodox Church, 1943—1962. Wash, 1967. P. 89—93; *Power D.* Antireligions Propaganda in the Soviet Union: A Study of Mass Persuasion. Cambridge, 1978. P. 39—40; *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 310.
1452. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 37—41.
1453. Там же, л. 35—36, 43—53.
1454. Там же, л. 56—58.
1455. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели». С. 48—51.
1456. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 152.
1457. Там же, л. 103—105, 142.
1458. Там же, л. 168, 227.
1459. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 176, л. 48.
1460. Там же, д. 255, л. 138.
1461. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 126, л. 85—89, 255—266.
1462. *Цыпин Владислав, протоиерей.* История Русской Православной Церкви 1917—1990. С. 156—157.
1463. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 255, л. 100—101; Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели». С. 51—53.
1464. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 254, л. 86, 105.
1465. Там же, д. 284, л. 42—46.
1466. ЖМП. 1960. № 3. С. 34—35.
1467. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели». С. 58—61.
1468. *Одинцов М.И.* Хождение по мукам 1954—1960 годы // Наука и религия. 1991. № 7. С. 3.
1469. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 190, л. 153.
1470. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 284, л. 20—23.
1471. «Поразила всех нас, как громом, отставка митрополита Николая». Крах одной церковной карьеры. 1960 г. / Публ. Т.А. Чумаченко // Исторический архив. 2008. № 1. С. 50, 56.
1472. *Василий (Кривошеим), архиепископ.* Последние встречи с митрополитом Николаем (Ярушевичем) (бывшим Крутицким и Коломенским) // Вестник РХД. 1976. № 117. С. 210, 213, 215.
1473. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 162, л. 180.
1474. «Поразила всех нас, как громом, отставка митрополита Николая». С. 60—62.
1475. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 309, л. 1—2.
1476. *Самарин В.* Торжествующий Каин. Очерк крестного пути Русской Церкви // Православный путь, 1971. С. 155; РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 162, л. 177—178; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 529, л. 28—31.
1477. Там же, д. 426, л. 23, д. 284, л. 20, 40; РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 190, л. 80.
1478. Антицерковные гонения в Ленинградской епархии: 1958—1964. С. 132.
1479. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 258, л. 180, д. 285, л. 52, 46—74..
1480. *Гордун С.* Русская Православная Церковь при святейших патриархах Сергии и Алексии // Вестник РХД. 1990. № 158. С. 129—131; *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 301.
1481. Антицерковные гонения в Ленинградской епархии: 1958—1964. С. 133; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 84, л. 126, д. 93, л. 126.
1482. ЛОГАВ, ф. Р—654, оп. 1, д. 402, л. 10, ф. Р—1328, оп. 4, д. 40, л. 216; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 302, л. 2—3.
1483. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели». С. 67—73.
1484. Там же.
1485. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 77, л. 22—26, 44—45.
1486. Там же, д. 79, л. 12, 34—36.
1487. *Lowrie D., Fletcher W.* Khrushchev's Religious Policy, 1959—1964. P. 141—143.
1488. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 190, л. 138.
1489. Там же, д. 215, л. 17, 169, оп. 55, д. 10, л. 231; *Левитин А.Э.* Защита веры в СССР. С. 72, 86; Православный вестник в Канаде. 1964. № 8. С. 5—6.
1490. Антицерковные гонения в Ленинградской епархии: 1958—1964. С. 135.
1491. *Никита Сергеевич Хрущев.* Материалы к биографии. М., 1989. С. 349.

1492. РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 72, л. 141—149; Яковлев А.Н. По мощам и елей. С. 96; Алексеев В.А. Иллюзии и догмы // Агитатор. 1989. № 16. С. 23.
1493. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 84, л. 129, д. 91, л. 26—32.
1494. РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 10, л. 21—22.
1495. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 91, л. 135.
1496. Lowrie D., Fletcher W. ОР. cit. P. 143, 145.
1497. РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 10, л. 21.
1498. Powell D. ОР. cit. P. 69; Ушинин Д. Новые веяния в атеистической пропаганде СССР // Грани. 1966. № 60. С. 198—222.
1499. РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 10, л. 221.
1500. Там же, оп. 33, д. 215, л. 166—170.
1501. Русское православие. Вехи истории. С. 661; Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 310.
1502. Русское православие. Вехи истории. С. 661—662; Эллис Д. Указ. соч. С. 31—33.
1503. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? С. 236; Ильичев Л.Ф. Очередные задачи идеологической работы партии. Доклад на пленуме ЦК КПСС 18 июня 1963 г. М., 1963. С. 8, 9, 21—26, 46.
1504. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 486, л. 106, 112—116.
1505. РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 10, л. 205.
1506. Антицерковные гонения в Ленинградской епархии: 1958—1964. С. 137; Коммунист. 1964. № 1. С. 24.
1507. РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 72, л. 102—109, 112; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 529, л. 58.
1508. РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 72, л. 86, 87.
1509. Там же, л. 49—60.
1510. Православный вестник в Канаде. 1965. № 3. С. 7; РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 72, л. 47.
1511. ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 101, л. 34.
1512. РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 91, л. 21; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 529, л. 3—4; д. 567, л. 19; Алексеев В.А. Указ. соч. С. 233, 244; К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества). М., 1970. С. 61.
1513. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 201, л. 74, д. 263, л. 30—43, 48—52, д. 254, л. 33—87, д. 486, л. 113—116, д. 528, л. 26, д. 529, л. 3—4; РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 7, л. 2—28, д. 109, л. 70, д. 569, л. 50—84; РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 1, 21—28, 66, д. 91, л. 21; ЦГА СПб., ф. 9324, оп. 2, д. 37, л. 62—84, д. 60, л. 9—10.
1514. Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. С. 123—124.
1515. Устное свидетельство Э. Лисавцева автору книги в 1994 г.
1516. РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 72, л. 141—149.
1517. Там же, л. 150—155.
1518. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? С. 200, 202; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 568, л. 9; ЦГА СПб., ф. 2017, оп. 1, д. 3, л. 62—64.
1519. Несколько вопросов о религии и о Церкви // Известия. 1966. 30 августа.
1520. Маслова И.И. Русская православная церковь и КГБ (1960—1980-е годы). С. 94.
1521. Там же.
1522. Там же. С. 95.
1523. Там же. С. 94.
1524. См.: Законодательство о религиозных культах. М., 1969.
1525. ЦГА СПб., ф. 2017, оп. 1, д. 11, л. 63—65, д. 27, л. 23—24.
1526. ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 361, л. 43.
1527. Там же, д. 360, л. 218, д. 368, л. 23, д. 537, л. 9—10.
1528. Там же, д. 544, л. 32—54.
1529. ЦГА СПб., ф. 2017, оп. 1, д. 33, л. 41—50, д. 34, л. 24, 131—132.
1530. Юревич Д. Синдесмос и Санкт-Петербургские духовные школы // Христианское чтение. 1999. № 18. С. 33—35.
1531. См.: ЖМП. 1970. № 1. С. 5.
1532. Пимен (Извеков Сергей Михайлович), Патриарх Московский и всея Руси. Родился 10.07.1910 в г. Богородске Московской губ. в семье рабочего, после окончания средней школы переехал в Москву. В 1927 — принял монашеский постриг, руководил хорами в разных храмах Москвы. В 1932 — призван на военную службу, был арестован и осужден. До 1941 — в лагере и ссылке в Узбекистане. Осенью 1941 — призван в армию, воевал на Южном и Степном фронтах в чине майора. В 1944 — арестован и осужден на 10 лет. В 1945 — освобожден по амнистии, вернулся к церковному служению. В 1949—1954 — наместник Псково-Печерского монастыря

в сане архимандрита. В 1957 — хиротонисан во епископа Балтского. В 1961—1963 — митрополит Ленинградский, в 1963—1971 — митрополит Крутицкий и Коломенский. 2.06.1971 избран Патриархом. Скончался 3.05.1990, похоронен в крипте Успенского собора Троице-Сергиевой лавры.

1533. *Одинцов М.И.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 18—19.
1534. ГАРФ, ф. 6991, оп. 5, д. 637, л. 44—46.
1535. *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 21—22.
1536. Пимен (Извеков) — последний «советский» патриарх. / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 1. С. 42—43; ГАРФ, ф. 6991, оп. 5, д. 801, л. 21—24.
1537. ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 368, л. 11—14, 55.
1538. Там же, л. 16.
1539. *Постеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 335—336.
1540. ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 368, л. 2.
1541. Вече. 1971. № 2. С. 2—4; Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая — 2 июня 1971 г. Документы, материалы, хроника. М., 1972.
1542. *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 21.
1543. Там же. С. 27.
1544. *Маслова И.И.* Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская Православная Церковь (1965 — 1991 г.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 53.
1545. Там же. С. 53—54.
1546. Там же. С. 55—56.
1547. Там же. С. 56; РГАНИ, ф. 89, оп. 18, д. 97, л. 1—2.
1548. *Маслова И.И.* Указ. соч. С. 57.
1549. Пимен (Извеков) — последний «советский» патриарх. С. 51.
1550. *Маслова И.И.* Указ. соч. С. 57—58.
1551. Там же. С. 58.
1552. Вестник Русского христианского движения. 1981. № 135. С. 220—249.
1553. Пимен (Извеков) — последний «советский» патриарх. С. 51—52.
1554. *Урушадзе Г.* Указ. соч. С. 192.
1555. РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 37, л. 176.
1556. *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 29.
1557. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 51, д. 203, л. 19—21.
1558. Там же, оп. 53, д. 194, л. 271—273.
1559. ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 1759, л. 21—31.
1560. Там же, оп. 5, д. 2716, л. 69.
1561. Устное свидетельство Э. Лисавцева автору книги в 1994 г.
1562. Сорок сороков. С. 19, 268—269; Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. С. 344.
1563. Устное свидетельство Э. Лисавцева автору книги в 1994 г.
1564. *Урушадзе Г.* Указ. соч. С. 214—215.
1565. Там же. С. 192—193.
1566. *Марченко Алексей, протоиерей.* «Хрущевская церковная реформа». Очерки церковно-государственных отношений (1958—1964 гг.) (по материалам архивов Уральского региона). Пермь, 2007. С. 173.
1567. Там же. С. 194—196.
1568. Пимен (Извеков) — последний «советский» патриарх. С. 56—58.
1569. *Марченко Алексей, протоиерей.* Указ. соч. С. 82.
1570. *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 43.
1571. *Урушадзе Г.* Указ. соч. С. 199—200.
1572. Там же. С. 201—202.
1573. Эпискепис (Стамбул). № 33 № от 1 марта 1985 г.
1574. *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 42.
1575. Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Ред. К. Каарийнена, Д. Фурмана. М.; СПб., 2007. С. 160; Известия. 1992. 2 марта.
1576. Устное свидетельство Э. Лисавцева автору книги в 1994 г.
1577. *Маслова И.И.* Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская Православная Церковь (1965 — 1991 г.). С. 59—61.
1578. Там же. С. 61.

1579. Там же. С. 61—62.
1580. Там же. С. 62—63; *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 164.
1581. Правда. 1988. 30 апреля.
1582. Алексей (Ридигер Алексей Михайлович), Патриарх Московский и всея Руси. Родился 23.02.1929 в г. Таллине (Эстония) в семье будущего священника, дворянин. В 1944 — стал старшим иподиаконом у архиеп. Нарвского Павла (Дмитровского). В 1949 окончил Ленинградскую Духовную семинарию и в 1953 — Ленинградскую Духовную академию. 15.04.1950 рукоположен во диакона, 16.04.1950 — во священника, назначен настоятелем Богоявленского храма г. Иыхви. 17.08.1958 возведен в сан протоиерея, 3.03.1961 принял монашеский постриг. 21.08.1961 возведен в сан архимандрита, 3.09.1961 хиротонисан во епископа Таллинского и Эстонского. 14.11.1961 назначен заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений. 23.06.1964 возведен в сан архиепископа, 22.12.1964 назначен управляющим делами Московской Патриархии и постоянным членом Синода, с 7.05.1965 г. являлся председателем Учебного комитета, а с 10.03.1970 — и председателем Пенсионного комитета. 25.02.1968 возведен в сан митрополита, 29.07.1986 назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским с поручением управлять Таллинской епархией. 7.06.1990 избран Патриархом, 10.06.1990 состоялась интронизация. Скончался 5.12.2008. Похоронен в Богоявленском Елоховском соборе, в южном, Благовещенском приделе.
1583. Канцелярия С.-Петербургской епархии, д. Казанская церковь Валаамского подворья, л. 106—110.
1584. Там же, л. 99—102; *Деткуев Б.Ф.* Возрождение Валаама // Валаамский монастырь: духовные традиции, история, культура. СПб., 2004. С. 23—24.
1585. Канцелярия С.-Петербургской епархии, д. Казанская церковь Валаамского подворья, л. 147—152, 224.
1586. Там же, л. 103, 167—170; *Деткуев Б.Ф.* Указ. соч. С. 24—25.
1587. Устав об управлении Русской Православной Церкви. Специальный выпуск Московской Патриархии. М., 1988.
1588. См.: Поместный Собор Русской Православной Церкви. М., 1990.
1589. *Одинцов М.И.* Указ. соч. С. 46—47.
1590. Пимен (Извеков) — последний «советский» патриарх. С. 62.
1591. ЖМП. 1990. № 1. С. 11—12.
1592. Архив С.-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 20, д. 2 доп., оп. 10, д. 6.
1593. Пимен (Извеков) — последний «советский» патриарх. С. 65—66.
1594. *Фирсов С.А.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 570—573.
1595. См.: *Илющенко В.И.* Отец Александр Мень: жизнь и смерть во Христе. М., 2000; *Бычков С.* Хроника нераскрытого убийства. М., 1996; *Масленникова З.* Жизнь отца Александра Менья. М., 1995.
1596. Независимая газета. 1992. 10 июня.
1597. *Маслова И.И.* Указ. соч. С. 63—64.
1598. *Цыгин Владислав, протоиерей.* История Русской Церкви. 1917—1997. М., 1997. С. 494.
1599. См.: Собрание постановлений правительства СССР. 1991. № 8. Ст. 32, № 11. Ст. 49.
1600. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 50. Ст. 1421.
1601. Партии, движения, союзы России с религиозными приоритетами. Документы и тексты. М., 1993. С. 134—136.
1602. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в начале 1990-х гг. СПб., 1994. Рукопись. С. 1.
1603. *Маслова И.И.* Указ. соч. С. 63.
1604. *Шумило С.В.* Вселенское «единство», или На пути к новым расколам // Русский Вестник. 1996. № 27—28. С. 7.
1605. Религия и конфликт / Ред. А. Малащенко и С. Филатова. М., 2007. С. 47—48.
1606. *Однорал А.А.* Указ. соч. С. 38.
1607. *Якунин Г.* Подлинный лик Московской Патриархии. М., 2000. С. 14; *Его же.* Исторический путь православного тагибанства. М., 2002. С. 55—56.
1608. *Полосин В.* Вечный раб ЧК. Известия. 1992. 22 января.
1609. Русская мысль. 1992. 24 апреля; Российская газета. 1992. № 52. С. 7.
1610. См.: ЖМП. 1991. № 10.
1611. Огонек. 1992. № 18—19. С. 12—13.

1612. Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. С. 162—163.
1613. Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991). Т. 2. М., 1995. С. 430—431.
1614. Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 2.
1615. Там же. С. 2.
1616. Партии, движения, союзы России с религиозными приоритетами. С. 6—60.
1617. Там же. С. 69—85.
1618. Там же. С. 86—122.
1619. Однорал А.А. История церковных разделений. С. 42—43.
1620. Религия и конфликт. С. 16.
1621. Сафонов В. На самарской земле // ЖМП. 1999. № 12. С. 41.
1622. Религия и конфликт. С. 17.
1623. ЖМП. 2000. № 1. С. 24.
1624. Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 3.
1625. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1995. С. 282—283; Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. Некролог // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 1996. Вып. 15. С. 3—6; Владыка. СПб., 2005.
1626. Московские новости. 1994. Апрель.
1627. Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 4.
1628. Московские новости. 1994. Апрель.
1629. Одинцов М.И. Указ. соч. С. 167.
1630. Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. С. 167.
1631. Цытин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. 1917—1997. С. 539—540.
1632. Там же. С. 527—528.
1633. Там же. С. 535—536.
1634. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. СПб., 2006. С. 97.
1635. Цытин Владислав, протоиерей. Русская Православная Церковь в новейший период. 1917—1999 гг. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 167—169.
1636. Кашеваров А.Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: Очерки истории. СПб., 2004. С. 111—113.
1637. Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к приходским советам храмов Москвы на епархиальном собрании 15 декабря 2000 г. М., 2001. С. 11.
1638. См.: Русская Церковь на рубеже веков. Юбилейный Архиерейский Собор Московской Патриархии. М., 2001.
1639. Там же.
1640. Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России / Ред. С.Б. Филатов. М.; СПб., 2002. С. 285, 472—473, 478 и др.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
------------------	---

Глава I

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ И ГОНЕНИЙ НА ВЕРУ.....	45
§ 1. Российская Православная Церковь в начале XX века.....	45
§ 2. В огне Гражданской войны. Начало гонений.....	60
§ 3. Время расколов и нестроений.....	93
§ 4. На краю гибели.....	118

Глава II

ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	129
§ 1. Положение Русской Церкви накануне Великой Отечественной войны (1939—1941 гг.).....	129
§ 2. Патриотическая деятельность Московской Патриархии.....	144
§ 3. Религиозное возрождение на оккупированной территории СССР.....	157
§ 4. Ликвидация обновленческого и григорианского расколов.....	199
§ 5. Религиозная политика Советского государства в годы войны.....	208

Глава III

ЦЕРКОВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В СССР.....	223
§ 1. Иосифлянское движение.....	223
§ 2. Катакомбное движение.....	241
§ 3. Религиозные диссиденты.....	264

Глава IV

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ.....	283
§ 1. Русская Православная Церковь в центре «большой политики».....	283
§ 2. Ослабление внешнеполитической активности Московской Патриархии.....	297
§ 3. Новая активизация международной деятельности Русской Церкви.....	303
§ 4. Развитие внешних связей Патриархии перед распадом СССР.....	319

Глава V

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1945—1964 гг.	339
§ 1. Временное «перемирие» 1945—1953 гг.	339

§ 2. Укрепление позиций Московской Патриархии — 1953—1957 гг.....	350
§ 3. Снова «война» — 1958—1964 гг.....	359

Глава VI

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА	383
---	-----

§ 1. Церковная жизнь в последние десятилетия советской власти	383
---	-----

§ 2. Изменение государственно-церковных отношений в годы перестройки.....	398
--	-----

§ 3. Возрождение Русской Православной Церкви в 1990-х гг.	410
--	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	424
-----------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ.....	429
-----------------	-----

ПРИМЕЧАНИЕ.....	432
-----------------	-----

Научно-популярное издание

Шкаровский Михаил Витальевич

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XX ВЕКЕ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Л.В. Суркова*

Верстка *И.В. Резникова*

Художественное оформление *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

ООО Издательство «Лепта Книга»

125368, Москва, ул. Барышиха, д. 19

Подписано в печать 25.12.2009. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «LazurskiC». Печ. л. 30.

Тираж 4000 экз. Заказ № 18.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

XX век оказался одним из самых сложных, драматичных и трагичных периодов существования России. История Русской Православной Церкви в советскую эпоху была, прежде всего, историей беспрецедентных со времен преследований христиан в первые века нашей эры гонений за веру. В то страшное время было закрыто подавляющее большинство храмов, упразднены все монастыри, разрушена система духовного образования, уничтожены миллионы книг религиозного содержания, разграблено, сожжено или распродано за границу множество ценных икон, уникальная церковная утварь, и таким образом нанесен огромный, фактически невозполнимый урон Русской Церкви. Только сталинские репрессии 1930-х годов унесли жизни сотен тысяч православных священнослужителей и мирян. В этих условиях особенное значение имело мужественное стояние за Веру Христову целого сонма новомучеников и исповедников. И нынешнее возрождение России происходит в значительной степени благодаря крови, пролитой новомучениками. Книга петербургского историка церкви М. Шкаровского посвящена изучению и осмыслению трагического опыта Русской Православной Церкви в XX веке.

ISBN 978-5-9533-2963-7

9 785953 329637

